

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

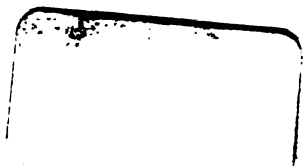
О программе Поиск книг Google

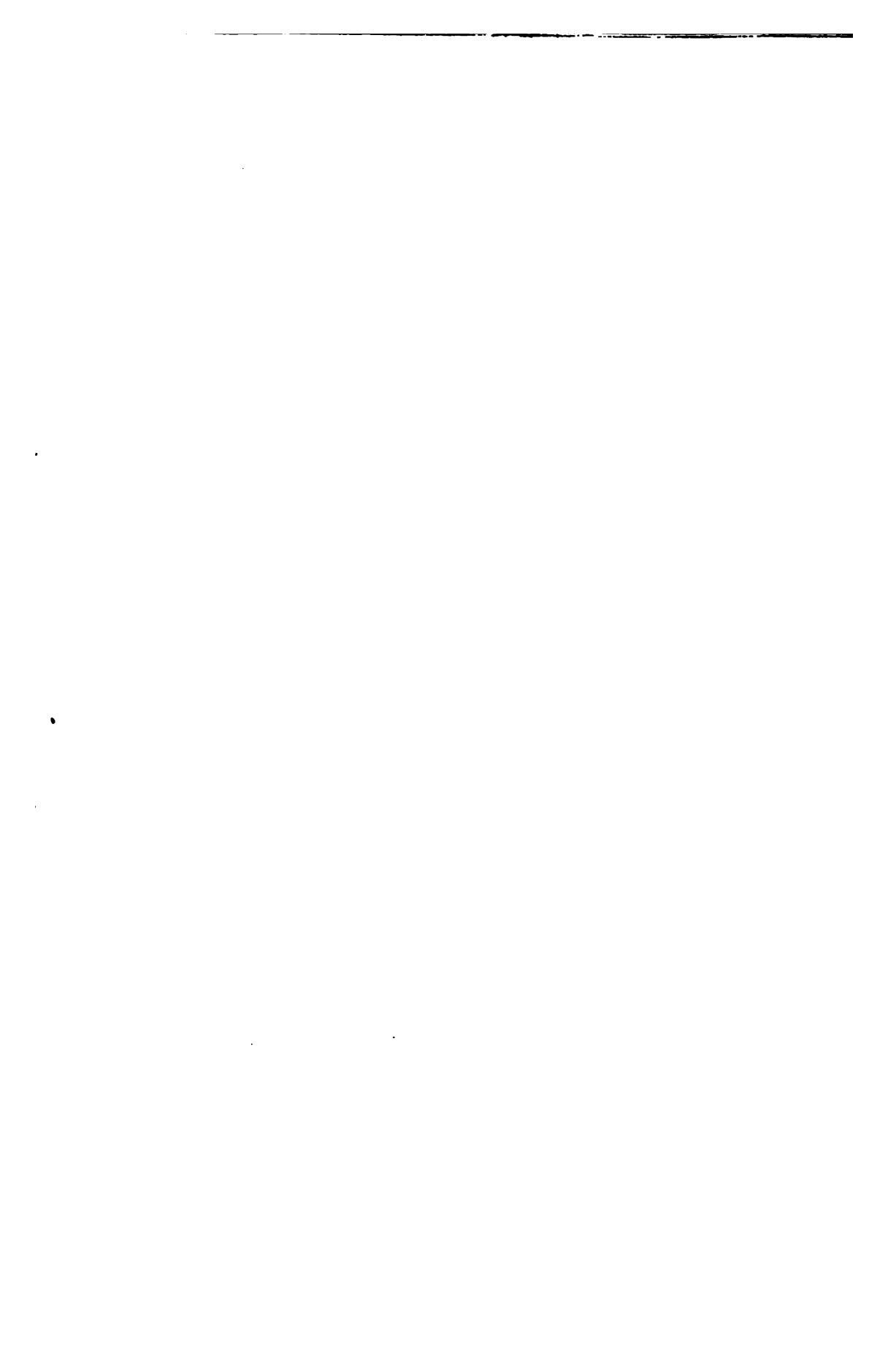
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PSlaw 176.25

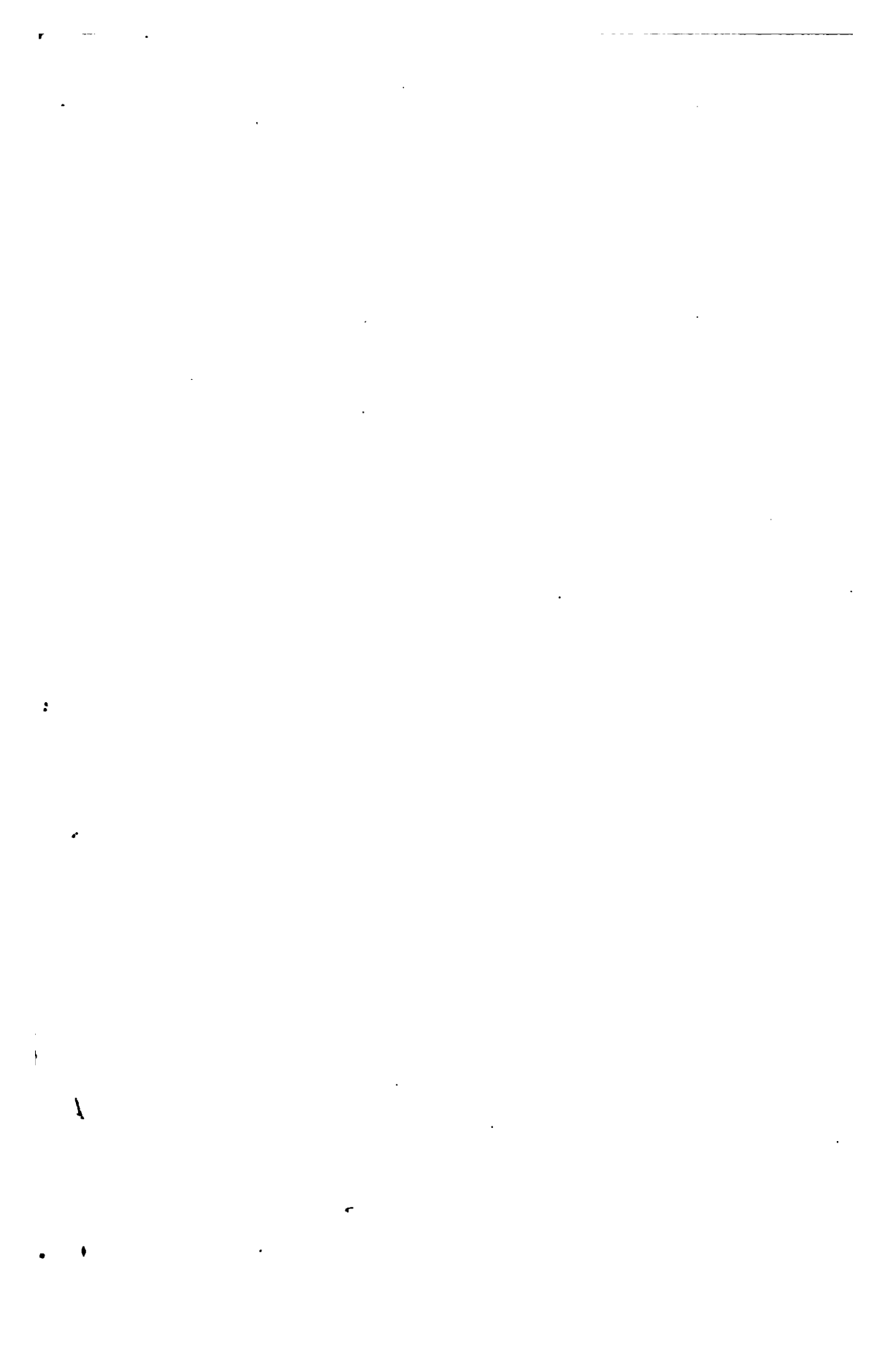
HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

VESTNIK
ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI $\frac{6}{1878}$ "

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПРЕДЪ ЗАРЕЮ.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И влубатся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...

Не грусти, что во шрабѣ ночномъ
Люди сладкимъ повоются сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ,
Или злое ворчаніе псовъ:
Это сонъ, это лай—предъ зарею...

II.

СРЕДИ МОГИЛЬ.

Я не скорбѣть пришелъ о бренности людской
 Подъ тѣнь березъ твоихъ, знакомое кладбище..
 Ищу я отдыха отъ скуки городской
 И пошлости, и лжи. Здѣсь сонный воздухъ чище,
 И добрый богъ весны всѣ насыпи могилъ
 Цвѣтами свѣжими роскошно испестрилъ.

Мнѣ хорошо средь васъ, забытыя гробницы!
 Ложь править въ городахъ, здѣсь истина царить.
 Я будто вырвался на волю изъ темницы,
 Здѣсь всякій камень мнѣ о счастьѣ говорить...
 Да, кто людей постигъ, кто любить и страдаетъ,
 Тотъ смерти тайный зовъ безъ робости встрѣчаетъ.

Потомки обезьянъ и предки червяковъ,
 Мы счастливы лишь тѣмъ, что всѣхъ насъ ждетъ забвенье.
 Живи, трудись, страдай и не страшись враговъ:
 Тотъ въ битвѣ смѣлъ, кому свободно отступленье.
 Мы можемъ досыта рѣзвиться и играть:
 За нами смотреть смерть, какъ любящая мать...

Играй, дитя! Играй въ науку, въ честь, въ свободу,
 Бѣги за мотылькомъ, что славою зовутъ,
 Играй въ бессмертіе, играй въ любовь къ народу,
 Играй! Тебѣ готовъ и отдыхъ, и приютъ.
 И если будешь ты играть умно, безъ лѣни,
 То прахъ твой мраморомъ придавать безъ сомнѣній...

III.

МОЯ ВѢРА.

Былъ я набожнымъ ребенкомъ,
Вѣрилъ въ Господа, какъ надо:
Что Господь—небесный пастырь,
И что мы—земное стадо.

Ахъ! О пастырѣ небесномъ
Я забылъ въ своей гордынѣ,
Но тому, что люди—стадо,
Вѣрю набожно и нынѣ!

Н. Минскій.

ФОТІЙ СПАССКІЙ

ЮРЬЕВСКІЙ АРХИМАНДРИТЬ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

О Фотіѣ въ послѣднее время писалось не мало: мы имѣемъ въ печати не только массу собранныхъ матеріаловъ для его исторіи, но и цѣлыя монографіи по этому предмету. Однако и въ совокупности взятые всѣ опубликованные матеріалы и изслѣдованія относительно Фотія, его времени, его вліянія на поворотъ, совершившійся во вторую половину царствованія Александра I-го, представляютъ все еще много пробѣловъ, много не выясненныхъ сторонъ какъ относительно дѣла Фотія, такъ и самой его личности, что зависѣло главнымъ образомъ отъ неполноты и отрывочности данныхъ; въ этомъ сознаются сами изслѣдователи этой эпохи и жизнеописатели Фотія. Получивъ доступъ къ важнымъ и еще неизданнымъ въ свѣтъ матеріаламъ, собраннымъ притомъ въ рѣдвой полнотѣ и законченности, не только относительно личности Фотія и его церковно-общественной дѣятельности, но и всего движенія той интриги, которая повела къ паденію кн. Голицына и возвышенію Шишкова и Аракчеева, мы сочли своею обязанностью познакомить съ этими приобрѣтеніями публику въ видѣ обработанныхъ матеріаловъ для отечественной исторіи изъ второй половины царствованія Александра I-го.

Матеріалы для біографіи Фотія до сихъ поръ появлялись болѣею частію въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ русской старинѣ, именно въ «Чтеніяхъ Общ. исторіи и Др. руссійскихъ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Русской Старинѣ».

Такъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др.» были помѣщены: «Записки адмирала Шишкова» (1868 г. кн. III), извлеченія изъ записокъ Фотія, или его автобіографія, которую мы имѣли въ помомъ ея составѣ; «Описаніе Юрьевскаго монастыря» (1858 г. кн. II). Въ «Русской Старинѣ» за всѣ годы расбѣяны отрывочные матеріалы по тому же предмету, а за 1875 г. въ т. IV-мъ помѣщена монографія г. Карновича: «Архимандритъ Фотій, настоятель Н.—Юрьевскаго монастыря», причемъ авторъ пользовался, кромѣ печатныхъ источниковъ, нѣкоторыми рукописями и документами. Въ изслѣдованію приложенъ и портретъ Фотія. Въ «Русскомъ Архивѣ», также за всѣ почти годы, собрано много матеріаловъ относительно Фотія; такъ, здѣсь помѣщена біографія Лабзина (1866 г.), записка о крамолахъ въ Россіи (1868 г.), письма Фотія къ его брату (1871 г.), укорительное письмо къ Голицыну (1870 г.), извлеченія изъ записокъ Фотія; записка Фотія о севтахъ (1873 г.), испѣваніе Фотинны Павловны (1870 г.), письма кн. Голицына къ гр. Орловой (1869 г.) и другія. Затѣмъ въ «Вѣстникѣ Европы» много любопытнаго есть въ «Воспоминаніяхъ» Панаева (1867 г.), особенно въ изслѣдованіяхъ г. Дымина: «Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ» и др.; въ трудѣ г. Стоюнина «Адмиралъ Шишковъ». Затѣмъ матеріалы для исторіи этой эпохи находятся въ «Запискахъ о жизни Филарета» Н. Сушкова, въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля; въ соч. М. И. Сухомлинова «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи при Александрѣ I-мъ» (1866 г. Спб.); въ почтенномъ историческомъ изслѣдованіи Е. М. Щокистова «Магницкій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи»; въ статьѣ академика Никитенко о Галичѣ (въ «Ж. Мин. Нар. Пр.»); въ трудѣ А. Галахова: «Обзоръ мистической литературы въ ц. Александра I-го» (въ «Ж. Мин. Нар. Пр.»). Въ трудахъ доктора И. А. Чистовича: «Исторія С.-Петербургской духовной Академіи»; «Очеркъ исторіи перевода библіи на русскій языкъ»; «Въ память М. М. Сперанскаго». Что касается сочиненія Елачина «Жизнь гр. А. Орловой-Чесменской», то оно представляетъ, очевидно, пристрастно написанную апологію. Наконецъ, въ «Трудахъ Киевской дух. Академіи» за 1875 г. (февр. и іюнь) мы находимъ монографію г. К. Попова «Юрьевскій арх. Фотій и его церковно-общественная дѣятельность». Нѣкоторыя фактическія погрѣшности въ этомъ трудѣ и неполнота его обусловливались недостаткомъ матеріаловъ; авторъ пользовался только печатными источниками, но изучалъ ихъ съ полнымъ вниманіемъ и отнесся къ предмету съ полнымъ безпристрастіемъ.

Всѣмъ этимъ мы намѣрены воспользоваться въ нашемъ опытѣ, но главною и существенною его опорою будутъ служить *рукописи*, заключающія въ нѣсколькихъ томахъ новыя матеріалы для жизнеописанія Фотія и для характеристики его эпохи. Всѣ эти рукописи принадлежали первоначально гр. Аннѣ Орловой-Чесменской, частію писаны, а частію исправлены самимъ Фотіемъ; кромѣ того, въ рукописяхъ мы нашли собственноручныя замѣчанія на поляхъ арх. Филарета Черниговскаго и Иннокентія Херсонскаго.

На первомъ мѣстѣ поставимъ собраніе рукописей въ трехъ большихъ томахъ, озаглавленное: «Повѣствованія св. арх. Фотія о своей жизни и дѣятельности». Въ 3-хъ кн. рип. in folio, въ богатомъ саф. перепл., съ надписью: гр. А. А. О.-Ч. (гр. Анны А. Орловой-Чесменской).

I-й томъ носить такое заглавіе: «Повѣствованіе о. Фотія о родѣ его, воспитаніи домашнемъ, училищномъ, о состояніи и житіи его въ должности учителя въ Петербургѣ, и о прочихъ прикосновенныхъ обстоятельствахъ и лицахъ (84 л.).

II-й томъ: «О горькомъ житіи, бытіи Фотія во вся лѣта ангельскаго жительства, дѣвственнаго, иноческаго, въ санѣ священства, законоучительства, начальника, священно-игумена, священно-архимандрита; о всѣхъ происшествіяхъ вѣры и церкви, бывшихъ въ тѣ лѣта, о дѣлахъ, подвигахъ, бывшихъ за православіе предъ владыками и царями, о паденіи владычества зловѣрныхъ и торжествѣ православія» (204 л.).

III-й томъ: «О дѣйствіяхъ, успѣхахъ за православіе, за церковь, вѣру Христову; посланіяхъ и писаніяхъ противъ ересей, тайныхъ обществъ всякихъ злыхъ антихристіанствъ, противъ нововведеній вредныхъ, духовнаго министерства, библейскаго общества, и о прочихъ обстоятельствахъ, служившихъ къ побѣдѣ по православію черезъ 1824-е лѣто» (л. 163).

Такимъ образомъ, рукописи эти представляютъ *автобіографію* Фотія, обнимающую періодъ времени отъ первоначальнаго воспитанія Фотія по 1825 годъ, слѣдовательно, по годъ смерти Александра I-го, заканчивающую и церковно-общественную дѣятельность самого Фотія. Изъ общаго заглавія рукописей уже видно, что Фотій не ограничивался только личнымъ жизнеописаніемъ, но обстоятельно излагалъ и современную ему эпоху съ ея дѣятедми.

Какъ увидимъ ниже, Фотій въ ту эпоху, когда онъ писалъ свою автобіографію, смотрѣлъ уже на себя, какъ на орудіе для высшихъ цѣлей Промысла, вызванное Провидѣніемъ для спасенія

погибающей Россіи, — какъ на посланника Божія, при чемъ сквозь грубую хламиду личной приниженности и самоуничженія сквозида гордая самоувѣренность въ своей силѣ, неотразимой энергіи, даже умѣ (на что Фотій менѣ всего могъ имѣть притязанія) и нравственномъ превосходствѣ. Подъ такимъ самовозрѣніемъ совершенно естественно, что Фотій всякую мелочь возводитъ уже въ событіе и во всемъ видитъ «персть Божій», «призваніе свыше». Отдѣлать вдолгѣ плевелы отъ зерна тутъ довольно трудно; но тѣмъ не менѣ автобіографія разоблачаетъ передъ нами всю *систему* и махинаціи той партіи, которая является преобладающею въ послѣдній періодъ царствованія Александра I-го. Здѣсь съ рѣдкою откровенностію указаны всѣ *средства*, какими добивались своихъ цѣлей Фотій и его сподвижники и которыми они сумѣли опутать многихъ. Автобіографія начинается *введеніемъ*, въ которомъ излагаются мотивы труда, характеръ его и цѣль. Какъ и вся автобіографія, введеніе отличается напыщенностію, высокопарностію, которая особенно мало вяжется съ предметомъ разсказа въ тѣхъ случаяхъ, когда Фотій впадаетъ въ довольно циническія описанія.

Авторъ говоритъ, что «горькое бытіе и слезное житіе свое», «по низкости и презрѣнности рода своего, онъ не рѣшился бы изобразить», но принялся за трудъ, уступая слезамъ ея свѣтлости, «слезамъ любви» дѣвицы, «сіяющей знатностію рода, имени, извѣстной всѣмъ вѣроу, благочестіемъ и святостію житія», — тутъ разумѣется гр. А. Орлова-Чесменская, составившая Фотію положеніе и силу своимъ вліяніемъ. Далѣе авторъ излагаетъ характеръ своего жизнеописанія. Печальный тонъ его обуславливается печальною жизнью автора, который, впрочемъ, пишетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ и въ концѣ впадаетъ въ тонъ самоосужденія, признаваясь, что «ничего благаго» онъ не сотворилъ. Это однакоже не мѣшаетъ ему описывать всѣ мелочи и подробности даже своего младенчества. Далѣе идетъ «продитіе слезъ горести» о многихъ скорбяхъ, испытанныхъ Фотіемъ, и, обращаясь къ «дѣвицѣ», авторъ говоритъ: «все опишу тебѣ и *собственно для тебя*, а не для кого-иного. Ты же, когда хочешь, держи его (Фотія) слезы, читай и вся *славы на сердцѣ своемъ*». О слезахъ говорится на трехъ страницахъ; далѣе излагается, что при слезахъ, Фотій «Христа ради за вѣру и св. церковь много пріялъ искушеній и скорбей до конца житія своего на землѣ». Но въ заключеніи самоуничженіе уступаетъ мѣсто самемнѣнію. «Подробно всего, говоритъ онъ, описать не возможно, такъ мною въ его жителствѣ было *достопамятнаи и великаю*»; и даже заяв-

ляетъ, что «угодна душа его была Богу». Итакъ; по собственному признанію, Фотій не только *замѣчательный* человекъ, жизнь котораго переполнена великими и достопамятными событіями, но и *праведникъ*...

Вторымъ источникомъ для насъ служило единственное «Собраніе актовъ и документовъ революціонныхъ и другихъ бумагъ въ копіяхъ, которыя были въ дѣйстви противъ еретиковъ и отступниковъ во время дѣйствованія арх. Фотія за церковь православную въ 1822, 1824, 1825 и 1826 гг. и прочія времена. Оныя бумаги заключаютъ въ себѣ или ереси и нечестіе, или опроверженіе и были представлены при особыхъ посланіяхъ и представленіяхъ на Высочайшее усмотрѣніе». Рукоп. въ листъ, въ 2-хъ большихъ томахъ, съ надп. на переплетѣ «Повѣствованіе А. Ф.» съ помѣтами самого автора въ текстѣ и на поляхъ. Въ *первой* книгѣ 46 документовъ на 166 листахъ; во *второй* книгѣ 38 документовъ на 283 листахъ. Роскошный сафьянный переплетъ украшенъ золотыми тисненіями, какъ и другіе томы.

Авторъ говоритъ, что «здѣсь собрано было *все*, что возможно было собрать для изображенія великой борьбы съ духомъ времени, въ подлинныхъ бумагахъ и отчасти въ копіяхъ, такъ какъ подлинныя бумаги представлялись государю и оставались въ его тайномъ кабинетѣ». Въ бумагахъ, впрочемъ, нѣтъ опредѣленной системы, даже хронологія ихъ не выдержана. Собраніе это можно признать драгоценнымъ и единственнымъ, такъ какъ доселѣ только немногія изъ находящихся здѣсь документовъ появились въ печати, а между тѣмъ они заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для характеристики не только Фотія и его дѣла, но и всей эпохи. Видна особая заботливость въ собиратель; всѣ бумаги очень четво и даже красиво переписаны, пересмотрѣны лично Фотиємъ, въ иныхъ мѣстахъ снабжены дополненіями и поправками. По всему видно было, что Фотій придавалъ особенную цѣнность этому собранію документовъ съ изложеніемъ той борьбы, въ которой принималъ онъ самое живое и дѣятельное участіе.

Третья рукопись носить названіе: «Сказаніе о жизни, трудахъ и успеніи Фотія», изъ воспоминаній веліарха юрьевской при Фотіѣ обители.

Имя автора сказанія неизвѣстно (конечно, въ документахъ Юрьева монастыря оно значитса). Вотъ что разсказывается въ рукописи объ ея авторѣ и его отношеніяхъ къ Фотию. Авторъ говоритъ о себѣ, что онъ изъ іеромонаховъ Соловецкаго монастыря. Неизвѣстно, что его привлекло въ Москву; но здѣсь,

«бывъ слышанъ о подвигахъ и добродѣтельной жизни» Фотія, онъ захотѣлъ повидѣть его и даже временно пріютиться подъ его кровомъ. Дѣло было осенью; іеромонахъ, взявъ съ собою спутникомъ іеродіакона, отправился въ путь и едва добрался до обители 5 окт. 1829 г., большой, утомленный.

Въ монастырѣ онъ повстрѣчалъ Фотія, «который былъ одѣтъ въ двухъ шубахъ, въ бобровой на головѣ шапкѣ, съ длинными ушами, въ рукахъ имѣлъ дубовый костыль, на ногахъ калоши». «Кто ты такой и откуда?—спросилъ Фотій,—зачѣмъ пришелъ?» Когда старецъ объяснилъ то и другое и просилъ благословія, то Фотій «вмѣсто благословія, взявши меня за рукавъ, — пишетъ авторъ «Сказанія»,—повернулъ обратно къ дверямъ и сказалъ: «голодныхъ не благословляютъ». Спутника же его благословилъ. Старикъ говоритъ, что онъ дѣйствительно съ болѣзни и съ дороги отоцалъ, и слова Фотія принялъ за превослывость, только одежда Фотія ему показалась «странною».—Обоихъ путниковъ пріютилъ уже настоятель; но іеродіакона такъ озадачилъ пріемъ Фотія, что онъ не согласился остаться въ монастырѣ; «что мнѣ дѣлать у такого сумасшедшаго (т.-е. настоятеля)? — сказалъ онъ—и отправился во-свои». А большой іеромонахъ остался и вечеромъ былъ принятъ ласково Фотіемъ, который, узнавъ о его болѣзни, велѣлъ дать ему поудобнѣ келію и даже предложилъ своего врача (Соколовскаго). Старикъ совсѣмъ захворалъ и долго былъ между жизнью и смертью. Фотій далъ ему прислугу, провѣдывалъ его самъ и присылалъ пищу отъ своего стола. Когда старикъ началъ выздоравливать, ему предложили подписать написанную по распоряженію Фотія отъ имени іеромонаха бумагу, съ просьбой о принятіи въ число братства юрьевской обители навсегда. «Будучи столько облагодѣтельствованъ, — пишетъ авторъ «Сказанія» — не могъ я и подумать, чтобы не подписать прошенія», тѣмъ болѣе, что и ранѣе «въ душѣ считалъ Фотія необыкновеннымъ человѣкомъ». Такъ и остался онъ въ монастырѣ, гдѣ по выздоровленіи былъ поставленъ веллархомъ, потомъ уставщикомъ, а наконецъ и духовникомъ, причемъ онъ сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ и довѣреннымъ лицомъ Фотія, у котораго онъ постоянно бывалъ, «а особенно вечеромъ съ рапортованіями», причемъ иногда оставался ужинать у Фотія съ другими довѣренными лицами.

Такимъ образомъ, авторъ «Сказанія» былъ очень близокъ къ Фотію, зналъ всю его домашнюю жизнь, и въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ довѣрія; но въ то же время онъ самъ откровенно заявляетъ, что смотрѣлъ на Фотія какъ на человѣка не-

обыкновеннаго и даже праведнаго. Очень естественно, что темныя стороны жизни Фотія не могли найти себѣ мѣсто въ «Сказаніи», а потому односторонность и неполнота его очевидны. Тѣмъ не менѣе нѣтъ повода заподозривать истинность разсказа очевидца о томъ, что онъ самъ зналъ и записалъ. Все передаваемое въ «Сказаніи» согласно съ тѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ Фотія, объ его духѣ и дѣятельности изъ другихъ источниковъ; съ другой стороны, простодушный тонъ разсказа и его очевидная непосредственность ручаются за его искренность и правду. Рукопись написана скорописью и довольно безграмотно; повидимому, писатель ея былъ не изъ ученыхъ и писалъ «Сказаніе» для себя — въ навиданіе и память. «Сказаніе» келліарха обнимаетъ жизнь Фотія съ 1829 г. по самую его смерть.

Слѣдующая затѣмъ рукопись, которою мы пользовались, составляетъ особый томъ подъ заглавіемъ: «Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія, епископа пензенскаго, скончавшагося въ Божѣ 1819 г., написанное ученикомъ его духовнымъ и сыномъ, очевидцемъ *Фотіемъ* въ 1821 г.»

Рукопись эта (въ листъ) заключаетъ въ себѣ 59 листовъ, и важна въ томъ отношеніи, что выясняетъ отношенія Иннокентія къ Фотію.

Наконецъ, у насъ было подъ руками также рукописное «Огласительное Богословіе», составленное Фотіемъ, какъ учебное пособіе, въ бытность его законоучителемъ во II-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Всѣмъ извѣстно то религіозно-нравственное мистическое движеніе, которымъ ознаменовалась вторая половина царствованія императора Александра I-го. Что вызвало это движеніе? Въ чемъ заключалось существо его и *цѣли*? Чѣмъ оно окончилось и какіе плоды принесло? — вотъ вопросы, на которыхъ намъ необходимо остановиться хотя въ краткомъ очеркѣ, прежде нежели мы перейдемъ къ ближайшему предмету настоящаго труда. Отвѣтъ на эти вопросы важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что рѣшеніемъ ихъ опредѣляется не только то положеніе, какое Фотій занималъ въ этомъ движеніи, но и причины, вызвавшія борьбу противъ такъ-называемаго «духа времени» той эпохи.

Западно-европейскій мистицизмъ до 1815 г. имѣлъ уже свою исторію, и мы только примкнули къ ней въ эпоху Александра. Какъ будто утомленное крайностями матеріалистическихъ теорій и тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, какое вызвано было французскою революціей и закончилось общеевропейскою войною, европейское общество отдалось съ увлеченіемъ вліянію библей-

скаго піэтизма и мистицизма. Это была естественная реакція отрицательныхъ доктринамъ, которыя господствовали до того времени въ сознаниі общества. Аналогичное съ этимъ явленіе должно было произойти и у насъ. Увлеченіе Вольтеромъ уступило мѣсто вліянію мистиковъ. Разумѣется, все это движеніе касалось только высшихъ, образованныхъ слоевъ общества, такъ какъ масса народа русскаго коснѣла въ невѣжествѣ. Можно сказать, что для подобной реакціи въ нашемъ образованномъ тогдашнемъ обществѣ были положены основанія еще раньше. Уже Новиковъ и его школа стали на почву религіозныхъ и нравственно-практическихъ интересовъ, съ отбѣнкомъ піэтизма и мистицизма. Лабзинъ и Лопухинъ были послѣдователями Новикова и продолжателями его дѣла. Такимъ образомъ, мистицизмъ александровской эпохи является какъ реакція увлеченію отрицательно-матеріалистическими доктринами предыдущей эпохи и стоитъ въ связи съ подобнымъ же движеніемъ въ западно-европейскомъ обществѣ. Но у насъ были и другія, ближайшія причины этого движенія.

Начало царствованія Александра I-го, послѣ предшествующей ему эпохи, составляло эпоху возрожденія, пробужденія лучшихъ силъ Россіи того времени. Воспитавшись подъ вліяніемъ Екатерины Великой, при руководствѣ истинно-просвѣщенныхъ наставниковъ, проникнутый идеями гуманности, свободы, Александръ обѣщалъ и далъ Россіи свѣтлую эпоху внутренняго обновленія. Въ первыя 12 лѣтъ сдѣлано было не мало на пользу общества: преобразованы старыя и основаны новыя (харьковскій и казанскій) университеты, возстановленъ дерптскій университетъ (8 янв. 1802 г.); въ Ярославлѣ открытъ лицей, въ Петербургѣ педагогическій институтъ, въ Москвѣ — екатерининскій, въ Царскомъ Селѣ — основанъ лицей; данъ новый регламентъ академіи наукъ, преобразована академія художествъ, учреждена Публичная бібліотека, преобразованы среднія духовно-учебныя заведенія (1808 г.), с.-петербургская духовная академія (1809); положены новыя основанія для дѣла народнаго образованія; учреждены министерства; сдѣлана была даже попытка освобожденія крестьянъ (свободные хлѣбопашцы 20 февр. 1803 г.); даны новыя льготы печатному слову. Подъ вліяніемъ этого духа реформъ, общество пробудилось, ожило, и когда настало великое испытаніе для Россіи въ 1812 г., она съ честью и достоинствомъ выдержала его. Между тѣмъ, съ 1815 г. замѣчается въ Александрѣ I охлажденіе къ начатому дѣлу внутреннихъ преобразованій; замѣчается стѣсненіе того духа свободы, который еще недавно служилъ основою и характеромъ эпохи. Чѣмъ болѣе стѣснялось проявленіе духа сво-

боды, блѣднѣли интересы общественныя, ограничивалось печатное слово, тѣмъ сильнѣе сосредоточивались симпатіи мыслящаго общества на вопросахъ морали и религіи, куда не могло проникнуть никакое давящее и ограничивающее вліяніе. Направленіе это усиливалось тѣмъ болѣе, что находило себѣ поддержку въ высшихъ сферахъ и даже въ самомъ императорѣ. Такимъ образомъ, стѣсняемое въ своихъ внѣшнихъ стремленіяхъ и дѣятельности, русское образованное общество обращается къ внутреннему самосознанію и въ практическомъ рѣшеніи нравственно-религіозныхъ вопросовъ ищетъ себѣ исхода и успокоенія.

Не безъ вліянія на развитіе у насъ мистицизма была и народная война съ Наполеономъ. Послѣ страшныхъ потерь и опасеній, вопреки всѣмъ человѣческимъ замысламъ и расчетамъ, Россія была увѣнчана, какъ великая освободительница и примирительница Европы. Не только народъ, но и государь самъ видѣли въ этомъ непостижимые пути Промысла, Россія дано было тяжкое искушеніе, и когда она его вынесла, Провидѣніе вѣнчало ее славою. Современное общество не могло не видѣть здѣсь сверхъестественной, таинственной силы, которая посмѣивается человѣческимъ расчетамъ, избираетъ себѣ сосудъ скудельный и караетъ безбожіе въ его источникѣ. «Буря мятежа разрушила престолъ царя и алтари Христовы» во Франціи, которая думала овладѣть всѣмъ міромъ. Смиренная избранница Божія—Россія, съ «вроткимъ ангеломъ» во главѣ, «разнесла и унизила гордыню безбожія». Народъ смотрѣлъ на Наполеона—какъ на антихриста, на Александра—какъ на избавителя. Самъ государь смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе Провидѣнія, и мистическое чувство, подъ вліяніемъ всемірно-исторической роли, выпавшей на долю Благословеннаго, глубоко запало въ его душу. Настроеніе это сообщалось всему образованному русскому тогдашнему обществу и усиливало то мистико-религіозное движеніе, которое вызывалось уже и другими условіями тогдашней русской жизни.

Не менѣе существенною причиною возникновенія у насъ мистицизма въ эпоху Александра I-го слѣдуетъ привнать также холодный формализмъ тогдашней церкви. Обрядовая сторона, исполненіе внѣшнихъ требованій богомочтенія, особенно постовъ, нарушеніе которыхъ считалось преступленіемъ, наконецъ, неподвижность и замѣнутость ученія вѣры и нравственности, исключавшія всякую свободу мысли, все это не могло удовлетворить пробудившуюся мысль общества. Утомленное формализмомъ и жаждавшее внутренняго возрожденія, свѣтское образованное общество обратилось отъ внѣшней обрядности церковной жизни къ

существо религіи, къ непосредственному общенію и воссоединенію съ Богомъ,—что и составляетъ существо мистицизма. На первый планъ выдвинулись чисто-нравственные интересы, исканіе истины, свѣта, правды жизни. Идея церкви, освободившись отъ замкнутыхъ формъ, расширилась, обезразличилась въ смыслѣ вѣроисповѣдномъ и приняла чисто субъективную основу, дававшую широкой личности въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Одна крайность вызвала другую, неподвижная замкнутость формъ церковной жизни перешла въ полное ихъ отрицаніе. Вотъ почему мистицизмъ въ церковномъ отношеніи представлялъ у насъ своего рода реакцію односторонности церковнаго формализма.

Въ чемъ же заключалось существо и цѣли мистическаго движенія при Александрѣ I-мъ?

Довольно трудно кратко охарактеризовать все мистическое наше движеніе, такъ какъ оно представляло много сторонъ и разныхъ направленій. Собственно *мистицизмъ* есть религіозно-философское ученіе, которое признаетъ источникомъ и утвержденіемъ достовѣрности истиннаго познанія непосредственное созерцаніе или внутреннее чувство. Таково общее начало мистики. Разсудочная дѣятельность, методическая послѣдовательность сужденій, логическая строгость выводовъ, вообще научное изслѣдованіе уступаетъ мѣсто чувству и воображенію. Отсюда само-собой понятно, что *субъективизмъ* составляетъ основной характеръ мистицизма. *Созерцаніе* составляетъ основную форму мистическаго отроченія. Но такъ какъ созерцаніе требуетъ полной свободы созерцающаго, отрѣшенія его отъ условій чувственныхъ, то отсюда рождается въ мистикѣ *экстазъ* (*éxtase*), какъ-бы выходъ созерцающаго духа изъ матеріальныхъ обыденныхъ предѣловъ бытія, причемъ духъ не только входитъ въ сопрікосновеніе, но даже сливается съ безконечнымъ существомъ. Въ этомъ состояніи мистика думаетъ созерцать истину прямо, непосредственно, какъ мы видимъ глазами предметы міра вещественнаго. Въ примѣненіи къ религіи мистицизмъ представляетъ не столько доктрину, сколько дѣло жизни; однако и здѣсь въ немъ являются тѣ же элементы, что и въ мистикѣ философской. Сущность религіознаго мистицизма состоитъ во внутреннемъ общеніи съ божествомъ, внѣ всякихъ условныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ; цѣль же его—*воссоединеніе* чловѣка съ Богомъ, *возрожденіе* внутренняго существа чловѣка, во всей его первоначальной чистотѣ. Это возрожденіе путемъ созерцанія составляетъ существенный догматъ мистики. Самый процессъ возрожденія имѣетъ свои *степени*, соответственно которымъ и мистическія секты раздѣляли своихъ

адептовъ. Такъ какъ возрожденіе и истинное поклоненіе Богу, истинное христіанство и истинная церковь, по ученію мистиковъ, должно быть понимаемо въ духѣ и силѣ, во внутреннемъ значеніи, то съ мистической точки зрѣнія исчезаютъ и уничтожаются всѣ вѣроисповѣдныя различія, церковь обезразличивается. Общее единство всѣхъ христіанъ дѣлается возможнымъ даже при догматическихкихъ разностяхъ вѣроученія. «У Спасителя,—говоритъ органъ русскаго мистицизма,—мы не найдемъ никакихъ толковъ о догматахъ, а однѣ практическія аксіомы. Христосъ не требовалъ, чтобы всѣ право мыслили, но чтобы всѣ право поступали». Итакъ, мистическая церковь объемлетъ всѣ церкви христіанскія; очевидно, что самое понятіе «православія» утрачивало при этомъ свой смыслъ и значеніе. Отсюда же вытекало и отрицаніе *оптыней* церкви. Духовно возрожденные живутъ во Христѣ и молитвенный домъ ихъ — въ сердцѣ. Возрожденный творить добро силою духа обновленія, живущаго въ немъ. Имѣя непосредственное отношеніе съ божествомъ, человекъ не нуждается ни въ какомъ высшемъ посредствѣ, слѣдовательно, *іерарзія* церкви есть нѣчто совершенно излишнее, для спасенія не-
нужное.

Таковы существенныя основанія и цѣли того мистицизма, который съ чрезвычайнымъ успѣхомъ распространялся въ образованномъ обществѣ эпохи Александра I-го. Въ частности и практическихъ сторонахъ приложенія этого ученія были, конечно, различія у разныхъ сектъ, но основа у всѣхъ была общая. Между прочимъ, въ нѣкоторыхъ сектахъ (напр., въ «кораблѣ», на радѣніяхъ у Татариновой) преобладалъ экстазъ и притомъ въ грубо-чувственной формѣ; другія сосредоточивались на внутреннемъ созерцаніи.

Не слѣдуетъ забывать, что между лицами, сочувствовавшими мистицизму, находились люди высокаго образованія и положенія, какъ-то: Сперанскій, вн. Голицынъ, Филаретъ и др. Конечно, въ пониманіи этихъ лицъ мистицизмъ являлся свободнымъ отъ той односторонности, въ какую впадали послѣдователи его менѣ просвѣщенные. Въ понятіяхъ лучшихъ представителей мистицизма направленіе это являлось чисто нравственною системою, которая не исключала идеи православія и церкви. Характеристикою такого пониманія мистики могутъ служить воззрѣнія Сперанскаго, обладавшаго положительнымъ и глубокимъ умомъ, обширными познаніями и опытомъ жизни. Въ письмахъ къ Словцову (1813 г.) Сперанскій, такъ характеризуетъ главные моменты возрожденія водою, духомъ и огнемъ:

«Путь самоиспытанія (очищенія водою, путь Іоанна Предтечи) есть приготовленіе къ возрожденію. Затѣмъ начинается путь просвѣщенія или креста. Начатки (духовной жизни во Христѣ) бываютъ слабы. Христосъ рождается въ ясляхъ, отъ бѣдной, горькой Маріи. Одиѣ высшія, духовныя силы нашего бытія, ангелы и мудрые востока, знаютъ небесное Его достоинство: могутъ однако же и низшія душевныя силы, пастыри, ощутить сіе рожденіе, если они бдятъ и примѣчаютъ. Примѣчайте: всякая добрая мысль, всякое доброе движеніе воли есть и движеніе Христово. *Безъ Мене не можете творити ничесоже*. По мѣрѣ того, какъ вы будете примѣчать въ себѣ сіи движенія и относить ихъ къ Христу, въ васъ дѣйствующему, Онъ будетъ въ васъ возрастать и, наконецъ, вы достигнете того счастливаго мгновенія, когда въ состояніи будете ощущать Его съ такою живостію, съ такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ въ дѣйствительномъ Его пришествіи, что съ непостижимою радостію скажете: такъ точно, это Онъ, Господь мой и Богъ мой».

Говоря далѣе о царствіи Божіемъ внутри насъ, Сперанскій разъясняетъ, что оно наступаетъ, когда человекъ оставляетъ всѣ разсужденія ума и чувствуетъ потребность совершать божественное:

«Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ, помимо всякихъ образовъ, всякаго размышленія, всякаго осязательнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ: не думаешь ни о чемъ; умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ, представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ—потому, что оно безусловно и что оно не опирается ни на что въ особенности. Тогда-то вступаешь въ сумракъ тьмы. Тогда-то не знаемъ болѣе ничего и ждемъ вѣчнаго свѣта непосредственно свыше, и если упорствуемъ въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ этотъ нисходитъ и царствіе Божіе раскрывается. Но что же такое царствіе Божіе, въ чемъ состоитъ оно? Никто не можетъ ни описать вамъ его, ни дать о немъ понятія. Его чувствуешь, но оно несообщимо.

«Въ этомъ-то состояніи начинается раскрываться внутреннее слово; это-то состояніе собственно называется состояніемъ благодати. Это состояніе служитъ исходомъ ученію Іисуса Христа и лишь это состояніе Онъ пришелъ возвѣститъ и уготовать намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою), составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ путь, но не есть путь.

«Это же состояніе называется собственно мистическимъ богословіемъ. Это не книжное ученіе. Наставникъ въ немъ самъ Богъ и Онъ сообщаетъ свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ и способомъ, который невозможно объяснить словами».

Сообразно съ этимъ путемъ къ единенію съ божествомъ, Сперанскій опредѣляетъ и три вида молитвы: словесная, умная, созерцательная (безъ словъ и мысли). «Отцы восточные, — говорить онъ, — называли это состояніе безмолвіемъ, а западные — suspension des facultés de l'ame».

О мистическомъ экстазѣ въ грубо-чувственной формѣ Сперан-

скій отзывался строго, называлъ его вреднымъ и требующимъ подавленія, а экстаиковъ—бѣснующимися. «Духовные отцы, — пишетъ онъ—никогда не позволяли себѣ ни трасеній, ни экстаиковъ, вещей порядка низшаго, которыя мы и должны подавлять». Не одобрялъ онъ видѣній и пророчествъ. Объ образованіи всемірной внутренней церкви Сперанскій пишетъ: «Стихійная мудрость составила себѣ какою-то философско-еософо-христіанскую метафизику, вообразила себѣ, что она открыла какой-то путь къ истинѣ, удобнѣйшій и чистѣйшій, нежели тотъ, который представляетъ намъ церковь съ ея установленіями. Заблужденіе гордое и плачевное».

Мы съ дѣлю привели эти возрѣнія послѣдователей мистики высшаго порядка. При сужденіи о мистическомъ движеніи необходимо имѣть въ виду не только общія основанія его, но и разности возрѣній и дѣлей его участниковъ. Въ то время какъ одни стремились создать новую церковь, замѣнить православіе всемірною религіей, отвергнуть іерархію и весь чинъ церковный, другіе останавливались на идеѣ внутренняго возрожденія и нравственнаго совершенства, пребывая въ согласіи съ церковію. Опустивъ изъ виду это обстоятельство, нельзя было бы изъяснить возможность сочувствія мистическому движенію такихъ лицъ, какъ Платонъ, Филаретъ.

Не вдаваясь въ пространныя разсужденія, выскажемъ въ заключеніе тѣ результаты, какіе имѣло мистическое движеніе.

Мистицизмъ, какъ мы видѣли, служилъ *реакціей* религіозному индифферентизму и увлеченію доктринами французскаго энциклопедизма; сосредоточиваясь на внутреннемъ возрожденіи челоѵка, мистическое направленіе выдвинуло на первый планъ въ общественномъ сознаніи *интересы религіозно-нравственные*. Кроме того, мистицизмъ содѣйствовалъ сознанію односторонности и крайности *обрядоваго благочестія*, содѣйствовалъ обнаруженію мертвенности, застою и замянутости религіознаго формализма, чѣмъ страдала тогдашняя наша церковная жизнь. Обращая сознаніе общества къ нравственно-практическимъ интересамъ жизни, мистическое направленіе содѣйствовало пробужденію въ обществѣ *филантропической и просвѣтительной инициативы*, послѣдствіемъ чего явилось учрежденіе школь и благотворительныхъ учреждений. Опираясь въ своихъ началахъ на библію, мистическое направленіе, посредствомъ библейскихъ обществъ, содѣйствовало *распространенію* св. писанія въ народныхъ массахъ, возбудило мысль о *переводѣ св. книгъ* на современный языкъ и даже сдѣлало первый опытъ такого перевода. Возводя всѣ религіи хри-

стіанскія въ единствѣ общей ихъ нравственной основы, мистицизмъ содѣйствовалъ усвоенію нашимъ обществомъ идеи *строгости* и вообще болѣе снисходительному взгляду на христіанскія вѣроисповѣданія и секты. Особенною заслугою мистицизма слѣдуетъ считать переводъ и всеобщее распространеніе библіи. До того времени источникъ вѣры былъ почти неавѣстенъ для общества. «Если кто и не презиралъ библіи вовсе, — пишетъ одинъ изъ участниковъ новаго движенія, — то, по крайней мѣрѣ, почиталъ ее книгою только для церкви потребною и для поповъ однихъ годною, никто въ чтенію ея не увѣщевалъ и не предполагалъ, что библія служить даже и къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія сей священной книги люди съ ума сходятъ».

Но мистицизмъ принесъ и другіе плоды.

Субъективно-религіозное воодушевленіе, не сдерживаемое ничѣмъ, часто переходило въ эзальтацію, въ ханжество, въ лицемѣріе; породило грубый тѣлесный экстазъ и выродилось въ сектанское изуверство (хлыстовщина). Опираясь на чувство и усвоивъ главную роль въ религіозномъ возрожденіи созерцанію, мистицизмъ ослаблялъ значеніе и роль сознанія и разума въ дѣлѣ вѣры и нравственной жизни. Наконецъ, сосредоточивая интересы общества на благочестивыхъ упражненіяхъ и мистическихъ созерцаніяхъ, мистицизмъ отвлекалъ сознаніе общества отъ насущныхъ интересовъ жизни, отъ правильного ея благоустройства.

Принято считать, что главная и рѣшительная роль въ борьбѣ, поднятой противъ мистицизма, принадлежала Фотію. Въ извѣстной степени это вѣрно. Онъ дѣйствительно на своихъ плечахъ вынесъ первые и самые опасные моменты этой борьбы; но въ то же время самъ Фотій опирался на другія силы. Фотій является какъ представитель ультра-консервативной церковной партіи, за нимъ стояло остальное духовенство. Но борьба, начавшаяся на почвѣ религіозной, скоро получила политическій оттѣнокъ, причемъ выступила реакціонная придворная партія: Аракчеевъ, Шишковъ и Магницкій. Вопросъ шелъ уже не о крайностяхъ шітизма, а о спасеніи государства отъ «революціи, въ тайнѣ дѣемой», — о томъ, чтобы захватить, сжать и затормозить движеніе пробудившейся мысли, общественнаго сознанія и реформъ. Извѣстная исторія преслѣдованій въ петербургскомъ университетѣ, причемъ пострадали профессора: Галичъ, Раупахъ, Германъ и другіе, ясно свидѣтельствуетъ, — чего хотѣла и чѣмъ задалась реакція. Представителямъ науки приходилось выдержать тяжелую борьбу за

мысль, за науку. «Это не была борьба съ государственными преградами, замѣчаетъ покойный Никитенко, — государство, само вызвавшее новое движеніе, обязанное ему своими лучшими успѣхами и блескомъ, было, напротивъ того, его опорой и охранителемъ. То не была борьба и съ обществомъ: общество врожденными ему наклонностями и инстинктами вовлекалось неудержимо и быстро въ потокъ новыхъ идей. Это была борьба съ тѣми *темными силами*, которыя, какъ рововой и неизбежный продуктъ страстей человѣческихъ и эгоизма, таятся во всякомъ порядкѣ вещей и во ихъ роль — задерживать и обращать, по возможности, вспять всякое естественное развитіе жизни, все разумное, что хочетъ и стремится сдѣлать шагъ впередъ въ лучшему для всѣхъ, насколько это позволено сомнительнымъ жребіемъ вещей человѣческихъ».

Какъ случилось, что религіозный протестъ противъ крайностей мистицизма перешелъ въ государственную реакцію, которая окончилась «арахчевщиной»? — Отвѣтъ читатели найдутъ въ статьѣ; здѣсь же замѣтимъ, что хотя борьба началась въ сферѣ религіозной, но дѣятели ея скоро убѣдились въ своемъ безсиліи на этой почвѣ. Само духовенство далеко не все раздѣляло мнѣнія и вражду озлобленныхъ враговъ мистицизма; если такія лица, какъ Филаретъ и Евгеній, высказывали свое сочувствіе нравственному движенію современнаго имъ общества, то масса естественно оставалась совершенно безучастною въ борьбѣ. Оставаясь одинокими, возбудители борьбы видѣли, что ничего не добьются, иди прямымъ путемъ. Тогда они не задумались привлечь своихъ противниковъ къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ въ политической неблагонадежности. Фотій въ этомъ отношеніи превзошелъ самаго рьянаго сыщика. Онъ не только не хотѣлъ вникнуть въ существо новаго движенія, не только не допускалъ въ немъ никакой искренности, но совершенно произвольно искажалъ мнѣнія противниковъ, навязывалъ имъ собственные замыслы, перетолковывалъ и комментировалъ ихъ слова въ смыслѣ революціонномъ; въ мистическихъ созерцаніяхъ онъ сумѣлъ отыскать «адскій планъ», «замыслы тайной революціи», «замышленную пагубу Россіи» и даже замыслы противъ государя; въ учрежденіи библейскаго общества открылъ — «намѣреніе составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то республику и одну религію» и т. д. Когда борьбѣ данъ былъ такой оборотъ, и когда заявила надежда на успѣхъ, то къ ней применили всѣ темныя силы, которыя и утилизировали фанатическаго монаха въ свою пользу, хотя достигнувъ цѣли, онъ отступились отъ него. Но дѣло было

сдѣлано: реакція овладѣла полемъ битвы, и мрачнымъ туманомъ заволокло горизонтъ царствованія, которое началось такъ свѣтло и отрадно.

I.

Въ автобіографіи Фотій описываетъ свое рожденіе до мелочныхъ подробностей, причѣмъ въ разсказѣ его встрѣчается много курьезнаго, а иногда грязнаго, и несмотря на высокопарный тонъ, разсказъ по временамъ вызываетъ невольную улыбку. Вотъ начало автобіографіи: «Отъ сотворенія всея твари и первозданнаго Адама, при обращеніи индиктіона 14, лѣта 7300, отъ воплощенія Бога-Слова 1792, индикта 10, въ кругъ солнца 20, а луны 4, іюня 7 дня, въ воскресенье, въ царствованіе Екатерины II, новгородскаго уѣзда спасскаго погоста, у чтеца Никиты родися сынъ Петръ. Рожденіе же его бысть тако...»¹⁾

Дѣдъ Петра «отставной чтець» Феодоръ, по признанію Фотія, очень долго «одержимъ былъ недугомъ лютымъ *отъ бѣса*, что называютъ врачи падуцею болѣзнію, по невѣрію своему». Падучая болѣзнь сломила старика. Смерть его совпала съ временемъ рожденія Петра. Мать въ хлопотахъ и въ горѣ, чувствуя приближающіяся муки родовъ, «ради множества гостей въ домѣ, для совершеннаго своего сокрытія отъ очей всѣхъ, изыде тайно изъ дому и сокрылась въ скотскій хлѣвъ во дворѣ своемъ», — гдѣ и произвела на свѣтъ Петра, будущаго Фотія. Самое рожденіе свое Фотій описываетъ такимъ образомъ. «Евфимія (мать), не вѣдая, како отъ болѣзней рожденія избавитъся, и скорѣе родити ей, повѣсила веревку во хлѣвъ, сдѣлала изъ нея петлю, и чрево уязвляюще, хотѣла тако висащи, помощь сдѣлать своему рожденію; на сей часъ мукъ родити хотящія подоспѣла Марія тетка (исторію и положеніе которой въ домѣ пространно описываетъ Фотій), и видящи дѣло странное, но не зная, что сіе есть, почто матеръ въ веревкѣ вѣшается, въ ужасѣ спасая ее, какъ отъ бѣды, схватила ее, матеръ его, въ объятія свои, исторгая отъ веревки, и

¹⁾ *Автобіографія*, л. 1.—Фотій, до монашества, въ мірѣ былъ Петроу. Точное обозначеніе года рожденія Фотія въ рукописи разсѣиваетъ всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. О разнорѣчій мнѣній объ этомъ см. ст. г. Попова о Фотіѣ въ „Трудахъ Кіевской академіи“ 1875 г. за іюнь. Стр. 698. Между прочимъ г. Поповъ, поправляя другякъ, самъ впадаетъ въ крупную ошибку, полагая, что Фотій родился въ день смерти *отца* своего Никиты. Умеръ же въ ту пору *дѣдъ* Фотія—Феодоръ, „отставной чтець“; а Никита еще разъ женился, по смерти матери Фотія, на второй женѣ.

въ той часъ родился отъ утробы матери младенецъ, испедъ изъ нея» ¹⁾. Фотій отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что «младенецъ положенъ былъ на соломѣ»... Затѣмъ часу въ 3-мъ пополудни того же дня мать Евфимія еще родила сына.

Уже здѣсь Фотій отмѣчаетъ и описываетъ «знаменіе и печать дивнаго на младенцѣ», то-есть на себѣ, когда онъ лежалъ въ хлѣвѣ, на соломѣ.

«Тогда солнце сіяло въ оконце хлѣва и прямо на него (на Петра), лежащаго на соломѣ младенца лучи облиставало. Десная же рука его была поднята повыше главы его, и три ея первые персты были сложены, яко же есть обычай крестъ слагать и молиться: хотя десницу оную отнимая отъ главы, какъ слѣдуетъ полагали, но послѣ паки десница тако была, поднималась, какъ бы кѣмъ тайно держама, со сложеніемъ крѣ(е)ста, по образу того, кто даетъ присягу въ вѣрности и клянется живущимъ на небесѣхъ» ²⁾.

Далѣе описывается перебранка между родными по поводу столь оригинальнаго появленія на свѣтъ Петра; что въ этомъ фактѣ любопытнаго нашего Фотій, не извѣстно. Дѣло въ томъ, что въ хлѣвъ прибѣжала «попадья Евдокія», и усмотрѣвъ, что младенецъ «очи имѣетъ отверзты и на солнце зреть», нашла это непристойнымъ, стала прорекать недобрую судьбу малютеѣ, что обидѣло мать; а «тетка Марья плюнула на сія слова хульные жены сея дерзкія и рекла: «Что ты суесловишь, *развѣ ты была у Бога на умѣ?*» ³⁾. Тѣмъ и сразила соперницу. По всему видно, «тетка Марья», которая бѣлье стирала въ домѣ и занималась хозяйствомъ, была женщина бойкая. Другіе при этомъ находили зловѣщимъ, что ребенокъ явился на свѣтъ въ день похоронъ. Знаменіе здѣсь самъ Фотій видитъ то, что отъ дня рожденія онъ призванъ былъ терпѣть скорбь и поруганіе, и при этомъ замѣчаетъ, что когда «мати носила Петра во чревѣ своемъ, весьма сохраняла себя, *часто чрево свое и зачатіе въ немъ крестила* рукою своею, когда чувствовала внутри *взыраніе* или болѣвнѣ».

На 4-мъ году Петръ потерялъ мать; она умерла, преподавъ дѣтямъ благословеніе, обширно излагаемое Фотіемъ съ обычнымъ паѳосомъ, причемъ Петръ «у одра матери, видѣвъ видѣнія сіянія, благоуханія и сладости, мнилъ, что святая есть мати его». Во-

¹⁾ Тж, I, л. 3.

²⁾ Тж, на оборотѣ.

³⁾ Тж, I, л. 4, на обор. Въ своихъ письмахъ Фотій описываетъ эту тетку женщиною доброю (см. „Рус. Арх.“ 1871 г. Письма Фотія). Впрочемъ, Фотій и описанную перебранку не считаетъ предосудительною.

обще Фотій относился къ матери своей тепло. Черезъ годъ отецъ Фотія вступилъ во второй бракъ, причемъ мачиха привлекла сердце Петра, подаривъ ему «поясъ красный изъ волны овчей, простаго холста бѣлый платъ, по краямъ шить безъ цвѣтовъ крестиками красными». Мачиха была тиха и «трезвенна»; но, по всему видно, не могла замѣнить матери Петру.

Дома Петръ любилъ ходить въ церковь, причемъ ребенку нравилось, что священникъ давалъ ему просфору, о которой онъ думалъ, что ее даютъ не люди, а самъ Богъ посылаетъ. Впоследствии Фотій, принимая деньги отъ разныхъ дателей, всегда приговаривалъ, что хотя это люди прислали, но я-де считаю, что это ангелъ отъ Бога принесъ. Трудно рѣшить, осталась ли эта привычка относить къ Богу дары людскія у Фотія отъ дѣтства, или, напротивъ, самое дѣтство окрашено навыками и взглядами возраста старѣйшаго,—последнее вѣроятнѣе.

Скоро отецъ началъ учить Петра азбукѣ, грамота далась ему скоро. Училъ онъ церковный букварь, гдѣ ему особенно нравились «сїи священныя и яво таинственныя слова: *Азъ, амеѣл, амеѣльскій* и т. д.; такъ что онъ и при играхъ ихъ твердилъ». Но отецъ Фотія былъ суровъ и часто «большія лозы съ собою приносилъ» и ими изгонялъ нерадѣнїе, которымъ страдалъ юный Петръ. Вотъ какъ описываетъ Фотій педагогическіе приемы своего родителя.

«Отецъ, чѣмъ-либо приведенный въ ревность, схватывалъ Петра съ мѣста ученія отъ книги, *лаву между ногъ своихъ ущемилъ*, всего обнаживъ, такъ наказывалъ жестоко, что единожды случилось едва до смерти не убили его безвинно. Кто когда видѣлъ сіе и старался отъ мученія его избавить, но отецъ того самого былъ во гнѣвѣ и ярости»¹⁾. Въ одну изъ такихъ катастрофъ подоспѣла храбрая «тетка Марья», бросилась на разсвирѣпѣвшаго отца, свалила его на полъ, выхватила изъ ногъ его ребенка, убѣжала въ избу и заперлась тамъ. Отецъ ломился въ двери, лѣзъ въ окна, но тетка побѣждалась проломить ему голову «налицею» и тѣмъ снасла мальчика. Домашняя школа Петра была вообще сурова, а жизнь—неприглядна. Выучившись болѣе славянской грамотѣ, мальчикъ читывалъ въ церкви. Этимъ и закончилось его домашнее образованіе.

Итакъ, съ перваго же дня рожденія, Фотій дѣйствительно попалъ въ самую неблагоприятную обстановку. Къ этому присоединилось печальное наслѣдство—слабый, хилый и крайне нервов-

¹⁾ Тж. I, 14 л., на обор.

ный организмъ. Дѣдъ Фотія, мы видѣли, былъ подверженъ паду-чей болѣзни, а отецъ страдалъ пьянствомъ; мать была слабая и болѣзненная. Съ раннихъ лѣтъ лишенный материнскихъ заботъ, окруженный грубою, бранчивою роднею сельскаго дьяча, нервный, болѣзненный ребенокъ скоро попалъ въ такую школу, которая довершила его органическое разстройство. Что касается религіознаго вліянія семьи на Фотія, на чемъ особенно настаиваютъ нѣкоторые изъ его жизнеописателей ¹⁾, то въ разсказѣ Фотія мы не находимъ ничего, что бы давало поводъ заключать, что вліяніе это было сильно. Правда, онъ говоритъ о видѣніяхъ и знаменіяхъ со дня самаго рожденія своего; но все это писалось уже на закатѣ дней и съ апологетическими цѣлями. Мать Фотія, повидимому, отличалась религіозностью, но не болѣе другихъ дьячювскихъ женъ, и при крайней заботности и неразвитости — не шла далѣе исполненія обрядовой стороны, притомъ же она умерла очень рано. Аскетизмъ и фанатизмъ Фотія развились въ немъ гораздо позднѣе; задавленная же бѣдностію, невѣжественная семья, во главѣ которой стоялъ отецъ - пьяница, полуграмотный дьячювъ, жесткій до свирѣпости, и мачиха, какъ увидимъ далѣе, далеко не высокой нравственности особа, никакъ не могли имѣть то могучее религіозно-нравственное вліяніе на Фотія, которымъ хотятъ изъяснить его послѣдующую аскетическую настроенность и религіозность. Изъ дальнѣйшаго разсказа это будетъ видно яснѣе.

II.

Бѣдность отца побудила отдать Петра, по совѣту и при содѣйствіи родственниковъ, въ пѣвчіе казанскаго собора въ Петербургъ. 10-ти-лѣтній хилый и нервный мальчикъ попалъ еще въ болѣе суровую школу, чѣмъ дома. Регентъ пѣвчихъ, по отзыву Фотія, былъ человекъ грубый и невѣжественный, «добраго обученія у него никакого не было», а билъ онъ пѣвчихъ исправно. «Вогда, бывало, начнутъ обучать по нотѣ отрока Петра,

¹⁾ *К. Поповъ*, Юрьевскій арх. Фотій и его дѣятельность. *Тр. К. Д. Акад.* 1875 г. Июнь. 699. Между прочимъ, авторъ хотѣлъ видѣть черты религіозной настроенности семьи Фотія и въ томъ, что у него были сестры родныя, „освященныя Богу дѣвы“, пошедшія въ монастырь. Но дѣло было проще. Явленіе это нерѣдко повторяется, когда дочери причетниковъ за мужиковъ идти не хотятъ, а жениковъ своего сословія не ищется. Старой же дѣвѣ всегда льготнѣе жить на готовомъ и обеспеченномъ содержаніи въ монастырѣ, чѣмъ выносить бѣдность и попреки въ нищенствующей семьѣ, гдѣ иногда и хлѣба не хватало на прокормленіе.

старшіе пѣвчіе били его жестоко, ударъ удара жестокае ему дѣлали всегда въ голову. вмѣсто лозь, за непонятіе, старшій пѣвчій стебломъ лозы билъ его по рукамъ около плечь, и до того бивалъ, что опухоль покрывала руки, и боль получалъ онъ великую въ головѣ. Отрады не было ему никакой, однѣ угрозы были; учащій пѣвчій говорилъ ему: убью до смерти, если не будешь скоро понимать» ¹⁾.

Мальчикъ плакалъ, тосковалъ, совсѣмъ захирѣлъ въ побояхъ. Сюда присоединялись грязныя впечатлѣнія окружающей жизни. Регентъ со всею семьей жилъ вмѣстѣ съ учениками; а послѣдніе творили «неподобныя» дѣла. «Жили всѣ пѣвчіе безъ пристрастія; старшіе предъ лицомъ младшихъ производили страшныя мерзости, безчинства, неистовства, вожуства всякія. Тотъ былъ въ похвалѣ между ними, который являлъ себя дерзновеннѣе въ порокахъ отроческихъ. Начальникъ, протоіерей собора, во всю бытность его никогда не былъ для надзора за пѣвчими, не посѣщалъ жилище ихъ» ²⁾. Изъ родственниковъ у Петра въ ту пору въ Петербургѣ былъ одинъ дьяконъ; но самъ онъ былъ бѣденъ, а жена его жила развратно, вслѣдствіе чего дѣти его бродили по городу и даже крали у торговцевъ «разныя снѣдныя вещи». Фотій описываетъ, что подобныя кражи бывали въ его глазахъ на прогулѣ, такъ что и онъ боялся, чтобы его не схватили за соучастіе въ кражѣ съ дьяконовыми дѣтьми. Наконецъ, тетка увезла Петра, полубольного, домой.

Здѣсь онъ боялся сказать отцу, что не хочетъ возвращаться въ пѣвчіе, и просилъ отдать его туда, гдѣ ученіе лучше. Въ это время уже, по словамъ автобіографіи, мальчику запала мысль о монашествѣ. По этому поводу авторъ разсказываетъ разныя невѣроятности, будто онъ уже на 6-мъ году, помышляя о спасеніи души, въ разговорѣ съ теткой, выразилъ желаніе идти въ монахи; затѣмъ, увидѣвъ разъ монаха, который не ѣлъ мяса, и спросилъ мать почему это, узналъ, что монахи ради спасенія постятся, — «сыты они и безъ мяса», что также произвело на него впечатлѣніе. Наконецъ, разсказывается, что въ чистый четвергъ на умовеніи ногъ было ему даже видѣніе ангеловъ въ видѣ монаховъ, которые, неизвѣстно зачѣмъ, откуда-то явились и сидѣли въ алтарѣ «въ безмолвіи». «Лица ихъ были покрыты чернымъ флеромъ, аки бы тонкими сѣтками, отъ главы и до персей»; «сквозь сѣтки тонкія смотрять, никуда не смотрять, яко же

¹⁾ Тж. I, л., 16 на обор.

²⁾ Тж. I, л. 17.

прочіи человѣки, не говорятъ»; при этомъ отрокъ отъ нихъ ощущалъ «благоволеніе исходящее». Но дальше авторъ самъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ, — были ли то люди, или ангелы ¹⁾. Неизвѣстно, плодъ ли это поднѣйшаго авторства, или дѣйствительно пѣвчій — ребенокъ, забитый и болѣзненный, страдалъ галлюцинаціями, — только авторъ придаетъ этому случаю тоже значеніе «перста». Впослѣдствіи, мы увидимъ, что для Петра галлюцинаціи были не рѣдкость. Дивная пѣвческая школа подорвала сильно здоровье Фотія. Побой въ ученіи и полная безпривѣтность дома, быть можетъ, всего болѣе вызывали въ мальчикѣ мысль «о тихомъ пристанищѣ». Житіе Фотія въ эту эпоху, по истинѣ, было существованіемъ между молотомъ и наковальней, — по неволѣ подумашь уйти куда-нибудь, хоть въ монастырь.

III.

Третья глава «Автобіографіи» Фотія представляетъ много интереса, независимо отъ ея автора, какъ живая картина, дающая намъ характеристику духовнаго образованія въ началѣ настоящаго вѣка. Картина эта набросана грубыми штрихами, но въ истинности ея нѣтъ основаній сомнѣваться.

Благодаря участию новгородскихъ помѣщиковъ Чоглоковыхъ, Фотій 1803 г. былъ помѣщенъ въ новгородскую духовную семинарію. Начальство приняло его благосклонно, что побудило отца его, по старому обычаю, преподнести отцу ректору «благодарственное приношеніе», въ видѣ большихъ рыбъ замороженныхъ, которыя величиною своею удивляли юнаго Петра. «Арх. Флавіанъ (ректоръ) благъ, милостивъ, но бѣденъ изъ щедроты, радъ былъ дару сему на случай праздника», и потомъ «всегда на отрока, какъ ангелъ Господень, взираетъ свѣтлымъ, кроткимъ лицомъ». Значитъ, мерзлыя рыбы свое дѣло сдѣлали.

Помѣстили Петра въ бурсу, въ тѣсноту. Койка его стояла у входныхъ дверей и его постоянно продувало вѣтромъ, что не мало его беспокоило. Порядками и «сеніоромъ» онъ былъ доволенъ; житіе же свое называетъ «весьма скрутнымъ», такъ что съ голодомъ приходилось ему часто бороться. За все содержаніе (кромѣ одежды) и ученіе платили за Петра *шесть руб. въ годъ*, что, однако, его отцу казалось обременительнымъ. Обучали Петра сначала чистописанію и латыни. Вскорѣ послѣ поступле-

¹⁾ Тж., I, л. 21.

вія въ семинарію, понадобилось, по тогдашнему обычаю, дать ему фамилію. Одинъ учитель желалъ назвать его *Недремскій*, «говоря, что отрокъ недремлющій имѣеть видъ, остро смотритъ на свѣтъ и будетъ учиться исправно». На это инспекторъ отвѣчалъ: «Почто имѣть прозваніе Недремскій? Въ родѣ не было нѣкого; во спасенію не назидательно есть. Какъ родился при церкви преображенія Господня отрока Петръ, сынъ чтеца въ погостѣ спасскомъ, то ему наименованіе да будетъ *Спасскій*: надобно ему стараться *спаста себя*» ¹⁾. Фотій и здѣсь видитъ «персть».

Своро стали на Спасскаго обрушаться всякія бѣды, началъ «врагъ пакость чинить». Помѣстили его въ маленькихъ душныхъ кельяхъ, которыя слыли у семинаристовъ подъ названіемъ «Соловки», гдѣ могло жить не болѣе 3—4 человекъ. Дали ему старшаго Вихрова, «уже во гнѣвѣ жестокости какъ вѣтръ свирѣпъ, ветерпѣливъ, за всякую дѣтскую ошибку наказуя, билъ по ланитамъ всякаго, безъ пищи оставлялъ на день или болѣе, толь часто, что бывалъ много разъ отрокъ сей безъ всякаго ястія по обычаю въ трапезѣ» ²⁾. Всѣ службы по бурсѣ исполняли сами ученики. Случилось Петру быть «череднымъ», печку топить. Наюпилъ онъ маленькія кельи и самъ такъ угорѣлъ, что его за-мертво вытащили на дворъ и едва привели въ чувство. Послѣ этого Петръ очень боялся маленькихъ келій и жара, и какъ пишетъ онъ, «мертвыхъ самъ отъ угара оживлялъ».

Къ этому времени отдали въ семинарію и брата Петра Спасскаго — Евфимія. Теперь отцу ихъ приходилось уже платить за обонхъ 12 р. въ годъ, и онъ изъ силъ выбивался, желая обезпечить образованіе дѣтей: «оралъ, косилъ, лѣсъ рубилъ, возилъ на крестьянъ, дабы продать»; ходилъ въ Новгородъ «на своихъ ногахъ» и проч. Дѣти, пріѣзжая въ домъ изъ семинаріи, тоже работали: убирали сѣно, жали хлѣбъ, исправляли работы по дому, съ утра до ночи, такъ что имъ и погулять было некогда лѣтомъ. Тѣмъ не менѣе Петръ дома «искалъ безмолвія», для чего уходилъ въ лѣсъ и «удилъ рыбу удицею» по праздникамъ, «стояи или сидяи на брегахъ рѣки». Любилъ также ходить въ лѣсъ «по сѣдныя плоды», что спасало Петра отъ общества сверстниковъ и бесѣдъ съ «юнымъ женскимъ поломъ, отчего сѣмя зла съ юности болѣе всего рождается». Въ семинарію хаживалъ Петръ всегда лѣшкомъ. Учился хорошо и славился пѣніемъ, «гласъ имѣлъ див-

¹⁾ Тж., I, 23.

²⁾ Тж., на оборотѣ.

ный». До чего доходила нужда его въ семинаріи, можно видѣть изъ того, что онъ, «часто отъ глада томимый, запасалъ, на случай недостатка, дубовые орѣхи или желуди, ѣлъ сырые, печенные; въ іюлѣ мѣсяцѣ передъ жатвою не было вовсе хлѣба, а милостыни негдѣ было взять; то травкою огороднею, благодаря Бога, насыщалъ себя, всыпавъ мало соли и все-какъ приуготовивъ».

Авторъ далѣе описываетъ разныя «пакости, искушенія, навожденія», на Петра бывшія. Разъ за нимъ ночью будто бы бѣжалъ какой-то великанъ съ дубиной, и онъ ушелъ отъ него по тонкому льду, который проламывался подъ великаномъ: это было «спасеніе, яко черезъ Черное море». Въ другой разъ онъ едва не замерзъ въ дорогѣ, отморозилъ пальцы, и были на рукахъ отъ холоду раны: но «Господь, сохраняя его, исцѣлилъ по своей благодати отъ ранъ». Затѣмъ разъ мачиха послала его лѣтнимъ вечеромъ «на верхъ, подъ кровлю, курицу на гнѣздо садить и нѣчто сдѣлать». Испугавшись какого-то «привидѣнія», трусливый мальчикъ вылетѣлъ черезъ окно и убился о чурбанъ, такъ что и «языкъ лишился»: «духъ, ударивъ его, нѣмотою связалъ его». «Исцѣлила же его сила Божія черезъ нѣсколько дней», черезъ помазаніе елеемъ. Затѣмъ онъ былъ «во многихъ бѣдахъ, болѣзняхъ, ранахъ, біеніяхъ, потопленіяхъ многократно», такъ что совсѣмъ сталъ трусливъ и суевѣренъ.

Къ семинарской же эпохѣ относятся и «блудныя искушенія», рассказываемыя авторомъ слишкомъ цинично, особенно если подумать, что писалъ онъ свою повѣсть «для дѣвы».

Въ домѣ отца Петра жила дальняя родственница дѣвушка, которой приглянулся молодой семинаристъ Петръ. Спали они всегда всѣ въ повалку на полу, причемъ отъ Петра до дѣвушки было всего аршина два разстоянія. Разъ Петру не спалось. «Чувствуетъ онъ, — рассказывается въ автобіографіи, — что она приближается тихо къ нему»; но въ это время ему представилось, что это дьяволъ его искушаетъ, и онъ отклонился. Дѣвицу же постигла болѣзнь «волосъ», и она скоро умерла.

Въ такомъ же родѣ было искушеніе чрезъ мачиху, «на жатвѣ», гдѣ мачиха «рассказывала ему соблазны плотскіе, льстила къ тому, что въ тайнѣ дѣется, чего здѣсь не подобаешь отнюдь повѣдать, яко все страстное, грѣховное есть» и за что, по жалобѣ Петра, отецъ сдѣлалъ мачихѣ «внушеніе». Послѣ страстной картины съ дѣвушкой, которая подробно описана въ автобіографіи, надо полагать, что мачиха еще энергичнѣе заявила себя, если Петръ, изобразивъ первый случай, не находитъ даже возможности передать другой, какъ «не подобающій». Въ виду

этого странно, конечно, и предполагать, чтобы такая личность могла имѣть на юношу нравственное вліяніе. На жатвѣ Петра «искушали» сельскія дѣвушки. Надо сказать, что, благодаря лѣту и жарѣ, онѣ были на жатвѣ въ «срачницахъ» (сорочкахъ), и въ этомъ соблазнительномъ видѣ онѣ «блзнились» Петромъ, и «усиливались, схвативъ его въ объятія свои, ударить будто бы о землю, а въ самомъ дѣлѣ дабы *иры содлатъ страстныя* и въ тому его привлечь». Положеніе Петра было отчаянное: онъ то отбивался серпомъ, то отпихивался руками и вообще всячески защищался «отъ связи, узвлєніа женскаго похотливаго».

Отецъ Петра дома часто пьянствовалъ, и сынъ старался его удержать, за что мѣстный попъ «единожды по ланитамъ билъ Петра, таскалъ за волосы». Дѣло въ томъ, что попъ былъ собутыльникомъ дьячка Нивиты, и они вмѣстѣ пьянствовали; понятно, что вмѣшательство Петра ни тому, ни другому не нравилось.

Самъ Петръ любилъ читать «божественныя» книги и молиться, по примѣру «прабабы» своей; разыскавъ гдѣ-то въ амбарѣ старыя образа, онъ съ дѣтьми устраивалъ крестные ходы, пока не погрозили ему за это розгами. Начитавшись «повѣсти о двухъ юношахъ-отшельникахъ», 14-ти-лѣтній Петръ съ двумя товарищами запасся «крестиками разными для обороны отъ бѣсовъ» и хотѣлъ уйти въ пустынную гору; но вечеромъ, когда они уходили изъ города, имъ встрѣтился лѣсной сторожъ, который счелъ ихъ бѣглецами, хотѣлъ ихъ переловить, такъ что странники едва успѣли убѣжать домой. Фотій старика-сторожа считаетъ привидѣніемъ, а самый случай—перстомъ Провидѣнія. Съ тѣхъ поръ онъ уже не думалъ убѣгать изъ семинаріи.

Новгородская семинарія была въ монастырѣ, что Петру нравилось. Но крайняя бѣдность его угнетала. У него не было обуви зимою; пища была такъ скудна, что Петръ никогда не наѣдался какъ слѣдуетъ; помѣщеніе было крайне неудобно.

Въ семинаріи за учениками надзирали сеньоры, старшіе, цеворы, аудиторы. За проступки въ столовой ставили на колѣни или заставляли публично бить поклоны; а за столомъ, по монашески, всегда читались «божественныя книги».

Классы не топилась совсѣмъ, зимою было въ нихъ такъ холодно, «что *устъ* для чтенія уроковъ предъ учителями иногда не можно было отворать». Ученики очень боялись тѣлеснаго наказанія; это, однако-же, не мѣшало имъ цѣлыми нумерами опускать утреннюю молитву, для которой всѣ собирались предъ классами въ церковный притворъ, «несмотря даже на лютыя холоды».

Учителі були монахи і світські, по всь не женаті. Настроєні семінарії було ультра-релігійне. «Тїнь вольнодумства, вольномислія, поблажка къ неблагонаправію, неблагоговїнію не была терпима». Учителі старались «всїхъ къ духовному званію приурочити». Сравнивая світскія заведенія съ семінаріей, Фотій восклицаетъ: «О, если бы духовныя особы были главные сметрители, управители университетовъ, институтовъ и прочихъ училищъ!» И раздражается противъ «иностранныхъ учителей, вольнодумныхъ начальниковъ», противъ заведеній, «гдѣ нѣтъ ни Христа, ни поста, ни креста», гдѣ «забыто благочестіе».

Семінарія состояла изъ 8-ми классовъ: I—инфима, II—фара, III—грамматика, IV—синтаксима, V—поввія, VI—риторика, VII—философія, VIII—богословіе. Язны преподавались: греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій; науки: исторія, географія, гражданская и библейская, медицина, естественная исторія, архитектура, рисованіе, математика. «Учебныя книги были печатныя, для того отъ начальства назначены, а посему нивакихъ сѣмянъ зловредныхъ ученій не было и быть не могло». Игры и чтеніе світскихъ книгъ воспрещались.

Посѣщая храмъ св. Антонія, Петръ всегда становился «противъ того камня, на которомъ св. Антоній приплылъ изъ Рима въ два дня и двѣ ноци по водамъ» и гдѣ «прочія вещи, приплывшія за нимъ по Божію смотрѣнію, были»: «образа, съ нимъ въ бочкѣ по водамъ приплышіе, вверху въ фонарѣ травина негнѣнная морская, черезъ нѣсколько столбтій, за кою онъ отъ страха ухватился, исторгнулъ изъ моря». «Травина» эта долго была цѣла, а въ двадцатыхъ годахъ была уже «вся оццпана». Затѣмъ Петръ сподобился слышать «гнѣніе пресладкое на воздухѣ», по мнѣнію Фотія, ангельское, должно быть.

Разъ случайно забрель онъ въ одну келью, въ сажень величиной, въ куполѣ, гдѣ «поль былъ весь кирпичный изломанъ» и стоялъ образъ со свѣчей. Когда Петру объяснили, что здѣсь спасался втайнѣ св. Антоній «и вотъ поль кирпичный во многія лѣта измятъ угодниомъ отъ волѣнопреклоненій его», то у Петра явилась мысль—подражать впоследствии сему примѣру.

Любя уединеніе, нервный, суевѣрный, пугливый Петръ бѣгалъ всякаго знакомства. Монашество стало для него уже идеаломъ, и онъ старался измощать себя, плакалъ и молился въ уединеніи, давалъ обѣты, отчего «какъ бы обновлялся и менѣе землянъ дѣлался». Сильное впечатлѣніе на него произвелъ жившій въ монастырѣ Патермуфій-молчальникъ, который 30 л. прожилъ молча «и повазался ему яко ангель Божій во плоти».

Все это настраивало воображеніе юноши и создавало въ немъ ненависть ко всему, что отвлекало отъ благочестія; суевѣрно настроенный, онъ привыкъ во всемъ видѣть «персть»; всякую болѣзнь, всякую случайность онъ считалъ за знаменіе. Разъ на жаткѣ у него разболѣлась спина, такъ что онъ «падалъ на землю на полосѣ, катался стоная, плача воспоминалъ, говоря: вотъ до чего грѣхъ черезъ праотца довелъ всѣхъ и его»¹⁾. Полевые труды такъ иногда были тяжелы для Петра, что онъ «висящій на себѣ мѣднѣный крѣсть бралъ въ уста и, тако съ крестомъ во рту жатву продолжая, иногда получалъ облегченіе».

Братъ его былъ другого характера, ропталъ и иногда не слушался. За это однажды «разгнѣвался Петръ весьма на него, былъ его жестоко—такъ, что думалъ ему смертную болѣзнь тѣмъ сотворить, и, бѣя, приговаривалъ: «слушай родителя, будь поворотень до крови и смерти ему; біеніе родительское есть врачеваніе и спасеніе дѣтямъ». Само собою понятно, что при такомъ настроеніи ему нечего было помышлять о семейной жизни; даже прежде соблазнительная его матица объяснила ему, что онъ «женѣ будетъ въ тягость»; а разные видѣнія и ноканнвыя слезы, вмѣстѣ съ совѣтами ректора, настроили его въ пользу монашества. Въ такомъ настроеніи засталъ его вызовъ въ петербургскую духовную академію, куда онъ и отправился въ августѣ 1814 года.

Учился Фотій въ семинаріи хорошо. Въ академію обыкновенно посылались лучшіе ученики. Правда, въ выборѣ при этомъ играло важную роль благонравіе и благочестіе; очень можетъ быть, что и Фотій заслужилъ милость начальства своимъ «благоповеденіемъ». Но все же несомнѣнно, что онъ учился усердно и исправно. Но многое ли дала ему семинарія? Изъ приведенныхъ извлеченій видно, что Фотій не обладалъ литературною рѣчью, писалъ какимъ-то полурусскимъ, полуславянскимъ жаргономъ, порою бессвязно и безграмотно. Если такъ онъ писалъ уже по выходѣ изъ академіи, то каковы словесные опыты его были въ семинаріи! Очень можетъ быть, что Фотій прилежалъ изученію богословскихъ наукъ и древнихъ языковъ; но по всему видно, что онъ бралъ все лишь упорнымъ трудомъ. Ни малѣйшаго признака даровитости мы не видимъ въ Фотіѣ. И впоследствии онъ выигрывалъ много своею грубостію, рѣзвостію и самоувѣренностію въ обращеніи съ людьми; но нигдѣ и ни въ чемъ не обнаружилъ онъ признаковъ дѣйствительно умнаго, развитаго,

¹⁾ Тамъ, л. 50 и слѣд. Мы уже замѣтили, что почти вся автобіографія Фотія написана или въ третьемъ лицѣ; но встрѣчаются и обмолвки. Напр. на л. 48: «идѣ награду», л. 50: «овцы отца моего стригъ» и др. мѣста.

просвѣщеннаго человѣка. Самый фанатизмъ и крайне одностороннее пониманіе вѣры и православія показываютъ ограниченность Фотія. Ниже мы увидимъ, что и возвышеніемъ своимъ онъ обяванъ былъ вовсе не себѣ; у него даже недостало ума и такта, чтобы удержать себя на той высотѣ, на которую поставили его другіе.

IV.

Приѣхавъ въ Петербургъ, Спасскій прежде всего явился къ ректору академіи, знаменитому Филарету московскому, который принялъ новаго студента сдержанно; за то Инновентій, ректоръ петербургской семинаріи, къ которому Фотій явился на поклонъ по совѣту прежняго своего ректора, принялъ Петра весьма любезно ¹⁾.

Экзаменъ для поступленія въ академію Спасскій сдалъ хорошо. Самъ Филаретъ читалъ св. писаніе и замѣтно произвелъ сильное впечатлѣніе на Петра. Вотъ какъ послѣдній характеризуетъ Филарета: «Росту онъ средняго, смугль видомъ, власы средніе, темнорусые, брану долгу имѣлъ, лицемъ всегда свѣтль, весель бытъ казался; у него были глаза острые, пронипательные, видъ постень, строгъ и пріятень; поступь его была не скорая, важная; голосъ тихъ, тонокъ, но ясенъ; рѣчь внятная; говорилъ остро, высоко, премудро; но все болѣе къ уму, менѣе же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненія св. писанія: какъ бы все лилось изъ устъ его. Привлекалъ учениковъ такъ къ слушанію себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія. Оставлялъ онъ сильныя впечатлѣнія въ умѣ отъ ученій своихъ. Всѣмъ казалось истинно пріятно, совершенно его ученіе. Казалось, онъ во время оно ораторъ мудрый, краснорѣчивый, писатель искусный. Все доказывало, что онъ много въ наукахъ занимался. Изъ разныхъ повѣствованій о немъ слышно было, и самому лично извѣстно, что онъ былъ весьма сердоболень, милостивъ, любилъ монашесвій санъ, ученыхъ, и желалъ, чтобы до-

¹⁾ Такъ какъ обстоятельства перваго знакомства Фотія съ Инновентіемъ и Филаретомъ уже были опубликованы въ извлеченіяхъ изъ автобіографіи („Чт. общ. люб. дух. просв.“, 1868 г., кн. 4-я), то мы на нихъ и не останавливаемся. Хотя Фотій и говоритъ, что Филаретъ принялъ его сухо, но изъ разсказа самого же Фотія о встрѣчѣ его съ Филаретомъ у Инновентія—первый является простодушнымъ. См. у *К. Попова* въ ст. о Фотіѣ. „Тр. К. Д. Акад.“, 1875 г., июнь, стр. 702 и слѣд.

стойные поступали въ монашество». Характеристика эта, пови-
димому, искренна, тѣмъ болѣе, что исходить отъ Фотія, который
впослѣдствіи былъ личнымъ врагомъ Филарета. Фотій, сравнивая
Филарета съ Инновентіемъ, говоритъ, что въ первому онъ чув-
ствовалъ удивленіе, а послѣдняго любилъ. Инновентій, какъ уви-
димъ далѣе, тоже страдалъ нетерпимостію; Фотій пишетъ, что ему
правилась въ немъ всего болѣе «ревность и любовь въ Богѣ».
Филаретъ казался Фотію слишкомъ либеральнымъ.

Учился въ академіи Петръ хорошо, но терпѣть не могъ исто-
ріи философіи. Переписка лекцій сильно подорвала его здоровье.
Онъ почти не выходилъ изъ больницы. Товарищи его тоже хво-
рали, и двое умерли. Несмотря на разрѣшеніе Филарета и док-
тора ѣсть больнымъ свормное въ постѣ, Петръ энергично воз-
ставалъ противъ этого и даже предрекъ будто бы одному това-
рищу смерть.

Въ это же время между студентами появились мистическія
сочиненія Штилинга, которыя тогда всѣхъ увлекали. Петръ съ
нетерпимостію видѣлъ вліяніе на молодые умы «иновѣрца бѣс-
наго», какъ онъ выражается, но былъ одинокъ въ своихъ про-
тестахъ, что еще болѣе его озлобляло.

Особенно сильно озлобилъ и раздражилъ Фотія случай, когда
одинъ изъ друзей его студентовъ рѣшительно отдался чтенію
Штилинга («Тоска по отчизнѣ») и, несмотря на всѣ убѣжде-
нія Фотія, остался вѣренъ этому чтенію. Фотій осыпаетъ при
этомъ Штилинга и его сочиненія самою грубою бранью: «бредъ
духовъ злобы поднебесной», «негодныя книги», «бредни безум-
наго иновѣрца, отъ своихъ проклятаго», «духъ нечистый», «не-
чистивыя книжицы», «лукавыя бредни», «бѣсовское чтеніе и
ученіе діавола во плоти Штилинга», «книги еретическія», при-
чемъ побуждалъ товарища «проклясть» этого автора, угрожая
огнемъ геены и Божіею казнью. Настойчивая наглость Фотія
заставила Коренева (имя студента) отвернуться отъ него, и когда
Кореневъ умеръ отъ водяной, то Фотій приписывалъ этотъ слу-
чай дѣйствию «богохульныхъ книгъ».

Самъ же Фотій измощдалъ себя до болѣзни. Не желая ѣсть
рыбу въ великій постѣ, онъ цѣлые дни голодалъ; а постоянно
сидячая жизнь разстроила его и безъ того слабое здоровье, такъ
что чрезъ годъ, по совѣту врача, его отпустили домой для изле-
ченія, причемъ Филаретъ оказалъ ему матеріальное содѣйствіе.
Петръ оказался такъ слабъ, что едва добрался домой.

Здѣсь, несмотря на заботы сосѣдняго помѣщика, Петръ долго
не выздоравливалъ. «Въ домѣ родителя, — пишетъ онъ, — нѣкогда

животное, юная свинья, т.-е. поросенокъ, былъ также какъ Петръ въ сухотѣхъ и чахоткѣ; и жилъ въ домѣ съ нимъ; онъ не пилъ, не ѣлъ. Петръ, смотря на него, сравнивалъ съ собою, что сія скотина свинья и млека не ясть отъ чахотки и болѣзни внутренней, какъ онъ самъ». Случай помогъ вылечиться и «юной свиньѣ-поросенку», и Фотію. Послѣдній однако былъ такъ слабъ, что просилъ уволить его изъ академіи, что и было удовлетворено, благодаря доброму вниманію Филарета, котораго Петръ тогда еще любилъ «за умъ, глубину, таинственность смысла и знанія».

Учителями онъ былъ доволенъ, но въ товарищахъ видѣлъ великое поврежденіе, которое характеризовалось слѣдующими чертами:

1) Хожденіе въ театръ, «во вражіе собраніе, дабы отъ демоновъ театральныхъ во плоти имѣть пользованіе», что дѣлалось съ вѣдома Филарета.

2) Преподаваніе студентами въ постороннихъ домахъ и посѣщеніе города, причемъ «приходящіе ученики изъ города пересказывали разныя рѣчи въ разжиганію плотскихъ страстей».

3) Чтеніе романическихъ и вольномысленныхъ сочиненій, изъ коего студенты почерпали «ядовитое свѣдѣніе мерзостей».

4) Недостатокъ «единого ума, единого ученія и единыхъ вѣры», что усвоилъ Петръ иностраннымъ эвзегетамъ и духу академіи.

Однако же относительно Филарета Фотій замѣчаетъ, что ничего и не видѣлъ и не слышалъ отъ него въ это время несогласнаго съ духомъ св. вѣры и церкви. Въ сентябрѣ 1815 года, не пробывъ и года въ академіи, за болѣзнью, студентъ Спаскій былъ уволенъ и опредѣленъ въ учителя училища при лаврѣ. По всему видно, что онъ сумѣлъ уже себя изуродовать не только нравственно, но и физически, еще не вступивъ въ жизнь. Академическая жизнь не разомкнула для Фотія заколдованнаго круга бурсацкихъ обычаевъ и возрѣній. Читая рассказъ объ академической жизни Фотія, точно присутствуешь при погребеніи живого человѣка. Сурово и непрекословно молодой еще человѣкъ безжалостно въ зародышѣ подавляетъ въ себѣ всѣ самыя невинныя проявленія и требованія природы. Фотій исполнѣ уже усвоилъ восточное возрѣніе на тѣло, какъ на темницу духа. Въ философіи онъ не былъ расположенъ, отчасти, быть можетъ, по отсутствію наклонности къ серьезному философскому мышленію; но главнымъ образомъ — потому, что философія требуетъ свободы для мышленія и, по взгляду Фотія, «вземлется на разумъ Божій». Съ замѣчательною ненавистью относится онъ къ мистицизму и съ истинно иневизиціонною ревностью теперь уже го-

товъ былъ зажечь востеръ для вольнодумцевъ. Огонь этотъ подогрѣвалъ въ немъ Иннокентій. Въ то же время надломленное здоровье окрашивало весь міръ для Фотія въ мрачный цвѣтъ. Петръ съ-разу вступилъ на путь суроваго аскетизма и монашества. Но въ то же время въ немъ нѣтъ главныхъ чертъ истиннаго подвижничества—смиренія и самопожертвованія. Притомъ и послѣ онъ не удалился въ незнакомую, хотя бы новгородскую обитель, но остался на виду, въ Петербургѣ, искалъ милости и покровительства у того же Филарета, у котораго онъ и теперь собирается посѣщать лекціи, — пользуется его расположеніемъ, перенимаетъ даже «образъ» у своего ректора, хотя этотъ образъ величавъ и блестящъ и совсѣмъ не по духу Фотію. Во всемъ проглядываетъ въ немъ иезуитизмъ: Фотій слѣдилъ и дозволялъ тайно дѣйствія Филарета, его связи, «ходы и выходы и даже тайныя бесѣды», и умѣлъ вкратцѣ въ довѣріе добраго и довѣрчиваго архипастыря Амвросія. Поступивъ же въ монахи, Фотій не пренебрегъ облачиться въ рясу добрую и подриснелъ баркатный, хотя и съ архіерейскаго плеча; скоро затѣмъ онъ промѣнялъ и скромную службу на видный постъ, очевидно, не ради спасенія душевнаго, причѣмъ выказалъ такое самомнѣніе, которое Фотію было совсѣмъ уже не къ лицу.

Всѣ эти черты, противорѣчащія, повидимому, настроенію Фотія, говорятъ, что и самъ онъ стоялъ на распутьи; хотя незадавшаяся жизнь и озлобила его, но онъ не прочь былъ и пожить.

V.

Учительская жизнь Петра Спасскаго при санктпетербургской духовной семинаріи служила практической подготовкой къ той роли, которую онъ на себя принялъ впоследствии, и къ принятію имъ монашества. Не видно, чтобы какой-нибудь интересъ педагогическій или научный занималъ Петра; главная его работа въ учительствѣ, съ первыхъ же поръ, это — *проповѣди*, къ сочиненію которыхъ онъ прилагаетъ все стараніе и которыя сближаютъ его съ тогдашними духовными властями. При этомъ особенно сильное вліяніе на Петра оказываетъ Иннокентій, по всему видно, человѣкъ добрый, но съ фанатическою закваской, которая и привела его къ гибели. Первое «слово» Петра: «О будущемъ единеніи въ Богѣ вѣрныхъ», понравилась Иннокентію, а второе слово: «Въ чемъ состоитъ смерть души нашей?» небудило Инно-

кентія спросить Петра, какія книги авторъ читаетъ? Тотъ отвѣчалъ, что никакихъ, «кромѣ Библии», причемъ сказалъ: «терпѣть не могу книгъ мірскихъ», — и это Иннокентію понравилось. Въмѣсто того, чтобы вывести Петра изъ его враждебной настроенности къ знаніямъ, Иннокентій утвердилъ его въ этомъ направленіи, придавъ ему санецію своимъ благословеніемъ. Въ какой степени мало Петръ Спасскій интересовался собственно учительскимъ дѣломъ, видно изъ того, что онъ даже не помѣстилъ въ своей автобіографіи указанія, какой предметъ въ училищѣ онъ преподавалъ. Но въ описаніи Юрьевскаго монастыря (въ «Чтеніяхъ въ общ. истор.» 1868 г.) говорится, что онъ обучалъ въ училищѣ латинскому и греческому языкамъ; славянской грамматикѣ, церковному уставу и закону Божию.

Иннокентій старался дать ходъ сперва проповѣдямъ Петра, а потомъ и ихъ автору — въ глазахъ митрополита Амвросія и Филарета, съ которыми тогда былъ дружень. Иннокентій для Спасскаго сталъ идеаломъ. Онъ завелъ у себя неугасимую лампаду, и окончательно никакихъ книгъ, кромѣ Библии и молитвенника, не бралъ въ руки. Вотъ какъ Фотій описываетъ свое подражаніе Иннокентію: «Замѣчалъ онъ (Фотій) въ Иннокентіѣ всѣ слова его, поступки, видъ, дѣйствія, духъ вѣры, его ученія, — все замѣчалъ, дабы ему для себя составить, собственно въ сердцѣ, образъ житія благочестиваго». Онъ «горѣлъ предъ Иннокентіемъ благоговѣніемъ», «боялся даже мыслить и желать, что ему не угодно», — словомъ, былъ въ полномъ нравственномъ порабощеніи у Иннокентія.

Нетерпимость Петра была такова, что онъ даже не могъ слушать своего зрителя, когда онъ что-либо «лишнее» — свѣтское говорилъ, и при этомъ всегда уходилъ прочь; «терпѣть не могъ», что нѣкоторые учителя выходили въ городъ, а самъ всегда сидѣлъ дома.

Въ это время до Спасскаго дошелъ слухъ, что стали издаваться книги «о судьбѣ будущей церкви» и что-де одна изъ такихъ книгъ есть у Филарета. Это подстрекнуло его любопытство, и зритель тайно досталъ ему «Толкованіе на Апокалипсисъ Штилинга-проклятаго». Чтеніе этой книги привело фанатичнаго Петра въ ужасъ, — онъ ее на-своро пробѣжалъ и поспѣшилъ тайно отдать, «дабы никто не увидѣлъ, что читана». Затѣмъ, на его просьбу — достать ему книгу спасительную, зритель добылъ ему Якова Бема «Путь ко Христу». Вліяніе этой книги на Петра было чрезвычайно сильное. Здѣсь сказано и невѣжество Спасскаго: онъ не зналъ, кто былъ Бемъ, о которомъ въ

его время всё говорили, и долго разгадывали: «святый ли есть Иаковъ Бемъ, или не святый?» Заглавіе книги его привлекало, но содержаніе книги было для него загадкой и служило предметомъ многихъ душевныхъ тревогъ. Новыя понятія вызвали въ немъ «брань духовную, смущеніе духа», онъ недоумѣвалъ, «видѣлъ потемнѣніе въ разумѣ». Два мѣста, гдѣ говорится о назначеніи твари, гдѣ «Богъ представляется творцомъ необходимаго зла», допущено выраженіе: «Богъ, есть тьма и свѣтъ», и высказана мысль, что между ними есть единство природы духа ¹⁾, пробудили въ немъ обычную жалчь, причемъ онъ раздражается обычными ругательствами: «сѣтъ вражія, ересь, мракъ невѣрія, блевотина сѣвернаго заблужденія, бѣсовскаго ученія». Но книга все же еще занимала его, и онъ старался вникнуть въ нее; тогда съ нимъ случился нервный припадокъ. Однажды, «держа книгу въ рукахъ, Фотій, какъ сидѣлъ среди полудня у самаго окна, вдругъ почувствовалъ въ себѣ нѣкое смущеніе внутри, тягость въ головѣ и мракъ во умѣ: свѣтъ разума отъ него взялся и чувствовалъ себя въ нѣкоемъ видѣ изступленія, — видѣ себя въ духѣ тяжкомъ и горькомъ. Ваялся отъ него умъ, иначе начиналъ видѣть очами своими все, но мрачно среди дня. Нападаетъ ужасъ на него, страхъ и трепетъ. Еще чувствовалъ, что лишался силы ума, и во всемъ внутреннемъ своемъ составѣ потерю получалъ. Вдругъ аки бы кто хочетъ снять его съ тѣла кожу; отъ ужаса тотчасъ встрепеталъ, почувствовавъ съ-ряду, что виною болѣзани и тягости—книга, и то, что вниманіе углублялъ въ нее. Италъ, *плюмуетъ* на книгу сію Иакова Бема, подѣ названіемъ: «Путь во Христу», бросилъ ее на полъ; ставъ на молитву, обратился во Господу, — и опять свѣтъ началъ являться въ умѣ его».

Этотъ фактъ нервозности, изступленія, объясняетъ и дальнѣйшія видѣнія Петра, который безчеловѣчно уродовалъ свой организмъ, совершенно обесчеловѣчилъ себя постомъ и фанатизировалъ духъ нетерпимостью. Уже въ это время у него возникла мысль о преслѣдованіи «зловредныхъ» книгъ, и онъ удивлялся бездѣйствію тогдашняго правительства. Въ это же время Инновантій подкинулъ масла въ огонь, и его наставленія «о сѣтяхъ бѣсовскихъ», о «глубинахъ сатанинскихъ» совсѣмъ добывали здоровье и здравый смыслъ фанатическаго Петра.

Но какъ ни давилъ въ себѣ все человѣческое Петръ, природа брала свое, и ему еще приходилось вынести «брань плоти».

¹⁾ Бемъ, „Путь во Христу“, стр. 173—174.

Дѣло было на каникулахъ, въ домѣ отца его. Приѣхавъ въ отпускъ домой, молодой Петръ былъ приглашенъ въ сосѣднемъ помѣщике учить патерныхъ дѣвицъ. Онъ преподавалъ имъ съ свойственною ему нервозностью и даже доводилъ ихъ до слезъ изображеніемъ геены. Женское ли общество, или что другое повлияло на Петра, но заврался въ нему «блудный помысль». Въ домѣ отца его жила одна бѣдная дѣвушка, добрая и честная, — въ ней-то и почувствовалъ влеченіе юноша. Разъ отецъ уѣхалъ на три дня изъ дому и они оба остались дома на-единѣ. День онъ проводилъ на урокахъ, а на ночь возвращался домой и, по обычаю, ложился спать на полу. И вотъ онъ какъ описываетъ свое «искушеніе отъ блуднаго бѣса».

«Сонъ тогда отнимался отъ очей его (Петра); чувствовалъ себя во огнѣ блудныхъ страсти; огонь бѣсовскій отъ головы до ногъ жегъ его; всѣ силы были отъ него взяты — мыслить, и разсуждать, и сномъ почитать: недалече на спящую дѣвицу боримъ былъ бранію плоти. Самъ не понималъ, что ему сдѣлалось; самъ себя удивлялся, откуда въ немъ огонь жестокий явился, расслабившій всю его плоть и жгуціи его. Оставленъ былъ отъ силы доселѣ его содержащей: все въ немъ терялося¹⁾. Онъ едва могъ сохранить молчаніе, не могъ даже молиться Богу, страсть захватывала его душу; чарующіе, обольстительныя привраки наслажденія туманили ему голову. Чѣмъ сильнѣе было желаніе убить эту страсть, тѣмъ сильнѣе, пожаромъ охватывала она его душу. «Лежа въ безмолвіи, яко жертвь, огнемъ лютымъ сгоралъ». Обращаясь «къ бѣсу», онъ говорилъ въ себя: «если ты силенъ безъ воли моя меня насильно совратить во грѣхъ, — дѣлай; но я пособія никакого на то тебѣ не дамъ. Влеки, враже, когда Богъ попустилъ тебя меня бороть, но я себя не повлеку». Страшное томленіе незамѣтно перешло въ сонъ — и Петръ хвалилъ Бога, что побѣдилъ «бѣса». Но на слѣдующую ночь повторилось то же, и еще пламеннѣе, кипучѣй загорѣлась въ немъ страсть, «яко дерево недвижимо онъ лежалъ и сгоралъ», причѣмъ Петръ особенно боялся, «дабы не воспалилъ въ нему дѣвицу духъ нечистый и ему ее не подложилъ; также опасался, дабы тако не возжегъ огонь во плоти ея для него». Юноша бросился «на горячую нечъ» и внѣшній жаръ смягчалъ его внутреннюю борьбу. Такъ повторялось до трехъ разъ, пока сломленная, подавленная

¹⁾ Тж. л., 76. Всѣ эти случаи «искушенія отъ блуднаго бѣса» убѣждаютъ, что натура у Фотія была горячая, страстная: сколько же нужно было силъ воли, чтобы сломить, задавить ее! Только мысль, что здѣсь дѣйствуетъ сатана, могла поддержать Фотія въ его произвольномъ самоуничтоженіи.

фанатизмомъ натура не уступила изнеможенію тѣла. Борьба была тяжела и сильна. «Се огонь, се пламень, се адъ, се искушеніе вражіе», взываетъ Фотій даже по окончаніи ея. Но послѣ этой борьбы сердце его опустѣло; убивъ въ себѣ все человѣческое, «грѣховное», онъ сталъ нравственною муміей. Скоро новый случай—несчастный пожаръ, погубившій все имущество отца и едва не погубившій его самого, окончательно поставили Фотія на путь самоуничтоженія. Въ пожарѣ онъ видѣлъ «персть Божій», уназывающій ему покинуть все земное. Сюда припоединилась полная нищета отца и личная экономическая необеспеченность Петра. У него едва хватало хлѣба для пропитанія, такъ что даже нищу приносили ему тайно, воровски «изъ общей ученической трапезы». Теперь онъ сталъ совсѣмъ постникомъ, и все чаще стала приходить ему мысль посвятить себя монашеству. Передъ его глазами монашествующіе занимали видныя мѣста, ни въ чемъ не нуждались, пользовались общимъ почетомъ; а между тѣмъ могли ли устрашать Петра обѣты монашескіе, послѣ тѣхъ пытокъ и истязаній, какія онъ самъ производилъ уже надъ собою? Живой, дѣльный, мыслящій и чувствующій человѣкъ въ немъ умеръ; болѣзнь и раздраженіе, бѣдность и нераздучныя съ нею лишенія мучили его. Въ монашествѣ же Петръ не только находилъ успокоеніе, но и будущность. Фотій однако хотѣлъ себя испытать еще разъ.

VI.

Настроенный къ монашеству, Спасскій началъ съ «вольнаго искуса» въ подмѣнничествѣ. Это было рождественскимъ постомъ 1817 г. Въ автобіографіи подробно описывается самоистязаніе фанатизированнаго юноши, удрученіе тѣла постомъ, самоуниженіе, постоянныя «покаянныя слезы», представленіе ада, замнута жизнь Петра и пр. Когда наступилъ великій постъ, то отъ говнія Петръ едва ходилъ, что особенно сблизило его съ Инновенціемъ. Но въ то же время для Фотія настало время перейти къ боже широкой дѣятельности.

Въ это время очистилось мѣсто законоучителя при 1-мъ кад. корпусѣ въ Петербургѣ ¹⁾. Мѣсто это видное и тогда значитель-

¹⁾ Фотій первоначально былъ назначенъ въ 1-й кад. корпусъ, но когда очистилась тогда же вакансія во 2-мъ корпусѣ, то онъ и вступилъ въ послѣдній. Обстоятельство это, неизвѣстное жизнеописателямъ Фотія, вызвало въ нихъ недоразумѣнія. См. Е. П. Карловича ст. о Фотіи въ „Рус. Старинѣ“ за 1875 г., стр. 302.

ное. Такъ какъ Петръ стяжалъ уже себѣ репутацію человѣка «ревностнаго по Божѣ», то митрополитъ предназначилъ на эту должность его, поручивъ Инноцентію предложить Петру подать просьбу о постриженіи. Петръ принялъ это за «званіе свыше». Такъ какъ ему было всего 24 года, а по уставамъ церкви въ столь раннемъ возрастѣ постригать нельзя, то пришлось пустить въ ходъ поддѣлку въ документѣ. Инноцентій велѣлъ написать въ прошеніи, что ему 32 года ¹⁾. Въ февралѣ вышло разрѣшеніе, и Петръ скоро было постриженъ въ монахи, сдѣланъ іеродіакономъ и архимандритомъ. Желая показать полное послушаніе начальству, Петръ Спасскій отказался даже самъ выбрать себѣ имя. Данное ему имя *Фотій* было для него неожиданно, «показалось ему необыкновенно, весьма странно», и смутило его, такъ какъ онъ «не зналъ, что значить (это говорить далеко не въ пользу лингвистическихъ и историческихъ познаній Петра) и кто есть св. Фотій». Однако онъ помирился съ именемъ скоро, видя, что это «воля Божія и начальниковъ». Фотій подробно описываетъ весь ходъ своего посвященія и свои чувства. Особенно отмѣчаетъ онъ увѣщаніе архіерея на посвященіи въ іеромонахи о борьбѣ за вѣру: «не убойся за вѣру и церковь св. постояти, даже до крови и смерти». Слыша это, Фотій далъ обѣтъ въ душѣ «пострадать». «Здѣсь пріялъ онъ,—говоритъ Фотій о себѣ,—нѣкоторое извѣщеніе, каково будетъ житіе его, какъ возстанутъ на него враги его, и како Господь дастъ ему побѣдить всю силу вражію, смерти и ада, и искоренить ереси». Фотій не говоритъ, въ какой формѣ ему дано было «извѣщеніе», говоритъ только, что онъ «провидѣлъ» все это, но никому тогда не сказалъ ничего: это, вонечно, плодъ позднѣйшей экзальтаціи фанатизированнаго воображенія.—Съ посвященія всѣ отправились въ домъ къ новому архіерею (который тогда же посвящался) Павлу, гдѣ было «угощеніе велие», и новопосвященный Фотій подносилъ всѣмъ «вино пить».

Новый монахъ сталъ еще болѣе истязать себя. На служеніи его настроенность переходила въ экзальтацію, которую авторъ такъ описываетъ: «Служилъ (Фотій) какъ бы не на землѣ, а на небеси стояи; и что бысть съ нимъ, самъ не вѣдалъ; едино же вѣдалъ, что когда св. ганикъ приобщился, увидѣлъ себя въ теплоѣ духа, въ духѣ радости, и яко отъ вина восхищенна, и сказалъ учащему его еkkлeсiарху: «Отче, что сдѣлалось со мною? Видишь ли, яко отъ вина пьянъ есмь?» Еkkлeсiархъ объяснилъ ему, что

¹⁾ Тж., II, г. 4, на обор.

это «благодать дѣйствуетъ и исполняетъ». Затѣмъ однако нашалъ на Фотія «духъ унынія», его охватила скука, тоска по покинутой жизни, разочарованіе. «Двукратно еще случалось ему подобное *отчаяніе* во иночествѣ самое горькое»; но онъ привыкъ уже ломать себя и скоро въ самозабвеніи находилъ успокоеніе.

Назначеніе Фотія законоучителемъ, вмѣсто перваго, во второй кадетскій корпусъ, измѣнило его жизнь. Работы ему предстояло много. Одинъ дворянскій полкъ составлялъ 4 т. чел., да кавалерійскій эскадронъ около 400 чел.,—всѣхъ надо было обучать и назидать.

Холодно принятый начальствомъ, Фотій велъ жизнь совершенно замкнутою. Теперь онъ избралъ новую форму самоистязанія: кромѣ «власяницы» на тѣлѣ, онъ носилъ еще «вериги по нагому тѣлу»; ходилъ въ легкой одеждѣ зиму и лѣто. Съ этого времени съ Фотіемъ начинаются чаще галлюцинаціи, причѣмъ дьяволъ уже являлся ему не только въ мечтахъ, но «при случаѣ и ощутительно» и Фотій «сражался съ нимъ». Эта борьба убѣдила его, что бѣсы ходятъ и являются *тѣлесно*. Когда послѣ первой такой борьбы Фотій еще сомнѣвался въ этомъ, то въ августѣ, часу въ 9 вечера, къ нему уже прямо явились 4 бѣса, «человѣкообразно пришедшихъ, безобразныхъ, въ сбромъ видѣ, не великихъ по виду», и они все собирались его бить, но боялись власяницы. Однако разомъ напавъ съ четырехъ сторонъ, они нанесли ему сильныя побои, такъ что онъ бросился на кровать и спрятался подъ одѣяло. Когда послѣ этого ему почему-то пришло въ голову желаніе видѣть бѣса въ его настоящемъ видѣ, то бѣсъ не замедлилъ ему явиться и въ такомъ образѣ. Явленіе это было въ ночь 6 дек. 1817 г. и такъ напугало Фотія, что онъ отъ ужаса долго не могъ придти въ себя.

Въ служебномъ отношеніи, несмотря на свое усердіе, Фотій не особенно успѣвалъ. Изъ его собственнаго заявленія видно, что директоръ корпуса Маркевичъ, «яко неспособнаго къ должности и малоумнаго отрѣшнить усиливался и о томъ хотѣлъ представить куда слѣдуетъ»; но Фотія поддерживалъ Филаретъ, который на экзаментѣ у него заявилъ, что успѣхи учениковъ его удовлетворительны и похвалилъ его митрополиту. Нерасположеніе къ себѣ Фотій объясняетъ тѣмъ, что-де онъ возставалъ противъ всякихъ злыхъ обычаевъ, мерзостей, особенно же противъ «блуднаго грѣха содомскаго», которымъ, повидимому, особенно тогда страдалъ дворянскій полкъ.

Такимъ образомъ, Фотій выступилъ въ первый разъ въ роли общественнаго дѣятеля. Онъ совсѣмъ забылъ о своемъ намѣреніи

«удалиться въ невѣдомыя мѣста», по принятіи монашескаго сана. Вступая въ корпусъ законоучителемъ, Фотій, какъ онъ самъ впоследствии сознавался, смотрѣлъ на мѣсто свое, какъ переходное, — мѣсто же его было видное и съ будущностью, отсюда иные архимандриты призывались въ архіерейство.

Самое же преподаваніе его мало интересовало. Елагинъ замѣчаетъ, что «Фотій дѣйствовалъ на сердца своихъ воспитанниковъ не столько въ качествѣ учителя, сколько въ качествѣ ихъ духовнаго отца». Между тѣмъ его нетерпимость и пренебреженіе учительскими обязанностями ставили его въ корпусѣ въ положеніе неудобное, такъ что начальство стало даже принимать мѣры въ его устраненію. Въ числѣ заступниковъ Фотія является Филаретъ, — почему? Быть можетъ, онъ цѣнилъ монашескіе подвиги Фотія, а можетъ быть, что послѣдній умѣлъ заслужить благосклонность Филарета и своею услужливостью, смиреніемъ. Какъ бы то ни было, но Филаретъ для него согласился на поддѣлку въ документѣ, гдѣ произвольно было измѣнено помазаніе лѣтъ Фотія, дабы обойти законъ церковный, посвятить недостигшаго возраста; и деньгами и вещами Филаретъ также помогалъ Фотію, наконецъ и теперь онъ спасъ репутацію Фотія своимъ благосклоннымъ отзывомъ. Конечно, Филаретъ не предвидѣлъ, что столь облагодѣтельствованный имъ человѣкъ станетъ въ числѣ враговъ его и обличителей, какъ не предвидѣлъ этого и кн. Голицынъ, также оказывавшій суровому монаху свою помощь и покровительство. Но Фотій шелъ своею дорогою. Направленіе его въ это время совершенно опредѣлилось. Онъ уже кипѣлъ враждою противъ «духа времени» и только ждалъ случая выступить въ открытую борьбу и помѣряться силами. При томъ же онъ еще не имѣлъ опоры и поддержки въ лицѣ такихъ покровителей, какъ графиня Анна и другіе сподвижники Фотія. Пока Фотій задался въ подвижничествѣ, обстоятельства постепенно слагались такъ, что ослѣбленіе Фотія на міръ все ожесточалось.

VII.

Съ 1818 года Фотій вступаетъ въ новую роль; онъ является возбудителемъ борьбы съ «духомъ своего времени», окончившейся назначеніемъ министерства Голицына и придавшей Фотію такое значеніе, на которое онъ ни по образованію, ни по дарованіямъ, ни по общественному положенію никакъ не могъ рассчитывать. Сила вещей и обстоятельства выдвинули на арену дѣятельности

человѣка, безъ всякаго значенія и нѣса, съ самымъ скуднымъ образованіемъ и съ ограниченными способностями, но фанатика до послѣдней степени, готоваго идти въ огонь на мученія, за вѣру и церковь, которую, впрочемъ, онъ понималъ узко и ограниченно. Въ автобіографіи мы шагъ-за-шагомъ можемъ слѣдить за всѣми перипетіями этой борьбы, за внутренними процессами въ душѣ самого агитатора и внѣшними условіями его успѣховъ; мы можемъ видѣть, какія силы выдвинули эту личность, поддержали его дѣло и обезпечили успѣхъ. Фотій жилъ законоучителемъ совершенно вволюрованно. Тѣмъ не менѣе до него стали доходить слухи о тайныхъ собраніяхъ религіозныхъ обществъ; явились лица, которыя старались вовлечь и его въ эти собранія. Фотій держалъ себя далеко отъ всѣхъ; но онъ старался ввѣдать, въ чемъ дѣло, что было не трудно, такъ какъ распространены были эти собранія повсюду, и участники ихъ встрѣчались на каждомъ шагу; они были даже въ числѣ учениковъ Фотія, его духовныхъ дѣтей. Въ то же время мистическая литература религіознаго характера, привлекавшая тогда общее вниманіе, дала Фотию обильный матеріалъ для борьбы.

Фотій жалуется, что духовное и свѣтское начальство бездѣйствовало, давая просторъ распространенію мистическихъ ученій, которыя онъ называлъ безбожными, еретическими, атеистическими, зловредными.

Готовясь къ «борьбѣ противъ безбожія», Фотій тщательно собиралъ всѣ данныя въ тогдашней литературѣ для обвиненія враговъ вѣры. Въ «Собраніи документовъ» заключается весьма обильный для этой цѣли матеріалъ, который впоследствии былъ доставленъ Фотию государю и распространялся въ обществѣ графини Анны. На первомъ мѣстѣ поставлено «объявленіе о новыхъ и прежде напечатанныхъ книгахъ, продающихся у книгопродавца *Замкина*, и особенно явно и совершенно революціонныхъ, и злодѣйскихъ, и бѣсовскихъ». Подобное же объявленіе *Глазунова*, гдѣ помѣщено 77 книгъ. Противъ нѣкоторыхъ рукою Фотія помѣчено: «*злая, скверная, бѣсовская* и т. д.»:

а) *Злая*: 1) «Воспоминаніе о Юнгѣ Штиллингѣ»; 2) «Важнѣйшіе іероглифы»; 3) «Духъ Эккертгаузена»; 4) Жизнь Штиллинга», и 5) «Побѣдная пѣснь».

б) *Бѣсовскія*: 1) «Истина религій»; 2) «Ключъ въ таинствамъ натурнъ», Эккертгаузена; 3) «Мысли на досугѣ»; 4) «Мысли о небѣ»; 5) «Мысли», Эккертгаузена; 6) «Облако надъ Святилищемъ»; 7) «Путь во Христу», І. Бѣма; 8) «Прилюченіе по

смерти», Штиллинга; 9) «Письма къ другу», и 10) «Тоска по отчизнѣ», Штиллинга.

с) *Скверныя*: 1) «Зеркало внутренняго чловѣка»; 2) Наставленіе мудраго», Эвкартсгаузена, и 3) «Ночи», его же.

д) *Еретическія и анти-христіанскія*: 1) «Избранныя сочиненія г-жи Г. Гюнъ»; 2) «Изъясненія на Евангеліе», ея же; 3) «Изъясненія на Дѣянія», ея же; 4) «Изъясненія на Апокалипсисъ», ея же; 5) «Молитвы, изъ псалмовъ почерпнутыя»; 6) «Письма христіани»; 7) «Просвѣщенный пастухъ»; 8) «Путешествіе младаго Ностиса»; 9) «Тайнство Креста», и 10) «Торжество Евангелія» или «Записки свѣтскаго чловѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи».

е) *Револуціонныя*: 1) «Краткія правоучительныя правила», Штиллинга; 2) «Побѣдная пѣснь» (она же и *злая*), и 3) «Сіонскій Вѣстникъ».

ф) *Масонскія*: 1) «Наука числъ», Эвкартсгаузена; 2) «Наставленіе ищущимъ премудрости»; 3) «О познаніи самого себя», I. Массона; 4) «Торжество Евангелія».

Далѣе, съ тѣмъ же характеромъ мы находимъ Фотіеву «Записку о каталогѣ русскихъ книгъ», для показанія развращенія литературы духомъ времени. Фотій всѣ книги дѣлитъ на 4 разряда: I. Наполненныя англійскаго матеріализма и французскаго вольнодумства и севернословія; II. Масонскія и магическія; III. Представляющія съ разными приправами весь ядъ германской философіи Канта, Фихте и Шеллинга, и IV. «Изолагающія ученіе методистовъ и вѣетизма, т.-е. того же явобинства и философіи, личиною христіанства закрытыя». Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: «Примѣтитъ надобно, что послѣдняя статья современна новому образованію министерства просвѣщенія и обиліемъ своимъ обязана тому, что книги духовно-нравственныя, вопреки уставу о цензурѣ и Высочайшимъ указамъ, отняты какимъ-то непонятнымъ образомъ у духовной цензуры». Авторъ показываетъ, какъ «духъ времени развращалъ нашу литературу и искалъ помощію ея потрясти во всѣхъ классахъ народа почтеніе къ православной вѣрѣ и отечественному правительству».

I отд.—«Книги французскаго филозофізма»—заключаетъ 181 №№, между ними есть ни въ чемъ неповинныя, какъ исторія аб. Милота, Правила поэзіи и т. п.

II отд.—масонскій—заключаетъ 117 книгъ, куда попали и оракулы и забавныя гадательныя книжки, сонники и т. п. изданія.

Въ *III отд.* 43 книги, между ними: соч. Песталоцци «Ав-

бука очевидности», Спб. 1805; «Книга для матери», пер. Покровскаго, 1806; «Краткое описаніе методы воспитанія», 1806, и «Философія Любви»; сочиненія статистическія: «Труды Греча», «Ланкастерскія школы» (Спб. 1818) и т. п.

Въ *IV* отд. 11 №№ книгъ. Сочиненія г-жи Гюшъ, Госнера и Линдери.

Всѣхъ книгъ 332. Если каждую выпускали въ 1,200 экз., то всего 398,400 экз., — «таковъ необъятный былъ разливъ злобвѣрія!» Навонецъ, въ позднѣйшему времени относится составленный Фотіемъ и помѣщенный въ «Сборникъ документовъ», «списокъ нѣкоторыхъ книгъ, противныхъ св. вѣрѣ и правительству, изданныхъ въ Россіи со времени учрежденія духовнаго министерства съ 1817 по 1824 г., для реформы и революціи, противу всѣхъ законовъ, правъ и постановленій».

Здѣсь перечислено 42 книги, съ замѣчаніемъ, что «всего зла перечислить невозможно», ибо эти книги издавались тысячами, и по примѣрному исчисленію автора ихъ было не менѣе 52,800 экз. Реестръ имѣетъ молитвенное заключеніе. Такимъ образомъ Фотій объявлялъ войну *всей* современной ему русской литературѣ, признавая ее незаконною, еретическою, безбожною и революціонною.

Особенно вызывалъ въ Фотіѣ ненависть Лабзинъ, извѣстный издатель «Сіонскаго Вѣстника», литераторъ, мірской человекъ, державшій «восхищать санъ учителя» и свободно высказывавшій свои воззрѣнія. Когда «Вѣстникъ» запретили издавать, а публика его требовала, то Лабзинъ сталъ выпускать прежніе нумера, которые читались на расхватъ, что крайне возмущало Фотія, тѣмъ болѣе, что Кочубей и кн. Голицынъ сочувствовали и содѣйствовали Лабзину, а митр. Амвросій, представители учености — Филаретъ и Иннокентій — молчали и даже дружили съ нимъ.

Примыкая къ *библейскому обществу*, въ трудахъ котораго Филаретъ принималъ столь живое и дѣятельное участіе, Лабзинъ и Поповъ, «уста жи, чада клятвы и діавола», по мнѣнію Фотія, стремились къ искаженію св. писанія, издавая его въ русскомъ переводѣ. Рядомъ съ библейскимъ обществомъ шла пропаганда мистицизма въ высшихъ слояхъ тогдашняго культурнаго общества. Здѣсь отличалась *Хвостова*, «женщина яко боговдохновенная», писанія которой, «исполненныя бабьихъ мудрованій», чествовались даже учеными; «иностранка, жена безумная, нѣкто *Криднегъ*», «надъ главою которой духа св. парящаго изображали; *Татаринюва*, «съ шайкою своихъ ѳснуетыхъ лже-пророковъ», которой вкрывительствовали въ Михайловскомъ дворцѣ, и княгиня Го-

лицына. До чего доходило увлеченіе мистицизмомъ, можно видѣть изъ того, что предѣстникъ Фотія, законоучитель 1-го к. корпуса іер. Теофілъ былъ «витією» въ ложѣ Лабзина, которая собиралась у купца Антонова; почти всѣ служащіе во 2-мъ кад. корп. принадлежали къ масонскимъ ложамъ, — только директоръ Марьевичъ былъ противъ ложъ, да и то потому, что ему пришлось-было заплатить за одного ученика-духовидца.

Къ этому же времени относится «извѣщеніе свыше», которое было-де Фотію въ видѣніи о предстоящей борьбѣ, причемъ онъ въ видѣніи дважды вытолкалъ «въ шею» Лабзина изъ алтара, «сквативъ за оба плеча, повернулъ лицомъ и въ задъ, въ шею вытолкалъ, говоря тако»: «не подобаетъ тебѣ, нечестиве, враже, внити во врата св. царскія, мірскому существу и северному чело-вѣку». Если драка и ругательства въ алтарѣ представлялись уже въ воображеніи Фотія законными средствами противъ сектантовъ, то надо полагать, что онъ былъ сильно ослобленъ. Послѣ этого Фотій старался вездѣ распускать дурные слухи про своихъ противниковъ, и если вѣрить автобіографіи, проповѣдывалъ походъ противъ ересей «съ каедрн, въ классахъ, на дорогахъ, гдѣ случай былъ».

Но сила Фотія пока была ничтожна. На сторонѣ его противниковъ были даже «лица первѣйшія духовнаго званія» (на-мекъ на Филарета), духъ вольномыслія обладалъ императоромъ. Надо было прежде всего заручиться вліяніемъ здѣсь. Путемъ въ цѣли послужилъ «блаженный», какъ его именуетъ Фотій, Инно-кентій, издавна враждебно смотрѣвшій на мистицизмъ и теперь давшій Фотію благословеніе на борьбу противъ «новыхъ ученій». Иннокентій имѣлъ сильную поддержку въ князѣ и княгинѣ Ме-щерскихъ, въ князѣ Шихматовѣ, въ сенаторѣ Штерѣ и, наконецъ, въ Михаилѣ митрополитѣ и Серафимѣ Тверскомъ, впоследствии также митрополитѣ и дѣятельномъ союзникѣ Фотія. Послѣдній безце-ремонно называетъ это общество «стадомъ», такъ какъ оно взды-хало и молчало, а дѣлать ничего не дѣлало. Филаретъ, передъ которымъ доселѣ Фотій благоговѣлъ, теперь сталъ ему подозри-тельнымъ за переводъ Н. Завѣта на русскій языкъ. Дѣло это, по словамъ Фотія, «вѣчное и неизгладимое пятно на него положило». Фотій во всемъ винилъ Филарета, потому что другіе преосвящен-ные, въ семъ участвовавшіе, «не искусны были въ знаніи язы-ковъ», а Филаретъ былъ глубокій ихъ знатокъ. Иннокентій такъ отозвался объ этомъ дѣлѣ: «Плохое дѣло —ново-завѣтный новый переводъ на простое русское нарѣчіе: болѣе вреда принести, нежели пользы». Теперь Фотій уже считаетъ себя въ правѣ отозваться о

Филаретъ, что онъ «въ благочестію и въ истинной пользѣ душе-спасительной ничего не сдѣлалъ, и даже дѣйствующимъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ».

Тѣмъ временемъ Фотію, по его словамъ, были новыя видѣнія «для ободренія въ брани за вѣру». По всему видно, что при усиленномъ постничествѣ, Фотій до того разстроилъ свое воображеніе призраками гоненій и мученій за вѣру, что «видѣнія», «восхищенія», «знаменія» постоянно тревожили его покоемъ, являясь въ богѣ или менѣ сильныхъ формахъ галлюцинацій. На связь подобныхъ явленій съ оскудѣніемъ физическихъ силъ указываетъ самъ Фотій, когда, описывая подобные случаи, говоритъ, что предъ этимъ сильно постился, измощдалъ плоть, усиливалъ подвиги.

Въ это время въ Петербургѣ произошелъ случай, надѣлавшій много шума, съ законоучителемъ морского корпуса Іовомъ, который, ради непорочной жизни и христіанскаго духа, избранъ былъ Фотіемъ даже въ духовники. Дѣло было въ май 1818 г. Іовъ, исполненный мистической ревности въ духѣ отрицанія внѣшней обрядности и формальности въ религіи, въ полупомѣшанномъ состояніи, отправился въ корпусную церковь, порѣзалъ ножемъ образа, писанные на холстѣ. Іова схватили, посадили въ особую комнату, но едва удержали отъ попытки высочить на улицу съ 4-го этажа.

Фотію было поручено разслѣдованіе дѣла и увѣщаніе Іова, который скоро опомнился, во всемъ сознался. Оказалось, что онъ былъ членомъ масонской ложи Лабзина, куда, однако, только-что вступилъ (7 мая 1818 г.), и которая, слѣдовательно, не могла создать въ немъ такого настроенія, какое обнаружилъ онъ въ горячечномъ состояніи въ церкви. Но для Фотія это былъ прекрасный случай поднять «воплъ противу тайныхъ беззаконій и всѣхъ вольнодумовъ».

Іовъ, подъ вліяніемъ совершеннаго имъ нелѣпаго поступка, обстоятельно изъяснилъ, какъ Лабзинъ и К^о увлекли его, «въ тайну нечестія и беззаконія масонскаго». Но этимъ онъ себя не спасъ. По ходатайству «масонскихъ» вліятельныхъ лицъ, онъ-было получилъ мѣсто учителя въ Новгородѣ, но скоро угодилъ въ Архангельскъ и былъ разстриженъ. А между тѣмъ Фотій, опираясь на этотъ случай, поднималъ тревогу, «при семъ случѣ возвысилъ гласъ свой и вопль свой яко трубу, и яко городъ ходилъ всюду», взывая противъ вольнодумства. Равнодушіе духовныхъ властей его еще болѣе раздражало. Фотій на первый разъ сдѣлалъ орудіемъ тревоги своихъ же учениковъ. Добылъ онъ масонскій ватихивисъ, и сдѣлавъ на немъ надпись: «Кати-

живись массоновъ, вѣрующихъ во антихриста, діавола и сатану», далъ кадетамъ, между которыми были дѣти аристократическихъ семей, читать; а тѣ разнесли вѣсти объ этомъ по домамъ. Вышелъ скандалъ, такъ какъ масонству принадлежали лица высокаго поставленія. Въ столицѣ стали говорить о Фотіѣ.

А ему это и было нужно. Успѣхъ увеличивалъ его фанатическое настроеніе, и опять пошли ему видѣнія и искушенія. Однажды бѣсъ будто бы убѣждалъ его сотворить чудо на посрамленіе нечестія—по Невѣ, какъ по суху, перейти противъ дворца; но онъ благоразумно не рѣшился на этотъ курьезный опытъ.

Въ другой разъ ему явилось какое-то «милое и сердцу сладкое» видѣніе, но онъ прогналъ его молитвой. Странное его поведеніе повело-было въ большимъ несприятностямъ. Дѣло въ томъ, что на него стали смотрѣть, какъ на сумасшедшаго. Объ этомъ сперва секретно сообщили митрополиту; слухъ разнесся по корпусу, достигъ въ лавру; одни жалѣли его, другіе радовались, всѣ стали оберегаться фанатическаго монаха; другіе дерзали приходить и даже его осматривать. Фотія это бѣсило и волновало до глубины души, и тогда-то окончательно окрѣпла его ненависть къ «новымъ ученіямъ». «Въ тайнѣ сердца его, за такое злое соглашеніе поносное, *пагубное родилось дерзновеніе* въ немъ до пролитія *крови* и самой смерти, пока живъ будетъ на землѣ, бороться со всѣми тайными обществами». Теперь цѣль его опредѣлилась ясно. Митрополитъ и Иннокентій убѣждали его молчать, не поднимать бури, даже задерживали его въ лаврѣ; но онъ остался упоренъ, тѣмъ болѣе, что Иннокентій преподавалъ ему благословеніе и въ митрополичьемъ саду ягодами кормилъ, «перстами своими во уста ему влагая». Любезность эта смутила даже Фотія, до того она была необычна, но въ то же время она ясно свидѣтельствовала о внутреннемъ одобреніи и сочувствіи настроенію Фотія.

Когда надо было ѣхать Фотію изъ лавры, у него ни копѣйки не оказалось, и Иннокентій далъ ему на извожника. Подъѣхавъ въ корпусу, Фотій всталъ съ дрожавъ, и молился предъ храмомъ. Входитъ онъ въ классъ.

«Всѣ вставъ кадеты, какъ любили премного, то заплакали видѣвшіе его отъ жалости. О. Фотій прослезился самъ. Вопросалъ ихъ: «отчего вы, чада вовлюбленная, слезно зрите на меня?»—Они ему говорили: «отче, намъ сказали, что уже тебя въ Сибирь сослали». Фотій имъ за любовь поклонился низко и велѣлъ съѣсть. Также они сказали: «слухъ пронесся, что будте,

отца, ты вѣдъ ума въ темницѣ». Послѣ этого Фотій изъяснилъ имъ по-своему, конечно, свое дѣло.

Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства такъ сложились, что Фотій съ каждымъ днемъ дѣлался раздражительнѣе и нетерпимѣе. Но пока это враждебное его настроеніе и озлобленіе ограничивалось тѣсною средою его служебной дѣятельности и не находило себѣ вѣдшей поддержки, оно всего больше вредило самому Фотию, подрывало его здоровье, отравляло ему жизнь. Только съ пріобрѣтеніемъ вѣдшаго вліянія Фотій становится дѣйствительно опаснымъ.

Думаютъ, что знакомство съ Филаретомъ и Иннокентіемъ благотворно вліяло на богословское образованіе Фотія ¹⁾. Конечно, умный и даровитый человекъ могъ бы многое заимствовать особенно отъ глубоководнаго Филарета; но Фотій далеко не былъ таковымъ; скоро къ Филарету онъ сталъ чувствовать даже нерасположеніе, именно, быть можетъ, вслѣдствіе его учености, которая не ладила съ «смирненнымъ и умственнымъ убожествомъ» фанатика-монаха. Вліяніе Иннокентія было гораздо сильнѣе и глубже; но оно ограничивалось чисто-моральными, аскетическими воззрѣніями. Ни изъ чего не видно, чтобъ Иннокентій чѣмъ-либо вызвалъ въ Фотиѣ любовь къ наукѣ, на которую и самъ Иннокентій смотрѣлъ подозрительно, отождествляя ее съ вольномысліемъ. Совершенно напротивъ, Иннокентій содѣйствовалъ усиленію нетерпимости въ Фотиѣ даже въ отношеніи научномъ. Если первые опыты Фотія въ проповѣдничествѣ были поощряемы, то вовсе не ради ихъ ораторскаго или ученаго достоинства; могъ ли полуграмотный монахъ, едва годъ пробывшій въ академіи, имѣть подобныя претензіи? — Но ради ревности, горячаго чувства и силы обличенія, тайна которой вскрылась въ нервной, раздражительной натурѣ Фотія. Собственный опытъ Фотія — составленное имъ «Огласительное Богословіе» — въ научномъ отношеніи вещь ничтожная, и она прошла незамѣченною даже въ самую блестящую пору извѣстности Фотія ²⁾. Что касается до того, что въ знакомствѣ съ Иннокентіемъ и Филаретомъ Фотій почерпалъ знакомство съ тогдашнимъ религіознымъ движеніемъ въ русскомъ обществѣ ³⁾, то и здѣсь Фотій немного заимствовалъ отъ сво-

¹⁾ Напр., *К. Поповъ*. См. ст.: Фотій и его дѣятельность. „Труды К. Д. Академіи“. 1875 г., стр. 710.

²⁾ Трудъ этотъ былъ у насъ въ рукописи. Авторъ говоритъ, что трудъ его трикратно одобренъ на публичномъ экзаменѣ; но это одобреніе значило не болѣе, какъ только то, что въ учебникѣ не было ничего противоправославнаго.

³⁾ *К. Поповъ*. Фотій и его дѣятельность. „Труды К. Д. Ак.“, 1875, июль, стр. 711.

ихъ образцовъ. По ограниченности своихъ способностей и образованія, Фотій не могъ возвыситься до широкаго, просвѣщеннаго взгляда Филарета, не могъ понять глубокихъ основаній его терпимости; а такъ какъ между Филаретомъ и Иннокентіемъ скоро возникла рознь, то Фотій прямо склонился на сторону послѣдняго, видѣлъ въ Филаретѣ даже измѣнника святому дѣлу и, какъ всѣ злые, тупые и ограниченные люди, сталъ смотрѣть даже съ высокока на великаго ученаго, не признавая за нимъ никакихъ заслугъ на пользу вѣры и церкви. Можно сказать, что самолюбіе Фотія росло съ его внѣшними успѣхами. Развѣ не утѣждался онъ въ послѣдствіи именемъ «Юрьевскаго Златоуста?» Да и въ эту эпоху Фотій уже съ самонадѣянностью заявляетъ, что-де онъ открылъ глаза Иннокентію и разоблачилъ лжехристіанство Хвостовой, которой учитель его вѣрилъ и которую считалъ «христіанкою примѣрною» ¹⁾. Но для Фотія несомнѣнно было важно быть поблизи Филарета, лица важнаго, высокопоставленнаго, — это выдвигало незамѣтнаго и ничѣмъ не выдававшася монаха, составляло ему положеніе въ обществѣ, и дѣйствительно сближало его съ центромъ, гдѣ загорѣлась борьба между защитниками церковнаго порядка и мистиками.

VIII.

1819-й годъ былъ бѣденъ фактами дѣятельности въ жизни Фотія, — это былъ годъ *подготовительный*. Главный предметъ автобіографіи въ этомъ году — изложеніе разныхъ новыхъ ученій и сектъ, съ которыми затѣмъ боролся Фотій.

Начало года было печально для Фотія. Его любимый совѣтникъ и поощритель Иннокентій палъ жертвою увлеченія и неосторожности. Дѣло было такъ. Нѣкто Станевичъ сочинилъ книгу: «Бесѣда надъ гробомъ младенца», въ которой онъ обличаетъ современное нечестіе и особенно новыя ученія. Иннокентій былъ цензоромъ. Самъ пропитанный враждебнымъ настроеніемъ въ духу времени, онъ радъ былъ пропустить книгу, гдѣ обличается этотъ духъ. Но за этой тенденціей онъ не досмотрѣлъ, что книга Станевича, въ сущности пустая и поверхностная, заключала въ себѣ ученіе противное символу. Этимъ воспользовались враги Иннокентія. Поднялось дѣло. При участіи вн. Голицына, оно дошло до государя, который былъ крайне этимъ недоволенъ и

¹⁾ Записки Фотія въ „Рус. Арх.“, 1873 г., стр. 1442.

далъ повелѣніе—удалить Иннокентія изъ Петербурга. Для видности, положено было назначить его епископомъ оренбургскимъ; но по ходатайству кн. Мещерскихъ его назначили въ Пензу. Случай этотъ сильно повліялъ на Фотія, который лишился въ Иннокентіѣ главнаго покровителя, совѣтника, союзника и возбuditеля.

Напрасно думаютъ, что здѣсь замѣшались козни Филарета; послѣдній предупреждалъ Иннокентія объ опасности, но Иннокентій даже обидѣлся на указаніе, что сочиненіе Станевича противорѣчитъ символу. «Развѣ я символа вѣры не знаю?»—отвѣтилъ онъ на предупрежденіе ¹⁾. Извѣстно, что высылка Иннокентія кончилась для него дурно. Захворавъ еще въ дорогѣ, онъ и года не прожилъ на паствѣ, скончавшись 10-го октября 1819 г. Но переходъ Иннокентія въ Пензу имѣлъ впоследствии громадное вліяніе на судьбу Фотія. Дѣло въ томъ, что когда Иннокентій проѣздомъ черезъ Москву захворалъ, къ нему явились съ услугами первыя лица города и въ числѣ ихъ 35-лѣтняя дѣвица, гр. Анна Орлова-Чесменская, которая затѣмъ играла столь важную роль въ судьбѣ Фотія. Конечно, отъ Иннокентія она узнала объ его другѣ Фотіѣ въ Петербургѣ; если при этомъ Иннокентій выставилъ себя страдающимъ за правду, за церковь, за истину вѣры; то дружба его къ Фотію имѣла значеніе самой сильной рекомендаціи. По крайнемѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить совершенно, повидимому, случайное и непредвидѣнное сближеніе графини Анны съ Фотіемъ.

Жизнь и труды пресв. Иннокентія вообще почти неизвѣстны у насъ. Хотя судьба его по отношенію къ исторіи Фотія имѣетъ эпизодическое значеніе, однако же она имѣетъ несомнѣнную важность и для нашей задачи. Въ числѣ невыясненныхъ вопросовъ о Фотіѣ видное мѣсто занимаетъ вліяніе на Фотія Иннокентія. Выше мы уже воснулись этого вліянія. Всѣмъ извѣстно, что Фотій началъ подвизничество и борьбу съ духомъ вѣка подъ вліяніемъ Иннокентія,—но въ чемъ именно состояло это вліяніе, до сихъ поръ остается не вполне разъясненнымъ, какъ и самый характеръ Иннокентія неизвѣстнымъ. Ключъ къ рѣшенію этого вопроса представляетъ живое описаніе Иннокентія, въ которомъ

¹⁾ Тамъ, II, л. 53. Такъ какъ рассказъ объ этомъ предупрежденіи Иннокентія исходитъ отъ Фотія, то ему можно вѣрить, хотя онъ и уничтожаетъ отзывъ самого Фотія по этому поводу о Филаретѣ. Мнѣніе о соперничествѣ Филарета съ Иннокентіемъ довольно распространено, но оно положительно невѣрно. Ср. „Чтен. общ. истор. и древн.“, 1868 г., стр. 265.

Фотій не только очерчиваетъ личность своего отца духовнаго и руководителя, свои отношенія къ нему, но и тѣ выходы, которыя онъ вынесъ изъ этого союза.

Мы сдѣлаемъ лишь краткое извлеченіе изъ этой рукописи, насколько это кажется необходимымъ для характеристики Фотія и его отношеній къ Иннокентію.

«Сказаніе» о житіи Иннокентія бѣдно содержаніемъ, фактами; все оно почти состоитъ изъ разсужденій. Авторъ начинается съ похвалы Иннокентія, котораго онъ называетъ *блаженнымъ*.

Родился Иннокентій въ подмосковномъ селѣ Павловѣ, отъ дьячка, какъ и самъ Фотій. Первое имя Иннокентія было Илларионъ, а за его *смирненіе* въ семинаріи ему дали фамилію *Смирновъ*. Фотій говоритъ, что Илларионъ учился отачно, былъ «остръ разумомъ», простъ сердцемъ, чистъ тѣлесно, въ должности рачителя, въ словѣ вѣренъ.

По вступленіи въ монашество, получивъ имя Иннокентія («невиннаго»), онъ жилъ согласно своему имени. Фотій не передаетъ фактовъ постепеннаго возвышенія Иннокентія, но описываетъ его монашескую жизнь самыми свѣтлыми красками. Онъ былъ воздерженъ, бдителенъ, трудолюбивъ, благочестивъ, день и ночь проводилъ въ молитвахъ, чтеніи св. писанія, житій святыхъ, подражая имъ словомъ и жизнью. Несмотря на напыщенно-риторическое, крайне многословное и преувеличенное прославленіе авторомъ Иннокентія, по всему было видно, что это былъ теплый и симпатичный, добрый человѣкъ. Приводимыя въ «Сказаніи» выдержки изъ его писемъ говорятъ о теплотѣ, задушевности его убѣжденій и искренней религіозности, о чемъ свидѣтельствуютъ и совѣты его Фотию въ ученіи болѣе всего имѣть терпѣливость, миръ, любовь и спесойствіе. Особенно Иннокентій настаивалъ на смиреніи и молитвѣ. Въ вальи у него всегда горѣла неугасимо лампада; воздержаніе доводило его даже до изнеможенія, а для смиренія плоти онъ носилъ еще власицу.

Фотій обстоятельно описываетъ подвиги его — покаянія, пощенія, дѣвство, выщету, милосердіе, непрестанную молитву, проповѣданіе, добрыя дѣла, смиреніе, терпѣніе, страннопримство. Вообще въ Иннокентіѣ Фотій начертываетъ идеалъ монаха, на высотѣ его призванія, хотя и эти изображенія проникнуты у Фотія отчасти духомъ обличенія и полемики съ духомъ времени.

Аскетизмъ Иннокентія привлекалъ къ нему много поклонниковъ изъ аристократіи, и здѣсь-то онъ впадалъ въ тонъ рѣзкаго обличителя, безъ сомнѣнія, не оставшійся безъ вліянія на Фотія.

Въ «Сказаніи» приводятся нѣсколько случаевъ, характеризующихъ несазвѣтность, нелюбіе и простоту Иннокентія.

Однажды Иннокентію кто-то изъ родителей учащихся прислалъ вѣтку, — тотъ со скорбію и съ негодованіемъ выпроводилъ посланца. Даже простыя пожертвованія и весьма значительныя Иннокентій обыкновенно отклонялъ отъ себя. Такъ, когда во время болѣзни его въ Москвѣ, нѣкто немаловажный (вѣроятно гр. Анна) прислалъ ему цѣлый узелъ ассигнацій, то Иннокентій развернулъ его, подивився такому богатству, и велѣлъ съ благодарностью отнести назадъ подарокъ. Въ этомъ отношеніи Фотій дѣлаво не подражалъ своему руководителю и вслѣдствіи потомъ обиралъ графиню Анну.

Однажды дьявонъ, въ незрѣвомъ видѣ, потерялъ дорогой крестъ. Вывонный жадалъ осужденія, но благодаря заступничеству Иннокентія, былъ прощенъ.

Когда князь Голицинъ за «Бесѣду на гробѣ младенца» наслѣлъ на удаленіи Иннокентія, Фотій явился рѣзкимъ обличителемъ князя предъ Иннокентіемъ, но послѣдній запретилъ ему осуждать врага, ибо это противно заповѣди любви ¹⁾.

Фотій передаетъ еще такой случай. Одинъ изъ учениковъ семинаріи также трижды провинился въ ослушаніи и ему грозила кара. Инновонній, вмѣсто наказанія, сталъ убѣждать и увѣщавать ученика, и при этомъ такъ растрогался, что самъ заплакалъ и ученика привелъ въ чувство, послѣ чего и отпустилъ его безъ выговора. Фотій горячо возсталъ противъ этого, находя, что виновный долженъ понести наказаніе. На это Иннокентій отвѣтилъ, что кротость и любовь вѣрнѣе ведутъ къ цѣли и боже согласны съ духомъ воспитанія христіанскаго.

Однако Иннокентій не чуждъ былъ и духа обличенія, причѣмъ его рѣчь дѣлалась жесткою и поражала своею силою. Вотъ примѣръ его обличенія современныхъ ему проповѣдниковъ:

«Любодѣй любодѣйствуетъ не ради дѣторожденія, но для насниченія мечестою своею лодоти: такъ и проповѣдникъ слова Божія, когда проповѣдуетъ не ради рожденія духовныхъ чадъ по закону, но чтобы, сказавъ слово, тожже движаніемъ рукъ, эхомъ гласа и провозвоненіемъ слынь за проповѣдника, или почесать сердце свое щепованіемъ; слухомъ чести, мѣды и отлация, тожже онъ дѣветъ, что и любодѣй: сей любодѣйствуетъ тѣлесно, а той духовно. А когда въ проповѣди есть еще примѣсь неправого ученія, духа, тогда якоже матеръ убиваетъ во чревѣ своемъ

¹⁾ Исторія объ этомъ передается у Фотія прикровенно (Сказ. 81 л.), но и безъ именъ ясно, о комъ идетъ рѣчь.

ядомъ младенца, тако и проповѣдникъ ядомъ заблужденія паче убиваетъ, нежели воспитываетъ чадъ духовныхъ во утробѣ церкви. Видитъ Богъ, коль во многихъ настоящихъ витіяхъ, проповѣдникахъ бываетъ нечисто, нерадиво, суетно проповѣдническое слово и лепетаніе!»¹⁾ Есть поводъ думать, что въ этомъ обличеніи проповѣдниковъ мѣтилось на Филарета. Рядомъ съ этимъ мы читаемъ и обличительную, горячую его рѣчь противъ зловѣрія, гдѣ говорится «о нечестивцѣ Іак. Бемѣ, о бредняхъ Штгалинга, о безумномъ Эккертгаузенѣ, о прелестномъ Θ. Кемпійскомъ, о безбожномъ Іерусалемѣ, объ адскомъ «внутреннемъ человѣкѣ» Массона, о вольнодумцахъ, лепетунахъ, лжеучителяхъ и лжепророкахъ, суемудрыхъ, гордыхъ, плотскихъ, развращенныхъ, «ни куда и ни въ чему не годныхъ»,—въ этихъ рѣчахъ уже нѣтъ и тѣни терпимости, любви, смиренія. Быть можетъ, Фотій влагаетъ учителю въ уста свои рѣчи; но важно и то уже, что онъ ихъ влагаетъ. Въ такомъ случаѣ, у Фотія представленіе объ учителѣ его соединяло въ себѣ эти двѣ противоположности—любовь и нетерпимость, смиреніе и гордость.

По натурѣ своей Фотій не могъ научиться первому, но второе не только усвоилъ, но и развилъ въ себѣ до послѣднихъ предѣловъ, готовый воздвигнуть костры инквизиціи для иномыслящихъ и подвергнуть ихъ всѣмъ карамъ неба и земли.

Далѣе Фотій передаетъ тотъ фактъ, что Иннокентій не только обличалъ Лабзина, но и посылалъ ему проклятія, осужденіе на муки, преданіе злему духу, что будто бы и сбылось: «нападе на него (Лабзина) духъ лють, муча его, повергая долу, бія и сотрясая въ свое время, *даже до дне сею*: зане не поваяся и не обратися въ Богу увѣщиваемъ»²⁾. Это дѣйствіе уже совершенно въ Фотіевскомъ духѣ.

Фотій признаетъ Иннокентія *провидцемъ*, усвоетъ ему даръ предсказывать будущее и считаетъ его святымъ, высшимъ образцомъ монаха-аскета. Поэтому провозвѣстіе Иннокентія о лжехристахъ, о тайнѣ беззаконія, о духѣ антихриста, проявляющихся будто бы «въ бесѣдахъ, книгахъ, обществахъ новыхъ временъ», не могли не произвести на впечатлительную натуру Фотія сильнѣйшаго вліянія, не могли не содѣйствовать духу фанатической нетерпимости, которымъ былъ промѣненъ Фотій въ борьбѣ съ духомъ вѣва.

Между тѣмъ Иннокентій въ этомъ именно отношеніи лже

¹⁾ Сказ., 34 и слѣд.

²⁾ Сказаніе 40—42. Имя Лабзина скрыто подъ начальными буквами А. Θ. Л., но здѣсь же говорится о „Сіонскомъ Вѣстангѣ“, издав. какъ извѣстно, Лабзинимъ.

шелъ вопреки даже своей мягкой, любящей натурѣ, являясь немолчаливымъ обличителемъ. Фотій рассказываетъ, что Иннокентій показывалъ ему одну книжицу, гдѣ изложена была «бѣсова философія» новаго времени, гдѣ «мудрованія совершенно сатанинскія, нездравныя, нечистыя, дерзкія, хульныя, вольныя, противу Бога, вѣры Христовой и Духа св., противу властей и всякой истины», и будто бы эту книжицу предположено было въ училищахъ преподавать, что вызвало желчную, обличительную тираду, совершенно въ духѣ Фотія, причемъ одинаково осуждаются и всѣ свѣтскія литературныя произведенія: «а о родѣ другаго грѣховнаго ученія, какъ-то: комедій, трагедій, романовъ, басней и т. п., не лѣтъ есть и глаголати, студа ради великаго и явнаго безстрашія». При этомъ «книги новаго духа» прямо называются, «яко гадины ядовитыя», «учебнымъ евангеліемъ, яко жабѣ, духовъ злыхъ» и пр. И въ этомъ духѣ бывали даже поученія Иннокентія съ церковной кафедрѣ.

Паденіе Иннокентія въ борьбѣ съ «новымъ духомъ» окончательно должно было сдѣлать изъ Фотія «непримиримаго». Увлеченный желаніемъ обличить духъ времени, Иннокентій-цензоръ неосторожно пропустилъ книгу, гдѣ хотя и обличалось совершенное безвѣріе, но высказывались взгляды неправославныя. Конечно, враги были этому рады. Фотій говоритъ, что «они силились какъ-нибудь удалить съ безчестіемъ Иннокентія изъ Петербурга ¹⁾, и достигли цѣли. Фотій былъ очень близокъ съ Иннокентіемъ, онъ провелъ съ нимъ даже послѣднюю ночь въ Петербургѣ въ молитвѣ и принялъ его завѣтъ борьбы. Фотій окружаетъ смерть Иннокентія ореоломъ святости и величія, и, считая его мученикомъ за вѣру, самъ беретъ на себя ту же миссію борьбы. Фотій пишетъ, что, рѣшаясь посвятить себя борьбѣ съ зловѣріемъ, онъ просилъ у Бога знаменія, показать ему, спасенъ ли и гдѣ находится умершій Иннокентій, и знаменіе это было дано ему въ 40-й день, въ видѣніи.

Удаленіе Иннокентія такъ поразило Фотія, что онъ приунылъ, въ Петербургѣ ему стало тяжело, и онъ отпросился на богомолье, въ Коневецъ. Путешествіе это не представляеть ровно никакого интереса, но носить на себѣ явные слѣды скудоумія Фотія. Шель Фотій илькомъ; на дорогѣ видѣлъ финновъ «нѣ-

¹⁾ Рѣчь идетъ о кн. Голицынѣ и Фларетѣ. Въ рукописи есть замѣтка Фларета, архіепископа черниговскаго: „NB. О послѣднемъ несправедливо подозрѣніе; по его отзыву, высказанному мнѣ случайно, онъ, напротивъ, предостерегалъ и уговаривалъ бл. Иннокентія не одобрять книги, которая дѣйствительно, при своемъ добромъ извѣрѣніи, написана плохо, не отчетливо, бездоказательно, бессвязно.“ Ф. А. Ч.

мелкаго зловѣрія», имѣющихъ «нечистые обычаи, несвойственныя вѣрнымъ», почему онъ не хотѣлъ у нихъ и ѣсть; видѣлъ, что и православные ѣдятъ свормное по средамъ и курятъ табакъ, что подало поводъ ему излить негодованіе на весь міръ. Въ Коневцѣ его приняли радушно, угостили и одаржили. Фотій все въ немъ хвалить, только одного «прельщеннаго старца», который, будучи слѣпъ, помѣшался на томъ, что «бѣсовъ нѣтъ на свѣтѣ, а дьяволы суть люди и что онъ самъ совершенно святъ», — не одобряетъ, тѣмъ болѣе, что старецъ этотъ, не желая слушать Фотіевскихъ увѣщаній, хотѣлъ даже его побить. Отдохнувъ въ Коневцѣ, Фотій возвратился въ Петербургъ и здѣсь разными происками искалъ случая устроить пагубу новымъ ученымъ, «оставивъ потокъ нечестія». Для этой цѣли онъ дѣлаетъ очеркъ «злочестивыхъ собраній тайныхъ обществъ».

Лабзина онъ уличаетъ въ томъ, что имъ распространялась «премудрость земная, бѣсовская», «ученія лжехристовы»; что онъ переводилъ и издавалъ «книги нечестиваго всякаго еретическаго ученія разнаго»; «выдумывалъ чудеса разныя новыя»; «прославлялъ магнитизмъ, — сунце бѣсовское дѣло и упражненіе»; что онъ «самъ сущій апостолъ и пророкъ сатанинъ», совратившій въ свое ученіе Филарета, Теофила, основателя ложи въ одесскомъ лицей, Іова-разстригу, многихъ духовныхъ знатныхъ и свѣтскихъ лицъ, купцовъ богатѣйшихъ, за что министръ кн. Голицынъ «испрашивалъ ему похвалы громкія и какъ нѣкоему апостолу, царская рука писала въ рескриптахъ». При этомъ авторъ перечисляетъ зловредныя, изданныя Лабзиннымъ книги, указываетъ на его поборниковъ и предшественниковъ, между прочимъ на Новикова, Тургенева и др.

Не менѣе вреднымъ Фотій находилъ Копелева. «Сей вельможа хитрый, пустосвятъ, придворный ласкатель, прибавъ себѣ въ руни мнѣ. дух: дѣлъ, кн. Голицына, болѣе всѣхъ сдѣлалъ вреда церкви», такъ какъ онъ былъ близокъ къ государю, котораго Фотій называетъ «малосвѣдующимъ въ истинахъ вѣры православной». Копелеву Фотій усвоитъ мысль о преобразованіи дух. училищъ и даже о переводѣ библіи «безъ нужды на простое нарѣчіе»; они-де съ кн. Голицынскимъ, директоромъ канцеляріи Тургеньевымъ «нерѣдко низвергали архіереевъ, а иныхъ гнали до гроба».

Библейское общество, по взгляду Фотія, было центромъ тайныхъ обществъ, а между тѣмъ ему благоволеніе оказывала царская фамилія, предсѣдательствовалъ въ немъ кн. Голицынъ, членами его были архіереи, и почти по всѣмъ губ. городамъ открыты

были филиальныя его отдѣленія, собранія, корреспонденціи. Это былъ, говорить Фотій, «библейской Вавилонъ смѣшенія», гдѣ католичество браталось съ «нѣмецкимъ зловѣріемъ», а духовные мѣшались съ мірскими людьми, откуда являлось «общее развращеніе и заблужденіе». О переводѣ св. писанія Фотій пишетъ, что въ немъ участвовали даже студенты академій, и хотя этотъ «дѣтскій переводъ» разсматривался профессорами и исправлялся, но переводъ все же выходилъ «болѣзненный и вредный»¹⁾, при чемъ больше всего вредили Поповъ (дир. библ. общ.) и Лабзинъ, которые рядомъ съ переводомъ издавали свои на него толкованія, «гдѣ самые догматы главные съ корня были срублены». Особенно вредно было толкованіе Госнера на евангеліе Матвѣя.

Загѣмъ шли ереси и лжеученія, секты и расколы, между ними отмѣчались: *иллюминаты*, *масоны*, *квакеры*, особенно *методисты*, «секта *ложепророковъ* и *скопцовъ*», которымъ Фотій усвоялъ и политическую крамолу, квіетисты, представительницей которыхъ служила г-жа Гюнъ. Говоря о *Татариновой*, которая, благодаря вліянію кн. Голицына, ковыляничала въ Михайловскомъ замкѣ, авторъ описываетъ «радѣнія» этой секты и пророчества; какой-то монахъ сообщилъ ему даже пѣсни ихъ, которыя пѣлись «на любодѣйный голось» и были «гнусны и безумны».

Что касается *Хвостовой*, «дочери Лабзина безбожнаго», то она увлекала даже Иннокентія, который считалъ ее искреннею христианкою, противъ чего горячо возсталъ Фотій, указывая, что міръ палъ черезъ Еву, что діаволъ черезъ Хвостову кочеть и насъ также соблазнить, а мы-де не мудрѣ Адама.

Еще упоминаетъ Фотій о сектѣ, подъ названіемъ «Братя-свиньи», гдѣ были ученые, даже врачи иностранные, и «скверною плотію (?) себя мазали», говорить и. об. обществѣ *карбонариевъ*. Что касается источниковъ своихъ свѣдѣній о сектахъ, то Фотій, не стѣсняясь объясняетъ, что имѣлъ шпионовъ въ библ. обществѣ, испытывалъ отъ своихъ учениковъ, узнавалъ отъ странниковъ и даже тайно присутствовалъ на радѣніяхъ Татариновой, «гдѣ своими очами видѣлъ бѣснованіе, круженіе, лжесловесіе и прорицаніе демонское». Въ числѣ покровителей своихъ онъ называетъ м. Михаила, м. Серафима, еп. Симеона, об.-свящ. Державина, арх. Товію, гг. Ниловыхъ, Барановыхъ и особенно Державину, которая «любовію своею много утѣшала его, яко вдовица».

С. МИРОПОЛЬСКІЙ.

¹⁾ „Сила перевода была такова, по отзыву Фотія, что догматы церк. ученія ясно испровергались“.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

Въ гаремѣ брань и плачь;—но входитъ падишахъ—
И одалиска еле дышетъ,
Мутятъ ей душу гнѣвъ, отчаянье и страхъ;
Но развѣ не сверкнетъ восторгъ у ней въ очахъ,
Когда ей ласка грудь всколышетъ!...

Холодный Сѣверъ нашъ печаленъ и суровъ;
Но развѣ онъ весны не приметъ,
Когда владычица въ предѣлѣ его снѣговъ
Внесетъ и ландыши, и трели соловьевъ,
И горячо его обниметъ!

И небо, и земля, и жизнь моя въ цѣпяхъ,
На жизнь я тщетно негодую,
Сжимаютъ душу мнѣ отчаянье и страхъ;
Но развѣ не сквозитъ любовь въ моихъ рѣчахъ
Когда я духъ свободы чую!

* * *

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Спать не даетъ, оттого что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ;
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...

Съ койки глядятъ лихорадочно-взойнныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до-полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.

Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Я. ПОЛОНСКИЙ.

ПОДАТНАЯ ДЕСЯТИНА

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

I.

Приемъ изслѣдованія.—Земельное устройство общины.—Распределение общинной земли между членами.—Основанія распределения.—Земля, какъ одинъ изъ элементовъ въ домохозяйствѣ.—Десятина и осьмичиницъ, какъ земельныя мѣры.—Хозяйство одинокихъ маломощныхъ, и хозяйство семейныхъ.—Типы домохозяйствъ въ общинѣ и податное ихъ значеніе.—Недоимки и ихъ происхожденіе.—Послѣдствія подесятинаго и подушнаго обложеній по отношенію къ земству.

Для изслѣдованія условій крестьянскаго быта въ черноземной полосѣ Россіи, мы избрали хорошо извѣстную намъ Аряшенскую сельскую общину, какъ одну изъ мельчайшихъ составныхъ частей населенія саратовской губерніи.

Всестороннее изслѣдованіе этой единицы административнаго организма предпринято нами въ тѣхъ видахъ, чтобы узнать, болѣе или менѣе основательно, какъ живетъ эта община подъ давленіемъ всѣхъ условій, которыми она обставлена въ ея новой государственной, общественной и экономической жизни.

Задавшись, такимъ образомъ, мыслью узнать и опредѣлить числовыя отношенія и взаимную связь между общественными и государственными нуждами и средствами къ ихъ удовлетворенію, мы принуждены разграничить свое изслѣдованіе на два главные отдѣла. Одинъ посвятимъ явленіямъ жизни государственной, другой—жизни общественной.

Подъ государственною жизнью Аряшенскаго сельскаго общества мы разумѣемъ проявленіе дѣятельности его къ доставленію

денежныхъ средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, направленныхъ къ содѣйствію общимъ цѣлямъ.

Денежные платежи, которые вносятся обществомъ для удовлетворенія однихъ государственныхъ надобностей, установлены по дѣйствующимъ законамъ, въ разныхъ размѣрахъ, *подушными и поземельными обложеніями.*

На этотъ разъ мы ограничимся изслѣдованіемъ *поземельнаго обложенія*, въ его единицѣ—*податной десятины земли.*

Но прежде чѣмъ приступить къ анализу земельнаго обложенія мы считаемъ нужнымъ предварительно познакомить читателя, въ нѣсколькихъ словахъ, съ обстоятельствами, сопровождавшими вообще земельное устройство всей Аряшенской сельской общины.

Крестьяне-собственники Аряшенской сельской общины, въ составѣ 212 ревизскихъ душъ (по X ревизіи), принадлежать къ разряду бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, занимавшихся обработкою помѣщичьей земли. Вскорѣ за введеніемъ уставной грамоты, они сами выразили желаніе перейти съ издѣльной повинности на денежный оброкъ. Затѣмъ обязательно разверстались съ помѣщикомъ угодьями и также обязательно выкупили, при содѣйствіи правительства, весь свой надѣлъ, по четыре десятины на душу. Обязательность въ земельномъ устройствѣ аряшенскихъ крестьянъ вызвалась не враждебностью сторонъ, — она вытекла изъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ того времени. Подъ впечатлѣніемъ разныхъ слуховъ, распространенныхъ людьми всякаго рода, крестьяне опасались входить въ кавія-либо окончательныя соглашенія и, какъ-будто въ силу какой-то особой мысли, представляли свое земельное устройство его естественному ходу; единственно—въ чемъ они были рѣшительны, это—въ готовности получить жертвенную (дарственную) десятину. При всей выгодѣ помѣщика устроить своихъ крестьянъ, по ихъ желанію, не могло быть и мысли о даровомъ надѣлѣ, ибо надѣ имѣніемъ тяготѣлъ долгъ опекунскому совѣту, не покрывавшійся и выкупной ссудой. Такимъ образомъ, крестьяне устроились на обязательномъ надѣлѣ, благодаря обязательствамъ, вынудившимъ въ тому ихъ владѣльца.

Стремленіе крестьянъ получить одну лишь дарственную десятину было обыкновеннымъ дѣломъ во многихъ мѣстностяхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, крестьяне не готовили же себя къ тому, чтобы совершенно отказаться отъ хлѣбопашества: они поступали такъ изъ одного чувства осторожности. Крестьяне были увѣрены, что земля ихъ владѣльца не минуетъ ихъ рукъ, что они, *не обязанные*, по ихъ выраженію, ни оброкомъ, ни выкуп-

нымъ платежомъ, будутъ снимать землю по существующей цѣнѣ и не дороже оброка ¹⁾. Но на дѣлѣ вышло иначе, — явилась конкуренція со стороны сосѣднихъ крестьянъ, увеличившихъ цѣнность арендной платы, явились коммерческія хозяйства, многія лица изъ торговаго класса, приобрѣвшія земли, стали смотрѣть на свои имѣнія, какъ на торговое заведеніе, которое должно было давать имъ не 6—7% ²⁾, а 12—20%, обыкновенно получаемыхъ торговцами съ затраченнаго денежнаго капитала и личнаго труда самого предпринимателя. Естественно, что эти хозяева принуждены были допускать всѣ мѣры, чтобы выжать лишнюю копѣйку, не брезгая штрафомъ за сельскую курицу, забредшую въ огородъ торговца.

Чтобы показать, что случайное земельное устройство изслѣдуемаго нами сельскаго общества было не исключительное, мы могли бы привести изъ практики нашей по обязанности миров. посредника и члена губернскаго по крест. дѣламъ присутствія множество примѣровъ самаго разнообразнаго земельнаго случайнаго устройства крестьянскихъ общинъ, но удерживаемся на этотъ разъ, чтобы не выйти изъ скромной рамки изслѣдованія одной податной единицы.

Переходя къ изслѣдованію самаго поземельнаго налога, прежде всего, мы обратимся къ самому способу пользованія землей.

Общинная земля крестьянъ Арашненскаго сельскаго общества, по особымъ свойствамъ обработки и пользованія, представляетъ двѣ категоріи, а именно: землю, раздѣленную *на года*, какъ выражаются крестьяне, и землю, подвергающуюся ежегодному дѣлежу. Къ первой категоріи относятся коноплянники, огороды и небольшая часть полевого надѣла (53 десятины), прилегающая къ селенію, къ самой околицѣ, а ко второй — весь полевой надѣлъ, раздѣленный на три поля: яровое, озимое и паровое. Земля первой категоріи удобряется, а второй — остается въ ея первобытномъ состояніи.

Въ пользованіи Арашненской сельской общины числится 846 податныхъ десятинъ казенной мѣры удобной земли; по положенію 19-го февраля 1861 года и по выкупному договору, десятины эти должны были бы распредѣлиться на 212 ревизскихъ душъ мужскаго пола, числившихся въ обществѣ, такъ что каж-

¹⁾ Это относится до крестьянъ-хлѣбопашцевъ, — нѣкоторыя же общины, какъ дальнѣйшія изслѣдованія намъ покажутъ, или въ даръ, потому что не были въ силахъ обработать землю и платить связанныя съ нею повинности.

²⁾ Обыкновенно даваемыхъ нашими помѣщичьими хозяйствами.

ды душа должна была бы получить на свою долю по 4 десятины; при распределении же земли между сочленами, общество не принимает въ соображеніе этихъ цифръ.

Мы видимъ также, что общество не обращаетъ должнаго вниманія на ежегодно измѣняющіяся цифры, показывающія наличное число душъ мужского пола, а равно оно не придаетъ значенія и наличному числу рабочихъ силъ. Остается предполагать, что община распредѣлила землю по тончайшимъ составнымъ частямъ своимъ, т.-е. дворамъ, которые она должна была бы принять за единицы.

По собраннымъ свѣдѣніямъ видно, что все населеніе общины состоитъ изъ 87 особыхъ дворовъ, особыхъ хозяйствъ, но оказывается, что и эта цифра не имѣетъ значенія относительно равноцѣрнаго распределенія между ними всей земли, нераздѣльно принадлежащей всей общинѣ.

Мы видимъ, что цифры, показывающія распределеніе земли, измѣняются своеобразно и почти ежегодно, и это измѣненіе подчинено извѣстнымъ обществу соображеніямъ. Вся земля общиннаго владѣнія Аряшенской сельской общины распредѣляется въ такомъ видѣ.

Если мы возьмемъ свѣдѣнія за одинъ только годъ, въ который предпринято изслѣдованіе, — 1876-й, то они намъ показываютъ, что въ яровомъ полѣ—

Отведено домохозяевамъ:	ЛУЧШЕЙ ЗЕМЛИ	СРЕДНЕЙ ЗЕМЛИ
Евдокиму Фролову.	1 осьминникъ ¹⁾	1 осьминникъ
Игнатію Игнатьеву.	1½ " "	1½ " "
Михайлѣ Алексѣеву	2 " "	2 " "
Федору Максиму	2½ " "	2½ " "
Николаю Игнатьеву	3 " "	3 " "
Ивану Андрееву Щукину	3½ " "	3½ " "
Тихону Андрееву	4 " "	4 " "
Никитѣ Жидову	5 " "	5 " "
Ивану Ботову	5½ " "	5½ " "

Эти же лица получили пропорціональное количество въ особомъ участѣ и худшей земли въ дробныхъ частяхъ осьминниками.

Если же мы возьмемъ свѣдѣнія за три года: 1874, 1875 и 1876, то увидимъ, что—

Дворъ Василія Федотова

въ 1874 г. получилъ земли:	4½ осм. лучшей	и	4½ осм. средней
" 1875 " " "	5 " "	" "	5 " "
" 1876 " " "	5½ " "	" "	5½ " "

¹⁾ Осьминникъ равняется 10-ти квадр. саженамъ въ ширину и 80-ти въ длину.

Общество прибавляло ежегодно по $\frac{1}{2}$ осьминника земли потому, что дворъ этотъ становился сильнѣе своими рабочими силами и былъ потому способнѣе къ перенесенію тягостей по нуждамъ общественнымъ и государственнымъ.

Дворъ Ивана Федотова

въ 1874 г.	получилъ земли:	3 осьм. лучшей	и	3 осьм. средней
" 1875 "	"	" $2\frac{1}{2}$ "	"	" $2\frac{1}{2}$ "
" 1876 "	"	" 2 "	"	" 2 "

Общество сбавляло у него по $\frac{1}{2}$ осьминника ежегодно, по причинѣ старости и неспособности его къ перенесенію такихъ тягостей, какія этотъ дворъ былъ способенъ переносить до 1874 года.

Дворъ Василья Васильева въ 1875 году получилъ земли $3\frac{1}{2}$ осьминника лучшей и $3\frac{1}{2}$ осьминника средней, а въ 1876 году ему слѣдовало бы получить 2 осьминника лучшей и 2 осьминника средней. Общество сбавило съ него только по $\frac{1}{2}$ осьминника и оставило за нимъ право пользованія въ теченіи одного года по 1-му осьминнику въ лучшемъ участкѣ и 1-му осьминнику въ среднемъ, въ вознагражденіе за отправление должности смотрителя запаснаго магазина, принявъ на себя платежъ соотвѣтственной доли повинностей.

Дворъ Федора Максимова

въ 1874 г.	получилъ земли:	$2\frac{1}{2}$ осьм. лучшей	и	$2\frac{1}{2}$ осьм. средней
" 1875 "	"	" тоже "	"	" тоже "
" 1876 "	"	" тоже "	"	" тоже "

Этотъ дворъ состоитъ, впрочемъ, изъ двухъ совершеннолѣтнихъ работниковъ.

По примѣру другихъ дворовъ, ему слѣдовало бы получить четыре осьминника земли лучшей и четыре осьминника средней. Общество же дало ему только по $2\frac{1}{2}$ осьминника каждаго качества земли, въ томъ соображеніи, что работники эти несручные, не управятся противъ другихъ своихъ сверстниковъ съ большимъ количествомъ земли и не вынесутъ наравнѣ съ ними одинаковой тягости повинностей; во время пашии нужно понувать лошадь, слѣдить глазами за направлениемъ борозды, тогда какъ у работника Федора глаза попорчены болѣзнію, а братъ его Василій говоритъ сирымъ и едва слышимымъ голосомъ.

Если мы сравнимъ произведенное распредѣленіе земли съ подушнымъ распредѣленіемъ повинностей, то увидимъ, что распредѣленіе земли, вполнѣ, безъ всякаго исключенія, совпало и

въ цифрахъ и приѣмахъ душевой раскладки повинностей. Единицею податной мѣры была принята $\frac{1}{212}$ доля всѣхъ повинностей безъ различія, подъ названіемъ *душа*, а единицею земельной мѣры принята тоже $\frac{1}{212}$ доля земельного участка въ каждомъ полѣ, подъ названіемъ *осьминника*, т.-е. $\frac{1}{3}$ десят. казенной мѣры. Словомъ—*осьминникъ* соотвѣтствуетъ *душѣ*.

Эти души и осьминники распредѣляются по различнымъ дворамъ, но всегда въ одинаковыхъ числахъ на каждый отдѣльный дворъ; такъ, домохозяева, принявшіе 1 душу повинностей, получили 1 осьминникъ лучшей и 1 осьминникъ средней земли. Домохозяева, принявшіе 2 души повинностей, получили 2 осм. лучшей земли и 2 осьминника средней земли, и такъ далѣе.

Обращаясь къ причинамъ и соображеніямъ, которыми руководилось общество, при подобномъ распредѣленіи земли по домохозяйствамъ, мы узнаемъ слѣдующее: если бы общество было обязано придерживаться въ распредѣленіи земли ревизской сказки, опредѣлившей еще въ 1858 г. число душъ въ каждой семьѣ, тогда Афиногену Матвѣеву, въ семьѣ котораго значилось 3 ревизскихъ души, пришлось бы отвести 12 десятинъ изъ общей суммы земли; онъ самъ первый протестовалъ бы противъ этого и доказалъ бы, что такое количество ему ни къ чему, что онъ не осилитъ такого количества земли, ибо онъ теперь изображаетъ собою одного наличнаго 17-ти-лѣтняго работника и одну наличную душу; у него нѣтъ ни лошадей для обработки земли, ни жены помощницы, а одна работница при домѣ, престарѣлая мать; тогда какъ семья Тихона Андреева, состоявшая изъ 6-ти ревизскихъ душъ обоего пола, возросла до 14 наличныхъ душъ обоего пола, явились и новые работники и прибавились новые вѣдови, требующіе соотвѣтственнаго размѣра запасовъ хлѣба. Для нихъ не хватило бы продуктовъ съ того количества земли, которое указано положеніемъ по расчету ревизской сказки.

Если бы общество, съ устраненіемъ распредѣленія земли по расчету ревизской сказки, приняло въ руководство одно только подворное подраздѣленіе своихъ членовъ, то тогда пришлось бы въ 1866 году раздѣлить земли по числу дворовъ на 70 равныхъ частей, около 12 десятинъ на каждый дворъ, а въ 1876 г. на 87 частей около $9\frac{3}{4}$ десятинъ на каждый дворъ.

При такомъ распредѣленіи, не говоря уже о затруднительной ломкѣ участковъ, уравнительность была бы также крайне несообразна съ общимъ экономическимъ положеніемъ многихъ домохозяйствъ, ибо на этомъ соображеніи семья Афиногена Матвѣева,

состоящая изъ него самого и матери, и семья Тихона Андреева, состоящая изъ 14 лицъ, получили бы для своего существованія поровну. Первая лишена физической возможности обработать причитающееся на нее количество земли, а для послѣдней это количество недостаточно; семья Тихона Андреева обладает такими излишками личнаго труда, которые способны въ наибольшему выполнению обязанностей и удовлетворенію нуждъ общественныхъ и государственныхъ. Словомъ, общественная земля получаетъ экономическое значеніе, по отношенію къ хозяйству, не пропорціонально ея количеству, а въ прямой зависимости отъ физическихъ силъ и другихъ матеріальныхъ средствъ цѣлой семьи, цѣлаго экономического союза, который приметъ на себя ея эксплуатацію.

Крестьяне съ дѣтства ежегодно предпринимаютъ какъ-бы экономическую войну противъ своихъ осьминокъ земли; вооруженные разными орудіями, они ведутъ особенно ожесточенную борьбу съ почвенными врагами, которые, впрочемъ, при необыкновенной настойчивости и улучшенномъ вооруженіи, могли бы имъ повориться; но въ этой борьбѣ, при разнородныхъ атмосферическихъ условіяхъ, когда они являются союзниками враговъ почвенныхъ, земледѣлецъ безсиленъ; по этому-то поводу въ ко-вымъ опытѣ, нужно думать, выработалось народное изреченіе: *не земля насъ кормитъ, а небо*. Удивительно ли послѣ этого, что земледѣлецъ, подъ давленіемъ обязательствъ по удовлетворенію нуждъ общественныхъ и государственныхъ, подобно политическому воину, испытываетъ нерѣдко всѣ послѣдствія *разбитія на голоду*, которое въ его войнѣ экономической именуется *голодомъ*.

Такимъ образомъ, осминокъ земли является предъ домохозяиномъ однимъ лишь изъ экономическихъ элементовъ, обусловливающихъ его существованіе; онъ могъ не имѣть этого элемента; экономическія условія могли измѣниться, но для него неизмѣнны законы его семейнаго экономического союза. Крестьянинъ практически знаетъ, что бывали случаи, какъ земля въ теченіи года только поглощала много силъ и трудовъ, а ничего не дала; крестьяне видятъ также, что энергическая, сильная семья не упала отъ этого духомъ — одинъ членъ вынулъ на заработокъ въ лѣсъ и приносилъ ежедневно когда рубль, а когда и полтора рубля, а другой пошелъ на добычку за Волгу и принесъ домой 80 руб.; были случаи, что и бабы приносили 60 рублей и покрывали всѣ нужды общественныя, земскія и государственныя по возложеннымъ на ихъ семьи размѣрамъ.

Обращаясь къ окружающему населенію, крестьянинъ видитъ, что тамъ, гдѣ землишка плохая, тамъ цѣлое село кормится горшками и подати справляетъ, другое село занимается производствомъ карандашей—и также кормится. Но повсюду, куда бы онъ ни взглянулъ, вездѣ замѣчаетъ одинъ неизмѣнный фактъ, что эти работы только тогда обезпечиваютъ, когда они ведутся цѣлымъ союзомъ семьи и что только сильный дворъ составляетъ надежную силу общества.

Подесятиннаго распредѣленія земли между членами въ обществѣ не существуетъ, да оно, какъ увидимъ ниже, и не могло допустить его; если же и сохранилось между крестьянами названіе *десятина*, то нивакъ не въ смыслѣ податномъ: подъ этимъ словомъ община разумѣетъ не объектъ подати или налога, не податную единицу и даже не ту единицу мѣры земли, какъ ее установило законодательство, т.-е. 2400 квадратныхъ сажень; оно подъ словомъ *десятина* разумѣетъ всякую земельную мѣру, содержащую 80 саж. длины и 20 или 30 или 40 или 60 или 80 сажень ширины, а потому и употребляетъ названіе большая десятина, малая десятина, казенная десятина и хозяйственная, сороковая десятина и т. д.

Русскій крестьянинъ имѣлъ разумное основаніе принять осьминникъ за единицу мѣры и дать ей такое названіе, по слѣдующему соображенію.

Цифра 8, выражающая число десятковъ (80) сажень въ длину мѣры—неизмѣнна, тогда какъ десятки сажень, выражающіе ширину 10, 20, 30, 40 и 60 сажень измѣняются; при дробности земельныхъ долей, распредѣляемыхъ между дворами, осьминникъ является мѣрою практическою, указанною закономъ самой жизни, а не закономъ гражданскимъ. Если крестьяне и знаютъ десятину, то это десятину *хозяйственную*, сороковую, состоящую изъ четырехъ осьминниковъ, имѣющую 80 сажень въ длину и 40 въ ширину. Эта десятина образовалась также путемъ практическимъ и какъ-бы въ силу законовъ экономическихъ, въ противорѣчіе законамъ гражданскимъ, признающимъ, какъ извѣстно, десятину тридцатку. Оказывается, что хозяйственная—сороковая—десятина обуславливается и расчетомъ времени при ея обработкѣ, и качествомъ пашни: обыкновенно пахарь первоначально воздѣлываетъ землю въ длину участка, а запахиваетъ посѣянное зерно въ ширину участка; такою двойственною пахотою и вдоль и поперекъ улучшается качество пашни уничтоженіемъ сорныхъ травъ и разрыхленіемъ почвы, а уменьшеніемъ переходовъ и поворотовъ съ сохою, по болѣе длинному концу въ 40 сажень, вы-

игрывается время, которое нужно было бы потратить при концахъ всего въ 30 саж. или ихъ половинныхъ полудесятинахъ и полуосьминникахъ; такъ какъ многіе домохозяева не имѣютъ возможности воздѣлывать въ полѣ большое количество земли, нерѣдко даже и одной десятины, то они всячески стараются, чтобы то пространство, которое имъ подѣ силу, было въ то же время приспособлено къ успѣшности самой обработки.

Вотъ почему во многихъ хозяйствахъ, гдѣ земля сдается исполу и на дальніе сроки, съемщикъ выговариваетъ, чтобы позволено было раздѣлывать землю на сороковыя десятины; тогда снимающему всего $\frac{1}{2}$ десятины придется два осьминника, имѣющихъ въ ширину 20 сажень, а въ длину 80 сажень.—Ему гораздо удобнѣе обработать этотъ клочокъ земли и вдоль и поперекъ, тогда какъ въ полудесятинѣ тридцатки будетъ всего 15 сажень въ ширину—или $1\frac{1}{2}$ осьминника. Это дѣленіе, независимо отъ неудобства въ обработкѣ земли, представило бы много усложненій по исчисленію мелкихъ частей осьминника при ежегодныхъ передѣлахъ.

Крестыанскій участокъ земли, въ его составныхъ частяхъ—осьминникахъ, получаетъ другой экономическій характеръ и значеніе, сравнительно съ участкомъ земли, представляющимъ сумму десятинъ, такъ что и самые процессы эксплуатаціи этихъ участковъ представляются совершенно различными. Въ доказательство этого довольно привести то, что эксплуатація осьминниковъ можетъ совершаться на началахъ раздѣленія земледѣльческаго труда всей многочисленной семьи, гдѣ, какъ извѣстно, по обработкѣ земли, уборкѣ хлѣба, охранѣ, и т. п., одинаково участвуютъ и десятилѣтніа дѣти и семидесятилѣтніа старики; каждый изъ нихъ имѣетъ свое назначеніе, существенное въ общемъ ходѣ хозяйства и его организаціи.

Та же десятинна земли получаетъ различное значеніе, смотря по различію какъ самыхъ домохозяйствъ (много-семейныхъ, одинокихъ и маломощныхъ), такъ и смотря по ихъ хозяйственному инвентарю, приспособленному къ ихъ физической силѣ, къ ихъ, такъ-сказать, живому двигателю. Пояснимъ это примѣромъ: хозяинъ-одиночка съ одною лошадыю и хозяинъ-одиночка съ двумя лошадьми представляютъ рѣзкое различіе между собой и по отношенію къ ихъ осьминникамъ земли, т.-е. земледѣлію, и по отношенію къ условіямъ другихъ работъ, а именно: а) хозяинъ-одиночка маломощный съ одною лошадыю пашетъ одинъ день, а другой день боронуетъ въ яровомъ полѣ; б) хозяинъ-одиночка съ двумя лошадьми въ одинъ и тотъ же день и пашетъ и боронуетъ, выигрывая и во времени и въ качествѣ пашни, если стоять

сухое время; в) хозяинъ одиночка (маломощный) съ одною лошадью въ *междупарье* (въ свободное время отъ земледѣлія) является въ видѣ *поденщика*, *лошаднаго рабочаго*, а осенью и зимой или въ видѣ рабочаго въ подвозѣхъ лѣса, или участвуя на правахъ члена артели; г) хозяинъ же одиночка съ двумя лошадьми и въ *междупарье* и во всякое другое время, свободное отъ полевыхъ работъ, является въ видѣ *извознаго рабочаго*: всякія работы съ одною лошадью, о которыхъ было упомянуто выше, ему *не рука* и во всякомъ случаѣ или безвыгодны, или совершенно убыточны.

Извѣстно, что десятина земли въ суммѣ 50 десятинъ не рѣдко съ трудомъ прокармливаетъ одного землевладѣльца, но въ то же время видимъ, какъ пять человекъ въ родственномъ союзѣ прокармливаются на началахъ раздѣленія труда нѣсколькими осеминниками. Мы видимъ, что и Аряшенское сельское общество, какъ-бы руководствуясь означенными соображеніями, и *въ земельномъ своемъ устройствѣ* за основное экономическое начало приняло *дворъ—хозяйство* цѣлой семьи.

На этомъ-то началѣ оно построило все свое экономическое зданіе, на немъ основало всѣ свои расчеты и не затруднилось по возможности равномерно распределить между своими сочленами всѣ земельныя угодья и всѣ тягости, лежащія на немъ по удовлетворенію нуждъ общественныхъ (мірскихъ), провинціальныхъ (земскихъ) и государственныхъ (податныхъ). Приступая къ распределенію земли между дворами, общество увидѣло, что цѣлая семья, живущія отдѣльными дворами, представляютъ, подобно отдѣльнымъ личностямъ, также большое разнообразіе въ своихъ нравственныхъ и физическихъ свойствахъ.

Ему представились слѣдующія категоріи семей:

а) Одни оказались совершенно неспособными къ перенесенію какихъ-либо тягостей ни посредствомъ обработки земли, ни какимъ либо другимъ способомъ; такихъ дворовъ оказалось три. Общественная и государственная способность этихъ дворовъ опредѣлилась равняющеюся нулю, а потому они носятъ названіе *бездучинныхъ*. Они живутъ одною экономическою жизнію, имѣя силу для того, чтобы снискивать пропитаніе только себѣ, но у нихъ нѣтъ достаточно силы, чтобы удѣлить что-либо на нужды мірскія, земскія и государственныя. Одна земля ихъ не выручить, имъ при ней нужна какая ни на есть лошадевка и нужны свои физическія силы.

б) Другіе нѣсколько сильнѣе, но не на столько, чтобы нести равныя тягости со всѣми дворами одинаково; хотя ихъ личныя

Физическія и нравственныя силы и не уступать многимъ другимъ дворамъ, но они лишились физической силы, ихъ помощницы — доброй лошади, ибо ихъ физическая сила только въ соединеніи съ силою лошади можетъ дать имъ полную экономическую мощь, хотя не большую, но мощь семьи-одиночки, полного тяглового домохозяйства. Они извѣстны въ обществѣ подъ названіемъ *мало-мощныхъ*. Они такъ стали именоваться съ того момента, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что лихой конокрадъ угналъ ихъ лошадь. Такихъ дворовъ оказывается 10; изъ нихъ семь получили по одному осмыннику земли въ участкахъ двухъ разныхъ качествъ и нашли возможнымъ принять участіе въ дѣлѣ мірскомъ, земскомъ и государственномъ лишь въ одной долѣ всѣхъ этихъ тягостей, равняющейя внесенію 12 руб. 30 коп. въ теченіи цѣлаго года ¹⁾; двѣ же семьи, обладающія тощими плохенькими лошаденками, приняли на себя по 1½ доли, т.-е. уплату 18 р. 45 к. въ теченіи того же времени.

Ограниченіе этихъ семей въ уплатѣ повинностей, въ самомъ маломъ размѣрѣ, ихъ не усповоиваетъ, они охотно участвовали бы въ платежѣ двухъ долей всѣхъ лежащихъ на общинѣ повинностей, наравнѣ съ другими полными тягловыми хозяйствами, но ихъ *сила не беретъ*, они въ *разоръ разорились*, ибо лишились лошадиной силы, которая лѣтомъ могла участвовать съ ними въ полевыхъ, а осень и зиму — въ лѣсныхъ и другихъ работахъ. Принявъ на себя одну долю и полторы доли повинностей и соотвѣтственное количество осмынниковъ въ трехъ поляхъ, они надѣются справиться съ обработкою ихъ при помощи родныхъ, которымъ они, въ свою очередь, помогутъ въ другихъ работахъ, молотбѣ, полотьѣ травъ, сѣнокосѣ, требующихъ въ одинъ разъ много рабочихъ.

в) Третьи — это такъ-называемые дворы *одиночкихъ*, у которыхъ вся сила заключается въ одномъ рабочемъ домохозяинѣ и одной или двухъ лошадяхъ. Этотъ типъ самый распространенный, составляющій большую половину всѣхъ дворовъ общины, а именно: 45 дворовъ, а всѣхъ дворовъ, какъ извѣстно, 87. Эти дворы получили по 2 осмынника въ каждомъ участкѣ земли и приняли на себя двѣ доли повинностей.

г) Количество остальныхъ дворовъ по каждому отдѣльному типу представляется въ 1876 году въ слѣдующемъ видѣ:

¹⁾ Эта цифра, какъ видно изъ хранящагося у насъ документа, подтвердилась вполне данными, собранными нами при личномъ объясненіи съ домохозяевами.

Домохозяевъ, получившихъ:

по $2\frac{1}{2}$	осьминника въ каждомъ участкѣ всего.	1 дворъ
» 3	» » » » »	9 »
» $3\frac{1}{2}$	» » » » »	10 »
» 4	» » » » »	4 »
» 5	» » » » »	3 »
» $5\frac{1}{2}$	» » » » »	3 »

Такимъ образомъ оказывается, что общая цифра бездушныхъ, маломощныхъ и одинокихъ равняется 57 дворахъ, почти $\frac{2}{3}$ всего количества, а среднихъ и сильныхъ 30 дворахъ, т.-е. $\frac{1}{3}$ всего количества.

Изъ числа первыхъ нѣкоторые не въ состояніи обработать болѣе того количества, которое они получили при распредѣленіи всей своей земли. Обращаясь въ цифрамъ, показывающимъ распредѣленіе уплаты повинностей по домохозяйствамъ, мы встрѣтили необыкновенно интересное явленіе.

Большая часть всей суммы повинностей легла не на большую часть домохозяйства, какъ бы слѣдовало ожидать, а на меньшую.

Изъ 212 долей всѣхъ повинностей, равняющихся суммѣ 2,607 руб. 60 к. ¹⁾, на большее количество дворахъ (57), т.-е. $\frac{2}{3}$ ихъ, перешло лишь 100 долей или 1,230 рублей, тогда какъ на долю меньшаго количества дворахъ (30), только на $\frac{1}{3}$ всего ихъ количества, перешло 112 долей или 1,377 руб. 60 коп.

Слѣдовательно, и податныя десятины или осьминники въ рукахъ двухъ третей домохозяевъ не могутъ имѣть столько общеподатной силы и значенія, сколько получили бы они въ рукахъ одной лишь трети населенія, ибо 57 домохозяевъ при 100 десятинахъ въ состояніи заплатить лишь 100 долей всѣхъ повинностей, тогда какъ 30 домохозяевъ при незначительно большемъ количествѣ десятинахъ платятъ 112 долей.

Эти цифры вполне убѣждаютъ каждого, что и десятина или, лучше, осьминникъ, поступившій въ пользованіе двухъ третей домохозяевъ, далеко не имѣетъ того податного начала, какое получила такая же десятина въ рукахъ одной лишь трети домохозяевъ. Изъ чего слѣдуетъ, что и сотни осьминниковъ общинной земли, распредѣленныхъ на множество маломощныхъ дворахъ, далеко не будутъ имѣть того податного значенія сравнительно съ тѣми же самыми сотнями осьминниковъ земли, распредѣленными

¹⁾ Въ эту цифру входятъ: выкупной платежъ 1,523 р. 80 к., госуд. земск. сбора 118 р. 72 к., подушной подати 341 р. 32 к., земскаго сбора 127 р. 89 к., мірскаго сбора 496 р. 37 к.

между значительно меньшимъ числомъ сильныхъ дворовъ. Словомъ, не въ общемъ количествѣ податныхъ осьминниковъ земли, не въ общемъ количествѣ наличныхъ душъ, не въ множествѣ домохозяйствъ заключается значеніе общества въ отношеніяхъ экономическомъ, общественномъ и государственномъ, а въ количествѣ сильныхъ дворовъ; земля, какъ источникъ благосостоянія, у 50 дворовъ *пятидушныхъ*, будетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ у 100 дворовъ *двудушныхъ*. Первые обработаютъ на началахъ раздѣленія земледѣльческаго труда значительное количество земли съ уплатою всѣхъ лежащихъ на ней платежей, а вторые, при всемъ желаніи, не будутъ въ силахъ сдѣлать ни того, ни другого.

20 десятинъ для обработки своей потребуютъ лишь одной семьи, состоящей изъ одного хозяина съ работникомъ братомъ или сыномъ, или вятемъ и четырехъ лошадей. Эти цифры можно считать нормальными; онѣ проверены въ разныхъ уѣздахъ и селеніяхъ.

Въ подобномъ экономическомъ союзѣ эти 20 десятинъ получать полное экономическое значеніе, усиливая производительность двора, общины и государства; но тѣ же самыя 20 дес. земли, чтобъ сдѣлаться податными, потребуютъ почти четырехъ отдѣльныхъ домохозяйствъ, если только они будутъ состоять изъ одинокихъ, маломощныхъ хозяевъ, и у каждаго по одной только лошади. При одномъ подобномъ домохозяйствѣ три четверти участка (15 д.) останутся непроизводительными, бесплодными, какъ-бы ихъ въ государствѣ не существовало.

Наблюденія наши относительно податного значенія десятины земли въ нашей общинѣ подтверждаются выводами, сдѣланными нѣкоторыми экономистами, которые явились противниками кадастра.

Доходность различныхъ участковъ земли измѣняется подъ вліяніемъ измѣняющихся системъ хозяйства, и такъ какъ уравнительность, достигаемая кадастромъ, сомнительна, то они думаютъ, что со временемъ поземельная подать должна войти въ составъ промысловаго налога, что оцѣнивать должно *не землю отдѣльно*, а каждое хозяйство сообразно его доходности, зависящей отъ взаимнаго дѣйствія *многихъ элементовъ*.

Послѣ этого можно ли удивляться, если нѣкоторые сельскія общества, состоящія преимущественно изъ маломощныхъ и одиночныхъ домохозяйствъ, отказывались отъ земли. Такое дѣйствіе сельскаго общества могло правильно считаться социальнымъ абсурдомъ только въ томъ случаѣ, если бы эта земля давалась ему

даромъ; но вѣдь полный надѣлъ давался на началахъ купли съ обязательствами, для одинокихъ маломощныхъ хозяйствъ не подсыльными, хотя бы даже и на основаніи долгосрочной процентной уплаты. Отказы эти во многихъ случаяхъ, нужно предполагать, могли быть вынужденными экономическимъ положеніемъ одиночныхъ маломощныхъ домохозяиствъ, двумя третями превышавшихъ численность домохозяиствъ всей общины.

Не далѣе, какъ нынѣшнимъ же лѣтомъ, при объѣздѣ губерніи для повѣрки нѣкоторыхъ данныхъ по занимающему насъ податному дѣлу, мы попали на самый живой слѣдъ только-что совершившагося перехода цѣлой общины саратовскаго уѣзда, въ количествѣ 1,496 душъ, 580 дворовъ, съ полного надѣла на дарственный, именуемый многими нищенскимъ.

Случись это двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ оно и случилось неоднократно въ нашей практикѣ, по обязанности мирового посредника, — не было бы тутъ ничего удивительнаго, но теперь, въ 1878 году, 17 лѣтъ спустя послѣ обнародованія положенія 19-го февраля 1861 года, подобное явленіе представляется невѣроятнымъ, ибо въ дальнѣйшей нашей же практикѣ, по должности члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мы имѣли случай видѣть раскаяніе крестьянъ въ требованіи дароваго надѣла. Оказалось, что Сокурская сельская община дѣйствительно, по находящимся у насъ теперь подъ руками письменнымъ даннымъ, вполне согласнымъ съ свѣдѣніями, собранными нами на мѣстахъ лично, состоитъ изъ 570 домохозяиствъ, въ коихъ, не приблизительно, а ровно цифра въ цифру — $\frac{2}{3}$, т.-е. 380 домохозяиствъ состоятъ изъ маломощныхъ и одинокихъ, платящихъ по мірской раскладкѣ, начиная отъ $\frac{1}{2}$ души, т.-е. $\frac{1}{3}$ доли всѣхъ повинностей, до $2\frac{3}{4}$ душъ. На однихъ этихъ домохозяиствахъ числится недоимка въ 3,340 руб. А на четырехъ только домохозяиствахъ, обязанныхъ платить всего по $\frac{1}{2}$ души повинностей, числится недоимка въ 170 р.

Составленная такимъ образомъ община большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ отвергла полный надѣлъ и пожелала перейти на даръ. Эти $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, изъ коихъ 17 не имѣютъ своихъ дворовъ, оказываются давно уже бросившими свои хозяйства; они живутъ три четверти года за Волгой посторонними заработками, преимущественно плугарями и чернорабочими земледѣльцами, возвращаются зимой въ родное село, кое-какъ перебиваясь въ ожиданіи весны. Словомъ, они оказались только числившимися въ общинѣ, но въ дѣйствительности ей не принадлежали.

Та же Сокурская община въ своей меньшей части — всего

въ одной трети домохозяевъ—представила намъ не менѣе интересное, но болѣе отрадное явленіе.

Одна треть семейныхъ домохозяевъ, видя, что двѣ трети отказываются отъ полного надѣла, заявили, что они желаютъ оставить за собой всю землю съ обязательствомъ платить всѣ повинности, какія только лежали на всей общинѣ; чтобы осуществить это желаніе, были отправлены уполномоченные къ бывшему мировому посреднику, нынѣ непремѣнному члену присутствія, съ ходатайствомъ по этому предмету; но $\frac{1}{3}$ по положенію не имѣла законной правоспособности и поэтому осталась въ государствѣ неустроенной земельно, въ ущербъ интересамъ экономическимъ и государственнымъ. За одну пастбу коровъ, по паровому полю, эта община, не исключая и одинокихъ, платитъ теперь 600 руб.; многосемейные распродали свой скотъ и уменьшили свое хозяйство.

Изъ этого новаго факта опять видно то, что цѣлыя тысячи десятинъ въ рукахъ 190 хозяевъ получили бы большее податное значеніе, чѣмъ у 380 хозяевъ, которые, какъ мы видѣли, не только не сумѣли удержать этого значенія, но совершенно его утратили. Послѣ этого представляется самъ собой къ разрѣшенію слѣдующій вопросъ: если экономическія силы общины и государства заключаются не въ количествѣ десятинъ земли, не въ количествѣ наличныхъ живыхъ душъ, а въ правильномъ сочетаніи тѣхъ и другихъ, — въ подворныхъ экономическихъ союзахъ, которые только и въ состояніи выдѣлить изъ себя, въ формѣ налога, что-либо на благо общественное и государственное, то могутъ ли быть вообще недонимы по каждому отдѣльному обложенію? Какимъ образомъ получились цифры этихъ недонимовъ, встрѣчаемыхъ въ вѣдомостяхъ и отчетахъ разныхъ учреждений?

Мы видѣли выше, что домохозяинъ, принявшій на себя уплату одной души, этимъ самымъ получалъ обязательство участвовать въ дѣлѣ мірскомъ, земскомъ и государственномъ лишь въ одной долѣ всѣхъ этихъ нуждъ; доля эта выразилась въ одной цифрѣ 12 руб. 30 к., подлежащихъ внесенію въ теченіи цѣлаго года. Эта цифра является основною въ подворномъ обложеніи или раскладѣ. Она представляетъ единицу обложенія въ вслѣдуемой нами общинѣ только на цѣлый годъ. Какъ образовалась эта денежная единица, никогда никому впередъ не могло быть извѣстно: ни учрежденія облагающія, ни лица облагаемые ее опредѣлить не могутъ, несмотря на то, что цифры государственныхъ налоговъ и податей опредѣлены и въ продолжитель-

ное время переимѣннѣ не подвергаются; чтобы отыскать это неизвѣстное, нужно имѣть только двѣ цифры: общую цифру всѣхъ обложеній, вѣмъ бы они ни производились, и цифру ревизскихъ душъ, числящихся на обществѣ, неизмѣняющейся въ теченіи 20 лѣтъ. Общая цифра въ изслѣдуемой нами общинѣ за 1876 г. была 2607 р. 60 к., а цифра ревизскихъ душъ 212. Выше приведенная цифра 12 р. 30 к. есть частное число, полученное отъ дѣленія цифры всѣхъ, повинностей — 2607 р. 60 к. — на цифру, показывающую ревизское число душъ (212).

Общая податная цифра составляется обыкновенно волостными правленіями изъ всѣхъ окладныхъ листовъ, присылаемыхъ отъ разныхъ учреждений и приговоровъ волостного и сельскаго сходовъ о сборѣ на мірскія и волостныя нужды.

Въ 1876 году эти составныя цифры были слѣдующія:

а) *Выкупныхъ платежей* 1523 р. 30 к.; б) *государственной земскаго сбора* 118 р. 72 к.; в) *подушной подати* 341 р. 32 к.; г) *земскаго сбора* 127 р. 89 к. и д) *общественнаго сбора* 496 р. 37 к.

Очевидно, что платящій 12 р. 30 к. платитъ въ этой цифрѣ всѣ платежи повинностей и сборовъ въ 212-й долѣ каждого отдѣльнаго сбора, подъ названіемъ души, такъ что всѣ сборы десятинные, *поземельные* и мірскіе на первый взглядъ кажутся *душевыми*; а на самомъ же дѣлѣ подъ словомъ душа разумѣется двухсотъ-двѣнадцатая *доля* всѣхъ повинностей, которая въ свою очередь составляется изъ суммы двухъ-сотъ-двѣнадцатыхъ частицъ cadaго отдѣльнаго обложенія, а именно: 12 р. 30 к. = 7 руб. 18¹/₂ к. выкупн. платежа + 56 к. государственнаго земскаго сбора + 1 р. 61 к. подушной подати + 60¹/₃ к. земскаго сбора + 2 р. 34¹/₄ к. общественнаго сбора ¹⁾.

Многіе несомнѣнно думаютъ, что недоимки, показываемыя подлежащими учрежденіями, изображаютъ дѣйствительно цифру недоимокъ по разнымъ налогамъ, какъ это показывается въ отчетахъ. Но мѣстныя изслѣдованія намъ обнаружили, что не только тамъ, гдѣ практикуется такъ-называемая мірская раскладка, гдѣ ревизскія души перешли въ души окладныя, но и въ тѣхъ рѣдкихъ селеніяхъ, гдѣ раскладка производится по ревизскимъ сказкамъ, — ни народъ, съ котораго собираютъ повинности разныхъ рубригъ

$$\begin{aligned} 1) \frac{2607 \text{ р. } 60 \text{ к.}}{212} &= \frac{1523 \text{ р. } 30 \text{ к.}}{212} + \frac{118 \text{ р. } 72 \text{ к.}}{212} + \frac{341 \text{ р. } 32 \text{ к.}}{212} + \frac{127 \text{ р. } 89 \text{ к.}}{212} \\ &+ \frac{496 \text{ р. } 37 \text{ к.}}{212} = 12 \text{ р. } 30 \text{ к.} \end{aligned}$$

(въ обладныхъ листахъ лишь изображенныхъ), ни сами сборщики, — ни сельскіе писаря, ведущіе счета, списки и податныя тетради, ни волостные писаря и старшины, озабоченные взиманіемъ податей, цифры недоимокъ по каждому обложенію опредѣлить не могутъ, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ самомъ близкомъ, ни въ самомъ далекомъ будущемъ.

Цифры недоимокъ по каждому налогу и сбору образуются и показываются лишь въ бюрократическихъ учрежденіяхъ, гдѣ фантазія канцеляріи уѣзднаго казначейства, а еще чаще сельскаго писаря является единственнымъ основаніемъ бумажнаго, канцелярскаго зданія о недоимкахъ. Но за то и народъ, и сборщики податей, и сельскіе писаря и волостное правленіе во всякое время отвѣтять вамъ, сколько *стоитъ* на каждомъ дворѣ повинностей и сколько *стоитъ* общей недоимки нераздѣльно по всѣмъ повинностямъ, которыя безсознательно народомъ звались въ старину *посошными*, потомъ *тлаловыми*, теперь *подушными*, а въ будущемъ могутъ зваться и *полошадными*, если только ревизская лошадь примется за объектъ подати. Мы какъ-то недавно имѣли случай спросить мальчика 12-ти лѣтъ — сколько они платятъ душъ? Мальчикъ безъ запинки отвѣтилъ: 1¹/₂ души. — А много должны податей? — Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, недавно кончили счетъ съ сборщикомъ.

Слѣдовательно, Михаилъ Фроловъ при обложеніи міромъ одной душой, равняющейся ¹/₂₁₂ доли всѣхъ повинностей, т.-е. 12 р. 30 к., платитъ въ этой цифрѣ и одну душу выкупныхъ платежей, и одну душу подушной подати, и одну душу земскихъ повинностей и одну душу сбора на просвирню, и все это онъ платитъ не раздѣльно. Ясно, что если Михаилъ Фроловъ, обложенный одною душою, т.-е. 12 р. 30 к. въ годъ, отдаетъ сборщику въ первый разъ 3 рубля, во второй разъ 4 рубля, въ третій — 3 рубля, всего 10 рублей и осталось у него въ недоимкѣ 2 р. 30 к., то онъ во всѣ эти разы вносилъ всѣ повинности, и могъ ли онъ или кто либо отдѣлить тѣ самыя копѣйки, какія приходились тогда просвирнѣ и тому подобныя сотенныя доли копѣекъ, по разнымъ мелкимъ сборамъ, по цѣлому приходу или по цѣлой волости?

А какъ канцелярскіе чины уѣзднаго казначейства и сельское управленіе записывали у себя, когда имъ приносили отъ Михаила Фролова 3 рубля, въ какія книги расписывали они поступленіе этихъ 3-хъ рублей, въ какія повинности и сборы зачитывали ихъ и по сколько въ уплату каждой повинности — угадать мудрено, и въ какомъ сборѣ будутъ значиться недоимкой недонесенные Михаиломъ Фроловымъ 2 р. 30 коп. — угадать такъ

же мудро, ибо это дѣло всегда всецѣло зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія или канцелярскаго чиновника, пишущаго объявленіе, для явившагося съ деньгами сборщика, или сельскаго писара, написавшаго подобное объявленіе у себя дома.

А сколько соображеній и трудовъ разбросано по разнымъ учрежденіямъ о недоимкахъ, которые создались на этомъ ложномъ основаніи!

Не здѣсь ли кроется разрѣшеніе задачи, почему мірскіе сборы поступаютъ всегда совершенно бездоимочно, государственные удовлетворительно, а земскіе совершенно плохо; вслѣдствіе чего земскіе ящики не удовлетворяются деньгами, слѣдующими за содержаніе станцій, а мировые судьи по нѣсколькимъ мѣсяцевъ не удовлетворяются жалованьемъ, если только управа на свой страхъ не сдѣлаетъ позаймствованій у частныхъ лицъ за тяжелые проценты? Не въ этомъ ли самомъ положеніи поступленія разнородныхъ сборовъ по произволу канцелярій уѣздныхъ казначействъ и сельскихъ писарей, вынуждена земская мѣра подъ названіемъ *пени* за несвоевременный взносъ земскихъ повинностей землевладѣльцами? По счастью, эта мѣра не распространена на крестьянскія земли.

Не имѣя въ кассѣ денегъ и приписывая непоступленіе земскихъ сборовъ тому обстоятельству, что землевладѣльцы ихъ не платятъ, нѣкоторые земства придумали штрафовать неправильныхъ плательщиковъ, подъ именемъ *пени*. Земства ввели эту мѣру тогда, когда есть положительный законъ о взысканіяхъ повинностей, когда въ его рукахъ—употребить болѣе настойчивости въ требованіи своихъ сборовъ. Земства эти упускаютъ изъ виду, что отъ его општрафованій посредствомъ пени невинно страдаютъ массы земель опекунскихъ имѣній, заглазно управляемыхъ часто мѣняющимися управляющими, имѣнія арендуемыя изъ процентовъ отъ валового дохода, всѣ земли, находящіяся въ общемъ владѣніи за неустановленіемъ раскладокъ на каждаго владѣльца.

Сборъ въ формѣ пени могъ бы быть еще допущеннымъ въ виду определенной *цифры* тѣхъ *убытковъ*, которые потерпѣло земство отъ несвоевременности поступленія земскихъ сборовъ, напримѣръ—уплату процентовъ на позаймствованныя деньги и т. под. Въ противномъ случаѣ всякій лишній рубль, взысканный въ пеню, долженъ считаться поступленіемъ не смѣтнымъ, произвольнымъ.

Пени, допущенныя въ кредитныхъ учрежденіяхъ, имѣютъ со-всѣмъ другое начало; тамъ заемщикъ и кредиторъ, какъ члены одного кредитнаго общественнаго учрежденія, являются въ свою

очередь заемщиками по отношенію къ другому ссужающему ихъ кредитному учрежденію.

Бичевать же своихъ членовъ 12⁰/₀ взносовъ за каждый просроченный рубль, когда указаны мѣры строгости, врядъ ли достойно для такого общественнаго учрежденія, какъ земство.

Убѣжденіе многихъ, мало знакомыхъ съ дѣломъ народнаго хозяйства, въ томъ, что налоги въ дѣйствительности взимаются и уплачиваются населеніемъ раздѣльно по предметамъ обложенія, а съ другой стороны и самое законодательство, допускающее разнородное обложеніе, разнородные объекты податей, приводитъ къ большимъ несообразностямъ въ интересахъ народнаго благосостоянія. Мы приведемъ здѣсь примѣръ, какъ нѣкоторыя мѣры земства, могущія имѣть весьма важное государственное значеніе, остаются невыполнимыми или выполняются неправильно, только потому, что *подушное* обложеніе существуетъ по нѣкоторымъ *государственнымъ* повинностямъ, а *земскіе* сборы главнымъ образомъ *поземельные*.

Такъ, намъ документально извѣстенъ случай, какъ одно уѣздное земство, озабоченное устройствомъ продовольственной части въ селеніяхъ уѣзда, предположило сдѣлать подушный сборъ или зерномъ для храненія въ запасныхъ магазинахъ, или деньгами съ цѣлью образованія продовольственнаго капитала. Постановленіе земскаго собранія основывалось на желаніи крестьянскихъ обществъ, которыя предварительно заявили о томъ или другомъ способѣ сбора въ своихъ приговорахъ. Естественно, что сборы эти могли быть только *подушными* по названію, а въ дѣйствительности *подворно-похозяйственными*.

Въ виду того, что сборъ этотъ названъ не *поземельнымъ*, т.-е. *подесятиннымъ*, онъ подлежалъ опротестованію, и дѣйствительно въ послѣдствіи былъ опротестованъ подлежащею властью.

Но намъ на это могли бы замѣтить, что если земству извѣстно, что *подесятинное* обложеніе переводится крестьянскими обществами на души, то оно могло бы обложить соответственнымъ земскимъ налогомъ, но только по *десятинному* расчету. Замѣчаніе это съ точки зрѣнія раскладки и цѣли обложенія было бы совершенно справедливо. Но дѣло въ томъ, что тогда обложеніе должно было быть всеобщимъ, т.-е. распространяться и на земли всѣхъ крупныхъ владѣльцевъ, казны и удѣла, ибо на обложеніе однѣхъ земель, принадлежащихъ крестьянскимъ сельскимъ обществамъ, хотя бы даже только въ ихъ общинныхъ интересахъ, земскимъ собраніямъ правъ не даровано. Таковы послѣдствія запрещенія земству облагать *подушно* даже зерномъ, т.-е.

такимъ способомъ, на который народъ самъ указываетъ, и который имъ издавна практикуется по всѣмъ обложеніямъ.

II.

Процессъ дѣлежа общинной земли.—Ежегодные передѣлы земли въ губерніи.—Начало круговой поруки.—Взиманіе земельныхъ сборовъ.—Сроки взиманія.—Соображенія защитниковъ и противниковъ подушнаго обложенія.—Заключеніе.

Обратимся теперь къ самому процессу *дѣлежа податныхъ десятины* между крестьянами, производившемуся 18-го апрѣля 1877 года.

Общинная земля крестьянъ Аряшенскаго сельскаго общества по особымъ свойствамъ обработки и пользованія, какъ мы уже замѣтили выше, представляетъ двѣ категоріи, а именно: участки, раздѣленные *на юда*, какъ выражаются крестьяне, и землю, подвергающуюся ежегодному дѣлежу.

Къ первой категоріи относятся вонопляники, огороды и небольшая часть полевого надѣла (53 дес.), т.-е. 106 десятинъ или 212 осьминниковъ, прилегающая къ селенію, къ самой околлицѣ, а ко второй весь полевой надѣлъ, раздѣленный на три поля: яровое, озимое и паровое. Земли первой категоріи, мы сказали, удобряются, а второй остаются въ ея первобытномъ состояніи. При распредѣленіи земли обѣихъ указанныхъ категорій, какъ видно изъ всего вышележащаго, служатъ два главныя начала: *подворно-поземельное* и *обще-податное*.

Мы остановимъ теперь свое вниманіе на полевомъ надѣлѣ—яровомъ его полѣ. Ежегодно повторяющійся процессъ дѣлежа этой земли производится, какъ обнаружено мѣстнымъ ближайшимъ наследованіемъ, слѣдующимъ образомъ: на другой день послѣ устной повѣстки старосты и десятниковъ, выраженной обыкновенно законически въ словахъ: *утре дѣлитъ*, рано до восхода солнца, начинаютъ одинъ за другимъ группироваться у сборной избы представители отъ каждаго домохозяйства по семейному приговору; при этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что женщина является равноправною. Въ такое весеннее собраніе, состоявшееся 1877 года, апрѣля 18-го дня, только одно домохозяйство избрало представителемъ своихъ интересовъ женщину, которая и присутствовала въ дѣлежѣ земли въ числѣ другихъ восьмидесяти трехъ представителей мужчинъ; три двора не прислали своихъ представителей, такъ какъ дворы ихъ признаны сельскимъ сходомъ бездушными, безсильными, т.-е. лишенными возможности обрабо-

тивать землю. Ихъ личный трудъ признавъ дающимъ способъ только къ снисканію себѣ пропитанія, но неспособнымъ удѣлить что-либо на нужды мірскія (общественныя), земскія (провинціальныя) и государственныя (податныя). Освобожденные отъ участія въ удовлетвореніи этихъ нуждъ, они признаны не долженствующими принимать какое-либо участіе въ пользованіи общинною полевою землею, но при этомъ оставлено за ними право пользованія усадебною осыдлостію и другими средствами общественныхъ учреждений, обеспечивающихъ ихъ безопасность.

Громео заявленнаго протеста на такое постановленіе схода мы не слышали, но если только подобный протестъ и могъ бы имѣть мѣсто, то мы не теряемъ надежды узнать его содержаніе и мотивы при изслѣдованіи другихъ жизненныхъ общественныхъ явленій, которые могли допустить такое патологическое состояніе, какъ безсиліе и маломощность нѣкоторыхъ членовъ и устраненіе ихъ отъ участія во всѣхъ жизненныхъ процессахъ цѣлаго общественнаго союза.

Вся земля ярового поля содержитъ въ себѣ три категоріи: лучшую, среднюю и худшую.

Качество первыхъ двухъ сортовъ опредѣляется во время самаго процесса дѣлежа, въ виду каждаго участка, въ порядкѣ ихъ расположенія, и тутъ же производится дѣлежъ участковъ между домохозяевами; качество же земли послѣдней категоріи уже прежде опредѣлено и дѣлится особо, по окончаніи дѣлежа земли первыхъ двухъ качествъ.

Крестьяне, изучившіе свою землю въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, при разныхъ работахъ, не видятъ особыхъ затрудненій въ скоромъ опредѣленіи ея качества по мелкимъ участкамъ. Всѣ вообще рѣшенія схода составляются устно безъ всякой обрядности; если кто-нибудь и сдѣлаетъ какое-либо несообразное съ дѣломъ заявленіе, или начнетъ кричать на сходѣ, то достаточно одному умному и уважаемому крестьянину проговорить про себя слово *зря*, чтобы прекратить всѣ споры и перейти къ дѣлежу стоящихъ на очереди участковъ.

Участки первыхъ двухъ качествъ раздѣлены еще въ предыдущіе годы послѣ окончательнаго съ помѣщикомъ разверстанія угодій, на 212 ¹⁾ душъ или частей, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ два осьминника: 1,600 кв. с., всего 424 осьминника. Участки послѣдней категоріи содержатъ 76 осьминниковъ

¹⁾ Цифры эти опредѣлились ревизскою сказкою, обозначившею еще въ 1858 году число живыхъ душъ въ обществѣ.

и 700 квад. саж. На каждые четыре осьминника первых двух качествъ земли полагаются двѣ равнѣсныхъ души, т.-е. двѣ общеподатныхъ доли. Худшій сортъ земли дѣлится на паж, такъ что на каждый паж приходится отъ 10—12 душъ или долей, смотря по ея относительно лучшему качеству. Въ основаніи системъ дѣлежа земли положено правило: что на каждую полудушу (полудолю), каждую душу (цѣлую долю) и т. д. должно приходиться земли 1-го сорта и 2-го сорта равными частями, послѣдняго же —худшаго сорта полагается на каждую $\frac{1}{4}$ души (доли), 300 кв. саж. Всѣ податныя домохозяйства, получающія землю и представляющія, какъ извѣстно, девять различныхъ типовъ по своему экономическому положенію, распадаются въ то же время по отношенію въ долямъ на четыре категоріи, а именно:

а) На платящихъ за четное число окладныхъ душъ и получающихъ четное число осьминниковъ земли.

б) На платящихъ за нечетное число окладныхъ душъ и получающихъ нечетное число осьминниковъ земли.

в) На платящихъ $\frac{1}{2}$ души при четномъ числѣ окладныхъ душъ или получающихъ $\frac{1}{2}$ осьминника при четномъ числѣ осьминниковъ.

г) На платящихъ $\frac{1}{2}$ души при нечетномъ числѣ окладныхъ душъ или получающихъ $\frac{1}{2}$ осьминника при нечетномъ числѣ осьминниковъ.

Перые, получающіе четное число осьминниковъ, опускаютъ по ровному количеству жеребья въ двѣ урны (шапки) лучшей и средней земли; изъ нихъ шапка съ жеребьями лучшей землею называется *первая шапка*, а средней—*вторая шапка*.

Вторые, то-есть получающіе нечетное число осьминниковъ въ участкѣ разнаго качества, должны одну душу раздѣлить на двѣ половины; каждую половину должны присоединить къ такой же половинѣ другого, чтобы составить полный жребій для лучшей земли и полный для средней, вторыя впоследствии уже дѣлятся между соучастниками.

Третьи, получающіе $\frac{1}{2}$ осьминника при четномъ числѣ осьминниковъ, дѣлятъ свои $\frac{1}{2}$ осьминника на четверти; каждую $\frac{1}{4}$ должны присоединить къ 3-мъ такимъ же четвертямъ для полученія лучшей и для полученія средней земли въ призванныхъ таковыми участкахъ.

Навонецъ, *четвертые*, получающіе $\frac{1}{2}$ осьминника при нечетномъ числѣ осьминниковъ, съ своимъ нечетнымъ осьминникомъ поступаютъ такъ, какъ вторые; а съ $\frac{1}{2}$ осьминникомъ какъ третьи.

Для полученія худшей земли одиночные полусосьминники соединяются для составленія одного жеребья, для котораго нужны два осьминника, каждыя двѣ доли кладутъ одинъ жребій и получаютъ 8: вышеупомянутыхъ участковъ въ 300 квадр. сажень каждый.

Процессъ дѣлежа производится слѣдующимъ образомъ.

По количеству общеподатныхъ долей или ревизскихъ душъ было нарѣзано 212 маленькихъ деревянныхъ жеребьевъ; на возбужденный вопросъ о томъ: съ кого начать раздачу деревашекъ для личныхъ наметокъ, определено разрѣшить это вынудитъ жеребья. Для этого въ шапку было положено два жеребья: одинъ съ надрѣзомъ, принадлежавшій жителямъ правой стороны деревенскаго порядка; другой, — безъ надрѣза, принадлежащій жителямъ лѣвой стороны деревенскаго порядка. Изъ шапки былъ вынутъ жребій съ надрѣзомъ, а потому раздача жеребьевъ началась съ праваго порядка. По полученіи деревашекъ, каждый вырѣзывалъ на нихъ свой знакъ, свою «мѣту»; въ это же время платящіе за нечетное или дробное число ревизскихъ душъ соединялись между собою для составленія цѣлыхъ и четныхъ чиселъ; платящіе за $\frac{1}{2}$ души, т.-е. получающіе $\frac{1}{2}$ осьминника въ участкѣ, соединяются или между собой, образуя двѣ души подъ одною мѣтою на двухъ жеребьяхъ, или соединяются съ платящими за $1\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$, тоже подъ одной общей мѣтой въ жеребьяхъ. Затѣмъ начался сборъ уже помѣченныхъ деревашекъ: поставлены двѣ шапки, изъ которыхъ одна должна была представить лучшую землю, другая — среднюю, т.-е. первую и вторую шапку, какъ выше было замѣчено. По приглашенію старосты, старины, представители домохозяйствъ, по одному стали подходить къ шапкамъ, подходящіе бросали одну половину всѣхъ жеребьевъ въ первую шапку, а другую половину во вторую.

По окончаніи сбора жеребьевъ въ двѣ шапки, стали провѣрять число жеребьевъ въ каждой: въ одной оказалось 106, а въ другой 107. Появленіе лишняго жеребья объяснялось тѣмъ, что сборщику податей въ прошломъ передѣлѣ не дано земли сполна. Заявлено, что сборщикъ получалъ уже свой паё и свое жалованье; на это староста замѣтилъ, что, прибавляя теперь жеребій сборщика, онъ старается исполнить только постановленіе недавняго схода. Сдѣланы возраженія: что сборщикъ не годовой, что сбавили ему $\frac{1}{2}$ души, что поэтому уже земли не слѣдуетъ давать. Большинствомъ рѣшено одною же дать жалованье землею не только сборщику, но и вахтеру, для чего къ 213 жеребьямъ прибавлено еще два. Кто-то сдѣлалъ заявленіе, что

міръ одну душу напрасно наложитъ на него, что теперь ему земли не возьметъ, что за эту душу платить не будетъ. Староста убѣдилъ его въ несправедливости его заявленія.

Послѣ этого направились въ участкамъ; первый участокъ предложенъ «трасти» изъ первой шапки.

Участокъ этотъ состоитъ изъ двухъ загоновъ, каждый загонъ изъ двухъ осмьминниковъ, такимъ образомъ на одной десятинѣ ¹⁾ приходится по двѣ души или два жеребья изъ одной и той же шапки. Предложеніе «трасти» первый участокъ изъ первой шапки не встрѣтило сопротивленія. Такъ какъ каждый жеребій представляетъ одну душу, а на десятину слѣдуетъ по рѣшенію схода двѣ души, то изъ первой шапки выловили два жеребья; тотъ же процессъ оцѣнки повторяется при каждомъ участкѣ. При десятинкѣ бѣльшаго размѣра вылавливались три жеребья.

Различіе въ десятинкахъ происходитъ отъ положенія мѣстности; прилегающій къ нимъ оврагъ, лѣсъ и т. п. не всегда даютъ возможность уравнивать ихъ. Такъ кончили раздѣлъ лучшей и средней земель. При переходѣ къ полямъ худшей земли, такъ называемаго «студенца», кто-то заявилъ, что у него оказался лишній жеребій. Случай этотъ возбудилъ подозрѣніе стариковъ ²⁾, не употребилъ ли кто во зло жеребьями, при собираніи ихъ. Рѣшено провѣрить при первой возможности. При постепенномъ вылавливаніи жеребьевъ перваго дѣлежа, послѣдніе возвращались къ своимъ владѣльцамъ, которые для полученія худшей земли стали опять складывать «ихъ». Это складываніе состояло въ томъ, что всѣ соединялись между собой такъ, что каждый жеребій представлялъ уже не одну душу, а двѣ. Затѣмъ стали об-суждать, поскольку душъ придется на десятинку; постановлено среднимъ числомъ допустить на каждую десятинку около 10-ти душъ. Собраны были опять всѣ жеребья, сосчитаны, наконецъ нашли шапку трасти и жеребья вылавливать; при каждой десятинкѣ вынималось изъ шапки отъ 10 до 12 жеребьевъ. Получивши десятинку тутъ же дѣлили ее между собой по жеребьямъ. Весь этотъ дѣлежъ продолжается въ теченіи только одного дня. На этихъ же самыхъ основаніяхъ производился въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года дѣлежъ паровой земли и окончился въ теченіи дня до захода солнца.

Считаемъ нужнымъ здѣсь прибавить, что вопросъ о ежегод-

¹⁾ Еще разъ повторяемъ, что, какъ здѣсь, такъ и въ другомъ мѣстѣ, подъ словомъ «десятина» нужно разумѣть вообще участокъ въ 4 осмьминника и болѣе, а не казенную десятину, которая выражаетъ мѣру въ 2,400 квадр. сажень.

²⁾ Подъ именемъ «старика» разумѣютъ домохозяина.

ныкъ передѣлахъ крестьянскихъ земель въ послѣднее время былъ неоднократно затрогиваемъ въ саратовской губерніи и въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, и на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ. Для разрѣшенія его требовались статистическія свѣдѣнія, которыя и доставлены были по 55 волостямъ. Хотя, по неполнотѣ, они не могутъ дать точнаго понятія о положеніи дѣла во всей губерніи, но сами по себѣ представляютъ данныя, не лишеныя интереса.

Изъ 278 сельскихъ обществъ, о которыхъ доставлены свѣдѣнія, земля передѣляется:

Ежегодно	въ 128 обществахъ
Черезъ 2 года	» 22 »
» 3 »	» 13 »
» 5 лѣтъ	» 21 »
» 6 »	» 20 »
» 8 »	» 2 »
» 10 »	» 11 »

Не передѣляютъ землю отъ ревизіи до ревизіи 38 обществъ.

Не передѣляютъ землю вовсе со времени полученія надѣловъ съ 1862 года—23 общества.

Изъ числа послѣднихъ, четыре общества ¹⁾, Урлейской волости петровскаго уѣзда, предполагаютъ передѣловъ не допускать вовсе. Крестьяне этихъ обществъ землю удобряютъ.

Въ колоніяхъ (свѣдѣнія изъ трехъ волостей) земля передѣляется черезъ 5 или 6 лѣтъ по числу полей; есть одно общество, передѣляющее землю ежегодно. Камышинскаго же уѣзда 10 обществъ камышинской волости передѣляютъ землю черезъ 10 лѣтъ.

Изъ числа обществъ, не передѣляющихъ землю со времени полученія надѣловъ, приходится на аткарскій уѣздъ 12, на хвалынскій 5, на петровскій 4, на камышинскій 1 и на саратовскій 1.

Какъ ни отрывочны имѣющіяся свѣдѣнія, но изъ нихъ можно сдѣлать два вывода:

1) Отъ ежегодныхъ передѣловъ отказываются тѣ общества, которыя надѣлены большимъ количествомъ земли.

2) Общества, отказывающіяся отъ ежегодныхъ передѣловъ, принимаютъ для передѣловъ періоды свыше 5-ти лѣтъ.

Причины, вызывающія ежегодные передѣлы, по объясненію

¹⁾ Общества: Урлейское, 1-е Чернышевское, 2-е Чернышевское и Загоряевское.

волостныхъ правленій, почти вездѣ одинаковы: желаніе достигнуть болѣе уравнительнаго распредѣленія земли по ея качеству и постоянныя измѣненія въ составѣ семействъ.

Одно лишь волостное правленіе приписываетъ существующій обычай подстрекательству нѣсколькихъ «стариковъ», извлекающихъ выгоду отъ передѣловъ ¹⁾.

При передѣлахъ земли на долгіе сроки и въ тѣхъ случаяхъ, когда передѣловъ вовсе не дѣлается, существуютъ различные способы раздѣленія земли и пользованія ею. Въ большинствѣ случаевъ поля раздѣляются по качеству земли, какъ и при ежегодныхъ передѣлахъ, и хозяева владѣютъ весь срокъ нѣсколькими загонами. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, получающіе землю худшаго качества вознаграждаются количествомъ.

Всегда земля раздѣляется по-семейно; въ нѣкоторыхъ обществахъ при раздѣлѣ земли оставались запасные участки, изъ которыхъ удовлетворяются прибылыя души; земля отъ убылыхъ душъ поступаетъ въ распоряженіе общества.

Земля отбирается только при несостоятельности къ уплатѣ новинностей; нѣкоторыя общества допускаютъ отказъ отъ земли при убыли душъ въ семействѣ.

Этому порядку придерживаются одинаково, какъ жители камышинскаго уѣзда, имѣющіе земли сравнительно больше, особенно колонисты, такъ и нѣкоторыя общества петровскаго уѣзда. Впрочемъ, изъ доставленныхъ свѣдѣній можно вывести заключенія такого рода, что крестьяне начали сознавать вредъ ежегодныхъ передѣловъ, но общества, отказывающіяся отъ нихъ, стараются установить большой срокъ для передѣловъ; это доказывается тѣмъ, что изъ числа 150 обществъ, отказавшихся отъ ежегодныхъ передѣловъ, 72 общества, почти 50%, уже приняли наибольшіе періоды для передѣловъ земли.

Опредѣлить, насколько ежегодные передѣлы вліяютъ на урожаи хлѣба, по недостаточности свѣдѣній, оказалось невозможнымъ; точно также свѣдѣнія эти не отвѣчаютъ на вопросы, возникающіе при разсмотрѣніи ихъ. Такъ, нѣтъ свѣдѣній, въ какихъ мѣстностяхъ крестьяне удобряютъ землю; нельзя вывести заключенія, почему въ нѣкоторыхъ волостяхъ одни селенія отказались отъ ежегодныхъ передѣловъ, а другія селенія придерживаются системы ежегодныхъ передѣловъ и гдѣ кроются истинныя причины этихъ передѣловъ.

Эти свѣдѣнія, признавая крайне необходимыми для разработки

¹⁾ Обрывки земли отъ передѣловъ остаются въ ихъ пользу.

вопроса вполне, мы, по возможности, надѣемся со временемъ собрать лично, ибо оффиціальныи опросъ волостныхъ правленій не общаетъ успѣха.

Съ занимающимъ насъ въ настоящей статьѣ вопросомъ о податной десятинѣ, которое должно открыть намъ разныя стороны существующихъ у насъ условій земельного обложенія, неразрывно связывается вопросъ объ обеспеченіи поступления поземельнаго налога, который по своей отличительной чертѣ не долженъ бы имѣть ничего общаго съ подушнымъ обложеніемъ.

При подесятинной раскладѣ, кажется, не могло быть и рѣчи о круговой порукѣ, такъ какъ въ этомъ видѣ налога каждая десятина отвѣчаетъ за себя. Мы выше видѣли, что говоритъ практика по этому предмету, мы видѣли, что нѣтъ ни подесятиннаго обложенія, ни подесятинной раскладки, ни подесятиннаго взиманія, слѣдовательно, можетъ ли быть подесятинная отвѣтственность. Земля явилась однимъ лишь элементомъ производительности домохозяйствъ, и раздробленныя мельчайшія доли осьминника распредѣлились между дворами, соразмѣрно ихъ общей экономической податной силѣ, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, независимо отъ сравнительно ничтожнаго земельного клочка, такъ что обеспеченіе въ поступленіи поземельнаго налога основалось на томъ же самомъ началѣ, какъ и обеспеченіе всякаго иного рода сборовъ, подушныхъ и общественныхъ, а именно на началѣ *взаимной отвѣтственности*, только съ тѣмъ различіемъ, что съ нимъ слилось еще новое начало—*взаимнаго общиннаго поземельнаго пользованія*, столь естественнаго тамъ, гдѣ люди соединяются общими экономическими нуждами и общими условіями земельными и другими, для удовлетворенія этихъ нуждъ, въ особый общественный союзъ. Одаренный здравымъ смысломъ, союзъ русскихъ крестьянъ, въ своемъ проявленіи начала общственности и государственности, распредѣлилъ всю свою землю по экономической силѣ своихъ тончайшихъ составныхъ частицъ—домохозяйствъ, каждое изъ нихъ сознательно приняло на себя обработку известной доли земли, которая осталась свободною отъ обработки маломощными семьями; и такъ какъ вся земля дѣлится на множество мельчайшихъ единицъ, распредѣленныхъ по домохозяйствамъ не поровну, а соответственно экономической силѣ каждаго двора—домохозяйства, то обработка небольшого клочка земли становится дѣломъ малотруднымъ; общинная земля является не бременемъ, а средствомъ, которымъ единообщественники пользуются по мѣрѣ силъ и возможности, сообразно со всѣми обстоятельствами, подтверждающимися въ теченія жизни разнообраз-

нимъ измѣненіямъ; на этомъ основаніи, напримѣръ, безлошадный, по старательный 17-лѣтній домохозяинъ Афиногенъ Матвѣевъ, по принятіи имъ на себя одной души повинностей, получилъ только по одному осмыннику въ каждомъ участіи земли. Но не пройдетъ, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, какъ тотъ же Афиногенъ Матвѣевъ, когда женится и приобрететъ лошадь, не затруднится взять себѣ по три осмынника въ тѣхъ же участкахъ, а семьи сорокалѣтнихъ домохозяевъ съ подростками рабочими, получившими нынѣ по четыре осмынника въ участіи, станутъ тогда получать, или по случаю кражи лошадей, или отдачи сына въ солдаты, и т. п., лишь по два осмынника въ участіи.

Таково начало *взаимнаго общиннаго поземельнаго пользованія*, которое, сливаясь съ началомъ *взаимной общественной податной ответственности*, само собою возводится въ принципъ всякаго общиннаго хозяйства, хотя бы даже подъ такимъ устрашающимъ названіемъ, какъ *круговая порука*.

Послѣ этого мы считаемъ нужнымъ ознакомить читателя еще съ немаловажною стороною податного дѣла—съ *порядкомъ взиманія повинностей*, въ томъ числѣ и поземельныхъ.

Порядокъ сбора, счетоводства и храненія собранныхъ суммъ, какъ извѣстно, по ст. 171 общ. положенія 19 февраля 1861 г., опредѣляетъ само общество.

Если сельское общество отмѣнило на практикѣ подушное и подесятинное обложеніе, обративъ его въ подворно-похозяйственное, то естественно, что взиманіе всѣхъ повинностей оно производитъ подворно и одновременно по всякаго рода повинностямъ, не устанавливая особыхъ сборовъ для каждой повинности.

Обращаясь къ исполненію сборщиками своихъ обязанностей, мы видимъ:

а) Какъ въ вѣслѣдуемомъ нами обществѣ, такъ и почти въ каждомъ сельскомъ обществѣ были случаи растраты и прочетовъ во взысканныхъ суммахъ ¹⁾;

б) за неизбѣнимъ надлежащаго безопаснаго мѣста для храненія денегъ, частая утрата ихъ сборщикомъ происходитъ или въ нетрезвомъ видѣ, или во время пожара и т. п. случаямъ;

в) полную неконтрольность и невозможность установить ее при существующей обстановкѣ крестьянскихъ обществъ;

г) неумѣніе и невозможность вести правильное счетоводство породили то зло, что явилось множество нескончаемыхъ споровъ

¹⁾ Растраты и прочеты нерѣдко сходками прощаются, такъ что растратенныя и прочтенныя суммы взыскиваются вновь съ общества.

между плательщиками и сборщиками. Годъ спустя послѣ сбора повинностей, нѣтъ никакой возможности, при всемъ желаніи, добиться толку по поступленію повинностей.

д) Повсюду слышатся жалобы крестьянъ на недовѣріе въ сборщикамъ, на несостоятельность ихъ. Крестьяне, внесшіе подати, всегда въ страхѣ и опасности оттого, какъ бы не потребовали въ другой разъ тѣхъ же повинностей; во избѣжаніе этого, многіе благоразумные вносятъ ихъ тогда, когда настоятельно того потребуетъ волостное правленіе или становой приставъ.

Причины этихъ обыкновенныхъ явленій нельзя не видѣть въ слѣдующемъ:

1) Крестьянское общество, гдѣ нѣтъ ни одного грамотнаго, поставлено въ необходимость избирать изъ своей среды на весьма важныя и трудныя обязанности сборщиковъ и старость подобныхъ себѣ неопытныхъ и неграмотныхъ однообщественниковъ, которые принуждены производить сборъ повинностей при помощи мальчиговъ или съ кругу спившихся сельскихъ писарей.

2) Ненаказуемость растратъ по неумѣнію и невозможности въ средѣ крестьянскаго быта отличить ихъ отъ обыкновенныхъ прочетовъ.

Можно ли обвинить во всемъ этомъ крестьянскія общества, если мы вспомнимъ, что самыя ничтожныя суммы, находящіяся въ завѣдываніи разныхъ учрежденій — по поступленію, храненію и расходованію — обставлены строжайшими многосложными правилами и контролемъ, а сборъ, храненіе и сдача въ правительственныя учрежденія десятковъ милліоновъ государственныхъ податей и налоговъ, существенныхъ въ жизни государства, поручены завѣдыванію неопытныхъ и безграмотныхъ крестьянъ. Случай растратъ и прочетовъ правительственныхъ сборщиковъ обезпечены ихъ личною отвѣтственностію, лишаящею ихъ, независимо отъ матеріальныхъ взысканій, существенныхъ для нихъ политическихъ и гражданскихъ правъ. Случай же растратъ и прочетовъ, допущенныхъ крестьянскими обществами въ лицѣ ихъ сборщиковъ или старость, отзываются только на матеріальныхъ скудныхъ средствахъ всѣхъ членовъ того же общества.

Въ интересахъ всесторонняго обсужденія вопроса о существующихъ налогахъ, слѣдовало бы здѣсь упомянуть еще о срокахъ вниманія повинностей.

На нашъ взглядъ, вопросъ о *срокахъ* по своимъ послѣдствіямъ въ отношеніяхъ экономическомъ, общественномъ и государственномъ не менѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ вопросы относительно способа обложенія и порядка сбора повинностей. Какою

бы силу ни отличалась дойная корова и какъ бы способна она ни была къ самымъ большимъ удоямъ, но если нѣсколько разнородныхъ доильщиковъ будутъ настоятельно требовать отъ нея, безъ взаимнаго между собою соглашенія, каждый своей части удою, по разнообразнымъ системамъ мѣръ, не соображая при этомъ ни питательныхъ средствъ, ни времени образованія питательнаго матеріала, то всякая сильная корова, при всей готовности и способности удовлетворить требованіямъ своихъ доильщиковъ, въ самомъ непродолжительномъ времени должна будетъ превратиться, естественнымъ путемъ, въ тощую, не способную въ выдѣленію излишковъ.

Познакомивъ читателей съ практикой обложенія и раскладки, постараемся теперь, въ виду полученныхъ нами достовѣрныхъ данныхъ, провѣрить всѣ соображенія какъ противниковъ, такъ и защитниковъ подушной подати, которая, какъ мы видѣли, въ практическомъ примѣненіи есть то же, что и поземельный налогъ, несмотря на различіе податныхъ единицъ, *души и десятины*. Въ пользу подушной подати обыкновенно приводятся слѣдующіе доводы:

1) «Удобство исчисленія податныхъ окладовъ. Число ревизскихъ душъ, опредѣленное однажды по народной переписи, въ каждомъ обществѣ, служитъ основаніемъ для опредѣленія оклада, тѣмъ, при однообразіи душевого размѣра, достигается очень просто».

Удобство исчисленія податного оклада по подушной системѣ не представляетъ, по нашимъ наблюденіямъ, никакого преимущества передъ удобствомъ исчисленія какого-либо другого элемента въ крестьянскомъ хозяйствѣ, принятаго за объектъ подати, какъ-то: двора, десятины, лошади, сохи, тягла и т. п. Какъ число ревизскихъ душъ, такъ и число ревизскихъ сохъ, лошадей и т. н., опредѣленное однажды по народной переписи въ каждомъ обществѣ, можетъ служить, по желанію правительства, всегда одинаковымъ для распредѣленія оклада; все это достигается просто не только при однообразіи душевого размѣра, но и при однообразіи другого рода размѣровъ, ибо какъ душа, такъ и всякіе другіе предметы въ домохозяйствѣ, могущіе послужить объектами подати, имѣютъ одинаковое экономическое значеніе. Мы видѣли примѣры, что душа, какъ объектъ, не только приблизительно, но вовсе не указываетъ на податной источникъ, какъ того требуетъ финансовая наука.

2) «Правительство ограждено отъ уменьшенія однажды опредѣленнаго оклада, вслѣдствіе убыли или уклоненія отъ положенія въ окладъ лицъ, подлежащихъ платежу. Сумма податей остается, за немногими исключеніями, неизмѣнною, ибо окладныя

души исключаются изъ олада въ каждомъ обществѣ не прежде, какъ по удостовѣренію, что подлежащія исключенію души записаны въ оладъ въ другомъ мѣстѣ, или приобрѣли право на освобожденіе отъ подушной подати».

Правительство одинаково ограждено, по нашему мнѣнію, отъ уменьшенія однажды опредѣленнаго олада, вслѣдствіе убыли или увлоненія отъ положенія въ оладѣ лицъ, подлежащихъ платежу, будутъ ли эти лица положены въ оладъ подушно или посошно, потягольно, полошадно и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сумма податей остается также неизмѣнною, за немногими исключеніями, подобно тому, какъ это совершается съ оладными мѣрскими душами, обыкновенно не отвѣчающими ревисемъ душамъ.

3) «Правительство, имѣя дѣло съ обществами, а не съ каждымъ плательщикомъ, значительно облегчено во взиманіи подушныхъ вкладовъ».

И при всякомъ другомъ способѣ обложенія — потягольномъ, посошномъ и т. п., правительство будетъ имѣть дѣло съ обществами, а не съ каждымъ плательщикомъ, а потому взиманіе по этого рода оладамъ не представитъ болышихъ неудобствъ противъ взиманія *подушныхъ* вкладовъ.

4) «Подушные сборы, несмотря на образующіяся въ нихъ недоимки, поступаютъ довольно удовлетворительно, такъ какъ въ средней сложности ежегодный недоборъ не великъ».

Исслѣдованія положительно доказываютъ, что ни подушныхъ специальныхъ сборовъ, слѣдовательно, ни подушныхъ специальныхъ недоимокъ, не существуетъ фактически, а показываются они только въ книгахъ уѣздныхъ казначействъ по усмотрѣнію гг. сельскихъ писарей или казначейской канцеляріи.

Въ каждомъ рублѣ или, лучше, въ каждой копейкѣ, внесенной домохозяиномъ сборщику податей, нераздѣльно содержатся всѣ сборы и подати, какъ равно и въ недонесенной копейкѣ заключается недоимка всѣхъ податей и сборовъ.

Намъ извѣстно, что удовлетворительнѣе всѣхъ повинностей, даже государственныхъ, поступаютъ мѣрскіе сборы, ибо волостное и сельское начальства, въ нихъ лично заинтересованныя, прежде всего удовлетворяютъ свои нужды изъ общей цифры всѣхъ сборовъ. Служащіе же посредствомъ земства не получаютъ содержанія въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по причинѣ накопленія однихъ лишь недоимокъ.

Если бы канцелярія уѣзднаго казначейства и крестьянское управленіе получали содержаніе отъ земства, то, вѣроятно, бездонимочное поступленіе было бы на сторонѣ земскихъ сборовъ.

5) «Народъ издавна привыкъ къ подушной подати; она вошла въ обычай и нравы плательщиковъ».

Исслѣдованія показали, насколько странно подобное предположеніе защитниковъ подушной подати: народъ, не имѣя никакого представленія о какихъ бы то ни-было способахъ обложенія и не входя въ разборъ ни о поводахъ, ни объ основательности тѣхъ или другихъ, народъ привыкъ платить подати и не откажется отъ этой привычки, лишь бы только всѣ вообще повинности были подсилны его домохозяйству и осмысленно взимаемы.

Недостатки подушной системы противники ея видятъ въ слѣдующемъ:

1) «При подушной системѣ невозможно достигнуть уравнительнаго распредѣленія. Предметомъ обложенія является при этой системѣ душа, которая и облагается обывновенно не рѣдко въ цѣлыхъ уѣздахъ одинаковыми окладами».

Уравнительнаго распредѣленія нельзя достигнуть, какъ показываютъ исслѣдованія, не потому, что душа облагается одинаковымъ размѣромъ не рѣдко въ цѣлыхъ уѣздахъ и еще большихъ частяхъ губерніи; если бы душа облагалась въ каждомъ селеніи различно, то и тогда невозможно было бы достигнуть уравнительнаго распредѣленія подати, ибо подать разлагается по экономической способности домохозяйствъ, которыя могутъ видоизмѣняться по общинамъ разнообразно.

Мы выше видѣли, что не мѣстность, не уѣзды, не земли ихъ даютъ экономическую силу домохозяйству и общинѣ, а число сильныхъ семей: въ какой бы плодородной странѣ ни поселились одинокіе и маломощные, отъ нихъ ни община, ни государство многого не получаютъ. Слѣдовательно, уравнительность достигается знаніемъ посемейнаго состава обществъ.

2) «Подушная подать не имѣетъ вещественнаго основанія. Для взиманія ея оказывается необходимымъ прикрѣпленіе податного населенія на однихъ мѣстахъ съ примѣненіемъ круговой поруки, препятствующей, стѣсненіемъ перехода податного населенія, правильному и наиболѣе производительному распредѣленію сельскохозяйственной и промышленной дѣятельности».

Вещественнаго основанія, какъ показываютъ исслѣдованія, не имѣетъ и подешатинная земельная подать; для взиманія ея необходимо было бы также прикрѣпленіе податного населенія съ примѣненіемъ круговой поруки, ибо земля является такъ же, какъ и живая душа, однимъ изъ элементовъ экономической силы домохозяйства. Вещественнаго основанія, продолжительнаго и проч-

наго, не всегда можетъ имѣть и цѣлое домохозяйство, если только оно ведется одиночнмъ, маломощнмъ. Степень экономической силы рабочаго и десятины подвергается измѣненію, то увеличиваясь, то уменьшаясь, подъ давленіемъ семейныхъ экономическихъ союзовъ.

3) «Крестьянъ, водворившихся на мѣстахъ новыхъ поселеній, безъ соблюденія законныхъ формальностей, весьма много; на нихъ въ прежнихъ мѣстахъ ихъ водворенія накапливаются недоимки, и въ мѣстахъ новаго поселенія они не могутъ быть занесены въ окладъ, потому что, по закону, считаются въ составѣ прежнихъ обществъ».

Когда въ основаніе податнаго обложенія будетъ положено то начало, которое принято въ законодательствѣ Англіи, а именно: обложенію будетъ подлежать все то, что: «visible, profitable and situated in the parish» (видимое, доходное и лежащее въ районѣ прихода), тогда пунеть этотъ самъ собой исчезнетъ. Жители государства будутъ платить подать тамъ, гдѣ они поселились, въ формѣ ли общины или на началахъ частной собственности. Крестьяне водворяются на новыхъ мѣстахъ поселенія, потому что имъ нельзя жить въ старыхъ мѣстахъ. Администрація тѣхъ и другихъ не можетъ не знать о совершившемся обмѣнѣ мѣстожительства.

Удаляются обыкновенно излишки населенія по недостатку способа къ существованію. Отъ добра добра не ищутъ. Остающіеся же, удовлетворенные экономически, не станутъ переселеніемъ избѣгать отъ платежа повинностей государственныхъ.

4) «Самое производство ревизіи представляетъ собою громадную работу, приводящую въ волненіе все податное населеніе; съ переходомъ крестьянъ-собственниковъ въ мѣщане, казна будетъ лишаться подушной подати. Что въ мѣстностяхъ общиннаго владѣнія замѣчается стремленіе къ раздѣламъ общинныхъ земель на подворные участки и къ выкупу отдѣльныхъ участковъ изъ среды общинной земли, то нельзя не предвидѣть многочисленныхъ уклоненій отъ подушной подати посредствомъ приписки въ другія сословія».

Теперь, когда организовались волостныя правленія, уѣдныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣдныя земскія управы и статистическіе комитеты, производство ревизіи не можетъ представить той громадной работы, какою она представлялась до этихъ учреждений. Ревизія теперь не приведетъ въ волненіе народъ, подвергавшійся неоднократно въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ переписямъ посемейнымъ и подворнымъ по разнымъ случаямъ и требованіямъ новѣйшихъ учреждений. Народъ не довѣ-

реть переписи потому, что за нею могут слѣдовать несообразности по взысканію лишнихъ налоговъ. Малолѣтнія души у одинокихъ и маломощныхъ, нарожденіе послѣ 1858 года въ первое десятилѣтіе—дочерей, а въ послѣднее—мальчишковъ, дѣйствительно увеличатъ цифру ревизскихъ душъ, но эта цифра ничего не скажетъ въ пользу увеличенія народныхъ силъ въ теченіи двадцатилѣтія. Послѣ этого не удивительно, что народъ боится не процесса ревизіи, а ни съ чѣмъ несообразныхъ тяжелыхъ ея послѣдствій.

Никакого стремленія къ раздѣламъ общинныхъ земель на подворные участки мы не замѣчаемъ, да и допустить не можемъ; выкупы же отдѣльныхъ участковъ оказываются исключеніями столь рѣдкими, что не могутъ представить значительнаго уклоненія отъ подати, ибо подать эту всегда приметъ на себя или выкупившій надѣлъ, или само общество.

Такимъ образомъ, здѣсь представляется оригинальнымъ то, что и соображенія противниковъ подушнаго обложенія и доводы защитниковъ его одинаково разбиваются о практически здравый смыслъ русскаго народа.

Вообще, путаница въ понятіяхъ податнаго дѣла въ Россіи объясняется отсутствіемъ прочной почвы мѣстныхъ изслѣдованій и обращеніемъ къ примѣрамъ другихъ государствъ или теоріямъ, не получившимъ научныхъ санкцій; когда же дѣло коснется народа, то онъ строитъ свое податное зданіе по указаніямъ самой жизни.

Итакъ, изслѣдованіе примѣрной податной десятины приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію:

1) Арянское крестьянское общество не знаетъ о существованіи подраздѣленія денежныхъ повинностей на подушную подать, на поземельный налогъ государственный и сборъ земскій; подъ употребляемымъ выраженіемъ *подушное* имъ разумѣются всѣ повинности, въ томъ числѣ и поземельныя, а подъ словомъ *дума*—лишь одна ихъ общая доля.

2) Арянское сельское общество не видитъ на практикѣ разумнаго основанія какъ въ подушномъ ревизскомъ, такъ и податномъ земельномъ обложеніи.

3) Рабочій трудъ, земля и лошадь въ отдѣльности, не имѣя податнаго значенія, суть лишь простые и разнородные элементы экономической силы и только нераздѣльно представляютъ эту силу, и тогда лишь получаютъ податное значеніе. Вотъ почему изслѣдованіе податной десятины не могло открыть намъ:—отвѣчаетъ ли поземельный налогъ основнымъ началамъ финансовой

науки, а именно: а) насколько поземельный налогъ соответствуетъ народному хозяйству; б) какія тягости и лишенія причиняетъ оуб населенію; в) какъ велика податная способность облагаемыхъ и тѣ части податныхъ источниковъ, т.-е. части имущества, изъ вторыхъ могутъ быть взысканы подати, и г) какое различіе существуетъ между источникомъ и объектомъ подати? Ни одного изъ этихъ пунктовъ податною десятиною разрѣшить нельзя.

4) Земля между членами общины распределяется по домохозяйствамъ сообразно экономической и податной ихъ способности, а не по подушному разсчету, установленному положеніемъ 19-го февраля.

5) Регулирующимъ началомъ по распределенію земли служить общая, ежегодно опредѣляемая податная доля въ неизмѣнномъ числѣ ревизскихъ душъ. Доля земли, достоящаяся домохозяйину, всегда пропорціональна податнымъ долямъ; число долей повинностей, уплачиваемыхъ домохозяйствами, всегда соответствуетъ числу долей земли, получаемыхъ домохозяйствами не только въ разныхъ родахъ полей, но и въ разныхъ видахъ мелкихъ участковъ земли.

6) Десятина земли, какъ и вся общинная земля, лишенная податного значенія, не кадастрируется, представляя собой лишь экономическую частичку въ домохозяйствѣ и одинъ изъ элементовъ цѣлаго податного источника, какъ выше уже было объяснено. Осьминникъ является лишь какъ болѣе практическая земельная мѣра, но такъ же, какъ и десятина, податного значенія имѣть не можетъ.

Намъ извѣстны общины, гдѣ ни десятина, ни осьминникъ, а квадратная сажень принята за единицу земельной мѣры; все зависитъ отъ общаго количества земли, находящейся въ пользованіи общины.

Послѣ этого такія выраженія, какія нерѣдко приходится слышать: «земель нельзя облагать, они и безъ того уже слишкомъ обременены» — не имѣютъ смысла.

Сюда подошло бы скорѣе выраженіе того государственнаго чловѣка въ Англій, который говорилъ о налогахъ: такъ какъ невозможно уменьшить тяжести наши, то увеличимъ силы самого животнаго.

Различіе — существенное — въ томъ, что одни видятъ объективность въ налогѣ, а другіе — субъективность.

7) Община, хотя и состоитъ изъ девяти типовъ домохозяйствъ, отличающихся между собою въ мельчайшихъ податныхъ отбѣнкахъ, даже въ полудоляхъ, но главнымъ образомъ она пред-

ставилъ два рѣзко отличающихся экономическихъ типа — это *маломощныхъ-одинокихъ* и *семьяныхъ* (двурбочихъ и болѣе семей).

Условія ихъ рѣзко различны: одни живутъ на началахъ раздѣленія земледѣльческаго труда, — у нихъ, по выраженію крестьянъ, все *спорится*, а другіе этого начала осуществить не могутъ; а потому такіе экономическіе элементы, какъ лошадь, земля и самый рабочій, у первыхъ имѣютъ одно экономическое значеніе, а у послѣднихъ — совершенно другое.

Изображая, такимъ образомъ, различныя экономическія единицы, домохозяйства одинокихъ и семьяныхъ представляютъ различныя податныя источники. Поэтому и безусловное подворное обложеніе теряетъ всякое значеніе: мы видѣли, какъ 57 дворовъ, т.-е. $\frac{2}{3}$ въ цѣлой общинѣ, представили менѣе податной способности, чѣмъ 30 дворовъ — $\frac{1}{3}$ той же общины. Это открываетъ для статистики народонаселенія новое плодотворное поприще, ибо доказываетъ, что экономическія силы Россіи, слѣдовательно и податныя, должны опредѣлиться не количествомъ живого, наличнаго, душевого населенія, не массою десятинъ, на которыхъ оно разбросано, а цифрою, показывающей правильное сочетаніе того и другого въ подворныхъ сильныхъ домохозяйствахъ. Только эти небольшіе экономическіе союзы и въ состояніи свободно выдѣлать изъ себя въ формѣ налога что-либо на благо общественное и государственное.

Спросите любого порядочнаго крестьянина, какъ расцѣнить онь въ податномъ значеніи область въ 400.000 кв. миль съ сто-милліоннымъ населеніемъ маломощныхъ одинокихъ. Этакой области даромъ не надо, — скажетъ онь, — съ ней одна только склика, не минуючи разведешь мироѣдовъ, конокрадовъ, да кабалу народную, а вотъ область въ десять разъ поменьше, да всего съ десятью тысячами русскихъ обществъ, съ такими домохозяевами, что по 4—5 душъ теперь платятъ, можно бы легко отвѣтить за подать въ 500 милліоновъ рублей и это было бы для всѣхъ безобидно, и въ казну она поступила бы бездомочно. Ревевскія сказки хотя и составляютъ подворно, по нимъ хотя и можно узнать число многодушныхъ семей, но вѣдь многодушныя семья не всегда сильны экономически, такъ, напр., въ Аршенскомъ обществѣ семья Шукина и семья Горбунова по ревевскому счету и по наличности имѣютъ по 4 души, а по мирской раскладкѣ одна платитъ $3\frac{1}{2}$ долей, а другая 7 долей повинностей. Не менѣе интересныя свѣдѣнія по этому предмету

мы встрѣтили въ Булясовскомъ обществѣ государственныхъ крестьянъ. Степанъ Явлевъ, при 6-ти наличныхъ душахъ, и Семенъ Кудяновъ, при 2-хъ наличныхъ душахъ, платятъ по раскладѣ одинаково 5 душъ.

Только мірская раскладка можетъ указать на бездушные и маломощные дворы. Какія вѣрныя и драгоцѣнныя статистическія данныя можно было бы извлечь изъ мірскихъ раскладокъ для опредѣленія бѣдныхъ крестьянъ въ край! Точныя цифровыя данныя, опредѣляющія относительную типичность каждаго двора по его экономической платежной способности, всегда готовы у населенія. Податныя тетради, имѣющіяся въ каждомъ обществѣ, содержащія въ себѣ свѣдѣнія объ окладныхъ душахъ, представляютъ драгоцѣнный статистическій матеріалъ, который могъ бы живо выяснить податную способность края. Этотъ матеріалъ драгоцѣненъ потому, что онъ точенъ, готовъ и составляетъ для самихъ общинъ существенную потребность.

Податныя же тетради открываютъ возможность, при помощи владѣнной записи, опредѣлить и подворное распредѣленіе земли, ибо душа, т.-е. доля всѣхъ податей — соотвѣтствуетъ земельной единицѣ.

8) Единственная цифра недоимки, которая можетъ существовать въ дѣйствительности и числиться на самомъ обществѣ, это только одна цифра, показывающая недоимку всѣхъ податей, сборовъ, налоговъ и платежей, обложенію которыхъ подлежитъ общество. Цифра эта можетъ составиться лишь отъ недоимокъ каждаго двора, а не разнородныхъ обложеній.

Цифры недоимокъ по спеціальнымъ платежамъ, повинностямъ и налогамъ, если и существуютъ, то онѣ произвольно составляются въ канцеляріяхъ уѣздныхъ казначействъ и сельскихъ управленій, а потому мѣста имѣть не должны. Составленные изъ нихъ статистическія данныя и основанныя на нихъ финансовыя соображенія, начиная отъ низшихъ уѣздныхъ и кончая самыми высшими государственными учрежденіями, производятся неправильно и бесплодно.

9) Круговая порука, какъ оказывается, неизбежная и по платежу поземельныхъ налоговъ, въ той формѣ, какъ она представляется многимъ, есть не столько зло по самому ея существу, сколько злоупотребленіе волостныхъ и сельскихъ властей.

Если только круговая порука вытекаетъ сама собой изъ начала *взаимной общественной податной ответственности* и

важную общинную поземельную пользу, то она может явиться основнымъ принципомъ всякаго общиннаго начала.

10) Несовладаніе сельскаго общества съ порядкомъ сбора, храненія и отчетности суммъ денежныхъ объясняется отсутствіемъ грамотности у народа, хотя это бремя не подсылно иногда и грамотному.

11) Земство, облагавшее населеніе для образованія продовольственнаго капитала и запасовъ хлѣба подушнымъ сборомъ зерна или денегъ, не нарушало закона, ибо всякое подесятинное обложеніе неминуемо было бы подушнымъ, а всякое подушное не могло не быть и поземельнымъ.

Если подушныя и поземельныя основанія по обложенію сельскихъ обществъ оставались бы только въ соображеніяхъ канцелярій, и полученныя по нимъ цифровыя данныя употреблялись лишь для опредѣленія общей цифры государственнаго налога, тогда не произошло бы той несообразности, которую встрѣтило земство въ работахъ своихъ по обезпеченію народнаго продовольствія.

12) Распредѣленіе 87-ми дворовъ на 10 типовъ и порядокъ дѣлежа земли свидѣтельствуютъ живо, какъ объ идеальномъ проявленіи мудрости народной, не чуждой, повидимому, началъ общественности и государственности.

13) Есть основанія предполагать, что только сильная по-дворно-похозяйственная община будетъ твердою экономическою общиною, и только такая общинно-сильная Россія будетъ экономически сильнымъ государствомъ.

Мы здѣсь разумѣемъ ту часть населенія, которая устроилась на общинномъ началѣ.

Эти наши выводы построились, конечно, на данныхъ одной сельской крестьянской общины. Все, что только въ ней могло лишь намѣтиться и обозначиться по изслѣдованію податной десятины, можетъ получить болѣе ясныя и точныя очертанія только въ продолжительныхъ наблюденіяхъ надъ всѣми явленіями разнородныхъ общинъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ ихъ составныхъ частей — домохозяйствъ.

Такимъ образомъ, передъ нами, вмѣсто ревизской податной души и казенной податной десятины, возникаетъ по отношенію къ общинѣ естественный дворъ или *податное домохозяйство*, а по отношенію къ государству — *податная община*.

Но это не тотъ простой дворъ, какимъ онъ часто представлялся намъ, какъ наблюдателю, всегда готовому начертить его гадательный

бюджетъ. Желательно, чтобы этотъ дворъ былъ разсмотрѣнъ со всею тщательностію, какъ-бы черезъ посредство микроскопа, который долженъ открыть передъ наблюдателемъ цѣлое домохозяйство, во всей сложности его механизма, и чтобы наблюдатель прослѣдилъ съ полнымъ вниманіемъ за жизнію экономическихъ тѣлъ (кудели, шерсти, тряпья, хлѣбнаго зерна и т. п.), получающихъ въ этомъ домохозяйствѣ свое зарожденіе и, повидимому, отличающихся въ дальнѣйшей своей живни особою промышленною организаціею.

В. Трироговъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Я тихо брелъ проѣзжаю дорогой.
Быль знойный день, дышалось тяжело.
Передо мной въ красѣ своей убогой
На холмикѣ раскинулось село.
Тамъ праздникъ былъ — и пестрою толпою
Народъ шумѣлъ, какъ пчель могучій рой;
Кто пѣсни пѣлъ, кто плакалъ съ перепоею,
Кто спалъ, въ траву уткнувшись головою —
Повсюду брань, веселье, пиръ горой...
А солнца ликъ недвижный и палащій,
Какъ гнѣвный Богъ карающимъ огнемъ,
Жегъ съ высоты весь этотъ людъ гулящій
И жегъ поля, дремавшія кругомъ!

И я прошелъ, въ сторонку, за селенье
На влажный склонъ къ пустынному ручью.
Туда за мной гнались и крикъ, и пѣнье;
Но отъ полей и нивъ, отъ отдаленья
Туманнаго — ласвая грудь мою —
Цѣлебный миръ владычицы-природы
Легълъ ко мнѣ на встрѣчу, и дышалъ
Привѣтствіемъ покоя и свободы,
И нѣжный шумъ селенья заглушалъ.

Какъ шопоть волнъ, то близкій, то далекий,
Онъ обольщалъ, онъ призывалъ меня,
И мнилось мнѣ—въ немъ слышались упреки
Родной земли:

— «Забыта всѣми я!

Забыта я вездѣ, въ домахъ, палатахъ,
Что на своихъ несу я раменахъ,
Забыта я средь гордыхъ и богатыхъ,
На высоту добромъ моимъ подъятыхъ,
Что дань мою съѣдаютъ на пирахъ;
Забыта я на торжищахъ, гдѣ горы
Моихъ даровъ за деньги продаютъ —
И торгаша разжившагося взоры
На землю-мать съ любовью не падутъ!
Взгляни—и здѣсь въ селѣ я позабыта:
Въ немъ праздникъ, плясъ,— а я въ тиши одна,
Нарядная, хлѣбами вся покрыта,
Шелкѣвою травой вокругъ обвита,
Презрѣнію и скукѣ предана!
Приди, поэтъ: побудь хоть ты со мною!
Спой пѣсню мнѣ...»

И теплою волною

Мнѣ вѣтеръ грудь и голову ласкалъ.
Въ немъ ароматъ цвѣтовъ и травъ струился;
Усталый день ужъ къ вечеру клонился...
Но на призывъ въ смятении я молчалъ.
Что могъ я пѣть?... Пѣвалъ я пѣсню привѣта,
Когда внималъ природы вольный шумъ,
Давно, давно — въ дни вешняго расцвѣта
Душевныхъ силъ, надеждъ и смѣлыхъ думъ!
Но смѣлъ ли я тѣ молодые звуки,
Безхитростный, весенній тотъ привѣтъ
Вновь повторить со взоромъ, полнымъ скуки,
И голосомъ надломленнымъ?.. О, нѣтъ!

И я назадъ побрелъ опять дорогой.
Во слѣдъ за мной мужикъ знакомый, Фроль,
Весь въ рубищѣ, косматый, босоногий,
Шатаясь, съ базара пьяный шелъ.
Онъ звалъ коня пропавшаго и крики
Его неслись въ безмолвныя поля,
Какъ боли стонъ, какъ злобы хохоть дикій,

Какъ страха вопль передъ бѣдой великой —
 На этотъ вопль отвѣтить могъ бы я!
 Тѣ вопль людской, знакомый былъ; онъ грубо
 Мечтанія и грезы разогналъ...
 И, признаюсь, — мнѣ слушать было любо,
 Какъ пьяный Фролъ ругался и кричалъ!

с. Шубино.—15 юля, 1878.

II.

О, еслибъ вѣрилъ я, что въ свѣтлыхъ небесахъ
 Могучій, грозный Богъ земные внемлетъ стоны,
 Въ молитвѣ пламенной, въ поклонахъ и слезахъ
 Искалъ бы я отъ думъ мятежныхъ обороны.

Презрѣвъ борьбы земной обманъ и суету
 Вериги я-бъ надѣлъ, облекся-бъ въ власницу
 И можетъ быть вдали, сквозъ ночи темноту
 Проврѣлъ бы истины желанную денницу!

Но дѣтской вѣры лучъ въ душѣ моей давно
 Угаснулъ, какъ въ глуши костеръ людьми забытый,
 И червь сомнѣнія холодный, ядовитый —
 Незванный, чуждый гость, гнѣздится смѣло въ ней.

И точить сердце онъ язвительной мечтою,
 Что жизни трудъ и шумъ — бесплодная игра,
 И дразнить бѣдный умъ далекой красотою
 Нетлѣнныхъ призраковъ свободы и добра!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

с. Шубино.—4 сентября, 1878.

КАЛЕНИКЪ

Историческая повесть изъ послѣднихъ лѣтъ Запорожья.

I.

Новомосковскъ — нынѣшній уѣздный городъ екатеринославской губерніи — сто лѣтъ тому навадъ, въ послѣднее время Запорожья, назывался на книжномъ языкѣ селомъ Самарчукомъ, мѣстечкомъ Новоселицей и Новоселовкой; въ народѣ же его тогда называли, какъ и теперь — Самарь — отъ имени рѣки, при которой онъ расположенъ. Въ ту пору мѣстечко Новоселица было центромъ самарской паланки (военнаго округа) и самарскихъ «товщей», т. е. земель, лѣсовъ, угодій, населеній и обзаведеній по рѣкѣ Самари и ея притокамъ. Въ Новоселицѣ было поѣтому и правленіе паланки съ ея старшиной.

Въ шестидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, лѣтъ за десять до уничтоженія Сѣчи, въ одинъ субботній день шелъ въ Новоселицѣ базарный торгъ.

На площади развѣвался флагъ самарской паланки, съ гербомъ ея — коронованнымъ львомъ, который стоялъ на заднихъ лапахъ и держалъ въ передней копьѣ. День стоялъ пасмурный. Флагъ, высоко поднятый на столбѣ, трепеталъ въ воздухѣ, извивался и слегка похлопывалъ подъ свѣжимъ утренникомъ. Продался сельскій привозъ — мука, масло, сѣно, дрова, барашки и т. п.; въ другомъ мѣстѣ вяленая рыба — тарань, синьга, чебакъ. У паланочныхъ лавченокъ, кое-какъ сколоченныхъ, одни чумаки брали деготь, другіе — «куликали» въ съѣстномъ ряду, либо покупали бублики; бубликами Новомосковскъ и теперь славится — до самаго Кіева въ одну сторону, и до Харькова — въ

другую. Не то — лакомились рогозомъ (ситникомъ); на него хоть пора ужъ и прошла — онъ былъ старъ, — но его еще продавали небольшими снопами, такъ какъ требованіе на него не прекращалось. Лежали на базарѣ горами кавуны — (арбузы), дыни, цѣлыя кучи чесноку, вязки цибули (луковиць) и разная приварочная зелень.

Въ Новоселицѣ тогда еще не было нынѣшней девятиглавой церкви; церковь была старенькая, передѣланная изъ простой хаты, съ выведеннымъ на ней вторымъ верхомъ, на которомъ поставленъ былъ желѣзный крестъ, и крытая очеретомъ (камышомъ). Запорожцы сдѣлали ее нѣ-скоро, когда воротились изъ-подъ крымскаго хана. Базаръ раздѣляла пополамъ дорожка; она давала проходъ и проѣздъ отъ церкви по базару, въ ту улицу, которая перерѣзывала все тогдашнее мѣстечко пополамъ, и служила большою дорогою къ Половицѣ (нынѣшнему Екатеринославу).

Со стороны церкви ѣхалъ на базаръ молодой запорожецъ на отличной сѣрой лошади. Онъ щеголялъ чрезвычайно пышнымъ и живописнымъ нарядомъ и такою же сбруею на конѣ. Рондикъ (конскій уборъ) шить былъ серебромъ; уздечка — съ байракомъ (мундштукомъ), поводѣ — чернаго лакированнаго ремня. Широкой нагрудный ремень у лошади и ремни пахвей покрыты были серебряными бляшками съ чеванными украшениями. Сѣдло — татарское; оно состояло изъ небольшого вьюка, крытаго краснымъ сафьяномъ и сукномъ, и обшито бархатомъ того же цвѣта съ серебряными галунами. Съ обѣихъ сторонъ сѣдла шли красныя помы; все это положено было на небольшой чепракъ алаго цвѣта, обшитый также галуномъ. Самъ казакъ одѣтъ былъ не въ форменный запорожскій нарядъ; на немъ былъ вишневый кафтанъ, бѣлыя суконныя шаровары, входившія въ красныя сапьянцы (сафьянные сапоги) съ серебряными подковами и баранья сѣрыхъ крымскихъ смушковъ шапка, съ черной бархатной папушей. Подпоясанъ онъ былъ персидскимъ пестрымъ поясомъ. За поясомъ торчали щегольскіе, въ серебряной оправѣ, пистолеты; на боку, въ черныхъ кожаныхъ ножнахъ, покочивалась кровавая сабля. Изъ-подъ шапки у молодого наѣздника вилась небольшая чуприна, оселедецъ (клокъ волосъ, по обычаю Запорожья, какой носилъ иногда и великій князь Святославъ); лицо казака — круглое, загорѣлое, но подернутое живымъ румянцемъ. Въ полныхъ небольшихъ губахъ его было что-то дѣтски-доброе и нѣсколько насмѣшливое. Когда онъ подъѣзжалъ къ молочному ряду, всѣ молодяцы хватили свои кувшины и наперерывъ одна передъ

другую ставили ихъ на дорожку подъ ноги лошади казака — и перебраживались.

— Ты ставила прошлую субботу, теперь мнѣ, пускай мнѣ!

— Брешишь, чертова сонѣлка, — огрызнулась другая, — ты двѣ субботы брала передъ и ставила, — теперь мнѣ, моя черга.

— Да замолчите, всѣмъ достанется, — говорила третья, и тыкала свой горшокъ туда же.

Между тѣмъ, подсакавшій молодой запорожецъ, улыбаясь, но молча, топталъ лошадей подставленное молоко.

— Мое, мое, казаченъко, топчите, — припращивали съ одной стороны.

— Сюда, сюда, паннеченъко, конникомъ поиграйте, — раздавалось съ другой.

— Уважьте бѣдную вдову и моимъ горшечкомъ позабавьтесь, — кричала старуха.

Гардуя и рѣвывая борзый конь запорожца, къ общему удовольствію окружающихъ, всѣ кувшины опрокидывалъ и растапывалъ.

— Вотъ спасибо, дай вамъ Богъ здоровья! — говорили ваяняясь молочницы...

— Ты опять безчинствуешь, Каленикъ! — закричалъ своди какой-то голосъ.

— Асаулъ, асаулъ! — раздалось въ народѣ.

Асаулъ въ паланѣ имѣлъ значеніе городничаго и адъютанта у мѣстнаго полковника. Толпа разступилась передъ нимъ, и низенькаго роста широкоплечій казакъ выступилъ передъ Каленикомъ.

— А, здравствуйте, пане Сидоре, — отвѣчалъ бойко Каленикъ, приподнявъ свою сивую шапку: — молочу, воли свои подглядываютъ — какъ видите!

Они поцоломкались — ударили рука въ руку.

— Сорви-голова! — некуда тебѣ грошей дѣвать! благо, не ты ихъ добывалъ — упрекалъ Каленика асаулъ Сидоръ Гавриловичъ Кяндѣй. — А продай-ка коня, — сказалъ онъ, поглаживая красивую голову лошади Каленика.

— Конь не продажный, — отвѣчалъ Каленикъ.

Сѣчевые казаки всѣ вообще были страстные любители лошадей, да и промыслъ ихъ былъ такого рода, что каждый изъ нихъ тогда только и считалъ себя настоящимъ запорожцемъ, когда былъ конный. Поэтому «неспромогшійся» на коня, хотя и отпращиваясь въ походъ пѣшкомъ, но всегда имѣлъ у себя узду за

пазухой, чтобъ при удобномъ случаѣ, волей или неволей, право или не право, а добыть коня.

— Ну, хочешь, помѣняемся, — сказалъ асауль Каленику.

— И мѣняться не хочу.

— Хочешь, дамъ тебѣ за него своего чалаго, савраску и горобца; они тожеъ чего-нибудь да стоятъ...

— Нѣтъ, батька, не хочу.

— Ну, хочешь, такъ и быть, дамъ въ придачу тотъ зимовникъ, что на куцой балкѣ: помни, тамъ у меня и пасека, гдѣ семьдесятъ двѣ колоды пчель, и мельница о трехъ волахъ (поставяхъ).

— Нѣтъ, пане Сидоре, не промѣняюсь.

— Дурень ты, право, дурень!

— Не могу.

— Уважь, пріятель, я тебѣ въ пригодѣ (въ бѣдѣ) помогу. Видишь, я горячій охотникъ, другой тебѣ того и десятой доли не дастъ. Далече!

— Да я и другому никому не отдамъ.

— Смотри, — грозилъ уже асауль, — придется ниточка до клубочка.

И отвернувшись, Каленикъ тронулъ коня.

Разставшись съ молочницами, молодой казакъ повернулъ назадъ и подѣхалъ къ церкви. Передъ церковью на перекладнѣ на воротахъ блестѣлъ еще неподнятый на волокольную колоколъ; его только-что привезали; отлить онъ былъ «конитомъ» Каленика, и пожертвованъ церкви. Каленикъ осматрѣлъ колоколъ, еще раза три послѣ того проскакалъ по городу взадъ и впередъ и повернулъ домой.

Была пора около полудня. День разгулялся, сдѣлалось жарко. Жилъ Каленикъ между Вороновкой и Новоселицей, надъ Самарью, въ домѣ крамарьки (мелкой торговли) Штрикндички. Когда онъ ѣхалъ мимо забора, который огораживалъ садъ Штрикндички, изъ сада бросилъ кто-то на него «крученаго панича» (царскія кудри).

Каленикъ улыбнулся.

— Мана! — закричалъ онъ, — это ты?

Кто-то, удерживая смѣхъ, бросился на-утѣкъ.

Ворота Каленику во дворъ отворилъ старикъ запорожець, съ закрученными за уши усами. Это былъ его чура или джура, въ рыцарскомъ смыслѣ — оруженосецъ, а по духовному значенію запорожскаго ордена, представлявшаго изъ себя, какъ всѣ вообще рыцарства, братство воиновъ-полумонаховъ — его послушникъ.

— Ну что, батько, проѣздили, скажешь?—спрашивалъ чурка Каленика?

— Да, малюкъ, промялся я таки немало.

Въ Сѣчи, тотъ, кто вступилъ прежде въ Запорожье, имѣлъ преимущество старшинства передъ вступившимъ позже, несмотря иногда на противоположность въ ихъ возрастѣ; оттого такіа странныя отношенія существовали и между Каленикомъ и его запорожскимъ денщикомъ Карнѣемъ Головкой. Старый Головка величалъ молодого Каленика батькомъ и пань-отцомъ, а Каленикъ, чуть не мальчишкѣ, называлъ Головка-старика малюкомъ, молодикомъ, либо хлопцемъ.

Каленикъ сошелъ съ лошади среди двора. Первымъ дѣломъ его было обереть ей глаза и потянуть нѣсколько разъ за чолку. Затѣмъ потребовалъ онъ горѣлки и промочилъ коню ноздри водкой. Потомъ далъ ему проглотить, вынувъ изъ кармана, засушенный катышокъ изъ ячной муки.

— Ну, хлопче,—сказалъ онъ старому своему чурѣ,—разсѣлай, да выводи его хорошенько.

— Добре.

— А выведивши, чтобъ ему сѣна было по колѣно, а сѣжаго пошла—по стойло.

— Добре.

Каленикъ отправился въ комору—въ свое лѣтнее помѣщеніе. Комора—та же хата-мазанка, только безъ печей, безъ перегородокъ внутри и безъ оконъ. Лѣтомъ двери ея были постоянно открыты. Это давало непрерывный свѣжій воздухъ и прохладу. Къ коморѣ примыкали кусты бузка (сирени), бузины, акаціи, черемухи, все это или цвѣло, или отцвѣтало, и вѣяло оживляющимъ запахомъ. По глиняному полу въ коморѣ посланы были полосатые, шерстяныя рядна. Стѣны обиты коврами, а на той стѣнѣ, у которой приютилась изъ желтой юфти постель Каленика, висѣло его оружіе на ярко-красномъ персидскомъ коврѣ.

Каленикъ, войдя въ комору, снялъ съ себя кафтанъ и остался въ бѣлой какъ свѣтъ рубашкѣ изъ полотна домоткану. Но только-что сталъ онъ вѣшать кафтанъ на гвоздь, вдругъ на дворѣ поднялся крикъ.

Каленикъ выглянулъ изъ коморы.

Высокая, стройная молодлица, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, ударила въ виду его разъ-другой бѣлокурую дѣвочку лѣтъ тринадцати.

— Зинька! что ты дѣлаешь?—заирчалъ Каленикъ.

— А это ей, крученный павичъ, крученный павичъ! нускай не бросается на парубковъ, не кидается сама имъ на шею.

И она еще разъ толкнула дѣвочку.

— Какъ ты смѣешь! перестань! — кричалъ изъ дверей Каленикъ.

— Вотъ же не перестану! еще ей матери скажу; та еще потреплетъ за косы!

— Не твое дѣло!

Каленикъ погрозилъ ей кулакомъ, но Зинька нимыгнула въ ворота.

Дѣвочка въ слезахъ убѣжала къ себѣ въ хату. Это была хозяйская дочка.

II.

Каленикъ считался въ запорожской Сѣчи въ числѣ тѣхъ сорока-одного человѣка, которые находились при боку кошевого атамана, такъ сказать, въ гвардіи. Запорожье въ эту пору начинало уже разлагаться. Равенство существовало только по названію; на дѣлѣ же богатою старшиною были паны, а бездомная и безземельная сирота — работала на нихъ, конечно, не въ смыслѣ личнаго труда, а тѣмъ, что доставляла имъ и честь, и власть, и обеспеченное положеніе. Впрочемъ, нѣкоторые были уже и настоящими слугами своихъ разжившихся товарищей въ Сѣчи, на ихъ зимовникахъ, хуторахъ, рыболовняхъ и т. п., и служили имъ по найму. При строгомъ выборномъ началѣ, какое существовало въ запорожской Сѣчи, бывало, прежде кошевого и прочую войсковую власть или гнали вонъ изъ должностей, или, наоборотъ, кидали въ шею, чтобъ принимали эти должности, — теперь же, въ послѣдній періодъ существованія Запорожья, главная войсковая старшина, именно: кошевой, судья и писарь, умѣли устроиться и обойти братчиковъ такъ, что находились въ этихъ должностяхъ безсмыслино больше десяти лѣтъ, до самаго уничтоженія Сѣчи.

Кошевой Петръ Ивановичъ Калнышевскій (Калнышъ) старался придать своей особѣ видъ маленькаго царька, обставилъ себя гвардіей изъ сорока-одного человѣка при боку, завелъ булавничихъ, которые носили передъ нимъ булаву его, хорунжихъ, вешшихъ передъ нимъ войсковое знамя и т. п. Сами старшины полюбили внѣшнія отличія, «цацки», какъ называла ихъ сирота, украсились медалями; стали заводить недвижимую собственность. Конечно, многое было необходимою времени и обстоятельствъ, но простому запорожскому товариществу приходилось не по-внутри,

что «батьки» завелись печью, чтобъ грѣть свою «панн-стару»; дѣло дошло разъ до бунта, такъ что кошевой только въ расѣ чернеца успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Прежде въ Сѣчи соръ изъ избы не выносился. Запорожцы, такъ или иначе, всѣ споры и раздоры обанчивали между собой сами; но въ послѣднее время старшина—чуть не такъ, звалъ на подмогу войско. Ъзда ежегодно за жалованьемъ въ столицу, они наговаривали на братчиковъ. По преданію, въ особенности этимъ отличался Антонъ Васильевичъ Головатый — «лукавая писуля», такъ прозванный сиромою по его грамотности, впоследствии герой подѣ Березанью, подѣ Очаковымъ, потомъ судья и наканунѣ смерти своей, даже кошевой составленнаго изъ остатковъ Запорожья черноморскаго войска. Посланный по довѣрію Запорожья передъ уничтоженіемъ Сѣчи депутатомъ въ Петербургъ, онъ очень красно доносилъ оттуда, какъ онъ тамъ распинается за Запорожье, какіе несетъ укоры за него, увѣрялъ, будто осмѣлился сказать самому Потемкину, когда тотъ грозилъ ему уничтожить Сѣчь: «да и вы, батьку, пропадете, коли Сѣчь пропадетъ, вѣдь и вы записались тамъ запорожцемъ Грицкомъ Нечосою». Но Головатый понималъ хорошо, что Сѣчь не могла существовать долѣе въ прежнихъ формахъ, а потому желалъ преобразованія, причемъ заботился, конечно, устроить свои интересы въ будущемъ.

Въ эту-то эпоху разложенія Сѣчи, Каленикъ росъ въ Самарѣ. Отецъ его, отставной запорожець, вышедшій за ранами изъ войска, былъ шаповаль (шерстобой), и перебивался кое-какъ своимъ ремесломъ, женившись на новоселицѣй же мѣщанкѣ. У нихъ долго дѣти были не живущіе, чуть родится — и умереть. Такъ умерло у нихъ четверо. Посовѣтовали имъ, по народному повѣрью, какъ родится ребенокъ, просить въ куми перваго встрѣчнаго — и вотъ, когда родился Каленикъ, отецъ вышелъ изъ дому — ему попался старецъ-слѣпецъ, онъ и попросилъ его въ крестные отцы, а тутъ къ нимъ въ хату и кievскій чернецъ, свой же когда-то самарскій уроженецъ, ѣхалъ въ Койдакъ по-видаться съ братомъ, такъ попросился переночевать; звали его отцомъ Василюмъ. Онъ и окрестилъ ребенка. При крещеніи, въ тотъ чанъ, который служилъ купелью для Каленика, отецъ всыпалъ горсть пороку, чтобъ былъ, дескать, новорожденный добрый назаць, сымала порокомъ загартованный. Каленикъ росъ на полной свободѣ, безопасно, непринужденно, бѣгалъ куда хотѣлъ, игралъ какъ зналъ.

Бумажные змѣи, голуби, бабки, скракли (родъ вѣглей), скачки на лошадахъ, выбидываніе разныхъ шалостей — это сохранилось

въ немъ надолго. Одно только оставилъ онъ — не лазилъ въ лѣсу по дубамъ, не выдиралъ въ лѣсу орлиныхъ и воршунныхъ гнѣздъ; за то полюбилъ полеваніе (окоту), а также грѣць (булчичный бой), въ которомъ онъ стоялъ противъ шведовъ (по мѣстному прозвищу шевцовъ-сапожниковъ) за вравцовъ, такъ какъ онъ жилъ между портными на пескахъ, а сапожники и бушники (кожемяки, скорняки) жили на подолѣ. Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, случился переломъ въ его жизни. Въ народѣ появилась чума. Умерла у Каленика мать, а за ней и отецъ. Каленикъ продалъ свою хатку со всѣмъ въ немъ скарбомъ крамарьѣ Штрвиндичѣ и поселился у ней какъ нахлѣбникъ. Вырощенный мазунчикомъ, онъ не умѣлъ ни за что приняться, не зналъ никакого ремесла, даже отцовскаго — шерстобойнаго. Еслибъ потребовалось въ одинъ разъ сбить весь конь бабось лопенимъ ударомъ свинчатки, либо попасть выстрѣломъ изъ ружья бумажному змѣю въ воздухъ въ самый его ротъ, это ему удавалось зачастую, не то объѣздить неуква-жеребца, только что взятаго изъ табуна, и на это онъ былъ мастеръ.

III.

Разъ вечеромъ Каленикъ сидѣлъ въ хатѣ, задумавшись. Никого съ нимъ не было. Хозяйка и хозяйская дочка, Маня, — обѣ куда-то ушли... Было тихо и сумрачно. Передъ образомъ тоненькая свѣчка горѣла, желтаго воска. За печкой цвирунъ (сверчокъ) вричалъ, по временамъ подавая голосъ... Вдругъ отворилась дверь — и вошелъ вылитый отецъ Каленика. Каленикъ со всѣмъ остолбенѣлъ.

— Ну, что-жь, небожь ¹⁾, сидишь сиднемъ, какъ «Дѣдъ-Незасытець» (главный днѣпровскій порогъ)? — почоломваемся, обинемся, поцѣлуемся. Не узналъ, стало быть, дядьки?.. Да, правда, гдѣ тебѣ и узнать, — еще маленькій, глупашъ былъ, когда я прїѣзжалъ къ вамъ. Ты тогда переѣзжалъ верхомъ на моей шеѣ черезъ Самарчугъ, какъ мы шли въ монастырь.

Тутъ только Каленикъ какъ во снѣ вспомнилъ брата своего отца. Этотъ братъ, запорожець, пропалъ безъ вѣсти-было. Каленикъ бросился дядѣ на шею.

Одѣтъ былъ дядько по-просту, — по-гайдамацен. Сорочва на

¹⁾ „Небожь“ или „сиковець“ — значить племянникъ.

весь вся пропитана была саломъ, шаровары въ телячьей, а постолы — въ свиной шкуры; но въ чересѣ на себѣ (въ кожаномъ поясѣ) и въ сѣдельныхъ подушкахъ подѣ собою, на верхнемъ волѣ привезъ онъ пронасть червонцевъ, а на вьючныхъ лошадяхъ и въ палубцѣ (въ крытомъ возу) много разнаго добра: золотыхъ и серебряныхъ вещей, ковровъ, шалей, шелковой матеріи, оружія. Съ тѣхъ-то поръ юмора Каленика украсилась и заввѣзли у него деньги безъ перевода.

Послѣ разспросовъ объ отцѣ, о матери, Каленикъ спросилъ дядю:

— Гдѣ-жь вы сами все это время перебивались, дядюшка?

— Охъ, хлопче, меня морозъ подралъ сейчасъ по шкурѣ, какъ ты спросилъ — гдѣ я былъ, и когда я вспомнилъ — у кого я былъ...

— Въ теперешнюю Петровку, видишь ли, — говорилъ онъ, — исполнится четырнадцать годовъ, какъ на Саксогонѣ воскло насъ человекъ двадцать траву. Тутъ былъ зимовникъ полковника Демиды Кудлая. Дѣло было въ вечеру, вдругъ — откуда ни возьмись, нехристи — гудѣла степь подѣ татарами — подѣ ихъ стопами. Они, знаешь, каждый ѣдетъ въ походѣ на двухъ лошадяхъ, а иногда и на трехъ, пересѣдая въ дорогѣ съ одной на другую. Возвращались они съ Польши, вели съ собой и ясырь (плѣнныхъ), кого за шею на арканѣ, кого — въ цѣпяхъ, кого — связавши руки сирцею (сыроматнымъ ремнемъ). Мы прибавили имъ ясырю. Повязали намъ назадъ руки, поставили въ рядъ — человекъ по яти, продѣли шесть сѣвезъ повязанныя руки и погнали ногайцами впередъ, держась за веревку, точно маленькіе дѣти, играючи въ коники. Гнали немилосердно, — боялись запорожской погони. Который изъ насъ падалъ — ему не въ моготу было бѣжать — его тутъ же приканчивали саблей. Кормили дохлой падлюкой, да еще не печеной, не вареной, — сырую дохлую кобылятину жевали. Такъ гнали насъ до Кизикирмена (нынѣшняго Беряслава). Здѣсь переѣхали на двѣнадцати дубахъ (каботажныхъ судахъ), которыя поставилъ бей кизикирменскій. Переправу въ Кизикирменѣ татары завели въ подрывъ запорожскому перевозу въ Никитинѣ (въ Нивополѣ). На татарской сторонѣ погнали насъ уже легче — по чернымъ, выгорѣвшимъ отъ пала (отъ пожара), степямъ. Доѣхавши до Конки-рѣчки, сдѣлали родныхъ; тутъ у нихъ была каиръ-мечеть. При ней они коней пустопашъ пускали и паевались полономъ, а подуванившись (подѣлившись), положили намъ каждому на ляжку, какъ кладутъ конямъ, горячее тавро. Вотъ посмотри: и умру — не

сойдетъ, — показавъ онъ племяннику; а одинъ изъ нашихъ запорожцевъ, Кононъ Рѣвниченко, въ ночную пору какъ-то развязался и бѣжалъ, — такъ его, когда поймали, ногайками исполосовали, заклеями тавромъ и лобъ, и щеки. Межъ ясыромъ была и *бѣлая чаладь* (женщины), которая—въ зеленомъ уборнѣ, которая—въ синемъ, иная—въ красномъ, какъ вторую захватили, потому что взяли ихъ въ праздникъ; только все это обидалось въ дорогѣ грязью, было въ пыли; червонныя черевички шорвались, бѣлыя панчошки (чулки) протоптались. Горе было! Тутъ не одна бранва (плѣнница) утратила свое дѣвичье вѣно—

Подъ яворомъ зелененькимъ
Съ татаринимъ молоденькимъ.

— Были тутъ и дѣти; ихъ брали для турецкаго царя; онъ ихъ турчилъ и бусурманилъ, а потомъ дѣлалъ янычарами; оттого янычары назывались: «дѣти салтана». Кончивъ дѣлежь, ноги поворотили на Киббургъ, а крымчаки — на Перекопъ. Я попалъ въ Крымъ, а въ Крыму — въ городъ Козлюй, по-турецки онъ зовется: «Тысяча-Очей». Въ Козловѣ года два молотъ я коему хозяину, скованный въ чуланѣ, пшеницу на ручной мельницѣ съ утра до ночи, — не зналъ ни будня, ни праздника, но кормилъ онъ меня все-таки по-людски. Весною, когда стали ѣздить по морю, прѣхалъ послѣ того изъ Царя-города турецкій купецъ и сталъ скупать въ городѣ невольниковъ — давалъ хорошую цѣну. Тогда одни изъ насъ проданы были за Червонное море, въ арапскую землю, въ гаранскую (агарянскую) сторону, — другіе пошли къ визилбашамъ...

— Продавъ хозяинъ и меня: взявъ лошава, два «пидстоля» и красный яломокъ (феску) за меня. И вотъ-то насъ, бѣдный ясырь, гнали по суходолу, а тутъ помчали по водопутью; по сухопутью было скверно, — по водопутью еще хуже. Купецъ нанялъ небольшое судно и хотѣлъ насъ нагрузить въ немъ какъ ни можно больше, — набилъ насъ туда, какъ свай подъ мостъ, такъ что ни пройтись, ни лечь: стоя мы и спали. Покудова насъ довели въ турецкую землю, много насъ перекобѣло и выброшено въ море, но, грѣшно сказать, а мы были рады, коли кто умиралъ изъ насъ—все-таки намъ дѣлалось свободнѣй, прилечь тогда можно было, а шли мы цѣлыхъ два мѣсяца за супротивной филей (неблагоприятными вѣтрами и волной). Въ Царь-городѣ — по-бусурмански: въ Стамбулѣ — когда вывели насъ на базаръ гуськомъ, пришелъ баша (паша) и выбралъ меня и еще нѣсколько человекъ изъ насъ на свои корабли.

Дядя вздохнулъ и на минуту приостановился.

— Тутъ и видѣлъ, — продолжалъ онъ вдругъ какимъ-то глухимъ голосомъ, — въ послѣдній разъ Гапку Шкандибѣевну, что вышла за Шатола Хорьба; ее тоже въ полонъ взяли.

— «Прощай, дядько», — говорила Шкандибѣева, и махнула бѣлыми рученьками, тѣми рученьками, которыя, бывало, въ Переяславѣ — въ холѣ да на волѣ — только и имѣли заботы, только и знали работы, что мягкія подушечки стлали, да пуховую перину перебивали, и которыя всѣ тогда красовались въ серебряныхъ да въ золотыхъ каблучкахъ (кольцахъ). Обобралъ еще въ Кивикирменѣ эти каблучки проклятый нѣмецъ, щеголявшій въ вывороченномъ тулупѣ, какъ воввулава; поломалъ онъ ей тогда всѣ пальчики, снимаячи ихъ да отнимаючи.

— Прощай, говорю, Гапочко, сердечная. — И только съ нею и говорили! Нашихъ молодицъ и дивчатъ продавалась неисчислимая сила на базарахъ въ невѣрь-землѣ. Говорили, у турскаго царя и теперь одна царица изъ русскихъ браномъ (полонянокъ). А назадъ тому лѣтъ двѣсти будетъ, была, говорили, у султана жена и изъ нашихъ, изъ украинокъ, — такая хорошая и разумная, что всѣмъ его невѣрь-царствомъ заправляла. Турецарь и возжи ей въ руки отдать. Ее захватили бусурманы въ полонъ въ Рогатинѣ, въ червонной русской землѣ; была она поповна. Турки звали ее по-своему «радостью» и «русншъ»...

— Послали меня, купивши, въ Круглое море (Мраморное) и посадили тамъ на каторгу (на галеру). Баторга — большая лодка, гребная; въ ней, при уключинахъ, сидѣло съ одной стороны двадцать и съ другой двадцать гребцовъ-невольниковъ, прикованныхъ къ ней цѣпями. Съ нихъ были сняты сорочки; они оставались въ однихъ шароварахъ; такъ оставались они до самыхъ заморозковъ, когда кончалось плаванье. Между ними по минутно ходилъ приставъ и чуть замѣчалъ — кто-нибудь изъ гребцовъ ослабѣвалъ въ греблѣ, подгонялъ его бичомъ. А кормилъ: дастъ ячменный хлѣбецъ такой величины, что добрый запорожскій кулакъ его ничуть не меньше, да дастъ оливо (деревяннаго масла) да дохлятины мяса — вотъ и кормъ: хоть ѣшь, хоть не ѣшь. Промучился я здѣсь много лѣтъ, — узналъ, что такое каторга. Тутъ, вѣрно, мнѣ бы и сгинуть, — спустили-бъ меня отсюда только мертваго на дно морское, да выѣхали разъ мы въ Бѣлое море (въ Архипелагъ), на насъ и напади ночью венедійскій капитанъ; онъ турокъ перестрѣлялъ и перерѣзалъ, каторгу, пробивши дно, къ чорту пустилъ, а насъ, которые остались не перебитыми въ свалкѣ, перевелъ къ себѣ на работу, —

матросами на корабль. Капитанъ разбойничалъ по морю, — разбивалъ больше турокъ да бѣлаго арапа (египтянъ), но, случалось, и христіанскому судну доставалось. Волей-неволей мы должны были дѣлать то, что онъ велитъ, — снастями орудовали, парусами правили, стрѣляли, рѣзали. Разъ мы схватились въ до-свѣткахъ на морѣ съ какимъ-то греческимъ морякомъ; онъ тѣмъ же промышлялъ, что и мы; онъ думалъ съ насъ сорвать, — мы хотѣли у него шерсть постричь; но какъ пошелъ онъ насъ валять въ пушекъ — маленькія, но такія сибирныя, что онъ въ полчаса — много въ часъ — сдѣлалъ изъ нашего судна чуть не рѣшету; такъ и чешутъ, то вдоль, то поперекъ, — еле-еле детащились мы до берега. Тутъ былъ городъ, — и большой: много церквей и суда строились на берегу, какъ у насъ въ Запорожьи на Кичкасѣ; только же въ примѣръ большія! Тутъ зашабашалъ нашъ капитанъ, судно продалъ чуть не на дрова и насъ распустилъ, но далъ, спасибо ему, мнѣ сто талеровъ: я у него и за пушкяра, и за рулевого служилъ — и одѣжу чинилъ. Пробрался я отсюда съ товарищемъ (тожъ со мной бѣдовалъ, сербинъ) въ Черногорщину — это родня сербамъ и намъ — народъ какъ кипитокъ «завзятый», славные «лицари», — они одни въ томъ краю не поддались туркамъ, и спать, и видятъ они нашихъ казаковъ, что, дескать, прибудутъ къ нимъ — и сообща мы прогонимъ басурмаковъ за тридцать земель, въ тридцатое царство, и возьмемъ Царь-городъ. Здѣсь, и послѣ — въ земли у сербиновъ — только заговори да перекрестись — вездѣ почти и хлѣбъ, и соль даровая; у нихъ и вѣра одна съ нами, и говорятъ они, почти-тай, что не-нашему, — только, будто, на тотъ ладъ и свладѣ, какъ въ Евангеліи у насъ въ церкви читаютъ. Былъ я у нихъ и въ церквахъ, — и въ церквахъ тоже, какъ и у насъ. Ажъ душа возрадовалась. Стою — точно дома. Народъ, Господи, какой хорошій! да счастья ему Богъ не даетъ, — стонетъ подъ невѣрнымъ туркомъ. Что будешь дѣлать!.. Тѣ гусарины, что у насъ тамъ живутъ подъ Елизаветомъ (близъ Елизаветграда) и другіе — около Балмута и по правобережью Донца, которые за-ѣзжаютъ иной разъ въ Новоселицу, изъ того же изъ сербскаго рода. Дальше, изъ сербскихъ палестинъ, черезъ разныя цесарскія земли, съ товарищемъ, который умѣлъ говорить по-тамошнему, пробрались мы въ Мультианщину, а потомъ и въ Бѣсову-Арацію (въ Бессарабію)... Ну, тутъ уже рукой подать и нашъ Ямполь, нашъ Подоль, наша родная Украина.

— Въ Ямполь, кажется, дай Боже памяти!.. церковь, кажется, святыхъ безсребренниковъ Козьмы и Демьяна; тамъ встрѣтился я

съ запорожскимъ товарищемъ стеблѣвскаго курена, Явтухомъ Шкуратомъ. Онъ былъ славный ватажокъ, и что то за важная голова была!.. Мы были разъ на восьмидесяти дубахъ въ Черномъ морѣ, да и нарѣзались на всю турецкую силу. Какъ начали насъ жарить со всѣхъ кораблей, такъ только щепки летѣли. Разсыпались мы какъ стадо качень (утокъ), подстрѣленныхъ охотниками, во всѣ стороны. А тутъ буря, да ночь, стало и въ небѣ, и въ морѣ темно какъ въ могилахъ. Буря развела громадные валы; мы черпали воду дубами, а они и не слушались руля и рыскали какъ хотѣли. Атаманъ Савка Бѣлобородый станеть править въ Бѣлому камню—ну и прїѣдемъ, а отъ блага камня поѣдемъ, крутимся, крутимся, кажется на тысячу верстъ его оставили,—опять къ нему и прїѣдемъ. Не знали за что вѣзаться, за что держаться. За тучами не видно ни мѣсяца, ни Вова (Большой Медвѣдица), ни Волосожара (Плеядъ), ни дороги въ Ерусалимъ (млечнаго пути), чтобъ по нимъ править дорогу...

— Дайте, дурни, я поведу передъ, — сазавалъ Явтухъ Шкуратъ:—только всякъ изъ васъ—засъ-знай, не мѣшайся—ни дѣломъ, ни словомъ!—и повель—и часа черезъ четыре мы были чуть не дома уже—у острова Тынъ-дерева (у Тендры). А разъ еще — это было въ Смиланцигѣ—наскочалъ на насъ неожиданно князь Любомирскій съ своими гусарами да рейтарами—мы шли оборонною рукой. Приперъ онъ насъ въ непроходимому болоту, но пала ночь — было темно такъ, что въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Окружилъ онъ насъ со всѣхъ сторонъ и хотѣлъ завтракать съ нами на другой день при свѣтѣ. Не уйдуть чубы, думалъ онъ про насъ, не увидѣнуть ни отъ сабли, ни отъ пегли. И точно, намъ оставалось либо топиться сейчасъ же въ болотѣ, либо готовить голову подъ рѣзю на утро. При этомъ и ватажка нашего Семена Катрона убили. Не знали мы что и дѣлать—утѣшали себя однимъ, говорили только: э, разъ родила мати, разъ и умирати!

— Нѣтъ, дурни,—отозвался Явтухъ,—вы хоть десять разъ соберитесь умирать, да сдумайте десять разъ и отъ смерти удрать—вотъ такъ будете цырые казаки! Ну, моврыя тетери, за мной,—скомандовалъ онъ,—раскладывай списы по болоту. Мы разложили пики мигомъ, концами ровно—такъ, что одна пика приходилась отъ другой на полторы пяди, и перекатились по разложеннымъ пикамъ на другую сторону. Послѣдніе запорожцы и списы перволокли за собой. На утро нашъ и слѣдъ простылъ. Вотъ таковъ былъ Явтухъ Шкуратъ.

Вотъ и встрѣтился я съ этимъ Явухомъ Шкуратомъ, говорю, въ Ямполѣ.

— Пойдемъ, — шепчетъ мнѣ Явухъ, куколь съ пшеницы собирать.

— Какъ это? спрашиваю.

— Драть жидову и польцаковъ.

— За что, говорю, драть?

— За то, что они насъ драли.

— А мы ихъ перестанемъ драть, и они перестанутъ, говорю.

— Пусть же, говорить, они наперво перестанутъ, да тогда и отъ насъ того ждуть.

— Ну, этому и конца не будетъ, сказалъ я.

— А коли не будетъ конца, одинъ тому и конецъ! — отвѣтилъ онъ, махнувъ головой. — Ну же, настаивалъ онъ, не бабься, не суйся въ полежи да въ домонтуры, пойдемъ по Подолю и по Волини Христа славить.

— Ну, тутъ ходивши ватажкомъ, — продолжалъ дядя, — я и добылъ все то, что привезъ теперь съ собою. Рѣзались мы славно съ жолнерами, съ мохнатыми рейтарами, съ драгунами, выѣзжавшими на враненыхъ кобылахъ, съ гусарскими хоругвами, но, северное дѣло, пришлось биться иной разъ и съ казаками.

— Какъ такъ, дядюшка?

— А такъ, что по городамъ и при нѣкоторыхъ замкахъ у лановъ на службѣ наши казаки; они и защищаютъ ихъ. Вотъ тутъ и видишь, что это рѣзня не съ турками, не съ татаринами за вѣру христіанскую въ Патоли, либо въ Крыму, что дѣло въ Польшѣ идетъ не на прямоту, не чисто, бьешь-ся въ отместку, которой не знаешь начала, не видишь конца, путаешься, рѣжешь своихъ...

— Охъ, надо мнѣ говѣть, говѣть — исповѣдаться и причаститься! — закончилъ дядя свой рассказъ.

Онъ дѣйствительно говѣлъ потомъ въ самарскомъ монастырѣ; чернецъ, исповѣдавшій его, наложилъ на него покуту (эпитемию). Онъ цѣлую недѣлю воду носилъ на пекарню, дрова рубилъ, исправилъ самую тяжелую работу; внесъ богатый вкладъ въ монастырь.

— Что ты думаешь сдѣлать съ собою? — спросилъ Каленика дядя, вернувшись изъ монастыря.

Но Каленикъ и самъ не зналъ не только что дѣлать, но и что отвѣтить.

— Ге, хлопче! будь честнымъ лицаремъ, иди въ славное наше Запорожье.

— Да я и самъ уже думалъ, — отвѣчалъ Каленикъ.

— Нечего думать да гадать, надо дѣлать, ѣдемъ въ Сѣчь, и ѣдемъ не дальше какъ завтра.

Дядько дѣйствительно, какъ сказалъ, на другой же день увезъ Каленика въ Сѣчь.

IV.

Запорожская Сѣчь стояла тогда на рѣкѣ Подпольной, въ томъ полуокругѣ, гдѣ эта рѣчка «луку дала». Подпольная соединялась съ Днѣпромъ небольшою рѣчонкой Сисей.

— Вотъ это видишь, указывалъ дядя племяннику, когда они подѣзжали къ Сѣчи, Подпольная, какъ мать, кормить Сясею Днѣпро-Сливуту. Наши запорожцы ничего не выдумаютъ какъ-нибудь!

Нынче небольшая рѣчка, Подпольная превратилась въ широкую рѣку Орлову. Во время Запорожья между Подпольною и Днѣпромъ красовался широкій лугъ; на лугу разсыяны были кое-гдѣ запорожскія могилы. Здѣсь росла дивная, высокая, развѣсистая груша; на ней свилъ себѣ гнѣздо большой Орелъ, отчего мѣсто это назвалось Орловымъ. Днѣпръ, въ одинъ изъ своихъ большихъ разливовъ, похитилъ Орловъ лугъ, соединился съ Подпольной, и родилъ такимъ образомъ съ нею Орлову, которая, вобравши въ себя Подпольную и Сисю, когда Днѣпръ ушелъ назадъ, сдѣлалась большою самобытною рѣвою, впадающею въ него на понизовыи. И потекла рѣка Орлова по запорожскимъ могиламъ, и цѣлыя запорожскія гробы въ наше время зачастую вынимаются изъ могилъ и уносятся водою въ даль. Мѣстные потомки запорожцевъ, для которыхъ дѣла ихъ славныхъ дѣдовъ обратились въ легенду и память о нихъ сдѣлалась священной, придаютъ этому символическій смыслъ.

— Не хотять, не хотять, говорятъ они, наши запорожскіе рыцари и по смерти лежать въ той землѣ, которая не стала держаться ихъ обычаевъ: плывутъ они и мертвые, какъ живые, въ Днѣпръ, къ своему казацкому батьку, плывутъ въ своемъ нарядѣ боевомъ, со своими неизмѣнными саблями, неговорливые, молчаливые; и несутъ ихъ старшій Днѣпро по-прежнему, старознавомою дорогою, въ бывшему Кизкирменю (Береславу), семибашенному Очагову, замыкавшему двумъ лиманамъ, днѣпровскому и бугскому, ворота въ Черное море, которое наши витязи отпирали своими саблями. И несутъ ихъ Днѣпро-Сливута на синее море, на Бѣлый камень, тѣмъ же путемъ-дорогою, какими плыли

прежніе ихъ богатыри завязтые, ничѣмъ не донятые, закаленные, нивѣмъ непобѣжденные — Богданко, Сагайдачный, Хмельницкій, Сѣрко, когда они ѣздили на выручку христіанъ, въ самое гнѣздо бусурманъ, на своихъ моноскилахъ, на утлыхъ чайкахъ, разбивали татарскіе города, чинили расправу Кафѣ, торговавшей человѣческой неволей, прогуливались по излуденнымъ берегамъ Черноморья, въ Анатолиі, по Босфору, по Дунаю, окуривали порохомъ Царь-городъ, прижигали прыщи Бѣль-городу (Анкерману), сапанивали (закуривали) люльки-бурунжи (трубки) Синопомъ, наказывая ихъ за хищничество и безчеловѣчіе.

Приближаясь къ Подпольной, по самарской дорогѣ, отырылась Каленику и его дядѣ вправо цитадель — комендантскій и офицерскіе домики, солдатскія казармы и пороховой погребъ.

Дядя, указывая на цитадель, говорилъ:

— А это, гляди, отороженный частовокомъ особнякъ — это тутъ живетъ московскій комендантъ съ своей командой.

Показалась издали колокольня и сѣчевая церковь.

Доходя до Подпольной, дорога поворачивала по берегу ея вправо. Они проѣхали гауптвахту, впрочемъ пустую, и очутились въ Запорожской слободѣ; такая же слобода была и въ противоположной сторонѣ; при вѣздѣ съ дороги отъ Мишурина-рога и Переволочны тамъ ждали разные промышленники, шинкари, врачари и проч. всевозможные мастеровые Сѣчи, числившіеся при куреняхъ; самая Сѣчь лежала межъ этими слободами, углубившись въ луку — въ дугообразный извивъ Подпольной, на лѣвомъ ея берегу. Въ Сѣчи была трехглавая деревянная церковь, во имя Поврова Пресвятой Богородицы, которая считалась покровительницей запорожскаго рыцарскаго ордена; церковь имѣла чешуйчатую (гонтовую) крышу. На колокольнѣ, которая была вдвое выше церкви, чертили пушки. При церкви открывалась площадь, гдѣ запорожцы собирались на свои рады (совѣщанія) для выбора старшинъ, для объявленія неприятелямъ размира (войны), для заключенія мира и въ другія чрезвычайныхъ случаяхъ. Площадь полуугругомъ обставляли 40 запорожскихъ куреней, надъ которыми торчали высокія печныя трубы, точно надъ какими-нибудь заводами. Весь этотъ поселокъ, т.-е. комендантскій и офицерскіе дома съ солдатскими казармами, запорожскія слободы и Сѣчь съ ея куренями и деревью обведены были общимъ землянымъ валомъ, который, дѣлая разные углы и выступы, упирался обоими концами въ Подпольную. Но это походило скорѣй на обыкновенную ограду строеній, чѣмъ на серьезное военное укрѣпленіе, хотя все это носило громкое военно-крѣпостное на-

званіе реграншамета и редутовъ и имѣло кое-гдѣ волчьи ямки. Ни на какія внѣшнія защиты, кромѣ груди своихъ рыцарей, запорожская Сѣчь не надѣялась. Но за то противоположный берегъ Подпольной къ татарской сторонѣ, весной поймаема водною, дѣлался самъ собою непроходимымъ, по случаю неизсваемыхъ болотъ и вѣчныхъ топей. Внѣ вала, по берегу Подпольной, о-бокъ съ Мишуринымъ-рогомъ и Переволочанскою дорогою, тянулись запорожскіе хутора.

Такой видъ имѣла запорожская Сѣчь послѣдняго запорожскаго коша.

Къ каждому куреню въ запорожской Сѣчи причислялась тысяча человекъ; но въ Сѣчи жила ихъ, можетъ быть, только десятая часть, а остальные — внѣ Сѣчи, — на охотѣ, на рыбной ловлѣ, въ зимовникахъ, въ хуторахъ, въ мѣстечкахъ въ разъѣздахъ, на бѣсетахъ, въ Великомъ-лугу за уходомъ лошадей и т. п.; всѣ они — сидятъ только, бывало, свиснуть, — являлись мгновенно со всѣхъ сторонъ въ Сѣчь, — конные, вооруженные, готовые къ бою. Хлѣборобы же запорожскіе, промышленники и ремесленники, жившіе по мѣстечкамъ, селамъ и городамъ, и вообще осѣдлый, женатый народъ Запорожья, управлялись паланками, въ которыхъ устроены были для того правленія; такихъ паланокъ въ Сѣчи было тогда восемь; на нихъ, какъ нынче на уѣзды въ губерніяхъ, была подѣлена вся запорожская земля. Управление въ паланки высылалось изъ Сѣчи.

Дядя повезъ Каленика къ Незаймайловскому куреню, къ которому самъ принадлежалъ. Товарищи едва узнали стараго панабрата Сыча. Они думали, что онъ ужъ на томъ свѣтѣ. Пошли чоломбонья, обниманья, цѣлованья. Разспросамъ про плѣны, про отсутствовавшихъ братчиковъ не было конца. Куренной атаманъ Марко Кажанъ съ радостью принялъ Каленика къ себѣ въ курень.

Курень имѣлъ сѣни; изъ сѣней пропущена была большая печь ¹⁾; по срединѣ ихъ — очагъ ²⁾; тутъ висѣли желѣзные цѣпи съ крючьями, и на крючьяхъ котлы ³⁾; въ нихъ приготовлялась пища — гречанья галушки съ чеснокомъ, лемишка съ молокомъ, разныя мясныя, рыбныя кушанья. Въ самомъ куренѣ, внутри, отъ порога во всю его длину до краснаго угла ⁴⁾, уставленнаго иконами, гдѣ висѣло множество лампадъ, горѣвшихъ неугаси-

1) Груба.

2) Каблиця.

3) Казанн.

4) Покутъ.

но, на столбахъ намощены были доски — это былъ столъ ¹⁾, въ родѣ стола въ монастырскихъ трапезахъ; столъ этотъ, имѣя значительную длину, занималъ своей шириной середину этой обширной казармы. Подъ боковыми ея стѣнами и также на столбахъ, намощены были наватъ ²⁾ для ночлега казаковъ: ихъ могло помѣститься на немъ до тридцати человѣкъ.

Буренной атаманъ-батько, введя Каленика въ курень и указывая мѣсто на наватѣ, произнесъ предъ нимъ своего рода шепто шогі запорожской общины, съ казимъ принимали въ нее почти всѣхъ.

— Ну, сыну, вотъ тебѣ и домовина (и домъ, и гробъ), а какъ помрешь, то сдѣлаемъ еще ворочо.

Съ этой минуты Каленикъ сдѣлался «сѣчевикомъ».

У стараго Сыча, дяди Каленика, только и хватило силъ, чтобъ съѣздить въ Сѣчь да устроить племянника; воротясь домой, онъ черезъ двѣ недѣли умеръ.

V.

Каленикъ скоро заставилъ себя уважать тѣмъ, что всего дороже цѣнилось въ Запорожьѣ — храбростію. Еще когда Минихъ велъ войска на Крымъ, онъ тогда настроилъ редутовъ и ретраншементовъ черезъ каждыя семь верстъ, начиная отъ Самарскаго монастыря до устья Самари. Послѣ Миниха, они были брошены, но на одномъ изъ нихъ, у рѣчки Солоненькой, при урочищѣ Орловъ-Жуть, стоялъ и теперь для наблюденія за татарами и когайцами пикетъ, дѣлавшій отъ времени до времени разъѣзды по окрестности. Въ полу-верстѣ отъ него поднималась тѣль-называемая *фигура*, сложенная изъ смоляныхъ бочекъ въ видѣ пирамиды. Такихъ фигуръ было много; онѣ шли цѣпью отъ рѣки Конки до Орели — границы ретманщины, на такихъ разстояніяхъ, чтобъ зажженный огонь на одной изъ нихъ видѣнъ былъ на другой. Въ случаѣ опасности, огни на нихъ вспыхивали, и такимъ образомъ служили для отдаленныхъ жителей предохранительными знаками, которые извѣщали заблаговременно о нападѣ непріятелей. Разъ на такомъ пикетѣ стоялъ Каленикъ, отбывавшій въ то время службу въ очередной партіи по кордону. Онъ и два другіе молодые казака, играли безопасно у самой фигуры въ карты —

¹⁾ Сирно.

²⁾ Пилъ — въ смыслѣ варъ.

въ *чуринь-дари*, потягивая другъ другу за *чурину* въ оплату за проигранныя столько разъ, скелета было отложено въ карты, оставшихся на рукахъ проигравшаго. Остальные пикетные спали въ Орловомъ-Кутѣ.

Заря только-что занималась; вправо передъ играющими синѣло озеро, влѣво — небольшая полоса терновъ, таволги и бурьяну, а затѣмъ — пески.

Вдругъ Каленикъ увидѣлъ, что къ его товарищу, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, какъ будто что-то подпоркнуло въ груди, и тотъ молча упалъ на затылокъ. То же повторилось и съ другимъ казакомъ, который что-то рассказывалъ, и рассказъ его сразу оборвался. Еще Каленикъ не понялъ — въ чемъ дѣло — какъ почувствовалъ слабый ударъ себѣ въ грудь стрѣлою прямо противъ сердца. Каленикъ вскочилъ на ноги, выхватилъ изъ-за пояса пистолеть и далъ сигнальный выстрѣлъ.

Это были татары изъ Буджака; они славились тѣмъ, что могли долго скрываться въ водѣ. Они пробрались, сплывившись, черезъ озеро и, стрѣлая мѣтко, хотѣли безъ тревоги снять сторожевыхъ казаковъ, чтобъ потомъ похозяйничать съ остальными сонными запорожцами на самомъ пикетѣ. Видя, что имъ не удалось дѣло, татары вскочили на лошадей, скрытыхъ въ кустарникѣ, и остановились въ недоумѣнн, такъ какъ ихъ была горсть. Впереди, далеко выскывая впередъ, мчался на сѣрпомъ конѣ молодой татаринъ. На плечи его накинута была очень красиво барсовая кожа. На головѣ былъ шляхъ съ высокимъ перомъ бѣлой цапли. Каленикъ выхватилъ пистолеть и выстрѣлилъ на удачу. Когда голубой дымокъ разсѣялся, Каленикъ видитъ, что молодой татаринъ схватился лѣвой рукой за грудь, выпустилъ поводъ изъ правой, и упалъ навзничъ на песокъ съ лошади — головой къ своимъ, а ногами къ пикету. Татары и ноги, замѣтивъ, какъ туловище легло при паденн, бросились въ ужасѣ бѣжать. У нихъ было повѣрье — если при первойшибѣ убитый боевой товарищъ ихъ упадетъ головой къ неприятелю, а ногами къ своимъ — тогда будетъ побѣда; если-жъ наоборотъ, трупъ ляжетъ головой въ сторону къ своимъ — тогда бѣда.

Каленикъ подбѣжалъ къ раненому. Татаринъ былъ очень молодъ. По платью замѣтно было, что это какой-нибудь крымское «князато, папато, панато», т. е. какой-нибудь молодой князь, сынъ паши, аристократъ. Черные глаза его закатились, грудь волновалась; онъ тяжело дышалъ. Конь его ускакалъ за удалявшимся отрядомъ. Каленикъ снялъ съ раненаго барсовую кожу, свер-

нулъ ее и сдѣлалъ ему нагололье. Татарскій витязь съ приподнятой головой сталъ дышать легче и что-то преговорилъ по-татарски, благодарно взглянувъ. Но все было кончено. Когда Каленикъ растегнулъ у него полосатый шелковый архадукъ — рана оказалась смертельною. Въ это время въ сѣти шаговъ отъ Каленика какой-то старшій татаринъ, оставшись одинъ изъ отряда, вертѣлся на чаломъ аргамакѣ, но не смѣлъ подвѣхаться ближе, и только навязавъ на свою яничарку бѣлый платокъ, махалъ ею. Каленикъ въ отвѣтъ виннулъ ему головой. Старшій въ мигъ подскакалъ, слѣзъ съ лошади, обнажилъ свою бритую голову, поклонился Каленику и потомъ со слезами бросился цѣловать руки, ноги, лобъ умирающаго. Это былъ его дядька — пѣстунъ. Они о чемъ-то, казалось, спорили межъ собой, потомъ старшій какъ будто покорился, и вскорѣ за тѣмъ юноша умеръ. Дядька прочелъ надъ нимъ молитву и покрылъ лицо его платкомъ. Потомъ слѣзъ на лошадь, сказалъ по-русски, хотя и не слиткомъ твердо въ выговорѣ:

— Конь твой; ты его получишь, — и съ этими словами старшій ускакалъ.

Подвѣхавшіе на выстрѣлъ казани разрыли суходоль саблями, землю вычерпали шанками и погребли павшаго крымскаго рыцаря. На могилѣ его положили камень для памяти, а своихъ убитыхъ запорожцевъ увезли на пикеть.

За этотъ-то подвигъ, Каленикъ получилъ названіе *доброю казака*, т.-е. храбраго, осторожнаго и распорядительнаго.

Прошелъ съ небольшимъ гдѣ, между Крымомъ и Запорожьемъ такъ-называемый розмиръ (война) кончился; миновало жюлгѣ, наступило тихоміріе. У Кизикирмена черезъ Дяѣпръ переправлялись на запорожскую сторону татарина. Вели они за своей арбой чуднаго сѣраго коня арабской породы. Пріѣхали они въ Сѣчь — кошевому привезли на ралець (въ подарокъ) красныя сапьянцы, вышитыя золотомъ, и три боченка судацкаго вина, судѣ — полную походную постель изъ юфти, а сѣховому писарю — синоисскихъ яблокъ, разныхъ «фигвъ», жиствъ, солодкихъ орѣховъ», и просили себѣ проводнива съ атаманскими охранительными пернагомъ (булавой) въ Новоселицу. Въ Новоселицѣ, ведя коня, не побѣхали они ни къ сердюку-полковнику, ни къ асаулу, ни къ паланочному писарю, а побѣхали они, разспросивши, прямо на дворъ къ Каленику.

Каленикъ въ это время игралъ у себя въ скракли (городки). Условіемъ игры было: проигравшая сторона должна отвезти выигравшихъ на себѣ къ другому кону. Каленикъ проигралъ, и

въ ту минуту, какъ татары подѣвхали къ нему, онъ въ красномъ кармазинномъ кафтанѣ, въ черныхъ бархатныхъ шароварахъ весъ черезъ весъ дворъ на своей спинѣ каваго-то босоногого мальчишку-оборвыша.

Калениу стало неловко, когда онъ увидѣлъ, что ворота открываются и вѣзжаютъ къ нему неожиданные гости. Онъ сбросилъ съ себя мальчугана и подошелъ къ прѣхавшимъ, въ числѣ которыхъ узналъ тотчасъ татарина старика.

— Откуда и куда Богъ несетъ?—спросилъ Каленикъ.

На отвѣтъ ихъ онъ поклонился, благодарилъ и просилъ гостей «до господы» (въ домъ).

— Мы привели тебѣ твоего коня, — сказалъ старикъ, — того коня, котораго тебѣ завѣщалъ умершій Ахматъ.

Это и былъ тотъ самый конь, на которомъ послѣ Каленикъ любилъ гарцовать по базару.

— Этотъ конь, — продолжалъ мурзакъ, — зовется Калганъ; онъ — настоящій праправнучъ *колани*, питавшихся пустыннымъ вѣтромъ святой Арабїи.

Каленикъ не зналъ такой породы, старикъ объяснилъ ему:

— Великій нашъ пророкъ Магометъ велъ страшный бой; три дня и три ночи войны его не слѣзали со своихъ коней, ничего не ѣли и не пили; ничего не ѣли и не пили и ихъ лошади. На утро четвертаго дня пророкъ велѣлъ пустить ихъ на волю. Десять тысячъ лошадей бросились къ рѣкѣ пить. Подскакали... Но въ это время вновь раздалась труба, немедленно призывавшая ихъ на бой. Всѣ онѣ слышали звукъ трубы, всѣ онѣ понимали неотложность воротиться въ тожъ мгновенье назадъ, но только пять вобылицъ воротились, не омочивъ даже капли запекшейся, горячей отъ жажды своей морды. Пророкъ благословилъ послушныхъ и окрасилъ ихъ вѣки, какъ это дѣлаютъ себѣ дѣвицы на Востокѣ, красною *колъ*, отчего онѣ и получили названіе *колани* (вычерненные). Отъ одной изъ этихъ *колани* произошелъ и благородный скакунъ Калганъ.

— А вотъ и секретъ коня, — досказалъ татаринъ. — Если врагъ тебя будетъ преслѣдовать и ты потеряешь надежду ускользнуть отъ погони, потри только пальцемъ поврѣиче коню за лѣвымъ ухомъ—и никакая птица тебя не опередитъ, никакой вѣтеръ не догонитъ.

Уваженіе бывшего непріятеля еще болѣе возвысило Каленика въ мнѣніи запорожскихъ старшинъ.

— Добре начинается нашъ малецъ!—сказалъ кошевой, и пере-

велъ его къ себѣ, въ свою охранительную и почетную стражу, въ число сорока-одного человѣка.

VI.

На другой день послѣ того какъ Калениеъ топталъ на базарѣ горшки съ молокомъ, рано утромъ вошла къ нему Зинька.

— Вотъ вамъ на снѣданье (на завтракъ) булочки, — сказала она угрюмо и положила ихъ на столъ, потомъ отошла и стала у дверей.

Это была высокая, стройная молодница съ лицомъ южно-русскаго пошиба, вдавшимся немного въ азіятскій типъ: оно было круглое, нѣсколько плоское, и въ немъ, хотя слегка, но выдавались скулы; носъ небольшой. На ней былъ темно-зеленый ситцевый халатикъ съ желтыми по немъ цвѣточками, съ пришитымъ назади большимъ круглымъ воротникомъ, съ частыми вырѣзными зубчиками. Такой халатикъ служилъ постоянной верхней одеждой новосельчанскихъ торговцевъ, и накидывался на обыкновенное платье внѣ дома. Голову повязывалъ уточной платокъ изъ вишневаго и краснаго шелка; при каждомъ движеніи онъ безпрестанно мѣнялся отливами въ цвѣтъ.

— А ты зачѣмъ вчера обидѣла Маню? — сурово спросилъ Зинькою Калениеъ.

— Крученый паничъ, крученый паничъ! — отвѣтила она.

— Какъ начну я тебя подбивать вьюновымъ жиромъ (т.-е. воблочу), такъ будешь знать у меня крученаго панича, — сказалъ Калениеъ, приподнимаясь съ постели. Но молодница убѣжала.

Зинька была вдова, казачка, жила со старой матерью и пекла булочки. Лучше ея никто не пекъ ихъ въ Самари. Калениеъ познакомился съ Зинькой случайно. Рѣка Самарь, когда подходит подъ Новомосковскъ, дѣлится на-двое: влѣво, къ монастырю, идетъ коренная Самарь, а вправо, къ Новомосковску, ея притокъ—Самарчукъ. Впрочемъ, по нынѣшней Самари нѣльзя судить о Самари временъ Запорожья: она съ той поры нѣсколько разъ видоизмѣнилась, весенними разливами. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка старожилы видѣли въ той долинѣ, которая зелѣнетъ подъ травой и желтѣетъ подъ пескомъ между городомъ и монастырскимъ перевозомъ, небольшое озеро, куда, по преданію, шла Самарь, а послѣ того она повела свое русло на четверть версты ниже; и еще въ тридцатыхъ годахъ помнили вправо

отъ того же перевоза на Самари островъ или полуостровъ, закрытый лознякомъ, теперь совершенно исчезнувшій. Самарчукъ, входя въ Новомосковскъ, въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ на правомъ берегу обрывъ и безпрестанно подмываетъ и его, и противоположный берегъ. Зинька жила тогда въ своей хаткѣ на этомъ берегу, который много лѣтъ подрывался и просачивался водой. Разъ въ весеннюю ростопель, когда рѣчка рвалась изъ береговъ и была полна плавучими льдинами, Зинька, по обыкновенію, безпечно пекла бублики... Вдругъ ея глиняная ката затрещала и мгновенно переломилась пополамъ; вслѣдъ за тѣмъ одна переломленная половина ея вмѣстѣ съ Зинькой очутилась въ рѣцѣ Самарчукѣ. Каленикъ, стоявшій на другомъ берегу, бросился въ воду и схватилъ утопленницу, но выбраться по вратѣ не могъ; къ счастью, скоро прибѣжали сосѣдніе скорняки, подали ему помощь, и онъ, и Зинька были спасены.

Зинька послѣ этого прохворала лихорадкой съ-недѣлю, и этихъ отдѣлалась, но Каленикъ схватилъ горячку, и пролежалъ въ безпамятствѣ шесть недѣль. Во все это время Зинька была его сидѣлкой. Когда онъ выздоровѣлъ, она стала носить ему утро и вечеръ горячіе бублики, а въ хозяйкѣ его, Штривиндикѣ, бѣгать за богатѣемъ (занимать огня). Каленикъ и Зинька свыклись — и молодая вдовица молода-хлопца полюбила. Прошрое замужство ея было горькое; она была выдана за старика. Оставшись молодой вдовой, Зинька сдѣлалась бойкой бабенкой — первой хороводницей, первымъ голосомъ на вечерницахъ. Но не одинъ парубокъ почесывалъ свой затылокъ, если слишкомъ приставалъ къ ней. Самъ полковникъ Самарскій за ней приволакивался, но она и его выпроводила изъ хаты кочергой. Полюбила она за то Каленика всею душой. Каленикъ любилъ ее настолько, насколько то совѣщалось въ немъ съ любовью къ вольной запорожской жизни, тѣмъ больше, что Зинька и лѣтами была его старше. Оттого на долю Зиньки выпала теперь любовь ревнивая; она слѣдила за каждымъ шагомъ Каленика, и особенно возненавидѣла дочь Штрикиндички, тринадцатилѣтнюю дѣвочку Маню.

VII.

Наступила новая суббота. На базарѣ, по обыкновенію, шелъ торгъ. Бабы съ молокомъ нетерпѣливо омять поглядывали на ту улицу, изъ-за угла которой онѣ привыкли видѣть Каленика выѣзжающимъ на сбромъ конѣ. Надѣялась, что онъ опять станетъ

такъ выгодно для нихъ торговать своимъ вонемъ икъ глечки. Въ ожиданіи, онѣ перебранивались межъ собой.

— Да прѣѣхалъ ли онъ въ Самарь изъ коша? — толковали торговки.

— Я спрашивала Зиньку, — онъ въ Самари...

— Каленикъ! Каленикъ! — раздалось въ толпѣ.

— Да что это? онъ — прѣѣхалъ?

— Да за нимъ казаки со списками (ночьями)!

— Его ведутъ подъ карауломъ — вотъ и асаулъ за нимъ.

И точно, Каленика, въ удивленію всего базара, подъ карауломъ провели къ паланкѣ.

Каленику случилось быть на недѣлѣ въ Сѣчи. Когда онъ собрался взадъ въ Самарь, коневой далъ ему конвертъ — отвезти въ самарскій монастырь, къ бывшему священнику лейбъ-кампаніи, Кирялу Николаевичу Тарновскому, который построилъ послѣ въ самарскомъ монастырѣ каменную церковь св. Николая съ приделомъ «Киряка и Улиты». Тарновскій имѣлъ много земель на Запорожьи и свою собственную плотину черезъ рѣву Самарь. Подъ старость, пошелъ онъ въ самарскіе монахи. Запорожцы прозвали его почему-то «дикимъ попомъ».

Каленикъ попалъ въ монастырь послѣ обѣда, и постучалъ «во имя Отца, и Сына, и Святого духа» въ келью къ дикому попу. На стужъ вышелъ послушникъ и объявилъ, что батюшка спитъ.

— Ну, хорошо, я обойду монастырь и побываю у панъ-отца вечеромъ, — сказалъ Каленикъ.

Письма онъ не отдалъ: велѣно было отдать самому.

Пустынно-николаевскій самарскій монастырь находится въ двухъ верстахъ отъ Новомосковска, на островѣ, между Самарчукомъ и Самарью. Ему, вѣроятно, больше двухъ-сотъ лѣтъ. Еще князь Голицынъ, когда онъ шелъ при Софьѣ Алексѣевнѣ въ Крымъ, былъ въ немъ, и сдѣлалъ ему цѣнныя приношенія. По преданію, монастырь этотъ основанъ двумя отшельниками; они выбрали здѣшній, тогда дикій и большой, лѣсъ мѣстомъ молитвы и уединеннаго житія. Ихъ нашли запорожскіе харцызы, которые построили имъ кельи и вообще имъ поврочительствовали. Но отшельники, узнавши про кровавый промыселъ ихъ, хотѣли бѣжать; разбойники, однакожъ, зорко ихъ стерегли, полагая, что ихъ заботы о святыхъ людяхъ и молитвы старцевъ за нихъ искупятъ ихъ грѣхи. Наконецъ, разбойники были переложены по распоряженію запорожской Сѣчи; причемъ отерато было и убогое жилище отшельниковъ. Запорожскій кошъ предоставилъ мо-

настирю окружающій его лѣсъ, дать зѣмли («вѣстные грунты») и право на обселеніе ихъ окочими людьми, отчего составилась постепенно монастырская вотчина около тысячи душъ. Монахи устроили витальницы, гостепріимные дома для повлонниковъ, завели въ разныхъ мѣстахъ много мельницъ о трехъ колахъ (поставкахъ), скотные дворы, хуторы, хлѣбопашество, сѣнокосы, рыбныя ловли по Самари и въ озерахъ Лувоватомъ, Глушковомъ и Мазничномъ, пасѣки (верхолазные борти). Кромѣ того, монастырь имѣлъ не мало добровольныхъ приношеній отъ казаковъ; многіе запорожскіе старшины ованчивали здѣсь и жизнь свою, между прочимъ и кошевой Филиппъ Федоровъ, когда «поблагодарилъ Сѣчь за панство», т.-е. отказался отъ новаго выбора въ кошевые. При монастырѣ были двѣ ярмарки — на Ниволая (9 мая), и на Спаса (въ день Преображенія, 6 августа). Здѣсь же началось и первое просвѣщеніе Новороссійскаго края — учрежденіемъ монастырской школы для дѣтей монастырскаго подданства и новосельчанъ. Монастырь существуетъ и въ наше время, подъ именемъ загороднаго дома екатеринославскихъ архіереевъ; онъ служитъ, между прочимъ, также мѣстомъ исправленія и заточенія провинившихся церковнослужителей екатеринославской епархіи. Мѣстоположеніе монастыря, среди прекраснаго дубоваго лѣса — превосходное.

Каленивъ зашелъ въ монастырскую трапезу; ему «уточили» сейчасъ со льду вкуснаго шипучаго мѣду, и онъ отправился въ садъ. Монастырь былъ тогда въ самомъ прѣтущемъ положеніи; садъ его содержался въ образцовомъ порядкѣ. Рѣшетки, окружавшей садъ, почти не было видно за гровами вьющагоса винограда. Каленивъ, обошедши весь садъ, подошелъ къ дереву и легъ въ его тѣни, на густой травѣ. По монастырскому двору ходилъ и пронзительно кричалъ павлинъ; въ саду жужжали пчелы и оводы; за садомъ, въ лѣсу, на другомъ берегу Самари, клетали надъ гнѣздомъ орлы. Все это нагоняло на молодого запорожца сонъ. Уснувъ онъ крѣпко, какъ спать послѣ усталости и хорошей чарки добраго меду. Проснувшись, онъ замѣтилъ, что краснаго сафьяннаго гамана (бумажника), который висѣлъ у него на груди и гдѣ были его деньги и вонвертъ, полученный для передачи дивому пону, — нѣтъ. Но казаку не столько жаль было денегъ, сколько стыдно и страшно за потерю вѣреннаго ему письма вельможнаго батька кошевого.

Каленивъ для поисковъ поднялъ на ноги весь монастырь, — все напрасно. Во время этой суматохи вѣзжаетъ въ монастырь асаулъ; онъ возвращался съ охоты.

— Эге, пане брате, такъ я тебя «арештую», — сказалъ онъ, узнавъ въ чемъ дѣло.

— За что? — спросилъ Каленикъ.

— А за то, что не исполнилъ порученія начальства, утеръ грамоту войскового главы.

— Да вамъ какое дѣло? я нахожусь при главномъ начальствѣ, ему отвѣтъ буду давать.

— Отвѣтъ ты и дашь начальству, а такъ какъ вина твоя сдѣлалась въ нашей округѣ, то арештую тебя — я.

Каленикъ самъ сознавалъ себя виновнымъ, и молча подчинился своей участи.

— Вотъ, — говорилъ асаулъ, — какъ бы ты старшихъ больше уважалъ, я бы съ тобой такъ не поступилъ.

— Какихъ старшихъ?

— Да, вотъ хотя бы и меня — вѣдь я тожъ — не послѣдняя спица въ колесницѣ на Самари.

— Какъ же я васъ не уважалъ?

— Да такъ же... Ну, уступи-жь коня?

— Конь самому мнѣ нуженъ.

Каленика отвели въ паланочную тюрьму.

Но въ самой Сѣчи Каленику дѣло по потерѣ конверта обошлось безъ особенныхъ послѣдствій. Кошевой освободилъ, попрекнувъ только за безопасность.

— Ты этакъ, пожалуй, и голову проспипь, да мало — свою, а и тѣхъ, кого дадутъ тебѣ въ команду.

Каленикъ и самъ чувствовалъ, что его казацкая честь пострадала, и его мучило: куда же дѣвался бумажникъ? кому онъ нуженъ? Правда, были въ немъ и небольшія деньги. Дома гаманъ пропасть не могъ — Каленикъ помнилъ хорошо, что положилъ его себѣ за пазуху, помнилъ ясно, что видѣлъ его еще и въ монастырѣ.

— Да, вы бы, Каленикъ, сходили къ ворожеѣ, къ Совихѣ, — совѣтовала ему хозяйка Штрикиндича.

— Къ вѣдьмѣ-то?

— Что-жь, много людей ходять, отгадываетъ и указываетъ. У Бохана, Онисима, была пропажа, сходилъ — то, сѣ, разный скарбъ, сказала, ужъ не жди, не вернется, а кони, говорить, прижваны у горьлаго дуба. — Пошелъ, и дѣйствительно коней тамъ нашлъ. Мельникъ ходилъ къ Совихѣ, тожъ была пропажа. Правда, деньги такъ и пропали, корову, какъ она сказала, ници въ плавынкѣ — такъ онъ и нашелъ. Да и другимъ отгадывала и указывала.

Каленикъ соблазнился идти къ ворожеѣ.

VIII.

На лѣвомъ берегу Самари, противъ Новомосковска, еще и теперь существуютъ остатки великолѣпнаго дубоваго лѣса. Сто лѣтъ тому назадъ, далеко за монастыремъ, въ глуши была среди лѣса большая поляна, называвшаяся «ракитовымъ полемъ». Черныя высокія сосны сторожили какъ кладъ это мѣсто. Низкій сухой ракитникъ, шелюгъ, верблосъ, крапива и полынь росли по всему полю. Изрѣдка пробивался на немъ сѣрый песокъ и въ разныхъ мѣстахъ небольшія погорѣлины, которыя выдавались черными пятнами въ сосѣдствѣ изъ-зелена красно-бурой растительности. Одни говорили, будто здѣсь былъ селитренный майзанъ, который завели, по приказанію Петра I, калужскіе промышленники, и что этотъ заводъ разорилъ кошевой Костя Гордѣенко, взбунтовавшись и уводя запорожцевъ подъ крымскаго хана; другіе увѣряли, что тутъ выдѣлывался порохъ при Иванѣ Малышевичѣ, при томъ кошевомъ, съ которымъ опять пришли назадъ отъ татаръ запорожцы къ царицѣ Аннѣ Ивановнѣ, и что при выдѣлѣ пороху въ этомъ мѣстѣ вырубилъ много деревъ и сплавилъ ихъ по Днѣпру на постройку въ Сѣчи.

А тогда, при Каленикѣ, тамъ стояла хатка монастырскаго лѣсника, но и лѣсника давно уже не было въ живыхъ, а жила въ ней его вдова; она-то и была ворожея Совиха.

Каленикъ пошелъ къ ней — еще не звонили къ вечернѣ. Онъ шелъ не обыкновенной тропинкой, которая сюда вела, и потому попалъ въ Ракитовое поле къ самому закату.

Вся гнилая камышевая крыша убогого жилья ворожеи кишѣла черносызми большими змѣями; онѣ играли, волновались, переплетались межъ собой, свертывались въ клубы и опять развертывались. Въ болотныхъ плавняхъ поднѣпровья и присамарья, гдѣ водяныя змѣи выползаютъ на скирды, грѣтся на солнцѣ, такая картина была довольно обыкновенна. Надъ хатой знахарки стояла столѣтняя сосна, усѣянная вороньими гнѣздами. Завада Каленика, вороны закаркали и стали выпаркивать изъ гнѣздъ и кружиться. У самаго порога хаты, служа ему первой ступенью, лежалъ востягъ — большая вобыльа голова.

Солнце скрылось, южныя сумерки, усиливаемыя хмуростью лѣса, пали мгновенно на землю — видимо полились по Ракитовому полю потемками. Каленикъ перекрестился и только-что хотѣлъ постучаться въ хатку, вдругъ надъ самой его головой раздался крикъ пугача. Что-то огромное въ видѣ врылатаго чернаго kota,

разводящаго ушами, съ огненными кольцами въ глазахъ, въ которыхъ вставлено было по черному агату, величиной въ крупную горошину, — тяжело поднялось съ дерева и, сердито щелкая клювомъ и шипя, какъ змѣя, полетѣло въ чащу лѣса. Каленикъ вдрогнулъ — дурная примѣта. Онъ постучался въ хату.

Въ хатѣ послышалась возня. Совиха вддувала огонь. Блеснулъ въ узенькое окно свѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ раздались шаги въ дверямъ. Колдунья появилась въ старой изорванной свитинѣ съ наверхеннымъ на голову темнымъ платкомъ.

— А, это ты, — сказала она, взглянувъ на Каленика, ну, иди.

Старуха отворила дверь на право — и свѣтъ ударилъ ему въ лицо изъ комнаты. Горѣлъ на столѣ каганецъ, но хлѣба и соли, по обыкновенію добрыхъ людей, на столѣ не было. Не было и образа на покути (въ красномъ углу). На поллицахъ подъ потолкомъ разставлены были большіе горшки, завязанные тряпками, заткнутые ключемъ шерсти, и между ними пучки какихъ-то черныхъ травъ, какихъ-то рыжихъ кореньевъ, вяленыхъ грибовъ. Въ Новоселицѣ рассказывали ужасы про старуху, говорили, что она перекидывалась кошкой, оборачивалась совой, стряпала привораживающія любви, умѣла и снять — коли нужно, животъ, и наоборотъ, надѣлала разными снадобьями, чтобъ завязался плодъ, если ее просили. Настроенному на чудесный ладъ, воображенію Каленика на самомъ дѣлѣ казались чары во всемъ. Сѣрая земля, подъ припечкомъ — вѣрно для привораживанья, взята изъ-подъ человѣческихъ ступней, — дѣлалъ догадку запорожець, а въ стоявшей близъ входа, въ закрытой полотенцемъ кадѣ, должно быть, она держитъ мѣсяцъ взаперти, который сцапала передъ новолуньемъ.

Совиха сѣла на днѣще и стала пряхъ на гребнѣ мочку.

— Ну, что скажешь, казаче? — спрашивала она его, жушжа веретенемъ и вытягивая тонкую нитку.

Каленикъ началъ жаловаться, что у него украденъ гаманъ.

— Знаю, — сказала она.

— Въ гаманѣ была важная бумага, — прибавилъ Каленикъ.

— Знаю, — сказала опять Совиха.

— За пропажу бумаги сидѣлъ я въ тюрьмѣ, — объяснялъ Каленикъ.

— И то знаю, — добавила она, кося своими сѣдыми бровями.

— Тамъ вотъ, бибусю, не знаешь ли ты, — куда дѣлся мой гаманъ? — спрашивалъ Каленикъ.

— Того не знаю, — отвѣчала ворожка.

— А нѣтъ ли въ тебѣ силы, добродѣиво, дознаться—гдѣ онъ?

— Дѣло трудное, но попробуемъ. Ходи ты ко мнѣ на молодую (въ новолунье) по три зари утреннихъ и по три вечернихъ, приноси ты мнѣ по три...

Вдругъ Совиха остановилась. Слово замерло на ея языкѣ, оловянные глаза свергнули какимъ-то дивнымъ огнемъ; лицо ея, до того полусонное, спокойное — искривилось, она вскочила съ дивна, бросила веретено наземь и закричала Каленику, задыхаясь:

— Гдѣ клубокъ?

— Какой клубокъ? — спросилъ Каленикъ, который едва ли и замѣтилъ его,

— Гдѣ клубокъ пряжи, что лежалъ тутъ на столѣ?

— Не знаю, — отвѣчалъ Каленикъ.

— Отдай, аспидъ, клубокъ, ты его взялъ...

Каленикъ божился, что его и не видѣлъ. Она схватила каганецъ, нырнула съ нимъ подъ столъ — не нашла; обѣжала и обшарила всѣ углы—нѣтъ.

— Отдай, отдай, анаеема, клубокъ, ты укралъ его, — завопила хрипло вѣдьма.

И она, съ пѣною у рта, схватила его за горло.

Каленикъ оттолкнулъ старуху, такъ, что она головой ударилась объ стѣну.

— Чтобъ тебѣ, ни пути, ни дороги, ни въ засохшемъ полѣ креницы, ни въ бою товарища, ни въ любовцахъ дѣвчины, — кляла она его, — чтобъ тебѣ, бузубѣръ проклятый, возула бѣду наковала, чтобъ ты пилъ, да навѣкъ захлебнулся, чтобъ ты ѣлъ до смерти, — поперхнулся, чтобъ тебѣ, да бодай тебѣ...

Но Каленикъ безъ оглядки обѣжалъ: колдунья еще, пожалуй, «поробить», сдѣлаетъ воввулакой — оборотитъ въ волка. Въ огражденіе себя отъ чары, онъ сталъ читать молитвы. Только уже дома Каленикъ увидѣлъ, что старая вѣдьма была права. Онъ, оказалося, унесъ клубокъ въ карманѣ тѣхъ широчайшихъ шароваровъ, которыми любили щеголять запорожцы. Клубокъ скатился со стола и попалъ въ карманъ. Нужно возвратитъ. Каленикъ рано утромъ сѣлъ на коня и пустился монастырскимъ лѣсомъ, чтобъ послѣ, тропинкою, дойти пѣшкомъ.

Подѣвжая къ монастырскимъ воротамъ, Каленикъ увидѣлъ еще издали двухъ старцевъ съ дубинками, они сторожили что-то завернутое въ рогожу — и толковали между собою.

— Экой грѣхъ, подумаешь — сказалъ привратникъ-чернецъ казначею.

— Гдѣ же она повѣсилась? — спросилъ тотъ.

— У самой своей хаты, на соснѣ съ вороньими гнѣздами.

Нечего, значить, было ѣздить Каленику въ Рапитовое поле — Совикѣ пришелъ конецъ.

Что дѣлать съ клубкомъ — думалось Каленику.

Клубокъ смотанъ былъ изъ обыкновенныхъ суровыхъ нитокъ, но казался тяжеле обыкновеннаго. Каленикъ началъ сматывать съ него нитки въ другой клубокъ; осталось что-то завернутое въ старшій лоскутъ синей китайки, онъ его развернулъ — и тамъ оказались часы небольшіе, тогдашней формы — луговицы, серьги съ какими-то свѣтлыми камнями, и перстень съ камнемъ, величиною въ крупную горошину, цвѣта запышейся крови. Камни въ серьгахъ были брилліанты, а въ перстнѣ — рубинъ.

«Такъ вотъ отчего такъ встревожилась скупая вѣдьма», — подумалъ Каленикъ — и тотчасъ же рѣшилъ отслужить панихиду по душѣ несчастной, а вещи отдать на церковь.

Каленикъ отправился опять въ монастырь; настоятель принялъ пожертвованіе и тутъ же подвѣсилъ серьги къ образу Божіей Матери, рядомъ съ серебряными ручками, ножками, глазками и т. п., которые обыкновенно жертвовались чаевшими исцѣленія своихъ недуговъ.

Всгдѣ за Каленикомъ прибылъ въ монастырь и асаулъ.

— А мы васъ ждали вчера цѣлый день, — сказалъ чернецъ асаулу, — безъ васъ не могли предать несчастную землѣ, а пора — тѣло больно смердить...

— Да надо было захватить на хуторъ къ пану Пискачу, знаете, возлѣ Становой слободы, — извинялся асаулъ: — тамъ, дали знать, случилась большая покража. — Нивашихъ и слѣдовъ — точно все въ воду кануло.

Асаулъ вмѣстѣ со всюю компаніей пошелъ помолиться Божьей Матери. Онъ набожно приложился къ иконѣ — и тутъ съ изумленіемъ замѣтилъ привѣси.

— Скажите, отче — откуда это у васъ?

— А вотъ онъ самъ — усердный добродетель на храмъ Божій, — сказалъ настоятель, указывая на Каленика.

— Ага! — отозвался асаулъ.

— Да это не все — продолжалъ монахъ, и вынулъ изъ ящика въ свѣтломъ сундукѣ перстень и часы.

— Ну, а ты, голубчикъ, гдѣ и какими богоугодными дѣлами добылъ эти вещи? — спросилъ асаулъ, обращаясь къ Каленику насмѣшливо.

Каленикъ взволнованнымъ голосомъ, но безъ утайки, разсказалъ ему все какъ было.

— Ну, казавъ,—сказалъ асаулъ, у каждаго тата есть своя сказка про стянутыя утята—эти вещи украдены у пана Писсача. А гдѣ-жъ деньги и все остальное?

— Я не знаю.

— Ну, мы тебя попытаемъ паланочнымъ спросомъ, я тебя, панеbrate, беру подъ стражу... А что, воня не отдашь?

Каленикъ молчалъ, пораженный новою бѣдой, какъ громомъ, среди яснаго неба.

IX.

Бѣднаго казака посадили въ паланочную тюрьму и приво-вали къ пушкѣ. Это былъ такъ-называемый севебстръ, служив-шій въ одно время и полковымъ погребомъ для склада оружія и сбруи, и тюрьмой для важныхъ преступниковъ. Огонь въ тюрьмѣ вовсе не было.

Только на третій день утромъ свѣтъ ударилъ Каленику въ глаза; дверь тюрьмы отворилась и показались въ ней казаки.

— Добри день, батько!—раздался знакомый голосъ.

— А, это ты, Головко, вернулся, здравствуй.

— Сидишь, скажешь?—спрашивалъ Головко.

— Да, сижу, посаженъ.

— Не тебѣ тутъ сидѣть, паноча, а мнѣ.

— За что?—спросилъ съ удивленіемъ Каленикъ.

— А за то, что я старое ледащо.

— Ужъ не твоя ли работа—дѣло у пана Писсача?

— Эге!—сказалъ онъ, утвердительно кивнувъ головой.

— Стало быть, ты съ Совихой былъ за-одно?

— Угу!—подтвердилъ онъ, мигая глазами.

— Ахъ, ты несчастный!—пожалѣлъ Каленикъ.

Въ виду полного признанія Корнѣя Головка, которое онъ повторилъ и въ паланочномъ правленіи, Каленикъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы.

— Ну, иди, иди, съ Богомъ, нечего дѣлать съ тобою!—сказалъ асаулъ Кондѣй Каленику, выпуская его;— а воня-то не продашь?

— Да я ужъ сказалъ, что не продамъ.

— Такъ промѣняй.

— И того не могу.

— А ну, Каленикъ, попробуемъ моего коня, скавалъ Кондѣй—вчера его купилъ.

На это Каленикъ согласился. И помчались они въ перегонку по дорогѣ въ Половицѣ (нынѣшнему Екатеринославу). По началу шли ровно, Каленикъ видимо сдерживалъ своего Калгана, но поровнявшись съ курганомъ, вовлѣ котораго теперь еврейское кладбище, конь Каленика захрапѣлъ, шарахнулся въ сторону, споткнулся, и Каленикъ, всегда отличный ѣздокъ, полетѣлъ коню черезъ голову. Асаулъ очутился далеко впереди, но Каленикъ мыгъ поднялся, подтянулъ подругу, направилъ сѣдло, вскочилъ снова на коня, и какъ тронулъ его гдѣ-то за ухомъ, какъ мурзататаринъ ему сказалъ, конь и помчался какъ вихорь, поровнялся съ асауломъ, въ два-три скачка, потомъ обогналъ его, забралъ сильнѣй, дальше, дальше — и скоро оставилъ буланого асаульскаго коня на цѣлый гонъ (сто двадцать сажень).

— Годи! буде! довольно! что за дьяволъ подѣ тобою! — кричалъ асаулъ, съ неудовольствіемъ отдуваясь, и остановилъ своего коня, всего въ пѣни и мыгѣ. Каленикъ воротился. Они поѣхали назадъ шагомъ черезъ предмѣстье Новомосковска — Вороновеу. Во всю дорогу только и словъ было у асаула, что похвалы лошади Каленика. Онъ смотрѣлъ на Калгана жадными глазами.

Дома ждалъ Каленика обѣдъ. Былъ праздникъ. Маня только-что вернулась изъ церкви и ему прислуживала, носила въ комору обѣдъ изъ хаты черезъ дворъ. Подавая, говорила она каждый разъ, глядя какъ-то изъ подлобья, но лукаво:

— Вотъ вамъ дошишна съ куркою...

— Вотъ вамъ пампушечки съ олиєю (постное масло)...

— Вотъ вамъ кача жареная съ яблоками, лемишна съ молокомъ, вареники съ полуницами (съ клубникой)...

Она вся раскрасѣлась. На ней была миткальная бѣлая чуть-чуть подсиненная сорочка съ пышными рукавами, картатая плахта (въ родѣ паневы), подпоясанная червонною окравкою: на шеѣ — кипарисный крестикъ съ цвѣтною фольгою, вдѣланною въ шовъ также крестомъ, на черной бархатѣ; на ногахъ — сафьянныя красныя черевички — подарокъ тѣтки.

Каленикъ залюбовался на Маню.

— А гѣмъ, что слаще, не бойсь, не подчуеть? — сказалъ Каленикъ.

— Чѣмъ же это? варяничками? тутъ и варяницы есть.

— Нѣтъ, не варяничками.

— Что-жъ еще? — можетъ — медъ? рожки?

— И не рожки, и не медъ.

— Бавунъ?

Въ отвѣтъ на это онъ схватилъ ее и поцѣловалъ.

Въ садикѣ, въ кустахъ, въ которыхъ примыкала комора, какъ будто что-то зашевелилось. Ни Каленикъ, ни Маня этого не замѣтили. Маня, востыдившись, убѣжала.

X.

Въ воскресенье новосельцы шли въ церковь, и всѣ съ удивленіемъ смотрѣли, что ворота у Штрикиндиички стоятъ отворены настежь, и обѣ половины ихъ совсѣмъ раскрыты во дворъ, почти прижаты въ забору.

Двѣ сосѣдки—одна шла на базаръ, другая съ базару, встрѣтились какъ разъ у воротъ.

— Что это, Лукьяновна, какой праздникъ у крамарьки, что ворота настежь у ней съ утра?

— А такой праздникъ, Артемовна, что онѣ вымазаны ей дегтемъ, оттого и завернули ихъ во дворъ, стыда ради, погляди.

— Это ей удружила доченька.

— Да, вѣдь, она у ней еще подростокъ?

— Видно, на пакости скоро поспѣваютъ! Не даромъ Каленикъ у нихъ нахлѣбникомъ.

— Ну, Артемовна, его дѣло парубочье, и дивчинка, дивчинка!

Между тѣмъ въ хатѣ у крамарьки плачь и стонъ: мать дочку таскала за волосы.

Зинька во весь этотъ день не приходила противъ обыкновенія.

Никто въ домѣ Штрикиндиички не высказывалъ, но всѣ про себя думали, что дѣло съ воротами—ея работа.

Утромъ Зинька явилась, а сама принесла Каленику горячихъ кренделей и бубликовъ.

— Ты вымазала ворота?—спросилъ Каленикъ.—Зинька начала отпираться.

Каленикъ взялъ ногойку со стѣны.

— Признавайся, сказалъ онъ—ты?

— Нѣтъ.

— Ну,—сказалъ онъ, сдерживая гелось,—скажи правду, я тебя прощу, я тебя поцѣлую—ты?

Она замаялась, передвинула плечами и тихо отвѣчала:

— Я.

— Ахъ, ты, змѣя!—разразился Каленикъ.

— Бей меня, только прости.

— Чтобъ твоего духу тутъ не было!—отвѣчалъ Каленикъ.

Зинька поблѣднѣла и затряслась какъ въ лихорадкѣ.

— Взгляни на меня хоть разъ — умолила она, стараясь взглянуть ему въ глаза.

— Поглядѣлъ! довольно! прощай, Богъ съ тобою, помни, прощай!

И она убѣжала изъ хаты какъ будто съ просонковъ—вотъ, вотъ зацѣпится за какой-нибудь уголъ, вотъ ударится за что-нибудь головой.

Не прошло и часу, на дворѣ раздались дѣтскіе вопли: Каленикъ выбѣжалъ изъ коморы, крамарька изъ хаты. На дворѣ кричала сосѣдняя дѣвочка лѣтъ девяти.

— Ой, бѣда! охъ, несчастье! Зинька утопилась.

— Утопилась? повторили вмѣстѣ и Каленикъ, и крамарька.

— Я гусей гнала. Бѣжала она мимо меня, такая блѣдная, простоволосая. Сняла съ себя это монисто съ докачемъ и сказала: Отдай его Манѣ, да проси, Христомъ Богомъ проси, чтобъ простила меня. А сама потомъ и бросилась въ Самарѣ, къ тому мѣсту на рѣчкѣ, что называютъ Чернечье пекло.

— Что-жъ ты людямъ не сказала, чтобъ удержали?—спросилъ Каленикъ.

— Да не случилось ни одного человѣка. Вижу съ горы—разъ перекрестилась—вошла въ воду, опустила—и назадъ вернулась; а въ другой разъ—перекрестилась—вошла въ воду, окунулась—и снова вернулась; въ третій разъ уже не перекрестилась, да какъ нырнула въ воду, такъ тамъ и осталась.

Одинъ Каленикъ зналъ, что виною смерти Зиньки былъ онъ. Передъ всѣми она была виновата, только не передъ нимъ. А Маня? кто не знаетъ, какое пятно ложится на честное имя дѣвушки на Украинѣ, если ей вымажутъ ворота дегтемъ. Что-жъ дѣлать? Жениться на Манѣ; но онъ ее не любилъ, какъ когда-то любилъ Зиньку. Да, кромѣ того, въ его возрастѣ «ошканиться, ошкуриться» (т.е. жениться), какъ говорили съ презрѣніемъ въ Сѣчи—значило измѣнить Запорожью, ридарству, стать лежебоккомъ, гречкосѣемъ. Могъ онъ, впрочемъ, еще остаться въ Запорожѣ—зимовникомъ, въ которой-нибудь паланкѣ—тогда ужъ начали допускать жить въ зимовникахъ и семейнымъ, но въ такомъ случаѣ казацкая пословица: «терни казакъ горе, будешь атаманомъ», никогда бы надъ нимъ не сбывалась. Сколько бы онъ ни терпѣлъ лиха—атаманомъ бы не былъ; ему никогда не дали

бы отдѣльной команды — это предоставлялось настоящимъ рыцарямъ — монахамъ-воинамъ, безбрачнымъ.

Каленикъ осѣдлалъ своего Калгана и поѣхалъ монастырскимъ лѣсомъ, чтобъ разогнать свои мысли.

Не доѣжая на два гона до перевоза, на-встрѣчу Каленику выѣхалъ всадникъ; видно было, что это также казакъ.

— А, Каленикъ! — закричалъ казакъ, подъѣзжая.

— Панъ асаулъ! — откликнулся Каленикъ.

Они остановились другъ противъ друга.

— Что-жь ты, продашь мнѣ коня?

— Э, старая пѣсня, панъ асаулъ!

— Ты продашь мнѣ коня? — повторилъ онъ, не слушая.

Каленикъ промолчалъ.

— Ты продашь мнѣ коня, чортъ бы убилъ твоего батька? — сказалъ асаулъ въ третій разъ.

Тутъ Каленикъ замѣтилъ, что Киндѣй сильно пьянъ, и тронулъ свою лошадь, со словами:

— Ну, ну, завтра еще поговоримъ объ этомъ, пане Сидоре, не лаясь!

— Такъ вотъ же, — пускай ни мнѣ, ни тебѣ! — закричалъ асаулъ и выстрѣлилъ коню прямо въ лобъ.

Ошеломленный паденьемъ коня, не помни себя, Каленикъ выхватилъ изъ-за пояса свой пистолетъ и, въ свою очередь, послалъ пулю асаулу прямо въ грудь. Тотъ три раза вздохнулъ и также повалился на землю, рядомъ съ конемъ Каленика.

Сперва у Каленика мелькнуло въ головѣ — бѣжать.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ громко: — уйдешь только отъ суда людского, — и не тронулся съ мѣста. Въ горькомъ раздумьи легъ онъ на травѣ у двухъ труповъ — человѣка и любимой лошади — и ждалъ своей участи. Въ этомъ состояніи нашли его казаки, прискакавшіе на выстрѣлы, какъ на тревогу.

XI.

Тяжелая казнь ожидала Каленика. По законамъ Запорожья, казакъ, убившій казана, заманивался живою, вмѣстѣ съ гробомъ убитаго, въ могилу. Въ Сѣчи новобранный асаулъ Киндѣй имѣлъ много друзей. Обромахи любили его за попойки, которыми онъ, при его богатствѣ, часто угощалъ ихъ послѣ удачныхъ походовъ на сушѣ и по благополучномъ возвращеніи съ морскихъ прогулокъ по Черному морю. Поэтому, когда въ Сѣчи заслышали, что

Каленика хотѣть судить въ паланкѣ, раздались голоса батьковъ, куренныхъ атамановъ и братчиковъ: «судъ смертнаго убивства къ намъ, къ главной командѣ принадлежитъ! Сюда, сюда его при-
слать!» Нѣкоторые вспомнили, что Каленикъ разъ и грамоту потерялъ.

«Это всегда былъ ненадежный казакъ!» говорили про него нѣкоторые сторонники асаула. Но кошевой зналъ лично дядю Каленика — да и къ самому Каленику благоволялъ — и хотѣлъ, сколько можно, смягчить его участь. Онъ настоялъ, чтобы Каленика судили въ Новоселицѣ, въ мѣстности, гдѣ сдѣлано преступленіе и гдѣ кошевой надѣялся повліять, по возможности, на паланочныхъ старшинъ, чтобъ получить болѣе мягкій приговоръ. Однакожь, какъ ни старался онъ, Сѣчь зорко смотрѣла на это дѣло. Безбрачная рыцарская община Запорожья, не заключающая въ себѣ чисто-кровнаго родства, не имѣя потомственной преемственности въ своемъ существованіи, составляясь изъ разныхъ народностей, только и держалась религіей да тѣснымъ братствомъ; вотъ почему преступленіе въ отношеніи одного товарища — было преступленіемъ передъ цѣлою общиною. Каленику сдѣлано было одно смягченіе: было рѣшено не зарывать его живьемъ въ землю, а посадить «на гостру палю» (на вѣкъ).

Утро того дня, въ который вели на казнь Каленика, было ясное: чаусъ на базарѣ, стоя у столба подъ паланочнымъ флагомъ, еще наканунѣ прокричалъ народу о предстоящей казни.

Паланочный дощипникъ — онъ же и палачъ — ударилъ въ котлы (въ литавры) мелкою дробью.

Вывели, подъ конвоемъ, Каленика изъ себестра. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Чуприна на вкрутой головѣ, по обычаю, была закручена за правымъ ухомъ; небольшіе усы торчали кверху. На немъ былъ запорожскій нарядъ — зеленая черкесска съ желтыми (съ откидными рукавами), черные шаровары и желтые сапьянцы; шапка кабардинка, на-крестъ обшита галуномъ, за-
ткнута была за пазуху въ черкеску, а самъ онъ былъ съ обнаженной головой и держалъ въ рукахъ горящую восковую толстую свѣчу (ставникъ); свѣчка выкрашена была зеленою ярью. Воскъ капалъ ему на руки, жегъ ихъ, но онъ не замѣчалъ боли. При выходѣ изъ тюрьмы, онъ взглянулъ на церковь и перекрестился. Бабы на базарѣ, какъ завидѣли его, такъ и завывли.

Изъ церкви вынесли кресты, хоругви; зазвонили въ колокола похороннымъ звономъ. Священники, во время печальнаго хода, совершая литію, двѣнадцать разъ останавливались, читали каж-

дній разъ по зачалу ¹⁾ тѣхъ двѣнадцати евангелій, которыя читаются въ страсти Господни — въ чистый четвергъ. Каленикъ каждый разъ подходилъ и склонялъ голову подъ евангеліе.

Въ полуверстѣ отъ Новоселицы, по дорогѣ въ Половицу и въ Койдакъ (по нынѣшней екатеринославской дорогѣ) есть небольшой курганъ; онъ и теперь носитъ названіе «Калениковой могилы», гдѣ когда-то упалъ Каленикъ съ лошади, бѣжавши «наввыпередки» съ покойнымъ асауломъ. Въ сосѣдствѣ здѣсь-то и была врыта въ землю острая палка, или колъ,—это былъ столбъ въ сажень съ небольшимъ высоты, съ острымъ желѣзнымъ на немъ шпилемъ, величиной околѣ двухъ аршинъ.

Священники отпѣли Каленика, благословили и отошли. Тогда ударили снова въ «котлы» и затѣмъ, когда перестали бить, писарій прочелъ палачное рѣшеніе, присуждавшее Каленика на казнь.

Каленикъ перекрестился и съ поклономъ на всѣ четыре стороны свазалъ:

— Простите меня, люди добрые,—простите православные!

— Богъ тебя проститъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ въ одинъ голосъ.

Подожель вать; онъ снялъ съ Каленика череску, оставилъ въ одномъ кафтанѣ и свазалъ ему назадъ руки.

Явились помощники палача, вагѣли на лѣстницу—и ужасная казнь была совершена. Желѣзный шпиль вышелъ несчастному въ спину. Народъ отчаянно вскрикнулъ и застоналъ.

Трупъ Каленика, подъ охраной сторожевыхъ казаковъ, оставался, на страхъ и въ примѣръ другимъ, на позорномъ столбѣ до шести недѣль: внутренности его выгорѣли, тѣло вывѣтрилось, высохло до того, что при малѣйшемъ вѣтрѣ поворачивалось на шпиль. Долго-долго помнили и имя Каленика, и его жестокую казнь на Украинѣ.

Г. Надхинъ.

¹⁾ Начало евангелія до первой точки.

ПОССЕССИОННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

ОЦЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ФАБРИЧНОГО ТРУДА.

О к о н ч а н і е.

III *).

Посессионные крестьяне на уральскихъ горныхъ заводахъ.—Казенные мастеровые.—Волненіе на нижнетагильскомъ заводѣ.—«Вѣчно-отданные» мастеровые.—Ихъ тяжелое положеніе и волненіе на невьянскомъ заводѣ.—Крестьяне, купленные къ заводамъ.—Противозаконная покупка, сдѣланная Походящими.—Рабочая плата,—Дѣтскій трудъ.

Въ составъ населенія уральскихъ горныхъ заводовъ входили тѣ же элементы, какъ и на различныхъ фабрикахъ внутри Россіи; тутъ мы опять находимъ казенныхъ мастеровыхъ, переданныхъ правительствомъ частнымъ владѣльцамъ, «вѣчно-отданныхъ» и, наконецъ, купленныхъ заводчиками.

Нѣкоторые заводы еще при Петрѣ Великомъ были переданы изъ казны частнымъ лицамъ; но гораздо болѣе было продано за ничтожную цѣну разнымъ вельможамъ (П. И. Шувалову, Воронцовымъ и др.) при Елизаветѣ Петровнѣ ¹⁾. Положеніе мастерово-

*). См. выше: окт., 610 стр.

¹⁾ На заводахъ, отданныхъ изъ казны при Елизаветѣ, мастеровыхъ и ихъ дѣтей было въ 1763 г.—3,877 д. По пятой ревизіи на частныхъ заводахъ, состоявшихъ въ ведомствѣ екатеринабургскаго горнаго начальства, было всего около шести съ половиною тысячъ казенныхъ мастеровыхъ.

ликомъ Демидову на время, а не навсегда, и что до полученія рѣшенія на свою просьбу они на работу не пойдутъ. Такимъ же отказомъ отвѣчали они и на приказъ, присланный въ маѣ 1763 г. изъ канцеляріи главнаго правленія заводовъ: они написали туда, что не рѣшились ѣхать на заводы, такъ какъ ими подана жалоба на разныя обиды отъ Демидова и его прикащиковъ; къ тому же, по ихъ мнѣнію, они и безъ того уже много переработали. Что же касается того, что приписные крестьяне казанской губерніи уже начали работать, то, быть можетъ, замѣтили крестьяне, они оказались виновными по слѣдствію, произведенному кн. Вяземскимъ, «а мы еще до того слѣдствія виновными себя не признаваемъ». Вообще этотъ отвѣтъ былъ написанъ гораздо толковѣе, чѣмъ многія донесенія офицеровъ и чиновниковъ.

Волненіе заводскихъ мастеровыхъ также продолжалось. Выборные, посланные въ іюнь 1763 г. мастеровыми нижнетагильскаго и чернысточенскаго заводовъ въ кн. Вяземскому съ жалобами на прикащиковъ, услышали на пути, что будто бы Аятскую и Краснопольскую слободы и село Покровское велѣно было отрѣшить отъ заводовъ съ тѣмъ, чтобъ крестьяне платили подушный окладъ деньгами. Челобитчики послали объ этомъ письмо «мірскому подъячему», Палитову. Но оно было перехвачено нижнетагильскою заводскою конторою и отправлено къ князю Вяземскому. По приказанію его Палитовъ, а также одинъ изъ челобитчиковъ, Салаутинъ, были арестованы и закованы въ кандалы. Ихъ готовы уже были отправить къ князю Вяземскому, когда среди заводскаго населенія распространился слухъ, что арестованныхъ будутъ зашивать въ сырыя кожи. Большая толпа мастеровыхъ и рабочихъ нижнетагильскаго и выйскаго заводовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми крестьянами села Покровскаго, собралась къ заводской конторѣ и требовала освобожденія ихъ товарищей. Когда увѣщанія прикащиковъ не подѣйствовали, они собрали всѣхъ служителей и солдатъ и выставили пушки на крыльцѣ заводской конторы. Съ той и другой стороны стали бросать камнями. Побѣда, однако, осталась на сторонѣ мастеровыхъ и крестьянъ. Отбивъ у своихъ противниковъ пушки и ружья, они сдѣлали выстрѣлъ въ контору изъ пушки, заряженной пшжомъ. Оконница разлетѣлась въ дребезги и бумаги полетѣли со стола. На прикащиковъ и ихъ воинство началъ такой страхъ, что они не знали куда спрятаться. Между тѣмъ, толпа все еще не расходилась. Отъ конторы несли раненыхъ людей, рабочіе съ камнями въ рукахъ бѣжали по фабрикамъ и кого-то искали. Всѣ

двери и окна въ конторѣ были заперты; на стѣнахъ и ставняхъ видѣлись слѣды бомбардировки. Пушки, какъ трофей побѣдителей, были поставлены около мірской избы, куда отвели освобожденныхъ Салаутина и Палитова. Въ это время окончилась обѣдня, и священникъ счелъ своей обязанностью сказать приличное случаю увѣщаніе, которое не произвело, впрочемъ, никакого впечатлѣнія: крестьяне вслѣдъ затѣмъ, схвативъ одного куреннаго надзирателя, привязали ему къ шеѣ поясъ и потащили его къ мірской избѣ. Прикащикамъ удалось, наконецъ, послать гонца къ князю Вяземскому съ донесеніемъ обо всемъ случившемся.

Вяземскій отправилъ туда поручика Хвоцинскаго съ приказаніемъ арестовать Салаутина, Палитова и нѣкоторыхъ другихъ и прислать къ нему въ Екатеринбургъ повѣренныхъ о всѣхъ заводскихъ жителяхъ. На этотъ разъ крестьяне не оказали сопротивленія, виновные были привезены въ Екатеринбургъ, и черезъ мѣсяць наказаны.

Въ челобитной, поданной князю Вяземскому въ 1763 г., прикащики нижнетагильскаго завода, упомянувъ о волненіи крестьянъ села Покровскаго, писали далѣе: «въ прошломъ же 1762 г. и самыя находящіяся внутри оныхъ заводовъ мастеровые и работные люди, написанные при тѣхъ заводахъ въ подушный окладъ и отданные къ онымъ по высочайшимъ именнымъ изъ правительствующаго сената указамъ и утвержденные яко крѣпостные онаго г. Демидова, крестьяне, не чувствуя того, что они вѣчно узаконенные и тѣми объ нихъ указами повелѣно ихъ въ мастерства и работы употреблять равно какъ крѣпостныхъ купленныхъ своихъ, по чрезвычайной своей дерзости учинились непослушными и стремились въ зловоспріятшіе поступки и упорства». Такимъ образомъ, прикащики приравнивали всѣхъ мастеровыхъ къ крѣпостнымъ, но князь Вяземскій рѣшилъ, что на основаніи сенатскаго указа 30 декабря 1755 г. рабочіе, написанные въ бывшую 1722 г. перепись Сонцева, должны считаться «государственными приписными, а не крѣпостными дворянъ Демидовыхъ, ибо чтобъ по той 1722 г. переписи они къ заводамъ вѣчно отданы въ крѣпостные, онаго въ томъ правительствующаго сената указѣ и въ другихъ ни въ какихъ не упоминается». Онъ предписалъ, чтобъ эти мастеровые зарабатывали только подушный окладъ¹⁾. Въ рѣшеніи своемъ Вяземскій прямо говоритъ, что управители и прикащики сами вызвали волненіе, вспыхнувшее на нижнета-

¹⁾ Мастеровыхъ, внесенныхъ въ перепись 1722 г., было въ то время на нижнетагильскомъ, вѣйскомъ, черномсточенскомъ и всенюмайтанскомъ заводахъ 114 д.

гильскомъ заводѣ, такъ какъ они мастеровыхъ и рабочихъ, которые должны были считаться государственными, ставили на одну доску съ крѣпостными, и употребляли наравнѣ съ ними во всякія работы, «не давая противъ государственныхъ крестьянъ никакихъ выгодъ». Написанныхъ же въ перепись 1732 г. и послѣдующія Вяземскій, какъ мы увидимъ ниже, призналъ «равно яко крѣпостными».

Другая часть мастеровыхъ изъ крестьянъ, отданныхъ Петромъ Великимъ Никитѣ Демидову, находилась на невьянскомъ заводѣ. Прїѣхавъ туда въ концѣ іюля 1763 г., Вяземскій приказалъ всѣмъ, написаннымъ въ перепись Сонцева, если у нихъ есть жалобы на заводское управленіе, немедленно подать ихъ черезъ своихъ повѣренныхъ. Въ своей челобитной они указывали прежде всего на то, что управители и прикащики вовсе не отличаютъ ихъ отъ крѣпостныхъ. Плату мастеровые получали слѣдующую: мастера за ковку желѣза по 2 коп., подмастерья по 1¹/₄ коп., работники по ³/₄ коп. съ пуда; поденной платы работники получали по 7 коп. Кромѣ того, они возили уголь съ куреней, осыпали, жгли и выламывали кучи, нагружали желѣзо на баржи, наконецъ косили сѣно для заводчика. Они просили невьянскую контору о прибавкѣ платы; но просьба ихъ удовлетворена не была. Не производя никакихъ безпорядковъ, они отказались однако работать болѣе чѣмъ за одинъ подушный окладъ. Кн. Вяземскій нашелъ ихъ желаніе совершенно основательнымъ, такъ какъ и здѣсь записанныхъ въ перепись 1722 г., онъ призналъ государственными крестьянами; тогда заводское управленіе исполнило всѣ требованія мастеровыхъ и они заявили Вяземскому о заключенной ими мировой ¹⁾.

Точно также на Ревдинскомъ заводѣ Демидовыхъ, приписанные крестьяне Аятской слободы, кромѣ написанныхъ по позднѣйшимъ переписямъ, были ограждены Вяземскимъ отъ поповленія заводчиковъ къ ихъ закрѣпощенію и объявлены государственными крестьянами.

Переходимъ теперь къ вѣчно-отданнымъ мастеровымъ на горныхъ заводахъ. Говоря выше объ этомъ разрядѣ мастеровыхъ, мы рассмотрѣли правительственныя распоряженія о нихъ, касавшіяся всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Поэтому, не повторяя того, что намъ уже извѣстно, мы остановимся теперь только на указахъ, относящихся исключительно къ горнымъ заводамъ.

¹⁾ На невьянскомъ заводѣ мастеровыхъ и рабочихъ, написанныхъ въ перепись 1722 г. съ рожденными послѣ нея было въ то время 487 душъ.

Какъ мы уже знаемъ, въ 1722—23 г., велѣно было переписать людей, находившихся на заводахъ, но оттуда ихъ не сснать. При производствѣ полковникомъ Сонцевымъ переписи на горныхъ заводахъ и соляныхъ варницахъ, тамъ оказались люди, пришедше изъ разныхъ губерній, которые заявили, что они работаютъ, переходя съ завода на заводъ, домовъ не имѣютъ, «а живутъ по заводскимъ вѣбамъ человекъ по 300 и по 200». Такъ какъ, въ 1722 г., велѣно было такихъ людей власть въ подушный окладъ въ тѣхъ селеніяхъ, откуда они были родомъ, то это было сдѣлано и съ найденными Сонцевымъ на уральскихъ заводахъ, которыхъ всего оказалось болѣе пяти тысячъ душъ; сенатъ приказалъ, чтобы заводчики вычитали изъ заработанныхъ ими денегъ подушныя подати и помѣщичьи доходы и отсылали бы въ тѣ провинціи, откуда они пришли; въ противномъ случаѣ заводчики обязаны были отвезти ихъ на родину, тѣхъ же, которые обучились какому-нибудь мастерству, они могли оставить у себя, уплативъ по 50-ти руб. за каждого. Некомнанныхъ родства приказано было записать въ подушный окладъ на заводахъ.

Въ 1732 г. велѣно было вновь переписать мастеровыхъ и рабочихъ на сибирскихъ заводахъ Акинфія Демидова, свѣривъ при этомъ съ переписью Сонцева, и за все время пребыванія ихъ тамъ взыскать подушныя деньги и рекрутъ. Однако въ слѣдующемъ году, по просьбѣ Демидова, было разрѣшено рекрутъ не брать изъ опасенія, чтобы мастеровые и рабочіе не разбѣжались въ башкирцамъ и калмыкамъ, а подушныя деньги взыскивать по прежнимъ рѣшеніямъ сената. По новой переписи, произведенной полковникомъ Толбузинымъ, всего пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи оказалось 2,604 чел.; за которыхъ и было взыскано подушныхъ денегъ съ 1724 по 1733 г. болѣе 23,000 руб. Послѣ изданія указа 4 января 1736 г., по просьбѣ Акинфія Демидова, императрица приказала синодальныхъ, монастырскихъ и государственныхъ крестьянъ, которые оказались на его заводахъ по новой переписи и научились мастерству, оставить тамъ вѣчно съ тѣмъ, чтобы Демидовъ платилъ за нихъ семи-гривенную подушную подать и четырехгривенный оброчный сборъ. Что касается помѣщичьихъ крестьянъ, то взаимно ихъ Демидовъ долженъ былъ отдать ихъ владѣльцамъ людей изъ своихъ вотчинъ, а вѣршестныхъ, пришедшихъ позже, слѣдовало непременно возвратитъ помѣщикамъ, впрочемъ безъ уплаты пожеланныхъ денегъ. Съ мастеровыхъ, находившихся всегда въ работѣ, рекрутъ велѣно было не брать.

Наплывъ бѣглыхъ на уральскіе и сибирскіе заводы продолжался и послѣ того. Въ 1746 г. сенатъ приказалъ оставить навсегда на пермскихъ и сибирскихъ заводахъ непомятихъ родства. Именной указъ 1754 г., которымъ было велѣно бѣглыхъ людей и крестьянъ, не прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ никакими правительственными распоряженіями, вывести съ нихъ на прежнія жилища, — возбуждалъ недоумѣніе въ мѣстной администраціи. Канцелярія главнаго правленія заводовъ заявила, что на казенныхъ и частныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводахъ было пришлыхъ послѣ первой ревизіи вмѣстѣ съ непомятихъ родства болѣе шести тысячъ душъ и спрашивала, что съ ними дѣлать ¹⁾. Хотя предшествовавшія постановленія были совершенно ясны, однако, для устраненія впредь всякихъ недоразумѣній, сенатъ подтвердилъ, чтобы на всѣхъ «партикулярныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводахъ, какъ непомятихъ родства и незаконнорожденнымъ, такъ изъ пришлыхъ всякаго званія отданнымъ къ тѣмъ заводамъ, чи-бъ они ни были, людямъ, которые бывшею послѣднею генеральною ревизіею... въ подушный окладъ при тѣхъ заводахъ написаны, и по окончаніи той ревизіи принисные и отлучные губернскими и воеводскими канцеляріями по силѣ той же инструкціи и указовъ приписаны и въ окладныя книги внесены, онымъ въ силѣ того Е. И. В. мая 13 дня 1754 г. указа быть при тѣхъ заводахъ... вѣчно неотъемлемымъ и при тѣхъ заводахъ ихъ селить и въ заводскія мастерства и работы употреблять равно какъ крѣпостныхъ и купленныхъ своихъ».

Отдача на заводы при Екатеринѣ II-ой послѣ манифеста 1762 г., запретившаго ихъ владѣльцамъ покупать крестьянъ, почти совершенно прекратилась. Говоримъ — почти, такъ какъ были все-таки случаи записки разныхъ гулящихъ людей по ихъ собственному желанію; но, впрочемъ, правительство признавало ихъ государственными, а не «вѣчно-отданными» къ фабрикамъ крестьянами. Такъ, наприм., сенатъ получилъ извѣстіе о нѣкоторыхъ случаяхъ отдачи на вятскіе заводы уже при Екатеринѣ II-ой непомятихъ родства и незаконнорожденныхъ: въ заводѣ Масалова было приписано 30, а Саввы Яковлева 23 д., по собственнымъ желаніямъ этихъ людей и на основаніи прежнихъ указовъ, которыми это было дозволено. Такъ какъ въ манифестѣ 1762 г. не было точнаго постановленія о томъ, чтобы не приписывать къ заводамъ незаконнорожденныхъ и непомятихъ

¹⁾ На частныхъ заводахъ оказалось пришлыхъ людей 4,495 д. По вѣдомости, составленной бергъ-коллегіею въ 1768 г., на частныхъ заводахъ было пришлыхъ, непомятихъ родства и т. п. 12,188 д.

родства, и такъ какъ до 1775 г. не было указовъ, запрещающихъ записывать вольныхъ людей за кѣмъ-либо въ подушный окладъ, то сенатъ рѣшилъ оставить приписанныхъ къ заводамъ Масалова и Яковлева при нихъ неотъемлемыми, «однакоже не иначе какъ на общемъ положеніи о всѣхъ приписныхъ къ заводамъ государственныхъ крестьянахъ». Въ это время въ вятской губерніи производились и другія подобныя же дѣла о незаконнорожденныхъ, всего 127 душахъ, которыя безъ сомнѣнія были затѣмъ рѣшены такимъ же образомъ.

Что касается уплаты податей, то правительство долго колебалось, взыскивать ли съ вѣчно-отданныхъ одинъ подушный окладъ или также и оброчныя деньги. Въ 1723 г. отданныхъ на фабрики не велѣно было записывать въ подушный окладъ; при отдачѣ по указу 1736 г. разныхъ людей на заводы А. Демидова велѣно было ему платить за нихъ семигривенныя подушныя деньги и четырехгривенный оброкъ, но затѣмъ при производствѣ второй ревизіи, мастеровыхъ и рабочихъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ предписано было положить въ одинъ семигривенный окладъ. Однако и послѣ того на заводахъ Никиты Демидова не только записанные по первой ревизіи, но и отданные по переписямъ Толбузина и другихъ числились не въ одномъ семигривенномъ, а и въ четырехгривенномъ окладѣ (только купленные заводчикомъ платили одинъ подушныя деньги); на юговскихъ заводахъ Чернышова въ 60-хъ годахъ мастеровые платили по 1 р. 70 к. съ души. Вопросъ о томъ, какія подати взыскивать съ вѣчно-отданныхъ былъ окончательно разрѣшенъ сенатомъ только въ 1777 г., когда было велѣно собирать съ нихъ одинъ семигривенный подушный окладъ и не требовать оброчнаго сбора. На основаніи правительственныхъ указовъ можно было бы подумать, что подати платилъ за мастеровыхъ заводчикъ, но онъ былъ только отвѣтственнымъ лицомъ за исправное отбываніе ими денежныхъ повинностей; дѣйствительными же плательщиками были они сами, — это видно какъ изъ ихъ наказовъ, такъ и изъ слѣдующаго заявленія мастеровыхъ Демидова.

Въ 1747 г. на имя старостъ невьянскаго, бынговскаго и шуралинскаго заводовъ было получено извѣщеніе, что съ нихъ слѣдуетъ взыскать за приписныхъ, утаенныхъ и неположенныхъ въ подушный окладъ съ 1724 г. подушныхъ, рекрутскихъ и лошаднаго сбора около 9-ти тысячъ руб. Въ теченіи 1747 г. часть этихъ денегъ была внесена мастеровыми, но такъ какъ остальной тысячи рублей, по бѣдности рабочихъ, взыскать было

невозможно, то неплательщики содержались подъ карауломъ по крайней мѣрѣ полъ-года, если не болѣе. Затѣмъ было предписано пополнить всю недоимку въ теченіи трехъ дней. Присланный съ этой цѣлью изъ губернской канцеляріи сибирскій дворянинъ Теофиловъ, по словамъ мастеровыхъ «чинилъ намъ... не малые налоги и обиды и разоренія: держалъ подъ карауломъ старосту и сотниковъ неоднократно не малое число человекъ безъ выпуска безвинно и мучилъ тирански въ цѣняхъ; да изъ насъ же употреблялъ и посылалъ на караулъ для содержанія предначисленныхъ неплательщиковъ, при тѣхъ же всѣкъ его Демидова заводахъ по многому числу человекъ». Однажды Теофиловъ пришелъ въ домъ, гдѣ содержались подъ карауломъ сотники, и какъ ихъ, такъ и старосту «билъ смертельными побоями плетями, не пріемля отъ нихъ правдивыхъ представленіевъ... отъ которыхъ... побой лежали нѣсколько времени въ скорбяхъ своихъ». Теофиловъ распоряжался такимъ образомъ, и не показавъ даже крестьянамъ данной ему инструкціи; кромѣ того, онъ бралъ со старосты и сотниковъ «не малые взятки» — «А мы», — продолжали челобитчики, — «къ платежу... за прописныхъ, утаенныхъ во время подушной переписи 1722 г., денегъ не виновны, ибо оныя пришлы на его г. Демидова заводы приниманы и держаны были имъ Демидовымъ, такъ и прикащиками его употреблялись въ равныя заводскія работы... для его Демидова прибытку и пользы... и намъ оныя пришлые никакыхъ подѣлокъ и работъ не работали, и никакого способу не чинили... и такъ насъ... разорили напрасно, отчего пришлы... въ крайнюю нищету и скудость». Этотъ документъ наводитъ на мысли, что даже тѣ деньги, которыя заводчики должны были внести по указу 1736 г. и уплата которыхъ служила главнымъ основаніемъ ихъ нравъ на «вѣчно-отданныхъ» людей, вносились не самими заводчиками, а разлагались на мастеровыхъ.

Крайне тяжелое экономическое положеніе вѣчно-отданныхъ къ заводамъ ясно видно изъ челобитной, поданной кн. Вяземскому мастеровыми невьянскаго завода. Такъ, напр., при рубкѣ вуренныхъ дровъ каждому полагалось вырубить 41 сажень; но мастеровые находили это совершенно невозможнымъ, такъ какъ съ дровосѣка ихъ посылали еще на другую работу — ломать кучи, возить желѣзо на пристань, возить сѣно; поэтому имъ приходилось вмѣсто себя нанимать для рубки дровъ постороннихъ людей и платитъ имъ не по 24 коп., какъ получали сами, а по 85-ти и 40 коп. Когда наставало время складывать кучи на дровосѣкѣ, то каждому рабочему полагалось сжечь отъ семи до де-

сити кучь съ платою по рублю за каждую; мастеровые же, отъезжаемые другими работами, платили за это вольнонаемнымъ по 2 и болѣе руб. за кучу. Осыпщиковъ кучь заставляли ежегодно исполнять слѣдующую работу: каждому позволялось осыпать по три и по четыре кучи, да выломать поль-кучи, вывезти на шойтанскую пристань отъ 300 до 400 пудовъ желѣза, привезти на заводъ по 50—80 воровъ угля. По окончаніи осыпки, ломки и вонки угля, а также доставки желѣза на пристань, тѣхъ же рабочихъ отправляли на стругахъ съ чугуномъ и желѣзомъ до пригородка Ланшева (казанской губ.), а также они носили сѣно для Демидова. Если и послѣ того оставалось свободное время, ихъ посылали на поденныя заводскія работы. Насколько недостаточна была плата, ими получаемая, видно изъ того, что за осыпку и ломку кучь имъ давали по 90 коп., а они платили отъ себя наемнымъ по 2 и по 3 р. Стариковъ приващики Демидова посылали безъ всякой платы въ ночные караулы. Попытка мастеровыхъ жаловаться въ канцелярію главнаго заводовъ правленія кончилась только тѣмъ, что челобитчики, захваченные служителями Демидова, просидѣли подъ арестомъ въ кандалахъ шесть недѣль.

Понятно, что когда на другихъ уральскихъ заводахъ начались волненія, то и мастеровые невьянскихъ заводовъ не остались покойными. Въ ноябрѣ 1762 г. они прекратили заводскія работы, учредили у себя мірскую избу, устраивали многочисленныя сходки, и заявили, что впредь будутъ зарабатывать только полдушный окладъ. Извѣстіе объ этомъ волненіи мало обезпечило Прок. Демидова; зная, какъ нуждаются мастеровые въ деньгахъ, онъ былъ увѣренъ, что нужда скоро заставитъ ихъ приняться за работу. «Пишете, что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ крестьянъ, отъ работъ отказались», наставлялъ онъ своихъ дѣтей изъ Москвы въ январѣ 1763 г.: «о томъ я жалѣю, и хоша они совсѣмъ работать не стануть, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить на нихъ не велѣтъ; а какъ они проживутся, тогда работать охотно стануть. Да отъ всемилюстивѣйшей государыни для противниковъ посланъ генералъ, и ежели близеко прибудеть, то приващикамъ, а когда случится и намъ его превосходительства просить, чтобы съ ними, ежели возможно, до разоренія не доводить, равнѣ отъ нихъ какія будутъ безчеловѣчности, въ такомъ случаѣ просить защищенія... Токмо главныхъ къ тому заводчиковъ—безо всякой милости учинить съ ними надлежитъ, понеже они столько народу къ разоренію приводятъ. Ежели работные люди стамаются, то отъ нихъ заводчи-

ковъ требовать... а ежели не дадутъ, то что же дѣлать! Въ такомъ случаѣ воля милостивой государыни, какъ изволитъ генералъ, съ тѣмъ онъ отъ Е. В. посланъ, то съ ними и учинить. Правда, намъ ошатовка и ущербъ въ народѣ быть можетъ,—да знать за грѣхи наши Богъ такъ благословилъ». Въмѣстѣ съ этимъ Демидовъ послалъ рабочимъ письменный приказъ, который велѣлъ отдать имъ въ руки, а копии съ него прибить на заводѣ въ разныхъ мѣстахъ. Но такъ какъ волненіе все не унималось, то въ іюнѣ 1763 г. заводское управленіе просило Вяземскаго привести въ послушаніе мастеровыхъ и «самовольно учрежденную ихъ земскую для безразсудныхъ ихъ собраніевъ избу, которой до сего никогда не бывало, уничтожить». По усмиреніи ихъ Вяземскій никого не подвергъ наказанію, такъ какъ имъ не было прежде объявлено, что они навсегда отданы къ заводу, земскую же мирскую избу приказалъ уничтожить.

Жалобы невьянскихъ мастеровыхъ остались безъ всякаго удовлетворенія. На основаніи указа 30 декабря 1755 г., и такъ какъ Демидовъ уже уплатилъ за вѣчно-отданныхъ ему деньги, назначенныя указомъ 7 января 1763 г., болѣе 12 т. руб. (хотя, повидимому, эти деньги были внесены мастеровыми), Вяземскій призналъ, что написанныя по переписи Толбузина и слѣдующимъ затѣмъ переписямъ пришлые и незаконнорожденные утверждены при заводѣ «равно яко крѣпостные и купленные и велѣно быть при тѣхъ заводахъ вѣчно, посему имъ считать себя... крѣпостными и ни въ какія противности, тѣмъ менѣе непослушаніе не входить, въ противномъ случаѣ съ ними всегда поступлено будетъ, какъ о крѣпостныхъ крестьянѣхъ Е. И. В. указы повелѣваютъ неослабно». Мало того, признавъ, что они должны находиться въ одномъ положеніи съ крѣпостными, Вяземскій напелъ, что не слѣдуетъ даже разсматривать жалобъ, заявленныхъ ими въ челобитной, такъ какъ «отъ крѣпостныхъ крестьянъ на помѣщиковъ по высочайшимъ Е. И. В. законамъ никакихъ прошеній принимать и суда давать не велѣно». Такое постановленіе было совершенно несправедливо, такъ какъ въ немъ было упущено изъ виду различіе между крѣпостными и посессионными крестьянами, и оно шло въ разрѣзъ съ практикою мануфактуръ-коллегіи, которая всегда принимала жалобы отъ фабричныхъ мастеровыхъ на ихъ хозяевъ.—Такое же рѣшеніе относительно вѣчно-отданныхъ Вяземскій постановилъ на нижнетагильскомъ заводѣ Никиты Демидова и юговскомъ и курацкиномъ заводахъ Осокина.

Иначе рѣшено было относительно вѣчно-отданныхъ на вос-

кресенскомъ заводѣ Твердышева. Въ своей челобитной они заявили, что записаны были прежде въ подушный окладъ въ одной слободѣ оренбургской губерніи, — со второй же ревизіи поселились при воскресенскомъ заводѣ, гдѣ и работали за известную плату. Въ 1758 г. Твердышевъ подалъ прошеніе, чтобы ихъ, какъ обучившихся на его заводѣ всякимъ мастерствамъ, отдать ему въ вѣчное владѣніе съ тѣмъ, что онъ будетъ платить за нихъ подушныя подати. Съ этого времени Твердышевъ сталъ считать ихъ своими крѣпостными и постоянно посылать ихъ на работу, и хотя они и получали за то плату, но считали для себя обременительными непрерывныя заводскія работы. Оказалось, что сенатскимъ указомъ 1758 г. 127 д. изъ непомнящихъ рода было отдано Твердышеву въ вѣчное владѣніе, по вѣному Вяземскій призналъ, что они должны всегда числиться при заводѣ, но такъ какъ въ указѣ не было сказано, что ихъ слѣдуетъ считать «равно съ крѣпостными» и не велѣно было внести за нихъ указную плату, то Вяземскій приказалъ считать ихъ вѣчно-отданными къ заводу, но не крѣпостными. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ, что въ дѣйствіяхъ заводской конторы относительно ихъ не было ничего противозаконнаго: они не были обременены, по его мнѣнію, лишними работами и получали указовенную плату, то, слѣдовательно, и послѣ того они должны были постоянно находиться на работѣ, т.-е. быть въ одинаковомъ положеніи съ вѣчно-отданными.

Положеніе крестьянъ, *кумленскихъ* къ горнымъ заводамъ ¹⁾ было также крайне тяжелое; непосильныя работы и всевозможныя истязанія доводили иногда такихъ крестьянъ до самаго отчаяннаго сопротивленія. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно волненіе, бывшее въ 1752 г. въ Ромодановской волости (валужской провинціи), купленной отцомъ Евдокима Демидова, въ таиненнѣмъ жельзодѣлательномъ заводѣ. Не останавливаясь на немъ подробно, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ событіи уже были сообщены въ печати, мы упомянемъ только для сравненія съ уральскими волненіями, что ромодановскіе крестьяне встрѣтили сочувствіе въ окрестныхъ мѣстахъ, такъ что ихъ собралось около 3-хъ тысячъ человекъ ²⁾; у нихъ были пушки и значительное количество ружей. Провозшла весьма ожесточенная схватка съ

¹⁾ Ихъ числилось въ 1769 г.—45,543 души.

²⁾ Передъ этимъ было волненіе крестьянъ, купленныхъ Гончаровымъ къ парусной и бумажной фабрикѣ въ малолорславцекомъ уѣздѣ. Посланную противъ нихъ команду крестьяне встрѣтили вооруженною толпою въ 800 чел., разбили ее и отняли пушки. Только ирландские зачѣты три полка могли ихъ усмирить, благодаря артиллеріи.

высланнымъ для нихъ усмирения отрядомъ въ 500 чел.; изъ крестьянъ было убито 59, ранено 42 чел.; 9 офицеровъ и 188 рядовыхъ получили легкія раны. Правительственный отрядъ былъ разбитъ и даже предводитель его, полковникъ Олицъ, взятъ въ плѣнъ. Замѣнившій его полковникъ Хомяковъ былъ обвиненъ сенатомъ въ томъ, что недостаточно энергично усмирять крестьянъ, и былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Опочининымъ. Последнему удалось, наконецъ, захватить изъ возмущившихся крестьянъ 674 чел., главные зачинщики были сосланы въ Сибирь на желѣзодѣлательные заводы Демидова, а жалобы на мучительства со стороны заводчика объявлены выдуманными, такъ какъ многіе мастеровые и рабочіе показали противное. Но несомнѣнно, что положеніе крестьянъ должно было быть крайне тяжело, если они, уже послѣ того какъ выдержали кровавый бой съ Олицемъ, кричали при новой стычкѣ съ войсками Хомякова: «мы Е. И. В.—ву не противимся, да смерть себѣ отъ Демидова видимъ и въ руки къ нему не идемъ».

Въ 1762 г. было запрещено покупать крестьянъ къ заводамъ, но, какъ мы уже видѣли, заводчики старались иногда обходить это запрещеніе. Примѣромъ того, какъ дѣйствовали они въ подобномъ случаѣ, можетъ служить слѣдующее дѣло. Въ 1773 г. тайный совѣтникъ Всеволожскій, купивъ у княгини Бѣлосельской Пожевскій доменный и мѣдиплавильный заводъ въ пермской губерніи, просилъ бергъ-коллегію, чтобъ ему было дозволено построить тамъ молотовую фабрику и приписать къ этому заводу изъ собственныхъ его пермскихъ деревень—5,228 душъ. Въ виду запрещенія покупать крестьянъ къ фабрикамъ, бергъ-коллегія должна была отказать Всеволожскому въ его просьбѣ, однако же она изъявила на нее согласіе. Между тѣмъ, вся эта приписка была сдѣлана, какъ видно, только для того, чтобы потомъ перепродать этихъ крестьянъ съ заводомъ другому лицу. Въ слѣдующемъ же году Всеволожскій обратился въ бергъ-коллегію за разрѣшеніемъ продать Походяшину изъ Пожевскаго завода три части съ мастеровыми и рабочими (3,900 душъ). Несмотря на то, что раздроблять заводы и фабрики было не вѣжливо, бергъ-коллегія опять-таки это дозволила. Такимъ образомъ, Походяшинъ приобрѣлъ совершенно незаконно около 4,000 душъ крестьянъ и вслѣдъ затѣмъ, подъ предлогомъ, что въ пожевскомъ заводѣ руда плохого качества, просилъ дозволенія перевести вновь приобрѣтенныхъ имъ крестьянъ на его верхотурскіе заводы. Извѣстно, что посессіонные крестьяне составляли неотъемлемую принадлежность того завода, при которомъ они числились; но

бергъ-коллегія нарушила этотъ основной законъ, согласившись на переселеніе, о которомъ просилъ Походяшинъ. Однимъ словомъ, она совершила цѣлый рядъ беззаконій, и крестьянамъ оставалось только самимъ постоять за себя. Когда Походяшинъ началъ приводить въ исполненіе задуманное имъ переселеніе, проданные ему крестьяне, жившіе въ солнѣвскомъ уѣздѣ, послали выборныхъ къ казанскому губернатору, кн. Мещерскому, съ жалобою, что ихъ переселяютъ съ семействами, не давая даже возможности снять посѣянный хлѣбъ и продать скотъ и дома; они просили, по крайней мѣрѣ, дать имъ возможность убрать съ полей хлѣбъ. Губернаторъ отослалъ ихъ домой съ приказаніемъ безусловно повиноваться помѣщику. Однако, тѣ рѣшились бороться, и жители двухъ селъ, числомъ до 500 ч., собрались вооруженные ружьями, луками и рогатинами. На увѣщанія прапорщика Тихонова, посланнаго къ нимъ съ отрядомъ въ 30 человекъ, они отвѣчали, что послушаются только указа, подписаннаго самою государынею. По возвращеніи его губернаторъ отправилъ уже большой отрядъ, и могло бы произойти кровавое столкновеніе, если бы сенатъ, извѣщенный губернаторомъ обо всемъ случившемся, не приказалъ оставить крестьянъ на прежнемъ мѣстѣ до окончательнаго разъясненія этого дѣла. Хотя сенатъ немедленно потребовалъ отъ бергъ-коллегіи объясненія, почему она дозволила продажу крестьянъ отдѣльно отъ завода и ихъ переселеніе, однако дѣло затанулось почему-то на 12 лѣтъ, и только въ 1789 г., когда бергъ-коллегія уже была уничтожена, дѣйствія этого учрежденія были признаны совершенно незаконными. Указомъ 1721 г. велѣно было тѣхъ, кто изъ купленныхъ къ заводамъ крестьянъ отдѣльно отъ нихъ кому-либо продастъ, лишитъ всего безповоротно, тѣхъ же, кто будетъ устраивать заводы только «для лица», чтобы подѣ этимъ предлогомъ купить у кого-нибудь деревни, наказывать по разсмотрѣнію отплатѣмъ всего имѣнія. На основаніи этого закона, сказано было въ именномъ указѣ государыни, «Походяшинъ и Всеволожскій подвергали себя лишенію вѣчно первый покупныхъ имъ изъ Пожевскаго завода трехъ частей, а послѣдній—оставшейся за ними четвертой части», но такъ какъ при рѣшеніи этого дѣла она желала «соединить судъ праведный съ милостію», то приказала: 1) «учиненные по незаконному позволенію бывшей бергъ-коллегіи приписку Всеволожскимъ къ Пожевскому его заводу трехъ частей и изъ оныхъ переводъ Походяшинымъ на верхотурскіе его заводы людей уничтожить и все сіе дѣло поставить въ первобытное его состояніе; 2) данную отъ Всеволожскаго Поход-

пшкѣ кучую, за умертвѣнїемъ сего послѣдняго, отобрать у наслѣдниковъ его, и 3) взятыя по той купчей Всеволожскимъ отъ Походяшина деньги, выиславъ съ Всеволожскаго... отдать наслѣдникамъ Походяшина»¹⁾.

Было бы весьма интересно опредѣлить, сколько часовъ въ сутки работали горные мастеравнѣ. По адмиралтейскому регламенту полагалось съ 10 марта по 10 сентября работать отъ 12½ до 13½ часовъ въ сутки, а въ остальное время работа должна была начинаться за часъ до восхожденія солнца, кончатся черезъ часъ, и днемъ отдыха одинъ часъ. Въ регламентѣ, утвержденномъ бергъ-коллегією, «како содержать звонъ при горномъ и плавильномъ дѣлѣ» (1725 г.), предписано было звонить на работу въ четыре часа утра, съ одиннадцати до двѣнадцати полагался отдыхъ, а затѣмъ звонили въ четыре часа пополудни: «тогда будетъ шикта и сѣйна людямъ, а особливо въ плавильняхъ». Это постановленіе менѣе опредѣленно; какъ видно, въ нѣкоторыхъ производствахъ, работа продолжалась болѣе, но общимъ правиломъ признается одиннадцатичасовой трудъ. — По субботамъ бергъ-коллегія предписала отпускать рабочихъ на основаніи уложенія за три часа до вечера. Соблюдались ли эти правила относительно мастеровыхъ на частныхъ заводахъ, мы сказать не можемъ, но увидимъ ниже, что въ первые годы XIX-го вѣка на поссессионныхъ заводахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи мануфактуръ-коллегіи, всего чаще рабочій день равнялся двѣнадцати часамъ.

Что касается размѣровъ рабочей платы, то, сверхъ нѣкоторыхъ уже приведенныхъ данныхъ, намъ извѣстно, что на Лгошихинскомъ и другихъ заводахъ М. Л. Воронцова мастеравнѣ получали въ 1766 — 67 годахъ почти ту же годовую плату, какая была положена по заводскому штату 1737 г.: мастеръ отъ 30 до 40 р., всего чаще по 38 руб. въ годъ, плавильщикъ 27, засыпщикъ отъ 18 до 20 руб., таскальщикъ 16 руб., заводные рабочіе обыкновенно 12 руб. въ годъ. Въ концѣ XVIII вѣка на юговскомъ заводѣ Осокина первый мастеръ при плавкѣ мѣди получалъ 60 руб. въ годъ, второй 30 руб., подмастерья по 5 коп. съ пуда выплавленной мѣди, а работники по 9 коп. въ день.

¹⁾ Въ вятской губ. была попытка продать крестьянъ на заводъ подъ видомъ залога. Подпоручикъ Веригинъ заложилъ 8 душъ сыну заводчика Масалова, которые и были отданы послѣднимъ на заводъ. Но такъ какъ впоследствии была совершена купчая на продажу этихъ людей поручику Масалову, который по своему чину могъ имъ пользоваться, то нѣгустическое правленіе отписало ихъ отъ заводовъ и утвердило въ качествѣ дворянскихъ Масалова.

Относительно того, имѣли ли право мастеровые требовать вознагражденія за то время, когда на заводѣ прекращались работы не по ихъ винѣ, повидимому не существовало опредѣленнаго правила; есть только одна резолюція кабинета 1735 г., касающаяся этого вопроса. Демидовъ просилъ, чтобъ во время остановки завода, а также въ случаѣ болѣзни мастеровыхъ — жалованья имъ не платить, ибо до сего времени, писалъ онъ: «онаго платежа не бывало и въ томъ жалобы ни отъ кого не происходило». Въмѣсто того, чтобъ такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ, кабинетъ предоставилъ его взаимному соглашенію мастеровыхъ и заводчиковъ, хотя о свободномъ соглашеніи тутъ не могло быть и рѣчи. «Когда отъ мастеровыхъ людей», объявилъ кабинетъ Татищеву, «о томъ жалобы не происходятъ, то во оное и вступаться не надлежало, но оставить ихъ заводчиковъ волю съ оными мастеровыми людьми поступать, какъ они сами съ ними согласятся». А мануфактуръ-коллегія смотрѣла на это иначе и, какъ мы видѣли выше, признавала право фабричныхъ мастеровыхъ на вознагражденіе за прогульные дни по винѣ фабриканта.

Попытка Татищева ввести на заводахъ обязательное обученіе дѣтей мастеровыхъ также окончилась неудачно. Демидовъ просилъ кабинетъ, «чтобы обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать, понеже такого возраста многія заводскія работы исправляютъ, и при добычѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ носить руду на козлы и въ прочихъ легкихъ работахъ и у мастеровъ въ наукахъ бывають». Кабинетъ рѣшилъ, чтобы на частныхъ заводахъ учили дѣтей читать и писать только желающіихъ, «а кто изъ нихъ пожелаетъ вступать въ прочія науки, такихъ учить при казенныхъ заводахъ». Такимъ образомъ, на заводахъ Демидова уже въ то время былъ настолько развитъ трудъ дѣтей въ возрастѣ ниже 12-ти лѣтъ, что заводчикъ нашелъ для себя невыгоднымъ ихъ обязательное обученіе.

IV.

Поссессионные крестьяне на суконныхъ фабрикахъ.—Обязательства, связанные съ владѣніемъ поссессионными суконными фабриками.—Подати и повинности суконщиковъ.—Ихъ бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.—Казанскіе сукончики и мастеровые «большого суконнаго двора» въ Москвѣ въ послѣдніе годы XVIII столѣтія.—Волненія мастеровыхъ въ 1749 и 1762 году.

Настоятельная потребность въ сукнѣ для обмундированія арміи издавна заставляла правительство заботиться объ увеличеніи числа суконныхъ фабрикъ. Петръ Великій, поступавшій энергически вездѣ,

гдѣ того требовали государственныя нужды, считалъ возможнымъ обратить производство суконъ такъ-сказать въ обязательную повинность для купечества. «Заводъ суконный размножить не въ одномъ мѣстѣ», писалъ онъ въ указѣ 1712 г., «такъ чтобы въ пять лѣтъ (т. е. черезъ пять лѣтъ) не покупать мундиру заморскаго, а именно чтобы не въ одномъ мѣстѣ завести, а заводчи, дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, *буде волею не похотятъ, хотя съ неволею*, а за заводъ брать деньги погодно съ легкостію, дабы ласково имѣ въ томъ дѣлѣ промышлять было». И дѣйствительно, въ 1720 г. государь приказалъ составить торговую компанію, въ которой приняли участіе купцы разныхъ городовъ, и ей былъ переданъ казенный суконный заводъ въ Москвѣ, съ мастерами и ссудою въ 30,000 р. на три года. Разрѣшенія покупать деревни въ фабрикамъ въ то время еще не существовало (оно было дано въ слѣдующемъ году) и для пополненія рабочаго контингента на этой суконной фабрицѣ, компаніи было разрѣшено принимать въ ученики только свободныхъ людей, которыхъ не слѣдовало держать на ней болѣе семи лѣтъ. Если же ученикъ до истеченія условленнаго срока сойдетъ на другой заводъ или куда бы то ни было, то такого велѣно было ловить какъ бѣглаго и возвращать компанейщикамъ, а за держаніе такихъ людей взыскивать штрафу по 100 р. Размѣръ денежной платы былъ предоставленъ соглашенію обѣихъ сторонъ.—И въ другихъ случаяхъ Петръ передавалъ казенныя суконныя фабрики въ частное владѣніе. Такъ, напр., казанскую фабрику онъ передалъ въ 1724 г. тамошнему богатому купцу Миклаеву ¹⁾. Въ 1726 г., уже по смерти Петра Великаго, тавровская казенная фабрика, воронежской губерніи, была также безденежно отдана въ «вѣчное содержаніе» компаніи изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ дворянъ и купцовъ—съ обязательствомъ увеличить размѣры фабрики съ 20-ти до 50 становъ и поставлять сукна въ военную коллегію.

Но, несмотря на содѣйствіе и поощреніе со стороны правительства, суконная промышленность развивалась сначала довольно туго, и потому въ 1734 г. императрица Анна нашла нужнымъ вновь вызывать особымъ именнымъ указомъ людей «всякаго чина», кромѣ однако крестьянъ, въ устройству суконныхъ фабрикъ компаніями; желающіе завести ихъ приглашались въ сенатъ для предьявленія своихъ условій, и имъ были обѣщаны не только

¹⁾ По смерти его фабрика была передана его вдовѣ и поручена въ управленіе ея брату, Драбцову.

денежныя ссуды, но и другія привилегіи. Заботиться о размноженіи суконныхъ фабрикъ должны были и военная коллегія, и кригсъ-коммиссаріатъ, и коммерцъ-коллегія, въ вѣдѣніи которой онѣ тогда состояли; для арміи должны были приниматься сукна мѣстнаго надѣлія предпочтительно передъ иностранными. Не запрещалось, разумѣется, заводить суконныя фабрики и безъ всякаго вспомоцествованія отъ казны, но на это едва-ли въ то время находились охотники; всякій не прочь былъ отъ денежной ссуды и разныхъ льготъ, если онѣ такъ охотно предлагались.

Указъ 7 января 1736 г., закрѣпившій за фабриками находившихся на нихъ мастеровыхъ, послужилъ, конечно, въ выгодѣ и суконныхъ фабрикантовъ. Внеся деньги, опредѣленныя этимъ указомъ, фабрикантъ имѣлъ право на полученіе владѣнной записи на своихъ мастеровыхъ. Изъ записи, выданной въ 1755 г. владѣльцу казанской суконной фабрики Дряблову, видно, какъ разнообразенъ былъ составъ заводскаго населенія: тутъ были и крестьяне государственные, монастырскіе и помѣщичьи, и дѣти церковниковъ, и подьячіе, и иностранцы, и даже изъ купечества; всего же болѣе на фабрикѣ Дряблова, болѣе половины всего числа, было солдатскихъ дѣтей. Въ воронежской губерніи фабриканты захотѣли было пополнить число своихъ мастеровыхъ и однодворцами, но такъ какъ послѣдніе должны были нести военную службу и содержать ландмилицію, то правительство этому воспротивилось: въ 1740 году велѣно было переписать всѣхъ работниковъ на фабрикахъ воронежской губерніи, выслать съ нихъ всѣхъ однодворцевъ и впредъ запретить фабрикантамъ принимать ихъ подъ угрозою жестокаго штрафа. Несмотря на то, еще въ 1754 г. оказалось, что въ воронежской губерніи около ста однодворцевъ, опредѣленныхъ прежде мастеровыми на казенную липецкую суконную фабрику, находились теперь вмѣстѣ съ нею во владѣніи частныхъ лицъ. Они также были отчислены отъ фабрики, высланы на прежнее мѣсто жительства и надѣлены достаточнымъ количествомъ земли.

Передача казенныхъ фабрикъ во владѣніе частнымъ лицамъ продолжалась и при Елизаветѣ Петровнѣ. Казенная путиловская фабрика была передана московскому купцу Козымъ Матвѣеву «въ вѣчное потомственное владѣніе» съ мастеровыми и рабочими людьми и «со всѣми принадлежностями: съ селы и деревнями, съ людьми и съ крестьянами, съ землями и со всѣми угоды, съ строеніемъ и мельницами, не исключая ничего, но все то, что понынѣ находится въ вѣдомствѣ при той фабрикѣ вѣчно». Помѣщичьи доходы, которые Матвѣеву предстояло получать съ этихъ

крестьянъ, онъ долженъ былъ вносить въ казну сукномъ и караземи ¹⁾ по указной цѣнѣ. Онъ обязывался на основаніи заключеннаго съ нимъ контракта расширить производство и обѣщаль поставлять въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по 30,000 и затѣмъ по 50,000 аршинъ въ годъ, разумѣется, за извѣстную плату ²⁾. За несоблюденіе условій, заключенныхъ съ правительствомъ, фабрика отбиралась и передавалась другому. Такъ, напр., липецкая суконная фабрика, находившаяся въ содержаніи иноземца Аріольта, передана была Постовалову вмѣстѣ съ рабочими, причѣмъ ему были еще безденежно переданы мастеровые, отобранные у двухъ фабрикантовъ «за неразмноженіе ихъ суконныхъ фабрикъ»; кромѣ того, дана необходимая для построекъ казенная земля и дозволено купить до 50-ти дворовъ крестьянъ, которые должны были бы употребляться исключительно въ фабричныя работы. За это полагались обычныя обязательства: ставить за опредѣленную плату въ первое время не менѣе 30 тысячъ аршинъ сукна, а затѣмъ и болѣе.

Въ концѣ 1790 года императрица Екатерина, чтобы устранить недостатокъ суконъ для войска, приказала подробно разсмотрѣть состояніе суконныхъ фабрикъ. Владѣльцы фабрикъ, заведенныхъ частными людьми на свой собственный счетъ, — говорить Екатерина въ именномъ указѣ сенату, — должны пользоваться полною свободою относительно продажи выдѣлываемыхъ на нихъ суконъ; но есть другія фабрики, на устройство которыхъ даны были деньги или къ нимъ приписаны крестьяне, или вторыя, основанныя на казенный счетъ, отданы были въ содержаніе частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы съ нихъ поставлялось сукно на войско; всѣ «таковыя фабрики», — сказано было въ указѣ, — «хотя бы владѣльцы ихъ уже были теперь люди чиновные и приобрѣли ихъ покупкою или инымъ законнымъ образомъ, но первобытнаго состоянія и обязанности своей перемѣнить не могутъ». Императрица поручила сенату собрать о нихъ свѣдѣнія и позаботиться о томъ, чтобы съ фабрикъ выставилось количество суконъ, соотвѣтственное числу принадлежащихъ къ нимъ душъ. Если же окажется, что нѣкоторыя изъ нихъ запущены, а приписанные къ нимъ люди обращены на

¹⁾ Каразея — «рѣдѣнная и грубая шерстяная ткань... на подкладку модъ сукно». (Словарь Даля).

²⁾ Въ 1759 г. была пожалована князю Юсупову казенная суконная фабрика въ селѣ Рашкахъ, полтавской губерніи, со всѣми мастерскими и приписаннымъ къ ней селомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ для развитія и улучшенія производства выписалъ голландскихъ овецъ и постепенно довелъ поставку суконъ до 80 т. аршинъ въ годъ.

постороннія работы, то необходимо, чтобы хозяева восстановили их,—въ противномъ случаѣ, по истеченіи извѣстнаго срока, онѣ должны быть переданы въ содержаніе другимъ лицамъ.

Администрація того времени, какъ мы уже знаемъ, никакъ не могла взять въ толкъ различія между крѣпостными и поссессионными крестьянами, и потому слова только-что изложеннаго нами указа императрицы были поняты начальниками губерній такимъ образомъ, что и владѣльцы тѣхъ фабрикъ, въ которыхъ фабриканты-купцы купили крестьянъ, освобождаются отъ всякихъ ограниченій въ продажѣ своихъ издѣлій. Поэтому сенату пришлось черезъ годъ объяснить, что и они должны поставлять сукно на войско, такъ какъ «владѣть крѣпостными людьми они не иначе имѣютъ право, какъ для фабрикъ, почему и данное имъ на покупку тѣхъ людей позволеніе должно почитаться вспоможеніемъ, отъ казны имъ оказаннымъ».

Въ концѣ 1791 году правительство предписало, чтобы съ тѣхъ фабрикъ, на которыхъ находятся безземельные рабочіе, поставлять въ кригсъ-коммиссаріатъ вдвое болѣе сукна по числу душъ сравнительно съ тѣми, гдѣ работники имѣютъ землю, такъ какъ для послѣднихъ необходимо имѣть время на земледѣльческія работы. По раскладкѣ всего нужнаго для казны количества аршинъ между существующими фабриками оказалось, что каждому безземельному работнику приходится выдѣлать въ годъ 105 аршинъ сукна. За несоблюденіе этого условія фабрику слѣдовало отбирать вмѣстѣ съ прикрьѣвленными къ ней людьми и отдавать другому содержателю.

Но такъ какъ и послѣ того владѣльцы поссессионныхъ суконныхъ фабрикъ оказывались неисправными въ исполненіи своихъ обязанностей, то императоръ Павелъ въ 1797 году предписалъ суконныя фабрики, «для устроенія которыхъ и производства на нихъ указами повелѣнныхъ работъ пожалованы поссессіи, а владѣльцы ихъ своихъ обязанностей не исполняютъ... описать въ казну». Указъ этотъ скоро пришлось примѣнять къ дѣлу: въ томъ же году была конфискована рязанская фабрика поручицы Кузнецовой, которая, получивъ въ поссессию 571 душу крестьянъ съ землями, не только не выполнила обычныхъ обязательствъ, но даже съ 1793 года обратила суконную фабрику въ полотняную.

Познакомившись съ тѣмъ, въ какихъ отношеніяхъ къ правительству находились владѣльцы суконныхъ фабрикъ, посмотримъ теперь, каково было положеніе суконщиковъ.

Мы видѣли, что до царствованія императрицы Елизаветы поссессионные мастера, въ противоположность государственнѣмъ

врестьянамъ, приписаннымъ къ горнымъ заводамъ и платившимъ подушный и оброчный сборъ, — не несли никакихъ податей. Но указами 1742, 1743 и 1747 годовъ суконщики, какъ и другіе мастеровые, были обложены семигривеннымъ подушнымъ окладомъ. Когда въ 1798 году былъ поднятъ вопросъ, въ частности относительно воронежскихъ суконщиковъ, почему они не платятъ трехрублеваго оброчнаго сбора, мануфактуръ-коллегія, указавъ на соответственныя статьи закона, кромѣ того, по существу дѣлу объяснила, что «положенное указомъ 1791 года на каждую изъ приписныхъ къ суконнымъ, обязаннымъ поставкою въ казну, фабрикамъ ревизскую душу, пропорція, т.-е. на безземельную по 105-ти, а съ землями по 52¹/₂ арш. одного сукна сверхъ расписываемаго нинѣ на нихъ же количества каразей, столь уже велика, что едва ли одинъ работникъ въ состояніи оную выработать, будучи притомъ обязанъ обращать на себя и ту часть выдѣлки, которая, по общему на души расчисленію, упадаетъ на обрѣтающихся между ними престарѣлыхъ, немощныхъ и малолѣтнихъ; изъ чего слѣдуетъ, что означенные мастеровые фабричные люди, занимаясь непрерывно выдѣлываніемъ для казенной поставки суконъ и каразей по узаконенной, а не по производимой вольными фабриками цѣнѣ, должны всегда быть при тѣхъ работахъ безотлучно и не могутъ имѣть времени на выработыванье, сверхъ подушной, еще оброчныя подати, а потому и не сравниваются они положеніемъ своимъ съ государственными крестьянами».

Рекрутскую повинность суконщики несли на томъ же основаніи, какъ и мастеровые другихъ фабрикъ; намъ уже извѣстно, что на тѣхъ фабрикахъ, при которыхъ не было приписанныхъ и купленныхъ заводчиками деревень, можно было вносить взаменъ рекрута деньги.

Суконщики, жившіе въ городахъ, несли городскія повинности, которыя исполнялись какъ имѣвшими собственныя дома (напримѣръ, въ Воронежѣ и Казани), такъ и жившими въ наемныхъ квартирахъ (въ Москвѣ). Для этого въ Казани суконщикамъ нерѣдко приходилось отлучаться изъ дому, по свидѣтельству мѣстнаго губернатора, на два, на три дня. Въ Воронежѣ для исполненія полицейской службы мастеровые нанимали одного десятскаго отъ 15-ти дворовъ, а не то исполняли ее и сами. — Не малымъ обремененіемъ для суконщиковъ, имѣвшихъ свои дома, была постоянная повинность. Въ Казани у нихъ располагались солдаты мѣстнаго гарнизоннаго полка, и мастеровымъ приходилось покупать дрова для приготовленія имъ пищи. Въ

Воронежѣ въ 1799 году въ 27-ми домахъ суконщиковъ квартировало 35 солдатъ.

Весьма интересныя данныя для характеристики быта суконщиковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка мы находимъ въ суконномъ регламентѣ, составленномъ въ 1741 году. Вслѣдствіе жалобъ войскового начальства на дурное качество суконъ, для изслѣдованія причинъ этого была учреждена комиссія, которая и составила «регламентъ суконнымъ и каразейнымъ фабрикамъ». Онъ остался безъ всякаго вліянія на положеніе суконщиковъ; это слѣдуетъ заключить, во-первыхъ, изъ того, что всѣ указы, составленные въ царствованіе Іоанна Антоновича, считались несуществующими при Елизаветѣ Петровнѣ; во-вторыхъ, изъ совершеннаго отсутствія ссылокъ на него во всѣхъ дѣлахъ о суконныхъ фабрикахъ и суконщикахъ, возникшихъ послѣ его составленія, — и, наконецъ, изъ того, что въ царствованіе Екатерины упоминаются, какъ дѣйствующіе законы, такія постановленія времени, предшествовавшаго составленію суконнаго регламента, которыя были измѣнены послѣднимъ; такъ, напримѣръ, рабочая плата суконщикамъ на фабрикахъ, обязанныхъ поставкою суконъ, согласуется еще во второй половинѣ 60-хъ годовъ съ правилами указа, даннаго изъ мануфактуръ-коллегіи въ 1723 году, а не съ суконнымъ регламентомъ. Но если постановленія этого регламента и не примѣнялись на дѣлѣ, то все-таки мы можемъ извлечь изъ него не мало интересныхъ данныхъ, рисующихъ положеніе суконщиковъ. Кромѣ прямыхъ указаній въ этомъ отношеніи, мѣры, предлагаемыя комиссіею, также даютъ понятіе объ ихъ бытѣ въ то время.

При осмотрѣ комиссіею суконныхъ фабрикъ оказалось, что на бѣльшей части изъ нихъ помѣщенія, въ которыхъ производилась работа, были такъ дурно устроены, что «теачи насылу и столько денного свѣта имѣли, дабы теанье свое точно высмотрѣть», другіе же работники прядли и чесали шерсть и стригли сукно въ темнотѣ. У нѣкоторыхъ фабрикантовъ строенія такъ плохо чинились, что когда шелъ снѣгъ или дождь, начиналась течь, а въ другое время черезъ щели потолка сыпался песокъ и соръ; полы не были выстланы ни досками, ни кирпичомъ, ни камнемъ, а если и были выстланы когда-то, то доски погнили, а камни выломались. По суконному регламенту, назначено было около 14¹/₂ рабочихъ часовъ: съ 1-го марта по 1-е октября рабочіе должны были бы приходять въ четыре часа утра и работать до десятаго часа; затѣмъ до двѣнадцатаго часа давалось время на обѣдъ, а послѣ того работа должна была продолжаться до девятаго часа; въ остальные пять зимнихъ мѣсяцевъ предпо-

лагалось давать отдыхъ одинъ часъ, но за то оканчивать работу въ восемь часовъ, а по субботамъ передъ полуднемъ, въ двѣнадцатомъ часу. Можно думать, что прежде мастеровые работали менѣе времени, такъ какъ въ составителяхъ регламента видно желаніе не ограничить количество работы, а скорѣе увеличить его. Самая цѣль изданія регламента формулируется такимъ образомъ: «работа на фабрикахъ происходитъ медленно для того, что на оныхъ регламентовъ нивакихъ, по которымъ рабочимъ людямъ поступать, не имѣется,—напримѣръ, чтобы не по своей волѣ на работу и съ работы ходить...» Для наблюденія за аккуратнымъ приходомъ на работу, на фабрикахъ слѣдовало бы имѣть песочные часы; въ случаѣ опаздыванія, на первый разъ рабочій долженъ былъ подвергнуться выговору, во второй—вычету за одинъ часъ по расчету дневной платы, въ третій—вдвое болѣе, въ четвертый—половины дневной платы. Если рабочій совсѣмъ не придетъ на работу безъ всякой законной причины, то за первый разъ у него слѣдовало вычесть плату за прогульные дни, а въ третій разъ—вдвое и, кромѣ того, бить батогами. За непослушаніе, грубыя и дерзкія слова, и тому подобное, мастеровыхъ и рабочихъ слѣдовало наказывать: въ первый разъ — плетью, во второй — батогами, съ вычетомъ платы за три мѣсяца, въ третій — ссылкой на годъ въ каторжную работу; если же кто подниметъ руку на фабричныхъ начальниковъ, того бить кнутомъ и ссылать въ каторжную работу на нѣсколько лѣтъ или вѣчно. Хотя регламентъ и не имѣлъ впоследствии силы закона, но все-таки видно, какъ велика была власть фабрикантовъ и ихъ приващивовъ, если за всякое грубое слово имъ дозволялось наказывать рабочихъ плетью и сѣчь батогами.

На суконныхъ фабрикахъ въ то время былъ еще мало развитъ женскій трудъ, тогда какъ на нѣкоторыхъ другихъ онъ былъ уже дѣломъ обычнымъ; это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ суконнаго регламента: «мастеровымъ и рабочимъ людямъ отнюдь не допускать, чтобы жены и дочери ихъ, кои работать въ состояніи будутъ, дома праздно пребывали или гуляли, но паче ихъ, какъ то на шелковыхъ и на парусинныхъ фабрикахъ достохвально бываетъ, на фабрикѣ такой работѣ обучать, какую исправлять могутъ», или, по крайней мѣрѣ, чтобы онѣ брали работу на-домъ. Составители регламента ожидали, что мастеровые «такимъ двойнымъ раченіемъ знатно въ лучшее состояніе прійдутъ и больше домашняго благословенія ожидать имѣютъ». Нечего и говорить, что «домашнее благословеніе» нивакъ не могло быть результатомъ поступленія женщинъ на фабрику, но

несомнѣнно, что до того времени этимъ рабочимъ жилось незавидно. «Понятно очень срамно было видѣть, — читаемъ мы въ регламентѣ, — что большее число мастеровыхъ и рабочихъ людей такъ ободрано и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насили и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ». Средство помочь этому горю, предложенное суконнымъ регламентомъ, никуда не годно: чтобы устранить такую «некрасоту народа», фабрикантамъ предписывалось сдѣлать всѣмъ мастеровымъ одинаковую одежду, стоимость которой они могли вычесть изъ заработной платы. Приведеніе въ исполненіе такой мѣры, разумѣется, подало бы только лишній поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны фабрикантовъ.

Въ суконномъ регламентѣ находится еще не мало другихъ предписаній: о томъ, чтобы мастера собирались на работу по звону колокола, о выдачѣ платы еженедѣльно по субботамъ, запрещеніе мастеровымъ игры на деньги и пьянство; объ обязанности рабочихъ по очереди сторожить фабрику днемъ и ночью и т. д.

Въ концѣ регламента приложены правила о размѣрѣ денежной платы мастеровымъ, на которыхъ мы не останавливаемся, такъ какъ они не сдѣлались обязательными. Упомянемъ только, что плата на суконныхъ фабрикахъ была по преимуществу задѣльная, но встрѣчается и годовое жалованье; такъ, сновальщики должны были получать по 18 руб. въ годъ, прессовщики по 2 р. въ мѣсяцъ, надзиратели всего чаще по 36 руб. въ годъ, суконный мастеръ 50 р., подмастерье 36 р. Упомянется также, что щипать и чистить шерсть могутъ и малолѣтніе, съ платою по 2 коп. въ сутки.

Въ дѣйствительности на казанской суконной фабрицѣ, когда она была еще въ казенномъ содержаніи и потомъ при Микляевѣ, была такая плата: ткачи (вдвоемъ) получали шесть коп. съ арш. (по суконному регламенту двумъ назначено съ арш. 4 коп.), причѣмъ предписывалось выткать въ сутки не менѣе 4 аршинъ; прядильщикамъ по 3 в. за фунтъ (по суконному регламенту отъ $1\frac{3}{8}$ до $3\frac{3}{8}$ коп.). Дробловъ, владѣвшій фабрикою въ 40-хъ годахъ, сталъ было платить ткачамъ по 5 коп., а прядильщикамъ по 2 коп., но сенатъ въ 1742 г. велѣлъ давать рабочимъ прежнюю плату. Такимъ образомъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по составленіи суконнаго регламента, сенатъ вовсе не руководствовался установленными въ немъ правилами. Что при Микляевѣ казанскимъ суконщикамъ жилось лучше, чѣмъ при его преемникѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ и мѣстное преданіе. Рабочіе, говоритъ авторъ статьи, составленной по разсказамъ стариковъ,

«пользовались при Микляевѣ безобидной платой за свой трудъ», количество рабочихъ часовъ не было черезъ-чуръ велико, они «ниѣли при этомъ нѣкоторыя льготы по семейному и общинному положенію и даже, какъ гласитъ преданіе, удержали за собой право выбирать своихъ старостъ, судей, артельщиковъ и *суюворуногъ*. Люди, избранные въ эти... должности, приводились къ присягѣ на вѣрность и «неукоснительность» служенія интересамъ общины, раздѣлявшей еще по роду работъ на артели (ткачи, прядильщики, скребальщики, сновальщики и проч.). Уходъ за садами былъ любимымъ занятіемъ суюворуногъ во время, свободное отъ фабричныхъ работъ, что и сдѣлало ихъ впоследствии хорошими садовниками. Два храмовые праздники (Духовъ день и день св. Харлампія, лѣтомъ и зимою) «были временемъ шумныхъ пиршествъ и бражничанья всей суюворной свободы. Духовъ день праздновался обыкновенно цѣлую недѣлю» ¹⁾.

Когда преемникъ Микляева сталъ убавлять суюворуногамъ плату, сенатъ не только воспрегилъ ему это, но и приказалъ въ томъ же 1742 г. возвратитъ рабочимъ болѣе 10,000 руб. удержанныхъ у нихъ денегъ. Тотъ уплатилъ только 1,375 р., а затѣмъ подалъ въ кабинетъ прошеніе съ жалобой, что дѣло будто бы рѣшено неправильно. Мастеровые съ своей стороны послали въ Петербургъ двухъ челобитчиковъ. Дѣло было взято въ кабинетъ, но о немъ совершенно забыли, а между тѣмъ челобитчики все жили въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ какъ ихъ обязали въ мануфактуръ-вонторѣ подпискою—не уѣзжать до его рѣшенія. Одинъ изъ нихъ, наконецъ, въ 1755 г. умеръ, другой же все терпѣливо ждалъ, несмотря на то, что, по его словамъ пришелъ «въ крайнее разореніе». Во время второй ревизіи его успѣли вмѣстѣ съ дѣтьми исключить изъ подушнаго оклада при фабрикѣ и записали въ дворцовой царевкокшайской волости, гдѣ крестьяне стали взмывать съ его жены подушныя деньги за него и за дѣтей. Въ 1763 г., т.-е. черезъ 21 г. послѣ его отправки изъ Казани, онъ обратился въ сенатъ съ просьбою, чтобъ его отослали на родину для опредѣленія на тягло; однако прошло еще семь лѣтъ, а дѣло не подвинулось ни на шагъ; тогда, наконецъ, онъ обратился съ прошеніемъ на имя государыни, а Екатерина приказала опять отослать челобитчиковъ въ сенатъ «съ тѣмъ, чтобъ дѣло по справедливости было разсмотрѣно». Долго ли пришлось ждать справедливости этому несчастному, мы не знаемъ.

¹⁾ Я. Посадскій. Какъ добились воли казанскіе суюворуноги. „Первый шагъ“. Пропагандный сборникъ, 1876 г., стр. 418—419.

Казанскіе суконщики находились въ печальномъ положеніи и въ концѣ XVIII в., когда фабрика принадлежала уже Осоевну. Въ октябрѣ 1796 года, во время обзорѣнн казанской фабрики сенаторомъ Мавринымъ, они подали ему прошеніе, въ которомъ указывали, что со времени заведенія фабрики цѣны на сѣбствныя припасы возрасли втрое или вчетверо и они совершенно не въ состояніи содержать себя съ женами и дѣтьми на получаемую ими плату; за взносомъ податей ея не хватаетъ на прокормленіе, такъ что старики и дѣти ходять по міру, несмотря на то, что ни жены, ни дочери ихъ не освобождаются отъ фабричной работы. Мастеровые просили прибавить имъ плату и уничтожить женскій трудъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Мавринымъ отъ ея управляющаго, лучшій изъ ткачей могъ выработать въ мѣсяцъ не болѣе 5-ти руб., вознагражденіе же за трудъ нѣкоторыхъ мастеровыхъ и рабочихъ падало до 90 коп. въ мѣсяцъ, «каковою платою», справедливо замѣчаетъ Мавринъ, «по нынѣшней на все дороговизнѣ, ни одному мастеровому, а паче имѣющему жену и малолѣтнихъ дѣтей, содержаться не чѣмъ». Поэтому Мавринъ и представилъ поданную ему просьбу на высочайшее усмотрѣніе, приложивъ при ней подробныя свѣдѣнія о заработной платѣ казанскихъ суконщиковъ ¹⁾.

Донесеніе Маврина по приказанію императора Павла было передано въ сенатъ, а оттуда отослано въ мануфактуръ-коллегію съ тѣмъ, чтобы она представила по этому дѣлу свое мнѣніе.

Владѣлецъ фабрики, Осокинъ, чувствуя, что свѣдѣнія, собранныя Мавринымъ относительно положенія его рабочихъ, произведутъ неблагоприятное впечатлѣніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, поспѣшилъ подать въ мануфактуръ-коллегію объясненіе, въ которомъ утверждалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній не совсѣмъ сходны съ истинною и что это будто бы

¹⁾ Мастеровые и рабочіе, разбивавшіе и подстригавшіе шерсть, получая перине по 5 к. съ пуда, а вторые по 30 к., зарабатывали въ день (всѣ мастеровые работали по двѣнадцати часовъ) по 8 и 10 к.; серебальщикъ вычесываеиъ шерсти—7½—10½ к., такъ что, работая въ мѣсяцъ 26 дней, получалъ отъ 2—2 р. 75 к.; прядильщикъ въ день отъ 8 до 8 к., въ мѣсяцъ отъ 90 к. до 2 руб. 8 к.; ткачи получали по 2 р. — 2 р. 10 к. съ половинки сузда (въ каждой половинѣ считалось 28 арш.); два работника могли приготовить въ мѣсяцъ отъ 3—5 половинокъ, но изъ получаемой ими платы они еще отдавали бабеньщикамъ, сновальщикамъ и шпульникамъ по 18½ к. съ половинки, да сверхъ того осенью и зимою у нихъ выходило при приготовленіи одной половинки салныхъ свѣчей на 50 к.; такимъ образомъ ткачи зарабатываютъ отъ 2 р. 46 к. до 4 р. 71 к. въ мѣсяцъ. Сукновальтели зарабатывали въ мѣсяцъ по 4 р. 87 к., ворсильщики, стригащи, прессовщики и красильщики по 8 р. 50 к. до 4 руб.

произошло оттого, что управитель фабрики положился въ этомъ случаѣ на слова мастеровыхъ. Такъ онъ увѣрялъ, — хотя это мало измѣняетъ дѣло, что серебальщикъ можетъ выработать въ день не 10¹/₂, а 12 в. ¹⁾). Но что самъ Осокинъ не могъ все-таки отрицать крайнюю недостаточность платы, получаемой рабочими, видно изъ того, что онъ принялъ на себя съ 1797 г. уплату за фабричныхъ подушныхъ податей. Онъ заявилъ, что увеличить заработную плату весьма затруднительно при чрезвычайно низкой цѣнѣ, по которой онъ обязанъ ставить сукно, вслѣдствіе чего онъ даже подаль просьбу на имя государя о приобрѣтеніи у него фабрики въ казну. Если же его желаніе удовлетворено не будетъ, то, какъ это ни тяжело для него, онъ готовъ съ мая 1797 г. увеличить задѣльную плату серебальщикамъ на 7⁰/₀, кардельщикамъ на 20⁰/₀, прядильщикамъ основной пряжи на 38⁰/₀, ткачамъ на 10⁰/₀ и т. д. При этомъ новомъ размѣрѣ платы, если считать только лучшихъ работниковъ, они получали отъ 2 р. до 5 р. 50 в. въ мѣсяць. По словамъ Осокина, уплата имъ подушныхъ и предполагаемая прибавка платы составляетъ ему въ годъ болѣе 5,000 р. лишняго расхода, а такъ какъ въ то время изъ 1,233 ревнскихъ душъ работало около 913-ти, то это составитъ прибавку на каждого болѣе 5 руб. Но изъ приведенныхъ нами выше цифръ видно, что и при увеличенномъ размѣрѣ плата, получаемая казанскими суконщиками, была все-таки весьма мала.

Въ виду всѣхъ этихъ обѣщаній Осокинъ просилъ у мануфактуръ-коллегіи «правосуднѣйшаго разсмотрѣнія, дабы онъ не лишился прибыли, слѣдующей ему по силѣ пожалованной ему на оную фабрику привилегіи». Въ заключеніе своего объясненія онъ говоритъ: «государственная мануфактуръ-коллегія усмотрѣть можетъ, что я весьма далеко отъ того, чтобы притѣснять людей малыми платами, а, напротивъ, расположенъ, сколько возможно, имъ благодѣтельствовать... Впрочемъ же, — продолжаетъ онъ, — оной коллегіи весьма извѣстно, что собственные люди, каковы суть его фабричные (ибо по указу 1736 г. заплачены за нихъ деньги и дана на нихъ отъ государственной мануфактуръ-коллегіи владѣнная выпись...) не могутъ имѣть договоровъ съ господиномъ своимъ и что малѣйшее къ тому пополозновеніе можетъ ввести ихъ, по грубости воспитанія, въ нѣкоторый беспорядокъ». Мануфактуръ-коллегія вмѣстѣ съ Мавринымъ признала, что прежніе зара-

¹⁾ Изъ этого объясненія, между прочимъ, видно, что пряденіемъ шерсти занимались по болѣе части несовершеннѣйшіе, „въ томъ числѣ и малые ребята“.

ботки мастеровых крайне недостаточны; но принятіе на себя Осокиннмъ взноса податей и увеличеніе платы она сочла «ощутительнымъ для нихъ облегченіемъ», несмотря на то, что и при повышенной платѣ заработокъ большей части рабочихъ не превосходилъ трехъ рублей въ мѣсяцъ. Казанскій губернаторъ Каринскій, къ которому коллегія обратилась съ запросомъ по этому дѣлу, отнесся къ нему гораздо серьезнѣе и внимательнѣе. Онъ указалъ на то, что мастеровые не могутъ выработать по 105 аршинъ на каждую реввискую душу, какъ это положено указомъ 1791 г., во-первыхъ, потому, что взрослымъ приходится работать не только за себя, а также и за стариковъ и малолѣтнихъ, и кромѣ того—потому, что они обременены городскими повинностями; по его словамъ, они «по справедливости имѣютъ причину жаловаться на состояніе свое, и тѣмъ болѣе, когда принужденными находятся овначенную, получаемую за труды, маленькую заплату раздѣлить какъ на одежду себѣ и на пропитаніе, такъ и на покупку дровъ для отопливанья своихъ домовъ, а иногда и на поправленіе оныхъ». Для облегченія ихъ положенія онъ находилъ нужнымъ: 1) дома рабочихъ освободить отъ постоянной повинности; 2) ихъ самихъ уволить отъ уплаты податей, исполненія рекрутчины и городскихъ повинностей, такъ какъ взыскапіе податей доводитъ ихъ до нищенства, вслѣдствіе рекрутчины фабрика лишается здоровыхъ людей, а городскія повинности отвлекаютъ ихъ отъ работы; 3) на отопливаніе домовъ позволить рубить дрова въ казенныхъ лѣсахъ; 4) обязывать выработкою опредѣленнаго количества аршинъ сукна только годныхъ къ работѣ. Нужно замѣтить впрочемъ, что такъ какъ взносъ податей за мастеровыхъ казанской фабрики принялъ на себя фабрикантъ, то не было никакой надобности освобождать ихъ отъ этого. Донесеніе казанскаго губернатора было отправлено въ 1798 г., черезъ два года мануфактуръ-коллегія по поводу его постановила, что она не считаетъ себя въ правѣ возбуждать вопросъ о сложеніи податей и повинностей съ казанскихъ суконщиковъ, что же касается количества суконъ, которое былъ обязанъ представлять фабрикантъ по числу рабочихъ, то съ 1800 года оно было уменьшено.

Мы уже замѣтили, что и послѣ прибавки платы положеніе казанскихъ суконщиковъ должно было мало измѣниться къ лучшему. Это подтверждается тѣмъ, что когда императоръ Павелъ былъ въ Казани въ 1798 г., то суконщики подавали ему челобитную по своему «мірскому дѣлу». Не зная, какъ отдѣлаться отъ ненавистой имъ фабрики, 45 мастеровыхъ въ томъ же году

подали было прошеніе въ мануфактуръ-коллегію о причисленіи ихъ въ купеческое и мѣщанское званіе. Но коллегія, указавъ на то, что фабрика Осокина принадлежитъ къ числу обязанныхъ поставкою суконъ, отвѣчала, что поэтому увольненіе ихъ было бы совершенно противозаконно, и что имъ нечего было утруждать правительство недѣльной просьбою.

Казанская фабрика находилась прежде во владѣніи казны и была передана при Петрѣ Великомъ въ частныя руки, такова же была судьба и «большого суконнаго двора», или суконной фабрики въ Москвѣ, о переводѣ которой въ 1720 г. во владѣніе компаніи мы уже упоминали. Въ концѣ царствованія Екатерины она принадлежала князю Ю. В. Долгорукову, который въ 1796 г. отдалъ ее въ аренду на пять лѣтъ греку Ардалионову. Въ слѣдующемъ году мастерские и рабочіе этой фабрики уже подали на арендатора жалобу въ мануфактуръ-коллегію. Въ началѣ ея они напираютъ на то, что при передачѣ фабрики во владѣніе частной компаніи Петръ Великій дозволилъ принимать на фабрику для работы и обученія мастерству только свободныхъ людей, причемъ они обязывались быть на фабрикѣ не болѣе семи лѣтъ, а затѣмъ, если хотѣли, могли переходить на другія мѣста. «Почему предки наши, — пишутъ въ своей челобитной мастерамъ, — разнаго званія люди, собравшись и наполнивъ оной фабрику положенный комплектъ, находились тутъ въ работѣ въ силу указа до назначеннаго времени; по истеченіи же срока, учинясь по прежнему свободными, пожелали они остаться на сей же фабрикѣ. Проходя свою должность, ни мало не были они притѣсняемы... имѣли жительство по квартирамъ, кто гдѣ хотѣлъ» и т. д. Но какъ только содержателемъ фабрики сдѣлался Ардалионовъ, онъ сталъ понижать плату, а сверхъ того, говорятъ рабочіе, «чего нивогда не бывало, — воспрещаетъ жить намъ по квартирамъ, почему не выдаетъ билетовъ, по которымъ бы жены наши и съ дѣтьми свободное могли имѣть жительство по выгоднымъ для насъ мѣстамъ, но въ короткое время, предполагая умножить свои прибытки, всѣми мѣрами домогается и силится онъ всѣхъ насъ съ женами и дѣтьми нашими заключить въ одно мѣсто и, яко нѣкоторыхъ невольниковъ, заперши тамо и нивогда никакого не дѣлая намъ облегченія и отдохновенія, непрерывно денно и ношно держитъ на работѣ».

Не видя никакого результата своей жалобы, мастерамъ черезъ два мѣсяца подали новую челобитную, въ которой прибавили, что если кто изъ нихъ принесетъ какую-нибудь жалобу самому Ардалионову, то онъ, «не давъ никакой резолюціи, чи-

нить безъ изъятія жесточайшее наказаніе съ угрозами еще, что и сосланы таковыя будутъ въ прикосновенныя къ сей фабрикѣ вотчины».

Президентъ мануфактуръ-коллегіи Юсуповъ извѣстилъ владѣльца фабрики, кн. Долгорукова, о жалобѣ мастеровыхъ на ея арендатора, тотъ обратился съ просьбою къ смотрителю казенной екатеринославской и кн. Хованскаго суконныхъ фабрикъ, Серебрякову, чтобы онъ, вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ, провѣрилъ жалобу, и затѣмъ полученное имъ донесеніе сообщилъ мануфактуръ-коллегіи. Изъ отчета этихъ лицъ, несмотря на благосклонное отношеніе ихъ къ Ардаліонову, видно, что плата на содержаніемъ имъ заводѣ была такая же ничтожная, какъ и на казанской фабрикѣ до прибавки платы Осевинымъ. Сравнительно съ платою вольнонаемнымъ на фабрикѣ Хованскаго она была гораздо ниже; такъ, наприм., Ардаліоновъ за чесаніе и пряденіе шерсти платилъ по 6½ коп. съ фунта, а у князя Хованскаго — по 10 коп.; такъ что за приготовленіе сорока-аршинной половинки у Ардаліонова рабочіе получали 6 р. 56 коп., а у Хованскаго — 8 руб., и въ оправданіе Ардаліонова можно было только сказать, что онъ платилъ за своихъ рабочихъ подушныя деньги, но этимъ далеко не покрывается разница въ платѣ. Кромѣ взноса податей за рабочихъ, Ардаліоновъ указывалъ также, какъ на свои благодѣянія, во-первыхъ, на то, что онъ содержитъ на фабрикѣ богадѣльню, которая, вмѣстѣ съ выдачею мѣсячины малолѣтнимъ, обходится ему не менѣе 300 р. въ годъ, а во-вторыхъ, что онъ всегда охотно выдаетъ рабочимъ деньги впередъ въ счетъ работы, но послѣднее всего лучше доказываетъ, что они не могли сводить концовъ съ концами. Особенно были недовольны рабочіе требованіемъ Ардаліонова, чтобы они жили на фабрикѣ; а по его словамъ, онъ настаивалъ на этомъ потому, что иначе они опаздываютъ на работу, да, наконецъ, и имъ это удобнѣе: помѣщенія на фабрикѣ достаточно, притомъ же они получаютъ тамъ бесплатно дрова и, наконецъ, не тратятъ времени на проходъ. Но все это нисколько не привлекало рабочихъ, и мы видѣли, съ какимъ негодованіемъ говорятъ они о принужденіи переселиться на фабрику.

Мануфактуръ-коллегія поручила рассмотреть это дѣло своей конторѣ, находившейся въ то время въ Москвѣ. Послѣдняя, сравнивъ плату, выдаваемую Ардаліоновымъ, съ тою, которая уплачивалась при кн. Долгоруковѣ, нашла, что она не уменьшена (только должностнымъ лицамъ давалось нѣсколько меньшее жалованье), но что тогда какъ при Долгоруковѣ сукно ткали вусками

въ 39 арш., теперь длина ихъ при той же платѣ увеличена до 44 арш., такъ что 5 лишнихъ аршинъ рабочіе ткутъ даромъ. Вообще же контора признала, что такъ какъ они получаютъ почти ту же самую плату, какая была установлена суконнымъ регламентомъ 1741 г. ¹⁾, то, въ виду сильнаго повышенія съ тѣхъ поръ цѣнъ на жизненные припасы, жалобы рабочихъ на недостаточность получаемой ими платы имѣютъ основаніе и слѣдуетъ сдѣлать прибавку по всѣмъ мастерствамъ, особенно за чистку козыго пуха, за чтó платится съ фунта по одной копѣйкѣ, а въ сутки болѣе фунта очистить нельзя, но контора полагала, что она не имѣетъ права принудить къ этому Ардалионова, такъ какъ, по контракту съ Долгоруковымъ, онъ обязанъ платить ту же плату, чтó была и при послѣднемъ, такъ что слѣдуетъ заставить его только повысить до прежняго уровня жалованье должностнымъ лицамъ. Протестъ рабочихъ противъ принужденія ихъ жить на фабрикѣ контора признала неосновательнымъ. Одобривъ мнѣніе конторы относительно удовлетворенія рабочихъ и служащихъ недоданною платою, мануфактуръ-коллегія нашла, что щипать козій пухъ рабочіе, опредѣленные къ фабрикѣ для приготовления суконъ, не обязаны и потому Ардалионовъ можетъ употреблять для этого мастеровыхъ съ платою, какую получаютъ за это вольнонаемные на другихъ фабрикахъ; а за прежнее время, когда они получали слишкомъ мало, онъ долженъ удовлетворить рабочихъ. Относительно ихъ переселенія на фабрику мануфактуръ-коллегія обратила вниманіе на то, что, вѣроятно, у нѣкоторыхъ фабричныхъ есть въ предмѣстьяхъ свои собственные дома, и поэтому если «дѣйствительно переводъ къ фабрикѣ мастеровыхъ полезенъ и для нихъ неотготителенъ», къ нему слѣдуетъ приступать не иначе, какъ съ согласія ея владѣльца, князя Долгорукова, и притомъ нужно дать имъ достаточно времени, чтобъ продать дома и остальное имущество за выгодную для нихъ цѣну, а иначе на фабрику отнюдь не переводить.

Несмотря на то, что жизнь суконщиковъ была не красна, мы знаемъ только три ихъ волненія, и то на одной московской фабрикѣ, той самой, которая была потомъ во владѣніи кн. Долгорукова.

Въ половинѣ іюня 1749 г. содержатели суконной фабрики въ Москвѣ Болотинъ и Докучаевъ съ товарищами заявили, что

¹⁾ Только при имп. Павлѣ начинаютъ упоминать объ этомъ регламентѣ въ правительственныхъ указахъ.

отданные къ фабриѣ по указу 1736 г. рабочіе, невѣдомо по-
 чему, стали расходиться и работать не хотѣть, такъ что изъ
 1000 человѣкъ осталось только 120; фабриканты просили, чтобъ
 виновныхъ за своевольство и непослушаніе, когда они будутъ
 пойманы, наказывать, — малолѣтнихъ, вмѣсто кнута, плетьюми, а взрос-
 лыхъ десятого кнутомъ. Посланный для розыска фабричныхъ че-
 резъ двѣ недѣли послѣ того донесъ, что имъ найдено только 18
 человѣкъ, прислано изъ полицейской канцеляріи 14, добровольно
 явилось 308. Но, однако, по словамъ фабрикантовъ, всѣ они не
 хотѣли работать, пока не получаютъ указа на челобитную, подан-
 ную ими государынѣ. Пятеро мастеровыхъ, несмотря на попытку
 товарищей освободить ихъ, были наказаны кнутомъ. Къ концу
 мѣсяца 286 мастеровыхъ начали работать, 127 отказывались отъ
 этого, а 586 все еще не вернулись изъ бѣговъ. Сенатъ прика-
 залъ изъ 127 десятого бить кнутомъ и вмѣстѣ съ пятью прежде
 наказанными, заковать въ кандалы, сослать въ каторжную работу
 на счетъ фабрикантовъ; остальныхъ же, наказавъ плетьюми, силою
 принудить работать; а изъ бѣглыхъ тѣмъ, кто, явившись немед-
 ленно, примется за работу, отпустить ихъ вину, а кого поймаютъ,
 то болѣе виновныхъ, бивъ кнутомъ, ссылатъ въ Рогервикъ, а
 остальныхъ, по наказаніи плетьюми, опредѣлять на работу ¹⁾).

Черезъ нѣсколько времени Болотинъ, узнавъ, что въ гарни-
 зонныхъ школахъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не мало
 дѣтей солдатъ и незаконнорожденныхъ, изъ которыхъ многіе «не
 только къ военной эзерциціи, но и къ словесному ученію
 непонятливы», а между тѣмъ, жалованье и содержаніе имъ про-
 вводится, просилъ около 400 чел. изъ этихъ школъ, начиная
 съ 12 лѣтъ, которые для службы еще молоды, опредѣлить на
 его сувонную фабрику съ тѣмъ, чтобы они получали здѣсь за-
 дѣльные деньги, а когда достигнуть 25-ти-лѣтняго возраста, то,
 буде окажутся годными, опредѣлить ихъ въ военную службу.
 Вслѣдствіе этого прошенія изъ московской гарнизонной школы,
 въ которой, кромѣ штатныхъ 300 человѣкъ, было еще 545
 сверхкомплектныхъ, сенатъ приказалъ отдать 400 душъ на фаб-
 рику Болотина. Отдали ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы по на-
 ступленіи двадцатилѣтняго возраста они были опредѣлены въ
 военную службу. Однако, жизнь на фабрикѣ была такъ не легка,
 что черезъ пять лѣтъ многіе изъ нихъ стали просить главный
 комиссаріатъ, чтобъ ихъ лучше отдали въ солдаты, но такъ
 какъ имъ не было еще 20 лѣтъ, то просьба ихъ была откло-

¹⁾ На фабрикѣ этой было волненіе и раньше, въ 1746 г.

нема. По достиженіи же этого возраста сенатъ приказалъ ихъ на фабрикѣ не задерживать.

Въ началѣ 1762 г. одинъ изъ содержателей этой фабрики донесъ, что мастеровые и рабочіе ихъ мануфактуры, согласясь съ опредѣленными къ нимъ солдатскими дѣтьми, начали волноваться подобно тому, какъ въ 40-хъ годахъ. Сузонщикъ Андреевъ сказалъ за собою «важность» (слово и дѣло), вслѣдствіе чего и былъ отосланъ въ мануфактуръ-контору, а въ то же время нѣкоторые изъ солдатскихъ дѣтей пожаловались главному комиссаріату, что имъ не доплачиваютъ заработанныхъ денегъ и для приготовленія суконъ даютъ негодную шерсть. Фабриканты, призванные въ мануфактуръ-коллегію, объяснили, что они вычитали у рабочихъ деньги въ уплату занятыхъ ими, а также и внесенныя въ главный комиссаріатъ деньги за рекрутъ рабочіе, по взаимному соглашенію, разложили между собою, которыя и вносятъ въ фабричную контору чрезъ своихъ выборныхъ сборщиковъ. Фабриканты упрекали рабочихъ въ неблагодарности какъ за ссуду денегъ на рекрутскія надобности, такъ и за другія безпроцентныя ссуды. Они упоминали также, что дочерямъ рабочихъ при выходѣ замужъ выдается изъ конторы безвозвратно по 5 руб., да «во удовольствіе рабочихъ» ежегодно тратится до 100 руб.

Оказалось, что сузонщикъ Андреевъ ложно сказалъ за собою слово и дѣло, и потому мануфактуръ-коллегія послала его съ юнкеромъ кн. Мещерскимъ для наказанія на сузонномъ дворѣ. Когда Мещерскій хотѣлъ исполнить данное ему порученіе «при обыкновенномъ для такихъ случаевъ всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ людей собраніи», то солдатскія дѣти наказывать его не дали, такъ что Мещерскому пришлось увести Андреева обратно. Послѣ того солдатскія дѣти стали большими партіями уходить съ работы, разглашая, что будто бы рабочіе, сосланные въ 1749 г., возвращены, а одинъ изъ содержателей фабрики арестованъ въ Петербургѣ. Сенатъ велѣлъ немедленно школьничковъ, участвовавшихъ въ дракѣ и своевольно отлучившихся съ фабрики, высѣчь нещадно батогами, а зачинщиковъ наказать плетьюми. Вслѣдствіе этого указа первому наказанію подверглись на фабрикѣ 13 школьничковъ и 49 мастеровыхъ, а публично высѣчены плетьюми пять школьничковъ и семь мастеровыхъ.

Плохо, значить, жилось мастеровымъ большой московской сузонной фабрики, если они предпочитали солдатчину фабричнымъ работамъ, но сами по себѣ обѣ эти вспышки слишкомъ ничтожны. Гораздо болѣе серьезнаго волненія можно было ожидать отъ ка-

занскихъ суконщиковъ, также, какъ мы видѣли, недовольныхъ своимъ положеніемъ, когда имъ представился для этого такой удобный случай, какъ нашествіе Пугачева. Дѣйствительно, крайне странно, что они не только имъ не воспользовались, но и явились энергическими защитниками Казани противъ пугачевцевъ. Объясненіемъ этого факта можетъ служить слѣдующій рассказъ, записанный со словъ одного старожила: «Передъ нашествіемъ Пугачева на Казань обуянное страхомъ фабричное начальство, боясь мести и бунта своихъ мастеровыхъ, задобривало ихъ многими обѣщаніями и даже «волей»¹⁾, если они останутся спокойны и помогутъ спроводить изъ Казани вора Емельку. Были прекращены всѣ работы на фабрикахъ и производилась отъ владѣльца ея каждодневная даровая выдача вина и калачей... Суконщики поддались на эту удочку и остались спокойными. Молодежь, впрочемъ, дѣлала попытки къ поднятію «общаго вопроса» и начинала уже свирѣпствовать, но партія старыхъ суконщиковъ, пользовавшаяся здѣсь постояннымъ уваженіемъ молодого поколѣнія, сдерживала вспышки, склоняясь болѣе къ легальному образу дѣйствій. Пугачевщина кончилась и суконщики остались съ носомъ»²⁾.

Упустивъ удобный случай улучшить свое положеніе и закрѣпить новыя отношенія какимъ-нибудь договоромъ въ родѣ заключеннаго между содержателемъ красносельской бумажной фабрики и тамошними рабочими, казанскіе суконщики не разъ добивались потомъ въ XIX в. измѣненія своего быта. Для этого они, между прочимъ, подавали жалобу императору Николаю, и по рѣшенію наряженной вслѣдствіе того комиссіи многіе изъ нихъ подверглись возмутительно жестокимъ наказаніямъ (см. объ этомъ въ статьѣ г. Посадскаго). Но въ концѣ-концовъ имъ все-таки удалось добиться своей цѣли: въ 1849 г. имъ были даны права свободныхъ городскихъ обывателей и трехлѣтняя льгота отъ платежа подушныхъ податей, отбыванія рекрутской, постоянной и другихъ повинностей. А между тѣмъ казанскіе суконщики принадлежали къ числу «вѣчно-отданныхъ» и за нихъ были внесены фабрикантомъ деньги, опредѣленные указомъ 1736 г. Изъ этого видно, что правительство находило иногда возможнымъ разрывать узы, прикрѣпляющія рабочихъ къ фабрикамъ безъ всякаго вознагражденія за то фабрикантамъ.

¹⁾ Последняго обѣщанія фабрикантъ не могъ бы исполнить, если бы этого и желалъ, такъ какъ рабочіе были неотъемлемою принадлежностью фабрики.

²⁾ „Первый шагъ“. Провинціальній сборникъ. Казань, 1876 г., стр. 421—422.

V.

Положеніе рабочихъ на possessiонныхъ фабрикахъ въ первые годы XIX в. — Общее число рабочихъ.—Количество рабочихъ часовъ и дней.—Рабочая плата.—Женскій и дѣтскій трудъ.—Мастеровые, находившіеся на готовомъ содержаніи.—Различныя пособія рабочимъ со стороны фабрикантовъ.—Сравненіе положенія рабочихъ въ началѣ XIX в. и въ настоящее время.

Въ 1813 г. мануфактуръ-коллегія собрала подробныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ на находившихся въ ея вѣдѣніи possessiонныхъ фабрикахъ ¹⁾. Въ указѣ, разосланномъ по этому случаю всѣмъ владѣвшимъ фабриками на possessiонномъ правѣ, были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) сколько по пятой ревизіи числится при фабрикахъ «приписныхъ и покупныхъ всякаго званія мастеровыхъ и рабочихъ мужескаго пола душъ». 2) Изъ числа ихъ сколько находится въ работѣ и какой именно, посвольку дней въ году и часовъ въ день работаютъ. 3) На какую сумму мастеровые выработываютъ въ годъ тѣхъ или другихъ продуктовъ, какую плату они получаютъ—поштучно, поденно или годовое жалованье, такъ чтобы можно было видѣть, сколько они зарабатываютъ въ годъ. При этомъ слѣдовало сообщать, работаютъ ли на фабрикахъ женщины и если работаютъ, то какъ, добровольно или по назначенію, и сколько каждая можетъ получить въ день. Въ указѣ, посланномъ губернаторамъ, которымъ было поручено присмотрѣть, чтобы свѣдѣнія эти были доставлены немедленно, былъ прибавленъ еще одинъ вопросъ о томъ, какую плату получаютъ вольнонаемные рабочіе.

Разумѣется, вопросы эти въ высшей степени важны и существенны. Данныя о размѣрахъ рабочей платы, количествѣ рабочихъ часовъ, женскомъ трудѣ и т. п., имѣютъ громадное значеніе не только для характеристики экономическаго быта народа въ ту или другую эпоху: при сопоставленіи съ ними современныхъ намъ свѣдѣній по тѣмъ же вопросамъ, онѣ получаютъ животрепещущій интересъ, такъ какъ даютъ намъ самый вѣрный критерій для опредѣленія того, улучшается ли въ дѣйствительности положеніе народа (само собою разумѣется, что при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе измѣненіе въ цѣнахъ на жизненныя припасы и другія условія).

Въ то время possessiонныхъ фабрикъ и заводовъ, не считая горныхъ, было около 130; изъ нихъ мы не имѣемъ свѣдѣнія,—

¹⁾ Горные заводы состояли въ заведѣваніи бергъ-коллегіи.

потому ли, что донесенія ихъ владѣльцевъ затерялись, или они вовсе не были присланы, — только о 23-хъ; такъ что у насъ есть отвѣты на приведенные выше вопросы болѣе чѣмъ о ста фабрикахъ. Этого совершенно достаточно, чтобы получить полное понятіе о положеніи прикрѣпленнаго къ нимъ рабочаго люда.

Всего болѣе въ то время было полотняныхъ поссессионныхъ фабрикъ, затѣмъ слѣдовали суконныя, бумажныя, стesляныя, шелковыя и наконецъ по вѣсколку кожевенныхъ, позументныхъ, ситцебумажныхъ и т. п. По мѣстности, наибольшее количество ихъ было въ московской губерніи (почти четверть всего числа), затѣмъ въ калужской, владимірской, воронежской, востромской, ярославской и т. д. На всѣхъ фабрикахъ, о которыхъ свѣдѣнія были доставлены въ мануфактуръ-коллегію, было, по пятой ревизіи, 29,665 д.; о 23-хъ фабрикахъ, какъ мы уже сказали, свѣдѣній не было, но можно принять приблизительно, что во время производства пятой ревизіи на поссессионныхъ фабрикахъ, кромѣ горныхъ, было около 32,000 д. ¹⁾

Изъ поссессионныхъ фабрикъ всего болѣе было полотняныхъ; но по количеству прикрѣпленныхъ къ нимъ мастеровыхъ и рабочихъ первое мѣсто принадлежитъ суконнымъ фабрикамъ. Ихъ было всего 26 (всѣ онѣ были обязаны поставкою суконъ); къ нимъ было прикрѣплено болѣе 17,000 крестьянъ, въ томъ числѣ лишь около 1,200 чел. безземельныхъ. Въ отчетахъ фабрикантовъ не вездѣ точно обозначалось, сколько изъ числа мастеровыхъ было купленныхъ и сколько переданныхъ изъ казны или приписанныхъ по указамъ. Упомянемъ только, что на Глушковской фабрикѣ графини Потемкиной было 8,759 «приписанныхъ» крестьянъ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ болѣе половины всего числа мастеровыхъ при суконныхъ фабрикахъ были даны изъ казны. На вопросъ о томъ, сколько изъ этого числа находилось въ работѣ, невозможно дать хотя бы приблизительный отвѣтъ, такъ какъ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи слишкомъ не полны. Поэтому приведемъ лишь два-три примѣра. На фабрикѣ кн. Долгорукаго годныхъ въ работѣ обоего пола было 424, изъ нихъ работало 274; на фабрикѣ Кузнецова въ яванской губерніи изъ 571 д. м. п. считалось годными въ работу 400 и столько же женщинъ; работала половина и тѣхъ и другихъ.

Поссессионныхъ полотняныхъ фабрикъ было 40; при нихъ во время пятой ревизіи числилось болѣе 8000 д. крестьянъ.

¹⁾ По десятой ревизіи при нихъ числилось 28,888 д. *Троицкий* Крѣп. насел. въ Россіи по десятой народной переписи, стр. 47.

Самыми крупными полотняными фабрикантами были въ то время братья Яковлевы; имъ принадлежали фабрики въ Ярославѣ, Рыбинскѣ и въ селѣ Крапивномъ, шуйскаго уѣзда владимірской губерніи. Къ нимъ было прикрѣплено 2,530 д. мужскаго пола, изъ которыхъ находилось въ работѣ 1613 д., женщинъ посессионныхъ 1760 д., всего же съ вольнонаемными на этихъ фабрикахъ работало 4,379 д. обоого пола.

Бумажныхъ фабрикъ было 20. Вездѣ, гдѣ мы имѣемъ свѣдѣнія о числѣ находившихся въ работѣ, оказывается, что ихъ было болѣе половины прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ. Шелковыхъ фабрикъ было 10; стеклянныхъ заводовъ 11.

Продолжительность рабочаго дня всего чаще равнялась 12 часамъ; впрочемъ, на семи фабрикахъ рабочій день былъ еще короче, а болѣе 14 рабочихъ часовъ мастеровымъ приходилось трудиться только на шести фабрикахъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что на полотняныхъ и бумажныхъ фабрикахъ количество рабочихъ часовъ на одной и той же фабрикѣ было не одинаково въ различныхъ производствахъ, а также въ разные времена года, такъ что продолжительность рабочаго дня колебалась тамъ между пятью и пятнадцатью часами. На суконной фабрикѣ кн. Барятинскаго былъ такой порядокъ: рабочіе, доносили владѣлецъ фабрики въ мануфактуръ-коллегію, «сколько ихъ въ тому ни принуждали, чтобы выходили какъ можно ранѣе, выходить всегда не прежде восьми часовъ утра». Женщинамъ было позволено являться въ это время, а иногда и позднѣе, чтобы онѣ имѣли время приготовить пищу для своего семейства. Утреннія работы продолжались на фабрикѣ до 12-ти часовъ; потомъ давалось два часа времени на обѣдъ и отдыхъ, а съ двухъ часовъ по-полудни лѣтомъ рабочіе оставались на фабрикѣ до захожденія солнца; въ зимнее же время работали со свѣчами не долѣе девятаго часа. Такимъ образомъ зимою работа продолжалась около одиннадцати часовъ. Всего тяжелѣе было положеніе суконщиковъ на фабрикѣ поручика Кузнецова въ разанской губерніи: зимою они работали отъ перваго часа по-полуночи до шести часовъ по-полудни, а лѣтомъ отъ третьяго часа по-полуночи до десяти часовъ по-полудни; если даже предположить, что тутъ давался двухчасовой отдыхъ, о чемъ, впрочемъ, не упоминается, то все-таки выйдетъ, что зимою они трудились болѣе 15 часовъ, а лѣтомъ болѣе 17-ти. На полотняной фабрикѣ Стригалева въ Костромѣ работали «по мѣрѣ необходимости иногда въ день часовъ утреннихъ отъ 4-го и 5-го и по-полудни не далѣе 10-го»; если и тутъ давался двухчасовой отдыхъ, то получимъ все-таки шест-

надцатичасовой рабочей трудъ. На стеклянныхъ фабрикахъ нѣкоторымъ мастеровымъ приходилось иногда работать въ одинъ приемъ еще болѣе. На одной стеклянной фабрикѣ двое рабочихъ, составлявшихъ стеклянную массу и варившихъ ее, находились въ работѣ по 24 часа и болѣе и дѣлали по три, а иногда и по четыре «передѣла» въ недѣлю, слѣдовательно трудились отъ 72 до 96-ти часовъ въ недѣлю т.-е., если раздѣлить это на шесть дней, отъ 12—16 часовъ въ день. Впрочемъ, это только исключенія; вообще же ночной работы почти нигдѣ не было, а обычною продолжительностью рабочаго дня, какъ мы уже сказали, было 12-ть часовъ.

Рабочихъ дней въ году было въ среднемъ около 260-ти. На нѣкоторыхъ суконныхъ и полотняныхъ фабрикахъ мастеровыхъ отпускали лѣтомъ для полевыхъ работъ на одинъ, на два мѣсяца.

Что касается рабочей платы, то задѣльное вознагражденіе на суконныхъ фабрикахъ рабочихъ немастеровъ равнялось въ среднемъ 40 рублямъ въ годъ, на полотняныхъ 52 р.; на шелковыхъ ткачи зарабатывали отъ 55 до 120 р., на стеклянныхъ годовою зароботою мастера колебался между 70 и 260 р. При годовою платѣ на суконныхъ фабрикахъ мастеръ получалъ отъ 50 до 150 руб., въ среднемъ 93 руб.; подмастерье отъ 30 до 75 р., въ среднемъ 55 р. На полотняныхъ фабрикахъ при годовою платѣ мастеру давали отъ 60 до 120 руб., въ среднемъ 97 р., а средняя плата подмастерьямъ равнялась 45 руб. На шелковой фабрикѣ Лазарева одинъ рисовальный мастеръ получалъ даже 300 р. въ годъ. На бумажныхъ фабрикахъ мастеру платили въ годъ до 100 руб., остальнымъ рабочимъ въ среднемъ 48 руб.; на стеклянныхъ фабрикахъ мастеръ получалъ 130, подмастерье 80 руб. При мѣсячной платѣ среднее вознагражденіе мастера на различныхъ фабрикахъ равнялось 5 р. 50 коп., подмастерья 4 р. 50 коп.; остальныхъ рабочихъ 3 р. 75 коп.— Среднею поденною платою можно принять 15 коп.—Въ общемъ выводѣ мы можемъ сказать, что мастеръ зарабатывалъ въ годъ около 95 руб., подмастерье около 60, а остальные рабочіе около 55 руб.

Женскій трудъ былъ значительно развитъ на суконныхъ фабрикахъ, еще болѣе на полотняныхъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ фабричная работа была обязательна для женщинъ. Привлеченіе ихъ и дѣтей къ фабричному труду казалося нѣкоторымъ фабрикантамъ не печальною необходимостью, а чуть ли не благодѣніемъ для рабочаго класса. «Изъ числа женскаго пола», писалъ владѣлецъ полотняной фабрики въ валужской губерніи, поручивъ

Щепочвинъ, «употребляются наиболѣе безъ наряда» (т. е. не по принужденію); не имѣя никакихъ другихъ заработковъ, кромѣ фабричныхъ работъ, онѣ «единственно отъ оныхъ получаемою платою дѣлаютъ великое въ содержанію домовъ и семействъ ихъ шособіе, почему и работы требуетъ каждая непременно, ибо безъ этого возроптали бы онѣ на содержателя фабрики и лишились бы всякаго пропитанія, а получая готовую всегда работу, всякій большой и малый, мужъ, жена и дѣти, кто и что только можетъ работать, вообще семейству приносить заработныхъ денегъ всякую недѣлю довольно видное число». На многихъ бумажныхъ фабрикахъ также работали женщины, а на шелковыхъ мы вездѣ встрѣчаемъ женскій трудъ; разматываніемъ шелка онѣ очень часто занимались не на фабрикѣ, а дома. На стеклянныхъ фабрикахъ женщины почти нигдѣ не работали. При задѣльной платѣ средней годовой заработокъ работницъ равнялся 25 рублямъ, а по-дневно—отъ 6 до 15 коп., но на нѣкоторыхъ фабрикахъ шпульницы зарабатывали лишь съ небольшимъ по 2 коп. Средняя годовая плата работницъ равнялась 25 руб., мѣсячная — 2 руб., по-дневная—9 коп.

Дѣтскій трудъ на суконныхъ фабрикахъ былъ развитъ менѣе женскаго: объ немъ упоминается лишь на четырехъ фабрикахъ воронежской губерніи. Напротивъ, на полотняныхъ мануфактурахъ весьма часто работали дѣти. Какъ великъ былъ на нихъ иногда процентъ дѣтей, видно изъ того, что на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ, на которой было всего 528 душъ м. п., при ткачахъ находилось до 90 чел. шпульниковъ и подавальщиковъ отъ 9 до 12 лѣтъ, да, кромѣ того, еще на дому женщины разматывали пряжу на катушки съ помощью дѣтей. На многихъ бумажныхъ и шелковыхъ фабрикахъ также работали дѣти. Изъ стеклянныхъ же заводовъ только на орловской фабрикѣ Мальцовой мы встрѣчаемъ «хлопцевъ», подававшихъ посуду. Что касается вознагражденія за дѣтскій трудъ, то на суконныхъ фабрикахъ воронежской губерніи малолѣтніе прядильщики (рѣже прядильщицы) зарабатывали въ день отъ 4 до 12 коп., а въ годъ отъ 15 до 30 руб. На полотняныхъ фабрикахъ при задѣльной платѣ малолѣтніе шпульники и шпульницы зарабатывали отъ 4 до 19 руб. въ годъ. Шпульники и подавальщики отъ 9 до 12 лѣтъ на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ получали отъ 25 до 40 к. въ недѣлю; мальчики-цевошники на фабрикѣ въ Костромѣ 50 к. въ недѣлю. На фабрикѣ Лугинина въ тульской губерніи заработокъ малолѣтнихъ шпульниковъ и цевошниковъ падалъ до 18 коп. въ недѣлю или 9 р. въ годъ. Въ день

малолѣтнія цеховщицы, получая плату отъ ткачей, зарабатывали отъ 5 до 6 к. въ день. На писчебумажныхъ фабрикахъ дѣти получали въ годъ отъ 10 до 25 руб., поденно отъ 5 до 8 к., во иногда плата падала и до 3 коп.

Нѣкоторые фабриканты, всего чаще имѣвшіе незначительное число крестьянъ, не давали имъ за работу на фабрикѣ никакой денежной платы, а содержали на готовой пищѣ и одеждѣ и платили за нихъ подати. Одинъ изъ владѣльцевъ полотняныхъ заводовъ доказывалъ мануфактуръ-коллегіи, что такое положеніе будто бы гораздо выгоднѣе для рабочихъ, такъ какъ на плату, получаемую вольнонаемными, они не могли бы содержать себя. Но мы видѣли, какимъ стѣсненіемъ считали для себя рабочіе жизнь на самой фабрикѣ ¹⁾.

Впрочемъ, уплату податей фабриканты нерѣдко принимали на себя и за тѣхъ рабочихъ, которые получали опредѣленную плату. На сувонныхъ фабрикахъ подати за рабочихъ чаще платилъ фабрикантъ, чѣмъ они сами. Точно также и на полотняныхъ нѣкоторые владѣльцы вносили за своихъ мастеровыхъ не только подати, но и рекрутскія деньги и другіе поборы. Яковлевымъ, которымъ принадлежала большая ярославская мануфактура, это обходилось въ годъ болѣе 20,000 руб.

Кромѣ денежнаго жалованья, на нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе имѣли готовое помѣщеніе. Такъ, напр., на писчебумажной фабрикѣ Попова въ Углитѣ всѣмъ рабочимъ и мастеровымъ были выстроены при фабрикѣ дома, поправленіе которыхъ, отопленіе и освѣщеніе, также какъ и платежи всѣхъ податей и поборовъ принялъ на себя фабрикантъ безъ вычета изъ жалованья. На шелковой фабрикѣ Лазарева, сверхъ денежной платы, на домъ каждаго семейства выдавали по 3 р. въ годъ для покупки дровъ, что составляло для фабриканта ежегодный расходъ въ 600 руб. Довольно разнообразную помощь своимъ мастеровымъ оказывали владѣльцы полотняныхъ фабрикъ Яковлевы. Въ 1802 году на ихъ ярославской мануфактурѣ ржаная мука, прибрѣтенная по 51 коп. за пудъ, отпускалась рабочимъ по 30 коп., а ишеничная вмѣсто 87 — за 50 коп.; такимъ образомъ, на муку въ теченіи года рабочимъ была сдѣлана уступка въ 10,956 р.; кромѣ того, старикамъ, малолѣтнимъ и вдовамъ, 321 чел., было выдано пенсіи деньгами и мукою на сумму 2,672 р. Несмотря на то, тамошніе рабочіе не сводили концовъ съ концами, и вмѣ-

¹⁾ Иногда при готовомъ содержаніи рабочіе получали еще и нѣкоторое денежное вознагражденіе.

приходилось занимать у фабрикантовъ на починку старыхъ домовъ и постройку новыхъ, на празднованіе свадебъ, крестинъ и т. п. до 6,200 р. въ годъ, а всего на рабочихъ накопилось къ 1803 году болѣе 25,000 р. Постройка и ремонтъ жилыхъ помѣщеній производились, слѣдовательно, на этой фабрикѣ на счетъ самихъ рабочихъ; дровъ они также не получали даромъ, а только фабрикантъ, закупая ихъ въ большомъ количествѣ, уступалъ рабочимъ безъ надбавки и притомъ съ разсрочкой платежа на годъ. Пенсіи старикамъ и малолѣтнимъ сиротамъ, а также и сбавку съ цѣны хлѣба мы встрѣчаемъ и на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ (напр., на шелковой фабрикѣ Лазарева старикамъ и сиротамъ ежемѣсячно выдавалось отъ 50 коп. до 3 р.), но медицинскую помощь рабочимъ мы находимъ только на ярославской мануфактурѣ Яковлевыхъ, гдѣ былъ устроенъ лазаретъ, приглашенъ лекаръ и къ нему опредѣлено три ученика, на жалованье которымъ вмѣстѣ съ лекарствами выходило болѣе 2,000 рублей въ годъ. Объ обученіи грамотъ дѣтей упоминается только на двухъ фабрикахъ.

Положеніе рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ было самое незавидное. Такъ, напр., на суконной фабрикѣ Кузнецова въ рязанской губерніи къ страшному обремененію фабричною работою (по меньшей мѣрѣ 15—17 часовъ въ день) присоединилось еще безплодіе земли. Понятно, что рабочіе доходили до нищеты и фабриканту приходилось давать бѣднымъ на покупку хлѣба ежегодно отъ 1,000 до 1,500 руб. Встрѣчаемъ, впрочемъ, и примѣры зажиточности среди мастеровыхъ. Такъ, напр., многіе фабричные князя Барятинскаго въ Москвѣ не работали на фабрикѣ сами, а поставляли вмѣсто себя наймитовъ, предпочитая заработки на сторонѣ.

Весьма интересно сравнить полученныя нами данныя относительно заработной платы, количества рабочихъ часовъ и т. п. въ первые годы XIX в. съ современными свѣдѣніями по тѣмъ же вопросамъ, чтобы опредѣлить, повысилось ли въ теченіи трехъ четвертей столѣтія вознагражденіе за трудъ. Собственно говоря, сравненіе придется производить тутъ между величинами несомнѣнными: съ одной стороны, мы видимъ мастерового, прикрѣпленнаго къ фабрикѣ, принужденнаго подчиняться тѣмъ условіямъ, какія его хозяину угодно будетъ ему продиктовать, съ другой — свободнаго рабочаго, имѣющаго возможность покинуть фабрику, если его трудъ дурно оплачивается; по самымъ условіямъ задачи, рѣшеніе, повидному, должно быть неблагоприятно для начала нынѣшняго вѣка. Тѣмъ не менѣе мы все-таки попытаемся сдѣ-

дѣть подобное сравненіе, хотя оно затрудняется нѣкоторыми обстоятельствами. Прежде всего тѣмъ, что въ нашей литературѣ почти нѣтъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ платы, получаемой фабричными рабочими въ настоящее время. Правда, въ различныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ мы находимъ отрывочныя извѣстія по этому предмету, но подробныхъ, обстоятельныхъ свѣдѣній, собранныхъ на многихъ фабрикахъ, почти не существуетъ. Мы помнимъ, что одно изъ отдѣленій съѣзда фабрикантовъ, собиравшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ, постановило ходатайствовать о назначеніи особой комиссіи съ этою цѣлію, однако желаніе это не осуществилось. Приходится довольствоваться тѣмъ, что есть. Намъ извѣстны только двѣ попытки собрать обстоятельныя свѣдѣнія о заработной платѣ, и обѣ онѣ относятся къ московской губерніи. Первая была сдѣлана въ 1868 году центральнымъ статистическимъ комитетомъ—для всей этой губерніи, вторая въ 1876 году—въ одномъ московскомъ уѣздѣ—тамошнимъ уѣзднымъ земствомъ. Результаты перваго изслѣдованія напечатаны вполнѣ ¹⁾, выводы же изъ втораго сгруппированы въ небольшой, но весьма интересной статьѣ г. Исаева ²⁾. Этими свѣдѣніями намъ и придется поневолѣ ограничиться.

Для того, чтобы сравненіе было ближе къ истинѣ, мы должны взять данныя относительно вознагражденія за трудъ на однородныхъ фабрикахъ какъ для начала XIX в., такъ и для настоящаго времени. Выберемъ съ этою цѣлію сувонныя, во-первыхъ потому, что въ немъ всего болѣе было привѣржлено крѣстьянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а также и потому, что о положеніи рабочихъ этого рода мы находимъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія и для настоящаго времени. Дѣлая средній выводъ изъ данныхъ «Статистическаго Временника», мы находимъ, что средняя годовая плата работника на сувонныхъ фабрикахъ—около 120 р., мѣсячная около 13 р. Но этихъ выводовъ мы не можемъ признать вполнѣ соответствующими дѣйствительности, такъ какъ въ «Статистическомъ Временникѣ» сплошь и рядомъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о заработкахъ въ различныхъ производствахъ, а указанъ только максимумъ и минимумъ заработка рабочихъ на той или другой фабрикѣ, и, слѣдовательно, наибольшіе заработки, получаемые немногими рабочими, неизмѣнно должны повышать среднюю цифру вознагражденія при ея вычисленіи. Поэтому мы предпочитаемъ данныя, полученные при

¹⁾ Статистическій Временникъ Росс. Имп. Серія II, выпускъ 6. Спб 1872 г.

²⁾ „Нѣсколько страницъ въ фабричную хронику“. „Отч. Зап.“, 1877. № 9.

внимательномъ осмотрѣ фабрикъ одного московскаго уѣзда, сдѣланномъ тамошнимъ земствомъ. Изъ статьи г. Исаева видно, что средній размѣръ мѣсячнаго заработка на суконныхъ фабрикахъ слѣдуетъ принять въ 9 р., что составитъ въ годъ 108 р.; эта цифра довольно близка и къ выводу относительно годовой рабочей платы, полученному нами на основаніи свѣдѣній статистическаго комитета.

На посессионныхъ суконныхъ фабрикахъ начала XIX в. мы можемъ принять средній годовой заработокъ рабочаго въ 60 р.

Но при сравненіи размѣровъ денежной платы въ различныхъ эпохи нужно брать не абсолютныя, а относительныя величины, т.-е. то количество первыхъ жизненныхъ потребностей, какое рабочий можетъ приобрести на средства, даваемыя ему фабричнымъ трудомъ. Такъ какъ пища—самая важная изъ этихъ потребностей, то мы и можемъ для нашей цѣли удовольствоваться сравненіемъ цѣны на хлѣбъ и именно на рожь, въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ настоящее время. Къ сожалѣнію, относительно московской губ. мы имѣемъ для первыхъ годовъ XIX в. данныя о цѣнѣ недостаточно опредѣленныя. Намъ извѣстно только, что въ періодъ времени отъ 1797 до 1808 г. стоимость четверти ржи колебалась между 4 р. 90 к. и 7 рублями¹⁾. Взять изъ этихъ двухъ цифръ среднее пропорціональное, т.-е. принять цѣну ржи за это время въ московской губ. въ 5 р. 95 к., было бы едва ли справедливо. Это подтверждается сопоставленіемъ данныхъ относительно московской губ. съ подробными свѣдѣніями о цѣнахъ хлѣба въ ярославской и тульской губерніяхъ, относительно которыхъ мы имѣемъ въ неизданныхъ источникахъ свѣдѣнія о каждомъ годѣ въ періодъ времени съ 1797 по 1808 г. Средняя цѣнность четверти ржи за это время для тульской губ. равнялась 3 р. 40 к.; но такъ какъ эта мѣстность находится относительно своего продовольствія въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ московская губ., то для насъ гораздо важнѣе свѣдѣнія о губерніи ярославской, мѣстности съ нечерноземною почвою, промышленностью уже весьма развитою въ то время и т. п. Тамъ средняя цѣна четверти ржи за тѣ же годы равнялась 4 р. 50 к. Слѣдовательно, если мы примемъ, что стоимость четверти ржи въ среднемъ была тогда въ московской губ. 5 р. 50 к., то это будетъ скорѣе много, чѣмъ мало.

¹⁾ Замѣчанія къ таблицамъ, показывающимъ цѣны нужнѣйшимъ съѣстнымъ припасамъ въ Москвѣ съ 1782 по 1808 г. См. „Статистическій журналъ“ Термана, 1806 г., т. I, ч. 2, стр. 172.

Что касается цѣны на хлѣбъ въ московской губерніи въ настоящее время, то съ 1867 по 1871 г. цѣна четверти ржаной муки при оптовой покупкѣ торговцами колебалась между 6 р. 50 к. и 8 р. 40 к., а средняя стоимость равнялась 7 р. 33 к. Немолотая рожь была нѣсколько дешевле, но за то въ розничной продажѣ стоимость ея значительно повышалась, такъ что мы можемъ принять, что четверть ржи обходилась въ эти годы рабочему въ московской губ., въ среднемъ, въ 7 р. 30 к. Итакъ, въ первые годы XIX в. рабочий на 60 р. въ годъ могъ пріобрѣсти 11 четвертей ржи, а въ 1867—1871 годахъ на 108 р. — 15 четвертей. Повидимому; вознагражденіе рабочаго увеличилось на четыре четверти въ годъ. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что это повышение чисто фиктивное. Прежде всего нужно замѣтить, что количество рабочихъ часовъ въ теченіи 75 лѣтъ весьма значительно увеличилось. Между тѣмъ какъ въ первые годы XIX в. средній рабочий день равнялся 12 часамъ, въ настоящее время, по свидѣтельству г. Исаева, если даже не считать исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ продолжительность рабочаго дня повышается до 16—17 часовъ, всего чаще фабричные работаютъ 13—14 часовъ. Увеличеніе это обуславливается введеніемъ машиннаго производства. Въ прошломъ столѣтіи и первые годы нынѣшняго, рабочий день сильно сокращался въ осеннее и зимнее время, между прочимъ потому, что, при гораздо меньшей производительности труда въ то время, расходъ на освѣщеніе фабрики въ долгіе зимніе вечера далеко не окупался въ той степени, какъ это бываетъ теперь, когда каждая лишняя минута, проведенная рабочимъ на фабрикѣ, положить не мало лишнихъ рублей въ карманъ ея владѣльца. Лѣтомъ же суеющия, громадное большинство которыхъ имѣло земли, нѣрѣдко отпускались съ фабрики на одинъ, на два мѣсяца для ея обработки. Затѣмъ, при сравненіи современной рабочей платы съ заработками фабричныхъ въ прежнія времена, нужно принять во вниманіе увеличеніе интенсивности труда въ настоящее время, такъ какъ вольнонаемный рабочий при машинахъ трудится, разумѣется, не такъ, какъ крѣпостной рабочий при ручномъ производствѣ, и слѣд. въ одно и то же время затрачиваетъ сравнительно съ послѣднимъ гораздо большее количество труда. Наконецъ, нужно помнить, что фабрикантъ въ началѣ XIX в. сплошь и рядомъ платилъ подати и другіе сборы за своего рабочаго, оказывалъ ему различныя вспоможенія въ видѣ уступки при продажѣ хлѣба и т. п., отчего современные заводовладѣльцы совершенно избавлены.

Принявъ во вниманіе всё эти обстоятельства, гораздо болѣе благоприятныя для мастерового начала XIX в., чѣмъ для современнаго рабочаго, мы приходимъ къ выводу, что *экономическое положеніе современнаго рабочаго нисколько не лучше того, въ какомъ находился мастеровой, прикрьпленный къ фабрику, въ началъ XIX в.*, что выгоды свободы, которую пользуется первый, оказываются, при давленіи непосильнаго бремени податей и другихъ неблагоприятныхъ условій, чисто фиктивными. Если же мы сравнимъ его заработки съ вознагражденіемъ, которое въ то время получали вольнонаемные рабочіе, трудъ которыхъ сплосъ и рядомъ оплачивался лучше обязательнаго, то выводъ будетъ еще неутѣшительнѣе. И вотъ въ это-то время, когда экономическое положеніе нашего рабочаго класса не улучшается, а во многихъ отношеніяхъ даже ухудшается сравнительно съ временами господства обязательнаго труда (для подтвержденія этого, стоитъ только упомянуть объ уменьшеніи земельныхъ надѣловъ), въ то время когда всё силы общества и правительства должны были бы быть прежде всего направлены на борьбу противъ серьезной опасности народнаго обнищанія, наши политиканствующие публицисты подталкиваютъ насъ къ выполненію иныхъ задачъ, яко бы возложенныхъ на насъ исторіею, или даже храбро трубать походъ въ Индію.

ВАСИЛІЙ СЕМЬВСКІЙ.

МОЛОДЫЕ ПОВѢГИ

ПОВѢСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

На околицѣ деревни Ступино Федя встрѣтилъ знакомаго мужа изъ этой деревни.

— Федору Герасимычу! — сказалъ тотъ, приподнявая шапку, — Аи къ намъ?.. Сестру провѣдать нечто?..

— Да, побывать...

— Доброе дѣло... Побывай!.. провѣдай!.. Дѣло хорошее... понавѣдайся!..

Тотъ, съ которымъ были сказаны эти слова, показался Федору недобрымъ, подозрительнымъ. Онъ приостановился.

— Все ли у нихъ благополучно? Всѣ ли здоровы?.. Давно слуху-то не было отъ нихъ къ намъ... Здоровы ли живутъ?..

— Да, кажись, ничего, здоровы... Анну-то я видѣлъ сегодня въ погѣ: допахивала...

— Какъ Анну?.. Сама пахала? — переспросилъ Федя. — Развѣ... Да развѣ у нихъ еще не посѣяно?..

— Да видать, что нѣтъ... Знать допахивала, вончала сегодня... Сама, сама пахала... Самъ видѣлъ...

У Федя замеръ на языкѣ вопросъ: какъ же это — баба мужицкую работу справляла? Чтò же Кирила-то дѣлаетъ?.. Но вмѣсто этого, онъ промолвилъ только:

*) См. ниже: октябрь, 658 стр.

— Запоздали они понѣ... Запоздали!.. Вездѣ ужъ обѣялись...

— Какъ теперь не обѣяться... Время самое ужъ... отошло... Ты провѣдай, провѣдай сестру-то... Доброе дѣло!..

Опять Федѣ почудилось въ тонѣ мужика что-то неладное и нерадостное, но онъ не хотѣлъ пытаться и спрашивать о своихъ родныхъ у посторонняго человѣка и, попросившись, пошелъ-было впередъ, но остановился и облившись уходящаго мужика вопросомъ:

— А Федотъ-то Семеничъ дома?

— Не вѣду доподлинно-то, — отвѣчалъ мужикъ. — Мало онъ дома-то водится... Кажись, дома былъ...

— Строится онъ... — закричалъ мужикъ, отойдя уже много шаговъ впередъ и вдругъ снова оборачиваясь.

— Кто? — спросилъ Федя.

— А Федотъ Семеничъ... Какъ же, строится!.. Новы срубы ставить... На огородѣ... Подъ, увидишь...

«Что за притча такая?» раздумывалъ Федя, невольно прибавляя шагу. «Что-нибудь у нихъ да неладно...»

Въ избѣ Федоръ засталъ Анну одну. Она очень ему обрадовалась и порывисто бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, батюшка, Феданушка... Откуда тебя Богъ принесъ?.. Ровно съ нѣба свалился, нежданно-негаданно... Садись, батюшка, садись, родимый...

— Никого нѣтъ въ избѣ-то, никого... Я одна... одна я!.. — продолжала она, замѣтя, что братъ осматривается и ищетъ глазами: нѣтъ ли кого еще изъ домашнихъ.

— Да гдѣ же всѣ?..

— А матушка-то въ горницѣ: они тамъ теперь живутъ съ батюшкой... Батюшко-то на огородѣ... Тамъ у него плотничаютъ, такъ онъ назираетъ... А Кирила Федотичъ... не знаю, гдѣ онъ... Никуда ушелъ... Не сказался... Я пойду батюшекъ-то скажу, что ты пришелъ...

— Не надо, погоди... Дай, поговоримъ повѣкъ одни... Я и дорогой слышала, что строится Федотъ-отъ Семеничъ... Чтой-то это онъ? Съ чего это вздумалъ?

— А не знаю, Феданушка... Тамъ судалось ему: пушай, говорить, у меня своя избушка будетъ, коло пчель... А вы здѣсь хозяйствуйте, какъ знаете...

— Ну, а какъ у нихъ съ Киридой-то, ничего?.. Никакой ссоры, али неудовольствія?..

— Нѣтъ, кажись, ничего, все слава Богу... — отвѣчала Анна какъ-то нерѣшительно и оглядываясь на входяща двери.

— И у васъ съ нимъ все благополучно? Ничего? Не обижаетъ тебя?..

— Нѣтъ, Федянушка, ничего... Не пожалуюсь... Все благополучно... Все слава Богу... Да не хощь ли поѣсть съ дорожкой-то?.. Вотъ самоварчикъ бы, вѣдь, надо наставить про тебя...

— Нѣтъ, ничего не надо... Вотъ, перво къ Федоту Семенову схожу, поздороваюсь... А что это вы запоздали съѣсть-то вѣнчече?.. Сказывали, будто ты вчера еще только допахивала...

— Да, запоздали, запоздали вонъ маленько.

— Какое маленько: въ людяхъ до Успеньева дня засѣялись... Отчего же это такъ вы?..

— Да такъ вотъ все за дѣлами: успѣхъ не взялъ... То, да другое, такъ и не успѣли...

— А сама, сказываютъ, допахивала-то...

— Сама, сама, Федя... Что же?.. Вѣдь, не орать: пахать-то не въ примѣръ прощя... За сохой-то ходи да держись только: лошади сама научить...

— А сѣялъ-то кто-же? Неужто и сѣяла сама?..

— Нѣту, Федюша, гдѣ самой!.. Не умѣю я, дура, сѣять-то... не умѣю... Сѣялъ-то самъ Кирила Федотычъ... Онъ сѣялъ...

— Все самъ сѣялъ?..

— Кое онъ, а то успѣхъ не бралъ: сосѣда просила... Помогъ, спасибо!.. Да, право, Федянь, поѣлъ бы чего... Не хощь ли?..

По уклончивости, торопливости отвѣтовъ Анны, по робкому ожиданью на дверь, Федя понялъ, что сестра боится сказать что-нибудь не впопадъ, что могли подслушать и услышать за дѣрами. Очевидно, она таготилась разспросами Федора и боялась, чтобы ихъ разговора не подслушала Федосья Осиповна, которую отдѣляли отъ избы только одни узкія сѣни. Федя всталъ, чтобы идти.

— Куда же ты?—испуганно спросила его Анна.

— А къ Федоту Семенову пойду, на огородъ...

— А... Ну да, ступай, ступай батюшка, онъ тамъ... А я ужъ думала... Да ты какъ, нарочно къ намъ, али куда по пути шелъ, да зашелъ?..

— И по пути, и нарочно... Я, вѣдь, отпросился у батюшки вовсе... Въ люди иду, работы искать...

— Ну-у!.. На долго ли же?

— Да какъ проживется... али покамъ домой не потребуютъ: какую работу найду, сколько промышлять буду...—не знаю еще ничего...

— Вотъ ты какъ, Федюша!.. Уйдешь отъ насъ; батюшка!..

И не увидишь тебя!.. Что же это дома-то тебѣ надочуило?.. Кажись бы у насъ съ тятенькой жить ничего, вальготно... Обиди некавой нѣтъ... Что же ты это, родимый мой?.. Отъ своего родного дома въ чужи люди надумаль?.. А?..

— Такъ, хочу счастья поискать въ людяхъ... Дома-то еще наживусь...

— Ну-у... Вотъ ты что надумаль!.. Не съ кѣмъ будетъ и посовѣтовать и горе огоревать безъ тебя...

Анна разчувствовала-было и щеку подперла рукой, но вдругъ опять точно чего испугалась, спохватилась и пошла впередъ брата отворять ему дверь...

— Такъ погостишь, чай, у насъ сколько-нибудь?.. — спросила она, проводя брата, уже въ сѣняхъ.

— Ночку переночую, а утре ужъ пойду... Да вотъ, что еще Федотъ Семенычъ скажетъ...

Свади избы Федота Семеныча узкой полосой тянулся его огородъ. Около двора шли гряды съ капустой, огурцами, морковью, а въ другомъ концѣ стояло нѣсколько тычинъ съ хмѣлемъ, росла старая развѣсистая береза и нѣсколько рябинъ, покрытыхъ гроздьями красныхъ ягодъ; тутъ же, по забору, разставлены были и колоды съ пчелами. На луговинѣ, отдѣлившей гряды отъ пашки, между березой и рябинами, стояла, почти совсѣмъ уже отстроенная и покрытая, маленькая избушка, которой не было прежде. Это новое жильѣ, которое строилъ Федотъ Семенычъ, казалось совсѣмъ спростской кельей: съ ивненькой дверью, съ двумя маленькими окнами. Внутри избушки слышался стукъ топора.

«Неужели старикъ въ этой лачугѣ жить хочетъ изъ-за своего дома, свѣтлаго, просторнаго?» думаль Федя.

Онъ отворилъ дверь. Въ избушкѣ, сидя на простомъ чурбанѣ, Федотъ Семенычъ обтесываль какую-то плашку. Онъ былъ въ одной рубахѣ, сидѣлъ сторбившись и не имѣлъ того сановитаго вида, которымъ отличался, бывало, не только среди рядовыхъ мужиковъ, но и среди другихъ старшинъ. Федѣ повазалось, что онъ за послѣднее время сильно постарѣлъ и опустился.

При входѣ Федя, онъ поднялъ голову. Лицо его, передъ тѣмъ задумчивое, печальное, оживилось.

— Ахъ, дружище, какими судьбами? — свазаль старикъ, откладывая въ сторону топоръ. — Вотъ спасибо!.. Радъ я тебѣ!.. Свагушка здоровъ ли?..

— Слава Богу, кланяться приказаль вамъ, Федотъ Семенычъ. А вы что это, плотничаете сами?..

— Да вотъ, братъ Федя, задумаль себѣ калю особливую

устроить... Хотѣлъ сначала омоло церкви, на оградѣ пострѣться, да раздумалъ: точно ужъ очень на показъ людямъ, что вотъ, молъ, спастись человѣкъ хочетъ... Ну, да и отъ своихъ далеко... А правду тебѣ сказать, грѣха не погашь: больше того—пчелки пожалѣлись!.. Привыкъ я къ ней, люблю очень, стосковался бы безъ нея, а ужъ на оградѣ ея не заведешь... А здѣсь, смотри-ка, какъ у меня будетъ важно: посмотрѣлъ въ окошечко—вонъ они всѣ у меня на глазахъ: и рой, коли время придетъ, не отлетитъ ужъ у меня отъ рукъ, не уйдетъ... Все въ глазахъ!.. Вотъ къ избушкѣ-то еще заутру придѣлаю теплую, ошпанникъ: туда ихъ на зиму прятать... И тутъ всегда на глазахъ будутъ: не далеко ходить-то, за стѣной только будутъ...

— Тамъ неужто вы и зиму тутъ будете жить?

— А что же? Чудесно!.. Развѣ плохо? Смотри-ка... Изба-то будетъ теплая, потому не высока, а печь большая: тепла будетъ довольно... Вонъ, полатки сдѣлалъ. Переваливайся съ печи на полати... А очень взопрѣешь—вонъ лавки какія широкія... На лавкѣ проклажайся сколь хочешь!.. Вотъ тутъ иконы поставлю... какъ быть слѣдуетъ.. Неугасимую заведу: пускай горитъ за грѣхи мои!.. Вѣдь то любо: и лавки, и голбець, и молатки, и для образовъ кѣтъ, все почитай самъ сдѣлалъ, своими руками... Только доски мнѣ плотникъ выстрогалъ, а то все самъ... Ты думалъ, я топоромъ-то ужъ вовсе не умѣю, али освѣшь совсѣмъ?.. Нѣтъ, вотъ смотри: все-какъ, а все приладилъ какъ быть слѣдуетъ... Правда, пословица-то говорится: старій—что малій... Вотъ, вѣдь, что лавку сволотилъ, али голбець?—пустое, а мнѣ любо, а самъ... своими руками... Тамъ-то, другъ!.. Вотъ мнѣ въ старшинахъ сидѣть только до зимы осталось... Какъ выйду, такъ у меня и уголь свой есть: запрусь здѣсь, ровно монахъ, али скитникъ какой, и буду жить одинъ, подалше отъ людей, да отъ грѣха... Да ужъ и жора, давно поралъ..

— Да что же вамъ за охота изъ-за своего дома, изъ-за родной семьи, да одному жить?.. Федосья Осиповна, слава Богу, здравствуетъ... Кирила съ Анной при васъ... Все бы, кажется, лучше со всѣми вмѣстѣ...

— А ты, Федюша, со мной не хитри и душой не ври... Ты умный, и всѣ наши домашніе порядки знаешь... Старуха, коли захочетъ со мной жить, такъ и здѣсь будетъ: мѣста станетъ про обожъ; только она не пойдетъ отъ сына, хоть бы и лучше было, кабы ушла... Ну, а ужъ сыну далъ я волю, какъ хочетъ, все ему сдать, такъ нечего ему и мѣшать...

— А что же, Федотъ Семеновъ, развѣ у васъ съ Кириллою опять не лады, али вамъ что не по мысли дѣлается?..

— Нѣту, да вѣдь я ни во что не вхожу и не смотрю... Боли спросить что, ну скажу, а то нѣтъ, молчу... Ужъ, вѣдь, самъ ты говорилъ, что боли волю, такъ надо полную волю дать и не мѣшать: пускай самъ какъ захочетъ и какъ умѣетъ... Помнишь, говорилъ!.. Ну, вотъ тогда мнѣ твое слово и запало: не оттого ли, молъ, и все наше горе вышло, что я ему ни въ чемъ спуску не давалъ, все докучалъ?.. Вотъ теперь ужъ ни во что и не вступаюсь: какъ захочетъ!.. Онъ ничего, не грубиянитъ со мной, не споритъ, а только что вижу: мѣшаемъ мы другъ другу... То гость къ нему придетъ, мнѣ не по мысли, то погулять ему хочется, а у меня на глазахъ опасится... Ну, и бѣжить изъ дома, жену одну покидаетъ, хозяйство бросаетъ... То и самъ я не утерплю когда, скажу что — вижу ему не по мысли... Перетерпѣть бы, смолчать, что ни видишь, да иной разъ, по старости лѣтъ, что ли, али почему, и не вытерпишь... Такъ ужъ лучше отъ грѣха подальше!.. Вотъ Анну твою жалко!.. Жалко бабу!.. Хорошая она, добрая жена, а тяжеленько ей!.. И не столь черезъ мужа, нѣтъ, а больше черезъ мать... Вижу, баба изъ силъ бьется, угождаетъ старухѣ, а все не можетъ потрафить: въ печкѣ ее не подпускаетъ, а какъ что не спорится, али не дѣлается, по старости ея лѣтъ, та же Анна виновата... Пробовалъ унимать свою-то — хуже только!.. Да, хорошо, кабы мнѣ старуху-то свою отъ нихъ уманить, много бы лучше Аннѣ было!.. Онъ, вѣдь, не злой, Кирила... Нѣтъ!.. Беспутенъ онъ только, разбалованъ!.. Одни-то бы, можетъ, ужились лучше: какъ-нибудь обломались бы другъ объ друга... Ну, да что говорить: теперь это дѣло ихнее... Мое дѣло въ сторонку отойти да не мѣшать... Лучше, какъ ничего не видишь и не знаешь!..

Федотъ Семеновъ невольно глубоко вздохнулъ. Видно было, что онъ дѣлалъ надъ собою усиліе: не все высказывалъ, что думалъ, зналъ и чувствовалъ.

— Ну, да, что тутъ толковать: ты самъ уменъ, день проживешь — все увидишь... — промолвилъ Федотъ Семеновъ. — Расскажи-ка мнѣ лучше, какъ вы поживаете... Что ты объ себѣ-то одумалъ? Невѣсту не высваталъ-ли?..

— Нѣту, Федотъ Семеновъ... Я отпросился у батюшки... Пустилъ меня, спасибо, вовсе: работы на сторонѣ поискать... Вотъ нарочно и къ вамъ зашелъ: попрощаться да наставленія твоего попросить...

— Да что ты самъ-то надумалъ? Буда хочешь идти-то?..

— Намѣреніе мое: идти на заводы; около концовъ работы поискать, по моему ремеслу.

— Это рѣзь-то рѣзать?..

— Да, и постоярничать что... Всякую бы вещь, важись, сдѣлать, только покажи... Вотъ развѣ инструмента только нѣтъ у меня... всякого... А если бы у меня инструментъ всякій былъ, кажется, ничто бы отъ рукъ не отбилось... Вотъ шкатулки съ секретомъ знаю дѣлать, только деревъ у меня никакихъ нѣтъ, а безъ деревъ никакъ нельзя... Ну, что одна береза... А купцы имѣютъ состояніе: всякихъ деревъ накупить могутъ... А главная причина, — вавъ къ механикѣ у меня пристрастіе большое: къ машинамъ бы какъ попасть желательно... Вотъ около машинъ бы какъ на фабрикѣ пристроиться!..

— Около машинъ!.. Это дѣло!.. Вотъ что... Есть у меня одинъ знакомый купецъ... Попытаться развѣ къ нему?.. Сегодня ужъ ты переночуй у насъ, а завтра я съѣзжу съ тобой къ нему... Но крайности, поговорю про тебя, да попрошу: все, чай, лучше, чѣмъ такъ одинъ, незнаемый, радиться придешь... Самому-то собой хвалиться не сподручно... Ну, а я-то ужъ знаю что про тебя сказать... Вотъ, коли хочешь...

— Ужъ на что этого лучше, Федотъ Семенычъ: не оставьте, пособите... Известно, коли ужъ вы съѣздите, да поговорите, такъ купецъ, особливо, коли знакомый, тотчасъ возьметъ меня...

— Ну, не больно, братъ... Купцы, такой народъ, онъ на слово-то и отцу родному не повѣритъ: онъ смотритъ на человѣка-то по дѣлу, а не по словамъ... Взять-то онъ возьметъ всякаго рабочаго, коли только онъ ему надобенъ... Ну, да ужъ и выжметъ изъ него все... Развѣ что этотъ — благопріятель мой большой... Принимаетъ меня завсегда... И самъ человѣкъ добрый, благотворительный человѣкъ!.. Вотъ попытаемся утра... Съѣздимъ!.. Да что мы здѣсь сидимъ—у пустого-то мѣста... Пойдемъ въ домъ... Тебѣ, чай, съ сестрой повидаться хочется, да и поѣсть надо съ дороги?..

— Я съ сестрой ужъ видѣлся, Федотъ Семенычъ!..

— Такъ что же она?.. Поди, чай, ничѣмъ не угостила, и самоварчика, чай, не наставила... Пойдемъ, пойдемъ!.. Кирилато, поди, нѣтъ дома, шатается гдѣ-нибудь, а хозяйствуетъ-то нонѣ мать, Анюха-то, чай, не смѣетъ и самовара-то поставить про тебя... Чудное дѣло: не влюбила, братецъ, тебя моя старуха!.. И за что? сама не знаетъ... Да нѣтъ, не хорошо, не хорошо нонѣ у меня въ дому... Правда, не у меня, у сына!.. Я нонѣ все молчу!.. Ужъ ни во что не вступаюся, и не говорю ни слова!..

Вотъ только тебя-то увидѣлъ, обрадовался, звать у меня ровно развязался, а то я нынче въ молчаливѣе поступилъ: какъ домой прѣхалъ, такъ и рѣчей у меня нѣтъ... А только не хорошо.. не хорошо!.. Все не по мысли мнѣ, не по-моему!.. Ну, да ужъ дая волю, такъ какъ хотѣть, не мое дѣло... А все-таки ты мой гость!.. Я своего гостя угощать могу, какъ слѣдуетъ...

— Да вы не безпокойтесь, Федотъ Семенычъ!.. Я ничего не хочу...

— Ну, ужъ братъ, нѣтъ... Ты меня не обижай... У меня все свое... Я не поклонюсь!.. Я своимъ тебя угощать стану, не сыновнинымъ... Я, вѣдь, еще не на чужихъ хлѣбахъ живу... Слава Богу, свое имѣю!.. Сами звали меня жить-то къ себѣ!.. Сами просили, а я могу прожить и одинъ... Ты у меня гость дорогой, я тебя люблю!.. Они должны всѣхъ почитать тебя...

Федя съ грустью прислушивался и смотрѣлъ на Федота Семеныча. Онъ не узнавалъ его: отсюда взялась въ немъ старческая болтливость, плохо скрываемая безыльная раздражительность и недовольство, какая-то жалобная и жалкая нота въ тонѣ его голоса, откуда это въ старикѣ, полгода назадъ, бодромъ, сильномъ, молчаливомъ и рѣшительномъ?.. Даже по внѣшности онъ сильно измѣнился, опустился и постарѣлъ: голова не держалась такъ высоко, глаза не смотрѣли такъ прямо, спина согнулась, измѣнилась походка, какъ будто даже ростомъ онъ сталъ ниже прежняго...

II

— Что же ты это, Анюха, самоваръ-то и не поставила про брата.. А?.. Ахъ, ты, безстыдница экая!.. — говорилъ Федотъ Семенычъ, войдя въ избу.

— Да онъ не велѣлъ, батюшка...

— Да что его слушать... Это хозяйское дѣло, а не гостево: хозяйева должны угощать, а гость только угощеніе принимать... Ставь-ка, ставь скорѣй!.. А я пойду велю Федосѣй чай заварить, да насъ напоить... А сама не захочешь, ты разольешь.. Вотъ я сейчасъ схожу... Мать-то въ горницѣ, чай, сидитъ?

— Да, надо быть, тамъ... — отвѣчала Анна.

— А Кирюшки все нѣтъ?..

— Нѣтъ, еще не бывалъ..

— Ахъ, шатунъ, шатунъ!.. Право, шатунъ!.. — проговорилъ Федотъ Семенычъ, повидимому добродушно, но съ вздохомъ, и вышелъ изъ избы.

— Да что, Кирюха-то, видно, опять сталъ зашибаться? — спросилъ Федя, обращаясь къ Аннѣ, которая хлопотала съ самоваромъ.

— Да, вѣдь, не по всякъ день, Федя, нѣту!.. Срѣдка развѣ когда!.. А то, вѣдь, онъ и работаетъ, и дома сидитъ!..

— Да что ты отъ меня скрываешься, правду-то не говоришь, Анна?.. Говори теперь: они тамъ, старики, разговариваютъ промежъ собой, не слышать, говори!..

Анна взглянула на брата, потомъ повернула голову къ двери, какъ-бы прислушалась, затѣмъ быстро бросилась къ нему на шею и проговорила ему на ухо:

— Ахъ, много бы говорить-то нужно, Фединька, рассказать бы тебѣ все, душеньку отвести, да долго говорить-то... да и боюсь!.. А больше на Бога надѣюсь: авось Господь на путь истинный наставить!.. А плохо, Фединька, плохо!.. И зашибаться сталъ, и гуляетъ, и изъ дома тащить на сторону, таскомъ тащить!.. Нишени, батюшка, нишени!.. Идутъ, кажутся?..

И Анна опять отскочила отъ Федора къ печкѣ и къ самовару. Въ избу вошелъ Федотъ Семеновичъ, неся въ рукахъ чайникъ и чашки. Лицо его было мрачно; онъ былъ видимо взволнованъ; руки его дрожали.

— На-ка, Анна, бери!..—проговорилъ онъ отрывисто.—Ужъ до чего дожидь, Господи, что своя жена слушаться не хочетъ!.. Старая старуха—и та воли захотѣла!..

Федотъ Семеновичъ злобно усмѣхнулся.

— Ужъ пускай бы сама не шла, а то чаю вадумала не давать!.. Моего-то же чаю, да не даетъ!.. Чудеса! ей-Богу!.. Рехнулась она у меня!.. Знаю, говорить, для кого этотъ чай!.. Живетъ и безъ него!.. Дура, право, дура!..

— Отъ преклонности лѣтъ это илныхъ!..—успокоивалъ его Федя.

За чаемъ, который разливала Анна, въ бесѣдѣ о будущемъ Федя, Федотъ Семеновичъ развеселился, какъ будто забылъ о всемъ, что его тревожило, и сталъ опять похожъ на прежняго. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что Анна наливала только для нихъ чай, а сама не пила.

— Анна, отчего же ты не пьешь?—спросилъ онъ.

— Ну, батюшка, кушайте сами!.. Я не хочу!..

— Почему врешь: не хочу?! Пей, пей!.. Отчего же пьешь?..

— Да ну, я послѣ!.. Кушайте перво сами-то!.. Вотъ останется, и я напьюсь!..

— Да врешь!.. Я знаю, что у тебя въ головѣ: ты евреями

боишься, что попрекать станеть... Не бойся: мой чай-то, не вашъ!.. Я на свои деньги покупалъ... Я потчую!.. Пей же, говорять, сейчасъ, вмѣстѣ съ нами!..

— Не сходить ли мнѣ, батюшка, лучше сначала матушку попотчивать?..

— Не надо, не надо, пустяки!.. Я самъ звалъ!.. Не пошла, такъ какого ей еще зва... И пойдешь, такъ уйдешь ни съ чѣмъ, либо шугнуть, да обругаетъ... Что ты думаешь: развѣ я вашихъ дѣловъ не вижу?.. Что молчу-то?.. Не думай, а все вижу, всѣ прижимки ея противъ тебя вижу... Пыталъ и усовѣщевать и бранить ее, дуру... Что съ ней подѣлаешь!..

— Знаю и я, батюшка, что ты мой радѣльщикъ... По тебѣ только и живу...

У Анны навернулись слезы, голосъ задрожалъ; много бы ей хотѣлось сказать, но она опять спохватилась, замолчала и невольно взглянула въ сторону двери. На этотъ разъ это было кстати, потому что дверь открылась и въ ней поваялся Кирила въ сопровожденіи матери. У Федосьи Осиповны выраженіе лица было таково, точно она сейчасъ сказала, или хотѣла сказать сыну:

— Посмотри-ка ты, свѣтъ ты мой ясный, — что они безъ тебя дѣлають, какихъ гостей привѣчаютъ, какіе пиры сводять!.. А мать безъ тебя въ сторонѣ, въ вагонѣ!..

Кирила былъ на-веселѣ и въ хорошемъ расположеніи духа: если мать и успѣла ему шепнуть такіа рѣчи, которыя выражали ея глаза и лицо, то онѣ не произвели, повидимому, на сына никакого впечатлѣнія.

— А, гость дорогой, Федоръ Герасимычъ... Сколько лѣтъ, сколько зимъ!.. — проговорилъ онъ, радушно протягивая руку поднявшемуся съ мѣста Федѣ.

— Здравствуйте, Федосья Осиповна, — обратился съ своей стороны Федя, почтительно кланаясь старухѣ, которая что-то пробормотала въ отвѣтъ и съ язвительной гримасой умышленно низко поклонилась ему.

Анна уступала-было свекрови свое мѣсто, но та отворотилась и съ недовольнымъ, обиженнымъ лицомъ усѣлась въ сторону, въ уголокъ, нарочно подальше отъ стола, на которомъ пили чай.

Федотъ Семенычъ молча и исподлобья смотрѣлъ на всю эту сцену.

— Садись, садись, Федоръ Герасимычъ... Дай-ка и мнѣ, Анна, чайку-то... — говорилъ между тѣмъ Кирила, избѣгая встрѣтиться со взглядомъ отца. Матушка, а что же ты-то? подвигайся: мѣста про всѣхъ будетъ... Испей и ты чайку-то съ нами...

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю,... Гдѣ ужъ мнѣ чай распивать... Не привычна я!.. Я и такъ посижу!..

— Анна, да чай-то можетъ спили, такъ можно свѣженькаго заварить...—продолжалъ между тѣмъ Кирила, не слушая словъ матери.

— Не знаю какъ сказать... Кажись, не больно жидокъ еще...— робко отвѣчала Анна, въ нерѣшимости стоя около своего мѣста.— Матушка, вотъ бы сѣла... да разливала бы... Вотъ... пожалуй, садись, матушка!..

— Полно-ка, ужъ полно... Не манежничай!.. Хозяйка, такъ хозяйкой и сиди!.. Сама пей и гостей угащивай... А мы и въ куту просидимъ! Намъ и такъ хорошо, и безъ чаю!.. Вѣкъ-отъ прожили, не больно набалованы чаями-то... Это вы привычны чайничать-то, молодые!.. Вы и чайничайте!..

— Полно, матушка... Это напрасный разговоръ... — рѣзко замѣтилъ Кирила.—Вонъ чай-отъ жидокъ: поди-ка, принеси еще, да подсыпи!..

Федосья Осиповна нѣсколько мгновений помялась, что-то пробормотала, но не могла послушаться сына: встала и пошла въ свою свѣтелку за чаемъ. Федотъ Семенычъ глубоко вздохнулъ и сердито крякнулъ.

— Ну какъ живешь-поживаешь, Федя?—спросилъ Кирила.

— Да понемножку...

— Чтѣ больно давно не заглядывалъ къ намъ?.. Ровно и дорогу забылъ...

— Да все за дѣлами: никакъ нельзя было...

— Да ужъ эти дѣла, братъ, новѣ... Бѣда!.. Замыли вовсе!.. Лѣто никакое нескладное: дожди отъ работы вовсе отбивали... Да и мы нынче безъ работника; батюшка не посоветовалъ нанять... А однихъ никакъ успѣхъ не брать... И до сѣнковой поры яровые снопы еще въ полѣ...

— Да и овесъ-то не дожать...—замѣтилъ Федотъ Семенычъ не безъ язвительности.

— Ну, то что: самая малость... Не стоить его и жать-то: совсѣмъ осѣся, безъ зерна... Одна солома и ту серпомъ не ухватишь... А только намъ безъ работника никакъ невозможно!.. Ты какъ хочешь, батюшка, а только я работника найму...

— Что мнѣ... Твое дѣло!.. Я бы въ твой года и не съ этой работой управился, а ты какъ знаешь!.. Я давно сказалъ, что ни во что ввязываться не буду... И не ввязываюсь!.. спросишь—посоветую, а тамъ твое разсужденіе...

— Да и прѣжь того у насъ завсегда батраки бывали...—

внѣшалась Ѳедосья Осиповна, которая разливала уже чай. Воротясь изъ своей горницы, она подошла молча къ столу, несмотря и точно не замѣчая Анны, влечомъ своимъ оттокнула ее и заняла передъ самоваромъ ея мѣсто.

— Завсегда батраки у насъ жили...—повторила она... Известно, бабье дѣло я одна управляла, не ходила по сосѣдямъ кланяться да помочи просить, а на мужичью работу всегда батрака нанимали...

— Такъ развѣ та у насъ прежде запашка-то была?...—возразилъ Ѳедотъ Семенычъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ.—Я, бывало, и пашни, и луговъ наймовалъ, по осьми чередовъ зиму провармливалъ, а въ пастушню-то и по двѣнадцати сгоняли... По три лошади, бывало, держалъ, да по пяти коровъ въ зиму, окромя овецъ... А новѣ сооль?... Одна лошадка да двѣ коровы—вотъ и все!.. А земля-то на одно тягло!.. Такъ въ этому-то работника нанимать, чужого человѣка хлѣбомъ кормить?... Что же сами-то дѣлать будутъ?... Эхъ, да... языкъ мой, врагъ мой!..

— Такъ что же, вѣдь, и Кирюшѣ не заказано земли-то нанять, али скотинки-то прибавить, коли съ деньгами собьется!..

— Это я, батюшка, безпремѣнно...—подтвердилъ увѣренно Кирила.—Что на одномъ тяглѣ сидѣть—не далеко уѣдешь, пожалуй и не прокормишься... Это непременно земли нужно будетъ принавать, и скотины прибавить... А съ одной своей полосы, особливо при новѣшнемъ урожаѣ, не только хлѣба продать, а, право, не прокормишься...

Кирила взглядывалъ на Ѳедю, какъ-бы вызывая его на поддержку своихъ словъ, но тотъ сидѣлъ опуствя глаза въ землю и упорно молчалъ.

— Вдвоемъ не чаешь прокормиться,—отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ,—а еще третій ротъ хочешь нанимать—работника... Какъ же люди-то вонъ на одномъ тяглѣ сидятъ, мужъ съ женой да четверо дѣтей, самъ-шесть значить... вонъ хоть Максима!.. да прокармливаются же, по міру не собираетъ... Да вонъ, не далеко ходить—у Герасима Дмитрича: восемь, али девять ртовъ-то къ обѣду-то садятся, тоже земли на два тягла держитъ, а хлѣба остается своего и овса еще каждый годъ продаетъ рублей на тридцать: самъ свазывалъ...

— Вотъ сравнилъ,—возразила Ѳедосья Осиповна:—тамъ, слава Богу, трое работниковъ-то, да четвертый подростокъ... А у насъ одинъ, онъ и у восули, онъ и съ косой!.. А ѣдимъ-то тоже не двое, а четверо... Опять же у насъ, не какъ у рядового мужика, тоже пришлый народъ бываетъ... Безъ угощенья тоже не уходить...

— Ну, пускай насъ съ тобой на зиму не считаютъ, а меня-то ужъ и вовсе... Я вотъ еще недѣльку—другую, да и въ свою хату переберусь: тамъ стану жить...

— Что же, батюшка, я этому не желателенъ... — отозвался Кирила. Даже въ большое огорченіе это принимаю... Я, кажется, ни чѣмъ противъ тебя не согрубилъ, а стараюсь какъ бы угодить, чтобы тебѣ насъ такъ опокѣнуть, ровно грубияновъ какихъ... Это я даже въ большую обиду долженъ принять себѣ, точно я и аправду хлѣба про васъ, али тепла въ избѣ, что ли, жалѣю... Это вы, батюшка, напрасно только меня обижаете!..

Кирила говорилъ это какъ будто искренно, отъ сердца.

— Знаю, братъ, что ни хлѣба, ни тепла тебѣ не жалко... А только такъ думаю, что намъ обонимъ свладнѣе будетъ, что хощь и на одномъ усадѣ, да въ разныхъ избахъ жить будемъ... Такъ полагаю: другъ другу мѣшать меньше будемъ, и тебѣ свободнѣй, и мнѣ покойнѣе... Я вотъ ужъ старъ сталъ, все не по мнѣ, да не по моему, а вы по молодому, можетъ, лучше сдѣлаете... Вотъ и надо мнѣ отойти, а особливо бы вотъ матери... Буда бы хорошо было для васъ, кабы она оставила васъ въ спокою, а жила бы со мной!..

— Развѣ вотъ невѣстка изъ своей избы погонить—отвѣчала Федосья Осиповна, можетъ, ей я помѣшала, а отъ сына еще, слава Богу, ничего не слыхала, не гонить матери изъ дома... Окромъ почтенія, отъ него ничего не вижу...

У Федосьи Осиповны дрожалъ голосъ: она готова была и плавать, и браниться.

— Да я, помилуйте, матушка... батюшка... я не того желаю... а чтобы жили вы съ нами навсегда, а не то гнать... Я и думать этого не могу!..—говорилъ Кирила.

— Да никто не гонить... Чтѣ пустое говорить...—возражалъ Федотъ Семеновъ.—Это мать твоя такъ только, съ бабьего разума... Не то что гнать, а коли бы даже просили вы, влянялись, чтобы остались мы и тутъ нуждо уйти... для вашего же спокою!.. Ну что промежь мужемъ съ женой намъ, старикамъ, валандаться... мутить только васъ?... Жить будемъ не въ другой деревнѣ, а тутъ же: подовѣтовать закотите—придете, соскучите по насъ—побываете, мы соскучимся—къ вамъ прѣдемъ... На что бы лучше!.. Пессоритесь когда промежь себя—одни-то сворѣй и разберетесь, сворѣй и помиритесь: никто не подожжетъ, никто ни за втораго не вступится... Хорошо будете жить—слава Богу, порадуемся на васъ, а худо чтѣ сдѣлаете—опять же не кого винить, окромъ себя... И мы у васъ не виноватые останемся... Вотъ какъ по-мо-

ему!.. Я-то ужъ уйду, а такъ порѣшили!.. А и тебѣ бы надо, Федосья, такъ же разсудить, воли бы по матерински, да по умному-то... Больше бы и добра, и пути для нихъ было, кабы ушла отъ нихъ. Я и слыкала, и самъ видалъ, на своемъ вѣву довольно, что нѣтъ того хуже какъ мать, мужнина ли, женнина ли, за- всегда между молодыми мужемъ да женой сутелочится... Много изъ-за нея и ссоры, и издору бываетъ... Не къ тебѣ одной это говорится... а только и ты не изъ ряду вонъ.

Федосья Осиповна, наконецъ, не выдержала—и разразилась слезами.

— Да что ты и самъ-дѣла!.. — заголосила она. — Мучилъ-мучилъ, командровалъ-командровалъ вѣкъ-отъ вѣченской, — да и на старости лѣтъ, послѣдніе-то, можетъ, дни покою не даешь, — мушварить меня хочешь!.. Не пойду, покажъ Кирюша самъ въ шею не выгонитъ!.. Одна онъ у меня моя кровь, да я бы ушла отъ него, бросила, — такъ вотъ, ни съ того, ни съ сего, съ бухты-баракты!.. Худа ли я, хороша ли, — а все мать!.. Все я знаю, что никто столь его не пожалѣетъ и не побережетъ, сколь я... Ничего я къ его худу не сдѣлаю и другимъ сдѣлать не дамъ... Можетъ, и хороша у него жена, да у нея вонъ сродственники есть—и отецъ, и братья, а я у Кирюшиньши одна!.. Я отступлюсь, такъ кто за него встанетъ?.. Не могъ ты этого и думать: не уйду, покажъ сынъ не выгонитъ, — вотъ тебѣ и весь свазъ!.. Я знаю, кто тебя подбиваетъ на это!.. Ну, а ужъ меня не перехитрятъ...

— Дура, право, дура!.. — со вздохомъ проговорилъ Федотъ Семенычъ.

— Даромъ дура, а ты умень... А нѣтъ, ужъ не перехитрятъ меня... Вотъ къ тебѣ приживальщикъ-отъ пришелъ: вотъ возьми его, живи съ нимъ... — показывала она на Федю. — Онъ радъ будетъ... Можетъ, затѣмъ и пришелъ... А я еще изъ своего дома не пойду, покажъ мнѣ мѣсто есть...

— Я, Федосья Осиповна, въ чужіе люди иду, — на фабрику поступаю... — сказахъ Федя.

— Ну, родимый, куда хочешь поступай: мнѣ до тебя дѣла нѣтъ... Только отца съ сыномъ не разстраивай... жену противъ мужа не подучай, — вотъ что!..

— Ахъ, глумная, ахъ, глумная!.. — говорилъ Федотъ Семенычъ, покачивая головой. — Затѣни хошь флотку-то, помолчи, образумься маненько... Всегда-то была не умна, а теперь ужъ естатки одурѣла.

— Ну, какова есть, а все-жъ-таки скажу!..

— Это точно, матушка, — перебилъ ее Кирила. — Ну, что пустое говорить, совсѣмъ которое неслѣдующее...

— Такъ вотъ ты какъ, Федоръ Герасимычъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Федѣ: — на фабрику надумалъ, а я и не зналъ этого... На которую же?

— Да не знаю еще... Вотъ какъ Богъ приведетъ... Вотъ Федотъ Семеновъ хочетъ помочь: обѣщаетъ завтра съѣздить со мной къ знакомому купцу... похлопотать на-счетъ мѣстечка...

— Это къ кому же, батюшка? — заинтересовался Кирила.

— Къ Конастинуову хочу... къ Кузьмѣ Иванычу...

— А-а, что нове заведение открылъ... Слыхалъ!.. Что же, давай Богъ!.. Инымъ на фабрикахъ счастливить, особливо воли въ приказчики какъ выбиться... даже большія деньги наживаютъ!.. Я бы самъ съ удовольствіемъ къ купцамъ пошелъ бы служить, дабы домъ было на кого опознать, а то что здѣсь: что наживешь, окромя горба въ спину?.. Наша жизнь, мужицкая, самая послѣдняя... особливо для насъ, для грамотныхъ, что мало-мальски понимаешь... Ну, сѣрый мужикъ, тому нечего больше дѣлать — пускай за косулей ходитъ, да землю деретъ, — а намъ-то!.. Тебѣ вотъ хорошо подешлось: не женатъ еще, дома отецъ съ братьями останутся... вольный казакъ!.. А мнѣ вотъ никакъ велья... А пошелъ бы... Что здѣсь? Что что грамотѣ обученъ? Куда она? Ковырайся вѣкъ въ землѣ... Такъ ни за грошъ и пропадешь!.. И чудесная жизнь тамъ, славываютъ, на фабрикахъ: жалованье платятъ хорошее, все на урокахъ, — отстоялъ свое, а тамъ и гуляй... Ничего много ребятъ и отъ насъ стало ходить... Да я еще вотъ посмотрю: можетъ и я надумаю, — пойду на фабрику...

— И опять не дѣло говоришь, Кирила... У него мастерство въ рукахъ: онъ съ нимъ и идетъ, а ты съ чѣмъ пойдешь?.. Ну, въ приказчики еще взяли бы... Ну, туда-сюда... Да развѣ съ-разу возьмутъ? А грамота-то для рядового фабричнаго столь же нужна, что и мужику: у стана ли стоять, митяль ли полоскать, въ красильной ли ворочаться, али дрова подъ машину подкладывать: тутъ твоя грамота не потребуется... Да съ твоимъ характеромъ ты отъ фабрики-то не то что наживешься, — гроша мѣднаго домой не принесешь: все тамъ останется!..

— Отчего такъ, батюшка?

— А оттого, сынокъ!.. Самъ знаешь... Сердце у тебя не такое, чтобы денешки наживать, а особливо, гдѣ артель велика... Чѣмъ говоришь-то: самъ знаешь!.. Подемъ, Федюша, въ новую стройку... Полежимъ тамъ покамъ до ужина... Анна наваскаетъ намъ сѣна... Да положи, Анна, сафтанъ... Тамъ и ночевать бу-

демь... Тамъ-то; уснемъ — пречудасно!.. Въ новой-то стройкѣ духъ больно хорошъ... вольный!..

— Пойдемте, Федотъ Семеновъ...

— Завтра съ утра-то мнѣ въ волость нужно.. Выйдѣть и пойдѣмъ. Покамъ я дѣла справлю, ты съ учителемъ поводишься... Онъ про тебя навѣдывался... А тутъ и въ бунцу пойдѣмъ...

Когда Федотъ Семеновъ съ Федей и Анной вышли изъ избы, Федосья Осиповна вполголоса сказала сыну:

— Вотъ все такъ: свой нигуда не годится... Чѣмъ бы родному сыну порадытъ и самъ дѣлѣ около купцокъ-то, — онъ про чужака старается... А слышалъ ты, Кирюша, на-счетъ того, чтобы и я-то отъ тебя ушла?.. Это она... Анна подбиваетъ!.. Ужъ какъ Богъ святъ!.. Я ее насквозь вижу, зелье!.. Чай, поди, видѣсь, одни-то были, и на тебя, и на меня — и братцу-то, и свекру напѣвала-напѣвала... А ужъ этотъ тихоня, Федька, за-всегда исподтишка... Равно добра желаетъ, а самъ старика противъ тебя наущаетъ... У-у, варвары! рожа твоя влятая, подкалывай!.. Кажется бы, такъ и изорвала въ клочья своими руками!.. Видишь, сегодня, при немъ, старикъ-отъ совсемъ другой: никакой злой, сердитый... видать, что подущены!.. Видишь-ты: все онъ хорошъ, а ты, родной сынъ, нигуда не годишься... ни къ какому дѣлу!..

Кирилла, облокотившись на столъ, подержавъ голову рукою, смотрѣлъ неопредѣленно куда-то вдаль и разсѣянно слушалъ мать. Наконецъ, онъ быстро поднялъ голову и тряхнулъ бровями.

— Да вы что хотите говорите и думайте про меня... Судайте на всѣ руки!.. А только что не жить мнѣ дома рядовымъ мужикомъ... Развѣ это жизнь? — ие-дня въ день, изъ году въ годъ — все одно и то же... Дома спину, мезолъ руки, подаи плати, да думай, какъ бы концы съ концами свести, чтобы съ голоду не помереть!.. А работа-то эта, полеска — дьявольская: солнце тебя печетъ, дождь мочить, руки-ноги извертишь всѣ, ломаешься, спинушка не разгибается!.. А какіе барышны-то?.. Только-что развѣ проворнишься, да подаи заплатишь, а тамъ и опять нѣтъ ничего, опять сначала начинай...

— Такъ какъ же быть-то, Кирюша?.. Не ты одинъ, и всѣ такъ живутъ... Еще мы-то, благодарить Бога, получше людей живемъ: у насъ и запасецъ всякій есть... Смотри-ка, сколь одѣжи одной!.. Видишь, все твое, батюшка: отецъ ничего не хочетъ брать...

— Да, велика вина одѣжа: всю-то продать, такъ ста рублей напросишься...

— Что же дѣлать-то, Кирюшечка... Были у отца деньги

свопленны, тысячи съ дѣй было, что больше—да все на миръ извезе... Есть и теперь, знаю, — своихъ маленько; да вотъ боюсь, что этотъ пройда, Федька, и тѣ выпросить... Уже шари боюсь, а чуть мое сердце, что выпросить... А онъ дастъ.. нашъ-отъ!.. Своему не дастъ, а чужому отдастъ, только подбейся умночи... Охъ, мое горюшко!.. Меня-то нынче не слушаетъ, да вотъ еще особливо жить хочеть на собану: деньги-то эти прожывать... Чѣмъ бы въ дому съ сыномъ жить, да денежки, все сберегъ, сыну оставить, одень-то будетъ жить—всѣ и проживеть... Не знаю ужъ, какъ быть-то, Кирионенька!..

— А такъ и быть, что уйду я отъ васъ... Живите здѣсь, какъ знаете, ховайствуйте... А я вотъ, какъ отецъ изъ старинки выйдетъ, вольму годовой паспортъ да и уйду...

— Чтой-то, Кирионенька... Какъ же ты уйдешь отъ своего дома, отъ жены, отъ своей?..

— Вотъ еще несчетно-то помянула... Вотъ тамъ печальнѣе!.. То-то любунку мнѣ на шею навязали... Экая, подумавъ, враля писаная!.. другой окой, пожалуй, не выщепь!.. изводи бѣднѣй-свѣтъ — не выщепь!..

— Ну, что же дѣлать-то, Кирионенька... Известно не похваляшь, а какова бы ни была, все же законная...

— Да, законная!.. Что я выламывалъ, да выламывалъ, что ли, у васъ, чтобы вы женили меня на ней?.. Сами женили, меня и не спросили...

— Известно, ужъ это отецъ...

— Такъ то-то и есть!.. А можетъ быть, я бы теперь какую себѣ прискалъ самъ-отъ, кабы вы мнѣ вторы жарновъ на шею не повѣсили!.. Известно, тогда мальчишка былъ, ничего не понималъ: хопъ на возѣ бы женили, такъ все равно; только бы волю дали!.. А теперь, какъ посмотрѣлъ; да посправилъ; — такъ не то, что, ради ея, дома оставаться, а, кажется бы, отъ нея на край свѣта забѣжалъ... отъ законной-то своей!.. И уйду безпремѣнно: ты такъ и знай, только не могли говорить никому до время, а то все равно: не остановишь, только разсердишь!..

— Да не скажу, батюшка, воли не велишь, только куда же это уйтв-то хочешь и почто?..

— Буда покуда и самъ еще не знаю; а спойду счастья да денегъ искалъ!.. И на фабрику толкнушь, и на торговой части попробую... Можетъ, до самаго Питера дойду... Авось, Богъ милостивъ; не хуже людей!.. Это батюшка только думаетъ, что и никуда не погуея... Землю пахать я точно что не хочу, и не стану!.. А дай-ка мнѣ дѣло настоящее, оборотистое: не бойсь, из-

чище всякого обмозгуемъ; всякому Федькѣ носъ утремъ: даромъ онъ механикъ!.. Я вонъ въ острогѣ сидѣлъ,—ужь каковой народъ прожженный округъ меня былъ, а, небойсь, дуракомъ не считали, а во мнѣ же за совѣтомъ шли!.. И на письмѣ... даже прокурору прошенія писалъ!.. Ты этого не понимаешь!.. Меня даже смотритель побаивался, потому — я и противъ него права узналъ... Коли счастье будетъ, на дѣло попаду,—такъ, небойсь, наживу деньги и безъ отца: пускай онъ съ Федькой возится, а я самъ про себя промыслу, влнаться ему не стану...

— Знаю, багюшка, знаю, Кирюшенька, что ты у меня на вся горавдъ... Да какъ же ты меня-то, сироту, покинешь,—какъ я-то безъ тебя останусь, горемычная?..

— Такъ и останешься: будешь жить съ Анной да хозяйствовать... Я уйду, — и отецъ будетъ съ вами жить... Это онъ только изъ-за меня не хочетъ въ дому жить вмѣстѣ со мной, а безъ меня будетъ...

— Багюшка, да Анна-то безъ тебя меня займъ,—со свѣта сживетъ... Смотри, опять этого позовутъ: что ему тогда у купцовъ жить, онъ на готовый-то хлѣбъ тотчасъ прибѣжить... Опять вдвоемъ-то — да не то: вдвоемъ, и всѣ втроемъ — старикъ-отъ вѣдь съ ними же заодно... Опять втроемъ примутся надо мной командовать... Нѣтъ, Кирюшенька, не жить мнѣ съ ними безъ тебя!.. Ты какъ-нибудь, а возьми и меня въ себѣ: я кошъ постряпаю, да помою на тебя... Хошь ты на глазахъ у меня будешь...

— Это, матушка, ты пустое говоришь: и самъ-то я не знаю куда еще попаду, а тебя съ собой брать...

Возвращеніе въ избу Анны прервало разговоръ. Кирилла всталъ, надѣлъ шапку и ушелъ. Федосья Осиповна остановила восклицанія, которыя было уже начались, утерла слезы и, не оборачиваясь лицомъ къ Аннѣ, молча вышла изъ избы вслѣдъ за сыномъ.

III.

Анна вопросительно, съ недоумѣніемъ, посмотрѣла на уходящихъ мужа и свекровь; неопредѣленно покачала головой, вдохнула и принялась убирать со стола. Федотъ Семеновъ велѣлъ принасти ужинать и повѣстать какъ будетъ готово, а между тѣмъ мушъ высвѣтилъ изъ избы, какъ только она вошла, слова ей не сказавши, не взглянувши даже на нее; она не успѣла даже и спросить его: будетъ ли ужинать и ждать ли его, или

їть. Свекровь тоже ушла, видимо отворачиваясь и не желая съ нею говорить. Она не посмѣла даже и рта разинуть передъ нею, чтобы спросить — какія ей будутъ приказанія.

«Нушто ужъ они такъ думяся, что Федя-то пришеде?» думала бѣдная Анна. «Что же мнѣ теперь дѣлать-то? Идти спросить матушку на-счетъ ужина: толкомъ не отвѣтитъ, а изругаетъ, всрамитъ ни за-что, ни про-что — это ужъ изругаетъ и всрамитъ!.. Да еще сама же жаловаться будетъ, что насильно влѣзла къ ней въ горницу, да нагрубила. А не спросясь ее принасятъ къ ужину — оиять бѣда: сважеть — самовольничая, въ хозини лѣзу мимо ся, отъ печки отбиваю... Да и какъ не спросясь-то?.. Не велить она, ни Воже сохрани, въ печку лезть безъ нея: хощь бы и старикъ приезавль, поди — ставись ей перво... Что за напасть, батюшен!.. Экая моя жизнь пошла горемычная!.. Федю бы надо кормить давно: тоже не бывво пробѣжалъ, съ утра не ѣвши, только на одномъ чаю, а какъ сумнешься къ печкѣ безъ нея?»

Разсуждая такимъ образомъ, Анна убрала со стола самоваръ и чайную посуду, медленно встряхнула и разослала скатерть, поставила солонку, положила хлѣбъ, ножи, ложки, во до печки и горшковъ дотронуться не рѣшилась.

— Нѣтъ, ужъ видно надо поворотись: идти сказать ей, что батюшка велѣль ужину принасятъ, ужъ пускай изругаетъ — все лучше, ужъ что будетъ... А не пойдетъ къ печкѣ, шайду мозову отца: какъ самъ хочеть.

Робко подошла Анна къ дверямъ свѣтелки, и не вдругъ рѣшилась отворить ихъ. Но прислушалась — тамъ было тихо.

— Матушка, а матушка! — оклинула Анна, приотворяя дверь горницы и не входя въ нее, а только пресыывая голоку.

Отвѣта не было. Анна оиять оклинула старуху, и увидѣла, что она лежитъ на кровати, плачетъ и стонетъ.

«Чтой-то за чудо: ужъ во занедужилось ли ей, старухѣ?» подумала Анна и, забывши даже свой страхъ и опасеніе злокозней и брани, вошла въ свѣтелку и подошла къ кровати.

— Чтой-то, матушка, недужится, что ли, тебѣ, родима? — спросила она ее съ участіемъ. — А, матушка?..

Старуха повернула къ ней свое заплаканное лицо: на мнѳненіе на немъ показалось обичное при разговорѣ съ Анной кислое, недовольное и враждебное выраженіе, но оно тотчасъ же замѣнилось искренней печалью.

— Дура, ты дура, — проговорила она съ упрекомъ, — во безъ злобы: не умѣла мужа прилучить къ себѣ, чтобы любить...

— Что же мнѣ дѣлать-то, матушка, я, кажинь, всей моей душой къ нему, — отвѣчала Анна, смотря на старуху съ недоумѣніемъ. — Кажется, ужь какъ мнѣ старатся, служить, да угождать ему, ужь и не знаю... Чтѣ ни прикажеть, чтѣ ни сдумаеть — все дѣлаю... И сама-то все думаю да желаю, какъ бы ему лучше сдѣлать, угодить да потрафить, — чтѣ ему, чтѣ тебѣ, матушка... Что мнѣ дѣлать-то, чтобъ прилутить его въ себѣ? Научи, родима!... я бы сама рада радостью!..

— Воспитала бы его, разговаривала бы, привѣчала бы, что ли, хорешенько... Рожу-то бы мина, велось мазала, да новенывалась, что ли, хорешенько... Ну гдѣ ужь мнѣ тебя, старухѣ, научать, мени сама не умѣешь!..

— Да что же, матушка, жалобился онъ, что ли, на меня, говорилъ, что ли, чтѣ тебѣ?..

— Чего тутъ жалобиться... Въ омутъ бы полевой сунулси, а не забѣгъ бы, говорить, куда глаза глядятъ: такова ты ему сладка!..

— Господи, да за что экая напасть? Чѣмъ я ему огрубила, чтѣ я ему одѣлала?..

Анна заплакала-было, но вдругъ утерла слезы, глаза ея засверкали гнѣвомъ и она заговорила овлобленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, не я тому причиной... я изъ силъ выбилась, угождаючи ему... Мнѣ больше нечего дѣлать, не виновата я!.. А вотъ тому причина: ко вдовѣ, бабѣ непутной, повадился... Оттого и жена стала не хороша и не нужна!..

— Что ты? что ты? Въ умѣ ли, полно... съ чего еще выдумала?..

— Не выдумала, а ужь не одинъ разъ эти наметки слышала, да и сама примѣчаю... Ты только, матушка, не видишь ничего, а во всемъ у тебя я виновата... Вотъ отчего онъ и дома-то не живетъ, вотъ куда и несетъ, и везеть!..

— Полно-ка, дура, всякимъ ослетнажъ вѣрить... просто съ товарищами гуляетъ: вотъ и дома не живетъ... Выондѣль два-то года, свѣта Божьяго не видалъ: захочется и погулять... А что онъ у тебя и несетъ и везеть?.. Что ты?

— То-то, матушка... У тебя противъ него и глаза запечатаны... У мени-то ужь нечего взять: мое-то приданое давно, еще до несчастья его, до пожара, прогуляемо... Да и замѣнь ему теперь мое добро, — своего довольнаго у всего самъ хозяинъ... Ты вотъ не примѣчаешь, а я вижу, какъ мѣшви-то съ рошью, да съ жносомъ угодять... Скажется, на мельницу, насыплетъ четыре мѣшка, а муки-то два привезеть; а гѣ-то два цѣбъ!.. Да и изъ

одежки-то его ужь много не стадо: сброй поддевки ить, что сбраго сукна была, полушубка крѣпкого тоже одного ить... Такъ это вотъ какъ? Да шалевой шитокъ видѣли, связывають, на базарѣ покупала: куда же дѣлѣ, кому отнестъ? онѣ не дариваль... Вотъ, нятушка, онѣ, сплетки-то какія: онѣ себя въ дѣлѣ показывають...

— Да какая же вдова-то?.. Что за вдова такая? Кто тебѣ связываль-то?..

— Давно ужь я это слышу... Вонъ, баушина Палагея проговорилась одиновокъ пуще всего, говорить, дѣвка, береги мужа отъ непутныхъ бабъ—и не то бабъ,—а ото вдовъ... Выпить парень, закутить, это на-счетъ водки, все ничего: проспится пьяный, утрь пройдетъ—и опять за работу примется... А вотъ ужь какъ со вдовой, непутной бабой, связелась—ить того хуже на свѣтѣ!.. Все она изъ него вымотаетъ и отъ женимъ отвертитъ!.. Такъ эта рѣчь съ меня жѣ сердцу, ровно носимъ полкнудал!.. А тутъ вотъ, во янито, бабы... Вышла-то жать я рано, почитай ранние воить, да и вечерень-то бабы снопы ужь составили, домой идутъ, а я еще жену, такъ идутъ мимо, осликають: что, чу, Анна, больно стараешься, за шаль-то, что ли, мужу угожаешь?..—За какую шаль? спрашиваю...—А что на базарѣ-то вонъ покупала: про тебя, чай? тебѣ, чай, подарилъ?.. А я ни про какую шаль и не слыхивала... А тутъ Наташка, знашь, Горячиха, и скалить зубы: да и выбрать-то слышь, не умбегъ: шаль-то не дѣвкѣ, не молодой бабѣ носить, а вдовѣ разѣ какой!.. Такъ у меня опять сердце и упало...

— Такъ какая же это вдова-то? откуда? Наша ли здѣшняя вторая, али изъ чужой деревни какой?..

— Такъ нужно я стану спрашивать, да допытывать... Я и виду не давъ даже, ровно мѣтѣ и не въ-домекъ что онѣ говорить... и слова не сказала...

— Ну, такъ вотъ ты какая... Какъ же теперь?.. И поговорить-то съ нимъ нельзя... если бы такъ попытать, ничего не слажеть, только осердится, что вскій вздоръ принимаемъ... хуже только... Да и такъ, что не пустякъ ли это и самъ дѣлѣ?.. Томе нашу сестру послушай!.. То, думаю, пустое, что бабы это было у него, не стаель бы онѣ собираться уйти отсаль въ годы...

— Какъ въ годы? Куда?..

— Такъ, дурочка!.. Уйти кочель... Отчего же я и разѣла-то?.. Не велѣль было никому связывать, да вотъ ужь проговорилась... Въ годы, говорить, уйду отъ ясь, по пачпорту... Куда, говорить,

и самъ не знаю, а мѣстовъ буду хорошииъ искать, чтобы на-
житься, да разбогатѣть... Можетъ, до Питера, чу, дойду...

— Чтой-то, батюшкинъ.. Чтѣ еще ему въ голову пепало...

— Уйду, говорить!.. Не мила мнѣ своя сторона, опостылѣлъ
домъ, а жена опротивѣла... Одинъ, говорить, уйду, а вы здѣсь
оставайтесь, хозяйствуйте... Я вотъ-то, даве, и заговорила, чтобы
ты его какъ приманивала къ себѣ, да прилучала... Думаю: онъ
величатный такой, умный, грамотный... Ну, а ты и съ рожи-то
не больно прищипна, да и не нарядно ходишь, больше все объ
работѣ думаешь, ничѣмъ его собой не повеселишь, не позаба-
вишь... Поучу, молъ, ее, дуру, чтобы больше думала, какъ мужа
къ себѣ приворожить...

— А тѣбѣ, видно, матушка, приворожить, что залгаться
горючими слезами, зарыться во желты пески, да привалиться гро-
бовымъ камнемъ... Вотъ мой, видно, приворотъ-то каковой!.. Без-
счастливая я на свѣтъ родилась—вотъ что!.. Сидѣть бы мнѣ лучше
весь вѣкъ въ дѣвкахъ, около батюшки родимаго... Въ тысячу бы
разъ елаще!.. Жила я въ дѣвкахъ—ни попрека, ни ругани, окромѣ
ласковаго слова, да спасибо не слыхивала... не знала я, каковы
слезы изъ очей текутъ; а замужъ вышла—послѣдняя стала, ни
сказать, ни сдѣлать, ни пографить не умѣю, а ужъ слезы-то
узнала: одними слезами умываюся... Вотъ какова моя жизнь при-
ятная!..

Анна тихо, неутѣшно плакала: она высказывала свое горе,
свою обиду, забывши, не думая о томъ, что говорила: передъ
главнымъ своимъ врагомъ и гонительницей; она чувствовала
только свое несчастіе и не пытала ни малѣйшей злобы противъ
Федосьи Осиповны, не хотѣла сдѣлать ей никакого упрека. Ста-
рухѣ стало и жалко, и какъ будто совѣстно передъ Анной; хотя
съ полной искренностью она не считала себя въ чемъ-либо ви-
новатою передъ нею. Въ крестьянствѣ всякая почти свекровь
считаетъ своимъ правомъ, почти обязанностью, быть выскательной и
недовольной своею невѣстой. требовать съ нея сверхъ ея силъ
и считать ее виновницею всякихъ случайныхъ неурядицъ въ
домѣ; внутренно почти каждая свекровь сознаетъ и предвидитъ,
что придетъ неизбежно то время, когда невѣстка сдѣлается боль-
шухомъ въ домѣ, отогреть ее отъ печки и отъ хозяйства, займетъ
ея мѣсто и поставитъ, въ свою очередь, старуху въ положеніе без-
словесной, зависящей работницы, или будетъ терпѣть въ домѣ какъ
тяжелое, неприятное бремя. Въ Федосьѣ Осиповнѣ во все эти молу-
безошнательныя ощущенія патріархальной жизни усиливались
еще ея болѣзненной и ревнивой любовью къ сыну; но она, по

природѣ, была женщина добрая и прямой ненависти и злобы къ Аннѣ никогда не питала.

— Вотъ что, дурочка, вотъ что... Не ревн-ка, — сказала она почти ласково. — Больше дѣлать нечего, что надо къ гадалкѣ ѣхать...

— Почто, матушка?

— А для того, что, можетъ, она ту океанную, злодѣйку твою, покажетъ, коли она доподлинно есть у него, а не покажетъ, такъ, можетъ, пособитъ какъ, либо научить... Можетъ, либо отворожитъ отъ той, либо приворотецъ для тебя дастъ... Я слыхала про такую... Есть!.. Много помогаетъ и много народа къ ней прибѣгаетъ!.. Вотъ какъ отецъ уѣдетъ изъ дома и Кириша отойдетъ, такъ мы съ тобой вмѣстѣ съѣдимъ, либо ты одна сбѣгай къ ней... Всего-то верстъ пятнадцать отселѣ живешь — въ Пархачевѣ.

— Добре бы, матушка, далъ Богъ... — проговорила Анна съ надеждою въ глазахъ. — Кажется бы, вѣкъ за нее Бога молила, какъ бы это подѣлала... А не чаю пользы...

— Нѣтъ, дѣлаетъ, дѣлаетъ!.. Вѣрно говорю!.. Да вотъ тебѣ, не далеко ходить: Исашку Безпятаго знаешь... Тоже за солдаткой увязался, года три сбѣгалъ, чуть домъ не разорилъ, жену заколотилъ совсѣмъ... Да кто-то, добрый человекъ, и надоумъ ее скодить къ этой гадалкѣ... Та ей подѣлала да ничто и дала: подквнъ, говорить, къ ней, къ подлой-то, подъ застрѣхъ, ночью... Что-жъ ты думаешь?.. На ту воспа напала, всю рожу ей исковыряла... Съ того и Исашка отъ нея отсталъ... И теперь живутъ съ женой... Ну хоть не больно ладно, потому онъ безпутной, а все ничего, хорошо!.. Все лучше прежняго, хоть домъ-отъ не зорить... Вотъ, безпремѣнно, надо побывать къ ней...

— Добре бы, матушка... — проговорила Анна, вытирая слезы концомъ платка, которымъ была повязана. — А вотъ что, вѣдь, я за дѣломъ къ тебѣ шла спросить: батюшка велѣлъ ужину приготовить, да его позвать... Такъ ты сама въ печку-то полѣзешь, или мнѣ велишь?.. Придешь, чай, ужинать-то?..

— Приду, приду... Поди, зови... Одеянка-то, чай, твой и впрямъ ѣсть хочеть.

Федосья Осиповна стала подниматься съ постели.

— А Кирила-то Федотычъ не знаешь гдѣ?

— Не знаю, не сказался... Погляди, не сидитъ ли за воротами...

Но Кирилу не нашли, и за ужинъ семья сѣла безъ него. Федотъ Семенычъ вслѣдствіе этого былъ очень не въ духѣ, мол-

чалъ и почти ничего не ѣлъ; но въ то же время онъ не безъ удивленія и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Ѳеодосія Осиповна и говорила съ Анной, и смотрѣла на нее ласковѣе и снисходительнѣе.

«Неужели съ моихъ словъ почувствовалась старуха? думалъ онъ. Дай-то Господи: совсѣмъ они бабѣнву смаяли».

Послѣ ужина Анна пошла проводить свекра и братѣ на ночлегъ и понесла за ними цѣлую охапку одѣжи. Выбравши первую минутку, когда старикъ ушелъ помолиться Богу передъ сномъ, и Ѳеодосія остался наединѣ съ сестрою, онъ спросилъ ее:

— Что ты мнѣ такое даве заговорила про мужа... Расскажи путемъ: чтó у васъ тутъ творится...

— Ахъ, Ѳединька, батюшка, не путное творится... Одно тебѣ молвию: связался онъ со вдовой нивагой: и бѣгаетъ туда, и изъ дома тащить... Да еще сегодня, слышу, новенькое: и вовсе изъ дому хочетъ уйтись... Не мила я ему стала, супротивна... Пржеъ того, хошь пьяный когда ругался, а теперь и тверзый не говорить, не смотреть... Ужъ, убиваюсь, Ѳединька, на работѣ, изъ силъ танусь... Ни въ чемъ не согрублю, поперекъ слова не скажу, про *эту* и не поминаю, ровно не знаю ничего... Когда будень день прогуляеть, ночь дома не ночуетъ, ни ему не попрекну, ни батюшкѣ, матушкѣ, слова не скажу, а еще его же покрываю... А ему все не въ удовольствіе: не пріятна я ему!.. Ну, матушка мутить это, мутить, поддерживаеть его... Ну, да ужъ не все же отъ матушки... больше и отъ самого: пржеъ того онъ лучше былъ, до этой самой, до вдовы...

— Да какая же это вдова?

— Не знаю, батюшка, Ѳединька, не знаю... Бабы наши знаютъ, намѣтки мнѣ дають... Ну да какъ же мнѣ ихъ спрашивать-то про мужа: самъ ты посуди!.. Да и что пути-то, коли если и узнаешь, только насады больше... А вотъ какъ ты мнѣ посудишь: что мнѣ дѣлать-то... Вонъ, матушка, говорить: въ гадалкѣ, говорить, побывать нужно... Она знаетъ такую...

— Ну, это пустяки... Ничего отъ этого не будетъ...

— Нѣтъ, бываетъ, Ѳединька!.. Бываетъ, сказываютъ... И приворотъ, и отворотъ дають...

— Ну, полно, Аннушка, пустое-то говорить... Отравить отравлять, испортять человекъ, пожалуй, окалѣчать, а больше ничего отъ этого не будетъ...

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то, Ѳединька?.. Обгорюй ты мое горе, обдумай ты меня, батюшка... Ужъ такъ-то мнѣ горько, такъ-то обидно!.. Отъ своей сестры такъ стыдобушка на людей

смотреть... Вот моя жизнь какая!.. Кажется бы, лучше онъ меня билъ, тиранилъ, нечѣмъ этапъ-то... Скажу что, — усмѣхается, ровно дурь какую молвила, услугу что — не принимаетъ, либо ровно не видитъ, а ужъ съ ласковымъ словомъ, чтобы подойти, приласкаться, приголубиться, такъ, кажется, и не посмѣешь... А онъ самъ и не думаетъ... Вся душенька моя надеялась... терпѣнья моего нѣтъ, измаялась я, Оединька... Какъ тутъ быть, что дѣлать?... Не посудишь ли ты какъ, батюшка?.. Умный ты у насъ уродился, съ разсудкомъ, хощь и молодъ... Посуди-ка мнѣ что ни на есть...

— А вотъ что, по-моему...

— Что, батюшка, что?..

— Подожди, потерпи еще сколь можешь... Поговори съ нимъ, посовети, слыши, что, молъ, все знаешь... А не уймется, — взовми да и уйди къ батюшкѣ въ нашему... Онъ тебя приметъ... Живи у него...

— Ай, чтой-то, Оединька?.. Какъ я отъ мужа уйду?.. Гдѣ это видано?.. Да ему, можетъ, того только и надо, чтобы я ушла-то отъ него... этого-то онъ только и желателенъ... Я-то уйду, а онъ ее, подлюю, пожалуй, тотчасъ и въ домъ возьметъ... Послѣ того мнѣ и назадъ-то придти нельзя будетъ... А батюшки, вѣдь, онъ вонче не боится: какъ ему все предоставилъ, такъ и не взираетъ на него ни въ чемъ: не побойтся, возьметъ ее, подлячу... Матушка тоже ни въ чемъ ему не поперечить... Что же изъ того будетъ?.. Нѣтъ, Оединька, ужъ развѣ самъ въ зашей изъ дома прогнать и въ домъ пуовать не будетъ... — ну, тогда уйду!.. А до тѣхъ поръ, какъ ни тяжело, а все въ дому жить буду, на свое мѣсто доброй волей никого не пушу... Нѣтъ, мнѣ это твое наученье не въ силу, Оединька: не уйти мнѣ доброй волей отъ своего мужа законнаго...

— Ну такъ живи, да терпи... Что же больше-то...

«Видать, въ гадалкѣ сходить, больше нечего... не пособить ли какъ...» подумала, но не сказала Анна и замолчала. Разговоръ оборвался.

Молчалъ и Оеди. Его мысли были около Парашки. Онъ думалъ о ней и о томъ, что предстоящая ему назавтра повѣдка къ купцамъ оттягиваетъ на неопредѣленное время свиданіе съ Парашкой. Ему сдѣлалось очень грустно и тяжело.

«Что это за вдова такая?..» невольно задавалъ онъ себѣ этотъ вопросъ...

— Да хоть изъ какой деревни-то не знаешь ли?.. — вдругъ спросилъ онъ Анну, неожиданно прерывая молчаніе.

— Кто это, Фединька?

— А вдова-то эта?

— Не знаю, Фединька... только не изъ нашей... Своихъ-то я всѣхъ знаю... Нѣтъ, въ своемъ не ходить...

Возвращеніе Федота Семеновича прекратило бесѣду. Анна ушла. Старикъ скоро уснулъ, но Федя долго ворочался: какая-то мучительная, неясная для него самого тревога заставляла болѣзненно сжиматься его сердце.

IV.

На другой день утромъ Федотъ Семеновичъ, въ сопровожденіи Федя, подѣхалъ на ямской парѣ къ волостному правленію, безобразному двухъ-этажному зданію. Въ верхнемъ этажѣ его помѣщалось самое правленіе и квартира волостного писаря: въ него вела снаружи крутая, почти перпендикулярная лѣстница; нижній этажъ раздѣлялся темнымъ корридоромъ, по одну сторону котораго была отведена изба для училища и квартиры учителя, а съ другой, насупротивъ, помѣщались сборная изба для мужиковъ и *темная*—каземать для пьяныхъ, буйныхъ, недоимщиковъ, присужденныхъ къ аресту волостною властью.

Федотъ Семеновичъ сталъ подниматься вверхъ, по лѣстницѣ, а Федя пошелъ въ нижній этажъ. Изъ корридора онъ отворилъ дверь въ классную комнату, уставленную длинными столами и лавками. Комната эта была низкая, плохо освѣщалась тремя маленькими окнами, и, какъ видно, плохо отапливалась зимою, такъ какъ даже лѣтніе мѣсяцы не изгнали изъ нея запаха сырости и какой-то затхлости. Полъ и стѣны въ этой школѣ были такъ грязны, что, казалось, ихъ не только никогда не мыли, но даже и не мели. Надо сказать правду, что эта грязь насколько не удивила и не бросилась въ глаза Федя: онъ смотрѣлъ на нее совершенно спокойно. Въ школѣ, по лавкамъ и на полу, шумно возилось нѣсколько мальчиковъ: классъ еще не начинался; двѣ-три книжки валялись на столахъ; дѣти ждали учителя, котораго въ классѣ не было. Федя внимательно посмотрѣлъ на школьниковъ. Одинъ изъ нихъ порывисто, съ крикомъ: ахъ, Федоръ Герасимычъ!—бросился къ нему. Это былъ Никола, Паранинъ братъ. Сердце Федя замерло отъ радостной неожиданности.

— Здорово, Никола,—проговорилъ онъ, останавливаясь.

Прочіе школьники тотчасъ же бойко подошли и окружили новаго человѣка, знакомаго одному изъ товарищей, съ любопыт-

ством неглядывая на него. Видно было, что школьная ферула не была строга и не заюгала дѣтей: всѣ они смотрѣли смѣло, весело и даже нѣсколько самонадѣянно.

— Совсѣмъ запропалъ, Федоръ Герасимичъ... Ни слуху, ни духу о тебѣ... Паранька-то ужъ совсѣмъ не тебѣ стосковалась... — говорилъ Николка.

— Паранька!.. хх... Паранька стосковалась по ѣмъ... хх... — загоготали дѣти.

Федя вспыхнулъ и смутился.

— Табъ что, черти, чего смѣтесъ?.. — огрызнулся на товарищю Николка. — Паранька-то не какая... Она сестрѣнка моя... родная!..

Дѣти еще больше зашумѣли.

— Паранька!.. Сестрѣнка его!.. Стосковалась!.. — хохотали они кругомъ.

Федя совсѣмъ растерялся и уже не радъ былъ этой встрѣчѣ.

— Э-э, черти, сволочи!.. Чего гогочуть, сами не знаютъ... Онъ, вѣдь, чай, не чужой у насъ, онъ у насъ... — объяснялъ Николка.

— Отчего вы не учитесь-то?.. Гдѣ Василій-то Якимичъ?.. — перебилъ его Федя, стараясь естановить и замаять болтовню Николки. Но Василій Якимичъ, услыша знакомый голосъ, давно уже молча наблюдалъ, черезъ полуотворенную дверь, проходящую въ классъ сцену. Федя стоялъ въ нему бовомъ, и потому онъ видѣлъ его смущеніе, сильную краску, покрывшую его лицо, и съ насмѣшливой улыбкой, не безъ нѣвотораго даже злорадства, смотрѣлъ на Федю.

— Здѣсь, здѣсь я!.. — откликнулся онъ на вопросъ Федя. — Входи сюда. А вы чего гагайваете тутъ... — обратился онъ къ дѣтямъ. — Ступайте на улицу, побѣгайте, покажѣтъ не повову... Дайте вотъ только чаю нашьемся...

Рѣбятишки съ шумомъ шарахнулись вонъ изъ школы. Федя вошелъ въ квартиру учителя.

Квартира эта была коморка въ одно окно, отгороженная досками изъ той же избы, въ которой помѣщалась и школа. Въ коморкѣ стояла бѣлая деревянная кровать, около нея у окна такой же простой бѣлый столъ; у стола, съ одной стороны, классная скамейка, съ другой — единственный стулъ; на стѣнамъ были вбиты гвозди, на которыхъ висѣлъ скудный гардеробъ учителя; въ задней углой стѣнѣ придѣлано нѣсколько полоковъ, долженствовавшихъ замѣнять посудный шкафъ; большая печка, отапливавшая всю школу, однимъ своимъ бокомъ выходила въ коморку

и должна была нагрѣвать ее вмѣстѣ со шкелой. Вотъ и вся учительская квартира со всѣмъ ея убранствомъ. Порядокъ и чистота, какъ видно, не составляли необходимой потребности учителя: полъ въ его комнатѣ былъ такъ же грязенъ, какъ и въ шкелѣ, на постели валялось платье, столъ былъ заваленъ книгами, тетрадами, табакомъ и папиросными окурками и тутъ же, на свободномъ углу его, стоялъ самоваръ, чайникъ и стаканъ съ чаемъ.

— Помѣшалъ я вамъ, Василій Якимычъ,—смущенно говорилъ Федя, входя.

— Чѣмъ помѣшалъ? Нисколько...

— А вы хотѣли, можетъ быть, ученье начать...

— О-о, это ничего... Еще успѣемъ: ребятишки цѣлый день здѣсь толкутся около меня, съ утра до вечера... А вотъ я такъ, кажется, помѣшалъ тебѣ дѣйствительно...

Василій Якимычъ саркастически улыбнулся.

— Какъ помѣшали?.. Я къ вамъ и шелъ...

— Шелъ-то ты, можетъ, и во мнѣ—правда, давно ужъ не видались,—да на дорогѣ вотъ встрѣтилъ человѣчка по интереснѣе меня, обрадовался, хотѣлъ разспросить,—а я и помѣшалъ... Хочешь, позову Николку сюда, одного... Разспроси ужъ его, что тебѣ надо... Переговори хоть на-единѣ... Тоже, чай, не терпится.. Видно и вазнобушку свою давно не видалъ... Повзвать, что-ли?..

— Да нѣтъ, Василій Якимычъ... Что вы все смѣтаетесь надомной?..

— Какое, братецъ, смѣюсь.. Нисколько!.. Напротивъ, я участіе принимаю, помочь хочу... Вижу: давно не видались.. Тоже мучился, я думаю, терзался!.. Тутъ случай этакой прекрасный: разузнать все, какъ и что, въ вождедѣнномъ ли здоровьи, думаетъ ли она, любить ли, ждетъ ли?.. Не позабыла ли, не забавляется ли съ другимъ?.. Между вами, вѣдь, почта-то не ходить, не переписываетесь, полагаю... да и предметъ-то, вѣдь, неграмотный... Ну, а мальчишка, по глупости, все расскажетъ, ничего скрыть не сумеетъ, изъ него все можно выпросить... Право, не пренебрегай случаемъ, давай влигну мальчѣнка.. Наговорись съ нимъ сначала, до-сыта, а со мной-то и послѣ: теперь тебѣ не до моихъ разговоровъ... Вотъ я сейчасъ влигну его..

Учитель всталъ-было съ кровати, на которой сидѣлъ, и пошелъ къ дверямъ; но Федя его остановилъ.

— Да напрасно вы, Василій Якимычъ... Не надо мнѣ.. не о чемъ мнѣ его спрашивать... и не хочу я...

— Ну, какъ хочешь... А, по-моему, напрасно: можетъ быть,

что-нибудь новенькое узналъ бы, мѣры какія-нибудь принять... Можетъ, и ваканція-то твоя тамъ ужъ занята: не зачѣмъ тебѣ тогда будеть и хлопотать, и заботиться о ней... Почему знать!..

Феда вдругъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Да вы развѣ слышали что?—спросилъ онъ глухимъ сдавленнымъ голосомъ.

Василій Якимычъ взглянулъ на него и притворно захохоталъ.

— Нѣту, нѣтъ, успокойся: ничего не знаю, ничего не слышалъ... И забылъ даже, признаться, о твоей страсти... А вижу, братъ, теперь, что ты тронулся порядкомъ... Ну, что же, свататься, что ли, идешь, а меня въ дружки, или въ посаженные хочешь звать?.. Затѣмъ и пришелъ?.. А? Что же, пора и въ законный: чай, вѣдь, ужъ двадцать стукнуло, или съ годомъ даже?.. Самое время на вашу братью эту узду надѣвать... Родитель-то, чай, ужъ давно беспокоится, что парень до этакихъ лѣтъ дожилъ и не пристроенъ, безъ хомута ходить... Только какъ же ты его умолялъ, чтобы позволилъ тебѣ жениться на дочери такой особы: вы, вѣдь, болыно нравственны въ этомъ отношеніи, да и гоноръ у васъ есть своего рода... Или не хочешь ли самокруткой? И то дѣло... Нынче у васъ это, слава Богу, въ моду начало входить... Самокруткой что ли собрался?..

Василій Якимычъ всегда имѣлъ обыкновеніе говорить быстро и много, а когда онъ увлекался какою-нибудь мыслью, то задавалъ вопросы и самъ разрѣшалъ ихъ, не слушая собесѣдника, не выжидая его отвѣтовъ. При этомъ его некрасивое, болѣзненное лицо оживлялось, черные глаза сверкали, онъ не могъ оставаться на мѣстѣ и начиналъ быстро ходить. Феда наслушавъ поймавъ паузу, чтобы вставить свое слово.

— Да нѣтъ, Василій Якимычъ, совсѣмъ я не за тѣмъ къ вамъ... Первое—давно не видался, а второе:—поговорить совсѣмъ по другому дѣлу.

— По какому, по какому дѣлу?—быстро спросилъ учитель, усаживаясь на кровать противъ Феде.—Да что же чай-то? Пей чай-то... Вотъ стаканъ... Налей самъ... Я не хочу больше... Какое дѣло? Рассказывай.

Феда рассказавъ о своемъ намѣреніи идти на фабрику, искать работы.

— На фабрику... Это хорошо...—заговорилъ опять Василій Якимычъ.—На фабрикѣ больше жизни, движенія, больше ума и знанія, чѣмъ по вашимъ нормамъ... Тамъ скорѣе не уснешь, тамъ есть люди, можно и научиться, и научить... Только нигдѣ ужъ и радости такой нѣтъ, какъ на фабрикахъ: всѣ, дѣлами тысячи

народа, работаютъ на одного человѣка, набиваютъ его карманъ, а сами остаются нищими и голодными, или сытыми настолько, чтобы быть въ силахъ работать... И преподное положеніе, а тебѣ скажу: будешь простымъ рабочимъ, никогда ничего себѣ не наживешь, весь трудъ твой уйдетъ на хозяина, тебя будутъ жать, гнести, эксплуатировать сколько могутъ; попадешь въ надзиратели, тогда придется стать на сторону хозяина, дѣйствовать въ его интересахъ, слѣдовательно, притѣснить и обижать рабочихъ... Иначе тебя прогонять... Ты по какой же части хочешь идти—въ притѣсняемые или въ притѣснители?

— Ничего я не желаю обижать, Василій Якимичъ, и самъ въ обиду не хочу даться... А думается такъ, что на фабрикѣ больше заработаешь, чѣмъ дома... вотъ и хочу счастья поискать... Около машинъ надо постараться какъ-нибудь попасть: въ машинамъ-то у меня, сами знаете, большое пристрастіе... Тотчасъ, нажется, все пойму...

— Да знаю, что поймешь... По твоимъ способностямъ и по твоему дѣлу, тебѣ, можетъ быть, тысячи надо бы платить, а тебя на рубляхъ,—вотъ какъ меня же—будутъ держать, да еще какой-нибудь дуракъ и мошенникъ умничать да ломаться надъ тобой будетъ... Вотъ что обидно...

— Такъ, вѣдь, какъ же быть-то, Василій Якимичъ?.. Знаю обидно, да что подѣлаешь?.. Гдѣ не такъ-то? вездѣ ужъ хозяинъ поровнѣе повыжать побольше изъ рабочаго человѣка и поломаться надъ нимъ... Что дѣлать-то? надо терпѣть...

— Вотъ я въ тебѣ этого, Федя, ненавижу... Приучили, что ли, и тебя съ дѣтства, или ужъ таковъ коренной русской человѣкъ, что у него передо всякимъ зломъ одна мысль: терпѣть надо!.. Русский человѣкъ только и умѣетъ, только тому и вучился, чтобы страсотерпцемъ быть... Оттого-то у насъ и гадость не переводится, а господствуетъ, оттого-то и хорошія силы пропадаютъ, а мелочь, ничтожество процвѣтаетъ, наслаждается и пользуется всякими льготами и преимуществами... Терпѣть надо!.. Нѣтъ, не терпѣть, а бороться, сопротивляться нужно, чтобы прочистить дорогу и себѣ, и другимъ...

— Да какъ же бороться, какъ же сопротивляться-то, Василій Якимичъ? Чтò одинъ подѣлаешь?.. Да и съ кѣмъ бороться?.. Съ хозяиномъ, у котораго, какъ милости, работы просишь, который платитъ мнѣ за нее, кормитъ меня... Попробуй, заломайся передъ нимъ, онъ тебя и прогонитъ тотчасъ, какъ пить дастъ... Вотъ и войи въ полѣ съ вѣтромъ...

— Глузости говоришь... Совсѣмъ не то... Разумѣется, одинъ

ничего не сделаешь, а ты по-умише другихъ, будешь жить на народѣ, среди несчастныхъ, угнетенныхъ, вотъ и умѣй ихъ привлечь въ себѣ, растолковать, научить... Какъ цѣлая-то орава, тысяча человѣкъ, заорутъ, что платить хозяинъ дешево, что работа не по деньгамъ, да пристращаютъ, что всѣ уйдутъ и дѣло брестать... — небось испугается и хозяинъ, будетъ кланяться, просить, чтобы остались, и жалованья прибавить...

— Либо станového позоветь, скажетъ — бунтуютъ, да бунтовщиковъ перепорютъ: они и присмирѣють... А зачинщиковъ, коли не въ тюрьму, такъ съ фабрики долой, а на мѣсто ихъ охотниковъ сколько угодно... Слыхалъ я про это довольно: купцы не дорожатъ народомъ... Хотя сто человѣкъ сразу спонать, за мѣсто ихъ вдвое придетъ: только, багюшка, возьми да жалованье плати...

— Эхъ, братъ, Федоръ, мѣтъ, не то... Не того я отъ тебя ждалъ!.. И ты такой же, какъ всѣ, не далеко отъ людей ушелъ!.. Житейская практика и тебя заѣдаетъ... Вижу, вижу: и тебѣ рублей захотѣлось... Моложе былъ, возмущался зломъ, спрашивалъ, отчего оно, какъ бы отъ него отдѣлаться, какъ бы устроить, чтобы всѣ люди счастливѣе были... А теперь о себѣ только думаешь, о своемъ мамонѣ, а до людей дѣла нѣтъ... Станového сталъ бояться, богатымъ хочешь одѣлаться... Ты скажи-ка мнѣ, по совѣсти: что у тебя въ головѣ, для чего ты на фабрику идешь? Чай, думаешь какъ бы поссорѣ въ приказчики вылезти, да денегъ нажить побольше?... Я, молъ, грамотный, умный, толковый, много лучше и ловчѣ другихъ: тотчасъ впередъ другихъ выскочу!.. Да и мнѣ что, молъ, до другихъ: своя рубашка ближе къ тѣлу!.. Да вотъ еще занюбушка теперь завелась: жонкаемъ, молъ, денъжалою, женись... А тамъ хоть трава не расти!.. Признавайся мнѣ, по совѣсти: такъ, что ли, думалъ? Съ этымъ, что ли на фабрику собрался?..

Федѣ было и обидно, и досадно, и стыдно. Онъ чувствовалъ, что въ словахъ учителя есть какая-то правда, какой-то основательный упрекъ, но въ то же время и односторонность, преувеличеніе, словомъ: какая-то фальшь... Онъ молчалъ и собирался съ мыслями, что бы отвѣтить ему. Онъ сознавался себѣ, что прежде дѣйствительно онъ иначе относился къ словамъ учителя; то они поднимали въ его сердцѣ нѣжныя ощущенія, точно выжидали на какой-то подвигъ, на самопожертвованіе... И иногда онъ дѣйствительно чувствовалъ въ себѣ готовность и мужество вступить въ борьбу съ какой бы ни было злой силой, не думая ни о ея раамѣрахъ, ни о послѣдствіяхъ... Теперь не то: онъ слушалъ его холодно и разсудительно, въ словахъ учителя чув-

ствовала ему какая-то недодуманность, легкомысліе, онъ отво-
сился къ нимъ критически... Въ то же время Василій Якимичъ
проницательно заглядывалъ ему въ душу, отгадывалъ его самыя
затаенныя мысли и намѣренія. Федя былъ смущенъ.

— Что, братъ, Федоръ, молчишь и въ глаза не смотришь?—
началъ опять учитель. — Видно, правду сказалъ, видно, понялъ тебя
и всю твою внутреннюю обнаружилъ?... Ну, что же дѣлать!..
Не стыдись: есть много хуже тебя... Я думалъ, ты избранникъ,
приванъ что-нибудь сдѣлать... Ну, вижу: ошибся... Большие съ
тобою о такихъ вещахъ говорить не буду... А, можетъ-быть, ты
теперь въ чаду любовномъ, да и молодежь очень, мальчишка еще...
Подождемъ, увидимъ!.. Если придеши въ себя, опомнишься, вспо-
минишь наши старія рѣчи, приходи—потолкуемъ... Только я по-
нять не могу: зачѣмъ ты теперь во мнѣ пришелъ? Вотъ ты мнѣ
это объясни...

— Какъ, зачѣмъ, Василій Якимичъ? Развѣ я васъ не почи-
таю? Развѣ вы меня не учили, развѣ я мало отъ васъ свѣта
увидѣлъ?... Какъ же бы я не пришелъ повидаться съ вами передъ
уходомъ?... Вѣдь, я не знаю еще, куда меня судьба приведетъ
и надолго ли я уйду отъ здѣшнихъ мѣстъ... Хоть вы теперь равно-
какъ и отказываетесь отъ меня и не болѣе хорошо обо мнѣ
понимаете, и какось, признаю: ни о чемъ я теперь такомъ не
думалъ, а думалъ только о своемъ... ну, о любви своей—прямо
вамъ скажу, не потаюсь!... — но только-что никогда я никому
зла не желаю и не сдѣлаю,—будетъ по моей силѣ, завсегда по-
могу, ни у кого перебивать дороги не стану, и никому своей
совѣсти не продамъ... Это вѣрно!... А только-что... смѣйся ты,
пожалуй, надо мной, голубчикъ мой, Василій Якимичъ, а правду
скажу: одинъ у меня теперь свѣтъ въ очахъ, одна думушка...
Ничего мнѣ про себя не надо: ни денегъ, ни користи какой...
Пусть я нищій, голодный, холодный останусь... только бы мнѣ
ее получить, своей да счастливой видѣть... Ни до этого, ни до
чего, ни до себя самого мнѣ дѣла нѣтъ теперь, только объ ней
одной и думаю... Вотъ суди ты меня какъ хочешь, смѣйся, срами,
воли любо, а я всю правду тебѣ сказалъ!.. Никому не говорилъ
и не скажу, а вамъ открываюсь... Что будетъ со мной, что
буду дѣлать, какъ жить стану — ничего не знаю: добыть мнѣ
ее нужно, чтобы была она моей женой... Вотъ и вся моя дума!..

— Ого, братъ, вижу, вижу теперь и все понимаю... Смѣшно-
то оно — смѣшно мнѣ, самъ бывалъ въ этомъ угорѣ, знаю... Ну,
да, ужъ, Богъ съ тобой, смѣяться не стану за то, что всю правду

говоришь... Только въ чемъ же дѣло-то?... Отецъ, что ян, не позволяетъ?...

— Онъ и не согласится теперь ни за что: объ этомъ и говорить нечего... Да, я бы, пожалуй, и не посмотрѣлъ: и самокруткой, что ты же говоришь, ушелъ бы... А дѣло въ томъ, что и она-то не пойдетъ, и мать ее не отдастъ, покажь у меня ничего нѣтъ... Она, мать, хоть и извѣстная, и какая бы она ни была, а зря дочь замужъ не выдастъ: хочеть, чтобы она съ мужемъ жила, нужды не видала...

— Ну, братъ, Федоръ, смотри... Жалею мнѣ тебя: ободуть онъ тебя вовсе, на всякую гадость подобьютъ... Да еще, чего добраго, высосутъ изъ тебя все, что можно, да и въ дуракахъ оставлять... Долго ждать онъ не стануть, а подвернется кто поденежникъ—и не увидишь какъ изъ рувъ уйдеть.. Ну, да это ничего: пускай поучать, лучше, скорѣй горячаго пройдетъ, опять здоровый будешь...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ... про мать не знаю, а она не такая...

Федя говорилъ эти слова съ увлечениемъ, повидимому, съ волной вѣрой, но въ то же время сердце у него болѣзненно щемило, онъ самъ не зная отчего.

— Да коли это, храни Богъ, случится... — вскричалъ онъ, блѣднѣя...—и вдругъ остановился.

— Такъ что будетъ?—спросилъ учитель съ легкой усмѣшкой.

— Ужъ не знаю что, а только-что... не хорошо что-нибудь будетъ...

И Федя утеръ рувою холоднымъ капкн пота на лбу. Глаза его сдѣлались какіе-то стеклянные, точно бессмысленные.

Василій Якимычъ уже не улыбался, а смотрѣлъ на него серьезно, исподлобья.

— Экъ, братъ, досадно, что ты тратишь на такой вадоръ свою энергію...—проговорилъ онъ угрюмо.—Силы-то есть въ тебѣ—я вижу, и пропадутъ задаромъ...

Но Федя не слышалъ его словъ: онъ смотрѣлъ куда-то бездѣльно, вдаль, и молчалъ. У него не было опредѣленныхъ мыслей, но онъ какъ-бы прислушивался въ неясному болѣзненному предчувствію чего-то недобраго, поднимавшемуся въ его душѣ.

— Прощайте, Василій Якимычъ,—проговорилъ онъ вдругъ, оживляясь и тряхнувъ головой, точно желая освободиться отъ докучной тяжести.

— Куда же ты?... Не торопись.

— И то, чай, ужъ надѣлъ вамъ... Да, и пора... Федотъ

Семеничъ, я думаю, ужъ ждетъ... Оставайтесь счастливы, Василій Якимычъ... Не осудите... А того не думайте: подлости я никакой не сдѣлаю, что бы тамъ ни было: наставленья вашего не забуду!..

— Ну, прощай... Будь и ты счастливъ... Знаю я тебя, знаю, что ты самъ по себѣ на подлость не способенъ... Да этого мало: я думалъ, что изъ тебя общественный дѣятель выйдетъ; а теперь боюсь, что эта любовь или трипкой вовсе тебя сдѣлааетъ, или такъ пропадешь задаромъ... Да и выборъ-то твой мнѣ не по мысли: дѣвча-то, кажется, только красивая, а совсѣмъ пустая, да и испорченная... Ну, да говорить теперь съ тобой нельзя: ты ничему не повѣришь... Вотъ перебѣсишься, тогда другое дѣло... Ну, а нужда будетъ какая, прихода, не забывай меня... Можетъ, не дѣломъ, такъ словомъ, въ чемъ и помогу: пріятель, вѣдь, мы съ тобой были.

— Ахъ, Василій Якимычъ, кабы ты зналъ, какъ мое-то сердце къ тебѣ... ровно къ самому родному... Никому, вѣдь, я не скрываю того, что тебѣ сказалъ, только не думай ты: не такая она... Она хорошая!..

Федя, увлекаясь невольнымъ побужденіемъ, обнялъ Василія Якимыча. Тотъ улыбнулся и слегка отстранилъ его рукою.

— Ну, вѣрю, вѣрю!.. Дай Богъ!.. Чего лучше, коли хорошая, а только опять скажу: смотри въ оба, да помни, что на свѣтѣ не одно дѣло: съ бабой возиться, да рубли сколачивать... Есть другое, получше... Не все о себѣ думать, надо и другимъ добро дѣлать... и со зломъ бороться. Съ однимъ терпѣньемъ не далеко уйдешь: на терпѣливую сивну всегда длинною пошу добрые люди навиннутъ, а смотри-ка: брикливой да норовистой лошади работа всегда легче... Будешь тамъ, на фабрикѣ,—присматривайся, прислушивайся... Увидимся, Богъ дастъ,—расскажешь... Впередъ знаю: коли самъ не испортишься, порядковъ тамоннихъ хвалить не будешь... Ну, прощай, однако... Много бы я тебѣ сказалъ, да не время... Николку-то позвать, что ли? Можетъ, расспросить нужно про разлапушку?... Чай, вѣдь, не терпится...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Прощайте, Василій Якимычъ.

— Ну, какъ знаешь!..

Василій Якимычъ вышелъ на крыльце вмѣстѣ съ Федей, чтобы взглянуть школьничковъ, которые играли на улицѣ вокаль самаго правленія.

— Эй, ребята, будетъ ужъ... — вскрикнулъ имъ учитель: — пора за учбу.

Мальчишки весело ринулись всею толпой къ учителю.

— Что васъ мало сегодня?... Вотъ такъ школа: но списываю семьдесятъ человекъ значится, а на лицо есть ли два десятка... Вотъ тутъ и дѣлай успѣхи... Что васъ мало? Развѣ разбѣжались куда?

— Нѣту-тка, всѣ тутъ... — отговариваю дѣти. — Сегодня только мы одни сельскія да все фатеранты здѣшніе...

— Квартиранты... — поправилъ учитель: — отчего же деревенскихъ нѣтъ?

— Да не пришли... видно, за дѣлами... У вонъ вонъ сени еще не сложены, а то молотятъ... Опять же грибы пошли: рыжиковъ, связываютъ, слои вышело... Меня тоже дома послали было и кузовокъ дали, да я забѣгъ въ школу перво: такъ и остался здѣсь, не пошелъ ужъ... робать увидасть...

— Такъ, такъ... То работа, то грибы, а то и просто не хотца... Родители же тому и рады... Не жди, не жогонять въ училище, а еще сами остановать: сиди, дитяго, дома... не ходи въ муку, въ зкуу, въ школу!..

— А намъ и муки-то ниважной нѣтъ: мы здѣсь рады... въ школѣ-то... съ Василь Якимичемъ... — проговорилъ быстроглазый, блонкурый мальчишка.

— Въ школѣ безпримѣръ лучше, нечѣмъ дома... — подтвердилъ другой. — Веселѣе не въ примѣръ. А дома спрашиваютъ чай, бьютъ, тиранять васъ тамоди?.. А того не знаютъ: какой быть... Веселехонько!.. Дома-то сворѣй попадетъ!..

Мальчикъ засмѣялся. Его смѣхъ подхватила и заразительно засмѣялась вся толпа.

— Ну, пойдите же, пойдите... — сказалъ Василій Якимичъ. — Я сегодня злой буду, сердитый... И учить-то васъ не хочется, потому все равно — толку изъ васъ не выйдетъ... Пова учитесь, ровно какъ и люди, а изъ школы вонъ, все забудете, что учитель вамъ говорилъ... либо плутовать начнете, либо... Эхъ, терпѣть надо!.. Ну, пойдите...

Федя при послѣднихъ словахъ учителя, смыслъ которыхъ онъ принялъ на свой счетъ, хотѣлъ-было подняться по лѣстницѣ, вверхъ, въ правленіе, но къ нему подбѣжалъ Николая.

— Федоръ Герасимичъ, что же, пойдешь къ нашимъ-то?..

— Не знаю еще, не знаю, непаду ли...

— Заходи... Повлонись тамъ... Скажи видѣлъ, молъ, меня... Вотъ въ субботу и я приду... Пра, заходи... И матушка поминала: чтой-то, говорить, съ нимъ подѣлалось... А Паранька, такъ та...

— Хорошо, хорошо, побываю...—проговорилъ Ѳеда; быстро поднимался по лѣстницѣ вверхъ, въ правленіе.

— Клянись тамодѣ...—кричалъ ему вслѣдъ Николка, снизу лѣстницы.—Тамъ еще у насъ дружокъ завелся, хорошій... Кашкиный день ходитъ... съ гармоніей...

Ѳеда было-пріостановился, точно ужаленный въ самое сердце, но Николка не договорилъ и, увлеченный толпою школьничковъ, послѣдовавшихъ за учителемъ, присоединился къ ней. Ѳеда долженъ былъ остановиться на лѣстницѣ: такъ замерло и забилось его сердце.

— Что еще за новый другъ?.. Ходитъ каждый день... Что это—къ матери, или... неужто къ Паранѣ?

Ѳеда упрекала себя, что не зашелъ прямо къ ней.—Вотъ теперь когда понадешь?.. Дорогою на фабрику онъ удивлялъ Ѳедота Семеныча своею разсѣянностью и угрюмостью.

— Что притуманился? — спрашивалъ Ѳеда старикъ.—Али забоялся чужихъ людей, новаго мѣста?.. Ничего, не бойся, привыкнешь... Известно, дома лучше... Ну, да ужъ какъ быть-то: безъ чужихъ-то людей, пожалуй, того и не наживешь, не заработаешь... Она, фабрика, точно, портитъ людей, балуетъ, не люблю я ее... Вонъ, фабричные у насъ—первые ледоимники, первые забіяки, пьяницы, свернословы... Ну, да вѣдь не всѣ же... Есть вторые и въ люди выходятъ, богатыютъ... Все отъ себя, отъ своего ума!.. Не яшайся только съ пустымъ народомъ, дѣлай свое дѣло, да хозяину старайся угождать... Вотъ и хорошо будетъ... Вонъ смотри-ка и Старое село видать... Ты не бывалъ, вѣдь, тутъ... Смотри что понастроили...

Ѳедотъ Семенычъ указалъ на видѣвшіяся вдаль каменные постройки.

V.

Старое село была старинная барская усадьба, перешедшая, какъ и множество другихъ, изъ рукъ прожившагося владѣльца въ руки разбогатѣвшаго купца. И съ этой усадьбой повторилась исторія ей подобныхъ, а исторія эта одна и та же.

Вотъ большой, господскій, каменный домъ съ проржавѣвшей дыривой крышей, окруженный множествомъ полуразвалившихся надворныхъ и хозяйственныхъ построекъ, нѣсколько лѣтъ уже стоялъ необитаемый среди стариннаго запущеннаго сада—парка съ заросшими дорожками, и полувисохшими, заплѣвными прудами. А кру-

гомъ этого дома и этого парка далеко разстилаются унылыя, вовсе запущенныя и заросшія кустарниками, или плохо обработанныя поля и еще болѣе печальныя поруби — остатокъ прежде бывшихъ лѣсовъ, — гдѣ торчатъ одни только почернѣвшіе пни и стоятъ корявый можжевелникъ. Въ былое время здѣсь на неоглядное пространство колыхалась рожь, кудрявились и зеленѣли овсы, сотни подневольныхъ труженниковъ сбивались сюда сблнви и издалека, сѣялись и сходились вображивать и засѣвать господскія поля, сжинать господскій хлѣбъ. Тогда эти поля кивѣли жизнью, вѣчная муравьиная работа мужиковъ и бабъ оживляла пейзажъ, который любовались съ террасы господскаго дома... Пейзажъ утратился въ то время непроглядною зеленою стѣною вѣковыхъ лѣсовъ, которые цѣлые вѣка и служили ему несмѣняемою рамой. Въ господскомъ большомъ домѣ, въ службахъ и паркѣ тоже была жизнь и движеніе: слышалась музыка, веселый говоръ, смѣхъ, шумные крики, бряцаніе столовой посуды; въ паркѣ мелькали лобоны, соломенные шляпы, оживленные лица, кавалькады всадниковъ и всадницъ; въ службахъ суетилась многочисленная сытая челядь, слышалось ржаніе лошадей, стукъ выѣзжающихъ экипажей, лай псарни, звукъ охотничьихъ роговъ... Иногда вся эта барская жизнь, какъ вихрь, вривалась въ поля, наполненные труженниками — муравьями, и проносилась мимо ихъ, обдавая комками земли и пылью, поднятою копытами лихихъ скакуновъ, поражая блескомъ наряда, ясностью взора, свѣжестью и румянцомъ веселыхъ, холеныхъ лицъ. Иногда, наоборотъ, вся эта рабочая сила, всѣ эти муравьи, ридились что ни на есть въ лучшіе кафтаны и сарафаны и сгонялись уже не въ поле, а на лугъ, передъ господскую террасу, и по господскому приказу пѣли, плясали, веселились, напивались пьяны и съ поклонами, благодарностями, хотъ не сытые, за то пьяные, возвращались домой, подъ свои соломенные крыши, къ своему родимому баюшкѣ — черному хлѣбду.

Долго, долго шло такъ дѣло — и вдругъ все измѣнилось: исчезла многолюдная челядь, исчезла съ нею псарня, затихло ржаніе лихихъ скакуновъ, опустѣли конюшни, светлые дворы, людскія, стали заваливаться крыши, заколачиваться досками выбитыя окна, заростать дорожки въ паркѣ, начали плесневетъ вруды; сначала притихъ, а потомъ и совсѣмъ опустѣлъ господскій домъ, не открылись въ немъ окна и двери на террасу, по цвѣтникамъ и около стѣнъ поднялись бурьянъ и жгучая крапива. Опустѣли и поля... Сначала были заброшены дальніе полевые участки, затѣмъ и изъ ближнихъ засѣвалась только половина,

да и на этой половинѣ сѣялся хлѣбъ и убирался не въ-время, и родиться сталъ все хуже и хуже. Труженниковъ-муравьевъ уже не сгоняли и не сбивали на работу, а кланялись и звали, сманивая рублемъ и полтиной, а они отвѣчали: «не досужно! вотъ когда со своимъ управимся, тогда и къ вамъ пожалуй, коли время позволить!..» А иные стали и такія рѣчи говорить: «лучше бы вамъ это дѣло бросить, да намъ сдать все... Не господской руки это дѣло—пашня... А мы бы по полтиннѣ за десятину дали вамъ получше, пошавознѣй: хлѣбца бы два сняли, одново бы и вамъ и намъ—въ обѣ руки... А то что такъ-то, одно разоренье!.. Нѣмецъ вонъ, управитель у сосѣдей машинъ навезъ, да что машиной безъ народа сдѣлаешь: стоять въ сараѣ... А хлѣба-то все нѣтъ, а второй и уродился, такъ себѣ дороже: вдвое дешевле на базарѣ купишь, нечѣмъ въ полѣ надъ нимъ ломаться... Право, сдайте по полтиннѣ кои подходящія—мы возьмемъ, и для васъ гораздо превосходнѣе будетъ...

— Ну, ужъ погодите, такіе-сякіе... Безъ земли-то и вы не проживете: придете, поклонитесь и по три заплатите, а не то что по полтиннѣ...

— Намъ кланяться не изъ чего: мы въ землѣ не нуждаемся, вонъ ея сьоль, во всѣ стороны, бери—была бы охота, у всѣхъ сусѣдей наваливаютъ... Да брать-то не съ чего... Мы не отъ земли живемъ... Наша земля не такая, не родимая, не хлѣбная... Это которая родимая земля въ низовыхъ мѣстахъ... Ну, може бываетъ и по три рубля платять... А съ нашей землей только плачь: холодная земля!.. Оставайтесь коли инъ съ Богомъ, пашите сами, а намъ не требуется... Нынѣче вонъ на заводы ступай, на фабрики: не въ примѣръ больше зарабатываешь, чѣмъ ошоло земли-то ломаться...

И еще убавилась господская запашка, — убавилась до такихъ размѣровъ, чтобы обработать ее даровымъ трудомъ, т.-е. безъ затраты денегъ, а за выгонъ, да прогонъ, да валежничку когда, прутышниковъ въ лѣсу набрать...

А заднія полосы уже заткнуло молодожникомъ бустарникомъ и всякой сорной порослью, и двигается она все впередъ и впередъ къ господской усадьбѣ. Все опустѣли и затихли поля; все опустѣли и амбары, и господскій карманъ. А баринъ все баринъ. Хотя и уѣхалъ изъ деревни, и въ городѣ живетъ, а денегъ ему всегда много требуется: въ городѣ еще больше, чѣмъ въ деревнѣ... Пишетъ онъ въ опостылаю, бездоходную деревню въ приказчику: «что же, когда будетъ доходъ, когда будутъ деньги?.. Прежде я отъ хозяйства доходъ получалъ, а теперь

только и знаю, что въ деревню деньги посылаю: когда же этому будетъ конецъ? Это не хозяйство, а одно разоренье... Лучше ужъ все иривончать, и скоть перевести весь до конца, и запашку прекратить...»

Пишетъ на это и приказчикъ въ барину: «Какъ вашей милости будетъ угодно, а только что такъ сказать, что въ нынѣшнихъ времена совсѣмъ не изъ чего дохода взять: земля стала не родима, опять же и навоза въ умаленьи по причинѣ скота; а народъ сталъ вовсе негоденъ ни къ чему: пьяницы, сутяжники и только норовить какъ бы тебя въ работѣ призвать и въ конфузъ произвести передъ помѣщикомъ; заразились всѣ фабриками и пьянствомъ, а также лѣвью, и цѣны подняли несообразны на работу: никакого расчета не выходить по нашимъ землямъ. И такъ что если вашей милости въ угоду, какъ иволите приказывать прекратить эту самую запашку, такъ чтобы только для собственнаго продовольствія и на-счетъ скота своего на подстилку и прокормить, а больше точно что выгоды никакой не будетъ... На-счетъ же хозяйственнаго вашего денежнаго дохода, какъ требуются для вашей милости деньги, не прикажете ли хлопотать для продажи лѣса: есть которые желающіе изъ купечества и въ вѣчное владѣніе, или на срубъ, а если можно и дровами поставить для фабрикъ требуется... Какъ вашей милости угодно, не оставьте, отпишите, а мы можемъ постараться всячески, потому нашъ предѣлъ въ томъ положеніи, чтобы служить вѣрно и правдою. Въ томъ и остаюсь вѣрный слуга».

Пишетъ въ барину и купецъ: «Которая ваша пустошь, называемая Кстово, и ту мы купить согласны въ вѣчность, или на срубъ въ сроки, для насъ все единственно, потому для насъ требуется, если подходно будетъ по цѣнѣ. А лѣсъ у васъ попорченъ, порубки большія, и присмотрѣть за дальностію при новѣшнимъ народѣ никакъ не возможно, потому сильно господскіе лѣса воруютъ и вырубаютъ отъ своего недостатка и пьянства. Для насъ какъ угодно, а какъ по божески и по честности вашему высородію доложить—черезъ годъ лѣсъ весь изведутъ и въ цѣнѣ выйдеть для васъ большая разница. А мы покупатели настоящіе, и если вамъ угодно, отпишите объ цѣнѣ и на-счетъ условія платы денегъ—все подробно, и какъ прикажете на-счетъ задатка, у насъ денежныи всегда готовы и мы ваши покупатели съ почтеніемъ. И какъ вашему высородію будетъ угодно, такъ мы согласны, только вправте вашу цѣну безъ обиды, а лѣсокъ средственный и опять же порчею: цѣны высокой дать никакъ

невозможно. Въ томъ и просимъ вашего высочордіа скорѣйшаго и рѣшительнаго вашего отвѣта».

И вотъ вслѣдъ за уничтоженіемъ веселаго оживленнаго пейзажа начинается мало-по-малу разрушаться и его красивая рамка: около унылыхъ полей, падаютъ одиѣ за другими вѣковѣчныя сосны, зеленныя ели, бѣлыя плакучія березы, оставляя послѣ себя гнилыя пни, голыя, печальныя, вытаптываемыя скотомъ, поруби. Годъ отъ году ландшафтъ дѣлается пустыннымъ, грустнымъ, и, наконецъ, остается одна ширь и гладь, поквнутая людьми пустыня, среди которой, какъ зеленый оазисъ, красуется заброшенный, заглохшій господскій садъ и паркъ, скрывающій за собою грустный видъ полуразвалившейся барской усадьбы. На этотъ садъ и паркъ не поднимется барская рука, несмотря на то, что помѣщикъ никогда не заглянетъ въ свою усадьбу, несмотря ни на какіе денежные соблавы, доклады и предложенія приказчика и купцовъ. Господскій садъ и паркъ, какъ бы онъ ни былъ не нуженъ и бесполезенъ, всегда святыня для помѣщика: они даютъ тонъ всей усадьбѣ, они скрашиваютъ ее въ глазахъ мимоидущаго путника и случайнаго посѣтителя, они скрываютъ за собою настоящее безобразіе и разстройство всего хозяйства, напоминаютъ о прежнемъ блескѣ, роскоши и богатствѣ; собственноручно посягнуть на эту святыню не рѣшится ни одинъ родовитый владѣлецъ, какъ бы ни были затруднительны его денежные обстоятельства, собственноручное уничтоженіе этой святыни вызвало бы ропотъ, негодованіе во всѣхъ сосѣдяхъ-помѣщикахъ, обнаружило бы и обрисовало передъ всѣми окончательное и полное безденежье и нужду владѣльца, а этого обнаруженія онъ боится больше, чѣмъ дѣйствительной бѣдности. Все валится и разрушается въ усадьбѣ: обрушивается крыша на домъ, подгниваютъ перегородки и проваливается полъ въ комнатахъ, рамы сгнили и стоятъ безъ стеколъ, отъ мебели остался одинъ ломъ и лохмотья, въ амбарахъ и на скотныхъ дворахъ шныряютъ одни голодныя крысы, люсяки въ окнахъ и дверяхъ, полы и потолки въ людскихъ и флигеляхъ давно выбраны и разворованы руками крестьянъ-сосѣдей, отъ всей усадьбы остаются одни руины, или потрескавшіяся, пошатнувшіяся стѣны, а садъ и паркъ густою, неприкосновенною стѣною окружаютъ ихъ... Но и они дождутся своей очереди, своего роковаго дня, рововой руки. Давно уже расчетливый купецъ считалъ, сколько кирпича можно выбрать изъ запустѣвшихъ барскихъ хоромъ, сколько бревенъ и сажень дровъ выйдетъ изъ разросшихся на свободѣ деревь парка и сада, какіе пруды можно дешево расчистить и воду ихъ употребить въ

дѣло, а если есть рѣка или рѣчка, то можно ли воспользоваться ими какъ движущей силой — и все это не уйдетъ изъ его рукъ. Онъ знаетъ: надо выждать, надо воспользоваться минутой, обстоятельствами, дожидаться, когда баринъ проживетъ выкупныя свидѣтельства, изстратитъ всѣ деньги, полученныя за лѣсъ, когда ему нечѣмъ будетъ платить не только поземельныя повинности, но даже и за городскую квартиру, когда кредитъ его будетъ ничтоженъ, или вовсе утраченъ... Тогда настанутъ послѣднiе дни — и усадьбы, и парки: они перейдутъ непрежнѣнно въ руки богатаго купца...

И вотъ обязываетъ новый, не-родовитый, владѣлецъ свою новую покупку: велитъ обрывать канавами поруби и заказываетъ на-строга: не пускать на нихъ скота, чтобы онъ не вытаптывалъ и не объѣдалъ молодыхъ побѣговъ, а чтобы молодой лѣсъ росъ и скорѣе поспѣвалъ на дрова; запрещаетъ выгонъ на свои поля и луга сосѣднихъ крестьянскихъ стадъ, или дозволяетъ, но за тройную противъ прежняго цѣну, взимая для удобства крестьянъ плату не деньгами, а работой. Точно также распорядится и относительно тѣхъ участковъ, которые крестьянами распахивались: онъ знаетъ, что крестьяне передъ нимъ не заупрямятся, а если и заупрямятся, откажутся отъ земли вовсе, онъ выдержитъ и годъ и два, съѣдитъ сотню разъ къ мировому, чтобы разыскать за погрыву, а ужъ на своемъ поставитъ: придутъ мужики, поклонятся, онъ проститъ съ удовольствiемъ, но за упрямство цѣну за выгонъ или пашню возвыситъ. Пашню для себя онъ оставитъ такую, какую въ состоянiи сильно удобрить отъ своего скота и которую ему обработаютъ крестьяне бесплатно, за выгонъ и пашню. Затѣмъ онъ приступаетъ къ самой усадьбѣ. Эти всѣ рощи, парки, сады, барскiя затѣи, приказываетъ онъ срѣзать на дрова, оставить развѣ небольшой палисадничекъ для своей прохлады, когда лѣтнимъ дѣломъ чайку попить. — «А вотъ этотъ прудочекъ съ этимъ сообщитъ вмѣстѣ, чтобы большой былъ прудичекъ: вода изъ него на фабрику пойдетъ, и будетъ въ немъ вода чистая, а съ фабрики которая муть будетъ идти, ту трубами въ рѣчку спускать: рѣчка текучая, она все пронесетъ... Господскiя хоромы кои разобрать, кои въ дѣло употребить, главный корпусъ, трехъ-этажный домъ стараго фасона, на сушилку поворотить... А себѣ мы новый домъ выстроимъ въ лучшемъ вкусѣ, по своему фасону!.. Ранжереи эти всѣ долой... Захотимъ — новыхъ понастроимъ со временемъ... Много получше и по-обширнѣе будутъ!.. Вотъ въ палисадникѣ бесѣдокъ по-чуднѣй безпрежнѣнно

надо надѣлать и попространнѣе, чтобы съ гостями лѣтнимъ временемъ было гдѣ прохладиться...»

Совершенно такимъ же порядкомъ перешло во владѣніе богатаго купца фабриканта Кузьмы Ивановича Кошатникова господское имѣніе—Старое село, съ тою только разницей, что онъ же, Кузьма Ивановичъ, успѣлъ предварительно скушить за бездѣловъ у помѣщика большую часть его лѣсовъ, принадлежащихъ къ имѣнію, и хранилъ ихъ какъ будущій источникъ топлива для фабрики. Оттого кругомъ Старого села выдѣлялись на горизонтѣ темные профили сбереженныхъ, теперь уже не барскихъ, а купеческихъ лѣсовъ.

Черезъ годъ послѣ покупки Кошатниковымъ—Старого села нельзя было узнать. Господскій домъ стоялъ прежде на горѣ, по отлогости которой спускался садъ и примыкалъ къ прибрежнымъ лугамъ небольшой рѣчки, извивавшейся прихотливыми изгибами и видимой изъ дома на далекое пространство. Видъ на домъ съ противоположнаго берега рѣки, какъ и видъ изъ дома, былъ равно красивъ и привлекателенъ. Домъ былъ большой, каменный, съ разными затѣями: съ колоннами, балконами, широкими террасами, которыя отъ второго этажа, наклонными плоскостями, спускались до самой земли и вели прямо въ темныя вѣстовыя аллеи; передъ домомъ на горѣ раскинутъ былъ цвѣтникъ и англійскій садъ изъ низкорастущихъ кустарниковъ, который не заслонялъ вида вдаль и не закрывалъ дома; густыя рощи отъ дома сходили къ рѣкѣ и соединялись съ вѣстовымъ лѣсомъ, который окаймлялъ луга, а мѣстами сходилъ къ самому берегу и какъ бы смотрѣлся въ воду рѣки. Изъ дома, съ балконовъ и оконъ верхняго этажа, представлялась широкая картина: въ одну сторону тянулось необозримое зеленое море лѣсовъ, съ другою—разстиралось далеко вдаль слегка холмистое пространство, по которому, какъ голубая змѣя, извивалась рѣчка; множество деревьевъ, какъ-бы нарочно для украшенія картины, были разбросаны въ прихотливомъ разнообразномъ безпорядкѣ; холмы то зеленѣли перелѣсками, то горѣли золотомъ поспѣвающего хлѣба, а тамъ-вдали, на самомъ горизонтѣ, бѣлѣлась колокольня сельской церкви съ сверкающимъ на солнцѣ крестомъ. Домъ былъ въ развалинахъ, когда Кузьма Ивановичъ купилъ его, да и стоялъ, по его мнѣнію, на мѣстѣ неудобномъ для жительства: достаточно сказать, что воду къ нему надо было возить бочками, да еще въ высокую гору, тогда какъ подъ носомъ, такъ сказать, цѣлая собственная рѣка воды. И самое расположеніе комнатъ въ домѣ ему не понравилось: вездѣ такія большія залы да гостиныя, что и

пріята не найдешь, а передѣлывать все по-своему — не расчетливо: дешевле за-ново домъ выстроить. Онъ рѣшилъ его разобратъ на кирпичъ, тѣмъ болѣе, что и жилье приходилось бы далеко отъ фабрики, которую, само собою, предполагалось строить какъ можно поближе къ рѣкѣ. И барскій домъ, можетъ быть — созданіе Растрелли или его учениковъ, былъ сломанъ, а вмѣсто него на берегу рѣки выстроился бѣлый каменный четырех-угольный шеафъ, или комодъ домашняго издѣлія, съ ярко-зеленой крышей, съ двумя стеклянными «галдарейками» по бокамъ, съ двумя подъ ними, не нужными, всегда запертыми подѣвздами, такъ какъ ходъ полагался чрезъ примыкавшія къ дому ворота, разрисованныя яркими красками, съ двумя желтыми львами на верху. За то домъ блестѣлъ зеркальными стеклами, массивными мѣдными запорами у рамъ и дверей, галдарейки пестрѣли разноцвѣтными стеклами, а на тяжелыхъ чугунныхъ рѣшеткахъ, украшавшихъ балконы, были насажены такіе раззолоченные бронзовые шары, пацы и вензеля, что все вмѣстѣ выходило очень внушительно и эффектно въ купеческомъ вкусѣ.

Отъ дома внизъ по теченію рѣки тянулся рядъ фабричныхъ зданій — и это расположеніе построекъ было не безъ практическихъ соображеній. Купецъ впередъ зналъ, что фабричныя нечистоты, которыя для удобства будутъ спускаться въ рѣку, испортятъ ея воду и сдѣлаютъ негодною къ употребленію, а потому и поставилъ домъ для жилья выше фабрики по теченію рѣки. О томъ, что живущіе ниже фабрики будутъ имѣть воду испорченную, вониючую, вредную для здоровья — объ этомъ Кузьма Ивановичъ не думалъ, какъ не думаетъ никто изъ фабрикантовъ: народное здоровье, какъ извѣстно, не входитъ въ ихъ коммерческіе расчеты и соображенія.

VI.

Кузьма Ивановичъ Кошатниковъ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мѣстныхъ фабрикантовъ и считался въ нѣсколькихъ милліонахъ. Главная ткацкая фабрика его, или заводъ, какъ привыкли называть мѣстные крестьяне, находилась верстъ за 30 отъ Старого села, въ мѣстности, гдѣ фабричная промышленность существовала уже около полу столѣтія. Фирма Кошатникова возникла тамъ одна изъ первыхъ. Дѣдушка Кузьмы Ивановича занимался выдѣлкой кошачьихъ шкуръ, для чего онъ и покупалъ и воровалъ въ окрестностяхъ котовъ и кошекъ, и заслужилъ чрезъ это

прозвище «кошатника». Затѣмъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ заниматься раздачею въ тѣнѣ основъ, получаемыхъ съ фабрики въ сосѣдняго уѣзда, а вскорѣ устроилъ и собственное небольшое ткацкое заведеніе. Какимъ-то чудомъ онъ такъ быстро разбогатѣлъ, что сынъ его выстроилъ уже громадную каменную фабрику, записался въ купцы 1-ой гильдіи и слылъ даже за миллионера, а внучекъ, продолжая и развивая дѣло дѣдушки и отца, не только уже слылъ, но и дѣйствительно сдѣлался чуть не первымъ богачомъ во всемъ околоткѣ, и производилъ обороты уже не на десятки и сотни тысячъ, а на миллионы; при этомъ онъ заботливо скупалъ пустопорожнія, преимущественно лѣсныя дачи и сдѣлался самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ уѣзда. Слава Кошатникова возрастала, имя его стало извѣстно, и на пятьдесятъ верстъ въ окрестности каждый мужикъ произносилъ имя Кузьмы Ивановича если не съ восторгомъ и благоговѣніемъ, то съ чувствомъ смиренія и раболѣпства. И не мудрено: губернаторъ, во время объѣзда губерніи, никогда не проѣзжалъ мимо Кузьмы Ивановича, дѣлалъ даже лишніе 30 верстъ въ сторону, чтобы заѣхать къ нему въ гости, исправникъ ежегодно нарочно пріѣзжалъ поздравлять его съ днемъ ангела и съ большими праздниками, а становой считалъ за особенную честь, если Кузьма Ивановичъ удостоивалъ его подать привѣтливо руку и *кликнуть* выпить водки, или попариться чайкомъ; помѣщики покрупнѣе всѣ имѣли съ нимъ денежныя дѣла—то по продажѣ земель, то по поставкѣ дровъ на его фабрику, а мелкопомѣстные такъ даже надѣдали, особенно въ послѣднее время, съ предложеніемъ, иногда даже со слезной просьбою—купить пустошки, или отрѣзки отъ крестьянскаго надѣла. Кузьма Ивановичъ сознавалъ свое могущество и силу, но, повидимому, не вазнавался и держалъ себя умѣючи: безъ гордости и безъ раболѣпства, для всѣхъ былъ доступенъ и изъ всякаго умѣлъ извлечь для себя пользу. Онъ выходилъ изъ себя, былъ страшень и грозень только тогда, когда кто-нибудь посягалъ на его карманъ, или нахально шелъ противъ его воли. Въ такихъ случаяхъ онъ способенъ былъ на все: на униженіе, на насиліе, даже на расточительность, несмотря на то, что жажда наживы никогда въ немъ не проходила.

Кузьма Ивановичъ купилъ Старое село со спеціальной цѣлію выстроить въ немъ новую фабрику. Много соображеній руководило имъ въ этомъ случаѣ: прежде всего имѣніе онъ получилъ крайне дешево, затѣмъ въ немъ была рѣчка, по сосѣдству большія, за-благовременно-скупленные имъ, лѣсныя дачи, слѣдовательно, дешевое топливо; обиліе каменныхъ усадебныхъ построекъ обѣщало

дешевый строительный материал; наконец, у местных крестьян не было никаких выгодных земных промыслов, конкуренция фабрикантов тоже нет, следовательно—можно было иметь и дешевая рабочая рука. Неопытность непривычного к фабричному делу народа не пугала его: он знал по опыту, как смелень русский человек и как скоро он привыкнется ко всякому новому делу.

Фабрику эту Кузьма Иванович намѣревался впоследствии отдать одному из сыновей, впоследствии, а не теперь, хотя сыновья были уже взрослые. Старший, — женатый сын, по предположениям Кузьмы Ивановича, должен был получить, после его смерти, старую фабрику, которою он и теперь уже заведывал под надзором родителя, а новую фабрику, в Старом селе, Кузьма Иванович намѣревался предоставить младшему сыну, парню лѣтъ 23, еще не женатому. Вследствие такого намерения младшему сыну приказано было жить на фабрике, за всем наблюдать и во всему присматриваться, а пока парень соберется с умом, оступится, женится, войдет в дело и узнает все порядки, он отдан был под надзор старшей своей сестры и ее мужа, который был назначен директором и управляющим новой фабрики. Верховный надзор и общее распоряжение всем делом Кузьма Иванович оставил, разумеется, в своих руках. Распорядясь таким образом, Кузьма Иванович сознавал себя великим практическим мудрецом и любовался собою. Он рассуждал таким образом: старший сын уже совсем собрался годами, и женат, и дѣтень, и дело знает хорошо; отпусти-ка его из глаз, да дай особенное дело—как раз вовсе отобьется от рук, заберет волю, после и не слышь... Зятю хоть я и не вѣрю, а все он человек свѣдущий, испытанный, дело знает до тонкости: сколько лѣтъ старшим приказчиком был. Если и урадет, так не в чужой род, за то уж из-за своей собственной корысти мальчишкѣ-сыну большой воли не даст, чтобы до всего не дошел, ну, и не обидит также очень—все-таки родной, женин брат, будущий хозяин... А главное: все при делѣ, и все равно хозяева, а хозяин-то, пока живъ, все-таки я одинъ. Все видят и понимают, что ни для кого, какъ для нихъ же хлопочу и устраиваю, когда умру—все ихнее будетъ, а пока живъ—пускай дело не дробится, и в однихъ рукахъ остается. А то, пожалуй, распусти-ка повода-то: одинъ в одну сторону, другой в другую—ничего и не останется! Теперь хоть я не по мысли, что полной воли не даю, за то после слыбится!..

Подъѣзжая къ Старому селу Федотъ Семенычъ заботился о томъ: застанеть ли онъ тамъ на фабрикѣ *самото*, т.-е. Кузьму Ивановича, который проводилъ здѣсь, какъ на дачѣ, только лѣтніе мѣсяцы, а въ прочее время года бывалъ только наѣздами. Старинъ познакомился съ нимъ, какъ старшина волости, въ которой находились земли и лѣса Кузьмы Ивановича. Кошатниковъ не рѣдко обращался къ Федоту Семенычу съ жалобами на поправки и порубки, производимыя крестьянами его волости. Онъ умѣлъ сообразить, что таковой дѣятельный, честный и строгій старшина скорѣе выщепъ съ нарушителей его правъ собственности и скорѣе предупредить такіа нарушенія на будущее время, чѣмъ всякіа жалобы, разбирательства и взысканія, производимыя чрезъ мировой судъ, и не ошибся: все почти повсемѣльные дѣла въ волости Федота Семеныча кончались мировою, всегда выгодною для Кузьмы Иваныча, и не доходили до суда. Вслѣдствіе этого Кошатниковъ обходился съ Федотомъ Семенычемъ не только дружелюбно, но почти какъ съ равнымъ, подавалъ ему руку, сажалъ съ собой, любезно бесѣдовалъ и вообще показывалъ ему особенное расположеніе. Федотъ Семенычъ, несмотря на всю свою житейскую опытность, не могъ не цѣнить такого вниманія къ себѣ; но не этимъ однимъ подкупалъ его въ свою пользу Кузьма Иванычъ: онъ видѣлъ въ немъ не только купца-милліонера, но добраго, благотворительнаго человѣка. Онъ зналъ, что Кузьма Иванычъ никогда почти не отказывалъ въ своей помощи погорѣльцамъ и давалъ иногда рублей по десяти на погорѣлый домъ, охотно ссужалъ крестьянъ деньгами, разумѣется, за ручательствомъ волостного правленія, подѣ отработъ сѣновосомъ или рублюю и возкою дровъ, и взымалъ при этомъ умѣренные проценты тою же работой, которой крестьянинъ въ такихъ случаяхъ не выучился еще оцѣнивать надлежащимъ образомъ. Преслѣдуя крестьянъ за поправки, или порубки, не судомъ, а чрезъ волость, Кузьма Иванычъ объяснялъ это своимъ состраданіемъ къ крестьянской нуждѣ, и Федотъ Семенычъ вполне вѣрилъ ему и преисполнялся еще ббльшимъ уваженіемъ къ умному, благотѣльному купцу. И могъ ли онъ не вѣрить и не соглашаться, когда въ такихъ случаяхъ Кузьма Иванычъ говорилъ ему:

— Вѣдь для меня это пустякъ—эта поправка, или порубка, а простить нельзя, самъ подумай, Федотъ Семенычъ. Прости ему разъ, онъ подумаетъ, что такъ сойдетъ и вдругорядъ, а прости два, такъ онъ и совсѣмъ возмечтаетъ: мужикъ, вѣдь, глупъ: станеть смотрѣть на чужую землю, али на чужой лѣсъ, какъ на свой... все выправить и весь лѣсъ перепоругить, а ужъ тогда

расчетъ выводить другой. Онъ тогда всѣми своими требухами со мной не расплачется, придется вовсе разорить его, а все своего не воротишь!.. Окромѣ того, это послабленье мужика только багуется, въ развратъ его вводить: ворованный-то весь дровъ, али бревешко онъ воровить скорѣе продать, хоть за безцѣнокъ, чтобы концы спрятать, а даровья-то деньги его въ кабакъ тащить: какъ не выпить на даровщинеу?.. А легко ему стало чужимъ добромъ жить, онъ и работать вовсе бросить: какая ему корысть спину ломать, коли онъ можетъ чужое даромъ взять да продать?.. Вотъ и развратъ, и въ работѣ домашней упадокъ!.. А теперь на-счетъ судебного взыска... Вѣдь, знаю, что подай только мировому—вдвое, втрое, съ него взыщу, а въ другой, въ третій разъ попадется—и въ тюрьму угодить, пожалуй... Опречь того: погануть его къ мировому-то за двадцать, либо за тридцать верстъ—пройди-ка, да тамъ день продежурь, у мирового-то... Вотъ два дни у него и пропали! А не порѣшилъ мировой дѣло, какъ мнѣ надобно, а въ сѣбѣ перенесу, тогда ужъ влетись-ка въ городъ за пятьдесятъ верстъ. Мнѣ-то ничего, мнѣ все равно: у меня для того адвокатъ нанять, годовой... А ему-то каково, мужику, особливо въ рабочую пору?.. Такъ развѣ мнѣ это нужно? Развѣ я желаю его разорить?.. Мнѣ Богъ съ нимъ: я желаю его; дурака, только воучить, чтобы онъ правъ зналъ и за чужое не хватался, а самъ бы промышлялъ, работалъ... За работу нынче вездѣ деньги платятъ, вездѣ добыть можно своимъ трудомъ, и безъ воровства... Вотъ мнѣ чего только нужно!.. Оттого я и стараюсь все лучше черезъ волостное начальство кончить... Жалко только, не всѣ волостные старшины таковы, какъ ты, не всѣ свою должность понимаютъ... Иные думаютъ, что добро мужику дѣлаютъ, что правятъ виноваго, да защищаютъ его въ недобромъ дѣлѣ, а того не понимаютъ, что губятъ его... въ разоренье ведутъ... Иной думаетъ, воля-то мужицкая всякаго послабленья требуетъ,—штъ, она въ строгости состоитъ, чтобы всякой зналъ—что его, что чужое и правъ свои соблюдалъ... Вотъ она въ чемъ вся и воля состоитъ!.. Такъ-то; Федотъ Семенычъ!.. Вотъ ты, дай Богъ тебѣ здоровья, ты не таковъ: ты своихъ не распускаешь, не багуешь, содержишь ихъ въ порядкѣ... Тобой и они счастливы... Поди и живутъ, чай, исправнѣе другихъ, и недонимъ нѣтъ...

— Нѣтъ, какъ не быть, Кузьма Ивановичъ: есть недонимъ, потому народъ всякой, разный: всему истинно, что негдѣ и до быть...

— Ну, а все же, знаю, что меньше недонимки, чѣмъ въ дру-

гнѣкъ волостякъ... И господа, значить, довольны твоею волостью, и неприятностейъ меньше... И мужику много покойнѣе... Да уязь что говорить... Какъ тебя можно смѣнить съ другими старшинами!.. Одно нужно сказать: умный, рассудительный, честный человѣкъ... и порядки ведешь, какъ слѣдуетъ!.. Вотъ! всегда скажу про тебя...

Въ силу таковыхъ отношеній Федотъ Семеновъ и надѣялся, что Кузьма Ивановичъ не откажется принять Федю, обратить на него особенное вниманіе и приметъ подъ свое покровительство. Къ его удовольствію Кузьма Ивановичъ былъ въ Старомъ селѣ.

VII.

Федотъ Семеновъ просилъ - было доложить о себѣ хозяину, но его послали прямо въ контору, куда былъ свободенъ доступъ всякому. Федотъ Семеновъ однако пошелъ сначала одинъ, оставя Федю у лошади. Не совсѣмъ смѣло вошелъ онъ въ большую пустынную комнату, съ очень ограниченнымъ количествомъ мебели: два длинныхъ стола, конторка и нѣсколько стульевъ, составляли все ея убранство. За конторкой сидѣлъ бухгалтеръ и щелкалъ счетами; у одного стола, нѣсколько наклонясь, строчили что-то двое молодцовъ, а за другимъ, заваленнымъ штуками сѣтцу, сидѣлъ самъ Кузьма Ивановичъ и читалъ какія-то письма. У того же стола, облокотясь на него и видимо скучая, помѣщался молодой человѣкъ; младшій сынъ Кузьмы Ивановича.

Копатниковъ - отецъ, былъ высокій, атлетическаго тѣлосложенія, плотный мужчина, еще не старивъ по виду, хотя считалъ себѣ около 60 лѣтъ. Широко-сеулное, плоское, безцвѣтное лицо его, съ толстыми губами, съ оладистой бородой, ничего бы не выражало, кромѣ животныхъ наклонностей, еслибъ не освѣщалось очень умными, хитрыми, проницательно смотрящими глазами. Кузьма Ивановичъ, несмотря на свою массивную фигуру, ходилъ тихо и не слышно, точно кошка, движенія его были медленны и спокойны, говорилъ онъ всегда ровнымъ, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ; разговаривая, всегда клалъ руку на плечо собесѣдника, или гладилъ ею по его плечу и рукамъ и смотрѣлъ упорно, прямо въ глаза, но если также прямо и упорно смотрѣли на него, тотчасъ же съ видимымъ неудовольствіемъ опускалъ свои глаза, или безпокойно глядѣлъ по сторонамъ. Носилъ онъ всегда длинный широкій сюртукъ и имѣлъ

обыкновеніе занашивать его чуть не до дыръ. На головѣ у него всегда былъ одинъ и тотъ же теплый черный картузь съ лосящимся, засаленнымъ околышемъ. Этою неряшливостью и небрежностью костюма, при своемъ громадномъ состояніи, Кузьма Иванычъ нѣсколько рисовался. Точно по тому же побужденію онъ ѣздилъ всегда въ старомъ тарантасѣ, безъ сидѣнья, на сѣнѣ, съ ситцевою подушкою за спиной, на тройкѣ обыкновенныхъ лошадей, хотя на конюшнѣ у него стояли тысячные рысаки и великолѣпные экипажи для встрѣчи дорогихъ гостей и для катанья по большимъ праздникамъ. Въ этомъ своемъ обычномъ костюмѣ Кузьма Иванычъ сидѣлъ и теперь, между тѣмъ какъ сынъ былъ одѣтъ по-европейски и даже франтовски.

Кузьма Иванычъ былъ давно уже вдовъ, но имѣлъ большую семью: двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Старшаго сына и дочерей онъ едва внучилъ грамотѣ, ссылаясь на то, что и самъ малограмотенъ, а слава Богу, родительскаго достоинства не прожилъ, а еще увеличилъ, дѣла ведетъ не хуже всякаго ученаго, дуракомъ не слыветъ и ото всѣхъ почтеніемъ пользуется. Капиталомъ да умомъ наше купеческое дѣло держится, а не ученостію! говаривалъ онъ нерѣдко. Но относительно младшаго сына онъ измѣнилъ себѣ и подчинился какому-то новому вѣянію, которое распространилось одно время въ купечествѣ и заставило даже самыхъ упорныхъ учить своихъ дѣтей: онъ отдалъ младшаго сына въ коммерческое училище, но послѣ раскаялся и вывелъ его домой, не давши окончить курса: очень ему не понравилось, что мальчишъ сталъ говорить какимъ-то инымъ языкомъ, началъ высказывать, хоть и робко, какіе-то новыя, непривычныя и непріятныя для него взгляды и понятія. Онъ держалъ его съ тѣхъ поръ при себѣ, какъ малолѣтца и заботливо старался, чтобы онъ забылъ все, что приобрѣлъ въ училищѣ. Отецъ требовалъ, чтобы онъ былъ постоянно на фабрикѣ и въ конторѣ, всему учился, за всѣмъ слѣдилъ и присматривалъ, обо всѣхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, которыя замѣтитъ, докладывалъ родителю, но никакого самостоятельнаго, или отвѣтственнаго дѣла ему не поручалъ. Книгъ для чтенія въ домѣ Кузьмы Иваныча не полагалось, да и чтеніе ихъ считалось вреднымъ бездѣльемъ; допускались одѣ только «Московскія Вѣдомости». Вслѣдствіе этого юноша очень тиготился жизнью въ родительскомъ домѣ и страшно скучалъ.

Кузьма Иванычъ поднялъ голову и увидѣлъ Федота Семенича.
— А-а, старый пріятель... Какими судьбами?... Здравствуй...

Онъ протанулъ руку въ Оедоту Семеничу. Тотъ послѣшилъ подойти.

— Садись-ка, милости просимъ... По дѣльцу, что ли, какому, али такъ, на заведеніе мое новое посмотрѣть?.. Кажись, ты бывалъ, вѣдь, у меня адѣсь?..

— Бывалъ, Кузьма Иванычъ, только давненько: еще въ томъ году... И не узнаешь: сколько съ того времени понастроили... Городъ цѣлмй!..

— Что, братъ, дѣлать: нельзя... Вотъ для нихъ стараюсь...

Кузьма Иванычъ указалъ на сына.

— Пора бы ужъ на отдыхъ, да вотъ семья не позволяетъ: трудись, говорить... Да ты знаешь ли этого сына-то у меня?..

— Нѣтъ, никогда не приводилось...—отвѣчалъ Оедотъ Семеничъ, привставая и кланяясь молодому человѣку.

— Какъ же... Вотъ это младшій, Александра... Для него вотъ стараюсь, устраиваю... Александра, — обратился онъ къ сыну, — вотъ тебѣ надо знать старива-то... Онъ почтенный старикъ... Первый старшина на весь уѣздъ!.. У него въ волости нашихъ земель и лѣсовъ достаточно... Вотъ познакомься... Когда что, какое дѣло, мало ли бываетъ: не все мнѣ самому... Вотъ и будешь знать... Да, познакомься...

Оедотъ Семеничъ опять привсталъ. Александръ Кузьмичъ молча, лѣнливо подаль ему руку.

— А Дмитрія-то Тимоеича знаешь... зятя-то моего?..

— Знать—знаю... Видалъ... А такъ—что дѣловъ къ нимъ не было... Не доводилось говорить...

— Какъ же, надо тебя и съ нимъ познакомить... Онъ у меня адѣсь дилектуромъ... Какъ же, нужно безвременно васъ познакомить: коть заведеніе и не въ твоей волости, а все-таки... Отъ васъ рабочій народъ ходитъ сюда наниматься... Мало ли какіе случаи бывають... Такъ какъ же по дѣльцу, что ли, по какому?.. Ты, вѣдь, безъ дѣла-то не пойдешь... я знаю...

— По дѣльцу, Кузьма Иванычъ... По собственному, своему... прійхалъ попросить.

— По-своему?—переспросилъ Кошатиноговъ не безъ удивленія и не съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Хоть оно не собственно меня касающее, а примите такъ, что все равно какъ будто для меня самого сдѣлать...

— Что такое за дѣло?—переспросилъ Кузьма Иванычъ. — Боли возможно, такъ отчего же...

— Паренѣкъ тутъ есть у меня... Правда, что въ родствѣ

онъ со мной, только что унѣ такой парень, — на радость: и не по родству похвалить можно...

— Такъ! — подтвердилъ Кузьма Иванычъ.

— Грамотный, умный, непьющій, ровно дѣвка красная — такой да смиренный...

— Такъ! — опять согласился Косицкиновъ.

— А главная причина, Кузьма Иванычъ, очень ужъ срученъ ко всему, на-счетъ всякаго издѣлія... И самъ выдумаетъ, и сдѣлаетъ, что тебѣ угодно... Кажется, до всякой машины дойдетъ, и самъ машины выдумываетъ...

— Такъ, такъ!.. Это хорошо!.. На что этого лучше... Это, значить, унѣ отъ Бога ему дано!..

— Именно, что отъ Бога!.. Такъ вотъ я и хотѣлъ попросить васъ, Кузьма Иванычъ, такъ какъ вы добрый и благотворительный человѣкъ, — нельзя ли его на фабрику принять... на эту?..

— Отчего не принять... Съ полнымъ удовольствіемъ!.. Мы всякой народъ принимаемъ, — и не откажемъ... А этакого особливо, коли еще смиренный и непьющій... Ничего, прислай, возьмемъ...

— Да онъ здѣсь, Кузьма Иванычъ... Я его съ собой привезъ... Посмотрите на него сами и поразспросите его...

— Такъ что же?.. Давай его сюда... Сейчас рассмотримъ его: къ какому дѣлу годится, туда и опредѣлимъ...

— Желаніе бы его къ машинамъ... Онъ бы тамъ все сейчасъ понялъ...

— Ну, къ машинамъ, такъ къ машинамъ... Коли по слесарной части знаетъ, такъ можно и къ машинамъ... Известно, не въ механики же вѣдь его сажать... А пускай перво подъ рукой у машиниста побудетъ, поприглядится... Ну, а тутъ и машинистомъ можно сдѣлать... Гдѣ онъ?.. Давай его сюда...

— Я его сейчасъ позову...

— Позови... Да постой-ка... Эй, молодецъ! поди-ка добѣги: Дмитрія Тимошенца позови сюда, во инѣ... да гѣмъ часомъ возъ и его парня приведи сюда...

Писецъ вскочилъ и побѣжалъ.

— Надо же твоего парня и дилектуру показать... Еще есть ли мѣста-то у насъ при машинахъ... Александра, ты не знаешь: всѣ мѣста-то заняты у насъ при машинахъ?..

— Само-собой, заняты: развѣ можно машины безъ людей оставить... Оволько нужно — всегда есть, только смѣнить можно втораго, если этотъ сручнѣе будетъ...

— Смѣнить! Съ чего ты человѣка безъ вины обвинишь? Надо вины дожидаться... А, значить, ужъ надо будетъ для старика взять его парня хошь такъ покажь... а тамъ видать будетъ, куда его опредѣлить...

— Онъ и по столярной части знаетъ, и рѣзь всякую можетъ произвести... — говорилъ Федотъ Семенычъ. — Опять же и пишеть хорошо... Его куда хочешь тини: на всякое дѣло...

— Ну, да ужъ не обижу для тебя, старика, — возьмемъ парня... А тамъ по заслугамъ... и жалованье положимъ...

— Если онъ точно такой способный на все, такъ мало ли у насъ на фабрикѣ дѣла, — вмѣшался Александръ Кузьмычъ... — Безъ дѣла не просидить... Можно настоящее жалованье положить...

На лицѣ Кузьмы Иваныча мелькнуло неудовольствіе. Глаза его забѣгали.

— А я что жь?.. Я и говорю: по заслугамъ... Какъ себя покажетъ, таково и жалованье положимъ... Вы, молодые, больно прытки: такъ бы вдругъ все и взяли... А ты понемножку... Надо во всякомъ дѣлѣ съ осторожной, да съ оглядкой...

— Ужъ на-счетъ услуги не безпокойтесь, Кузьма Иванычъ... Ужъ знаю, что услужить...

— Да ужъ сказалъ: для тебя сдѣлаю... Не оставимъ парня... Дай вотъ поглядѣть только: какая въ немъ сила?..

Въ контору вошелъ зять Кошатникова и директоръ фабрики, Дмитрій Тимоѣенчъ Зѣрбобоевъ, человѣкъ лѣтъ 45-ти, высокій, худощавый, съ блѣднымъ, до сихъ поръ красивымъ еще лицомъ. Онъ былъ человѣкъ очень молчаливый и замкнутый, держалъ себя всегда скромно и въ такой повѣ, точно прислушивался къ отдаваемому приказанію; голова его почти всегда была наклонена нѣсколько на бокъ и полу-закрытыя глаза смотрѣли въ землю; но когда онъ изрѣдка — а особенно въ минуты досады и раздраженія — поднималъ ихъ, взглядъ его былъ сухъ и холоденъ, какъ желѣзо, и производилъ неприятное впечатлѣніе. Лѣтъ 15-ть назадъ, его женитьба на старшей дочери Кузьмы Иваныча надѣлала большой переполохъ въ купеческомъ мірѣ.

Дмитрій Тимоѣенчъ въ то время былъ не больше какъ простой, ничтожный приказчикъ на фабрикѣ Кузьмы Иваныча — правда, умный, услужливый, расторопный, но, повидимому, очень тихій и скромный, — умѣлъ заслужить особенное довѣріе и расположеніе хозяина, но тому и въ голову никогда не приходило, чтобы онъ могъ когда-нибудь породниться съ нимъ. Какимъ образомъ, гдѣ и когда онъ успѣлъ сблизиться съ дочерью Кузьмы Иваныча, дѣвицей лѣтъ 25-ти, — это осталось тайной для всѣхъ;

но однажды она явилась къ родителю, пала ему въ ноги, во всемъ призналась и просила прикрыть грѣхъ свой святымъ вѣнцомъ. Кузьма Ивановичъ чуть не сошелъ съ-ума отъ ярости, приколотилъ дочь такъ, что она слезла въ постель, повзвалъ потомъ будущаго зятя, далъ и ему хорошую таску, и велѣлъ убираться прочь съ глазъ своихъ и вонъ изъ дома. Рассказываютъ, что Дмитрій Тимоѣенчъ со стоическимъ хладнокровіемъ перенесъ это законное возмездіе со стороны оскорбленнаго родителя, но не только не ушелъ изъ дома, но тутъ же, сейчасъ, спокойно изъяснилъ будущему тестю: «Напрасно изволите безповиниться, тятенька. Лизавета Кузьминична окромя меня ни за кого не пойдутъ, и все равно—не теперь, такъ послѣ—убѣгомъ уйдутъ, а повѣнчаются со мной... А между прочимъ, если въ дѣвчачь ихъ долго продержите,—одинъ конфузъ можете на всю фамилію пустить отъ этого самаго нашего несчастія... А я человѣкъ бѣдный, чувствительный: какъ былъ вашъ вѣрный слуга, такъ и останусь, а по родству,—такъ навпаче служить буду изъ всѣхъ силъ.. И на-счетъ приданаго, по бѣдности своей, всѣмъ останусь доволенъ, что ни пожалуете... Не какъ другой, стоящій человѣкъ: не стану прижимать, да капитала требовать, а чѣмъ осчастливите, тѣмъ и буду доволенъ.. Ужъ лучше благословите, тятенька, по доброй волѣ, тихимъ родительскимъ сердцемъ, нечѣмъ...» — «Такъ ты, еще ничего не видя, ужъ и тятенькой меня звать... и объ награжденіи... ахъ, ты!..—заголосилъ Кузьма Ивановичъ, съ пѣной у рта, снова навидываясь на будущаго зятя.— Я тебѣ дамъ—тятенька!.. Вотъ тебѣ тятенька!.. Вотъ тебѣ награжденіе!.. Вотъ я васъ урезоню обѣихъ...» И этотъ натискъ Дмитрій Тимоѣенчъ перенесъ такъ же хладнокровно: вытолкнутый подзатыльниками за дѣрь, — привелъ въ порядокъ прическу, лицо и платье, но уходить изъ дома не думалъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свое обычное дѣло.

Кузьма Ивановичъ пошумѣлъ, побѣсковался, но потомъ самъ разсудилъ: «все равно,—лучше же чѣмъ срамъ да огласку пустить на всю фамилію... не одна она,—другія дочери есть... Пускай!.. Однако же хошь капитала трогать не надо... Онъ же паренъ умный, расторопный, а по родству—правда, что еще больше будетъ стараться... Пускай!.. Все лучше какъ самъ-то, чѣмъ убѣгомъ... Развѣ ее усторожишь и самъ-дѣлѣ... А только плутъ, большой руки плутъ!.. Съ нимъ держи ухо востро...»

И желаніе Дмитрія Тимоѣенча исполнилось: родитель благословилъ ихъ бракъ по доброй волѣ, тихимъ родительскимъ сердцемъ... Сдѣлавшись зятемъ Кузьмы Иванича, членомъ его семьи,

поселившись вмѣстѣ съ нимъ, онъ не измѣнилъ своего обращенія съ хозяиномъ: по-прежнему исправлялъ то дѣло, которое ему было поручено, — по-прежнему спрашивалъ приказаній, давалъ отчеты, воевалъ на ноги, когда тестъ съ нимъ заговаривалъ, и садился въ его присутствіи не иначе, какъ съ его дозволенія. Кузьмѣ Иванычу нравилось, что зять оказывалъ ему такое подобострастное уваженіе, не забывался и помнилъ, что онъ ничего больше, какъ ничтожный приказчикъ, высканннй только его особенными милостями. Онъ не вѣрилъ въ зятя, никогда не разставался съ мыслью, что это большой, тонкій плутъ, но, самъ того не чувствуя и не замѣчая, поддавался его вліянію. Увеличивая жалованье Дмитрія Тимоеенча, расширяя предѣлы данной ему довѣренности, назначая его старшимъ приказчикомъ, поручая его управленію фабрику, Кузьма Иванычъ увѣрялъ самого себя, что дѣлаетъ все это только ради дочери и невольнаго родства съ нимъ. Въ глубинѣ души онъ даже любилъ зятя за его выдержку, настойчивость, ловкость и умѣнье вести дѣла: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы онъ охотъ, даже безъ просьбы, объявилъ зятю и дочери, что выдѣлилъ на ея часть извѣстный капиталъ, который будетъ оставаться пока въ общемъ дѣлѣ, и такимъ образомъ сдѣлалъ Дмитрія Тимоеенча какъ-бы пайщикомъ въ своихъ коммерческихъ оборотахъ. Съ годами, когда забылась скандальная исторія женитьбы, когда у Лизаветы Кузьминныи народилось много дѣтей, когда Дмитрій Тимоеенчъ записался въ гильдію и — какъ рассказывали — имѣлъ уже личный порядочный, хотя и скрытый пока капиталъ, — отношенія между тестемъ и зятемъ нѣсколько измѣнились: Дмитрій Тимоеенчъ сдѣлался спокойнѣе и увѣреннѣе въ себя, не такъ работничествовалъ, какъ прежде, позволялъ себѣ даже возражать тестю, или молча дѣлать по-своему, хотя наружно сохранялъ должное почтеніе къ хозяину-милліонеру; а Кузьма Иванычъ, продолжая разыгрывать роль повелителя, во многихъ дѣлахъ ничего не предпринималъ безъ совѣта зятя и даже нерѣдко уступалъ ему, хотя въ то же время безъ церемоніи бранился съ нимъ и выказывалъ оскорбительную подозрительность. И въ образѣ своей жизни, въ своей домашней обстановкѣ Дмитрій Тимоеенчъ уже не подчинялся слѣпо вкусамъ и взглядамъ теста, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поселился на новой фабрикѣ. Онъ старался подражать коммерсантамъ новѣйшаго фасона, а не купцамъ стараго заката: считалъ нужнымъ вести жизнь общественную, а не замкнутую, старался показаться человекомъ цивилизованнымъ, и не только училъ дѣтей, но даже нанялъ въ нимъ гувернантку, какъ только они

начали подрастать. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, много повліялъ Александръ Кузьмичъ, вкусившій, хотя и немного, отъ столичной жизни и плодовъ образованія: вліяніе это шло, разумѣется, болѣе черезъ жену — Лизавету Кузьминичну.

— Что вы, тятенька, изволили требовать меня? — спросилъ Дмитрій Тимошенчъ, — входя въ контору.

— А вотъ что, милостивый государь... Вотъ познакомѣся: благовиритель мой, старшина, хорошій человекъ, проситъ, чтобы его родственника, молодого парня... расхваливаете очень его, говорите — но вскиньте художествамъ мастеръ... чтобы взять его на фабрику... Этого, что ли, парень-то твой? — спросилъ Кузьма Ивановичъ, указывая пальцемъ на только-что вошедшаго Федю.

— Онъ самый... — отвѣчалъ Федотъ Семенчъ.

— Ну-ка, подойди сюда, молодецъ, поближе... — приказалъ Кузьма Ивановичъ.

Федя подошелъ.

— Сказывай правду: водку пьешь?..

— Не ниваль отъ роду... — бойко отвѣчалъ Федя.

— Ну, научишься...

— Нѣтъ, не научусь... — смѣло настаивалъ Федя.

— Ну, а табачище куришь?

— Нѣтъ, не курю.

— И въ карты не играешь?

— Не умѣю...

— Ну, молодецъ!.. Ровно красная дѣвка... не пьетъ, не куритъ и въ карты не играетъ!.. Если долго такъ продержитъ-ся, пожадуй, деньги наживешь... Вотъ старикъ-отъ твой проситъ, чтобы на фабрику тебя взять...

— Не оставьте. Примите, Кузьма Ивановичъ...

— Ну, а въ какое же ты дѣло желаешь поступить?.. Что ты умѣешь-то?..

— Да куда опредѣлите... И топоромъ могу, и по столярной части... и рѣзбу если угодно... Самъ рисунки дѣлаю...

— На словакъ-то ты боевъ, захватистъ... А все надо по-смотреть: каковъ на дѣлѣ... Намъ на фабрику ткачи больше требуются... Умѣешь ли?..

— Да, вѣдь, у васъ машинная точка... Слыхалъ я отъ людей тутъ умѣеве не большое нужно... Привычка только нужна, силовка... Да нѣтъ, въ ткачи-то бы мнѣ не желательно... А вотъ въ машинамъ, кабы ваша милость была...

— Около машинъ топоромъ нечего дѣлать... — замѣтилъ Дмит-

рій Тимоеичъ... Тутъ нужно, чтобы слесарь былъ, слесарную часть зналъ...

— Были бы инструменты, а то слесарная часть не мудреная: все сдѣлать можно... Я потому къ машинамъ промучусь, что у меня пристрастіе къ этому... Я самъ все-что выдумываю, самъ и модели дѣлаю... Я какую угодно машину сообразую и разберу, и соберу опять... Часы у Ѳедота Семеновна, въ водосты стояли... а я ихъ разобралъ, починилъ и опять собралъ... Идутъ теперь...

— Это правда, точно... — подтвердилъ Ѳедотъ Семеновичъ.

— Какія же ты машины выдумываешь? — спросилъ Александръ Кузьмичъ.

— Разныя... На счетъ мельницъ, маслобоекъ и другихъ...

— Да ты ужъ не въ механики ли просишься? — спросилъ Дмитрій Тимоеичъ... — Такъ, вѣдь, для этого, братъ, надо экзаменъ выдержать... Паровая машина, вѣдь, не то, что часы... Тутъ надо чертежъ понять, чтобы ею распорядиться... А ты видалъ ли когда и паровики-то?..

— Хошь я, правда, что не видалъ, а чертежъ я понимаю... По физикѣ знаю, хошь сейчасъ все расскажу и нарисую: какъ что дѣйствуетъ...

— Какъ по физикѣ? — переспросилъ Александръ Кузьмичъ. — Развѣ ты физику знаешь? учился?..

— Учиться не учился... А физику я всю читалъ и понялъ...

— Гдѣ же ты взялъ?

— Тутъ, у нашего учителя... Только-что я — не подумайте — я же въ главные механики промучусь... А, такъ бы желательно въ машинамъ поступить: въ подручные къ механику, или какъ ужъ вамъ заблагоразсудится...

— Механикомъ у насъ называется его всеми, машинами на фабрикѣ заправляетъ, а тѣ, что въ машиннами наблюдаютъ, починиваютъ если нужно, смазываютъ, въ порядкѣ содержать — те машинисты... — объяснилъ Александръ Кузьмичъ.

— Вотъ меня хотъ бы въ такіе-то снаряды...

— Есть ли у насъ мѣста-то? — спросилъ Кузьма Ивановичъ зятя.

— Машинистовъ комплектъ полный: мѣстовъ нѣтъ... Да, вѣдь, надо же и посмотрѣть на него сначала... Если угодно взять, такъ рабочимъ его простымъ въ машинамъ... Пускай сначала присмотрится и себя покажетъ... А тамъ увидишь, какой въ немъ толкъ... У насъ вонъ и по столарной части — говорить, умѣетъ — дѣла довольно, найдется и для него...

— Ну, да ужь-этакое дѣло: къ какому тамъ дѣлу его приставишь...

— Ну, такъ ладно, — обратился онъ къ Федѣ: ирмиу тебя, парень... — Смотри, работай нестно и вѣрно, вѣдь что ужь тебя дилектуру заставишь... Къ чему приставить, то и дѣлай, старайся... не лѣнись...

— Ужь я стараться буду, Кузьма Ивановичъ... Изъ вѣщихъ силъ буду стараться... Какое же положеніе-то мнѣ будетъ?... Жалованье-то какое положите?..

— О, братъ!.. Ты я вижу изъ порочихъ, да вѣдь бойничъ!.. Ничего не видя, ужь спрашиваетъ хозяина: какое ему будетъ положеніе?.. Еще работы-то своей не поважалъ, а ужь объ жалованьи хозяина депрашиваетъ... Кабы не для старика, такъ я бы съ тобой и разговаривать-то не сталъ... Ты не думаешь ли и самъ-дѣлъ, что нужно болвану съ хизвой-то своей?.. А коли принимаютъ, такъ и будь доволенъ... Бога благодарь!.. А жалованье какое положатъ, то и получай... Слышалъ?.. Ну, то-то, впередъ анай какъ съ хозяиномъ разговаривать!.. хизку-то ты читалъ, а этого не вычиталъ: какъ съ хозяиномъ разговаривать: надо, такъ хошь бы людей поспрошалъ...

— Извините его, Кузьма Ивановичъ, — вступился Федотъ Семенычъ. — Молодъ еще, неопытенъ!.. Покорно благодарю, что принимаете: вы не обидите...

— Вотъ еще!.. Эку дрань мнѣ очень обижать нужно... А знаю молодъ: оттого и внушаю... Вижу, свѣта не видашь, людей не понимаешь... Какъ бытъ деревва... Ну, Богъ съ тобой, ступай!.. Научись, вось людей разбирать: къ кому съ чѣмъ подойти и какъ разговаривать... Вотъ теперь къ л дилектуру обращайся... Ступай...

Федя былъ сконфуженъ и смущенъ: онъ видѣлъ, что Кузьма Ивановичъ разсердился, что онъ что-то такое сказалъ или сдѣлалъ неладное, но чѣмъ именно — не могъ фразу уяснить себѣ, и опечаленный пошелъ къ дверямъ...

Федотъ Семенычъ тоже былъ смущенъ и нѣсколько даже обиженъ и стоялъ передъ Кузьмой Ивановичемъ опусти глаза въ землю. Тотъ замѣтилъ это.

— Нельзя на нихъ безъ острастки, — обратился онъ къ Федоту Семенычу, когда дверь за Федѣй затворилась. — Я знаю ихъ, зазнаются, молодососы, особливо вотъ этакіе, которыхъ Богъ умомъ да талантомъ наградила: мечтають о себѣ и не вѣсть что... И чортъ ему не братъ... А вотъ огорошили его — онъ и пойметъ, притихнетъ!..

— Онъ смиренный царь, Кузьма Ивановичъ... Никогда попергъ слова не скажетъ... Такъ это онъ молвилъ, просто...

— Ну, впередъ наука... Ты его возьми тамъ, Дмитрій Тимооенчъ, пристрой какъ знаешь... А жалованье положи на шестое время рублей двѣнадцать въ мѣсяць... Вотъ для старика... А тамъ увидимъ...

— А на счетъ харчей какъ?..

— Харчи, знамо, его... Гдѣ же намъ возиться...

— Слушаю, тятенька...

На Александра Кузьмича послѣдняя сцена и послѣдніе распоряженія отца, видимо, произвели неприятное впечатлѣніе, но онъ ничего не сказалъ, и вышелъ вслѣдъ за антемъ.

— Ну, прощай, старикъ... Вотъ привелось и мнѣ для тебя сдѣлать...—говорилъ Кузьма Ивановичъ, расставаясь съ Федотомъ Семеновичемъ.—Ужъ не кланяйся, не прося... Не оставлю, не оставлю парня твоего, только бы старался, да не избаловался здѣсь... На фабрикѣ народъ всякой... Наставляй его хорошенько...

Федотъ Семеновичъ кланялся и благодарилъ, но вышелъ изъ конторы не вполне довольный.

VIII.

Федя остался у крыльца конторы, въ ожиданіи Федота Семеновича. Невеселыя думы толпились у него въ головѣ. Онъ невольно вспоминалъ и соображалъ все, что прежде слышалъ о кушцахъ и ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ.

— Это еще хваленый... Кузьма Ивановичъ!.. Еще и припелъ я къ нему съ дружкомъ, съ Федотомъ Семеновичемъ... Ну, за что обидѣлъ, за что облаялъ?.. Неужто нельзя ужъ и объ жалованьи спросить?.. Какъ же рабочему человѣку не знать впередъ, сколько онъ заработать можетъ?.. Вѣдь, я же къ нему не Христа ради прошусь... Я на него работать буду... Ну, коли не съ нимъ рѣдиться надо было такъ бы и сказать просто... Зачѣмъ же кричать да лаяться-то?.. Иной разъ, пожалуй, и не стерпишь, коли ни въ чемъ не виноватъ, а онъ кричать станетъ да ругаться.

Мимо его прошелъ Дмитрій Тимооенчъ, нѣтъ-нѣтъ, пристально взглянулъ на него исподлобья, но, прежде чѣмъ Федя такъ же прямо на него смотрѣвшій, успѣлъ сообразить, что, можетъ быть, нужно снять шапку и поклониться, директоръ фабрики быстро повернулся и пошелъ прочь, ни слова ему не сказавши. Федя вопросительно смотрѣлъ ему вслѣдъ и видѣлъ, какъ снова-

ше по фабричному двору работники, встречаясь съ директоромъ, проворно снимали свои шапки и подобострастно ему кланялись. Вдругъ его кто-то окликнулъ, не назвавши по имени. Онъ оглянулся. На крыльцѣ стоялъ Александръ Кузьмичъ.

— Ты какъ будешь по имени?—спросилъ онъ его.

— Федоръ.

— А прозвище, фамилья есть у тебя какая?

— Нѣтъ, фамилии нѣтъ никакой..

— Надо тебѣ прозвище взять какое-нибудь... У насъ, на фабрикѣ, Федоровъ много... Ты изъ какой деревни?

— Изъ Чернушевъ.

— Ну, такъ вотъ и прозывайся: Чернушевннъ.

— А вы кто же будете?—спросилъ въ свою очередь Федя.

— Я хозяйскій сынъ, Александра Кузьмичъ.. Татенька говоритъ, что эта и фабрика и имѣнiе будутъ мои, что онъ мнѣ ихъ послѣ себя предоставитъ...

— Стало быть, вы теперь заправляете ей, когда безъ татеньки...

— И заправляю, и нѣтъ... Приглядываю за всѣмъ, а директоромъ-то вотъ ятъ нашъ, Дмитрій Тимофеевъ... Вотъ что пришло... У насъ татенька не любитъ никому воли давать: до всего самъ доходить... Что же ты пропустилъ Дмитрія-то Тимофеева, не подошелъ къ нему, какъ онъ проходилъ мимо?.. Видь, татенька, велѣлъ тебѣ къ нему идти...

— Да не знаю какъ... Не здогадался вдругъ-то... Думалъ: не время...

— Пойдемъ со мной на фабрику: я тебя къ нему сведу...

— Полорно благодарю, Александра Кузьмичъ... Пойдемъ...

Они пошли.

— Татенька велѣлъ тебѣ двѣнадцать рублей положить на первое время, на твоихъ харчахъ... Ну, немного это, да ничего: потерпи... Покажешь себя, да коли надобно будешь—прибавь скоро...

— Маленько это... Правда, что маленько... Тоже прохарчишь сколько...

— Да ничего, поступай... Прибавь... Ужъ говорю тебѣ, что прибавь!.. Они и все такъ: воли видятъ, что человекъ нужннй, всегда норовятъ сначала нажать...

Федя съ удивленiемъ, вопросительно взглянулъ на хозяйскаго сына...

— Ты чего смотришь, удивляешься, что я такъ-то говорю?.. Я, братъ, люблю прямо, открыто... не какъ они...

— А за что же тятенька вашу разсердился на меня, когда я про жалованье спросил?.. Неужто ужь у вас рабочему человеку и ридиться нельзя, а получай что дадут?..

— У насъ съ рабочими впередъ никогда не ридятся, а платятъ всѣмъ равно, смотря по работѣ: мѣсячнымъ—по мѣсячно, а штучнымъ—отъ штуки, сколько это вытчалъ... Плата назначается по цѣнѣ товару: коли упадетъ цѣна, ну, ж плату убавятъ, а коли бойко товаръ съ руль идетъ и по хорошей цѣнѣ, тогда немножко и плату повысятъ... А тятенька разсердился на тебя и за то, что ты о жалованьи впередъ спросилъ, а еще больше за то, что съ нимъ сталъ объ этомъ разговаривать: на это у насъ контора, приказчики, да директоръ есть... Онъ коли съ рабочимъ самъ да еще съ шуткой и ласково заговорилъ, такъ за великое счастье считать надо: стоять, молчать да кланяться, либо отвѣчать только, о чемъ спросить... Онъ, вѣдь, у насъ бдѣшпой командиръ на фабрикѣ, что твой губернаторъ въ губерніи...

Александръ Нувымичъ улыбнулся и продолжалъ:

— Онъ тебѣ такое благодѣяніе дѣлаетъ: до себя тебя допустилъ, самъ съ тобой разговариваетъ, спрашиваетъ, общается на фабрику принять, а ты еще вздумалъ о жалованьи его спрашивать, торговаться... Вотъ онъ и отиѣвался... Да еще счастливы, что вовсе не прогналъ, велѣлъ принять... Видно, еще старина твоего уважилъ: другого бы прогналъ...

— А про него, про родителя вашего, слава идетъ, что милостивый, ласковый...

— Да онъ и милостивъ, и ласковъ, когда ему надобно, или когда самъ захочетъ и пова не разсердить... Онъ тебя не обидеть, только ужь смотри: ему въ глаза, да утѣжай... чего онъ хочетъ—угадывай!.. Ну, да что объ этомъ толковать... Ты вотъ мнѣ лучше что скажи: неужто ты и вправду одинъ всю физику прошелъ?..

— Ужъ не знаю, всю ли... Наука, говорятъ, эта большая... А книжку, которую учитель давалъ, всю прочиталъ...

— И все понялъ?..

— Насчетъ вотъ машинъ все понялъ: тутъ чертежи приложены и все объяснено... А что ужь очень мудрено, невѣроятно, — учителя спрашивалъ: анъ, спасибо, толковалъ... Онъ и по механикѣ мнѣ много объяснялъ...

— Да какъ же ты?.. Тутъ, вѣдь, нужно сначала арифметику, алгебру пройти, а ты, вѣдь, ихъ не знаешь, не учишься...

— Четыре-то правила онъ мнѣ въ одинъ вечеръ объяснилъ: я сразу понялъ, а тутъ самъ по книжкѣ добирался... И арифме-

материально... Вотъ алгебры не знаю... Говорилъ мнѣ и объ ней Василий Лимичъ, и показывалъ немножко... только немножко же... А тамъ тебѣ вѣдь... вѣтъ, ея не проходилъ, не знаю... А надо непременно бы и объ ней книжку достать да прочитать!.. Да въ это время вѣтъ... А точно что надо бы ее узнать!.. Вотъ и въ физикѣ, и въ механикѣ я все больше на догадку браю, а тамъ, чтобы доподлинно дойти и все растолковать и доказать, я не могу... Понимать-то я все понимаю, и сдѣлать сдѣлаю, иное и шмерчу и объясню: какъ и почему, а вотъ иное только въ теоріи держу и сама для себя ровно какъ понимаю, а рассказать не могу... Вотъ и по механической части... когда что придумаю... машинку тамъ какую, али что... тамъ какое колесо пустить, или шестерню, или рычагъ, или передачу: вижу что хорошо будетъ и въ голову пойдетъ... сдѣлаю и выйду, а почему такъ, чтобы вперед все, по математикѣ, обдумать и разсчитать—этого не могу... Известно, какъ бы съизмальства въ ученіе отдали въ училище, да все бы по порядку пройти... много бы лучше было...

— Отчего же тебя не отдали?

— Известно отчего мужицкихъ дѣтей въ училище не отдають: то отъ нужды, то отъ невѣжества, а больше отъ нужды... Денегъ нѣтъ, учить не на что...

— Да вотъ, кто отъ нужды не учится, оттого, что денегъ нѣтъ, а мнѣ не дали учиться оттого, что денегъ много...

— Какъ, развѣ вы не учены?..

— Учился съ грѣхомъ пополамъ, а доучиться-то тоже не дали... Дома будто бы нуженъ... дѣло дѣлать!.. А на дѣло ходи только да смотри... а въ руки не даютъ... Тоска смертная!.. А что это за учитель такой, про котораго ты говорилъ?..

— Отецъ разсказывалъ про Василія Лимича подробно и съ энтузиазмомъ.

— Вотъ бы это сюда... Школу бы при фабрикѣ открыть да слободке хорошее дать... Жилъ бы человекъ и самъ хорошо, и дѣти людей бы помыслу дѣлали!.. А то срамъ сказать: у насъ теперь дѣтъ фабрики... На обихъ-то около тысячи человекъ однихъ дѣтей работаетъ, а ни на одной школѣ нѣтъ...

— Что же вы не устроите?..

— Да какъ и устрою?.. Разъ я загнулся было тятенькѣ на счетъ школы-то, такъ послѣ и самъ не радъ былъ... Недѣли двѣ не говорилъ и не смотрѣлъ на меня... Кажется, черезъ это, да еще черезъ другія мои слова и въ училище-то взялъ меня...

— Да что же такъ? Отчего?

— А оттого говорить, ученье только перенять людей, разнаго вздора имъ въ головы набивается, гордыми ихъ дѣлаютъ, либо пустовзвонами, а отъ настоящаго дѣла, которое хлѣбъ даетъ — отбивается... А для простонародья грамота, говорить, совсѣмъ не годится и вовсе никуда не надобна, потому, будто, ихъ шевелятъ мальчишки только балуются, разлѣниваются, изъ грамотныхъ всѣ пьяницы, бездѣльники и мошенники выходятъ... Одинъ, говорить, развѣ на сто человекъ путный выйдетъ, такъ, изъ-за одного не стѣбитъ школы заводить, да такой захочетъ и безъ школы читать-то да писать выучится... у перваго дьячка... Вотъ онъ что говорить!.. А къ тому еще и денегъ ему жалко на это наводить. Со школы-то въ карманъ себѣ ничего не выручишь, а только на нее же изъ кармана вынимаешь...

— Ну ужъ велики ли это и деньги, для васъ, Александра Кузьмичъ...

— Да кабы я-то былъ хозяинъ, я давно бы ужъ открылъ лавочку... Сдаль бы онъ фабрику мнѣ, я бы многое по другому повелъ... У меня бы и рабочему народу много душе было... Да что дѣлать? воля-то не моя... Меня не спросятъ да и скажу — не послушаютъ!.. Дмитрій Тимоенчъ тоже самъ подначальный человекъ, по тятенькиному долженъ дѣлать, да врядъ-ли бы онъ и самъ по себѣ сталъ по другому дѣлать... У него тоже одно въ головѣ: какъ бы подешевле, да поскорѣе что сдѣлать и побольше барыша выгадать, а о другихъ, сторонникъ людяхъ заботы мало... Эхъ, кабы тятенька сдаль мнѣ совсѣмъ теперь эту фабрику, я бы зналъ что дѣлать!..

— Подождите, Александра Кузьмичъ, придетъ и ваше время, будете и вы хозяиномъ... Тогда ужъ... видать на всему, кто вы рѣдкостный человекъ и душа у васъ золотая... Съ вашими капиталомъ да съ вашими мыслями вы много добра народу сдѣлаете....

— Не знаю, сдѣлаю-ли... Точно, что я добрый и открытый... Вотъ понравился ты мнѣ, самъ не знаю почему, я тебѣ татчасъ всю свою душу выложилъ... И мысли у меня точно хорошия, хоть правду сказать, не самъ я ихъ выдумалъ, а были въ Царствѣ промежъ насъ люди: было чего послушать, чему поучиться... Вотъ такіе же, какъ твой учитель, только, пожалуй, еще поученіе его... Много я отъ нихъ хорошаго послушалъ... И правду сказать: болить у меня сердце смотрѣть на все, что у насъ дѣлается и какъ мы живемъ... А все тоже думаю, что ничего мнѣ хорошаго сдѣлать не удастся...

— Отчего же?..

— А первое: оттого, что людей нѣтъ, никто не поддержать, не поможетъ, а одинъ въ полѣ не вошь... А второе: нѣту у меня характера, смѣлости нѣтъ... Запуганъ, что-ли, а съ малолѣтства — не знаю, а только вотъ я до сихъ поръ, за двадцать слѣпкомъ лѣтъ, затѣньки боюсь... И ничего мнѣ одному не затѣять: за людьми, ма, доброе, кажись, всюду пойду, а чтобы другихъ за собой вести, или одному идти противъ всѣхъ, на-проломъ — нѣтъ, не знаю... не съумѣю!.. А, вѣдь, и въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ, — иди за-одно со воими, — со своимъ братомъ фабрикантомъ, то-есть, а то бѣда: такой шумъ, гвалтъ поднимуть, разорать, со свѣта скинуть!.. У насъ всѣ одинъ по одному... всѣ за-одно и одинакихъ порядковъ держатся... Это бываетъ, что одинъ у другого хорошихъ мастеровъ сманиваетъ... А ужъ настаетъ ядовитого рабочаго у всѣхъ за-одно: и жалованье, и штрафы, и взносы, и всѣ другіе порядки, все на одномъ держится: какъ бы поменьше задрать, да подешевле работа обоилась.. Всѣ другъ за другомъ слѣдятъ, всѣ одинъ про другого все знаютъ... И Боже сохрани, если бы кто выискался, да новые порядки сталъ заводить, отъ которыхъ рабочимъ лучше, а хозяину хуже — всѣ встануть противъ него!.. Что, хочешь дѣлай: пей, мотай, разорайся какъ хочешь, никто не помѣщаетъ... А если бы кто плату поднялъ или рабочихъ часовъ убавилъ, или другое что въ пользу рабочихъ выдумалъ... ну, ужъ этого не простятъ!.. Правда, что эта наша фабрика въ сторонѣ, по близости другихъ нѣтъ: адѣсь бы еще легче что хорошенькое завести... Да нѣтъ, не удастся!..

Александръ Кузьмичъ махнулъ рукой и печально понурилъ голову.

— Полноте, Александра Кузьмичъ, не прошла бы только ваша добрая воля, да охота... Мысли эти крѣпче въ себя держите... А придетъ ваше время — все слѣзаетъ...

— То-то, не прошла бы охота... А она пройдетъ!.. Знаю, что пройдетъ!.. Я адѣсь со своими мыслями одинъ-одинехонекъ точно въ лѣсу, даромъ, что тысяча человекъ народу кругомъ... Вотъ скоро два года, какъ меня отъ училища взяли... И самъ чувствую, что я много ужъ перемѣнился и мысли эти все рѣже да рѣже въ голову приходятъ... Да и съ кѣмъ адѣсь поговорить, посоветуешься?.. Объ тѣхъ нѣтъ и старшемъ братѣ и говорить нечего... Зять съ сестрой въ другую сторону тоже смотреть... Приказчики всѣ прощальны: затѣньки да затѣ покрафить порывятъ, да объ карманѣ своемъ думаютъ... И народъ кругомъ дивой, грубой, либо мазура прожатай... Ку тычкамъ, да ругательствамъ всѣ приучены, да кромѣ своего дѣла и знать ничего не хотятъ,

и не поймутъ ничего... Есть, правда, одна барышня, дѣтей у вятъ — племянниковъ — учить, съ ней еще можно душу отвести, поговорить... Ученая, начитанная... и знаетъ, и читала много!.. А все-таки женщина!.. Да и говорить-то съ ней надѣ съ охладью, чтобы не подумали чего, а то какъ разъ и ее-то изъ дома прогонять ни за что, ни про что... Вотъ такъ одинъ-одинѣхонекъ и живешь... не живешь, а виснешь!.. Такъ и чувствуешь, что день за днемъ все тебѣ постылѣетъ, и все хорошее въ тебѣ опуснается, пропадаетъ... Да вотъ еще того и жду, что женять на какой-нибудь толстухѣ богатой, а тутъ новая родня на тебя насадеть... Вотъ и всѣ твои замыслы хорошіе въ чоргу!..

— Какъ женять, Александра Кузьмичъ?.. У васъ, чай, не такъ въ мужицкомъ роду, да нынче и у насъ ужъ рѣдко невольтъ жениться-то, а у васъ, чай, и подавно: не захотите, такъ кто васъ женить?..

— Да еще какъ женять-то!.. Велитъ татенька, а то скажеть: всякаго наслѣдства лишу, воли не послушаешься!.. Вотъ и женишься, хоть и невѣста не больно по мысли будетъ!.. У насъ татенька воли ужъ что задумалъ да захотѣлъ, такъ сдѣлаетъ по своему, какъ ему надо... Никого не пожалѣетъ!..

— Да доведись до меня, такъ я лучше бы ото всего отказался, чѣмъ далъ себя женить по неволѣ!.. Чтой-то, Александръ Кузьмичъ!.. Нынче вотъ и дѣвокъ-то, такъ не всякую по неволѣ замукаъ выданъ: и тѣ стали свои права узнавать да упираться!..

— Тебѣ хорошо говорить: ото всего бы отказался!.. Ты и получил-то бы не много, да и самъ на себя надѣешься: своими руками заработаешь, можетъ быть, еще больше... А тутъ какихъ капиталовъ лишнешься, да и на себя-то понадеваться нельзя: что я безъ денегъ подѣлаю? Ни въ чему я не прѣученъ, ничего не умѣю, ничего не знаю!.. Не въ приказчики же мнѣ идти, да никто и не возьметъ, а и возьмутъ, такъ развѣ только на смѣхъ да на показъ, что вотъ, молъ, у меня Колупинкова сынъ въ приказникахъ служить!.. А тутъ все-таки думается, что какъ деньги въ рукахъ будутъ, и воля своя, такъ я людямъ добро какое-нибудь сдѣлаешь!.. Прѣтъ, въ нашемъ положеніи безъ денегъ никакъ нельзя: въ деньгахъ родился, въ деньгахъ и жить нужно, а безъ денегъ хуже послѣдняго человека сдѣлаешься!.. Мы еси и людьми кажемся и для людей что-нибудь дѣлаемъ, такъ не сами собой, а только черезъ свои деньги!.. Женять, братъ, женять!.. Найдеть татенька невѣсту подходящую и женить!.. Да и я упираться не буду, потому по крайней мѣрѣ послѣ того ужъ какое-нибудь отдѣльное дѣло дастъ, а можетъ быть и всю фабрику

препоручить: у насъ женатому человѣку всегда больше вѣры дается, да и женины родные будутъ поддерживать, требовать, чтобы не все изъ отцовской руки взять смотрѣть, а и свое имѣть, собственное....

— Чудеса это вы мнѣ рассказываете!... — раздумчиво проговорилъ Федя.

— Нѣтъ, не то чудеса, а вотъ чудо: встрѣтилъ я тебя въ первый разъ и точно меня что въ тебѣ потянуло; сразу всю свою душу тебѣ открылъ... Даже самому удивительно.. Не знаю; вѣдь, я тебя совсѣмъ, а точно съ давнишнимъ пріятелемъ разговариваю...

— На томъ благодарю васъ, Александра Кузьмичъ... У меня у самого къ вамъ сразу сердце легло...

— Нѣтъ, ты мнѣ давеча поврался, что бойко, безъ униженія и поклоновъ ты съ тятенькой разговаривалъ... Признаться тебѣ сказать: люблю мнѣ было и то, что онъ, вижу, сердится... ужъ я знаю его!.. а ты точно и вниманія не обращаешь, говоришь свое да прямо въ глаза ему смотришь... Онъ этого на смерть не любитъ!.. Я самъ его боюсь, а люблю какъ онъ натывается на людей, что его не боятся!.. Да и это вотъ еще меня больше потянуло къ тебѣ, что ты до всего самоучкой дошелъ: и машины выдумываешь, и физику всю самъ прощелъ, безъ учителя... И старикъ-отъ этотъ твой славный и какъ тебя расхваливалъ!.. А слушай, Федоръ, я тебѣ скажу по секрету: у насъ механикъ плохой, чухна хреново-то, наши давно толкуютъ, что нужно механика перемѣнить, и коли ты все хорошенько поймешь и съ машиной управиться выучишься... увидятъ они это: тебя напередъ сдѣлаютъ механикомъ.. Только ты не хитри, ничего не говори и виду не показывай, что я тебѣ сказалъ... Я видѣлъ, что и отецъ и мать рады тебѣ, а жалованьемъ намать на первое время все-таки хотять: вотъ мнѣ досадно и стало... Я и пошелъ за тобой, чтобы тебя поддержать... Да вотъ какъ разговорились!..

Вся эта бесѣда между молодыми людьми, начавшаяся дорогой по фабричному двору къ главному корпусу, гдѣ находилась особенная контора, или кабинетъ директора, продолжалась въ этомъ кабинетѣ, гдѣ они сидѣли въ ожиданіи прихода Дмитрія Тимошенка, занятаго на фабрикѣ. Эта небольшая комнатка, въ которую, кромѣ директора, имѣлъ право входа только Александръ Кузьмичъ, помещалась въ нижнемъ этажѣ, окна ея выходили на фабричный дворъ и были открыты. При послѣднихъ словахъ молодого Колотилкина сзади у одного изъ нихъ послышался женскій голосъ, взявшій Дмитрія Тимошенка. Александръ Кузьмичъ быстро подбѣжалъ къ нему.

— Я пошла гулять съ дѣтьми.. Лизавета Кузьминичка велѣла зайти сказать Дмитрію Тимоѣевичу.. Бѣго нѣтъ, что ли, тутъ?..—спрашивала женскій голосъ.

— Нѣтъ... А вамъ что же велѣно сказать?.. Да заходите сюда: онъ сейчасъ придетъ.

— Да вы думаете важное, что ли, что?.. Это и вы можете передать ему, оно и васъ касается: что обѣдать будемъ сегодня пораньше получасомъ, такъ чтобы не опаздывали—приходимъ...

— Почему же такъ?..

— Ну, ужъ этого я не знаю.. Кажется, дѣло въ воздушномъ пирогѣ, опасаются, чтобы не сѣлъ, или не перешелъ... А впрочемъ—досконально не знаю...

— Да все равно, вы заходите сюда...

— Зачѣмъ?

— Потоливаемъ... Я вамъ покажу, позванемлю съ однимъ человѣкомъ.

— Съ какими?..

— Ужъ съ хорошимъ... Заходите...

— Я съ дѣтьми..

— Тѣмъ лучше...

— Дал.. На случай подозрѣній и слѣдствій: не было ли предварительной стачки.. на рандеву... и какъ оно состоялось?.. Хорошо, зайдю...

Послышался бойкій женскій смѣхъ. Александръ Кузьмичъ отошелъ отъ окна къ Федѣ.

— Это та самая барышня, про которую я говорилъ тебѣ... Она гувернантка, учительница у дѣтей Дмитрія Тимоѣевича, у меня племянниковъ. Я хочу тебѣ ее показать, познакомить васъ.. Она говоритъ, что ужасно простой народъ любитъ и старается облизаться съ нимъ и научать его...

Феда ни слова не сказала и конфузливо одернула на себѣ поддевку.

Въ комнату быстро вошла дѣвушка лѣтъ за 20, высокая, худая, некрасивая, но съ очень добрыми, смѣло смотрящими глазами, съ бойкими, нѣсколько рѣзкими движеніями.

— Ну, здравствуйте...—говорила она, входя. Я свидѣлкой оставила у подлѣда: что съ ними таскаться, сумасны... Да я и сама на минутку... Ну, что же?.. Съ вѣмъ вы могли меня познакомиться?..

Она оглянула комнату и остановила глаза на Федѣ.

— А вотъ съ нимъ...—отвѣчала Александръ Кузьмичъ, указывая на Федора.—Самоучка механикъ, машинъ выдумываетъ...

Физiku научилъ самъ, безъ учителя... Поступаетъ къ намъ на фабрику...

Федя покраснѣлъ и желовко, конфузливо поклонился.

— Здравствуйте... — проговорила барышня, и порывистымъ движеніемъ, по-мужски, протянула ему руку.

Федя жерѣнительно, робко подаль свою.

— Будьте знакомы... Вы, пожалуйста, не събѣгайте меня... — говорила гувернантка, не выпуская руку Федя и крѣпко сжимая ее. — Не думайте, что я барышня... Я такая же работница, какъ и вы, такъ же своими мозгами, своимъ трудомъ промышляю себѣ хлѣбъ насущный... Мы съ вами не то, что вотъ эти господа... — Она указала на Александра Кузьмича и продолжала:

— Они, вѣдь, паразиты, чуждаемые, живутъ чужимъ трудомъ... У нихъ хоть и туго набиты мѣшки, хоть они и задыхаются отъ жира, а все-таки сила въ насъ, въ пролетаріяхъ, а не въ нихъ... Вы знаете, что значить пролетарій, пролетаріятъ?..

— Слыхаль... —

— Ну, такъ вы согласны, что сила не въ деньгахъ, а въ рабочихъ рукахъ, не въ капиталѣ, а въ трудѣ?.. Въ сожалѣнію, эта мысль до сихъ поръ еще не проникла въ массу, и потому деньги и капиталъ до сихъ поръ господствуютъ и управляютъ; но для насъ-то съ вами, для передовыхъ людей изъ рабочихъ, она должна быть понятна и должна поддерживать и ободрить насъ... Вы согласны со мной?..

— Объ этомъ надо говорить много и обстоятельно... — уклончиво отвѣтилъ Федя.

Гувернантка усмѣхнулась.

— О, сейчасъ по отвѣту видно холодную, методическую, математическую голову!.. Я васъ сразу опредѣлила себѣ... Но это, конечно, не значитъ, что вы со мной не согласны... А поговорить обстоятельно я, конечно, очень желаю и когда-нибудь найдемъ время, только не теперь... Я знаю, что вотъ даже Александръ Кузьмичъ, который по общественному положенію долженъ бы стоять въ оппозиціи къ намъ, держится моего мнѣнія... За это ему честь и слава!.. А все-таки мы съ вами можемъ быть больше товарищи, чѣмъ съ нимъ, потому-что мы труженники, а онъ — паразитъ, блѣнучка!.. И онъ тогда только сравняется съ нами, когда начнетъ свою службу народу, намъ, труженникамъ-рабочимъ, о которой онъ пока только мечтаетъ... Однако мнѣ пора, господа... Вы здѣсь будете жить на фабрикѣ?

— Да, здѣсь... —

— А какъ же васъ зовутъ?

— Федоръ Черпушкінъ, — отвѣтилъ за него Александръ Кузьмичъ, — а ихъ — Алёна Николаевна.

— Да, именно: Алёна, а не Елена... Елена — барышня, а Алёна — работница; я не хочу, быть барышней!.. Ну, однако, пока до свиданія!.. Если вамъ нужны будутъ книги, обращайтесь ко мнѣ... У меня есть и Миэль, и Бокль, и Дарвинъ... Все, что хотите... А если читаете на иностранныхъ языкахъ, такъ есть Ренанъ, Марксъ, Лассаль, Контъ... Есть и нѣтъ новѣйшия... по секрету!.. Дамъ и ихъ, только надо очень осторожно!.. Александръ Кузьмичъ, что бы сказала ваша тетка, если бы узнала и поняла: какіе горючіе матеріалы, какіе ужасы хранятся у него въ домѣ... какія идеи къ головамъ воспитательницы его вращать!.

Алёна Николаевна громко засмѣялась. Копатниковъ улыбался.

— Ну, однако, прощайте, господа... Мена мои птенцы ждутъ... Еще, надѣюсь, найдемъ время сойтись и потолковать... А толковать, я вижу, намъ много еще придется!.. Хотя Александръ Кузьмичъ и рекомендуетъ васъ, — обратилась она къ Федѣ, — подавая ему руку, — но вѣдь онъ еще юноша, способный къ увлеченію: мнѣ нужно самой васъ псевондировать и, можетъ быть, во многомъ поспорить и наставить на путь истинный!..

— Онъ разсказывалъ, — замѣтилъ Копатниковъ, — что у него пріятель — учитель въ ихнемъ селѣ, который развивалъ и вліялъ на него... касался всѣхъ вопросовъ... Какъ видно, тоже изъ передовыхъ...

— Какъ зовутъ?.. — спросила гувернантка.

— Василій Якимъчъ...

— Нѣтъ, фамилія...

— Проскуровъ...

— Не слыхала... Изъ семинаристовъ, или изъ университетскихъ?..

— Онъ былъ въ разныхъ училищахъ... — отвѣчалъ Федя. — И въ университетѣ былъ, и въ доктора хотѣлъ идти... И еще въ институтъ... И простымъ рабочимъ былъ: куле таскалъ...

— А-а... Это интересно!.. Надо бы съ нимъ сойтись...

— Вотъ впоследствии, черезъ него... — сказала Александръ Кузьмичъ, указывая на Федю.

— Непремѣнно, непременно... Чѣмъ больше людей, тѣмъ лучше!.. Мы вѣдь съ Александромъ Кузьмичемъ точно въ звѣринцѣ заперты... Вотъ я полгода уже живу вѣдь, а еще только перваго настоящаго человѣка онъ мнѣ показываетъ — васъ!.. А то все или звѣри, или несчастные, полу-люди, вторымъ не впол-

куешь дикавой человеческой идеи... А нужно, нужно действовать, толковать... для их же блага... Людей, людей нужно больше!.. Одна, да еще под таким надзором, при такой обстановке, какъ моя, ничего не сделаешь, а дайте мнѣ товарищей, настоящихъ людей!.. О, тогда много можно сделать пользы!.. можно и этихъ несчастныхъ превратить въ людей!.. Трудно, тяжело — я это знаю, но возможно!.. Вотъ гдѣ нужна и мудрость жѣны, и кротость голуба!.. Служить народу, жить, работать для его блага, для его счастья — такая задача можетъ быть выше жѣны?.. И, съ своей стороны, я готова на эту службу: это цѣль моей жизни, мое призваніе!.. Вы знаете, Александръ Кузьминъ!.. Спасибо вамъ, что показали неваго товарища... Давайте, давайте сюда и вашего учителя... Однако, прощайте... Если нужно будетъ какихъ книгъ, вотъ скажите Александру Кузьмину, а черезъ него переключу въ вамъ....

При послѣднихъ словахъ отворилась дверь и въ ней показался Дмитрій Тимоѣичъ. Онъ не могъ скрыть изумленія и неудовольствія при встрѣчѣ съ гувернанткой, и даже невольно приостановился у дверей. Алѣна Николаевна несколько не смутилась и, оборвавши свою рѣчь, быстро пошла къ нему на встрѣчу.

— Я пришла сюда по порученію Директеты Кузьминичны. Она просила сказать вамъ, чтобы пораньше приходили обѣдать...

— Развѣ ей нечего было, кромѣ васъ, послать съ вѣсткомъ?.. — спросилъ Дмитрій Тимоѣичъ, искоса поглядывая на зятя и бѣду.

— Я шла гулять съ дѣтьми, она и просила зайти по дороге...

— Хорошо-съ... А гдѣ же дѣти?..

— Я ихъ оставила у крѣпца... Я забыла только на одну секунду... Я сейчасъ иду къ нимъ...

— Да-съ, пожалуйста... Дѣтей не слѣдуетъ оставлять однихъ: къ тому вы приставлены... за ними назирать!..

— Да, вѣдь, Директета же ихъ просила зайти... — вѣдѣлся Александръ Кузьминъ.

— Слышу-съ, я это... Очень хорошо-съ, придемъ.. Я только насчетъ дѣтей... Сдѣлать могутъ какъ неблагородно безъ васъ: я только къ тому...

— Такъ, вѣдь, я же и иду къ нимъ... Странно, право!.. — проговорила Алѣна Николаевна съ недовольнымъ видомъ и вышла.

— Тебѣ что надо здѣсь? — круто оборотился Дмитрій Тимо-

очень въ Оедѣ, проводивъ гувернантку глазами. — Зачѣмъ ты сюда зайдѣшь?..

— Это я его привелъ, чтобы подождать тебя, братецъ... — отвѣчалъ за Оедю Александръ Кузьмичъ. — Тятенька велѣлъ ему къ тебѣ идти... Надо же ему сказать: куда ему вставать на работу и когда?..

— Что же такъ очень скоро нужно?.. Могъ бы, кажется, и подождать...

— Да онъ и ждалъ...

— Что здѣсь, братецъ, за мѣсто ему ждать?.. На лѣстницѣ бы могъ подождать, али тамъ у крыльца, у конторы...

— Ну, ужъ это я виноватъ: кивнулъ его сюда... Захотѣлось поговорить съ нимъ, распросить его обо всемъ... Къ чему же ты его, братецъ, приставишь теперь?..

— Къ машинѣ тятенька говорилъ, и онъ просился... Да тамъ теперь народъ въ полномъ комплектѣ... Нечего ему дѣлать будетъ: не зря же ему шататься... А покамъ мѣсто откроется, онъ по столярной части хвалился, что знаетъ, такъ пускай рамы пригоняетъ въ новую стройку... А тамъ видать будетъ... Столяръ же записъ у насъ... Пускай поработаетъ покамъ за него... Вотъ!..

— Мнѣ куда приважете: все одно!..—проговорилъ Оедя.

— Значить, въ мастерской ему и жить можно?..

— Пускай живетъ: мѣста не жалко, только чтобы харчи свои...

— А вѣдъ столяръ-то у насъ, кажется, по-штучно работаетъ?..

— Такъ что же, братецъ... Съ тѣмъ такая рада... А этотъ мѣсячнымъ поступилъ, пускай по-мѣсячно и работаетъ... Мы совѣсть его посмотримъ: сколько онъ сдѣлаетъ для ховнина-то...

— Буду стараться, Дмитрій Тимошеичъ, сколько можно... Не прогуляю!..

— Ну, ужъ ладно... Слыхали мы это довольно... Ступай къ конторѣ, жди тамъ меня... Когда зайду, распоряженіе сдѣлаю на счетъ тебя... А съ завтрава на работу встанешь... Ступай.

Оедя поклонился и вышелъ на фабричный дворъ, совершенно отуманенный разнообразными впечатлѣніями дня: откривъ милостиваго и благотворительнаго Кузьмы Ивановича, видимое, ничѣмъ не заслуженное нерасположеніе директора фабрики, неожиданная пріязнь, откровенность и покровительство ховяйскаго сына, знакомство и странныя рѣчи барышни-гувернантки, несбывшіеся расчеты на немедленный хорошій заработокъ и большія надежды въ будущемъ, не оставлявшая его ни на минуту тоска о Паранѣ и желаніе поскорѣе ее видѣть,—и въ то же время сознаніе не-

обходимости отложить это свиданіе до ближайшаго праздника — все это дѣйствовало на душу Юноши точно тяжелый кошмаръ, подъ тяжестью котораго онъ какъ будто потерялъ и волю, и свободу, и полное сознаніе. Онъ чувствовалъ, что сразу попалъ въ какую-то новую волюю жизни, что какъ будто у него разорвалась связь со всѣмъ прошедшимъ, дорогимъ и милымъ, а будущее, которое уже невооруженно захватило его, казалось такимъ неяснымъ, и туманнымъ, и страшнымъ... Онъ былъ въ такомъ состояніи, что хотѣлъ бы убѣжать безъ оглядки съ этой фабрики, куда такъ манили его радужныя надежды, но чувствовалъ, что не можетъ уже уйти, что онъ какъ-бы прикованъ къ ней какими-то невидимыми цѣпями... Страшная тоска и смущеніе напали на него, когда онъ шелъ по фабричному двору къ конторѣ, а непривычные для его слуха и глазъ шумъ, гамъ, суетня и движеніе фабричной жизни еще усиливали это смущеніе... Недалеко отъ конторы онъ встрѣтилъ Федота Семеныча, который надеждалъ его.

— Чтой-то съ тобой?.. Обидѣли, что ли, тебя, али вовсе отказали? — спросилъ его старикъ, участливо вглядываясь въ него.

— Нѣту, никто не обидѣлъ... Велѣли оставаться: принимаютъ...

— А что же?

— Да, какъ что? На тебѣ лица нѣтъ: ровно сомнѣлъ ты...

— Такъ это, съ непривычки видно: больно здѣсь людно и шумно, и хлопоты...

— Да, ужъ, братъ, не какъ у насъ въ деревнѣ... Здѣсь это твой городъ!.. Да вонъ мнѣ и самому больно не по мысли что показалось... Показъ ждалъ, такъ ходилъ я, поглядывалъ: новая фабрика, а ужъ околѣ вся три кабака, да два трактира... Поговорилъ: жалуются рабочіе, что заработки малы, плохо коньса плавать, а въ кабаки то и дѣло народъ нырнетъ, въ трактиры: пѣсни горланять, на гармоніи играть... Что-жъ онъ изъ этихъ заработковъ малыхъ послѣ этихъ трактировъ домой-то принесетъ!.. Не поисвать ли, Федя, другого мѣста?... Не погодить ли? Не подуматъ ли?

— Нѣтъ ужъ, Федотъ Семенычъ, что же, надо попытатъ перваго счастья!.. Что ходить да искать... Спасибо, дай Богъ намъ здоровья, и за эти хлопоты: безъ васъ бы и того не было!..

— Да нѣтъ, братъ, я не того ждалъ... Не по мысли мнѣ, не показатъ мнѣ сегодня Кузьма Иванычъ...

— За то синовъ у него... душевный, золотой парень!..

И Федя рассказалъ о своей бесѣдѣ съ Александромъ Кузьмичемъ, о его ласкѣ, добротѣ и обѣщаніяхъ. Федотъ Семенычъ

очень этим заинтересовался и просилъ подробно разсказать обо всемъ, что и какъ говорили они съ хозяйскимъ сыномъ. Федя исполнилъ его желаніе, но почему-то вовео умолчалъ о встрѣчѣ и знакомствѣ своемъ съ хозяйской гувернанткой.

— Ну, такъ оставайся нтъ, Федя... Богъ милостивъ!... Правда, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей!.. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, твоя судьба и твое счастье здѣсь показаны... Ну, прощай, сердечный... Посылай поклонны... Да нѣ, вотъ, вѣсьми на первое обзаведенье: денегъ-то, чай, въ умаленьи у тебя...

— Полно, Федотъ Семеновъ, мнѣ ужъ и совѣстно брать-то, право...—говорилъ Федя, отстраняя рукою красненькую бумажку, которую подавалъ ему Федотъ Семеновъ.

— Ничего, ничего, возьми... ты не пропьешь, не прогуляешь, знаю, а припрячешь: на нужду когда и будетъ... Можетъ, будешь и много получать, а все вспомнишь, что въ первой нуждѣ твоей моя копѣйка выручила, а мнѣ-то и любо, больше ничего и не нужно... Твоя послуга не того бы стоила, да знаю, большого не возьмешь, такъ хопъ этимъ угѣшь—не откажись, возьми...

Федя благодарилъ старика и въ то же время думалъ о Паранѣ и радовался, что онъ придетъ къ ней не съ пустыми руками.

Съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ провожалъ Федя Федота Семеновича и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, въ ту сторону, гдѣ жила и, можетъ быть, ждала его Параня...

— Ъхать бы давеча вмѣстѣ съ нимъ... Выдумать предлогъ какой, отпроситься бы дня на два, и зайти бы... зайти въ Онучино... Хоть бы взглянуть, хоть бы узнать!..

Но Федотъ Семеновъ давно скрылся. Федя вздохнулъ и оглядѣлся кругомъ. На встрѣчу ему шелъ въ контору Дмитрій Тимоѣенчъ и, подходя, искоса и не дружелюбно смотрѣлъ на Федю. Тотъ въ свою очередь вопросительно смотрѣлъ на него.

— Все васъ поджидалъ... — сказалъ Федя, когда директоръ поравнялся съ нимъ.

— А ты, дуралей, знай, что когда съ директоромъ встрѣчаешься, такъ шапку-то загодя снимай, да не смѣй безъ дѣла заговаривать... А коли ты это съ важности, да съ зазнайства шапки-то не ломишь, такъ убирайся въ чортъ!.. Много этакой драки здѣсь у насъ и безъ тебя!.. Намъ смирныхъ нужно, да уважительныхъ... Слышалъ?..

Дмитрій Тимоѣенчъ оглянулся и сурово посмотрѣлъ на Федю.

— Извините... Я не зналъ... — бормоталъ сконфуженный юноша, берясь за шапку.

— То-то, не зналъ!... Такъ знай!... Давеча прошелъ — онъ точно и не видитъ... И теперь — встрѣтился носъ къ носу — шапочки не ломить, да еще заговариваетъ, точно со своимъ братомъ... Ужъ, кажется, даве далъ обликъ Кузьма Иванычъ: надо бы понять... А онъ ровно и ни по чемъ... Смотри, парень: намъ такнхъ не надо!.. Будь смиренъ и почтителенъ!.. Стой тутъ, жди какъ кликну.

Дмитрій Тимоѣенчъ скрылся за дверью конторы, Федя остановился у крыльца. Въ душѣ его кипѣла горькая обида и досада... Онъ сдѣлалъ-было даже движеніе уйти совсѣмъ, но... вспомнилъ Параню, — и остался.

АЛЕКСѢЙ ПОТАХИНЪ.

ВЪ БОЛГАРІИ

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ И ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Чѣмъ дальше я удалялся, въ августѣ прошлаго года, отъ театра военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, тѣмъ болѣе вездѣ, во всемъ и во всѣхъ приходилось мнѣ встрѣчаться съ закравшимся въ умы духомъ сомнѣнія. Тревожное чувство — вотъ господствовавшая черта; оно свирѣпствовало, какъ злая эпидемія. Зараза была точно въ воздухѣ.

«Кампанія проиграна! дѣло нужно начинать сызнова!» — вотъ что можно было слышать на каждомъ шагу, съ кѣмъ бы вы ни заговорили. Обвиненія сыпались на-право и на-лѣво, — обвиненія въ отсутствіи всякаго плана кампаніи, въ бездарности того или другого начальствующаго лица, въ плохой организаціи военнаго дѣла; раздавались, наконецъ, обвиненія въ продажности, въ воровствѣ, въ дорого заплаченномъ потворствѣ всяческимъ злоупотребленіямъ и мошенничествамъ.

«Нѣтъ, куда намъ воевать!» — съ неизяснимою горечью провозносили люди, у которыхъ наболѣла душа отъ тяжелыхъ разочарованій перваго періода войны. Въ этомъ духѣ самобичеванія чувствовалась спасительная реакція противъ той безграничной самонадѣянности, съ которою мы бросились въ войну, — и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ тылу арміи опасенія, озлобленіе и негодованіе выражались болѣе ярко, чѣмъ на самомъ театрѣ войны. Отсутствие точныхъ свѣдѣній, неизвѣстность того, что случилось или могло случиться вчера или сегодня, увеличивали тревожное состояніе, вызывавшее самыя мрачныя предположенія.

Постоянно являлись транспорты раненныхъ еще болѣе поддерживали мрачное настроеніе. Госпитали всюду стали переполняться. Въ Зимницѣ стоялъ стонъ, во Фратештахъ — стонъ, на всемъ пути до самаго Бухареста только и попадался, что поѣзды съ ранеными, увозившіе на родину тысячи жертвъ злополучныхъ сраженій.

«Подумайте, сколько пролито уже крови, — а чего мы достигли!» — повторялось на всемъ пути, точно всѣ сговорились провозносить одни и тѣ же слова.

Уныніе господствовало не только среди насъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нами его раздѣляли и румыны. Они же радовались нашимъ неудачамъ, — они скорбѣли точно такъ же, какъ и мы, только къ ихъ скорби примѣшивалось чувство какого-то недоумѣнія и удивленія. Они, такъ сильно вѣровавшіе въ могущество Россіи, не могли опомниться отъ нашихъ неудачъ. Ихъ недоумѣніе намъ не нравилось, мы спѣшили въ немъ видѣть чувство злорады, котораго въ то время въ дѣйствительности не существовало. Румынамъ было не до злорады: они могли опасаться — и опасались уже — вторженія турокъ въ ихъ территорію, и не разъ по Бухаресту преобладалъ тревожный слухъ: «турки высадились на румынскій берегъ!» Слухъ такой, разумѣется, быстро опровергался, но появленіе его доказывало, какъ сильно была уже колеблѣна вѣра въ наше неминуемое торжество. Бухарестъ, — все населеніе было точно пришиблено; въ гостинницахъ, въ кафѣ, на улицахъ, казалось, даже говорили тише, — исчезло точно оживленіе; слѣды волненія, озабоченности видны были во всемъ. Городъ каждый часъ наполнялся самыми противорѣчивыми вѣстіями: то русскіе одержали, наконецъ, блистательную побѣду, — то турки прорвали нашу цѣпь и угрожаютъ отрѣзать отъ берега; то сдался Рущукъ, — то турки истребили рущукскій отрядъ; то Гассанъ-паша высадился въ Кюстенджи, — то генералъ Циммерманъ двинулся на Силистрію. Но никакіе слухи не вызывали такого трепета, какъ слухи о начавшихся атакахъ Шинки. Двадцать разъ приходилось переживать тяжелыя минуты, когда разносилась вѣсть о томъ, что мы покинули этотъ болгарскій проходъ. Общее состояніе было въ высшей степени напряженное. Ничего вѣрнаго, — ничего опредѣленнаго; близко, кажется, отъ театра войны, а между тѣмъ все приходится ходить ощупью, — все потемни.

— Да, скажите, правда ли, что въ Добруджѣ что-то творится, — правда ли, что турки перешли въ наступленіе?

— Говорятъ — да; впрочемъ, не знаю.

И не отъ кого нельзя было добиться вѣрныхъ извѣстій. Ничто не зналъ, что творится съ тридцати-тысячною арміею, такъ упорно бездѣйствовавшею въ Добруджѣ. Знали, впрочемъ, одно, что лихорадка не щадитъ нашихъ солдатъ. Поѣздка въ Добруджу не представляла ни малѣйшихъ затрудненій. До Браилова — по желѣзной дорогѣ, а изъ Браилова въ Черноводы два-три раза въ недѣлю ходили военные пароходы.

Въ Браиловѣ тишина и спокойствіе. Только присутствіе довольно значительнаго числа военныхъ, по-преимуществу — флотскихъ, напоминаетъ, что неподалеку происходитъ обильное истребленіе человеческихъ жизней. Здѣсь военные не только не подвергаются никакимъ лишеніямъ, но живутъ даже привольно, если не весело. Дѣла почти никакого, — по-неволѣ приходится изыскивать средства, какъ бы пріятнѣе убить время. И время убивается. Каждый вечеръ въ одной изъ большихъ залъ обширной гостиницы собирается множество народа — и тутъ начинаются живые разговоры, споры. Румыны устроили въ залѣ родъ кафешантанъ, и заурядныя пѣвицы стараются развлекать общество. Одна черта поразила меня здѣсь — и мнѣ хочется ее отмѣтить. Въ Браиловѣ тѣ же русскіе люди, — тѣ же военные, а между тѣмъ духъ, настроеніе нѣсколько иное, чѣмъ въ Петербургѣ, Москвѣ или любомъ русскомъ городѣ. Я не забуду, съ какою восторгомъ чуть не каждый вечеръ привѣтствовалось пѣніе «Марсельезы», какъ заставляли повторять этотъ республиканскій гимнь, какъ рукоплескали каждому куплету. Я только смотрѣлъ, слушалъ и дивился. Изъ тѣхъ, кто восторгался и рукоплескалъ, слушая звуки «Марсельезы», никто, конечно, и не подозрѣвалъ, что онъ совершаетъ нѣчто предосудительное.

— Да что же вамъ кажется тутъ удивительнаго? — спросилъ меня одинъ изъ военныхъ, когда я заговорилъ съ нимъ по этому поводу.

— Да вы развѣ не знаете, что гимнь этотъ строго воспрещенъ у насъ, въ Россіи? — развѣ вы рѣшились бы аплодировать ему, если бы кто-либо дерзнулъ публично прошѣть его хоть въ Петербургѣ?

— А почему же нѣтъ?

— Да потому, что васъ сейчасъ же заповодрили бы въ томъ, что вы заражены зловредными идеями.

— Богъ съ вами, — отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ: — да развѣ слушаніе «Марсельезы» помѣшаетъ кому-либо, изъ насъ, когда нужно, умереть за свою родину, взорвать себя на воздухъ, — словомъ, исполнить свой долгъ? Конечно, нѣтъ!

Онъ былъ совершенно правъ, и доказательство его правоты было налицо. Изъ тѣхъ, кто руководилъ «Марсельсѣ», многие были украшены уже Владиміромъ съ мечами и Георгіемъ. Но какъ бы то ни было, впечатлѣніе, которое производила эта зала, наполненная военными, рукоплещущими «Марсельсѣ», было не совсѣмъ обычное. Конечно, придавать какое-либо особое значеніе этому факту было бы наивно, но онъ выражалъ собою все-таки, что здѣсь, на чужбинѣ, люди какъ-то вольнѣе дышать, свободнѣе чувствуютъ. Люди старались весело проводить время, и никого изъ нихъ, повидимому, не смущала мысль, что можетъ быть завтра роднаго потребуетъ, чтобы они отдали ей свою жизнь.

— На войнѣ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ флотскихъ офицеровъ, — нужно жить, пока живется, и на смерть смотрѣть какъ на пустой случай! Придетъ — хорошо, нѣтъ — еще лучше, а если вѣчно думать о томъ, что будетъ завтра, такъ лучше не жить!

И это не была фраза: онъ имѣлъ право такъ говорить, потому что ему пришлось уже лицомъ къ лицу встрѣтиться съ смертью! Но судьба пожелала, чтобы онъ остался живъ.

Всѣ почти одинаково относились къ своимъ обязанностямъ, и потому не мудрено, что здѣсь, въ Браиловѣ, люди томилась отъ бездѣйствія. Знать, что вблизи постоянно дерутся, а самимъ сидѣть и выжидать у моря погоды, куда какъ тяжело.

— Если вы думаете, что мы очень веселимся, то вы глубоко заблуждаетесь. Каждый изъ насъ съ восторгомъ полетѣлъ бы туда, гдѣ есть что дѣлать, лишь бы вырваться отсюда. Мы собираемся, смѣемся, аплодируемъ пѣвцамъ, стараемся всячески развлекаться, чтобы только не оставаться съ самими собою. И то ужъ жутко, а когда придетъ какая-нибудь депеша, такъ всю внутренность перевернуть. Думать ни о чемъ не хочется, вотъ и идешь сюда, а на душѣ у каждаго кошки скребуть. А со стороны посмотреть, такъ подумаешь: вотъ веселье-то! Богъ съ нимъ, съ такимъ весельемъ!

Подобныя разсужденія вы слышали бы отъ каждаго почти военнаго, невольно прикованнаго въ горячее время къ такому пункту, какъ Браиловъ или Черноводы, гдѣ можно было почти забыть, что находишься на войнѣ.

Мораки съ удовольствіемъ вспоминали то время, когда въ Мачинскомъ рукавѣ стояли турецкіе мониторы, на которые можно было предпринимать охоту, и, при счастья, вырывать на воздухъ. Одинъ изъ подобнахъ мониторовъ, именно тотъ, который первымъ пошелъ ко дну, привлекалъ теперь къ себѣ вниманіе. Вода въ

Дунай спала, изъ глубины показался турецкій мониторъ. Кормовая часть совсѣмъ была внаружу, въ то время вѣкъ носовая была еще погружена въ водѣ. Прогулка въ Мачинскій рукавъ къ турецкому монитору составляла одно изъ развлеченій Браилова, и я охотно воспользовался предложеніемъ взглянуть на этого утонченнаго-колосса, тѣмъ болѣе охотно, что въ Браиловъ пришлось провести двое сутокъ, въ ожиданіи парохода въ Черноводы. Испросивъ разрѣшеніе осмотрѣть турецкій мониторъ, мы отправились туда на лодкѣ въ небольшой компаніи, въ сопровожденіи одного или двухъ матросовъ, участвовавшихъ въ взрывѣ второго турецкаго монитора. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи, если не ошибаюсь, Рыженя, представлялъ изъ себя превосходный типъ русскаго матроса. Онъ былъ, при взрывѣ монитора, на катерѣ Шестакова и Петрова. Его рассказъ, этого простого матроса, если бы записать его цѣлкомъ, былъ несравненно живѣе всего того, что писалось по этому поводу, и несравненно картиннѣе передавалъ этотъ по-истинѣ удивительный по смѣлости подвигъ. Ни гордости, ни тѣмъ менѣе хвастовства не было и тѣни въ рассказѣ Рыженя.

— Отчего же тебѣ не дали Георгія?—спрашиваю я его.

— Какъ не дали? я Георгія получилъ!

— Да, отчего же ты его не носишь?

— А чего его таскать! я его спрятавъ.

Рыженя не хвастаетъ своимъ Георгіемъ, полученнымъ за дѣйствительную заслугу.

— Что же, странно было, когда подходили къ монитору?—спросилъ я его.

— Ужъ не могу сказать, не знаю, странно было или не странно,—отвѣчалъ онъ,—какъ стали стрѣлять, я дѣломъ своимъ занялся, и не помню, а какъ близко стали подходить, такъ страшно стало!

Онъ и не подумалъ о томъ, чтобы норисоваться и выставить себя человѣкомъ, не знающимъ страха.

— Какъ же не странно!—продолжалъ онъ; вѣдь что пулъ онъ въ насъ пустили. Долго ли тутъ до грѣха!

Мы вошли въ Мачинскій рукавъ, гдѣ теперь все было такъ мирно, и только кости, лохмотья отъ турецкихъ мундировъ, да попадавшіеся черепа напоминали, что еще недавно въ этой мѣстности смерть забирала свои жертвы. Скоро показалась и оголившаяся часть монитора. На берегу, противъ утонченнаго, стояли часовне, наблюдавшіе; чтобы ничто, не имѣющій разрѣшенія, не

подходить къ нему слишкомъ близко. Олозинское до пенского на турецкомъ мониторѣ разныя вещественныя «воспоминанія» было довольно. Мы тамъ были въ немъ часа. Нужно ли говорить, что мониторъ, два мѣсяца пробывшій подъ водой, представлялъ собою страшную картину разрушенія. Мы изобрались на кормовую часть, гдѣ было разбросано безчисленное количество промокшихъ насквозь листовъ бумаги, колусгнившихъ, разорванныхъ турецкихъ куртки, всевозможные флаги, осколки посуды, какой-то утвари. Изъ каюты, наполненной грязною, мутною водою, шель смрадный запахъ. Мы всё не прочь были заняться легкимъ мародерствомъ, но у одного офицера въ особенности было страстное желаніе во что бы то ни стало радобыть себѣ на память турецкое ружье.

— Не можетъ быть, — говорилъ онъ, — чтобы тутъ не случилось ружья, куда же они всё могли дѣваться?

Но на палубѣ не было не только ружья, но ничего такого, чтобы можно было взять себѣ «на память».

— Ваше благородіе, позвольте мнѣ раздѣться, я пошлю въ каютѣ, — проговорилъ тотъ же Рыженя.

— Да куда ты пойдёшь, вѣдь тамъ гнили сколько, однихъ торокъ сколько!

— Не страшны они, и съ ливини справлялись, а ужъ съ зпиа-то...

И пошёлъ онъ въ эту гнилую воду и сталъ шарить. Черезъ несколько минутъ отыскалъ-таки ружье, но онъ этого не дозволилось.

— Ваше благородіе, — закричалъ онъ изъ воды: — турки лежатъ!

— Ну, вылезай!

— Да еще ядичъ какой-то стоитъ!

И сталъ онъ вытаскивать ядичъ. Это были цѣлый чемоданъ. Открыли его и увидѣли цѣлую коллекцію всевозможныхъ видовъ, фотографій и совсѣмъ новыхъ мундиръ, шитый золотомъ, украшенный звѣздами и медалями.

Нужно покаяться. Мы сняли эти ордена и медали и по-братски раздѣлили между собою. Массо вещей наводили на мониторъ, всевозможные книги, кораны, оружіе, но Рыженя не могъ устоять. Ему хотѣлось отыскать «ширы». Изъ кормовой части мы перешли на башню; те едва могли тамъ пребыть. Вблизи секунды. Подъ жабомъ рѣшетью торчали восемь или десять труповъ, находившихся въ состоянии самое полное разложанія. Воня-

одинъ въ матросовъ вонюлъ багрень одинъ изъ этихъ труповъ, слышался такой омерзъ, что какъ паденье всѣ бросились въ воду и старались какъ можно скорее отплыть отъ монитора. Война укрѣпляетъ нервы и причастъ къ самымъ оригинальнымъ ощущеніямъ. Чего хуже какъ рѣться среди мертвыхъ, въ лонохъ стивинныхъ труповъ, добывать ихъ вещи; въ обвиненное время при одной мысли о томъ морозъ пробиралъ бы по кожѣ, а на войнѣ нувствительность притупляется, эти мертвецы почему-то не вызываютъ жалости, и смотришь на такое дѣло какъ вродѣ естественное.

— Цѣлое кладбище! — проговорилъ одинъ изъ насъ, когда мы отѣхали нѣсколько шаговъ, и странное зловоніе перестало душить.

И правда, этотъ мониторъ былъ кладбищемъ болѣе чѣмъ сотни людей...

Браиловъ представлялъ и другой интересъ. Здѣсь расположены были нѣсколько отдѣленій военныхъ госпиталей, пріемный баракъ «Краснаго Креста», устроенный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега Дуная, и осмотръ ихъ занялъ и потребовалъ довольно много времени, но объ этихъ учрежденіяхъ рѣчь еще впередъ. Теперь я только замѣчу, что баракъ «Краснаго Креста» никогда не оставался безъ дѣла, — напротивъ, онъ всегда былъ переполненъ, но не жертвами турецкихъ пуль, а жертвами различныхъ болѣзней и по преимуществу лихорадки, которыми такъ богата Добруджа. Для перевозки больныхъ и ходилъ каждые два дня пароходъ изъ Браилова въ Черноводы, гдѣ онъ забиралъ заболѣвшихъ и привозилъ въ Браиловъ. На такомъ именно пароходѣ я и отправился на другой день въ Добруджу, и воспоминаніе объ этой поѣздкѣ въ Черноводы останется для меня однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній во все злополучное время войны. Я успѣлъ уже привыкнуть къ радужно и привѣтливому отношенію нашихъ офицеровъ, но едва ли гдѣ это радужіе достигало такихъ размѣровъ, какъ среди нашихъ моряковъ; довольно было двухъ, трехъ дней, чтобы привыкаться и полюбить ихъ, до такой степени они располагали своею простотою и искренностью. Я ѣхалъ въ Черноводы на пароходѣ «Stephan cel Mare», командиромъ котораго былъ лейтенантъ Петровъ, оставившій по себѣ память въ исторіи послѣдней войны.

Путь отъ Браилова до Черноводъ мы совершили въ четырнадцать часовъ, но я и не замѣтилъ какъ время прѣбывало. Мнѣ пришлось выслушать много интересныхъ разсказовъ, которыя я не стану передавать, въ надеждѣ, что эти разсказы сдѣлаются

новости черезъ самую оцепененную, или, вѣрнѣе, участниковъ интересныхъ эпизодовъ въ исторіи послѣдняго года. Пройдя мимо цѣлаго ряда минныхъ загражденій, вдоль довольно красивыхъ береговъ Дуная, поздно вечеромъ мы пришли въ Черноводы.

— Объясните пожалуйста, — приходилось мнѣ спрашивать, — откуда распространился этотъ ужасный слухъ, что турки перешли здѣсь въ наступленіе, вышли изъ Варны, что Гассанъ-паша чуть не высадился въ Кюстенджи, было ли хоть что-либо похожее на такую исторію?

— Ни тѣни подобія! Турки сидятъ совершенно спокойно, мы не беспокоимъ ихъ, они не беспокоятъ насъ. Повидимому, мы живемъ въ мирѣ другъ съ другомъ. Ничего не слухать о движеніи нашего корпуса вы никогда не вѣрите. Турки не имѣютъ достаточно силъ, чтобы бросить противъ насъ армію, мы же въ свою очередь обречены на бездѣйствіе, и это самое обидное. Тутъ савинномъ много войска, чтобы ничего не дѣлать, и слишкомъ мало, чтобы можно было предпринять что-либо рѣшительное.

Жалобы на вынужденное бездѣйствіе корпуса, расположеннаго въ Добруджѣ, были всеобщія. На бездѣйствіе жаловались низшіе офицеры, разшіеся въ бой, на него же жаловались начальствующія въ Добруджѣ лица, игравшія чисто пассивную роль.

— Я рѣшительно не понимаю плана настоящей кампаніи, — говорилъ мнѣ одинъ изъ опытныхъ генераловъ, и порой даже сомнѣваюсь, — думали ли когда-нибудь о немъ. Всѣ движенія, расположеніе корпусовъ, все это, повидимому, совершается по повелѣнію Святого Духа. Къ чему мы здѣсь стоимъ, вѣчно, — никто не сумѣетъ объяснить. Тамъ, подъ Плевной, подъ Рундукомъ, вездѣ жалуются на недостатокъ войскъ, все требуютъ новыхъ подкрѣпленій, а здѣсь оставляютъ въ полномъ бездѣйствіи болѣе тридцати тысячъ человекъ, которые тамъ, вѣчно, пригодились бы! Разбросались по всей странѣ безъ всякаго проака, вотъ и приходится требовать все новыхъ и новыхъ войскъ. Я при самомъ началѣ кампаніи, когда мы еще не переходили Дуная, твердилъ, что армія въ Добруджѣ будетъ обречена на бездѣйствіе, что Силистрію обложить мы бессильны, елишкомъ малочисленны, а другого дѣла предпринимать не можемъ. Вотъ и ждемъ у моря погоды, прибѣгая для развлеченія къ мелкимъ снѣжкамъ...

Всѣ эти разсужденія сопровождались обычнымъ уже привыч- вомъ: хорошо, что мы живемъ съ турками, а то такое жестокое мысленное отношеніе къ дѣлу не прошло бы даромъ.

Я не берусь, разумеется, судить, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ, насколько основательна была эта критика нашихъ военныхъ дѣйствій, но думаю, что подобныя отзывы, если они исходятъ отъ людей, занимающихъ высокое положеніе въ военной іерархіи, слѣдуетъ приводить, хотя бы для того только, чтобы вызвать возраженіе, если отъяны эти несправедливости. Читатель не упрекаетъ меня, безъ сомнѣнія, что я не называю фамилій тѣхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Я зналъ только одно, что наше легкомысліе и не обходилось намъ даромъ. Я съ избыткомъ могъ въ томъ убѣдиться 30-го августа, — день, о которомъ всѣ серьезно любящіе свою родину должны вспоминать гораздо чаще, чѣмъ о дняхъ послѣдующихъ побѣдъ надъ деморализованнымъ уже и сравнительно малочисленнымъ непріятелемъ...

Въ Черноводѣхъ нечего было дѣлать. Жизньъ тутъ шла нео дня въ день, вяло, скучно, всѣ томилась бездѣйствіемъ и проклинали свою судьбу. Какъ только кто-нибудь заѣзжалъ въ эту забытую армію, всѣ набрасывались съ вопросомъ: что новаго? что дѣлается на театрѣ войны? — точно тутъ они были за тридцать земель отъ театра военныхъ дѣйствій. Я говорю: — всѣ, не дѣлая даже исключенія для корнуэскаго командира, который только по слухамъ, да по стариннѣ газетамъ узнавалъ, что происходитъ вонругъ Плевны, подъ Тырновомъ или подъ Руссучомъ. Официальныхъ извѣстій сюда никто не сообщалъ. Неудивительно, что всѣ, отъ старшаго до младшаго, тиготѣлись своимъ положеніемъ. Одинъ только интересъ и былъ — сколько больныхъ, увеличивается или уменьшается лихорадка! Жизнь текла мирно до озлобленія, и мнѣ кажется, всѣ бы какъ манѣй небесной обрадовались, если бы узнали, что турки перешли въ наступленіе. Но турки бездѣйствовали тутъ точно такъ же, какъ и мы.

— Что же однако подало поводъ къ слуху, что турки съ моря хотѣтъ завладѣть Кюстенджи? — спрашивалъ я.

— Никакого повода не было, да къ Кюстенджи и подойти имъ нельзя, у насъ всадъ минныя загражденія: пусть только попробуютъ.

Отъ Черноводы до Кюстенджи шла желѣзная дорога, по которой было совершенно правильное сообщеніе. Какъ только мы заняли Черноводы, тотчасъ явились англичане, управляющіе этою дорогою, и объявили, что желѣзная дорога находится съ этой минуты въ нашемъ распоряженіи, что мы ее полные хозяева, словомъ, общались крайне позитивно. Рассказывали, что турки желали искорчить весь путь, но англичане не дозволили имъ этого сдѣлать.

Убѣдившись, что въ Добруджѣ сподобитіе самое невозможное, я отправился обратно въ Браиловъ. Пароходъ забралъ съ собою человѣкъ до ста-двадцати больныхъ, которыхъ свезли на налубѣ, не мало, само собою разумѣется, не приспособленной для перевозки больныхъ и раненныхъ, которыхъ доставляли отъ времени до времени происходившія аванпостныя стычки и разбѣды. Къ счастью, погода была превосходная, жаръ доходилъ до 40°/о, такъ что вызывалъ даже у больныхъ солнечные удары. Но можно ли было думать о защитѣ людей отъ зноя, когда ничего не было сдѣлано для защиты ихъ отъ холода и дождей! Въ томъ же мѣсяцѣ, задушевномъ обществѣ нашихъ моряковъ я возвратился въ Браиловъ, и въ ту же ночь отправился обратно къ Бухаресту. Увѣренность въ близости большого, рѣшительнаго сраженія подъ Плевной сдѣлалась теперь всеобщей. На каждомъ шагу, на улицѣ, въ кафѣ, въ отеляхъ вездѣ можно было услышать слова: «на-дняхъ будетъ сраженіе!» на чемъ это основывалось—никому не было извѣстно, но всё до такой степени чувствовалось какою-то тѣготой, у всѣхъ было такое напряженное состояніе духа, что всё окотно вѣрило въ близость рѣшительнаго и, главное, несомнѣнно счастливаго боя.

— Да отчего вы думаете, что будетъ сраженіе?

— Будетъ навѣрное, такъ гнаться не можете, новья войска уже подошли.

На войнѣ необыкновенно легко поддаться всякимъ слухамъ, хотя и знаешь, что бѣльшую частію они бываютъ неосновательны. Знаешь, что не такъ, а все-таки вѣришь.

Подъ впечатлѣніемъ такого слуха, который на этотъ разъ оказался справедливымъ, я норѣшился покинуть Бухарестъ и возвратиться въ Горный-Студень.

Опять дорога отъ Бухареста до Журжева, испытаннаго еще нѣсколько бомбардировокъ, опять оживленный путь вдоль берега Дуная, отъ Журжева до Зимницы, теперь еще болѣе переполненной, болѣе грязной, опять переправа черезъ Дунай, только черезъ второй новый мостъ, опять Систова и мои добродушные хозяева болгары, принимающіе меня еще болѣе дружелюбно и уступившіе мнѣ теперь свою лучшую комнату.

Въ Систовѣ нѣкто уже не могъ сомнѣваться въ томъ, что мы готовимся дать рѣшительное сраженіе и, какиѣ бы то ни стало жертвы, овладѣть, наконецъ, Плевною. Всюду были замѣтны слѣды приготовления къ новому бою; каждый день изъ Систова гнались обозы, военные госпитали старались освободить у себя мѣсто, «Красный Крестъ» также суетился, уполномоченные раз-

«Искали ждаць и впереду, въ складѣ! всѣ были въ хлопотахъ, вездѣ, куда вы ни придете, были только одинъ разговоръ о предстоящемъ сраженіи.

— Ну, что-то Богъ дастъ, неужели и въ этотъ разъ не будетъ побѣды!

— Какъ можно, что вы! теперь все готово, Плевна будетъ взята, это навѣрно!

— Но, позвольте, отчего вы думаете, что мы рѣшимся еще разъ атаковать Плевну, что это сказали?

— Да объ этомъ и рѣчи быть не можетъ! Въ главной квартирѣ никто этого не скрываетъ!

Единственно о чемъ еще спорили, это о дѣѣ рѣшительнаго сраженія. Одни утверждали, что оно рѣшено на 26-е августа, другіе говорили, что Плевна будетъ взята только 30-го августа. Событія оправдали, какъ извѣстно, и тѣхъ и другихъ, такъ какъ 26-го августа съ рассвѣтомъ были открыты артиллерійскій огонь, а 30-го августа была произведена генеральная атака.

Одно мнѣ казалось удивительнымъ, это—необычайная откровенность, съ которою говорилось о предстоящемъ сраженіи. Будучи профаномъ въ военномъ дѣлѣ, я полагалъ, что такіа дѣла, какъ рѣшеніе атаки, назначеніе на тотъ или другой день сраженія, должны храниться въ величайшей тайнѣ, а не быть извѣстными всѣмъ и каждому чуть не за двѣ недѣли, такъ какъ извѣстіе несомнѣнно дойдетъ до непріятеля и онъ будетъ имѣть возможность приготовиться къ энергическому сопротивленію. По-видимому, я совершенно заблуждался, тайны изъ предстоящаго сраженія никто не дѣлалъ: должно быть—увѣренность въ побѣдѣ была велика. Нужно было спѣшить—и я направился въ Горному-Студеню. Эта деревня, по волѣ капризной судьбы получившая историческую извѣстность, значительно повеселѣла въ тѣ двѣ недѣли, что я ее покинулъ. Вездѣ происходили сборы, всѣ готовились къ выступленію, всюду чувствовалась здѣсь какая-то увѣренность въ успѣхѣ. Можно было думать, что побѣда уже одержана, а не то, чтобы ее предстояло еще одержать.

— Отчего вы такъ увѣрены въ побѣдѣ?—приходилось спрашивать.

— Еще бы не быть увѣреннымъ, у насъ теперь сосредоточены подъ Плевной огромныя силы! Если 18-го іюля мы чуть-было ее взяли, то теперь нельзя и сомнѣваться въ успѣхѣ.

Вѣра въ успѣхъ заразительна, особенно когда этого успѣха такъ желалъ, и потому трудно было устоять противъ соблазна розовыхъ надеждъ. Да, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ, казалось,

пора ужъ было счастье улыбнуться и въ нашу сторону. Въ отлѣгѣ сбори подъ Плевну были такъ веселы. Мы отправлялись на торжество. Предназначенія были счастливы. Часть арміи Османа-паши, желавшая перейти въ наступленіе, была отгнута нашими войсками. Этотъ успѣхъ долженъ былъ вселить еще большую бодрость. Два, три дня спустя новая побѣда — турки были выбиты изъ Ловчи послѣ упорнаго боя. Увѣренность въ побѣдѣ, во варшавѣ Плевны проникла даже въ тѣхъ, кто относился скептически къ предстоящей борьбѣ на земѣ самомъ полѣ, гдѣ 8-го и 18-го іюля сложила свои вѣсти не одна тысяча русскихъ солдатъ и офицеровъ.

Оъ большого поля, гдѣ расположенъ былъ лагерь, многія палатки уже были сняты, всѣ были точно на чеку, ожидая одного слова: выступить! Кого ни спросишь: вы куда? одинъ отвѣтъ: подъ Плевну! Направлялись туда даже такіа лица, которые во все не должны были тамъ присутствовать, но никто не желалъ упустить случая быть свидѣлемъ торжества изъ торжествъ. Я пошелъ, какъ горько жаловался одинъ изъ упомянутыхъ «Краснаго Креста», лежаній большими въ Горный-Студенѣ.

— Это ужасно! — говорилъ оубъ: — сдѣлать всю кампанію, быть свидѣлемъ всѣхъ тяжелыхъ событий, а теперь, когда наступилъ самый интересный моментъ, оставаться одному въ этой отвратительной ямѣ! Какъ я вамъ завидую, что вы будете тамъ!

И зависть эта въ то время казалась вполне понятна! Кто могъ ожидать, что придется завидовать тѣмъ, кто не былъ свидѣлемъ невыразимо тяжелыхъ дней, тянувшихся цѣлую вѣчность отъ 26-го августа по 1-ое сентября.

Применувъ къ небольшому отряду «Краснаго Креста», состоявшему изъ 15-ти, 16-ти студентовъ, 9-ти или 8-ми сестеръ милосердія, одного доктора, профессора московскаго университета, да еще трехъ, четырехъ человекъ, я оставилъ Горный-Студенѣ, направляясь въ пленненскія повѣдїямъ. Воспоминаніе объ этомъ трехъ-четыредневномъ переходѣ навсегда останется для меня однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ среди стовѣннхъ другихъ тяжелыхъ и мрачныхъ! Благодаря этому переходу, я имѣлъ случай ближе приглядѣться къ той русской молодежи, а также къ тѣмъ русскимъ женщинамъ, которыя, исключительно воодушевленные любовью въ своей родинѣ, не думая о тяжелыхъ, часто непосильномъ трудѣ, не помышляя объ опасности сдѣлаться жертвами тифа и другихъ заразныхъ болѣзаней, явились сюда съ одною цѣлію — облегчить безмѣрные страданія нашихъ солдатъ и офицеровъ. Говорить о томъ, что дѣятельность ихъ была плодотворна, что всѣ

они, безъ исключенія, были полны самоотверженія, было бы почти безполезно. Былъ этого не знаешь, сдвигали; это не единственная сторона презаблтой войны, отголосками которой не существуетъ духа мнѣній. Всѣ въ одинъ голосъ признають, что сестры милосердія, студенты и студентки весь себя все время вполне безуморизненно.

Зная нѣсколько, какъ отнесется у насъ дѣла къ молодежи, студентамъ, студенткамъ, фельдшерницамъ и т. д. и слушая на Дунаѣ восторженные похвалы, мнѣ нѣволью приходить не одинъ разъ въ голову вопросъ: что же, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ это быстрое превращеніе?—скуда ли явились другіе люди, здѣсь ли они быстро намѣнились, или все это одни и тѣ же люди, но только дома мы не желаемъ нисходить до нихъ, и принимаемъ на вѣру всѣ тѣ клеветы, которые распространяются на ихъ счетъ людьми; любящими ловить рыбу въ мутной водѣ, а здѣсь, стоявшіе съ ними ближе, мы волею-неволею почувствовали уваженія къ самоотверженности, къ самоотверженію и другимъ свойствамъ, дома вымывающимъ одно только немилосердное бичеваніе. Вопросъ этотъ заслуживалъ вниманія, и я радовался представившемуся случаю поближе познакомиться съ тѣмъ элементомъ, который, наравнѣ съ нашимъ солдатомъ и скрепнымъ офицеромъ, вызвалъ къ себѣ и любовь и уваженіе цѣлой Россіи.

Всѣ тѣ сестры милосердія, вся та молодежь, студенты и студентки, молодые врачи и фельдшерицы, которыхъ я видѣлъ и раньше и послѣ, въ госпиталѣ, и на перевозочномъ пунктѣ, убѣдили меня, что среди этого элемента не существовало почти исключеній, а если они и были, то такъ ничтожны, что о нихъ не стоить и говорить.

Всѣ, конечно, работали съ неутомимою энергіею, любовью, самоотверженіемъ, но все-таки на долю женщины вышло самое тяжелое дѣло. Женщина была душою госпиталя, она была и у дровяна больного, она прислушивала во время ампутаціи, она перевязывала раненаго, она смотрѣла за чистотою, она наблюдала, чтобы больной получалъ пищу, заглядывала въ ротъ, работая, чтобы раненаго не остранили гнилью, всюду чувствовалось ея присутствіе, но за то она и не знала покоя ни днемъ, ни ночью.

Нельзя себѣ представить ту громадную разницу, которая существовала между госпиталемъ съ сестрами милосердія и госпиталемъ, гдѣ ихъ не было. Стоило только войти въ любую палату, чтобы, не спрашивая, уже знать—есть тутъ сестры или нѣтъ. Тамъ, гдѣ были сестры милосердія, тамъ и воздухъ лучше, и въ ком-

натѣ чисто, и постельное бѣлье опрятно, тамъ, кажется—даже больные и раненые менѣе страдаютъ. Нѣтъ сестеръ,—все въ безпорядкѣ, все грязно, все производитъ отталкивающее впечатлѣніе, тамъ больные и раненые представляютъ несравненно болѣе жалкій видъ. Во время войны въ госпиталяхъ и баракахъ можно было вдоволь убѣдиться, что въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ ничто не способно замѣнить женской руки. Мнѣ приходилось, само собою разумѣется, наблюдать дѣятельность сестры милосердія и въ сравнительно спокойное время, т.-е. въ тѣ дни, когда ни откуда не доносился мучительный гулъ орудій, въ госпиталяхъ, не ожидавшихъ съ минуты на минуту подвоза новаго транспорта больныхъ и раненыхъ;—случалось видѣть ее и въ тревожные дни, наканунѣ сраженій;—наконецъ, она прошла передъ моими глазами въ страшныя ночи, слѣдующія за битвой, когда десятки тысячъ раненыхъ превращаютъ перевязочныя пункты въ невообразимый адъ. И вездѣ, во всѣхъ случаяхъ сестра милосердія всегда оставалась вѣрна себѣ.

Войдите въ любой госпиталь, гдѣ есть только сестра милосердія, и вы всегда найдете ее на своемъ посту. По-истинѣ, она не знаетъ никакого покоя. Пробудьте въ госпиталѣ цѣлый день, и вы увидите, что сестра милосердія не знаетъ спокойной минуты. Раненый попроситъ пить, она подходитъ къ нему и напавиваетъ; раненому неловко, нужно поправить подушку, переложить на другой бокъ,—она исполняетъ это по первому слову; часто требуется для этого не-женская сила, она находитъ ее въ себѣ; нужно перевязать рану, одинъ видъ которой обдастъ васъ холодомъ, она перевяжетъ ему, и никогда ни словомъ, ни взглядомъ не покажетъ, чтобы ей было то тяжело или неприятно. Сестра милосердія не выходитъ изъ палаты, она цѣлый день то кормитъ больныхъ и раненыхъ, то помогаетъ врачу, когда тотъ промываетъ рану, то, наконецъ, присутствуетъ при тяжелыхъ операціяхъ, подавая воду, губку, обтирая кровь. Въ другое время, у себя, дома, одинъ видъ ампутаціи заставилъ бы убѣжать женщину или дѣвушку,—здѣсь же сила воли, сознаніе великаго долга заставляютъ молчать ея нервы. А это вовсе не легко. Иной мужчина, во время операціи, не выдержитъ и отойдетъ въ сторону, чтобы не видѣть только ужасной картины, а сестра милосердія стоитъ спокойно, и если вы станете судить по наружности, то вы скажете, что у нея не дрогнетъ ни одинъ мускулъ. Но это внѣшнее спокойствіе скрываетъ ей тяжелыхъ внутреннихъ страданій.

— Какъ вы можете присутствовать при этомъ,—пришлось разъ спросить сестру милосердія, съ невозмутимымъ спокойствіемъ

стоявшую около одного тяжело раненаго, которому только-что ампутировали всю руку по плечо.

— Что же дѣлать, я должна!—отвѣчала она.

— Но вы спокойно переносите эти стоны, видѣ крови, инструмента, врѣзывающагося въ человѣческое тѣло?

— Не могу похвастаться: до сихъ поръ не могу привыкнуть, каждый разъ кажется, что вотъ-вотъ не выдержу, но нельзя: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ.

— Но какъ же вы дѣлаете, чтобы казаться только спокойною!

— Да вѣдь я знаю, что я тутъ нужна, ну, и крѣплюсь!

И этой сестрѣ не было, можетъ быть, и двадцати лѣтъ, и до войны она была просто «барышня». Ничто не развиваетъ такъ характера, энергіи, силы воли, какъ сознание своего долга служить своему обществу, быть полезнымъ людямъ, но, увы!—на пути къ этому долгу встрѣчается такъ много и такъ часто, у насъ въ особенности, всяческихъ постороннихъ препятствій. Война устранила ихъ для дѣятельности сестры милосердія, и множество русскихъ съ радостію откликнулись на зовъ—отдать всѣ свои силы, пожертвовать даже жизнію ради облегченія страданій своего ближняго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самымъ главнымъ двигателемъ всѣхъ тѣхъ, которыя спѣшили на помощь къ русскому солдату и офицеру, было чувство человѣколюбія, но былъ также и другой двигатель, который зовется жаждою дѣятельности. Множество русскихъ женщинъ скучаютъ, тяготятся своимъ сплошь и рядомъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, такъ какъ на какой бы путь серьезнаго труда онѣ ни пожелали вступить, всюду и вездѣ онѣ встрѣчаютъ разставленные имъ преграды. Женщина жаждетъ работать, быть дѣятельнымъ членомъ общества, съ отвращеніемъ отворачивается отъ той пустоты, которая такъ многихъ бросаетъ въ утонченный свѣтскій «приличный» и прикрытый вуалью развратъ; но лишь только женщина принимается за работу, ее встрѣчаютъ какимъ-то недоверіемъ и спѣшатъ дать пошлую кличку: нигилистка!—а съ этимъ словомъ неизбежно связана самая недвусмысленная подозрительность, такъ часто стоящая дѣвушкамъ или женщинамъ лишенія своей свободы. Вотъ почему только самыя сильныя натуры рѣшаются на борьбу съ этими преградами, а большинство скучаетъ, гибнетъ отъ пустоты, не сознавая въ себѣ силы и энергіи относиться равнодушно къ преслѣдующей ихъ клеветѣ. Война вдругъ устранила преграды на одномъ изъ путей женской дѣятельности, и громадное число дѣвушекъ и женщинъ бросаются въ госпитали, не спрашивая даже себя, обладаютъ ли

онѣ достаточными физическими силами для такого часто непосильнаго труда. Многія нашли въ дѣятельности сестры милосердія для себя выходъ изъ тяжелаго положенія, и о всемъ остальномъ уже больше не помышляли. И нужно было видѣть, съ какимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ исполняли онѣ принятую на себя обязанность, съ какимъ инстинктивнымъ тактомъ сѣумѣли онѣ поставить себя во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ.

Отношеніе сестеръ милосердія къ солдатамъ и офицерамъ было по-истинѣ безукоризненное. Онѣ не знали никакого различія въ положеніяхъ, для нихъ существовало только одно—больной, раненый. Какъ за простымъ солдатомъ, такъ и за любымъ офицеромъ онѣ ухаживали съ одинаковою любовью, безропотно перенося капризы, дурное расположеніе духа, подчасъ даже раздражительность, доходившую до грубости. Опасеніе быть или казаться болѣе внимательною къ офицеру, чѣмъ къ солдату, заставляло даже иныхъ посвящать себя исключительно уходу за солдатами, что, конечно, составляло уже отступленіе отъ строгаго правила сестры милосердія—не видѣть ничего, кромѣ страданія, требующаго помощи. Мнѣ пришлось встрѣтить одну сестру милосердія, принадлежащую къ кругу свѣтскихъ женщинъ, и она мнѣ говорила:

— Я ухаживаю только за солдатами, въ мою палату я не пускаю офицеровъ!

— Да развѣ для васъ не все равно, за кѣмъ вы ухаживаете: за солдатомъ или за офицеромъ, вы вѣдь знаете только раненаго, страдающаго человѣка!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала она:— офицерамъ всегда лучше, солдаты болѣе нуждаются въ уходѣ!

И дѣйствительно, все время, которое она оставалась сестрой милосердія, она исключительно посвящала свои силы солдатамъ. Строго говоря, въ этомъ исключительномъ служеніи солдатамъ было, разумѣется, такое же отступленіе отъ обязанностей сестры милосердія, которая не должна дѣлать никакого различія между нуждающимися въ помощи, какъ и въ томъ, если бы какая-нибудь сестра милосердія отказалась ухаживать за солдатами и посвятила себя исключительно уходу за офицерами, но я говорю это вовсе не для укора. Въ этомъ предпочтеніи солдатъ передъ офицерами, одинаково свято исполнявшими свой долгъ, можно видѣть только утрированное желаніе не дозволить себѣ ни малѣйшаго различія въ обращеніи между солдатами и офицерами.

Но если сестры милосердія не щадили своихъ силъ въ исполненіи ихъ тяжелой обязанности, то онѣ за то находили себѣ

вознагражденіе въ томъ, какъ относились къ нимъ всѣ больные и раненые отъ нижняго чина до высшаго. Мнѣ нѣтъ надобности приводить слишкомъ хорошо извѣстныхъ примѣровъ той теплоты, сердечности, благодарности, которая выражалась въ словахъ, взглядахъ, во всемъ обращеніи раненыхъ съ сестрами. Такія чувства можно было наблюдать въ любомъ госпиталѣ, гдѣ были только сестры милосердія. Достаточно было слышать, какъ солдаты произносили слово «сестрица», чтобы понять, какую горячую любовь съ-разу завоевали себѣ сестры милосердія среди русской арміи. Весьма многія изъ сестеръ милосердія, по преимуществу изъ студентовъ, помимо мягкости, гуманности, безпредѣльной преданности своему святому дѣлу, обнаруживали такія знанія, опытность, что являлись весьма серьезными помощниками часто недостаточнаго мужского врачебнаго персонала. Казалось бы, что опытъ послѣдней войны въ дѣлѣ женской медицинской дѣятельности, такъ блистательно доказавшій, какія важныя услуги могутъ оказывать женщины въ этомъ направленіи, навсегда долженъ былъ бы устранить всякія попятныя шаги къ стѣсненію женской дѣятельности, стѣсненію, обязанному своимъ существованіемъ недовѣрію и подозрительности начальства въ благонамѣренности учащихъ и работающихъ женщинъ, но на дѣлѣ оказывается, что подозрительность эта нисколько не измѣнила своего характера, и не успѣла окончиться война, какъ появляются опять на сцену различныя мѣропріятія, направленные къ стѣсненію женской дѣятельности. А между тѣмъ стояло бы лишь разузнать поближе, какъ вели себя всѣ тѣ молодыя дѣвушки и женщины, которыя явились на театръ войны, какъ вели онѣ себя въ смыслѣ «направленія», чтобы отказаться раз навсегда отъ различныхъ стѣснительныхъ распоряженій. Если бы было произведено такое изслѣдованіе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно дало бы самыя великолѣпныя результаты въ пользу поведенія и всей дѣятельности сестеръ милосердія. Не разъ, конечно, заходила о нихъ бесѣда, и всегда и вездѣ приходилось выслушивать одинаково хвалебныя отзывы.

— Я каюсь, — говорилъ мнѣ одинъ изъ уполномоченныхъ «Краснаго Креста», — я былъ до этой войны заклятымъ врагомъ всѣхъ этихъ женскихъ курсовъ, всѣхъ женскихъ университетовъ; мнѣ казалось, что все это стремленіе къ высшему образованію прикрываетъ собою только стремленіе къ синимъ очкамъ, да къ стриженнымъ волосамъ, и что всѣ подобныя учрежденія являются только рассадниками нигилизма, распущенности нравовъ, словомъ — порождаютъ самое прискорбное направленіе! Но теперь, когда я

увидѣлъ на дѣлѣ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, этихъ студентовъ, я совершенно измѣнилъ свой взглядъ и отношусь къ нимъ съ самымъ полнымъ уваженіемъ. И замѣтите, я нисколько не заблуждаюсь относительно ихъ воззрѣній, убѣжденій, но что мнѣ за дѣло, что у нихъ такіа убѣжденія, а у меня другія, я знаю теперь, что они горячо любятъ Россію, потому что, не любя, они не могли бы работать такъ, какъ они работаютъ, а все остальное—дѣло второстепенное, кто тамъ правъ, кто виноватъ—я не знаю!

Я привелъ этотъ отзывъ, такъ какъ онъ хорошо характеризуетъ то отношеніе, которое установилось къ молодежи во время войны почти у всѣхъ, начиная отъ сильныхъ міра до скромнаго уполномоченнаго, взаимнѣ того повального предубѣжденія, съ которыми у насъ носились такъ долго, предубѣжденія, готоваго всегда видѣть въ каждой молодой дѣвушкѣ, въ каждомъ молодомъ человѣкѣ, думающемъ не по указанному образцу, чуть не врага отечества. Къ сожалѣнію, не успѣла война окончиться, какъ старое предубѣжденіе снова стало выплывать наружу, вытѣсня болѣе справедливое отношеніе, вызванное на время энергическою дѣятельностью молодежи на благо Россіи. И много ли было нужно, чтобы совершилось это превращеніе, и чтобы старая истрепанная декорация была вновь установлена на сценѣ внутренней жизни русскаго общества.

Достойное поведеніе сестеръ милосердія сдѣлало то, что всѣ, кто имѣлъ только съ ними дѣло, относились къ нимъ съ самымъ полнымъ уваженіемъ. Не было слышно жалобъ, нареканій на тотъ многочисленный мужской персоналъ, который былъ поставленъ общимъ дѣломъ въ неизбежную близость къ сестрамъ милосердія. Врачи, санитары, студенты, уполномоченные «Краснаго Креста», вели себя по отношенію къ сестрамъ такъ, какъ того требовала серьезность дѣла, которому они вмѣстѣ служили. Если въ послѣднее время и возбуждены были толки о томъ посягательствѣ на женскую честь, которое дозволили себѣ нѣсколько человѣкъ по отношенію къ одной изъ сестеръ милосердія, то, во-первыхъ, вся исторія представляется довольно темною и многое остается недосказаннымъ, а во-вторыхъ, если бы оно и было справедливо, то единичность обнаружившагося факта говорить уже за то, что сестры милосердія, всѣ дѣвушки и женщины были окружены такимъ уваженіемъ, которое защищало ихъ отъ какихъ-либо нечистыхъ помысловъ.

Такимъ образомъ, русскія женщины явились во время войны дѣятельными участницами въ общественномъ дѣлѣ и обнаружили необыкновенную энергію, готовность жертвовать даже своею жиз-

нiю на общее благо. Ихъ ничто не останавливало, ни страшный, непосильный трудъ, ни невообразимыя лишения, которымъ онѣ подвергались, ни увѣренность въ томъ, что не избѣжать имъ заразы сыпного тифа, возвратной горячки, ни грозныя примѣры столькихъ жертвъ, нашедшихъ себѣ холодную могилу на чужбѣ. Испытавъ всевозможныя страданiя, пролежавъ цѣлыя недѣли въ мучительной болѣзни, онѣ снова являлись, едва ставъ на ноги, у изголовья больныхъ и раненыхъ, рискуя еще и еще разъ своею жизнiю. Невольно многіе задавались вопросомъ: какіе мотивы потянули русскую женщину на такой сверхъестественный трудъ и самоотверженіе, и почему это теперь онѣ цѣлыми десятками гибнутъ отъ тифа и съ полнѣйшимъ хладнокровiемъ опять возвращаются въ эту заразу, а въ Россiи между тѣмъ слышатся постоянныя жалобы, что нѣтъ учительницъ, нѣтъ фельдшерницъ, нѣтъ акушерокъ, которыя бы упорно и солидно вели свое дѣло? Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что различныя преграды, разставленныя на всѣхъ путяхъ общественной дѣятельности, играютъ въ этомъ отношенiи значительную роль, но вся отвѣтственность все-таки не можетъ быть возложена исключительно на эти стѣсняющія человѣческую дѣятельность пути. Должна быть къ тому и другая причина, лежащая въ нашемъ собственномъ общественномъ темпераментѣ. Анализировать эту причину по отношенiю къ сестрамъ милосердiя могли, разумѣется, съ большимъ правомъ и съ большою авторитетностiю тѣ, которые стояли ближе къ ихъ дѣятельности, которые удобнѣе могли приглядѣться въ теченiи долгихъ мѣсяцевъ къ характеру русскихъ женщинъ, явившихся на помощь русскому воинству. Вотъ почему я рѣшаюсь подѣлиться съ читателемъ тѣмъ впечатлѣнiемъ, которое вынесъ изъ близкаго знакомства съ сестрами милосердiя одинъ изъ молодыхъ докторовъ, болѣе восьми мѣсяцевъ прожившій на театрѣ военныхъ дѣйствiй.

«Среди всего безобразiя военнаго времени и тяжелыхъ условiй, — пишетъ онъ мнѣ, — я съ-разу встрѣтилъ безукоризненно свѣтлое и отрадное явленіе — это дѣятельность русской женщины въ ея цѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, сестра милосердiя заслужила глубокое уваженіе; нѣтъ никакой возможности оцѣнить это гигантское самоотверженіе, нѣтъ того краснорѣчiя, которое дало бы хотя приблизительное описаніе изумленiя, которое вызываетъ дѣвушка 17, 18 и 20 лѣтъ, бросившая домашнюю, уютную обстановку, съ ея маленькими развлеченiями, бросившая семью часто послѣ цѣлыхъ потоковъ слезъ — за тѣмъ, чтобы съ неутомимою стойкостiю работать цѣлый годъ изо

дня въ день по 10—14, а иногда и больше часовъ среди смрада, милліоновъ паразитовъ и стоновъ, раздирающихъ душу... Стала я приглядываться и по возможности узнавать мотивы, бросившіе эту массу женщинъ на неприглядную дѣятельность сестры милосердія. Выводы мои весьма грустные. Женщины эти пришли сюда потому, что знали, какъ тутъ много страданій. Почти каждая изъ нихъ уже по личному опыту знаетъ, что такое несчастье и страданіе—и вотъ имъ захотѣлось непременно принести свои силы, чтобы по возможности смягчить муки, терпимыя больными и ранеными. Спрашиваешь: а что вы дѣлали дома, въ Россіи?—за рѣдкими исключеніями, оказывается—ничего не дѣлали. Не потому не дѣлали, чтобы не знали, что и тамъ есть не меньше страданій и горестей,—нѣтъ, это онѣ знаютъ. Но дѣло все въ томъ, что здѣсь обстановка работы очень удобная. Во-первыхъ, хѣть сестрой милосердія не только разрѣшается, но и поощряется; во-вторыхъ, все это устроено, организовано; о своемъ существованіи и положеніи заботиться не надо—остается только отказаться отъ всякихъ наслажденій, жить среди заразы, паразитовъ и мужественно, молча умирать. Кромѣ того, не мало, конечно, содѣйствовала нѣкоторая фантастичность (если такъ можно выразиться о человѣческой бойнѣ); неизвѣстная страна, громъ орудій, походная обстановка—и т. д. и т. д. Тамъ же, дома, нужно *добиваться*, т.-е. дѣлать то, чего дѣйствительно мы не умѣемъ и не можемъ. Тамъ нужно не только умирать, но и бороться со всѣми окружающими физическими и въ особенности нравственными препятствіями—а на это не хватаетъ. Я видѣлъ много вѣрнѣе симпатичныхъ и весьма неглупыхъ натуръ между здѣшними сестрами милосердія,—но не встрѣтилъ ни одной, которая бы серьезно-критически продумала—приносить ли онѣ дѣйствительно пользу, и зачѣмъ онѣ тратятъ свои силы тутъ, а не въ иномъ мѣстѣ, гдѣ бы эта трата силъ принесла можетъ быть болѣе прочные плоды,—такъ что въ концѣ-концовъ и выходитъ: много добрыхъ чувствъ и никакой инициативы и сознательной задачи жизни. Но у этого люда, т.-е. сестеръ милосердія, фельдшерницъ, нѣкоторыхъ студентовъ и врачей, осталось внутреннее сознаніе, что они приносили и приносятъ доброе дѣло...»

Если упрекъ въ отсутствіи инициативы и сознательной задачи жизни и представляется, повидимому, слишкомъ суровымъ, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что онъ тотчасъ теряетъ свой острый характеръ, какъ только мы припомнимъ, что отсутствіе инициативы не есть вовсе черта, исключительно прису-

щая русскимъ женщинамъ, а такъ-сказать національная черта нашего характера, объясняемая всѣмъ историческимъ ходомъ развитія нашего народа. На инициативу никогда не было запроса на рынкѣ нашей общественной жизни, и потому не мудро, что способность къ инициативѣ какъ-бы выродилась и превратилась въ нѣчто пассивное, въ ту покорность судьбѣ, которую мы такъ богаты. Всякое проявленіе инициативы въ теченіи весьма продолжительнаго періода нашей исторіи стояло подъ угрозой чуть не уголовной кары; люди отвыкли отъ нея и даже стали смотрѣть на нее какъ на нѣчто преступное, не было для нея простора, силой приходится ей врыватья въ общество, и потому неудивительно, что проявленіе инициативы въ общественныхъ дѣлахъ сопровождается подчасъ нѣкоторою рѣзвостью.

Но лишь только этой инициативѣ предоставляется извѣстный просторъ, такъ рѣзвость тотчасъ исчезаетъ, и тѣ самые люди, на которыхъ мы вчера еще готовы были смотрѣть чуть не какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, сегодня являются самыми полезными и ревностными слугами своей родины. Мнѣ часто приходилось объ этомъ думать, сталкиваясь съ дѣятельностью русской молодежи на театрѣ войны. Война дала нѣкоторый выходъ накопившейся жаждѣ дѣятельности, стремленію принять непосредственное участіе въ общественномъ дѣлѣ, выѣ предѣловъ обычной рутинны и казенщины, гдѣ требуется только безпрекословное исполненіе воли начальства, и тотчасъ множество молодыхъ людей, студентовъ-медиковъ, окончившихъ курсъ, студентовъ университета, превратившихся въ санитаровъ, почувствовали возможность принять самостоятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, бросились къ Дунаю и за Дунай и все время несли тяжелую службу обществу. Среди этой молодежи мнѣ приходилось встрѣчать такихъ, которые въ предшествовавшій годъ успѣли уже побывать въ Сербіи, въ Черногоріи, въ то время, когда эти горсти славянъ начали снова борьбу съ оружіемъ въ рукахъ за свою независимость и свободу. Но это были уже не Рудины, безотчетно мывавшіе и искавшіе по свѣту «гдѣ лучше» и, не находя этого «лучше» въ родной странѣ, съ отчаянія шли умирать на парижскихъ баррикадахъ. Эти люди спѣшили въ Сербію и Черногорію не ради охватившаго ихъ отчаянія,—нѣтъ, этого чувства не знали они; напротивъ, они бросались туда съ увѣренностью, съ убѣжденіемъ, можетъ быть, даже излишне оптимистическимъ, что независимость и свобода горсти славянъ сдѣлается удѣломъ всего славянскаго племени. Но что же, спрашивается, это за молодежь, изъ какихъ элементовъ состояла она? Да все изъ тѣхъ,

приходится отвѣчать, — на которые изданія московскаго попѣсѣ призывають обыкновенно громы и молніи, обсыпая ихъ всечестными клеветами. Ихъ воззрѣнія, не совсѣмъ сходныя съ воззрѣніями «охранителей» на московскій ладъ, нѣсколько, однако, не мѣшали имъ съ горячею любовію и самоотверженіемъ работать на благо Россіи, стараясь, не жалѣя своихъ силъ, облегчать страданія русскаго люда, гибнувшаго, какъ въ то время принято было говорить, за полное освобожденіе родственныхъ намъ народовъ. Ну, а что случилось съ этимъ полнымъ освобожденіемъ, о томъ каждому предоставляется имѣть свое мнѣніе, напереворъ даже безсмертному Грибоѣдову.

Нельзя было достаточно налюбоваться на дѣятельность этой молодежи. Она работала безъ усталы, не зная отдыха, никогда ни на что не жалуюсь, исполняя безъ малѣйшаго ропота все, что только имъ поручали, и ихъ обращеніе со всѣми, это только вмѣстѣ съ ними соприсношеніе, было такъ полно такта, что я не знаю почти человѣка, который не отзывался бы съ величайшею похвалою объ ихъ дѣятельности и поведеніи.

— Что мнѣ тольковали о нашихъ студентахъ, — приходилось слышать не разъ, Богъ вѣсть, что рассказывали, — можно было подумать, что и въ самомъ дѣлѣ въ нихъ главное зло Россіи, что вѣтъ въ нихъ ни любви къ народу, ни желанія добра своей родинѣ, — все это оказывается вадоръ, пустяки! Какъ пржемотришься къ нимъ, такъ и видишь, что любить они народъ такъ, какъ, дай Богъ, чтобы всѣ любили!

Удивительно, думалось мнѣ, какъ во время войны люди начинаютъ снисходительно относиться къ тому, что на языкѣ нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ «охранителей» именуется, по словамъ Щедрина, «потрясеніемъ основъ». Что бы тамъ про войну ни говорили, а и у нея есть выгодныя стороны.

Итакъ, съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ сестеръ милосердія да пятнадцати или двадцати студентовъ, находившихся въ распоряженіи двухъ хирурговъ профессоровъ, я отправлялся изъ Горнаго-Студеня въ плевненскія позиціи. Нашъ переходъ, длившійся цѣлыхъ три дня, оставилъ во мнѣ самое свѣтлое и отрадное впечатлѣніе. Всѣ были преисполнены бодрости, энергіи, всѣ были веселы, впередъ увѣренные, что варажѣе обдуманное сраженіе и атака Плевны увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, и точно изъ земли выросшія грозныя укрѣпленія надутъ передъ дружнымъ натискомъ русскои арміи. Впередъ всѣ любили побѣду, точно забывая о той цѣнѣ, которою она будетъ куплена. Радостное настроеніе поддерживалось тѣмъ дружескимъ

согласіемъ, которое ни разу не нарушалось въ нашемъ отрядѣ, а веселость молодости заражала собою неволью и тѣхъ. кто не такъ радужно смотрѣлъ на будущее. Рѣдко, я думаю, большая болгарская дорога оглашалась такимъ неистощимымъ смѣхомъ и русскими народными пѣснями. Лишеній въ это время мы не терпѣли, и хотя у насъ не было съ собою запасовъ, но вездѣ, гдѣ мы останавливались, мы находили у болгаръ все, что нужно въ военное время для того, чтобы не роптать на свою судьбу. И болгары на всемъ пути относились крайне привѣтливо къ нашему небольшому отряду. Въ первый же день къ вечеру, мы должны были достигнуть мѣстечка Булгарени, но ночь застигла насъ въ то время, когда оставалось еще сдѣлать съ добрыхъ десять верстъ. Волей-неволей пришлось своротить въ сторону отъ большой дороги и сдѣлать на ночь привалъ въ ближайшей болгарской деревушкѣ Хаджи-Муса. Вытанулись въ шеренгу наши нѣсколько санитарныхъ линеекъ «Краснаго Креста», и мы цѣлой гурьбой отправились разыскивать себѣ пристанище. Скоро нашли небольшую хату, и болгаринъ предложилъ намъ все, что только у него было, для утоленія голода. Ночь была темная, теплая, въ комнатахъ душно, и всѣ мы, сколько насъ было, тѣсно размѣстились на большомъ балконѣ. Сестры стали хлопотать, чтобы напоить насъ всѣхъ чаемъ, а молодежь усѣлась въ кружокъ и далеко стали развѣсиваться русскія хоровыя пѣсни. Въ эти минуты забывалась война, стоны умирающихъ, кровь раненыхъ, и чувствовалось такъ привольно и свободно.

Долго за полночь тянулись эти беззаботныя пѣсни, возвращавшія каждаго изъ насъ — туда далеко: одного на берега Невы, другого на Волгу, третьяго на берега Днѣпра, пока усталость не одолѣла, и глаза не стали смыкаться. Послѣ трехъ-четырехъ часовъ отдыха мы двинулись далѣе и скоро достигли Булгарени. Тутъ уже видны были слѣды приготовленія къ рѣшительному бою. Невдалекѣ отъ Булгарени, въ какой-нибудь верстѣ, начинается раскидываться госпиталь № 63, игравшій такую важную роль послѣ 30-го августа. Сюда направлялись десятки тысячъ людей, здѣсь должны были сортировать раненыхъ, перевязывать, направлять дальше. Здѣсь нѣсколько дней спустя происходила таковой адъ, о которомъ тѣ, которые тутъ работали, не могутъ и вспомнить безъ ужаса. Работы по устройству госпиталя шли дѣйствительно, старались поскорѣй какъ-нибудь устроить, опасаясь, что раненые начнутъ прибывать прежде, чѣмъ все будетъ готово къ ихъ приему. Госпиталь № 63 былъ для меня уже старинный знакомый, такъ какъ до Плевны онъ размѣщался въ Систоно.

— Что же вы сдѣлали съ вашими ранеными, — эвакуировали ихъ?

— Какой, — мы сдали ихъ госпиталю № 50.

— Да вѣдь онъ былъ не только колонъ, но въ немъ помѣщалось на триста человекъ больше противъ положенія?

— Знаю, знаю: тамъ больше тысячи, — да что станете дѣлать? — такъ было приказано. Сказано — сдать, мы и сдали.

Впрочемъ, это были обычные порядки, и о нихъ рѣчь впереди. Погода не благоприятствовала намъ въ Булгарени. Поливъ проливной дождь; дворъ, на которомъ мы приютились, покрылся сплошною слякотью, настроеніе духа быстро измѣнилось, и сколько разъ ни затыгивали пѣсню, — все-таки пѣніе не ладилось. Оживленіе упало, и всѣ стали отыскивать себѣ — кто въ хатѣ, кто подъ навѣсомъ — сухой уголокъ. Мѣста достаточно не было, — мы стали размѣщаться въ линейкахъ. Лежать нельзя: узко, жестко, сырость пронизываетъ насквозь; всѣмъ стало какъ-то не по-себѣ, и мы были рады, когда на разсвѣтѣ, въ пятомъ часу, мы выступили изъ Булгарени по направленію къ Порадиму. Вдоль дороги тянулись безконечныя, точно цыганскіе таборы, группы бѣжавшаго болгарскаго населенія. Всѣ поля были уставлены всевозможными повозками, кибитками — одни пустыя, другіе набитыя всякимъ скарбомъ — тутъ же пасся скотъ, лошади, волы и рядомъ разношерстная толпа: женщины, дѣти, мужчины, пристроившіеся около своего спасеннаго добра. И должно быть, не первый день проводили они на одномъ и томъ же мѣстѣ: казалось, точно они обжились на этихъ поляхъ, и у всей этой толпы былъ одинъ общій кровъ — безконечный сводъ небесный. Стали попадаться чаще и чаще передвигавшіеся артиллерійскіе нарки, длинныя вереницы воевъ съ гранатами и другимъ однороднымъ снадобьемъ, — наконецъ, то тутъ, то тамъ обгоняли насъ кавалерійскіе полки, — все устремлялось къ одному пункту: къ плевненскимъ позиціямъ. Вся мѣстность представляла теперь полную жизни картину и, среди всеобщаго оживленія, мы почти незамѣтно сдѣлали этотъ переходъ отъ Булгарени до Порадима. Тутъ уже дѣятельность кипѣла. Въ Порадимѣ находился штабъ и Карла румынскаго, и генерала Зотова, которому вѣрено было главное начальство надъ русскою арміею, номинально находившейся подъ предводительствомъ князя румынскаго. Все стекалось къ Порадиму: поминутно взадъ и впередъ скакали курьеры, войска то-и-дѣло, что подходили, лаваретныя фургоны, линейки «Краснаго Креста» — все стягивалось сюда, въ ожиданіи приказанія, куда двигаться далѣе: на правый или на лѣвый

флагъ расположеніи нашихъ войскъ. Въ Пориадимъ же съѣхались всѣ иностранные военные агенты, иностранные корреспонденты, съ которыми мнѣ тотчасъ же пришлось встрѣтиться.

На положеніи иностранныхъ корреспондентовъ, по сравненію съ положеніемъ русскихъ корреспондентовъ, можно было видѣть всю ту громадную разницу, которая существуетъ между литературой и прессой въ западной Европѣ — и литературой и прессой у насъ, въ Россіи. Завидное положеніе, въ какое поставлена западно-европейская печать, обявываетъ тамошнюю прессу: каждый журналъ, каждая газета должны держаться такого или другого направленія, и имъ нѣтъ никакой надобности сегодня унижаться, воспѣвая сладость получаемыхъ назиданій и прося и впредь не забывать ихъ, а завтра пыжиться и принимать видъ «недовольныхъ», — смѣшной видъ, потому что на слѣдующій день они опять найдутъ необходимымъ быть всѣмъ довольными и за все благодарными. Тамъ каждый органъ служитъ известной партіи и продолжаетъ ей служить какъ тогда, когда эта партія торжествуетъ, такъ и тогда, когда ея торжество смѣняется торжествомъ другой партіи. Тамъ, поэтому, если существуетъ, то добровольная лакейская печать. Тамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ силу тѣхъ же причинъ, печать имѣетъ широкое развитіе: газета, журналъ служатъ тамъ не ради только забавы, развлеченія, моды, — тамъ каждый человекъ, интересующійся дѣлами своей родины, долженъ читать тотъ или другой органъ, если только онъ желаетъ слѣдить за всѣмъ, что совершается въ его государствѣ. И дѣйствительно, тамъ печать отражаетъ всю жизнь, со всѣми ея вопросами — политическими, экономическими, нравственными. Тамъ человекъ не можетъ разсуждать такимъ образомъ: «зачѣмъ я стану тратить время на чтеніе отечественной газеты? Что я изъ нея вынесу, — что узнаю? О томъ, что въ данную минуту по-преимуществу интересуется, — я или ничего не прочту, или прочту пошлая разглагольствованія, написанныя не по убѣжденію!» Ни одинъ здравомыслящій человекъ на Западѣ разсуждать такъ не можетъ. Вотъ почему тамъ сплошь и рядомъ газета имѣетъ 50, 70 и даже 100 тысячъ подписчиковъ, а подчасъ и больше. Очевидно, что газета или журналъ, поставленные такимъ образомъ, располагаютъ громадными матеріальными средствами, и если газета желаетъ имѣть постоянный успѣхъ, то она обязана давать о всякомъ занимающемъ важномъ вопросѣ самыя полныя и точныя свѣдѣнія и должна, поэтому, выбирать людей дѣйствительно талантливыхъ и знающихъ.

Читатель, можетъ быть, спросить, къ чему я заговорилъ о положеніи печати, — повидимому, ни къ селу, ни къ городу! Въ томъ-то и дѣло, что оно только повидимому, а въ дѣйствительности — и къ селу, и къ городу. Во все время войны на нашихъ корреспондентовъ слышались постоянныя жалобы: и своевременно-то они ни о чемъ не сообщаютъ, и пишутъ-то всякій вадоръ, не говорятъ о томъ, что составляетъ или, вѣрнѣе, составляетъ внутреннюю «злобу дня» каждаго русскаго и т. п. Спора нѣтъ, всѣ эти нареканія были довольно основательны, — корреспонденты были неудовлетворительны, но вопросъ въ томъ: ихъ ли была въ томъ вина? — и на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Пусть тѣ, кто нападалъ на нихъ, спросить себя: имѣлъ ли возможность корреспондентъ о всѣхъ нашихъ военныхъ и не-военныхъ порядкахъ, обнаружившихся во всемъ блескѣ во время войны, разсуждать, совершенно не стѣсняясь? Отвѣтъ ясенъ: нѣтъ, не имѣлъ. Въ то время какъ русскій корреспондентъ корпѣлъ часто надъ вопросомъ: какъ бы это мнѣ умудриться такъ, чтобы вотъ это мѣсто проскользнуло и не нанесло ущерба издателю, иностранный корреспондентъ пользовался привычною свободою обсуждения, и потому корреспонденція его имѣла несомнѣнно большое значеніе. Далѣе, въ такія ли матеріальныя условія былъ поставленъ русскій корреспондентъ, какъ иностранный корреспондентъ? И тутъ отвѣтъ не затруднителенъ: нѣтъ, не въ такія. Встрѣтившись съ иностранными корреспондентами въ Порадимѣ, я былъ пораженъ тѣмъ комфортомъ, съ которымъ они совершали военный походъ. У нихъ было по двѣ и даже по три верховыхъ лошади, свои фургоны, наполненные провіантомъ и приспособленные для писанія и для спанья, — у нихъ были люди, которыхъ они могли посылать съ депешами, съ корреспонденціями, вмѣсто того, чтобы дожидаться оказія, когда-то можно будетъ отправить или депешу, или корреспонденцію. То ли было у нашихъ корреспондентовъ? Совсѣмъ не то. Обзавелся каждый изъ нихъ лошаденкою, купленною за нѣсколько золотыхъ, — вотъ и все, что у нихъ было. Часто негдѣ пристроиться, чтобы написать корреспонденцію, отправить депешу или письмо ужъ рѣшительно не съ кѣмъ, — вотъ и доставляя быстро извѣстія съ театра войны. Обыкновенно корреспондентъ игралъ самъ же роль и посыльнаго. Опишетъ что-нибудь — и скачетъ на своей лошаденкѣ въ Систово или въ иной пунктъ, чтобы бросить на почту свое произведеніе. Словомъ, самое жалкое матеріальное положеніе, какое можно только себѣ представить. Скажутъ, конечно: «виноваты издатели, — они слыш-

комъ свупились!» Положимъ, издатели отчасти и были виноваты, но и они однако заслуживаютъ, какъ говорятъ наши присяжные засѣдатели, «полнаго» снисхожденія. Во-первыхъ, вслѣдствіе того, что наша печать не можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества, — газеты у насъ не имѣютъ такого обширнаго круга читателей, и потому средства ихъ болѣе скудны, чѣмъ средства иностранныхъ газетъ; во-вторыхъ, хотя нѣкоторые газеты и обладаютъ достаточнымъ количествомъ подписчиковъ и могли бы держать своихъ корреспондентовъ не въ столь черномъ тѣлѣ, но, неувѣренныя въ завтрашнемъ днѣ, издатели этихъ газетъ, естественно, бѣжата и часто размышляютъ о «черномъ днѣ», — и этой мысли вполне достаточно, чтобы соблюдать экономію. Такая мысль, очевидно, никогда даже не родится у западнаго издателя газеты или журнала — и потому онъ дѣйствуетъ несравненно шире, съ болѣею щедростію, не только не страшась лишней затраты, но съ увѣренностію, что эта затрата воздастся ему стоицею. Вотъ вслѣдствіе этихъ-то именно причинъ, въ то время, какъ иностранныя корреспонденціи часто облетали весь міръ, вызывая всюду восхваленія и даже восторгъ, русскія корреспонденціи даже въ своемъ отечествѣ не пользовались особенною благосклонностію читающей публики. При этомъ нельзя не обратить вниманія также и на то, что корреспонденты, выставленные западною Европою, были уже заранѣе извѣстны, какъ талантливые писатели, между тѣмъ какъ русскіе корреспонденты были по-преимуществу случайные, которые прежде, можетъ быть, рѣдко и брались-то за перо. Да и положеніе иностраннаго корреспондента было многимъ лучше: онъ могъ и держать себя, и писать съ несравненно болѣшимъ достоинствомъ. Онъ самъ себя господинъ, — что ему сдѣлаешь? Пиши, что угодно. Естественно, иностранный корреспондентъ внушалъ болѣшій страхъ, а болѣшему страху соотвѣтствуетъ и болѣшее, по крайней мѣрѣ, наружное уваженіе. Ну, а русскій корреспондентъ — свой человекъ: онъ долженъ опасаться, а его опасаться нечего.

Всѣ эти корреспонденты спѣшили въ Плевнѣ, но не торопясь, впередъ увѣренныя, что дѣло обойдется не такъ-то ужъ скоро. Нашъ же небольшой отрядъ «Краснаго Креста», не теряя времени, приближался къ позиціямъ. Послѣ сутокъ въ Порадимѣ мы выступили въ Сгалевицы, ближайшій пунктъ отъ Плевны, и рѣшились ожидать тамъ до полученія привязанія стать уже на то мѣсто, которое выбрано было для перевязочнаго пункта. Мы прошли черезъ то поле, или, вѣрнѣе, тѣ поля, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, русскія войска дрались съ турецкими, и когда

натискъ изъ Плевны Османа-паши былъ дружно отбитъ. Сраженіе происходило 19-го августа, и потому естественно, что 23-го, т.-е. четыре дня спустя, все поле носило на себѣ еще горячіе слѣды битвы. Земля была взрыта гранатами, осколки которыхъ попадались на каждомъ шагу, вездѣ валялись патроны, не убраны еще были убитыя лошади, даже трупы не всѣ были еще преданы землѣ. Но на такую картину, въ ожиданіи другой болѣе грозной и страшной, никто, конечно, и не обращалъ даже вниманія.

Въ Сгалевицахъ находился штабъ 9-го корпуса, при которомъ я и оставался въ теченіи всей третьей Плевны, благодаря любезному разрѣшенію командира 9-го корпуса барона Брюднера. Когда долженъ былъ выступить штабъ уже на самыя позиціи, мнѣ не было въ точности извѣстно, и потому цѣлые двое сутокъ я оставался еще съ нашимъ маленькимъ отрядомъ. Сестры милосердія, студенты не бездѣйствовали въ это время. Они также готовились усиленно къ большому, рѣшительному сраженію, и съ утра до вечера были заняты нарѣзываніемъ бинтовъ, сверткой ихъ, гипсованіемъ. Веселое настроеніе совсѣмъ исчезло, рѣшительный день былъ близокъ, и потому всѣ сдѣлались сосредоточены, угрюмы, всѣ находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Какъ ни велика была увѣренность въ побѣдѣ, а все же отъ времени до времени, то у одного, то у другого вырывалось изъ груди скорѣе восклицаніе, чѣмъ вопросъ:

— Что-то будетъ!.. а вдругъ...

Договаривать не было нужды, всѣ отлично понимали значеніе слова: «а вдругъ».

Хотя всѣ въ сущности знали, что дѣло не начнется ранѣе 26-го августа, но, тѣмъ не менѣе, напряженіе было такъ велико, нервное возбужденіе такъ сильно, что подѣ-часъ въ нѣкоторыхъ оно просто вызывало галлюцинаціи слуха.

— Слышите, стрѣляютъ! дѣло, значить, началось!

— Ничего ровно не слышу, нигдѣ не стрѣляютъ!

— Какъ же не слышите, совсѣмъ явственно!

Въ дѣйствительности, разумѣется, нигдѣ не стрѣляли.

Наступилъ вечеръ 25-го августа. Около семи часовъ весь штабъ 9-го корпуса проѣхалъ мимо насъ. Мы не знали, совсѣмъ ли онъ покинулъ Сгалевицы, чтобы стать уже на позиціи, или выѣхалъ только, чтобы осмотрѣть еще разъ мѣстность и затѣмъ снова вернуться. Вслѣдъ за штабомъ тронулись и тѣ два кавалерійскіе полка, которые расположены были на одномъ полѣ съ нами.

— Штабъ уѣхалъ совсѣмъ, больше сюда не вернется!

— Когда же мы? зачѣмъ ми здѣсь стоять?

— Нѣтъ, вернется, они поѣхали только объѣзжать позиціи.

Но штабъ больше не возвращался. Мы пребывали въ невѣдѣніи, и потому первое возбужденіе еще болѣе усиливалось во всѣхъ. Въ эту ночь никто почти не могъ уснуть. Все прислушивалось, не раздадутся ли выстрѣлы со стороны Плевны. Въ томительномъ ожиданіи протянулась вся ночь, до 5-ти часовъ утра.

Около этого времени мы услышали отдаленный ударъ: одинъ, два, пальба началась.

— Господа, усаживайтесь скорѣе, мы трогаемся на позиціи.

Не у одного человѣка бьнуло сердце. Казалось, рѣшительная минута наступила, хотя до нея должно было пройти еще нѣсколько дней. Всѣ собрались въ одинъ мигъ, и мы тронулись въ позиціямъ. Пять, шесть верстъ отдѣляли насъ теперь отъ той мѣстности, гдѣ завязался бой, и по мѣрѣ приближенія громъ орудій становился все оглушительнѣе. Скоро мы увидѣли уже на возвышеніи нашу батарею, грохотъ орудій раздавался уже въ ухахъ.

Линейки остановились, дальше было подвигаться нельзя. Отряду «Краснаго Креста» указано было мѣсто перевязочнаго пункта.

«Вотъ оно! сраженіе!».. въ одинъ голосъ произнесли нѣсколько человѣкъ, хотя до сраженія было далеко. Простившись съ моими спутниками, я поѣхалъ впередъ разыскивать мѣсторасположеніе штаба 9-го корпуса. Кому никогда не приводилось быть свидѣтелемъ большого военного дѣла, тому трудно представить себѣ тотъ водоворотъ впечатлѣній, въ который попадаетъ человѣкъ не-военный, никогда ясно не отдававшій себѣ отчета, какъ происходитъ сраженіе, битва, атака. Тутъ я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе и оговориться передъ читателемъ для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и нареканій. Напрасно кто-либо вздумалъ бы искать въ моихъ воспоминаніяхъ подробнаго описанія «третьей» Плевны. Военныя реляціи не входятъ совершенно въ мой планъ. Не будучи военнымъ, я вовсе не намѣренъ рассказывать о томъ, какъ производилась атака Зеленыхъ горъ, какъ былъ взятъ Гривицкій редутъ, какъ двигалась такая колонна, изъ какихъ полковъ состояла другая и т. д. Все это отчасти описано, но главнымъ образомъ будетъ описано въ военной исторіи послѣдней войны. Я зналъ только одно, что дралась русская армія, что лилась кровь русскаго солдата, русскаго офицера, а каковаго корпуса, дивизіи, бригады, полка, мнѣ мало было до этого дѣла; мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ,

кровавыхъ эпизодовъ, во-очію увидѣть то, что зовется «ужасомъ» войны; въ теченіи нѣсколькихъ дней пришлось выносить самыя тяжелыя впечатлѣнія, и вотъ эти-то сцены, эти впечатлѣнія мнѣ только и хочется передать читателю. Я видѣлъ, конечно, только небольшой уголокъ той несчастной картины, которая развертывалась передъ Плевной съ 26-го августа по 1-е сентября, и только объ этомъ уголкѣ я и буду говорить. Словомъ, мнѣ хотѣлось бы поставить читателя въ то положеніе, въ которомъ я находился, т.-е. въ положеніе профана въ военномъ дѣлѣ, случайно сдѣлавшагося зрителемъ рѣшительной битвы со всеми ея трагическими послѣдствіями. Въ моихъ сужденіяхъ о военномъ дѣлѣ, военныхъ, такъ-сказать, вопросахъ, быть можетъ, будетъ много ошибочнаго, невѣрнаго, но я впередъ слагаю съ себя всякую отвѣтственность; въ этомъ случаѣ я буду только, какъ эхо, передавать то, что составляло предметъ оживленныхъ толковъ и споровъ среди военныхъ людей, а передавать я буду потому, что даже въ ошибочныхъ мнѣніяхъ попадаются крупныя истины, а мы вообще слишкомъ долго пренебрегали истинною, такъ что теперь, наученные опытомъ, не должны пренебрегать и ея крупными.

Первое мое впечатлѣніе, какъ только я оставилъ моихъ спутниковъ и приблизился къ большой батарее, расположенной на большой высотѣ, было впечатлѣніе необычайнаго хаоса, въ который я внезапно попалъ. Я долженъ коняться, что то, что я себя представлялъ заранѣе, было совершенно не похоже на дѣйствительность. Я представлялъ себѣ, что я встрѣчу компактную массу войска, расположенную въ порядкѣ, что должны стоять цѣлыми группами въ ожиданіи того момента, когда они должны будутъ вступить въ бой. Въмѣсто этой компактной массы, я увидѣлъ по сватамъ горъ разбросанныя кучки солдатъ батальонами и ротами. Въ одномъ мѣстѣ кучка солдатъ, лежащихъ на травѣ; проѣзжаешь нѣсколько шаговъ дальше — другая кучка, и такъ далѣе, безъ конца. Словомъ, никакой картины, никакой «импозантности».

— Да гдѣ же расположено войско? — спрашиваетъ вначалѣ.

— Какъ гдѣ! вотъ тутъ, тамъ, дальше, развѣ вы не видите этихъ группъ.

— А я ожидалъ совсѣмъ другого.

Я увѣренъ, что не одинъ изъ моихъ читателей, непрічастныхъ, разумѣется, военному дѣлу, рисовалъ въ своемъ воображеніи картину сраженія точно такъ же, какъ и я грѣшный. Дѣйствительность нѣсколько разочаровываетъ и разочаровывала бы

еще больше, если бы ваше вниманіе не отвлекалось каждую минуту свистомъ летящихъ гранатъ. И каждый разъ, что раздается этотъ свистъ, вамъ кажется, что она летитъ такъ близко, что вотъ-вотъ должна упасть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. А между тѣмъ эта граната падаетъ чуть не за версту. Тѣмъ не менѣе свистъ этихъ гранатъ, покуда къ нимъ не привыкнешь, производитъ какое-то раздражающее впечатлѣніе. Является секундная остановка, ну вотъ, кажется, конецъ,—нѣтъ, черезъ секунду опять свистъ, свистъ и свистъ безъ конца. Гранаты не даютъ отдыха; но ваши нервы мало-по-малу начинаютъ привыкать къ ихъ шипѣнію, и скоро вы уже разбираетесь въ охватившемъ васъ въ первую минуту хаосѣ. Что производитъ самое успокоивающее дѣйствіе, это—то, что вездѣ вы видите людей, на каждомъ шагу вамъ встрѣчаются летящіе въ-скачь офицеры.

Но куда же дѣваться, гдѣ остановиться, куда пристать,—рыскать цѣлый день невозможно, даже во время битвы нужна какая-нибудь осѣдлость. Я сталъ отыскивать, гдѣ расположился штабъ 9-го корпуса.

— Ступайте на-право, поднимитесь на высоту, тамъ спросите, увидите флагъ, знамя—объяснилъ какой-то офицеръ на лету, крича послѣднія слова.

Взобравшись на гору, я замѣтилъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ группу людей. Это и былъ штабъ 9-го корпуса. Подѣхавъ еще ближе, я увидѣлъ человѣкъ двадцать, если не больше, тѣснившихся въ кучкѣ. Тутъ были офицеры генеральнаго штаба, ординарцы корпуснаго командира, одинъ или два военныхъ агента, да два-три нѣмецкихъ корреспондента. Среди этихъ людей шелъ живой, но отрывистый, общій разговоръ; то вдругъ раздаются восклицанія, всѣ высказываютъ почти заразъ свои мнѣнія, то точно притаятъ дыханіе, будто выжидая чего-то. Вниманіе всѣхъ было приковано къ грозному турецкому укрѣпленію—Гривицеому редуту, расположенному какъ разъ противъ той высоты, которую штабъ выбралъ для своего мѣстопробыванія. Редутъ этотъ былъ ясно видѣнъ отсюда, и даже простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Наши батареи обстрѣливали его изо всѣхъ силъ. Редутъ не оставался въ долгу, и то-и-дѣло посылалъ намъ одну гранату за другой. Всѣ почти держали въ своихъ рукахъ большіе бинокли и жадно слѣдили за направленіемъ нашихъ выстрѣловъ.

— Эхъ! перелетѣла граната! сверно!

— Силенки не хватило, не долетѣла!

— Вотъ такъ славно! — раздается за-разъ нѣсколько голосовъ,
— прямо въ редутъ.

— Охъ, какъ ловко! Смотрите, смотрите, что-то взорвало!

— Пороховой ящикъ!

— Нѣтъ, тамъ загорѣлось что-то, видите, огонь, огонь по-
казался!

— Вотъ отлично, такъ отлично!

— Должно быть тамъ жарко стало, турки довольны!

И всѣ радуются, всѣ становятся какъ-то веселы.

Вотъ образецъ того разговора, который длился цѣлые часы; и, если читатель подумаетъ, что разговоръ этотъ былъ скученъ, то онъ жестоко ошибется. Война, огонь увлекаютъ, кровожадные инстинкты быстро выходятъ наружу, и человѣкъ самый невоинственный испытываетъ какое-то пріятное чувство при мысли, что вотъ эта граната, за полетомъ которой слѣдишь въ известную минуту, уложитъ нѣсколькихъ человѣкъ. Вы скажете: дикость нравовъ! спорить не стану, я только констатирую фактъ.

Мнѣ уже случалось упоминать, какъ быстро дѣлается на войнѣ знакомство; общее дѣло, общность интересовъ соединяетъ всѣхъ почти въ одну дружную семью. Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ знакомъ со всѣми, и мнѣ даже казалось, что я ихъ всѣхъ давно и хорошо зналъ. Безъ сомнѣнія, вся честь въ этомъ отношеніи принадлежала военнымъ, которые такъ дружески и радушно принимали въ свою среду нашего брата, посторонняго человѣка. Благодаря этому радушію съ-разу пропадала всякая стѣсненность, уступавшая свое мѣсто простымъ, непринужденнымъ отношеніямъ, допускавшимъ полную откровенность и искренность. Каждый говорилъ то, что онъ думалъ и что лежало у него на душѣ, и мало кому, вѣроятно, закрадывалась въ ту пору обычная мысль: не промолчать ли лучше; чего добраго, это можетъ мнѣ повредить по службѣ! Нѣтъ, теперь всѣ говорили, разсуждали, критиковали, порицали! Да и какъ въ тавія минуты не быть искреннимъ! Сегодня живъ, завтра зарытъ въ могилу, въ-за чего же еще лицемерить! Вотъ почему присутствіе посторонняго человѣка никого, разумѣется, не стѣсняло, и всѣ продолжали говорить такъ, какъ будто давно были знакомы между собою. Разговоръ о полетѣ гранаты прекратился, всѣ пресытились этимъ зрѣлищемъ и перешли къ другимъ предметамъ, близкимъ, конечно, тому, что занимало всѣхъ въ эту минуту.

— А вѣдь сегодня день знаменательный, — замѣтилъ кто-то,
— годовщина Бородинской битвы.

Въ самомъ дѣлѣ, начало плевненскаго боя пришлось, вслѣд-

ствѣ особнхъ соображеній, совершенно чуждыхъ годовщинѣ Бородинской битвы, въ тотъ же самый день, т.-е. 26-го августа.

— Посмотримъ, что будетъ! Вѣдь какъ тогда стояла на картѣ честь Россіи, такъ стоитъ она и теперь, тогда она осталась непривосновенною, — посмотримъ, что Богъ дастъ!

— Да, ставка большая! можетъ быть, слѣдовало бы играть осторожнѣе.

И начались расчеты нашихъ силъ и вычисленіе численности турецкой арміи.

— А все-таки учены мы мало: вѣдь дѣло-то начинаемъ опять съ шансами противъ насъ, вѣдь у насъ силъ-то меньше, чѣмъ у непріятеля!

— Какъ, помилуйте! вѣдь сколько же корпусовъ у насъ участвуютъ сегодня въ дѣлѣ!

— Да что въ этихъ корпусахъ, на бумагѣ-то расчетъ выходитъ прекрасный, а на дѣлѣ посчитайте. Вѣдь въ каждомъ корпусѣ мало-мало должно быть до 30 тысячъ, а спросите-ка у генерала, какъ велика численность 9-го корпуса.

— Однако?

— Да такъ, что меньше 15-ти тысячъ.

— А развѣ въ четвертомъ корпусѣ не то же — тысячь 16, 18, — и то дай Богъ.

— Да, но за то теперь мы не сунемся больше въ воду, не спросяся броду, теперь атака будетъ подготовлена отлично артиллерійскимъ огнемъ; смотрите, какъ дѣйствуютъ осадныя орудія, просто прелесть.

— Еще спасибо туману, что ихъ можно было установить, а то турки не оставили бы насъ въ покоѣ.

— Разумѣется, дѣло начинается теперь при другихъ условіяхъ, да притомъ развѣ возможно допустить, чтобы въ главной квартирѣ рѣшились на третью атаку, если бы всѣ шансы на успѣхъ не были впередъ рассчитаны; вѣдь опытъ, да еще горькій, чему-нибудь да учить!

Такъ какъ тутъ собрались люди, почти всѣ участвовавшіе въ сраженіи 18-го іюля, и такъ какъ мы стояли противъ тѣхъ самыхъ укрѣпленій, объ которыя мы такъ страшно разбились, потерявъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, то естественно, что теперь вспоминали это несчастное второе плевненское дѣло, начатое безъ предварительной достаточной артиллерійской подготовки. За то теперь, казалось, осадныя 24-хъ-фунтовыя и 9-ти-фунтовыя орудія съ достаточною силою мстили за 18-е іюля.

Кто былъ правъ, кто виноватъ въ томъ несчастномъ дѣлѣ,

до сихъ поръ, несмотря на то, что уже много воды утекло, остается неразгаданною тайною. Въ то время, да и послѣ, всѣ обвиненія обрушивались на генерала Крюднера, но былъ ли онъ въ дѣйствительности виноватъ, это большой еще вопросъ. Повидимому, главная его вина заключалась въ двухъ словахъ: *vae victis!* По крайней мѣрѣ, я съ увѣренностью не быть опровергнутымъ, могу сказать, что генералъ Крюднеръ доносилъ о невозможности атаки, онъ представлялъ на усмотрѣніе кого слѣдуетъ, что шансовъ на успѣхъ не только мало, но ихъ вовсе нѣтъ, и что наша армія должна будетъ потерпѣть неудачу. На всѣ его представленія онъ получалъ одинъ отвѣтъ: атаковать. Ну, и атаковалъ! Отвѣтственность легла на него, потому что онъ былъ главнее лицо въ отрядѣ, другіе же высшія начальствующія лица въ арміи оставались въ Тырново, съ трепетомъ ожидая исхода начатаго по ихъ инициативѣ дѣла. Быть можетъ, генералъ Крюднеръ и былъ виноватъ, что, предвидя неуспѣхъ, онъ не сложилъ съ себя званіе корпуснаго командира, но имѣлъ ли онъ право это сдѣлать въ рѣшительную минуту, это вопросъ военной дисциплины, въ которомъ компетентными могутъ быть только военные люди.

18-е іюля было большимъ мѣстомъ у всего 9-го корпуса, такъ-что каждый разъ воспоминаніе о немъ вызывало самыя горячіе споры, множество разсказовъ, приводить которые я не считаю себя въ правѣ, опасаясь злоупотребить оказаннымъ мнѣ довѣріемъ.

— Знаете, случило здѣсь сидѣть, поѣдемъ осматривать батареи, — предложилъ мнѣ одинъ гвардейскій полковникъ, финляндецъ по происхожденію, который, къ несчастью всѣхъ близко его знавшихъ, погибъ въ одномъ изъ слѣдующихъ сраженій.

Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе.

— Вѣдь всего не переслушаешь, — добавилъ онъ: — да мнѣ всегда и досадно вспоминать объ этомъ днѣ.

Нужно прибавить, что этотъ полковникъ весь день 18-го іюля, въ качествѣ посторонняго человѣка, находился въ постоянномъ огнѣ: онъ опереждалъ свой полкъ и поджидалъ его.

Мы стали спускаться вправо съ высоты, на которой стояли со штыбомъ, приближаясь къ 8-ми-орудійной осадной батарее. Турки не жалѣли гранатъ и обсыпали наши батареи точно градомъ. Шливініе гранатъ не умогло, казалось, ни на секунду.

— Только ѣдемъ съ условіемъ, — обратился онъ ко мнѣ: — смотрите, не влѣвайтесь гранатами, скажите себѣ, что въ томъ лагерѣ у васъ нѣтъ знакомыхъ, и дѣло съ концомъ. Во-первыхъ, вы должны знать, что это ни къ чему не поведетъ; если вамъ

и когда мы доѣхали, то выстрѣлы раздавались уже рѣже. Наступалъ темный вечеръ. Первый день былъ благопріятный; у насъ отъ дѣйствія артиллерійскаго огня погибло всего нѣсколько чело-вѣкъ, а между тѣмъ, какъ казалось, турецкія укрѣпленія, и въ особенности гривицкій редутъ, пострадали таки достаточно.

— Еще нѣсколько дней будемъ подбивать мы гранатами, такъ поразрушимъ ихъ укрѣпленія, и атаковать будетъ не то, что 18-го іюля.

Всѣ были довольны результатомъ перваго дня артиллерійскаго боя; надежда на успѣхъ становилась какъ-то ослѣдательнѣе; на душѣ сдѣлалось легче. Ночь была тихая, теплая, только мракъ, зги не видать. Для насъ добыли свѣжей соломы, и, конечно, никогда никакой мягкой, пружинный тюфякъ не былъ такъ пріятенъ, какъ эта постель на свѣжемъ воздухѣ послѣ длиннаго дня, утомившаго насъ и физически, и еще болѣе нравственно. Отъ времени до времени въ теченіи всей ночи раздавались пушечные выстрѣлы, но я не думаю, чтобы кто-нибудь ихъ уже слышалъ. Всѣ спали здоровымъ, крѣпкимъ сномъ, успокоивавшимъ напряженные не въ мѣру нервы.

Около пяти часовъ утра на слѣдующій день мы были разбу-жены вновь начавшеюся музыкою перебрасываемыхъ гранатъ, и первыя минуты пробужденія не дали ничего пріятнаго. Мы взглянули на гривицкій редутъ и съ покоробившимъ насъ изумленіемъ увидѣли, что вчера нанесеннаго ему ущерба точно и не существовало. За ночь турки задѣлали всѣ поврежденія, и онъ опять стоялъ передъ нами въ своемъ вѣчномъ грозномъ видѣ, готовый переноситъ желѣзные удары всѣхъ нашихъ орудій.

Опять началась та же трескотня, опять всѣ слѣдили за полетомъ нашихъ гранатъ: не долетѣла, перелетѣла, попала,—и въ этомъ занятіи проходили цѣлыя часы. Однообразіе утомляло; монотонный свистъ надобдалъ; скука начинала одолевать; единственное развлеченіе — снова ѣхать на батареи. Я сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ молодого полковника, и мы на этотъ разъ отправились на лѣвый флангъ взглянуть, что тамъ дѣлалось. Тамъ дѣлалось то же, что и у насъ. Батареи обстрѣливали редуты, самый городъ, который съ одной изъ батарей можно было прекрасно видѣть. Иадали каждый турецкій городъ кажется красивъ — высокіе, стройные минареты всегда придаютъ красивый обликъ. Шлеива манила къ себѣ. Въ эти дни, кажется, общемою любимою мечтою было поскорѣй имѣть возможность пройтись по грязнымъ улицамъ этого городища. Монотонность артиллерійскаго боя нарушалась, впрочемъ, подчасъ трагическими случаями.

Одинъ изъ этихъ случаевъ, хотя и весьма обыкновенный, почему-то вѣзался въ мою память и особенно живо возстаетъ передо мною. Мы прѣехали на одну изъ батарей и застали всѣхъ людей, и офицера, и солдатъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ пораившаго ихъ удара. Трое артиллеристовъ, все офицеры, преспокойно вели между собою бесѣду, какъ граната ворвалась въ батарею, разорвалась, и въ одинъ мигъ сорвала половину черена у одного, у другого оторвала ногу, а третьяго осколкомъ только легко ранила. Одинъ изъ погибшихъ былъ совсѣмъ юный офицеръ, тѣшившійся только-что за десять минутъ передъ тѣмъ полученнымъ крестомъ и мечтавшій о томъ днѣ, когда онъ понадеетъ въ Петербургъ и съ гордостью покажетъ свой крестъ, полученный за храбрость. Мечтѣ его не суждено было сбыться; ее унесла турецкая граната. Но стбитъ ли останавливаться на такихъ случаяхъ, когда ихъ потомъ можно было насчитывать сотнями.

Пробѣдивъ нѣсколько часовъ, мы возвратились въ штабъ, гдѣ все было по-прежнему однообразно. Офицеры разбрелись въ различныя стороны, но группамъ въ два-три человека, на полетъ гранатъ ниго больше не обращалъ вниманія. Одни вели между собою бесѣду о совершенно постороннихъ войнѣ предметахъ; другіе, растанувшись на травѣ, отдыхали; третьи строили планы о заключеніи мира и возвращеніи домой. Можно было подумать, что артиллерійскій бой, жужжавшій въ ушахъ, нигого не касался, такъ мало обращалось на него вниманія. Только отъ времени до времени слышались слова:

— Хоть бы конецъ поскорѣй! атака — и шабашъ!

Въ то время, когда мы меньше всего помышляли о какой-нибудь неожиданности, вдругъ совершенно дѣствительно послышалась безостановочная трескотня. Въ этой трескотнѣ бывалые люди тотчасъ признали учащенную ружейную пальбу. Отдѣльныхъ звуковъ нельзя было разобрать, это былъ одинъ сплошной продолжающійся звукъ провзительной трещотки.

Въ одну секунду всѣ столпились въ лучу и у всѣхъ вырвался одинъ вопросъ: это что? гдѣ началась стрѣльба? Какое-то волненіе охватило всѣхъ присутствовавшихъ; всѣ наострали уши и стали прислушиваться, откуда, съ какой стороны раздается ружейная пальба, гдѣ завязалось внезапно дѣло. Вниманіе тѣмъ болѣе было напряжено, что никто не ожидалъ ничего подобнаго; всѣ знали, что артиллерійскій бой долженъ продолжаться еще нѣсколько дней, пока орудійный огонь не подготовитъ какъ слѣдуетъ атаку, т. е. до нѣвѣстной степени не разрушить мастер-

смихъ земляныхъ укрѣпленій, созданныхъ искусствомъ Османнаши. Опредѣлить съ-разу, гдѣ завязался бой, было довольно мудро, такъ какъ линія нашего расположенія была страшно вытянута, захватывая болѣе нежели пятнадцати-верстовое пространство.

— Турки перешли въ атаку!— вотъ первая мысль, которая блеснула у многихъ.

— Дѣло завязалось на лѣвомъ флангѣ, ружейная пальба слышится въ томъ направленіи!— рѣшили компетентные люди.

— Должно быть, что Скобелеву не терпится, онъ вѣрно впутался!

Тотчасъ же корпусный командиръ сѣлъ на лошадь, и весь штабъ, въ сопровожденіи полсотни казаковъ, поскакалъ по направленію къ лѣвому флангу. Мы спустились съ высоты, на которой стояли и, сдѣлавъ три-четыре версты, остановились на небольшой полянѣ, откуда удобнѣе было наблюдать за тѣмъ, что будетъ происходить далѣе. Турки лишь только замѣтили довольно густую группу, тотчасъ салютовали насъ нѣсколькими гранатами. Всѣ онѣ упали, не причинивъ никакого вреда, ни одна изъ нихъ не разорвалась. Но теперь на эти гранаты никто не обращалъ вниманія; всѣ заняты были одною мыслию, что дѣлается тамъ, на лѣвомъ флангѣ: завяжется ли серьезное дѣло или вся тревога ограничится непродолжительною перестрѣлкою. Мы стояли на мѣстѣ уже болѣе получаса, а ружейный огонь не только не умолкалъ, но становился, казалось, все злѣе. Генералъ Брюднеръ тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ узнать въ чемъ дѣло; мы прождали довольно долго, прежде чѣмъ кто-нибудь вернулся съ отвѣтомъ. Наконецъ, прискакалъ казакъ, посланный ординарцемъ, съ вѣточкомъ бумаги, въ второмъ томъ сообщалъ, что онъ встрѣтилъ какого-то офицера съ лѣваго фланга, передававшего ему, что Скобелевъ съ развернутыми знаменами идетъ на Плевну.

— Что за вздоръ, быть не можетъ!— раздалось почти вдругъ, и дѣйствительно такому извѣстію никто не могъ довѣрять ни одной минуты.

Мыслимо-ли и въ самомъ дѣлѣ, что недобное что-либо могло произойти, и корпусный командиръ не былъ бы о томъ предувѣдомленъ.

Учащенная пальба между тѣмъ все продолжалась, и мы попрежнему въ нерѣшительности, въ неизвѣстности стояли на полянѣ. Наконецъ, ружейный огонь сталъ стихать и совсѣмъ пре-

вратился. Мы простояли еще нѣсколько минутъ и поѣхали обратно, стараясь отгадать, что тамъ произошло.

— Скажите пожалуйста,—спрашивалъ я по своей наивности,—неужели это всегда такъ бываетъ, что корпусный командиръ, лицо, слѣдовательно, весьма важное въ арміи, остается въ неизвестности, гдѣ что происходитъ? Развѣ ему не должны были немедленно дать знать, что въ такомъ-то мундѣ завязалось дѣло?

— Вѣроятно, и пошлютъ сказать; можетъ завтра, а не то послѣ-завтра и узнаемъ.

— Правда, я ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ, но мнѣ кажется какъ-то странно, чтобы корпусный командиръ не былъ немедленно увѣдомленъ о всякомъ происходящемъ дѣйствіи! Вѣдь согласитесь, что изъ этого можетъ выйти такая неурядица, которая дурно отзовется на ходъ дѣла.

— Совершенно согласенъ, что этого не должно было бы быть, но что вы прикажете; у насъ все вѣдь такъ, кто въ лѣсъ, кто по древа.

— Да развѣ это такъ трудно сдѣлать.

— И не легко. Какъ же вы хотите! завязалась перестрѣлка на одномъ флангѣ, о другомъ никто не помышляетъ; ну, потомъ вспомнить и приплатить когонибудь сказать, что вотъ произошло такъ и такъ, да и то если заблагоразсудится.

— Да развѣ вся линія нашихъ войскъ не соединена телеграфомъ?

— Какъ видите, нѣтъ!

— Почему же?

— Да, вѣроятно, полагаютъ, что лишнее, авось и безъ телеграфной проволоки обойдемся. Столбиковъ и проволокъ много, конечно, такъ какъ денегъ на нихъ отпускается вдоволь, но, вѣроятно, они гдѣнибудь сложены въ кучу; куда еще хлопотать, разставлять; а впрочемъ кто знаетъ, можетъ быть, нѣтъ ни столбиковъ, ни проволокъ, а деньги, отпускаемыя на нихъ, сложены въ чьемъ-нибудь карманѣ.

— Полноте, какъ это возможно!

— Да вы поприглядитесь поближе, такъ увидите, что и не то еще у насъ возможно.

Основателемъ или возобновителемъ былъ такой пессимизмъ, я не берусь рѣшать; для меня ясны были только два факта; первый тотъ, что растянутая на десятки верстъ армія не была соединена телеграфной проволокой, и второй тотъ, что никто не считалъ себя обязаннымъ увѣдомлять такую крупную единицу

въ арміи какъ корпуснаго командира, стоящаго на правомъ флангѣ, о томъ, что совершается на разстояніи нѣсколькихъ верстъ на лѣвомъ.

Только что мы возвратились на мѣсто и улеглись спать, не прошло и часа, какъ въ томъ же направленіи послышалась опять та же учащенная ружейная пальба, возобновившаяся, повидимому, съ новою силою. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ мы снова были уже на лошадяхъ. Тьма была кромѣшная, лошади пугались на каждомъ шагу, и мы медленно стали спускаться съ высоты, но не успѣли выѣхать на дорожку, какъ трескотня прекратилась и все замолкло.

— Ну, должно быть всю ночь насъ не оставятъ въ покоѣ, — замѣтилъ это-то. Но предсказаніе не исполнилось, и мы до разсвѣта покоились на нашемъ первобытномъ мѣстѣ.

На другой день только мы узнали, что причиною двухъ вспышекъ, смутившихъ нашъ покой, было желаніе нѣсколько выдвинуться впередъ на лѣвомъ флангѣ, но это желаніе пришлось не по нраву туркамъ, и они каждый разъ открывали сильный ружейный огонь. Третій день артиллерійскаго боя прошелъ для насъ безъ всякихъ сюрпризовъ, вездѣ, повидимому, было спокойно и тихо. Но это спокойствіе какъ-бы усиливало нетерпѣніе, и каждый въ это время носился только съ одною думою: скорѣй, скорѣй бы окончился этотъ кошмаръ-Плевна! Незвѣстность будущаго, сомнѣніе въ успѣхѣ начинало все болѣе и болѣе тревожить. Всѣмъ какъ-то прискучили методичные орудійные выстрѣлы, артиллерійскій бой утомлялъ, монотонность ожиданія разнообразились только, тѣмъ, что то съ одной, то съ другой батареи приносили печальныя извѣстія о смерти то того, то другого офицера.

И что замѣчательно — чѣмъ дальше длился артиллерійскій бой, тѣмъ болѣе спадала первоначальная увѣренность въ несомнѣнномъ успѣхѣ. Отчего же это происходило? Оттого ли, что мы ясно видѣли, что наши орудія не причиняютъ почти никакого ущерба туркамъ, что все то, что мы разрушали за-день, за-ночь ими приводилось въ порядокъ. Три дня мы обстрѣливали турецкія укрѣпленія и почти безъ всякаго результата.

— Мы тратимъ только напрасно шрапнель и гранаты, успѣха никакого, — вырывалось у болѣе нетерпѣливыхъ, — такъ, очевидно, мы ничего не добьемся, наши батареи дурно расположены, артиллерійскій огонь не достигаетъ цѣли!

— Подождите, — говорили другіе, — на-обумъ атаковать нельзя; если начать артиллерійскій бой, то онъ долженъ быть до-

веденъ до конца, т.-е. до тѣхъ поръ, пока явится, наконецъ, возможность повести атаку съ увѣренностью въ успѣхъ.

— А если нужно будетъ для этого десять дней!

— Ну, что-жъ, пусть лучше десять дней! только бы прокъ былъ, а то, пожалуй, еще разъ повторится 18-е іюля; у насъ вѣдь все на авось!

— Теперь-то ужъ кажется не на-авось; вотъ три дня обстрѣливаемъ ихъ, а результатъ гдѣ?

Во всѣхъ подобныхъ разговорахъ выражалось только одно— опасеніе пораженія и неувѣренность въ собственныхъ силахъ.

Быть можетъ, существовала и другая причина упадка увѣренности, кромѣ отсутствія видимыхъ результатовъ трехдневнаго артиллерійскаго боя; причина эта заключалась въ томъ, что нигдѣ и ни въ чемъ не чувствовалось руины, которая бы управляла всѣмъ дѣломъ, такъ что невольно каждый задавался вопросомъ: да кто же, наконецъ, командуетъ въ эту минуту, когда вся Россія съ трепетомъ ожидаетъ извѣстія объ исходѣ началаго боя? и врядъ ли можно было сыскать человѣка, который далъ бы отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не князь же румынскій въ самомъ дѣлѣ, котораго никто, какъ говорится, можетъ быть и совсѣмъ напрасно, не бралъ au serieux. Недовольство главнымъ штабомъ было всеобщее. Я не возьму, конечно, на себя утверждать справедливость того, что высказывалось громко и единогласно, но высказывались серьезныя обвиненія. Главный штабъ упрекали въ бездѣятельности, въ небрежности, въ необдуманности плана, котораго никто не понималъ. Еще разъ повторю, было ли это справедливо или нѣтъ, не знаю; быть можетъ, въ этомъ рѣзкомъ осужденіи играла значительную роль естественная раздражительность, вызванная рядомъ неудачъ, но лично для меня, не посвященнаго въ тайны военнаго дѣла, было совершенно ясно то, что среди арміи, окружавшей Плевну и готовившейся къ атакѣ, господствовала дѣйствительно какая-то неурядица. Не было, что называется, головы дѣла, каждый— самъ по себѣ. Постоянно въ теченіи нѣсколькихъ дней находясь при штабѣ 9-го корпуса, я былъ пораженъ тѣмъ положеніемъ, въ какое былъ поставленъ корпусный командиръ. Никто ему ничего не говорилъ, его ни о чемъ не спрашивали, ни разу его не приглашали въ эти дни на какой-нибудь военный совѣтъ, онъ ничего не знаетъ, что дѣлается кругомъ, ему никто не сообщаетъ о томъ, что творится въ другихъ мѣстахъ расположенія войскъ, о тѣхъ переменахъ, которые могли и дѣйствительно происходили въ другихъ частяхъ.

Мы издали подъ-часъ видѣли, что происходитъ какое-то пере-

движеніе войскъ, но объ этихъ передвиженіяхъ нѣкоторыхъ частей, бригадъ или полковъ корпусный командиръ зналъ не больше, чѣмъ и всѣ мы, простые смертные. Ему, какъ и всѣмъ остальнымъ, предоставлялось догадываться, что тамъ на лѣвомъ флангѣ мы выдвинулись впередъ, или турки отѣснили насъ, но никто не считалъ себя обязаннымъ увѣдомлять его о каждомъ происходящемъ движеніи, дѣйствіи или распоряженіи. Если одинъ корпусный командиръ находился въ такомъ положеніи, то не было основанія предполагать, чтобы и другіе были въ лучшемъ. Отъ этого или отъ чего другого, но вездѣ замѣчалась какая-то вялость, апатія; отсутствовала та энергія, которая всѣхъ возбуждаетъ, воодушевляетъ и заставляетъ вѣрить въ успѣхъ. А безъ такой вѣры половина дѣла проиграна уже напередъ.

При такихъ условіяхъ наступилъ и четвертый день рѣшительной борьбы. По-прежнему наши батареи обстрѣливали турецкія укрѣпленія, по-прежнему же турки на каждую нашу гранату посылали свою отвѣтную. Замѣтимъ мы, что съ какого-нибудь турецкаго редута перестали отвѣчать, мы торопимся радоваться.

— Вонъ тотъ редутъ больше не отвѣчаетъ: должно быть, мы подбили у нихъ всѣ орудія.

Но проходить часъ или еще меньше, и изъ подбитыхъ, казалось, орудій снова летятъ въ намъ гранаты. И быстро радость смѣняется уныніемъ.

— Только даромъ время да гранаты тратимъ, — слышится голосъ, — а солдаты такъ совсѣмъ замучились!

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней быть постоянно, что называется, на чеку, ожидать каждую минуту услышать: атака! иными словами, въ продолженіи нѣсколькихъ дней ожидать приказа идти на смерть и быть готовыми къ ней — не каждому по плечу! И нельзя было не удивляться и не чувствовать уваженія къ русскому солдату, относившемуся съ невозмутимымъ спокойствіемъ въ своему положенію, ни мало не роптавшему на свою судьбу и продолжавшему, несмотря на всѣ неудачи, съ гордостью, увѣренностью смотрѣть на будущее. Одни солдаты только и вѣрили, кажется, въ свою собственную несокрушимую силу. Иарѣдка только то у одного, то у другого вырывались слова: эхъ, поскорѣй бы въ дѣло!

До «дѣла» было уже недалеко.

Въ этотъ день мы покинули ту высоту, на которой провели трое сутокъ. Командиру 9-го корпуса было отдано приказаніе

перенести свой штабъ и нѣкоторыя части находившагося въ его распоряженіи войска ближе къ лѣвому флангу.

«Къ чему, зачѣмъ дѣлается это передвиженіе, — говорили между собою офицеры — вѣдь никакого измѣненія не произошло?»

И отсюда слѣдовалъ прямой выводъ: значить, первоначально не было строго-обдуманнаго плана, какъ дѣйствовать, — значить, существуетъ колебаніе. А возможность подобныхъ выводовъ, я не могъ въ этомъ не убѣдиться, дѣйствуетъ крайне-деморализующимъ образомъ. Строгая обдуманность плана, рѣшительность и энергія — вотъ существенныя условія успѣха. Но, увы! ни одного изъ этихъ условій не существовало въ тѣ печальные дни.

Около трехъ часовъ мы тронулись съ первоначальной позиціи. Погода становилась пасмурная, — небо хмурилось, набѣжавшія тучи грозили дождемъ, который въ вечеру и разразился съ невѣроятною силою. Холодный ливень усилилъ всеобщее дурное расположеніе духа. Укрыться отъ него было нѣкуда, — волей-неволей пришлось смириться и безпощадно мокнуть. Скверная погода вообще не располагаетъ людей къ веселью, но скверная погода, холодный падающій дождь, когда люди стоятъ на позиціяхъ, приводитъ просто въ негодованіе. Палатокъ въ то время ни у кого не было, — оставалось закутаться во что только нашлось у каждаго и постараться уснуть на промокшей травѣ. Въ этотъ день улеглись всѣ чуть только наступилъ вечеръ. Мы узнали, что на-завтра, т.-е. 30-го августа, назначена была общая атака.

— Ну, что? — я говорилъ вамъ, что сраженіе будетъ дано 30-го, — кто же правъ?

— Правы-то вы, а все-таки я повторяю, что это не ладно, отвѣчалъ другой. Какой же, спрашивается, былъ смыслъ въ артиллерійскомъ боѣ, если они рѣшаются атаковать, ничего, въ сущности, не подготовивъ орудійнымъ огнемъ?

— Ну, ужъ и это не нашего ума дѣло: про то начальство знаетъ, а я какъ говорилъ, что дѣло будетъ тридцатаго, — такъ по-моему и вышло.

И нужно сказать при этомъ, что громадное большинство въ арміи было увѣрено точно также, что атака произойдетъ 30-го, — вѣроятно, и турки увѣрены были въ томъ не меньше.

Вечеромъ 29-го, въ штабъ была получена диспозиція на слѣдующій день. Съ ранняго утра должна начаться усиленная канонада, отъ одиннадцати часовъ до часа, если не ошибаюсь, затишье, съ часа до трехъ опять усиленная канонада — и, наконецъ, въ три часа общая атака по всей линіи. Съ трепетомъ

читали всё эту диспозицію, дума о завтрашнем днѣ никому не давала покоя — и рѣдко, я думаю, у кого такъ билось сердце, какъ у тѣхъ, которые стояли теперь противъ Плевны въ ожиданіи рѣшительной минуты.

Невеселую ночь провели мы съ 29-го на 30-е августа. Холодно, дождь продолжаетъ лить, образуя на соломахъ, травѣ, гдѣ мы приотились, цѣлыя лужи. Вода пробирается до самаго тѣла, сапоги разбухаютъ, — боишься пошевелиться, а природа все-таки беретъ свое, и вась клонитъ ко сну. Около четырехъ часовъ утра всё, холодные, мокрые, были уже на ногахъ. Разговоръ не клеился, каждый слонялся изъ стороны въ сторону, нервное напряженіе достигло, повидимому, своего крайняго предѣла. Съ минуты на минуту мы ждали услышать трескъ усиленной канонады, — назначенный для нея часъ уже наступилъ, но усиленная канонада не начиналась.

— Немножко запоздали, — вотъ сейчасъ начнется!

Но проходитъ полчаса, часъ, а усиленной канонады все нѣтъ. Раздаются время отъ времени орудійные выстрѣлы, но они раздаются не только не чаще, но, пожалуй, рѣже, чѣмъ въ предшествующіе дни.

— Что это значить? — ужъ не переимѣнена ли диспозиція?

Но нѣтъ, — корпусный командиръ ни о какой переимѣнѣ не былъ извѣщенъ. Нетерпѣніе возрастаетъ, — ожиданіе становится тревожно: за каждымъ пушечнымъ выстрѣломъ ждешь немедленно другого, третьяго, — надѣешься услышать, наконецъ, грозный гулъ всѣхъ орудій, но время идетъ, а желаннаго теперь гула все нѣтъ, и, по-прежнему, только слышится сравнительно рѣдкое шипѣніе вылетающихъ гранатъ.

Наконецъ, выстрѣлы совсѣмъ какъ-бы прекратились, и наступило затишье. Усиленной канонады такъ и не было. Среди тишины вдругъ мы услышали неистовый, съ каждой секундой все усиливавшійся ружейный огонь. Сомнѣнія не могло быть никакого. Дѣло завязалось на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Онова всеобщее смущеніе.

— Что же это, наконецъ? — вѣдь атака назначена въ три часа, а теперь еще нѣтъ одиннадцати! Что они дѣлаютъ?

Но до разсужденій ли было въ эту минуту.

— Вѣдь нужно однако знать, — можетъ быть, мы должны будемъ тотчасъ втануться въ дѣло!

Люди терялись, не зная, что предпринять. Одинъ изъ ординарцевъ поскакалъ къ генералу Зотову. Ожидать, въ неизвестности, что совершается въ эту минуту, было болѣе, чѣмъ жутко.

Дѣло завязалось въ отрядѣ князя Имеретинскаго, но кто атаковалъ: турки ли перешли въ наступленіе, или наши вынуждены были ринуться въ бой,—никто, конечно, не зналъ въ эту минуту.

— Поѣдемъ на лѣвый флангъ, что здѣсь ждуть, — сказалъ мнѣ мой неизмѣнный въ эти дни спутникъ—и мы въ ту же секунду поспѣвали въ сторону, откуда доносилась раздражающая музыка ружейнаго огня.

По дорогѣ мы встрѣтили штабъ генерала Зотова, командовавшаго въ этотъ день всѣми боевыми силами. Генералъ Зотовъ стоялъ съ своимъ штабомъ на возвышенномъ мѣстѣ, но отсюда, какимъ бы совершеннымъ биноклемъ или трубой ни былъ вооруженъ человекъ, ничего нельзя было видѣть. Туманъ, перемѣшавшійся съ дымомъ застилалъ все кругомъ. Мы остановились, чтобы разузнать въ чемъ дѣло, но и здѣсь никто ничего положительнаго не могъ намъ сказать. Одинъ говорилъ, начали турки; другой утверждалъ, начали наши; видимо было, что въ штабѣ генерала Зотова не было еще точныхъ извѣстій.

— Боюсь я, что добра не будетъ.

— Почему?

— Да вы развѣ не видите, — договаривалъ полковникъ, — что всѣ они растерялись, точно въ воду опущенные.

Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, производилъ штабъ генерала Зотова. Трудно, разумѣется, передать, въ чемъ выражалась эта растерянность, но она колола глаза. Во всемъ чувствовалась какая-то робость и вялость. Можетъ быть, впрочемъ, я и ошибаюсь, но такое именно впечатлѣніе испытывалъ какъ я, такъ и почти всѣ тѣ, съ которыми случилось тогда говорить.

Въ штабѣ генерала Зотова я встрѣтилъ случайно одного полковника генеральнаго штаба.

— Что это, полковникъ, — обратился я къ нему, — диспозиція-то совсѣмъ не выполняется.

— А въ чемъ?

— Да какъ же? въ диспозиціи было сказано до 11 часовъ утра усиленная канонада, а въ дѣйствительности ея не было.

— Да мы съ кѣмъ воюемъ? — прервалъ онъ меня неожиданнымъ вопросомъ.

Турецкія гранаты отвѣчали за меня.

— Ошибиться трудно.

— А вотъ въ томъ-то и дѣло, что ошибаетесь, мы не съ турками воюемъ, а съ артиллерійскимъ управленіемъ: у насъ не хватаетъ снарядовъ!

Богѣе я не разспрашивалъ, для меня сдѣлалось совершенно

ясно, отчего диспозиція не была выполнена и не слышалась усиленная канонада.

И это была не шутка, а горькая дѣйствительность: снаряды не были подвезены въ достаточномъ количествѣ, и ихъ не хватало.

— Куда намъ воевать!—со злобою произнесъ мой спутникъ, слышавшій этотъ разговоръ.

— Если мы разобьемъ турокъ, то развѣ только грудью нашего солдата,—добавилъ одинъ офицеръ, стоявшій вольѣ насъ.

Мнѣ нечего говорить, въ какомъ настроеніи мы отъѣхали отъ штаба генерала Зотова, продолжая нашъ путь. По красивѣйшей дорогѣ, по горамъ, ложбинамъ, ущельямъ, проѣхали мы на крайній лѣвнй флангъ, но далеко еще не доѣзжая до мѣста сраженія, намъ стали попадаться на встрѣчу плетущіеся раненные. Одинъ изъ нихъ шелъ съ окровавленнымъ лицомъ, и вся одежда его, пропитавшись кровью, получила багровый цвѣтъ. Другой плелся еле-еле, таща свою прострѣленную ногу, и каждый шагъ, который онъ дѣлалъ, сопровождался мучительнымъ стономъ. Третій едва слышно произнесъ въ ту минуту, когда мы проѣзжали: гдѣ лазаретъ? и опустился на землю, истекая кровью... И потянулась затѣмъ длинная вереница раненныхъ, разбредшихся въ разные стороны, отыскивая перевязочный пунктъ.

Это была первая тяжелая минута близъ поля сраженія, и этой минуте не забыть тому, кто разъ ее пережилъ. И сколько было подобныхъ минутъ! Вотъ еще раненные, еще и еще! и скоро вы теряете счетъ и стараетесь не смотрѣть на эти страдальческія лица и не слышать этихъ мучительныхъ стоновъ!

Но все это было ничто въ сравненіи съ тою картиною, которая представилась намъ черезъ четверть часа, когда мы ближе подъѣхали къ мѣсту сраженія. Картина эта была картиною смерти! Иначе нельзя ее назвать. Выѣхавъ изъ оврага, за которымъ открывалось уже поле сраженія, я увидѣлъ нѣсколько линеекъ «Краснаго Креста», около которыхъ толпились народъ съ носилками. Къ этимъ линейкамъ и фургонамъ тянулись или, вѣрнѣе, ползли раненные. Одинъ двигается, и изъ груди у него вырываются потрясающіе васъ стоны, другой ползетъ, лежа почти на животѣ, третьяго съ поднятою ногою поддерживаютъ двое солдатъ, причемъ у одного изъ нихъ течетъ кровь изъ руки. Но эти еще болѣе счастливые, они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ еще возможность двигаться. А вотъ носилки, и окровавленные, и на нихъ лежитъ какая-то масса, въ которой трудно признать человѣческое существо. Рядомъ другія носилки, но вы видите только голову съ открытыми,

но закатившимися глазами, на лицѣ нѣтъ кровинки, на тѣлѣ наброшенъ кусокъ холста. Не слышно звука, не видно движенія. На пути онъ успѣлъ ужь скончатъся. Санитары тащутъ мертвеца. Вся дорога усыяна ранеными, множество валяется на дорогѣ; они выгѣвали сами изъ огня, но силы измѣнили имъ, и они повалились какъ пласты. Солдаты и санитары суетятся, бѣгаютъ, но подобрать всѣхъ не въ силахъ, раненыхъ прибавляется все больше и больше, и вы не можете сдѣлать шага, чтобы не слышать страдальческихъ стоновъ. А тутъ еще дождь льетъ какъ изъ ведра, по дорогѣ образовались лужи; сыро, холодно, и въ этой грязи, слякоти примѣшивается кровь раненыхъ, на многія лица которыхъ смерть близкая, неминуемая, наложила уже свое грозное клеймо. Среди этой полумертвой, полуживой толпы скачутъ офицеры, адъютанты, ординарцы, все и всѣ въ попыхахъ, тащутъ артиллерійскіе ящики, двигаются впередъ посланные батальоны... въ глазахъ рабѣть невообразимый, но устрашающій хаосъ, сопровождаемый аккомпаниментомъ терзающихъ звуковъ ружейнаго огня. Боле раздражающаго нервы, чѣмъ этотъ ружейный огонь, кажется, ничего не существуетъ на свѣтѣ. Онъ не дастъ вамъ ни одной секунды отдыха, онъ пронизываетъ все ваше существо; вамъ кажется, что вы были бы счастливы, если бы онъ хоть на минуту приостановился; но онъ не даетъ пощады, и вамъ подъ вонецъ чудится, что эта трескотня, безъ малѣйшей паузы, происходитъ въ вашемъ собственномъ организмѣ.

Вы ѣдете дальше, картина все та же, но вы начинаете уже относиться къ ней какъ-то бессознательно. Вы смотрите и не видите. Убитая лошадь, валяющаяся по дорогѣ, разбитый артиллерійскій ящикъ, истекшій кровью солдатъ — все это перепутывается вмѣстѣ. Нервы ваши начинаютъ мертвоѣть.

И среди этого хаоса въ вашихъ ушахъ раздаются отдѣльныя фразы, брошенныя на-лету.

— Наши потери громадны, идетъ третья тысяча! двѣ атаки отбиты!

— Онъ убитъ! бѣдняга, только-что подѣхалъ къ цѣпи.

— А что дѣлается тамъ, на правомъ флангѣ?

— Охъ! помогите! не могу! — раздается рядомъ стонъ смертельно раненаго, на котораго никто не обращаетъ вниманія.

И все это точно также переплетается между собою, вы запоминаете слова, но не понимаете смысла. Голова кружится, сердце бьется бодрѣннѣе скоро, во рту пересыхаетъ, горло сдавливаются! И внутри васъ опять раздаются слова.

— Поѣдемъ въ цѣль, право нестрашно! смотрите: пуля пробила козырекъ, меня не тронула.

— Посторонитесь! не толкните!

Опять носильщики, опять плетутся раненные, опять стоны, еще и еще кровь!

— Да когда же конецъ! Война! проклятіе тебѣ!—невольна вырывается изъ груди.

Смерть торжествуетъ кругомъ, но живые требуютъ своего, и среди этого моря крови и хора стонѣвъ вы видите группу нѣсколькихъ человѣкъ, которая жадно набросилась на кусокъ захваченнаго кѣмъ-то съ собою сыра.

— Хотите сыру?

— Хочу.

Смерть, кровь, стоны окружаютъ васъ, а жизнь продолжаетъ идти своимъ чередомъ.

Уйти отсюда, убѣжать, чтобы ничего не видѣть и ничего не слышать, говоришь самому себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ тянетъ остаться, тянетъ дальше, поближе къ тѣмъ, которые падаютъ подъ градомъ вражескихъ пуль.

А впереди ничего не было видно, точно опущена была тяжелая, густая, дымовая завѣса, за которою слышалось только адское жужжаніе пуль. За эту завѣсу уходили люди здоровые, сильные, бодрые, и черезъ нѣсколько минутъ возвращались окровавленные, истерзанные, несчастные. А многіе, цѣлыя тысячи вышли на страшную арену и никогда болѣе не возвращались отсюда!

Нѣтъ художника, который былъ бы въ силахъ воспроизвести эту картину, нѣтъ пера, которое способно было бы дать хотя приблизительное понятіе объ этомъ праздникѣ, объ этой вакханаліи смерти.

Былъ уже четвертый часъ дня, атака должна была идти по всей линіи.

— Поѣдемъ назадъ, посмотримъ, что дѣлается у насъ!

«У насъ»—это былъ правый флангъ, 9-ый корпусъ.

При нашемъ возвращеніи, картина, представившаяся глазамъ, была, если возможно, еще страшнѣе, еще ужаснѣе. Тамъ, гдѣ были десятки раненныхъ, теперь были сотни, гдѣ были сотни, теперь тысячи. Я не могу передать читателю той массы потрясающихъ подробностей, которыя дѣлаютъ общее впечатлѣніе еще болѣе жгучимъ, еще болѣе ошеломляющимъ. Дорога несвободна, лошадь идетъ шагомъ, и что ни минута, то остановка. То шагъ путь загоразиваетъ какою-нибудь фургономъ, и тутъ же, немного

изъ сторонѣ, лежитъ убитый офицеръ, прикрытый чѣмъ-то чернымъ. Друзья вынесли его съ поля сраженія. То васъ останавливаетъ линейка «Краснаго Креста»; около нея чего-то суетится медицинскій студентъ, все платье его забрызгано кровью, и на лезъ самомъ лица нѣтъ, видимо онъ такъ замученъ, что ничего ужъ не разбираетъ. Внутри линейки ничего не видно, она закрыта, но оттуда доносятся еле-слышныя вздохи, стоны, хрипѣніе. Куда ни обернешься, отовсюду жизнь убѣгаетъ и подступаетъ смерть.

Дорога была длинная, замученныя лошади едва двигались, и когда мы подъѣхали къ правому флангу, уже совсѣмъ стемнѣло. По пути попадаетъ знакомый ординарецъ командира 9-го корпуса.

— Что у насъ новаго?

— Плохо, атака отбита!

Немного дальше летитъ въ карьеръ другой офицеръ и на-лету бросаетъ крикъ:

— Гривницкій редутъ взять!

Кому вѣрить—не знаешь, но ничто уже болѣе васъ не волнуетъ, точнѣе находить на васъ какой-то столбикъ. «Взять», «не взять», въ головѣ все путается и какъ-то все кругомъ становится безразлично. Умъ больше не работаетъ, а чувство притупѣло.

На правомъ флангѣ было затишье. Но чтѣ оно означало, доброе или дурное, въ ту минуту въ этомъ нельзя было отдать себѣ отчета. Да и было ли еще затишье? Въ этотъ пасмурный, дождливый и холодный день ночь наступила быстро. Мы спустились съ высоты, свернули на большую дорогу и направились къ дивизионному лазарету. Если что-либо могло на время заставить забыть прошедшую передъ глазами картину, если что-либо способно было вывести изъ нравственнаго оцѣпенѣнія, нагнаннаго на васъ видомъ поля сраженія, то, конечно, то, еще болѣе потрясающее, зрѣлище, которое представилось намъ на перевязочномъ пунктѣ.

Выѣхавъ на большую дорогу и привыкнувъ къ мраку, я сталъ различать медленно двигавшіяся человѣческія фигуры, и, если бы дорога даже не оглашалась стонами, то сердце подсказало бы, кто были тѣ измученные, измученные, истекающіе кровью люди, которые двигались по дорогѣ къ перевязочному пункту. На каждомъ шагѣ попадались фургоны. Не нужно было спрашивать, кого или чтѣ везутъ? Слабые крики говорили громко за себя. Лошадь моя нѣсколько разъ спотыкалась, встрѣчая на землѣ лежащихъ солдатъ, которые не могли двигаться далѣе. Почти часъ

нужно было употребить, чтобы сдѣлать полторы или двѣ версты и достигнуть, наконецъ, перевалочнаго пункта, но лучше, кажется, было бы и не достигать его.

Ошибиться, что тутъ именно перевалочный пунктъ, не было возможности. Масса людей, гулъ, стоны, крики: сюда, вносите, идите далѣе, тутъ нѣтъ мѣста! наполняли собою воздухъ. Тьма крѣпшная! пробѣжить какая-то фигура съ фонаремъ и на секунду освѣтить всю эту толпу людей, эти носилки, эти фургоны съ ранеными, которые подвозили одинъ за другимъ. Я слѣзъ съ лошади и направился въ палатку. Я не стану и стараться передать то впечатлѣніе, которое испытываетъ человѣкъ, опускаясь въ эту преисподнюю. Всякая передача будетъ блѣдна и ничтожна. Небо въ этотъ разъ, кажется, сговорилось съ людьми, чтобы сдѣлать эту картину, и безъ того страшную, еще болѣе ужасающую. Грязь, слякоть, дождь, холодъ, ноги то възнуть, то свользишь и падаешь, не видно ни единой звѣзды; и среди этой-то грязи, слякоти, стужи, масса раненыхъ окружаютъ палатки, толкуются, падаютъ, вскрикиваютъ отъ невыносимой боли. Мучительный стонъ наполняетъ собою воздухъ. Вѣтеръ колышетъ полотняныя стѣны палатокъ, дождь смачиваетъ ихъ. Холодная струя воздуха врывается со всѣхъ сторонъ. Раненые густою толпою стоятъ у входа въ палатку, стараются протиснуться туда, закрываютъ раны, наступаютъ на окровавленныя ноги, хватаются за прострѣленныя руки.

— Бога побойтесь! пособи́те!—стонеть одинъ.

— Ваше благородіе! нельзя ли перевязать, всё кости разбито!—жалуется другой.

— Приберите хоть его-то!—просить одинъ раненный, указывая на товарища, лежащаго въ грязи, подъ дождемъ, съ открытою грудью, изъ которой течетъ кровь.

Этотъ уже ничего не говоритъ, онъ полулежитъ, покусидить безъ движенія. Еще нѣсколько минутъ, и страданія его прекратятся.

И такъ не одинъ, не два, не десятей людей. Кругомъ всѣхъ палатокъ подъ дождемъ, на холоду валяются сотни истекающихъ кровью. Внутри палатки картина еще страшнѣй, волосы становятся дыбомъ. Вся она биткомъ набита народомъ; прохода нѣтъ, нужно тиснаться, и тиснаться среди раненыхъ, наступая на окровавленныя ноги, толкая въ руки, у которыхъ кости раздроблены. Каждую секунду раздаются невыносимые крики. Доктора накладываютъ повязки, среди толкотни производятъ операціи. Всего не хватаетъ. Медики, сестры, студенты, выбились изъ силъ. На

носилахъ, на полу валяются раненные, всѣ члены ихъ окоченѣли, многіе въ забытіи, и только когда наступитъ кто-нибудь на рану, слышится бессознательное оканіе.

— Пропустите! дайте дорогу!—кричатъ двое студентовъ, которые несутъ на рукахъ раненаго солдата, но пропустить нельзя: давя, всѣ толкаютъ другъ друга и крики, мучительные крики раздаются во всѣхъ углахъ.

— Гдѣ санитары?—зоветъ докторъ, —унесите его, онъ умеръ.

Вы проходите мимо, зачѣмъ-нибудь васъ послали, васъ останавливаютъ на пути.

— Подержите эту ногу.

Вы берете окровавленную ногу, раненый кричитъ, а хирургъ что-то ворочаетъ въ ранѣ, стараясь вытащить пулю.

— Ваше благородіе! нельзя ли пропустить въ операционную, полковникъ, тяжело раненый.

Втискиваютъ носилки. Вы присматриваетесь и узнаете человека, котораго нѣсколько часовъ назадъ видѣли здоровымъ, полнымъ силъ.

— Это Шлитеръ, командиръ архангелогородскаго полка!

Профессоръ осматриваетъ рану, прикладываетъ компрессъ.

— Унесите, рана смертельная.

Но выносить некому. Онъ не умеръ еще, раздается хрипѣніе.

Подойдетъ кто-нибудь, вы берете вдвоемъ носилки, выносите, но силъ не хватаетъ, ноги скользятъ по слякоти, вы спотыкаетесь, носилки выпадаютъ.

— Отнесите полковника въ офицерскую палатку.

Является помощь, и вы несете его въ офицерскую, но и тамъ все полно: вы втискиваете носилки съ умирающимъ человекомъ между двухъ другихъ носилокъ, на которыхъ лежатъ два молодыхъ офицера, раненныхъ, повидимому, сравнительно легко, и оставляете. Тѣла ихъ соприкасаются, съ минуты на минуту онъ долженъ скончаться. Живые лежатъ рядомъ съ трупомъ.

Вы становитесь безчувственнымъ. Вы ходите, толкаете раненныхъ, слышите стоны, кровь кругомъ васъ, но вамъ уже все равно; вы не испытываете больше никакихъ ощущеній, для васъ не существуетъ больше людей, страданія не трогаютъ, вы окаменѣли, превратились въ машину, готовую исполнять только то, что вамъ скажутъ.

А тутъ же, рядомъ съ этою палаткою, раскинута другая; сюда собрались нѣсколько человекъ, пьютъ, ѣдятъ, громко спорить.

— Да вѣдь взяты Зеленныя горы!

— Мы не въ силахъ ихъ удержать.

— На Гривницкомъ редутѣ погибла тысяча человѣкъ!

Но вамъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, ни до Гривницкаго редута, ни до Зеленыхъ горъ. Васъ преслѣдуетъ кошмаръ, кошмаръ на яву, кошмаръ во снѣ; передъ вашими глазами проходитъ окровавленная вереница раненыхъ, мертвыхъ, и вы какъ автоматъ твердите одно лишь слово: «война! проклятіе тебѣ!»

Не одну тысячу смерть унесла въ тотъ день! и, увы! о тѣхъ несчастныхъ, которые сдѣлались жертвами «третьей» Плевны, нельзя даже сказать вмѣстѣ съ Фаустомъ:

О, счастливъ тотъ, кому въ побѣдномъ гулѣ
Она вѣнокъ кровавый соплететь...

Смерть соплела имъ вѣнокъ, но не въ побѣдномъ гулѣ, а среди гула пораженія.

Евг. Утинъ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

VI *).

СЛАВЯНОФИЛЫ. — СЛАВЯНОФИЛЪ КОМИТЕТЫ. — СВЯЗЪ 1867 ГОДА.

Когда въ европейской печати сороковых годовъ пошли толки о панславизмѣ, въ этихъ толкахъ было множество разнаго рода преувеличеній, недоразумѣній, ошибокъ: одни преувеличивали силы Россіи, черезъ мѣру боялись «азиатскаго вѣнствія»; другіе преувеличивали силу славянскаго движенія; третьи возлагали слѣпкомъ большія надежды на Польшу, какъ на возможный «оплотъ» противъ Россіи и центръ для западнаго славянства и т. п.; — но, какъ ни мало знали тогда славянской мѣры, въ этихъ разсужденіяхъ довольно вѣрно подмѣчались главныя черты предмета. Такъ, не было лишешю вѣрности наблюденіе, что панславизмъ (рѣчь идетъ о сороковыхъ годахъ) имѣетъ два главныя теченія, которыя и обозначали тогда — одно какъ русское, другое какъ западно-славянское. Они считались враждебными другъ другу, и на этомъ основаніи панславизмъ западно-славянской внушалъ даже невѣстныя сочувствія, такъ какъ въ немъ опять думали найти «оплотъ», котораго въ то время очень заботливо искали. Станнымъ можетъ показаться, что эти западнаго славянства хотѣли сдѣлать враговъ Россіи, но мысль объ ихъ противоположности не была лишена основанія въ томъ смыслѣ, что между идеалами патриотовъ за-

*) См. выше: стр. 726.

падно-славянскихъ и русско-славянскихъ была въ самомъ дѣлѣ значительная разница.

Правда, еще съ начала столѣтія, и особливо съ тридцатыхъ годовъ слышались восторженные заявленія національнаго славянскаго братства, надежды на будущее восстановление племенной цѣльности, призывы къ союзу и единству, даже угрозы врагамъ, — но это были только проявленія впервые возникавшаго національнаго чувства, инстинктивныя ожиданія, еще лишеныя реального значенія; но когда чувство стало выясняться и выступали на сцену дѣйствительныя интересы, въ стремленіяхъ славянства оказались разнорѣчія, — которыя въ ту пору мудро было примирить, и которыя донныѣ еще не примирены.

Какъ для противниковъ Россіи или славянства «панславизмъ» былъ *предполагаемая* опасность, такъ для самого славянства это былъ только туманный идеалъ. Первое заявленіе его, сильно подѣйствовавшее на умы и слухъ о которомъ дошелъ въ Европу, была поэма («Дочь Славы», Коллара). Но построеніе идеала тѣсно привязано къ дѣйствительности; идеалъ ищетъ лучшаго, стремится отъ тяжелаго, неудовлетворяющаго, непріятнаго настоящаго къ болѣе совершенному будущему, но строить будущее по тѣмъ даннымъ, понятіямъ, формамъ, какія есть въ настоящей дѣйствительности. Какъ скоро идеалы стали опредѣляться, у каждаго племени на первомъ планѣ становилась своя собственная, частная національность, и первоначальный, такъ-сказать поэтический панславизмъ отступалъ на второй планъ: онъ остается отвѣченной нотой, но главной реальной цѣлью у каждаго племени является его ближайшій интересъ.

Такимъ образомъ, во второмъ фазисѣ развитія «славянской» національной «идеи», дѣло опять возвращается какъ будто къ прежнему разединенію. Задачи, которыя ставилъ себѣ панславизмъ русскій и западно-славянскій, оказывались несходны. И донныѣ еще не нашлось формулы, которая могла бы считаться рѣшающей вопросъ даже въ средѣ лучшихъ и доброжелательныхъ умовъ славянства, и въ самыхъ крупныхъ вопросахъ между-славянскихъ отношеній факты еще «обливаютъ холодной водой» идеализмъ.

Погодишь въ своихъ планахъ основывался на общемъ, неясномъ (а для иныхъ, очень сомнительномъ по существу) представленіи о томъ, что славянству пришло время играть руководящую роль во всемірной цивилизаціи; на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ славянскихъ земель, гдѣ онъ видѣлъ всякое стѣсненіе славянскаго

элемента и слышалъ жelanія и надежды, что Россія поможетъ славянству, и, наконецъ, на мысли о безграничномъ могуществѣ Россіи. Первое было — книжное соображеніе; второе — живящее впечатлѣніе, очень вѣрное, но ни мало не объяснявшее какъ какимъ образомъ могла быть подана ожидаемая помощь; третье свидѣтельствовало объ его патриотизмѣ, но не вполне отвѣчало фактамъ. Изъ всего вмѣстѣ слѣдовало, что Россія должна стать во главѣ славянства, и что съ этимъ соединеніемъ славянства въ новый политическій міръ Россія предстоить еще новое расширеніе ея могущества и величія. Идеаль Погодина сложился по существовавшему на лицо образцу, и для возстановленія славянства нечего было много думать о новыхъ политическихъ формахъ: для Погодина одно было ясно — Австрія должна развалиться при первомъ прикосновеніи. Онъ тогда и не предвидѣлъ, что когда Австрія вскорѣ дѣйствительно стала-было разваливаться, въ 1848, то ее поддерживали не только Россія, но и сами славяне.

Славянофилы были согласны съ Погодинымъ въ своихъ сочувствіяхъ къ славянству, въ своихъ пожеланіяхъ ему; Россія и въ ихъ глазахъ была естественный высшій авторитетъ и власть въ славянскомъ мірѣ—но они гораздо шире ставили свои теоретическія основанія. Мы останавливались въ другомъ мѣстѣ на ученіяхъ этой школы, и здѣсь довольно общаго указанія. Въ духѣ тогдашнихъ «философій исторіи», славянофилы строили цѣлую теорію о противоположности востока и запада, Европы и Россіи, міра романо-германскаго и греко-славянскаго. Главное основаніе теоріи положено было Иваномъ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ; потомъ развивали и примѣняли ее К. Аксаковъ, Елагинъ, г. Новиковъ (имѣя русскій посланникъ при австро-венгерскомъ дворѣ), Гильфердингъ, Ив. Аксаковъ, г. Ламанскій. Различіе двухъ міровъ сосредоточено было въ вопросѣ истовѣдномъ, въ противоположности православія и католицизма (протестанство не принималось въ расчетъ, такъ какъ полагалось, что оно въ сущности дѣлаетъ логическую ошибку католицизма). Католицизмъ (и протестанство) нашли своихъ представителей въ западномъ романо-германскомъ мірѣ; православіе — въ греко-славянскомъ. Последнему принадлежитъ истина, заключенная въ православіи; поэтому и высшее духовное развитіе возможно только для міра греко-славянскаго; и такъ какъ изъ всего этого міра сильное государство (какъ орудіе для осуществленія исторической идеи) есть одна Россія, то слѣд. въ Россіи, въ русскомъ народѣ лежитъ залогъ будущей высшей цивилизаціи, и вмѣстѣ рѣшеніе о судьбѣ славянства.

При этомъ, ставилось впередъ положеніе, что православіе есть именно настоящая, обязательная религія славянскаго міра. Позднѣе, этотъ выводъ, сдѣланный почти a priori, былъ подтвержденъ археологическими доказательствами, что христіанство впервые пришло въ славянству южному, западному и восточному изъ греческаго источника, главнымъ образомъ черезъ проповѣдь Кирилла и Меѳодія (въ то время, впрочемъ, когда еще не было раздѣленія церквей), — подтвержденъ историческими соображеніями, что крупнѣйшій фактъ западно-славянской церковной жизни, реформа Гуса, совершился именно потому, что былъ отголоскомъ существовавшаго нѣкогда у чеховъ православія. Такимъ образомъ, когда славянство искало своего возрожденія въ политическомъ освобожденіи, въ поднятій образованности, пробужденіи національнаго сознанія и солидарности племенъ, славянофилы предлагали рѣшеніе въ формѣ теологическаго положенія; теорія не хотѣла знать, что славянскіе народы, не принимающіе этого положенія, имѣютъ повади себя тысячу лѣтъ католичества, не хотѣла знать, что вопросъ страшно усложненъ этой тысячелѣтней исторіей. Странно было при этомъ, что люди, знавшіе истину, такъ мало сдѣлали для ея объясненія. Въ прежнее время люди подобныхъ идей шли ихъ проповѣдовать или распространять книгами и ученіемъ. Славянофилы показывали вообще большую нетерпимость, но не сдѣлали ничего прямого, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, поставить западные славянскіе народы въ извѣстность о томъ, гдѣ имъ надо искать національнаго и другого спасенія.

Этого мало. Славянство такъ или иначе знало Россію, возлагало на нее свои надежды. Но по славянофильской теоріи оказывалось, что видимая Россія — не настоящая, что Россія настоящая возникла съ реформой Петра, послѣ чего наступилъ «петербургскій періодъ», представляющій нарушеніе истинно-русскихъ началъ, измѣну имъ, — такъ что настоящую Россію надо еще ждать.

Такимъ образомъ, славянофильская теорія очень мало заботилась объ исторіи и русской и славянской. Россіи надо было возвращаться въ XVII вѣку, а католическому славянству — во времена Кирилла и Меѳодія. Какъ же сдѣлать это? Въ русскіихъ дѣлахъ славянофилы, по крайней-мѣрѣ, давали равныя объясненія своимъ взглядамъ, но славянство оставлено было въ незвѣстности или въ большомъ недоумѣніи относительно того, что ему нужно дѣлать въ опасностяхъ столь настоятельныхъ и серьезныхъ. Если бы славянство искало изложенія системы, оно могло найти очень немногое: по самой теоріи, на которой все строилось,

оно нашло бы, напр., богословскія сочиненія Хомякова, но они въ первый разъ вышли даже не на русскомъ языкѣ, и теперь, явившись въ заграничномъ изданіи Самарина, даже не пользуются въ самой Россіи правомъ гражданства. Что же могло это означать? Бываетъ, разумѣется, что писатели съ очень передовыми, радикальными мнѣніями не поощряются правительствами, а гдѣ есть цензура, подвергаются стѣсненіямъ и запрещеніямъ; но славянофилы въ существенномъ совершенно консервативны и благонамѣренны; въ церковномъ отношеніи, они — вовсе не сектанты, а самые ревностные православные и, несмотря на нѣкоторое разногласіе съ высшею существующею церковностью; съ величайшимъ убѣжденіемъ настаиваютъ на великомъ значеніи православія. Если, тѣмъ не менѣе, у славянофильскихъ идей, церковныхъ и политическихъ, отнималось не разъ право гражданства, что же означаетъ этотъ фактъ? Для славянства, которое желало бы изучать идеи славянофиловъ, онъ никогда не былъ выясненъ.

Насколько намъ встрѣчались въ славянской печати отзывы объ этой школѣ, западно-славянскіе писатели дѣйствительно не умѣли хорошенько понять отношенія славянофильства къ обществу и правительству. Не зная обыкновенно нашей внутренней жизни, они представляли себѣ дѣло по-своему, воображая, что славянофилы — единственные въ Россіи защитники народныхъ интересовъ, и что противная партія (которую они научились называть «западнической») совершенно равнодушна къ этимъ интересамъ и занимается только тѣмъ, что поклоняется и подражаетъ «западу». Схвативши кое-что изъ толковъ о «петербургскомъ періодѣ», о «нѣмцахъ», западно-славянскіе политич. думали, что славянофилы дѣйствительно борются въ русскомъ государствѣ съ нѣмцами и что, вообще, «нѣмцы» — наша главная бѣда. Это казалось тѣмъ достовѣрнѣе, что нѣкоторые лица въ русскихъ правительственныхъ кругахъ носили нѣмецкія фамиліи — они не знали, что хоть есть у насъ дураки и вредящіе намъ нѣмцы, но бывало еще въ двадцать разъ больше такихъ русскихъ. Казалось это достовѣрнымъ и потому, что славянофилы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ одни въ литературѣ говорили о славянствѣ; — но западные славянскіе писатели опять не знали, въ какихъ обстоятельствахъ вообще существовала (и существуетъ) русская литература, и какія были причины, что такъ-называемые «западники» не вдавались въ тѣ годы въ славянскій вопросъ. А причина была простая: «западники» слишкомъ чувствовали недостатки нашей внутренней жизни и думали, что прежде, чѣмъ пускаться въ отдаленные вопросы, надо подумать о ближайшихъ

нуждакъ русскаго общества, или что славянскій вопросъ не рѣшается одной догматикой или ненавистью къ нѣмцамъ. И дѣйствительно, было немного странно (какъ и теперь бывало иногда странно) браться за вопросъ «освобожденія», когда у себя дома царило крѣпостное право, литература была стѣснена до послѣдней степени, свободная мысль была невозможна, общество не могло имѣть никакой самостоятельной дѣятельности. — Какая изъ двухъ сторонъ тогдашней литературы сдѣлала больше для того, чтобы подготовить общество къ славянскимъ интересамъ, это дѣло еще не рѣшенное; и, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣшено исключительно въ пользу славянофильства (какъ обыкновенно думаютъ), — быть можетъ, напротивъ. Было уже давно замѣчено, что чистое славянофильство, въ томъ духѣ, какъ было оно въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, не размножилось, даже теперь, и этотъ фактъ имѣетъ свой смыслъ.

Западно-славянскіе политики не замѣчали и того обстоятельства, что славянофильство есть направленіе по преимуществу московское. Тамъ оно начиналось и устроилось, и этому совершенно отвѣчаетъ нелюбовь къ «петербургскому періоду» и, немного навивная, нелюбовь къ самому Петербургу. Или, если они и видѣли этотъ московскій характеръ славянофильства, они не видѣли, что это вовсе не составляетъ его выгодной черты.

Славянофильская теорія, возстававшая противъ петровской реформы, какъ противъ нарушенія русской народности, видѣла эту послѣднюю именно въ старой Москвѣ. Историческая теорія сливалась съ мѣстнымъ патриотизмомъ, котораго въ славянофильствѣ невозможно не видѣть. Мы не думаемъ упрекать ихъ за это; напротивъ, мѣстный патриотизмъ — вещь прекрасная; онъ можетъ давать глубокую, живую, характерную основу для любви къ своему народу; онъ особенно понятенъ въ Москвѣ, нѣкогда единомъ центрѣ русскаго народа, свидѣтелъ громадныхъ событій, памятникъ старой исторіи; — но мѣстный патриотизмъ есть крайность и ошибка, когда онъ превращается въ мѣстное самолюбіе и часть ставитъ на мѣсто дѣлага, — а это несомнѣнно случилось у славянофиловъ. Они отвергаютъ Петербургъ и «петербургскій періодъ», — но этого періода не вычеркнешь изъ русской исторіи, тѣмъ болѣе, что это есть и настоящій ея періодъ. Москва дѣйствительно «собрала» русскую землю, но не *осу*; если Москва была центромъ для до-Петровской Россіи, то не была имъ для послѣ-Петровской, а именно въ петербургскій періодъ присоединены были цѣлыя русскія области, какъ юго-западная Украина съ Запорожьемъ, сѣверо-западный край, самая Польша, и на-

воцѣ, обширная масса промышленныхъ населеній на Балтійскомъ и Черномъ морѣ, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Азіи. Замѣтимъ, что эти русскія земли, присоединенныя «петербургскимъ періодомъ», никогда не были связаны съ Москвою, такъ что здѣсь она вовсе не имѣетъ за себя и національнаго преданія. Худо ли, хорошо ли, но эти земли были «собраны» именно Петербургомъ. Въ тотъ же «петербургскій періодъ» создано величественное могущество, о какомъ Россія едва ли могла думать при старыхъ московскихъ порядкахъ: оно есть все-таки выигрышъ, и оно въ первый разъ дало Россіи возможность вмѣшательства въ судьбы западнаго славянскаго міра. Московское преданіе сохранило гораздо больше національней нетерпимости. Когда въ послѣдніа десятилѣтія стали обнаруживаться индивидуальныя черты другихъ мѣстныхъ народностей, москвичи всего громче восставали противъ нихъ; тѣ дѣятели, которые послѣ усмиренія польскаго востанія принялись подправлять русскую народность въ западномъ краѣ, тѣ «полохофаги», какъ называлъ ихъ однажды г. Бессоновъ, воспитались особенно въ московскихъ школахъ; въ Москвѣ же всего сильнѣе кричали объ украинскомъ «сепаратизмѣ» и помогли расплодить вражду, которой могло бы и не быть.

Могутъ сказать, что негѣности дѣлались не самой школой, а людьми, за которыхъ она отвѣчать не можетъ. Дѣйствительно, сами славянофилы во многихъ случаяхъ высказывали много такта, терпимости и признанія чужихъ интересовъ, — но не всегда; въ послѣднихъ славянофильскихъ изданіяхъ слышались и ноты, свойственныя больше «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя и сами заняли въ послѣднее время полуславянофильское положеніе, но мѣшая при этомъ освободительныя тенденціи съ полицейскими; крайняя нетерпимость въ малообразованномъ обществѣ (въ такому разряду приходится, въ созагнѣію, причислить многихъ «дѣятелей», каковы, напр., бывали полохофаги, украинофаги и т. п.) производила самыя непривлекательныя и, для славянства, отталкивающіе результаты.

Съ такими сложными свойствами выступало славянофильство и, безъ сомнѣнія, его вліяніемъ и отголоскамъ (имѣетъ съ отголосками «Московскихъ Вѣдомостей») надо приписать многія изъ странностей, какія проявлялись въ новѣйшихъ славянскихъ интересахъ русскаго общества. Смѣсь освободительныхъ намѣреній съ крайнею нетерпимостью, притязанія на господство и «обрусѣніе» даже раньше, чѣмъ представлялась бы въ этому возможность, неумѣнье понять связь славянскаго вопроса съ нашими внутренними дѣлами, и отсюда рядъ всякихъ противорѣчій, которыхъ

столько обнаруживалось въ послѣднiе годы въ толкахъ и дѣйствiяхъ по славянскому вопросу, — все это въ большой степени находило свой источникъ въ московской постановкѣ вопроса.

Западно-славянскiе патрiоты мало знали истинный характеръ славнофильства; они по старой памяти думали, что славнофилы — главнѣйшiе представители славянскихъ сочувствiй въ русскомъ обществѣ и первая опора, и союзники. Дѣло нѣсколько объяснилось для западнаго славянства на московской этнографической выставкѣ 1867 года, какъ увидимъ далѣе.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникалъ у насъ первый интересъ къ западному славянскому возрожденiю, взгляды любителей славянства перешли нѣсколько оттѣнковъ. Въ первое время, когда еще только знакомились съ «братями», сочувствiе къ нимъ было простое и неухищренное; равно желали успѣха ихъ литературамъ самимъ мелкимъ, равно желали имъ свободы, завязывали съ ними сношенiя, какъ Погодинъ (котораго не отдѣляли отъ славнофиловъ), доставляли иногда пособiя, и т. д. Но затѣмъ развивается славнофильская теорiя, и отношенiе къ славянству перестаетъ быть простымъ: чувство стало подчиняться системѣ, сочувствiя отдавались съ выборомъ. Наконецъ, выяснились основныя требованiя школы: первенство Россiи, принатiе славянствомъ русскаго литературнаго языка, православiе. Отношенiе къ славянскимъ литературамъ бывало наконецъ, какъ будто просто недружелюбное. Эти литературы заслуживаютъ сочувствiя только условно, — говорилось теперь. Онѣ такъ малы, что не могутъ имѣть будущаго; ихъ ограниченныя средства не могутъ дать почвы для сильныхъ талантовъ и для сильнаго дѣйствiя; оставаясь слабы, онѣ не могутъ служить главной національной потребности — обезпеченiю национальности отъ подавляющихъ чужихъ влiянiй. Для западнаго и южнаго славянства въ этомъ отношенiи нѣтъ другой дороги какъ принять, по крайней мѣрѣ для произведенiй общаго славянскаго интереса, одинъ общiй литературный языкъ, каковымъ можетъ быть только русскiй. А, главное, западному славянству не избавиться отъ своей розни, и потому слабости, до тѣхъ поръ пока оно не избавится отъ другого бѣдствiя, подавляющаго въ немъ общеславянское чувство, — отъ католицизма: для этого — одинъ путь, принатiе православiя.

Нѣтъ спора, что введенiе общаго литературнаго языка было бы для славянства дѣломъ величайшей важности, потому что многоязычiе раздробляетъ образовательныя силы и затрудняетъ

междуплеменные отношенія. Нѣтъ спора также, что католицизмъ съ разныхъ сторонъ вредитъ національнымъ успѣхамъ славянства: онъ эксплуатируетъ народы для политическихъ цѣлей, ультрамонтанскихъ и деспотическихъ, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей; съ другой стороны, какъ теологическая схоластика, враждебенъ свободному развитію науки. Итакъ, можно находить оба обстоятельства вредными для будущности славянства и ставить себѣ цѣлью литературное объединеніе и борьбу съ католицизмомъ; но должно строго обдумать способы дѣйствія и, прежде всего, съ величайшей осторожностью обращаться съ народнымъ чувствомъ. Но этого послѣдняго часто и не бывало у славянофиловъ. Порѣшивъ дѣло въ книжной теоріи, они безъ дальнихъ оговорокъ требовали исполненія своихъ приговоровъ, и это, какъ есть тому факты, производило въ самомъ славянствѣ непріязненное чувство. Большая часть славянскихъ литературъ мелки, это правда; но онѣ дороги своему племени такъ же, какъ намъ дорога наша литература и нашъ языкъ; невозможно, чтобы племена легко отказались отъ нихъ для другого языка и литературы. Водвореніе русскаго языка (хотя бы рядомъ съ мѣстнымъ) возможно лишь на одномъ условіи, когда русская литература приметъ такіе размѣры, что знаніе ея сдѣлается для славянства добровольно признаваемой потребностью и необходимостью, а не исполненіемъ чего-нибудь приказа. Вопросъ религіозный еще мудренѣе. Сколько бы мы ни считали католицизмъ гибельнымъ для славянскихъ народовъ, здѣсь не поможетъ одна публицистическая нетерпимость. Одно изъ двухъ: или само политическое развитіе придетъ къ тому, что религіозный споръ устранится полной свободой исповѣданій; или же, если бы оказался нужнымъ свой Kulturkampf, его нельзя вести такъ дешево, какъ у насъ, кажется, полагають. — Наша внутренняя жизнь не имѣетъ для этого той свободы, безъ которой подобная борьба немислима; наша церковь вовсе не имѣетъ такого характера, чтобы можно было ожидать ея вмѣшательства, а безъ этого трудно представить дѣло.

Въ другомъ мѣстѣ мы указывали, въ какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ возникала славянофильская школа. Эти обстоятельства объясняютъ многое въ ея характерѣ. Планы, придуманные славянофильствомъ съ той теоретической широтой, какая свойственна кабинетнымъ теоріямъ, принимались съ большимъ сочувствіемъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей—какимъ были основатели и послѣдователи ученія. Теорія, поощряемая дружескими сочувствіями, превращалась въ идеалъ и своего рода поэзію: передъ друзьями рисовалась картина будущности, когда русскій народъ, во главѣ

славянства, явится въ міръ носителемъ высшей истины, смиреннымъ, но и величественнымъ, и начнетъ новую эпоху цивилизаціи... Теорія рождалась въ такую пору, когда общественная дѣятельность была до невозможности стѣснена и вся работа идей была загнана въ тѣсные кружки; подъ тупымъ бюрократическимъ и инымъ гнетомъ, мысль, отоленутая отъ дѣйствительной жизни, развивала безграничный идеализмъ, устроивавшій жизнь на будущія времена. Споры съ противниками, въ сороковыхъ годахъ и послѣ, только увеличивали упорство славянофильской школы. Ея идеализмъ заражалъ и самихъ противниковъ: одинъ изъ передовыхъ людей того времени, въ первое время своей эмиграціи, мечталъ о русской общинѣ, какъ обновляющемъ началѣ для Европы!

Съ другой стороны, славянофилы были поставлены въ общественномъ отношеніи такъ, что могли держаться въ сторонѣ наблюдателями, не особенно тревожась практическими неудобствами тогдашняго общественного быта (которые, впрочемъ, иногда падали и на нихъ); они могли имѣть спокойный досугъ и ихъ теоріи тѣмъ больше могли приобрѣтать идеалистической отвлеченности.

Славянофилы, разумѣется, были увѣрены въ справедливости своихъ мнѣній и стали даже высовомѣрны не только въ ихъ защитѣ дома, но и въ отношеніяхъ къ самому славянству. Они не затруднялись самыми строгими приговорами и считали себя въ правѣ поучать. Таковы, напр., отзывы Гильфердинга о школѣ Вука и самомъ Вуцѣ, о Кошитарѣ (въ брошюрѣ *les Slaves Occidentaux*, 1858); но въ особенности таково знаменитое «Посланіе къ сербамъ изъ Москвы» (1860), писанное Хомяковымъ и сирѣпленое всѣми главными членами кружка. Посланіе произвело одинаково непріятное впечатлѣніе и въ русской литературѣ, и въ сербской.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ крымской войны и парижскаго мира, возникла въ Москвѣ мысль объ основаніи «славянскаго благотворительнаго комитета», который и былъ открытъ въ 1858. Членами его были не одни славянофилы, но и люди другихъ круговъ, цѣль общества заключалась въ благотвореніи—доставленіи средствъ славянамъ, исцавшимъ образованія въ Россіи, послыкѣ книгъ для западныхъ и южныхъ славянскихъ школъ и т. п. Впослѣдствіи открылись отдѣленія комитета въ Петербургѣ и Кіевѣ. Дѣло было, конечно, прекрасное; нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, какъ балканскія, какъ венгер-

сю-русинское, были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что помощь имъ была давно необходима, и комитеты въ этомъ отношеніи оказали заслугу, которую мы и признаемъ вполне. Комитеты иногда ошибались въ предметахъ филантропіи, но ошибки были очень возможны при новости дѣла и недостаткѣ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, въ постановкѣ дѣла (мы имѣемъ въ виду особенно комитетъ петербургскій, дѣйствія котораго бывали больше извѣстны), сказались другіе болѣе существенные недостатки.

Дѣятельность комитетовъ, очевидно, вызывалась чувствомъ славянской солидарности и должна была ей способствовать. Въ ней, конечно, не могли не отразиться тѣ понятія о славянствѣ, съ какими приходили въ комитеты ихъ члены. И, въ самомъ дѣлѣ, комитеты получили свой особенный стиль и характеръ. Нужно было имѣть все безпристрастіе, чтобы образовалась первая нравственная почва сближенія и примиренія; относительно русскаго общества надо было позаботиться о томъ, чтобы познакомиться общество съ той, хотя и очень близкой, но неизвѣстной областью, какою былъ для большинства славянскій міръ. Случилось иначе. Съ самаго начала, вѣроятно, подъ влияніемъ первыхъ предсѣдателей, въ нихъ образовалась особая тенденціозность, въ которой нельзя было не видѣть отраженій славянофильства; да и съ этимъ можно было бы примириться, если бы можно было предположить, что тенденція искренна и серьезна. Петербургскій комитетъ придалъ своимъ дѣламъ, такъ сказать, клерикальный характеръ: ежегодно повторялось празднованіе дня Кирилла и Меодія, памяти Гуса. Дѣло прекрасное, но если комитетъ разъ выходилъ изъ своей специально-филантропической роли и хотѣлъ заявлять принципы (что было очевидно), то можно было желать, чтобы онъ, кромѣ древности, вспоминалъ и о настоящемъ и высказалъ что-нибудь опредѣленное о славянскихъ отношеніяхъ; взамѣнъ того, шла одна фразеологія, тѣмъ болѣе непривлекательная, что, какъ тогда же было замѣчено, напр., «въ оваціяхъ памяти Гуса встрѣчались имена такихъ людей, которые, несомнѣнно, подали бы голосъ за сожженіе его, если бы присутствовали на констанцскомъ соборѣ». Въ самомъ правящемъ комитетѣ засѣдалъ дѣятель, заявившій своими писаніями вражду къ болгарскому народному дѣлу. Въ рѣчахъ, которые говорились на праздникахъ 11-го мая и гдѣ поминалось имя великаго чешскаго человѣка, встрѣчались вещи прямо obscурантныя ¹⁾.

¹⁾ Въ печати не одинъ разъ дѣлался упрекъ не-славянофиламъ, зачѣмъ они не шли въ славянскіе комитеты, чтобы работать для славянства, которому все-таки со-

Петербургскій комитетъ задумалъ, и отчасти исполнилъ, другое дѣло, которое заслуживаетъ сочувствія, именно изданіе книгъ о славянствѣ. Это была въ самомъ дѣлѣ первостепенная необходимость. Комитетъ издалъ хорошую этнографическую карту славянскихъ племенъ. Но редакціонная сторона изданій не была вполне удовлетворительна. Цѣль изданій (если только комитетъ вознамѣрился ихъ дѣлать) могла быть одна: сообщеніе русскому читателю, интересующемуся славянствомъ, во-первыхъ, важнѣйшихъ фактическихъ свѣдѣній о славянской этнографіи и исторіи, во-вторыхъ—безпристрастнаго объясненія современнаго политическаго положенія славянства. Въ «Славянскихъ Сборникахъ», изданныхъ петербургскимъ комитетомъ, эта цѣль достигалась очень мало: были болѣе или менѣе полныя историко-этнографическія данныя о нѣкоторыхъ племенахъ, но никакого цѣльнаго обзора ¹⁾, а взаимно нѣсколько спеціальныхъ наслѣдованій, которыя, при всемъ ихъ достоинствѣ, вовсе не подходили къ цѣлямъ изданія ²⁾. Если бы комитетъ сталъ на высотѣ вопроса и понялъ, какъ слѣдуетъ, потребность общества, онъ долженъ былъ бы разъяснить читателямъ объемъ славянскаго вопроса, указать основныя черты въ современномъ политическомъ положеніи племенъ и наше желательное къ нему отношеніе; но на эту тему давались только общія заявленія братскихъ чувствъ съ повтореніемъ славянофильскихъ тѣмъ и съ нѣкоторыми странностями, совсѣмъ неумѣстными и неприличными, на примѣръ, на этнографической картѣ и объясненіяхъ, изданныхъ комитетомъ, опущеніе въ ряду славянскихъ нарѣчій—малорусскаго, какъ-бы не существующаго (хотя отмѣчены и верхніе и нижніе лужичане, и словаки отдѣльно отъ чехо-моравянъ). Хоть бы комитетъ подумалъ: какъ покажется такое обращеніе съ этнографіей нашимъ «братьямъ».

Не мудрено, поэтому, что несмотря на почти двадцатилѣтнее существованіе славянскихъ комитетовъ—русское общество и сами тѣ изъ образованныхъ людей, кто явились дѣйствующими лицами въ войнѣ сербо-турецкой и русско-турецкой, оказались вообще чрезвычайно мало приготовлены къ тому, чтобъ понять характеръ единоплеменниковъ, за свободу которыхъ они однако шли

чувствовали; но при указанномъ характерѣ комитетовъ, не-славянофиламъ пришлось бы скоро изъ нихъ выйти,—поэтому они и не входили.

¹⁾ Кромѣ двухъ статей г. Будиловича, которыя, однако, не рѣшаютъ вопросовъ, а развѣ только ставятъ ихъ.

²⁾ Нѣкоторые члены комитета, какъ говорятъ, считали нужнымъ издавать, вмѣсто «сборниковъ», популярныя книжки о славянствѣ; онѣ дѣйствительно были бы не лишни, но ограничиться ими было бы слишкомъ мало.

на боевыя жертвы, и опредѣлить свое отношеніе къ нимъ ¹⁾. Недоразумѣнія, при этомъ происходившія, указываютъ ясно, что взаимнаго пониманія, солидарности еще нѣтъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, впрочемъ, вся дипломатическая судьба славянскихъ дѣлъ въ 1875—78 годахъ.

Въ 1867 г. происходила въ Москвѣ извѣстная этнографическая выставка и съѣздъ славянскихъ гостей. Объ этомъ фактѣ судили очень разно: какъ говорить, у западныхъ славянъ, особенно чеховъ, этотъ съѣздъ былъ употребленъ какъ политическая демонстрація, которая должна была внушить нѣкоторый страхъ австрійскимъ гѣмцамъ. У насъ онъ едва ли могъ имѣть какою-нибудь подобное значеніе. Наше общество не имѣетъ такихъ правъ, чтобы устраивать демонстраціи чужому государству, съ которымъ наше правительство находится въ дружественныхъ отношеніяхъ: такая демонстрація была бы немислима, и еслибъ существовалъ у частнаго общества подобный планъ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы тотчасъ же истребленъ полиціей. Остается принять (какъ въ дѣйствительности и было), что съѣздъ былъ не что иное, какъ платоническое заявленіе племенныхъ сочувствій къ славянству. Но и въ этомъ смыслѣ дѣло все-таки было ново и не было лишено важности, какъ опытъ нагляднаго обученія славянскому вопросу. Славянскіе оптимисты желали видѣть въ съѣздѣ фактъ великой важности для славянскаго самосознанія; но въ самомъ съѣздѣ обнаружались однако большіе недостатки этого самосознанія, не случайные, но тѣ самыя, которые составляютъ вмѣстѣ одну изъ глубочайшихъ причинъ политическаго разлада и слабости славянскаго міра. Когда представители западнаго славянства собрались въ Москвѣ и встрѣтились съ тѣми, кто явились представителями русскаго общества, между ними оказался недостатокъ взаимнаго пониманія, весьма характерный. На съѣздѣ отсутствовали поляки. Въ большомъ собраніи, пировавшемъ съ славянскими гостями 21-го мая, въ Сокольникахъ, о нихъ вспомнили (Погодинъ, Ригеръ, вл. Черкасскій) — съ разныхъ точекъ зрѣнія. Ригеръ говорилъ о примиреніи, для котораго уже должна бы придти пора,

¹⁾ Говорятъ о заслугахъ комитетовъ съ начала герцеговинскаго востанія. Комитеты, конечно, много въ это время работали за сборомъ пожертвованій, за отправленіемъ добровольцевъ. Но приписывать имъ самый интересъ къ славянству, обнаружившійся въ это время, довольно странно: дѣло было таково, что говорило само за себя, и заслуга комитетовъ та, что они которочились пойти за общественнымъ интересомъ. Но двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, они очень умѣренно трудились надъ объясненіемъ славянскаго вопроса русскому обществу, — и если бы трудились иначе, то пониманіе дѣла обществомъ было бы, вѣроятно, все-таки лучше.

о неполнотѣ «братскаго союза», гдѣ недостаетъ одного изъ главныхъ славянскихъ народовъ. Рѣчь Ригера ¹⁾ была очень умѣренна — какъ и требовалось мѣстомъ и временемъ, — московскіе слушатели не вынесли и этого умѣреннаго тона, и отвѣтъ князя Черкаскаго, суровый, желчный и укоряющій, уже не далъ мѣста продолженію примирительныхъ рѣчей. Описаніе съѣзда не говорить, какое впечатлѣніе оставилъ этотъ эпизодъ на славянскихъ гостей; — галичане были довольны, но большинство, какъ намъ случалось лично слышать, вынесло изъ него тяжелое впечатлѣніе.

Въ рѣчахъ съѣзда, со стороны западнаго славянства, можно было вообще замѣтить — мягко, но ясно выраженную антипатію къ нивелирующей гегемоніи одного племени (т.-е. русскаго) надъ другими, къ нарушенію племенныхъ индивидуальностей.

Нѣсколько выдержекъ изъ другой рѣчи Ригера (сказанной раньше рѣчей о Польшѣ, на обѣдѣ московскаго университета) дадутъ понятіе объ этомъ взглядѣ. Ригеръ говорилъ о судьбахъ славянскаго просвѣщенія, но его слова легко можно было при-мѣнить и къ отношеніямъ политическимъ.

«Нынѣ предстоить намъ вопросъ, — говоритъ Ригеръ: — какимъ образомъ достигнуть успѣховъ славянскаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи намъ предлежатъ два пути; мы должны избрать или *полное единство* или *разнообразіе въ гармоніи*. Для насъ всѣхъ, господа, этотъ вопросъ имѣетъ особенную важность; мы должны его подвергнуть зрѣлому обсужденію. Его разрѣшеніемъ рѣшится *судьба цѣлаго славянства*. При этомъ вопросѣ, я припоминаю всегда примѣръ грековъ, которые, при всемъ различіи своихъ нарѣчій, возрастили, однако, прекрасный цвѣтъ просвѣщенія. Эти цвѣты цивилизаціи древне-греческой развились во всемъ ихъ разнообразіи. Они періодически сходились къ играмъ олимпійскимъ, на которыя каждое племя греческое представляло лучшія свои произведенія изъ области науки, искусства и поэзіи. Здѣсь они и приносили другъ другу дань удивленія, и другъ друга возбуждали, и взаимно совѣщались. Это, господа, и есть тотъ путь, которымъ должно пойти теперь славянство. Многіе бы, можетъ быть, предпочли слитіе въ *единое цѣлое* и тѣломъ и душой, но тысячелѣтняя исторія не можетъ безслѣдно исчезнуть...

¹⁾ См. книгу: „Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 года“. М. 1867; рѣчи о Польшѣ, стр. 340 и слѣд. Говорили тогда, что Ригеръ обмангъ польской эмиграціи въ Парижѣ оказать слово за Польшу; онъ сказалъ его такъ сдержанно, что польскія газеты османили его братью (въ послѣднихъ событіяхъ Ригеръ не признавалъ правныи и поляковъ), но дальше ми увидимъ, что идея была давнишняя.

«Я держусь того мнѣнія, что разнообразіе частей не исключаетъ единства; единства должно искать въ гармоніи этихъ частей. *Нерасчлененное единство* можетъ привести къ односторонности и безжизненности, равно какъ одно раздробленіе безъ руководящаго духа ведетъ къ слабости и гибели. Если бы вы слили всѣ колокола ваши въ одинъ великій, огромный колоколъ, ббльшій нежели самъ Иванъ Великій, то, конечно, звукъ этого богатыря-колокола былъ бы силенъ, но впечатлѣніе этого звука не было бы тою пріятною гармоніей колокольныхъ звуковъ, которая возвѣщаетъ вамъ Воскресеніе Христово! А какова красота въ этомъ гармоническомъ ладѣ московскихъ колоколовъ! Этотъ гармоническій ладъ и есть единство. Два момента замѣчаются какъ въ человѣкѣ, такъ и во всякомъ дѣлѣ его, въ жизни политической, въ наукѣ и въ мірѣ явленій матеріальныхъ. Эти два момента суть сила и красота. Сила достигается главнымъ образомъ единствомъ, красота же гармоніей частей. Соразмѣрность и согласіе въ дѣятельности всѣхъ членовъ известнаго тѣла есть его красота. Липа славянская не выиграла бы въ красотѣ, если бы вы, отсѣкая ея вѣтви, оставили ея стволъ. Каждый корень долженъ держаться своей почвы; стволъ липы долженъ быть и единый, и цѣльный; но вѣнду принадлежать его вѣтви. Въ нихъ и жизнь, и цвѣтъ, и красота дерева!

«Человѣка мало образованнаго всего болѣе поражаютъ сила и огромные размѣры. Народы, которые хотятъ дѣйствовать въ исторіи силой военною, стремятся къ единству и къ сосредоточенію. (Ригеръ привелъ въ примѣръ нѣмцевъ, которые стремятся теперь къ военной славѣ, но у которыхъ, сомнительно, сохранится ли прежнее развитіе ихъ науки и искусства)... Человѣкъ мало образованный, утверждаю, легко вдохновляется огромностью массы; человѣкъ, болѣе просвѣщенный, обращаетъ вниманіе на подробности, на части. Онъ хочетъ одушевить массу и принести дань своего удивленія лишь той красотѣ, которая состоитъ въ соразмѣрности и согласіи. Пирамиды и колоссы, египетскія скульптуры суть также произведенія искусства... Однако, это, прежде всего, произведенія силы, возбуждающія удивленіе своею огромностью; но, спрашиваю васъ, что лучше въ глазахъ вашихъ — египетская пирамида или Аполлонъ Бельведерскій? Вотъ тѣ мысли, которыя возникли во мнѣ въ этомъ собраніи ученыхъ славянъ, въ отношеніи къ задачамъ нашихъ цивилизованныхъ стремленій»...

Сказавъ о томъ, что нужно бы устраивать постоянные періо-

дическіе сѣзды славянскихъ ученыхъ, историковъ, экономистовъ и пр., онъ продолжалъ:

«Одна мысль должна руководить нами въ каждомъ начинаніи нашемъ, мысль о томъ, что мы призваны сообща работать для одной цѣли, для нравственнаго возвышенія всего славянства, что мы согласимъ всѣхъ отдѣльныхъ племенъ славянскихъ должны выработать красоту одного духовнаго цѣлаго, посредствомъ свободнаго, но согласнаго соревнованія»¹⁾.

Очевидно, здѣсь говорили партизанъ славянскаго федеративнаго союза, съ свободою частей, съ полнымъ просторомъ для отдѣльныхъ племенныхъ элементовъ. Рѣчь Ригера въ свое время вызвала возраженія въ нашей печати; въ ней были, пожалуй, неточности выраженія; но она была понята. Надо полагать, что съ ея смысломъ соглашалось большинство представителей западнаго славянства.

Однимъ словомъ, славянскій сѣздъ 1867 года имѣлъ свое большое значеніе какъ второй (послѣ пражскаго сѣзда 1848, гдѣ собралось почти только одно австрійское славянство и гдѣ не было русскихъ, кромѣ Бакунина) опытъ личнаго сближенія славянскихъ дѣятелей; но онъ далъ мало или никакихъ результатовъ для взаимнаго разъясненія вопросовъ славянской политической жизни: эти вопросы не были, да въ нашихъ условіяхъ и не могли быть въ программѣ сѣзда. Въ западномъ славянствѣ былъ, однако, тотъ результатъ, что тамъ больше прежняго стали интересоваться Россіей и русскимъ языкомъ... Это было все-таки приобрѣтеніе.

VII.

Политическое броженіе въ Австріи передъ 1848 г. — Славянскій сѣздъ въ Прагѣ. — Мнѣнія Штурга.

Сороковые года были въ Австріи періодомъ особеннаго національнаго броженія, которое обнаруживалось въ разныхъ краяхъ этого государства, гдѣ смѣшеніе національностей подавало слишкомъ много случаевъ къ раздору и раздраженію. Время все больше и больше расшатывало деспотическо-полицейскую систему Меттерниха, — все больше выросли политической либерализмъ и національная оппозиція. Выше упомянуто, какимъ образомъ національная идея пробуждалась въ австрійскомъ славянствѣ

¹⁾ См. въ той же книгѣ, стр. 299—303.

подъ вліяніемъ возрожденія литературнаго и политическихъ столкновеній. Литературное возрожденіе въ особенности было сильно у чеховъ, гдѣ оно, начавшись съ индифферентной археологіи, перешло въ сознательное историческое изученіе и реставрировало національные идеалы, которые уже вскорѣ дали мысль о восстановленіи стараго историческаго права «чешской короны». У хорватовъ, политически соединенныхъ съ Венгріей, національное движеніе явилось, главнымъ образомъ, какъ оппозиція притязаніямъ національности мадьярской. Въ томъ же, какъ хорваты, или еще худшемъ отношеніи къ венграмъ были словаки, изъ среды которыхъ явились два могущественные дѣятеля всеславянскаго возрожденія — Колларъ и Шафарикъ.

Славянское возрожденіе вообще шло, главнымъ образомъ, путемъ литературы и отчасти школы; средствами его были національныя изученія — исторія, археологія, этнографія, филологія; но предводители движенія понимали, что дѣло можетъ и должно рѣшиться только на политической почвѣ. Изданныя теперь біографіи и переписка этихъ филологовъ и археологовъ, какъ Юнгманнъ, Шафарикъ, Челявковскій и др., показываетъ, что это было ясно для нихъ почти съ самаго начала. Но средствъ для политической борьбы еще не было; австрійское правительство время Меттерниха само чувствовало, что дѣло не совсѣмъ ладно, и — какъ свойственно правительствамъ испорченнымъ или посредственнымъ ¹⁾ — думало удержатъ ходъ исторіи полиціей; но это не остановило политическаго броженія, причины котораго лежали въ реальныхъ общественныхъ фактахъ. Въ сороковыхъ годахъ уже развилась значительная литература политической полемики, памфлетовъ, а у иностранцевъ — толки о панславизмѣ. Было бы слишкомъ долго входить въ подробности этой литературы. Она стала распространяться особенно послѣ польскаго восстанія, которое дало свѣзій поводъ говорить о между-славянскихъ отношеніяхъ, русскихъ завоевательныхъ планахъ, о средствахъ противоудѣствовать нашествію «Азіи». Но тогда же изъ среды польскихъ революціонеровъ, въ особенности развивавшихъ въ эмиграціи эту тему, вышелъ проповѣдникъ совершенно противоположной идеи: это былъ извѣстный въ свое время графъ Гуровскій (умеръ въ 60-хъ годахъ въ Америкѣ). Участникъ польскаго восстанія, онъ, послѣ несчастнаго конца его, разочаровался и отчаялся въ польскомъ дѣлѣ и сталъ самымъ ревностнымъ партизаномъ того, что назвали тогда «русскимъ панславизмомъ», — такимъ партизаномъ, каковаго

¹⁾ Ср. Соловьева: „Или. Александръ I“, стр. 197—198.

не бывало тогда и въ самбй русской литературѣ и обществѣ (мы остановимся больше на этомъ писателѣ при другомъ случаѣ). У австрійскаго славянства были свои интересы: въ Вѣнѣ, Пенгѣ и особенно Лейпцигѣ постоянно выходили брошюры и книжки, гдѣ славянскіе патріоты вели защиту своихъ національныхъ интересовъ (брошюры графа Туна, Йордана, писавшихъ безыменно археолога Воцеля, Годжи, Штура и т. д.). У хорватовъ отношенія съ венграми еще задолго до 1848 года принимали острый характеръ. Наконецъ, славянскія литературы этой поры возрожденія, какъ ни были стѣснены полицейскимъ надзоромъ, наполнены были идеальными стремленіями къ возвышенію народностей, къ единству и солидарности ихъ нравственныхъ интересовъ. Словомъ, умы уже были значительно возбуждены, когда, наконецъ, нѣсколько неожиданно, революція пришла и въ Австрію. Въ Вѣнѣ совершались революціонныя событія; хорваты были съ венграми на ножахъ и звали на помощь сербовъ; словаки, ближайшіе единоплеменники чехо-мораванъ, искали средствъ для борьбы противъ венгерскихъ насилій; австрійскіе нѣмцы послали депутатовъ въ обще-германскій революціонный парламентъ во Франкфуртъ и желали объединенія нѣмецко-австрійскихъ земель съ Германіей, считая въ числѣ этихъ земель и Богемію,—чеки возстали противъ этого всѣми силами... Австрійское правительство растерялось, и одно время народы были предоставлены самимъ себѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ возникла мысль устроить въ Прагѣ славянскій съѣздъ, гдѣ бы представители славянскихъ племенъ Австріи собрались для обсужденія своихъ дѣлъ, для отвращенія грозившихъ опасностей. Намъ нѣтъ надобности пересказывать исторію этого съѣзда. Довольно сказать, что результаты его совѣщаній (хотя и не конченныхъ, вслѣдствіе закрытія съѣзда) показали, что австрійское славянство еще не въ силахъ было взять дѣло самостоятельно въ свои руки. Австрія,—которая по убѣжденію Погодина (передававшего и чаянія самихъ западныхъ славянъ) должна была развалиться при первомъ толчокѣ,—получила этотъ толчокъ, но не развалилась, потому что ее поддержали сами славяне,—на свою бѣду, какъ показали послѣдствія. «Если бы не было Австріи, ее надо было бы создать» — таковъ былъ послѣдній выводъ, сказанный главнѣйшими авторитетами австрійскаго славянства (Палацкій, банъ Елачичъ), — и надо признать, что они въ тогдашнихъ обстоятельствахъ сказали бы правду, если бы могли разсчитывать на политическую честность,—а ея-то именно и не было у людей, на которыхъ надѣялось несчастное

славянство. Оно было поставлено между двухъ огней, революціонными нѣмцами и венграми—которые были и врагами правительства—и рѣшило, что надо применить къ правительству: въ самомъ славянствѣ — какъ ни любили славянскіе патріоты считать милліоны его населеній — не оказалось столько силы и единства, чтобы самостоятельно устроить свои дѣла.

Но не должно думать, чтобы выводъ, къ которому пришли славянскіе патріоты, былъ только вынуждаемъ необходимою. Они и безъ того не были расположены къ тому панславизму, о какомъ мечталъ Гуровскій, Погодинъ и потомъ наши славянофилы. Въ постановленіяхъ и манифестахъ пражскаго съѣзда господствуетъ иная формула. Съѣздъ настаивалъ на національной равноправности съ другими племенами, на полномъ правѣ каждой народности развивать свой языкъ и всѣ особенности своего племенного историческаго характера. Непосредственныя задачи съѣзда ограничивались славянскими народами Австріи и въ своемъ предполагавшемся адресѣ австрійскому императору, въ своихъ дебатахъ съѣздъ держался плана федеративной имперіи съ національной свободой каждаго племени. Не было никакой рѣчи о союзѣ съ Россіей, о надеждахъ на помощь западно-славянскому дѣлу съ ея стороны,—не было не по дипломатической осторожности, а потому, что чувствовали себя съ тогдашней Россіей чуждыми. Приводимъ общія мнѣнія съѣзда о между-славянскихъ отношеніяхъ, какъ они понимались тогда, тридцать лѣтъ тому назадъ. Мы увидимъ, что позднѣйшія рѣчи Ригера на съѣздѣ московскомъ 1867 повторяли давно выработанную чешскую тему.

«Въ политическомъ отношеніи, — говоритъ документъ пражскаго съѣзда, — мы можемъ только высказать горячее сочувствіе ко всѣмъ нашимъ единоплеменникамъ.

«Если бы наше слово было оцѣнено и внѣ Австріи ¹⁾, мы бы высказались за примиреніе русско-польскихъ споровъ и за освобожденіе славянъ изъ-подъ турецкаго ига. Между русскими и поляками дѣло идетъ главнымъ образомъ объ уравниеніи правъ обѣихъ народностей.

«Если это уравниеніе состоится, изъ этого само собой произойдетъ ближайшее соглашеніе между этими обоими сильными народами. Пусть свѣтъ свободы, который свѣтитъ намъ, австрійскимъ славянамъ, на пути соглашенія, приведетъ также русскихъ и поляковъ въ мирную пристань.

¹⁾ Т.-а. въ Россіи.

«Когда бы въ особенности русскій народъ въ своемъ отечествѣ скорѣе увидѣлъ свѣтъ свободы.

«Славянамъ въ Турціи скоро пробѣть часъ освобожденія, потому что благородный народъ сербскій все выше поднимаетъ хоругвь свободы. Войско, вѣдомое такими героями, какъ сербы, идетъ только по дорогѣ къ побѣдѣ.

«Когда они завоюютъ себѣ независимость, тогда обвинять ихъ союзу славянскаго федеративнаго государства.

«Надѣмся, что просвѣщенное правительство саксонское не уничтожить небольшой, для него безвредный народъ, за то, что онъ еще помнить свое славянское происхожденіе.

«Съ той же надеждой ожидаемъ отъ Пруссіи, что она оставитъ систематическое оиѣмченіе славянскихъ краевъ въ Силезіи, Лужицахъ, въ западной и восточной Пруссіи.

«А каковы наши желанія о развитіи славянскихъ наукъ и искусствъ?»

«На этомъ полѣ до сихъ поръ мы могли дѣйствовать свободнѣе, и ученые всѣхъ славянскихъ племенъ многократно наставляли на мысли о литературной взаимности. Если мы обозначаемъ наше желаніе въ этомъ отношеніи только вратцѣ, это дѣлается не потому, чтобы мы не оцѣнивали достаточно духовную общественную жизнь славянъ, а потому, что простого указанія достаточно для всеобщаго признанія этого дѣла.

«Пусть во всѣхъ славянскихъ земляхъ обученіе всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ во всѣхъ высшихъ школахъ станетъ въ числѣ главныхъ предметовъ преподаванія.

«Пусть славянскіе ученые, по примѣру итальянскихъ и нѣмецкихъ, ежегодно собираются для совѣщаній и взаимнаго обмѣна мыслей.

«Пусть учрежденія для наукъ и искусствъ въ славянскихъ земляхъ ставятъ себѣ цѣлью прежде всего облагороженіе славянскихъ задачъ; и на этомъ пути допускаютъ свободную конкуренцію всѣхъ славянъ, безъ различія исповѣданій. По крайней мѣрѣ мы сами не должны бы были стѣснять себя на этомъ поприщѣ»...

Въ то время такъ много говорилось о панславизмѣ, что съѣздъ нашелъ нужнымъ упомянуть о немъ.

«Врагамъ нашей народности, — говорилъ манифестъ славянскаго съѣзда къ народамъ Европы, — удалось настрашать Европу пугаломъ политическаго панславизма, который будто бы грозитъ гибелью всему, чтѣ гдѣ приобрѣтено для свободы, просвѣщенія и человѣчности. Но мы знаемъ то волшебное слово, котораго одного довольно чтобы заклять это пугало, и для пользы сво-

боды, просвѣщенія и человѣчности мы не хотимъ скрывать этого слова передъ народами, которыхъ притомъ беспокоить и угрызения собственной совѣсти: это слово есть *справедливость*, справедливость и къ славянскому народу вообще и къ угнетеннымъ его отраслямъ въ особенности. Нѣмецъ хвалится, что онъ больше другихъ народовъ способенъ и склоненъ уважать и цѣнить всѣ особенные инопородные характеры; желаемъ, чтобы, говоря о славянинѣ, онъ не могъ быть уличенъ во лжи. Мы энергически возвышаемъ свои голоса за несчастныхъ братьевъ нашихъ поляковъ, которые обманомъ и насиліемъ лишены своей самостоятельности; вызывая правительства исправить, наконецъ, этотъ старый грѣхъ, это проклятіе, наследственно таготиющее на политикѣ ихъ кабинетовъ, мы опираемся въ этомъ на сочувствіе всей Европы... Они поднимали голосъ за угнетаемыхъ сербовъ, хорватовъ, словаковъ, русиновъ, славянъ балканскихъ и т. д.

Пражскій съѣздъ такимъ образомъ, кромѣ ближайшихъ желаній австрійскаго славянства объ устройствѣ его дѣлъ, высказывалъ общія мысли о цѣломъ славянствѣ,—и въ этомъ послѣднемъ основными идеями съѣзда была общественно-политическая равноправность и свобода, религіозная терпимость и историческое право,—и все это съ знаменательными умолчаніями о Россіи, для которой пожелали только «свѣта свободы» и справедливости къ Польшѣ. Это были политическіе идеалы, очень несхожіе съ московскимъ славянофильствомъ, которое строило широкіе планы, но неясно говорило о свободѣ, умалчивало о равноправности, вмѣсто религіозной терпимости ставило исключительность, и которое, кажется, доселѣ не выяснило себѣ, какимъ образомъ желаемая свобода славянскихъ народовъ можетъ быть примирена съ главенствомъ Москвы, которое понимается имъ съ такою исключительностью. Аргументы пражскаго съѣзда, конечно, заимствовались прежде всего изъ соображеній *pro domo sua*,—ихъ и укоряли послѣ за узкость взгляда, но это были, по крайней мѣрѣ, аргументы изъ дѣйствительной жизни, а не заоблачныя фантазіи. Ошибка была въ преувеличеніи силы духа времени: подъ впечатлѣніемъ событій, потрясавшихъ тогда всю среднюю Европу, съѣзду казалось, что прежняя форма государственности уже невозможна; другой ошибкой были довърчивыя надежды на Австрію; но справедливо переданы были стремленія племенъ къ обезпеченію своихъ національностей и тѣ требованія политической свободы, соблюденіе которыхъ было бы необходимо для возможности славянскаго союза.

Эти мысли, которымъ поучало фактическое положеніе австрійскихъ славянъ, соврѣвали у нихъ давно, и надо полагать, что

отсюда, изъ бесѣдъ съ славянскими патриотами, Погодинъ заимствовалъ свои разсужденія о Польшѣ, очень замѣчательныя для того времени. Но, повидимому, совсѣмъ независимо, изъ одного общаго смысла національнаго возрожденія, вышли представленія г. Костомарова и его друзей во времена «Кирилла-Меодіевскаго братства».

Изъ западно-славянскихъ публицистовъ едва ли не одинъ Штуръ имѣлъ о славянскомъ вопросѣ понятія, очень близкія къ понятіямъ нашихъ славянофиловъ; онъ даже полнѣе и яснѣе, чѣмъ они, высказалъ свои планы славянскаго объединенія. Людевитъ Штуръ, родомъ словакъ, какъ Колларъ и Шафарикъ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей славянскаго возрожденія. Сочиненіе его, о которомъ мы говоримъ, подъ названіемъ «Славянство и міръ будущаго», написанное по-нѣмцѣи въ первыхъ 1850-хъ годахъ, уже долго послѣ его смерти (онъ умеръ въ 1856) издавано было въ русскомъ переводѣ г. Ламанскимъ въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей, 1867. Въ сочиненіи вполне выразился характеръ этого пламеннаго славянскаго патриота; русскій издатель и переводчикъ справедливо замѣчаетъ, что «даже читатель, и несогласный съ направлениемъ Штура, признаетъ въ сочинителѣ рѣдкія дарованія, высокій умъ, честное, ненавидящее неправду сердце, горячую любовь къ свободѣ, славянству и человѣчеству; — каждый мыслящій человѣкъ прочтеть это блестящее произведеніе новѣйшаго панславизма съ самымъ живымъ любопытствомъ». Книга Штура есть цѣлый историческій и политическій трактатъ о прошедшихъ судьбахъ славянства, его настоящемъ положеніи и о томъ пути, какой ему слѣдуетъ принять для своего возстановленія. Онъ начинаетъ сѣтованіями о жалкомъ настоящемъ славянскаго міра, и ищетъ въ прошедшемъ причину его упадка, проводитъ историческія параллели съ міромъ западнымъ, и указываетъ спасеніе въ союзѣ съ Россіей. Причины упадка главныхъ двѣ. Славяне были народъ патриархальный и не позаботились о развитіи сильнаго государства въ то время, когда нужно было объ этомъ подумать, когда имъ грозили сильные и воинственные сосѣди. Другая причина — католицизмъ, который привязалъ ихъ къ чужому центру и религіозному, и политическому. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ одно русское сумѣло создать могущественное государство, и къ нему-то долженъ примкнуть славянскій міръ, чтобы обезпечить себѣ новую жизнь. Міръ западно-европейскій, по мнѣнію Штура, не имѣлъ зародышей для будущаго развитія въ болѣе свѣжемъ направ-

ленія; онъ представлялъ только старыя формы и новѣйшія извращенія, какъ социализмъ и коммунизмъ, какъ религіозный разбродъ сектъ, какъ нападенія на христіанство, какъ фальшивыя конституціи и т. д. Напротивъ, элементы здороваго развитія Штуръ видитъ въ русскомъ народѣ и государствѣ, и для славянства это — единственное прибѣжище и спасеніе. Штуръ въ самыхъ восторженныхъ словахъ говоритъ о Россіи, глубоко убѣжденъ въ великомъ будущемъ русскаго народа. Славянство должно довериться Россіи: оно найдетъ политическую опору во вѣншемъ ея могуществѣ и обновится связями съ русскимъ народомъ; оно должно возвратиться къ старой обще-славянской церкви; оно должно принять русскій литературный языкъ, потому что мелкія литературы отдѣльныхъ племенъ не могутъ имѣть данныхъ для широкаго развитія.

Сходство съ славянофильствомъ очевидное, но, по всей вѣроятности, Штуръ самостоятельно развивалъ свои мысли: весь трактатъ отличается большою цѣльностью; энтузіазмъ автора къ Россіи такъ великъ и искрененъ и съ нимъ такъ связана вся его теорія, что совпаденіе становится тѣмъ замѣчательнѣе. Понятно, что при этой точкѣ зрѣнія Штуръ не могъ сойтись съ чешскими политиками, и дѣйствительно онъ — настоящій панславистъ, тогда какъ чешскіе и вообще западно-славянскіе политики держались панславизма съ большими оговорками, даже совсѣмъ отъ него отрекались; и притомъ онъ — панславистъ съ русской точки зрѣнія.

Только наши славянофилы такъ прямо и категорически становились противъ Европы, какъ это дѣлаетъ Штуръ. Кромѣ теоретическихъ заключеній объ ея настоящемъ состояніи, онъ имѣлъ и историческія основанія относиться къ ней не очень дружелюбно: Европа всегда была враждебна славянству, смотрѣла на него какъ на служебное племя, и союзъ съ нею для славянства невозможенъ. Самая вражда происходила отъ того, что славяне вообще повиднѣ всѣхъ приступали къ европейской цивилизаціи и потому оказывались въ зависимомъ положеніи, какъ чужіе и низшіе, — и вмѣстѣ отъ того, что самыя принципы жизни славянской и европейской были различны.

Что же нужно для возрожденія славянства?

*Для возрожденія нашего, — отвѣчаетъ Штуръ на этотъ вопросъ, — для занятія нами мѣста во всемірной исторіи, согласно съ нашими силами и дарованіями, мы должны разъ навсегда освободиться отъ невыносимаго чужого ига и приобрѣсть себѣ государственную самостоятельность: ибо у народа, состоящаго въ рабствѣ, связаны руки, духъ его подавленъ, и онъ всегда под-

вергается опасности рано или поздно погибнуть. Сверхъ того, каждый народъ, съ утратою своей политической самостоятельности, теряетъ почетъ, и тотъ, кто всегда служитъ другимъ, беспомощенъ и безсиленъ страхнуть съ себя иго, нисколько не уважается другими народоправными личностями. Только самостоятельные народы, какъ и независимые люди, могутъ рассчитывать на общественное признаніе и уваженіе; а такъ какъ самостоятельность прежде всего нужна большинству славянскихъ племенъ, то для насъ она — вопросъ національный, дѣло первой, рѣшительной важности. Нечего намъ говорить, каково о насъ мнѣнія были другіе народы, видя насъ во всѣхъ краяхъ въ служебномъ отношеніи къ иностранцамъ: нѣмцамъ, мадьярамъ, туркамъ и итальянцамъ, не замѣчая въ насъ никакого стремленія покончить съ такимъ положеніемъ. Иначе должно стать и станетъ въ ближайшемъ будущемъ. Но какимъ образомъ завоевать намъ себѣ самостоятельность и какъ потомъ намъ сложиться? По современному положенію нашему, для достиженія этого есть *тройкая* возможность, и господствующія объ этомъ мнѣнія у славянъ слѣдуютъ тремъ различнымъ направленіямъ, въ пользу: 1) образованія соединенныхъ федеративныхъ государствъ; 2) образованія изъ Австріи средоточія для всѣхъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ, такъ чтобы славянскій элементъ, какъ самый сильный въ ней, поднятый до высшаго государственнаго значенія, существенно измѣнилъ это государство, или, наконецъ, 3) присоединенія къ Россіи.

Первое онъ считалъ совсѣмъ невозможнымъ. Прежде всего, говоря о федеративныхъ государствахъ, — возможныхъ только въ видѣ республикъ, — надо оставить въ сторонѣ Россію и тѣ племена, которыя къ ней принадлежатъ или отъ нея зависятъ. О республикѣ въ самой Россіи, конечно, безумно думать — останутся слѣдовательно только австрійско-славянскія земли. Но онѣ еще должны завоевать свое положеніе, а это не легко. Всѣ онѣ внутри раздѣлены разноплеменностью населеній, города заняты инородцами, особливо нѣмцами; населенія дѣлятся различіемъ исповѣднымъ, наконецъ, степенью политическаго развитія. Къ ихъ общему и успѣшному дѣйствію предстоятъ непреодолимые препятствія — по разнообразію самыхъ племенъ, по ихъ географическому положенію, вѣшнимъ отношеніямъ.

Говоря объ этомъ разнообразіи славянства, Штуръ дѣлаетъ, наперекоръ обыкновеннымъ мнѣніямъ, любопытное замѣчаніе, что это разнообразіе, завѣщанное прошлымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже необходимо поддержать въ серьезномъ обще-славянскомъ интересѣ. «Нѣкоторые ученые, — говоритъ онъ, — пытались всѣ

славянскія нарѣчія (для сокращенія иль дробленія на слишкомъ мелкія и потому безсилныя единицы), за исключеніемъ русскаго, привести къ грѣху, но это средство не уменьшаетъ зла даже временно, пренебрегаетъ развитіемъ отдѣльныхъ племенъ и прокладываетъ путь къ тому, еще большому со временемъ, несчастію, такъ какъ современное положеніе этихъ племенъ можетъ быть только дѣленіемъ переходнымъ, а между тѣмъ, разъ соединившись въ большія громады, племена тѣмъ потонъ упорнѣе держались бы своей розни (партикуляризма), и только бы еще упорнѣе противились сліанію въ одно цѣлое. Ясный примѣръ тому поляки, послѣ русскыхъ самое сильное славянское племе, имѣющее самую богатую, за исключеніемъ русской, литературу и исторію;—они поэтому наиболѣе и противятся великому славянскому единству и тяготеютъ къ западу. Священнѣйшій долгъ каждаго славяннина состоитъ въ томъ, чтобы всегда имѣть въ виду не частное, а общее, и воставать противъ частнаго, когда оно старается распространиться на счетъ цѣлаго, ибо лишь съ цѣлымъ оживится гдѣ-нибудь все частное и достигнетъ болѣе счастливаго, уже издавна и горячо желаннаго, будущаго. Естественно, что между 8 славянскими племенами и 8 словесностями не можетъ быть восстановлено тѣсное согласіе, и, такимъ образомъ, нисколько не удивительно, что, несмотря на всѣ похвальныя усилія, «славянская взаимность» не особенно успѣваетъ, и при этомъ порядкѣ вещей никогда не утвердится такъ, какъ бы было желательнo. Она тѣмъ менѣе успѣваетъ, тѣмъ болѣе историческія примѣры и современное развитіе будутъ подстрекать отдѣльныя племена къ жизни обособленной и въ совершенному со временемъ отдѣленію отъ цѣлага; ибо другія, болѣе по-славянски настроенныя или слабѣйшія племена будутъ постоянно и съ полнымъ правомъ противодействовать подобнымъ стремленіямъ. Такого рода противодействіемъ представляется намъ сопротивленіе сербовъ хорватамъ или собственно, такъ называемымъ, илиракамъ, малоруссовъ полякамъ и словакамъ, въ языкѣ и литературѣ, чехамъ. По полученнымъ изъ жизни опытамъ, рѣшаюсь осуждать первое отщепенническое (сепаратистическое) стремленіе ¹⁾ и напротивъ того хвалить это сопротивленіе».

Самъ Штуръ дѣйствовалъ именно въ этомъ смыслѣ въ словацкой литературѣ. Словацкое нарѣчіе очень близко къ чешскому,

¹⁾ Т.-е. стремленіе образовать три или четыре крупныя, но уже совсѣмъ отдѣльныя славянскія массы,—при чемъ мелкія доли народностей были бы ими поглощены, а объединеніе обще-славянское (съ русскимъ языкомъ въ литературѣ) еще болѣе затруднено, или даже стало бы невозможнымъ. Стр. 140—141.

гораздо ближе, чѣмъ, напр., малорусское къ русскому, и однако, въ эпоху славянскаго возрожденія, у словаковъ также возникло стремленіе устроить себѣ особую литературу на своемъ мѣстномъ нарѣчій. Чехи воевали противъ этого, издали цѣлую хрестоматію голосовъ въ пользу чехо-словацкаго литературнаго единства, но словаки не убѣждались, и Штуръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ противниковъ этого единства и защитникомъ особой словацкой литературы. Мотивы своихъ дѣйствій онъ и означаетъ въ приведенномъ разсужденіи:

И въ другомъ пунктѣ своихъ разсужденій Штуръ опять расходится съ большинствомъ западно-славянскихъ мнѣній. Дѣтели западнаго славянства, не говоря о полякахъ, особенно чешскіе, всегда были склонны преувеличивать свои національныя силы. Часто овладѣвали ими страхъ за свое существованіе; они видѣли необходимость чужой помощи, искали ея, — но въ то же время не хотѣли сознаться въ томъ, до какой степени чужая опора имъ необходима. Штуръ говоритъ совершенно открыто объ этой безпомощности западнаго славянства, которая и является однимъ изъ основныхъ аргументовъ въ пользу того, что славянству неизбѣжно надо примкнуть къ Россіи.

«Но если вы хотите совершить наше рабство, — говоритъ онъ славянамъ, — и образовать государство, то гдѣ же на то твердая, непреклонная воля, гдѣ творческая сила, гдѣ среда дѣйствія, гдѣ всякаго рода капиталы, нужные для основанія и поддержанія государства, гдѣ, наконецъ, ожидать несокрушимаго единства общей воли? Говоримъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, но говоримъ откровенно: *нами слымы сломаемы* чужеземнымъ господствомъ, *племенными* питаются и живутъ нашимъ потомъ и кровью, скупо подаютъ намъ средства на наше самообразование, или совершенно насъ отъ него удерживаютъ. Наши племена только *обломки одной народности*. Ихъ можетъ возродить и соединить въ одно цѣлое только *однородная, добросовѣстная, могущая сила*. Правда, мы можемъ еще уничтожить все-какую гниль, но *безсилны* возродиться и поддерживать себя *собственными средствами*. Долой такимъ образомъ со всѣми утопіями, и примемся за работу съ вѣрнымъ взглядомъ на наши обстоятельства, на ходъ исторіи. Задача нашихъ племенъ состоитъ не въ основаніи государствъ, а въ безостановочной, непрерывной, *применительной работѣ* въ великому подвигу, въ оживленіи и подготовѣ нашихъ народностей къ тому, чтобы, какъ только настанетъ великій славянскій день, онѣ были достаточно вразумлены и одушевлены на подвиги, необходимые для нашего возжеланнаго

спасенія. Поэтому-то, ты, славянинъ и дитя этихъ племенъ, не пропускай ни одного дня безъ работы для своего племени, блюди его права, обрадуй и поужай его и не будь никогда тѣмъ продажнымъ рабомъ у повелителей твоего племени, который давно томится въ неволѣ и влечеть, подъ ихъ же прощятіями, триумфальную ихъ колесницу!»

Разсуждая о второмъ предположеніи—образованіи изъ Австріи средоточія для южныхъ и западныхъ славянскихъ земель,—Штуръ снова высказываетъ мысли, прямо противоположныя рѣшеніямъ пражскаго съѣзда. Эта теорія кажется ему еще негнѣе и несбыточнѣе первой. Она дурна тѣмъ, что собирается строить на выветрившемся и гниломъ основаніи; племена окончательно истощать себя, рѣшая эту невозможную задачу. Австрія есть старая нѣмецкая украинна, предназначенная для оиѣмеченія юго-западнаго славянства, и безъ измѣны самой себѣ она не перестанетъ быть нѣмецкой: она погибнетъ, если рѣшится это сдѣлать. Она и не сдѣлаетъ этого, потому что съ успѣхомъ и доселѣ обращаетъ славянъ въ нѣмцевъ, спокойно забывая всѣ только-что данныя обѣщанія національной равноправности. «О горе вамъ, славянамъ, горе тебѣ, *славянская* Австрія! Кто же изъ васъ столь безуменъ и ослабленъ, что, забывши всю прежнюю австрійскую исторію, послѣ такихъ ужасныхъ разочарованій, еще можетъ вѣрить въ славянскую или равноправную Австрію». Нѣкогда существованіе Австріи имѣло смыслъ. Она должна была собрать разрозненные племена, огорвавшіеся отъ своихъ корней, составить изъ нихъ государство, чтобы противостать турецкимъ нашествіямъ. Теперь Турція уже никто не боится; въ племенахъ, составляющихъ Австрію, пробудился духъ національности; они стремятся приобрести самостоятельность, и бѣгутъ изъ нея. Она такъ ослабла, что не въ силахъ была сама усмирить возмущившихся подданныхъ и должна была просить чужой помощи. Штуръ ожидаетъ, что славяне уже не сдѣлаютъ больше той глупости, какую сдѣлали въ 1848—1849 годахъ. «Повидимому, славянскія племена уже болѣе не будутъ помогать Австріи, даже, вѣроятно, станутъ дѣйствовать совершенно въ противоположномъ смыслѣ; ибо, помогая Австріи, они принуждены будутъ работать на свою голову, сами собственноручно вовать цѣни для своего еще большаго порабощенія, добровольно трудиться въ пользу своего оиѣмеченія и угоня въ нѣмецкую изгородь, защищать погибшее дѣло и, въ награду за всѣ эти услуги, навлекать на себя справедливую ненависть всѣхъ народовъ. Въ этомъ также заключается и опасность, и что-то презрительное для славянскихъ племенъ съ оказываемою

ими помощью Австріи». Штуръ думаетъ, что на будущее время и Россія едва ли озаботитъ Австрію помощью, какъ въ венгерскую войну, потому что не захочетъ брать на себя вѣдливую ответственность передъ своимъ народомъ.

Наконецъ, Штуръ говоритъ о самомъ заявленіи теоріи славянской Австріи на пражскомъ съѣздѣ.

«Мысль образованія изъ Австріи точки опоры для славянскихъ племенъ въ средней Европѣ вышла изъ головъ чешскихъ, есть сочиненіе чешскаго историографа Палацкаго, правда, ученаго и положительнаго, но недальновиднаго и безъ идей. Палацкій, впрочемъ, въ этомъ случаѣ взялъ на буксиръ чешскую, приверженною къ Австріи, аристокрацію. Такимъ образомъ чехамъ отрывались виды на верховенство надъ славянскими племенами Австріи, даже на ея преобразование въ ихъ смыслѣ; причѣмъ ея власть необходимо досталась бы въ ихъ руки. Они съ жаромъ ухватились за эту мысль, потому что они, благодаря своему католичеству, тяготѣли къ Австріи. Они употребляли всѣвозможныя усилія, чтобы провести эту мысль у другихъ славянъ, и имъ удалось привлечь къ ней и такъ-называемое илліриство».

Это и были планы, проводившіеся на пражскомъ съѣздѣ. Штуръ указываетъ затѣмъ, какъ жестоко должны были разочароваться партизаны славянской федеративной Австріи, когда, по усмиреніи революціи и венгерскаго возстанія, на славянъ же, спасавшихъ Австрію, обрушились новыя угнетенія. «Мы убѣждены, что сами поборники славянской Австріи между чехами, Палацкій, Гавличекъ и пр., теперь раскаялись въ своемъ австрийскомъ усердіи и, быть можетъ, уже держатся другою образомъ мыслей... Съ федераціею Палацкаго Австрія быстро подвергнется совершенному разложенію, и Меттернихъ хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ, держа въ ежовыхъ рукавицахъ всѣ народности Австріи, и давалъ имъ всѣмъ, за исключеніемъ мадьярской, которую не успѣлъ овладѣть, пользоваться небольшою призрачною жизнью. Славянскую Австрію предоставьте нѣкоторымъ чешскимъ аристократамъ, нѣсколькимъ католическимъ епископамъ и ихъ продажнымъ рабамъ!.. У чеховъ всего меньше причинъ служить австрийцамъ какими-то щитоносцами»...

Но если славянству невозможно ли устроить федеративныя государства, ни развиться въ Австріи, ему остается единственный путь — соединеніе *всѣхъ славянъ съ Россіей*. «Не Россія ли досихъ поръ служила для западнаго и южнаго славянства единственной помощью и надеждой? — спрашиваетъ онъ. — Признаемся откровенно: развѣ всѣ наши національныя стремленія имѣли бы

какой-нибудь смысл, значение и будущее без Россіи, при непоколебимой ненависти въ намъ чужеземцевъ, которымъ мы уже покорились и которые хотятъ теперь дѣлаться господствомъ надъ нами? Не будь Россія... турки, нѣмцы, въ союзѣ съ мадьярами и итальянцами, не кинулись ли бы на насъ и, при своемъ численномъ превосходствѣ и разныхъ другихъ преимуществахъ, не задавили бы насъ и не увеличили бы нашего рабства до медленной нашей смерти? Гдѣ Россія и не выступала положительно за славянство, она все же оказывала и продолжаетъ ему оказывать самыя важныя жизненныя услуги. Если такимъ образомъ наше пробужденіе нашло себѣ въ Россіи точку опоры, если она прежде была и теперь намъ всею полезна, то понятно, что все дальнейшее наше существованіе, весь нашъ жизненный вопросъ связанъ съ нею. Къ чему идти противъ Россіи, къ чему въ близорукости, пристрастіи, безуміи или злобѣ, словомъ и дѣломъ, трудиться противъ Россіи?»..

Какъ пражскій съѣздъ вступался за поляковъ, такъ Штуръ осуждаетъ ихъ — съ той же точки зрѣнія, какъ иногда дѣлалось у насъ: поляки — единственные славяне, которые ненавидятъ Россію; ради этой ненависти они постоянно искали помощи у иностранныхъ государствъ, и эти ихъ постоянно обманывали; своими легкомысленными возстаніями и всегда имъ вредными союзами съ иноплеменниками, поляки потеряли довѣріе и расположеніе своихъ единоплеменниковъ. «Вся ихъ исторія очевидно доказываетъ, что они не въ состояніи держать верховенство надъ славянскими народами». Если бы въ борьбѣ поляковъ съ русскими, первые одержали верхъ, то была бы рѣшена участь всѣхъ славянъ, далеко вдвинувшись въ Европу, — они погибли бы. Россія своей побѣдой доказала свое славянское предназначеніе.

Въ заключеніе, Штуръ пишетъ восторженный трактатъ о могуществѣ Россіи, о тѣхъ великихъ задаткахъ, какіе она имѣетъ для будущаго, объ ея значеніи какъ единственной славянской державы, въ которой просто и въ чувства самосохраненія должны присоединиться славяне. Это — та тема величія Россіи, которую мы указывали въ запискѣ Югодина 1838 года, но развитая съ гораздо большимъ умомъ и, вѣроятно, большей искренностью. Штуръ не пропускаетъ возраженій, какія дѣлались противъ необразаемаго имъ характера Россіи, и горячо защищаетъ ее; онъ признаетъ, что въ ея настоящемъ положеніи есть недостатки, но онъ надѣется, что время ихъ исправитъ. Какъ только Россія перемѣнитъ свою прежнюю политику, ея власть въ славянскомъ мірѣ обезпечена. Внутреннія условія дѣлаютъ Россію естествен-

нымъ предводителемъ славянства; въ условіяхъ внѣшнихъ, ея со-
сѣди — государства, съ угнетаемыми славянскими подданными,
«гнилая Австрія и турецкій трутъ». «Они распадутся сами со-
бою, и русскіе должны будутъ, въ выгодахъ собственной безопас-
ности, вмѣшаться въ ихъ дѣла».

Штуръ съ сожалѣніемъ говоритъ объ иностранныхъ союзахъ
Россіи, которые дѣлали ее исполнительницей чужихъ дѣлъ и от-
даляли ее отъ собственныхъ національныхъ задачъ. «Опирается
на все славянство — вотъ единственно природная и сообразная
Россіи политика. Славянскія племена, нынѣ находящіяся въ пре-
дѣлахъ русскаго государства, однажды соединившись съ Россіею
въ одно цѣлое, слѣдуетъ достаточно замѣнять ей иностранные
союзы. И такъ, терпѣнье, славяне!»

«Только въ русскомъ государствѣ имѣетъ славянская жизнь
основаніе и опору для своего дальнѣйшаго развитія, только твор-
ческая и охранительная русская сила можетъ возродить обломки
нашей народности, и характеръ русскаго народа составляетъ
единственную могучую силу тяготѣнія для нашихъ племенъ, еще
не совершенно невѣрныхъ своей природѣ... Такому предводителю
славянскія племена могутъ довѣриться безъ опасенія...

«Громадная русская сила напираетъ впередъ, она не можетъ
успокоиться, она постоянно должна искать новыхъ театровъ своей
дѣятельности. Славянское сознаніе сильно пробуждается въ Россіи
и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ее охватываетъ, а оно
не можетъ долго оставлять въ рабствѣ и нуждѣ родственныя
русскимъ племена... Но пора, въ высшей степени пора, Рос-
сіи сознать свое призваніе и приняться за славянскую идею; ибо
долгое промедленіе можетъ, по нашему мнѣнію, имѣть дурныя
послѣдствія.

«Но для того, чтобы Россія увеличилась присоединеніемъ къ
ней славянъ, чтобы славянство разъ навсегда приобрѣло жизнь
и дѣйствительность, она должна такъ *устроиться внутри*, какъ
того требуютъ духъ славянства, истинная современная образова-
нность и ея міровое положеніе».

Это послѣднее, внутреннее устройство, Штуръ считаетъ перво-
степенной необходимостью. Славянство искони отличалось своимъ
патріархально-демократическимъ складомъ, развитіемъ общинно-
сти, областного самоуправленія, но никогда не умѣло сдѣлать
вѣрнаго шага отъ этого послѣдняго въ государственности, къ
цѣльному единству. Отсюда его дѣленіе, слабость, маловѣць,
чужое иго. Но такая государственность есть въ Россіи: но —
«пусть только придетъ она въ согласіе съ указанными народе-

правными, нашему народному духу сообразными учреждениями, чѣмъ вообще будетъ удовлетворена потребность дѣльнѣйшаго государственнаго развитія и отнять поводъ къ неслучаемымъ переворотамъ».

«Объединенное такою властью правительство никогда не можетъ стоять вѣдъ своего народа и колебаться на воздухѣ, но должно, сообразно нашему народному духу и его предназначенію, идти съ народомъ рука объ руку, согласно его правамъ и потребностямъ...» Иначе, рано или поздно явится отчужденіе, и возможны станутъ «незамѣримыя несчастія». Въ случаяхъ важныхъ и трудныхъ власть отбрасываетъ мѣнья отъ областныхъ народоправныхъ учреждений — «или, что еще лучше и болѣе по-славянски, — заключаетъ Штуръ, — оно созываетъ земскій соборъ»¹⁾.

Развивая далѣе свои мысли объ этомъ предметѣ, Штуръ продолжаетъ:

«Между правительствомъ, поставленнымъ въ такія отношенія къ народу, и самимъ народомъ да нѣкоимъ образомъ не пробивается тайная полиція, — это иностранное порожденіе, отравляющее взаимное довѣріе и питающее только недоувѣріе въ правительствѣ и въ народѣ, искусственно вызывающее разрывъ и развращающее народъ»²⁾.

Во вѣрнѣйшей полнотѣ слѣдуетъ, по мѣнью Штура, отказаться отъ политическихъ союзовъ, заключаемыхъ единственно въ видахъ сохраненія падающихъ или безпомощныхъ династій и престоловъ (политика священнаго союза, помощь австрійской династии, охрана Турціи и т. д.). «Черезъ это славянское правительство, почившее совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ другія иностранныя державы, отождествляется съ несогласными, изъ вѣри вышедшими, падающими правительствами, навлекаетъ на себя ненависть народовъ, — безъ всякаго, быть можетъ, основанія³⁾, — само теряетъ уваженіе у своего народа, ибо пренебрегаетъ своимъ дѣломъ, и лишается довѣрія другияхъ славянскихъ племенъ. Дѣйствіе этихъ союзовъ достаточно бы было, по нашему мѣнью, восполнено для русскаго правительства союзами съ славянскими племенами, живущими вѣдъ Россіи, если она, сознавъ свое высокое всемірно-историческое призваніе, возмечетъ

1) „Славянство и миръ будущаго“, стр. 181.

2) Тамъ же, стр. 182.

3) Въ другомъ мѣстѣ Штуръ объясняетъ, что это дѣлалось Россіей, чтобъ задержать успѣхи революціи. Онъ самъ не очень сочувствовалъ новѣйшимъ европейскимъ идеямъ, но внимательство Россіи въ эти дѣла все-таки ему не нравится (Ср. стр. 174).

славянскую идею за свою путеводную звѣзду и обрететъ на славянство. Ибо *только тогда* эти племена будутъ готовы приикнуть въ Россію».

Наконецъ, онъ говоритъ о необходимости возвращенія древней славянской церкви и принятіи славянствомъ русскаго литературнаго языка. Этимъ объединеніе было бы завершено.

Мы подробно остановились на сочиненіи Штура, потому что оно есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ фактовъ въ литературѣ панславизма, и все-таки очень мало извѣстно даже у насъ, не говоря о западномъ славянствѣ. Въ своемъ родѣ, это — единственное произведеніе, гдѣ западный славянинъ, горячій патриотъ въ своей народности, является вмѣстѣ самымъ ревностнымъ партизаномъ такъ-называемаго «русскаго панславизма» и съ глубокимъ убѣжденіемъ призываетъ своихъ единоплеменниковъ въ русскій союзъ. Въ его взглядъ на Россію есть идеализація, есть незнаніе частныхъ, фактическія ошибки; но это не помѣшало ему сдѣлать и существенно вѣрные замѣчанія о русской внѣшней и внутренней политикѣ — и указать, что въ ней должно быть измѣнено, чтобы славянство могло довѣриться русскому союзу. Тѣмъ нашимъ повинностямъ, которые въ послѣдніе годы считали «расхолаживающимъ» всякое напоминаніе о нашихъ внутреннихъ нуждахъ и недостаткахъ, было бы очень полезно выкинуть въ приведенныя сейчасъ слова Штура объ этихъ предметахъ: они увидѣли бы, что для разумныхъ славянъ, даже съ величайшей привязанностью къ Россіи, эти предметы составляютъ пунктъ величайшей важности, — такой, что безъ измѣненія въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ самый союзъ съ Россіей, столь крайне необходимый для славянства, казался имъ невозможнымъ. Такимъ образомъ, вся тяжесть славянскаго вопроса лежала въ положеніи нашего вопроса внутреннего. Хотя бы это прямое свидѣтельство научило чему-нибудь нашихъ вѣйшихъ славянолюбцевъ.

Отъ нихъ станется (если напомнить имъ о Штурѣ, — которого, можетъ быть, впрочемъ, они и совсѣмъ не знали), что они найдутъ у Штура одинъ только панегирикъ русскому перевесу въ славянствѣ, — станется, что его идеалистическая и вмѣстѣ глубокая привязанность къ Россіи можетъ послужить только лишнимъ поводомъ къ національному самохвальству, и что они не поймутъ всего серьезнаго смысла его словъ о внутреннемъ русскомъ бытѣ. — Сочиненіе Штура писано, какъ мы видѣли, въ

началѣ 1850-хъ годовъ, но нечего доказывать, что и въ нынѣшнемъ состояніи нашего быта, несмотря на всѣ утѣшающія насъ реформы, его замѣчанія остаются справедливы и примѣнимы. — Мы думаемъ, напротивъ, что теплыя надежды этого замѣчательнаго западнаго славянина на русскій народъ и государство, тѣмъ болѣе обязываютъ насъ къ правдивому отвѣту, — чтобы своими умолчаніями не вводить въ заблужденіе людей, которые уже слишкомъ много вынесли и выносятъ національнаго бѣдствія, и которые ждутъ отъ насъ освобожденія.

А. Пипинъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ

СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Окончаніе 1).

V. Дивъ и волванъ тмотораканскій. Дивъ, какъ извѣстно (отъ корня *dīw*—свѣтить, лат. *Deus*, литов. *Dewas*, санскр. *Dewa*), первоначально божество свѣтлое, но уже въ первобытныхъ времена, вслѣдствіе религіозной реформы, у зендскаго племени низведенъ былъ на степень существа злого и демоническаго (*Dīw*—злой духъ).

Любопытно, что у семитовъ для выраженія хищнаго полета птицъ употреблялось слово того же корня—*DaJa* (Втор. 28, 49; Іер. 48, 40, 49, 22); равно какъ тѣмъ же словомъ выражалось и движеніе божества: полетъ на крылу вѣтренюю (Псал. 18, 11). Существовало даже названіе того же корня для какой-то неизвѣстной хищной птицы (Втор. 14, 13).

Отсюда видно, что съ арійскимъ понятіемъ „дива“, перешедшаго даже къ семитамъ, въ глубокую древность соединялось, между прочимъ, и „представленіе быстрого летанія“

На русской почвѣ Дивъ получилъ значеніе существа враждебнаго и представляется въ образѣ „миѣнческой птицы“.

Такъ, напр., описываютъ его въ Олонецкой губерніи:

Дивъ—птица-укальница, сѣрая какъ баранъ, шерсть на ней какъ войлокъ, глаза, какъ у кошки, ноги мохнатыя, какъ у звѣря; птица она вѣщая—сѣла на шелома—ожидай бѣду. Сидитъ она на сухомъ

1) См. выше: октябрь, 767 стр.

дереви и кличетъ, свещеть она по змѣнному; кричитъ она по звѣриному; съ носа искры падаютъ; изъ ушей дымъ валеть.

Это народное описаніе „Дива“ вполне подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ „Словѣ о полку Игоря“ — Дива, средняго съ дивами персидскими“.

Дивъ „Слова“ существо, повидимому, именно „крылатое“; такъ какъ сидѣлъ „вверху древа“. Существо огромнаго размѣра, тяжелое и грубое, что видно изъ выраженія „верхеса на землю“: такъ нельзя говорить о птицѣ „обыкновенной и легкрылой“.

Но главное и отличительное качество, которымъ Дивъ характеризуется въ „Словѣ“, это его богатырскій неистовый „кликъ“, обращенный къ Волгѣ, Поморію и Песулію и Суражу и Корсулю и къ Тмутораканскому болвану.

Половцы для него также земля невѣдома, но онъ подлететь туда вѣсть, лишь бы только навливать бѣду. Нельзя не согласиться съ А. Н. Веселовскимъ, что въ этомъ очертаніи олицетворенъ мистическій образъ „злой судьбинн“.

Въ такомъ очертаніи является Дивъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Богатырскій его образъ весьма мало походитъ на „женотвенныи и слабыи натуры дивовъ“ и самодивовъ южныхъ славянъ, которые скорѣе смахиваютъ на наши „вѣдьмы-удѣльницы“.

На русской землѣ не мало преданій о дивахъ и воѣ: они безъ сомнѣнія были ближе къ „грозному и страшному Диву“ „Слова“.

На эти преданія прямо указываютъ многочисленныи имена селеній, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Каковы, напр.: Дивѣвъ-усадь (инзег. губ. лужск. уѣзда); Дивѣво (тамъ же, арзам. уѣзда); Дивная гора (арсл. губ. угл. уѣзда); Дивногорская пустынь (тамъ же); Дивиница (твер. губ. вышн. уѣзда); Дивиха, Дивиси, Дивасы и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что со многими изъ этихъ названій и теперь еще связаны въ сознаніи народа разныя преданія о дивахъ. Собраніе этихъ преданій гораздо лучше уловило бы для насъ богатырскій образъ „Дива“ нашего „Слова“, чѣмъ южно-славянскіе рассказы о самодивахъ. Намъ остается только выразить желаніе, чтобы мѣстные исследователи обратили вниманіе на эти преданія и записали ихъ съ возможной точности и буквальной пересказъ.

Теперь спрашивается: кто этотъ Тмутораканскій болванъ, въ сторону, между прочимъ, кликомъ своимъ устремленный „Дивъ“, „сидѣвшій вверху древа“?

Въ одномъ изъ изсѣданій московскаго археологическаго общества Д. Н. Иловайскій предложилъ оригинальное объясненіе этого Тмутораканскаго болвана. Онъ нашелъ, что въ польскомъ языкѣ волея значить волну и сблизилъ это значеніе съ словомъ „болванъ“. Подъ

Тмутараканским болваномъ; по его догадѣ, разумѣется проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ. Обращаясь „взвномъ своимъ“ къ Волгѣ, Визѣ, Поморью и Посульѣ, Диву естественно было воззвать и къ этому проливу, но берегамъ котораго гнѣздились половецки. Но какъ бы ни казалось правдоподобнымъ это своеобразное предположеніе, принять его невозможно въ виду того факта, что болванъ въ письменности XII вѣка имѣетъ всегда определенное и точное значеніе истукана; кумира, идола (σύλη, ἰδὸλον) ¹⁾. Въ виду того, что степь въ нашихъ былинахъ олицетворена въ образѣ „поганого идолнича“, ближе допустить, что и Тмутаракань въ „Словѣ о полку Игоря“ олицетворена въ видѣ подобнаго же идола, которому подаетъ вѣсть злой ронъ въ образѣ Дива о движеніи къ Дону половецъ Игоря. Нѣтъ основанія отвергать, что дѣйствительно стоялъ въ Тмутаракани какой-нибудь истуканъ, представлявшій божество половецкѣ.

VI. Дѣва-овида. Обида, какъ мы видѣли, означаетъ оскорбленіе и униженіе и, на дружинномъ языкѣ, „пораженіе и гибель“. Говорятъ, что „въ силахъ Дажь-божьяго внука встала обида“, авторъ „Слова“ живописуетъ предъ нами эту обиду, олицетворяя ее въ „образѣ Дѣвы“ и описывая, какого рода времена пробудила она своимъ явленіемъ.

Сообразно внутреннему понятію обиды, и эта Дѣва является, съ одной стороны, Дѣвой раздора, а съ другой—пораженія и гибели.

Не такъ подробно описываетъ авторъ образъ явленія этой дѣвы, но за то весьма картинно и съ глубокимъ чувствомъ изображаетъ онъ губительныя и тяжкія послѣдствія ея появленія.

О ней самой мы узнаемъ только, что, соответственно обидѣ, вставшей въ силахъ Дажь-божьяго внука, она также вступаетъ на землю Трояню... Самое мѣсто и обстановка ея появленія, такъ-сказать, даютъ знать, что эта Дѣва выступаетъ здѣсь въ силу дружинныхъ преданій и сама принадлежитъ къ числу дѣвъ, являющихся на поляхъ брани.

Далѣе, это—„Дѣва съ лебедиными крыльями“. Мало того, что авторъ обиду облачаетъ въ ливъ дѣвы,—образъ, повидному, не соответствуетъ своей идѣ,—но онъ еще украшаетъ эту Дѣву лебедиными крыльями. Красная дѣвица, лебедь бѣлая, является олицетвореніемъ нравственнаго приниженія и гибели. Чтобы понять художественное значеніе этого образа, нужно только взглянуть на небо съ точки зрѣнія эпической поэзіи, а никакъ не современнаго художества. Злая сила, олицетворяемая эпосомъ, часто, какъ-бы для обмана людей, носитъ обольстительный ливъ, и чѣмъ губительнѣе нѣкъ дѣйствія, тѣмъ скорѣе принимаютъ на себя обольстительныя ливы. Поэтому-то

¹⁾ См. рук. свод. № 114, пергам. лѣтка XII в. ит. лѣтка XIII в.

даже такая страшная и смертельная сила, какъ смерть, въ народной мовіи не рѣдко олицетворяется также въ образѣ красной дѣвушки“.

Послѣдній признакъ этой Дѣвы-обида тотъ, что она сидитъ лебединими крыльями плещется „на синемъ морѣ у Дона“. Даже дождѣ возмолваніе воды на рѣкѣ или озерѣ, безъ видимой причины, считается въ народѣ дурнымъ предзнаменованіемъ и приписывается „любостанію вакай-то зловѣщей рыбы“ или даже просто нечистой силѣ. Вотъ все, что сказано въ „Словѣ“ о самой Дѣвѣ-обидѣ. Но за то—какими трогательными чертами описаны здѣсь пагубныя послѣдствія явленія этой Дѣвы. Убудила она жирныя времена, т.-е. настали для ней раздольные годы или, поворы нашимъ языкомъ, и на ея улицѣ стали разгульный веселый праздники. Братъ сталъ говорить брату: се мое, а то мое же... князья стали криволю воевать, а юганне со всѣхъ сторонъ рыскають на землю русскую... Застональ отъ тучи Кіевъ, а Черниговъ отъ напасти: погасла сворбъ по землѣ русской и т. п.

Всѣ княжескія раздоры, гибель дружины и всей русской земли являютъ въ „Словѣ“, какъ живое и осязательное свидѣтельство того, какія жирныя времена пробудила эта Дѣва-обида своимъ плесканіемъ на синемъ морѣ.

Итъя все это въ виду, не трудно, кажется, понять, что „Дѣва“ „Слова о полку Игоревѣ“ не имѣетъ ничего общаго съ „болгарскими дѣвами и самодѣвами“¹⁾, которая, бывъ одержавши страстию къ земнымъ юнакамъ, враждуетъ съ ними изъ-за земныхъ красавицъ: онѣ больше смахиваютъ на нашихъ вѣдьмъ, живущихъ, подобно имъ, на деревьяхъ, и на нашихъ русалокъ, живущихъ въ водахъ, чѣмъ на Дѣву-обида нашего „Слова“. Эта Дѣва побѣдоносна, пагубныя дѣствія ея неотразимы; болгарскія же дѣвы и самодѣвы—не болѣе, какъ классическія леріи (Lerici), слабыя, таинственныя созданія, поддаемыя страстию и похотию.

Точно также и образъ Діаны²⁾ и образъ „дѣвы суда Любуши“³⁾ никакъ не подходятъ подъ картину нашей „Дѣвы-обида“. Если и не вполне справедливо, то, не крайней мѣрѣ, умѣстнѣе и ближе къ дѣлу сравненіе Максимовича нашей „Дѣвы-обида“ съ литовской Дѣвой-тумой,—которая отъевшия платонъ навѣваетъ смерть и варазу на землю.

Есть и еще оригинальное мнѣніе объ этой Дѣвѣ-обидѣ: князь

¹⁾ Взглядъ на „Слово о полку Игор.“ Всев. Миллера, стр. 98—99.

²⁾ Мнѣніе Шишкова.

³⁾ По мнѣнію Дубянского.

П. П. Вяземскій разумѣетъ подъ нею прекрасную Елену, изъясъ которой греки бились подѣ Троей; она утверждаетъ, что Елена также называлась лебедо-крылатой (190 ст.), что она также единстворяла распри, насилія, обиду (192), что поклоненіе ей на Черномъ и Азовскомъ моряхъ не подлежитъ сомнѣнію (стр. 14, 99, 201—208).

Но такъ какъ всѣ эти мнѣнія въ исследованіи почтеннаго автора связаны съ исторіею классическаго мѣа вообще, то подробное разсмотрѣніе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Здѣсь мы закътъсь только, что если бы авторъ „Слова“, изображая Дѣву-обиду, накодился дѣйствительно подѣ воздѣйствіемъ именно образа Елены и вообще классическаго мѣа, то Гомеровы черты этой Елены, по нашему мнѣнію, оказались бы ярче, характернѣе — и образъ былъ бы полнѣе, осязательнѣе и, если можно, такъ-сказать индивидуальнѣе.

Наша Дѣва-обида, какъ мѣтко указалъ А. Н. Веселовскій, по своему характеру и не довольно опредѣленному облику, походить на образъ „Судьбы“, какъ именуется она въ „Прчитаніяхъ Сѣвернаго края“:

Судинушка по берегу ходила,
Странно ужасно голосомъ водила;
Во дланя Судинушка плѣскала
И до суженихъ головъ да добралася.

Но почему Дѣва-обида является въ „Словѣ“ „крылатою“?

Г-нъ Веселовскій объясняетъ это творчествомъ автора „Слова“, говоря, что представляе Дѣву лебедю, по общему закону развитія мѣа, естественно вызвало его воображеніе и въ украшенію ея „крыльями“. Однако знаменательно, что въ народной повѣи красная дѣвушка всего чаще рисуется въ образѣ бѣлой лебедушки, не имѣтъ примѣра, чтобы сама Дѣва, оставаясь таковою, изображалась съ лебедьими крыльями.

Едва ли не вѣрнѣе думать, что образъ крылатой Дѣвы, вступившей на землю Трояню, взятъ изъ круга мѣологическихъ преданій дружиннаго цыкла. Въ одномъ старо-русскомъ поученіи, въ рукописи XVI вѣка, мы читаемъ, наримѣръ, слѣдующее: „Дѣа есть „крылѣ имуща“ златѣ, бѣло имуща лице, „крылата есть“ и легла. Оу вѣстола столци-цѣрьска внигда соумса внизанѣ прѣстоитъ и вѣлаесл“. Не можемъ также опустить здѣсь изъ виду русскихъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ Дѣвы; таковы, наримѣръ: „Дѣвичьи-горы“ (нижегородской губерніи, лукояновскаго уѣзда), „Дѣвичье городище“ (курской губерніи, путивльскаго уѣзда) и мн. др.

Извѣстно, что въ спискѣ книгъ Константина-Порфиророднаго, жоторна долженъ имѣтъ императоръ въ своей библиотекѣ, значитсѣя, между прочимъ, „Встрѣчникъ“, т.-е. указатель разныхъ воинскихъ

вогнѣній и пригнѣтъ относительно удачь и неудачь похода. Имя въ виду стрѣй и характеръ вѣнсвой дружинной Руси и связь ея съ Византїей, не странно допустить, что и среди ея могъ обращаться подобнаго же рода „указатель удачь и неудачь походовъ“. Изъ круга этихъ-то дружинныхъ преданій, хотя бы даже классическаго характера, и могла явиться въ „Словѣ“ „Дѣва-обидя съ лебедьими крыльями“. Подобно тому, какъ въ классической повѣи выступаетъ богиня *Эри* — богиня вражды и распри, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми, наша „Дѣва-обидя“ тамъ, гдѣ рѣшается роль вразумительнаго похода Игоря, также является какъ развѣдательница княжескихъ страстей и усобицъ.

VII. Троянъ. Одно изъ самыхъ неопредѣленныхъ именованій именъ „Слова“ — это, безъ сомнѣнїя, есть имя Трояна. Имя это, какъ извѣстно, встрѣчается въ „Словѣ“ четыре раза; здѣсь упоминается „рѣка Трояновъ“ и „садъмой рѣкъ Трояновъ“, „тропа Троянова“ и „земля Троянова“.

Имя Трояна — есть имя обычное у южныхъ славянъ. У сербовъ и болгаръ донныя сохранились преданія о какомъ-то ивнеческомъ существѣ Троянѣ или Троянѣ, связанномъ съ мѣстными урочищами, извѣстными подъ именемъ „Трояновихъ“. По сербскимъ преданїямъ, Троянъ боится солнечнаго свѣта и выходитъ изъ дома только по ночамъ — и, наконецъ, погибаетъ, растопившись отъ солнечнаго жара: иногда онъ представляется съ волыими ушами, иногда съ тремя головами и восковыми крыльями, которыя тоже отъ солнца растаиваютъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ воспѣвается языческій городъ Троянъ или Троянъ, жители котораго поклонялись золоту и серебру.

Едва ли не такое господство Трояна у южныхъ славянъ и было главнымъ поводомъ къ построенію разсмотрѣнной нами гипотезы о византійско-болгарскомъ прототипѣ „Слова“. Но въ дѣнномъ случаѣ не мѣшало бы имѣть въ виду и то, какъ широко употреблялось имя Трояна и на русской землѣ.

Извѣстны „Трояновы валы“ въ южной Россіи. Киевскіе Трояновы валы берутъ начало ниже Киева, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ рѣка Росъ вливаетъ въ него свои воды, и въ разныхъ направленїяхъ идутъ на сѣверо-западъ черезъ уѣзды: богуславскій и васильковскій, сквирскій и кievскій; изъ него входятъ въ радомысльскій, упираясь тутъ въ рѣку Звизъ, по другимъ — въ Припять, впадающую въ Днѣпръ. Такимъ образомъ, Трояновы валы опоясываютъ Киевъ. Не мало извѣстно на Руси и въ другихъ мѣстахъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ Трояна. Есть, напримѣръ, Троянъ въ таврической губерніи и Троянъ же въ бессарабской области. Есть Трояны, Троянка, Трояново въ херсонской губерніи. Есть Троя

и Троянова въ полтавской губерніи. Есть Троянова въ волынской губерніи. Есть Трояново въ орловской губерніи — и есть, наконецъ, Троянова въ калужской губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что со всеми подобными географическими названіями связаны въ веродѣ какія-нибудь мифическія преданія. Въ ожиданіи о томъ свидѣній отъ мѣстныкъ исследователей, мы, съ своей стороны, можемъ лишь только замѣтить, что не даромъ же, конечно, и одинъ изъ кievскихъ Трояновыхъ валовъ называется „Змѣинымъ“.

Все эти данныя должны сдерживать нормы увлеченія болгарскими и сербскими именами Трояна и должны остановить вниманіе исследователя прежде всего на значеніи этого имени на русской землѣ.

Между собственными именами въ древнѣйшую эпоху дружинной кievской Руси встрѣчаются также имена — если не тождественныя, то весьма подобныя имени Трояна. Такъ, въ договорѣ Олега съ греками мы находимъ имена: „Труанъ“, „Труане“, „Трианъ“ и т. п. Какъ собственное имя, Троянъ даже попадаетъ и между служилыми людьми московской Руси. Эта извѣстность имени Трояна на Руси достаточно показываетъ, въ какой мѣрѣ научно предположеніе, будто это имя принадлежитъ только южнымъ славянамъ и будто авторомъ „Слова“ взято оно напрокатъ изъ болгарскихъ книгъ.

Различны мнѣнія исследователей объ этомъ Троянѣ. Одни разумѣютъ подъ нимъ римскаго императора Трояна (Бараминъ, Максимовичъ и другіе), но такія выраженія, какъ „вѣка“ Трояна, „седмѣй вѣкъ“ Трояна никакъ не могутъ быть объяснены лицомъ историческаго Трояна, какъ бы ни славна была его дѣятельность и какъ бы ни было грандіозно значеніе его въ славянской исторіи. Не бывало народа, который велъ бы свое лѣтосчисленіе отъ враждебнаго себѣ лица, отъ завоевателя и угнетателя.

Другіе (кн. П. П. Вяземскій) указываютъ здѣсь въ имени Трояна преданія о тѣхъ троянахъ, противъ которыхъ греки сражались подъ Троей. Сближенія кн. Вяземскаго сами-по-себѣ избыточны и много помогаютъ въ разъясненію смысла и всемірной распространенности древне-классическаго мифа; но выраженія „Слова“, о „вѣкахъ“, „землѣ“ и „тродѣ Трояновыхъ“ такъ кратки и неопредѣленны, что едва ли могли явиться здѣсь и быть вызваны въ сознаніи его непосредственно преданіями Гомера въ эпоса. Если бы дѣйствительно была такая генетическая связь выраженій „Слова“ съ этими преданіями, то она непременно, по нашему мнѣнію, отразилась бы здѣсь не въ такихъ туманныхъ намекахъ на Гомеровъ эпосъ, но въ болѣе полныхъ и грандіозныхъ, а главное — въ болѣе освѣдательныхъ и ясныхъ его слѣдахъ.

Не отрицая въ разбираемыхъ выраженіяхъ „Слова“ указанія на такъ-называемыя троянскія событія въ обширномъ смыслѣ, А. Н. Веселовскій предлагаетъ новое и болѣе, такъ-сказать, мѣстное ихъ объясненіе. Онъ останавливается свое вниманіе на томъ фактѣ, что Фредегаръ и неизвѣстный авторъ сочиненій: „Gesta Francorum“, приурочившіе, какъ извѣстно, къ франкамъ культурныя преданія Рима, восходившія къ Энею и Троѣ, находятъ еще троянцевъ-тюрковъ: первый — на берегахъ Дуная, а другой, анонимный авторъ заставляетъ пребывать ихъ нѣкоторое время у устьевъ Дона. Авторъ „Слова“, по мнѣнію г-на Веселовскаго, знавшій объ азовскихъ готахъ, зналъ и объ азовскихъ тюркахъ, остаткахъ разбросанной здѣсь нѣкогда значительной козаро-болгарской дунайской орды. „Надо предположить, — говоритъ онъ, — что автору „Слова“ была извѣстна какая-нибудь историческая связка, въ родѣ той, какую приурочили къ франкамъ Фредегаръ и „Gesta Francorum“, и тогда понятно будетъ, почему земля тюрковъ на Дону явилась у него землею Троянскою и откуда взялось у него общее мѣсто о вѣвахъ Трояновыхъ“.

Какъ ни правдоподобно это предположеніе г-на Веселовскаго, мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что выраженія въ „Словѣ“ — „Троянъ“, во-первыхъ, не представляютъ только одно общее мѣсто, но художественнымъ образомъ Трояна выражается извѣстное и опредѣленное качество, которое само-собой давалось непосредственному разумѣнію той братіи, къ которой обращено „Слово“; во-вторыхъ, нѣва Трояна, по связи мысли, относятся къ старинной, до-Ярославовой „эпохѣ русской земли“, а не къ додекой землѣ Торхота, — и, въ-третьихъ, наконецъ, если бы эти мѣста о Троянѣ были взяты изъ какого-нибудь предполагаемаго средне-вѣковаго сказанія въ указанномъ родѣ, то трудно представить, чтобы это заимствование сказалось такъ неопредѣленно. Эта краткость выраженій указываетъ, напротивъ, что для автора „Слова“, какъ и всей его братіи, образъ Трояна — какъ и другіе подобныя образы — вырваны изъ живого преданія и непосредственно давали себя понимать каждому живописной своей чертой и выраженнымъ ею качествомъ.

Гораздо ближе къ истинѣ, по нашимъ соображеніямъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ „Троянѣ“ „Слова“ видятъ „древнее божество славянъ“. Представителемъ этого мнѣнія въ литературѣ „Слова“ является Ѡ. И. Буслаевъ. Если оно и кажется нѣсколько искусственнымъ, то лишь потому, что недостаточно выяснено то качество, которое дается образомъ этого божества. „Троянъ“ представляется лишь только существомъ мнѣческимъ, стихійнымъ, наравнѣ съ вилами, русалками и т. д.

Въ послѣднее время, однимъ изъ нашихъ почтенныхъ историковъ,

Ив. Е. Забѣлинымъ, высказаны весьма оригинальныя соображенія о характерѣ и бытовомъ значеніи этого божества. Въ немъ видить онъ верховнаго „представителя трехбратняго рода“, отъ котораго собственно и расплодилось русское славянство. Мнѣ о Троянѣ рожденъ именно народнымъ представленіемъ цѣлости и полноты рода въ 3-хъ сыновьяхъ и служить корнемъ развитія прочнаго народнаго быта ¹⁾.

Мнѣніе это далеко не такъ фантастично, чтобы на него не стоило обращать вниманія, какъ выразился о томъ В. Ф. Миллеръ ²⁾.

Чтобы понять, какое именно качество соединилось съ именемъ Трояна въ кievской дружинной Руси, нужно лучше всего обратиться къ волохамъ, о которыхъ то-и-дѣло упоминаеть „Кievская Лѣтопись“. Донныѣ этотъ Троянъ нигдѣ такъ не властвуетъ надъ умами, какъ въ Молдавіи, Малой Валахіи и Трансильваніи. Румыны, — говорить Убичини ³⁾, — не могутъ ни на небо смотрѣть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть, безъ того, чтобы не представить при этомъ Трояна.

Нѣтъ сомнѣнія, что такою живостію представленій Трояна Румынія обязана историческому имени императора Траяна, завоевателя Дакии, обратившаго ее въ римскую провинцію. Если его историческій образъ разукрашенъ чертами мнеческаго гиганта, исполина ⁴⁾, то, съ другой стороны, уцѣлѣвшіе слѣды дѣятельности этого императора, предпріятыя имъ для развитія и огражденія отъ степи этой провинціи (валъ Траяновъ, дорога Траянова, мостъ Траяновъ), въ свою очередь должны были поддерживать преданія о мнеческомъ значеніи Трояна.

Млечный путь (астрономическій) до сихъ поръ у румынъ называется „путьемъ Трояна“ (Callia lui Trajan).

Сугробы снѣга — донныѣ называются здѣсь „снѣгами Трояна“ (Trajan de zpada). Зимомъ часто говорятъ здѣсь: не могу туда-то ѣхать потому, что Трояны (громадные снѣга) велики (die Trajanes sind zu gross).

Широкое, необъятное поле называется „полемъ Трояна“ (Самра

¹⁾ „Исторія русской жизни“, т. I, стр. 521—522.

²⁾ Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“, стр. 109.

³⁾ Ballades et chants populaires de la Roumanie, recueillis et traduits avec une introduction, par M. A. Ubicini. 1858. Paris.

⁴⁾ Здѣсь, вѣроятно, родилось преданіе, которое дошло и до насъ въ одной изъ рукописей XVII в., подъ заглавіемъ „повѣсть Трояна Кесаря римскаго“, будто Троянъ происходилъ отъ унговъ изъ Трансильваніи. — Какъ принялъ Хоттена 300,000 на него, пали въ его государства и его самого загнали въ великую болоту; тутъ онъ скочилъ своимъ конемъ и потонулъ съ конемъ совсѣмъ и ни его, ни кола его не наши.

lui Trajan). Курганы и высшіе холмы называются „могилами Трояна“ (Trajan de rament).

Итакъ, для потомковъ волоховъ Троянъ видѣнъ донынѣ и въ Млечномъ пути на небѣ, и въ широкомъ безводномъ полѣ, и въ высокихъ холмахъ, курганахъ и могилахъ. Величіе этого божества сказывается въ грандіозныхъ и поразительныхъ явленіяхъ природы, служащихъ во большей части преградами для силъ человѣческихъ.

Если мы представимъ при этомъ, что Кіевъ тяготѣлъ къ придунайской землѣ, какъ къ своей родинѣ, что Святославъ Храбрый говорилъ даже: „хочу жить въ Переславлѣ на Дунаѣ, то бо есть среда земли моея“, то для насъ совершенно будетъ понятно, какъ эти преданія о Троянѣ,—до нашихъ дней уцѣлѣвшія въ Молдавіи,—были близки представленіямъ кіевской Руси. Изъ апокрифа кожденія Вогородици по мукамъ, списки котораго восходятъ къ XII в., видно, что даже самый истуканъ Трояна былъ каменный... То они все боги прозваша, съ лице и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады... „отъ камня ту устроя Трояна“ (Памят. старор. лѣт. 111, 119).

Припомнимъ теперь выраженія „Слова“ о Троянѣ. Намѣреваясь воспѣть геройское движеніе къ Дону полка Игорева, авторъ „Слова“ говоритъ: „Рища въ тропу Трояну чрезъ поля на горы,—пѣти было лѣсны Игореву того внуку“.

Безполезно разсуждать о томъ, что называется „тропой“: смыслъ этого слова понятенъ всякому русскому крестьянину; какъ „тропать“ значитъ оставлять слѣдъ, такъ „тропа“ означаетъ дорожку, „проторенную слѣдомъ скота или человѣка“.

Авторъ „Слова“ самъ объясняетъ, почему называетъ онъ путь къ Дону—тропою Трояна... Тропа эта слѣдовала „чрезъ поле“... а поле это, какъ говоритъ Ярославна, было безводно (самри Трајанис). Далѣе тропа слѣдовала „чрезъ горы“... Мысль о переходѣ чрезъ эти горы заставила автора воскликнуть: „о! русская земля! Уже за немощь еси!“ (Trajan de rament).

Отсюда понятно, что значитъ въ „Словѣ“ „рища въ тропу Трояну чрезъ поля на горы“...

Воображенію поэта—путь, который предлежалъ полку Игорю, по безводности полей, по грандіозности холмовъ казался путемъ, гдѣ такъ сказывалась мощь Трояна: пройти этотъ путь—значило совершить необычайные подвиги, значило пройти поле Трояна (самри Трајанис) и „горы Трояна“ (Trajan de rament).

Земля у Дона, земля приморская, своими вѣковыми валунами не менее впечатлѣніе могла производить на эпическаго человѣка, какъ и трудная дорога къ ней „чрезъ поля на горы“. Здѣсь онъ долженъ былъ видѣть то же владычество Трояна, ту же мощь, какъ

и въ горахъ, которыя вели къ ней. Дѣва-обида спустилась на землю Троянову, т.-е. на „берегъ граней холмовъ вѣковыхъ“ и сплелась лебединымъ крыльемъ на синемъ морѣ...

Но что значить „вѣка Трояна?“

Выше мы замѣтили, что мнѣніе о Троянѣ, какъ представителяхъ трехбратнаго рода, не такъ фантастично, какъ думаютъ другіе: въ Молдавіи донинѣ старшій братъ называется Трояномъ (badea Trajan): точно также и братъ особенно дорогой („badea Trajan“).

Но если въ патриархальную эпоху Троянъ и былъ мнѣнческимъ представителемъ славянскаго рода, то въ „Словѣ о полку Игоревѣ“— съ „вѣками Трояна“ соединено, по нашему мнѣнію, нѣсколько иное представленіе.

Для лучшаго уясненія, передадимъ это мѣсто въ общей связи мысли. Свивая рать Игореву съ старымъ временемъ Ярослава и Олега, авторъ счелъ нужнымъ связать и это время съ болѣе древней вѣковой русской исторіей:

Были, говорить онъ, вѣка Трояновъ,
 Минули годы Ярославовъ,
 Были походы Олеговъ.

.....

То было въ ты рати и въ ты полки, но сицей рати не слышано.

Съ вечера до рѣсвѣта
 Летать стрѣлы каменны,
 Гремать сабли о шоломы и т. п.

Нельзя не видѣть, что общій признакъ всѣхъ этихъ эпохъ — „брань и рать“ — и всѣ онѣ ставятся въ относительное положеніе одна къ другой.

Допуская, что въ патриархальную эпоху Троянъ былъ представителемъ славянскаго рода, мы полагаемъ, что съ развитіемъ родовъ онъ сталъ не столько божествомъ рода, сколько представителемъ „родовыхъ ратей и браней“, такъ какъ всякій родъ стремился „честь свою налезти“.

По крайней мѣрѣ,—для дружинной киевской среды онъ, какъ видно, былъ „Богомъ ратей и браней“.

Затѣмъ, какъ извѣстно, слѣдуетъ описаніе самой брани.

Что касается VII-го вѣка, въ который выступилъ Всеславъ на добываніе Кіева, то всего вѣроятнѣе, что это число имѣетъ идеологическое значеніе и связано съ „хронологіей Трояна“. Впрочемъ, такъ какъ вѣками Трояна авторъ „Слова“ обозначаетъ дѣйствительную древнѣйшую эпоху русскаго славянства, то VII-й вѣкъ можно считать отъ начала выступленія славянъ на всемірное историческое поприще.

Первое вторженіе болгаръ во Фракію и Мидію было, какъ извѣстно, въ 500 г. по Р. Х. Вѣка, прошедшіе съ этого времени до времени Всеслава—равняются дѣйствительно болѣе, чѣмъ шести вѣкамъ. Въ теченіи всѣхъ этихъ вѣковъ—много было браней, и потому они могутъ быть названы вѣками Трояна.

Мы старались, по возможности, выяснитъ тѣ качества, которыя даются намъ именами боговъ, какъ художественными образами „Слова“, но связи ихъ съ его мыслями; какъ ни скудны эти данныя, во все же проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ до-исторической русской космогоніи и драгоцѣнны уже потому, что являются единственнымъ указателемъ не только божескихъ именъ, но и нѣкоторыхъ ихъ атрибутовъ, и единственнымъ не только въ русской письменности, но и во всемъ славянскомъ мірѣ.

Но что особенно важно, эти божескія имена, какъ художественные образы, не стоятъ внѣ, такъ-сказать, общаго взгляда и направленія „Слова“; напротивъ, авторъ до того находился подъ воздѣйствіемъ старыхъ словесъ Бояна, что все свое произведеніе построилъ на „эпической основѣ“. Чтобы вполне оцѣнить художественность „Слова“, для этого нужно изучать его не въ отдѣльныхъ только фразахъ и оборотахъ, но и въ цѣлой его картинѣ и въ свѣтовыхъ отливвахъ этой картинны.

Авторъ „Слова“ не излагаетъ въ немъ цѣлой системы мифовъ,—во лишь касается ихъ настолько, насколько они служили ему для освѣщенія и эпического объясненія факта. Мифъ проникаетъ въ „Слово“, какъ прагматическій элементъ въ историческое изложеніе событій.

Какъ ни прекрасны были Бояновы пѣсни, но дѣйствительность была такова, что трезвое отношеніе къ ней не позволяло давать слишкомъ много мѣста „Боянову замышленію“.

Рядомъ съ развитіемъ въ „Словѣ“ идеи единства земли русской, развивается идея, что обычное теченіе вещей находится подъ воздѣйствіемъ верховныхъ силъ, правящихъ міромъ. На событія похода Игоря и на весь порядокъ дѣлъ кievской Руси накинута, такъ-сказать, верховный порядокъ судебъ Воинихъ: изъ этого-то религіознаго освященія и вытекаетъ эпическій характеръ „Слова“—и здѣсь получаютъ всю свою важность историческія событія и здѣсь же таится объясненіе высокаго поэтическаго значенія „Слова“.

Событія открываются предъ нами вѣщимъ предзнаменованіемъ солнца. И если въ „Лѣтописи“ описывается это предзнаменованіе, какъ естественное явленіе природы: „и видѣ Игорь солнце, стоящее лво мѣсяць“, то въ „Словѣ“ солнце дѣйствуетъ какъ будто живое

существо и загоразнваетъ предъ ними дорогу: „солнце кракомъ ему путь заступало“.

Какое властное и могучее дѣйствіе произвело это явленіе на дружину, объ этомъ говорить намъ лѣтописецъ: „и видѣша вси мужи и поникоша главами и рекоша: „княже, се есть не на добро знаменіе се“. Но, замѣчаетъ „Слово“, страсть спалила умъ у князя и гнетущій порывъ напиться шеломомъ изъ Дона затмилъ предъ нимъ знаменіе неба. Игорь идетъ вопреки знаменію солнца, но судьба непреклонна: вѣщее предназначеніе должно оправдаться: его ждетъ неизбежная гибель.

Наступаетъ грозная ночь, которая приводитъ въ страшный переполохъ и птицъ, и звѣрей.

Выступаетъ на сцену какое-то страннѣйшее, какой-то Дивъ поднимается на вершину дерева и сбываетъ поганую силу: кликъ его раздается на Волгѣ и Поморьѣ, на Сулѣ и Суражѣ и доносится, наконецъ, до Тмутораканскаго болвана.

Стрѣлы, ожидавшія Игоря, были губительны и смертоносны: ихъ навѣвали вѣтры, Стрибоговы внуки. Кромѣ Дива, совавшаго поганую силу, на поле брани выступаетъ Стрибогъ, вѣя на Игоря смертоносныя стрѣлы.

Бывали же брани и усобицы при Олегѣ и Ярославѣ; прошли и цѣлые вѣка браннаго Трояна, родоначальника рода и усобицъ, но такой брани, какъ брань Игоря, не слыкано.

Какъ ни славно было геройство его и его дружины, однако, Игорь и чрезъ него вся русская земля должны были испить всю чашу бѣдствій отъ начатаго имъ похода вопреки вѣщему знаменію солнца.

Видись день, бились другой,
А на третій къ полудню
Стаги Игоревы пали!

Но откуда возникли эти княжескія крамолы. Гдѣ источникъ этихъ раздоровъ и связанныхъ съ ними всѣхъ бѣдствій русской земли?

Историкъ-кратматикъ сталъ бы отыскивать причины этого явленія въ ряду разныхъ историческихъ условій и факторовъ, но авторъ „Слова“ не могъ ихъ иначе объяснить, какъ внучески.

Встала обида въ силахъ Дажь-божьего внука,
Вступила Дѣвомъ на землю Трояну,
Всплескала лебедними крыми на сивень морѣ
У Дона плещущаясь,
Убудна жирны времена.

Братъ сталъ говорить брату: се мое, а те—мое же, и про малое князья стали говорить: се великое.

Мажь собою стали они крамелу ковать,
А поганне со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
Приходили на землю русскую.

Таково прекрасное эпическое объясненіе всѣхъ княжескихъ усобицъ и раздоровъ, губившихъ русскую землю! Источникъ ихъ указывался въ порядкѣ вѣдшихъ силъ, правящихъ міромъ.

Подобно тому, какъ въ классической повѣи выступаетъ богиня *Эрис*, богиня вражды и распрей, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми, и въ нашемъ драгоцѣнномъ „Словѣ“—на полѣ брани, гдѣ рѣшается рокъ крамольнаго похода Игоря—выступаетъ Дѣва-обида, разжигательница человѣческихъ страстей и браней и, спустившись на гранитныя скалы великана Трояна лебединымъ крыльемъ плещетъ на синемъ морѣ. Она—эта Дѣва—пробудила въ князьяхъ усобицы и брани. Она навела всѣ бѣдствія на русскую землю: самъ Игорь съ полкомъ своимъ только несчастная жертва плесканья этой крамольной и губительной Дѣвы-обиды. О! далеко зашелъ ты, соколъ, птица бѣя къ морю.

Но не воскресить уже поляу Игоря!

Самый слухъ о несчастіи Игоря „Слово“ изображаетъ намъ въ образѣ сна Святослава. Сонъ этотъ имѣетъ внутреннюю связь съ вѣдчимъ солнечнымъ предзнаменованіемъ, предостерегающимъ Игоря отъ его крамольной затѣи. Онъ самъ не что иное, какъ такое же вѣдчье откровеніе объ исполненіи этого предзнаменованія.

Сдѣлавъ Святослава средоточіемъ идеи единства земли русской, авторъ „Слова“ дѣлаетъ и душу его органомъ для таинственнаго голоса, вѣщающаго о судьбѣ крамольнаго похода Игоря.

Въ самомъ толкованіи этого сна выражается, на какой поэтической высотѣ стоитъ авторъ „Слова“ и какимъ свѣтомъ освѣщаетъ онъ историческіе факты.

Сила темная овладѣла надъ силами свѣта. Князь Дива, собравшій полчища поганыхъ, увѣнчался успѣхомъ: онъ кончилъ свое дѣло и съ вершины дерева повергся на землю. Игорь побѣжденъ, и половцы ликуютъ свою побѣду. Таковъ смыслъ вѣщаго сна Святослава.

Въ подобномъ же внутреннемъ отношеніи къ вѣдчиму предзнаменованію солнца стоитъ и прекрасный плачъ Ярославны. Онъ есть не что иное, какъ задыхательная мольба къ богамъ о спасеніи любимаго и дорогого существа. Авторъ не просто рассказываетъ здѣсь, какъ лѣтисецъ, о бѣгствѣ Игоря, но самую удачу этого бѣгства изображаетъ слѣдствіемъ этой борьбы и путемъ спасенія, устроеннымъ самимъ Богомъ.

Такъ всякій историческій фактъ авторъ „Слова“ ставитъ подѣ

воздѣйствіе высшихъ, невидимыхъ силъ и причинъ. Идея судьбы, суда Божія, не разъ высказывается имъ прямо и относительно отдѣльныхъ князей. Такъ, говоря о Борисѣ Вячеславичѣ, павшемъ на Нежатиной нивѣ, онъ замѣчаетъ, что „слава его на судъ привела и на нивѣ зеленой погребальный покровъ постлала“. Изображая волшебнаго Всеслава, онъ также прибавляетъ: „тому первое приѣзжу смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божья не минути“.

Это-то эпическое міросозерцаніе, пронизающее „Слово“, какъ внутренняя его стихія, какъ душа историческихъ фактовъ, и служить, безъ сомнѣнія, основой его высоко-художественнаго значенія. Многіе образы прекрасны не сами только по себѣ, но въ ихъ соотношеніи къ этому эпическому міровоззрѣнію. Живописныя черты ихъ получаютъ особенную свою выразительность не въ силу только соответствія своему понятію, но въ силу верховнаго порядка, наминутаго на обычное теченіе человѣческихъ дѣлъ. При вликахъ Дива, при вѣяніяхъ стрѣлами Стрибога, при Дѣвъ-обидѣ, получаютъ особенное, поэтическое значеніе и карканіе вороновъ, и влекотъ орловъ, и завываніе звѣрей. Отсюда же, безъ сомнѣнія, вытекаетъ теплота и жизненныхъ образовъ, выхваченныхъ изъ явленій природы, таковы, напр., „никнетъ право отъ жалости, идутъ сморцы мглами; земля стучитъ; рѣки текутъ мутно; пыль поля покрываетъ“. Подъ воздѣйствіемъ эпическаго міровоззрѣнія, вся природа является здѣсь какъ-бы одушевленнымъ лицомъ. Она полна сочувствія къ человѣку. Она угрожаетъ предвѣстіемъ—и она же откликаетъ на радость. Въ явленія природы—здѣсь чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла. Только авторъ, находившійся подъ воздѣйствіемъ словесъ Воiana, могъ такъ живо и цѣльно понимать природу. Проглядываютъ здѣсь иногда картины природы сѣверной: таковы, напр., унылый образъ дерева, отъ туги къ землѣ наклонившагося: эта туга—едва ли не тяжесть снѣга, нагибающая къ землѣ древесныя вѣтви и дающая ему плакучій видъ. Но еще замѣтнѣе здѣсь картины природы южной. Онѣ схвачены и собраны воедино Максимовичемъ, обладавшимъ особеннымъ чутьемъ къ степной природѣ. „Стада вороновъ, галокъ, лебедей; орлы и соколы, чайки и голубы, дятлы и сороки проносятся въ „Словѣ“,—говоритъ онъ,—какъ по степямъ южнымъ. Трава зашумѣла, когда двинулись шатры полковъ—не степная ли это трава? Земля тутнетъ, влекну-стукну земля,—не созданы ли эти выраженія поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзвуку на всякое движеніе? Телѣги скрипятъ въ полночи, какъ лебеди распуганныя, эта краска не снята ли со стѣнъ малорусскихъ, гдѣ и теперь еще скри-

иать обсы тумановъ и звать скрипъ ярче отдается въ ночной тишинѣ ровнаго пода? Всѣ отголоски яри въ этомъ „Словѣ“, какъ въ степи: овлуръ свиснулъ за рѣкою и черезъ свистъ переговаривается съ княземъ. „Слово“ такъ же богато растительностію, какъ и живая природа: рѣки стелютъ зеленую траву на серебряныхъ, т.-е. блѣпосчаныхъ берегахъ овижъ и теплые туманы поднимаются отъ овижъ ихъ; текутъ они своенравно и струги оставляютъ на кустахъ“.

До такой осязательности русская природа отражается въ „Словѣ“. Она, какъ и кievская Русь, всецѣло прикрѣпляетъ его къ національной русской литературѣ.

И если „Слово“ въ такой полнотѣ изображаетъ предъ нами дружино-кievскую Русь, какъ мы видѣли; если языкъ его воплощаетъ въ себѣ даже всѣ картины русской природы, то не наввно ли думать, что авторъ „Слова“ лишь нѣсколько мнѣческихкихъ выраженій взялъ изъ болгарской книжки, чтобы прикрѣпить ихъ къ своимъ прекраснымъ картинамъ, не понимая ихъ значенія, и не изучивъ этого мнен по русскимъ даннымъ, для его объясненія предлагать византийско-болгарскій прототипъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ?

III.

Есть и еще наконецъ живой свидѣтель всецѣло-національнаго происхожденія „Слова“,—это великорусская былина.

Уже одно наше намѣреніе сблизать „Слово“ съ былиною становится въ разладъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ. „Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, говорятъ, нѣтъ уже и тѣни чего-либо богатырскаго, мало даже и чисто эпическаго ¹⁾, и потому, казалось бы, не слѣдовало и дѣлать попытки подобныхъ сближеній. Но какъ ни различны эти памятники по идеѣ, складу и языку, они на нашу взглядъ все-таки имѣютъ много общихъ сторонъ, и, исходя отъ разныхъ національных слоевъ, рисуютъ предъ нами болѣе или менѣе одну и ту же общественную среду.

Мы уже имѣемъ богатую литературу о великорусской былинѣ, но она далеко не исчерпываетъ всѣхъ существенныхъ сторонъ ея историческаго и литературнаго значенія.

Первый вопросъ, который представляется при ея изученіи, состоитъ въ томъ, какая самая существенная сторона въ былинѣ,—фактъ или мнѣе. Является ли здѣсь чудесное только прирасою

¹⁾ „Илья Мур. и Киев. богат.“, О. Миллера, стр. XII.

историческаго факта, служа лишь обычнымъ отраженіемъ народной эпической мысли, особенно тогда она касается предметовъ возмнѣнныхъ и чрезвычайныхъ, или же этотъ фактъ былъ только формою выраженія космогоническаго мифа и надъ былинными очертаніями носится ясное и опредѣленное религіозное вѣрованіе.

Представителемъ перваго мнѣнія является Л. Н. Майковъ. За мномъ же въ былинѣ выступили Ѡ. И. Буслаевъ и О. Ѡ. Миллеръ. Для послѣднихъ въ былинѣ является эпосъ героическій; первый видитъ въ ней лишь только эпосъ историческій.

Исслѣдованія г. Майкова весьма замѣчательны въ своемъ родѣ. Историческія данныя собраны у него съ большою обстоятельностью, сгруппированы съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ и дадутъ слишкомъ осязательно чувствовать въ былинѣ присутствіе историческаго факта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго.

Но если еще и въ этомъ направленіи работы надъ былинной нельзя считать законченными, то исслѣдованія г. Майкова о стихіи чудеснаго въ былинѣ еще болѣе требуютъ новыхъ изысканій.

Положимъ, что чудесныя представленія былинъ служатъ здѣсь къ тому, чтобы придать болѣе идеальный характеръ богатырямъ и лишь только дополняютъ содержаніе, взятое изъ дѣйствительнаго быта, но откуда, спрашивается, взялось это чудесное въ народномъ сознаніи?

Нѣкоторые образы возможно еще истолковывать, какъ гиперболическія созданія фантазіи, но за то многіе изъ нихъ таковы, что не даются прямо дѣйствительностію и совершенно несообразны ни съ видимою природою, ни съ природою человѣка. Подобнаго рода образы такъ обхватываютъ въ былинѣ фактъ, что представляютъ въ ней цѣлый слой иного порядка вещей и явленій.

Сама былина иногда прямо указываетъ на эту присущую ей стихію народныхъ вѣрованій и представленій. Таково, напр., указаніе на мифъ, связанный съ образомъ орла.

Мнѣнія Ѡ. И. Буслаева о мифѣ въ былинахъ гораздо умѣреннѣе и сдержаннѣе, чѣмъ выводы О. Ѡ. Миллера.

Исслѣдованія перваго въ этой области основываются на почвѣ обще-арійскихъ преданій и направлены къ сближенію данныхъ русскаго эпоса съ эпосомъ различныхъ народовъ арійскаго корня—въ особенности германцевъ.

„Важнымъ недостаткомъ у Буслаева, — говоритъ О. Миллеръ, — является то, что у него съ недостаточною ясностію обособляются черты, роднящія насъ съ славянами, отъ чертъ, роднящихъ насъ съ арійцами вообще. Первые должны быть слиты въ кругъ обще-славянскій, вторыя въ кругъ обще-арійскій. Отъ относительно позднѣй-

наго осадка обще-славянскаго долженъ быть со всею яркостью отдѣленъ, съ другой стороны, и собственно русскій былевой слей, а разными образомъ внимательно прослѣжены въ этомъ послѣднемъ всѣ обозначившіеся слои частно, осадившіеся отъ различныхъ періодовъ русской исторіи¹⁾.

Такъ опредѣляя и разграничивъ О. Θ. Миллеръ задачу—,сравнительно-критическихъ наблюдений надъ словнымъ составомъ народнаго русскаго эпоса“. „Только при этомъ,—говоритъ онъ,—могутъ обозначиться какъ эпические черты нашего родства съ другими, такъ и эпическое отпечатлѣніе нашей народной личности“²⁾.

Но эта самая сложная задача представляетъ и почти неодолимныя трудности. Читая былины, нельзя не видѣть, что космогоническій мифъ прямо и непосредственно не выступаетъ здѣсь въ своей яркости и характерной опредѣленности, что онъ сказывается здѣсь только въ отрывочныхъ, эпическихъ картинахъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ образахъ и что онъ связанъ здѣсь съ живыми историческими лицами, которыхъ народъ какъ будто видитъ и знаетъ сегодня и съ такими иногда мѣтко подмѣченными историческими чертами, которыя прямо указываютъ на преобладаніе факта въ народномъ сознаніи. При такого рода построеніи и укладѣ дошедшей до насъ былины, исследователю предстоитъ большая опасность увлечься ея неопредѣленнымъ мифическимъ содержаніемъ и, благодаря отдѣльнымъ ея образамъ и картинамъ, хотя бы то на основаніи сравнительнаго метода всецѣло наложить космогоническій мифъ на типъ, совершенно историческій.

Увлекаясь сравнительнымъ методомъ и богатствомъ обще-арійскаго мифологическаго матеріала, О. Θ. Миллеръ посвящилъ всецѣло прикрѣпить къ этому богатству и смыслъ нашей былевой поэзіи. Но дѣло въ томъ, что былевые образы и картины сами по себѣ непосредственно не возводятъ сознанія къ обще-арійскому преданію: они представляютъ прежде всего емислъ болѣе прямой и обыкновенный; отъ этихъ былевыхъ образовъ въ его „Кіевскомъ богатствѣ“ не перекинуто моста, по которому сознаніе переносилось бы отъ земли на небо, отъ горъ и колесъ—къ облакамъ и тучамъ, отъ сошки къ молніи и т. п. Связывая былину съ обще-арійскимъ преданіемъ, исследователь недостаточно связалъ ее съ русской землей и слѣдами живыхъ народныхъ вѣрованій. А между тѣмъ такіа народныя преданія, какъ преданіе о „золотой сошкѣ“, такіа мифологическія пѣсни, какъ пѣсня донниѣ расцѣвасмая „при верненіи

1) „Илья Мур. и Кіевск. был.“, IX—X.

2) Тамъ же, X.

бороды Волоса“, рассказы о „мѣстныхъ богатыряхъ“, представляють ближайшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ, на основаніи котораго прежде всего должна быть изучаема наша былина. Только подобнаго рода данныя могутъ указывать въ ней нѣкоторыя слѣды дѣйствительнаго мѣста.

Такия явленія природы, какъ гроза, какъ борьба страшныхъ тучъ съ молніей, даютъ себя знать слишкомъ ощутительно; явленія эти слишкомъ торжественны и величественны, чтобы связываться въ народномъ сознаніи лишь въ образѣ тѣсныхъ походовъ Ильи Муромца—отъ Муромъ до Чернигова и отъ Чернигова до Кіева. Замѣнять народныя представленія о такихъ величественныхъ явленіяхъ въ вдругъ подобныхъ походахъ по такимъ знакомымъ и недалекимъ мѣстамъ и укладывать борьбу небесныхъ грозовыхъ силъ въ картину борьбы Ильи Муромца съ поганымъ идолицемъ и съ разбойниками, это значило бы слишкомъ суживать творчество фантазіи народа русскаго, который и донныѣ нѣмѣетъ предъ этими грозными явленіями природы и благоговѣнно созерцаетъ Громовержца, ублажалъ его христіанскими словами: „Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваоѣ, исполни небо и земля славы твоея!“ Нѣтъ, въ богатырскихъ образахъ сивозать лишь слабыя проблески космогоническаго мѣста, которые скорѣе даютъ намъ знать, что дѣйствительно существовалъ нѣкогда русскій героическій эпосъ, болѣе соответственный и явленіямъ природы, и будущему донныѣ ключомъ народному творчеству.

Есть еще одна гипотеза тюрко-монгольскаго происхожденія великорусской быliny. Въмѣсто впечатлѣнія въ ней народной русской личности, г. Стасовъ увидѣлъ въ ней лишь отпечатокъ тюрко-монгольскихъ сказокъ. Не вдаваясь въ критику этой гипотезы, которая и безъ насъ достаточно оцѣнена и взвѣшена, съ своей стороны ограничимся замѣчаніемъ, что теорія г. Стасова была бы крайне сверхъ-обычнымъ и неожиданнымъ явленіемъ русской мысли, если бы она не была вызвана другими крайними мнѣніями.

Мы, съ своей стороны, придаемъ лишь отрицательное значеніе теоріи г. Стасова: она, какъ и всякая новая и сильная мысль, выступающая въ свѣтъ во всеоружіи, если и невѣрна сама въ себѣ, то вызываетъ критическую повѣрку данныхъ и наводитъ на болѣе широкую потребность мысленной о мѣстахъ вообще, коренныхъ законахъ ихъ развитія, и т. п. ¹⁾

На древность нашихъ былинъ отчасти указываютъ мнѣгія названія, связанныя съ разными селеніями и урочищами русской земли.

¹⁾ Попытка въ этомъ родѣ уже сдѣлана въ „Труд. Е. Ак.“ 1871 г., апрѣль мартъ, іюнь и июль.

Таковы, напр., Былина (томской губерши и округа), Былины (тамъ же), Богатырь (маріупольской гр. и округа), Богатыри (вѣтской губерши, слоб. уѣзда) и мн. др.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ этими и подобными названіями были связаны въ народѣ какія-нибудь преданія, и намъ остается лишь пожелать, чтобы мѣстными изслѣдователями было обращено на нихъ болѣе серьезное вниманіе. Эти преданія могутъ помочь разъясненію нашихъ былинъ гораздо больше, чѣмъ тюрко-монгольскія сказки.

При изслѣдованіи былинъ прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду фактъ богатырства и его историческое значеніе.

Главный и существенный мотивъ въ былинахъ Владимірова цикла, это—борьба русской земли со степью. Рѣшать бой, выдвигая силачей, было въ обычаѣхъ степи; русская земля должна была противопоставить степнымъ „богатырямъ“ своихъ собственныхъ героев:

Просить Батыга отъ Кіева,
Просить Батыга супротивника,
Просить Батыга поединщика.

Что дѣйствительно были такого рода „поединщики“, выходившіе на брань съ „супротивникомъ“, въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться. Вспомнимъ, что были Янъ Усмошвецъ¹⁾, поборовшій печенѣжскаго богатыря-великана (1001 г.), Рагдай-Удалой²⁾, наѣзжавшій на 300 воиновъ, Мстиславъ Храбрый, зарѣзавшій Редедю предъ полками Косожскими (1036 г.). Былъ Александръ Поповичъ, котораго лѣтописи упоминаютъ даже въ разныхъ эпохахъ—такъ живуче было имя его въ народной памяти (Ник., подъ 1216 и подъ 1224 и подъ 1001 г.). Но вотъ и другіе богатыри, упоминаемые въ лѣтописяхъ: Демьянъ Куденевичъ съ слугою своимъ Тарасомъ (Ник. л., подъ 1148 г.), слывшій за „человѣка Божьяго“³⁾, Нефедій Дикунъ при Константинѣ Ростовскомъ (Ник. л., подъ 1216 г.), Добрыня „золотой поясъ“ (1224 г., Ник. л.), Могута (Ник. 1, 112) Гаврило Олексичъ, Буслай Якуновичъ, Яковъ Полочанинъ, Миша Новгородецъ, отрокъ княжій Савва, слуга князь Ротмищъ (Новг., т. 3, стр. 5, 178).

Всѣ эти имена, занесенныя съ лѣтописи, указываютъ на то, что въ борьбѣ со степью выдѣлялись герои, которыхъ имена страшны были для враговъ и популярны на русской землѣ. Не всѣмъ, конечно, приходилось вступать въ единоборство съ степными богатырями, но всѣ они стяжали себѣ „славу на бою“, геройскими доблестями,

¹⁾ П. С. Л., т. IX, стр. 68.

²⁾ Ник. Лѣт. IX, стр. 68.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IX, 177—178.

необычайною силою, храбростію, безстрашіемъ и твердостію. Иначе въ лѣтописяхъ попасть они не могли.

Много, конечно, было въ теченіи борьбы со степью подобныхъ героевъ, но именъ ихъ не донесла до насъ лѣтопись и не сохранила народная память. На одной Калкѣ, по сказанію лѣтописи, погибло 70 богатырей. Были также и при Мстиславѣ Удаломъ мужи храбры зѣло и богатыри велики, яко львы и яко медвѣди, не слышавшіе на себѣ ранъ.

При такихъ свидѣтельствахъ едва-ли возможно, говорить, сомнѣваться въ томъ, что борьба со степью создала цѣлый разрядъ героевъ, составлявшихъ особую славу князей, честь дружины, и мощь и величіе русской земли.

Есть данныя, которыя указываютъ, что богатыри бывали въ разныхъ областяхъ земли русской, но нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ средоточіемъ богатырства былъ Кіевъ съ его заставами, оберегавшими Свято русь землю отъ поганой степи. Чѣмъ страшнѣе была эта поганая степь для русской земли, тѣмъ опустошительнѣе были набѣги ея на русскія „поселицы“, тѣмъ сильнѣе и глубже должны были производить на народъ впечатлѣніе подвиги служилаго богатырства. Въ глазахъ народа эти герои должны были представляться дѣйствительно „божїими человѣками“, какъ прекрасно называетъ лѣтопись одного изъ нихъ.

Имѣя въ виду этотъ фактъ, не трудно понять и то, какъ зародилась былина.

Въ одной рукописи Соловецкаго монастыря XVI в. сохранилась любопытная записка, имѣющая для насъ особенную цѣну въ данномъ случаѣ. „Переяславль русскій по противъ Кіева за Днѣпромъ по лѣвой рудѣ Олтополя, а на Олтополѣ церковь стоитъ мурована велика, на крови св. Борнса, а вокругъ его роца березова, а отъ русскаго Переяславля до Кіева 60 верстъ, „а тутъ богатыри кладутся русскіе“, а кругъ городища того по кладищу тому каменія много великаго по всполю, а кругъ городища того озера трупежь, изъ него же течеть рѣка Мцица, и пала въ Днѣпръ“. Вотъ здѣсь въ селѣ, на могилахъ, которыя помнили и знали еще въ XVI в., по нашему мнѣнію, зародилась русская былина, воспѣвающая этихъ „божїихъ человѣковъ“, мощію своею отстоявшихъ Святую русь землю отъ поганой степи. Эти могилы во-очію напоминали народу преданія о существованіи этихъ могучихъ, этихъ „божїихъ человѣковъ“.

Борьба со степью началась при князѣ Владимірѣ — и преданіе всѣхъ послѣдующихъ богатырей одного за другимъ причисляло къ его времени. Благоговѣніе къ нимъ, какъ къ „божїимъ человѣкамъ“ было первымъ возбудителемъ народнаго творчества, создавшаго въ

честь ихъ былевыхъ пѣсни. Пѣсни эти явились, безъ сомнѣнн, по готовой уже сотканной основѣ и съ теченіемъ времени всѣхъ богатырей воспроизвели въ опредѣленныхъ типахъ. Чѣмъ скуднѣе своимъ содержаніемъ были преданія о дѣйствительныхъ богатыряхъ, тѣмъ больше должны привзойти сюда готовые народныя стихи божескихъ существъ и качествъ.

Имѣя въ виду такое происхожденіе былины, не трудно понять и то, почему она даетъ очень ограниченную и недѣятельную роль князю Владимиру и его дружинѣ.

Воспѣвая богатырей, какъ поединщиковъ — противъ супротивниковъ, она справедливо заставляетъ князя лишь отыскивать вездѣ такихъ героевъ, жаловать, угощать ирами и отправлять на бой; если отсутствіе богатырей наводило трусость на князя и его дружину, то это весьма понятно съ народной точки зрѣнія на богатырей, какъ божіихъ челоуѣковъ; эти болре въ сравненіи съ ними могли казаться, „не болѣе иногда, какъ воробы“. Притомъ же, во смыслу былинь, и въ княжеской грядѣ образъ богатыря властвовалъ надъ сознаніемъ такъ же, какъ и въ крестьянской хижинѣ.

Богатырство, какъ „явленіе божіихъ челоуѣковъ“, не знало сословій; богатыремъ могъ быть всякій; имъ могъ быть такъ же князь, какъ и простой мужикъ; такъ же боярскій сынъ, какъ и поповичъ.

Изъ такого воззрѣнія на происхожденіе былины объясняется само собою и то отношеніе, въ какомъ стоитъ былина къ главному предмету нашего изслѣдованія — „Слову о полку Игоря“. „Слово“ есть произведеніе чисто дружинное. Былина же есть произведеніе народное и рисуетъ богатырскіе образы князя и дружинниковъ, какъ избранныхъ героевъ, какъ божіихъ челоуѣковъ. То изображаетъ одинъ изъ походовъ и съ нимъ бѣдствія русской земли отъ поганой степи, эта воспѣваетъ въ лицѣ богатырей ея непрерывную побѣду надъ этою степью. То рисуетъ предъ нами дружино-кїевсаю Русь въ цѣлой ея картинѣ; эта развиваетъ отдѣльные типы служилой дружины съ тѣми или другими ея доблестями. Тамъ изображается фактъ внѣшній, здѣсь — фактъ внутренній русской исторіи. Отсюда и различіе въ самой формѣ изложенія: то написано по пріемамъ искусстваго вѣтѣзза, съ предисловіями, вводными повѣствованіями, съ лирическими разсужденіями и заключеніями, былина же свободна въ своихъ очертаніяхъ, какъ свободенъ богатырь въ своихъ дѣйствіяхъ: пошибъ очертаній ея размахистый; мысль развивается здѣсь въ дробномъ разсказѣ, съ эпическими повтореніями, однозначущими стихами, не говоря уже о тѣхъ сверхъестественныхъ чертахъ, воини по преимуществу и характеризуются укладъ и составъ былины.

Но при всемъ своемъ существенномъ различіи, уже потому, что

богатыри вводятся въ приданіе князя Владимира и чинятся на его службѣ,—уже потому, что „Слово“ и былина свѣтлы содержаніемъ относятся къ одной и той же кievской дружинной Руси,—они непременно должны имѣть и общія черты.

Въ этомъ смыслѣ одна извѣстная намъ былина, записанная еще въ XVII вѣкѣ какъ будто въ соответствии „Слову о полку Игоря“, прекрасно названа „богатырскими словами“.

Идея единства земли русской, такъ блистательно проведенная въ „Словѣ“, не чужда былинѣ; такое понятіе, какъ „Сваторусь земля“ какъ „земля Сваторусская“, столь присущее былинѣ, глубокими корнями связываетъ ее съ „Словомъ“.

Изъ „Слова“ видно, что время князя Владимира было идеаломъ времени, которое не повторится: „шельва бѣ того стараго Владимира пригвоздити къ горамъ Киевскимъ“; уже въ XII в. имя Владимира связывалось съ идеєю русской земли; на горахъ Киевскихъ и въ это время видѣлся еще Владиміръ съ знаменемъ „единой земли русской“.

То же понятіе связывается съ именемъ Владимира и въ народной былинѣ: онъ и здѣсь то же, что единое „красное солнышко“ для земли сваторусской. Къ нему стекаются богатыри изъ разныхъ областей: сюда тянется богатырский острожекъ Ростовскаго поповича; сюда пробирается крестьянинъ Илья Тимошеевичъ изъ Муромъ; сюда тянутъ и Волынъ и Галичъ.

Говорить Дюкъ да таково слово:
 Во всѣхъ градахъ у меня побывано
 А всѣхъ князьевъ да перевидало

 Въ одномъ Кіевѣ не бывано.
 Кіевскаго князя-то не видало

Былинный образъ этого представителя земли русской вполне отвѣчаетъ его историческому облику. Вполнѣ согласно съ исторіей ириваніе его съ дружиной; извѣстно, что вслѣдствіе рюкота дружины, не хотѣвшей ѣсть деревянными ложками, онъ вынужденъ былъ сдѣлать ей серебряныя ложки ¹⁾. Но любопытны слова его при этомъ: что дѣлать; серебромъ и золотомъ я не достану дружины, а съ дружиной добуду золото и серебро, какъ дѣдъ мой и отецъ мой доискивались дружиной золота и серебра.

Точно также и другая его былевая черта оправдывается исторіей: то бояре, то епископы руководятъ имъ въ дѣлахъ государственныхъ; походъ на болгаръ остановилъ Добрыня; бояре и старцы—даютъ ему совѣты въ дѣлахъ вѣры; епископы заставляютъ его измѣнять нака-

¹⁾ Лавр. Л., подъ 996 г.

заніе убійцажъ. Зависимость князя отъ дружины, невозможность выдержать безъ богатырей борьбу со степью также, какъ мы видѣли, имѣли свое основаніе въ древне-русской жизни.

Такимъ образомъ, былина, отражая въ себѣ эти историческія черты, лишь можетъ указывать на то, какъ вѣрно отразилась въ народѣ эта личность—князя Владимира. Сдѣлавъ его представителемъ единой земли сѣвоторусской, приурочивая къ его имени позднѣйшее богатырство, былина сохраняетъ и свѣжесть впечатлѣній, оставленныхъ имъ въ исторіи.

Странно, что г. Забѣлинъ, на основаніи этихъ чертъ, находитъ противорѣчіе въ понятіи „былиннаго князя князю историческому“: князь—по исторіи, говоритъ онъ, долженъ быть предводителемъ войска, долженъ быть самъ героемъ, самъ начинать и оканчивать бой.

Но если бы былина дѣйствительно имѣла своей задачей изобразить укладъ дружинно-киевской Руси, если бы она сосредоточивалась на ея историческомъ значеніи, тогда мы въ правѣ были бы искать въ ней воинскихъ чертъ князя и его дружины. Но это значило бы понимать былинну такъ же, какъ и лѣтопись, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“. Былина воспѣваетъ лишь только „избранныхъ героевъ дружинныхъ“, лишь только онѣ для ней дороги, лишь только въ нихъ слава князя, честь дружинная и мощь земли сѣвоторусской: она рисуетъ ихъ предъ нами „какъ божіихъ человѣковъ“, стоящихъ выше князя и его дружины, властвовавшихъ въ грѣдѣ Владимира, какъ и въ жизни народной своими необычайными доблестями, своею мощію, своею храбростію, своею ловкостію, своею твердостію. При этой существенной задачѣ изображать лишь только „типы сѣвоторусскаго богатырства“—было бы даже не естественно приносить сюда боевой характеръ „князя и его дружины“. Очень можетъ быть, что историческая роль Владимира здѣсь совпала еще и съ той эпической основой, на которой ткалась историческая былинная канва, о которой мы упомянули выше и о которой будемъ еще говорить ниже.

Еще страннѣе, что г. Забѣлинъ въ лицѣ киевскаго стольнаго князя Владимира видитъ на томъ же основаніи лишь олицетвореніе города, общественнаго и нравственнаго его быта. Князь дѣйствительно имѣлъ связь съ городомъ, но далеко не такую, какую предполагаетъ г. Забѣлинъ. Дошедшіе до насъ „договоры города съ княземъ“ указываютъ на то, что князь посягалъ „на земли и смердовъ“ города: между нимъ и городомъ шла борьба изъ-за смерда. Но если въ народномъ творествѣ прежде всего отражаются явленія высокаго нравственнаго свойства, то народъ долженъ былъ олицетворить не городъ съ его пирами и роскошью—„не купечество и боярскій торговый слой“,—выжимавшій соки изъ своей земли и смердовъ, а скорѣе

всего князя съ его дружиной, какъ живыкъ представителей охранной силы—какъ людей-героевъ, покупавшихъ себѣ довольство цѣною крови. Въ борьбѣ князя съ городомъ изъ-за смерда, этотъ самый смердъ скорѣе могъ становиться своимъ сочувствіемъ на сторонѣ князя, точно такъ, какъ впоследствии народъ всегда искалъ въ своемъ царѣ защиты отъ барства и властей; по всей вѣроятности, это самое сочувствіе смерда вмѣстѣ съ стѣпной силой и помогло князю одержать побѣду надъ городомъ.

Былинному образу князя Владимира въ „Словѣ о полку Игоревѣ“—соотвѣтствуетъ Святославъ кievскій, стоявшій вѣдѣ войны, когда достаточно было увидѣть безпокойный сонъ, чтобы собрать бояръ, потолковать съ ними объ его значеніи; точно также соотвѣтствуетъ въ „Словѣ“ былинному княжескому пированію замѣчаніе, неволью вырвавшееся изъ устъ бояръ предъ Святославомъ: „а мы дружина жадни веселія“.

Но, изображая представителя единой земли сѣвѣрусской—не среди воинственнаго блеска, а среди мирныхъ заботъ и веселаго пированья, былина не выдаетъ этотъ образъ за исключительный идеалъ князя. Богатырство, какъ мы уже сказали, не знало сословій. Богатырство, какъ говоритъ сама былина, „братія наборная“ (Кар. 1 отд., IV, № I, IV, № 2); и если были, какъ видно даже изъ „Слова“, такіе князья, которые сами на бой не выходили, но посылали только воеводъ, за то бывали и настоящіе „герои“: „божій человекъ“ выходили изъ княжеской грядни такъ же, какъ и изъ боярскихъ теремовъ и изъ крестьянскихъ хижинъ. Мы вполне раздѣляемъ то убѣжденіе ученыхъ, что въ былинѣ о Волгѣ и Волхѣ Всеславичѣхъ—воспѣтъ не кто иной, какъ „вѣщій князь Олегъ“ съ наслоеніями, быть можетъ, преданій о другомъ—„вѣщемъ князѣ Всеславѣ“. Подъ воздѣйствіемъ былиннаго уклада, въ „Словѣ о полку Игоря“ начертанъ образъ буй-тура Всеволода: авторъ не изобразилъ предъ нами подробностей сраженія войска Игоря на другой день на р. Каялѣ, о которомъ подробно рассказываетъ лѣтопись: онъ ограничился при описаніи этого сраженія лишь картиной борьбы одного князя Всеволода: богатырскій его бой даетъ повяъ лучше всего картину сраженія цѣлаго войска.

Какъ въ былинѣ, такъ и въ „Словѣ“, князь, предводитель дружины, одинаково вдохновляетъ войско своими рѣчами. Подобно тому, какъ Игорь говоритъ: „Братья и дружино... а всядемъ на свои борзны конони, да позримъ синяго Дона“,—и богатырь Волхъ Всеславичъ взываетъ:

Ай же сна моя дружина хоробрав,
Сѣдайте, уздайте добрыхъ коней
Туго натуго и крѣпко на крѣпко.

Но особенно ясно и наглядно дается намъ въ былинѣ то же понятіе о дружинѣ, какое и въ „Словѣ“. Задача жизни богатыря изображена въ былинѣ буквально тѣми же словами, какъ она изображается въ лѣтописи и „Словѣ“.

Богатырь величается здѣсь стоятелемъ, оберегателемъ этой земли сяторусской. Подобно тому, какъ въ „Словѣ“—куряне были подъ трубами повиты и подъ шеломами влелѣяны, и въ былинахъ богатырь Волхъ говорить своей матери:

А не пѣленай во пѣлену червчатую
А не побаск въ помсье шелковое
Пеленай меня, матушка, въ крѣпки латы булатныя
А на буйную голову клади златъ шеломи.

(Риб. о Волхѣ).

Подобно тому, какъ въ „Словѣ“—дружина рыщетъ, яко туры, и ищетъ князю славы, а себѣ чести—и въ былинахъ богатыри движутся тѣми же нравственнымъ мотивомъ.

При обзорѣ историческаго значенія „Слова“, мы уже видѣли, какъ дорожила дружинная кievская Русь своею славою въ иностранныхъ земляхъ. Указаніе на то читается и въ былинахъ.

Когда Дунай сватаетъ дочь ляховинскаго короля за князя Владиміра, король говорить: „за Владиміра можно дѣвку отдать, хорошія женихъ—во славу и почести (кн. III, 55).

Изъ иностранныхъ земель былина знаетъ латинцевъ, землю ляховецкую, по „Слову“—лядскую. Она помнитъ даже землю венедецкую (И. Д. 1), что напоминаетъ „венециевъ“ „Слова“.

Илья Богатырь, отпуская разбойниковъ-подорежниковъ изъ-подъ Чернигова, заказываетъ подавать всюду вѣсть.

Что святая Русь не пуста стоять—
Много въ ней славныхъ могучихъ богатырей.

Распаленіе въ геройскому подвигу здѣсь такъ же картинно, какъ въ лѣтописи и въ „Словѣ“:

Богатырское сердце разговорчиво и не уемчиво:
Пути огня огнича сердце разгорается.

Подобно тому, какъ Святославъ III говорить въ „Словѣ“: „чи диво старику помолодѣти“, Илья Муромецъ выражается: „размотати развѣ старость богатырскую“ (Г. 1158).

Понятіе былинны о степи также тождественно понятію „Слова“.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь, это „сила поганая великая“—и если въ „Словѣ“ представителемъ степи является какой-то „Дивъ“ и „болванъ Тматораканскій“, то въ былинѣ, въ силу непосредственной

эпической стихии, степь представляется въ видѣ развѣхъ поганыхъ чудидѣй, то въ образѣ лютой „Горынь-Змѣи“, или Змѣя Горыныча или Тугарина Змѣевича, то въ образѣ „Поганаго-идолища“ или одолища, то въ лицѣ „разбойниковъ“ или въ образѣ „Кощея безсмертнаго“. Отъ поганаго духу татарскаго не можетъ крещеный живымъ быть. Но рядомъ съ такимъ представленіемъ, какъ и въ „Словѣ“, является и какое-то необыкновенное благодущіе и даже поборитмство.

Вотъ Илья убиваетъ Соловья-разбойника, но не позволяетъ князю Владиміру воспользоваться его имѣніемъ, а отдаетъ его „Соловьянымъ дѣтушкамъ“.

Какой-то черниговскій князь хотѣлъ выдать свою дочь за степного хана, хотя и удалось ей выдти за русскаго богатыря.

Былина помнитъ даже землю половецкую (Кир. III, 116—124), она знаетъ тельги ордынскія ¹⁾ (К. Д. 222). Ей извѣстна знаменитая половецкая фамилія Шаруканей и имя Салтыка, вѣроятно, Солтана.

Всѣ бытовныя черты дружинной кievской Руси, передаваемыя „Словомъ“, сохраняются и въ былинѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ также „Терема златоверхіе“ ²⁾ и даже съ матицей (К. Д. 159—160) или княземъ — черта, которой напрасно стали бы искать въ восточной архитектурѣ. Изъ покоевъ часто упоминается и грѣдня столовая, въ какой, по „Слову“, преклонился Кобыкъ предъ грознымъ Святославомъ. Встрѣчаемъ здѣсь и тесовую кровать, которая въ „Словѣ“ называется „тесовой“. Даже сонъ Святославовъ отчасти можемъ читать въ былинѣ.

Охота, которой занимался Игорь, по „Слову“, часто упоминается въ былинѣ: „ѣадить богатырь по тихимъ по заводямъ и стрѣляетъ гусей, лебедей и пернатыхъ уточекъ“ (Г. 1104).

Быти завтрака и обѣда также встрѣчаются въ былинѣ (Рнб., I, 112).

Семейныя отношенія отзываются здѣсь, какъ и въ „Словѣ“, мотивами ближайшихъ родственныхъ привязанностей; кто старъ, тотъ отецъ („Пск. Лѣт.“, изд. Погод., 16). Старики и старухи въ былинахъ — батюшка и матушка. Въ „Словѣ“ Святославъ, какъ извѣстно, Игоря и Всеволода также называетъ „снповцами“.

Плачи женъ въ былинахъ встрѣчаются не рѣдко и даже съ характеромъ дружиннымъ: оставленная семья иногда какъ будто въ отчаяніи:

¹⁾ Въ Лѣтоп. о тельгахъ и обозахъ татарскихъ, т. II, 144.

²⁾ Теремъ въ „Лѣт. Кіев.“, т. I, 28, 85.

Сиделася свежровушка да невѣсточка въ едно мѣсто,
Плачуть, обливаются,
Да молода Добрыню въ чиста поля дожидаются,
Привѣдучься не начаются.

Срокъ дружиннаго возмужанія, опредѣляемый бѣдинами въ 15 лѣтъ, вполне совпадаетъ съ годами Владиміра Игоревича, который былъ въ походѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ.

Мощеніе мостовъ по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ во время похода, которое въ „Словѣ“ встрѣчается какъ поэтическій образъ, не рѣдко упоминается въ былинѣ:

Шла же эта сила въ Кіевъ градъ,
Мостили мосточки калиновны.

Изъ культурныхъ предметовъ, привозимыхъ изъ-за границы, здѣсь упоминаются „окаматы“, о которыхъ говорится также въ „Словѣ“.

Воинскіе доспѣхи и оружіе здѣсь тѣ же самыя, что и въ „Словѣ“: мечи, сабли, копья, луки, стрѣлы, колчаны, кони съ сѣдлами и сѣдла со стременами; стрѣлы какъ тамъ, такъ и здѣсь называются залеными (Риб., 1, 6, стр. 113), сабли называются вострыми (въ „Словѣ“ изюстрены); пряжки у сѣдла красна золота (въ „Словѣ“ златъ стремень). „Засапожникамъ“ въ былинѣ, кажется, соответствуютъ „ножища-бандалища“.

Мы уже упоминали о томъ, что „кметство“ развивалось искусствомъ и существовали даже воинскія состязательныя игры.

Для характеристики „свѣдомаго кметства“ считаемъ не излишнимъ указать на соперничество въ былинѣ богатырей въ конскомъ ристаніи, стрѣльбѣ въ цѣль и въ борьбѣ (Риб. 1 и 11. 4 Майкова, стр. 54).

Если богатырь Дунай, и притомъ еще не въ трезвомъ видѣ, вызвалъ на подобіе состязаніе свою жену, то напрасно г. Стасову подобный вызовъ дамы на поединокъ показался крайнею нелѣпостію. Вѣдь въ крестьянствѣ это обычное явленіе жизни: тамъ и нынѣ не рѣдкость, если мужъ и жена соперничаютъ въ томъ, кто кого перебореть и кто кого перетянетъ и т. п. А вотъ и пѣсня, которая указываетъ на подобныя явленія:

Вдоль по травкѣ,
Вдоль по муравкѣ
Тамъ ходилъ-гулялъ молодецъ.
Молодецъ удалый
Кличеть выкликаетъ
Красную дѣвицу:
Выйди, выйди, дѣвица,
Со мной парнемъ побороться!
А дѣвица къ молодцу

Парню выходила,
А дѣвица молодцу
Парню говорила:
Не хвалися, молодецъ,
Самъ ты соборъ,
Самъ ты соборъ
Силою своею!
А дѣвица молодца
Парня поборота.

Что касается политическаго уклада древней Руси, то былина въ какомъ-нибудь Заонежьѣ не только знаетъ города областей придиѣпровской Руси, но и еще помнить, что было самаго характеристичнаго въ каждой изъ этихъ областей; она знаетъ, что „наилучшіе богатыри были въ Кіевѣ“ на заставахъ отъ поганой степи, а „золота казна въ Черниговѣ“—мы указывали уже на эту историческую черту его. „А хлѣбные запасы въ Смоленскѣ городѣ,—средоточіи хлѣбной торговли между югомъ и сѣверо-востокомъ. Точность поразительная для народнаго эпоса.

Мы указывали также на тотъ упрекъ, съ какимъ Святославъ кіевскій обращается въ своемъ золотомъ словѣ къ князю Всеволоду, который, занявшись сѣверо-восточными дѣлами, мало обращалъ вниманія на югъ:

Не подумаешь ты, говоритъ онъ, поберечь золотого престола отецкаго?! Видно, что Кіевъ смотрѣлъ на сѣверъ свысока. Черта эта замѣтна и въ былинахъ: залѣсскій владимірскій край на богатую и боярскую кіевскую Русь производилъ впечатлѣніе края демократическаго, мужицкаго. Мужики отсюда называются въ былинѣ „залѣснае“ (Риб., 1, §. 13) и трактуются „зѣваками“.

Мужики залѣснанае,—бѣда дремать,
Продремать богатыря въ чистомъ полѣ.

Какъ „Слово“, такъ и былина менѣе всего касаются народа, его быта и отношеній. Но если уже въ „Словѣ“ рѣзко разграничивается боярство отъ „пахара“ или, какъ въ лѣтописяхъ, отъ смерда, то еще осязательнѣе сказывается это въ былинѣ:

Князь Владиміръ говоритъ Ильѣ:
Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхаешься,
Во глазахъ, мужикъ, ты надрыгаешься (Риб., 1, 10).

Богатырь Микула Селяниновичъ—представитель крестьянства—и тотъ, по былинѣ, очень невыгодно трактуетъ мужика.

Или вотъ что говорить, напр., Чесова жена:

Мы естъ роду богатаго именитаго,
Именитаго роду, княжескаго,
Вн есте роду нищетаго, кошельчатаго.

Боярскіе роды хвастливые, замѣчаетъ одна былина (К., IV, 8).

Это понятіе дружинно-боярской Руси о своей родовитости нельзя считать позднѣйшимъ привнесеніемъ въ былинку. Оно есть всеобщее явленіе и присущее всѣмъ передовымъ людямъ, стоящимъ во главѣ народовъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторіи.

Даже дочери Соловья-разбойника и тѣ не иначе говорятъ въ

былиныхъ о мужикѣ, какъ крайне презрительно; онѣ называютъ его „мужичищемъ-деревенщиной“; впрочемъ, много, конечно, отъ стени и ждаты нельзя.

Сдѣланныя нами сближенія „Слова“ съ былинной показываютъ, насколько оно проникнуто народной стихіей. Чтобы еще болѣе видѣть сходство въ этомъ отношеніи мы сравнимъ ихъ по языку.

Оказывается, что здѣсь встрѣчаются не только одни и тѣ же отдѣльные образы, но и цѣлыя картины.

Для объясненія выраженія „бусмѣ“, въ былинѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: бусѣтъ, значить здѣсь—чернѣтъ.

Котора была мѣдъ аравитская,
Никогда она не бусма, не ршавѣла.

Раны называются кровавыми.

Былина знаетъ также пардусовъ, какъ и „Слово“ (въ числѣ звѣрей Волхъ убиваетъ пардусовъ) (въ „Словѣ“ пардуже гнѣздо).

Шеломя встрѣчается также въ былинѣ, и называется окатистымъ (К., III, 46).

Но вотъ и цѣлыя картины почти такія же, какъ и въ „Словѣ“.

Измѣреніе проѣханнаго пространства церковною службою, для обозначенія быстроты ѣзды, употребленное въ „Словѣ“ (тому въ Полотскѣ позвониша къ заутренѣ, а онъ къ Кіевѣ звонъ слыша) являются въ былинахъ постоянною эпическою формою:

Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
Поспѣвалъ-то къ обѣднѣ въ столичный Кіевъ градъ.

Какъ Игорь, возвратившись изъ полона, разговаривалъ съ рѣкою Донцемъ, подобный же разговоръ ведетъ и богатырь Сухманъ съ Нѣпрою рѣкою.

Въ „Словѣ“: „И рѣче Гзакъ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни наша будетъ сокольца, ни наша красной дѣвицѣ“.

Въ томъ же смыслѣ старый казакъ Илья Муромецъ говоритъ кн. Владиміру на счетъ Данилы Ловчина и его жены, которую хотѣлъ себѣ присвоить Владиміръ:

Изведешь ты яснаго сокола
Не пимать тебѣ бѣлой лебеди.

Въ „Словѣ“:

Солнце на небеси,
Игорь князь въ русской землѣ.

Въ былинѣ:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ
Однѣ князь на св. Русь,
Илья Муромецъ, смѣхъ Ивановичъ.

Впрочемъ, главнѣйшія особенности языка былины связаны съ другой, присущей имъ стихіей, именно съ стихіей мифической, которая здѣсь существеннымъ образомъ связана и перемѣшана съ бытовымъ фактомъ.

Всѣ былины Владимірова цикла, какъ мы уже сказали, выражаютъ собственно одинъ историческій фактъ, „борьбу русской земли со степью“. Но кромѣ этого оберегательнаго, такъ-сказать, періода, былъ еще періодъ наступательный борьбы на Византію.

Выше мы говорили, что дружинныя словеса объ этомъ періодѣ севозять на первыхъ страницахъ „Кіевской Лѣтописи“. Здѣсь мы позволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что, этотъ наступательный періодъ не прошелъ безслѣдно и для народнаго творчества, — рядомъ съ дружинными словесами шла и народная былина. Даже дошедшая до насъ былина вспоминаетъ объ отношеніи Руси къ Царьграду: она знаетъ не только цареградскіе сыгриши (Кир., IV, 67), но и камку-хитрость Царьграда (Кир. IV, 101), и шляпу земли греческой (Кир. 11, 50); она знаетъ, что тамъ четье-пѣнье церковное и звонъ колокольный (Кир., IV, 22), что черезъ Царьградъ русскіе калѣки переходящіе ходятъ въ Іерусалимъ ко гробу Господню (К. Д., 227); былина знаетъ наконецъ, что тамъ былъ царь „Константинъ“ Боголюбовичъ, что Царь-градъ обступила невѣрная сила и потому заставляетъ отправляться туда Илью Муромца и защищать его отъ враговъ, какъ защищаетъ онъ въ Кіевѣ князя Владиміра.

Принадлежащая намъ рукописная былина, о которой мы упоминали выше, прямо развиваетъ ту мысль, какъ ходили кіевскіе богатыри на богатырей цареградскихъ и учинили себѣ честь; на просьбу князя Владиміра поберечь Кіевъ, они отвѣчаютъ, что они сторожами не повадилось и не придется имъ сторожами слѣть. Наступательный характеръ составляетъ сущность этой былины и въ этомъ отношеніи ставитъ ее внѣ былинъ Владимірова цикла. Имена русскихъ богатырей тѣ же, что и въ дошедшихъ до насъ былинахъ; но побѣда надъ цареградскими богатырями, приводъ одного изъ нихъ къ Кіеву и затѣмъ отпускъ его въ Царьградъ: словомъ, начало и конецъ, связанные съ Царьградомъ и выраженные въ цѣлой особой былинѣ, указываютъ здѣсь подкладку болѣе древнюю, чѣмъ имена богатырей позднѣйшей эпохи.

Къ циклу былинъ этого наступательнаго періода на Византію мы относимъ и дошедшую до насъ былинку о Вольгѣ или Волкѣ Все-славичѣ, вполне раздѣляя мнѣніе другихъ изслѣдователей, что въ ней воспѣтъ Олегъ вѣщій.

Такимъ образомъ, если „Слово о полку Игоревѣ“ лишь только

упоминаетъ о грекахъ, говоря, что они пѣли Святославу, былина является въ Византіи болѣе глубокими корнями.

Но что такое чудесное въ былинѣ и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ мисологіи „Слова“?

Былина обязана своимъ происхожденіемъ, по нашему мнѣнію, историческому факту богатырства: нравственные подвиги дружинниковъ, подвѣты за землю русскую отъ поганой степи, должны были производить на народъ глубокое впечатлѣніе и оставлять въ его душѣ столь же глубокіе слѣды. Богатырскія могилы, о которыхъ гласятъ рукописи и географическія имена бугровъ, должны были поддерживать и оживлять преданія объ этихъ необмывенныхъ божіихъ людяхъ. Былина, по нашему мнѣнію, сложилась такъ же, какъ послѣ складывались житія святыхъ, о которыхъ преданіе мало сохранило біографическихкихъ подробностей.

За отсутствіемъ подобныхъ историческихкихъ данныхъ, біографы приурочивали жизнь святого къ опредѣленной, уже установленной рамѣ житія и обставляли его извѣстными эпическо-біографическими чертами, въ родѣ того, что „у родителей долго не была дѣтей и святой былъ сыномъ молитвы, что уже груднымъ ребенкомъ по средамъ и пятницамъ отказывался отъ груди матери, что въ 7 лѣтъ отъ являлъ уже особенную премудрость“ и т. п.

Подобнымъ же образомъ создались и былины.

Прежде всего преданіе о богатыряхъ должно было прикрѣпиться къ готовому уже остову народнаго эпоса: иначе сказать, оно должно было принять форму народнаго эпическаго сказанія. Однообразіе и констатность всѣхъ дошедшихъ до насъ былинъ Владимірова цикла прямо указываютъ на этотъ остовъ.

Въ моемъ рукописномъ собраніи есть, между прочимъ, одно сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ съ особенностями малороссійскаго письма и говора, о которомъ я заявилъ на III кievскомъ археологическомъ слѣздѣ, поддерживая свое желаніе, чтобы кievскіе ученые поискали подобныхъ рукописей въ своемъ краѣ и позаписывали уцѣлѣвшія тамъ преданія объ этой средоточной личности кievскаго богатырства. Сказаніе, о которомъ мы говоримъ, носитъ въ нашей рукописи такое „заглавіе:“ *Исторія ш славномъ и о храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о соловѣ разбойникѣ*. Въ данномъ случаѣ для насъ чрезвычайно важно то, что здѣсь Ильѣ Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ „кievскимъ княземъ“, во всемъ сказаніи „имени Владиміра“ нѣтъ и помину. Отсутствие этого имени въ сказаніи, записанномъ притомъ на югѣ Россіи, чрезвычайно важно: оно именно указываетъ на тотъ остовъ, къ которому приросла былина въ главѣ съ княземъ Владиміромъ.

Далѣе, при отсутствіи біографическихкихъ подробностей, которыми,

конечно, не богато было преданіе и которыхъ не могла восполнить богатырская могила, былина должна была брать содержаніе для нихъ изъ готоваго запаса представлений „божійхъ человѣковъ“. Такимъ образомъ мертвый эпическій остовъ облекся въ историческую плоть и дружинники-герои получили въ народномъ сознаніи образъ „человѣковъ божійхъ“.

По мѣрѣ того, какъ поганая степь возставала въ душѣ народа въ образахъ—„лютой змѣи и хоботастыхъ драконовъ“, и богатырство земли русской должно было принимать въ народномъ сознаніи опредѣленные очертанія и выражаться въ типическихъ обликахъ.

Итакъ, русскій народный эпосъ въ былинѣ является лишь формой отраженія историческаго факта: самъ онъ уцѣлѣлъ въ ней лишь только, какъ курганный костякъ. Но какъ по могильнымъ костямъ трудно воспроизвести живого историческаго человѣка, такъ и по мненческимъ обломкамъ, сохранившимся въ былинѣ, трудно воссоздать полный космическій міръ, видимо не наводя на нее искусственныхъ аналогій.

Время князя Владимира было не эпохой развитія міра, а его упадка.

Въ исторіи развитія міра выдаются три главные послѣдовательныя ступени: 1) царство неба или „Сварога“, греческ. Урана; 2) царство Сварожича — солнца и небеснаго огня; 3) царство громовержца и тученосителя „Перуна“, греческ. Зевса. Каждая послѣдующая ступень представляетъ большее количество боговъ, — а, слѣдовательно, и большее дробленіе божественныхъ силъ, болѣе развитый антропоморфизмъ въ представленіяхъ о богахъ, болѣе выработанный культъ и лучше организованную жреческую іерархію.

Чередованіе царства боговъ обусловливалось чередованіемъ формъ гражданственности у народовъ. Божеству неба поклонялись народы звѣроловныя и номады въ древнѣйшую пору: надъ кочевыми народами царитъ божество солнца съ своимъ братомъ — небеснымъ огнемъ; оно же, естественно, господствуетъ въ странахъ, мало орошаемыхъ дождемъ; культъ громовержца и тученосителя встрѣчается во всѣхъ умѣренныхъ странахъ въ эпоху земледѣльческаго и государственнаго быта. Причина такого чередованія понятна. Вступая на новую ступень гражданственности, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣняетъ свое отношеніе къ важнѣйшимъ дѣятелямъ природы. Дикарю мало дѣла до силы солнца, сожигающей и провзращающей злаки; средства его пропитанія мало выигрываютъ или страдаютъ; не много нужды и до грозныхъ явленій, которыя притомъ въ иныхъ странахъ и не грозы. Вся жизнь кочевника въ стадахъ, а жизнь стада въ обиліи сочныхъ травъ на степяхъ, всегда

сухихъ и подверженныхъ дѣйствию солнца; попали засуха степи, иссуши источники, стада погибають, гибнуть и люди. Урожай хлѣба и благосостояніе хлѣбопашца наиболѣе зависятъ отъ благопріятнаго распредѣленія, во временахъ года, дождя—небеснаго сѣмени. Человѣкъ же въ окружающемъ его мірѣ наиболѣе любитъ то, что ему полезно и боится того, что для него вредно. Съ измѣненіемъ отношеній человѣка къ природѣ, измѣнялись въ его глазахъ способности, мѣсто и свойство проявленій „божества“ и его дѣятельности. Оно, въ понятіяхъ дикаря повоющее въ небѣ, кочевникамъ представлялось дѣйствующимъ въ провращающей силѣ солнца и въ борьбѣ съ Зимой и холодомъ, а земледѣльцамъ являлось въ грозныхъ явленіяхъ. Иного совпаденія формъ религіозныхъ и формъ гражданственности исторія человечества не представляетъ.

Раздѣляя всѣ эти мысли г. Розова, мы однако же не можемъ согласиться съ нимъ о героическомъ значеніи нашей былинны.

Время Владиміра не могло быть той эпохой, въ которую бы мнѣ переносился на героевъ людей — въ силу народнаго стремленія, придать ему болѣе естественности и жизненности. Это была эпоха рѣшительнаго потрясенія культа Перуна-громовержца; онъ былъ, наконецъ, замѣненъ христіанствомъ.

Положимъ, что масса народа могла оставаться во многомъ вѣрна этому культу и раздѣлять старыя вѣрованія, но, съ другой стороны, и политическое значеніе новой вѣры и церкви съ ея правами и широкимъ воддѣйствіемъ на общественныя и семейныя отношенія, — менѣе всего могли благопріятствовать развитію героическаго эпоса. Степь также, съ своей стороны, имѣла слишкомъ отрезвляющее дѣйствіе. Эти политическіе перевороты въ самомъ народѣ скоро и сильно должны были окончателно поколебать въ народномъ сознаніи силу и власть громовержца.

Многоческія преданія явились въ народномъ сознаніи лишь на подмогу для образнаго и живого представленія историческаго факта и дѣйствительныхъ — необыкновенныхъ героевъ въ борьбѣ съ поганою степью—какъ „божійхъ человѣковъ“.

Не усматривая прямого мнѣя въ дошедшей до насъ былинѣ, мы, однакожъ, замѣчаемъ здѣсь слѣды его настолько, что допускаемъ впередъ ея существованіе цѣльнаго героическаго періода русскаго эпоса.

Прежде всего замѣтимъ, что въ былинѣ встрѣчаются такія черты, которыя указываютъ на обычныя приемы гиперболическаго изображенія и встрѣчаются наравнѣ съ былинной и въ бытовой поэзіи. Быть можетъ, черты эти и вытекали когда-нибудь изъ многочисленнаго преданія, но въ настоящее время эта связь такъ отдаленна, что дѣ-

дать какіе-либо выводы изъ подобныхъ выраженій насчетъ космогоническаго мифа было бы крайне опасно.

Другія черты богатирства несомнѣнно отзываются мифомъ, но въ былинахъ болѣею частію стоятъ отрывочно, лишь только какъ гиперболическія черты историческаго факта, а потому развѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возможно углядывать въ томъ или другомъ богатырѣ то или другое космогоническое божество.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, вошедшихъ въ былинну изъ народнаго эпическаго міросозерцанія, для изображенія богатырей, какъ людей необыкновенныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, какъ „божійхъ человѣковъ“.

Таковы напр.:

- 1) Сверхъестественное рожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ;
- 2) Чудодѣйственный напитокъ, который даетъ исполнскую силу. „Что чувствуешь въ себѣ, Илья?“—спрашиваютъ его калѣки переконжѣ, поднесши ему чарочку питья медвянаго;
- 3) Чудодѣйственные кони, какъ конь Василья Вуслаева; Подобные кони вѣщаютъ и человѣческимъ голосомъ.
- 4) Виданіе палки подъ облака: палка у богатыря въ 30 пуд., а иногда и въ 50: „налита свинцу чебурацкаго“, и металлъ онъ ту палку подъ облака (Г., 1199).
- 5) Враги подобные же гиганты, и притомъ чудища: Соловей-разбойникъ—получеловѣкъ и полуптица (К. IV, 3). Поганое идолище въ долину 5 сажень, межъ плечами—косая сажень.
- 6) Чудесныя звѣри.
- 7) Чудесныя птицы: мы уже выше привели примѣръ, въ которомъ сама былина замѣчаетъ, что она касается не того орла, который по полямъ летаетъ, а того орла, который дѣтей выводитъ на синемъ-морѣ, на бѣломъ латыри на камни (Г., 1104).
- 8) Чудесная смерть богатырей: отъ крови Дуная потекла рѣка Дунай (Р., 1, 185, 186, 194, 197, 11, 51), отъ крови жены его Настасьи Королевишны — также потекла рѣка; Илья-Муромецъ камениеть въ то время, когда строятъ церковь пещерскую (К. IV, 52).

Всѣ эти черты таковы, что подъ ними теряются человѣческіе образы и предъ нами выступаютъ уже „божій человѣки“. Этихъ чертъ нельзя считать произвольными созданіями фантазіи: онѣ явились въ былинахъ на помощь ей для отображенія историческаго факта изъ запаса надмірныхъ образовъ, такъ какъ они могли быть возваны въ духѣ только величественными явленіями космоса, а не обычной исторіей человѣческихъ дѣлъ. Изъ космическаго міросозерцанія взяты онѣ — и лишь служатъ въ былинѣ къ характеристикѣ борьбы русской земли со степью.

На космическое ихъ значеніе наводитъ часто и сама былина своими сравненіями:

Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались,
Два богатыря сѣзжались въ чистомъ полѣ. (К., IV, 80—82).

Встрѣчаются въ былинѣ черты, которыя совершенно не мирятся съ образомъ богатырей, какъ „божійхъ человекѡвъ“ и отзываются чисто стихійнымъ характеромъ и дикаго до-историческаго быта: появленіе ихъ въ былинѣ указываетъ на то, что на помощь народной фантазіи для изображенія факта безразлично представлялись и космическіе образы божествъ, болѣе человѣчно-мотивированные, и вмѣстѣ съ тѣмъ образы болѣе отдаленнѣйшей эпохи — эпохи дикаго быта и первобытнаго мифическаго олицетворенія.

Къ такимъ стихійнымъ олицетвореніямъ относятся всѣ превращенія. Къ такимъ же чертамъ мы относимъ способность ихъ пить заразъ — полтора, полтретья, или полпята ведра; далѣе, наклонность ихъ къ самымъ грубымъ и дикимъ шуткамъ.

Сюда же относится подобная расправа богатыря съ врагами:

Ухватилъ татарина онъ за ногу,
Да и началъ татаринѡмъ помахивать:
Онъ гдѣ вѣдь махнетъ — тутъ и улнца,
А назадъ отмахнется — переулочекъ. (Г. II, 297).

Или же другой богатырь кидаетъ враговъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго.

Гораздо цѣльнѣе и нагляднѣе космическій мифъ дошелъ до насъ въ сказкахъ, чѣмъ въ былинахъ. Эти послѣднія, по нашему мнѣнію, никакъ не должны быть изучаемы отдѣльно отъ сказокъ.

Всѣ отмѣченные нами черты, вошедшія въ былинѡ для отображенія историческаго богатырства, существеннымъ образомъ совмѣщаются въ сказкахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и страшныхъ силачей, исполиновъ и „вѣщихъ коней“ (Ае., I, 74, 11, 74, 84), и воду, дающую силу (I, 31), и живую и мертвую воду (I, 125), и окаменѣніе людей и змѣевъ о двѣнадцати хоботахъ, и „превращенія“, и чудесныхъ животныхъ, — шутки отрыванія рукъ и ногъ и т. п.

Такимъ образомъ, сказочный эпосъ не только можетъ помочь разъясненію мифической стихіи былинъ, но и послужить указаніемъ для представленія русскаго эпоса, котораго въ былинахъ виднѣтъ лишь только остовъ, да кое-какія кости космическихъ божествъ.

Нагляднѣе всего обнаруживается связь былинны съ сказочнымъ

эпосомъ въ одной сказкѣ — и именно въ той, которая больше всего имѣетъ значенія для теоріи тюрко-монгольскаго происхожденія былинны, а именно въ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ ¹⁾.

Важнѣе всего для насъ въ этой сказкѣ то, что она явилась къ намъ на Русь не отъ турковъ и монголовъ. Въ нашемъ спискѣ есть неотразимыя на то указанія. Здѣсь встрѣчаемъ мы собственныя имена, несомнѣнно греческія; таковы, напримѣръ: царь-вмѣй Θεοδουλъ (Θεοδουλος — января 19, марта 2, апрѣля 29, мая 18, іюня 7, іюля 4, сентября 2, — 154, 7); царь Вахрамей (Βαρθολομαῖος — іюня 11, 30, августа 25); мать Еруслана называется здѣсь Епистимія (Ἐπιστήμη — ноября 5); дочь Вахрамея царица Настасія (Νασασία — марта 10, апрѣля 15, октября 20, 30, декабря 22); воительницы или поленицы носятъ названія: „Продора“ (πρόδρομα — впрѣдъ бѣгущая — вѣстница); „Мандора“ (μανδρα — толпа дѣвицъ); „Легія“ (Λεγίαι-γυναίκες — слабыя, невоинственныя женщины). Если о первыхъ двухъ именахъ и могутъ еще возникать недоразумѣнія, то послѣднее стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія — по самому значенію этой „поленицы“ въ рассказѣ.

Въ виду такого преобладанія греческихъ именъ, мы склонны думать, что и конь Аращей есть не что иное, какъ конь Браннаго Арія (αρηϊβῶος — быстрый какъ Арій, или просто αραϊος — бывший предметомъ мольбы, желанный). Самъ Картаусъ угрожаетъ, такимъ образомъ, обратиться въ гомерическое державецъ — κρατος, или κρατος (отъ κρατω — владычествую, повелѣваю). Русскія сказки, дѣйствительно, всегда завязываются нарицательнымъ именемъ царя: „въ нѣкакомъ царствѣ жилъ былъ царь“ — безъ указанія собственнаго его имени.

Но отъ кого бы ни пришла къ намъ эта сказка, — она въ русскомъ народномъ сознаніи нашла себѣ сродныя стихіи, прикрѣпилась къ общимъ съ нею эпическимъ представленіямъ, — получила форму, соответствующую народному характеру и быту, и такимъ образомъ — вмѣстѣ съ нашей былинной — она можетъ разъяснять не только общій мифическій костякъ, замѣтный какъ у насъ, такъ и въ преданіяхъ Византіи, но и служить еще указателемъ русскаго мотивированія космическаго мифа.

Теперь обратимся къ самому существенному вопросу для нашего изслѣдованія, — именно къ вопросу о томъ, „въ какомъ отношеніи мифическія черты былинъ стоятъ къ мифологіи „Слова“?

¹⁾ Эта сказка въ нашемъ спискѣ носитъ такое заглавіе: „Сказаніе храбраго влчца Еруслана Лазаревича, русскаго богатыря“. Рукопись въ 4-ю долю листа, свер. 1758 г. Писалъ Михай Чаромскій, — село Чаромское, въ череповскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи. Рукопись подарена мнѣ преподавателемъ олонедкой духовной семинаріи — Ф. И. Любецкимъ.

Существенный выводъ въ данномъ случаѣ тотъ, что Соловей-разбойникъ, Поганое-идолище и Лютая-змѣя разныхъ видовъ, въ былинѣ означаютъ поганую степь и, стало-быть, вполне отвѣчаютъ Диву и Тмутораканскому болвану, которые въ „Словѣ“ являются представителями степи. Посредствующимъ и сближающимъ всѣ эти образы звеномъ служитъ „Дивище“, сохранившееся доселѣ на фрескахъ киево-софійскаго собора, въ борьбѣ его съ какимъ-то богатыремъ. Это Дивище представлено здѣсь въ видѣ „человѣка съ птичьей головой“ — и оно уцѣлѣло, какъ-будто для того, чтобы видѣть намъ, какъ сходятся въ немъ былинный Соловей-разбойникъ — полу-человѣкъ и полу-птица — и Дивъ „Слова“, сидящій на деревѣ, вличушій степи — и затѣмъ повергающійся на землю.

Представленіе степной силы — въ образѣ Дивища — крѣпко было даже и въ московскій періодъ. Вотъ какъ, напр., описывалось вступленіе въ бой Улуха Махмета съ войскомъ Василя Васильевича Темнаго: „Онъ же царь змій, видѣвъ войско московское, уже близъ къ нему грядуще... и всѣдъ на конь свой и взя оружіе свое въ руку и поскрежета зубы, аки дивій звѣрь, грозно посвиста, аки страшный звѣрь, и ожесточися сердцемъ на брань, яко левъ ревній, огнемъ дыша; противу многихъ воевъ великаго князя съ немногими вои напустися“.

Въ подобномъ же образѣ представляется затѣмъ самозванецъ: „и пакы малъ почіють люди московскаго государства — и звѣрь воста горшій первыхъ“ ¹⁾. Затѣмъ всецѣло этотъ образъ усвоенъ былъ расколомъ въ его воззрѣніяхъ на представителей церкви и государства.

Микула Селяниновичъ является преемникомъ Велеса: въ этомъ случаѣ соединяющимъ звеномъ былины съ „Словомъ“ служитъ приведенная нами мифическая пѣсня, которая и нынѣ еще бытуетъ среди народа. Борода при обрядѣ завертывается въ честь „Велеса“, — а въ пѣсни, которая при этомъ поется, воспоминается имя „Микулы“. Связь Микулы съ Велесомъ видна изъ того, что ни одинъ святой не пользуется въ крестьянствѣ такимъ почетомъ и любовью, какъ Николай Чудотворецъ и имя его поминается въ каждой малѣйшей крестьянской нуждѣ. Очевидно, въ живомъ народномъ сознаниі въ образѣ Николая — живетъ тотъ, кому вертится борода на полѣ, кто считается обладателемъ земной тяги, или же тотъ, кто говоритъ о себѣ въ былинѣ:

¹⁾ Рук. Чертк. библ. 1²/₄₆ л. 17. 18.

А я ржи пошаму
 Да во скирды сложу,
 Во скирды складу—домой выволочу;
 Драни надеру, да и пива наварю
 Пива наварю, да мужичковъ напою,
 И стануть мужичка меня поминивати:
 Молодой Миклушава Селяничовичъ (Риб., 1, 21—22.

Николинъ день — дѣйствительно — бивной праздникъ по преимуществу,—по крайней мѣрѣ, въ новгородской губерніи.

Есть въ былинѣ миѳическія черты, которыя близко подходятъ къ образу Хорса, упоминаемаго въ „Словѣ“:

Была у Ильи заповѣдь великая
 Стоять-то у заутрени въ Черниговѣ
 Послѣтъ въ обѣднѣ въ Кіевъ градъ,
 Перескоку ровно 300 верстъ. (Риб., 111, 24).

Богатырь, ѣдущій на конѣ, изъ рта котораго пышетъ пламя, голова котораго подъ облаками, а хвостъ по землѣ разстилается, дѣйствительно соотвѣтствуетъ Хорсу, съ которымъ въ „Словѣ“ соперничаетъ въ бѣгѣ рыцарь Всеславъ: „ему же позвонили въ Полоцкѣ къ заутренѣ, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ“.

Этотъ мотивъ, изображающій бѣгъ богатыря, аналогичный бѣгу великана Хорса, проникъ, какъ извѣстно, въ биографическую письменность и выраженъ въ повѣдѣ Іоанна, архіепископа новгородскаго XII вѣка, изъ Новгорода въ Іерусалимъ между ранней и поздней обѣдней.

Если Игорь въ „Словѣ“ называется „внукомъ Дажь-бога“, по его жизни, по изобилію и богатству его земныхъ благъ, то съ этой стороны—судя по пирамъ и избытку въ хлѣбосольствѣ князя Владиміра—онъ по преимуществу является внукомъ этого божества.

Наконецъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаются слѣды оборотничества и стихійныхъ превращеній, которыя такъ часто являются въ былинахъ. Всеславъ князь, скакавшій лютымъ звѣремъ, ночью висѣвшій на мглѣ, а утромъ превратившійся въ ураганъ — по всей справедливости, можетъ быть сопоставленъ съ вѣщимъ Вольгой или съ Волкомъ Всеславичемъ, котораго вѣщая натура такъ прекрасно изображена въ былинѣ. Не даромъ, конечно, Волкъ называется здѣсь Всеславичемъ и даже, какъ въ нашей рукописной былинѣ, — самъ Владиміръ величается также Всеславичемъ.

Мотивъ превращеній имѣетъ широкое значеніе въ сказкахъ и, конечно, имѣетъ связь съ космическимъ миѳомъ.

Таковы наши выводы изъ сравненій „Слова“ съ былинной. Въ Лѣтописи и „Словѣ“—точно такъ же, какъ и въ былинѣ, изображается одна и та же дружинно-княжеская кievская Русь. Лѣтопись рисуетъ намъ эту Русь—въ ея историческихъ походахъ и дѣлахъ,—„Слово“ рисуетъ эту Русь—въ ея политическихъ идеалахъ, думахъ и ощущеніяхъ, которымъ не отвѣчала горькая дѣйствительность. Былина же изображаетъ ее такъ, какъ отразилась она въ народномъ сознаниіи и въ лицѣ необычайныхъ ея героевъ,—и въ идеальныхъ типахъ историческаго богатырства рисуетъ намъ ту же борьбу русской земли съ поганою степью.

Итакъ, въ этихъ литературныхъ памятникахъ, мы видимъ дружинно-кievскую Русь, какъ описалъ ее монахъ, какъ очертилъ ее бояринъ, и какъ воспѣлъ мужикъ.

Е. Барсовъ.

Москва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1878.

Наши наличныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проекты гг. Бунге и Кауфмана, и мнѣніе г. А. Кошелева. — Новые налоги. — Слухи о табачной монополіи. Акція съ табака. — Казенная монополія во Франціи и Австріи.

Никогда еще наша ежедневная печать не занималась такъ усердно финансовыми вопросами, какъ въ теченіи прошлаго мѣсяца, — и это было естественно. Приближается время сведенія баланса по бюджету 1879 года, и для всѣхъ ясно, что этотъ бюджетъ будетъ значительно отличаться отъ предшествовавшихъ. Въ графѣ расходовъ онъ представитъ около 37 милл. р. новаго расхода по одной системѣ государственнаго кредита, сравнительно съ бюджетомъ 1877 года, вслѣдствіе заключенія съ тѣхъ поръ займовъ на сумму 700 м. р. Сверхъ того, цифра обычныхъ бюджетныхъ расходовъ должна быть въ немъ значительно возвышена противъ цифры бюджета на 1878 годъ, то-есть возвышена не только въ размѣрѣ ежегоднаго возрастанія, но еще въ размѣрѣ, обусловленномъ необходимостью возстановить военные запасы. Наконецъ, при составленіи новаго бюджета должны имѣться въ виду расходы чрезвычайныя: на окончаніе счетовъ по поставкамъ во время войны, передвиженію войскъ, устройству вновь приобрѣтенныхъ областей и содержанію оккупационной арміи, остающейся въ Болгаріи. Эти чрезвычайныя расходы, конечно, не войдутъ въ роспись, но ихъ надо имѣть въ виду при обсужденіи размѣра новыхъ обращеній къ кредиту.

Ближайшія средства для ихъ удовлетворенія приобрѣтены послѣднимъ внутреннимъ займомъ въ 300 м. р. Этотъ заемъ даетъ возможность обойтись на нѣкоторое время безъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ; при помощи его, ихъ извлечено изъ обращенія на около 270 м. р., и это-то количество можетъ быть выпущено обратно, безъ

возвышенія нынѣшней цифры безпроцентнаго долга. Но едва ли этихъ 270 м. р. чрезвычайныхъ ресурсовъ окажется достаточно для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ за весь 1879 годъ. Взявъ въ совокупности эти расходы, пониженованіе выше, можно безъ преувеличенія сказать, что въ теченіи будущаго года потребность въ выпускѣ бумажныхъ денегъ будетъ ощущаться въ томъ же размѣрѣ, какъ будто война еще продолжается. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь собственно на веденіе войны въ теченіи года потребовалось около 660 м. р., т.-е. впримѣрно 300 м. р. добытыхъ процентными займами въ долговое къ 882 м. р., добытыхъ въ теченіи года (съ апрѣля 1877 по апрѣль 1878 г.) посредствомъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ на эту сумму. Если предположить, что въ будущемъ году не будутъ обращаться въ новымъ процентнымъ займамъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, то и тогда есть полное основаніе полагать, что потребность во второмъ средствѣ для удовлетворенія ихъ—выпускѣ бумажныхъ денегъ—останется въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ она ощущалась во время войны. Но въ такомъ случаѣ, для удовлетворенія ея, повторяемъ, едва ли окажутся достаточными въ теченіи года недавно извлеченные изъ обращенія внутреннимъ займомъ 270 м. р. бумажныхъ денегъ.

Сдѣлаемъ расчетъ, сколько въ дѣйствительности было вновь выпущено бумажныхъ денегъ (независимо отъ займовъ) съ начала войны (въ апрѣлѣ 1877 г.) по истекшіи октябрь. Цифра кредитныхъ билетовъ временно выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ по счетамъ государственнаго банка въ 9-му октября составляла почти 500 м. р. (499½ м. р.). Но слѣдуетъ вычесть изъ нея двѣ слѣдующія цифры: во-первыхъ, въ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ, уже въ апрѣлѣ 1877 г. стояло около 45 м. р.; во-вторыхъ, цифра, показываемая нынѣ въ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе (до 723 м. р.) на около 10 м. р., меньше сравнительно съ соотвѣтствовавшей ей при началѣ войны. Итакъ, чтобы получить сумму кредитныхъ рублей, вновь выпущенныхъ въ обращеніе за послѣдніе 18 мѣсяцевъ, мы должны изъ 499 м. р. вычесть сперва 45 м. р., потомъ еще 10 м. р.—и тогда получимъ 444 м. р. Рассчитывая на 18 мѣсяцевъ, мы получимъ по 24½ м. р. въ мѣсяцъ новыхъ выпусковъ; такова дѣйствительно и была ихъ средняя пропорція по отчетамъ банка съ мѣсяца на мѣсяцъ. Но вѣдь добытыхъ недавно 270 м. р., которые въ будущемъ году должны займѣти намъ новые выпуски бумажныхъ денегъ, по этому расчету не хватаетъ и на 11 мѣсяцевъ. А между тѣмъ, едва ли вся эта сумма останется неприкосновенною до начала 1879 г., едва ли она осталась неприкосновенною и до сихъ поръ.

Стало-быть, необходимо имѣть въ виду, что въ будущемъ году для покрытия чрезвычайныхъ расходовъ потребуются, кромѣ въ нѣкоторой мѣрѣ, или обращеніе въ дальнѣйшему займу, или къ возобновленію выпусковъ бумажныхъ денегъ, не истощеніи пріобрѣтеннаго запаса ихъ на 270 м. р.

И дѣйствительно, слухи по предстоящему заключенію вѣннскаго займа уже распространились, вслѣдствіе поѣздки министра финансовъ за границу. Заключеніе этого займа приводили въ связь съ установленіемъ табачной монополіи. „Agence russe“ опровергло эти слухи, но опровергло ихъ огуломъ, сказавъ, что слухи о данномъ г. министру порученіи—заключать переговоры о займѣ на основаніи учрежденія казенной монополіи табачнаго дѣла (régie)—лишены всякаго основанія. Такое огульное опроверженіе не исключаетъ, однако, возможности принятія и той, и другой мѣры безъ связи между ними. Объ учрежденіи табачной монополіи мы будемъ говорить съ нѣкоторой подробностью въ другой половинѣ обзорѣна, а теперь только сошлемся на приведенныя выше соображенія, изъ которыхъ истекаетъ, что едва ли вѣроятнѣе обойдется въ 1879 году безъ вѣннскаго займа, если не захотятъ прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Это послѣднее средство, разумѣется, хуже всякихъ иныхъ, и его слѣдовало бы избѣгнуть во что бы то ни стало.

Въ слышимыхъ теперь въ обществѣ и даже въ появляющихся въ печати сужденіяхъ о нашихъ финансовыхъ дѣлахъ замѣчается нѣкоторая сбивчивость. Говорятъ и объ установленіи новыхъ налоговъ для уравновѣшенія бюджета, и о необходимости новаго займа по малой надежности новыхъ налоговъ, и вмѣстѣ предзнаначаютъ займу совершенно особую цѣль—выкупъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ теченіи войны, консолидацію безпроцентнаго долга, восстановленіе металлическаго обращенія и поднятіе цѣнности кредитнаго рубля. Но сбивчивость во всѣхъ этихъ толкахъ есть въ сущности только отсутствіе систематичности: одинъ вопросъ—добытіе наличныхъ средствъ, другой вопросъ—уравновѣшеніе бюджета, третій—восстановленіе равнѣна. Въ дѣйствительности же ежедневная печать совершенно правъ, поднимая всѣ эти вопросы разомъ. Да въ томъ-то и затруднительность вмигнѣннаго финансоваго положенія, что всѣ эти вопросы слѣдуетъ рѣшить такъ или иначе теперь же, или по крайней мѣрѣ остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи каждаго изъ нихъ—для того, чтобы въ будущемъ поступать съ систематичностью. Дѣйствительно, каждый изъ упомянутыхъ вопросовъ затрудняетъ рѣшеніе остальныхъ. Очень трудно въ одно время рѣшать такіе вопросы, какъ ослабленіе или инерція прежнихъ податныхъ поступле-

ній, возрастаніе бюджетныхъ расходовъ, потребность въ средствахъ чрезвычайныхъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, отказъ отъ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и поднятіе цѣнности кредитнаго рубля, девальвация или консолидация безпроцентнаго долга, обезцѣненіе бюджетныхъ поступленій и официальное признаніе наденія нарицательнаго достоинства кредитныхъ билетовъ. Но волеженіе дѣлъ таково, что оно именно возлагаетъ на финансовое управленіе обязанность остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи каждаго изъ этихъ вопросовъ, на выборѣ теперь же средствъ для устраненія опасности и приведенія этихъ средствъ въ правильный планъ, исполненіе котораго и должно представить исторію русскихъ финансовъ въ ближайшемъ десятилѣтіи.

Итакъ, говорятъ, что первый вышній заемъ будетъ заключенъ съ специальной цѣлью консолидациі нашего неотвержденнаго долга. Если сообразить, что этотъ долгъ представляетъ 943 $\frac{1}{2}$ м. р. (за вычетомъ изъ общей суммы бумажнаго обращенія наличности металлическаго фонда 179 $\frac{1}{2}$ м. р. къ 9 октября) кредитныхъ рублей, сверхъ 216 м. р. въ серіяхъ и 158 $\frac{3}{4}$ м. р. въ непрерывно-доходныхъ билетахъ, то-есть бумагахъ, имѣющихъ значеніе денегъ, то консолидация этого долга сама по себѣ составляетъ столь громадную задачу и требуетъ такого напряженія государственнаго кредита въ теченіи дѣлаго ряда лѣтъ, что трудно представить себѣ совершеніе ея при такомъ положеніи бюджета, которое требуетъ безпрерывнаго обращенія къ кредиту собственно на покрытіе текущихъ расходовъ. Но печатъ все-таки правъ, требуя одновременно и уравновѣшенія бюджета, и добитія наличныхъ средствъ, и ликвидаціи безпроцентнаго долга. Печать высказываетъ при этомъ не свою прихоть, а дѣйствительную потребность общества. Больному, который жалуется на боль во всѣхъ членахъ, нельзя сказать, что боль въ его ногахъ нельзя унять потому, что у него болятъ также и руки, и спина. Необходимо дѣйствовать на весь организмъ, и излеченіе его возможно, впрочемъ, при соблюденіи одного условія—правильной гігіены, которая не вызвала бы усложненія болѣзни. Правильная гігіена въ данномъ случаѣ, это — уравновѣшеніе бюджета посредствомъ сокращенія расходовъ и преобразованія податной системы въ смыслѣ уравнительности и бѣльшей производительности. Правильный годичный бюджетъ, или иначе, сведеніе концовъ съ концами — есть единственное, надежное основаніе для выхода изъ всякаго запутаннаго положенія. Излеченіе при соблюденіи этого условія вполне возможно. Но, спрашивается, можно ли имѣть увѣренность въ силѣ финансоваго управленія соблюдать эту правильную гігіену—условіе всякаго излеченія? Откровенно признаемся

—мы этой увѣренности не имѣемъ, а потому все, что мы говоримъ о кѣрахъ къ выходу изъ нынѣшняго крайне-сложнаго финансоваго положенія, должно разумѣться въ такомъ смыслѣ, что все это говорится подъ условіемъ наличности такого средства, которое могло бы ручаться за правильность веденія обыкновеннаго хозяйства. Безъ него, то-есть безъ подобнаго средства, никакія комбинаціи не устранятъ финансоваго кризиса, элементы котораго уже обозначились. „Faites-moi de bonne politique et je vous ferai de bonnes finances!“—сказалъ одинъ извѣстный министръ финансовъ во Франціи.

Вопросъ о преобразованіи нашего кредитнаго обращенія привлекалъ къ себѣ въ продолженіи послѣднихъ 17 лѣтъ вниманіе нашихъ экономистовъ. Изложенію и критикѣ заявленныхъ по этому вопросу проектовъ посвящена, вышедшая недавно въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, книга г-на И. Кауфмана ¹⁾. Здѣсь изложены проекты: Е. И. Ламанскаго (1861 г.), г-на Гольдмана (1866 г.), проф. Вагнера (1868 г.), самого г-на Кауфмана (1874 г.), проектъ г-на Н. Х. Бунге (1878), — наконецъ, современныя соображенія автора. Изъ числа ихъ остановимся на двухъ, современныхъ — г-на Бунге и г-на Кауфмана, въ ихъ примѣненіи къ нынѣшнимъ цифрамъ.

По мнѣнію г-на Бунге, современное финансовое состояніе Россіи „довольно трудное“, но „не безвыходное“. Послѣдняя война, по его отзыву, представила доказательство, что русское правительство располагаетъ ресурсами достаточными для возвращенія народному хозяйству постоянной денежной единицы. Условія для таковой реформы нужно подготовить *смызу*, а именно—необходимо, прежде всего, дать возможность монетѣ появиться во внутреннемъ обращеніи: призвать даже, какъ то сдѣлалъ Сперанскій въ 1812 году. Какъ скоро даже будетъ явленіемъ узаконеннымъ, то-есть дозволено будетъ заключать сдѣлки на металлическую валюту, въ странѣ будетъ созданъ металлическій рынокъ, и затѣмъ усилія правительства для возстановленія металлическаго обращенія уже не будутъ требовать разорительныхъ займовъ. Правительство можетъ тогда узаконить биржевую цѣну кредитныхъ билетовъ, что установитъ твердую денежную единицу. Принимая общую цифру кредитныхъ билетовъ въ 1,074 милл. руб. (цифра, бывшая въ то время, когда онъ писалъ), г-нъ Бунге предлагаетъ 700 милл. руб. изъять изъ обращенія консолидационъ изъ внутренними займами; изъ остальныхъ 374 милл. руб. — 180 милл. будутъ уравновѣшиваться разнѣнными фондомъ, а 194 милл. руб. пред-

¹⁾ „Обзоръ проектовъ, внесенныхъ въ 1861—1878 годахъ, по вопросу о преобразованіи кредитной денежной системы Россіи“. Д-ра И. Кауфмана. Сиб., августъ, 1878

ставить такую часть безпроцентнаго долга казначейства за кредитные билеты, которая можетъ быть оставлена безъ опасности. Замѣтимъ, что проекты гг. Ламавскаго и Вагнера также сводились къ тому, чтобы оставить сходную цифру безпроцентнаго долга (200 милл. руб.). вмѣсто тѣхъ 700 милл. руб., которые полагалъ изъять изъ обращенія г-нъ Бунге, теперь уже имѣются, какъ мы выше видѣли, 749½ милл. руб. (за исключеніемъ 194 милл. руб., безопасныхъ и оставляемыхъ авторомъ проекта изъ общей суммы 943½ милл. руб.), но это не намѣняетъ сущности проекта.

Для изъятія этикъ 700 милл. руб. изъ обращенія, г-нъ Бунге собѣтуетъ употребить внутренніе займы металлическіе, принимая бумажки въ уплату за металлическія облигаціи по текущему биржевому курсу. Такой приемъ бумажекъ за облигаціи по курсу г-нъ Бунге оправдываетъ соображеніемъ, что при дѣйствительномъ нынѣшнемъ курсѣ кредитныхъ денегъ было бы безуміемъ принимать ихъ наравнѣ съ монетою при подпискѣ на займы металлическіе. Такимъ образомъ, для изъятія изъ обращенія кредитныхъ рублей, на 700 милл. руб. достаточно было бы внутреннѣхъ металлическихъ займовъ на сумму около 450 милл. руб. Между тѣмъ, послѣдствіемъ такой мѣры должно быть, по мнѣнію г-на Бунге, то, что остальные 374 милл. кредитн. рублей, частью обезпечиваемые разнѣнными фондомъ, частью признанные безопасными безъ обезпеченія, поднялись бы до своей нарицательной цѣнности, — и это должно оправдывать провозглашаемый г-нъ Бунге принципъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду не девальвацію, но поднятіе цѣнности кредитнаго рубля.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ изложить адѣсь блестящую критику исторической части этого проекта г-нъ Кауфманомъ, — критику, замѣчательную по знаніямъ и по аналитической силѣ мысли. Остановимся собственно на оцѣнкѣ имъ практической стороны проекта. Г-нъ Кауфманъ замѣчаетъ, что „подготовленіе реформы снизу“ въ видѣ узаконенія биржевой цѣны кредитныхъ билетовъ, вмѣсто нарицательной, вовсе не создастъ твердой денежной единицы; что шаткость происходитъ не отъ узаконенія нарицательной цѣны бумажныхъ денегъ, но отъ установленія закономъ обязательности ихъ приема частными лицами при взаимныхъ платежахъ. Г-нъ Кауфманъ доказываетъ, что пока въ странѣ продолжаютъ обращаться обезцѣненные бумажныя деньги, какъ законное платежное средство, онѣ дѣлаютъ всякую денежную единицу непостоянною. Звонкая монета можетъ представлять неизмѣнную единицу только тогда, когда она обращается или одна, или вмѣстѣ съ бумагою разнѣнною. Если бы и допустить монету, какъ валюту договоровъ, — она, при обращеніи неразмѣнной бумагой, все-таки осталась бы товаромъ съ измѣняю-

щейся цѣной; только возобновленіе разнѣна можетъ сдѣлать монету прочной денежной единицей. Вслѣдствіе того, г-нъ Кауфманъ полагаетъ, что правительство не должно отбѣивать принудительнаго курса бумажныхъ денегъ, не должно лишать нарицательную ихъ цѣну всякаго значенія, а владѣльцевъ ихъ — всякой надежды и расчета на возможность возвышенія ихъ цѣны до нормы нарицательнаго ихъ достоинства. По взгляду г-на Кауфмана, правительство должно предоставить себѣ одни договоры на металлическую валюту разрѣшать (какъ дѣлалось до сихъ поръ: напримѣръ, металлическія облигаціи обществъ желѣзныхъ дорогъ), а другія воспрещать (напримѣръ, опредѣленіе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ на звонкую монету, заключеніе землевладѣльцами арендныхъ договоровъ съ крестьянами на звонкую монету). Что касается появленія въ странѣ металлическихъ денегъ, вслѣдствіе разрѣшенія договоровъ на металлическую валюту, то г-нъ Кауфманъ утверждаетъ, что оно не облегчитъ назначенію его задачи; его долгъ останется долгомъ, металлическая монета не направится къ подпискѣ на правительственные займы, и хотя бы у кредиторовъ казны — обществъ — металлическихъ денегъ стало больше, это не рѣшитъ задачи, такъ какъ требуется, чтобы ихъ стало больше у должника, т.-е. у правительства.

„Преобразование кредитнаго денежнаго обращенія, — говоритъ г-нъ Кауфманъ, — существуетъ только какъ реформа *сверху*. Реформы *снизу* въ дѣлѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ еще никогда не было и никогда не будетъ. Причина та, что реформировать снизу — нѣчего. Вся задача *только* въ томъ и заключается, чтобы правительство преобразовало *свои* отношенія къ кредитному обращенію“. — „Внизу, въ народѣ, въ населеніи страны, деньги всегда дѣлаются изъ труда, капитала и земли, — все равно какія бы ни были деньги, хорошія или дурныя. Только сверху исходить причина, по которой трудъ, капиталъ и земля даютъ странѣ дурныя деньги“. Причину эту авторъ указываетъ въ томъ, что сверхъ денегъ, которые дѣлаются народомъ изъ труда, земли и капитала, еще правительство дѣлаетъ деньги — и дѣлаетъ ихъ „изъ бумаги и своей законодательной власти“. — „Поэтому, только сверху можетъ и должно исходить преобразование: правительство должно перестать препятствовать странѣ дѣлать изъ труда, капитала и земли *хорошія* деньги, — и для этого-то оно, путемъ консолидаціи, должно удалить неразмѣнныя бумажныя деньги“.

Обратимся теперь къ способамъ, предлагаемымъ г. Кауфманомъ для достиженія этой цѣли. Примѣняя основныя положенія своего проекта 1874 года къ нынѣшнимъ цифрамъ, онъ предполагаетъ оставить 180 м. р. кредитныхъ безъ консолидаціи, какъ безопасную часть бумажнаго обращенія; дальѣ, 170 м. р. консолидировать безъ всякой

намерены для казны, превращеніемъ ихъ въ билеты, вынужденные подѣ обезпеченіе особаго портфеля государственнаго банка; затѣмъ, изъ общей суммы вынужденнаго кредитнаго обращенія (940 м. р. сверхъ 180 м. р., обезпеченными разнѣнными фондами) оставалось бы изъять изъ обращенія и уничтожить 640 м. р. измѣненныхъ кредитныхъ билетовъ.

Авторъ предлагаетъ заключить, въ четыре пріема, ежегодно по два займа на 100 м. р. каждый, одинъ внутренній и одинъ внѣшній, а въ пятый годъ только одинъ внутренній, на 116 м. р. Допуская реализацію внѣшнихъ займовъ перваго по 80 за 100, втораго по 88, третьяго и четвертаго по 85, и пяти внутреннихъ займовъ по 90 за 100, авторъ приходитъ къ цифрамъ — 846 м. р. бумажныхъ денегъ, погашенныхъ при помощи внѣшнихъ займовъ, и 464 м. р., погашенныхъ займами внутренними; всего 810 м. р. Но въ этой цифрѣ заключаются и тѣ 170 м. р., которые предполагается затѣмъ выпустить подѣ обезпеченіе особаго портфеля государственнаго банка.

Такимъ образомъ, въ проектѣ г. Кауфмана вовсе нѣтъ девальвации безпроцентнаго долга, ни открытой, ни скрытой (какая является въ проектѣ г. Бунге въ видѣ продажи металлическихъ займовъ по курсу для извлеченія кредитной бумаги). Стоимость же своей операціи г. Кауфманъ опредѣляетъ въ 39 м. р. ежегоднаго расхода, вмѣсто 40½, предложенныхъ г. Бунге, причемъ не обезпеченными остались бы по проекту г. Кауфмана только 180, а не 200 м. кред. рублей. Но, сверхъ того, г. Кауфманъ предполагаетъ еще ежегодный расходъ въ 3 м. р. для консолидированія остальныхъ неотвержденныхъ долговъ (серій, непрерывно-доходныхъ билетовъ и омадныхъ свидѣтельствъ); итого—общаго расхода, по рѣшеніи задачи въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ полагалъ г. Бунге—42 м. р.

Способу г. Кауфмана мы не можемъ не отдать предпочтенія передъ способомъ г. Бунге. Этотъ послѣдній содержитъ въ себѣ на наши глаза ту опасность, что представляетъ остроумное ухищреніе, которое могло бы повести къ мѣрамъ весьма отяготительнымъ, только не носящимъ настоящихъ, приличествующихъ имъ названій. Мы уже показали, со словъ г. Кауфмана, въ проектѣ г. Бунге скрытую девальвацию, то-есть простое отреченіе отъ части нарицательнаго долга, подѣ именемъ возвышенія дѣнности кредитнаго рубля. Г-нъ Бунге говоритъ, что было бы безумно принимать обезцѣненную бумагу наравнѣ съ монетою въ уплату за облигаціи *металлическія*. Но почему же внутренніе займы, дѣлаемые для погашенія ассигнацій, непременно должны быть металлическіе, для какой дѣди г. Бунге хотеть, чтобы они были металлическіе? Для того именно, чтобы принимать въ уплату

за нихъ ассигнаціи по биржевому курсу. Стало-быть, онъ прямо предлагаетъ, чтобы казна *отреклась* отъ трехъ-восьмыхъ (по курсу 250 сант., вмѣсто 400) нарицательной суммы двухъ-третьей своихъ обязательствъ (820 м. р.) для того, чтобы возстановить полную цѣнность остальной трети ихъ (200 м. р., остающихся не консолидированными, и 180 м. р. обезпеченныхъ разнѣннымъ фондомъ).

Но при осуществленіи этого проекта является еще слѣдующая опасность. Допустимъ, что, вслѣдствіе узаконенія кажа, въ странѣ со-здался металлическій рынокъ, т.-е., что звонкая монета стала ходить по курсу, рядомъ съ кредитной бумагой. Это означало бы, какъ выразился г. Кауфманъ, что звонкія деньги явились бы у кредиторовъ правительства, но еще не у самого должника. Но не возникла ли бы тогда неизбежно мысль (которая уже и теперь мелькаетъ въ умѣ нѣкоторыхъ финансистовъ) о вниманіи государственныхъ податей кредитными билетами по курсу? А, вѣдь, это означало бы возвышеніе податей на $\frac{2}{3}$ нынѣшней ихъ тяжести, т.-е. мѣру, опасную во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ почему мы положительно отвергаемъ всякую такую дальнѣйшую мѣру (послѣ установленія золотой пошлины), которая отрицала бы нарицательную цѣну кредитнаго рубля; въ этомъ смыслѣ мы всегда были противниками операціи закупки металла государственнымъ банкомъ на выпускъ бумажныхъ денегъ и ходатайства обществъ желѣзныхъ дорогъ объ установленіи тарифа на металлической валютѣ.

Но что смущаетъ насъ въ проектѣ г. Кауфмана, какъ и во всякомъ проектѣ консолидаціи бумажныхъ денегъ, это—требуемое имъ громадное обращеніе къ кредиту въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Не то, чтобы мы безусловно не довѣряли возможности для правительства заключить займы по 200 м. р. въ годъ, въ теченіи 4 лѣтъ, съ прибавкой займа въ 116 м. р. на пятый годъ; но мы имѣемъ всѣ причины опасаться, что въ теченіи этого періода потребуется еще половина этой суммы на покрытіе текущихъ дефицитовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на уплату по заключеннымъ въ послѣдніе два года займамъ уже требуется 37 м. р.; на операцію, предлагаемую г. Кауфманомъ, потребуется дополнительно 42 м. р.; на возвышеніе въ бюджетныхъ расходахъ въ нынѣшнемъ же году потребуется по меньшей мѣрѣ 21 м. р. Это уже составляетъ 100 м. р. новаго расхода, въ сравненіи съ 1876 годомъ. Объ окончаніи расчетовъ по войнѣ, возобновленію запасовъ, устройству Бессарабіи, Арменіи, Ватума, мы уже не говоримъ; на это мы отнесли тѣ 300 м. р., которые добыты послѣднимъ внутреннимъ займомъ; напомнимъ только, что при прекращеніи

дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, и этой суммы, по приведенному выше расчету, не хватаетъ до 1 января 1880.

Откуда же намъ взять эти 100 лишнихъ милліоновъ въ годъ? До сихъ поръ предуманы только двѣ мѣры — поразрядный налогъ и уменьшеніе табачнаго налога, посредствомъ усиленія контроля въ той или другой формѣ. Но, вѣдь, если не вдаваться въ область несбыточныхъ мечтаній, то оба эти налога въ совокупности могутъ дать всего лишнихъ милліоновъ 20—25. Гдѣ же средства для покрытія остальныхъ 80-ти? Но это не все. Нельзя упускать изъ виду необходимости нѣкоторыхъ производительныхъ пожертвованій со стороны казны. Таковыми представляются: на ряду съ поразряднымъ налогомъ — нѣкоторое уменьшеніе бремени подушныхъ сборовъ, а на ряду съ расширеніемъ табачнаго налога — уменьшеніе и даже отиѣна другого акцизнаго сбора — солянаго. Въ виду нынѣшняго экономическаго положенія значительной части крестьянства, эти пожертвованія столь же необходимы даже въ видахъ охраненія главныхъ источниковъ государственнаго дохода, какъ бываетъ необходимымъ и превозителю ремонтъ частнаго дома для предупрежденія упадка въ общей его доходности. Стало-быть, едва ли даже можно рассчитывать и на тѣ 20—25 м. р. лишняго дохода, о которыхъ упомянуто выше.

Впрочемъ, о введеніи поразряднаго налога вдругъ какъ-то перестали говорить, и даже есть слухи, что мысль о немъ оставлена. Зато теперь говорятъ объ установленіи налога на движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, а также о возвышеніи гербоваго сбора. Но всего болѣе, по видимому, ожидаютъ отъ преобразованія акциза на табакъ. Этими послѣднимъ предположеніемъ мы сейчасъ займемся отдѣльно. Что касается поразряднаго налога, то мы должны сказать, что было бы крайне жаль, если бы основная мысль, въ немъ лежащая — привлеченіе къ прямому налогу классовъ достаточныхъ — была отложена въ сторону изъ-за опасенія стѣснить богатыхъ людей платежомъ нѣсколькихъ сотъ рублей въ годъ. А отказъ отъ этой мысли имѣлъ бы именно такое значеніе. Поразрядный налогъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ опредѣленъ въ проектѣ податной комиссіи, дѣйствительно, представлялъ важныя несовершенства. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что самая мысль о привлеченіи достаточныхъ классовъ къ носенію прямого налога можетъ быть оставлена. Подушныя подати и поразрядный налогъ должны быть преобразованы и слиты въ одну общую категорію личнаго налога, взимаемаго по разрядамъ, причѣмъ слѣдовало бы только исправить опредѣленіе разрядовъ по вышнимъ признакамъ, какъ оно было проектировано комиссіею. Если же предположеніе о введеніи поразряднаго налога въ настоящее время бу-

дѣтъ отложено, въ такомъ случаѣ, основная мысль его должна была бы осуществиться въ нѣсколькихъ специальныхъ налогахъ, рассчитанныхъ на движимый капиталъ и на роскошь. Сюда принадлежали бы: налогъ на купоны акцій и облигацій и вообще такія цѣнные бумаги, которыя при самомъ своемъ выпускѣ не были впередъ изъяты отъ возможности обложенія ихъ, налогъ на частные банки по суммѣ оборотовъ и на кассы ссудъ по мѣстностямъ, въ которыхъ онѣ находятся; ватѣмъ, слѣдовали бы налоги: на квартиры въ городахъ, свыше известной нормы, опредѣленной по числу душъ въ семействахъ нанIMATEЛЯ, налогъ на экипажи и лошадей, не служащихъ для промысла, на право держать мужскую прислугу, на лицензю, на откупъ земли для охоты, на охотничье оружіе и собакъ, кромѣ служащихъ для промысла, и т. п.

Возвращаясь къ возвышенію цѣнности кредитнаго рубля путемъ консолидаціи, совершаемой при помощи ряда займовъ внутреннихъ и внѣшнихъ на около 800 мил. руб., мы должны сказать, что глубоко убѣждены въ необходимости такой мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣваемся, удастся ли ее исполнить. Это сомнѣніе является въ насъ не вслѣдствіе недовѣрія къ комбинаціи, предлагаемой, наир., г. Кауфманомъ. Не вина финансиста, конечно, что ему приходится предлагать займы на такую громадную сумму. Результатъ былъ бы, конечно, блестящій, если бы вслѣдствіе осуществленія этой комбинаціи, у насъ, вмѣсто 1.200 милліоновъ обезцѣненныхъ на три-восьмью кредитныхъ рублей, явилось 40 мил. новаго ежегоднаго расхода, не за то осталось бы въ обращеніи всего 446 милліоновъ бумажныхъ денегъ, вполнѣ обезпеченныхъ и ходящихъ по нарицательной цѣнѣ. Сомнѣніе въ насъ является собственно оттого, что при неуравновѣшенномъ бюджетѣ, при отсутствіи всякой гарантіи противъ нарастанія сверхмѣтныхъ расходовъ, рядомъ съ осуществленіемъ предположенной комбинаціи неизбежно явилось бы или обращеніе къ займамъ съ цѣлью покрытія годичныхъ дефицитовъ—что затруднило бы займы для пегашенія ассигнацій, или обращеніе къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ—что уничтожило бы въ корнѣ всю операцію по сокращенію и внѣшней ихъ суммы. Мало того, мы позволимъ себѣ сказать даже, что если бы эта операція уже удалась, если бы, наконецъ, возстановленъ былъ развѣсъ, и тогда едва ли металлическія деньги прочно водворились бы въ странѣ потому именно, что и тогда не было бы никакой серьезней увѣренности, что, при первой надобности, выпускъ бумажныхъ денегъ не возобновились бы, а за ними и новая вѣроятность прекращенія развѣса.

По этому поводу мы должны упомянуть еще въ двухъ словахъ о

статѣ г. А. Кошелева „о мѣрахъ къ восстановленію цѣнности рубля“. Г-нъ Кошелевъ въ технически-финансовомъ отношеніи не предлагается ничего новаго; онъ одобряетъ проектъ проф. Вунге. Но при этомъ онъ требуетъ, чтобы заведеніе дѣломъ бумажнаго денежнаго обращенія было возложено на особое учрежденіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, изъ 8 или 12 членовъ, по два или по три изъ людей земскихъ, торговыхъ и ученыхъ и изъ служащихъ во финансовому вѣдомству; назначеніе такихъ лицъ совершалось бы обыкновеннымъ порядкомъ опредѣленія на службу. Цѣль предполагаемаго учрежденія — внушить „необходимое довѣріе какъ внутри страны, такъ и внѣ нашего государства; а безъ этого довѣрія, — замѣчаетъ авторъ, — успѣхъ восстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ — онъ невозможенъ“.

Эта мысль — въ томъ размѣрѣ, какъ она предлагается нынѣ г. Кошелевымъ — не нова. Ее предлагали еще 17 лѣтъ тому назадъ не кто иной, какъ самъ вышій управляющій государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскій. Въ его проектѣ преобразованія кредитнаго обращенія высказано было предложеніе, чтобы государственный банкъ, на который было возложено исполненіе этого преобразованія, былъ изъятъ изъ вѣдомства министерства финансовъ и подчиненъ исключительно и непосредственному вѣдѣнію одного совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, а составъ этого послѣдняго учрежденія былъ бы усиленъ со стороны правительства, дворянства и купечества. Г-нъ Ламанскій предлагалъ, чтобы правительство отказалось *насовсѣдъ* отъ выпуска кредитныхъ билетовъ и вообще бумагъ, имѣющихъ значеніе денежныхъ знаковъ, и чтобы право ихъ выпуска перешло въ банкъ; въ составъ правленія банка онъ также предлагалъ назначить по два члена отъ правительства, дворянства и купечества. Замѣните слово „дворянство“ — словами „земскіе люди“, а слово „купечество“ — словами „торговые люди“, — и передъ вами буквально нынѣшнее предложеніе г. Кошелева.

Но со времени заявленія этой мысли Е. И. Ламанскимъ прошло ровно 17 лѣтъ (проектъ его составленъ въ ноябрѣ 1861 г.), а тогдашняя сумма кредитныхъ билетовъ — 700 мил. руб. — превратилась въ нынѣшнюю — 1.200 мил. руб. Да если бы мысль г. Ламанскаго и осуществилась 17 лѣтъ тому назадъ, едва ли бы вышло что-либо иное, при томъ же теченіи событій. На только два члена изъ дворянства и два изъ купечества, назначенные правительствомъ въ правленіе банка или хотя бы въ совѣтъ кредитныхъ установленій, не могли бы обезпечить полной самостоятельности этихъ учреждений и внушить прочное довѣріе къ бумажному обращенію, но они одни не могли бы этого достигнуть даже и тогда, если бы избирались дворянствомъ и

купечествомъ. Они не устояли бы противъ государственной необходимости; государственная необходимость неопредѣленнаго умноженія бумажныхъ денегъ возникаетъ изъ положенія *бюджета*, условий его обсуждения и контроля за его исполненіемъ. Частинки мѣрами тутъ пособить нельзя.

Особенно осторожно слѣдуетъ относиться къ проектамъ такихъ мѣръ, которыя, для доставленія какиъ чрезвычайныхъ ресурсовъ въ настоящемъ, создавали бы условия, могущія стѣснить въ будущемъ и возможность преобразованій подальной системы, и самую производительность страны. Сюда слѣдуетъ прямо отнести предложенія объ отдахъ въ откупъ какой-либо государственной регалии или акціонной статьи. Въ прошломъ мѣсяцѣ въ печати распространился слухъ о намѣреніи финансовой администраціи заключить виѣнній заемъ подъ обезпеченіе табачной монополіи, которая была бы предоставлена иностраннымъ капиталистамъ. Предположеніе это слышное невѣроятно, чтобы стѣбло долго на немъ останавливаться. Достаточно заимѣть, что для погашенія займа требуются десятки лѣтъ, въ продолженіи которыхъ мы должны были бы безусловно мириться съ существованіемъ откупа, такъ какъ не были бы права его отмѣнить. Предположеніе это не только невѣроятно, но даже неприлично. Неужели же Россія дошла до такого финансового положенія, что уже не можетъ заключить виѣнскихъ займовъ иначе, какъ подъ специальными обезпеченіями той или другой отрасли государственныхъ доходовъ? Вѣдь это было бы началомъ весьма дурного финансового хозяйства: одинъ заемъ подъ обезпеченіе данъ съ Египта, другой подъ залогъ податей съ Кандін и т. д. И это послѣ того, какъ всего три года тому назадъ мы заключили виѣнній заемъ, безъ всякаго specialнаго обезпеченія, и притомъ всего по 4½ процента!

Итакъ, догадку о заключеніи займа подъ обезпеченіе табачной монополіи слѣдуетъ прямо устранить. Но затѣмъ остается вопросъ объ установленіи табачнаго откупа для усиленія нормальныхъ, годовыхъ средствъ государства, или о дополненіи выѣнскихъ табачно-акціонныхъ правилъ въ видахъ усиленія контроля, особенно за самимъ производствомъ табака и за развозомъ его. Усиленіе дохода съ табака, какъ можно было судить по статьямъ газетъ, многими выѣтся въ виду въ числѣ главныхъ средствъ для покрытія тѣхъ десятковъ милліоновъ рублей расхода, которые потребуются вновь по системѣ государственнаго кредита, особенно если предположить обращеніе около полуиштыярдъ кредитныхъ рублей въ процентный долгъ. Итакъ, мы будемъ говорить объ установленіи табачной монополіи, о возвышеніи анциза съ табачныхъ издѣлій и объ усложненіи

табачно-акцизного контроля собственно как о выборах для уравновешения годичного бюджета.

Здесь прежде всего слѣдуетъ сравниться съ цифрами, чтобы не предаваться ожиданіямъ преувеличеннымъ. По отчету государственнаго контроля, акцизы съ табаку доставилъ въ 1871 году 8 $\frac{1}{2}$ милл. рублей; въ послѣдующемъ году его сумма возросла до 10 $\frac{1}{4}$ милл. рубл., и съ тѣхъ поръ по 1875 г. включительно, поднялась всего до 10 $\frac{2}{2}$ милл. рубл. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ 1875 году, доходъ этотъ далъ около 120 т. р. менѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Затѣмъ въ 1876 г. цифра этого дохода еще нѣсколько упала, и именно до 10 $\frac{1}{2}$ милл. рубл., вслѣдствіе сокращенія числа розничныхъ заведеній, обязанныхъ бранъ свидѣтельства на раскурочную продажу табака. Въ росписи на 1877 годъ, сумма дохода съ табака была предположена въ 10,626 милл. рубл., а въ росписи на 1878 годъ—уже въ 13,022,500 рубл., вслѣдствіе введенія съ 1 января новаго тарифа бандеролей.

Цифры эти—весьма скромныя. Изъ нихъ видно, что доходъ отъ табака въ отдѣльности не можетъ служить основой для покрытія новыхъ расходовъ по системѣ кредита, которая, предполагая консолидацію 500 м. р. кредитныхъ билетовъ, превзошла бы сумму въ 70 м. р. Конечно, возвышеніе поступленийъ акциза съ табака должно быть цѣлью финансоваго управленія, какъ и вообще возвышеніе поступленийъ всѣхъ налоговъ. Но при нормальномъ положеніи дѣлъ, нѣтъ никакихъ основаній ожидать, что доходъ, дававшій доселѣ около 10 $\frac{1}{2}$ м. р. въ годъ, можетъ быть вдругъ доведенъ до какихъ-то необычайныхъ размѣровъ, которые дозволили бы избрать именно его осью для обширныхъ финансовыхъ плановъ.

Правда, у насъ обыкновенно любятъ придавать преувеличенное значеніе какому-нибудь вновь придуманному средству возвышенія дохода. Такое средство въ настоящее время представлялось въ учрежденіи табачной монополіи и отдаче ея на откупъ промышленной компаніи. Ссылаются на примѣры странъ, въ которыхъ существуетъ табачная монополія, на намѣреніе князя Висмарка ввести ее въ Пруссіи, и сулятъ золотыя горы съ табака, отъ одного измѣненія способа взиманія налога. Между тѣмъ, въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ налогѣ на потребление, важнѣйшимъ элементомъ, основаніемъ всего дѣла, представляется самое потребление, т.-е. его размѣры; затѣмъ идетъ размѣръ налога, и уже затѣмъ представляется способъ взиманія. Такъ, напримѣръ, условія нашего контроля за поступленіемъ нитеино-акцизнаго сбора съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усложняются, то-есть контроль усиливается, а между тѣмъ сумма поступленийъ не только перестала возрастать, но начала падать. Ни-

накой способъ взиманія, будь то акцизъ, казенное управление, или откупъ, не заключаетъ самъ въ себѣ мистической силы, которая могла бы создать многое изъ немногата. Въ Россіи въ 1875 году было 93,260 табачныхъ плантацій съ общимъ пространствомъ въ 46,245 десятинъ, и съ нихъ снято 2 м. 30.500 пудовъ табаку¹⁾. Если мы допустимъ, что съ каждаго пуда казна могла бы получить 10 р., то и въ такомъ случаѣ, крайнимъ предѣломъ дохода, соответственно существующему производству (котораго размѣры опредѣляются потреблениемъ), была бы цифра 20¹/₂ милл. рублей. Но вѣдь взимать 10 р. съ пуда сырого табаку невозможно; сборъ у насъ производится съ выдѣланнаго табака въ такомъ размѣрѣ, что съ низшихъ сортовъ акцизъ составляетъ всего около 3 р. съ пуда. А 10 рублей взимаются съ пуда высшаго сорта табаку приготовленнаго. Итакъ, если положить казенный доходъ съ пуда сырого табаку въ среднемъ размѣрѣ въ 5 руб. съ небольшимъ, то съ 2 м. 30¹/₂ т. пудовъ и составитъ примѣрно 10¹/₂ м. р., получавшаяся доселѣ въ дѣйствительности сумма дохода отъ табака. На самомъ дѣлѣ сборъ съ пуда сырого табаку гораздо ниже, но приведенная цифра дохода достигается взиманіемъ акциза съ издѣлій изъ табаку привозного.

Конечно, противъ этого можно возразить гадательнымъ предположеніемъ, что официальная цифра сбора табака съ плантацій гораздо ниже дѣйствительной, что она далеко не представляетъ всего потребленія туземнаго табака, и что именно поэтому полезно было бы введеніе табачной монополіи для болѣе дѣйствительнаго контроля за самымъ разведеніемъ и сборомъ табака на плантаціяхъ. Что усиленіе контроля за плантаціями, дѣйствительно, предполагается—объ этомъ можно судить изъ разосланной министерствомъ финансовъ въ послѣднее время акцизнымъ управленіемъ программы вопросовъ по табаководству. Вопросы этихъ числомъ—тридцать, и они обнимаютъ мельчайшія подробности табачной производительности. Но мы замѣтимъ, все-таки, что самое предположеніе, будто дѣйствительный сборъ съ плантацій (и потребление внутреннего табака) *гораздо* выше официальной цифры есть предположеніе чисто-гадательное. При полномъ отсутствіи статистики потребленія въ Россіи, на чемъ оно могло бы основываться? На сооставленіи голыхъ цифръ ежегоднаго сбора табака въ Россіи въ 2 милл. пуд. и числа населенія—въ 60 милл., и на кажущемся несоотвѣтствіи этихъ цифръ? Едва ли, потому что самое это несоотвѣтствіе еще требовалось бы доказать. При сборѣ 2 съ небольшимъ милл. пудовъ табаку, пришлось бы въ Россіи по 1 фунту въ годъ на душу. Но есть ли основаніе утверждать, что

¹⁾ *Annuaire des finances russes*, par A. Vessetovsky, 1877

дѣйствительное потребление табака въ Россіи гораздо выше этого размѣра?

Во Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ казенная монополія табачной фабрикаціи и продажи табака, статистика показываетъ средний размѣръ потребления табака въ 748 граммовъ ¹⁾, т. е. приблизительно въ $1^{82}/_{100}$ фунта. Но если мы сравнимъ экономическое положеніе массы французскаго населенія съ бытомъ большинства нашихъ 80-ти милліоновъ, въ составъ которыхъ входятъ и такіе милліоны, которые нуждаются въ самомъ хлѣбѣ, и такіе, которые проживаютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ табакъ по своей цѣнѣ является недоступнымъ, то едва ли мы рѣшимся утверждать, что табакъ въ Россіи потребляется непременно въ томъ же размѣрѣ, какъ во Франціи. У насъ есть, напр., милліоны людей, которые воздерживаются отъ табака по религіозному убѣжденію, кромѣ главной причины, о которой только что упомянуто—сравнительной бѣдности русскаго народа. Если принять взрослое мужское населеніе въ одну четверть всего числа душъ въ государствѣ, то на француза окажется $7\frac{1}{4}$ фунтовъ табаку въ годъ, а на русскаго 4 фунта, и въ этомъ сопоставленіи мы не видимъ ничего безусловно несогласнаго съ дѣйствительностью. Почему, если во Франціи на душу населенія приходится $1^{82}/_{100}$ фунта табаку, можно бы утверждать, что размѣръ одного фунта на душу въ Россіи долженъ быть непременно ниже дѣйствительности, что, стало быть, официальная цифра сбора на нашихъ плантаціяхъ много ниже дѣйствительной гораздо, и что вслѣдствіе того, необходимо усилить контроль за табаководствомъ, хотя бы для этого пришлось учредить табачную монополію? А что, если въ результатѣ ея введенія оказалось бы, что потребление было, дѣйствительно, довольно близко къ нынѣшней официальной цифрѣ сбора, но что съ установленіемъ монополіи большинство плантацій закрылось вслѣдствіе крайняго стѣсненія, и самое потребление уменьшилось, вслѣдствіе возвышенія цѣны?

Подобныхъ мѣръ нельзя импровизировать. Вѣдь 93 тысячи нашихъ плантацій представляютъ нѣсколько сотъ тысячъ семействъ, которые живутъ этимъ дѣломъ при нынѣшнемъ его устройствѣ. Изъ интересъ тоже чего-нибудь стѣять. Уже изъ самыхъ вопросовъ, включенныхъ въ программу, разосланную министерствомъ финансовъ, видно, что всякое усиленіе контроля за табаководствомъ поведетъ къ значительному уменьшенію числа плантацій. Въ среднемъ размѣрѣ наши плантаціи обширны; если раздѣлить общее ихъ пространство на ихъ число, то на одну плантацію придется примерно 1,200 кв.

¹⁾ Das Tabak-Monopol in Oestreich u. Frankreich, von Dr. J. Kraki, Wien, 1878.

сажень. Но въдъ большинство плантацій, конечно, гораздо меньше. Положимъ, сравнительно съ такими обязательными максимумами, какъ 435¹/₂ кв. саж. во Франціи, или 140 кв. саж. въ царствѣ польскомъ, наши плантаціи все-таки велики. Но въдъ въ числѣ предлагаемыхъ финансовою администраціею вопросовъ находится и такой: „для установленія правительственнаго надзора за разведеніемъ табака не слѣдовало ли бы установить... наименьшій размѣръ пространства въ уѣздѣ или волости, какой должны имѣть всѣ плантаціи въ совокупности?“ Это уже означаетъ прямо намѣреніе искусственно сгруппировать, „согнуть“ плантаціи въ возможно меньшее число округовъ, — для чего? Для того, чтобы акцизнымъ чиновникамъ легче было присматривать за ними! Вотъ уже и начало того пути, на которомъ естественное распредѣленіе производства, смотря по выгодности самаго дѣла, приносится въ жертву удобству контроля. Это-то и ведетъ къ тому, что самое дѣло ставится, наконецъ, въ условія невозможныя. Такъ, слѣдуя по этому пути въ питейно-акцизномъ дѣлѣ, дошли до того, что мелкіе, хозяйственные заводы всѣ закрылись, и самое веденіе дѣла стало въ условія совершенно анти-экономическія, такъ что барыши заводчиковъ зависятъ не отъ улучшенія производства, а отъ чисто формальныхъ условій, создаваемыхъ крайней регламентаціею.

Въ настоящемъ случаѣ, программа, разосланная акцизнымъ управленіемъ, упоминаетъ даже о слѣдующихъ мѣрахъ: установить, чтобы плантаціи имѣли болѣе или менѣе правильную форму четырехугольника; чтобы табакъ садился рядами по прямой линіи, не смѣшивая онаго съ другими растеніями; чтобы разстоянія между кустами, а также между рядами кустовъ были равныя, чтобы въ рядахъ было равное число кустовъ, и, наконецъ, чтобы на всѣхъ растеніяхъ каждой плантаціи во времени сбора было оставлено одинаковое число листьевъ! Конечно, если акцизный контроль будетъ доведенъ до такой убійственной требовательности, тогда уже проще вовсе откинуть минимумъ свободы промысла, и прямо ввести монополію, которая превращаетъ плантаторовъ въ простыхъ подрядчиковъ казны или монополиста, сѣющихъ и собирающихъ по приказаніямъ чиновниковъ или приказчиковъ, обязанныхъ разводить не больше и не меньше, чѣмъ имъ приказано, и поставлять весь свой сборъ въ казенный или монополичный магазинъ.

Выше мы сказали, что подобныя мѣры не импровизируются. На нихъ нельзя строить никакихъ плановъ объ уравновѣшеніи будущаго бюджета или о громадной операциіи выкупа полумиллиарда кредитныхъ рублей. Ни откупъ, ни казенная фабрикація не дадутъ болѣе того, что слобно дать въ настоящее время *потребленію*. А что, если

вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, неизбѣжнаго при усиленіи регламентаціи и извращенія экономическихъ условій дѣла, потребление еще уменьшится? Тогда компанія, взявшая дѣло въ откупъ, обанкротится, а государство останется съ разоренными плантаціями и фабриками. Или если бы была введена казенная фабрикація, то уже самая огромная издержка на устройство складовъ, фабрикъ и на содержаніе многочисленнаго личнаго состава уменьшитъ доходъ съ табака, если потребление его не разовьется. Доходность налоговъ на потребление прежде всего зависитъ отъ размѣровъ потребления. Это слишкомъ очевидно. Вотъ почему, прежде всего надо бы имѣть положительныя данныя о томъ, что въ настоящее время владѣльцы плантацій въ Россіи производятъ *гораздо* больше табаку, чѣмъ показываютъ, и что тайная, неоплаченная акцизомъ или недостаточно (по цѣнѣ) оплаченная фабрикація производится въ Россіи въ большихъ размѣрахъ. Иначе не слѣдовало бы и браться за установленіе новаго способа взиманія. Самый способъ взиманія, чѣмъ стѣснительнѣе онъ будетъ для производителей, тѣмъ вѣрнѣе можетъ только понизить потребление. А развитіе потребления зависитъ прежде всего отъ улучшенія общаго экономического быта народа. Факты, обнаруживаемые взиманіемъ прямыхъ податей, показываютъ, что бытъ его въ настоящее время ухудшается, а не улучшается. Стало бытъ, возрастанія потребления теперь ожидать нельзя и наименѣе вѣрнымъ для поднятія его средствомъ, конечно, служило бы вздорожаніе самого продукта, о потребленіи котораго мы ведемъ рѣчь. Допустимъ, напр., что при новомъ способѣ взиманія (обложеніе акцизомъ самаго сбора табака, учрежденіе казенной фабрикаціи и продажи или отдача ихъ въ откупъ), мы рассчитывали бы на возможность поднять цифру табачнаго дохода на 25%; это составило бы 13 милл. вмѣсто 10¹/₂, или 16 милл. вмѣсто 13 м. Но если при этомъ (какъ то неизбѣжно) поднимется цѣна на продуктъ, то потребление такого предмета, какъ табакъ, легко можетъ сократиться въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ. Но и при удачѣ все-таки результатъ не могъ бы оправдать тѣхъ почти баснословныхъ ожиданій, какія возлагаются иными на усиленіе табачнаго дохода въ смыслѣ главнаго средства для поправленія финансовъ.

Не слѣдуетъ думать, что контроль въ табачно-акцизномъ дѣлѣ у насъ въ настоящее время слабъ. Для убѣжденія читателя въ противномъ, мы изложимъ вкратцѣ нынѣшнюю организацію этого дѣла въ Россіи. Затѣмъ, для ознакомленія ихъ съ тѣмъ, что такое табачная монополія, мы остановимся на устройствѣ, существующемъ во Франціи и въ Австріи.

Акцизъ взимается у насъ только съ приготовленнаго табака внутренней выдѣлки, и взимается посредствомъ бандеролей; табакъ при-

возный подлежит таможенной пошлинѣ, а бандероли наклеиваются на приготовленный привозный табакъ не по цѣнѣ его, а только для удостовѣренія оплаты пошлинъ, въ видѣ пломбы, съ равномерною платою за каждый бандероль по три копѣйки. Воздѣлываніе табака на плантаціяхъ дозволяется всѣмъ, и разводители могутъ продавать свой табакъ—только не менѣе пуда вѣсомъ. Итакъ, воздѣлываніе и продажа сырого табака у насъ совершенно свободны. Приготовленіе табака, то-есть выдѣлка курительнаго и нюхательнаго табака, сигаръ и папирсъ изъ листьевъ и стебельковъ, дозволяется только на табачныхъ фабрикахъ. Фабрика можетъ быть открыта только съ вѣдома акцизнаго управленія и непременно въ городѣ. На каждую табачную фабрику назначается по одному или по нѣскольку казенныхъ контролеровъ; фабрикантъ обязанъ имѣть особую кладовую для храненія запасовъ сырого табака, и эта кладовая должна быть запечатана контролеромъ; каждый разъ, когда требуется взять какое-либо количество табаку изъ кладовой на фабрику, требуется присутствіе контролера, и отпускъ матеріала изъ кладовой на фабрику производится по вѣсу. Для храненія крошеного и толченого табака требуется отдѣльное помѣщеніе на фабрикѣ, и контроль отпускамъ его производится при тѣхъ же контрольных формальностяхъ, которыя только что приведены. Для храненія и оптовой продажи издѣлій фабрики, уже оклеенныхъ бандеролью, фабрикантъ обязанъ имѣть при фабрикѣ еще особую кладовую, притомъ такую, которая не имѣетъ съ фабрикою внутренняго сообщенія. Табачная фабрика должна занимать отдѣльное строеніе, съ особымъ дворомъ. Въ этомъ строеніи и на дворѣ не должно быть никакихъ непринадлежащихъ къ фабрикѣ лавокъ или заведеній, и жить въ немъ могутъ только хозяинъ фабрики съ семействомъ, мастера и рабочіе. Фабрика можетъ имѣть только одинъ выходъ на улицу и надъ нимъ вывѣску, и окна въ подвальномъ и нижнемъ этажѣ должны быть снабжены проволочными сѣтками. Ежедневно, по окончаніи работъ, тѣ помѣщенія фабрики, гдѣ есть табакъ и необандероленные издѣлія, опечатываются контролеромъ, и послѣ этого самъ фабрикантъ не имѣетъ права входить на фабрику иначе, какъ въ сопровожденіи контролера. Фабриканту и управляющему предписано наблюдать, чтобы рабочіе и служители не уносили съ фабрики табака и необандероленныхъ издѣлій, причемъ акцизному надзору предоставлено требовать, чтобы, при выходѣ рабочихъ съ фабрики, они были обыскиваемы, въ присутствіи контролера.

Независимо отъ этихъ внѣшнихъ условій охраненія, которыя обращаютъ табачную фабрику въ нѣчто похожее на средневѣковой замокъ, которому недостаетъ только рва съ подъемнымъ мостомъ, за печатью контролера, существуетъ сложная отчетность, удостовѣряемая конт-

ролеромъ и всегда доступна акцизному надзору: ежемѣсячно представляется въ управленіе выписка изъ книгъ, а учетъ фабрикъ и кладовыхъ производится по сравненію количества табаку принятаго въ кладовыя съ количествомъ отпущеннаго на фабрику, а затѣмъ — количество выбранныхъ фабрикантомъ бандеролей съ количествомъ выпущенныхъ въ продажу обандероленныхъ издѣлій. Учетъ табака, употребленнаго на сигары и папирсы, производится по вычисленію, сколько идетъ табаку на тысячу штукъ каждаго сорта по представленнымъ акцизному надзору образчикамъ. Вслѣдствіе того, фабрикантъ не имѣетъ права выпускать новый сортъ папирсы или сигаръ безъ сношенія съ акцизнымъ надзоромъ.

Взимается акцизъ въ двоякомъ видѣ: по акцизнымъ свидѣтельствамъ, которыя должны быть взяты фабриками, складами, оптовыми и мелочными лавками, и затѣмъ — продажей фабрикантамъ бандеролей. Никакое количество приготовленнаго табаку не можетъ быть отпускаемо съ фабрики иначе, какъ въ цѣлыхъ помѣщеніяхъ, съ означеніемъ фабрики, сорта, цѣны, вѣса или числа штукъ, и съ оклейкою этихъ помѣщеній бандеролями разныхъ цѣнъ, смотря по сорту. Понятно, что въ интересы акцизнаго надзора вовсе не входитъ существованіе мелкихъ табачныхъ фабрикъ или мастерскихъ; при крайне-сложномъ контролѣ, онѣ требовали бы слишкомъ большихъ издержекъ вниманія и затрудняли бы надзоръ. Поэтому вниманіе бандерольнаго сбора производится такимъ способомъ, который прямо устраняетъ возможность существованія мелкихъ табачныхъ фабрикъ или мастерскихъ. Владѣльцы фабрикъ обязаны ежегодно выбирать изъ казны для каждой фабрики: въ столицахъ, Ригѣ, Одессѣ и всѣхъ городахъ царства польскаго, бандеролей на сумму не менѣе 10 т. рублей, а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ — не менѣе 6 т. рублей. Это годовое количество бандеролей приобрѣтается въ двойной срокъ, за каждое полугодіе; какъ только въ теченіи какаго-либо полугодія установленная пропорція бандеролей не выбрана, фабрика немедленно закрывается. Бандероли дозволяется приобрѣтать и въ кредитъ, но въ такомъ случаѣ платежъ по нимъ денегъ долженъ быть обезпеченъ залогомъ процентныхъ бумагъ, принимаемыхъ по утвержденнымъ министерствомъ на каждое полугодіе цѣнамъ. Единственная поштучная продажа сигаръ и папирсы, допускаемая правилами, производится въ трактирныхъ и питейныхъ заведеніяхъ, взявшихъ на то особое акцизное свидѣтельство, но за то въ этихъ заведеніяхъ не дозволяется продажа табачныхъ издѣлій на выносъ. Развозъ табака, какъ приготовленнаго, такъ и сырого производится по провознымъ свидѣтельствамъ, въ которыхъ означено мѣсто назначенія транспорта; въ случаѣ перемѣны мѣста назначенія, требуется отдѣльное акцизнаго над-

зора на свидѣтельствѣ. Всѣ эти постановленія сопровождаются соотвѣтствующими уголовными опредѣленіями, въ которыхъ назначаются штрафы, могущіе доходить до очень значительныхъ суммъ, такъ какъ въ извѣстныхъ случаяхъ полагается конфискація, уплата въ тройномъ размѣрѣ за невзятое свидѣтельство или ненаклеенныя бандероли. Высшая мѣра — лишеніе на срокъ или навсегда права содержать табачную фабрику или торговать табакомъ.

Для полноты упомянемъ о размѣрахъ акцизнаго сбора: годовое акцизное свидѣтельство на табачную фабрику, оптовый складъ и мелочную торговлю табакомъ въ лавкахъ стоить, смотря по мѣстности и роду заведенія, отъ 300 до 5 рублей. Цѣна бандеролей до 1878 г. опредѣлялась по сорту табака или табачныхъ издѣлій и составляла примѣрно треть продажной цѣны, кромѣ высшаго (перваго) сорта табака, сигаръ и папирсъ, такъ какъ для этого сорта не было назначено предѣльной цѣны, а опредѣлена только цѣна, отъ которой начинается первый сортъ. Поэтому на первомъ сортѣ бандеролей составляетъ обыкновенно менѣе трети цѣны, а на самыхъ дорогихъ издѣліяхъ внутренняго приготовленія всего 10% и даже менѣе. Закономъ 6 іюня 1877 года введена съ 1 января 1878 г. общая бандеролей для всѣхъ сортовъ табака (кромѣ низшаго) въ 24 к. съ фунта, для папирсъ 37½ коп. со 100 штукъ, и для сигаръ 60 коп. со ста штукъ. При этомъ за основаніе общей цѣны бандеролей была принята цѣна бандеролей, установленная прежде для табака IV сорта, для папирсъ же новая цѣна опредѣлена выше существовавшей прежде для I-го сорта, а для сигаръ прежняя цѣна для II-го сорта. Для фунта низшаго табака (махорки) удержана прежняя цѣна бандеролей — 4 к. Такимъ образомъ, введеніе новой бандеролей въ общемъ размѣрѣ представило возвышеніе ея цѣны.

Едва ли кто рѣшится утверждать, что установленный у насъ надзоръ за фабрикаціею табака недостаточенъ и что размѣръ обложенія его слишкомъ малъ. Далѣе нельзя идти, не взявъ фабрикацію и продажу табака прямо въ руки казны. Итакъ, ожидать возростанія табачнаго дохода отъ усиленія контроля за фабрикаціею и продажей табака и возвышенія акциза невозможно. Обложеніе едва ли можетъ идти далѣе нынѣшняго, и новое возвышеніе цѣны на высшіе сорта очевидно уменьшило бы потребленіе высшихъ сортовъ. Притомъ, оно и не могло бы значительно поднять доходъ, который, какъ увидимъ ниже, даже въ такихъ странахъ, какъ Австрія и Франція, собирается главнымъ образомъ съ сортовъ низшихъ. Въ Россіи же, по незначительному численному отношенію достаточнаго класса къ массѣ населенія, явленіе это должно быть еще болѣе преобладающимъ, такъ что доходъ казны главнымъ образомъ собирается, конечно, съ

низшаго (пятаго) сорта табака. Возвышеніе цѣнъ на этотъ сортъ нигдѣ бы послѣдствіемъ сокращеніе потребленія, которое и безъ того мало развито, и, сверхъ того, такое возвышеніе цѣны означало бы усиленіе одного изъ налоговъ, падающихъ на рабочую массу, которой быть представляется именно теперь весьма неудовлетворительнымъ. Наконецъ, надо имѣть въ виду и то, что послѣднее возвышеніе цѣны бандеролей послѣдовало всего 11 мѣсяцевъ тому назадъ.

Итакъ, при сохраненіи акцизной системы и оставалось бы дѣйствительно только одно возможное мѣропріятіе: учетъ жатвы на плантаціяхъ и обложеніе акцизомъ самаго разведенія табака и его сбора. Но это, во-первыхъ, прямо противорѣчило бы всѣмъ прилагавшимся доселѣ поведеніямъ о развитіи табаководства въ Россіи; во-вторыхъ, стѣснило бы это дѣло страшною регламентаціею и извратило бы его экономическія условія. При такихъ условіяхъ, повторыемъ, логичнѣе было бы разводителей табака открыто превратить въ подрядчиковъ казенной или частной монополіи. Стало быть, съ какой стороны ни подойти къ вопросу объ усиленіи контроля и возвышенія обложенія въ дѣлѣ разведенія, фабрикаціи и продажи табака, представляется выводъ, что въ настоящее время ни то, ни другое не могло бы быть сдѣлано въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ. Остается рассмотреть вопросъ о коренномъ измѣненіи существующей акцизной системы, то-есть о замѣнѣ ея введеніемъ казенной или откупной табачной монополіи.

Не будемъ повторять того, что сказано выше объ осторожности, необходимой при подобныхъ перемѣнахъ, устанавливающихъ новый порядокъ взиманія по одной отрасли дохода на долгое время, что исключаетъ возможность общаго преобразованія податной системы. Напомнимъ только то, что сказано выше о необходимости рѣшить, предварительно обращенія къ подобной мѣрѣ, вопросъ: дѣйствительно ли въ Россіи производится *гораздо больше* табаку, чѣмъ сколько показывается въ цифрахъ надзора и оплачивается акцизомъ съ фабрикаціи и продажи? Относительно фабрикъ, едва ли можно допустить вѣроятность такой утайки. Приведеннымъ выше обзоромъ устава объ акцизѣ съ табака мы показали читателю, что надзоръ за фабрикаціею табака и теперь строгъ и сложенъ до крайности; казенный контролеръ, можно сказать — второй хозяинъ на фабрикѣ. Конечно, если допустить возможность послабленій со стороны самихъ контролеровъ, то дѣло представится иначе. Но вѣдь если допускать это, то именно въ такомъ случаѣ наименѣе логично будетъ склоняться въ пользу передачи фабрикаціи въ руки казеннаго управленія или частной монополіи. Если предположить, что акцизные чиновники не въ состоя-

ни бытъ вѣрными контролерами, то какъ же отдавать въ ихъ руки непосредственное веденіе казеннаго промышленнаго предпріятія или ставить ихъ лицомъ къ лицу не съ сотнями различныхъ фабрикантовъ, но съ монополистомъ, который имѣлъ бы такіа связи, противъ которыхъ и вполнѣ добросовѣстнымъ надзирателямъ не легко было бы дѣйствовать?

Затѣмъ, что касается разводителей табака, то не знаемъ, почему именно теперь, когда промышленность ихъ свободна, можно было бы сомнѣваться въ цифрахъ сбора табака, ими показываемыхъ? Вѣдь они освобождены отъ акциза и не имѣютъ интереса скрывать своихъ оборотовъ. Вотъ, если бы ихъ обложить акцизомъ по суммѣ производства (въ видѣ акцизныхъ свидѣтельствъ разныхъ цѣвъ по мѣстности и поверхности плантацій), тогда было бы совсѣмъ иное дѣло.

Итакъ, мы вообще не видимъ основаній предполагать, что табакъ у насъ производится гораздо болѣе, чѣмъ извѣстно акцизному управленію, и потребляется будто гораздо болѣе того количества, которое оплачивается въ настоящее время акцизомъ. Разводители табака, будучи свободны отъ налога, не имѣютъ причинъ скрывать цифры сбора табака. Но если бы и ввести „дѣйствительный учетъ“ его сбора на плантаціяхъ, то это само по себѣ не повело бы къ полученію увѣренности, что все количество собраннаго въ Россіи табаку поступаетъ на фабрики. Для того, чтобы получать такую увѣренность, пришлось бы, сверхъ установленія стѣснительной регламентаціи по учету плантацій, отмѣнить для разводителей табака право продавать собственный сырой табакъ на плантаціяхъ, ярмаркахъ и торгахъ, и право содержать лавки для его продажи, со взятіемъ акцизныхъ свидѣтельствъ. А это значило бы совершенно измѣнить нынѣшнюю систему и приблизиться къ системѣ монополіи, которая въ томъ прежде всего и состоитъ, что разводители табака имѣютъ право разводить его только для фабрикъ монополіи, въ указанномъ ею количествѣ, и весь сборъ обязаны поставлять прямо въ магазины, принадлежащіе монополіи.

До сихъ поръ мы старались доказать, во-первыхъ, что всякое значительное усиленіе надзора, сверхъ нынѣ существующихъ его условій, логически ведетъ къ установленію монополіи; во-вторыхъ— что нѣтъ данныхъ, которыя бы показывали необходимость усиленія контроля, ведущаго къ установленію монополіи. Но теперь мы должны еще рассмотреть характеръ самой монополіи, если допустить, что она все-таки была бы признана необходимою.

Изъ двухъ видовъ монополіи — казеннаго управленія регалиемъ, или сдачи ея на откупъ, мы во всякомъ случаѣ предпочли бы пер-

ный. Странно было бы видѣть, что, послѣ того, какъ прежнее управленіе финансовъ начало свою дѣятельность съ отмѣны одного откупа, вышннее управленіе начало бы съ установленія другого откупа. Частная монополія для производителей табака была бы гораздо стѣснительнѣе казенной, а для потребителей невыгоднѣе. Казенная монополія, конечно, возвысила бы цѣну табака и табачныхъ издѣлій, не могла бы все-таки охранить качество продукта. Частная же монополія неизмѣнно сдѣлала бы табакъ и дорогимъ, и дурнымъ. Такъ, во Франціи и въ Австріи, при сравнительно высокихъ цѣнахъ, можно все-таки получать хорошій табакъ и сигары; даже цѣны сигаръ въ этихъ странахъ, при равномъ достоинствѣ, ниже цѣнъ, существующихъ въ Англіи, гдѣ монополіи нѣтъ. Но въ Италіи, гдѣ существуетъ частная монополія, табачныя издѣлія отличаются дурнымъ качествомъ. Сверхъ того, откупъ самъ по себѣ сопровождается такими безнравственными особенностями, въ силу которыхъ потребители теряютъ гораздо болѣе, чѣмъ выигрываетъ казна. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ откупщикъ, сверхъ возвращенія откупной суммы, разсчитываетъ еще на большой барышъ.

Мы сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ данныхъ, представляемыхъ казенной табачной монополіей, какъ она существуетъ во Франціи и въ Австріи. Валовой доходъ ея представляется во Франціи за 1853—1872 (включительно) годы слѣдующими цифрами въ милліонахъ франковъ: 105, 163, 197, 218. Въ Австріи за тѣ же годы, въ гульденахъ: 10, 12, 24, 33, 37 ¹⁾. Воздѣлываніе табака въ обѣихъ странахъ производится только подъ условіемъ представленія всего сбора въ казенныя магазины; ввозъ табака дозволенъ только монополіи, для переработки его въ издѣлія; въ частной торговлѣ привозный табакъ допускается подъ особыми условіями. Казенное управленіе заключаетъ съ разводителями табака контракты, на ежегодную поставку сырого табаку въ размѣрѣ, нужномъ для управленія, причемъ опредѣляетъ всѣ условія воздѣлыванія, величину и распределеніе плантацій, способы воздѣлыванія, и выдаетъ само сѣмена (во Франціи и въ Галліціи). Такимъ образомъ, табакоразводители являются только подрядчиками казеннаго управленія, которые за извѣстную сумму берутся обработать извѣстную поверхность подъ табакъ. Производится осмотръ плантацій и опредѣляется число растений; это—первый инвентарь; затѣмъ, вторымъ инвентаремъ опредѣляется число листьевъ; на основаніи этихъ инвентарей исчисляется обязательная для разводителя норма жатвы. Ему предоставляется требовать по-

¹⁾ Das Tabak-Monopol, etc. Krökl, 1878.

вѣрки и ходатайствовать о сбавкѣ обязательнаго размѣра поставки. Иначе, если при приемѣ поставки окажется менѣе вѣса, то разводитель уплачиваетъ деньгами разницу. Разведеніе табака дозволено во Франціи въ 21 департаментѣ. Въ Австріи оно производится въ Галиціи, Тироли и Буковинѣ.

Для приема этихъ поставокъ существуютъ магазины. Приготовленіе табака и издѣлій изъ него производится на казенныхъ фабрикахъ, изъ которыхъ фабрикаты поступаютъ въ склады (Entgerbts, Verschleisse). Изъ этихъ складовъ табакъ отпускается оптомъ въ лавки розничной продажи. Въ Австріи и оптовые склады, и склады для розничной продажи содержатся агентами, во Франціи—только послѣдніе — bureaux de tabac, которые раздаются правительствомъ разнымъ лицамъ въ видѣ пособія или награды за службу. Разность въ цѣнахъ розничной продажи съ цѣнами правительственныхъ складовъ и составляетъ выгоду продавцовъ, а правительства въ обѣихъ странахъ получаютъ только оптовныя цѣны.

Для насъ всего важнѣе указать на расходы, которые вызываются казеннымъ управленіемъ и должны быть вычитаемы изъ валового сбора. Валовой сборъ составлялъ въ 1872 г. въ Австріи 58.536,277 гульденовъ, а расходы 24.242,984 гульд.; чистый доходъ составлялъ 34.293,293 гульд.; сверхъ того, образовывалось еще увеличеніе инвентаря, которое за годъ составляло 2.869,098 гульд. Весь барышъ такимъ образомъ представлялъ 37.162,391 гульд. Во Франціи за тотъ же годъ оказались слѣдующія цифры: валовой сборъ 107.853,428 гульденовъ же ¹⁾, расходы — 20.043,833; чистый доходъ 87.809,595 гульд., но инвентарь уменьшился на 321,461 гульд. Итакъ, весь барышъ составлялъ 87.488,134 гульден. На одну душу населенія этотъ чистый барышъ составлялъ въ Австріи 1 гульд. 80 крейцеровъ, во Франціи 2 гульд. 44 крейцера. Большая доходность во Франціи зависитъ отъ высшихъ цѣвъ, то-есть отъ высшаго обложенія табака. Вслѣдствіе того, хотя потребленіе табака во Франціи на душу населенія гораздо меньше, чѣмъ въ Австріи, но доходъ съ души населенія во Франціи выше, чѣмъ въ Австріи.

Итакъ, мы видимъ, что доходъ казны съ табака, при всей тяжести налога, зависящей отъ высокихъ цѣвъ монопольной фабрикаціи и продажи, составляетъ нѣсколько болѣе 53 милл. рублей во Франціи и 22 м. рублей въ Австріи. Но такъ какъ монополія именно и рассчитана на высоту цѣвъ, то именно потому она у насъ и не пригодна. Взимать съ души населенія 2 гульд. 44 крейцера или хотя бы 1 гульд. 80 крейцеровъ, а въ среднемъ размѣрѣ 2 гульдена од-

¹⁾ Гульденъ=61 коп.

ного налога на табакъ—въ Россіи, очевидно, невозможно. Это значило бы взимать съ каждаго взрослога мужчины до 5-ти рублей одного налога съ табака, а съ дѣйствительно курящихъ—по числу ихъ въ Россіи—еще больше.

Въ Россіи такой размѣръ обложенія повелъ бы непремѣнно къ упадку потребленія. То же послѣдствіе имѣло бы обложеніе акцизомъ самаго разведенія табака: такъ какъ казенный доходъ у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо зависитъ отъ потребленія массы, то-есть отъ продажи низшаго сорта табака, табака въ листьяхъ, то обложеніе акцизомъ табакводства сильнѣе всего отразилось бы именно на этомъ разрядѣ потребленія, и увеличеніе казеннаго дохода отъ такого расширенія акциза могло бы уравниваться сокращеніемъ того разряда потребленія, отъ котораго главнымъ образомъ и зависитъ доходъ казны.

Итакъ, едва ли можно возлагать на увеличеніе дохода съ табака такія надежды, какъ будто оно могло бы послужить главной осью всего нашего финансоваго преобразованія или хотя бы консолидаціи бумажныхъ денегъ, какъ полагали нѣкоторыя газеты. Такою осью преобразованія можетъ служить только правильное хозяйство, при благоразумномъ обращеніи къ кредиту, который означаетъ прежде всего—довѣріе. А условія, необходимыя для довѣрія, выходятъ изъ сферы чисто-финансовыхъ соображеній—*faites-moi de bonne politique, et je vous ferai de bonnes finances!*— можетъ сказать намъ каждый министръ финансовъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Пренія чрезвычайной сессіи германскаго сейма.

Чрезвычайная сессія германскаго сейма закрыта 19 октября княземъ Бисмаркомъ; прочтя императорское посланіе, канцлеръ прибавилъ, что союзный совѣтъ дастъ свое согласіе на принятый сеймомъ законъ противъ социальныхъ демократовъ, но въ послѣдствіи правительство, быть можетъ, внесетъ еще проекты нѣкоторыхъ дополненій къ этому закону. Наслѣдный принцъ, отъ имени императора, утвердилъ этотъ законъ 21-го числа; 22-го законъ былъ опубликованъ.

Проектъ этого закона, въ томъ видѣ, какъ составило его прусское правительство, былъ уже подробно изложенъ нами. Главное измѣненіе, сдѣланное въ послѣдствіи союзнымъ совѣтомъ, заключалось въ отмѣнѣ спеціальнаго „управленія по дѣламъ союзовъ и печати“, въ которомъ предполагались члены изъ судебного сословія. Союзный совѣтъ положилъ подчинить эти дѣла вѣдѣнію состоящаго при немъ отдѣленія. Но при обсужденіи закона на сеймѣ, первоначальное предположеніе было восстановлено въ томъ смыслѣ, что въ комиссію для разбора жалобъ по примѣненію этого закона союзный совѣтъ назначаетъ четырехъ членовъ изъ своей среды и пятерыхъ изъ числа членовъ высшихъ судебныхъ мѣстъ имперіи или отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Изъ другихъ измѣненій, которымъ подвергся первоначальный проектъ при обсужденіи его на сеймѣ, достаточно будетъ привести два существеннѣйшія: „при опредѣленіи тѣхъ союзовъ, собраній и печатныхъ произведеній, которые могутъ быть запрещаемы, вмѣсто слова „подкапываніе (Untergrabung)“ существующаго порядка, поставлено слово „ниспроверженіе (Umsturz)“; далѣе—дѣйствию закона, который хотя и предполагался въ качествѣ временнаго, но издаваемого на неопредѣленное время, положенъ срокъ: законъ сохраняетъ силу до 31 марта 1881 года. Объ остальныхъ измѣненіяхъ можно только замѣтить вообще, что они послѣдовали всѣ въ духѣ „либеральномъ“, т.-е. въ смыслѣ ограниченія весьма строгихъ постановленій закона оговорками; однако по поводу ихъ одинъ изъ главныхъ противниковъ исключительныхъ законовъ, Либнехтъ, выразился такъ: „законъ этотъ провозглашаетъ полицейскій произволъ, и всѣ оговорки (Clauseln) лишены значенія; онъ ве-

дены въ законъ только для того, чтобы успокоить чувства либералов". Оговорки, дѣйствительно, такъ мало существенны, что въ такомъ отзывѣ противниковъ нельзя было не признать нѣкоторой доли правды.

Законъ былъ принятъ окончательно въ засѣданіи 19 октября, 221 голосами противъ 149, т.-е. большинствомъ 72 голосовъ. Большинство состояло изъ обѣихъ консервативныхъ партій, національныхъ либераловъ, группы Лёве и разныхъ депутатовъ, не принадлежащихъ къ партіямъ; противъ принятія закона вотировали: прогрессисты, центръ, социальныя демократы, польскіе и эльзасско-лотарингскіе депутаты, также съ нѣсколькими членами, къ партіямъ не принадлежащими.

Представимъ краткій очеркъ закона въ томъ видѣ, какъ онъ окончательно состоялся, и затѣмъ перейдемъ къ обзору тѣхъ отношеній, въ какія становились къ этому вопросу, какъ имперское правительство, такъ и главныя партіи.

Союзы (общества), направленные въ испроверженію, посредствомъ социальна-демократическихъ, социалистскихъ или коммунистскихъ стремленій, существующаго государственнаго или общественнаго порядка, должны быть воспрещаемы. То же относится къ такимъ союзамъ, въ которыхъ упомянутыя стремленія проявляются угрожающими общественному миру, а въ особенности—согласію разныхъ классовъ населенія. Всякія общества или соединенія приравниваются къ союзамъ; запрещаются и собранія и произведенія печати, въ которыхъ проявятся тѣ же стремленія. Периодическія изданія могутъ быть прекращаемы по запрещенію одного нумера. Запрещеніе какъ обществъ и собраній, такъ и произведеній печати, зависитъ отъ полицейской власти. Но на всѣ такія распоряженія полиціи можно приносить однако жалобы въ состоящую при союзномъ совѣтѣ комиссію. Комиссія состоитъ изъ 4 членовъ, избранныхъ совѣтомъ изъ его состава и 5 избранныхъ ими членовъ высшихъ судовъ, подъ председательствомъ лица, назначаемаго императоромъ; запрещаются всякіе денежные сборы для цѣлей социальна-демократическихъ, социалистическихъ, коммунистскихъ, клонящихся къ испроверженію существующаго порядка, какъ государственнаго, такъ и общественнаго. Кто приметъ участіе въ запрещенномъ союзѣ, тотъ наказывается штрафомъ до 500 марокъ или тюрьмой до одного года. За распространеніе запрещеннаго печатнаго произведенія кара полагается до 1000 марокъ или заключеніе до полугода. Независимо отъ лишенія свободы вслѣдствіе такихъ судебныхъ приговоровъ, лицамъ, однажды имъ подвергнувшимся, полиція можетъ воспрещать пребываніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и даже въ мѣстѣ ихъ осѣдности (высылка), но это го-

слѣднее только въ томъ случаѣ, если высланный проживаетъ тамъ менѣе полугода. Въ законѣ сдѣланы нѣкоторыя исключенія, рассчитанныя въ пользу Шульце-Деличевскихъ и имъ подобныхъ товариществъ. Замѣчательно, что большинство признало нужнымъ сдѣлать эти исключенія въ пользу такихъ союзовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ стремленіями, направленными въ „ниспроверженію“. Изъ самаго этого исключенія слѣдуетъ, что большинство убѣждено было въ ненадежности полицейскаго различенія между наличностью запрещенныхъ стремленій и отсутствіемъ ихъ. Иными словами, само большинство выказало этимъ признаніе, что законъ этотъ даетъ полиціи самыя обширныя права, которыми она можетъ пользоваться безъ особаго разбора.

Такова сущность закона, подѣ дѣйствіемъ котораго будетъ находиться Германія въ продолженіи 2½ лѣтъ. По своей сущности, овъ напоминаетъ французскіе lois de sûreté général, дѣйствовавшіе при второй имперіи. Но есть и различіе: всѣ партіи, даже тѣ, которыя вотировали законъ, открыто признали его „исключительнымъ (Ausnahmengesetz)“. Притомъ, въ германскомъ законѣ установлена инстанція, назначенная для ограниченія полнаго административнаго произвола. Такой инстанціи въ французскомъ законѣ установлено не было. Во Франціи подвергавшіеся исключительнымъ мѣрамъ имѣли одно право—приносить жалобы императору или министру внутреннихъ дѣлъ. Конечно, въ Германіи инстанція, созданная нынѣ для разсмотрѣнія подобныхъ жалобъ, имѣетъ не чисто-административный составъ; въ ней есть лица изъ судебного вѣдомства. Но это мало измѣняетъ чисто-административный характеръ самого учрежденія, такъ какъ судебные члены комиссіи избраны союзнымъ же совѣтомъ, то-есть административнымъ учрежденіемъ. Судьи въ должности чиновниковъ будутъ опять чиновниками.

Покажемъ теперь, въ краткихъ чертахъ, какъ отнеслись къ этому закону разныя партіи и правительство при преніяхъ, происходившихъ на сеймѣ.

Радикалъ Зоннеманъ, редакторъ „Франкфуртской газеты“, высказалъ тѣ возраженія противъ проекта закона, которыя предъявлялись противъ него либеральной печатью всѣхъ странъ, не исключая самыхъ умѣренныхъ органовъ, въ родѣ „Daily News“ или „Indépendance Belge“. Онъ говорилъ, что законъ этотъ не согласенъ съ общимъ принципомъ права, а содержитъ въ себѣ оскверненіе полицейскаго произвола. Сверхъ того, законъ этотъ не нуженъ и не достигнетъ предположенной цѣли. Запрещеніе соціально-демократическихъ заявленій въ печати туземной поведетъ къ тому, что въ странѣ станутъ распространяться гораздо болѣе опасныя произведенія, привозимыя изъ-

за границы. Онъ опровергалъ увѣреніе, будто въ обществѣ существуетъ общее расположеніе въ пользу этого закона. Насколько расположеніе это есть, — оно создано, искусственнымъ образомъ, опубликованными свѣдѣніями о признаніяхъ Нобилинга. Между тѣмъ Нобилингъ, по отзыву оратора, въ дѣйствительности былъ національный либераль. Зоннеманъ упоминалъ далѣе, что всѣ значительные органы иностранной печати осудили этотъ законъ, и утверждалъ, что онъ будетъ вреденъ въ экономическомъ отношеніи, нанесетъ огромный ущербъ свободѣ печати. Не можетъ быть болѣе сильнаго возбужденія къ взаимной ненависти однихъ сословій противъ другихъ, какъ такой законъ, который дѣлаетъ безправными 400—500 тысячъ избирателей. Если національно-либеральная партія подастъ свои голоса за этотъ законъ, то она тѣмъ самымъ отречется отъ всего своего прошлаго. Положеніе, занятое ею нынѣ по отношенію къ этому закону, представляетъ интересное явленіе: не далѣе какъ въ маѣ она была противъ подобнаго закона; между тѣмъ невозможно же основывать его на покушеніи Нобилинга. Настоящій поводъ въ нынѣшнему образу дѣйствій либераловъ указанъ Ласкеромъ въ его словахъ, произнесенныхъ въ комиссіи, что „не слѣдуетъ колебать политическихъ отношеній (die politischen Verhältnisse trüben)“. Эти слова въ переводѣ означали, что національные либералы, на-ряду съ консерваторами, заклинають милости у канцлера, который угрожаетъ своимъ выходомъ въ отставку или новымъ распущеніемъ сейма. Главная бѣда, по отзыву оратора, въ томъ, что человекъ, стоящій во главѣ имперіи (Бисмаркъ), хотя, можетъ быть, и знаетъ Европу, но не знаетъ Германію. Рѣчь свою Зоннеманъ заключилъ напоминаніемъ, что уголовными законами нельзя рѣшать сложныхъ вопросовъ.

Рѣчь, произнесенная княземъ Бисмаркомъ 9-го октября, заключала въ себѣ всѣ рельефныя особенности характера его какъ оратора и какъ политическаго мыслителя. Она такъ типична, что къ ней стоить присмотрѣться поближе. Бисмаркъ — ораторъ энергичскій, но рѣзкій и лишенный вкуса; какъ политическій мыслитель, Бисмаркъ — прусскій консерваторъ, но умъ его многостороненъ и манера разсуждать о вещахъ широка, такъ что онъ нерѣдко вставляетъ такіа мимоходныя замѣчанія, которыя кажутся слишкомъ радикальными не только прусскимъ консерваторамъ (т.-е. партіи „дикеровъ“ и „гекеймъ-ратовъ“), но и національнымъ либераламъ, — даже прогрессистамъ. Самыя логическія и остроумныя рѣчи германскаго канцлера бывають обыкновенно тѣ, въ которыхъ онъ относится критически къ практической программѣ либеральныхъ партій, то-есть прогрессистовъ и національныхъ либераловъ. Но на этотъ

разъ онъ не имѣлъ случая вѣдаться въ эту область, и только слегка задѣлъ прогрессивистовъ.

Прежде всего онъ напалъ на Зоннемана, и въ этихъ нападеніяхъ обнаружилъ всѣ вышеупомянутыя свойства своего краснорѣчія. Онъ показалъ видъ, будто имѣетъ свѣдѣнія, что Зоннеманъ состоитъ въ тѣсныхъ связяхъ съ французскимъ правительствомъ и даже едва ли не находится у него тайно на службѣ. Но если и предположить, что нынѣшнее французское правительство держитъ въ Германіи тайныхъ агентовъ, то уже, во всякомъ случаѣ, не держитъ ихъ для того, чтобы они писали въ пользу Франціи въ нѣмецкихъ газетахъ, которыя не только для Франціи ничего не могутъ сдѣлать, но и для самой Германіи не въ состояніи сдѣлать что-либо существенное. Свои намеки ораторъ прикрылъ формою иносказанія, которое, конечно, должно было выражать тонкую иронию. Но на дѣлѣ не было никакой ироніи, а вышло косвенное обвиненіе. „Я по временамъ довольно внимательно перечитывалъ газету предшествующаго оратора, — говорилъ князь Бисмаркъ, — и нашелъ, что сужденія ея и занимаемое ею положеніе (Haltung) всегда съ точностью совпадали съ сужденіями и положеніемъ французской офиціозной печати“.

Когда же, вслѣдствіе этихъ словъ, послышался протестъ съ лѣвой стороны, то Бисмаркъ продолжалъ: „вѣдь я рассказываю вамъ, господа, только то, что самъ нашелъ; вы сами можете провѣрить это, если знакомы съ французской печатью. Но есть нѣчто такое, что вы сами провѣрить не въ состояніи, но что можетъ быть извѣстно мнѣ; дѣло въ томъ, что мнѣ случалось читать и узнавать въ газетѣ предшествующаго оратора такія вещи, которыя мнѣ потомъ, на другой или на третій день, подтверждались сообщеніями посольства или заявленіями французскаго правительства. Итакъ, я приписываю предшествовавшему оратору интимныя отношенія къ французскому правительству, въ которыхъ, конечно, можетъ находиться главный редакторъ большой газеты и которыя, натурально, основаны не на иномъ интересѣ, какъ на благосклонности, какую ему внушаетъ такое правительство какъ французское“. Но эту ироническую оговорку канцлеръ самъ тотчасъ же уничтожилъ замѣчаніемъ, что всѣ слова Зоннемана клонились къ ослабленію имперіи и дискредитированію стоящихъ во главѣ ея людей; что иначе не могъ бы говорить приверженецъ французскаго „реванша“, еслибъ онъ поднялся на германской трибунѣ. Затѣмъ Бисмаркъ пошелъ еще далѣе, рассказывая, что онъ знавалъ такихъ республиканцевъ, которые поддерживали все, что было враждебно правительству, и стояли въ связяхъ со всѣмъ, что могло ослабить правительство. Эти слова канцлера относились въ область тѣхъ неудачныхъ импровизацій его, которыя

возбуждали всѣхъ, рѣшительно никого не убѣждал. Въ настоящемъ случаѣ, никто, конечно, не повѣрилъ серьезно, что Зоннеманъ—агентъ французскаго правительства. Между тѣмъ, слова эти создали канцлеру дипломатическія хлопоты, такъ какъ ему пришлось потомъ давать успокоительныя завѣренія французскому правительству. Странно было читать потомъ въ „Кельнской газетѣ“, что эти успокоительныя завѣренія доказывали, „какъ дорожитъ германское правительство сохраненіемъ добрыхъ отношеній съ Франціею“.

Далѣе, канцлеръ опровергалъ вѣрность французскаго примѣра, указаннаго Зоннеманомъ, и напомнилъ, что во Франціи коммунаровъ разстрѣливали на мѣстѣ, такъ что греновская долина была покрыта кровью въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Конечно, при этомъ слѣдовало бы прибавить, что такое кровавое возмездіе явилось вслѣдъ за взятіемъ съ боя столицы, въ которой коммунары убивали заложниковъ и жгли дворцы; между тѣмъ какъ „исключительный законъ“ въ Германіи явился вслѣдствіе такихъ событій, въ которыхъ осталось недоказаннымъ соучастіе партіи, подвергаемой этимъ исключительнымъ мѣрамъ.

Что касается исходной точки социальна-демократическаго движенія, а именно—стремленія улучшить положеніе рабочихъ и дать имъ большее участіе въ барышахъ производства, то князь Бисмаркъ еще въ сентябрѣ, при первомъ чтеніи нынѣшняго проекта закона, выразилъ свое сочувствіе практической цѣли этого стремленія. Тогда же онъ рассказывалъ о своихъ разговорахъ съ Лассалемъ и выставлялъ его какъ сочувственнаго и пріятнаго собесѣдника, что вызвало нѣкоторое негодованіе въ либеральныхъ партіяхъ. Теперь онъ сослался на ту рѣчь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „уже при первомъ чтеніи мною было высказано, что я сталъ бы содѣйствовать (fördern) всякому такому стремленію, которое направляется бы положительнымъ образомъ къ улучшенію быта рабочихъ, а также и союзу, который поставилъ бы себѣ общей цѣлью улучшить бытъ рабочихъ, доставить имъ долю въ барышахъ промышленнаго производства и уменьшить, по возможности, число рабочихъ часовъ, насколько все это могло бы осуществиться при условіяхъ конкуренціи и сбыта“. Бисмаркъ напоминалъ, что борьба подмастерьевъ и рабочихъ съ мастерами—явленіе не новое въ Германіи, что уже сначала XIV столѣтія въ большихъ городахъ бывали такъ называемыя нынѣ „страйки“ рабочихъ, и что борьба эта велась съ переменнымъ счастьемъ: иногда мастера уступали, иногда ихъ выгоняли изъ города, и подмастерья завладѣвали ремесломъ. Но всегда при этомъ имѣлись въ виду исключительно практическія, положительныя цѣли, совершенно опредѣленныя требованія, и никому не приходила въ голову мысль о испро-

верженіи собственности, вѣры въ Бога и монархіи. „Если я долженъ уважать на перегородку (Scheidewand), которая отдѣляетъ то, противъ чего союзныя правительства—по крайней мѣрѣ, при моемъ участіи—не намѣрены бороться, отъ того, съ чѣмъ они борются, то я проведу черту между стремленіями положительными и стремленіями отрицательными. Какъ только намъ было бы заявлено со стороны социальныхъ демократовъ какое-либо положительное предложеніе о томъ, какъ они полагаютъ, сколько-нибудь благопоразумнымъ образомъ, устроить будущность и улучшить положеніе рабочихъ, то я, по крайней мѣрѣ, не уклонился бы отъ благосклоннаго и внимательнаго разсмотрѣнія и даже не испугался бы при мысли объ оказаніи помощи со стороны государства, не въ видѣ инициативы со стороны его, но такъ, чтобы оказать помощь людямъ, которые сами хотятъ себя помочь“. Но, какъ доказывалъ канцлеръ далѣе, социалисты не выказали доселѣ ни малѣйшей тѣни подобныхъ положительныхъ плановъ, упорно молчатъ о нихъ и молчатъ потому, что сами ничего не придумали, не открыли философскаго камня. Въмѣсто того, они только проповѣдуютъ разрушительныя понятія, которыми колеблютъ въ ушахъ малообразованныхъ людей вѣру въ Бога, въ патриотизмъ, въ семейныя связи, въ собственность, въ наслѣдство, такъ что неразвитому уму остается только воскликнуть съ Фаустомъ: „проклатіе надеждъ! проклатіе вѣръ! и прежде всего—проклатіе терпѣнію!“ „Я, господа,—прибавилъ Бисмаркъ,—живу въ довольствѣ, среди богатой дѣятельности, но все это не заставило бы меня желать прожить одинъ лишній день, если бы я не имѣлъ того, что, по выраженію поэта, значитъ: „вѣрить въ Бога и лучший міръ“.

Особенно любопытно было то мѣсто рѣчи канцлера, гдѣ онъ объяснялъ, почему социалистическое ученіе такъ успѣшно распространилось именно въ Германіи. О безвыходности ея политическихъ стремленій, онъ, конечно, не упомянулъ, объ экономическихъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ „крахомъ“, сказалъ только мимоходомъ, но зато много распространился о нѣмецкомъ національномъ характерѣ, представилъ нѣсколько легкое объясненіе того явленія, которое хотѣлъ обсудить. „Страна съ такими добродушными судьями („ого!“—возразили слѣва)... Развѣ судьи наши не добродушны?.. Страна, въ которой такъ слабо уваженіе къ государственнымъ учрежденіямъ, гдѣ приверженность къ правительству тотчасъ вымѣняется въ сервиллизмъ, гдѣ большіе города были такъ хорошо обработаны прогрессивской воздѣлкой нодъ посѣвъ социализма, такая страна должна была представляться особенно привлекательной для социальна-демократической агитаціи. Къ этому присоединилось свойственное нѣмцу, вообще,

недовольство. Во Франціи я знавалъ людей во всѣхъ профессіяхъ, которые были совершенно довольны своимъ положеніемъ. Французъ,—средній торговецъ, думаетъ только о томъ, какъ бы ему до 55 лѣтъ отъ роду скопить себѣ столько, чтобы останить дѣла и отдыхать остальную часть жизни. И тогда онъ совершенно счастливъ. У насъ же булочникъ, напр. только, что начинающій торговлю, еще не думаетъ удовлетворяться тѣмъ, что слѣдается самымъ богатымъ булочникомъ въ своемъ мѣстѣ. Нѣтъ, онъ хочетъ еще слѣдаться домовладѣльцемъ и милліонеромъ. Это недовольство имѣетъ и хорошія и дурныя стороны. Къ сожалѣнію, оно разрушаетъ довольство, между прочимъ, и въ средѣ высшаго чиновничества. Поэтому большая часть высшихъ чиновниковъ склоняется къ соціальной демократіи“.

Усѣхъ соціалистской пропаганды ораторъ приписывалъ далѣе такимъ либеральнымъ реформамъ, какъ отмѣна всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ по переселенію и отправленію ремесла въ любой мѣстности и отмѣна требованія залоговъ отъ издателей газетъ. Онъ доказывалъ, что настоящій законъ необходимъ, главнымъ образомъ, для „побѣды“ надъ агитаторами, которые занимаютъ своимъ дѣломъ какъ легкую и выгодную профессію. Онъ жаловался, что правительство имѣетъ противъ себя въ сеймѣ цѣлыхъ $\frac{2}{7}$ его состава, составляющихъ такую оппозицію, которая отрицаетъ самыя основы нынѣшняго политическаго устройства Германіи, такъ что правительство принуждено искать поддержки только со стороны національныхъ либераловъ и обѣихъ консервативныхъ партій. Онъ увѣрялъ, что при распущеніи сейма вовсе не имѣлъ въ виду осуществить реакцію, а хотѣлъ только, чтобы, вслѣдъ за измѣнившимся положеніемъ дѣлъ, депутаты, войдя вновь въ сношенія съ своими избирателями, возвратились укрѣпленные прикосновеніемъ къ родной землѣ. Это послѣднее увѣреніе вызвало на національно-либеральныхъ скамьяхъ нѣоторую веселость. Канцлеръ, конечно, говорилъ бы совсѣмъ иначе, если бы избиратели не прислали вновь, въ большинствѣ, тѣхъ же представителей. Князь Бисмаркъ заключилъ свою рѣчь, выразивъ надежду, „что изъ трехъ названныхъ партій въ союзѣ съ правительствомъ образуется такая коалиція, которая будетъ довольно сильна, чтобы выдержать всѣ бури, какимъ имперія можетъ подвергнуться“.

Со стороны соціальныхъ демократовъ канцлеру отвѣчалъ бывший лассаллянецъ, нынѣ подчинившійся Либкнехту, Гасселльманъ. Онъ доказывалъ, что практическія предложенія отъ его партіи заявлялись при обсужденіи ремесленнаго устава. Это былъ, впрочемъ, единственный фактическій аргументъ оратора. Остальное сводилось къ той „широкой области краснорѣчія“, въ которую, впрочемъ, вдался и самъ канцлеръ. Такъ, Гасселльманъ напомнилъ, что первый, кто ннѣ-

вергалъ съ престола германскихъ государей, былъ Бисмаркъ. Онъ заключилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что социалисты желаютъ мира, но живутъ въ обществѣ „бандитовъ“ и, наконецъ, пригласилъ канцлера помнить о 18 мартѣ 1848 года. Рѣчи вождей національных либераловъ, Беннигсена и Ласкера, никакъ не могли опровергнуть того самопротиворѣчія, въ какое нынѣ стала эта партія, защищая исключительныя мѣры противъ социалистовъ, которая сама отвергла въ маѣ, послѣ покушенія Гёделя. Ласкеръ даже открыто призналъ, что „то, что случилось послѣ мая (покушеніе Нобилинга), вовсе не было продуктомъ соціальной демократіи“. А между тѣмъ, національные либералы принимаютъ законъ все-таки вслѣдствіе того, что случилось это покушеніе. Ласкеръ объяснилъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ общественное мнѣніе именно вслѣдствіе покушенія требуетъ принятія такихъ мѣръ. На это Бебель возразилъ, что, вѣдь, самое это требованіе общественнаго мнѣнія именно и возникло потому, что его возбудили офиціозными разъясненіями о мнимой связи покушенія Нобилинга съ видами соціальныхъ демократовъ. Либкнехтъ находилъ неестественнымъ законъ, который ставитъ внѣ права 500 тысячъ политическихъ избирателей и миллионъ германскихъ гражданъ, и издается противъ нихъ именно на томъ основаніи, что они приравниваются къ убійцамъ или соучастникамъ убійства. Онъ спрашивалъ, неужели надо быть непременно національнымъ либераломъ или консерваторомъ, чтобы осуждать такое дѣйствіе, какъ выстрѣлъ въ 80-лѣтняго старца?! Вотированіе настоящаго закона національно-либеральной партіей онъ назвалъ самоубійствомъ съ ея стороны. „Гг. Ласкеръ и Беннигсенъ, прежніе носители парламентарнаго принципа въ Германіи—являются его могильщиками“. Виндгорстъ со стороны центра заявилъ, что эта партія отвергаетъ нынѣшній законъ потому, что она — партія консервативная, но не реакціонерная, не полагающая, какъ многіе консерваторы прусскаго закала, что консерватизмъ заключается въ усиленіи полицейскаго простора власти. Наконецъ, главный ораторъ прогрессистовъ, Рихтеръ, упрекалъ Бисмарка въ томъ, что въ то самое время, когда Лассаль преслѣдовался судомъ отъ имени короля, его принималъ высшій совѣтникъ короны, нынѣшній канцлеръ, и велъ съ нимъ тѣ интимныя, основанныя на взаимномъ уваженіи, бесѣды, о которыхъ самъ повѣствуетъ теперь. Это должно было ободрить Лассала, и дѣлалось это именно потому, что въ Лассалѣ представилось средство для борьбы противъ либеральныхъ партій. Социалисты стали проникать въ собранія рабочихъ, устраиваемыя прогрессистами въ Берлинѣ, и силою разсѣвали эти собранія, что и послужило сѣменемъ для того плода насилія, которое они пожираютъ въ нынѣшнемъ законѣ.

Примѣненіе закона, какъ только онъ состоялся, не заставило ждать себя. Тотчасъ послѣдовало закрытіе множества обществъ и запрещенія газетъ. Насколько эти мѣры принимались бы на точномъ основаніи закона, о нихъ нечего было бы и говорить. Но въ томъ-то и дѣло, что „точное“ примѣненіе такого закона, который по самой своей сущности исключаетъ всякую точность, невозможно. Это легко было предвидѣть, и это было доказано опытомъ на первыхъ же порахъ. Многіе социальна-демократическіе органы, не дожидаясь полицейскихъ мѣръ, сами прекратились или преобразовались. Одинъ изъ главныхъ среди нихъ — „Berliner Freie Presse“, преобразился въ „Tagespост“. Не издавъ единственнаго вышедшаго номера этой новой газеты, мы должны положиться на отзывъ о ней, который находимъ въ прогрессивистской „Volkszeitung“, нисколько не сочувствующей социализму. Вотъ что сказала „Volkszeitung“: при обсужденіи закона о социалистахъ было прямо выражено, что социалистскимъ органамъ дозволено будетъ существовать и впредь, если они измѣнятъ свое нынѣшнее положеніе, несообразное съ постановленіями новаго закона. Но чѣмъ же такое намѣреніе можетъ ясиѣе удостовѣриться, какъ не переменною заглавія газеты, переменною редакторскою, обращеніемъ къ иному издателю, какъ то сдѣлали владѣльцы „Berliner Freie Presse“. И однакоже „Berliner Tagespост“ была запрещена немедленно по своемъ появленіи. „Неужели въ самомъ дѣлѣ хотятъ уничтожить послѣдній остатокъ довѣрія къ добросовѣстности нашихъ парламентскихъ ораторовъ?“ спрашиваетъ „Volkszeitung“. Дѣло въ томъ, что именно Ласкеръ въ своей рѣчи объявлялъ, что новый законъ преслѣдуетъ только заявленія, направленные къ ниспроверженію, но вовсе не имѣетъ цѣлью разорвать владѣльцевъ социалистскихъ газетъ. Но въ дѣйствительности, законъ таковъ, что въ силу его можно бы запретить и „Volkszeitung“, и „Nationalzeitung“ и даже официальные органы, гдѣ сдѣлано было заявленіе князя Бисмарка о личномъ его сочувствіи къ Лассалу, что можетъ быть также истолковано въ смыслѣ возбужденія къ ниспроверженію общественнаго порядка.

Законъ, нынѣ одобренный германскимъ парламентомъ, представляетъ еще одно явленіе, совершенно исключительное въ имперіи конституціонныхъ государствъ. Бывали общія ограниченія правъ печати и публичныхъ собраній. Но чтобы ограничить эти права специально для одной партіи, чтобы направить законодательныя мѣры противъ одного мнѣнія, въ то время, когда всѣмъ другимъ партіямъ и мнѣніямъ предполагается оставить прежній просторъ — этому до сихъ поръ не представлялось примѣровъ нигдѣ, и потому трудно теперь предвидѣть, какъ новый законъ будетъ исполняться на

дѣлѣ, касаясь однихъ и оставляя неприкосновенными другихъ. Замѣтимъ еще, что социальна-демократическая партія—а по результатамъ послѣднихъ выборовъ оказалось, что это не горсть людей, а цѣлыхъ полмилліона избирателей,—будетъ во время выборовъ лишена всѣхъ даже и законныхъ путей заявленія, программъ, совѣщаній, избирательной агитаціи,—а все это составляетъ необходимую принадлежность конституціонныхъ государствъ. Такого оригинальнаго положенія вещей мы еще не встрѣчали въ исторіи другихъ странъ, прибѣгавшихъ къ мѣрамъ репрессивнымъ, но въ то же время распространявшихъ эти мѣры на всѣхъ. Очень можетъ быть, что ближайшее будущее Германіи разрѣшитъ эту политическую квадратуру круга самымъ простымъ образомъ, и кн. Бисмаркъ, по способу Колумба, умудрится легко поставить на тарелкѣ яйцо на его остромъ концѣ, крѣпко придавивъ все яйцо къ тарелкѣ. Но, говоря строго, съ той минуты яйцо перестанетъ уже быть яйцомъ, каковымъ оно было; судьба этого историческаго яйца ожидаетъ и Германію, и національные либералы должны скоро убѣдиться собственнымъ опытомъ въ невозможности ограничивать другихъ такъ, чтобы потомъ не почувствовать самимъ результатовъ такого ограниченія. Не трудно было бы управлять міромъ, еслибы было такъ просто придавливать зло, не стѣсня тѣмъ добра: стоило бы только зло воспретить, а добру предоставить свободу, и мы очутились бы мгновенно въ лучшемъ изъ міровъ; но исторія не дѣлается такимъ образомъ: въ природѣ человѣка только то добро есть дѣйствительное добро, на которое онъ рѣшился при полной свободѣ выбора между зломъ и добромъ. Мы еще никогда не видѣли въ исторической судьбѣ человѣка, чтобы нарушеніе этого закона проходило безнаказанно для него; таковъ уже фатумъ нравственной природы человѣка, а потому можно сказать, что человѣкъ фатальнымъ образомъ осужденъ быть свободнымъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 октября, 1878.

ИСТОРИЯ СЪ АФГАНИСТАНОМЪ.

Что-то сказали про восточный вопросъ, что онъ похожъ на змѣю съ двумя головами на двухъ оконечностяхъ, обращенныхъ въ Европѣ и въ Азіи. Но его скорѣе можно сравнить съ классическимъ пресмыкающимся, которое кусаетъ себя за хвостъ и, наконецъ, проглатываетъ самого себя — эмблема безконечнаго и вѣчности: во всякомъ случаѣ, если у него и было начало, за то, кажется, конца ему не предвидится. Прасѣднее письмо мое походило немного на диеирамбъ, какъ мнѣ теперь кажется, и въ этомъ отношеніи оно вѣрно отражало общественное мнѣніе въ ту радостную и истинно-восторженную минуту, которая наступила вслѣдъ за подписаніемъ берлинскаго трактата и триумфальнымъ возвращеніемъ англійскихъ уполномоченныхъ.

Не то, чтобы я былъ членомъ „конгресса мира“, — сознаюсь даже, что къ стыду моему, и никогда не могъ ни на одну минуту раздѣлать иллюзій этихъ добрыхъ людей, воображающихъ, что они могутъ хоть сколько-нибудь повліять на правительство путемъ ихъ невинной пропаганды. Европейскіе Соединенные Штаты! — это, безъ сомнѣнія, прекрасная мечта, — но и только. И прежде всего уподобленіе это совершенно невѣрно, такъ какъ великая американская республика представляетъ вполне однородное государство, что насчетъ господствующей и правительственной расы; и не говорю про Сіу или про эскимосовъ Аляски и другихъ алеутовъ, которыхъ нельзя принимать въ расчетъ, если говоришь серьезно. Национальности можно сравнить съ водами, долго сдерживаемыми и стремящимися излиться черезъ всевозможные пути; до тѣхъ поръ, пока онѣ не достигнутъ своего уровня, нельзя надѣяться на то, чтобы онѣ перестали бурлить.

Но если нѣтъ мѣста для вѣчнаго мира, о которомъ мечталъ Барнардъ-де-Сенъ-Пьерръ, то, казалось мнѣ, могли бы быть мирныя променурки. Послѣ двухъ слишкомъ ужъ возстаній и сумятицы, послѣ великой и кровопролитной войны, можно было надѣяться на временное замрѣніе между крестомъ и полумѣсяцемъ, между Иракомъ и Тураномъ. Конечно, берлинскій трактатъ отнюдь не носилъ законченнаго характера, и оккупация Австріей Босніи и Герцеговины въ особенности представлялась чѣмъ-то довольно неопредѣленнымъ и, слѣдовательно, не особенно успокоительнымъ. Однако, нельзя было предвидѣть, что тѣ самыя провинціи, воихъ продолжительное возста-

ніе *противъ* Турціи ускорило событія, создадутъ опасность такого же рода, возставъ за Турцію, не говоря уже про афганское усложненіе, разразившееся, какъ бомба, и завершившее всеобщую смуту.

Такъ разлетѣлись одна за другой весьма законныя надежды, явившіяся-было на миръ. „Ни мира, ни перемирія!“ какъ говорятъ французы: вотъ отнынѣ девизъ Европы. Разореніе торговли и промышленности, разореніе тружениковъ всѣхъ разрядовъ и—что еще печальнѣе—застой въ наукѣ, застой въ человѣчествѣ—вотъ что рисуется все яснѣе и яснѣе въ ближайшемъ будущемъ.

Но, наконецъ, человѣкъ предполагаетъ, а событія располагаютъ имъ, и—въ качествѣ хроникѣра и историка—я вынужденъ снова обратиться къ пересказу того, о чемъ уже было столько говорено. Когда 2-го августа текущаго года замолили послѣднія слова ораторовъ, обсуждавшихъ англо-турецкую конвенцію, я вдохнулъ съ облегченіемъ, подумавъ, что теперь конецъ всѣмъ этимъ дебатамъ, вѣчно однимъ и тѣмъ же, вѣчно съ трескомъ возбуждаемымъ оппозиціей и съ такимъ же трескомъ приводящимъ въ ея полнѣйшему пораженію. Увы! то былъ, кажется, только конецъ перваго акта. Какъ бы то ни было, вотъ какъ было дѣло.

Огонь былъ открытъ уже 7 (19) іюля въ палатѣ лордовъ, куда лордъ Биконфильдъ внесъ протоколы берлинскаго конгресса. Онъ былъ ясенъ, краснорѣчивъ по обыкновенію, неизмѣнно насмѣшливъ, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ намекалъ на предложеніе о раздѣлѣ Турціи, причемъ воскликнулъ:— „насъ перенесли на высокую гору и показали намъ всѣ царства земныя: и намъ сказали:— все это будетъ ваше, если вы согласитесь поклониться раздѣлу“. Намекъ на извѣстный текстъ, вызвавшій рукоплесканія, поцоламъ со смѣхомъ, —чего и желалъ ораторъ, хотя тутъ далеко еще не видно высокого краснорѣчія, какъ это усматривалъ „Journal des Débats“, отъ 24-го іюля. Самой важной частью его рѣчи была та, гдѣ онъ говорилъ про англо-турецкую конвенцію. Такъ какъ Малая Азія должна сдѣлаться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ жертвой анархіи или Россіи—если не принять противъ этого мѣры—то министръ, чтобы предотвратить эту возможность, заключилъ конвенцію. „Наше мнѣніе,—сказалъ онъ,—таково, что мы этимъ положимъ конецъ бѣдствіямъ, угнетающимъ Малую Азію и богатые смежныя съ нею страны. Мы видимъ, что Порта все болѣе и болѣе утрачиваетъ всякое вліяніе на своихъ подданныхъ; связь между ними съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ; мы очень хорошо предвидимъ окончательный результатъ и не можемъ осуждать Россію за то, что она старается воспользоваться такимъ порядкомъ вещей. Но, уступая Россіи то, что она получила, мы ей говоримъ: только—досетъ, и ни шагу далѣе (руко-

мессинія). Азія достаточно обширна для насъ обонхъ, и нѣтъ рѣзону вѣчно опасаться войны между Россіей и Англійей... Да! мѣста достаточно въ Азіи и для той, и для другой. Но то мѣсто, которое мы предназначаемъ себѣ, мы должны гарантировать. Вотъ почему мы заключили союзъ, союзъ оборонительный съ Турціей, чтобы защищать ее отъ всякаго дальнѣйшаго нападенія со стороны Россіи“.

Вы видите, что мы держимся тона новой дипломатической школы, столь развязно основанной Висмаркомъ. Долой великіе покровы, всякія прикрасы: другъ другу говорятъ въ глаза то, что думаютъ, и непріятныя истины взаимно высказываются съ такой беззащитностью, что самъ Мольеровскій Альцестъ могъ бы позавидовать. Глава оппозиціи, графъ Гренвилль, возражалъ вяло, какъ человѣкъ, выполняющій возложенную на него роль. Лордъ Дѣрби, напротивъ того, остался вѣрнѣй самому себѣ и снова далъ промахъ. Этотъ тепличный государственный человѣкъ не могъ, очевидно, перенести торжества и овацій, дѣлаемыхъ кабинету, изъ котораго онъ почель нужнымъ удалиться. Ему показалось встать сдѣлать новыя разоблаченія на счетъ того, что происходило въ министерствѣ, прошлаго мая, въ тотъ моментъ, какъ онъ подалъ въ отставку. Тогда шла рѣчь о томъ,—сказалъ онъ,—чтобы призвать ость-индскія войска и съ помощью ихъ завладѣть островомъ Кипромъ и однимъ пунктомъ на Сирійскомъ берегу, съ согласія султана или безъ него. На что маркисъ Сольсбери отвѣтилъ самымъ категорическимъ образомъ:—,это неправда“ (*it is not true*). Само собой разумѣется, благородный лордъ протестовалъ, и графъ Гренвилль поддержалъ его и добился, что слова „это неправда“ замѣнены были словами „это не точно“ (*it is not correct*). Лордъ Дѣрби настаивалъ на точности своего показанія, и миръ сталъ свидѣтелемъ поучительнаго зрѣлища, какъ два совершенные джентльмена обзываютъ другъ друга лжецами, несмотря на парламентскія смягченія и извиненія, которыя никому не могутъ отвести глаза.

Успѣхъ—временный, если хотите, но во всякомъ случаѣ очень большой—государственныхъ людей, стоящихъ во главѣ управленія, долженъ былъ вызвать эти взрывы горечи и непріязни со стороны вождей оппозиціи. Такъ какъ пренія палаты лордовъ не могли дать практическаго результата, то не производилось даже и голосованія, но удовольствовались единодушнымъ заявленіемъ. Это могло только сильнѣе раздражить оскорбленныя самолюбія, и Гладстонъ въ особенности никакъ не упустилъ случая излить свое презрѣніе и осыпать насмѣшками политику своего счастливаго соперника.

Лорда Виконсфильда это, наконецъ, задѣло за живое и на одномъ банкетѣ, заданномъ ему сивками „High Life“ политическаго міра и

спеціально консерваторами, онъ произнесъ слѣдующія слова, немедленно дошедшія по назначенію: „Конвенцію 4 іюня (англо-турецкую) называли безумной. Это немножко рѣзкій эпитетъ: что до меня касается, то я не хвалюсь тѣмъ, что я такой же компетентный судья въ дѣлѣ безумія, какъ мой почтенный противникъ. Я не стану кричать ему: „naviget antysegam“; я желаю бы только предложить слѣдующій вопросъ англійскому жиру: кого считаете вы скорее способнымъ подписать безумную конвенцію: собраніе дворянъ, почтенныхъ довѣриемъ ихъ государыни и уваженіемъ ихъ соотечественниковъ, дворянъ уже пять лѣтъ съ осмотрительностію и не безъ успѣха, надѣюсь, руководящихъ дѣлами страны, или же риторъ софиста, упоеннаго собственною необузданною говорливостію и одареннаго воображеніемъ, способнымъ придумывать во всякое время несчетный рядъ бестолковыхъ аргументовъ, съ тѣмъ, чтобы унизить своего противника и возвеличить самого себя“.

То былъ въ полномъ смыслѣ слова аргументъ „ad hominem“. Вслѣдствіе этого борцы обвинялись кислосладкими письмами, и каждый изъ нихъ снискалъ рукописанія со стороны своихъ приверженцевъ. Поможимъ, что Гладстонъ потратилъ не мало желчи на брава, которую онъ преслѣдуетъ теперешній кабинетъ, въ особенности въ послѣдніе два года; но нельзя „угодить всѣмъ и своему отцу“, и, можетъ быть, лордъ Виконсфильдъ поступилъ бы благоразумнѣе, если бы сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ярости своего побѣжденнаго противника.

Во время великихъ и послѣднихъ прегій въ палатѣ общинъ, по поводу берлинскаго трактата, оппозиція, несмотря на рѣчь, длившуюся болѣе трехъ часовъ и произнесенную Гладстономъ, осталась побѣжденной. Маркизь Гартингтонъ предложилъ слѣдующую резолюцію, которая довольно хорошо резюмируетъ сдѣланныя либеральной партіей возраженія въ прессѣ и въ парламентѣ:

„Хотя палата съ удовольствіемъ узнала, что волненія, обнаружившіяся на востоцѣ Европы, окончились берлинскимъ трактатомъ, безъ обращенія къ оружію и хотя она радуется расширенію свободы и самоуправленію, дарованнымъ многимъ народностямъ Турціи — она сожалеетъ о томъ, что не дала болѣе удовлетворительнаго отвѣта на требованія Греціи и греческаго населенія Турціи.“

„Палата сожалеетъ, что, взявъ на себя гарантію цѣлости территорій, какія остались во владѣніи Порты въ Азіи, необходимо приходится бесполезно увеличивать военныя обязательства страны.“

„Принимая неопредѣленные обязательства на счетъ лучшаго управленія этихъ провинцій, правительство ея величества; надолго

тяжкую отвѣтственность на государство, потому что не были приняты нужныя мѣры для обезпеченія ихъ исполненія.

„Наковецъ, палата сомнѣется, что такія обязательства приняты, и навлечена такая отвѣтственность безъ предварительнаго о томъ увѣдомленія парламента“.

Въ моментъ голосованія эта формула перехода къ очереднымъ дѣламъ была отвергнута большинствомъ 388 голосовъ противъ 195, и палата приняла затѣмъ поправку Пломбетта, высказывающую полное одобреніе политикѣ правительства и должствующую показавъ „Европѣ и всему міру единодушіе Англіи по вопросу о вѣнскихъ дѣлахъ“ (21 іюля, 2 августа). Два дня спустя, Вилсонфильдъ въ сопровожденіи своей неотступной тѣни, лорда Сомерсбери, принималъ чествованіе города Лондона черезъ посредство лорда-мэра. Уже награжденные королевой орденомъ Подвязки, оба дипломата наслаждались новой народной оваціей, ознаменованной тѣмъ, которое, по выраженію перваго министра, привезли съ собою изъ Берлина „peace with honour“—достаточно почетный миръ.

Но лорду Вилсонфильду не долго пришлось отдыхать на своихъ лаврахъ. Крімъ того, что результаты берлинскаго трактата начинали сказываться въ Европѣ самымъ безпорядочнымъ образомъ, новыя усложненія возникли на крайнемъ востоцѣ. Уже съ сентября мѣсяца общественное вниманіе было привлечено къ Афганистану. Всѣ знали, что остъ-индское правительство рѣшило послать миссію въ Кабуль. „Мы желаемъ оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ Афганистаномъ и его начальниками“, говорилъ „Times“ (29 августа) 10 сентября, „но мы не можемъ допустить, чтобы эта страна стала очагомъ русскихъ интригъ или бы послужила базисомъ для русскихъ военныхъ операцій. Посольство, отправляемое нами въ Кабуль, имѣетъ двойную цѣль. Надо установить и подтвердить существованіе дружескихъ сношеній между остъ-индскимъ и афганскимъ правительствами и устранить такимъ образомъ опасность, угрожающую намъ со стороны усиливающагося вліянія Россіи на Афганистанъ. Тамъ политика бездѣйствія уже больше неумѣтна. Усилія Россіи въ Средней-Азій съ каждымъ днемъ приближаютъ ее къ нашей сѣверо-восточной границѣ: тысячи миль, раздѣлявшія насъ прежде, обратились въ настоящее время до нѣсколькихъ сотенъ. Мы должны приготовиться въ тому моменту, когда границы обѣихъ имперій соприкоснутся, и слѣдуетъ уже теперь знать, на какомъ пунктѣ намъ всего выгоднѣе установить нашу линію обороны“.

Съ этою-то цѣлью правительство лорда Лэттона, вице-короля Индіи, собрало на сѣверо-восточной границѣ одно изъ самыхъ внутреннихъ посольствъ, когда-либо существовавшихъ, такъ какъ оно

насчитывало до тысячи человекъ. Во главѣ ихъ находился генералъ-лейтенантъ сэръ Невилль Чемберлейнъ, одинъ изъ самыхъ достойныхъ офицеровъ остъ-индской арміи, старый воевода въ войнѣ съ Шенджабомъ, и во время мятежа сипаевъ, получившій, какъ это являлись неоднократно, столько же ранъ, сколько и крестовъ.

Къ несчастію, эмиръ кабульскій не одѣлилъ, должно быть, чести, оказанной ему, и 11 (23) сентября пришла громовая вѣсть: глава Афганистана не желаетъ принять посольство, иначе какъ съ ружейными выстрѣлами.

Афганы, безъ сомнѣнія, народъ странный. По словамъ ихъ хроникѣровъ, они еврейскаго племени и происходятъ отъ царя Саула, родившаго Іеремію, который родилъ Афгана и пр. и пр., и это благопріятствуетъ мнѣнію тѣхъ людей, которые считаютъ ихъ остатками затерявшихся десяти колѣнъ. Правда, что то же самое говорили и про краснокожихъ Америки, и одинъ англичанинъ написалъ даже болѣе или менѣе остроумную книгу, чтобы установить право своихъ соотечественниковъ считать себя отпрысками этой вѣтви Израиля. Но что бы ни думали про ихъ генеалогію, опирающуюся на весьма шаткомъ основаніи, и принимая во вниманіе правильность ихъ чертъ, напоминающихъ до нѣкоторой степени еврейскій типъ, надо признать, что языкъ сближаетъ ихъ съ арабами. *Цышту*, нарѣчіе *Патановъ*, или афгановъ,—языкъ иранскій.

И въ сущности, весь современный Афганистанъ, включая сюда и афганскій Туркестанъ, не что иное, какъ персидская область, т.-е. той персидской имперіи, кака я просуществовала до половины прошлаго столѣтія. Въ эту эпоху Ахметъ-Ханъ положилъ начало современной афганской монархіи. Первые неприятныя сношенія Англіи съ этой страной завязались въ 1837 г. по случаю осады Герата. Казалось бы, что интересы англійскаго правительства, которое уже въ тѣ поры со страхомъ глядѣло на поступательное движеніе русскихъ, должны были побудить его какъ можно тѣснѣе сблизиться съ Достъ-Мохамедомъ, тогдашнимъ эмиромъ. Но этотъ послѣдній занялся притязаніи на Пенджабъ, который еще не принадлежалъ Англіи; англичане не только не оказали поощренія этимъ притязаніямъ, но, напротивъ того, завиди о своемъ дружескомъ расположеніи къ сейсамъ. Достъ-Мохамедъ тоже не скрылъ въ этомъ случаѣ свое предпочтеніе къ русскимъ, и послѣ этого остъ-индское правительство съ необъяснимымъ легкомисліемъ рѣшило погубить его. Его конкурентъ Шуджауль-Мулькъ былъ коронованъ въ Кандагарѣ, и вскорѣ англійская армія распорядилась въ Афганистанѣ.

Но, совершивъ завоеваніе, воображали, что теперь дѣла пойдутъ сами-собою,—и англичане выказали безпечность, мало свойственную

англійскимъ военнымъ людямъ. Когда генералъ Эльфинстонъ — злобѣйшей памяти — явился въ апрѣлѣ 1841 года принять командованіе надъ войсками, онъ нашелъ армию совершенно изолированной, т. е. отдѣленной отъ своего операціоннаго базиса горами и ущельями, доступъ куда легко могъ быть закрытъ.

Извѣстно, какъ дѣлится населеніе Афганистана. Кромѣ того, что оно распадается на афганъ и не-афганъ — болѣею частью, монгольскаго происхожденія — оно подраздѣляется еще на кланы или колѣна одной и той же расы: словомъ, въ этой странѣ существуетъ такой порядокъ вещей, который имѣетъ болѣе сходство съ порядкомъ, существовавшимъ въ Ирландіи VI-го или VII-го вѣка, нежели со всякимъ другимъ. Начальники большихъ клановъ зовутся сердарями, но не пользуются, впрочемъ, безусловной властью. Достъ-Мохамедъ принадлежалъ къ племени баруцци, — и сынъ его, Мохамедъ-Аббаръ-ханъ, въ то время, какъ англичане удерживали отца въ плѣну, организовалъ возстаніе этого племени.

При генералѣ Эльфинстонѣ находились три человѣка: сэръ Уильямъ Макъ-Нафтенъ, сэръ Александръ Борнесъ и майоръ Польшингеръ. Всѣ трое отлично знали азіатскіе нравы — и однако не оказали никакой помощи въ данномъ случаѣ. Въ началѣ октября появился слухъ, что возстаніе афгановъ распространяется по всему краю и что сообщеніе у арміи отрубано. Съ этой минуты всѣ потеряли головы, не исключая и несчастнаго генерала Эльфинстона, который не сумѣлъ придти ни къ какому рѣшенію. Сэръ Уильямъ Макъ-Нафтенъ вступилъ въ переговоры съ Мохамедомъ-Аббаръ-ханомъ, надѣясь провести его. Но случилось обратное. Афганскій предводитель расставилъ западню для англичанина, въ которую тотъ и попался: Мохамедъ соглашался заключить сдѣлку, въ силу которой обязывался измѣнить отцу и пристать къ Шуджа-уль-Мулькѣ, но подъ тѣмъ условіемъ, что будетъ назначенъ его великимъ визиремъ.

Сэръ Уильямъ Макъ-Нафтенъ прибылъ на условленное свиданіе въ сопровожденіи капитановъ — Тревора и Маккензи. Мохамедъ спросилъ у него: готовъ ли онъ исполнить всѣ ихъ условія. Въ то время какъ англичане отвѣчали утвердительно, они замѣтили, что вокругъ нихъ образовался кружокъ вооруженныхъ съ головы до ногъ афганъ. Вдругъ Мохамедъ подаль знакъ: „Я обернулся, — говоритъ капитанъ Маккензи, — и увидѣлъ, что сердаръ схватилъ за лѣвую руку посла (сера Уильяма) съ выраженіемъ дьявольской свирѣпости на лицѣ; султанъ Джанъ завладѣлъ правою рукой. Они увлекли его, и единственное слово, которое я услышалъ отъ несчастнаго сэра Уильяма, было: „ради самого неба!“ — и увидѣлъ, что на лицѣ его выразился ужасъ и удивленіе“. Почти въ тотъ же моментъ сердаръ выстрѣлилъ

ему въ грудь изъ пистолета. Тѣло его немедленно разрубилъ на куски: голову возили по городу и съ триумфомъ показывали находившемуся тамъ плѣвному англійскому офицеру, а разрубленное на куски тѣло выставили на главномъ рынкѣ Кабула ¹⁾.

Но что всего удивительнѣе и что показывается, какая деморализація овладѣла войскомъ, это—поведеніе солдатъ и начальниковъ въ этомъ случаѣ. „Ни одного выстрѣла изъ ружья не было сдѣлано!—восклицаетъ очевидецъ, у котораго я заимствую эти подробности:—ни одинъ солдатъ не тронулся съ мѣста. Убіеніе англійскаго посла совершилось передъ лицомъ англійской арміи и на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нея — и это ужасное дѣло не только не встрѣтило возмездія, но тѣло его было оставлено, какъ трофей, въ рукахъ фанатической черни, и его допустили выставить на рынкѣ“.

Но это было только прелюдіей: 6-го января 1842 года англійская армія начала свое отступленіе: 13-го числа, отъ 17,000 человекъ, женщинъ и дѣтей остались одни мертвые тѣла и нѣсколько плѣнныхъ, чтобы разсказать про пораженіе. Шествуя въ глубинѣ неприступныхъ почти ущелій, по твердому снѣгу, среди жестокой стужи, леденившей самое дыханіе ихъ, и влача за собой толпу женщинъ, неизбежную свиту всякой индійской арміи, эти несчастные вскорѣ подверглись нападенію съ фланговъ и съ тыла многочисленныхъ афганъ, которые принялись избивать остальныхъ. Прибавьте, что многія женщины были беременны, а другія съ новорожденными грудными младенцами.

Дошли до ущелій Курдъ-Кабула: холодъ еще усилился, уныніе доканчивало остальное. 8-го января тысячи людей улеглись на снѣгъ съ тѣмъ, чтобы больше не вставать. „Мысль о томъ, чтобы углубиться въ страшное ущелье, лежавшее передъ нами,—говоритъ м-ръ Эйръ,—съ этой безпорядочной толпой и подъ выстрѣлами варваровъ, жаждущихъ мести, была по-истинѣ ужасна. Зрѣлище, представляемое этимъ неготовомъ живыхъ существъ, долженствовавшихъ черезъ нѣсколько часовъ усыпать нутъ своими трупами, не можетъ быть позабыто тѣми, кто его видѣлъ. Ущелье имѣетъ около 5-ти миль въ длину и съ обѣихъ сторонъ оно окружено рядомъ скалъ съ пиками, между которыми солнце въ эту пору года пропускаетъ лишь мимолетные лучи: По немъ протекаетъ потокъ, бѣшенныя воды коего не замерзаютъ и который намъ пришлось перейти, по крайней мѣрѣ, 28 разъ. По мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ, проходъ становился все уже, и мы могли видѣть варваровъ, собиравшихся на высотахъ въ значительномъ числѣ. Вскорѣ они открыли сильный огонь

¹⁾ См. „Journal of an Afghanistan prisoner“, by Vincent Eyre. 1843.

но нашему авангарду. Тамъ находились и женщины: вида, что единственный шанс спасенія для нихъ заключается въ томъ, чтобы не оставаться назади, онѣ пустили лошадей въ галопъ — и, среди пуль, сотнями свистѣвшихъ вокругъ ихъ головъ, храбро прѣехали черезъ ущелье. Онѣ всѣ ускользнули отъ опасности. Я долженъ однако сказать, что многіе изъ людей Мохамеда-Акбара, опередившіе другихъ, употребляли самыя энергическія усилія, чтобы прекратить огонь, но безъ успѣха. Слѣдовавшая толпа бросалась въ самый огонь, и рѣзня произошла ужасающая. Паника быстро охватила всѣхъ, и тысячи людей искали спасенія въ бѣгствѣ, побросавъ багажъ, боевыя снаряды, женщинъ и дѣтей; и помышляя только о томъ, какъ бы спасти свою жизнь.

Мохамедъ-Акбаръ — замѣтьте это — былъ тутъ, слѣдовалъ за арміей, какъ начальникъ конвоя, долженствовавшаго охранять отступление! Частыя совѣщанія происходили между нимъ и англійскими офицерами, и онъ постоянно ссылаясь на свое безсиліе сдерживать племена; не находящіяся подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Вскрѣ, начиная уже съ 10-го января, одни только европейскіе солдаты оставались на ногахъ: у индусовъ были отморожены руки и ноги. Авангардъ вступилъ въ узкое ущелье; афганы, стоявшіе на высотахъ, подпустили его на разстояніе ружейнаго выстрѣла и затѣмъ открыли по немъ жестокий огонь. Каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль — и жертвы и умирающіе до такой степени загромождали проходъ, что остальные не могли слѣдовать дажѣ. Тогда афганы спустились съ саблями въ рукахъ и произошла всеобщая рѣзня.

Два дня спустя, небольшой отрядъ, оставшійся въ живыхъ, былъ атакованъ при такихъ же точно условіяхъ — и перерѣзанъ до послѣдняго. Это совсѣмъ не метафора, потому что въ дѣйствительности *только одинъ человекъ*, докторъ Брайдонъ, успѣлъ спастись, и съ великимъ трудомъ, еле-живой, добрался до Джеллабада.

Таковъ былъ конецъ кабульской арміи. Эти горы, эти варвары, эта рѣзня — все это напоминаетъ „Анабазисъ“ и проходъ десяти-тысячъ среди кардуковъ. Но на этомъ кончается сравненіе: здѣсь тщетно было бы искать Ксенофонта, и смерть генерала Эльфинстона представляется недостаточнымъ искупленіемъ за слабость, нерѣшительность, инерцію, въ какихъ его можно упрекнуть въ этомъ случаѣ. Можно жалѣть этихъ несчастныхъ, но нельзя ими восхищаться, и сравненіемъ, наиболее подходящимъ въ настоящемъ случаѣ, будетъ сравненіе съ знаменитымъ отступленіемъ отъ Москвы. Непредусмотрительность, легкомысліе одинаковы какъ тамъ, такъ и тутъ, и хотя бли-

жайшія послѣдствія не были особенно ужасны, но отступленіе изъ Кабула потрясло-таки владычество англичанъ въ Индіи.

Около сорока лѣтъ пронеслось надъ этими событіями; Афганистанъ былъ опустошенъ; убійства отомстили за рѣзню; Сіудъ (1843), Пенджабъ были присоединены, а между тѣмъ несомнѣнно, что воспоминаніе объ этомъ восточномъ Ронсевалѣ создало теперешнія затрудненія. Прибавимъ, что политика англійская не была удачѣе и впоследствии. Въ то время, какъ Достъ-Мохамедъ находился въ плѣну въ Калькуттѣ, въ ужасный 1841 г., генераль-губернаторъ лордъ Элленборо спросилъ у него, какого онъ мнѣнія о британской имперіи въ Индіи:— „Я пораженъ удивленіемъ при видѣ такого могущества,—отвѣчалъ эмиръ. — Какъ можетъ горная крыса бороться со львомъ? Но что же заставляетъ васъ, владѣющихъ такой громадной имперіей, перебираться черезъ Индъ, чтобы вторгнуться въ мою жалкую страну?“ Несмотря на эту восточную риторикку, низложенный эмиръ гораздо лучше понималъ сущность дѣла, нежели хотѣлъ то показать: уже въ ту эпоху Россія и Англія оснарявали другъ у друга вліяніе на Афганистанъ, и надо сознаться, что Россія дѣйствовала гораздо искуснѣе.

Большой ошибкой было, во-первыхъ, колебаться въ 1863 г. признать Ширъ-Али преемникомъ Достъ-Мохамеда. Лордъ Майо употребилъ всѣ усилія, чтобы загладить это воспоминаніе, и на свиданіи въ Омбалѣ 1869 г. произошло, повидимому, серьезное примиреніе между эмиромъ и остъ-индскимъ правительствомъ. Но триумфальное шествіе русскихъ по Туркестану опять все поставило вверхъ дномъ. Ташкентъ, Самаркандъ, Хива — всѣ эти удары, быстро шествовавшіе одинъ за другимъ, болѣзненно отзывались въ Калькуттѣ.

Тѣмъ временемъ англійское правительство дѣлало одну ошибку за другой и поставило себя въ самое ложное положеніе съ своимъ нейтральнымъ поясомъ, предложеннымъ въ 1869 г. лордомъ Кларендономъ.

Въ 1871 г. князь Горчаковъ принялъ предложеніе санъ-джемскаго кабинета: онъ согласился, чтобы провинціи Бадакшанъ и Ваханъ принадлежали Афганистану, и чтобы Англія гарантировала его нейтралитетъ. Странная удача для кабинета м-ра Гладстоуна. Онъ самъ себя связалъ руки, преградивъ всякое движеніе впередъ дальше Кветты и предоставивъ свободный путь для русскихъ арій черезъ ханства вплоть до владѣній англійскаго союзника, Кабульскаго эмира. Трудъ разграниченія едва былъ оконченъ, какъ хивинская экспедиція произвела перерывъ въ переговорахъ.

9 мая 1874 г., лордъ Непиръ и Этрикъ, бывшій когда-то послан-

никонъ въ Петербургѣ, сдѣлалъ запросъ въ палатѣ лордовъ о томъ, станетъ ли правительство ея величества поддерживать афганскаго эмира въ случаѣ нападенія, ничѣмъ съ его стороны невызваннаго. На это лордъ Дэрби отвѣчалъ, съ одобренія лорда Гривилля, что вѣроятность въ такомъ случаѣ будетъ „highly probable“. Въ настоящее время дѣло повернулось совсѣмъ иначе, и уже теперь можно сдѣлать запросъ правительству въ Россіи и спросить его: поддержитъ ли оно эмира въ нападенія, которое ему серьезно угрожаетъ?

Политика, преслѣдуемая лордомъ Литтономъ со времени его прибытія въ Индію въ 1876 г., нѣсколько отличалась отъ политики его ближайшаго предшественника. Должно быть, онъ нашелъ, что подарки и ласковыя рѣчи неумѣстны съ главой Афганистана, и заключилъ съ ханомъ Келата новый договоръ; въ силу его городъ Кветта и былъ занятъ англійскими войсками. Эта оккупация возбудила сильный гнѣвъ въ Ширъ-Али, котораго онъ, впрочемъ, и не старался скрывать. Когда въ августѣ 1877 г. одно изъ неугомонныхъ горныхъ племенъ, живущихъ на сѣверо-западной границѣ, начало свои нападенія на сосѣднихъ англо-индійцевъ, то Ширъ-Али обвинили въ ихъ подстрекательствѣ.

Между тѣмъ русско-турецкая война шла съ перемѣннымъ счастьемъ, хотя окончательный результатъ не трудно было предвидѣть, если Англія не приметъ открытаго участія въ борьбѣ. Въ виду такой возможности, простая осторожность должна была внушить Россіи мысль, оградить себя отъ великихъ случайностей, и съ той минуты Афганистанъ сталъ предметомъ вниманія—или, какъ здѣсь говорятъ, предметомъ интригъ петербургскаго правительства. Дѣло было такъ просто, что, пока война длилась, никто и не считалъ себя въ правѣ обижаться, и это признавалъ самъ „Times“.

Но это заговорили послѣ того, какъ миръ уже былъ подписанъ, и въ особенности приемъ, сдѣланный Ширъ-Али послѣднему русскому посольству, задѣлъ за живое членовъ калькутскаго правительства, главнымъ образомъ самого лорда Литтона, молодого и блестящаго претежѣ лорда Виконсфильда. Тотчасъ же пробудилась тревога насчетъ того впечатлѣнія, какое произведетъ такое событіе на народы Индіи. Всѣмъ мерещилось уже, что базары волнуются: „такіе слухи колеблютъ города востока, какъ вихрь колеблетъ бамбуковыя рожи“, восклицала одна газета, поспѣшившая заговорить въ тонѣ минуты.

Какъ бы то ни было, подѣ этия впечатлѣніемъ задумано было вынезюманутое посольство. Въ субботу 9 (21) сентября оно тронулось въ путь и оставило Пеннаверъ и направилось въ Джумрудъ, послѣднюю станцію британской территоріи. Майоръ Казанъери,

одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ посольства, уѣхалъ впередъ. Вскорѣ онъ прибылъ въ Али-Мусьидъ, находящійся уже на афганской территоріи при входѣ въ Хайберское ущелье, и потребовалъ безонаснаго пропуса отъ подчиненнаго эмира. Онъ получалъ вмѣсто всякаго отвѣта категорическій отказъ. Тщетно майоръ представлялъ афганскому офицеру, какъ велика отвѣтственность и опасности, какимы онъ подвергаетъ своего повелителя: делегата Ширъ-Али несколько не тронулся его доводами, и, вѣроятно, затѣмъ, чтобы положить конецъ препирательствамъ, увѣнчалъ высоты своими солдатами. Англійскій посланецъ удалился, и посольство вернулось въ Пенаверь, „чтобы ожидать тамъ приказаній вице-короля“.

„Missia отвергнута, — объявилъ „Journal des Débats“, — но англичане съ честностью, какая ихъ отличаетъ, не колеблясь, высказали, что имъ нанесено оскорбленіе“. Не видно, однако, подъ какимы предлогомъ они стали бы колебаться: будь они во сто разъ менѣе честны, то и тогда не было бы никакой возможности отвести глаза у публики отъ пощечины, столь публично данной.

Люди хитроумные увѣряютъ, что такой оборотъ дѣла предвидѣлся заранѣе остъ-индскимъ правительствомъ и что оно искало лишь предлога начать войну. Впрочемъ, прибавляютъ они, этого можно было бы избѣжать, пославъ лишь нѣсколько лицъ, какъ это обыкновенно водится, а не армию въ миниатюрѣ.

Этимъ господамъ легко такъ говорить, въ особенности легко такъ разсуждать континентальнымъ газетамъ, не имѣющимъ понятія, съ какою развязностью убиваютъ посланниковъ, не сопровождаемыхъ многочисленной свитой, при небольшихъ дворахъ Средней-Азіи. Что касается вопроса о преднамѣренности, то она весьма сомнительна. Самая настойчивость англійскаго делегата доказываетъ, что правительству желательно было, чтобы его предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы посольство было допущено, — что отнюдь не представлялось невѣроятнымъ, — то остъ-индское правительство добилось бы того, чего хотѣло, и вице-король, какъ и его знаменитый патронъ, одержалъ бы побѣду не сражавшись. Съ другой стороны, онъ могъ, конечно, имѣть въ виду и возможность отъказа и принять на этотъ случай свои мѣры. Шуще же всего онъ желалъ устранить status quo.

„Times“, отъ 13 (25) сентября, высказалъ по этому поводу мнѣніе громаднаго большинства здѣшней страны и въ то же время и мнѣніе правительства: — „мы сдѣлали сегодня то, чего бы не желали сдѣлать годъ тому назадъ; мы вызвали съ стороны набульскаго эмира признаніе во враждебныхъ чувствахъ, относительно которыхъ мы могли до сихъ поръ создавать себѣ различныя иллюзіи. Наша

политика относительно Афганистана въ сущности не намѣнялась: цѣль оставалась одна и та же, а перемѣны въ подробностяхъ совершались единственно лишь подъ давленіемъ событій. Что Россія, въ виду войны съ здѣшной страной, употребила всѣ усилія, чтобы установить свое вліяніе при кабульскомъ дворѣ—это фактъ вполне естественный: но что она уворствуетъ въ этихъ попыткахъ въ настоящее время, когда всякая опасность миновала, то это совсѣмъ иное дѣло. Она взяла на себя обязательство не вмѣшиваться въ афганскія дѣла, и нарушение этого обязательства подвинуло насъ на такой путь, на какой мы безъ этого не вступили бы... Одно дѣло—предоставить властителя Афганистана самому себѣ, иное дѣло—предоставить его Россіи. Дѣло идетъ не о завоеваніи Индіи, но объ опасности менѣе серьезной, которая, однако, можетъ стать грозной, если мы не предотвратимъ ея. Мы не владѣемъ пограничной линіей, достаточно обезпеченной, и не можемъ, слѣдовательно, дозволить неприятелю основаться по ту сторону ея. Россія можетъ расширять свои владѣнія во всѣхъ направленіяхъ, но путь оставить въ покоѣ Афганистанъ”.

Печать была почти единодушна: въ этомъ не усомнятся, когда мы скажемъ, что сама „Daily-News“ настойчиво кормила поведеніе эмира и требовала блистательнаго и немедленнаго удовлетворенія.

За то *наименѣе* органы Дублина заплѣли совсѣмъ фальшиво въ этотъ согласномъ хорѣ. „Дай Богъ много лѣтъ здравствовать Ширъ-Али, эмиру афганскому!“—воскликнула „Nation“. „Да будутъ его намѣренія мудры, его планы совершенны, руки его мерущи, а сабля остро наточена, чтобы онъ могъ сопротивляться всякому несправедливому нападенію! Онъ отвергъ, какъ и слѣдовало, беззаконную атаку, и нѣтъ человѣка въ мірѣ, у котораго бы сердце не забилось отъ восторга при видѣ такого патриотизма и такого мужества“.

„Британскій левъ, должно быть, очень боленъ, зашѣкаетъ „Irishman“, что такое маленькое государство, какъ Афганистанъ, осмѣливается бросить ему вызовъ прямо въ лицо.“ „Наконецъ-то,—восклицаетъ „Flag of Ireland“,—наступилъ день, когда, по неслыханнымъ судьбамъ Провидѣнія, народъ-убійца будетъ призванъ къ отпугу! Неужели чаша преступленій Англіи переполнилась и неужели человечество будетъ отомщено за всю пролитую кровь во имя несправедливости?“ и пр. и пр. Можно было бы привести пропасть восклицаній этого рода, которыя уже навлекли на эту часть ирландской прессы наименованіе: „дублинскіе афганы!“ Разнодушіе, съ какимъ правительствомъ отнеслось въ этихъ демонстраціяхъ, которыя въ другихъ странахъ могли бы быть сочтены за возмутительныя, можетъ

служить мѣрломъ того вліянія, какое Ирландія вообще оказываетъ на политику Соединеннаго Королевства.

Что же касается Афганистана, то меня обвинять за то, что я не стану входить въ дальнѣйшія подробности, не имѣя притязаній конкурировать съ трактатами географіи и военной тактики. Впрочемъ, я напрасно сталъ бы настаивать на этомъ предметѣ, когда самыя подробности и несомнѣнные свѣдѣнія на этотъ счетъ получены нами какъ разъ изъ Россіи — черезъ посредство берлинскаго корреспондента „Times“, — который сообщилъ своей газетѣ любопытный отрывокъ изъ добытыхъ имъ документовъ. Этотъ отчетъ, весьма интересный, былъ перепечатанъ въ парижской „Revue Scientifique“ и обошелъ континентальную прессу. Глава Афганистана можетъ выставить армию слишкомъ въ 150,000 человекъ, хорошо организованную и хорошо вооруженную карабинами Эффилда и другими, подаренными Англійей въ менѣ бурныя времена.

Теперь спрашивается: какъ будетъ дѣйствовать англійская армія? — потому что шансы на соглашеніе, по моему, очень слабы и врядъ ли даже существуютъ. Пойдетъ ли она черезъ хайберскія ущелья или черезъ коланскій проходъ? Она господствуетъ частью надъ послѣднимъ, благодаря оккупации Кветты и пока войска сосредоточиваются въ этомъ городѣ, равно какъ и въ Пешаверѣ по сосѣдству съ хайберскимъ проходомъ. Но время, кажется, слишкомъ поздно, чтобы начинать походъ. Быть можетъ, въ ожиданіи весны удовольствуются тѣмъ, что утвердится въ странѣ, занявъ Кандагаръ.

А пока что, петербургское правительство какъ будто получило нѣкоторое возмездіе за Кипръ. Теперь по крайней мѣрѣ доказано, что синаамъ много дѣла у себя дома и незачѣмъ посылать ихъ на край свѣта; съ другой стороны, въ послѣднее время большой шумъ производитъ въ Лондонѣ то, что мистеръ Арчибальдъ Форбесъ назвалъ кипрскимъ *биско*: островъ, говорятъ, нездоровый и совсѣмъ не годится для предполагаемой дѣли. И дѣйствительно, лихорадка свирѣпствовала въ рядахъ оккупационной арміи. Но кажется, что тутъ надѣяли „много шума изъ ничего“. Это болотныя лихорадки, которыя можно всегда ослабить, если не совсѣмъ уничтожить, осушеніемъ почвы. Французы и не того натерпѣлись въ Алжирѣ: а это не помѣшало имъ сохранить владѣнія, въ невозможности которыхъ можно усомниться.

Ничто также не рѣшено окончательно, что касается управленія Малой - Азіей, и, вопреки преувеличеніямъ, кажется, несомнѣнно, что по этому поводу возникло нѣкоторое напряженное отношеніе между Портой и англійскимъ правительствомъ, не представляющее, впрочемъ, ничего серьезнаго.

Точно то же можно сказать и про отношенія санъ-джемекаго кабинета съ Франціей по поводу Египта. Обѣ страны, очевидно, рвутъ хлѣва и его жалкіе финансы изъ рукъ другъ у друга: каждая хочетъ захватить самую большую долю. Тутъ было больше удачи, чѣмъ съ Афганистаномъ: пришли къ соглашенію путемъ смѣшаннаго министерства, гдѣ г. де-Блиньеръ представляетъ интересы Франціи въ качествѣ министра общественныхъ работъ. Но Уильсонъ, спеціальнѣйшій представитель Англій, удержалъ однако же въ своихъ непосредственныхъ управленіяхъ Александрийскій портъ. Я покончу съ политической хроникой протекшихъ трехъ мѣсяцевъ, когда скажу, что палаты вотировали необходимое приданое для женитьбы молодого герцога Конноутъ съ прусскою принцессой, и что маркизъ де-Лорнъ, зять королевы, назначенъ губернаторомъ Канады на мѣсто лорда Дофрейна, что непремѣнно будетъ сочтено за особую милость счастливыми обитателями страны бобровъ.

Въ концѣ-концовъ положеніе дѣлъ далеко не такое блестящее, какъ было три мѣсяца тому назадъ: и даже въ послѣднюю минуту нѣкоторые государственные люди встревожились, а лордъ Лоуренсъ, напримѣръ, бывший нѣкогда вице-королемъ Индіи, написалъ недавно письмо въ „Times“, совѣтуя держаться относительно набульскаго эмира примирительной и выжидательной политики, какой держался онъ. Несмотря на то и вопреки его авторитету, общественное мнѣніе противится и продолжаетъ быть на сторонѣ войны.

Но это вызываетъ нѣкоторое тревожное состояніе—несмотря на великую рѣшимость—еще усилившееся отъ банкротства гласговскаго банка. Основанный въ 1839 г., этотъ банкъ имѣлъ капиталъ въ 1.000,000 фунт. стерл. и резервный фондъ въ 450,000 фунт. стерл. Въ послѣдніе годы онъ платилъ 12% дивиденда своимъ 1200 акціонерамъ. Паника была тѣмъ сильнѣе, что этотъ банкъ, подобно многимъ другимъ шотландскимъ банкамъ, выпускалъ билеты, обрѣцавшіеся въ публикѣ; къ счастью, остальные шотландскіе банки объявили, что они будутъ принимать билеты, выпущенные гласговскимъ банкомъ. Но переполохъ тѣмъ не менѣе очень великъ, и общественные фонды въ Лондонѣ очень упали.

Многія замѣчательныя личности сошли со сцены въ этотъ промежутокъ времени, и въ числѣ ихъ прежде всего слѣдуетъ назвать человѣка, игравшаго видную роль въ исторіи современной Ирландіи: судью Уильяма Ко (Keogh), члена ирландскаго суда „Common Pleas“. Онъ умеръ въ Виллингѣ на Рейвѣ, 30 сентября. Родился онъ въ Дублинѣ въ 1817 г. и былъ сначала адвокатомъ, затѣмъ вступилъ въ парламентъ въ 1830 г. въ сообществѣ одного банкира, по имени Задлейра. Въ парламентѣ онъ вскорѣ сталъ замѣтенъ, вмѣстѣ съ

вышеупомянутымъ башкиромъ, своимъ католическимъ рвеніемъ, и оба они стали вожаками знаменитой „Irish brigade“, которую протестанты обозвали „The Pope's Brass Band“. Однажды на митингѣ, увлекшись своимъ католическимъ и ирландскимъ усердіемъ, онъ съ такою силой ударилъ кулакомъ по загороднѣ трибуны, что полетѣлъ бы въ пространство, если бы одинъ репортеръ не удержалъ его за край скрутка.

17 декабря 1832 г., министерство Дэрби было свергнуто большинствомъ 18 голосовъ, благодаря ирландскому контингенту. Радостный трепетъ пробѣжалъ по странѣ,—какъ и всегда,—которая возлагала на своего уполномоченнаго преувеличенныя надежды. Вскорѣ затѣмъ узнали, что „Brass Band“ продана лорду Эбердину. Банкиръ Джонъ Задлейръ былъ сдѣланъ „Lord of the Treasury“, Уильямъ Ко генеральнымъ солиситоромъ Ирландіи, и такъ далѣе.

Легко понять ярость ирландцевъ. Она дошла до высшей степени, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ судья Ко изрекъ свой знаменитый приговоръ въ дѣлѣ капитана Нолана и кассировалъ избраніе этого члена парламента за Гальва—вслѣдствіе интригъ и запугиванія избирателей, пущенныхъ въ ходъ католическимъ духовенствомъ. Въ сущности, онъ не былъ не правъ: но могъ ли онъ сохранить свой авторитетъ среди своихъ гражданъ, знававшихъ его испугленнымъ католикомъ и видѣвшихъ, что онъ промѣнялъ свой патриотизмъ и религиозное рвеніе на выгодное мѣсто, предложенное Англіей. Хотя этотъ фактъ, къ несчастію, весьма обыкновененъ въ лѣтописяхъ Ирландіи, онъ все же весьма неслетенъ для его героевъ, и нельзя отрицать, что люди, съ такимъ бевстыдствомъ торгующіе своими мнѣніями и своимъ талантомъ, теряютъ право на уваженіе ближнихъ.

Поэтому ирландскія газеты — которыя вообще не церемонятся, какъ мы выше видѣли — дали волю своему вдохновенію, когда въ августѣ мѣсяцѣ узнали, что злополучный судья подвергся припадкамъ страшной мозговой болѣзни. Общая радость проявилась еще шумнѣе, когда узнали, что онъ умеръ, въ чемъ увидѣли явную кару Провидѣнія за измѣну Ирландіи.

Среда англійскихъ художниковъ понесла двѣ утраты. Прежде всего назовемъ старика Джоржа *Cruikshank*, извѣстнаго паррикуриста, прославившагося своими иллюстраціями къ Диккенсу, Фильдингу и др. Онъ умеръ 86 лѣтъ отъ роду. Его сравнивали съ Гегартомъ: по правдѣ сказать, я не вижу ничего общаго между этимъ гениальнымъ человекомъ въ своемъ родѣ и рисовальщикомъ старческихъ, сморщенныхъ физиономій, дѣлающихъ гримасы, котораго слышномъ прославляли подъ именемъ Крункшенка.

Другой покойникъ—бывшій президентъ королевской академіи ис-

искусствъ, сэръ Френсонъ Грантъ, извѣстный главнымъ образомъ какъ портретистъ. Съ точки зрѣнія таланта и оригинальности, разстояніе между нимъ и Круикшенкомъ еще больше, нежели между этимъ послѣднимъ и Гогартомъ.

Въ сущности, въ виду весьма незначительныхъ заслугъ этихъ трехъ людей, впечатлѣніе, произведенное ихъ смертью, не могло пересилить ужаснаго впечатлѣнія, произведеннаго катастрофой на Темзѣ. 21 августа (3 сентября), пароходъ „Princess Alice“, возвращаясь съ увеселительной экскурсіи къ устьямъ Темзы, съ тысячею пассажировъ, пошелъ ко дву не далеко отъ Вульвича, отъ столкновенія съ тяжелымъ и громаднымъ судномъ, которое его буквально перерѣзало на-двое. Слишкомъ 600 человѣкъ утонуло такимъ образомъ въ виду Лондонской башни. Волненіе еще не улеглось, и общественная благотворительность занимается семьями жертвъ съ такою щедростью, которая дѣлаетъ честь добрымъ чувствамъ лондонскихъ жителей.

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/21 октября, 1878.

XLII.

СОВРЕМЕННЫЯ ЖЕНСКІЯ ТИПЫ ВО ФРАНЦІИ.

Мнѣ уже случалось не разъ говорить о нашей молодежи, о нашемъ духовенствѣ, нашей арміи, нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Я всегда желалъ при этомъ, чтобы мои письма, въ своихъ скромныхъ рамкахъ, дали вамъ общую, но живую картину современнаго общества, изученнаго мною съ единственною заботой: изобразить все, какъ оно есть, и сказанное подтвердить фактами. На этотъ разъ, для пополненія прежнихъ моихъ очерковъ, я намѣренъ посвятить настоящее письмо характеристикѣ современной французской женщины. Справедливо говорили, что женщина—ось, вокругъ которой вращается цивилизація. Я беру ее во всѣхъ классахъ, въ самыхъ различныхъ положеніяхъ отъ рожденія и до смерти. Если мнѣ и не удастся дать полной характеристики, то по-крайней-мѣрѣ я представлю рядъ очерковъ, которые достаточно обрисуютъ французскую женщину второй подо-

вннн девятнадцатаго столѣтія. На мой взглядъ, нѣтъ предмета интереснѣе этого.

I

Наша крестьянка осталась близка въ природѣ, ее окружающей, а потому она труднѣе всего поддается классификаціи. Крестьянка у насъ чрезвычайно разнообразна, и трудно подвести ее подъ одинъ общій типъ, такъ какъ въ каждой провинціи есть—свой. Конечно, въ настоящую минуту не существуетъ націи, болѣе однородной, чѣмъ французская; административная централизація мало-по-малу слотила въ одну компактную массу различные элементы, народности, наслоенныя нашей исторіей; но это единство остается по преимуществу политическимъ, потому что нравы, обычаи и характеры и до-сихъ-поръ отличаются своеобразностью, присущей древнимъ провинціямъ. Вверху, я хочу сказать—у буржуазіи, типическое разнообразіе сгладилось; фізіономіи получили фамильное сходство. Парижъ сталъ общимъ мѣриломъ, въ особенности въ послѣдніа тридцать лѣтъ существованія желѣзныхъ дорогъ. Внизу же, я хочу сказать—у сельскаго населенія, дѣло объединенія шло гораздо медленнѣе. Каждая провинція продолжаетъ удерживать племенные черты, ее отличающія. Такъ, крестьянка не одна и та же въ Провансѣ и въ Нормандіи; фізіономія ея измѣняется, роль тоже. Потребовалось бы столько же очерковъ, сколько и провинцій, если бы захотѣть быть и точнымъ, и обстоятельнымъ.

Но можно, однако, вывести среднія черты и набросать портретъ, удовлетворительный для большинства. Затѣмъ, достаточно будетъ указать на исключенія.

Крестьянка родится не на перинѣ. Приводятъ примѣры женщинъ, рожавшихъ на полѣ и принимающихъ за работу, часъ спустя послѣ родовъ. Это совсѣмъ не похоже на роды въ нашей буржуазіи, окружаемые самымъ тщательнымъ и заботливымъ уходомъ: два или три дня безусловнаго безмолвія и затѣмъ три недѣли лежать на кушеткѣ, не шевелясь. Если не всѣ деревенскія женщины рожаютъ на вольномъ воздухѣ, у изгороди, или у стога съ сѣномъ, то все же далеко не пользуются такимъ уходомъ; имъ достаточно сутокъ для того, чтобы оправиться и приняться за обыденное дѣло. Всѣ кормятъ своихъ дѣтей. Ребенокъ только лишнее бремя, хотя и легкое, и онѣ носятъ его всюду за собой—на солнцѣ, и на дождѣ. Даже въ первые мѣсяцы его рожденія онѣ почти не обращаютъ вниманія на погоду.

Итакъ, вотъ наша маленькая крестьянка еще у груди матери. Она отправляется въ поле вмѣстѣ съ матерью, прежде чѣмъ научится

боснать что-либо и говорить. Если ее оставили дома, то поручают старшей сестре или соседу надирать за ней и не давать кричать, когда она проснется. Впрочем, маленькая крестьянка молчаливѣе городскихъ дѣтей; она способна цѣлыя часы пролежать съ открытыми глазами, не плача и какъ-будто размышляя о томъ, что видитъ; это начало той серьезности, какую сообщаетъ человѣку его общеніе съ природой. Позднѣе, когда ей уже года полтора или два, но она еще недостаточно сильна, чтобы бѣгать одной, — мать сажаетъ ее въ ноги около того мѣста, гдѣ работаетъ; и дѣвочка, сиди на какой-нибудь старой тряпкѣ, подъ защитой стѣны, если дуетъ вѣтеръ, — или куста, если нечетъ солнце, проводитъ цѣлыя дни въ оцѣненіи, производимомъ свѣжимъ воздухомъ; она неловко играетъ, засовывая маленькія ручонки въ траву; чаще всего она не двигается съ мѣста, уставивъ въ пространство удивленные глаза и окруженная цѣлымъ роемъ жужжащихъ мухъ. Это первый ростъ, прозябаніе растенія, вполне поглощеннаго впитываніемъ соковъ матеръ-земли.

Затѣмъ наступаетъ буйная пора. Проѣзжая по нашимъ деревнямъ, видишь цѣлыя ватаги ребятишекъ, барактающихся въ лужахъ и въ оврагахъ. Мать не уводитъ больше дѣвочки съ собой; она находитъ, что та достаточно велика, чтобы обойтись безъ надзора; она пускаетъ ее бѣгать съ деревенскими ребятишками. Всѣ дни проходить въ томъ, что они катаются въ пыли большихъ дорогъ, плещутся съ утками, цѣпляются за проѣзжающіе экипажи. Я замѣтилъ въ свои послѣднія поѣздки, что эти дѣти нынче становятся далеко не такими дикарями. Въ былое время, когда показывался чужой человѣкъ, всѣ убѣгали и прятались; я говорю про дальнія селенія. Но въ настоящее время жизнь забирается въ самые глухіе уголки, дѣти привикаютъ къ чужимъ людямъ и глядятъ на прохожихъ, примолкнувъ и раскрывъ большіе, любопытные глаза. То же самое надо сказать и про ихъ неопрятность, вошедшую въ пословицу, — она значительно уменьшилась. Всегда будутъ существовать даже въ городахъ матери, которыя не любятъ держать дѣтей опрятно. Но это становится исключеніемъ, въ особенности въ богатыхъ мѣстностяхъ, въ пригородныхъ селахъ. Тутъ встрѣчаются уже великолѣпныя дѣти, чистыя и хорошо одѣтыя; видно, что удобство путей сообщенія заноситъ туда правильныя идеи о гигиенѣ и благосостояніи. Маленькія дѣвочки содержатся очень чисто на сѣверѣ и въ центрѣ Франціи. Бретань одна изъ послѣднихъ провинцій, упорно держащихся своей грязи и наразговъ.

Но вотъ, наконецъ, наступаетъ пора для крестьянки ходить въ школу. Родители спозаранку посылаютъ ее туда, чтобы избавиться отъ нея на время утреннихъ и вечернихъ классовъ. Въ несчастъ,

у насъ еще вѣтъ школы въ каждой деревнѣ; зачастую дѣтямъ приходится пройти нѣкую милю до школы сосѣдняго селенія; зачастую даже по близости совсѣмъ не бываетъ школы, и ученіе недоступно. Совсѣмъ тѣмъ, несмотря на медленность, съ какою организуется у насъ всеобщее первоначальное обученіе, значительный успѣхъ замѣтенъ въ эти послѣдніе годы и въ этомъ отношеніи. Среди большихъ двадцати, двадцати-пяти-лѣтнихъ дѣвушекъ еще попадается довольно такихъ, которыя не умѣютъ читать и писать, но между двѣнадцати-лѣтними такихъ почти не встрѣчается. Всѣ онѣ грамотныя; умѣютъ читать и ведутъ домашнее счетоводство. Поэтому можно надѣяться, что полный переворотъ совершится въ нашихъ селахъ въ непродолжительномъ времени. Образование проникнетъ всюду, и послѣдствія этого будутъ рѣшительны съ точки зрѣнія цивилизаціи.

Главное ало не въ томъ, что крестьяне неохотно посылаютъ дѣтей въ школу, а въ томъ, что они слишкомъ рано берутъ ихъ отътуда,—десяти или двѣнадцати лѣтъ. Пока дѣти имъ мѣшаютъ, они даже рады отъ нихъ избавиться часа на четыре, на пять въ день; но какъ скоро они могутъ помогать въ полевыхъ работахъ, обстоятельства перемѣняются; они желаютъ извлечь всю возможную пользу отъ ихъ слабыхъ рукъ, и никакими разсужденіями въ мірѣ не убѣдишь ихъ, что дѣтямъ еще полезно посѣщать школу. Единственный интересъ, трогавшій ихъ, это интересъ минуты, дневной заработокъ.

Напримѣръ, я жилъ въ прошломъ году на берегу моря, и учитель говорилъ мнѣ, что зимою школа его всегда биткомъ набита, но пустѣетъ съ первыми весенними днями, потому что рыбаки увозятъ съ собою дѣтей на рыбную ловлю, въ качествѣ юнгъ. Результатъ этого самый плачевный. Дѣти, возвращаясь на слѣдующій годъ въ школу, ничего не помнятъ изъ того, чему учились, и приходится начинать сначала и съ такимъ же результатомъ. Въ этомъ, повторяю, заключается величайшее затрудненіе. Если когда-нибудь декретируютъ обязательность первоначальнаго обученія, то не легко будетъ добиться отъ поселянъ не того, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школу, но того, чтобы они оставляли ихъ въ ней столько времени, сколько нужно для приобрѣтенія мало-малыски солиднаго образованія.

Итакъ, дѣвочка въ школѣ. Ее учатъ читать, писать, немного считать, не говоря про катехизисъ. Въ большихъ селахъ дѣвочки отдѣлены отъ мальчиковъ; въ другихъ оба пола учатся вмѣстѣ. Было бы слишкомъ дорого нанимать двухъ учителей. Къ тому же, нравственность нисколько не страдаетъ отъ этого сближенія. Не въ школѣ, но внѣ ея, на свободѣ, въ поляхъ, — вотъ гдѣ дѣвочки и мальчики портятся. Съ другой стороны, какъ я уже сказалъ, и къ

слишкомъ рано берутъ изъ школы для того, чтобы они успѣли испортить нравственно другъ друга. Въ школы свобода полная; они бѣгаютъ, гдѣ хотятъ, вмѣстѣ ходятъ красть овощи и плоды, позволяютъ себѣ самыя безцеремонныя шутки. Тутъ уже жизнь дѣйствительная вступаетъ въ свои права.

Но обратимся къ тому времени, когда родители берутъ маленькую дѣвочку изъ школы, чтобы она помогала имъ во время жатвы или сбора винограда. Она едва-едва читаетъ, пишетъ очень худо, а арифметическія ея познанія чаще всего ограничиваются сложеніемъ и вычитаніемъ. Кромѣ того, мать научила ее шить, штопать и вязать. Что касается ея остального домашнего воспитанія, то оно не слезно: стирать бѣлье, стирать самое первобытное кушанье — похлебку ежедневно, да нрѣдка приготовить кусокъ говядины плавающий въ соусѣ, — вотъ и все. Если прибавить къ этому полевыя работы, среди которыхъ она выросла, то исчерпавъ всю ея науку. Поэтому умственный уровень очень низокъ у большинства нашихъ крестьянокъ. Онѣ руководятся одними только истинами. Чтобы нѣсколько образоваться, онѣ должны уѣхать изъ села и поступить въ услуженіе въ городѣ. Оставался въ своемъ углу, онѣ все болѣе и болѣе тупѣютъ и къ старости переходятъ въ животное состояніе, изъ котораго вышли въ дѣтствѣ.

Сначала маленькая крестьянка пасетъ гусей. Поднѣе ей поручаютъ коровъ. Ихъ посылаютъ также жать траву. Такимъ образомъ, онѣ проводятъ отроческіе годы на открытомъ воздухѣ, правдами, зная на все, что совершается передъ ихъ глазами. Минуетъ ей пятнадцать лѣтъ. Это критическій возрастъ.

Возвращаясь къ нравственности. Въ нашихъ селахъ это вопросъ среды. Есть мѣстности честныя, но есть и нечестныя. Долженъ прибавить, что послѣднія гораздо многочисленнѣе. Жизнь слишкомъ вольная, все время почти на воздухѣ, — и понятно, что мальчики и дѣвочки не стѣняются. Они ведутъ между собой самыя безцеремонныя рѣчи; цѣломудріе и стидливость имъ незнакомы; это — буржуазныя добродѣтели, выросшія въ городахъ. Животныя давно научили ихъ всему; изъ останавливаютъ только вопросы практической жизни. Во многихъ деревняхъ, какъ я замѣтилъ, браки заключаются для дѣвушки слишкомъ поздно: почти вошло въ обычай, что отецъ единственнаго ребенка женится на матери. Сначала сходится, такъ-сказать, для испытанія. Пока нѣтъ дѣтей, — дѣло не къ сѣбѣ; мамно и разстается. Какъ только ночь сгустится, — вездѣ въ переулкахъ, сабустами, въ хлѣбахъ видѣются влюбленныя парочки. Въ особенности велика свобода нравовъ, по своимъ наблюденіямъ, на сѣверѣ. На югѣ ревнивіе оберегаютъ женщины; тамъ ихъ держатъ взаперти,

какъ на Востокахъ; да и вообще на югѣ въ нравахъ замѣтно гораздо меньше добродушія и безвѣчности.

Итакъ, у молодой крестьянки есть поклонникъ. Она танцуетъ съ нимъ, гуляетъ съ нимъ по вечерамъ. Родители съ той и съ другой стороны смотрятъ болѣе или менѣе сквозь пальцы. Когда влюбленные поссорятся, то возникаетъ иногда шумная исторія. Но молодая дѣвушка отдѣливается тѣмъ, что находитъ себѣ новаго жениха. Рѣдко бываетъ, чтобы бракъ не состоялся, если она беременна. Зачастую также она хорошо ведетъ себя, въ особенности если она выгодная невѣста. Въ деревняхъ брави заключаются и по расчету, и по любви; крестьянинъ желаетъ удовлетворить своему чувству и заключить выгодную сдѣлку; надо однако прибавить, что выгодная сдѣлка идетъ впереди всего. Я рѣдко наткнулся на идилліи въ поляхъ; только въ романахъ писателей известной школы мы видимъ сыновей богатыхъ фермеровъ, которые женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ, собирающихъ колосья, остающіеся отъ жатвы, и нищенкахъ съ ангельскими личиками, бѣгающихъ по большимъ дорогамъ; такъ же рѣдко бываетъ, чтобы крестьянки съ богатымъ приданымъ выходили замужъ за батраковъ своихъ отцовъ. Чаще всего наречъ и дѣвушка равнаго состоянія сближаются между собой — и тогда бракъ является естественнымъ послѣдствіемъ этого сближенія. Сердце и интересы идутъ рука объ руку.

Разъ замужемъ, — крестьянка, болѣею частью, хорошо ведетъ себя. Нарушенія супружеской вѣрности очень рѣдки въ селахъ; я исключая нѣкоторые темпераменты, нѣкоторые частные случаи. Всѣ слишкомъ коротко знаютъ другъ друга, — да и некогда баловаться; распутство требуетъ досуга, а когда приходишь домой, едва передвигая ноги отъ усталости, то завалишься спать, и ничто другое и на умъ не пойдетъ. Такимъ образомъ, если дѣвушки и гуляютъ, то замужнія женщины спокойно сидятъ дома; бракъ ведетъ за собою честность. Впрочемъ, есть обычай, объясняемый средой. Поступки имѣютъ всегда то значеніе, какое имъ придаютъ.

Выйдя замужъ, крестьянка ведетъ очень тяжкую жизнь. Она рождаетъ дѣтей среди самыхъ утомительныхъ работъ. Многія биваютъ очень плодородны; дѣти растутъ какъ грибы; это зависитъ отъ климата и отъ темперамента. Но, какъ я уже сказалъ, беременность не мѣшаетъ обычному труду, мѣняющемуся сообразно времени года. Если ей выскажутъ удивленіе, что она работаетъ, она отвѣтитъ, что надо же, чтобы дѣло было сдѣлано, — и этимъ все сказано: необходимость не допускаетъ возраженій. Въ сорокъ лѣтъ крестьянка кажется шестидесятилѣтней.

Впрочемъ, вопросъ о женскомъ трудѣ въ селахъ весьма сло-

женъ. Трудъ ихъ неодинаковъ во всей Франціи. Онъ измѣняется, смотря по провинціи. Вообще онѣ ведутъ менѣе суровую жизнь по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ югу. Такимъ образомъ, я никогда не видѣлъ, чтобы женщины копали землю въ Провансѣ, что можно встрѣтить въ Бретани и въ другихъ бѣдныхъ мѣстностяхъ. Онѣ собираютъ оливки и листья тутоваго дерева, собираютъ виноградъ, и это почти все ихъ дѣло; ихъ даже довольно рѣдко видишь въ поляхъ на солнцѣ. Пастбищъ не хватаетъ, крестьянинъ дожидается дождя, который не приходитъ, и бросаетъ землю, — живетъ лѣнливымъ бѣднякомъ. На сѣверѣ положеніе дѣлъ измѣняется: рукъ всей семьи едва хватаетъ, чтобы получить отъ почвы все, что она можетъ дать. Отъ этого женщины и ребенокъ завалены тамъ работой. Среди каждаго поля видишь согбенныхъ женщинъ, упорно работающихъ подъ дождемъ и подъ палящими лучами солнца, — работающихъ безъ отдыха и перерыва, не поднимая головы. Онѣ ползутъ грады, ходятъ за овощами; нерѣдко берутъ въ руки заступъ. Это — рабочіе воны.

Понятно, что онѣ утомляются и рано старѣются. Подумайте, что у этой женщины восемь или десять человекъ дѣтей, и что съ самой молодости она живетъ подъ открытымъ небомъ и работаетъ безъ устали. Не удивительно, что женщина въ ней умерла съ ея нѣжными цвѣтомъ лица, ея граціей и округленными формами; она высушена и деревеневетъ; руки у ней мускулисты, лицо все въ морщинахъ и кирпичнаго цвѣта. А хуже всего то, что тяжкій трудъ не только физически искажилъ ее, но онъ отражается и на умственныхъ способностяхъ: вращаясь все въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругѣ понятій, она тупѣетъ и возвращается въ животной жизни. Расспросите старухъ-крестьянокъ, когда повстрѣчаете ихъ на дорогахъ, — онѣ пристально глядятъ на васъ, бормочатъ какія-то слова; у нихъ видъ и угасній умъ — маниаковъ, растапливающихъ на двору въ домикахъ умилившихся.

Конечно, я не желаю бы власть слепкомъ черными красками на кою картину. Со времени ужасающаго вортрета, который смаялъ Лабрюйера съ нашихъ крестьянъ при Людовикѣ XIV, участь ихъ значительно улучшилась. Это уже больше не зѣбри, скученные въ казенкахъ, живущіе въ грязи и голодѣ. Въ настоящее время почти всѣ они собственники; они ѣдятъ хлѣбъ — и тѣло ихъ приприто одеждой. Но надо сказать правду, что если въ центрѣ попадаются хорошенькія селенія, то я видѣлъ очень печальныя и грязныя въ отдаленныхъ провинціяхъ. Къ тому же, жѣлчный, изнурительный трудъ не можетъ не отражаться на человѣческомъ существѣ: въ концѣ концовъ, приходишь къ идиотизму. На женщинѣ это существованіе

сказывается еще опутительнѣе. Сравните какую-нибудь изъ нашихъ городскихнихъ женщинъ въ салонѣ—свѣжую; улыбающуюся, остроумную—съ крестьянкой того же возраста, съ огрубѣлой кожей, тупымъ лицомъ, руками жесткими и шероховатыми какъ древесная кора,—и вы увидите цивилизацію рядомъ съ природой,—женщину, такъ-сказать, усовершенствованную нами, и ту, которая естественно вырастаетъ при условіяхъ труда. Ева должна была скорѣе походить на эту крестьянку; поэты и живописцы, изображающіе ее красивой, идеальной блондинкой, съ тонкой, золотистой кожей, сочиняютъ самымъ безбожнымъ образомъ. Для того, чтобы цивилизація коснулась сель,— для того, чтобы люди тамъ получили ту утонченность, которая дѣлаетъ изъ человѣка художественное произведеніе, надо, во-первыхъ, чтобы просвѣщеніе распространилось и проникло въ самыя глухія деревушки; но надо также, чтобы и наука пришла на помощь, и чтобы машины замѣнили человѣческія руки. До тѣхъ поръ, пока крестьянка будетъ работать, какъ лошадь, она не будетъ женщиной.

Я бывалъ на деревенскихъ свадьбахъ. Молодая зачастую бываетъ хорошенькой, несмотря на загарь, придающій жаркій колоритъ ея лицу. Два или три года спустя, когда мнѣ случалось ихъ увидѣть, онѣ были чуть не старухами. Онѣ быстро увядаютъ, лицо становится гримасой. Вскорѣ у нихъ уже нѣтъ больше возраста.

Крестьянка, болѣею частью, умственно ниже крестьянина. Она покорна ему; на югѣ она трепещетъ мужа, повинуется ему, какъ господину. На сѣверѣ иногда попадаются бой-бабы. Въ сущности, она играетъ въ семьѣ роль служанки, болѣе или менѣе эмансипированной. Мужъ всѣмъ заправляетъ, и если онъ иногда выставляетъ жену впередъ, то лишь затѣмъ, чтобы успѣть собраться съ мыслями. Онъ приказываетъ,—онъ глава и руки. Женщина зачастую для него только лишняя порода въ хлѣву.

Смерть приходитъ, какъ извѣщаніе. Она рѣзко врывается къ крестьянкѣ, и та допускаетъ увести себя, не призывая врача. Такъ какъ наступилъ ея чередъ, то лучше отправиться, не тратя денегъ на лекарства. На другой день вихоромъ вся семья снова работаетъ въ поле; земля не ждетъ. И единственная мысль у отца и дѣтей, это то, что теперь у нихъ стало двумя рабочими руками меньше. Въ нашихъ селахъ роль женщины все еще ограничивается рожденіемъ дѣтей и трудомъ. У ней нѣтъ другого дѣла. Суевѣрно набожная, она слѣдуетъ узкимъ обрадамъ религіи и не можетъ способствовать смягченію нравовъ своихъ близкихъ. Если крестьяне развиваются такъ медленно, то это потому, что какъ женщинамъ не въ состояніи играть своей цивилизующей роли.

II.

Перекожу къ городской работницѣ. Тутъ все измѣняется. Мы все еще имѣемъ дѣло съ безграмотнымъ сословіемъ. Но уже видишь первое проявленіе всемогущества женщины.

Работница рождается отъ брана или отъ случайной связи. Въ колоратномъ мірѣ парижскихъ рабочихъ—масса незаконнорожденныхъ дочерей. Впрочемъ, обвиняны ли отецъ и мать, или они просто живутъ подъ одной крышей, участь маленькой дѣвочки одна и та же. Можно по пальцамъ перечесть честныя семьи, хорошо воспитывающія своихъ дочерей. Почти всегда дѣвочка растетъ безъ призора. И это объясняется самими условіями жизни рабочихъ. Отецъ уходитъ на работу; мать, съ своей стороны, работаетъ или смотритъ за своимъ хозяйствомъ; въ это время маленькая дѣвочка предоставлена своимъ инстинктамъ. Надо знать густо заселенные кварталы, съ ихъ большущими домами, гдѣ проживаетъ двѣсти, триста семей. Квартиры тѣсныя, грязныя, зловонныя. Тамъ живутъ на-распашку, отдѣленные отъ сосѣдей такой тонкой перегородкой, что слышенъ малѣйшій шорохъ.

Зачастую въ многочисленныхъ семьяхъ мальчики и дѣвочки спятъ вмѣстѣ. Поэтому, понятно, какую счастливую натуру или какую силу воли надобно работницѣ, чтобы выдти чистой изъ этой среды. Младенцемъ ей приходится по дѣльнымъ часамъ кричать въ колыбели въ то время, какъ мать уходитъ по дѣламъ. Ее колотать, чтобы заставить молчать. Дурной воздухъ, вдыхаемый ею, дѣлаетъ ее зачастую слабосильной, блѣдной, какъ растеніе, выросшее въ тѣни. Какъ только она можетъ ползать, ее встрѣчаешь всюду, на площадѣ лѣстницы, на самой лѣстницѣ, во дворѣ. Ей еще нѣтъ и двухъ лѣтъ отъ роду, какъ уже улица притягиваетъ ее. Для нея блаженство пачкаться въ лужахъ. Она становится пострѣломъ и участвуетъ въ шалостяхъ уличныхъ мальчишекъ. Правда, родители награждаютъ ее колотушками, чтобы приучать къ скромности. Но часъ спустя сама мать посылаетъ ее на улицу съ какою-нибудь порученіемъ. Надо же, чтобы она была на что-нибудь полезна. Всякій разъ, какъ мать забудетъ купить соли, масла, табаку,—за этиныя посылаютъ маленькую дѣвочку. Она разъ патнадцать, двадцать на дно выбѣжитъ на улицу, и эта бѣготня очень нравится ей, она зѣваетъ на троттуарахъ. Понятно поэтому, какое прекрасное воспитаніе получаетъ она на улицѣ. Школа продолжаетъ это воспитаніе; тамъ она встрѣчаетъ другихъ дѣвочекъ, старше ея, и онѣ научаютъ ее тому, чего она не знаетъ. Это такая зараза, что всеъ выходятъ зачумленныя. Затѣмъ наступаютъ

мастерская, и отнынѣ она созрѣла для порока, если темпераментъ ея мало-мальски тому способствуетъ. Мастерская еще хуже школы. Когда вздумаютъ заняться нравственностью народа, то необходимо будетъ обратить вниманіе на обученіе въ мастерскихъ, которое губитъ столько молодыхъ работницъ. Можно сказать, что все ихъ толкаетъ на худую дорогу: худой примѣръ въ семьѣ, свобода, въ которой онѣ вырастаютъ, безусловное отсутствіе всякихъ принциповъ, жажда роскоши, которая обладаетъ ихъ грязью, дурныя знакомства въ школѣ и въ мастерской. Надо считать чудомъ, если онѣ не свихнутся съ прямого пути, такъ какъ это было бы логическимъ послѣдствіемъ днѣаго воспитанія, получаемого ими.

Со всѣми тѣми нѣкоторыя вступаютъ въ бракъ немспорченными, но такихъ очень мало. Другія отдаются первому понавшемуся мужчйнѣ, когда наступаетъ пора. Я долженъ сказать, что чаще всего этотъ человѣкъ самъ изъ работниковъ; работница чувствуетъ себя привольнѣе съ человѣкомъ ея сословія; напротивъ того, второй ея любовникъ почти всегда бываетъ человѣкомъ изъ высшаго класса. Затѣмъ любовники чередуются, смотря по волѣ случая. Я говорю здѣсь не про дѣвушекъ, промышляющихъ распутствомъ, не про настоящихъ работницъ, которыя трудятся. Многія изъ нихъ предпочитаютъ оставаться свободными, и берутъ любовниковъ, которые имъ помогаютъ. Иныя по цѣлымъ годамъ живутъ съ мужчиной, вовсе не помышляя выходить за него замужъ. Другія, наконецъ, выходятъ замужъ за любовника или не иначе отдаются влюбленному въ нихъ человѣку, какъ послѣ вѣнца.

Браки эти очень разнообразны. Случается, что работница, утомлясь беспорядочнымъ образомъ живни, боясь состарѣться, выходитъ замужъ за работника. Порою она выходитъ замужъ за мелкаго чиновника или за торговца. Съ парижскими работницами все возможно. Нѣтъ натуры болѣе гиблой, болѣе способной къ развитію. Справедливо сказано, что въ каждой медисткѣ скрывается въ зародышѣ герцогиня. Онѣ способны играть всякую роль; черезъ двѣ недѣли онѣ чувствуютъ себя привольно въ какомъ угодно положеніи. По этому поводу можно сдѣлать слѣдующее характеристическое замѣчаніе: если часто случается, что работница выходитъ замужъ за торговца или чиновника, за то никогда не бываетъ, чтобы ихъ дочери вышли замужъ за работника.

Женщина по природѣ способна къ утонченности. Для этого достаточно, чтобы она выросла въ тепличной атмосферѣ большаго города. И это рѣзко отличаетъ нашу работницу отъ крестьянки, потому что эта послѣдняя, будучи даже богатой, будучи даже счастливой, остается неостесненной. Ее надо съ самой ранней моло-

дости послать въ городъ, провести ее через порокъ, чтобы въ ней развилась всеобщая прелесть женщины.

Я займусь сначала молодой и честной работницей, которая выходитъ замужъ за работника. Я говорю про непорочную молодую дѣвушку, воспитанную у родителей, не заразившуюся порокомъ въ школь или въ мастерской. Это рѣдкій случай, повторяю, потому что въ фобургахъ работница, у которой былъ только одинъ любовникъ, и которая не „кутить“ на-пропалую, считается „добропорядочнаго поведенія“. Тутъ честность относительная. Итакъ, вотъ невинная молодая дѣвушка; само собой разумѣется, что она невинна только тѣлесно, потому что если успѣла предохранить себя отъ паденія, то не могла вѣчно заткнуть уши. Вокругъ ея не стѣснялись; и даже если дома она не слыхала ничего непристойнаго, то улица не могла не просвѣтить ее. Она знаетъ жизнь, и если сберегла себя, то по доброй волѣ или по темпераменту. Это всего болѣе зависитъ отъ семьи, въ которой она выросла. Я знаю много почтенныхъ семей работниковъ; къ несчастію, онѣ не составляютъ большинства въ нашихъ фобургахъ; но онѣ служатъ поучительнымъ примѣромъ. Мать надзираетъ за своими малютками и работаетъ въ свободные часы; отецъ не пьетъ, ходитъ аккуратно на работу; приноситъ семьѣ весь заработокъ сполна. Сыновья, если они взрослые, тоже помогаютъ семейству; что касается дѣвушки, то она приучена къ труду и порядку. Примѣръ—вотъ великій урокъ. Эта среда образуетъ человѣка. Когда встрѣчаешь честную работницу, то изъ десяти разъ девять можно быть увѣреннымъ, что у ней отецъ не пьяница, а мать не лѣнтяйка. Вообще же честность у простой дѣвушки тѣмъ почтеннѣе, что опасности, которымъ она подвергается, многочисленнѣе и сильнѣе; она живетъ свободнѣе, больше рискуетъ натолкнуться на соблазнъ, чѣмъ барышня; сравните оба міра, поглядите, какое различное воспитаніе получаютъ обѣ. Обыкновенно работница рано выходитъ замужъ; она спѣшитъ облегчить семью. Очень часто она выходитъ замужъ за товарища своихъ братьевъ, молодого работника, хорошее поведеніе котораго извѣстно родителямъ. Молодой четѣ нужны деньги на обзаведеніе. Обыкновенно у работницы не бываетъ ни гроша приданаго. Отецъ съ великимъ трудомъ соберетъ франковъ сто или двѣсти. Этого только-что, только-что хватитъ на то, чтобы купить немного бѣлья и самой необходимой кухонной утвари. Нужно, чтобы работникъ доставилъ необходимую мебель. На это нужно по крайней мѣрѣ четыреста или пятьсотъ франковъ. Когда у него нѣтъ этой суммы, онъ ее занимаетъ; беретъ въ долгъ мебель у продавцовъ съ тѣмъ, чтобы уплачивать имъ за нее по-мѣсячно. Итакъ, вотъ молодая чета обзавелась. На другой день послѣ свадьбы въ домѣ нѣтъ

зачастую и двадцати фразковъ. Тогда мужъ и жена принимаются ретиво за работу и вскорѣ пользуются достаткомъ, если ведутъ себя хорошо. Являются дѣти; они ихъ воспитываютъ—и вотъ новая честная рабочая семья вырастаетъ на навозѣ нашихъ фобурговъ.

Такова лицевая сторона медали. Къ несчастію, я долженъ показать углы нищеты и позора, если не захочу лгать. Молодая работница, сбившаяся съ пути и выходящая замужъ, все же можетъ еще сдѣлаться хорошей хозяйкой, если попадетъ на работника-труженника. Она ретиво принимается за свое хозяйство; никто ее не упрекаетъ за прошлое; простонародье очень снисходительно на этотъ счетъ. Лишь бы женщина вела себя хорошо, разъ она замужемъ, лишь бы она заботилась о мужѣ и о дѣтяхъ, этого довольно; ее уважаютъ въ кварталѣ. Нищета и позоръ обрушиваются на семью тогда, когда въ нее забирается порокъ; часто мужъ бываетъ виноватъ; иногда виновата жена. Но это все равно впрочемъ, результатъ одинаковый. Мужчина пьянствуетъ, женщина кутитъ, оба катятся въ грязь, подталкивая другъ друга. Это чаще всего встрѣчается. Иногда одинъ кто-нибудь находитъ въ себѣ силу удержаться на краю гибели; но тогда онъ страдаетъ и существованіе его все-равно разбито.

Эта печальная развязка худыхъ рабочихъ семей зависитъ, быть можетъ, еще болѣе отъ жены, нежели отъ мужа. Вотъ почему она почти неизбѣжна, если работница дурно вела себя до брака. Это часто случается. Доживя лѣтъ до тридцати или тридцати-пяти, работница, мѣнявшая любовника каждый мѣсяцъ, снова связывается съ какимъ-нибудь работникомъ. Она больше не хороша собой; на нее находятъ раздумье, и она заставляетъ своего сожителя жениться на ней, чтобы приобрести положеніе. Но на другой же день брака начинаются ссоры. Мужъ грубо упрекаетъ жену за прошлую жизнь; онъ осмываетъ ее ругательными словами, попрекаетъ тѣмъ, что она продолжаетъ прежнее ремесло. Само собой разумѣется, женщина раздражается, начинаетъ бѣгать изъ дому, водится съ другими мужчинами. И зачастую родится ребенокъ, дѣвочка, и дѣлается свидѣтельницей этихъ грязныхъ ссоръ,—вотъ какимъ образомъ провабляютъ сѣмена проституціи.

Задача проста. Если хотите имѣть честныхъ работницъ, насадите честныя рабочія семьи. Этого опять-таки можно достигнуть лишь путемъ просвѣщенія и увѣчченіемъ благосостоянія. Одной школы недостаточно; надо заняться заработками. Работникъ слишкомъ скверно живетъ и слишкомъ скверно нитается. Эти большіе, растрепанные дома, въ которыхъ тѣснится народъ, настоящія бочки, гдѣ бродятъ всѣ пороки. Очистите фобурги, если не хотите, чтобы они заражали

городъ. Выпустите, главное, воздуха въ тѣсныя квартиры. Когда жизнь легка и пріятна людямъ—не трудно быть честнымъ.

Мамду тѣмъ, работница старѣется. Та, которая не вышла замужъ, увядаетъ въ какинъ-нибудь монотоннымъ трудомъ. Долгіе годы она зарабатывала сорокъ су, много пятьдесятъ въ день, т.-е. ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду. Никакія сбереженія немислимы; она кончаетъ жизнь въ больницѣ, если судьба не пошлетъ ей отиуда-нибудь небольшого наслѣдства. Нѣкоторымъ удается обзавестись демою, начать какую-нибудь торговлю, дозволяющую скопить небольшія денжонки лѣтъ черезъ тридцать неустаннаго труда. Всѣмъ привзвано, что женскій заработокъ въ Парижѣ недостаточенъ для ея существованія; ей остается только два выбора: или проституція, или медленная, голодная смерть. Во всякомъ случаѣ, когда она составитель, у ней остается только этотъ послѣдній исходъ.

Старость замужней работницы зависитъ отъ того счастья, какинъ она сумѣла окружить свою семью. Если она дурно воспитала своихъ дѣтей, то должна рассчитывать на то, что они будутъ ее ругать и даже бить. На такой позоръ чаще всего натыкаешься въ парижскихъ вертепахъ. Когда негодующая мать вздумаетъ протестовать, дочери грубо заявляютъ ей, что дѣлаютъ только то, что она сама дѣлала; что не слѣдовало ей подавать такого примѣра. Напротивъ того, если мать оказывается достойной уваженія, ее уважаютъ, и она старѣется среди заботливой любви близкихъ. Долженъ сознаться однако, что старость работницы всегда бываетъ печальна. Если она не сумѣла скопить денегъ, что бываетъ всего чаще, то, когда мужъ ея умретъ, она остается на рукахъ дѣтей, и вся долгая трудовая и честная жизнь идетъ не въ счетъ; безпощадный фактъ беретъ верхъ надо всѣмъ: она не можетъ больше трудиться, она, слѣдовательно, бесполезна. У простонародья—это преступленіе. Надо трудиться, чтобы ѣсть, такъ какъ трудъ едва можетъ доставлять ежедневное пропитаніе. Бесполезный ротъ въ семьѣ, какъ бы она ни была дружна и добра, немедленно становится предметомъ тревоги и ссоръ. А старуха-мать—бесполезный ротъ. Я часто наблюдалъ этотъ фактъ въ фобургахъ: мать осталась на попеченіи дѣтей, безусловно честныхъ и добрыхъ людей; тѣмъ не менѣе они желаютъ смерти старухи. Она прожила свой вѣкъ, пусть очиститъ мѣсто другимъ.

Жестокое послѣдствіе громадныхъ потребностей и недостаточнаго заработка! Въ этой борьбѣ за существованіе эгоизмъ видѣруется въ сердца лучшихъ людей. Кто не зарабатываетъ своего хлѣба, тотъ долженъ немедленно исчезнуть съ лица земли; если онъ упорствуетъ жить, его попрекаютъ, зачѣмъ не накопилъ себѣ рентъ. У работницы нѣтъ убійца въ старости; какъ скоро орудіе труда выскользаетъ

изъ ея рукъ, она должна умереть. Тѣ, которыя скатились въ грязь, умирають въ грязи. Тѣ, которыя были честными и добрыми женами, умирають чаще всего отъ горя въ темномъ и душномъ чуланѣ, куда дѣти изъ состраданія кинутъ ей тифякъ. Всѣ зовутъ смерть и видятъ въ ней набавительницу.

А между тѣмъ среди нашего парижскаго населенія женщина—представительница интеллигенціи. Я уже говорилъ, она гораздо способнѣе къ развитію, нежели мужчина. Въ молодости она отличается очаровательной гибкостью и граціей. Позднѣе она быстро увядаетъ среди домашнихъ хлопотъ. Но въ ней просыпается практической умъ, она болѣею частію ведетъ домъ. Мужъ, если хочетъ жить счастливо, обыкновенно предоставляетъ ей хозяйничать. У ней являются идеи, и она зачастую приводитъ ихъ въ исполненіе. Она голова, а мужъ только руки. Кромѣ того, она очень хитра; лучшая, самая откровенная прибѣгаетъ ко вслѣдственнымъ уловкамъ, чтобы увеличить благосостояніе семьи; она припрячетъ деньги, солжетъ мужу, заставитъ его противъ воли принять какое-нибудь счастливое рѣшеніе, отъ котораго онъ упрямо отмахивается. Зачастую она обращается съ нимъ, какъ съ ребенкомъ. Она терпѣлива и сальна. Она исправитъ его отъ недостатка, если его можно исправить. Словомъ, она гораздо выше его, гораздо умнѣе, гораздо способнѣе къ развитію. Общественная роль женщины у народа могла бы быть весьма значительна у насъ въ качествѣ цивилизующаго начала. Я двадцать разъ наблюдаю въ нашихъ фобургахъ факты, на какіе здѣсь указываю. Я почти всегда видѣлъ, что женщина образованнѣе и даже воспитаннѣе, чѣмъ мужчина. Она все понимаетъ, все знаетъ, у нея локія руки, какъ у волшебницы; она опускается и тупѣетъ только тогда, когда жизнь слишкомъ тяжелымъ бременемъ ложится на нее.

III.

Въ среднемъ классѣ, я хочу сказать—среди розничныхъ торговцевъ, въ мірѣ мелкихъ чиновниковъ и мелкихъ рантие—женщину труднѣе анализировать, до того типъ многочисленны и различны. Я возьму самыя общія черты, попытаюсь набросать общій портретъ, отгнѣня нѣкоторыя частности въ физиономіяхъ.

Дѣвочку, родится ли она въ лавѣ или въ тѣсной квартирѣ цѣной отъ четырехсотъ до пятисотъ франковъ, всегда встрѣчаютъ съ нѣкоторой тревогой. Родители предпочли бы мальчика. Дочь всегда является бременемъ и заботой для маленькаго хозяйства, очень часто еле-еле перебивающагося со дня на день. Надо воспитывать ее,

надзирать за нею, выдавать замужъ; потребуется по крайней мѣрѣ восемнадцать лѣтъ всяческихъ заботъ и хлопотъ. Но дѣлать нечего, приходится мириться съ обузой. Когда мать довольно здорова, она сама кормитъ малютку. Доказано, что больше половины парижанокъ неспособны къ кормленію дѣтей; жизнь въ четырехъ стѣнахъ дѣлаетъ ихъ слабосильными, и анемія—самая распространенная болѣзнь среди женщинъ средняго сословія. Если мать слишкомъ слаба, то ребенка отдаютъ на выкормленіе какъ можно ближе отъ Парижа,—взять кормилицу къ себѣ въ домъ было бы не по карману! Смертность дѣтей, отдаваемыхъ на выкормленіе, очень велика; но если малютка останется въ живыхъ, то возвращается обыкновенно толстый и здоровый. Когда мать сама кормитъ, это ужасно неудобно. Слишкомъ голая она стѣснена во всѣхъ движеніяхъ, не можетъ шагу ступить и должна быть рабой ребенка. Хуже всего то, что въ тѣсной квартирѣ негдѣ повернуться. Въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, незамѣтно, какое огромное мѣсто занимаетъ ребенокъ. Въ Парижѣ, когда всего-на-все у людей одна комната, въ ней не знаешь какъ повернуться. Ребенокъ всю ночь не даетъ спать семьѣ; потомъ надо его купать, одѣвать, занимать, переминыть ему бѣлье двадцать разъ на дню, и все это на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ метровъ. Вскорѣ квартира превращается въ логовище; нѣтъ никакой возможности содержать ее въ чистотѣ. Дѣвочка растетъ въ этой тюрьмѣ. Когда ей минетъ три года, она меньше грязнитъ, но занимаетъ столько же мѣста; она прыгаетъ по полу, обрываетъ занавѣсы, страшно шумитъ. Все гулянье ограничивается тѣмъ, что въ хорошую погоду мать поведетъ ее въ сосѣдній скверъ; но въ худую погоду она по цѣлымъ недѣлямъ сидитъ взаперти и начинаетъ чахнуть въ своей тѣсной клеткѣ. Вотъ одинъ изъ самыхъ типическихъ угловъ скрытой нищеты въ Парижѣ.

Замѣйте, что я беру семью, пользующуюся нѣкоторымъ довольствомъ. У мужа есть должность, жена ведетъ маленькую торговлю. Мы уже больше не въ рабочемъ классѣ. Тутъ не боятся прогуловъ, живутъ скромной жизнью, чуждой всякихъ переменъ. При рожденіи ребенка составленъ бюджетъ его содержанія. Кусокъ хлѣба ему обезпеченъ. Единственное пагубное условіе это—тѣснота, въ которой онъ растетъ.

Но вотъ дѣвочкѣ исполнилось пять лѣтъ. Она ведетъ себя смиреннѣе, начинаетъ корчить большую. Мать всего болѣе наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы она не бѣгала по улицамъ; только дрянныя дѣвочки, дочери рабочихъ, шлеются такимъ образомъ. Но дѣвочка постоянно мечтаетъ о томъ, чтобы вырваться изъ дома; улица притягиваетъ ее, и если она не убѣгается, то только потому, что послушна. Иногда ей позволяютъ поиграть на площадкѣ дѣстницы; квартира такъ тѣсна, что

мать можетъ вдохнуть свободно только тогда, когда дѣвочка не вертится вокругъ нея. Какъ только ее можно послать въ школу, ее туда посылають. Она ходитъ не въ общую безплатную школу, но въ какую-нибудь такую по сосѣдству, гдѣ вѣняется небольшая плата. Порою, когда семья честолюбива, то она приноситъ чрезвычайныя жертвы, чтобы помѣстить ее въ какой-нибудь большой пансіонъ. Но я беру самый обыкновенный случай. Служанка каждое утро водить ее въ школу и приводитъ оттуда по вечерамъ. Дѣти увозятъ съ собою завтракъ въ небольшой корзинкѣ. Ихъ учатъ всему понемножку, сначала читать и писать, потомъ арифметику, исторіи, географіи; кромѣ того, шить, вышивать по канвѣ. Учительницы, впрочемъ, не особенно стараются подвинуть ихъ впередъ; часто онѣ продержатъ дѣвочку въ школѣ лѣтъ восемь или десять, ничему не научивъ ее основательно. Выходя изъ школы, молодыя дѣвушки бывають очень невѣжественны; счастливы тѣ, что умѣють правильно писать. Но нныя научаються, однако, очень искусно вышивать.

Итакъ, вотъ дѣвочка вышла изъ школы и вернулась къ родителямъ. Ей лѣтъ пятнадцать. Это неблагодарный возрастъ. Она долговаза и худа, неловка, болѣею частію дурна собой. Мать доканчиваетъ ея воспитаніе, беря ее съ собою всюду, куда сама идетъ. Въ домѣ есть служанка, которая должна дѣлать всю черную работу, но барыня и барышня почти всегда сопровождаютъ ее на рынокъ, часто сами закупають провнцію и не пренебрегають страшной. Такимъ образомъ дѣвушка учится хозяйничать; остальное время она вышиваетъ; очень рѣдко ей разрѣшають роскошь имѣть фортепіано. Ее ведутъ съ большой строгостью; никогда она не выходитъ одна; въ театръ ее возать только тогда, когда дають нравственную пьесу. Все воспитаніе молодой французской дѣвушки въ этомъ: въ непрерывномъ надзорѣ, въ тѣсномъ заключеніи, превращающемся только съ замужствомъ. Конечно, молодая дѣвушка вовсе не такъ неопытна какъ бы должна быть. Въ пансіонѣ ей повѣряли различныя тайны, и она узнала многое изъ того, что большія передають другъ другу только шопотомъ. Но она все это тщательно скрываетъ; она умѣетъ сдерживать свое любопытство и нетерпѣніе. Ее ежедневно учатъ притворству хорошо воспитанныхъ дѣвиць. Дѣвицы не должны ничего знать, держать себя скромно, и она прикидывается, что ничего не знаетъ и держитъ себя скромно. Она знаетъ, что только такимъ путемъ выйдетъ замужъ. Какъ только ей исполнится семнадцать лѣтъ, такъ всѣ ея мысли вертятся вокругъ этого желаннаго брака, который долженъ сдѣлать ее свободною.

Великое дѣло для маленькаго хозяйства хорошо пристроить дѣвушку. Ищуть самаго выгоднаго жениха среди знакомыхъ; желаютъ

женха съ деньгами или по крайней мѣрѣ съ обезпеченнымъ положеніемъ. Часто любовь замѣшивается въ дѣло. Молодая дѣвушка замѣтила молодого человѣка, и оказывается, что этотъ молодой человѣкъ представляетъ требуемыя гарантіи. Въ другой разъ бракъ заключается чисто по разсудку. Дѣвушки средняго класса у насъ рѣдко бывають романтическими; онѣ наглядѣлись въ своей семьѣ на хозяйственными хлопоты; онѣ знаютъ, что ихъ ожидаетъ впереди, поэтому онѣ очень практичны. Сынъ лавочника, которому предстоитъ наследовать отцу, молодой чиновникъ съ будущностью—вотъ герои, которыми онѣ даютъ предпочтеніе. Въ двухъ случаяхъ изъ трехъ онѣ не приносятъ съ собой приданого, кромѣ туалета и какой-нибудь тысячи-другой франковъ; такимъ дѣвушкамъ приходится самимъ хлопотать о замужствѣ, если онѣ не хотять остаться старыми дѣвами. Если же приданое ихъ превышаетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, то отъ жениховъ нѣтъ отбоя, и выборъ у нихъ большой. Нельзя представить себѣ, съ какимъ искусствомъ бѣдныя откупають мужей по своему вкусу. Онѣ совсѣмъ зрѣлыя женщины, не смотря на ихъ скромный видъ; онѣ все знаютъ, отлично рассчитываютъ и устриваютъ свою будущую жизнь. Зачастую дивнись ихъ выбору; но позднѣе поймешь его; онѣ угадали будущую удачу какого-нибудь приказчика и нашли для себя подходящаго мужа.

Итакъ, вотъ молодая женщина замужемъ. Хозяйство ея будетъ повтореніемъ хозяйства матери. За мѣсяцъ до свадьбы она сама найметъ квартиру, меблируетъ ее, прищеть служанку. Мужъ сбился бы съ ногъ, бѣгая, у него голова пошла бы кругомъ, и все же бы онъ не сдѣлалъ половины того, что она сдѣлаетъ. Пропускаю церемонію бракосочетанія, на которую издержали больше денегъ, чѣмъ слѣдовало, изъ тщеславія. Въ среднемъ классѣ въ большомъ ходу поговорка: лучше внушать зависть, нежели состраданіе. Впрочемъ, въ мірѣ мелочныхъ торговцевъ церемонію совершаютъ на-скорую руку; мелкіе торговцы не заражены тщеславіемъ чиновниковъ. Если мужъ чиновникъ, онъ беретъ двухнедѣльный отпускъ; это медовой мѣсяцъ молодыхъ, который они проводятъ въ удовольствіяхъ и визитахъ. Если мужъ торговецъ, онъ на другой же день идетъ въ лавку. И начинается обыденная жизнь.

Тогда молодая женщина ведетъ самостоятельно ту самую жизнь, какую вела у своихъ родителей. Никакого переворота не происходитъ; то же убогое существованіе. Дни идутъ за днями. Въ свою очередь она становится матерью; у ней дочь, отъ которой тѣсно въ маленькой квартиркѣ; она воспитываетъ ее и выдаетъ со временемъ замужъ. Совсѣмъ тѣмъ, каждому изъ этихъ маленькихъ хозяйствъ улыбается какая-нибудь надежда; безъ этой надежды жизнь была бы

слишкомъ плоской; порой то бываетъ надежда на наслѣдство; порой на возможность разбогатѣть, благодаря какой-нибудь спекуляціи; порой манить впереди выгодное мѣсто, которое можетъ получить мужъ по службѣ. Но что необходимо подчеркнуть—это то, что женщина удивительна въ этомъ классѣ буржуазіи. Она творитъ чудеса. Зачастую она себя одѣваетъ; и если не шьетъ сама своихъ платьевъ, то беретъ на домъ швею, и ухитряется щеголять, пуская въ ходъ всякую тряпку, которую другая женщина бросила бы. У ней есть даръ экономіи и граціи. Во всѣхъ хозяйственныхъ подробностяхъ ощущается ея неистощимая изобрѣтательность. Она съумѣетъ накормить обѣдомъ десять человѣкъ, израсходовавъ сравнительно весьма ничтожную сумму. Она олицетворяетъ расчетливость, но безъ всякой скупости; торжество ея заключается въ томъ, чтобы всѣмъ казалось, что она тратитъ очень много денегъ, а самой между тѣмъ дѣлать сбереженія. *Il faut paraître* — это ея выраженіе; но она съумѣетъ не выйти изъ бюджета.

Я говорилъ о женѣ чиновника. Жена коммерсанта, быть можетъ, еще удивительнѣе. Поглядите на нашихъ лавочницъ, какія онѣ умныя и дѣлательныя. Ими держится весь домъ; мужъ занимается внѣ, бѣгаетъ по дѣламъ, дѣлаетъ покупки; она же по цѣлымъ годамъ не выходитъ изъ лавки, поспѣваетъ угодить всѣмъ покупателямъ, совершаетъ чудеса, чтобы расширить продажу. И при этомъ всегда улыбается, всегда въ духѣ, терпѣлива какъ ангелъ съ несносными покупателями. Ни въ какомъ другомъ городѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ продавщицъ, которыя могли бы сравниться съ нашими, которыя бы умѣли такъ держать себя и пользовались бы такимъ вліаніемъ на покупателей. Другія дѣлаются приказчицами своихъ мужей; цѣлые часы проводятъ онѣ, согнувшись, надъ торговыми книгами; заткнувъ перо за ухо онѣ ведутъ самую сложную бухгалтерію, руководятъ обширными промышленными предпріятіями. Въ нашихъ предмѣстьяхъ и за городской чертой можно найти женщинъ, управляющихъ обширными заводами; у нихъ въ головѣ цѣлый міръ аферъ; онѣ командуютъ сотнями рабочихъ, сами изобрѣтаютъ и руководятъ торговыми домами. Я знаю вдовъ, которыя, по смерти своихъ мужей, не захотѣли взять управляющаго и ограничились тѣмъ, что разослали циркуляры своимъ кліентамъ. Впрочемъ, эти женскія усилія, пожалуй, еще трогательнѣе въ маленькихъ хозяйствахъ. Со времени открытія выставокъ, я часто интересовался зрѣлищемъ, которое можно цѣлый день наблюдать на бульварахъ. Какой-нибудь субъектъ имѣетъ или нанялъ просторный экипажъ, какую-нибудь обозную фуру, въ которой онъ устроилъ скамейки; самъ онъ превратился въ кучера и правитъ лошадьми, сидя на козлахъ, между тѣмъ какъ жена его,

стоя на подножѣхъ, зазываетъ прохожихъ, чтобы отвезти ихъ на Марсово-поле и играетъ роль кондуктора omnibusа. У ней надѣта черезъ плечо сумка, она собираетъ деньги, влѣзаетъ и слѣзаетъ съ подножки день-деньской, и какъ-будто и не помнитъ объ усталости. Развѣ это не трогательно? Вотъ чета, сообща напугающая всѣ силы ума и воли. Онъ вознамѣрился воспользоваться случаемъ. Безъ сомнѣннѣя, дѣти въ школѣ; или же за ними надзираетъ какой-нибудь сосѣдка. Когда выставка закроется, чета отложить въ сторону нѣсколько тысячъ франковъ.

Въ нашихъ провинціяхъ женщина не отличается такой блестящей иниціативой. Она ведетъ болѣе замкнутую жизнь, боится сплетенъ. Въ маленькомъ городкѣ женщина не можетъ играть роль мужчины, не возбуждая общаго любопытства. Въ Парижѣ никто не заботится о томъ, что дѣлаетъ его сосѣдъ; тѣмъ лучше для него, если у него мужественная жена, облегчающая ему трудность существованія. Въ провинціи же женщину сейчасъ обвинять въ эксцентричности, а это самое крупное обвиненіе. На нее стануть показывать пальцами, распускать про нея двусмысленныя исторіи. Поэтому провинціальная женщина очень рѣдко отступаетъ отъ обыкновенныхъ женскихъ занятій. Она пассивна и вся предана дѣтямъ, служанкѣ, стиркѣ и варенью. Она царитъ дома, въ четырехъ стѣнахъ. Самое большое, если время отъ времени увидишь ея бѣлое лицо за окномъ, если какой-нибудь шумъ на улицѣ привлечетъ ее, и она приподниметъ уголокъ занавѣски кончикомъ пальцевъ. Ее встрѣчаешь въ церкви, изрѣдка на гуляньѣ, ведущею дѣтей, точно стадо. На югѣ рѣдко увидишь женъ съ ихъ мужьями внѣ дома; онѣ живутъ сами по себѣ, навѣщаютъ другъ дружку, вмѣстѣ выходятъ; мужчины сидятъ въ кофейнѣ или гуляютъ сами по себѣ. Если случайно мужъ и жена пройдутся по улицѣ, то не идутъ подъ руку, а идутъ рядомъ и кажутся очень сконфуженными. Тутъ мы видимъ какъ-бы уже преддверіе Востока: женщина живетъ взаперти, и мужчина старается скрыть ее отъ постороннихъ глазъ. Разъединеніе такъ велико, что жена почти всегда ничего не знаетъ про дѣла мужа. Весьма рѣдко увидишь, чтобы они работали, дѣйствовали сообща, какъ это такъ часто встрѣчаешь въ Парижѣ. Провинція мертва, безцвѣтна, полна предразсудковъ. Поэтому надежда умираетъ. Чиновникъ знаетъ, что останется всю жизнь чиновникомъ; лавочникъ можетъ съ точностью рассчитать, черезъ сколько лѣтъ ему можно будетъ удалиться отъ дѣлъ, накопивъ скудныхъ сбереженія. Это отсутствіе всего неожиданнаго окончательно усыпляетъ семью. Стоитъ ли хлопотать, двигаться, изобрѣтать, когда дѣло отъ этого нисколько не подвигнется впередъ? Жена сваливаетъ съ себя всякую отвѣтственность;

она ограничивается ролью хозяйки или же, если нервы не дадут ей покоя, ударится въ набожность и смиряетъ волненіе въ крови на холодныхъ плитахъ церквей.

Я показалъ, какъ умна женщина въ Парижѣ, принадлежащая къ среднему сословію. Она, по меньшей мѣрѣ, равна по уму мужчинамъ. Часто она даже униже его. Иныя сбиваются съ пути истиннаго, — берутъ любовниковъ. Это неизбежно, если онѣ кокетки или сладострастны. Тогда мужа не могутъ ихъ удовлетворить ни въ отношеніи любви, ни въ отношеніи денегъ. Они слишкомъ заняты для того, чтобы сидѣть вѣчно около жены, и не зарабатываютъ достаточно денегъ, чтобы окружить ихъ той роскошью, о которой онѣ мечтаютъ. Въ результатѣ оказывается безпутная жизнь, скрываемая зачастую съ большимъ искусствомъ. Онѣ ничѣмъ не выдаютъ себя, и можно заподозрить въ чемъ дѣло только потому, что онѣ слишкомъ богато одѣваются. Впрочемъ, измѣна супружеской вѣрности составляетъ исключеніе и, быть можетъ, въ среднемъ классѣ всего больше нравственности.

Жену чиновника или лавочника ждетъ не такая ужасная старость, какъ работницу. Она до конца сохраняетъ большой авторитетъ въ семьѣ. Зачастую ей обязана семья своимъ состояніемъ или, по крайней мѣрѣ, она сильно ему способствовала. Поэтому дѣти оказываются почтительными. Надо сказать, что общественное лице мѣрѣе начинается съ средняго сословія. У рабочаго слово выражаетъ мысль и во всей ея первобытной прямотѣ; отсюда жестокость, приводящая въ удивленіе и въ негодованіе: рабочій видитъ, что мать остается у него на рукахъ, и отарыто желаетъ ей смерти. У мелкаго рантиэ, у бюрократа, торговца, людей полу-образованныхъ, животный крикъ уже не такъ рѣзокъ; они подумаютъ про себя, что мать имъ въ тягость и что имъ было бы облегченіемъ, если бы она умерла; но они въ этомъ не признаются вслухъ и даже будутъ съ ней почтительны. Я говорю про мать, которая ничего не сумѣла приковать для себя. Ту же, у которой есть деньги, носить на рукахъ. Всѣ утомлены, всѣ вели трудовую жизнь и ложатся въ могилу, какъ на отдыхъ, послѣ долгаго трудового дня.

IV.

Перехожу къ высшей буржуазіи, женѣ чиновника судебного вѣдомства, штабъ-офицера, важнаго администратора, крупнаго промышленника — всѣхъ тѣхъ, у кого большое состояніе и высокое положеніе въ обществѣ.

Здѣсь женщина родится въ кружевахъ и окружается самыми нѣжными заботами. За недѣлю до родовъ мать не выходитъ изъ дому, а когда наступаютъ роды, даетъ себя усыпить, чтобы не чувствовать боли. Кормилица приготовлена заранѣе. Какъ только дѣвочка появится на свѣтъ божій, къ ея услугамъ имѣется цѣлый штатъ слугъ. Она спитъ на атласѣ; врачъ слѣдитъ за ея малѣйшимъ нездоровьемъ. Между тѣмъ, мать лежитъ недвижимо цѣлыхъ двѣ недѣли. Можно подумать, что она разобьется какъ стекло, если пошевелитъ маленькимъ пальцемъ. Затѣмъ ей позволяютъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ и лежать по цѣлымъ часамъ на кушеткѣ. Она заказала себѣ специальный туалетъ, какой-нибудь великолѣпный пенъюаръ и принимаетъ въ немъ визиты; всѣ пріятельницы перебиваютъ у нея одна за другой. Ребенокъ тутъ же, на рукахъ у кормилицы, завернутый въ царскія пеленки. Ему улыбаются, его цѣлуютъ среди самой одушевленной болтовни. Для свѣтской женщины материнство является предлогомъ для щегольства роскошью, точно обѣдъ или балъ.

Итакъ, маленькая дѣвочка съ самаго рожденія окружена нѣжностью и богатствомъ. Родители, быть можетъ, предпочли бы мальчика; но это мимолетная досада, имъ не приходится хлопотать о приданомъ или бояться улицы. Квартира просторная. У ребенка отдѣльная комната. Если онъ расплчется ночью, мать даже не услышитъ: кормилица успокоитъ его. Днемъ ему предоставляютъ другую комнату, полную игрушекъ, посылаютъ гулять съ кормилицей въ какой-нибудь общественный садъ, въ Тюльери или въ Люксембургъ, куда мать заѣзжаетъ за нимъ въ каретѣ, возвращаясь изъ Булонскаго-лѣса. Такимъ образомъ, жизнь распределена съ такимъ комфортомъ, что мать даже не замѣчаетъ, что у нея есть ребенокъ. Она немного похворала въ первые дни, пока молоко не пропало, но затѣмъ возобновила обычный образъ жизни, дѣлаетъ визиты, ѣздитъ въ театръ, обѣдаетъ въ гостяхъ, проводитъ ночи на балѣ, и не остается лишней минуты дома для дочери.

Эта послѣдняя растетъ какъ прелестная куколка. Она растетъ среди роскоши, на коврахъ. Ее переодѣваютъ два или три раза въ день въ фантастическіе и изысканные костюмы. Когда обѣдаютъ гости, то ее приводятъ въ гостиную, гдѣ всѣ цѣлуютъ ее и восхищаются ею, прежде чѣмъ сѣсть за столъ. Послѣ того она обѣдаетъ въ своей комнатѣ. Въ остальные дни она обѣдаетъ за столомъ родителей и учится хорошимъ манерамъ. Вскорѣ во всемъ она передразниваетъ мамашу. Это опять-таки воспитаніе путемъ примѣра. Дѣвочка естественно приспособляется къ теплицѣ, гдѣ обречена жить. Она ѣздитъ уже въ Булонскій-лѣсъ; лѣтомъ ее возятъ на морскія купанья, чтобы

укрѣпить ея маленькое тѣлице, и тамъ она набирается рѣзкихъ хватокъ, отъ которыхъ потомъ ея приходится отучать, зимою ея окружаетъ все та же роскошь, и вечеромъ она засыпаетъ подъ звукъ фортепьяно, когда у матери гости. Кромѣ того, у ней есть маленькія подружки, которыхъ она приглашаетъ къ себѣ на завтраки, сервированные великолѣпно, какъ обѣды большихъ. Случается даже, что она задаетъ балъ. Ей нѣтъ еще и шести лѣтъ, а она уже появляется въ свѣтѣ, среди дамъ, которыя шепчутся, сидя въ большихъ креслахъ салона ея матери, среди молодыхъ людей, съ которыми она уже кокетничаетъ и которые улыбаются, находя ея очаровательной.

Наступаетъ пора учиться. Часто мать претендуетъ на то, чтобы самѣй выучить ея азбукѣ. Но это ей скоро надоѣдаетъ, и ея замѣняетъ горничная. Теперь во Франціи такая мода: въ богатыхъ семьяхъ къ дѣтямъ приставляютъ нянекъ англичанокъ или нѣмокъ. Такимъ образомъ, дѣти привыкаютъ къ этимъ языкамъ, и къ тому времени, какъ имъ приходится изучать эти языки съ учителями, они уже практически къ нимъ подготовлены. Со времени нашихъ поражений въ 1870 г., семьи преимущественно выбираютъ нянекъ нѣмокъ; приходится намъ знакомиться съ Германіей. Считается бонтоннымъ приглашать учителей на домъ. Однако, въ большинствѣ семей высшей буржуазіи дочерей отдаютъ въ знаменитыя пансіоны, гдѣ платятъ очень дорого. Обученіе на-дому предоставляется аристократимъ.

Я скажу нѣсколько словъ про знаменитыя пансіоны; по моему мнѣнію, образованіе, получаемое въ нихъ, нелѣпо и неполно; не думаю, чтобы въ какой-нибудь другой странѣ молодыхъ дѣвушекъ воспитывали по такой нелѣпой программѣ. Во-первыхъ, ихъ оставляютъ въ полномъ невѣдѣніи всѣхъ практическихъ сторонъ жизни; онѣ научаются писать приблизительно правильно, имъ сообщаютъ кое-какіе факты изъ географіи и исторіи, знакомятъ слегка съ литературой; но этимъ и ограничиваются всѣ ихъ познанія; онѣ неспособны сшить себѣ платье, сварить супъ, провѣрить мѣсячный счетъ кухарки. Скажутъ, что онѣ не предназначены къ этимъ грубымъ занятіямъ. Безъ сомнѣнія. Но дѣло въ томъ, что онѣ избѣжали бы многихъ неприятностей впоследствии, если бы ихъ учили хозяйству. Впрочемъ, это еще не большая бѣда; когда богатая молодая женщина захочетъ ознакомиться съ хозяйствомъ, то всегда съумѣетъ этого достигнуть, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ игрушкой своихъ слугъ. Но что гораздо важнѣе, это духъ, направленіе пансіона-монастыря; это тотъ особый воздухъ, какимъ тамъ дышать и который часто портитъ на всю жизнь. Ее воспитываютъ для свѣта; ей вселяютъ всѣ бонтоныя предразсудки, ее превращаютъ въ модную куклу. Вотъ какъ надо

кляняться, а вотъ какъ думать. Есть рецепты для хорошихъ манеръ, равно какъ и для того, какъ вести себя во всѣхъ случаяхъ жизни. Ничего не можетъ быть плачевнѣе: естественная грація, оригинальность, все, что должно обуславливать личность, искажается, передѣлывается, отливается въ одну общую форму. Повинуются обычаю, *comme il faut* является непреложнымъ закономъ. Такимъ образомъ получаютъ эти куклы, населяющія салоны, эти легкомысленныя дуры, у которыхъ нѣтъ ничего оригинальнаго. Онѣ очень милы, только совсѣмъ пусты. Точно манекены, для примѣриванія модныхъ платьевъ. Я убѣжденъ, что нравственная и умственная несостоятельность нашихъ женщинъ, ихъ птичье щебетанье, отсутствіе всякой солидности въ характерѣ происходятъ единственно отъ тѣхъ дѣтъ, которыя онѣ теряютъ въ модныхъ пансіонахъ, славящихся своимъ бонтономъ.

Бонтонъ—вотъ что губитъ все во Франціи. Мы слишкомъ бонтоны. Въ нашихъ дѣвушкахъ развиваютъ только салонныя таланты. Нѣтъ дочери у портя, которая бы не мечтала объ урокахъ на фортепьяно. Въ наше время дѣтей сажаютъ за фортепьяно, какъ въ Спартѣ ихъ посылали въ гимназін. Фортепьяно краеугольный камень нашей цивилизаціи. Затѣмъ слѣдуютъ танцы, рисованіе, вышиваніе. Все это само-по-себѣ недурно. Но что недѣло, такъ это то, что на этомъ останавливается все обученіе; что въ нашихъ женщинахъ не воспитываютъ мужественнаго сердца и солиднаго ума.

Молодая дѣвушка выходитъ изъ монастыря. Поглядите на нее. Она ничего не знаетъ; мужу придется ее перевоспитывать, если онъ захочетъ столковаться съ нею. Образованіе и воспитаніе молодой дѣвушки основаны на слѣдующихъ принципахъ: мужу слѣдуетъ передать молодую дѣвушку вполне невинную, вполне неопытную; это товаръ, который ему вручаютъ съ полной гарантіей; послѣ этого мать умываетъ руки; роль ея окончена; отнынѣ отвѣтственнымъ лицомъ является одинъ мужъ. Изъ этого вытекаетъ преподаваніе и духъ большихъ пансіоновъ. Безусловное невѣдѣніе природы, общества, человѣка. Надо, чтобы молодая дѣвушка ничего не знала до замужства, надо держать ее подъ колпакомъ; пусть она остается ребенкомъ умственно и тѣлесно. Позднѣе она всему научится, если мужъ позволитъ, и она всему научается внезапно, въ одну недѣлю, въ одну ночь. Приходится пожалѣть мужа; потому что, вмѣсто разумаго существа ему зачастую преподносятъ своенравную куклу. За невѣдѣніемъ слѣдуетъ часто дьявольская наука. Женщина, незнающая съ жизнью, безсильна передъ опасностью. Эта же метода обличаетъ фальшивое положеніе дѣвицъ, поздно выходящихъ замужъ. Имъ стукнетъ тридцать лѣтъ, а онѣ все еще разгрызаютъ на-

ленькихъ дѣвочекъ. Мужья хотѣть, чтобы онѣ прикидывались невѣдущими, и онѣ изображаютъ изъ себя наивныхъ созданій и бываютъ крайне смѣшны.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что дѣвушки изъ высшей буржуазіи, выходящія изъ монастыря шестнадцати-семнадцати лѣтъ, отличаются абсолютнымъ невѣдѣніемъ, идеаломъ хорошаго воспитанія? Съ своей стороны я этому не вѣрю. Человѣческая природа вездѣ одна и та же; только форма мѣняется, смотря по средѣ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что безнравственность проявляется въ болѣе грубой формѣ въ престопадной школѣ, посѣщаемой дочерьми рабочихъ и лавочниковъ, чѣмъ въ знаменитомъ пансіонѣ, гдѣ воспитываются богатыя дѣвушки. Но тѣмъ не менѣе пороки гнѣздятся и въ этомъ послѣднемъ; онѣ только лицемѣриѣ, хитрѣе—вотъ и все. Вѣчныя шептанія, вѣчныя секреты, смутное пробужденіе всѣхъ женскихъ инстинктовъ. Вернувшись въ семью, дѣвушка сгораетъ отъ любопытства, но скрываетъ это, хитритъ. Кто скажетъ, что происходитъ въ душѣ одной изъ тѣхъ пансіонерокъ, у которыхъ такой глупый и смущенный видъ, которыя краснѣютъ, опускаютъ глаза, конфузятся и отвѣчаютъ вкривь и вкось?

Теперь остается выдать ее замужъ. Ее продержать дома нѣкоторое время, прежде чѣмъ вывести въ свѣтъ. Ее нужно отесать сперва. Мать продолжаетъ держать ее въ полномъ невѣдѣніи жизни, но одѣваетъ ее у того же портного, у котораго одѣвается сама, возить ее съ собой дѣлать визиты, наконецъ везетъ на балъ. Начинается свѣтское воспитаніе, салонная наука съ ея сдержанностью и безусловной невинностью тѣла и души. Невинность души, какъ это легко понять, чисто условная, въ особенности если молодая дѣвушка не выйдетъ замужъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Браки заключаются исключительно между равными по состоянію. Искрѣдка бываютъ взрывы страсти. Тогда происходитъ романъ. Но что до меня касается, то объявляю, что рѣдко видалъ, чтобы молодая дѣвушка съ миллионнымъ приданымъ выходила за мужъ за красивыхъ молодыхъ людей, не имѣющихъ состоянія и стоящихъ ниже по своему положенію въ обществѣ, чѣмъ онѣ. Чтобы встрѣтить такія приключенія надо читать романы Жоржъ-Санда и ея школы. Чаше случается, что богатые молодые люди женятся на дѣвушкахъ съ сомнительнымъ приданымъ. Это не такъ оскорбляетъ логику нашихъ нравовъ; у насъ всегда нѣсколько веселятъ на челоуѣка, который женится на миллионѣхъ, не имѣя за душой ничего, кромѣ платья, которое на немъ надѣто.

Молодая женщина замужемъ. Начинается совсѣмъ новая жизнь. Она свободна. Послѣ медоваго мѣсяца, проводимаго въ Италіи или

на берегахъ Рейна, мужъ возобновляетъ обычную жизнь; у него свои занятія, свои честолюбивые планы, занимающіе его; онъ ѣздитъ въ клубъ, водится со множествомъ людей, съ которыми его жена никогда не познакомится. Она, съ своей стороны, должна устроить себѣ жизнь. Тутъ будетъ ее руководить примѣръ матери. Она будетъ дѣлать то, чему была свидѣтельницей: будетъ ѣздить съ визитами, гулять, назначить приемный день у себя, будетъ заниматься туалетомъ и домоу, возиться съ прислугой, которая ее обкрадываетъ, будетъ давать каждую зиму нѣсколько обѣдовъ и нѣсколько баловъ. Существованіе богатыхъ женщинъ размѣрено, при всей кажущейся распущенности. Зимы слѣдуютъ одна за другой, и всѣ похожи между собой; каждая приноситъ одинъ и тѣ же развлечения. Лѣто она будетъ проводить или на берегахъ моря, или въ деревнѣ. Хуже всего то, что молодая женщина страшно утомляется. Нельзя представить себѣ, до какой степени бываетъ много хлопотъ для хозяйки дома въ Парижѣ, желающей принимать у себя гостей. Надо, во-первыхъ, самой ѣздить на вечера и обѣды и давать вечера и обѣды, постоянно поддерживать сношенія съ цѣлой толпой людей. Впрочемъ, она бы очень скучала, если бы у ней не было этихъ хлопотъ. Утромъ дѣти займутъ ее на минуту; но затѣмъ она довольствуется надзоромъ за няньками, которымъ ихъ поручаетъ. Если хозяйство ея хорошо налажено, то ей остается только думать о себѣ, о той роли, какую она должна играть въ свѣтѣ.

Мужъ занимается дѣлами, дѣлаетъ карьеру или увеличиваетъ свое состояніе. Женѣ предоставляется вести домоу, и она старается сдѣлать его какъ можно болѣе пріятнымъ и богатымъ. Вся ея наука заключается въ томъ, чтобы быть достойной женой своего мужа, устроить ему подходящую обстановку.

Парижанки отличаются этимъ искусствомъ. Нѣкоторыя любятъ шумъ и необузданную роскошь, но большинство отлично знаютъ, какія рамки приличны для ихъ хозяйства. Онѣ вполне входятъ въ свою роль. Онѣ обязаны своему свѣтскому воспитанію хоть этимъ. Нѣкоторыя даже царятъ въ свѣтѣ, благодаря своему салону. Я займусь салономъ вообще, когда буду анализировать женщину-аристократку.

Въ провинціи, само-собой разумѣется, условія мѣняются. Во-первыхъ, молодую дѣвушку держатъ еще строже и невѣдѣніе ея становится абсолютнымъ. Выходи изъ монастыря, она не получаетъ свѣтскаго воспитанія, которое должно ее отесать. Поэтому она остается неловкой, чопорной, исполненной предразсудковъ. Она выходитъ замужъ и запирается въ четырехъ стѣнахъ. Балы, обѣды и даже простые приемы очень рѣдки въ провинціи. Мало туалетовъ, праздна

жизнь, роковымъ образомъ приводящая къ ханжеству. Домашняя жизнь неинтересна. Женщина натянута-въжиза; если она лицемѣрка, то доводитъ свое лицемѣріе до послѣдней степени. Въ сущности, подъ маской ригоризма и за исключеніемъ воспитанія дѣтей, за которымъ она наблюдаетъ очень строго, роль ея весьма ничтожна. Она живетъ бѣдной затворницей въ безмолвномъ домѣ, и, правда, всемогуща въ хозяйствѣ, но почти никогда не помогаетъ мужу своей граціей и свѣтской ловкостью.

Вопросъ о нравственности здѣсь особенно щекотливъ. Безъ сомнѣнія, женщина, предоставленная самой себѣ, праядная, особенно доступна соблазну. Но надо сказать, что утонченность воспитанія, матеріальное благосостояніе и комфортъ обстановки держатъ ихъ на уздѣ. За границей французскія женщины считаются легкомысленными. Онѣ, въ самомъ дѣлѣ, вѣтрены, но если сравнить ихъ съ женщинами сосѣднихъ странъ, то онѣ окажутся менѣ развратными. У нихъ есть воля, которая ихъ спасаетъ. Вдобавокъ, онѣ не страстнаго темперамента и довольствуются головными увлеченіями. Онѣ далеко заходятъ въ шалостяхъ, но останавливаются передъ глупостью, которая бы ихъ могла скомпрометтировать. Весьма немногія согласятся стать пассивнымъ орудіемъ. Я говорю, разумѣется, про женщинъ высшаго класса. Когда одна изъ нихъ рѣшится измѣнить супружеской вѣрности, то почти всегда въ этомъ виноватъ мужъ, или же существуютъ особыя причины, которыя все объясняютъ.

Женщина изъ высшей буржуазіи старится и умираетъ окруженная всякимъ почетомъ. У ней есть свое собственное состояніе, иногда очень значительное. Пристроивъ дѣтей, она сохраняетъ обширный кругъ знакомства, даже и тогда, когда овдовѣетъ. Я знавалъ милліонныхъ старухъ, салоны которыхъ всегда бывали биткомъ набиты. Лѣта или житейскій опытъ исправляетъ недостатки воспитанія. Женщина становится превосходной, снисходительной; она все знаетъ, обо всемъ говоритъ съ улыбкой и отреклась отъ всякихъ претензій. И она умираетъ такою, какою я желалъ бы, чтобы она была, когда ее выдаютъ замужъ.

V.

Закончу мои очерки женщиной-аристократкой.

При этомъ я буду говорить не объ однихъ только титулованныхъ женщинахъ. Я присоединю къ этой группѣ женщинъ, играющихъ крупную роль, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ или рѣдкому уму.

Французское дворянство отличается простотой, неизвестной въ буржуазии. Эта послѣдняя никакъ не можетъ отдѣлаться отъ нѣкоторой чопорности; въ ней замѣтна снѣсь богатства, нажитаго собственными трудами. Ничего подобнаго не бываетъ въ дворянской семьѣ. Изящество въ немъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Впрочемъ, надо условиться на-счетъ слова изящество; я знавала маржизовъ, которые походили на масликовъ. Но всѣ, красныя и некрасныя, элегантныя и дубоватыя, отличаются непринужденной развязностью въ обращеніи, привычкой быть или ставить себя выше другихъ.

Такъ, одинъ мой пріятель живописецъ, приглашенный въ замокъ одной изъ нашихъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, дивился простотѣ ихъ домашней жизни: мужчины приходятъ завтракать въ курткахъ и въ туфляхъ, женщины въ простыхъ пеньюарахъ; всѣ непринужденно и слегка даже вольно разговариваютъ. „Точно артисты“,—повторялъ мой живописецъ.

Замѣчаніе его мило и глубоко. Можно было бы многое сказать объ этой добродушной агоніи нашего дворянства: но я изучаю теперь только женщину.

Когда въ дворянской семьѣ родится дочь, то все происходитъ почти такъ, какъ и въ буржуазной семьѣ; но только парада меньше. Если еще нѣтъ мальчика, который долженъ служить представителемъ имени, то дѣвочку встрѣчаютъ съ затаеннымъ горемъ. Въ былое время дѣвочки ждало заточеніе въ монастырь, въ особенности если состояніе не позволяло дать за ними большого приданаго. Въ настоящее время дворянской снѣси нанесены тяжкіе удары, и дворяне выдаютъ своихъ дочерей за разночинцевъ, и весьма немногія поступаютъ въ монастырь.

Но вотъ приглашается кормилица. У дѣвочки есть свои отдѣльные апартаменты и своя собственная прислуга. Описывая дальнѣйшее, мнѣ пришлось бы повторяться, такъ какъ буржуазныя семьи переразвиваютъ дворянъ. Разница замѣчается только тогда, когда дѣвочки приходятъ пора учиться. Немногія дворянскія семьи отдадутъ своихъ дочерей въ пансіонъ. Обыкновенно приглашаютъ учителей въ-домъ; сначала берутъ гувернантку для первоначальнаго обученія; поодиѣ нанимаютъ учителя исторіи, учителя ариметики, учителя иностранныхъ языковъ, не считая учителей музыки, танцевъ и рисованія. Но результаты ученія одинаковы, и при домашнемъ обученіи и при обученіи въ пансіонахъ—образованіе дается самое поверхностное; можно по пальцамъ перечесть женщинъ, которыхъ нельзя назвать новѣждами, съ обрывками кое-какихъ познаній. Воспитаніе представляетъ еще одну любопытную особенность. Новѣйшее добродушіе,

современная фамильярность заразили самыя старинныя фамиліи. Въ былое время дѣтей воспитывали въ страхѣ и почтеніи родительскомъ. Они относились къ нимъ какъ къ всеильнымъ господамъ, никогда не были съ ними на „ты“, обѣдали съ ними лишь тогда, когда приходили въ возрастъ и наблюдали относительно ихъ строжайшій этикетъ. Здраваться и прощаться было настоящей церемоніей. Въ настоящее время, эти строгія отношенія сохранились лишь въ немногихъ семьяхъ; чаще всего, если мать и дочь не говорятъ другъ другу *ты*, то все же живутъ на дружеской, равной ногѣ. Революція преобразила нравы и ввела нѣкотораго рода товарищескія отношенія между дѣтьми и родителями. Въ настоящее время переворотъ почти совершился, общество готово пересоздаться сообразно этому новому типу семейныхъ отношеній. Ученіе Руссо и нивелирующія идеи 89 г. отразились и тутъ. Въ настоящее время встрѣтишь гораздо больше церемонной чопорности у буржуазіи, чѣмъ у аристократіи.

Молодая дѣвушка, дворянскаго происхожденія, воспитанная дама, оберегается отъ всякихъ столкновеній. Она сохраняетъ идеальную невинность. Къ тому же, фамильная гордость служитъ охраной. Принцессы дочерей графовъ или маркизовъ, сбивающихся съ пути, весьма рѣдки; надо попасть на большую. Все ихъ охраняетъ. И совсѣмъ тѣмъ въ высшихъ именно классахъ бракъ всего грубѣе.

Изъ трехъ разъ, два—будущіе супруги не знаютъ другъ друга. Родные порѣшили женить ихъ; состоянія у нихъ равны; положеніе также, ихъ представляютъ другъ другу въ какомъ-нибудь салонѣ, и послѣ законныхъ проволочекъ молодую дѣвушку внезапно толкаютъ въ объятія молодого человѣка. Тутъ не то, что у простонародья, гдѣ молодая почти всегда искушена опытомъ; не то даже, что у буржуазіи, гдѣ молодые знакомы между собой и знаютъ, что дѣлаютъ. Тутъ происходитъ настоящее насиліе. По-моему, это возмутительно.

И поглядите, какой результатъ всего этого. Я убѣжденъ, что если въ высшихъ классахъ мужъ и жена живутъ болѣею частью обособленною жизнью, то причину этому слѣдуетъ искать въ отвращеніи и негодovanіи, возбуждаемыхъ такимъ насильственнымъ бракомъ. Ихъ соединили невзначай—что же удивительнаго, что опытъ не удастся,—и является глухое недовольство, затѣмъ холодность, наконецъ, полный разрывъ. У мужа съ женой нѣтъ ничего общаго. Тѣ, которые не разсорятся, вполне равнодушны другъ къ другу. Жена ведетъ самостоятельную жизнь; у ней свой кругъ знакомыхъ, свои удовольствія, свои горести, свое состояніе. Кажущееся сближеніе происходитъ только въ пріемные дни или въ торжественные случаи. Опять-таки я говорю про большинство, не останавливаясь на исключеніяхъ.

Религія натурально играетъ большую роль въ жизни богатой жен-

щаны, средняго класса или титулованной. Многія ходять въ церкви по привычкѣ. Ихъ съ дѣтства приучили ходить въ церковь въ извѣстныхъ случаяхъ; онѣ сочли бы неблаговоспитанностью, если бы нарушили эту привычку послѣ брака. Я не хочу этимъ сказать, что онѣ лицемерки; напротивъ того, онѣ вполне вѣрятъ въ свои религіозныя обязанности; онѣ считаютъ, что особы ихъ круга должны любить Бога и показывать свою набожность публично. Другія ищутъ въ религіи удовлетворенія страсти, которой нѣтъ иного исхода. Разъединенныя съ мужьями, не желая измѣнить супружеской вѣрности, онѣ прибѣгаютъ къ Богу и ищутъ успокоенія въ божественной любви. Эти послѣднія зачастую бываютъ своенравны; ихъ набожность имѣетъ припадочный характеръ; пройдетъ припадокъ — и набожность ослабѣваетъ. Наконецъ, бываютъ халжи изъ любви въ искусству. Это особый типъ. Онѣ твердо вѣрятъ, и всю жизнь полагаютъ въ этомъ. Во Франціи, гдѣ невѣріе такъ распространено, гдѣ равнодушіе къ религіи составляетъ общее правило, женщины остаются самымъ мощнымъ орудіемъ духовенства. Если оно еще царитъ, если оно пользуется нѣкоторымъ могуществомъ, то благодаря имъ. Женщины парижскаго простонародья измѣнили духовенству. Но провинціальныя женщины и женщины высшихъ классовъ въ ихъ рукахъ. Впрочемъ, вліяніе женщинъ въ этомъ случаѣ отражается больше на нравахъ, нежели на вѣрованіяхъ. Не замѣтно, чтобы онѣ обращали Францію къ католицизму, несмотря на глухую кампанію патеровъ; но общественная роль ихъ очень замѣтна.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи французская женщина царила и оказывала большое вліяніе на современное общество. Она обладала своимъ могуществомъ той сферѣ, гдѣ она была царицей; я говорю про салоны. Салоны дали ей оружіе въ руки и обезпечили ей торжество. Она была въ нихъ безусловной госпожой, и у ногъ ея толпились всѣ мужчины; она управляла ими, благодаря своему уму и граціи. Она умѣла вести бесѣду, занималась литературой, политикой у своего камелья; толкала мужчинъ туда, куда хотѣла. Ея царство было историческимъ послѣдствіемъ; нѣсколько поколѣній работало на то, чтобы создать это великое движеніе во французскомъ обществѣ. Весь умъ націи работалъ въ этомъ направленіи, женщины вдохновляли это умственное движеніе, долженствовавшее предшествовать революціи. Въ нашу эпоху, времена перемѣнились. Революція роковымъ образомъ унесла старинные салоны, гдѣ разговаривали такъ остроумно, и гдѣ философскія новизны возбуждали такое страстное любопытство. Женщины сходятъ со сцены, когда мужчины дерутся. При имперіи пытались возобновить салоны; правительства слѣдовали одно за другимъ: имперія, реставрація, іюльская монархія, но

не могли воскресить прежнихъ нравовъ. Женщины утратили свое могущество въ новомъ обществѣ, черезъ-чуръ дѣятельномъ и торопливомъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, чтобы увлекаться прелестью вечера, проведеннаго среди умныхъ людей, подъ любезной ферулой козылки дома.

Тѣмъ не менѣе, женщина не совсѣмъ отреклась отъ престола, и вотъ къ этому-то я и веду свою рѣчь. Салоны все еще существуютъ, не такіе шумные, менѣе вліятельные, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать ихъ дѣйствія. Я не говорю про литературные салоны; эти послѣдніе, по-моему, совсѣмъ заглохли. Писатели продолжаютъ собираться у какого-нибудь „снята чулка“ или дамы двусмысленнаго положенія въ обществѣ, но это водится только у забудлыгъ, у оборванныхъ поэтовъ, которые рады ужину и восторгамъ котерин. Единственные серьезные салоны, гдѣ разсуждаютъ о литературѣ—это салоны академическіе, живущіе сожалѣніями о прошломъ и не имѣющими никакого вліянія на современное литературное движеніе; да и въ нихъ вторгается политика, и литература является лишь орудіемъ партій. Въ настоящую минуту литературная анархія слишкомъ велика, для того, чтобы порядочная женщина могла принимать писателей. Если она допуститъ одну какую-нибудь группу, выйдетъ очень замкнутый кружокъ; если она пуститъ всѣхъ—выйдетъ толгучій рынокъ. Мы слишкомъ отчаянно сражаемся, чтобы находить наслажденіе по вечерамъ въ поверхностной и скептической болтовнѣ. Итакъ, единственные существующіе салоны—это салоны политическіе, и о нихъ можно было бы написать весьма любопытный очеркъ. Я могу лишь вскользь коснуться ихъ. Всѣмъ извѣстно, что въ эти послѣднія семь лѣтъ женщины играли роль во всѣхъ кризисахъ, происходившихъ въ Версалѣ. 24-го мая (16-го мая) заговоры консерваторовъ долго зрѣли въ нѣкоторыхъ салонахъ, прежде чѣмъ выйти на свѣтъ Божій. Эти салоны—салоны аристократическіе, мало извѣстнае публикѣ, потому что окружаютъ себя надменной неприступностью; женщины съ весьма пронзливимъ умомъ руководятъ ими; онѣ срываются за извѣстными политическими дѣятелями, вдохновляютъ, направляютъ ихъ, зачастую вызываютъ такіа усложненія, отъ которыхъ Франція страдаетъ въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ. Я всегда мечталъ о томъ, чтобы какой-нибудь романистъ написалъ исторію перемены министерства, изучивъ всѣ личности, дѣйствующія въ ней, и показавъ заулысное вліяніе женщины на мужчину. Впрочемъ, есть также и республиканскіе салоны. Нѣкоторые очень извѣстны. Во главѣ ихъ стоятъ очень умныя женщины, которыя поняли, какія услуги онѣ могутъ оказать, устроивъ приемы визитовъ, гдѣ могли бы встрѣчаться

люди, которыхъ раздѣляютъ какіе-нибудь отгѣнки въ мнѣніяхъ и которые могутъ враждовать другъ съ другомъ, если не будутъ имѣть случая видѣться и столковаться. Одинъ изъ такихъ салоновъ имѣлъ большое вліяніе на послѣднія событія; въ немъ устранены были многія затрудненія, казавшіяся непреодолимыми; въ немъ изобрѣли политику уступокъ, благодаря которой избѣгали до сихъ поръ опасныхъ столкновеній.

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается высокая роль женщины, принадлежащей къ высшей буржуазіи или къ аристократіи. Она вмѣшивается въ общественную жизнь, благодаря своему вліянію на окружающихъ ее мужчинъ. Во Франціи эта роль всегда имѣла капитальное значеніе. Правда, что она выпадаетъ на долю лишь немногихъ, привилегированныхъ женщинъ. Но, спускаясь ниже, мы не перестаемъ замѣчать слѣды вліянія женщины; оно чувствуется во всемъ, въ мелкихъ вещахъ, какъ и въ крупныхъ—это происходитъ оттого, что у насъ женщина, несмотря на недостаточность своего образованія и на дурное воспитаніе, отъ природы очень умна, дѣятельна и привлекательна. Привлекательность обезпечиваетъ ея могущество, умъ и дѣятельность заставляютъ совершать очень хорошія и очень худыя дѣла. Начиная чуть не отъ женщины простонародья и кончая важной дамой — всѣ вліятельны, всѣ играютъ роль могучихъ общественныхъ агентовъ въ тотъ моментъ, когда какое-нибудь историческое движеніе выдвинетъ ихъ на сцену.

Эмиль Зола.

ИЗВѢСТІЯ

Извлеченіе изъ полугодоваго отчета Кишиневскаго Общества пособія нуждающимся въ образованіи. 11 декабря 1877 г. — 1 іюня 1878 г.

Кишиневское Общество пособія нуждающимся въ образованіи открыло свои дѣйствія 11 декабря 1877 года. Въ настоящее время Общество пособія состоитъ: изъ 5 членовъ, сдѣлавшихъ единовременный членскій взносъ по 100 руб., и изъ 286 членовъ съ ежегодными членскими взносами отъ 5 до 100 р.

Въ составъ Правленія вошли 12 членовъ, избранныхъ Общиною Собраніемъ, а они избрали изъ среды себя предѣвателемъ О. Н. Катаржи, казначеемъ К. А. Шмидта и секретаремъ Х. С. Кирова.

Главная задача, которую преслѣдовало Правленіе въ первое полугодіе, это — привлеченіе возможно болѣешихъ средствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно болѣешее матеріальное обезпеченіе Общества, а также правильная раздача пособій. Для этой цѣли оно устроило балъ и концертъ на усиленіе средствъ Общества, обратилось за пособіемъ къ еврейскому обществу, Александро-Невскому Братству и предѣвателямъ уѣздныхъ управъ, и старалось привлечь возможно болѣе число членовъ Общества. Результатъ дѣятельности Правленія въ этомъ направленіи можно усмотрѣть изъ денежнаго отчета его. Для болѣе широкаго же обезпеченія Общества, Правленіе предположило обращать всѣ единовременные взносы въ запасный капиталъ, о чемъ и представляется отдѣльный докладъ Общему Собранію.

Средства Общества въ первомъ полугодіи состояли изъ: а) членскихъ взносовъ 1878 года; б) членскихъ взносовъ 1878 и 1879 гг.; в) сбора съ бала и концерта; г) пожертвованій и д) другихъ случайныхъ доходовъ.

Въ теченіи полугодія Правленіемъ были разсмотрѣны 154 просьбы о пособіи, изъ нихъ разрѣшены пособія 114 лицамъ, изъ коихъ 107 получили и получаютъ уже пособіе, а 7 лицъ еще не явились за полученіемъ; отказано же въ пособіи по разнымъ причинамъ 40 лицамъ.

Приступивъ къ выдачѣ пособій, Правленіе предварительно разрѣшило слѣдующіе вопросы: 1) какому роду пособій отдать въ началѣ преимущество, и 2) израсходовать ли всѣ средства Общества, по мѣрѣ поступленія заявленій о пособіи, или же распредѣлять всѣ капиталы Общества на двѣ части, изъ коихъ первую расходовать въ первомъ полугодіи 1878 года, а послѣднюю — во 2-мъ.

Имѣя въ виду значительное количество недостаточныхъ воспитан-

никовъ всѣхъ кишиневскихъ учебныхъ заведеній, а равно то обстоятельство, что, съ открытіемъ Общества пособія, средства учебныхъ заведеній, поддерживаемыя балами и спектаклями, иссякнули, Правленіе нашло нужнымъ прежде всего рассмотреть просьбы объ уплатѣ недостаточныхъ воспитанниковъ за право ученія и затѣмъ уже приступить къ выдачѣ пособій другого рода.

Для этой цѣли было предложено начальникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній представить Правленію списки лицъ, не уплатившихъ за право ученія и не освобожденныхъ отъ нея учебными заведеніями, рассмотреть которые, совмѣстно съ начальниками означенныхъ заведеній, Правленіе остановилось на самыхъ недимущихъ и уплатило за нихъ за ученіе. Что же касается второго вопроса, то, имѣя въ виду, что воспитанники учебныхъ заведеній болѣе всего нуждаются зимой, т.-е. во второй половинѣ года, такъ какъ тогда приходится приобретать книги и теплую одежду, Правленіе нашло нужнымъ не израсходовать всѣ наличныя свои средства въ первой половинѣ года, такъ какъ неизвѣстно, какими средствами можетъ располагать Общество во второй, а распредѣлявъ всѣ наличныя и имѣющіе поступить капиталы на двѣ части, израсходовать въ первой половинѣ года только половину всѣхъ наличныхъ капиталовъ, остальную же половину расходовать во второмъ полугодіи.

Всѣ пособія, выданныя Правленіемъ въ первомъ полугодіи, можно раздѣлить на 6 категорій: 1) уплата за ученіе недостаточныхъ воспитанниковъ кишиневскихъ учебныхъ заведеній; 2) наемъ квартиръ; 3) снабженіе платьемъ и обувью; 4) наемъ репетиторовъ; 5) единовременныя пособія, и 6) содержаніе воспитанниковъ въ техническихъ заведеніяхъ.

Несмотря на сочувствіе, оказанное мѣстнымъ обществомъ Обществу пособія нуждающимся въ образованіи, выразившееся въ значительныхъ суммахъ, поступившихъ въ кассу Общества, наличныя средства Общества не въ состояніи удовлетворить всѣ нужды лицъ, обращающихся за пособіемъ, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, Правленію приходится ограничивать до минимума размѣръ пособія. Въ виду этого, желательно было бы, чтобы всѣ члены Общества приняла на себя заботу объ увеличеніи средствъ Общества.

Состояніе кассы на 1-е іюля 1878 года.

I. Поступило: 1) Членскихъ взносовъ 1878 года:

а) единовременныхъ	500 р. — к.
б) ежегодныхъ	1643 > — >
2) членскихъ взносовъ за 1879 и 1880 годы	20 > — >
3) Сбора съ бала и концерта, данныхъ въ пользу Общества	1151 > 30 >
4) Пожертвовано разными лицами	513 > 30 >
5) Поступило % на капиталъ, обращавшійся въ Банкъ въ 1877 году	— > 77 >
6) Отъ продажи Уставовъ	13 > 95 >

А всего . . 3842 р. 32 к.

II. Выдано:	а) На канцелярскія надобности	16 р. 25 к.
	б) Пособій на покупку бѣлья	108 » — »
	в) На наемъ квартиры	247 » — »
	г) Единовременныхъ пособій	413 » — »
	д) На уплату за ученіе	864 » — »
	е) На наемъ репетиторовъ	35 » — »
	в) На содержаніе стипендіата въ рисовальномъ училищѣ въ Одессѣ	45 » — »
	и) Въ ссуду одному лицу	50 » — »

А всего израсходовано . 1778 р. 25 к.

Осталось къ 1 іюля неизрасходованными . 2064 р. 7 к.

Примечаніе. Зачтено въ запасной капиталъ, на основаніи § 16 устава, 193 р. 16 к. Эта сумма числится въ суммѣ наличнаго остатка на 1 іюля 1878 г.

М. СТАСОВЛЕВИЧЪ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

КАКЪ

П О Э Т Ъ

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ исполнится годъ со смерти Некрасова, а полная оцѣнка его поэзіи—этой страницы изъ русской жизни, все еще остается почти столько же преждевременною, какою она была въ самый день смерти поэта. Источники, откуда его поэзія черпала свои вдохновенія, еще не изсякли; вопросы, которыхъ она касалась, еще не разрѣшены, да и не близки къ разрѣшенію. Какъ поэзія общественной, а не индивидуальной, внутренней жизни, она вызываетъ горячее сочувствіе — съ одной стороны, горячій протестъ — съ другой, и для спокойно-критическаго къ ней отношенія остается, между двумя противоположными стремленіями, немного мѣста. Кромѣ того, и теперь мы не имѣемъ сколько-нибудь полной біографіи Некрасова; свѣдѣнія, до-сихъ-поръ сообщенныя объ его жизни, крайне отрывочны и скудны — впрочемъ, это и понятно, такъ какъ біографія Некрасова есть вмѣстѣ съ тѣмъ не только біографія ближайшихъ его друзей и сотрудниковъ, изъ которыхъ многіе еще живы, но и исторія цѣлаго періода русской журналистики, еще не совсѣмъ законченнаго. Для пишущаго эти строки недостаточность общедоступныхъ данныхъ не восполняется личнымъ знакомствомъ съ Некрасовымъ, котораго онъ зналъ весьма мало. Предлагаемый очеркъ — не характеристика умершаго поэта, а просто сумма впечатлѣній и мыслей, вынесенныхъ изъ многолѣтняго чтенія и изученія его произведеній...

Быль ли Некрасовъ истиннымъ поэтомъ, или только публицистомъ, перелавшимъ въ болѣе или менѣе удачныя стихи иногда свои, болѣею частью—чужія мысли? Въ виду восторженнаго одобренія, столько разъ привѣтствовавшаго лучшія произведенія Некрасова и переходившаго по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, въ виду глубокой грусти, съ которою была принята вѣсть объ его смерти, — этотъ вопросъ представляется съ перваго взгляда по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Минутный успѣхъ, короткое увлеченіе выпадаютъ и на долю посредственности — стоить только вспомнить судьбу стихотвореній Бенедиктова, — но удержаться на однажды достигнутой высотѣ цѣлую четверть вѣка, при самыхъ различныхъ условіяхъ, можетъ только дарованіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, и притомъ нашедшее свой настоящій путь, естественную форму для своего выраженія. Тѣмъ не менѣе, указанный нами вопросъ ставится довольно настойчиво и въ разговорахъ, и въ литературѣ. Въ пользу отрицательнаго разрѣшенія его приводятся два главные аргумента: Некрасовъ не владелъ стихомъ, Некрасовъ былъ писателемъ *тенденціознымъ*, замкнутымъ въ *спеціальному чуланчикъ* ¹⁾ узкой литературной котеріи, слишкомъ часто работавшимъ по ея заказу.

«Даръ стихотворной рѣчи, — говоритъ одинъ изъ критиковъ Некрасова, — есть особенный, рѣдко кому свойственный, талантъ выражать свои мысли и образы въ болѣе сжатой, болѣе яркой и музыкальной формѣ, чѣмъ обыкновенная рѣчь; слѣдовательно, братья за эту форму въ правѣ только тѣ писатели, которые дѣйствительно могутъ достигнуть этихъ преимуществъ стиха надъ прозою. Стихъ поэта долженъ быть выкованъ какъ сталь, долженъ носить въ себѣ столько же упругости, силы и звонкости. Если, вмѣстѣ этого, стихи являются только нарубленными кусками прозы и носятъ на себѣ не слѣды внутренняго вулкана, выбросившаго ихъ наружу, а слѣды долговременной холодной работы, искалчившей естественное теченіе рѣчи, то преимущество откровенной прозы надъ такими фальшивыми стихами будетъ несомнѣнно». Теперь, когда біографіи поэтовъ, ихъ перенесенная и черновыя рукописи познакомили насъ съ внѣшнимъ процессомъ поэтическаго творчества, довольно странно слышать повтореніе старыхъ фразъ о какихъ-то вулканахъ, вырывающихся въ груди поэта и выбрасывающихся наружу готовыми поэтическими произведеніями.

¹⁾ Мы подчеркиваемъ здѣсь и будемъ подчеркивать тѣ выраженія, которыя заимствуемъ буквально изъ критическихъ статей о Некрасовѣ.

Поэтическое вдохновеніе нисколько не исключаетъ *домовременной* и даже *холодной работы* надъ стихомъ, надъ его отдѣлкой и полировкой; нельзя же предполагать, чтобы Пушкинъ, напримеръ—мы нарочно беремъ одного изъ величайшихъ мастеровъ поэтического слова — находился въ поэтическомъ экстазѣ, когда думалъ о томъ, сказать ли: «на битву двинулъ онъ полки» или «на русскихъ двинулъ онъ полки», когда дѣлалъ вообще одну изъ безчисленныхъ поправокъ, пестрящихъ первоначальные наброски его поэмъ. Искусство поэта заключается не въ томъ, чтобы избѣжать такой работы, а въ томъ, чтобы по возможности сгладить слѣды ея. Не въ этомъ искусствѣ, однако, настоящее мѣрило для оцѣнки поэтического таланта, даже со стороны формы. Оно встрѣчается иногда у писателей ничѣмъ не выдающихся (напр., у Платена) и не встрѣчается у поэтовъ первостепенныхъ (напр., у В. Гюго). Пускай стихъ носить на себѣ отпечатокъ труда, котораго онъ стѣнитъ автору, лишь бы только онъ усиливалъ, а не ослаблялъ впечатлѣніе, производимое выраженной въ немъ мыслью, лишь бы только онъ сообщалъ ей то неотразимое обаяніе, котораго такъ рѣдко можетъ достигнуть обыкновенная прозаическая рѣчь. Для этого вовсе не необходимо, чтобы онъ былъ *выкованъ какъ сталь* и обладалъ ея звонкостью; необходимо только одно: возможно большее соотвѣтствіе между содержаніемъ и художественной формой. Если энергическому порыву естественно выразиться въ звучныхъ, съжатыхъ, бьющихъ какъ молотъ стихахъ, то мягкое, нѣжное чувство, смутная, неопредѣленная мечта столь же естественно укладываются въ другую рамку — менѣе рѣзкихъ и строгихъ очертаній.

Полная гармонія мысли и образа и великимъ поэтамъ дается далеко не всегда; это одна изъ причинъ, почему немногія, сравнительно, изъ ихъ произведеній — въ особенности лирическихъ — надолго сохраняютъ притягательную силу; но за то въ этихъ немногихъ произведеніяхъ — если идея, въ нихъ вложенная, чувство, ихъ вызвавшее, имѣютъ общее, непреходящее значеніе — вся мощь поэта, всѣ права его на прочную славу. Много ли найдется мелкихъ стихотвореній Гёте и Шиллера, которыя до сихъ поръ читались бы и перечитывались самими горячими поклонниками этихъ поэтовъ? Но за то эти стихотворенія — истинные перлы нѣмецкой, или, лучше сказать, общеевропейской поэзіи. Еще меньше, по всей вѣроятности, уцѣлѣтъ изъ лирическихъ стихотвореній В. Гюго, несмотря на всю ихъ многочисленность. Альфредъ Мюссе — несомнѣнно одинъ изъ первыхъ французскихъ поэтовъ; но если бы рассмотреть

подробно, въ чемъ именно заключается его неуязвимая прелесть, то къ «Rolla» и «les Nuits» пришлось бы присоединить развѣ еще пять-шесть небольшихъ стихотвореній. Барбье написалъ вообще весьма немного, и изъ этого немногатаго выдаются только нѣкоторыя его «Ямбы»; но ихъ вполне достаточно, чтобы упочить за нимъ мѣсто рядомъ съ Мюссе и В. Гюго. Поэтическая дѣятельность Лермонтова прервалась почти въ самомъ началѣ, и далеко не все написанное имъ, даже въ зрѣлыя годы его творчества, отмѣчено печатью его гениа; но развѣ онъ вслѣдствіе того менѣе дорогъ намъ, чѣмъ Пушкинъ? Связаннымъ выше отчасти обуславливается задача критики, когда она имѣетъ въ виду не оцѣнку отдѣльнаго произведенія, не систематическое изслѣдованіе каждаго шага въ исторіи развитія писателя, а общую характеристику его творчества, его законченной дѣятельности. Она можетъ и должна, конечно, указывать и объяснять слабыя стороны этой дѣятельности, чтобы подвести точный итогъ ея результатамъ; но она не должна упускать изъ виду, что въ послѣднемъ счетѣ значеніе поэта все-таки опредѣляется сильными сторонами, лучшими произведеніями его. Они одни будутъ жить въ памяти потомства, когда все остальное будетъ давно забыто; они одни хранятъ въ себѣ черты истинной фizioноміи писателя. Разрѣшеніе вопроса, обладалъ ли Некрасовъ даромъ стихотворной рѣчи, зависитъ, слѣдовательно, не отъ того, часто ли и много ли онъ грѣшилъ противъ законовъ этой рѣчи, а отъ того, воввышался ли онъ иногда до неподдѣльной, искренней поэзіи. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то придется признать, что самъ Некрасовъ относился къ себѣ слишкомъ строго. Его слова: «нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной, мой суровый, неуклюжій стихъ» — послужили его критикамъ тѣмой для многочисленныхъ варіацій, причемъ въ *неуклюжести* щедро были прибавляемы: *сухость*, *невыразительность*, *натяннутость* и т. п. Мы видимъ въ этомъ явное недоразумѣніе. Некрасовъ — писатель до крайности неровный. Если онъ относится къ своему предмету равнодушно, если въ немъ не говорить ни «мстительное чувство», ни въ особенности «догорающая, теплющаяся любовь», онъ часто пишетъ холодно, прозаично, ищетъ и не находитъ подходящаго слова; но если онъ, даже при такомъ неблагоприятномъ настроеніи, при неудачно-выбранномъ сюжетѣ, случайно воснется знакомой, любимой тѣмъ, случайно выведетъ въ себѣ близкій, дорогой сердцу образъ, — въ его стихѣ происходитъ внезапная перемѣна, и безжизненная картина прерывается ярко-расцвѣченнымъ эпизодомъ, оставляющимъ въ читателѣ глубокое впечатлѣніе. Приведемъ только одинъ при-

жѣръ, но примѣръ поразительный. Въ одномъ изъ самыхъ заурядныхъ стихотвореній Некрасова: «Газетная», осмѣивается нерасположеніе нашихъ доморощенныхъ сибаритовъ въ русской прессѣ, отравляющей ихъ досугъ напоминаніемъ о народныхъ немоцахъ, которыя они знаютъ, но о которыхъ не любятъ думать? «Эта пѣсня давно уже слышится», — восклицаетъ по этому поводу поэтъ, — «но она не ведетъ ни къ чему; коли намъ такъ писалось и пишется, значить, есть и причина тому!» —

Не заказано вѣтру свободному
 Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ,
 Не заказаны волку голодному
 Заунывные стоны въ лѣсахъ;
 Спокойнъ вѣку дождемъ разливаются
 Надъ родной стороной небеса,
 Гнутса, стонуть, подъ бурей ломаются
 Спокойнъ вѣку родные лѣса,
 Спокойнъ вѣку работа народная
 Подъ унылымъ лѣснымъ кивитъ,
 Вторить ей наша муза свободная,
 Вторить ей—или честно молчать.

Много ли можно указать въ нашей литературѣ страницъ, равныхъ этой по образности и поэтичности выраженія, соединеннымъ съ внутренней силой? Нельзя не пожалѣть, что случай занесъ ее въ поэму, рѣдко обращающую на себя вниманіе, да и не заслуживающую его; но съ нашей точки зрѣнія весьма знаменательна, именно, возможность появленія *такой* страницы въ *такой* поэмѣ. Не трудно указать и цѣлыя пьесы, высокохудожественныя съ начала до конца,—пьесы, въ которыхъ безусловно непримѣнимо ходячее мнѣніе о неуклюжести стиха Некрасова. Назовемъ для примѣра, изъ разныхъ эпохъ и родовъ дѣятельности его: «Ты всегда хороша несравненно»; «Памяти пріятели»; «Внимая ужасамъ войны»; «Я посѣтилъ твое кладбище»; «Рыцарь на часъ»; «Зеленый шумъ»; «Памяти —ва»; «Умру я скоро» (Неизвестному другу). Въ этихъ пьесахъ, да и во многихъ другихъ есть мѣста, по формѣ нисколько не уступающія лучшимъ стихотвореніямъ Пушкина:

Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
 Хоть ею ми мгновенно смущены,
 Но долгая—навѣки поселитъ
 Въ душѣ привычки робкой тишины.
 («Умру я скоро»).

Чтобъ одного возвеличить, борьба
 Тысячи слабыхъ уносить —

Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ просить.
(„Въ вольницѣ“).

Такіе стихи невольно врѣзываются въ память, наравнѣ съ тѣми изреченіями Шиллера, Гёте, Байрона, которыя можно называть сокровищами поэтической мудрости ¹⁾). Въ мѣткихъ, картинныхъ сравненіяхъ и образахъ у Некрасова также нѣтъ недостатка; припомнимъ хотя бы конецъ стихотворенія «Внимая ужасамъ войны»:

Имъ (матерямъ) не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей нвѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Или еще:

Книимъ слышѣй, послѣдней жажды полны,
Но въ сердцѣ тайный холодъ и тоска...
Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бующіи волны...
(„Я не люблю ироніи твоей“).

Порвалась цѣль великая,
Порвалась, растаяла:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!..
(„Кому на Руси жить хорошо“).

Мы остановились такъ долго на формальной, внѣшней сторонѣ дарованія Некрасова, потому что придаемъ ей большую важность. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые требуютъ отъ поэта только извѣстнаго настроенія, только служенія извѣстной идеѣ, не обращая вниманія на то, въ какой формѣ она выражается ²⁾). Признавать произведенія Некрасова цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказывать ему въ *даръ стихотворной рѣчи*—это, въ нашихъ глазахъ, явное противорѣчіе; отрицать, вмѣстѣ съ поэтическимъ талантомъ, и общественное значеніе Некрасова—несправедливость, граничащая съ нечестностью. Этими двумя взглядами, одинаково невѣрными,

¹⁾ Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы яснѣе выразить нашу мысль: „Es irrt der Mensch, so lang' er strebt“.—„Es bildet ein Talent sich in der Stille, doch ein Charakter in dem Strom der Welt“.—„Es wächst der Mensch mit seinen höh'ren Zwecken“.—„The tree of knowledge is not that of life“.—Если они и не всегда заключаютъ въ себѣ безусловную истину, то бросаютъ, по крайней мѣрѣ, яркій свѣтъ на дѣлю группу счастливо обобщенныхъ фактовъ.

²⁾ Какъ недостаточно въ поэзіи одного добраго намѣренія—объ этомъ можно составить себѣ понятіе по пьесѣ Некрасова: „Школьникъ“.

самъ собою противопоставляется третій, признающій въ Некрасовѣ поэта въ полномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, поэта сильнаго не только мыслью, но и формой. Повторяемъ еще разъ — совершенства формы Некрасовъ достигаетъ далеко не всегда; болѣе чѣмъ у кого-либо другого, оно зависитъ у него отъ предмета, о которомъ онъ говоритъ, отъ чувства, которое его воодушевляетъ. Уже одно это совпаденіе говорить въ пользу искренности Некрасова, противъ предположенія о *заказномъ* характерѣ его работы, противъ обвиненія въ тенденціозности, о которомъ мы уже упоминали.

Посмотримъ поближе, въ чемъ суть этого обвиненія. «Въ публикѣ, — говоритъ цитированный нами критикъ, — *нердко смѣшиваютъ тенденцію съ идеей*. Но это далеко не одно и то же. Тенденціей нужно назвать тотъ замыселъ автора, который является у него путемъ логическихъ соображеній, невызываемый прямо живымъ наблюденіемъ, живымъ сочувствіемъ. Такой замыселъ обыкновенно развивается дедуктивно, изъ одного основного положенія, въ головѣ автора, и является изъ нея почти готовымъ. Все, чѣмъ сильна отвлеченная мысль, можетъ заключаться въ такомъ произведеніи; но оно будетъ всегда лишено условія *жизненности*, того священнаго огня, который способно вдохнуть въ произведеніе искусства только страстное вниканіе художника въ увлекающій его живой міръ, наполненіе этимъ міромъ всего существа его... Тенденція — это сухой и внѣшній замыселъ ума, который насильственно подгоняетъ явленія жизни въ своему субъективному представленію о нихъ; идея — это гораздо болѣе объективный и реальный, основанный на живомъ и страдномъ проникновеніи въ дѣйствительныя явленія жизни, общій выводъ изъ нихъ». Если публика дѣйствительно смѣшиваетъ тенденцію съ идеей, то выписанная нами тирада — плохое средство предупредить такое смѣшеніе. Опредѣленіе тенденціи, предлагаемое въ ней, совершенно произвольно и не соответствуетъ общепринятому значенію этого слова. Тенденція — это не что иное, какъ сознательное намѣреніе автора возбудить въ читателяхъ извѣстную мысль, извѣстное чувство, и такимъ образомъ способствовать достиженію извѣстной цѣли; идея — при существованіи тенденціи — есть именно тотъ предметъ, который вдохновляетъ автора, та мысль, которую онъ проводитъ, часть того идеала, объ осуществленіи котораго онъ мечтаетъ. Идея можетъ быть и въ произведеніи нетенденціозномъ (Фаустъ, Манфредъ), — но это еще не значитъ, чтобы ея не могло быть въ произведеніи тенденціозномъ. Понятія о тенденціи и объ

идеѣ не исключаютъ другъ друга; противопоставлять ихъ одно другому и возвышать одно надъ другимъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Поэтъ—человѣкъ своей эпохи и своего народа, раздѣляющій вѣрованія, страсти, стремленія, среди которыхъ онъ живетъ, или борющійся противъ нихъ, но во всякомъ случаѣ волнуемый, затрогиваемый ими. Чѣмъ больше онъ испытываетъ на себѣ ихъ вліянія и чѣмъ больше отзывается на нихъ,—тѣмъ неизбежнѣе для него, особенно въ наше время, выборъ между различными теченіями, сталкивающимися одно съ другимъ и мало оставляющими простора для индифферентизма и нейтралитета. Разъ что онъ принялъ ту или другую сторону, можетъ ли онъ оставаться постоянно въ области нетенденціознаго поэтическаго творчества? Обладая могучимъ орудіемъ поэтической рѣчи, можетъ ли онъ не употреблять его, хоть иногда, на пользу дѣла, которому онъ активно служить или, по крайней мѣрѣ, горячо сочувствуетъ? Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые считаютъ тенденціозность обязательною для поэта; мы высоко цѣнимъ поэзію и тогда, когда она воспѣваетъ природу, любовь, материнское чувство; но не всѣмъ же поэтамъ дана способность отрѣшаться отъ злобы дня—а прикосновеніе къ ней неизбежно влечетъ за собою тенденціозность. Бѣды въ этомъ никакой нѣтъ, потому что съ тенденціозностью вполне совмѣстимо вдохновеніе. Если ораторъ, произнося свою рѣчь съ заранѣе обдуманною, ясно сознанныю цѣлью, можетъ увлекаться и увлекать другихъ, можетъ облевать свою мысль въ высоко-художественную форму, то почему же такой результатъ долженъ быть признаваемъ недоступнымъ для поэта? Почему субъективный взглядъ на явленія жизни менѣе благопріятенъ для поэзіи, чѣмъ объективное представленіе о нихъ? Что можетъ быть субъективнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ тенденціознѣе ямбовъ Барбье, «Châtiments» В. Гюго, первыхъ трагедій Шиллера, многихъ романовъ Диккенса, — а кто же откажетъ имъ въ священномъ огнѣ, кто упрекнетъ ихъ въ холодности или сухости? Замыселъ ихъ, безъ сомнѣнія, «развился отъ волеи автора дедуктивно, изъ одного основнаго положенія», но поэтическое достоинство ихъ отъ того нисколько не пострадало, или, лучше сказать, обусловливаемые тенденціей недостатки вполне уравниваются или перевѣшиваются неразрывно связанными съ нею красотами. Поднимаясь все выше и выше въ области поэзіи, мы найдемъ тенденціозность даже въ такихъ зрѣлыхъ произведеніяхъ, какъ «Вильгельмъ Телль» Шиллера, какъ «Wahlverwandschaften» Гёте—и намъ придется или признать за тенденціозностью право на существованіе въ искусствѣ,

или насильственно сзудить его границы и исключить изъ него массу произведеній, которыми оно гордилось и гордится. Выборъ не глупень, — и обвиненіе Некрасова въ тенденціозности перестаетъ быть обвиненіемъ.

Но тенденціозность тенденціозности разнь; узкой, близорукой, мелкой тенденціи, дѣйствительно, нѣтъ мѣста въ поэзіи. Необходимо посмотрѣть, слѣдовательно, въ чемъ именно заключалась тенденція Некрасова. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ дальнѣйшее содержаніе нашей статьи; оно же должно выяснитъ — насколько это возможно съ помощью однихъ произведеній Некрасова — правильность или неправильность того взгляда, по которому будто бы заказная точка зрѣнія держала Некрасова въ тискахъ и тушила поэтическій жаръ его.

Стихотворенія Некрасова заключаютъ въ себѣ много данныхъ для исторіи его внутренней жизни. Мы видимъ его ребенкомъ въ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ жизнь отцовъ его, «безплодна и пуста», —

Текла среди пирровъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житію послѣднихъ барскихъ псовъ...
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу линованій
Глухой и вѣчной гуль подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

(„Родина“).

Запуганный, блѣдный мальчикъ глядитъ «травленнымъ волченокъ», ищетъ убѣжища у няни; но главная его отрада — мать, мученица несчастныхъ семейныхъ отношеній. Кругомъ него обычный сѣверный русскій пейзажъ, вблизи — Волга; ея бурлаки — одно изъ первыхъ его впечатлѣній. Тамъ научается онъ «терпѣть и ненавидѣть»; тамъ «отъ души его рано отлетаетъ покой благословенный». Почти мальчикомъ онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, но судьба его не скоро измѣняется къ лучшему:

Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство,
И молодость въ мучительной борьбѣ...
На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили невнятный слѣдъ;
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина, печальный твой поэтъ!

Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ,
Съ своею угрюмою музою на пути!

(„Умру я скоро“).

Начало поэтической дѣятельности Некрасова совпадаетъ съ одною изъ лучшихъ эпохъ нашей литературы; онъ вступаетъ въ кружокъ Бѣлинскаго, участвуетъ въ обновленіи литературнаго міра, совершившемся около половины сороковыхъ годовъ, когда, почти одновременно, выступили на сцену Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Искандеръ. Память объ этомъ времени, особенно о Бѣлинскомъ, еще двадцать лѣтъ спустя внушаетъ Некрасову прервосходныя, всѣмъ знакомыя страницы «Медвѣжьей охоты»:

Я лучшей перль со дна души досталъ,
Чистѣйшее мое воспоминанье...
Молись твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!
Въ тѣ дни, какъ все востяло на Руси,
Дремля и работѣствуя покорно,
Твой ужъ кипѣлъ — и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно...
. Ты напроломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!
Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глушцовъ казался переѣвичь...
Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ.

Но литература была единственной свѣтлой точкой въ тѣ времена, «когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа, мысль русская стонала въ полу-тонѣ» — и эта свѣтлая точка скоро померкла подъ тяжестью удвоеннаго гнета. Уже давно вѣтеръ напѣввалъ поэту: «не такія еще поощренія встрѣтишь ты на пути роковомъ»; эту пѣсенку ему теперь «пояснили»:

Получилъ роковую повѣстку,
Сбрилъ усы и пошелъ я туда...
Генералъ прочиталъ мнѣ бумагу...
Завираетесь вы, господа!
За опасное дѣло беретесь,
Бросьте, бросьте!.. — Ну, Богъ васъ прости!
Только знайте: еще попадетесь —
Я не въ силахъ васъ буду спасти.

(„Недавнее время“).

Проходитъ нѣсколько лѣтъ; обстоятельства слагаются болѣе благопріятно, — вмѣстѣ съ новымъ періодомъ русской жизни, на-

ступаетъ новая, блестящая эпоха журнальной дѣятельности Некрасова. Какими затрудненіями она была обставлена — это покажетъ исторія литературы 1856—1862 г.; одно можно сказать утвердительно и теперь — что положеніе редактора «Современника» никогда не было легкимъ. Скоро опять надвигаются черныя тучи, — опять «грозить неумолимый рокъ»; поэтъ становится все болѣе и болѣе одинокимъ:

Въ началѣ шелъ я съ дружною семьей,
Но гдѣ они, друзья мои теперь?..
Тѣ жребіемъ постигнута жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ...

(„Умру я скоро“).

Узи дружбы, союзовъ сердечныхъ —
Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
Послала враговъ долговѣчныхъ,
А друзей уносила борьба.
Пѣсни вѣщія ихъ не дойти,
Пали жертвою злобы, ненавни
Въ цѣтѣхъ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотреть со стѣнъ.

(„Послѣднія пѣсни“).

Если прибавить ко всѣмъ этимъ испытаніямъ физическій недугъ, рано начавшій преслѣдовать поэта и часто навѣвавшій ему мысль о близкой смерти, то не трудно понять болѣзненно-печальную ноту, такъ часто звучащую въ стихотвореніяхъ Некрасова:

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
Такъ усталъ отъ мучительныхъ думъ...
.....
Что недугъ, мое сердце гнетущій,
Какъ-то горько меня веселитъ —
Въ-стрѣчу смерти, грозящей, идущей
Самъ пошелъ бы, — но сонъ освѣжить...
И мучительно жить захочу.
А недугъ, сокрушающій силы,
Будетъ такъ же и завтра томить,
И о близости темной могилы
Такъ же внятно душѣ говорить! ¹⁾.

Въ разговорѣ «Поэтъ и гражданинъ», относящемся къ 1856 г., Некрасовъ говоритъ про себя, что онъ «хандритъ и еле дышетъ»,

¹⁾ Хронологическая послѣдовательность стихотвореній Некрасова не выяснена вполне, и, какъ говорятъ, будетъ положена въ основаніе новаго изданія его стихотвореній; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что эта пьеса относится къ пятидесяти годамъ, точно такъ же, какъ и однородная съ нею: „Послѣднія элегіи“, „Замошки, муза мести и печали“.

что онъ «стоитъ у двери гроба, угрюмъ и полонъ озлобленья». Одно изъ стихотвореній 1861 г. начинается словами: «что ни годъ — уменьшаются силы, что ни годъ — каменѣю душой». «Умру я скоро; жалкое наследство, о, родина, оставлю я тебѣ!» восклицаетъ Некрасовъ въ 1867 г. Последнія его пѣсни — пѣсни мучительной, безконечной агоніи. Но еще сильнѣе, чѣмъ ожиданіе смерти, издавна тяготѣетъ надъ поэтомъ чувство недовольства самимъ собою:

Я за то глубоко презираю себя,
 Что живу—день за днемъ бесполезно губя;
 Что я, силы своей не пытавъ ни на чемъ,
 Осудилъ самъ себя беспощаднымъ судомъ...
 Я за то глубоко презираю себя,
 Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,
 Что любить я хочу, что люблю я весь міръ,
 А брожу дикаремъ—безпріютенъ и сирь,
 И что злоба во мнѣ и сильна и дика
 А до дѣла дойдетъ—замираетъ рука! ¹⁾

Или:

Клянусь, я честно ненавиждѣлъ!
 Клянусь, я искренно любилъ!
 И что-жъ?.. мой послышавъ звуки,
 Сочли ихъ черной клеветой;
 Пришлось сложить смиренно руки
 Иль полатиться головой...
 Душа пугливо отступила...
 Я горькой правды не сирываю
 И робко голову склоняю
 При словѣ: честный гражданинъ...

(„Поэтъ и гражданинъ“).

Онъ говоритъ тамъ же про свою музу:

Украдкой, блѣдная, придетъ,
 И шепчетъ пламенная рѣчи,
 И пѣсни гордыя поетъ.
 Зоветъ то въ города, то въ степи,
 Завѣтными умисломъ полна,
 Но загремѣть внезапно дѣни —
 И мигомъ скроется она.
 Не вовсе я ея чуждался,
 Но какъ боялся! какъ боялся!

¹⁾ Стихотвореніе это, относящееся, по всей вѣроятности, къ сороковымъ годамъ, озаглавлено: „Изъ Ларры“; но известно, что оно — какъ и нѣкоторыя другія пѣсни подъ тѣмъ же заглавіемъ — принадлежитъ самому Некрасову (см. „Вѣстн. Европа“, 1878, май, стр. 194).

Въ «Рыцарѣ на часъ» (1863 г.) Некрасовъ обращается къ тѣни матери съ мольбой, чтобы «кроткія ея очи смыли жаркой слезою страданія всѣ позорныя его пятна», —

Чтобъ ты слезу свободную, гордую,
 Что въ мою заложила ты грудь,
 Укрѣпила ты волею твердою
 И на правый поставила путь...
 Умлеваемъ безславною битвою,
 Сколько разъ я надъ бездной стою,
 Поднимался твоею молитвою,
 Снова падалъ... и вовсе упалъ!
 Вводи на дорогу тернистую!
 Разучился ходить я по ней.

Но «насмѣшливый внутренній голосъ» отвѣчаетъ на эту мольбу:

Покорись, о, ничтожное племя,
 Невѣзливой и горькой судьбѣ.
 Захватило васъ трудное время
 Неготовыми къ трудной борьбѣ.
 Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
 Но для дѣла вы мертвы давно,
 Суждены вамъ благіе порывы,
 Но свершить ничего не дано...

Пять лѣтъ спустя, въ задушевной исповѣди, поэтъ обвиняетъ себя въ томъ, что, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ прикованный привычкой и средой, онъ къ дѣлу шелъ колеблющимся шагомъ, и для нея не жертвовалъ собой («Умру я скоро»). За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ говоритъ, обращаясь къ поэту, т.-е. къ самому себѣ:

Любовь и трудъ—подъ горами развалины!
 Куда ни глянь—предательство, вражда,
 А ты молчишь—бездѣйственность и печаль,
 И медленно сгораешь со стыда.
 И небу шлешь укоръ за даръ счастливый,
 Зачѣмъ тебя вначало имъ оно,
 Когда душѣ мечтательно-пугливой
 Рѣшимости бороться не дано?..

(„Последнія пѣсни“, февраль, 1877 г.)

Вполнѣ согласенъ съ этимъ настроеніемъ часто высказываемый Некрасовымъ пессимистическій взглядъ на свою поэтическую дѣятельность, на будущую судьбу своихъ произведеній. Еще молодой и полный силы, онъ уже не льститъ себя надеждою, что-

бы изъ его стиховъ уцѣлѣло что-нибудь въ народной памяти («Правдникъ жизни, молодости годы»):

Волшебный лучъ любви и возрожденя!
Я звалъ тебя—во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденя,
Я звалъ тебя—теперь уже не зову!....
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

(„Замолкни, муза мести и печали“).

«Небу было не угодно,» — говорить онъ нѣсколько позже про свѣточъ своей поэзии —

Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно;
Дрожащей искрою въ потьмахъ
Онъ чутъ горѣлъ, мигалъ, метался.
Моли, чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ!

(„Поэтъ и гражданинъ“).

И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла,
И до народа не дошла она,
Одна любовь связаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона!

(„Умру я скоро“).

Я на столько же чужднмъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ...
Я умру — моя померкнетъ слава,
Не дивись и не тужи о ней!
Знай, дитя: ей долгимъ, яреннмъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ;
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка,
Только тотъ себя переживаетъ...

(„Последнн пѣсни“).

Иногда только, въ рѣдкія минуты душевнаго спокойствія и сознанія своей силы, Некрасовъ вѣрить, что жизнь его прожита не даромъ, что хоть послѣ его смерти «какъ много сдѣлалъ онъ — поймутъ, и какъ любилъ онъ — ненавидя». «Не тужи», утѣшаетъ онъ себя въ другомъ позднѣйшемъ стихотвореніи: «какъ умремъ, кто-нибудь и объ насъ проболтается добрымъ словомъ» Невадолго до смерти онъ говорить, обращаясь къ матери:

.... Ужь ты ушла изъ міра,
Но будешь жить ты въ памяти людской,
Пока въ ней жить моя способна лира.

И голосъ матери шепчетъ ему въ отвѣтъ:

Не бойся горькаго забвенья:
Ужь я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родни твоей..
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камою..

Въ картинѣ, сложенной нами изъ словъ самого поэта, насъ поражаютъ прежде всего знакомыя черты, — черты, свойственныя тому типу, который извѣстенъ въ нашей литературѣ подъ именемъ «человѣка сороковыхъ годовъ». Та же надломанность, то же стремленіе въ борьбѣ, въ дѣятельности, остающееся только стремленіемъ, тѣ же горькіе упреки самому себѣ, то же сознание своего безсилія, разлада между словомъ и дѣломъ. Некрасовъ рисуетъ самого себя какъ бы Рудинымъ или героемъ «Саши», который «по свѣту рыщетъ и дѣла себѣ исполинскаго ищетъ, благо идти по дорогѣ избитой лѣнь помѣшала, да разумъ развитый».

Но не такъ должна отнестись къ Некрасову критика. Оставляя въ сторонѣ — по объясненнымъ уже нами причинамъ — частную его жизнь и не касаясь вопроса о томъ, примѣнны ли къ ней, и въ какой мѣрѣ, его самообвиненія, слѣдуетъ признать, что приведенная нами картина — невѣрное или во всякомъ случаѣ неполное отраженіе поэзіи Некрасова. Недовольство Некрасова самимъ собою было, говоря его собственными словами (сказанными о Вѣлинскомъ) —

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно ми не убѣжимъ изъ строя,
То недовольство, что душѣ живой
Не дастъ возрѣть протѣву новой силѣ.

Тяжелыя времена, которыя пережилъ Некрасовъ, не могли, конечно, пройти для него безслѣдно; но впечатлѣнія, оставленныя ими, не были исключительно подавляющими, «гнетущими», — или, лучше сказать, изъ подавляющихъ впечатлѣній рождались другія, противоположнаго свойства. Подобно тому, какъ «роковой гнетъ», тяготѣвшій надъ дѣтствомъ Некрасова, возбудилъ

въ немъ первыя искры чувства, въ которомъ онъ долженъ былъ найти главную свою силу,—всѣ послѣдующія невзгоды, личныя и общія, укрѣпляли и углубляли это чувство, становясь источникомъ лучшихъ вдохновеній поэта. Отъ большинства людей сороковыхъ годовъ Некрасова отличаетъ именно то, что въ его жизни рано явилось руководящее начало, которому онъ всегда оставался вѣренъ. «Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья», среди сомнѣній и разочарованій, усталости и ошибокъ, оно поддерживало его, восстанавливало его энергію и налагало на его дѣятельность печать внутреннего единства, внутренней гармоніи, столь рѣдкой между людьми его поволенія, да и между преемниками ихъ. Ему не зачѣмъ было призывать «волшебный лучъ любви и возрожденія»; этотъ лучъ всегда свѣтилъ ему, хотя и не съ одинаковою яркостью, когда онъ касался излюбленнаго предмета. Самая быстрота, съ которою совершило дарованіе Некрасова, съ которою за «Мечтами и Звуками» послѣдовали такіа стихотворенія, какъ «Въ дорогѣ», «Родина», доказываетъ силу идеи, и силу соответствующей ей тенденціи, рано овладѣвшей поэтомъ. Эта идея—страждущій русскій народъ, ожидающій, среди суровой природы и еще болѣе суровой житейской обстановки, облегченія своихъ страданій; эта тенденція—стремленіе возбудить активное сочувствіе къ народу.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ, когда Некрасовъ начиналъ совнать свое призваніе и слѣдовать ему, сочувствіе къ народу носилось въ воздухѣ и принимало особенно опредѣленные очертанія въ томъ литературномъ кружкѣ, къ которому тогда принадлежалъ Некрасовъ ¹⁾. «Записки Охотника» Тургенева, первыя повѣсти Григоровича и Писемскаго проникнуты тѣмъ же духомъ, преслѣдуютъ тѣ же цѣли, какъ и первыя (не считая неудачныхъ юношескихъ попытокъ) стихотворенія Некрасова ²⁾. Но изъ всѣхъ писателей этого времени, одинъ Некрасовъ остался на посту, съ самаго начала имъ избранномъ. Черезъ всю, слишхомъ тридцатилѣтнюю, поэтическую дѣятельность его проходить,

¹⁾ Замѣчательно, что Лермонтовъ, вообще чуждый народной жизни, одинъ разъ подошелъ къ ней весьма близко именно съ той стороны, съ какой на нее стали смотрѣть въ сороковыхъ годахъ; мы говоримъ о стихотвореніи его: „Родина“ (по времени однимъ изъ позднѣйшихъ). Оно показываетъ, чего можно было ожидать отъ гениальнаго юноши и какъ далеко могъ расширяться, со временемъ, его поэтический кругозоръ.

²⁾ Интересно сходство между темами разсказа Тургенева „Ермолай и мельникъ“ (второго, по времени, изъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ „Записокъ Охотника“) и стихотворенія Некрасова „Въ дорогѣ.“

какъ соединительная нить, одно и то же вдохновляющее чувство. Прежде всего оно заставило его стать въ ряды враговъ крѣпостничества,— и это вполне понятно, потому что крѣпостное право было безъ сравненія самымъ тяжелымъ и ненавистнымъ изъ всѣхъ воле, тяготѣвшихъ надъ народомъ. Борьбѣ противъ него посвященъ цѣлый рядъ стихотвореній сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ: «Въ дорогѣ», «Родина», «На родинѣ», «Самодовольныхъ болтуновъ», «Забытая деревня», «Псовая охота», «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго», и многія мѣста въ другихъ пьесахъ этого періода. Но и тогда уже Некрасову были доступны и близки всѣ другія стороны народной жизни, народнаго горя. Многія изъ его раннихъ стихотвореній именно потому дѣйствуютъ и теперь такъ же сильно, какъ въ тотъ моментъ, когда они были написаны; достаточно назвать отрывокъ: «Ночь; успѣли мы всѣмъ насладиться», и первую главу «Тышины»:

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпѣть, во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣжныя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки...
Кто бредеть по житейской дорогѣ
Въ безразсѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

.
Храмъ воздвханій, храмъ печали —
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стонешь не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимою
Святое бремя приносилъ —
И облегченный уходилъ!

Въ «Тройкѣ», «Проводахъ», «Винѣ», «Въ деревнѣ», «Нежатой полосѣ», «Думѣ», «На Волгѣ», мы видимъ и безотрадную долю русской крестьянки, и тяжелый трудъ бурлака, и безработицу, и болѣзнь, и смерть, какъ они отражаются въ крестьянскомъ быту, — и всѣ эти картины, вмѣстѣ взятыя, составляютъ одно поразительное цѣлое. Напрасно было бы искать перелома въ дѣятельности Некрасова, который бы совпадалъ со второй половиной пятидесятихъ годовъ, т.-е. съ тѣмъ временемъ, когда сложилась вокругъ Некрасова новая литературная партія, обрисовалось направленіе «Современника». Если бы въ мѣстѣ кри-

тиковъ, возлагающихъ на эту партію отвѣтственность за узкую тенденціозность Некрасова, приписывающихъ ей роль заказчика, а ему роль послушнаго исполнителя ея велѣній, была хоть малѣйшая доля правды, 1857-ой годъ былъ бы рубежомъ, рѣзко отдѣляющимъ позднѣйшія стихотворенія Некрасова отъ прежнихъ; но ничего подобнаго мы на самомъ дѣлѣ не видимъ. Некрасову ставять въ вину, что онъ отсталъ отъ вѣка, что онъ продолжалъ воспѣвать страданія, уже прекратившіяся, что онъ прогнѣдѣлъ отъиѣну крѣпостнаго права. Да, Некрасовъ по прежнему остался пѣвцомъ народнаго горя; но именно въ этомъ — его главная заслуга, и если вліяніе кружка способствовало такой стойкости поэта, то нельзя не признать его крайне благотворнымъ. Мы не видимъ, впрочемъ, никакой надобности объяснять чужимъ вліяніемъ послѣдовательность Некрасовской поэзіи; кто съ самаго начала такъ широко понялъ свою задачу, тотъ не рисковалъ принять часть за цѣлое, первый шагъ, хотя бы и громадный — за окончательное достиженіе цѣли. Великая реформа 19-го февраля была оцѣнена Некрасовымъ по достоинству; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить многія мѣста изъ «Дѣдушки», всего «Послѣдыша» — этотъ шуточный финалъ страшной трагедіи, и наконецъ «Свободу», гдѣ прямо высказано отрадное впечатлѣніе, произведенное на поэта освобожденіемъ крестьянъ. Но развѣ онъ не былъ правъ, говоря именно въ этомъ стихотвореніи: «на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ, люди придумали много иныхъ?» «Безъ наслажденья онъ живетъ, безъ сожалѣнья умираетъ», — сказалъ Некрасовъ про русскаго крестьянина въ 1855 или 1856 г.; къ тому же времени относится обращеніе его къ бурлаку:

Все ту же глѣню ты поешь,
 Все ту же ламку ты несешь,
 Въ чертахъ усталаго лица
 Все та-же покорность безъ конца...
 Прочна суровая среда,
 Гдѣ поколѣнія людей
 Живуть безсмысленнѣй звѣрей
 И мрутъ безъ всякаго слѣда...

Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ «Медвѣжьей охотѣ», положеніе русскаго крестьянина обрисовывается въ слѣдующихъ словахъ:

А здѣсь одинъ суровый черный хлѣбъ,
 Да изъ него же гибельный напитокъ!..
 Здѣсь мужику, чтó вышелъ за ворота,
 Кровавый трудъ, кровавая борба:

За крошку хлѣба капля пота —
Вотъ въ двухъ словахъ его судьба!..

Такъ ли велика разница между обѣими картинами, между прошедшимъ и настоящимъ, чтобы можно было удивляться неизмѣнно грустному тону поэзіи Некрасова? А что въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ «Медвѣжьей охоты» много печальной правды — этого, по странной непослѣдовательности, не отрицаютъ и критики, упрекающіе Некрасова въ гореваніи заднимъ числомъ, въ намѣренной слѣпотѣ къ совершающимся вокругъ него переизмѣнамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни смотрѣть на вѣрность Некрасова однажды усвоенному направленію — какъ на близорукое упрямство, или какъ на правильное пониманіе своей задачи, — одно эта вѣрность доказываетъ несомнѣнно: полную несостоятельность толковъ о заказномъ характерѣ работы Некрасова, о зависимости его отъ постороннихъ внушеній. Онъ самъ проложилъ себѣ дорогу — конечно, подчиняясь, какъ и всякій другой, влиянію времени и обстоятельствъ, — и, выступивъ на нее, никогда не колебался въ выборѣ цѣли.

Возвращаемся къ концу пятидесятихъ годовъ. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, въ которыхъ теперь начинаютъ присоединяться и болѣе обширныя поэмы, Некрасовъ продолжаетъ начатое имъ дѣло. Пѣсня странника въ «Коробейникахъ», «Размышленія у параднаго подвѣзда», «Морозъ Красный-носъ», «Орина, мать солдатская», «Калистратъ», «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская», «Что ни годъ — уменьшаются силы», «Железная дорога» — все это листки изъ одной скорбной пѣсни, отъ которой только по временамъ отрывался нашъ поэтъ, чтобы снова къ ней возвратиться. Ея мотивъ выраженъ съ потрясающей силой въ послѣднихъ стихахъ «Параднаго подвѣзда»:

. . . Родная земля!

Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣтель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонеть онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонеть онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной пѣли..
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется:
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,

Какъ великою скорбью народной
 Переполнилась наша земля —
 Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ, сердечный!
 Что же значить твой стонъ безконечный?
 Ты проснешься, исполненный силъ,
 Иль, судьбѣ повинуясь закону,
 Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
 Создалъ пѣсню подобную стону
 И духовно на вѣки почилъ?...

Мы знаемъ уже изъ примѣра «Гаветной», что даже въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ совершенно другимъ предметамъ, Некрасовъ обращается иногда къ своей старой, но вѣчно животрепещущей тѣмѣ, и, какъ Антей въ соприкосновеніи съ землею, находитъ въ ней новыя силы. Припомнимъ еще превосходную картину озова, развозящаго по деревнямъ «незамѣтную, роковую владь» — крестьянское горе, картину, которою такъ неожиданно смѣняется въ «Балетѣ» рядъ очерковъ, не возвышающихся надъ уровнемъ посредственной каррикатуры:

Какъ отъ выстрѣла дымъ расплывается
 На зарѣ по росистымъ травамъ,
 Это горе идетъ — подвигается
 Къ тихимъ селамъ, къ глухимъ деревнямъ.

Завершеніемъ той стороны дѣятельности Некрасова, о которой мы теперь говоримъ, служить широко задуманная эпопея народнаго или, лучше сказать, всероссійскаго горя: «Кому на Руси жить хорошо». Она осталась неоконченною, но мысль поэта успѣла высказаться въ ней довольно ясно. Въмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ «послѣднихъ пѣсней» («Святель», «Молебень» «Приговоръ», «Баюшки-баю»), она составляетъ заключительный аккордъ, вполне гармонирующій съ далекими звуками вступленія.

Но жизнь русскаго народа, какъ она ни тяжела, не вся же соткана изъ страданія и печали, изъ стона и плача. Воспѣвать только ея горе да горе, не значить ли проливать на нее фальшивый свѣтъ, не значить ли закрывать глаза на дѣйствительность, замыкаться въ намѣренную ожесточенность систематическаго пессимизма? Подобныя упреки были дѣлаемы и дѣлаются до сихъ поръ Некрасову; лучшее опроверженіе ихъ мы найдемъ опять-таки въ его произведеніяхъ. Если господствующая черта русской жизни сдѣлалась господствующею чертою его поэзіи, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не отзывался на другія, болѣе свѣтлыя стороны народнаго быта. Мы не поставили бы ему въ вину даже совершенное игнорированіе ихъ, потому что односто-

ронность, наклонность къ преувеличеніямъ — обычные спутники сильнаго увлеченія; но Некрасовъ не принесъ этой дани своей руководящей идеѣ. Въ «Крестьянскихъ дѣтяхъ», въ «Деревенскихъ новостяхъ», въ «Коробейникахъ», въ «Стихотвореніяхъ, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ», во многихъ мѣстахъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — передъ нами выступаютъ въ полномъ блескѣ и русскій народный юморъ, и русское размашистое веселье, и русская широкая, добрая душа. Некрасовскій крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ — не мрачный, суровый пасынокъ общественнаго строя, а терпѣливый, мягкій, слегка насмѣшливый, подчасъ веселый труженикъ, рѣдко идеализированный, почти всегда взятый прямо изъ жизни. Видоизмѣненія главнаго типа точно такъ же вѣрны дѣйствительности. Встрѣчаются, конечно, и сочиненныя или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ кричащими красками нарисованныя фигуры (напр. Савелій въ послѣднемъ отрывкѣ «Кому на Руси жить хорошо»); но и здѣсь утрировка допущена не въ томъ, въ чемъ можно было бы ожидать ея, судя по основной нотѣ Некрасовской повѣи — она заключается скорѣе въ избыткѣ силы, чѣмъ въ избыткѣ придавленности или ослобленія. Даже въ стихотвореніяхъ, специально посвященныхъ тяжелымъ сторонамъ народной жизни, надъ уныніемъ часто преобладаетъ доброе, молодецкое чувство. Въ «Думѣ», напримѣръ, чего просить томящійся безработицей крестьянинъ? —

Повели ты въ лѣто жаркое
 Миѣ пахать пески сыпучіе,
 Повели ты въ зиму лютую
 Вырубать лѣса дремучіе,—
 Только трескъ стоялъ бы до неба,
 Какъ деревья бы валялися:
 Вмѣсто шапки бѣлымъ инеемъ
 Волоса бы серебрилися!

Какая пѣсня слышится «въ лѣсу, въ лугу» крестьянину, обманутому женою? —

Люби, покуда любится,
 Терпи, покуда терпится,
 Прощай, пока прощается,
 И — Богъ тебѣ судья!

(„Земный шумъ“).

При такомъ широкомъ взглядѣ на русскаго человѣка, окончательные выводы Некрасова не могли быть запечатлѣны безнадежностью, скептицизмомъ. Минуты сомнѣнія, подобныя той, которая такъ поэтически отразилась въ послѣднихъ стихахъ «Па-

раднаго подвѣзда», конечно, были ему знакомы; но долго на нихъ его мысль не останавливалась. «Лишь Богъ помогъ бы русской груди», говоритъ онъ въ одномъ изъ раннихъ, сравнительно, своихъ стихотвореній («Несчастные») —

Вздохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проѣдь до сердцевинны
Ея порока. *Въ ея груди*
Блуждать потокъ, живой и чистый,
Еще тьмѣтъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корою Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жаль...

И тою же вѣрой въ будущее звучать слова одной изъ его послѣднихъ пѣсней («Баюшки-баю»):

Уступить свѣту нравъ упрямый...
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...

Любовь къ народу неразрывно связана въ Некрасовѣ съ любовью къ сѣверной русской природѣ, къ той бѣдной, однообразной рамкѣ, въ которую замѣнута жизнь столькихъ милліоновъ русскихъ людей. И здѣсь поэтъ остается вѣрнѣ самому себѣ; онъ рисуетъ не однѣ только мрачныя, угрюмыя стороны этой природы, но и ея своеобразную прелесть, столь дорогую тому, кто однажды понялъ и полюбилъ ее.

Словно какъ мать надъ сыновней могилкой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой,
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ —
Долгая пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

(„Саша“).

Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!..
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые гѣса;
А рядомъ, новой зеленью
Лепечуть пѣсню новую
И липа блѣдно-лестая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!

Шумить тростинка малая,
 Шумить высокий кленъ...
 Шумать они по новому,
 По новому, весеннему...

(„Замыный шумъ“).

Такіе контрасты встрѣчаются у Некрасова на каждомъ шагѣ («Передъ дождемъ», «Несжатая полоса», «Возвращеніе», «Надрывається сердце отъ муки», многія мѣста «Тишины», «Несчастныхъ», «Морозъ Красный-носъ», «Рыцарь на часъ», «Кому на Руси жить хорошо»). Иногда Некрасову достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы передать съ неотразимою силой одно изъ разнообразныхъ впечатлѣній, производимыхъ русскимъ пейзажемъ:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ вѣтви,
 Книжитъ словесная война,—
 А тамъ, во глубинѣ Россіи,
 Тамъ вѣковая тишина.
 Лишь вѣтеръ не даетъ покою
 Вершинамъ придорожныхъ нивъ,
 И вырбаются дугою,
 Цѣлуясь съ матерью-землею,
 Колосыя безконечныхъ нивъ...

Прибавимъ въ этому картины деревенскаго быта, сельскаго труда (напр., рубка лѣса въ «Сашѣ», работа крестьянской дѣвушки въ «Коробейникахъ») — и мы увидимъ у Некрасова широкую панораму родного края, безъ прикрасъ, въ его будничной, обыденной одеждѣ, и все-таки въ такомъ поэтическомъ освѣщеніи, въ какомъ могъ его представить только глубоко и искренно любившій его художникъ.

Но всему сказанному нами до сихъ поръ нужно ли прибавлять еще что-нибудь въ опроверженіе тѣхъ, кто видитъ въ Некрасовѣ представителя небольшой литературной котеріи или, пожалуй, небольшой политической партіи, замѣнутаго въ *спеціальному чуланчику*, попавшаго *изъ тиски* извнѣ навѣяннаго, узко-тенденціознаго направленія? Само собою разумѣется, что къ Некрасову не могутъ одинаково относиться люди противоположнаго образа мыслей, что въ сочувствіи къ его поэзіи не могутъ сойтись — какъ, на примѣръ, въ сочувствіи къ Пушкину — закоренѣлый консерваторъ, оплакивающій отгѣну крѣпостнаго права, и крайній отрицатель существующаго общественнаго строя ¹⁾. Единоду-

¹⁾ Мы говоримъ о сочувствіи крайняго отрицателя къ Пушкину какъ о чемъ-то возможномъ, потому что не думаемъ, чтобы крайнія мнѣнія безусловно исключали способность восхищаться художественною красотой, чуждою тенденціи.

шіе возможно лишь въ оцѣнѣ такого поэта, который не принималъ участія въ борьбѣ за идею, не вносилъ въ свои произведенія никакой общественной тенденціи. Но если тенденція поэта была широка и глубока, если она не была приурочена къ доктринерски, разъ навсегда установленной программѣ, если она не терялась въ подробностяхъ, а сосредоточивалась на одной главной цѣли, если она не отталенивала несогласныхъ съ нею только въ отбѣнкахъ, если любовь совмѣщалась въ ней съ ненавистью, то поэзія, проникнутая ею, дѣлается достоинствомъ цѣлаго общества, за исключеніемъ немногихъ только слоевъ его. *Спеціальный чуланчикъ* Некрасовской мысли—это безграничная область вѣры въ народъ, любви къ народу; среда, въ которой будетъ жить память о Некрасовѣ—это масса русскихъ людей, соединенныхъ, несмотря на всѣ частныя разногласія, однимъ общимъ чувствомъ. Исслѣдуя каждый стихъ Некрасова сквозь увеличительное стекло предвзятой мысли, можно, правда, найти нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ какъ будто сказалась исключительность, крайность ¹⁾; но они теряются въ цѣломъ, свободномъ отъ такой рѣзкой окраски, да и замѣтными они становятся лишь вслѣдствіе невольнаго сопоставленія ихъ съ позднѣйшимъ теченіемъ нашей общественной жизни. Съ извѣстной точки зрѣнія, непринадлежность Некрасова, *какъ поэта*, ни къ какому замкнутому кружку можетъ быть рассматриваема какъ недостатокъ, и самое существованіе этого недостатка можетъ быть оспариваемо именно для большаго прославленія Некрасова; но въ нашихъ глазахъ она составляетъ его главную силу, главный источникъ прочнаго и широкаго вліянія его поэзіи. Задача поэта достигнута, когда онъ наглядно выразилъ идею, передалъ другимъ воодушевляющее его чувство; *какъ* осуществить идею, въ чемъ найти удовлетвореніе чувству—это онъ можетъ высказать лишь въ общихъ чертахъ, если не хочетъ впасть въ противохудожественный дидактизмъ. Некрасовъ «волновалъ сердца», предоставляя другимъ распространять убѣжденія.

Такимъ же сильнымъ, вдохновляющимъ мотивомъ, какъ и любовь къ народу, является въ поэзіи Некрасова любовь къ матери—и это вполне понятно, потому что оба чувства возникли въ немъ почти въ одно время, подъ вліяніемъ однородныхъ условій. Между страданіями матери Некрасова и страданіями русскаго народа было не только сходство—была реальная, внутренняя связь, рано подмѣченная поэтомъ. Крѣпостная обста-

¹⁾ См., напр., кое-что въ рѣчи Якова Нагого („Кому на Руси жить хорошо“).

новка воспитывала и поддерживала не только тиранію барина, но и тиранію отца семейства. Угнетенная сама, мать Некрасова была другомъ угнетенныхъ и завѣщала эту дружбу своему сыну:

И если я легко стяхнуль съ годами
 Съ души моей тлетворные слѣды
 Поправшей все разумное ногами,
 Гордившейся невѣжествомъ среди,
 И если я наполнилъ жизнь борьбою
 За идеалъ добра и красоты,
 И носить пѣснь, слагаемая мною,
 Живой любви глубокія черты —
 О, мать моя, подвигнуть я тобою!
 Во мнѣ спасла живую душу ты!

Все посвященное Некрасовымъ памяти матери или вообще материнскому чувству принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній. «Внимая ужасамъ войны» и «Рыцарь на часъ» одни были бы достаточны для неувядаемой славы поэта. Среди «Послѣднихъ пѣсень», носящихъ на себѣ ясные слѣды утомленія и упадка силъ, всего ярче выдаются отрывки изъ поэмы «Мать»:

Душа твоя — она горитъ алмазомъ,
 Раздробленнымъ на тысячи крупицъ,
 Въ величьи дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ...
 Обречена на скромную борьбу,
 Ты не могла голодному дать хлѣба,
 Ты не могла свободы дать рабу.
 Но лишній разъ не стало чувство страха
 Его души — ты то дала рабамъ, —
 Но лишній разъ изъ трепета и праха
 Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ...

Угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ можно найти не только въ средѣ народа; ихъ много и въ другихъ слояхъ русскаго общества. Некрасову было знакомо и родственно страданіе, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось; онъ не былъ пѣвцомъ одного только крестьянскаго горя, — но только оно одно внушало ему тѣ пѣсни, которыя обезсмертили его имя ¹⁾. Въ такихъ

¹⁾ До какой степени Некрасовъ оставался вѣренъ средѣ, имъ специально изученной и горячо любимой, это видно, между прочимъ, изъ того, что городскаго нашего пролетаріата онъ коснулся только въ двухъ стихотвореніяхъ: „Плачь дѣтей“ и „Наборщикъ“. Въ нашихъ глазахъ — это новое доказательство искренности Некрасова. Если бы онъ писалъ по заказу, сочинялъ исключительно по *логическимъ соображеніямъ*, то, конечно, выключилъ бы въ кругъ своего сочинительства такую благодарную тему, какъ положеніе фабричныхъ рабочихъ.

стихотвореніяхъ, какъ «Пылица», «Воръ», «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», «Убогая и нарядная», «Маша», «Свадьба», «Въ больницѣ», «Несчастные», «Филантропъ», «О погодѣ» (часть первая)¹⁾, много чувства, есть превосходныя мѣста, но въ цѣломъ ни одно изъ нихъ не составляетъ истинно-поэтическаго произведенія. Еще менѣе замѣчательны три поэмы, посвященныя памяти декабристовъ. Некрасовъ, очевидно, вышелъ здѣсь изъ предѣловъ своего дарованія, и [нѣсколько удачныхъ мѣстъ (особенно въ «Дѣдушкѣ») не выкупаютъ явной натянутости, дѣланности и прозаичности цѣлаго.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ произведеніямъ Некрасова, въ которыхъ выразилось критическое отношеніе его къ теченію нашей общественной жизни. На первомъ планѣ между ними стоятъ двѣ поэмы въ разговорной формѣ: «Поэтъ и гражданинъ» и «Медвѣжья охота». Отрывки изъ той и другой были уже нѣсколько разъ цитированы нами; но онѣ стоятъ того, чтобы остановиться на общемъ ихъ значеніи. Каждая изъ нихъ знаменуетъ собою важный моментъ въ исторіи послѣдняго двадцатипятилѣтія. «Поэтъ и гражданинъ» (1856) стоитъ на рубежѣ между тѣмъ временемъ, «когда свободно рыскалъ звѣрь, а человекъ бродилъ пугливо», — и новою, лучшей эпохой. Здѣсь русскій поэтъ заговорилъ языкомъ гражданина, — почти неслышаннымъ съ тѣхъ поръ, какъ умолкъ Рылѣевъ, — пробуждая давно забытыми звуками заснувшее общество, призывая къ общему дѣлу всѣхъ тѣхъ, «кто преданъ поклоненію единой личности своей».

«Поэтомъ можешь ты не быть», говоритъ онъ самому себѣ, «но гражданиномъ быть обязанъ» —

Не можешь снѣ глядѣть спокойно
 На горе матери родной,
 Не будетъ гражданинъ достойный
 Къ отчизнѣ холоденъ душой...
 Кто гражданинъ страны родной?
 Гдѣ ты? откликнись? Нѣтъ отвѣта,
 И даже чуждъ души поэта
 Его могучій идеалъ!
 Но если есть онъ между нами,
 Какими плачетъ онъ слезами!..

Настоящее мрачно, но за то сколько вѣры въ будущее!

¹⁾ Сюда же можно отнести эпизодъ съ священникомъ въ „Кому на Руси жить хорошо“. Всякій пойметъ, какъ легко было здѣсь поэту впасть въ шаржъ, въ карикатурность, а, между тѣмъ, онъ рисуетъ фигуру, внушающую намъ симпатію и уваженіе. Какъ совмѣстить это съ узкою тенденциозностью Некрасова?

Не вѣрь, чтобъ вовсе намъ люди:
 Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
 И вопль изъ вѣрующей груди
 Всегда доступенъ будетъ ей!..
 И если ты богатъ дарами,
 Ихъ выставять не хлопочи:
 Въ твоёмъ трудѣ заблещутъ сами
 Ихъ животворные лучи.
 Взгляни: въ осколки твердый камень
 Убогій труженикъ дробить,
 А изъ-подъ молота летитъ
 И бризжетъ самъ собою пламень!

Несмотря на уныніе, которымъ исполненъ отвѣтъ поэта гражданину, общее впечатлѣніе, даже теперь производимое поэмой, — ободряющее, освѣжающее; двадцать-два года тому назадъ дѣйствіе ея было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе были воспоминанія о недавнемъ прошедшемъ, чѣмъ шире и тверже надежды на будущее. «Поэтъ и гражданинъ» — пѣснь молодости, надорванной тяжелымъ гнѣтомъ, но сохранившей настолько силы, чтобы встрепенуться при первыхъ признакахъ освобожденія и вновь почувствовать любовь и призваніе къ жизни; «Медвѣжья охота» — тяжелый вздохъ и саркастическая улыбка старѣющагося человѣка, пережившаго крушеніе своихъ надеждъ и потерявшаго вѣру въ близость новой переменны въ лучшему. Обѣ поэмы настолько различны между собою, насколько 1867-й годъ не похожъ на 1856-й. И по зрѣлости мысли, и по силѣ стиха «Медвѣжья охота» стоитъ еще выше, чѣмъ «Поэтъ и гражданинъ». Поэту приходится здѣсь имѣть дѣло не съ наивнымъ эгоизмомъ, не съ апатичной рутинной, а съ другими, болѣе опасными вырожденіями болѣе сложной общественной жизни. Въ борьбѣ противъ нихъ жгучее слово Некрасова достигаетъ иногда такой силы, которая напоминаетъ ямбы Барбье или сатиры Ювенала. Кому неизвѣстна превосходная филиппика противъ русскаго общественнаго мнѣнія? Сколько сжатыхъ, мѣткихъ приговоровъ надъ безотрадными явленіями нашей общественной жизни разсыпано въ монологахъ Пальцова! —

Прогрессъ?.. его мы не хотимъ, —
 Намъ дай новинку, дай потѣху!
 И вотъ, новинки вслѣдъ радъ
 День, два; всѣ полны грѣзъ и вѣри.
 А завтра съ радостью глядятъ
 Какъ „рановременна“ мѣри
 Теряютъ должны размѣри
 И съ трескомъ пьются назадъ!..

А эпитафія современнаго администратора? —

Систему полумѣръ принявъ за идеаль,
 На прогрессистъ, ни консерваторъ,
 Добро ты портилъ, зла не улучшалъ,
 Но честный былъ администраторъ!..

Разговоръ кн. Воехотскаго съ барономъ фонъ-дербъ-Гребеномъ, занимающій только двѣ страницы — самое злое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, краснорѣчивое опроверженіе любимыхъ аргументовъ реакціи противъ развитія и просвѣщенія народа. Въ словахъ барона:

Когда природа отвѣчать не можетъ
 Потребностямъ, которыя родить
 Развитие — оно бѣды умножить
 И только даромъ страсти распалить —

даже съ внѣшней, звуковой стороны слышится деревянная безсердечность узкой теорійки, спокойно и сухо полагающейся на свою непогрѣшимость. Въ уста кн. Воехотскаго вложены слова, которыя естественнѣе было бы услышать отъ Пальцова (тотъ очеркъ положенія русскаго крестьянина, который приведенъ нами раньше); но положительной ошибкой этого назвать нельзя, потому что въ констатированіи факта могутъ иногда сойтись люди противоположныхъ направленій — различны будутъ только выводы, которые они извлекутъ изъ него. Рядомъ съ ѣдкой сатирой, въ «Медвѣжьей охотѣ» встрѣчаются и такія превосходныя лирическія страницы, какъ характеристика Бѣлинскаго, о которой мы уже говорили ¹⁾, характеристика Грановскаго, характеристика либерала-идеалиста сороковыхъ годовъ.

Да! были личности!.. Не пропадетъ народъ,
 Обрѣтшіи ихъ во времена крутыя!
 Мудренными путями Богъ ведетъ
 Тебя, многострадальная Россія!
 Попробуй, усомнись въ твоихъ богатыряхъ
 До-историческаго вѣка —
 Когда и въ наши дни вносить на плечахъ
 Все попогѣнье два-три человѣка!

Чисто-сатирическія стихотворенія Некрасова — бѣльшею частью

¹⁾ Воспоминаніемъ о Бѣлинскомъ было вызвано еще гораздо раньше стихотвореніе Некрасова: „Памяти пріятели“. Рядомъ съ нимъ, по глубинѣ чувства, могутъ быть поставлены стихотворенія, посвященныя другимъ рано умершимъ друзьямъ Некрасова — Добролюбову и Писареву („20 ноября 1861“, „Памяти — ва, „Не рыдай такъ безумно надъ нимъ“).

порожденія минуты, проходящія вмѣстѣ съ нею. По глубинѣ мысли, по силѣ ироніи они стоятъ несравненно ниже Щедринской сатиры; форма ихъ рѣдко свободна отъ тѣхъ недостатковъ, которые неразборчивая критика спѣшитъ провозгласить неотъемлемою принадлежностью поэзіи Некрасова. Наиболѣе удачнымъ изъ нихъ кажется намъ небольшое стихотвореніе, относящееся къ первому періоду дѣятельности Некрасова: «Нравственный человѣкъ», въ которомъ немногими мѣткими чертами залейменовано цѣлое міросозерцаніе фарисейской морали, приспособленной къ требованіямъ крѣпостничества. Группу стихотвореній, вызванныхъ закономъ 6-го апрѣля 1865 г., мы не станемъ упрекать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, въ ироническомъ отношеніи къ вновь дарованной свободѣ печати. Изъ каждаго явленія общественной жизни, даже отраднаго, сатирикъ имѣетъ полное право выхватить сторону, вызывающую его удары, лишь бы только онъ не смѣшивалъ ея съ другими, не заслуживающими нападенія. Такъ и поступилъ Некрасовъ въ «Пісняхъ о свободномъ словѣ»; слабость ихъ заключается не въ выборѣ предмета, а въ бѣдности содержанія, рѣдко идущаго дальше обыкновенной шутки. Если смотрѣть на нихъ именно какъ на шутку, то нѣкоторыя изъ нихъ («Осторожность», «Литераторы») могутъ быть названы довольно удачными. То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣсно связанной съ ними юмористической поэмѣ: «Судъ». Въ «Балетѣ», въ «Газетной», помимо указанныхъ уже нами удивительныхъ мѣстъ, есть нѣсколько мѣткихъ ударовъ, но сила ихъ ослабляется безсодержательною болтовней и явными преувеличеніями, которыми наполнены обѣ эти сатиры. Въ «Недавнемъ времени» можно отмѣтить развѣ остроумную характеристику «салоннаго якобинца». Въ послѣднихъ сатирахъ Некрасова, соединенныхъ въ одно цѣлое подъ названіемъ «Современники», много намековъ на событія и лица, пикантныхъ въ моментъ ихъ появленія, непонятныхъ и неинтересныхъ нѣсколько лѣтъ спустя,—но мало, очень мало мѣстъ, сколько-нибудь поэтическихъ; даже эффектная картина горя и раскаянія Зацѣпы не вполне удалась автору. Сатирическія произведенія Некрасова—богатая добыча для его противниковъ, складъ матеріаловъ для нападеній на его стихъ, на его манеру, на его тенденціозность; но при установленіи того, что есть могучаго, непреходящаго въ поэзіи Некрасова, они почти совсѣмъ могутъ быть скинуты со счетовъ.

Намъ остается только бросить взглядъ на ту группу стихотвореній Некрасова, которая рѣже другихъ обращаетъ на себя вниманіе критики, хотя и занимаетъ между ними не послѣднее

мѣсто: это стихотворенія, внушенныя любовью. Конечно, не въ нихъ заключается сила и оригинальность Некрасова; въ нихъ часто звучитъ что-то заимствованное, то Гейневское («Гдѣ твое лично смуглое»), то Пушкинское («Пускай мечтатели осмѣяны давно»), то Лермонтовское («Я не люблю ироніи твоей»); красивый стихъ кажется намъ чѣмъ-то знакомымъ, и не производитъ, поэтому, большого впечатлѣнія. Есть однако и между ними пьесы своеобразнаго, Некрасовскаго пошиба — напр.: «Когда изъ мрака заблужденья», дышащая тѣмъ гуманнымъ, всепрощающимъ чувствомъ, съ которымъ мы уже встрѣчались въ «Зеленомъ шумѣ»; — «Я посѣтилъ твое кладбище», гдѣ такъ поэтично звучитъ меланхолическая струна, свойственная Некрасову; — «Ты всегда хороша несравненно», гдѣ сквозь ту же меланхолію проглядываетъ мимолетная улыбка. Между всѣми пѣснями любви, которыми довольно богатъ первый періодъ литературной жизни Некрасова, нѣтъ ни одной положительно неудачной. «Если мучимый страстью мятешной», «Мы съ тобой безтолковые люди», «Прости», «Такъ это шутка, милая моя», «Какъ ты кротка, какъ ты послушна», «Давно отвергнутый тобою», «О, письма женщины намъ милой» — все это прелестныя пѣсни, съ достаточною ясностью свидѣтельствующія о томъ, что Некрасовъ не былъ лишенъ *дара стихотворной рчи*. У другого писателя эти пѣсни были бы гораздо замѣтнѣе, чѣмъ у Некрасова, а въ его поэзіи онѣ — только небольшой уголокъ, затмѣваемый блескомъ его *тенденціозныхъ* произведеній.

Если великое значеніе Некрасова коренится въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя посвящены народу, въ особенности народному горю, и если онъ, рано остановившись на этомъ предметѣ, никогда не измѣнялъ ему, то въ чемъ заключается развитіе Некрасова, движеніе его внутренней жизни, его творческой дѣятельности? Можно ли различить въ этой дѣятельности какіе-либо фазисы, вытекающіе одинъ изъ другого и знаменующіе сначала ея прогрессъ, потомъ ея упадокъ? Намъ кажется, что рѣзко обозначенныхъ періодовъ поэтическая дѣятельность Некрасова — если исключить изъ нея «Мечты и Звуки» — не представляетъ. Въ ней нѣтъ такихъ крупныхъ переворотовъ, какіе испыталъ, напримѣръ, В. Гюгб, нѣтъ даже того постепеннаго перехода отъ юношескаго броженія къ зрѣлому спойствию, какой мы видимъ у Шиллера, у Гёте, у нашего Пушкина. Всѣ звуки, изъ которыхъ слагается полный аккордъ поэзіи Некрасова, слышатся уже въ стихотвореніяхъ его, относящихся къ концу сороковыхъ и началу пятидесятихъ годовъ, — и слышатся притомъ именно съ тѣмъ отгѣнкомъ, которымъ отмѣчено все творчество Некрасова.

Съ элементомъ лирическимъ, какъ мы уже видѣли, и здѣсь переплетается сатирическій, съ искреннимъ сочувствіемъ къ страданіямъ народа — отголосокъ личной боли, мучительнаго недовольства самимъ собою. Отсюда не слѣдуетъ однако, чтобы отличительной чертой внутренней исторіи Некрасова была неподвижность. Нѣтъ, его поэзія растетъ въ ширину и глубину, захватываетъ все больше и больше сторонъ своего предмета, постоянно оставаясь только въ одномъ и томъ же кругу, дѣйствуя въ одномъ и томъ же направленіи. Чѣмъ больше она пронивается однимъ чувствомъ, тѣмъ могучѣе вдохновенія, которыя она изъ него извлекаетъ. Некрасова можно сравнить въ этомъ отношеніи съ человѣкомъ, рано утромъ двинувшимся въ путь къ смутно-намѣченной цѣли. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ, очертанія этой цѣли становятся для него все яснѣе и яснѣе; съ сознаніемъ важности ея, съ страстнымъ желаніемъ ея достигнуть растетъ и пониманіе преградъ, стоящихъ на пути къ ней. Надъ путникомъ давно уже нависли тучи, но въ пылу перваго увлеченія онъ не замѣчалъ ихъ; теперь онѣ раздражаются грозой, затопяющею дорогу. Онъ смущается, колеблется — но первый лучъ солнца возвращаетъ ему если не прежнюю надежду, то прежнюю рѣшимость. Онъ продолжаетъ свой путь, и мало-помалу приходитъ къ убѣжденію, что не только ему, но и другимъ, болѣе счастливымъ путникамъ не удастся до вечера даже приблизиться къ обѣтованному краю. И все-таки, усталый отъ дороги, измученный, упрекающій себя за каждую потерянную минуту, за каждый шагъ въ сторону, онъ больше чѣмъ когда-либо проникнуть любовью къ начатому дѣлу, къ растущей и вмѣстѣ съ тѣмъ удаляющейся отъ него цѣли. Онъ идетъ, пока хватаетъ силы, слабѣетъ, падаетъ — но падаетъ на той же дорогѣ, на которую вступилъ съ самаго начала.

Эпохой наибольшаго напряженія страсти и таланта Некрасова было, приблизительно, то десятилѣтіе (1856—1867), на рубежахъ котораго стоятъ поэмы: «Поэтъ и гражданинъ» и «Медвѣжья охота». Въ этому времени относятся самыя сильныя и глубоко прочувствованныя его произведенія — кромѣ названныхъ нами поэмъ, «Парадный подвѣздъ», «Моровъ Красный-носъ», «Рыцарь на часъ», «Умру я скоро». Но, повторяемъ еще разъ, яркаго, качественного различія между указанной нами эпохой и предшествующей ей не существуетъ. Если припомнить, съ одной стороны, что до 1856 г. Некрасовъ создалъ такіа пьесы, какъ «Родина», «Забытая деревня», «Внимая ужасамъ войны», «Тишина», «Блаженъ незлобивый поэтъ», «Памяти пріятели», «Замолени, муза мести и печали», а съ

другой стороны, что между 1856 и 1867 г. имъ написано много слабыхъ сатирическихъ произведеній, то придется признать, что символъ развитія таланта Некрасова — выпрявленная кривая линия, точно такъ же, какъ символъ направленія его дѣятельности — неуклонно правильная прямая. Послѣ 1867 г. дарованіе Некрасова замѣтно слабѣетъ. Первая часть «Кому на Руси жить хорошо», въ которой столько прелестныхъ эпизодовъ, хотя и напечатана послѣ 1867 г., но написана въ 1865-мъ; затѣмъ на долю послѣдняго десятилѣтія жизни Некрасова остаются только три поэмы о декабристахъ, «Недавнее время», два отрывка изъ послѣдующихъ частей «Кому на Руси жить хорошо»: — «Послѣднѣйшѣ» и «Крестьянка», и «Послѣднія гѣсны». И здѣсь, конечно, есть страницы, достойныя Некрасова (напр., конецъ «Крестьянки» — превосходная картина исканія ключей отъ женскаго счастья, — отрывки изъ поэмы: «Мать»); но слѣды утомленія встрѣчаются на каждомъ шагу, искусственные эффекты часто замѣняютъ недостающую глубину чувства, самый стихъ становится прозаическимъ и вялымъ. Но кто поставитъ въ вину путнику усталость послѣ таковой трудной и длинной дороги, какъ та, которую прошелъ Некрасовъ?

Говоря о писателѣ, трудно избѣгать сравненія его съ другими, дѣйствовавшими или дѣйствующими на одномъ съ нимъ поприщѣ; но этимъ способомъ характеристики слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью. Сравненіе можетъ содѣйствовать выясненію особенностей, свойственныхъ писателю, отношеній, въ которыхъ онъ стоитъ къ своимъ предшественникамъ и преемникамъ, стремленій, которымъ онъ подчинялся и которыя въ свою очередь вызывалъ; но если искать въ сравненіи данныхъ для опредѣленія мѣста, занимаемаго писателемъ въ ряду другихъ, въ литературной іерархіи, то въ большинствѣ случаевъ оно приводитъ лишь къ ошибкамъ, или по меньшей мѣрѣ оказывается совершенно безплоднымъ. Такимъ образомъ можно сравнивать только величинами однородныя, только писателей, близкихъ между собою какъ по избранному ими литературному жанру, такъ и по свойству дарованія, по взгляду на задачи искусства, по условіямъ, руководившимъ ихъ дѣятельностью; можно, на примѣръ, сравнивать Корнея съ Расиномъ (и то лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ), но отнюдь не Корнея и Расина съ Шекспиромъ или Шиллеромъ. Чѣмъ самобытнѣе, оригинальнѣе писатель, чѣмъ рѣже разрабатывалась та область, которую онъ завоевывалъ себѣ, тѣмъ труднѣе, конечно, онъ поддается сравненію въ томъ смыслѣ, о которомъ мы только-что говорили. Критики Некрасова

слишкомъ часто упускають изъ виду эти простыя и, какъ намъ кажется, бесспорныя положенія. Одинъ изъ нихъ сравниваетъ поэзію Некрасова съ одной стороны съ поэзіей народной, съ другой — съ поэзіей Андрэ Шенвэ и В. Гюгб. Трудно себѣ представить что-либо болѣе ошибочное, чѣмъ такой критическій приѣмъ. Народная поэзія вообще и русская въ особенности — произведеніе простого, непосредственнаго, цѣльнаго чувства, съ примѣсю той житейской, опытной мудрости, которая находитъ себѣ выраженіе въ народныя поговорки и пословицы. Понятно, что эта поэзія не можетъ имѣть ничего общаго съ сознательнымъ, тѣмъ болѣе — тенденціознымъ творчествомъ поэта, принадлежащаго къ цивилизованной средѣ, привычнаго относиться критически ко всѣмъ явленіямъ жизни, отчасти надломаннаго ею или, какъ говорилось у насъ одно время, «заѣденнаго рефлексіей». Народная поэзія ограничивается изображеніемъ факта и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, его ближайшей причины; для сознательнаго творчества тотъ же самый фактъ — отраженіе цѣлой системы, возбуждающее длинный рядъ сложныхъ чувствъ и представленій. У народнаго поэта угнетенное положеніе молодой женщины въ крестьянской семьѣ выражается въ простодушныхъ, трогательныхъ сѣтованіяхъ ея на горькую судьбину; для поэта тенденціознаго оно можетъ послужить поводомъ къ такому же широкому обобщенію, какое сдѣлалъ Добролюбовъ въ знаменитыхъ статьяхъ своихъ о «Темномъ царствѣ». Воспроизвести строй и духъ народной пѣсни поэтъ, выросшій при чуждыхъ ей условіяхъ, можетъ только искусственно, и подражаніе непремѣнно будетъ шире оригинала. Всего меньше можно ожидать и требовать близости къ народной поэзіи именно отъ Некрасова, какъ представителя той эпохи, когда наша интеллигенція стала сознавать свои обязанности передъ народомъ. Волюющее противорѣчіе между этими обязанностями и крѣпостнической дѣйствительностью должно было отзываться въ поэмѣ такимъ тяжелымъ чувствомъ, при которомъ не могло быть и рѣчи о спокойномъ настроеніи, объективномъ міросоверзаніи народной пѣсни. Примѣръ Кольцова, укорененно приводимый критикомъ, говоритъ прямо противъ поддерживаемой имъ тѣмы. Да, пѣсня Кольцова родственна народной пѣснѣ — но именно потому, что Кольцовъ родился и воспитался въ другой средѣ, чѣмъ Некрасовъ, въ средѣ, едва отдѣляющейся отъ народа, и только поздно и слегка испыталъ на себѣ дѣйствіе ихъ вліяній, въ которыхъ мы ни на минуту не можемъ представить себѣ Некрасова. И у Кольцова, впрочемъ — безъ сомнѣнія вслѣдствіе этихъ самыхъ вліяній — стали, подъ концомъ жизни, появляться

черты, которыхъ напрасно было бы искать въ народной поэзіи (напр., «Путь», «Въ непогоду вѣтеръ», «Разсчетъ съ жизнью»).

Сравненіе Некрасова съ А. Шенъе и В. Гюго имѣетъ цѣлью доказать, что излишнее преобладаніе у Некрасова отрицательнаго элемента не оправдывается общимъ направленіемъ его творчества, что истинная поэзія возможна и въ сатирѣ. При такой постановкѣ вопроса, незачѣмъ долго останавливаться на параллели между Некрасовымъ и Андрѣ Шенъе, который вовсе не былъ ни сатирикомъ, ни отрицателемъ, а пѣвцомъ нѣги и любви, только подъ давленіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ промѣнявшимъ свой пластическій, антично-спокойный стихъ на «железный стихъ, облитый горечью и злостью»¹⁾. Съ В. Гюго у Некрасова больше точекъ соприкосновенія; они сходятся въ сочувствіи и состраданіи къ несчастнымъ, слабымъ, угнетеннымъ — но и съ этой точки зрѣнія, сравненіе между ними довольно затруднительно, потому что тѣмы, общія до нѣкоторой степени съ Некрасовскими, разрабатываются В. Гюго больше въ романахъ, письмахъ, рѣчахъ, чѣмъ въ лирическихъ произведеніяхъ. И между послѣдними можно, конечно, найти матеріалъ для параллели («Rencontre» въ «Rayons et Ombres», «les Pauvres gens» въ первой, «Question sociale» во второй части «Légende des siècles»), но большого интереса она представлять не будетъ, — такъ различны приемы, достоинства и недостатки обоихъ поэтовъ. Идти дальше, сравнивать поэзію Некрасова съ философскими стихотвореніями В. Гюго, съ его политическими сатирами (напр., съ «Châtiments»), значитъ заниматься совершенно правдымъ сопоставленіемъ разнородныхъ, несоизмѣримыхъ величинъ. Между мотивами, вдохновлявшими Некрасова, было ли когда-нибудь что-либо похожее съ одной стороны на 2-е декабря, съ другой — на подвиги великой наполеоновской арміи, на отпоръ, данный Франціей коалиціи 1792 и 1793 г.? Можно ли воспѣвать тихое горе голодающаго крестьянина тѣмъ же тономъ, какъ сраженіе при Эйлау или отступленіе 1812 г.? Искать и не находить у Некрасова тѣхъ эффектовъ, какіе извлекаетъ Гюго изъ подобныхъ воспоминаній, не зна-

¹⁾ Отыскивая и въ стихъ немногихъ стихахъ принириательное чувство, критикъ, конечно, по ошибкѣ, приписываетъ самому поэту слова, вложенныя нѣтъ въ уста юной узницы («la jeune captive»): «je pleure et j'espère... S'il est des jours amers, il en est de si doux... D'une prison sur moi les murs pèsent en vain, j'ai les ailes de l'espérance!» Говора о террорѣ и террористахъ отъ своего лица (въ амбахъ, въ «Charlotte Corday»), Шенъе ни разу не проговаривается словомъ прощенья или примиренья — и это понятно, потому что въ суровой флигелинѣ оно было бы только диссонансомъ.

читать ли имѣннать Некрасову въ вину, что онъ родился не во Франціи, а въ Россіи? Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ на политическія тѣмы, В. Гюго остается публицистомъ - ораторомъ, привыкшимъ громить врага и прославлять свою идею; гдѣ же школа, въ которой Некрасовъ могъ научиться тому и другому? Оставьте за каждымъ поэтомъ родственную ему сферу, не требуйте отъ всѣхъ того, что могутъ дать лишь нѣкоторые; иначе ваша критика будетъ только отраженіемъ вашихъ личныхъ вкусовъ, капризнымъ превознесеніемъ одного поэта на счетъ другого.

Возставая противъ сравненія Некрасова съ Шеньэ и Гюго, мы не беремся замѣнить эти имена другими, болѣе соответствующими цѣли. Скорѣе всего можно было бы сопоставить Некрасова съ Бернсомъ и Томасомъ Гудомъ, отчасти, пожалуй, съ Беранже; но и для таковой параллели слишкомъ мало твердыхъ точекъ опоры. Бернсъ, какъ и Некрасовъ, стоялъ за униженныхъ и обѣдненныхъ, боролся противъ общественнаго неравенства, противъ фарисейской морали; но онъ вносилъ въ эту борьбу гораздо болѣе порывистости, болѣе чувственнаго жара, болѣе *политической* страсти, чѣмъ Некрасовъ. Самая форма его стихотвореній, близкая къ пародной пѣснѣ, рѣзко отличаетъ ихъ отъ поэзіи Некрасова. Въ «Пѣсни о рубашкѣ», въ «Пѣсни работника» Томаса Гуда звучитъ мотивъ, хорошо намъ знакомый по произведеніямъ нашего поэта; но дѣятельность Гуда въ этомъ направленіи была прервана въ самомъ ея началѣ ¹⁾. У Беранже можно найти два, три стихотворенія, въ которыхъ слышится та же нота («Jacques», «le Vieux vagabond», «le Vieux sarogal»); но они тонутъ въ массѣ пѣсенокъ, не имѣющихъ ничего общаго съ Некрасовскою поэзіей, какъ не было ничего общаго между натурами Некрасова и Беранже. Между нашими, русскими поэтами Некрасовъ также стоитъ совершенно особнякомъ. Сравненіе его съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда оно ограничивается указаніемъ причинъ, давшихъ различное направленіе, различную окраску творчеству каждаго изъ этихъ трехъ поэтовъ ²⁾. У Огарева развѣ съ трудомъ можно найти нѣсколько пьесъ, издаലെка напоминающихъ Некрасова («Кабанъ», «Дорога»). Тютчевъ однажды вдохновился мыслью о народномъ горѣ — но въ немногихъ строкахъ, написанныхъ

¹⁾ Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что „Плачь дѣтей“ Некрасова—подражаніе „Пѣсни о рубашкѣ“ Томаса Гуда.

²⁾ Удачный опытъ такого сравненія сдѣланъ въ небольшой статьѣ: „Некрасовъ и его критика“, помѣщенной въ № 59 „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1878 г.

имъ на эту тему, слышится фальшивая нота, которой ни разу не бралъ Некрасовъ:

Эти бѣдня селеня,
 Эта скудная природа,
 Край родной долготерпѣна,
 Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не оценитъ
Гордый взоръ иноплемennyй,
Что сквозитъ и тайно светитъ
Въ наготъ твоей смиренной.
 Удрученный вошей крестной,
 Всю теба, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
 Исходитъ, благословляя.

Прелестное начало и прелестный конецъ испорчены славянофильскою фразой о гордости Запада, о русскомъ смиреніи, о чемъ-то непонятномъ, таящемся въ прошедшемъ и настоящемъ русскаго народа. Прочитайъ это стихотвореніе, еще лучше сознаешь, еще больше цѣнишь правдивость, простоту отношенія Некрасова къ народной жизни.

Что часто унускалось изъ виду современниками поэта, чего не умѣли или не хотѣли понять нѣкоторые изъ его критиковъ, то угадала общественная мысль—или, лучше сказать, общественное чувство—при вѣсти о смерти Некрасова. Почти во всѣхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ его памяти¹⁾, онъ воспрѣвается именно какъ радѣлецъ бѣднаго народа, какъ печальный народнаго горя, какъ пѣвецъ народныхъ страданій. Да, именно любовь къ народу—красугольный камень всего творчества Некрасова. Глубоко заблуждаются тѣ, которые видятъ въ немъ отрицателя по преимуществу—все равно, ставятъ ли они ему это въ вину или въ заслугу²⁾. Если онъ сказалъ про себя: «то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть», то въ этомъ отразилось только настроеніе тяжелой минуты; гораздо ближе къ истинѣ другое восклицаніе поэта: «Одна любовь связаться въ ней (т.-е. въ его вѣснѣ) успѣла къ тебѣ, моя родная сторона». Некрасовъ проповѣдывалъ любовь не однимъ только «враждебнымъ словомъ отрицанья»; гораздо сильнѣе онъ возбуждалъ ее сердечнымъ словомъ состраданія, сочувствія, вѣры—вѣры въ народъ и въ человѣка. Его муза была не столько «музой мести», сколько «музой печали»,—не той печали,

¹⁾ Всѣ эти стихотворенія собраны въ изданной г. Голубевымъ книгѣ: „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“.

²⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить Некрасова съ настоящими отрицателями—Байрономъ, Аскерманъ, отчасти Гейне.

которая оплакиваетъ, сломъ руки, неотвратимое и невознагражденное горе, а той, которая служить первымъ шагомъ къ его исцѣленію. Его сомнѣнья никогда не переходили въ отчаянье, ненависть—эта обратная сторона любви—никогда не обращалась у него въ злобу. Въ призвѣ къ борьбѣ у него не звучитъ призвѣ къ насилию. Вездѣ, гдѣ онъ остается самимъ собою, въ немъ сказывается та «добрая крестьянская душа», о которой говоритъ одинъ изъ его героевъ (Якимъ Нагой въ поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо»).

Но этого еще недостаточно, чтобы объяснить себѣ вполне самобытность Некрасова и затруднительность параллели между нимъ и другими поэтами, изъ которыхъ многіе, какъ и Некрасовъ, были друзьями и защитниками народа. Оригинальность Некрасова обуславливается тѣмъ, что онъ любилъ русскій народъ не какъ отвлеченную идею, не какъ воплощеніе извѣстнаго — положимъ, демократическаго — начала, а какъ совокупность реальныхъ лицъ, какъ родного по крови или по духу человѣка. Чувство свое къ тѣмъ крестьянамъ, съ которыми его рано сблизила жизнь, онъ перенесъ на все русское крестьянство — и съ такимъ обобщеніемъ чувства шло рука объ руку его углубленіе. Отсюда, съ одной стороны, необыкновенная теплота и искренность всего того, что Некрасовъ говоритъ о народѣ, съ другой — наглядность и вѣрность картинъ, матеріалъ для которыхъ взять имъ изъ народнаго быта. Въ этихъ картинахъ человѣкъ и природа сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое, именно потому, что такимъ цѣлымъ, живымъ, конкретнымъ, — они постоянно представлялись умственному взору поэта. Читая, напримѣръ, В. Гюго, чувствуешь, что онъ никогда не жилъ съ народомъ, что источникъ симпатіи его къ народу — въ головѣ, а не въ сердцѣ; чтеніе Некрасова производитъ совершенно противоположное впечатлѣніе. Отчасти, вслѣдствіе этого, Некрасовъ едва ли когда-либо приобрететъ общеевропейское значеніе; конечно, многія стороны его творчества могутъ быть оцѣнены по достоинству и иностранцами; но за то на русскихъ, сколько-нибудь способныхъ отозваться на одушевляющее его чувство, онъ дѣйствуетъ — и по всей вѣроятности долго еще будетъ дѣйствовать — съ неотразимой силой. По справедливому замѣчанію одного изъ критиковъ Некрасова, чтобы понять Некрасова, простолюдину достаточно сдѣлаться грамотнымъ, между тѣмъ какъ понять и оцѣнить, напримѣръ, Пушкина онъ можетъ только выйдя изъ народа и вступивъ въ интеллигенцію.

На долю Некрасова выпала завидная участь принадлежать сначала къ числу тѣхъ, которые возбудили въ русской жизни

вопросъ о народѣ, потому къ числу тѣхъ, которые ставили его все шире и шире, поддерживали однажды возникшій интересъ къ нему, оживляли и углубляли однажды проснувшееся чувство. Много сдѣлано, много дѣлается и теперь на этомъ пути; но въ сумму усилій, направленныхъ къ достиженію общей цѣли, одинъ Некрасовъ внесъ могучій двигатель, ни съ чѣмъ несравнимый свѣтъ истинной поэзіи.

О, долголѣтны вы, пѣсни, пощія
Муки народныя, по сердцу бьющія!
Пѣснѣ твоей, о, страданій пѣвецъ,
Будетъ не скоро желанный конецъ:
Тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается,
Тамъ онъ, гдѣ счастья вара занимается...

(„На смерть Некрасова“, От. Зал., 1878, № 1).

Z. Z.

ИШПОЛИТЬ ТЭНЪ

КАЕЪ

ИСТОРИКЪ ФРАНЦІИ

О к о н ч а н і е .

ХІІІ *).

Selon la coutume des novateurs, il pousse la vérité jusqu'à l'erreur. Exagérer est la loi et le malheur de l'esprit de l'homme; il faut dépasser le but pour l'atteindre.

Taine. Essai sur Tite-Live, p. 102.

Въ прошлой статьѣ мы имѣли преимущественно въ виду ту часть новой книги Тэна, гдѣ изображено движеніе народныхъ массъ Франціи передъ революціей и въ первые ея мѣсяцы. Натуралистическій методъ Тэна, его стремленіе отыскивать въ политическихъ событіяхъ вліяніе естественныхъ потребностей и грубыхъ инстинктовъ человѣческой толпы, его способность схватить событіе съ внѣшней реальной стороны, съ точки зрѣнія трезваго практическаго наблюдателя, — всё это, уже знакомыя намъ, особенности Тэна имѣли возможность проявиться здѣсь со всѣми своими достоинствами. Однако уже и здѣсь обнаружился главный недостатокъ Тэна — отсутствіе историческаго интереса и, вслѣдствіе этого, нерасположеніе вникать въ историческое зна-

*) См. выше: сент., 234 стр.

ченіе описываемыхъ событій. Такъ, напримѣръ, Тэнъ видитъ въ повсемѣстныхъ бунтахъ и буйствахъ народа въ 1789 году только послѣдствія голода и эгонистическихъ страстей толпы, воспользовавшейся слабостью власти и разложениемъ государственнаго порядка, и забываетъ, что «самопроизвольная анархія» 1789 года была, по существу своему, насильственной отмѣной феодальнаго строя, правильное и законное устраненіе котораго со стороны правительства запоздало на нѣсколько вѣковъ. Но чѣмъ выше поднимается Тэнъ, переходя отъ анализа инстинктовъ и влеченій въ изученію политическихъ идей и учрежденій, чѣмъ болѣе на первый планъ его разсказа, вмѣсто народной массы и случайной толпы, выдвигается революціонное правительство и законодательство, тѣмъ несостоятельнѣе становится методъ нашего историка. Конечно, и вторая книга Тэна, въ которой онъ критикуетъ дѣятельность національнаго собранія, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ подробностей и мѣткихъ замѣчаній, но и то преимущественно въ первой главѣ этой книги, гдѣ Тэнъ разсматриваетъ національное собраніе, какъ массу, — гдѣ онъ рисуетъ обстановку, среди которой приходилось дѣйствовать этому собранію, изучаетъ его дѣятельность съ внѣшней, театральнаго и съ психологической стороны. Очень искусно подготавливаетъ Тэнъ читателя къ тому выводу, который составляетъ цѣль его критики, — что законодательная дѣятельность національнаго собранія представляетъ собой не что иное, какъ громадную политическую ошибку. Для достиженія этой цѣли, Тэнъ ведетъ читателя въ залу засѣданій, на галерею, отведенную для публики, дѣлаетъ его непосредственнымъ зрителемъ — и доказываетъ ему во-очію, что національное собраніе не обладало ни однимъ изъ условій, необходимыхъ для законодателей, которымъ поручена полная реорганизація страны, что собранію недоставало ни безопасности и независимости извнѣ, ни порядка и хладнокровія внутри, ни здраваго практическаго смысла, ни политической дисциплины, ни признанныхъ и компетентныхъ руководителей.

Зала засѣданій слишкомъ обширна, — она своей громадностью заставляетъ оратора возвышать голосъ и невольно впадать въ паеозъ (*porte à la déclamation*). Число депутатовъ слишкомъ велико — ихъ больше 1,000 — чтобы президентъ былъ въ состояніи поддерживать среди нихъ тишину и порядокъ. Нерѣдко до 200 чело-вѣкъ говорятъ за одинъ разъ. Публика на галереяхъ принимаетъ живое участіе въ засѣданіяхъ, и этимъ еще болѣе содѣйствуетъ возбужденію ораторовъ, которые, подобно актерамъ, увлекаются увлеченіемъ публики и оттого впадаютъ въ постоянное преувели-

ченіе въ выраженіяхъ и мысляхъ. Въ этомъ новомъ, неопытномъ собраніи никто еще не привыкъ жертвовать своимъ самолюбіемъ для общаго дѣла; каждый говоритъ и дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Во время обсужденія, напримѣръ, важнаго проекта о національномъ банкѣ, одинъ депутатъ вдругъ предлагаетъ, чтобъ каждый пожертвовалъ на алтарь отечества серебряную пряжку, которую тогда носили на башмакахъ. Сказавъ свою рѣчь, этотъ депутатъ торжественно кладетъ свою пряжку на столъ передъ президентомъ — и его предложеніе единогласно принимается собраніемъ. Такими неожиданными эпизодами постоянно прерывались самые серьезныя доклады. Оттого депутаты утромъ не знаютъ, что они будутъ дѣлать вечеромъ (*et sont à la merci de toutes les surprises*). Не даромъ американецъ Моррисъ сравниваетъ засѣданіе съ шальной стрѣльбой, когда изъ 1,000 выстрѣловъ развѣ только одинъ направленъ не въ пустое пространство. Тань, впрочемъ, даже въ знаменитомъ засѣданіи въ ночь на 5-е августа, когда были отиѣнены огульно всѣ средне-вѣковыя привилегіи сословій, городовъ и провинцій, видитъ не что иное, какъ неожиданную интермедію, во время которой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми до головокруженія. Этому вѣшнему отсутствію дисциплины соответствуетъ, по заключенію Тэна, внутренняя причина постоянного безпорядка. Депутаты воспитаны въ понятіяхъ и преданіяхъ салонной жизни XVIII вѣка; они все слишкомъ чувствительны и слишкомъ привыкли къ разговорнымъ формамъ и манерамъ, доведеннымъ до крайней вѣжливости. Понавншъ на политическую арену среди оскорбительныхъ преній и безцеремонныхъ противорѣчій, сдѣлавшись жертвой ненавистныхъ инсинуаций, непрерывныхъ клеветъ и открытыхъ нападеній, они тотчасъ выходятъ изъ себя. Они не только сами экзальтированы, но пронизаны потребностью постоянного новаго воодушевленія. Имъ мало огульныхъ рѣчей, которыя произносятся на ихъ трибунѣ, и они заставляютъ повторять въ залѣ собранія трогательныя рѣчи, которыя были произнесены Неккеромъ или другими въ городской ратушѣ. Засѣданія всегда начинаются съ чтенія поздравительныхъ адресовъ или угрожающихъ доносовъ, и нерѣдко прерываются депутаціями и процессіями, которыя съ музыкой являются въ залу національнаго собранія. Оттого эти засѣданія такъ часто представляютъ зрѣлище патриотической оперы, и этой страстью французскихъ законодателей къ театральности пользуются постороннія лица не только для личныхъ цѣлей и рекламы, но и для политическихъ интригъ. По своему обычаю, Тань выражаетъ свою мысль, — что національное собраніе все бо-

лѣе и болѣе поддавалось увлеченію подъ вліяніемъ возбужденныхъ и политически неразвитыхъ народныхъ массъ, — между прочимъ, въ слѣдующей смѣлой и рельефной метафорѣ, неподдающейся переводу: «Dans ce grand banquet national que l'Assemblée croyait conduire, et auquel, portes ouvertes, elle appelait toute la France, elle s'est d'abord enivrée d'un vin noble; mais elle a trinqué avec la populace, et, par degrés sous la pression de ses convives, elle est descendue jusqu'aux boissons frelatées et brûlantes, jusqu'à l'ivresse malsaine et grotesque, d'autant plus grotesque et malsaine qu'elle persiste à se prendre pour la raison».

«Но даже въ трезвыя минуты, — говоритъ Тэнъ, — собраніе не можетъ руководиться указаніемъ разума, потому что ни въ какомъ французскомъ законодательномъ собраніи, за исключеніемъ двухъ слѣдующихъ, не было такъ мало политическихъ головъ». Анализируя составъ національнаго собранія, Тэнъ указываетъ на то, что почти всѣ практическіе и дѣловые люди, которыхъ можно было найти въ тогдашней Франціи, преимущественно среди администраціи, въ парламентахъ и въ провинціальныхъ собраніяхъ, были исключены изъ національнаго собранія. Изъ 577 депутатовъ *третьяго сословія* только 10 занимали важныя должности.

Любопытно однако обратитъ вниманіе на то, какъ смотрѣли на дѣло въ началѣ революціи люди, на которыхъ Тэнъ возлагаетъ такія большія надежды. Мы возьмемъ для примѣра одного изъ этихъ 10-ти — Малуэ, который былъ интендантомъ въ морскомъ министерствѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ нѣсколькихъ министровъ. Тэнъ, какъ мы видѣли, считаетъ Малуэ однимъ изъ трехъ лучшихъ умовъ тогдашняго времени, и въ этомъ съ нимъ нужно согласиться; онъ нерѣдко руководится въ своихъ сужденіяхъ мнѣніями Малуэ и даже заимствовалъ у него основную идею своего сочиненія о революціи: «ce n'est pas une révolution, mais une dissolution qui s'opère au profit de quelques hommes pervers» (Mém. de Mal. II, p. 186). И что же оказывается? Что интенданты, администраторы стараго порядка — если они были не на сторонѣ реакціи — раздѣляли тѣ принципы, которые были осуществлены революціей и даже предлагали тѣ самыя практическія мѣры, которыя, по мнѣнію Тэна, вызвали «узаконенную анархію». Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ рѣчи, произнесенной Малуэ передъ своими избирателями: «La volonté générale est la véritable souveraine puissance devant laquelle tous les obstacles disparaissent» (I, p. 228), а въ проектѣ инструкцій, составленномъ Малуэ и принятомъ избирателями, сказано: «Ce sont nos pouvoirs que vous allez exercer et il n'en

est aucun qui n'émane du peuple... Que l'intérêt de tous, qui sera la seule limite de vos pouvoirs, soit aussi la règle invariable de votre conduite. Accablés depuis longtemps par le pouvoir absolu, mais éclairés maintenant sur nos véritables intérêts, nous avons à réparer les fautes et les malheurs de plusieurs siècles» (232). Что же касается до практических мѣръ, то въ этомъ же проектѣ высказываются требованія, чтобы къ національному собранію перешелъ не только контроль надъ финансами, но и участие въ законодательной власти: «que l'Assemblée des États Généraux soit reconnue solennellement la seule puissance compétente pour consentir et sanctionner les lois et les impôts»; требуется полное уничтоженіе бюрократіи и централизація и передача администраціи въ руки выборныхъ властей: «que les intendants soient supprimés, leur administration pouvant être utilement exercée par les états provinciaux et leurs commissaires»; требуется даже, чтобы полиція была предоставлена городскимъ властямъ, свободно избраннымъ населеніемъ. Конечно, Малюэ возставалъ, какъ и Мирабб, не противъ монархіи, а противъ произвола и деспотизма министровъ и сознавалъ «que le peuple a besoin d'être gouverné», что народъ неспособенъ быть правительствомъ; но дѣло въ томъ, что вышеизложенные принципы были несомѣстны съ монархіей Людовика XVI и предложенныя выше реформы должны были перенести центръ тяжести государственной власти къ толпѣ избирателей, — а именно въ этому стремилась и масса депутатовъ, политику которыхъ осуждаетъ Тэъ.

Это большинство національнаго собранія состояло изъ невѣстныхъ адвокатовъ и мелкихъ чиновниковъ, съ юности вращавшихся въ узкомъ кругу канцелярской рутинны, прерываемой только философическими прогулками въ фантастическія пространства подъ руководствомъ Руссо и Рейналя. Къ этимъ депутатамъ примыкало около 100 другихъ, подобныхъ имъ по своему развитію, и 208 священниковъ, раздѣлявшихъ ихъ точку зрѣнія. Такимъ образомъ, составилось большинство въ 650, къ которымъ присоединялось около 50 искреннихъ теоретиковъ (de nobles philosophes), не считая слабыхъ, которые слѣдуютъ теченію, и честолюбивыхъ, которые пристають туда, гдѣ ожидаютъ успѣха. Всего хуже то, что новые политики, непригодные для возложеннаго на нихъ дѣла, считаютъ себя во всему способными и что ихъ неопытность равняется ихъ самообольщенію. Для нихъ не существуетъ сомнѣнія — и они всегда промѣкнути убѣжденіемъ въ своей непогрѣшимости. Они считаютъ себя слишкомъ просвѣщен-

ными, чтобы руководиться фактами, когда наступилъ эѣтъ разума. Поэтому они, сообразно съ манерой Руссо, дѣйствуютъ дедуктивно, выводя все изъ отвлеченныхъ понятій о правѣ и государствѣ. При такомъ настроеніи пренія этого политическаго собранія вохожи на засѣданія общества старикъ литераторовъ, гдѣ одинъ членъ за другимъ читаетъ свою рѣчь безъ отношенія къ предшествовавшей и послѣдующей. Въ то время, когда горѣли замки и подвергались разграбленію породежія ратуши, водворъ хлѣба былъ приостановленъ и все общество распалось,— 54 оратора записались на пренія о правахъ человѣка—и «это скучное и усыпительное пустословіе», «эта метафизическая галлматія» продолжалась цѣлыя недѣли, подобно тому, какъ схоластическіе богословы спорили о свѣтѣ на горѣ Фаворской въ ту минуту, когда Магометъ громилъ изъ пушекъ стѣны Константинополя. При такомъ положеніи дѣлъ руководителями какъ націи, такъ и національнаго собранія сдѣлались головорѣзы (les coiffeurs). Они имѣли на своей сторонѣ два преимущества, и эти преимущества были такъ значительны, что обезпечивали за ними навсегда преобладаніе. Во-первыхъ, на ихъ сторонѣ была господствовавшая теорія и они одни готовы были довести ея осуществленіе до конца. Ихъ влияние въ этомъ отношеніи было тѣмъ сильнѣе, что не только большинство депутатовъ, но и самые умѣренныя—и даже члены оппозиціи—исходили изъ той же теоріи, самые упорные изъ привилегированныхъ въ своихъ инструкціяхъ отстаивали права челоѣка, и Мунье, главный противникъ демагоговъ, руководилъ депутатами третьяго сословія, когда они провозгласили себя національнымъ собраніемъ. Но если бы даже большинство, наконецъ, отказалось идти за своими вождями, — оно было бы насильно принуждено къ этому возмущившимся народомъ, который собраніе постоянно само поощрало и публикой на галереяхъ, которой собраніе предоставило непосредственное влияние на пренія и голосованіе. Въ этой публикѣ главную роль играла шайка изъ 750 челоѣвъ, правильно организованная и состоявшая на жалованьѣ. Тамъ сообщается любопытныя свѣдѣнія объ организаціи этой закулисной силы и о непосредственномъ участіи ея въ драмѣ, которая тогда разыгрывалась. Всѣ насилія со стороны толпы, овладѣвшей галереями, остаются не только безнаказанными, но и встрѣчаются съ одобреніемъ; депутаты, вторые жалуются на такое насиліе, призываются въ порядокъ; и вышпательство зрителей—ихъ крики, ихъ брань и угрозы разсматриваются какъ необходимая принадлежность законодательной дѣятельности

собрания — «sont introduites comme un rouage régulier dans l'opération législative».

Насилия не ограничиваются, впрочем, перерывами и угрозами въ залѣ засѣданія; при выходѣ изъ нея на улицѣ депутаты преслѣдуются, подвергаются личнымъ оскорбленіямъ и опасности; многіе изъ нихъ принуждены защищаться оружіемъ. И народная ярость направлена не только противъ депутатовъ, отстаивающихъ привилегіи, но даже противъ тѣхъ, которые высказались въ чисто практическихъ вопросахъ несогласно съ господствующимъ взглядомъ; такъ, напримеръ, экономистъ Дюнонь, который произнесъ рѣчь противъ ассигнацій, былъ встрѣченъ на улицѣ съ ругательствами и увлеченъ къ Тюльерійскому бассейну, и только патруль спасъ его отъ потопленія.

Національное собраніе ухудшило свое положеніе и состояніе страны своимъ постановленіемъ, чтобы никто изъ депутатовъ не могъ занять министерскаго поста, — оно такимъ образомъ отказалось окончательно захватить власть въ свои руки и взять на себя всю отвѣтственность за управление. Если бы вожди большинства были министрами, они не только сами набрались бы многихъ практическихъ свѣдѣній, которыхъ имъ не доставало, увидали бы многое въ иномъ свѣтѣ, но и собраніе посредствомъ ихъ повзавомилось бы съ практикой и выступило бы изъ своей академической роли. Съ другой стороны, этимъ средствомъ національное собраніе избавило бы себя отъ постоянной подозрительности и страха подкоповъ и заговоровъ со стороны двора. Учрежденный собраніемъ «Розкскій комитетъ» для изслѣдованія преступленій противъ націи, возобновлявшійся каждый мѣсяць и состоявшій изъ неопытныхъ и легковѣрныхъ дѣателей, своими доносами, обысками и мнимыми заговорами только волновалъ общественное мнѣніе и приводилъ въ трепетъ самое собраніе, ибо въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, собраніе не отличалось ничѣмъ отъ народа. Такимъ образомъ, заключая Тэнъ, національное собраніе руководилось при разрушеніи стараго зданія и при построеніи новаго двумя одинаково вредными побужденіями — страхомъ и теоріей.

Нельзя не признать, что въ живой, пластической характеристикѣ національнаго собранія, которую мы могли замѣтить здѣсь только въ общихъ чертахъ, Тэнъ обнаружилъ свою обычную наблюдательность и что многіе изъ его упрековъ совершенно справедливы; но общее впечатлѣніе, которое производитъ національное собраніе въ книгѣ Тэна, значительно замѣнилось бы, если бы авторъ примѣнилъ къ послѣднему историческую мѣрку.

Национальное собраніе было не только первымъ демократическимъ правительствомъ во Франціи, но и вообще представляетъ собой первую политическую арену, на которой демократія могла свободно развернуть свои силы, испробовать свои теоріи и осуществить свои идеалы. Отъ этой юней демократіи, которая въ своемъ наивномъ энтузіазмѣ полагала, что вмѣстѣ съ новыми лучшими принципами переродились и самые люди, — нельзя было требовать той внутренней дисциплины и того самообладанія, которыя вырабатываются только борьбой, нельзя было требовать убѣжденія, добываемаго только опытомъ, что политическая жизнь складывается изъ равновѣсія различныхъ силъ и что политическій прогрессъ достигается путемъ сдѣловъ. Конечно, если мы будемъ сравнивать депутатовъ 1789 г. съ римскими сенаторами, которые греческому послу показали сонмомъ царей и которые говорили только, когда доходила до нихъ очередь и консулъ обращался въ нимъ лично съ вопросомъ, — то они могутъ намъ показаться жалкими въ своей законодательной роли; въ римскомъ сенатѣ царилъ духъ чинныхъ патрициевъ, уважавшихъ существующее какъ порядокъ, установленный богами, и этотъ сенатъ былъ составленъ исключительно изъ лицъ, привыкшихъ къ военной дисциплинѣ.

Национальное же собраніе состояло изъ людей, жаждавшихъ высказать то, что такъ долго у всѣхъ таилось на сердцахъ и въ-рившихъ, какъ гуманисты въ вѣкъ ренесанса, что теперь наступила весна человечества, что теперь только и слѣдуетъ жить и дѣйствовать. Поэтому на демократическихъ законодателяхъ 1789 г. нужно смотрѣть не съ римскаго Капитолія и не изъ Вестминстерскаго аббатства, а справедливѣе было бы сравнивать ихъ съ преемниками, наприм., съ законодательнымъ собраніемъ современной французской республики; тогда бы оказалось, какъ много выиграла французская демократія въ зрѣлости, самообладаніи и политической опытности; а съ другой стороны многое, что представляется страннымъ и ненормальнымъ въ 1789 г., пришлось бы признать только естественнымъ послѣдствіемъ тогдашняго положенія французской демократіи: какъ, напр., недостатокъ дисциплины въ засѣданіяхъ собранія, отсутствіе въ немъ политическихъ вождей (leader), которымъ предоставляется парламентская талтала и распредѣленіе ролей, наконецъ, внезапное и общее увлеченіе подъ влияніемъ встать сказанной и патетической рѣчи. Тѣмъ слѣдовало бы также замѣтить, что анархическія свойства собранія восполнялись единодушнымъ настроеніемъ большинства и согласіемъ между депутатами относительно общихъ вопросовъ. Этимъ

объясняется то, что самыя важныя постановленія принимались иногда по предложенію мало извѣстныхъ депутатовъ, имена которыхъ сохранились въ исторіи только благодаря этому поводу. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ, которыя можно объяснить тогдашнимъ воспитаніемъ или національнымъ характеромъ Франціи, не что иное, какъ свойство всякаго чисто-демократическаго общества. Тэнъ приводитъ, накримѣръ, замѣчаніе современника революціи, — женеваца Дюмона, что если бы набрать на улицахъ Лондона и на улицахъ Парижа случайную толпу человѣкъ въ 100 и предложить имъ взять на себя управление страной, то въ Парижѣ на это согласились бы 99 изъ 100, а въ Лондонѣ 99 изъ 100 отказались бы. Дюмонъ прибавляетъ, что французы считаютъ себя способными побѣдить всѣ препятствія съ помощію нѣкотораго ума (avec un peu d'esprit). Это очень вѣрно, но стоить только немного всмотрѣться въ исторіи разныхъ демократій, чтобы убѣдиться, что во всякой крайней демократіи всякій ремесленникъ считаетъ себя способнымъ быть министромъ и генераломъ и всякій грамотей — способнымъ трактовать о всѣхъ безъ исключенія ученыхъ или специальныхъ предметахъ. Если 99 изъ 100 англичанъ отказались бы отъ управленія страной, то это было бы не столько слѣдствіемъ ихъ національнаго здраваго смысла и самообладанія, сколько ихъ политической трезвости, приобретенной подъ аристократическимъ управленіемъ; тѣ же 99 англичанъ послѣдовали бы примѣру французовъ, если бы ихъ набрать не на улицахъ Лондона, а на улицахъ Нью-Йорка или Бостона.

Еще болѣе обнаруживается отсутствіе исторической точности зрѣнія у Тэна, когда онъ критикуетъ составъ національнаго собранія и указываетъ на вредъ, который имѣло преобладаніе адвокатовъ и бюрократическаго элемента. Для Тэна это преобладаніе — печальный фактъ, который повлечетъ за собой извѣстныя опредѣленныя имъ послѣдствія. Но опять-таки наши сужденія измѣнятся, если мы примемъ въ соображеніе тѣ историческія причины, которыми объясняется этотъ фактъ.

Когда *третье сословіе* выбирало депутатовъ, оно имѣло въ виду борьбу съ привилегированными классами и съ абсолютизмомъ, и потому естественно, что оно брало своихъ вождей не изъ числа интендантовъ, военныхъ командировъ и членовъ парламентской магистратуры, которые въ большинствѣ были заинтересованы въ сохраненіи стараго порядка, — а напротивъ, изъ той среды, которая наиболѣе сочувствовала новымъ демократическимъ стремленіямъ. Кромѣ того, Тэнъ, жалуясь на преобладаніе, какъ

мы бы назвали, канцелярскаго элемента предъ землевладѣльческимъ, долженъ былъ бы обратить вниманіе на то, что это предпочтеніе адвокатовъ и чиновниковъ объясняется не одними политическими тенденціями. Малою, сужденіямъ котораго онъ такъ довѣряетъ, сознается, что во время выборовъ онъ былъ изумленъ скудостью въ тогдашней Франціи независимыхъ землевладѣльцевъ, и на этомъ основаніи онъ считалъ невозможнымъ для Франціи конституціонный образъ правленія. Если при этомъ принять во вниманіе, что громадное большинство этихъ независимыхъ по своему положенію людей принадлежало къ дворянству, имѣвшему свое особое представительство, то становится яснымъ, почему въ 1789 г. выборъ въ депутаты отъ *третьяго сословія* палъ преимущественно на людей наиболѣе пропитанныхъ демократическими идеями. А при такомъ положеніи дѣла руководителями общественнаго движенія естественно сдѣлались адвокаты, которые благодаря своей профессіи, приучающей ихъ прислушиваться къ настроенію своей аудиторіи и угождать ей, должны выдаваться и пользоваться популярностью во всякомъ демократическомъ обществѣ ¹⁾. Мы позволимъ себѣ по этому поводу дополнить изложеніе Тэна очень интереснымъ замѣчаніемъ Бальи о роли, которую пришлось тогда играть адвокатамъ и литераторамъ. «Я долженъ замѣтить,—говоритъ Бальи въ своихъ мемуарахъ ²⁾,—о собраніи парижскихъ избирателей,—а это примѣнимо и вообще къ тогдашней Франціи,—что «литераторы» ³⁾ пользовались въ немъ большимъ нерасположеніемъ. Между тѣмъ они (*les gens de lettres*)—самые просвѣщенные люди, если не относительно каждаго частнаго предмета, то, по крайней мѣрѣ, относительно общихъ вопросовъ, и это оттого, что имъ приходилось болѣе другихъ упражнять свой умъ, и они лучше знаютъ, каковымъ образомъ его примѣнить въ дѣлу». Бальи объясняетъ неуспѣхъ литераторовъ на выборахъ тѣмъ, что ихъ было не много; «въ

¹⁾ Мы находимъ въ мемуарахъ Ривароли (стр. 14) слѣдующую характеристику политической роли адвокатовъ во время французской революціи: „On peut dire pour disculper les avocats qu'ils sont par état des êtres verbeux, forcés de cacher la disette des idées sous l'abondance des mots, d'exagérer les petites choses et d'atténuer les grandes, d'écrire même et de penser à *la grosse* comme ils le disent eux-mêmes.

²⁾ I, 64, изд. 1804 г.

³⁾ Мы принуждены оговориться и обратить вниманіе на то, какъ далеко уклонилось значеніе русскаго слова *литераторы* отъ французскаго *gens de lettres*. Бальи разумѣетъ подъ послѣдними преимущественно французскихъ академиковъ; у него литераторы отождествляются съ *учеными* и *философами*; у насъ понятія литератора и ученаго стали, къ сожалѣнію, существенно расходиться.

собраніи было два господствовавшихъ класса — купцы и адвокаты; — купцы мало знаютъ литераторовъ, а что касается до адвокатовъ, которые были въ состояніи ихъ оцѣнить, то между ними всегда существуетъ соперничество». Но затѣмъ Балль приводитъ еще другую, болѣе существенную причину: «философъ, — говоритъ онъ, — любить свободу, онъ знаетъ достоинство человѣка, но онъ требуетъ всего болѣе, чтобы миръ не былъ нарушенъ вокругъ него; онъ хочетъ, чтобы свѣтъ распространился, чтобы человѣкъ вступилъ въ свои права, но постепенно и безъ усилій; онъ опасается толчковъ и насильственныхъ революцій. Причина этого очень проста: онъ сравниваетъ то, что хотятъ купить, съ той цѣной, которую за это даютъ. Когда великій народъ захочетъ свободы, ничто не можетъ помѣшать ему достигнуть ея. Мудрецъ думаетъ, что этотъ естественный срокъ не слѣдуетъ насильственно сокращать; въ своихъ расчетахъ онъ принимаетъ въ соображеніе и *плюс*, и *минус*, и полагаетъ, что извѣстный *минус* предпочтительнѣе *плюса*, купленного общественными бѣдствіями и кровью нашихъ братьевъ».

Все, что составляетъ причину неуспѣха *философовъ* въ сильно возбужденномъ обществѣ и въ минуту взрыва демократическихъ страстей — доставляло, напротивъ, популярность людямъ, привыкшимъ апеллировать къ страстямъ, сообразоваться съ настроеніемъ общества и подниматься на этой волнѣ — людямъ, не разборчивымъ на средства, лишь бы достигнуть извѣстнаго эффекта, ихъ ближайшей цѣли. Повѣстно, что такимъ образомъ адвокаты были не только естественными, то-есть необходимыми, но и лучшими вождями для того общества, которое желало демократическаго переворота во что бы то ни стало, и Бёркъ былъ такъ же правъ, когда онъ поставилъ въ вину адвокатамъ неистовства революціи, какъ и первый президентъ національнаго собранія, знаменитый ученый Балль (*l'homme juste*, какъ онъ названъ въ протоколѣ парижскихъ избирателей), приписавшій имъ съ полной признательностію успѣхъ революціи.

Но, кромѣ того, опредѣляя вліяніе адвокатовъ на революцію, не слѣдуетъ забывать, что они были обязаны этимъ вліяніемъ не только своему профессиональному характеру, своей склонности увлекаться господствующими мнѣніями и опережать ихъ, но что причина ихъ преобладанія имѣетъ болѣе глубокіе историческіе корни. Адвокаты были не только естественными вождями воинствующей демократіи, но, можно сказать, ораторами многочисленнаго и могущественнаго класса, значеніе котораго восходитъ до самой ранней эпохи французской монархіи и который оста-

вили глубокіе слѣды въ судьбахъ французскаго народа. Это тотъ классъ, изъ котораго выходили средневѣковые *леисты* и въ второму во время французской революціи принадлежало почти все чиновничество. Замѣчательно, что во Франціи этотъ классъ всегда имѣлъ много точекъ соприкосновенія и много общаго въ умственномъ складѣ съ низшимъ духовенствомъ. Какъ въ средніе вѣка классъ чиновниковъ — *клерки* — въ значительной степени набирался изъ духовенства и изъ духовныхъ школъ, такъ и во время революціи почти всѣ *curés* оказались на сторонѣ адвокатовъ (*leurs pareils*). И въ средніе вѣка этотъ классъ клерковъ, легистовъ и адвокатовъ противопоставлялъ исторически сложившимся «вутьюмамъ» сухую догму, выведенную изъ римскаго права, былъ главнымъ врагомъ феодальныхъ притязаній и церковной автономіи, и съ неумолимой логикой теоретиковъ проводилъ въ жизнь отвлеченную идею государственнаго единства и государственнаго интереса. Но такъ какъ въ средніе вѣка отвлеченное государство слагалось изъ конкретныхъ феодальныхъ формъ подъ знаменемъ монархіи, то эти клерки и легисты были самыми вѣрными слугами монархіи, и не одинъ изъ нихъ заплатилъ своей жизнью за слишкомъ ревностныя услуги, оказанныя королю противъ феодальнаго строя. Но уже тогда эти защитники государства были очень склонны въ демократическимъ тенденціямъ и охотно сводили, слѣдуя римскимъ юристамъ, власть короля на народную волю. Въ 1789 же г., когда можно было окончательно побѣдить феодализмъ только на основаніи принципа народовластія и когда самая монархія оказалась на сторонѣ «старога порядка», этотъ классъ естественно предался безъ всякихъ сдержекъ своимъ демократическимъ инстинктамъ и своей наклонности преобразовать существующее во имя отвлеченной политической теоріи, и сдѣлался такимъ же ревностнымъ слугою царственной демократіи, какъ прежде монархіи.

Отъ Пьера Дюбуа, извѣстнаго адвоката XIII в. ¹⁾, до адвокатовъ революціи и ихъ союзника, аббата Сіеса, тянется непрерывная цѣпь, и тѣ же самые архитекторы, которые создали французскую монархію, работали въ 1789 году надъ устройствомъ

¹⁾ Историкъ Бутарикъ въ своей книгѣ о жизни и сочиненіяхъ Дюбуа, этого вѣятельнаго помощника Филиппа Красиваго въ его борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII, справедливо замѣчаетъ, что трактатъ этого легиста о независимости государственной власти сдѣлался манифестомъ французскихъ королей. А между тѣмъ уже этотъ ранній защитникъ государственнаго абсолютизма грозилъ правительству, что если оно не исполнитъ своей задачи — борьбы съ папствомъ, то для исполненія ея возстанетъ народъ.

Французской республики; но работали на этотъ разъ на полномъ просторѣ, не какъ слуги, а какъ господа Франціи, не соображаясь съ обстоятельствами и чужими требованіями, а исключительно руководясь начерченнымъ ими отвлеченнымъ планомъ. Конечно, философъ, о которомъ говоритъ Бальз, сталъ бы строить иначе. Но, чтобы судить объ этой работѣ и о достоинствѣ плана, нужно принять въ соображеніе роль, которую издавна играли эти архитекторы въ исторіи Франціи, и тѣ обстоятельства, которыя ихъ вдругъ внезапно сдѣлали полновластными распорядителями судебъ Франціи. Иностранцы, особенно англичане и американцы, которые на своей родинѣ не знали бюрократическаго элемента и ничѣмъ ему не были обязаны—изумлялись тому, что происходило на ихъ глазахъ и по-своему это объясняли.

Слѣдуя указаніямъ тогдашняго американскаго посла въ Парижѣ, умнаго и безпристрастнаго Морриса, Тэнъ распредѣляетъ депутатовъ національнаго собранія на три партіи: 1) партію аристократовъ, къ которой Моррисъ причисляетъ прелатовъ, парламентскую магистратуру и ту часть дворянъ, которые желали по-прежнему составлять особый штатъ въ государствѣ; 2) среднюю или умѣренную, состоявшую изъ людей *честныхъ* (*ayant des intentions droites*), искренно желавшихъ хорошаго правительства, но слишкомъ увлеченныхъ книжными теоріями; и, наконецъ, 3) партію *блжженныхъ* (*engagés*), самую многочисленную, состоявшую по Моррису изъ разряда лицъ, которыхъ въ Америкѣ называютъ *кляузниками* (*gens de chicane*), изъ толпы священниковъ и тѣхъ людей, которые при всякомъ переворотѣ стоятъ за переѣмну, потому что недовольны своимъ положеніемъ». Это дѣленіе Морриса имѣетъ слишкомъ субъективный характеръ, слишкомъ исключительно беретъ въ расчетъ внутреннія побужденія лицъ—честность убѣжденій или интересъ, заставляющіе ихъ дѣйствовать. Но люди, какъ общественные дѣятели, всегда могутъ быть раздѣлены на такихъ, которые болѣе или менѣе руководятся честными убѣжденіями или же личнымъ интересомъ, а послѣдній, въ свою очередь, можетъ заставить ихъ отстаивать старину или, напротивъ, стремиться къ перевороту. Такимъ образомъ, Моррисъ вездѣ нашелъ бы, какъ и въ національномъ собраніи, свои три категоріи; но болѣе существенно для дѣла и болѣе согласно съ исторической точкой зрѣнія было бы иное распредѣленіе депутатовъ. Одни считали правымъ только прошедшее,—а это прошлое заключалось въ феодальномъ строѣ, и потому его сторонниковъ можно назвать феодальной партіей или легитимистами, которые не желали дѣлать никакихъ существенныхъ уступокъ.

Другіе одинаково взвѣшивали и права прошедшаго и права будущаго, освященный вѣками фактъ и новую теорію, и при установленіи равновѣсія между ними преимущественно принимали въ соображеніе интересъ настоящаго. Это—партія реформы,—партія, которая понимала, что французское государство имѣетъ монархическій строй, и потому хотѣла по-прежнему помѣстить центр тяжести въ монархическомъ правительствѣ, но желала преобразовать его согласно съ требованіями политической свободы и равенства. Наконецъ, третья партія состояла изъ людей, которые исключительно дѣйствовали въ виду будущаго, въ интересахъ новаго порядка вещей, ими создаваемого, и приносили ему въ жертву какъ права прошедшаго, такъ и интересы настоящаго. Эта партія увлеклась отвлеченными книжными теоріями и нисколько не смущалась тѣмъ, что полного осуществленія ея теорій хотѣли очень немногіе и что оно было возможно только посредствомъ насилія. Это партія революціи,—партія, желавшая вновь перестроить общество и государство на чисто демократическомъ принципѣ. Оцѣнка этихъ различныхъ партій и ихъ политики, и сужденіе о національномъ собраніи вообще, конечно, находятся въ зависимости отъ общаго взгляда историка на цѣль, къ которой стремилось это собраніе и на результаты, которыхъ оно достигло,—и потому, не останавливаясь долѣе на этомъ, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію взглядовъ Тэна на «дѣло Національнаго или Учредительнаго собранія».

XIV.

Въ обсужденіи историческихъ фактовъ люди нерѣдко руководятся, такъ же какъ и при оцѣнкѣ событій современныхъ, прежде всего страстью, или исключительнымъ предпочтеніемъ какой-нибудь предвзятой политической теоріи. Такимъ образомъ, не разъ изображали или искажали ходъ французской революціи съ точки зрѣнія легитимизма, клерикализма или социализма. Но если писатель не ослѣпленъ страстью, если его произведеніе не предназначено къ тому, чтобы служить орудіемъ пропаганды въ пользу извѣстной партіи, онъ можетъ руководиться при обсужденіи прошедшаго двумя существенно различными точками зрѣнія или интересами. Онъ можетъ задаваться чисто научнымъ интересомъ или интересомъ практическимъ; цѣлью его изслѣдованія можетъ быть *истина* или непосредственная практическая *польза*. Въ первомъ случаѣ онъ, обращаясь къ исторіи французской революціи, по-

пытается объяснить характеръ и ходъ ея изъ предшествовавшихъ и современныхъ ей событій, повлиявшихъ на нее и понять ея общее значеніе въ исторіи Франціи и Европы; во второмъ случаѣ онъ будетъ критиковать ее съ точки зрѣнія практическаго политика. Первый способъ изслѣдованія приведетъ къ *историческому* взгляду, и въ области историческихъ вопросовъ этотъ взглядъ долженъ быть признанъ единственно научнымъ; второй способъ изслѣдованія можно назвать *утилитарнымъ*.

Мы уже знаемъ, что методъ Тэна, какъ историка, именно заключается въ приложеніи къ французской революціи утилитарнаго взгляда. Съ такой точки зрѣнія революція уже напередъ осуждена: она утрачиваетъ свой смыслъ, теряетъ то, что такъ хорошо передается французскимъ выраженіемъ — *raison d'être*; ибо всякій насильственный переворотъ приноситъ съ собою вредъ; онъ вырываетъ много такого, что еще могло жить, создаетъ неразрѣшима учрежденія и ненормальныя отношенія, и налагаетъ на частныя лица и цѣлыя классы несоразмѣрныя жертвы. Въ виду этихъ несомнѣнныхъ положеній можно сказать: конечно, Франція въ 1789 году нуждалась въ существенныхъ перемѣнахъ; но зачѣмъ же было покупать улучшение такой дорогой цѣной — испроверженіемъ всего существующаго порядка, однимъ словомъ, зачѣмъ же переворотъ 1789 года принялъ характеръ революціи вмѣсто того, чтобы быть реформой.

Реформа именно и есть то основное понятіе, изъ котораго исходитъ Тэнъ въ своей критикѣ какъ самаго хода революціи, такъ и ея результатовъ. Критикуя революцію съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлесообразныхъ реформъ, которыя она не допустила или устранила, Тэнъ поддерживаетъ свой взглядъ двумя рядами доводовъ — фактическими и теоретическими. Фактическими аргументами противъ революціи служатъ ему сужденія и отзывы современниковъ, которые наблюдали надъ ходомъ событій, сочувствовали реформамъ, но предостерегали отъ увлеченій и вѣрно предсказывали ихъ вредныя послѣдствія. Аргументами второго рода служатъ Тэну общія разсужденія о государствѣ и обществѣ.

Что касается до критики, заимствованной Тэномъ у современниковъ революціи, то онъ сумѣлъ очень искусно воспользоваться ею. Нельзя не сознаться, что сгруппированные у Тэна отзывы многихъ замѣчательныхъ людей, сочувствовавшихъ сначала перевороту 1789 г., но затѣмъ, когда дѣло зашло слишкомъ далеко, осуждавшихъ его, производятъ сильное впечатлѣніе, особенно сужденія иностранцевъ, не прямо заинтересованныхъ во французскихъ событіяхъ.

Дѣйствительно, самую основательную и въ то же время самую рѣзкую и вѣдую критику дѣятельности тогдашней революціонной партіи и самую вѣрную оцѣнку послѣдствій революціи можно найти въ отзывахъ современныхъ государственныхъ людей Англии и Америки, приведенныхъ Тэномъ. Уже въ 1789 г. Питтъ заявилъ, что французы «перешли линію свободы» (*ont traversé la liberté*, какъ приведены слова Питта у Тэна), а нѣсколько мѣсяцевъ спустя Бёркъ предсказывалъ въ своей книгѣ о революціи, что исходомъ ея будетъ военная диктатура и «самый, абсолютный деспотизмъ, который когда-либо существовалъ подъ небесами».

Но еще болѣе вѣсны въ этомъ случаѣ отзывы американскихъ государственныхъ людей, которые имѣли столько основанія сочувствовать тому, что совершалось во Франціи. Они съ самаго начала, можно сказать—до начала революціи—стали опасаться ея крайностей и дѣлали всевозможныя усилія, чтобы удерживать своихъ друзей на почвѣ умѣренности и практической политики. За два мѣсяца до собранія генеральныхъ штатовъ Моррисъ пишетъ Вашингтону: «Я, республиканецъ, бывшій, такъ сказать, вчера еще членомъ того собранія, которое начертало одну изъ самыхъ республиканскихъ между всѣми республиканскими конституціями—я не перестаю проповѣдывать уваженіе къ государю, вниманіе къ правамъ дворянства и умѣренность не только относительно цѣли, но и относительно средствъ къ ея осуществленію». А Джефферсонъ, представитель радикальной демократіи въ Америкѣ, уговаривалъ Лафайета и другихъ патриотовъ въ ту критическую минуту, когда національное собраніе во имя народовластія отказалось подчиниться королю: «войти съ королемъ въ соглашеніе, обезпечить свободу печати, свободу совѣсти, судъ посредствомъ присяжныхъ, свободу личности (*habeas corpus*) и законодательство посредствомъ выборныхъ изъ народа,—*требованія, которыя неотрпно были бы исполнены,*—и затѣмъ разойтись и дать новымъ учрежденіямъ возможность оказать свое дѣйствіе на народъ и сдѣлать его способнымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ, причѣмъ они могутъ быть увѣрены, что имъ всегда будутъ представляться удобные случаи потребовать и большаго». За двѣ недѣли до взятія Бастиліи Моррисъ писалъ: «они хотятъ американскую конституцію съ королемъ вмѣсто президента, не думая о томъ, что у нихъ нѣтъ американскихъ гражданъ, чтобы вынести на плечахъ такую конституцію. Если у нихъ окажется настолько здраваго смысла, чтобы предоставить дворянамъ, въ качествѣ дворянъ, извѣстную долю народной власти, эта либеральная консти-

тудя, вѣроятно, упрочится. Но въ противномъ случаѣ Франція превратится (dégénére) въ чистую монархію или въ обширную республику-демократію. А эта можетъ ли упрочиться? Я не думаю; я даже увѣренъ въ противномъ, развѣ только при условіи, что вся нація преобразится».

И не успѣли еще вполне обнаружиться въ жизни Франціи послѣдствія самоуправства и тиранніи парижской демократіи, — какъ другъ Вашингтона уже совершенно ясно созналъ безсиліе національнаго собранія и приближеніе террора, и въ минуту всеобщаго энтузіазма провознесъ надъ революціей слѣдующій роковой приговоръ: «это похоже на полетъ испуганныхъ птицъ; трудно сказать, куда они садутъ, до того они летятъ въ-разсыпную. Эта несчастная страна, заблудившаяся въ погонѣ за метафизическими химерами, представляетъ собою умственному взору лишь громадную развалину: члены собранія въ одно и то же время повелители и рабы, вбалмошныя въ теоріи и неопытныя (novices) на практикѣ; захвативъ всѣ правительственныя обязанности (fonctions) и не будучи въ состояніи исполнить ни одной изъ нихъ — они сняли съ этого одичавшаго и свирѣпаго народа всякую уду, налагаемую религіей и авторитетомъ. Такое положеніе дѣла не можетъ продлиться. Достославный случай упущенъ, и на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, революція не удалась».

Революція была дѣломъ неудавшимся! — это тяжелый упрекъ, и особенно тяжелъ онъ въ устахъ представителя демократической республики, которая съумѣла съ такимъ успѣхомъ отстаивать свою независимость и устроить свою конституцію.

Въ этихъ обличеніяхъ революціонной партіи со стороны современниковъ ея Тонъ присоединяетъ упреки, которые онъ ей дѣлаетъ съ практической точки зрѣнія; все, что возможно возразить противъ революціонныхъ стремленій во имя справедливости, гуманности и политическаго благоразумія, то сказано у Тона, и этотъ отдѣлъ его очень поучителенъ для людей, привыкшихъ руководиться въ общественныхъ вопросахъ воображеніемъ, страстью или поверхностной рутинной догматикой. Радикальнымъ доктринарамъ Тонъ внушаетъ, что государственное устройство должно сообразоваться съ политическими условіями страны. «Смотря по народу, эпохѣ и степени цивилизаціи, смотря по внѣшнему и внутреннему положенію, всякое равенство или неравенство, гражданское или политическое, можетъ быть или перестать быть полезнымъ или вреднымъ, и поэтому заслуживать, чтобы законодатель его сохранилъ или уничтожилъ» (стр. 188).

Послѣдователямъ Руссо и «Общественнаго Договора» Тонъ

доказываютъ, «что члены государства со всѣми своими предками составляютъ одно національное тѣло и, только благодаря существованію этого организма, они получили возможность жить, равножаться, работать, приобретать, просвѣщаться и умножать унаслѣдываемый запасъ благоденствія и знанія, которымъ теперь сами пользуются. Потому, не только главный интересъ, но и первый долгъ каждаго гражданина долженъ быть направленъ къ сохраненію и благоденствію этого организма; и потому законъ не долженъ имѣть въ виду выгоду ни меньшинства, ни большинства, а всего общества. Этого основного положенія никто не долженъ нарушать, ни большинство, ни меньшинство, ни собраніе представителей, выбранныхъ народомъ, ни самый народъ, даже если бы онъ былъ единодушенъ». «Народъ не имѣетъ права произвольно распорядиться общими достояніемъ (*res publica*), рисковать имъ по своей фантазіи, жертвовать имъ ради приложенія извѣстной теоріи или интереса одного класса, даже если бы этотъ классъ былъ самымъ многочисленнымъ, ибо государство принадлежит не одному поколѣнію, а составляетъ общее достояніе, какъ современныхъ, такъ и всѣхъ прошлыхъ и всѣхъ грядущихъ поколѣній». Каждое поколѣніе есть только временный распорядитель и отвѣтственный хранитель драгоценнаго и славнаго наслѣдія, полученнаго отъ предшествовавшаго съ обязанностью передать его въ цѣлости слѣдующему поколѣнію.

Всѣ эти соображенія, высказанныя Тэнномъ, нужно признать вполне справедливыми и чрезвычайно полезными, какъ начала, которыми мы должны руководиться при обсужденіи современныхъ намъ событій, относительно которыхъ мы можемъ быть зрителями или участниками. Но примѣнимость этихъ началъ къ прошедшимъ фактамъ, къ событіямъ историческимъ, подвержена большому сомнѣнію. Практическая польза ихъ въ значительной степени устраняется тѣмъ, что фактъ совершился, что провозглашенныя начала не измѣняютъ того, что произошло, и могутъ породить только бесплодное сожалѣніе. Конечно, извѣстная доля практической пользы остается за этими соображеніями. Исторію еще древніе называли руководительницею жизни, т.-е. преимущественно политической жизни, и ея уроки не должны пропадать для насъ даромъ. Но историкъ все-таки не долженъ ограничиться ролью морализующаго критика, который выступаетъ защитникомъ права противъ политическихъ страстей и отстаиваетъ живые интересы дѣйствительности противъ увлеченія крайней теоріей. Историкъ имѣетъ передъ собой прежде всего научную задачу, — его обязанность прежде всего заключается въ томъ, чтобы объ-

яснить, вследствие чего и какимъ образомъ совершился известный фактъ. Конечно, можно себѣ представить, что Франція, напри- мѣръ, могла бы быть въ наше время могущественной и цвѣту- щей державой и подъ управленіемъ потомковъ Людовика XIV; что ея населеніе могло бы пользоваться благоденствіемъ и про- свѣщеніемъ подобно Англїи, подъ руководствомъ наследственной аристократїи; но фактъ тотъ, что она сдѣлалась вследствие рево- люціи 1879 г. демократической республикой, и задача историка заключается въ томъ, чтобы объяснить причины и способъ раз- витїя французской демократїи.

Въ этому нужно прибавить, что правителескія начала и со- ображенїя, высказанныя Тэномъ, имѣютъ слишкомъ общїй ха- рактеръ и, по своей отвлеченности, не дозволяютъ принимать достаточно въ расчетъ индивидуальныя черты и условїя истори- ческихъ фактовъ. Тэнь, прилагая утилитарную теорїю къ исто- ріи революціи, впадаетъ именно въ ту самую крайность, въ ко- торую онъ такъ рѣзко осуждаетъ писателей и общество XVIII в. Если французскїе литераторы и политики прошлаго вѣка при- нимали за норму отвлеченныя понятїя о человѣкѣ и съ точки зрѣнїя этой нормы критиковали и отвергали современныя имъ учрежденїя у всѣхъ народовъ, то утилитаризмъ создаетъ во имя практической пользы такую же, отвлеченную мѣрку и съ нею одинаково подходитъ ко всѣмъ историческимъ событіямъ. Этотъ послѣдній методъ, подобно первому, приноситъ живую и разно- образную дѣйствительность въ жертву отвлеченному положенїю. Конечно, государство есть организмъ и всѣ перемѣны въ немъ должны имѣть органическій характеръ, то-есть не нарушать жизнениости организма; но есть политическіе организмы, не- способные къ жизни, и другїе, способные сохранить живучесть только подъ условїемъ коренного переворота, какъ, напри- мѣръ, феодальная Франція. Эти индивидуальныя черты и конкретныя условїя Тэнь постоянно упускаетъ изъ виду. Онъ, напри- мѣръ, очень хорошо рассуждаетъ о политическомъ значенїи и пользѣ аристократїи; но все дѣло въ данномъ случаѣ въ томъ, способна ли была французская аристократїя въ 1789 году къ этой воз- лагаемой на нее политической теорїей роли и представляла ли въ то время дѣйствительность нужная для этого условїя?

Что же касается до другого рода аргументовъ Тэна въ пользу его взгляда — отзывы о современныхъ революціи англїйскихъ и аме- риканскихъ политиковъ, то они очень интересны для историка, но онъ не долженъ на нихъ останавливаться потому, что имѣетъ передъ нами три важныхъ преимущества. Онъ, во-первыхъ, въ

состояніи лучше понять предшествовавшую исторію Франціи и ея вліяніе на событія 1789 года, чѣмъ Моррисъ и Джефферсонъ; онъ имѣеть возможность собрать болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о состояніи Франціи въ самый моментъ революціи и яснѣе понимать причины событій и, наконецъ, онъ имѣеть громадное преимущество судить о переворотѣ 1789 года не по первымъ его проявленіямъ, а по окончательнымъ результатамъ, насколько они обнаружилась по прошествіи почти цѣлаго столѣтія.

Отъ всѣхъ этихъ преимуществъ и, нужно сказать, отъ всѣхъ, вытекающихъ отсюда обязанностей, добровольно отрекся Тэнъ въ угоду усвоеннаго имъ утилитарнаго взгляда. Онъ не принимаетъ достаточно въ расчетъ ни прошедшаго, то-есть исторіи Франціи до 1789 года, ни современныхъ революціи условій и событій и, наконецъ, онъ совершенно игнорируетъ будущее, то-есть дальнѣйшій ходъ того историческаго процесса, начало котораго онъ обсуждаетъ. Обратимся, на примѣръ, къ прошедшему. Тэнъ написалъ цѣлый томъ, чтобы объяснить происхожденіе революціи, но онъ не извлекаетъ изъ исторіи Франціи до 1789 г. главнаго ея урока, а именно, того положенія, что эта исторія сдѣлала немаловажныя торжество демократіи. У Тэна демократія 1789 года слишкомъ имѣеть характеръ силы — искусственно и, слѣдовательно, произвольно созданной. Историкъ относится къ ней, въ выраженію одного римскаго трибуна у Ливія о патриціяхъ, «точно она съ неба свалилась», и не имѣеть корней въ прошедшемъ, то-есть въ дѣйствительныхъ фактахъ. Она какъ будто создана утопическою и отвлеченною теоріей XVIII в. Но эта теорія никогда бы не имѣла такой силы, если бы не выражала собой до известной степени дѣйствительности, подготовленной исторіей. *Contrat social* не сдѣлался бы кораномъ французской демократіи, если бы не соответствовалъ ея практическимъ потребностямъ. Французская демократія руководилась теоретическою логикою, но потому, что этой логикѣ соответствовалъ истинный ея страстей.

Если при опредѣленіи характера и стремленій французской демократіи Тэнъ не принялъ достаточно въ расчетъ всей прошлой исторіи Франціи, то въ обсужденіи политики этой демократіи онъ слишкомъ часто забываетъ о современныхъ событіяхъ и отношеніяхъ, которыми часто обуславливалась эта политика. Демократія въ 1789 году совершила узурпацію, захватила власть насильственнымъ образомъ, вытѣснивши законное правительство; въ этомъ нѣтъ сомнѣній, и сочиненіе Тэна бросаетъ яркій свѣтъ на этотъ фактъ. Но за то онъ нигдѣ не касается чрезвычайно важной стороны дѣла, а именно, невозможности для Франціи при

старомъ порядкѣ осуществить необходимыя реформы. Это не только явствуетъ изъ всего положенія дѣлъ, но въ этомъ сознаются даже приверженцы королевской власти и строгіе критики революціи, какъ, напримѣръ, графъ Ривароль, который замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что король даже при помощи дѣльныхъ (bons) министровъ былъ недостаточно могущественъ, чтобы произвести хотя одну изъ великихъ реформъ, которыхъ мы сдѣлались свидѣтелями»¹⁾.

Далѣе, Тэнь упускаетъ изъ вида собственное отреченіе отъ власти со стороны самой монархіи, которое, конечно, обусловливалось сознаніемъ этой своей немощи и невозможности предупредить или устранить революцію коренною реформой. И этотъ фактъ опять засвидѣтельствованъ приверженцами монархіи, писателями, сужденіемъ которыхъ Тэнь въ другихъ вопросахъ такъ часто руководился. Какъ, напримѣръ, рельефно изображена въ мемуарахъ Малуэ эта немощь монархіи: «Правительство,—говоритъ онъ,—въ 1789 году обращалось къ цѣлой Франціи и потомъ къ генеральнымъ штатамъ съ вопросомъ: что же нужно дѣлать? что я могу сдѣлать? чего хотѣть мнѣ лишить, и что мнѣ оставить»²⁾, «que veut-on retrancher de mon autorité, que m'en laissera-t-on?» Ту же самую мысль выражаетъ Ривароль, когда говоритъ, что съ призваніемъ генеральныхъ штатовъ государственная власть была какъ-бы на время устранена (сѣппе suspendu). Наступило какое-то междуцарствіе, хотя король этого не замѣчалъ (Riv., p. 220).

Разсмагивая образъ дѣяствія національнаго собранія, Тэнь, какъ мы видѣли, упрощаетъ его въ томъ, что оно слишкомъ руководилось страхомъ. Мы не станемъ здѣсь обсуждать вопроса, насколько можно было въ дѣйствительности опасаться, что Людовикъ XVI послѣдуетъ примѣру Карла I и возьмется за оружіе, и другого вопроса, насколько такая попытка имѣла бы успѣхъ, ибо это значило бы вдаваться въ область предположеній. Но необходимо имѣть въ виду фактъ, что демократія 1789 года и національное собраніе не могли не бояться реакціи и что побѣжденная партія своимъ безтактнымъ поведеніемъ дѣлала все возможное, чтобъ усилить этотъ страхъ³⁾. За доказательствомъ мы опять обратимся къ Малуэ, который, напримѣръ, говоритъ, что послѣ 5-го октября огромное число членовъ большинства, не

¹⁾ Mém. de Rivarol, 121.

²⁾ Mém. de Malouet, I, 249.

³⁾ Mém. de Malouet, II, 8. Les ressentiments de l'aristocratie étaient aussi indiscrets, aussi menaçants qu'ils furent impuissants.

сочувствовавшихъ обороту, который приняли дѣла, не рѣшились, однако, противодѣйствовать ему въ виду раздраженія аристократической партіи; они напротивъ полагали, вопреки своему желанію, что ихъ безопасность обусловлена торжествомъ демократической партіи, въ какомъ бы средствѣ она ни прибѣгала.

Вообще, сила событій рѣдко играла такую роль, какъ во время французской революціи и дѣйствовала такимъ ошеломляющимъ образомъ на всѣ партіи, и эта сила событій имѣла, конечно, не меньше вліянія на характеръ революціи, чѣмъ отвлеченная теорія, которой руководилась демократическая партія. Такое наблюденіе было сдѣлано еще современниками революціи; Малуэ, на примѣръ, восстаетъ противъ заблужденія тѣхъ, которые считали Францію увлеченною революціей и большинство національнаго собранія митезниками и утверждаетъ, что прогрессивный ходъ событій вызвалъ и развилъ общее настроеніе ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Малуэ обращаетъ вниманіе на то, что притязанія національнаго собранія развивались (*faisaient des progrès*) постепенно и что, на примѣръ, временное ограниченіе королевской власти до окончанія конституціи было новой доктриной, которую многие депутаты начали считать приложимою къ дѣлу (*admissible*), хотя бы отвергли ее за два мѣсяца передъ тѣмъ.

Но если нельзя не упрекнуть Тэна въ томъ, что онъ въ своемъ утилитарномъ взглядѣ на революцію не обращалъ достаточно вниманія на прошедшее Франціи и на современныя революціи событія, то еще менѣе извинительно съ его стороны то, что онъ вовсе не принялъ въ расчетъ третій элементъ исторіи — будущее, тѣмъ болѣе, что его нравственное отношеніе къ событіямъ не только не исключало возможности этого, но, напротивъ, налагало на него обязанность сообразоваться въ своихъ сужденіяхъ о революціи съ ея окончательными результатами, обнаружившимися до нашего времени. Въ этомъ случаѣ особенно проявляется преимущество, которое имѣетъ писатель, живущій цѣлымъ вѣкомъ спустя послѣ событій передъ современными наблюдателями, даже если послѣдніе обладали проникательностью Морриса или Берка.

Въ двухъ отношеніяхъ должно было бы видоизмѣниться сужденіе Тэна о революціи, если бы онъ воспользовался опытомъ послѣднихъ 90 лѣтъ: онъ не долженъ былъ бы, во-первыхъ, такъ настаивать на отвлеченномъ, чисто теоретическомъ характерѣ принциповъ, которыми руководилась революціонная партія въ

¹⁾ Ibid., II, p. 10.

1789 году. Эти принципы дѣйствительно представляли собою теорію сравнительно съ существовавшими тогда порядками, но они перестали быть теоріей въ наше время. Конечно, Малуэ, Мирабо и Моррисъ были совершенно правы съ своей практической точки зрѣнія, когда утверждали, что государство въ 26 милліоновъ немислимо безъ монархическаго правительства и неминуемо распадется на федерацію общинъ, но въ наше время существованіе 36-милліонной, централизованной республики уже не принадлежитъ болѣе къ области фантазіи. Теорія и практика въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, помѣнялись ролями; это не должно помѣшать исторіку указывать на ошибки, вытекавшія изъ теоретической политики 1789 года и на ложность многихъ тогдашнихъ теорій; но въ окончательномъ сужденіи онъ не долженъ скрывать ни отъ себя, ни отъ своихъ читателей, что стремленія 1789 года не были въ своей сущности безнадежной утопійей. Другой пунктъ касается отрицательной стороны революціи—ея насильственности при ломкѣ стараго, ея неуступчивости и фанатизма, однимъ словомъ—сводится къ упреку, почему революція не хотѣла быть реформой? Такой упрекъ былъ совершенно естественъ онъ устахъ тѣхъ, которые все утратили въ переворотѣ 1789 года и даже надежду на лучшее будущее. Но въ наше время можно вѣрнѣе судить о характерѣ и свойствахъ этого переворота. Мы знаемъ, что хотя въ немъ играли видную роль грубые инстинкты и страсти, хотя во главѣ движенія нерѣдко стояли люди мало достойные, самый переворотъ имѣлъ всемірно-историческій смыслъ и былъ неизбеженъ. Революція была внезапнымъ пробужденіемъ и воцареніемъ демократіи среди феодальнаго общества и государства, —проявленіемъ новаго политическаго *credo* или *толка*, который приходится человѣчеству пережить какъ неминуемую ступень своего развитія. Какъ всякій новый толкъ стремится къ отрицанію стараго и къ исключительному господству, такъ и революція была неспособна на сдѣлки, и имѣла въ виду поработеніе общества и государства новому политическому началу. Отрицая все другіе принципы, господствовавшіе въ обществѣ, или подчиняя ихъ себѣ, демократія совершила узурпацію, но подобная узурпація совершалась каждый разъ, когда въ исторіи проявлялось какое-нибудь новое религіозное или политическое начало. Каждый разъ можно было сказать этому новому началу,—примиришь съ старымъ, пойдѣ съ нимъ на сдѣлку; но чѣмъ болѣе *противоположно* было новое начало старому, тѣмъ менѣе осуществимъ былъ таковой совѣтъ. Обратимся, на примѣръ, къ эпохѣ реформаціи;

и тогда было сдѣлано не мало попытокъ, чтобы предотвратить разрывъ и борьбу и направить религиозное движеніе къ реформѣ католицизма; — но въ томъ-то и заключалась сущность протестантизма, что его принципы не укладывались въ рамки католичества и что реформаторы, сначала сами того не сознавая, провозгласили начало новой церкви. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы вожди революціи имѣли право на такое же оправданіе своей дѣятельности, какъ и реформаторы. Въ области религіи человекъ руководится исключительно своей совѣстью, и чѣмъ искреннѣе и чище его религиозное чувство, тѣмъ менѣе оно способно подчиняться практическимъ соображеніямъ и идти на сдѣлку. Жизнь же политическая, напротивъ, основана на самыхъ сложныхъ сдѣлкахъ, ея регуляторъ — не вѣра, а здравый смыслъ, ея цѣль — не духовное спасеніе посредствомъ извѣстнаго догмата, а благоденствіе извѣстнаго общества. Но если въ наше время болѣе понятны, чѣмъ въ эпоху Питта и Бѣрка, универсальность и неизбежность проявленія демократическаго принципа и особенно его противоположность феодальному строю старой Франціи и непримиримость съ нимъ — то практическіе содѣлкі и сѣтованія Тѣна, составляющіе главное содержаніе его критики, въ значительной степени утрачиваютъ свою цѣну и должны быть признаны неумѣстными.

Сдѣланныя нами два возраженія противъ критики Тѣна касаются ея практической стороны; но есть еще другая сторона, относительно которой долженъ былъ бы видоизмѣниться взглядъ Тѣна, если бы онъ принялъ въ расчетъ время, протекшее послѣ революціи — это сторона *права*. Въ 1789 году можно было приводить въ пользу сдѣлки съ старыми учрежденіями не только аргументъ цѣлесообразности, но и права этихъ учрежденій на дальнѣйшее существованіе; — это право давности, право легитимизма, созданное исторіей. Въ виду историческаго права, освящавшаго феодальную монархію, феодальную аристократію и феодальный католицизмъ, юная демократія могла опереться только на право, извлеченное изъ теоріи и нисколько не соответствовавшее дѣйствительности. Но это отношеніе теперь измѣнилось. Исторія, создающая легитимизмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи разрушаетъ его, ибо освящаетъ, легитимизируетъ и противоположное начало. Въ наше время французская демократія уже имѣетъ за собой право давности, историческое право; роли измѣнились и здѣсь, и настоящими легитимистами являются теперь не тѣ, кто носитъ это имя, а ихъ противники, опирающіеся на *традицію* 1789 года.

Вотъ тѣ возраженія, которые можно сдѣлать противъ прѣмѣненія утилитарнаго метода въ исторіи революціи. Они сводятся въ тому, что чисто практическая польза, которую имѣетъ въ виду этотъ методъ, въ значительной степени уравнивается вредомъ отъ неправильнаго и ненаучнаго освѣщенія событій, ибо утилитаризмъ мѣшаетъ историку вѣрно взвѣсить силу прошедшаго, правильно изобразить вліяніе обстоятельствъ и условий и, наконецъ, принять въ расчетъ оправданіе, лежащее въ дальнѣйшемъ ходѣ событій.

XV.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ приступить къ изученію взгляда, высказаннаго Тэномъ на дѣло національнаго собранія. Это изложеніе естественнымъ образомъ распадается на двѣ части—разсмотрѣніе того, что разрушено, устранено или видоизмѣнено національнымъ собраніемъ, и того, что вновь создано демократическими законодателями.

При изученіи того, какъ отнеслось національное собраніе къ старому порядку, особеннаго вниманія заслуживаетъ судьба трехъ привилегированныхъ при феодальномъ порядкѣ учрежденій—монархіи, аристократіи и церкви.

На первомъ планѣ, конечно, стоитъ образъ дѣйствія національнаго собранія относительно монархіи. Тэнъ исходитъ въ своей критикѣ изъ убѣжденія, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, Франція нуждалась только въ двухъ существенныхъ реформахъ, въ двухъ уступкахъ со стороны короля. Нужно было облегчить невыносимое бремя, лежавшее на большинствѣ населенія вслѣдствіе существованія привилегій, и нужно было подчинить распоряженіе общественнымъ достояніемъ со стороны правительства дѣйствительному и правильному контролю, такъ какъ прежнее правительство смотрѣло на это общее достояніе какъ на свою частную собственность и распоряжалось имъ произвольно и расточительно. Большаго пова было не нужно, и такъ какъ король охотно соглашался на эти реформы, то вся революція могла бы совершиться, по выраженію Артура Юнга, посредствомъ простой подачи голосовъ въ національномъ собраніи (*d'un tour de scrutin*).

Въ доказательство своей мысли Тэнъ приводитъ извѣстную «декларацию отъ 23 іюня», посредствомъ которой правительство Людовика XVI хотѣло положить конецъ притязаніямъ депута-

товъ третьяго сословія, заявившихъ свое право говорить отъ имени всей націи и намѣревавшихся завладѣть дѣломъ реформы. По мнѣнію Тэна, предложенныя въ королевской деклараціи реформы должны были вполнѣ удовлетворить депутатовъ. Но съ этимъ нельзя согласиться, какъ во вниманіи къ тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ была заявлена королевская декларація, такъ и къ самому содержанию ея.

Обратимся сначала къ исторической обстановкѣ, среди которой появилась декларація 23 іюня. Разсужденіе Тэна объ этомъ документѣ представляетъ интересный случай для оцѣнки утилитарнаго метода, котораго онъ держится, и для сравненія этого метода съ чисто историческимъ, который мы ему противопоставляемъ. Тэнъ разсматриваетъ королевскую декларацію отвлеченно, безъ всякаго отношенія къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, анализируетъ ее и приходитъ къ заключенію, что она могла бы быть полезной для Франціи. Но какой же толкъ въ этой пользѣ, если осуществленіе деклараціи было невозможно при тогдашнихъ условіяхъ, и потому вопросъ объ ея значеніи прежде всего долженъ быть разрѣшенъ на основаніи разбора историческихъ фактовъ.

Дѣло въ томъ, что всѣ тогдашнія партіи видѣли въ деклараціи 23 іюня начало реакціи и побѣду феодальной придворной партіи надъ либеральнымъ министерствомъ вслѣдствіе того, что Неккеръ отсутствовалъ въ торжественномъ засѣданіи, гдѣ Людовикъ XVI обнародовалъ свою декларацію. Уже одного этого факта, что въ минуту всеобщаго томительнаго ожиданія существенныхъ реформъ, королевскій манифестъ явился не залогомъ прогрессивныхъ стремленій правительства, а признакомъ его наклонности къ реакціи,—уже этого факта было достаточно, чтобы внушить всеобщее недовѣріе къ нему. Не только поклонники новаго демократическаго принципа, но и приверженцы либеральной монархіи и даже умѣренные сторонники стараго порядка, какъ маркизъ де-Феррьеръ, осуждали декларацію и оправдывали образъ дѣйствія національнаго собранія, которое не обратило вниманія на нее. Они находили, что декларація закосдала, что обнародованіе ея было произведено бестактно и при оскорбительной обстановкѣ и что она была пагубна по своимъ послѣдствіямъ. Всѣ эти упреки легко подтвердить отзывами, заимствованными изъ записокъ современниковъ, стоявшихъ на сторонѣ короля противъ революціи.

Относительно того, наприм., что декларація опоздала, графъ Ривароль совершенно согласенъ съ Бальи, защитникомъ націо-

нальнаго собранія и демократіи.—Бальи сообщаетъ свой разговоръ съ однимъ изъ министровъ, который его спросилъ нѣсколько дней спустя послѣ 23 іюня: «Почему же національное собраніе не довольно? Если бы король издалъ 10 лѣтъ тому назадъ подобную декларацію, развѣ она не была бы принята съ восторгомъ?» — «Да, конечно, — возразилъ Бальи, — 10 лѣтъ тому назадъ». Такой же вопросъ ставитъ себѣ въ своихъ мемуарахъ Ривароль и объясняетъ плохой успѣхъ деклараціи прежде всего тѣмъ, что она появилась слишкомъ поздно: «для дѣйствій людскихъ существуетъ такая же пора, какъ и для дѣйствій природы: шестью мѣсяцами раньше эта декларація была бы принята какъ величайшее благодѣяніе, когда-либо оказанное государемъ своему народу». На внѣшнюю обстановку засѣданія жалуется маркизъ де-Феррьеръ, сравнивая его съ ненавистными для французовъ мѣрами, которыми старая королевская власть устранила оппозицію парламентовъ (*la séance royale offrit l'odieux appareil d'un lit de justice*). Но оскорбительны были не только внѣшніе приемы: оцѣпленіе зданія генеральныхъ штатовъ войсками, предпочтеніе, оказанное привилегированнымъ депутатамъ, которыхъ впустили въ залу, тогда какъ депутаты третьяго сословія должны были долгое время ожидать у дверей подъ дождемъ; — болѣе оскорбительный вызовъ заключался въ самой мысли покончить все дѣло о преобразованіи государства однимъ королевскимъ манифестомъ послѣ того, какъ правительство заявило о своей несостоятельности, обратилось за совѣтами и указами ко всему французскому народу и собрало вокругъ себя его представителей. Эту мысль проводить между прочимъ Ривароль: «Другая причина неуспѣха деклараціи, — говоритъ онъ, — заключалась въ томъ, что король, собравши генеральные штаты и явившись среди нихъ, чтобы самому покончить ихъ дѣло, не могъ нанести болѣе чувствительнаго оскорбленія (*affront*) столькимъ лицамъ, высланнымъ со всѣхъ концовъ государства, чтобы дать намъ хорошіе законы. Этотъ поступокъ короля раздражалъ самолюбіе, обличалъ тщетность столькихъ засѣданій, до тѣхъ поръ происходившихъ, и сводилъ собраніе къ совершенному ничтожеству въ глазахъ націи».

Это соображеніе заставило и Малуэ, самаго разсудительнаго изъ членовъ національнаго собранія, не только отвергнуть королевскую декларацію, но и публично заявить о необходимости революціоннаго образа дѣйствія въ письмѣ къ своимъ избирателямъ. «Я не одобрялъ ни королевскаго засѣданія, ни его цѣли (*objet*), ни его повелительной формы; въ моихъ глазахъ этимъ былъ нанесенъ ущербъ какъ правамъ народа, такъ и королев-

свому авторитету, и я былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ принимать декларацію».

Послѣ королевскаго засѣданія, — говоритъ Малузъ далѣе, — депутатамъ третьяго сословія не было другого выбора, какъ настаивать на постановленіи 17 іюня, то-есть не расхотѣлся до осуществленія конституціи. «Въ подобную великую минуту нечего было колебаться изъ-за соображенія, присоединятся-ли къ намъ депутаты другихъ сословій или нѣтъ; нашимъ долгомъ было дать Франціи конституцію»¹⁾.

Неумѣстность и практическая бесплодность деклараціи 23 іюня еще болѣе обнаруживаются въ малодушіи и близорукости королевскаго правительства во время и послѣ задуманнаго имъ переворота. Если это правительство рѣшилось предупредить конституцію, которая исходила бы отъ національнаго собранія, и *октроировать* Франціи конституцію, то прежде всего необходимо было приготовить планъ дѣйствія и средства для его осуществленія; нужно было имѣть въ виду, какимъ способомъ сломить сопротивление тѣхъ, которые открыто отвергнутъ декларацію и снискавъ довѣріе тѣхъ, которые желали реформъ, а не революціи. Но у двора не было ни плана, ни средствъ къ энергическому образу дѣйствій. Когда Людовику XVI пришлось сказать, что депутаты третьяго сословія не разошлись, какъ имъ было приказано, изъ залы засѣданій, онъ отвѣтилъ съ видомъ человѣка, которому все это надоѣло и который желаетъ только, чтобы его оставили въ покоѣ: «ну, и пусть они тамъ сидятъ», а когда вечеромъ въ тотъ же день населеніе Версаля стало волноваться и толпиться по улицамъ, сторонники монархическаго переворота забыли о войскахъ, которымъ они оцѣнили депутатовъ, и не придумали ничего лучшаго, какъ броситься въ Неккеру и упротить его примириться съ дворомъ, а это значило — принести въ жертву королевскую декларацію.

Такимъ образомъ, декларація 23 іюня была обречена на гибель не одними противниками ея, но и самими ея виновниками. Мало того, послѣдніе этимъ окончательно погубили то дѣло, которое они вѣялись защищать. Они вывели открытымъ разрывъ между національнымъ собраніемъ и королевскимъ авторитетомъ, поставили въ полный антагонизмъ принципы народо-властія и монархіи, связали судьбу послѣдней съ участіемъ привилегированныхъ сословій и почти насильно заставили національное собраніе узурпировать власть и усилить свои притязанія. Это

¹⁾ Mém. de Malouet, II, p. 70.

одинаково ясно было сознано какъ сторонниками демократической узурпаціи, такъ и противниками ея. «Вотъ что выиграло министерство, — восклицаетъ Бальи, этой странной сценой. — Оно лишь заставило націю еще разъ осуществить на дѣлѣ свою верховную власть (un nouvel acte de souveraineté) и разрѣшило торжественнымъ способомъ столкновеніе властей въ пользу народа». А Ривароль заканчиваетъ свои размышленія о грустномъ исходѣ столкновенія между привилегированными штатами и третьимъ сословіемъ латинскимъ стихомъ: *Arma tenenti omnia dat, qui iusta negat.*

Изъ всего этого видно, что разсмотрѣніе историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ была дана декларация 23 іюня, придаетъ вопросу о практическомъ значеніи ея, которому Тѣнь посвятилъ исключительно свое вниманіе, чисто теоретическій характеръ. Но для ббльшей полноты критики мы послѣдуемъ за Тѣномъ въ разсмотрѣніи вопроса: дѣйствительно ли удовлетворяла эта декларация всѣмъ законнымъ потребностямъ французскаго общества въ 1789 году, и дѣлала ли она, такимъ образомъ, революцію совершенно излишней?

Если мы для этого обратимся къ содержанію декларации, то увидимъ, что король ставилъ обложеніе народа податями и заключеніе новыхъ займовъ въ зависимость отъ согласія постоянныхъ генеральныхъ штатовъ, отказывался отъ многихъ злоупотребленій стараго порядка, — напримѣръ, отъ административныхъ наказаній, и выражалъ желаніе, чтобы всѣ податныя привилегіи были отмѣнены. Эта сторона декларации была, конечно, способна въ свое время вполне удовлетворить французское общество. Если бы такія реформы были провозглашены Людовикомъ XV, или даже Людовикомъ XVI въ началѣ его царствованія, то онѣ превзошли бы всѣ ожиданія населенія и сдѣлали бы надолго Францію образцомъ политическаго прогресса для всѣхъ державъ европейскаго материка. Но въ 1789 году рѣчь шла не только о политическихъ реформахъ, а объ отмѣнѣ феодальнаго строя въ государствѣ, и именно этотъ феодальный строй королевская декларация желала сохранить, признавая его существеннымъ основаніемъ государственнаго порядка ¹⁾). Контроль надъ финансами долженъ былъ принадлежать не представителямъ націи, а по прежнему и въ равной степени депутатамъ трехъ сословныхъ корпорацій или штатовъ: — *народа, церкви и дворянства.* Такой

¹⁾ Первый параграфъ декларации гласитъ (Bichez et Roux, II, 18): *Le roi veut que l'ancienne distinction des trois ordres de l'Etat soit conservée en son entier comme essentiellement liée à la constitution de son royaume.*

порядокъ вещей нельзя сравнивать, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, съ англійской конституціей, гдѣ наследственная аристократія составляетъ особую палату и представляетъ одинъ изъ трехъ факторовъ законодательной власти,—тѣмъ болѣе, что въ Англии палатѣ пэровъ не предоставлено никакого вліянія на утвержденіе податей, и финансовое управленіе находится исключительно въ рукахъ представителей народа. Но этого мало—во Франціи представителямъ народа предоставлялся только одинъ голосъ противъ двухъ, которые должны были принадлежать двумъ самостоятельнымъ корпораціямъ—церкви и дворянству. Такимъ образомъ, дворянство участвовало бы въ управленіи страной не посредствомъ аристократическаго наследственнаго сената, какъ въ Англии, или не какъ интегрирующая и самая выдающаяся своимъ положеніемъ часть народа,—какъ въ современной Франціи, а въ феодальномъ смыслѣ, въ качествѣ шляхетскаго, обособленнаго сословія, которое могло произвольно противопоставить свое «не позволяемъ» и волѣ монарха и требованіямъ націи. Дѣло ухудшалось особенно тѣмъ, что король своей деклараціей предоставилъ въ исключительное вѣдѣніе привилегированныхъ штатовъ вопросъ объ отиженіи или преобразованіи ихъ политическихъ и гражданскихъ привилегій¹⁾. Однимъ словомъ, 23 іюня вопросъ шелъ о томъ, оставаться ли Франціи феодальной монархіей, или превратиться въ государство въ современномъ смыслѣ этого слова, и, конечно, интересъ въ этому вопросу долженъ былъ вытѣснить всѣ второстепенныя соображенія о пользѣ предложенныхъ королемъ реформъ. Итакъ, существенный недостатокъ деклараціи 23 іюня и главная причина ея практической непригодности заключаются въ томъ, что она хотѣла сохранить въ устройствѣ государственной власти феодальный характеръ. Но есть еще другая сторона въ этой деклараціи, которая затрогиваетъ вопросъ не столь легко разрѣшимый. Министръ, разговоръ котораго съ Балли мы выше привели, услышавъ отъ своего собесѣдника, что Франція была бы довольна королевской деклараціей, если бы она появилась 10 лѣтъ тому назадъ,—спросилъ его далѣе: чего же хочетъ національное собраніе?—и получилъ въ отвѣтъ характеристическія слова: «Elle veut faire et non pas que vous fassiez».

¹⁾ Seront nommément exceptées des affaires, qui pourront étre traitées en commun (то-есть въ общемъ собраніи всѣхъ представителей, гдѣ голоса подавались поголовно, а не по штатамъ) celles qui regardent les droits antiques et constitutionnels des trois ordres, la forme de constitution à donner aux prochains Etats Généraux, les propriétés féodales et seigneuriales, les droits utiles et les prérogatives honorifiques des deux premiers ordres.

Дѣйствительно, въ самой глубинѣ недоразумѣнія между національнымъ собраніемъ и правительствомъ, между французскимъ народомъ и его королемъ, — недоразумѣнія, существованіе котораго только постепенно раскрылось, лежалъ вопросъ, чья воля будетъ закономъ, воля монарха или воля народа; и большинство національнаго собранія уже потому считало невозможнымъ принять декларацію ¹⁾, что возвѣщенные въ ней реформы исходили изъ стараго принципа «le bon plaisir du roi», а не изъ новаго принципа, который признало само правительство, когда, составивши генеральныя штаты, оно предоставило имъ установленіе новаго порядка вещей.

Могло ли и должно ли было національное собраніе довольствоваться дѣми ограниченіями королевской прерогативы, которыя заключались въ деклараціи 23 іюня, той долей участія въ управленіи страной, которую правительство Людовика XVI, повидимому, добровольно уступало? Тѣмъ, конечно, разсматриваетъ и этотъ вопросъ съ чисто утилитарной точки зрѣнія, и рѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Онъ говоритъ, что по тому положенію дѣла, которое было создано деклараціей 23 іюня, — «преобладаніе перешло бы къ депутатамъ третьяго сословія, и они были бы въ состояніи законнымъ способомъ безъ потрясеній выполнить, умножить и привести къ окончанію, съ согласія государя и черезъ него (par ses mains), всѣ полезныя реформы». Нужно, конечно, признать, что къ этому вопросу практическая точка зрѣнія наиболѣе приложима, и что потрясеніе, которое испытала Франція во время революціи, всего болѣе было вызвано крайностями и увлеченіями національнаго собранія относительно монархіи. Франція была въ 1789 году страной монархической по своимъ преданіямъ и по всему своему государственному строю: послѣднее въ то время мало понимали и еще впоследствии долго упускали изъ вида. А національное собраніе, устанавливавшее своими мѣрами и реформами полное равенство и однообразіе, этимъ еще умножило тѣ условія, которыя благопріятствовали самостоятельной и сильной королевской власти. Поэтому-то самыя свѣтлыя головы въ національномъ собраніи, тѣ, которыя были не просто умными теоретиками, въ родѣ Бальи, а политиками, то-есть людьми, способными понимать потребности государства, какъ, напримѣръ,

¹⁾ Изъ мемуаровъ Бальи видно, какъ задѣты были многіе депутаты фразой въ королевской рѣчи, которая нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ всѣмъ бы казалась совершенно естественной: „les bienfaits que le roi accorde à ses peuples“. On fut étonné qu'en parlant à la nation assemblée on ait fait dire au roi, „le roi veut, le roi entend“.

Мирабо, — такъ сильно отстаивали независимость монархій. Можно сказать, что какъ первымъ, такъ и послѣднимъ словомъ Мирабо въ его политической дѣятельности былъ протестъ во имя монархій. Въ самомъ началѣ революціи Мирабо рискнулъ своей популярностью и всей своей политической будущностью, когда возсталъ противъ предложеннаго Сіесомъ провозглашенія палаты третьяго сословія *національнымъ собраніемъ*, и видѣлъ въ этомъ узурпацію на счетъ монархій, — и еще незадолго передъ своей смертію онъ заявлялъ, что эта узурпація была причиною всего зла (*l'origine du mal*) и что ошибка депутатовъ состояла въ томъ, что они захотѣли управлять королемъ, вмѣсто того, чтобы управлять посредствомъ его (*gouverner le roi au lieu de gouverner par lui*). Но какъ ни важна была въ 1789 году съ точки зрѣнія практической политики извѣстная самостоятельность и независимость королевскаго авторитета, — историку трудно рѣшить вопросъ, насколько Франція избѣгла бы потрясеній, если бы національное собраніе предоставило монархіи большую независимость, и какое употребленіе сдѣлалъ бы Людовикъ XVI изъ предоставленной ему власти: другими словами, способна ли была легальная монархія во Франціи добровольно отрѣшиться отъ своего историческаго феодальнаго характера и переродиться.

Для того, чтобы категорически рѣшать подобные вопросы, историку нужно было бы обладать даромъ пророчества относительно прошедшаго, то-есть способностью угадывать, что случилось бы при извѣстныхъ условіяхъ и комбинаціяхъ, и потому Тэна можно упрекнуть за то, что онъ придаетъ въ этомъ вопросѣ практической точкѣ зрѣнія слишкомъ исключительное значеніе и вовсе не видитъ исторической тяжбы, происходившей между демократіей и монархіей во Франціи, — тяжбы, въ которой событія 1789 года составляли только одинъ, хотя и существенный, эпизодъ.

Мы постарались въ другомъ мѣстѣ прослѣдить ходъ этой великой тяжбы и объяснить съ помощію исторіи ея исходъ ¹⁾. Въ этомъ окончателъномъ исходѣ и заключается отчасти оправданіе тѣхъ теоретиковъ, которые уступали въ политическихъ способностяхъ гениальному Мирабо; историкъ долженъ сказать въ ихъ пользу, что ими, кромѣ теоріи, руководилъ и извѣстный истиннѣтъ, и очень вѣрно выразилъ этотъ истиннѣтъ тотъ, кто былъ президентомъ національнаго собранія въ достопамятные дни 17 и 23 іюня: «мы могли погибнуть, но наше дѣло пережило бы насъ и послужило бы въ будущемъ основаніемъ государ-

¹⁾ Сбор. Госуд. Званій, т. III: „Республика или монархія установится во Франціи“.

ответнаго устройства, которое неминуемо учредили бы поколѣнія просвѣщенныя и болѣе могущественныя»¹⁾.

Одностороннее преобладаніе утилитарной точки зрѣнія передъ исторической еще болѣе выступаетъ въ возраженіяхъ, которыя дѣлаетъ Тэнъ противъ образа дѣйствій національнаго собранія по отношенію къ аристократіи. Мы должны, впрочемъ, различать въ этой критикѣ двѣ части. Та, которая относится къ отрицѣнію гражданскихъ послѣдствій феодализма, вполне удачна; здѣсь критикъ имѣлъ полное право становиться на утилитарную точку зрѣнія, ибо польза въ этомъ случаѣ совпадала съ справедливостью. Развязывая феодальныя отношенія между сеньеромъ и вассаломъ, помещикомъ и крестьяниномъ, землевладѣльцемъ и арендаторомъ, національное собраніе поспѣшило разрубить гордиевъ узелъ; — оно произвело не реформу, а революцію, принесло въ жертву отвлеченному принципу частный интересъ, собственность и справедливость. Оно не поступило, какъ «Савоя въ 1771, какъ Англія въ 1845, какъ Россія въ 1861 году, не пришло на помощь бѣднымъ, не разоряя богатыхъ», оно не осуществило свободы безъ насилій надъ собственностью, не примирило интересы и классы. Оно ничего не сдѣлало, чтобы облегчить соглашеніе между сторонами и уплату долга, созданнаго феодализмомъ, «не установило ни специальныхъ посредниковъ, ни кредитныхъ банковъ, ни системы срочнаго выкупа». Послѣдствія этой оплошности также очень вѣрно представлены: большинство провинціального дворянства разорено окончательно и даже лишилось насущнаго хлѣба; ибо главный его доходъ состоялъ въ сеньеріальныхъ оброчкахъ, которые оно получало за землю, сданную въ вѣчное пользованіе. 123 милліона франковъ ежегоднаго дохода, то-есть два съ половиною милліарда капитала, или 5 милліардовъ франковъ по нынѣшней ихъ стоимости, перешли такимъ способомъ изъ рукъ собственниковъ въ руки должниковъ, частью какъ подарки, сдѣланный имъ національнымъ собраніемъ, частью по внятію этого собранія, которое равнодушно смотрѣло на неплатежъ признанныхъ имъ обязательствъ.

Но не такъ легко согласиться съ Тэномъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о политическомъ положеніи французскаго дворянства, созданномъ декретами 1789 года. И здѣсь встрѣчаются удачныя мѣста, напримѣръ, то, гдѣ Тэнъ говоритъ о значеніи, которое можетъ имѣть въ политической жизни аристократія, благодаря

¹⁾ Bailly, 1, p. 277.

независимости своего положенія, и о пользѣ, которую она можетъ принести народу, даже при демократическомъ строѣ государства.

Аристократія, — восклицаетъ Тэнъ, — подчиненная общему праву, — великое благо, когда она занята и особенно когда ею пользуется государство сообразно съ ея способностями; въ доказательство этой мысли онъ удачно сравниваетъ общественную и политическую дѣятельность англійской аристократіи съ паразитами абсолютной демократіи, такъ-называемыми *politicians* Соединенныхъ Штатовъ, и въ виду этого называетъ аристократію самымъ драгоценнымъ рассадникомъ, изъ котораго нація можетъ набирать своихъ государственныхъ дѣятелей (*hommes d'Etat*) ¹⁾.

Безпристрастнымъ наблюдателемъ является Тэнъ и тогда, когда онъ рисуеъ трудное, унизительное положеніе родовой аристократіи при господствѣ крайней демократіи. «Если знатность, родовое богатство, достоинство въ характерѣ и внѣшнихъ приемахъ вызываютъ лишь недоброжелательство со стороны народа, если для того, чтобы получить его голосъ, надо жить за панебрата съ избирательными маклерами слишкомъ грязнаго свойства, если наглое шарлатанство, вульгарное разглагольствованіе и подлая лесть—единственныя средства, чтобы набрать голоса—въ такомъ случаѣ, какъ нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ или, какъ вѣкогда въ Аѳинахъ, аристократія удаляется въ частную жизнь и скоро впадаетъ въ праздность». И такимъ образомъ пропадаетъ даромъ одна изъ самыхъ великихъ силъ въ государствѣ; «самый лучший и богатый результатъ прошлаго, самый обширный складъ матеріальнаго и нравственнаго капитала остается непроеводительнымъ». Но читатель Тэна будетъ въ большомъ недоумѣніи, когда захочетъ сдѣлать изъ всего этого практической выводъ по отношенію къ событіямъ 1789 года. Неужели самое благопріятное разрѣшеніе вопроса о французской аристократіи заключалось, какъ, повидимому, полагаетъ Тэнъ, въ королевской деклараціи 23 іюня, сохранявшей за дворянствомъ положеніе шляхетскаго сословія съ особеннымъ правомъ *veto* въ государствѣ? Правда, національное собраніе отвергло не только это предложеніе, но и прочія, болѣе либеральныя, комбинаціи, имѣвшія въ виду создать во Франціи наследственное перство или верхнюю палату; но,

¹⁾ Впрочемъ, увлекаясь своею страстью къ натуральному и вычурнымъ сравненіямъ, Тэнъ искажаетъ свою собственную мысль, прибавляя еще другую крайне реалистическую метафору: „*Tel est le service auquel la haute classe est appropriée; il n'y a que ce haras spécial pour fournir une recrue régulière de chevaux de course et, de temps en temps, le coureur admirable qui dans la lice européenne gagnera le prix sur tous ses rivaux*“. II, p. 191.

спрашивается, годилась ли бы французская аристократія въ 1789 году для той роли, которую имѣть для нея въ виду Тѣтъ? Онъ въ этомъ не сомнѣвается и приводитъ въ доказательство, что философія XVIII вѣка распространялась именно посредствомъ высшаго класса, что никогда не было болѣе либеральной, болѣе гуманной, болѣе склонной къ полезнымъ реформамъ аристократіи. Что же касается до провинціальныхъ дворянъ, то Тѣтъ ссылается на слова маркиза де-Феррьера, что, недовольные дворомъ и министрами, они были болѣею частью демократами ¹⁾.

Но либерализмъ и даже демократизмъ извѣстнаго дворянства вовсе еще не служатъ ручательствомъ, чтобы оно было способно представить собою *политическую* аристократію. Напротивъ, эти свойства служили въ тогдашней Франціи помѣхою послѣдовательной аристократической политикѣ со стороны привилегированнаго класса. Либеральное меньшинство среди высшаго и средняго дворянства видѣло свое приваганіе только въ защитѣ господствовавшей въ то время теоріи народовластія, неблагоприятной для особой политической роли аристократіи въ государствѣ. Большинство же дворянъ отстаивало только феодальную старину и привилегіи; оно было въ оппозиціи къ королевскому правительству, пока опасалось нарушенія своихъ привилегій со стороны монархіи, — но, конечно, находилось въ полнѣйшемъ принципиальномъ антагонизмѣ съ новымъ революціоннымъ правительствомъ. Извѣстно, что феодальная партія въ національномъ собраніи была до такой степени враждебна всякой сдѣлкѣ, что подавала голоса вмѣстѣ съ радикалами противъ приверженцевъ реформъ, и когда въ 1791 году зашла рѣчь о пересмотрѣ конституціи въ болѣе умѣренномъ духѣ, эта попытка оказалась несостоятельною по винѣ феодальной партіи. Затѣмъ, для того, чтобы сдѣлаться политической аристократіей, французское дворянство должно было бы прежде всего перестать быть *дворянствомъ*, въ смыслѣ *иляжетства*; но еще въ 1789 году господствовало убѣжденіе, что аристократическое положеніе въ государствѣ и обществѣ достаточно обусловливается однимъ дворянскимъ происхожденіемъ, или что на такое политическое преимущество можетъ претендовать дворянство въ цѣломъ своемъ составѣ въ качествѣ особаго сословія, и потому, напр., французскіе дворяне, принесли

¹⁾ Феррьеръ, впрочемъ, прибавляетъ къ словамъ, которыя приведены у Тѣта, что это названіе не точно, ибо провинціальные дворяне вовсе не желали передать правленіе въ руки народа, а только извлечь его изъ рукъ министерской олигархіи. Мѣт., I, р. 2.

въ жертву свои денежныя привилегіи, считали, однако, необходимымъ сохранить за собой различныя почетныя привилегіи.

Между тѣмъ, вопреки этому шляхетному преданію между придворною аристократіею и среднимъ провинціальнымъ дворянствомъ не было не только никакой политической солидарности, но господствовала полная рознь интересовъ и даже вражда. «Французское дворянство, — говоритъ, напр., графъ Ривароль, — было разединено; придворная и столичная аристократія (celle de Paris), давно уже ненавистная вслѣдствіе денежнаго ажіотажа и монополіи королевской милости, была покинута провинціальнымъ дворянствомъ». Поэтому упрекъ, который дѣлаетъ Тэнъ революціи, что она не отвела должнаго мѣста аристократіи, не счумѣла утилизировать французское дворянство, одностороненъ. Причину этого явленія нужно было искать не въ однихъ крайностяхъ демократической теоріи, но и въ историческихъ условіяхъ, въ неподготовленности и неспособности французской аристократіи къ той роли, которую ей навязываетъ Тэнъ. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этого замѣчанія служить дальнѣйшее поведение большей части французской аристократіи. Французское дворянство въ общей массѣ оставалось вѣрнымъ феодальному рыцарскому преданію не только въ эпоху перваго рѣзкаго столкновенія съ новымъ противоположнымъ началомъ, но и послѣ революціи; оно возвело въ принципъ отреченіе отъ всякой правительственной сдѣлки и обрело себя на бесплодную роль въ исторіи своего народа своимъ союзомъ съ клерикализмомъ, сдѣлавшись орудіемъ чуждаго государству интереса, — орудіемъ ультрамонтанской церкви.

Всего же болѣе обнаруживается односторонность Тэна, неправильное преобладаніе утилитарной точки зрѣнія надъ исторической въ главѣ, гдѣ онъ разбираетъ мѣры національнаго собранія по отношенію къ католицизму. Онъ рассматриваетъ католическую церковь исключительно какъ религіозную и благотворительную корпорацію и приводитъ въ защиту непривосновенности ея политическаго и гражданскаго строя всѣ тѣ аргументы, съ помощью которыхъ онъ отстаиваетъ пользу независимыхъ корпорацій въ государствахъ вообще. Въ послѣднемъ отношеніи у Тэна высказано очень много вѣрныхъ мыслей, наприимѣръ, тамъ, гдѣ онъ, сравнивая духовныя корпораціи прежней Франціи съ университетскими корпораціями Англіи и Германіи, говоритъ: «ихъ ограда служитъ оплотомъ противъ уравнивающаго дѣйствія абсолютной монархіи или чистой демократіи. Здѣсь чловѣкъ можетъ развиваться, сохраняя независимость и не напяливая на себя ливрею придворнаго льстеца или демагога; онъ мо-

желеть приобрести достатокъ, уваженіе, авторитетъ, не будучи ничѣмъ обязанъ капризамъ королевской или народной милости, онъ можетъ твердо устоять передъ установленной властью или господствующимъ мнѣніемъ, опираясь на цѣлое учрежденіе, свѣдѣнное корпоративнымъ духомъ (*esprit de corps*). Согласно съ этимъ, Тэнь вполне справедливо осуждаетъ національное собраніе за то, что оно слѣдуетъ доктринамъ Руссо, по которымъ демократія не должна допускать никакой связи между гражданами помимо государственной и поэтому не должна терпѣть среди себя никакихъ партій, общинъ и корпорацій.

Увлекаясь этой индивидуалистической или, точнѣе, атомистической теоріей, національное собраніе начало, какъ говоритъ Тэнь, превращать французскій народъ въ массу разрозненныхъ пыльниковъ (*une poussière d'individus désagrégés*). Послѣдовательно идя по этому пути, законодательное собраніе нанесло рѣшительный ударъ французской сельской общинѣ: «четыре дня спустя послѣ паденія короля, законодательное собраніе дало немущимъ возможность примѣнить аграрный законъ къ общиннымъ землямъ». Раздѣлъ этихъ земель между обитателями общины поголовно и ровненько дозволялся, какъ скоро этого требовала одна треть населенія обоого пола—служанки, поденщики, пастухи, батраки и даже нищія, жившіе милостыней. Операция эта успѣшно примѣнялась потому, что «она чрезвычайно правилась наименѣе зажиточнымъ крестьянамъ». Вслѣдствіе этого община перестаетъ быть независимымъ собственникомъ, у нея болѣе нѣтъ никакого запаса. Въ случаѣ нужды, пусть она обременяетъ себя сборами и добавочными налогами. «Доходъ, который она могла бы имѣть въ будущемъ, сидитъ теперь въ крѣпко застегнутомъ карманѣ новыхъ собственниковъ». Въ то же время, законодательное собраніе, «принимая во вниманіе, что государство дѣйствительно свободное не должно терпѣть среди себя никакихъ корпорацій», даже таковыхъ, которыя, «посвящая себя народному просвѣщенію, оказали услугу отечеству», даже и таковыхъ, которыя «исключительно предназначены службѣ въ госпиталяхъ и уходу за больными—упразднило всѣ конгрегаціи, братства, общества, мужскія и женскія, духовныя и свѣтскія, всякія религіозныя, благотворительныя, воспитательныя, миссіонерскія учрежденія, семинаріи, коллегіи, Сорбонну» и пр.

Наконецъ, манія государственной централизаціи дошла до того, что конвентъ уничтожилъ всѣ литературныя общества и всякаго рода академіи, конфисковалъ ихъ имущество, библиотеки, музеи, ботаническіе сады, и захватилъ всѣ, еще не раздѣ-

ленные, владѣнія сельскихъ общинъ, а также имущества госпиталей и другихъ благотворительныхъ учреждений.

Нельзя не согласиться съ Тэнномъ въ осужденіи таковой политики, но вопросъ о судьбѣ католической церкви во время революціи не можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи тѣхъ практическихъ и юридическихъ соображеній, которыми можно защищать пользу общинныхъ земель и лѣсовъ и автономію кембриджскаго университета или гарвардской коллегии. Правда, и въ своемъ осужденіи церковной политики національнаго собранія Тэнъ нрѣдко совершенно правъ въ частностяхъ; его упреки при этомъ то относятся къ отдѣльнымъ мѣрамъ, непрактичность и вредъ которыхъ онъ выставляетъ на видъ, то къ общему духу, руководившему національнымъ собраніемъ. Тэнъ, напримѣръ, совершенно справедливо порицаетъ безусловную отміну церковной десятины, вслѣдствіе которой національное собраніе, произвольно и въ ущербъ государству, увеличило доходъ землевладѣльцевъ, платившихъ десятину, не только мелкихъ, но и крупныхъ, на 14⁰/₀, т.-е. сдѣлало имъ подарокъ, равнявшійся седьмой части стоимости всего ихъ имущества. При этомъ бывали случаи, что отміна десятины, лежавшей на имѣніи, прибавляла къ ежегодному доходу землевладѣльца 30,000 франковъ.

Совершенно справедливо также, что поспѣшная и хаотическая распродажа церковныхъ имуществъ была не только убыточна для государства, не только повлекла за собой совершенно ненужное разореніе громаднаго количества богослужебныхъ предметовъ и художественныхъ произведеній, не только повергла въ нищету большое число лицъ, но и лишила множество госпиталей, школъ и вообще благотворительныхъ учреждений средствъ къ дальнѣйшему существованію.

Совершенно справедливо и то, что нѣкоторые мѣры, касавшіяся новаго устройства церкви, не только противорѣчили духу католицизма, но и здравому смыслу; напримѣръ, предоставленіе права избирать священниковъ тѣмъ же избирателямъ, которые въ извѣстной общинѣ избирали и мэра, судью и депутата— вслѣдствіе чего во многихъ мѣстностяхъ въ избраніи всенга могли участвовать протестанты и евреи.

Наконецъ, совершенно справедливо, что требованіе присяги въ вѣрности новой конституціи, заключавшей въ себѣ и новыя церковныя постановленія, было мѣрою ненужною, которая, между тѣмъ, тотчасъ заставила двѣ трети всего духовенства открыто признать себя противниками всей революціонной конституціи, внесла смуту въ каждую общину и разожгла религиозный и поли-

тическій фанатизмъ. Осуждая эту мѣру, Тѣтъ, кромѣ того, утверждаетъ, что сущность современнаго католицизма болѣе заключается въ его внѣшнемъ строѣ, чѣмъ въ его религиозномъ ученіи — и что онъ поэтому не можетъ допустить никакого вмѣшательства въ этотъ внѣшній строй, никакого отступленія отъ принципа, что духовная власть принадлежитъ исключительно папѣ и поставленнымъ папою епископамъ. Этому не хотѣли понять версальскіе законодатели, которые даже утверждали, что въ ихъ власти измѣнить самую религію (*peux rougions changer la religion*), и что они поступаютъ очень умѣренно, если не касаются ни догматовъ, ни богослуженія, а только берутъ на себя переустроить внѣшнюю организацію церкви, безъ соглашенія съ духовною властью.

Но къ церковной политикѣ національнаго собранія нельзя правильно отнестись, не принявъ во вниманіе того, чѣмъ была католическая церковь въ 1789 году и какъ привыкло относиться къ ней французское государство.

Несмотря на свое космополитическое значеніе и свою зависимость отъ папы, на которой такъ настаиваетъ Тѣтъ, католическая церковь имѣла во Франціи до революціи чисто феодальный характеръ: духовенству, какъ первому штату, принадлежала доля въ верховной власти, церковь владѣла на феодальномъ правѣ $\frac{1}{6}$ всей поземельной собственности и имѣла непосредственное вліяніе надъ большимъ числомъ французскихъ гражданъ. Множество церковныхъ должностей были въ силу патроната частною собственностью или короля, или прелатовъ и сеньеровъ. Церковные доходы распределялись между духовными лицами на основаніи сословныхъ привилегій и случайной милости двора. При такомъ положеніи дѣлъ, столкновение между церковью и революціею должно было быть особенно ощутительно, но эта борьба между національнымъ собраніемъ и французскою церковью была только продолженіемъ вѣкового историческаго процесса и національное собраніе въ своей церковной политикѣ только продолжало дѣло французскихъ королей. Издавна власть этихъ королей была одинаково направлена къ ограниченію вліянія церкви въ ея двоякомъ значеніи, феодальнаго и космополитическаго учрежденія. Короли боролись противъ независимости прелатовъ въ ихъ качествѣ французскихъ сеньеровъ и противъ авторитетнаго пана, какъ главы церкви, и въ этой борьбѣ не рѣдко употребляли одного противника какъ союзника противъ другого: то созывали соборъ галликанскаго духовенства для ограниченія папскихъ притязаній, — то заключали конкорды съ папами и дѣлили

съ ними общую добычу, т.-е. церковные доходы и раздачу бенефиций; но всегда при этомъ они имѣли въ виду подчиненіе церкви интересамъ государства. Никто не выразилъ такъ опредѣленно преобладанія этого чисто государственнаго интереса въ церковныхъ дѣлахъ, какъ великій политикъ, котораго сама церковь дала французскому государству—кардиналъ Ришельё, когда онъ обложилъ податью въ пользу государства церковныя имѣнія: «потребности государства—реальны; потребности церкви—химеричны и произвольны».

Въ этой борьбѣ съ церковью французскіе короли никогда не задумывались переходить границу, проведенную Тэнотъ; они не только касались дисциплинарныхъ правилъ церкви, но и входили въ область религіи. Уже въ XIII вѣкѣ легисты (Дюбуа), руководившіе королевской политикой противъ римской курии, требовали, чтобы имущества церковныя были переданы мірянамъ, а духовенство вознаграждено «ежегоднымъ жалованьемъ». Тотъ же Пьерръ Дюбуа настаивалъ на необходимости отмены celibата. Въ XV вѣкѣ французское правительство открыто применило къ партіи реформы, которая хотѣла заставить католическую церковь вернуться къ старинѣ, къ соборному правленію, сдѣлать выборы епископовъ свободными, то-есть независимыми отъ папы. А на Тридентинскомъ соборѣ послы французскаго короля поддерживали представителя французскаго духовенства, кардинала Лотарингскаго, который потребовалъ брака священниковъ, причащенія подъ обоими видами и молитвы на народномъ языкѣ. Парижскій парламентъ не призналъ постановленій Тридентинскаго собора, а французская церковь признала только то, что относилось къ догматамъ; все же, что относилось въ вышнему устройству, считалось незытымъ въ-подѣ «иноземной власти». А при Людовикѣ XIV епископъ турнейскій, которому виѣсть съ Босюотомъ было поручено составить знаменитую декларацію галликанскаго духовенства, — утверждалъ, что папы сами могутъ впадать въ ересь.

Французская демократія, захватившая въ лицѣ національнаго собранія государственную власть, задумала съ-разу привести въ исполненіе, какъ въ государственной области, такъ и въ церковной, вѣковыя традиціи прежняго французскаго правительства и завершить дѣло, которое послѣднему было не по силамъ. Какъ въ области политической, національное собраніе устраненіемъ всѣхъ привилегій и мѣстныхъ преградъ окончательно объединило народъ и централизовало государство, такъ въ области церковной оно задумало окончательно превратить церковь въ то, тѣмъ она въ

сущности всегда была въ глазахъ французскаго правительства — въ орудіе власти — *un instrument de règne*. При монархическомъ режимѣ самымъ удобнымъ средствомъ для этого считался королевскій патронатъ, т.-е. назначеніе на церковныя должности главою государства, королемъ. Теперь, при воцареніи демократіи патронатъ короля, конечно, долженъ былъ быть замѣненъ патронатомъ новаго государя, — народной массы, и назначеніе свыше должно было уступить мѣсто непосредственному выбору снизу.

Полагая народный выборъ въ основаніе духовныхъ должностей, національное собраніе становилось на ту же точку зрѣнія, на которой стояло въ XV вѣкѣ правительство Карла VII, узаконившее свободное независимое отъ папы избраніе епископовъ. Національное собраніе только поступило радикальнѣе, ибо если партія реформы въ XV вѣкѣ хотѣла восстановить соборное правленіе и вернуть церковь въ эпохѣ аристократическаго строя, — то революція XVIII вѣка вздумала вернуться въ еще болѣе ранней эпохѣ въ исторіи церкви, когда въ ней преобладали демократическія формы и народный выборъ.

Впрочемъ, для этой цѣли національному собранію вовсе не нужно было исходить отъ представленій о церковномъ устройствѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Демократическія формы и вліяніе мірянъ на церковь сохранились во Франціи въ гораздо болѣе степени, чѣмъ это вообще извѣстно, и особенно въ сельскихъ общинахъ мы встрѣчаемъ вплоть до самой революціи не только непосредственное участіе народа въ распоряженіи церковными имуществами, но и постоянное внимательство въ такіе вопросы, которые теперь предоставлены исключительно вѣдѣнію духовенства.

Церковныя недвижимыя имущества, накопившіяся въ феодальную эпоху, болѣею частью принадлежали монастырямъ и прелатамъ, и только въ незначительной степени употреблялись на нужды церквей и духовенства въ селахъ и городахъ. Для послѣдней цѣли понадобились, повтому, новыя средства, которыя и были доставлены благочестіемъ частныхъ лицъ, или обязательными взносами общинъ. Но эти средства уже не считались собственностію духовенства (*clergé*), а были подъ названіемъ *fabriques* собственностію прихода и управлялись особыми лицами (*parroissiens*), избиравшимися въ селахъ міромъ, то-есть собраніемъ всѣхъ членовъ общины по предложенію священника. Эти приходскія собранія, тождественныя по своему составу съ общинными собраніями, не только просматривали и утверждали годовыя отчеты старостъ, разрѣшали расходы изъ церковныхъ суммъ, преви-

павшіе 10 ливровъ, необходимы отчужденія церковныхъ имуществъ, принятіе имуществъ, отказанныхъ по завѣщанію, кокушеу церковной утвари и украшеній, но и опредѣляли тарифъ на жѣста въ церкви, дѣлали постановленія относительно погребенія, опредѣляли часы церковной службы и выбирали иногда чрезъ старостъ проповѣдниковъ, приглашаемыхъ на время поста. Бывали случаи даже еще и въ XVII вѣкѣ, что общинный совѣтъ какого-нибудь городка обращался официально къ епископу съ просьбой о разрѣшеніи употреблять въ пищу яйца во время поста. Вліяніе народа, то-есть общины, въ области церковной вообще было такъ сильно до революціи, что возбуждаетъ неудовольствіе современныхъ церковныхъ писателей, привывшихъ къ другимъ порядкамъ. Одинъ изъ нихъ, напимѣръ, Аббатъ Жиро говоритъ, что всѣ эти права, предоставленныя общинѣ, или ея представителямъ, ниводили священника на положеніе простого приказчика по духовнымъ дѣламъ. «Къ счастью, все это теперь измѣнилось». Il n'en est plus ainsi heureusement ¹⁾.

Конечно, національное собраніе, осуществляя въ своей церковной политикѣ завѣтъ исторіи, руководилось собственно не указанными выше историческими, а чисто-практическими соображеніями, которыя также упустилъ изъ вида Тэнъ. Лишивъ короля абсолютной власти, — возстановивъ противъ себя и папу и высшее духовенство отиѣною ихъ привилегій и доходовъ, — кому же могло національное собраніе поручить назначеніе духовныхъ лицъ, какъ не тому самому народу, на который опиралась его власть? Нельзя же было предоставить завѣдываніе церковью, — этого страшнаго орудія господства, исполнительной власти, съ которой національное собраніе было въ то время въ полномъ антагонизмѣ; нельзя было также предоставить объединенную, усиленную, оторванную отъ земли и отъ мѣстныхъ святей французскую церковь въ распоряженіе чужой власти, то-есть папы.

Итакъ, вообще нужно имѣть въ виду, что церковныя мѣры національнаго собранія, которыя такъ легко критиковать въ наше время, вытекали гораздо болѣе изъ прежнихъ отношеній между церковью и государствомъ во Франціи и изъ тогдашнихъ обстоятельствъ, чѣмъ изъ отвлеченныхъ теорій и произвольныхъ комбинацій революционеровъ, какъ это доказываетъ Тэнъ; а что касается до вредныхъ послѣдствій этихъ мѣръ, то разрывъ между

¹⁾ См. Babeau, Le Village sous l'Ancien Régime, p. 118, sq. Въ этомъ сочиненіи находится много интересныхъ свидѣній о томъ, что можно назвать вліяніемъ демократическаго режима въ старой французской деревнѣ, введеніе котораго приписывается національному собранію.

церковью и революціею былъ во второмъ случаѣ неизбеженъ, и даже роковая ошибка національнаго собранія—установленіе конституціонной присяги—не играла тутъ такой роли, какъ намется. Еще за-долго до нея, то-есть тотчасъ послѣ дѣвята о конфискаціи церковныхъ имуществъ—епископы въ своихъ посланіяхъ оплакивали гибель религіи, бросали громы противъ нечестивой узурпаціи національнаго собранія и призывали народъ въ возстанію ¹⁾, а священники, эти союзники адвокатовъ въ дни отмены привилегій, сдѣлали имъ въ лицѣ одного изъ сихъ невинный упрекъ: итакъ, когда вы пришли въ нашу палату, чтобы умолять насъ именемъ Господа-миролюбца соединиться съ нами,—это было только для того, чтобы насъ погубить (égotger) ²⁾.

XVI.

Покончивъ съ анализомъ политики національнаго собранія по отношенію къ старому порядку и главнымъ его основамъ—монархіи, аристократіи и церкви, Тэнъ переходитъ ко второй половинѣ своей задачи и подвергаетъ такой же критикѣ другую сторону законодательной дѣятельности національнаго собранія, направленную къ установленію новаго государственнаго строя. И здѣсь, по мнѣнію Тэна, національное собраніе преимущественно руководилось теоріей и идеологіей; и здѣсь, должны мы сказать, критика Тэна исходитъ сликивомъ исключительно изъ точки зрѣнія пользы и цѣлесообразности. Государство въ его глазахъ не что иное какъ машина, все достоинство которой въ томъ, чтобы она исправно и быстро дѣйствовала; обязанность законодателя отождествляется съ обязанностью машиниста, который долженъ заботиться о томъ, чтобы локомотивъ не остановился по недостатку угля или не соскочилъ съ рельсовъ. Потому и эта часть критики Тэна замечаетъ въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній, но его огульное порицаніе національнаго собранія можно признать справедливымъ лишь въ томъ случаѣ, если допустить его основную точку зрѣнія, что политика тождественна съ механикой, и что высшее мѣрило всѣхъ историческихъ учрежденій есть польза.

Главный упрекъ, который дѣлаетъ Тэнъ новымъ учрежденіямъ, созданнымъ національнымъ собраніемъ, совершенно справедливо сводится къ тому, что собраніе, желая уничтожить деспо-

¹⁾ Mémoires de Ferréres, p. 370.

²⁾ Mém. de Fétt., p. 380.

тизмъ, уничтожило всякое правительство (pour surprimer le despotisme ils surprimèrent le gouvernement). Это уничтоженіе правительства выразилось въ двухъ отношеніяхъ: въ положеніи, которое было отведено королю въ новой конституціи, и въ характерѣ новыхъ административныхъ органовъ, созданныхъ національнымъ собраніемъ.

Королю не предоставлено право распустить національное собраніе, и въ то же время онъ лишенъ возможности поручать министерства вождямъ національнаго собранія. Такимъ образомъ, король не только обреченъ по отношенію къ національному собранію на совершенное безсиліе, но и всякая связь между нимъ и народными представителями порвана. Король не что иное, какъ *исполнитель* воли національнаго собранія; но, поручивши ему исполнительную власть, національное собраніе въ то же время, по недовѣрію къ нему, лишило его фактической возможности исполнять свою обязанность, ибо всѣ органы исполнительной власти, за исключеніемъ министровъ, совершенно независимы отъ короля. Всѣ должностныя лица избираются народомъ и не могутъ быть отрѣшены королемъ безъ разрѣшенія національнаго собранія. Королю не предоставлено никакой принудительной власти, онъ не можетъ заставить какую-нибудь сельскую общину послѣдить составленіемъ податнаго списка, принудить упрямаго плательщика внести недоимку, приказать пропустить задержанный обозъ съ хлѣбомъ, привести въ исполненіе судебный приговоръ, употребить въ дѣло войско для подавленія восстанія; не можетъ защитить собственности и жизни гражданъ. Онъ не что иное, какъ безпомощный посредникъ между національнымъ собраніемъ и мѣстными органами, глашатай законовъ (un héraut ou moniteur public), нѣчто въ родѣ центрального эхо, звучнаго, но немѣющаго собственной жизни. Что касается до мѣстныхъ административныхъ органовъ, то и здѣсь новая конституція держится общаго правила, что «подчиненные *независимы* отъ высшей инстанціи», ибо послѣдняя ихъ не назначаетъ и не можетъ ихъ отрѣшить, но сохраняетъ только право давать подчиненнымъ совѣтъ и дѣлать имъ представленія.

Дѣйствительная власть дана лишь самымъ низшимъ изъ мѣстныхъ административныхъ органовъ—общинному правленію или муниципалитетамъ, такъ какъ имъ предоставлено право не только распоряжаться вооруженнымъ народомъ—національной гвардіей, но и призывать на помощь войско. Поэтому «только въ рукахъ муниципалитетовъ та сила, которая дѣлаетъ въ карманѣ упрямаго плательщика и обезпечиваетъ поступленіе податей, которая бе-

реть за шиворотъ бунтовщика и охраняетъ жизнь и собственность, однимъ словомъ—превращаетъ въ дѣйствіе общаго и угрозы закона». Распоряжаясь кошелькомъ и мечомъ, муниципалитеты властвуютъ въ странѣ, и они сознаютъ свою силу. По ихъ распоряженію, разграбляются арсеналы, занимаются гарнизонами крѣпости, останавливаются обозы и курьеры, перехватываются письма; своеволие муниципалитетовъ все растетъ и становится систематической инсубординаціей; ихъ захваты не знаютъ ни мѣры, ни границъ; ихъ самоуправство проявляется не только въ предѣлахъ ихъ общины, но не рѣдко простирается и на сосѣднія. И такимъ образомъ королевство вскорѣ раздробляется на 40,000 самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ (*comres souverains*).

Тэнь подробно описываетъ многочисленныя и сложныя обязанности «муниципальныхъ царей» и выставляетъ на видъ рѣзкій контрастъ между задачей, возложенной на новыхъ администраторовъ, и ихъ некомпетентностью. «Въ 20,000 муниципій члены общиннаго управленія не умѣютъ ни читать, ни писать». Крестьяне-правители часто не знаютъ даже французскаго языка, и тѣмъ менѣе въ состояніи понять философскій жаргонъ, на которомъ написаны декреты національнаго собранія. Они приходятъ въ городъ, заставляють себя истолковать законъ, дѣлають видъ, что поняли, но чрезъ недѣлю возвращаются, ничего не понявши. Однако дѣло идетъ еще хуже, когда они убѣждаются, что уразумѣли смыслъ закона и принимаются прилагать его въ дѣлу. Къ этому невѣжеству ихъ присоединяется осторожный расчетъ, они не хотятъ нажить себѣ враговъ, и, наприимѣръ, болѣе чѣмъ годъ спустя послѣ декрета о «патріотической подати» изъ 40,000 общинъ только 2,500 представили податные списки и приступили къ сбору денегъ. Въ городахъ дѣло идетъ лучше: тамъ въ первые два года революціи завѣдываніе дѣлами переходитъ въ руки самой просвѣщенной и либеральной части буржуазіи. Но это та же философствующая буржуазія, которая засѣдаетъ въ національномъ собраніи, и она такъ же мало способна, какъ и это собраніе, управлять рассыпавшейся націей (*nation dissoute*). Имъ не достаетъ чутья «общественной опасности» (*danger social*), которымъ отличается истинный правитель, умѣющій подчинять ощущенію нервной чувствительности общественному долгу.

Къ этому присоединяется другое затрудненіе. Власть, представленная муниципалитетамъ для поддержанія общественнаго порядка, дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если національная гвардія исполняетъ ихъ приказания. Но эти выборныя власти не всегда могутъ рассчитывать на покорность своихъ вооружен-

ныхъ избирателей. Нерѣдко, особенно въ селахъ, національная гвардія является съ барабаннымъ боемъ за своимъ мѣромъ, и заставляетъ его, подъ угрозой штыковъ, своимъ присутствіемъ или даже своимъ приговоромъ узаконять насилия, которыя онъ долженъ былъ бы предотвратить; самая, однако, главная опасность, которая грозитъ новому порядку, заключается въ томъ, что онъ налагаетъ на гражданъ слишкомъ тяжелое бремя. Каждый гражданинъ несетъ двойную службу,—службу жандарма въ національной гвардіи и службу избирателя на всѣ административныя, судебныя, духовныя и политическія должности. Не проходитъ почти мѣсяца, чтобы избиратели не были созваны, а выборы иногда продолжаются, вмѣсто трехъ дней, три недѣли. Тѣмъ рассчитывается, что при національномъ собраніи, общественная служба поглощала два дня въ недѣлю, то-есть одну треть времени гражданъ, призванныхъ къ политической дѣятельности.

Такъ какъ эта тяжелая служба падаетъ на людей занятыхъ и трудящихся, то она имъ скоро надоедаетъ. Въ первые 6 мѣсяцевъ, они несутъ новую службу охотно, — но затѣмъ хотятъ жить для себя: они полагаютъ, что вытащили на своихъ плечахъ завязнувшую въ грязи колесницу—и что этого достаточно; они не намѣрены навсегда запречься въ нее. Число гражданъ, являющихся на выборы, становится все рѣже и рѣже. Но при такомъ отреченіи большинства, верховная власть переходитъ къ меньшинству. Въ обществѣ, гдѣ всѣ должности выборныя, политика становится карьерой для тѣхъ, кто жертвуетъ ей собственнымъ интересомъ, или же ищетъ въ ней личной выгоды — такихъ политиковъ человѣкъ 5—6 въ каждой деревнѣ, нѣсколько сотъ въ городахъ, нѣсколько тысячъ въ Парижѣ. Это настоящіе активные граждане (*citoyens actifs*). За свои хлопоты они пользуются властью, они руководятъ выборами, или избираются сами. Число должностей громадно,—однѣхъ административныхъ около 1.200,000; добыча обильная для людей честолюбивыхъ и для нуждающихся. Такова судьба чистой демократіи;—политика становится специальнымъ занятіемъ, и общественныя должности становятся, какъ въ Америкѣ, вознагражденіемъ за этотъ специальный политическій трудъ.

Господствующее меньшинство набирается изъ двухъ классовъ—изъ эквалтированныхъ и изъ людей не имѣющихъ промысла. Во второй половинѣ 1790 года эти лица вездѣ группируются въ особня общества, подобно парижскимъ явобинцамъ. Во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ, возникаетъ клубъ патриотовъ, которые собираются каждый вечеръ, или нѣсколько разъ въ не-

дѣлю, чтобы содѣйствовать общему благу (coopérer au salut de la chose publique). Это новый, самопроизвольный и паразитный органъ, который развивается въ общественномъ тѣлѣ, рядомъ съ законными органами, незаметно разрастается на ихъ счетъ и наконецъ ихъ совершенно устраняетъ.

Нельзя не отдать справедливости Тэню въ томъ, что онъ съ большою рельефностью выставилъ на видъ недостатки той политической системы, которою руководилось національное собраніе, и—что еще важнѣе—такъ-сказать, ослазательно объяснилъ причины и доказалъ неизбежность торжества крайней революціонной партіи, или якобинцевъ. Но политическій урокъ, который даетъ Тэнъ своимъ читателямъ, былъ бы еще полезнѣе, если бы онъ не слишкомъ настаивалъ, съ одной стороны, на теоретичности принциповъ національнаго собранія, а съ другой—на утопическомъ характерѣ совершеннаго имъ дѣла. Тэнъ забываетъ, что чистая демократія не есть абстракція, выведенная только изъ отвлеченныхъ понятій,—не есть теорія, произвольно изобрѣтенная Руссо, а представляетъ собой политическую форму, опирающуюся на известное толкованіе идеи права, на безотчетные истинны справедливости, врожденной человѣку. Тэнъ забываетъ также, что несостоятельность этой политической формы нельзя доказывать злоупотребленіями, въ которыхъ она можетъ повести, ибо при всякой политической формѣ возможны известнаго рода злоупотребленія; съ другой стороны, чистую демократію нельзя въ наше время называть утопіей, и значеніе тѣхъ практическихъ возраженій, которыя дѣлаетъ Тэнъ демократіи 1789 года, очень умалится тѣми успѣхами, какіе сдѣлало въ наши дни приложеніе на практикѣ крайней демократической теоріи. Такъ, напримѣръ, новая швейцарская конституція предоставляетъ массѣ швейцарскихъ гражданъ самое непосредственное вмѣшательство въ законодательную дѣятельность ихъ правительства. Согласно съ этой конституціей, должны быть предложены швейцарскому народу, для утвержденія или для отиженія, всякій законъ (Bundesgesetz) и всякое не безотлагательное постановленіе союзнаго правительства (Bundesbeschluss), какъ скоро этого потребуютъ 30,000 гражданъ. Этимъ путемъ швейцарскій народъ принялъ законъ о гражданскомъ бракѣ и отвергъ законъ о банкахъ. Подобнымъ образомъ, какъ скоро 50,000 гражданъ потребуютъ ревизіи союзной конституція, то вопросъ объ этомъ долженъ быть предложенъ на усмотрѣніе всего народа.

Затѣмъ, критикуя политическое устройство, созданное національнымъ собраніемъ, Тэнъ, по усвоенному имъ методу, не при-

наль во вниманіе теоретическихъ и практическихъ затрудненій, съ которыми пришлось бороться собранію. Самый трудный вопросъ, который представляется на разрѣшеніе всякой демократіи, заключается въ установленіи отношеній между органами законодательной власти и исполнительной, а также въ опредѣленіи доли самостоятельности и независимости, которая можетъ быть предоставлена главѣ центральной администраціи. Трудность эта тѣмъ болѣе значительна, что въ этомъ вопросѣ не можетъ помочь никакая формула, выработанная чужимъ опытомъ; разрѣшеніе его зависитъ не только отъ множества историческихъ и мѣстныхъ условій, но даже не можетъ быть на-долго установлено, ибо правительственный центр тяжести постоянно колеблется между собраніемъ народныхъ представителей и органомъ административной власти. Въ 1789 году это затрудненіе еще особенно усложнялось тѣмъ, что административная власть находилась въ рукахъ наследственнаго короля, который еще недавно былъ хотя и не *de jure* и не всегда *de facto*, но, по правительственной теоріи, неограниченнымъ государемъ. Узурпировавши верховную власть, французская демократія не могла предоставить примѣненіе ея развѣнчанному потомку Людовика XIV—и этимъ было вызвано то ненормальное положеніе, которое было отведено королю въ конституціи 1789 года. Демократія 1789 года хотѣла не только царствовать, но и управлять, а съ этими притязаніями было несовмѣстно продолженіе монархіи, и потому съ тѣхъ поръ законная монархія была въ сущности подорвана во Франціи. Но во имя демократіи, избранные еще при господствѣ монархіи, снабженные инструкціями, въ которыхъ монархическое правленіе признавалось основнымъ политическимъ принципомъ, заявившіе своими первыми и главными декретами свою солидарность съ королемъ, не могли и не хотѣли—ни устроить монархію, ни оставить оружіе въ ея рукахъ во время борьбы съ нею.

Другой принципиальный или теоретическій вопросъ, который пришлось разрѣшить національному собранію и который представляется на разрѣшеніе всякой демократіи, былъ не менѣе затруднителенъ.

Принципъ народнаго верховенства (*souveraineté nationale*) былъ провозглашенъ, но, спрашивалось, кому предоставить самую власть—народу или его представителямъ? кто собственно долженъ былъ быть государемъ во Франціи—національное собраніе или сами избиратели? А если верховная власть должна быть подѣлена между ними, то на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ? Вся исторія современной демократіи заключается въ разрѣшеніи

этого вопроса, — въ распредѣленіи верховной власти между народомъ и его представительными органами, и здѣсь также центр тяжести часто колеблется, хотя, судя по исторіи швейцарской и американской демократіи, онъ имѣетъ, повидному, естественную склонность приближаться къ основанію или базѣ.

Национальное собраніе разрѣшило этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: оно предоставило народнымъ представителямъ всецѣло и исключительно законодательство; народной же массѣ, косвеннымъ образомъ, — судъ и администрацію, посредствомъ избраніи должностныхъ лицъ. Национальное собраніе руководилось при этомъ, вонечно, господствовавшими въ то время понятіями о раздѣленіи властей, но мы полагаемъ, что такая политика не менѣе того обуславливалась силою вещей и историческими причинами.

Депутатамъ третьяго сословія удалось осуществить свою узурпацію на-счетъ феодальной аристократіи и монархіи, только благодаря помощи народныхъ массъ. Естественно было подѣлиться добычей съ союзникомъ и предоставить народу широкую долю въ верховной власти, тѣмъ болѣе, что національное собраніе, оставивши короля во главѣ исполнительной власти, нуждалось и впредь въ своемъ союзникѣ, ибо вся сила собранія заключалась только въ поддержкѣ народныхъ массъ, и съ его стороны было бы очень неразумно подчинить эти массы такой же административной онегѣ, отъ которой оно ихъ только-что освободило.

Но, помимо всякаго расчета, національное собраніе было просто бессильно въ отношеніи къ народной массѣ и было фактически не въ состояніи подчинить ее своему управленію и присвоить себѣ, напримѣръ, право назначать отъ себя маршалъ и начальниковъ департаментовъ надъ самодержавнымъ народомъ, во имя котораго оно только-что само свергло королевскую администрацію. Вообще нужно имѣть въ виду, что на ходъ французской революціи и на организацію, которую велучила Франція въ 1789 году, гораздо болѣе отразилось непосредственное вліяніе народныхъ массъ, чѣмъ склоненъ думать тотъ, кто слышащъ ~~исключительно~~ сосредоточиваетъ свое вниманіе на теоріяхъ XVIII вѣка и преніяхъ въ національномъ собраніи. Демократическій переворотъ 1789 года былъ обязанъ своимъ успѣхомъ тому, что въ немъ приняли участіе такіе слои народа, которые обыкновенно остаются чужды чисто-политическимъ движеніямъ. Узурпація демократіи надъ монархіей удалась потому, что ее поддержали и ею воспользовались милліоны сельскихъ жителей; которые имѣли только въ виду избавить себя отъ феодальныхъ порядковъ. На-

сильственная отиѣна феодализма связала интереси сельскихъ массъ съ интересами правительственной демократіи; но стремительность поднявшихся массъ была слишкомъ сильна, чтобы они дозволили себя сдержать и направить по усмотрѣнію версальскихъ депутатовъ. Это наблюденіе, что настоящая сила была на сторонѣ массы и что она увлекала собой національное собраніе, было сдѣлано въ свое время роялистическими писателями: «Помните, — восклицаетъ Ривароль, — представителями французскаго народа, что когда поднимаешь народъ, ему всегда придаешь больше энергіи, чѣмъ нужно, чтобы достигнуть предполагаемой цѣли, и что этотъ излишекъ силы увлекаетъ его скоро за всѣяніе предѣлы!»¹⁾ Но историкъ можетъ, кромѣ того, сдѣлать еще другое наблюденіе. Вліяніе массъ обнаруживается не только въ силѣ революціоннаго движенія, но и въ его направленіи. Та политическая форма, которую приняла въ 1789 году Франція, превратившаяся въ агрегатъ 40,000 почти самостоятельныхъ общинъ, — не что иное, какъ естественный результатъ преобладанія массъ надъ государственнымъ правительствомъ. Естественный элементъ государства — община (la commune), та форма общественнаго союза, которая наиболее близка и понятна массѣ, не только вступаетъ съ паденіемъ королевскаго авторитета, въ свои права, забытыя государствомъ, но и выѣстъ съ воцареніемъ массъ претупаетъ эти права и стремится разрушить государство.

Община, съ своимъ демократическимъ типомъ — собраніемъ всѣхъ своихъ членовъ, для рѣшенія общихъ дѣлъ, и съ выборными должностными лицами, — составляла во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, зерно государственной жизни. Этотъ типъ, конечно, потерпѣлъ значительное видоизмѣненіе и кое-гдѣ даже вовсе утратился, подѣ влияніемъ феодальнаго быта, церковнаго управленія и особенно вслѣдствіе развитія бюрократическаго государства. Но административный гнетъ лежался, главнымъ образомъ, на города — и тамъ, дѣйствительно, успѣлъ уничтожить съ конца царствованія Людовика XIV формы общиннаго самоуправленія; въ деревняхъ же типъ демократической общины съ своими сермяжками, мало замѣтными формами сохранилъ свою живучесть и эластичность²⁾ и готовъ былъ воспринять, какъ только

¹⁾ Mém. de Rivarol, 64. И Малуэ говорить съ своей точки зрѣнія не разъ о силѣ даннаго толчка. L'anarchie est sortie toute armée du cerveau de la multitude. Un seul mot, l'égalité, a bouleversé les têtes и пр. L'impulsion des masses est terrible и т. д. стр. 198.

²⁾ Попытка указать на историческое значеніе сельской общины во Франціи и прослѣдить ея судьбу составляетъ предметъ изслѣдованія и заслугу упомянутаго нами новаго сочиненія Babeau, Le Village sous l'ancien régime.

былъ избавляетъ отъ давленія государственной опеки. Между общиной и государствомъ существовало такое же отношеніе, такой же антагонизмъ, какъ между законодательною и исполнительною властью, и національное собраніе, ослабивъ послѣднюю, поневолѣ доставило преобладаніе общиннымъ формамъ и интересамъ передъ государственными.

Конечно, ослабляя государственное управленіе и поддаваясь вліянію массъ, стремившихся къ автономіи общинъ, національное собраніе дѣлало двойную ошибку. Оно забывало, что по изложеніи монархіи оно само представляетъ собой правительство и, слѣдовательно, наноситъ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Оно не понимало, что сдѣлается безсильнымъ по отношенію къ народной массѣ и эманципированнымъ общинамъ, если не будетъ распоряжаться администраціей, и что оно готовитъ Франціи анархію и междоусобную войну. Оно упускало изъ вида, что вслѣдствіе совершенной имъ узурпаціи Франція находилась какъ-бы на военномъ положеніи, а что воинствующая демократія не можетъ себя обставить учрежденіями, которыя годятся только для мирнаго общества; что всякая власть можетъ поддерживаться только тѣми средствами, которыми она добыта, и что вслѣдствіе всего этого новому демократическому правительству не слѣдовало бы выпускать изъ рукъ силу, способную поддержать миръ и порядокъ.

Но, кромѣ того, національное собраніе, а вмѣстѣ съ нимъ и французская демократія въ 1789 году не понимали историческаго характера французскаго государства, не сознавали завѣта, возложеннаго на нихъ исторіей Франціи. Такая политическая система, при которой всѣ мѣстные административные органы избираются мѣстнымъ населеніемъ, пригодна для федеративной республики, но не для такой централизованной страны, какою была уже въ то время Франція. Мало того, національное собраніе, уничтоживъ всѣ прежнія преграды королевской власти и ослѣпительно завершивъ систему централизаціи, сдѣлало для Франціи еще болѣе необходимымъ сильное и центральное правительство. Въ такой странѣ душа государственнаго тѣла заключается не въ законодательномъ органѣ верховной власти, а въ правительствующемъ. Самымъ роковымъ промакомъ въ этомъ отношеніи со стороны національнаго собранія Тэнъ считаетъ постановленіе, воспрещавшее депутатамъ занимать должность министра, — чѣмъ большинство національнаго собранія лишило себя возможности взять въ руки управленіе страной. Что касается до причинъ такого постановленія, то идеологія или теорія тутъ, ко-

нечно, играли видѣстную роль; опредѣленіе министерствъ, хотя и воссвѣнно, большинствомъ національнаго собранія казалось смѣшеніемъ законодательной и исполнительной властей, а такое смѣшеніе противорѣчило господствовавшей, благодаря Монтескьё, теоріи. Но въ сущности вопросъ былъ рѣшенъ не на основаніи теоріи, а подъ вліяніемъ демократическихъ страстей. Въ этой молодой, необузданной демократіи чувства зависти, равенства и инсубординаціи были слишкомъ сильны между депутатами, чтобы они согласились подчиниться руководству товарищей, взятыхъ изъ ихъ среды. Кроме того, нужно имѣть въ виду, что назначеніе министрами вождей большинства вовсе бы не имѣло на практикѣ тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которые имѣеть въ виду Тэнъ. При тогдашней административной системѣ, основанной на избраніи всѣхъ должностныхъ лицъ мѣстнымъ населеніемъ — министерскій портфель былъ довольно бесполезенъ, — а едва ли бы національное собраніе рѣшилось и было въ состояніи откѣнить эту систему, хотя бы въ угоду министрамъ, взятымъ изъ его среды.

Для того чтобы рѣшиться на такой важный шагъ — восстановить централизацію въ администраціи и сдѣлать министровъ опять правителями — тогдашней Франціи нужно было одержать двѣ побѣды: одну теоретическую, другую — фактическую. Нужно было сознать, что во Франціи сущность власти заключается не въ законодательной функціи, а въ управленіи, и нужно было вырвать изъ рукъ народа оружіе, съ помощію котораго онъ совершилъ революцію, и снова подчинить его дисциплинѣ.

Эти два результата были достигнуты дальнѣйшимъ ходомъ французской революціи. Но уже при національномъ собраніи мы замѣчаемъ попытки въ этомъ направленіи. Уже національное собраніе начало устанавливать многочисленныя комитеты, служившіе ему въ качествѣ министерствъ, и забирать посредствомъ ихъ въ свои руки различныя отрасли управленія. При слѣдующемъ собраніи роль этихъ комитетовъ все болѣе возрастаетъ и усложняется. При конвентѣ, наконецъ, снова появляются прежніе интенданты: въ видѣ чрезвычайныхъ комиссаровъ, и затѣмъ префектъ дѣлается такимъ же неотъемлемымъ органомъ высшаго французскаго правительства, какъ нѣкогда интендантъ при феодальной монархіи.

Итакъ, французская демократія въ самомъ началѣ дѣйствительно сдѣлала большую ошибку: отвергнувши раба власти вслѣдую сдѣлку съ монархіей, она не сумѣла сама организовать эту власть и отказалась отъ нея въ пользу анархической массы или оклократіи. Она мечтала при этомъ, тотчасъ же совершеніи

своей узурпации, осуществить и свободу и равенство, и самоуправление и народное самодержавие; но затѣмъ оказалось, что французской демократіи пришлось идти къ своей цѣли — достиженію политической свободы — длиннымъ, окольнымъ путемъ, а именно сначала долгимъ, мучительнымъ историческимъ процессомъ обезпечить за собою ту власть, которую она схватила на-лету, а потомъ еще болѣе трудной внутренней борьбой съ страстями и увлеченіемъ нравственно оправдать свой захватъ, и доказать свое право на власть.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что эта главная ошибка національнаго собранія была отчасти невольная, т. е. обусловливалась узурпацией, совершенною надъ королевскою властью и слабостію собранія передъ разнуздавшеюся массой, — отчасти же національное собраніе дѣйствовало при этомъ совершенно сознательно и руководилось побужденіями, имѣющими глубокой культурный смыслъ. Умственное движеніе XVIII вѣка, приведшее къ революціи, заключаетъ въ себѣ двѣ различныя струи: — одна была направлена къ установленію индивидуальной и политической свободы, другая — къ установленію равенства. Исторія революціи имѣла, правда, своимъ конечнымъ результатомъ преобладаніе послѣдней струи надъ первой; но въ первые годы, въ лучшую эпоху революціи, приверженцы ея стремились къ обѣимъ цѣлямъ, считали возможнымъ достиженіе полвой свободы и полнаго равенства.

Мы полагаемъ, что нужно относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ тѣмъ мѣрамъ національнаго собранія, въ которыхъ проявилась попытка удовлетворить потребностямъ индивидуальной и политической свободы; тѣмъ болѣе, что этому собранію такъ мало удалось обезпечить эти интересы. А именно одной изъ главныхъ мѣръ, имѣвшихъ въ виду индивидуальную и особенно мѣстную свободу, была административная система, о которой вѣдетъ рѣчь. Подобно тому, какъ эманципация общинъ казалась лучшей гарантіей политической свободы, такъ избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ народомъ, массою, казавось лучшимъ обезпеченіемъ личной и гражданской свободы. Самый ощутительный гнетъ, противъ котораго особенно роптало французское общество въ XVIII вѣкѣ, заключался въ деспотизмъ, точнѣе — въ произволъ административныхъ лицъ, особенно интендантовъ. Даже королевское правительство нашлось, наконецъ, вынужденнымъ дать обществу особые административные органы съ коллегіальнымъ характеромъ — *просвѣдильныя собранія*, которыя дѣйствовали рядомъ съ интендантами. Естественно было, что съ паденіемъ монархіи пали и

интенданты, и мѣстная администрація перешла въ руки коллегій, выпешшихъ изъ народнаго избранія.

Тѣну нужно поставить въ заслугу то, что онъ ясно и рельефно выставилъ на видъ, какъ мало были достигнуты политическіе идеалы XVIII вѣка административной системой, введенной революціей, но его чисто-утилитарная критика обнаруживаетъ, какъ мы старались показать, недостатокъ какъ историческаго, такъ и философскаго пониманія разсматриваемыхъ явленій. Историческое непониманіе проявляется въ томъ, что Тѣнъ обвиняетъ во всемъ исключительно теорію XVIII вѣка и догматизмъ революціонеровъ, не принимая во вниманіе ни современныхъ обстоятельствъ и практическихъ соображеній, которыя заставляли національное собраніе дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, ни историческаго характера французскаго государства и условий, созданныхъ исторіей и опредѣлявшихъ помимо воли законодателей ихъ дѣятельность. Философское же непониманіе мѣшаетъ Тѣну сознать, что политическая теорія XVIII вѣка, при всей своей односторонности и крайности и внутреннихъ противорѣчіяхъ, заключала въ себѣ элементы вѣчной и абсолютной истины—вѣрныя представленія объ идеалахъ и задачахъ, поставленныхъ исторіей человечеству, и что французская демократія, стремясь осуществить эти идеалы, руководилась не только рациональной теоріей, но и вѣрнымъ культурнымъ инстинктомъ. Узкій реализмъ по отношенію къ философій и идеальному содержанію революціи особенно проявляется у Тѣна на тѣхъ страницахъ, которыя посвящены анализу пресловутой—*декларации правъ человека*.

Высокій интересъ французской революціи и ея назидательное значеніе преимущественно обусловливаются трагическимъ положеніемъ, въ которомъ находилась лучшая часть французскаго общества, воспитаннаго на идеяхъ XVIII вѣка, когда это общество вдумало провозгласить свои идеалы вѣчными руководящими принципами и реализовать ихъ, не взирая на практическія препятствія. Идеалистамъ XVIII вѣка было суждено пережить такое же тяжелое разочарованіе и такъ же дорого заплатить за свой идеализмъ, какъ и многимъ другимъ религіознымъ и политическимъ мечтателямъ. Но революція утратитъ для потомковъ свой историческій смыслъ и свое назидательное значеніе, если историкъ, указывая на противорѣчія между идеаломъ и дѣятельностью и на печальныя послѣдствія умеченій, будетъ видѣть, подобно Тѣну, только ошибки и забывать о достоинствахъ и значеніи мотивовъ и цѣлей. Контрастъ между идеалами, которые послылись предъ національнымъ собраніемъ и порядками, которые

оно создадо, нигдѣ не обнаружился такъ наглядно и поучительно, какъ въ знаменитой «декларациі правъ человѣка». Критика этого законодательнаго акта у Тена, очень искусно примыкаетъ къ описанію той анархіи, которая водворилась во Франціи послѣ введенія новаго народнаго самоуправленія. Онъ представляетъ, какимъ образомъ пользовалось декларацией для своихъ цѣлей то меньшинство «политиковъ по фанатизму или по расчету», которое проникло въ муниципалитеты, или забрало въ свои руки ихъ власть и авторитетъ посредствомъ вліянія клубовъ. Такимъ образомъ, мрачная картина подготовлявшагося явобинскаго террора, освѣщенная крайнимъ радикализмомъ, заключавшимся въ декларациі правъ человѣка, становится еще злобѣщѣе, а съ другой стороны, этотъ темный фонъ реальнаго міра, на которомъ у Тена рельефно отражаются отдѣльные параграфы декларациі, нагляднѣе ввобличаетъ ея нецѣлесообразность и практическій вредъ, чѣмъ самая безошадная логическая критика.

Всѣ параграфы декларациі въ глазахъ Тена не что иное, какъ «кинжалы, направленные противъ человѣческаго общества; достаточно толкнуть рукоятку, чтобы вонзить въ тѣло лезвие. Само національное собраніе, постановившее, чтобы декларациа была всегда на умѣ у всѣхъ членовъ общественнаго тѣла (*constamment présente*) и пожелавшее, чтобы всѣ дѣйствія какъ законодательной власти, такъ и власти исполнительной всегда провѣрялись съ помощію декларациі и соразмѣрялись съ цѣлью всякаго политическаго учрежденія, — само національное собраніе далѣ всѣмъ желающимъ право прилагать немедленно къ практикѣ любой изъ параграфовъ декларациі. Къ чему же это должно было привести? Между «естественными и неотъемлемыми правами человѣка законодатель помѣстилъ право сопротивленія противъ всякаго гнета и отсюда является практическій выводъ: «мы угнетаемы, будемъ сопротивляться и возьмемся за оружіе». Законодательная власть постановила, что общество имѣетъ право требовать отчета отъ всякаго должностнаго лица. — «Пойдемте въ рагушу, провѣримъ дѣйствія нашихъ гласныхъ, посмотримъ преслѣдуютъ ли они поповъ, разоружаютъ ли аристократовъ!» Законодатель заявилъ, что всѣ люди рождаются и остаются свободны и равноправны. Отсюда слѣдуетъ, что никто не долженъ быть лишень избирательнаго права, никто не долженъ быть исключень изъ національной гвардіи; всѣмъ, даже самымъ бѣднымъ, нужно дать въ руки оружіе — ружье или пистолетъ, чтобы защищать свою свободу. Согласно съ декларацией, не должны быть допускаемы ни продажность, ни наслѣдственность никакой общественной долж-

ности. Слѣдовательно, наследственность королевской власти незаконна; «пойдемте въ Тюльери и свергнемте престолъ». Декларация гласитъ: «законъ есть выраженіе общей воли.—«Слышите ли вы этотъ шумъ на площади? Это раздается общая воля, которая есть живой законъ и отмѣняетъ законъ писанный». Въ силу этой воли вожди парижскихъ клубовъ отрѣшаютъ короля, подвергнутъ насилію законодательное собраніе и предадутъ казни членовъ конвента. Однимъ словомъ, шумное и интригующее меньшинство замѣнитъ собой самодержавный народъ, «ибо конституція снабдила это меньшинство реальной властію, а декларация правъ, служащая введеніемъ въ конституцію, облекала его дѣйствіи мнимою законностью».

Декларация правъ не разъ уже подвергалась самой обстоятельной критикѣ, какъ съ точки зрѣнія логики и права, такъ и цѣлесообразности и практическаго смысла. Хотя декларация была составлена депутатами самой просвѣщенной изъ европейскихъ націй, этотъ документъ всегда представлялъ и будетъ представлять самое удобное поприще для всякаго остряка. Еще можно сказать, не высохли чернила, которыми была написана декларация, какъ уже извѣстный въ свое время насмѣшникъ, графъ Ривароль, не только очень удачно, но и совершенно справедливо слѣдующимъ образомъ изобличилъ слабую сторону того законодательнаго памятника, который онъ назвалъ кодексомъ дѣлкихъ (le code des saucages). «Провозгласить, что всѣ люди рождаются и остаются свободными—это въ сущности то же, какъ заявить, что они *рождаются и остаются юльми*. Но вѣдь люди хотя и рождаются голыми, однако живутъ одѣтыми, подобно тому, какъ они рождаются свободными, но живутъ подъ властью законовъ»¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что декларация правъ человека, какъ практическое руководство, была еще менѣе пригодна для тогдашней Франціи, чѣмъ конституція, начерченная національнымъ собраніемъ. Относительно послѣдней національное собраніе имѣетъ въ своей практической близорукости одно важное оправданіе—тогдашнія политическія обстоятельства, которыя заставляли его опираться на народную массу и непосредственно довѣрить ей правительственную власть. Но при составленіи декларации, національное собраніе не дѣйствовало подъ вліяніемъ неизбежнаго рока; здѣсь оно безъ принужденія дало волю своему идеалистическому настроенію, сознательно увлеклось своимъ стремленіемъ

¹⁾ Mém. de Riv., p. 103.

къ идеалу. Но въ этомъ и заключается сущность дѣла, въ этомъ именно и состоитъ не только оправданіе, но и великая заслуга національнаго собранія. Это собраніе было первымъ правительствомъ, которое торжественно и всенародно заявило, что цѣль общественныхъ и политическихъ союзовъ—идеальная, и что правительство должно руководиться этими идеальными цѣлями. Правда, и до 1789 года народы и правительства иногда руководились идеалами. Таковой, напримѣръ, идеальной цѣлью были внушены крестовые походы. Но новое время нуждается въ новыхъ идеалахъ. Эти идеалы были выработаны философій XVIII вѣка, и декларация правъ обозначила ихъ довольно ясно. Существенный смыслъ ея вкратцѣ заключается въ томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ отъ природы, то-есть въ качествѣ человѣка, одинаковое со всѣми право на то, чтобы общество и правительство относились къ нему какъ къ человѣку и содѣйствовали, насколько возможно при данныхъ условіяхъ, тому, чтобы онъ достигъ того человѣческаго развитія, въ которому его сдѣлала способнымъ природа. Вотъ въ чемъ заключается новое основное право современныхъ европейскихъ обществъ, новый идеалъ, которымъ они должны руководиться. Практическія примѣненія этого основнаго принципа весьма различны и измѣняются по условіямъ времени и мѣста; но величайшій успѣхъ былъ достигнутъ въ исторіи цивилизаціи самымъ провозглашеніемъ этого принципа и значеніе 1789 года въ исторіи Европы заключается не въ томъ, что на ея Западѣ водворилось новое демократическое правительство, а въ томъ, что это правительство открыло новую эру внутренней политики.

Провозгласивъ этотъ принципъ и взявъ на себя обязанность провести его въ жизнь, французская демократія не только фактически выиграла процессъ противъ монархіи и привязала къ себѣ французскій народъ, но стала неизмѣримо выше всѣхъ прежнихъ демократій, и аѳинской, и флорентинской,—и оказала великую услугу всему человѣчеству.

Какъ электрическій ударъ, пролетѣла декларация правъ по всей Европѣ, и вездѣ въ ней озарилъ новымъ свѣтомъ западныя аристократія и монархіи. Параграфы деклараціи не могли послужить здѣсь поводомъ къ анархіи и предлогомъ для демагоговъ,—но были плодородными сѣменами гражданскаго и человѣческаго прогресса. Такъ, напримѣръ, восемь лѣтъ спустя по обнародованіи деклараціи, вюртембергскіе штаты—эти закорючныя средневѣковныя корпораціи,—обратились къ своему правительству съ просьбой объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости крестьянъ, и въ своемъ

прошеніи заявили, что «родители и прародители не имѣли права отчуждать прирожденные человѣческія права своихъ потомковъ и наложить на нихъ, еще прежде чѣмъ они родились, обязательство нести известныя личныя повинности (Dienste) не въ пользу государства, а въ пользу частнаго лица».

Мы должны ограничиться однимъ этимъ примѣромъ для указанія на тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя имѣли принципы, провозглашенные деклараціей правъ въ жизни европейскихъ народовъ, и спѣшимъ перейти къ разсмотрѣнію третьей и послѣдней части сочиненія Тона.

XVII.

Значеніе этого сочиненія, какъ было видно изъ предшествовавшаго анализа, заключается не столько въ критикѣ, которой Тонъ подвергаетъ идеи и политику національнаго собранія съ точки зрѣнія пользы и житейской практики, сколько въ описаніи внутренняго состоянія Франціи въ первые годы революціи. Вотъ почему заслуживаетъ особеннаго вниманія читателя третья часть разсматриваемаго нами тома, несмотря на однообразіе и утомительность ея содержанія. Въ этой части Тонъ старался изобразить непосредственныя послѣдствія, которыя имѣла для Франціи конституція, созданная національнымъ собраніемъ. Эта книга не только изобилуетъ богатымъ и интереснымъ матеріаломъ, которымъ будутъ съ благодарностію пользоваться безпристрастные историки, но, кромѣ того, здѣсь болѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ умѣстѣнъ утилитарный взглядъ Тона: его манера оцѣнивать идеи и факты не въ исторической связи и въ общемъ значеніи ихъ, а съ точки зрѣнія современныхъ и частныхъ интересовъ,—здѣсь оправдывается тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ картина общественныхъ и частныхъ бѣдствій, обрушившихся на Францію во время революціи.

Тонъ при этомъ постоянно противопоставляетъ — болѣе всуе, чѣмъ справедливо, — общественныя смуты и буйства толпъ философскимъ теоріямъ, которыми руководилось національное собраніе, какъ будто вся бѣда произошла отъ философіи и рационализма. «Образецъ (chef d'oeuvre) спекулятивнаго разума и практической нецѣлостности (déraison) былъ оконченъ», говоритъ онъ о конституціи 1791 года: «въ силу этой конституціи самопроизвольная анархія превратилась въ легальную анархію». Плодомъ чувствительности и философствованія XVIII вѣка,—за-

мѣшаетъ Тэнъ въ другомъ мѣстѣ, — былъ веселый карнавалъ, который продолжался только одинъ день и послѣ котораго наступило деспотическое царство грубыхъ инстинктовъ. Нельзя безнаказанно увѣрять людей, что для нихъ наступилъ миллениумъ; — они тотчасъ хотятъ имъ насладиться и не выносятъ разочарованія въ своихъ ожиданіяхъ. Вслѣдствіе этого Франція представляла странное зрѣлище въ теченіи трехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за взятіемъ Бастиліи. Всѣ рѣчи были исполнены филантропией и всѣ законы отмѣчены симметрией; всѣ же дѣйствія отличались насиліемъ и произволомъ, и въ жизни господствовала полная безурядица; издали Францію можно было принять за царство философіи, — вблизи же она представляла анархію (dislocation) карловингской эпохи. Тэнъ забываетъ, что не одни философскія идеи XVIII вѣка произвели переворотъ 1789 года; онъ упускаетъ изъ виду, что этому перевороту предшествовало финансовое и нравственное банкротство феодальной монархіи, что только это дало возможность демократіи захватить правительственную власть, и что этой смѣной властей воспользовалась масса французскаго народа для того, чтобы страхнуть съ себя феодальные порядки. Демократія, господствовавшая въ національномъ собраніи, была всеильна противъ короля и привилегированныхъ сословій, пока она давала себя нести народной волѣ; но сила, приобретенная національнымъ собраніемъ, была непрочная, она была основана на сочувствіи общественнаго мнѣнія и народныхъ массъ; дѣйствительная же власть была въ рукахъ толпы. Это бессиліе національнаго собранія ясно сознавалось еще въ то время: «что такое въ сущности демократія для массы народа (roug le fond de la nation)», — восклицаетъ графъ Ривароль, еще задолго до окончанія конституціи 1791 года, — «какъ же возможность кормиться, не работая и не платя податей. Пусть національное собраніе завтра попытается установить порядокъ, заставить уважать законы, наказать злодѣевъ, потребовать податей сообразно нуждамъ — и оно будетъ побито камнями!»¹⁾

Вся третья книга Тэна не что иное, какъ обширный комментарий къ этимъ словамъ. 94-ре толстыхъ связки въ національномъ архивѣ Франціи, наполнены рассказами о буйствахъ и беспорядкахъ въ провинціяхъ, исчерпаны имъ для этой цѣли и послужили ему матеріаломъ для психологическихъ наблюденій надъ народной массой и надъ умственнымъ состояніемъ французскихъ крестьянъ въ эпоху революціи. «Великій опытъ, — во

¹⁾ Mém. de Riv., p. 206.

выраженію Тѣна,—производился въ то время надъ человѣческимъ обществомъ; вслѣдствіе ослабленія тѣхъ обычныхъ связей, которыя его сдерживаютъ, можно было измѣрить силу постоянныхъ инстинктовъ, подрывающихъ его. Они всегда присущи массѣ, эти инстинкты, даже въ спокойное время, но мы ихъ не замѣчаемъ, потому что они подавлены. Какъ скоро давленіе прекращается, ихъ вредъ обнаруживается подобно водѣ, несущей барку и проникающей въ нее, какъ только онажеться щель для того, чтобы все потонить».

«Человѣческая воля,—говоритъ Тѣнь въ другомъ мѣстѣ,—состоитъ изъ двухъ слоевъ:—одинъ слой на поверхности, и люди его сознаютъ; другой находится на глубинѣ, до которой не достигаешь сознание; первый слой тонокъ и неустойчивъ, какъ сыпучій песокъ, второй—твердъ и проченъ, какъ скала, и на него не имѣютъ вліянія фантазіи и волненія людей»... Въ 1789 году этотъ верхній слой состоялъ изъ идей и чувствъ, навѣянныхъ культурой XVIII вѣка; изъ стремленій въ свободѣ и братству, изъ намѣренія осуществить справедливость и счастье на землѣ. Нижній же слой состоялъ изъ природенныхъ животныхъ инстинктовъ, изъ привычекъ и предрасудковъ, выработанныхъ въ теченіи четырнадцати вѣковъ административнымъ гнетомъ. Крестьяне остаются при прежнемъ невѣжествѣ, прежнемъ недоумѣніи и сохраняютъ старинную злобу. Они люди—и ихъ желудокъ требуетъ ежедневной пищи; у нихъ есть воображеніе—и когда хлѣбъ становится рѣдокъ, они боятся голода. Они предпочитаютъ сохранить свои деньги, чѣмъ выдавать ихъ; а потому они встаютъ противъ самыхъ законныхъ требованій государства и частныхъ лицъ; они охотно завладѣваютъ общественнымъ достояніемъ, когда оно плохо защищено; наконецъ, они расположены думать, что жандармы и собственники вредны, тѣмъ болѣе, что имъ это твердятъ каждый день въ теченіи цѣлаго года.

Тѣнь указываетъ съ помощью фактовъ, какъ плохо понимало населеніе въ деревняхъ и городскихъ предмѣстьяхъ совершавшіяся въ то время реформы—и какъ мало даже знало о нихъ. Оно жило только слухами, а слухи легко превращались при разгоряченномъ воображеніи въ самыя странныя легенды. Непосредственное дѣйствіе такихъ легендъ было страшно, ибо у такихъ людей увѣренность въ чемъ-нибудь тотчасъ переходитъ въ дѣло и въ насильственный кровавый поступокъ. Только сознательное хладнокровіе, размышленіе и образованіе ставятъ между пожеланіемъ и дѣйствіемъ заботу объ общественномъ интересѣ, соблюденіе формъ и уваженіе къ закону. Всѣхъ этихъ

«сдержекъ недостасть новому повелителю; онъ не умѣетъ остано-
 виться и не терпитъ, чтобы его останавливали. Въ чему столько
 проволочень, когда опасность настоятельна? Зачѣмъ соблюденіе
 формъ, когда дѣло идетъ о спасеніи народа? Что можетъ быть
 справедливѣе, какъ тутъ же, сейчасъ на мѣстѣ добиться справед-
 ливости, и такимъ образомъ убійство (l'assassinat) становится од-
 ной изъ формъ прозвѣненія патріотизма. Въ обыкновенное время
 въ неразвитыхъ умахъ общественныя и политическія идеи дрем-
 лютъ въ видѣ неопредѣленныхъ затѣнъ, сдержанныхъ стрем-
 леній, мимолетныхъ желаній,—теперь онѣ пробудились и про-
 являютъ энергично и настойчиво, деспотически и необузданно;
 всякое равногласіе считается вѣрнымъ признакомъ измѣны. Вотъ
 общій колоритъ, которымъ изображены у Тона нравственное
 настроеніе и политическія понятія массы французскаго народа
 во время управленія національнаго собранія. Самыя послѣдствія
 перехода во Франціи отъ крайняго административнаго деспотизма
 къ крайнему самоуправству представлены у Тона въ яркихъ
 и наглядныхъ чертахъ. Администраціи и правительственной
 власти, можно сказать, вовсе не было во Франціи съ 1789 года.
 Новыя департаментскія власти не пользовались никакимъ авторитетомъ,
 а какъ ничтоженъ былъ авторитетъ самого національ-
 наго собранія, можно судить по тому, что когда однажды комис-
 сары этого собранія прибыли въ Данъ, чтобы усюновить вос-
 ставшихъ крестьянъ, то имъ пришлось три часа напрасно про-
 зносить рѣчи передъ толпой: а когда они замолчали, толпа
 стала въ ихъ присутствіи совѣщаться о томъ, повѣсить ли ихъ,
 или утопить, или разорвать на клочки и воткнуть ихъ головы на
 воротахъ сосѣдняго аббатства. При такомъ положеніи дѣла му-
 нicipalитеты были полновластны, и своеволие ихъ не знало пре-
 дѣловъ. Города, какъ самостоятельныя республики, сносились или
 воевали между собой, производили вооруженной силой фуражи-
 ровки по деревнямъ, и покоряли себѣ окрестности. Особенно
 любопытный примѣръ представляетъ мѣстечко Исси-Левель, сви-
 щенникъ котораго разыгралъ роль провинціального Солона и
 Гракха. 6-го октября 1789 года онъ созвалъ на сходку своихъ
 согражданъ и заставилъ ихъ принять сочиненный имъ полный
 уставъ, заключавшій въ 60 параграфовъ всякаго рода политиче-
 скія, судебныя и военныя постановленія, необходимыя для новой
 республики. Не ограничиваясь этимъ, онъ издалъ аграрный за-
 конъ, причемъ не забылъ и себя, и, отправившись въ сопровожде-
 ній барабанщика и нотаріуса въ окрестныя поля, приступилъ
 публично къ новому распредѣленію ихъ.

Но всеобщее разложение государственности не оставилось на воле общинъ. Тѣ же причины, которыя вызываютъ неповиновеніе центральной власти со стороны муниципалитетовъ, побуждаютъ частныя лица воставать противъ мѣстныхъ властей. Отдѣльные граждане также считаютъ себя въ опасности, и въ силу конституціи и обстоятельствъ признають себя обязанными спасать себя и отечество. И они также приписываютъ себѣ право рѣшать все собственною властью и исполнять собственноручно свое рѣшеніе. Главными стимулами, помимо религіознаго фанатизма, пробуждающагося, несмотря на всеобщее братаніе, въ областяхъ, гдѣ живутъ смѣшанно католики и протестанты, — является забота о настоящемъ хлѣбѣ и користь. Подъ этии рубриками помѣщено у Тена множество самыхъ любопытныхъ фактовъ, характеризующихъ тогдашнее состояніе Франціи. Особенно интересны тѣ факты, гдѣ толпа въ деревняхъ, или городахъ, опасаясь, что у нея не хватитъ хлѣба на зиму, становилась администраторомъ и законодателемъ, декретировала подробные тарифы не только на съѣстные припасы, но и на товары, на произведенія ремесленниковъ, на трудъ рабочихъ и должностныхъ лицъ; и такія распоряженія свѣряются постановленіями, чтобы не было торговцевъ хлѣбомъ, чтобы священники служили обѣдню и вечерню въ такомъ-то часу, вѣнчали и хоронили даромъ, выходили изъ дому только для того, чтобы читать брвѳарій, были обязаны держать у себя благодушныхъ (ages) слуганожъ не моложе 50 лѣтъ, и не посѣщали ризницъ и ярмарокъ.

Страхъ остаться безъ хлѣба, — говоритъ Тенъ, — представляетъ только острую форму другой, болѣе общей страсти — жадныя пріобрѣтенія или рѣшимости не отступаться отъ своего имущества. Отъ этихъ стремленій прежде всего страдаетъ государство. Толпа требуетъ отмены прежнихъ податей, и національное собраніе, наконецъ, принуждено уступить напору и отменить акцизы и косвенныя подати. Вслѣдствіе этого все бремя падаетъ на прямой налогъ, но онъ поступаетъ въ тавихъ малыхъ размѣрахъ, что въ первый годъ управленія національнаго собранія казна вмѣстѣ 189 милліоновъ получила только 34, а вмѣстѣ съ патриотическимъ налогомъ и патриотическимъ даромъ — 43 милл., причѣмъ, по мѣрнію Тена, двѣ трети этой суммы были уплачены привилегированными классами ¹⁾. Это несчадіе навѣтитъ сопровожда-

¹⁾ Эта часть изслѣдованія Тена имѣетъ особенное значеніе въ виду оптимизма и самооблаженія демократическихъ историковъ революціи, напримеръ, Michelet, который еще въ послѣднемъ изданіи своей исторіи революціи восклицаетъ (I, 415): Un

лось расхищеніемъ въ гражданскѣ разбѣрахъ общинной и государственной собственности. Если толпа отвѣщала такъ къ тому, что могла считать народнымъ достояніемъ, то, конечно, она распорядилась еще безаеремоннаго собственности частныхъ лицъ, особенно тѣхъ, которыя принадлежали къ бывшимъ привилегированнымъ классамъ, и Тэнъ резюмируетъ свое описаніе непрерывной яссуэти, которой надѣргалась Франція въ теченіи трехъ лѣтъ, восклицаніемъ: «читать, какими бы великими словами (свободы, равенства, братства ни украшала: себя революція, она была по существу своему не чѣмъ инымъ, какъ переносиміемъ собственности: въ этомъ заключались ея внутренняя опора, ея постоянная сила, ея главный двигатель и ея историческій смыслъ. Да скихъ поръ, когда въ государствѣ поднимались низшіе омон— это совершалось всегда или противъ чужеземнаго господства, или противъ пригнѣнанія совѣсти. Но мѣсто религіознаго или патристическаго рвенія выступила потребность благосостоянія¹⁾, и этотъ новый мотивъ такъ же силенъ, какъ прежній, ибо въ новомъ промышленномъ, демократическомъ, утилитарномъ обществѣ одно это побужденіе руководить жизнью почти всѣхъ людей и только оно одно вынуждаетъ почти всѣхъ усилія (efforts)».

Этой мрачной картиной разнуздавшагося эгоизма, который отъ захвата чужаго имущества переходитъ въ преслѣдованію владѣльцевъ, отъ грабежа—въ пропріиціямъ, Тэнъ противопоставляетъ описаніе смиреннаго и благоуднаго поведенія привилегированныхъ классовъ, которые сдѣлались жертвой революціи, и нумно отдавъ справедливость таланту историка и признать, что это описаніе не можетъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на самаго ревностнаго приверженца демократическаго переворота 1789 года, если въ немъ доктрина не заблаа челоуѣческаго чувства. Въ обширной главѣ Тэнъ старается провести мысль и обосновать ее соответствующими фактами, что никакая аристокрація не переносила съ такимъ терпѣніемъ своей экспроприаціи, какъ французская, и не прибѣгала такъ мало къ силѣ для защиты своихъ преимуществъ и даже своей собственности. Дворяне хлопотали только объ одномъ, чтобы не быть убитыми и ограбленными; почти въ теченіи трехъ лѣтъ они не поднимали никакого

signe de cette foi forte, c'est que dans la détresse universelle parmi plus d'une émeute contre les impôts indirects, l'impôt direct fut régulièrement, religieusement payé.

¹⁾ Эта мысль высказана почти тѣмъ же словомъ у Ризарола: „Jadis l'honneur, le fanatisme et l'attachement à un parti succédèrent d'une révolution; mais de nos jours tout a été en vain: et calcul“ (p. 225).

политическаго знамени; несмотря на постоянныя угрозы, грабежи и оскорбленія, дворяне, оставшіеся во Франціи, не совершили ни одного враждебнаго поступка противъ правительства, которое ихъ преслѣдуетъ. Мало того, они оптимисты и даже охотно примирились бы съ новыми порядками, тѣмъ болѣе, что мелкое и среднее дворянство не было избаловано и изрежнимъ министерскимъ произволомъ. Но главная бѣда въ подозрительности крестьянъ, которая становится совершенной маніей; въ каждомъ замкѣ они видятъ Бастилію, въ каждомъ дворянинѣ вѣчнаго кредитора — бывшаго, настоящаго и будущаго, то-есть глѣбшаго и ненавистнѣйшаго врага. Крестьянинъ опасается за тѣ выгоды, которыя ему доставила революція, и за тѣ приобретенія, которыя онъ незаконнымъ образомъ себѣ присвоилъ. Народное воображеніе заражено, и каково бы ни было поведеніе дворянъ, они не безопасны въ своихъ помѣстьяхъ; они снасаются въ города, но и тамъ подвергаются преслѣдованіямъ фанатиковъ и черни, и имъ остается одно—*эмиграція*.

Разсказъ Тэна представляетъ назидательное и, можно прибавить, необходимое дополненіе къ повѣствованію тѣхъ историковъ, которые, подобно Мишле, видятъ въ эмиграціи дворянъ истинну, и, выставляя ее главной причиной всѣхъ увлеченій народа и всѣхъ ужасовъ террора, характеризуютъ дворянъ исключительно на основаніи поведенія придворной аристократіи, интриговавшей въ Туринѣ и Кобленцѣ. Между доварательствами, приводимыми Тэномъ въ пользу своего мнѣнія, что французское дворянство было вынуждено эмигрировать, заслуживаетъ особеннаго вниманія тотъ фактъ, что, при первомъ извѣстіи объ обнародованіи новой конституціи, эмигранты начали возвращаться задыми толпами, что, напримѣръ, въ Труа въ теченіи нѣсколькихъ дней не хватало почтовыхъ лошадей для прибывавшихъ изъ-за границы. Но усилившаяся при законодательномъ собраніи анархія вызвала новую эмиграцію.

Такимъ образомъ, по словамъ Тэна, самодержавная демократія поступила съ дворянствомъ, какъ Людовикъ XV дѣйствовалъ, относительно протестантовъ. Въ обоихъ случаяхъ притѣсненныя представляли собой лучшую часть общества (*une élite*). Въ обоихъ случаяхъ ихъ принудили покинуть отечество и карали ихъ за эмиграцію. Въ обоихъ случаяхъ вончили тѣмъ, что конфисковали ихъ имущество и казнили всѣхъ, кто давалъ имъ пристанище. Въ обоихъ случаяхъ ихъ довели систематическимъ преслѣдованіемъ до мятежа, и новый демократическій фанатизмъ не уступалъ прежнему. Когда въ первые мѣсяцы законодательнаго

собрании усилилась эмиграция — одинъ депутатъ воскликнулъ радостно: — «тѣмъ лучше, Франція очищается».

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ нравственная аристократія была нѣкогда истреблена во имя однообразія, такъ во время революціи общественная аристократія была скопшена во имя равенства и въ другой разъ абсолютный принципъ вознѣлъ свое левее въ живое общество.

Эта параллель между демократическимъ и монархическимъ абсолютизмомъ совершенно кѣрна, и нужно согласиться съ Тэномъ, что эмиграція къ значительной степени была вызвана безвыходнымъ положеніемъ, въ которое было поставлено французское дворянство во время революціи. Но при этой параллели не слѣдуетъ забывать, что эмигранты боролись не за духовное благо, какимъ была свобода исповѣданія, ~~нѣтъ-за которой гибли гугеноты~~. Поэтому и было такъ различно дальнѣйшее поведеніе тѣхъ и другихъ. Французскіе ~~téfugés~~ и остальные гугеноты совершенно искренно примкнули съ своимъ отечествомъ, какъ только получили религиозную свободу. Французское же дворянство, по-крайней-мѣрѣ значительная его часть до сихъ поръ не примкнула съ современной Франціей, до сихъ поръ живетъ иллюзіями и бесплоднымъ ~~сожалѣніемъ о прошедшемъ~~, и представляетъ Европѣ печальный примѣръ аристократіи (*élite*), ретроградной въ своемъ стремленіи и мало полезной для своего народа.

Въ еще большее преувеличеніе впалъ Тэнь относительно другого класса, сдѣлавшагося жертвой революціи. Тэнь старается провести относительно духовенства ту же мысль, какъ и относительно дворянъ, что національное собраніе само содало то препятствіе, которое не дозволило большинству духовенства, желавшему сохранить вѣрность своей церкви, стать на сторону новаго порядка; что тѣмъ не менѣе это большинство переносило свое тяжкое положеніе съ великодушіемъ и смиреніемъ, и что не оппозиція духовенства, а деспотизмъ и произволъ новыхъ демократическихъ властей, — а съ другой стороны — фанатизмъ, корысть и недоверительность народной массы, вызвали такое гоненіе противъ духовенства, которое напоминало времена христіанскаго мученичества. Интересно при этомъ изображеніе у Тэна тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыя въ то время переживали французскіе крестьяне и которыя становились новой причиной смутъ и волненій противъ священниковъ. Крестьяне усѣли въ теченіи 1791 года налузить церковныхъ имуществъ на 1,346 милліоновъ франковъ, и такъ помогли при этомъ огорчить шляхетей, допущенныя національнымъ собраніемъ, и возмущеніе ассигнацій.

Но когда произошла схизма въ средѣ духовенства и тысячи священниковъ, не хотѣвшихъ присягнуть новой конституціи, лишились своихъ мѣстъ, — религиозная совѣсть крестьянъ возмущалась. Крестьянинъ не хочетъ обратиться къ новому присягнувшему священнику, который введенъ жандармомъ во владѣніе приходомъ. Кредитъ этихъ признанныхъ закономъ священниковъ ежедневно падаетъ подобно ассигнаціямъ, и вотъ причина народныхъ волненій во многихъ департаментахъ и глухой вражды противъ новыхъ порядковъ, вражды, которую господствующая партія приписываетъ интригамъ духовенства. Но схизма приводитъ въ сумѣть и другимъ путемъ. Крестьянинъ вѣритъ, что дѣйствительны только тѣ требы, которыя совершены его прежнимъ священникомъ; онъ, а еще болѣе его семья, привыкли причащаться въ пасхѣ — эту расплату съ совѣстью нельзя отсрочить подобно денежной расплатѣ — и вотъ крестьянинъ отыскиваетъ своего прежняго священника, и когда тотъ отказываетъ ему изъ послушанія закону, крестьянинъ старается силой вынудить опущеніе своихъ грѣховъ, какъ онъ вынудилъ у сеньера квинтаціи по своимъ денежнымъ обязательствамъ.

Тѣмъ правъ, что фанатизмъ самого населенія, какъ той части, которая была недовольна новыми церковными порядками, такъ и той, которая желала насильственнымъ образомъ положить конецъ расколу, — былъ причиной глубокаго потрясенія во французскомъ обществѣ и содѣйствовалъ разладу между церковью и революціей. Правда и то, что множество духовныхъ лицъ, сдѣлавшись жертвой народной ярости, подозрительности, или просто корысти, умѣли жить и умереть совершенно достойно своего сана и ученія своей церкви и не заслужили обвиненія въ томъ, что попыткой произвести контръ-революцію вызвали терроръ. Но Тэнъ забываетъ, что католическая церковь была еще менѣе способна, чѣмъ французское дворянство, примириться съ революціей, что посланія (mandements) епископовъ и проповѣди священниковъ, направленные противъ новыхъ порядковъ, начались задолго до установленія конституціонной присяги, и что католицизмъ, какъ доказываетъ поведеніе современныхъ епископовъ, — можетъ ужиться и съ демократіей и съ социализмомъ, но только подъ условіемъ господства надъ ними.

Тэнъ оканчиваетъ свое сочиненіе слѣдующей метафорой, которой онъ хочетъ изобразить историческій ходъ революціи и характеризовать ее двѣ эпохи: — эпоху увлеченія, описанную въ рассмотрѣнномъ нами томѣ, и эпоху террора, въ описаніи котораго Тэнъ подготавливаетъ читателя: «Вотъ одна странная бе-

лѣны, встрѣчающаея обыкновенно въ бѣдныхъ кварталахъ. Какой-нибудь работникъ, надорванный трудомъ, и плохо питаемый, наливаетъ питья; всѣмъ день онъ наливается силой и бодро крѣпкими напѣвами. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся его нервная система, уже ослабленная протомъ и чрезмѣрно возбужденная, приходитъ въ совершенное расстройство. Наступаетъ, наконецъ, часъ, когда мозгъ, пораженный внезапнымъ ударомъ, не въ состояніи болѣе приводить въ движеніе механизмъ: тѣло повелѣваетъ онъ, — его не слушаютъ; каждый членъ, каждый суставъ, каждый мускулъ, действуя отдѣльно и за себя, конвульсивно содрогается бессвязными толчками. Между тѣмъ, человекъ веселъ; онъ считаетъ себя миллионеромъ, королемъ, онъ воображаетъ себя всѣми любимымъ и почитаемымъ; онъ не чувствуетъ тоски, не знаетъ причинять себѣ, не понимаетъ событій, которые ему даются, онъ отвергаетъ предлагаемыя лекарства, онъ кричитъ и поетъ цѣлые дни, а главное — шепчетъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Подъ конецъ лицо его омрачается, глаза наливаются кровью. Сіяющія видѣнія уступили мѣсто чудовищнымъ и чернымъ прегрѣшамъ; онъ видитъ кругомъ себя лишь угрожающія лица, змѣяниновъ, которые прячутся, чтобъ неожиданно наброситься на него, убійцъ, поднимающихъ руку, чтобъ его зарѣзать, палачей, которые готовятъ для него разныя пытки, и ему чудится, что онъ ходитъ въ лузѣ ирви. Тогда онъ бросается на другихъ, и чтобъ не быть убитымъ, онъ самъ убиваетъ. Нѣтъ человека ограбить его, потому что самнй бредъ его поддерживаетъ; его сила неизмѣрна, его движенія неожиданны, и онъ выноситъ, не чувствуя того, такія лишенія и поврежденія, отъ которыхъ бы погубилъ здоровый человекъ. Такъ и Франція, именуемая голодомъ при монархіи, опытеннымъ дурнымъ хлѣбомъ — *общественнаго дозора* — и множествомъ другихъ горчичельныхъ и поддѣльныхъ напѣвовъ, внезапно поражена параличомъ мозга... Переживши періодъ радостнаго бреда, она теперь вступаетъ въ періодъ бреда мрачнаго. И вотъ она готова на все рѣшиться, все перенести, совершить неслыханные подвиги и отвратительныя варварства, какъ скоро ей руководителями, заблуждающимися иль съ ней, укажутъ ей враги или преграду ей ярости».

Такимъ образомъ, историческій смыслъ революціи, по опредѣленію Тэна, заключается въ *перенесеніи собственности* отъ одного класса къ другому; а историческій ходъ ея ораживается имъ съ эволюціонскимъ процессомъ, съ бѣлой горячкой, причиненной занозой.

Далѣе, конечно, нельзя простираеть натурализмъ въ объясненіи

историческихъ событій, и если что-нибудь можетъ послужить подтвержденіемъ того упрека въ чисто-матеріалистическомъ направленіи, который Тэнъ дѣлаетъ нашему вѣку, такъ это его собственнй матеріализмъ, которымъ обусловливается его непониманіе революціи. Писатель, который видитъ въ психической жизни человѣка только игру фізіологическихъ процессовъ, а въ государствѣ только равновѣсіе силъ, устанавливаемое и поддерживаемое механическимъ способомъ, не могъ угадать историческаго смысла революціи и ея идеальной стороны.

Революція была прежде всего насильственной отміной отминоваго феодальнаго строя въ обществѣ, въ церкви и въ государствѣ. Насильственность переворота обусловливалась главнымъ образомъ неспособностью феодальной аристократіи, феодальной церкви и феодальной монархіи провести въ жизнь необходимыя перемены и преобразоваться согласно съ идеями и потребностями новаго времени, — немоцью прежней власти, помышавшей ей взять въ свои руки дѣло реформы. Преобразование общества, завершеше исторической задачи, лежавшей на французской монархіи, — объединеніе народа и государства, — достались вслѣдствіе этого въ руки новой силы, демократіи, воцареніе которой во Франціи было подготовлено долгимъ и многосложнымъ внутреннимъ процессомъ. Гнилость и ветхость стараго порядка, полная неудача всѣхъ частныхъ реформъ, за которыя стала приниматься въ послѣднее время старая власть, были причиной того, что демократія явилась въ жизни Франціи не плодотворнымъ ферментомъ, а бурнымъ потокомъ, который смѣлъ всѣ преграды. Революціонный характеръ французской демократіи обусловливается тѣмъ, что ей пришлось осуществлять тѣ мирныя экономическія и гражданскія реформы, которыя лежали на обязанности прежняго правительства, и въ то же время бороться за правительственную власть, то есть подрывать ту самую силу, которая одна могла обезпечить мирный исходъ накопленныхъ вѣками задачъ и реформъ.

Но французская демократія задалась не одной отміной феодализма и не одной борьбой за власть. Она была воспитана на философіи XVIII вѣка; это воспитаніе дало ей культурное значеніе и идеальное содержаніе, поставило ее выше всѣхъ предшествовавшихъ демократій и сдѣлало ея дѣло обще-европейскимъ интересомъ.

Тэнъ совершенно напрасно приписываетъ всѣ бѣды революціи и всѣ ошибки національнаго собранія идеямъ, внушеннымъ раціонализмомъ XVIII вѣка. Напротивъ, безъ этихъ идей переворотъ 1789 года дѣйствительно мало бы отличался отъ случав-

никогда и прежде востаній народныхъ массъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ, и торжество демократіи во Франціи было бы только торжествомъ грубой матеріальной силы. Но французская демократія идеализировала свои стремленія тѣмъ, что оперлась на идею справедливости ¹⁾, прирожденную человѣку, и на идею челоуѣчности, то-есть солидарности людей, во имя челоуѣческаго достоинства.

А еще въ большую заслугу слѣдуетъ выѣнить этой демократіи то, что она этими цѣлями не ограничилась, но заимствовала у философіи XVIII вѣка и другіе общечелоуѣческіе идеалы, не столь легко приложимые къ демократическимъ формамъ, т.-е. что она стремилась вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить и свободу въ государствѣ и права отдѣльной личности.

Правда, французская демократія мало успѣла въ достиженіи этой задачи и въ обезпеченіи всѣхъ этихъ благъ. Чѣмъ больше затрудненій она встрѣчала, тѣмъ болѣе она утрачивала свой идеальный характеръ, тѣмъ болѣе она приносила въ жертву демократической власти свободу и уваженіе къ личности,—тѣмъ болѣе исваивались въ ея рукахъ самыя идеалы справедливости и братства, и уступали мѣсто грубому захвату и деспотизму радикальной партіи, руководившей массами. На историкѣ лежитъ обязанность объяснить эти неудачи, безпристрастно разграничить ту роль, которую играли теоретическія ошибки и то вліяніе, которое имѣли историческія обстоятельства. Но Тѣмъ, какъ мы старались доказать, мало принималъ во вниманіе историческую обстановку революціи. Онъ не хотѣлъ видѣть, что національное собраніе не было въ состояніи въ одно и то же время освободить народъ отъ прежняго строя и устанавливать надъ нимъ новую власть, обезпечить въ обществѣ и государствѣ торжество демократическаго принципа и принести гарантіи противъ абсолютности этого принципа.

Но закона бы ни была односторонность приемовъ Тѣмъ, она не даетъ права обществу быть къ нему несправедливымъ и забывать ту пользу, которую оно можетъ извлечь изъ его влнтіи. Польза эта двоякая. Книга, во-первыхъ, изобилуетъ интересными фактами и мѣткими замѣчаніями, и представляется въ известнѣмъ

¹⁾ Нельзя не припомнить здѣсь глубокихъ словъ, сказанныхъ Малуэ въ національномъ собраніи объ аббатѣ Рейналь, которыя можно съ болѣею правомъ приписать къ философіи XVIII вѣка вообще: — „Dans cette diversité bizarre de préjugés, de vices et de vertus il offrait à tous un point de ralliement dans la raison universelle, dans cette justice éternelle qui précède toutes nos institutions et qui les survit.“.—Mémoires, II, p. 129.

отношеніяхъ болѣе вѣрное и полное изображеніе внутренняго состоянія Франціи въ первые годы революціи, чѣмъ апологетическія исторіи этого событія. Кроме того, эта богатая и наглядная картина наглядно наводитъ зрителя на одну истину, составляющую важный для исторической науки результатъ. Долгое время французскіе историки поддерживали мысль, что терроръ былъ вызванъ опасностями, которыя грозили Франціи со стороны европейской коалиціи. Напрасно Зибель старался доказать ошибочность этого объясненія своимъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о тогдашней политикѣ Пруссіи и Австріи. Послѣ книги Тома не можетъ быть на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Терроръ и деспотизмъ якобинцевъ были порождены внутренними причинами; это было только крайнее проявленіе демократической анархіи и въ то же время вызваннаго этой анархіей демократическаго деспотизма. Вѣковое стремленіе Франціи къ централизаціи и усиленію государственнаго абсолютизма было на время прервано въ угоду демократической свободѣ, но проявилось съ новой силой и на новыхъ началахъ — въ якобинцахъ, вслѣдствіе того употребленія, которое сдѣлала французская демократія изъ предоставленнаго ей въ 1789 году престола.

Но еще важнѣе въ нашихъ глазахъ другая полезная сторона книги Тома. Одну изъ самыхъ серьезнѣхъ современныхъ проблемъ представляетъ, конечно; вопросъ о демократіи. Демократическія тенденціи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе овладѣваютъ различными европейскими народами, и демократія вседѣйствіемъ расширяетъ свои притязанія. Но демократія есть форма, которая такъ же, какъ и всякая другая политическая форма, можетъ заключать въ себѣ различное содержаніе. Для многихъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, весь вопросъ ограничивается именно одной формой: они полагаютъ, что весь прогрессъ, который предстоитъ человечеству, заключается въ преобладаніи демократическихъ формъ. Но демократія, т.-е. владѣтельство массы, не должна быть сама по себѣ цѣлью; а можетъ быть оправдана только тѣми результатами, которые достигаются ею въ виду. Для выясненія этихъ результатовъ необходимо серьезное и трезвое изученіе демократіи, ея средствъ и ея задачъ, а однимъ изъ самыхъ важныхъ пособій въ этомъ случаѣ можетъ послужить исторія, особенно же исторія французской демократіи, имѣвшей наиболѣе вліянія и своими идеями и своей судьбой¹⁾. Но для по-

¹⁾ Это значеніе французской демократіи особенно характерно выражено въ слѣдующемъ замѣчаніи одного англійскаго критика, въ его предисловіи свѣтъ о не-

вниманіи исторіи французской демократіи недостаточно идеалистическаго изображенія ея, какое мы, напримѣръ, находимъ у Мишле. Этотъ идеалистическій способъ представленія сдѣлать свое дѣло и долженъ уступить мѣсто строго-научному изученію. Въ этомъ отношеніи книга Тэна можетъ послужить поворотнымъ пунктомъ. Но этого мало. Тэнь въ значительной степени облегчилъ задачу будущимъ историкамъ французской демократіи, собравъ для нихъ богатый матеріалъ и намѣтилъ существенныя стороны изъ задачи, которыя дѣлаютъ особенно наглядательною исторію французской революціи. Никогда еще не было обнаружено съ такою рельефностью и убѣдительностью, какъ въ книгѣ Тэна, разладъ между теоріями, которыми руководилось литературно образованное общество, и инстинктами, привычками, понятіями и интересами, однимъ словомъ — культурой массы. Читатель книги Тэна какъ-бы переживаетъ вмѣстѣ съ современниками революціи то глубокое разочарованіе, которое вынесли чистые и идеальные приверженцы новыхъ принциповъ, когда эти принципы стали прилагаться къ дѣлу такимъ для нихъ неожиданнымъ способомъ. Никогда, можно сказать, въ исторіи человечества идеализмъ, благородная вѣра въ политическіе и социальныя идеалы не подвергались такому униженію, такому беспощадному опроверженію со стороны грубой дѣйствительности, какъ въ эпоху революціи. Это испытаніе не должно пропадать даромъ, но должно служить неотъемлемымъ доказательствомъ того, что политическіе и социальныя теоріи и идеалы слѣдуетъ измѣрять не по ихъ внутреннему логическому или нравственному достоинству, а съ точки зрѣнія приложимости къ той средѣ, для которой они предназначаются. Итакъ, эта среда, — изученіе нравственнаго быта и культуры народа, изученіе психическаго состоянія массъ, должна быть предметомъ особеннаго вниманія со стороны политиковъ и историковъ новыхъ демократій. Въ этомъ отношеніи книга Тэна представляетъ собою важный шагъ впередъ. Его попытка психологическаго анализа народной массы въ эпоху революціи ставитъ его трудъ высоко надъ многочисленными памфлетами клерикальнаго и консервативнаго направленія, нападавшими на революцію. Къ сожалѣнію, Тэнь, при исполненіи своей задачи, сошелъ съ научной почвы. Главная причина этого заключается, какъ мы видѣли, въ его натурализмѣ и въ отсутствіи

вомъ сочиненіи Эрскина Мелъ: „Нѣтъ страны, которая сдѣлала бы такъ много, какъ Франція, въ доказательство того, что если гдѣ гласъ народа не есть vox Dei, то онъ легко становится — vox diaboli“. Westminster Review, 1878.

историческаго метода. Реализмъ, то-есть вѣрное изображеніе дѣйствительности, сливается у Тэна съ материалистическимъ отношеніемъ къ человѣку, къ государству и къ политическимъ теоріямъ; а недостатокъ историческаго такта привелъ его къ совершенному непониманію рационализма и къ неправильной оцѣнкѣ событій и людей революціи. Но нужно признать, что крайности, въ которыя впалъ Тэнь, содѣйствовали силѣ впечатлѣнія, произведеннаго его книгой, и ясно доказали необходимость не только грезваго, но и вполне научнаго историческаго изученія французской демократіи.

Для демократіи же вообще болѣе важно, чѣмъ для какой-либо другой партіи, *познать себя* и свои слабыя стороны. И если многіе органы демократической печати во Франціи съ такою запальчивостью напали на книгу Тэна, усматривая въ его исторической критикѣ только какую-то «археологическую щепетильность» (*sensiblerie archéologique*), — то въ этомъ нельзя не видѣть признака недостаточной политической зрѣлости такихъ органовъ печати. Чѣмъ яснѣе французская демократія будетъ сознать тѣ ошибки, которыя она сдѣлала въ прошломъ, и тѣ опасности, которыя ей грозятъ въ будущемъ, — тѣмъ лучше она будетъ въ состояніи осуществить тѣ идеалы, которые ей завѣщало восторженное и благородное въ своемъ увлеченіи поколѣніе 1789 года.

В. ГИРЬЕ.

ПѢСНИ.

I.

Въ теплой тучкѣ звѣздочка свѣтила,
Сквозь дымовъ—на божій міръ глядѣла
И, мигая, сердцу говорила:
«Не тоскуй, жди лучшаго удѣла».

Безполезны, звѣздочка, намеки!
Въ сивой тучкѣ скоро ты утонешь.
Небеса при жизни мнѣ далеки,
А въ могилу свѣта не заронишь.

II.

Меня зоветь осенній шумъ дубовъ
Въ родной пріютъ уединенья,
Гдѣ подъ шатромъ безтравяныхъ листовъ
Я зналъ минуты наслажденья.

Тотъ легкій кровъ развѣянь и снесенъ
Давно умолкшими вѣтрами,
Но слѣдъ одинъ прошедшаго спасень,
Щадимый быстрыми годами.

Два слова есть на венецной корѣ
Березы скрытой въ отдаленьи:
Ихъ слѣдъ окрѣвъ на мягкомъ серебрѣ
Ствола, заглохшаго въ забвеньи.

Я въ тѣнь иду безъ ропота, безъ словъ,—
 Не тороплюсь, гонимый страстью:
 Меня зоветъ осенній шумъ дубовъ
 Отдать привѣтъ былому счастью.

III.

Не повторяй, что радости превратны
 И кратковременны мечты:
 Безпечнымъ дѣтямъ суеты
 Слова печали непонятны.
 Насъ тѣшитъ миръ
 Какъ шумный пиръ,
 Гдѣ ярко свѣтитъ газъ и женщины смѣются,
 И звуки вальса раздаются...
 Пускай нѣмая ночь, за мраморной стѣной,
 Черна, какъ трауръ погребальный,—
 Не заразится воздухъ бальный
 Ея безжизненною тьмой.
 Глади—тяжелый штофъ, и тюль, и кружева
 На окнахъ складками повисли:
 Мы гонимъ сумрачныя мысли,
 Въ насъ жажда счастья жива!
 Иди съ своей тоской, задумчивый пророкъ,
 Въ лѣсныя дебри и въ пустыни,
 Гдѣ въ созерцаніи святыни
 Ты будешь вѣчно одинокъ:
 Тамъ рѣчи дальникъ звѣздъ отшельникамъ понятны,
 Тамъ тихо падаютъ листья,
 Тамъ будешь повторять, что радости превратны
 И кратковременны мечты...

IV.

Любимой подругѣ утрата
 Разбѣла мнѣ молотомъ грудь,
 И думалъ я: нѣтъ мнѣ возврата
 На прежній безгорестный путь;

Я землю теперь ненавижу,
 На солнце не стану смотреть;
 Чье сердце я къ сердцу приближу—
 Съ кѣмъ душу могу отогрѣть?

И страстно твердилъ я, рыдая:
 «На сердцѣ больного слѣда—
 Клянусь я, клянусь, дорогая,
 Не смоеть ничто никогда!»

Но мѣсяцы или вереницей,
 Смѣнялись дожди и морозъ —
 И я предъ твоею гробницею
 Ужъ могъ преклоняться безъ слезъ.

А позже молился я Богу:
 Зачѣмъ зеленѣютъ луга?
 Зачѣмъ эта жизнь понемногу
 Мнѣ сдѣлалась вновь дорога?

И въ дни панихиды годичной,
 Послушавъ бряцанье кадилъ,
 Я къ ропоту жизни обычной
 Слѣшу отъ печальныхъ могилъ.

V.

Я вспомнилъ дѣтскіе годъ...
 Понять ихъ сердце не сумѣло
 И все, что прежде въ немъ горѣло,
 Въ немъ не оставило слѣда!

Я вспомнилъ дѣтскія черты...
 Куда ты, время, ихъ дѣвало?
 Какъ своемъ навѣяннѣй мечты,
 Улыбкѣ ласковой не стало.

Во мнѣ частицы ни одной
 Твоей, дитя, не уцѣлѣло;
 Увы! Мы чуждые съ тобой:
 Ты — отдѣлилось... улетѣло!

Желалъ бы, о тебѣ горюя,
Пойти оплакивать твой слѣдъ —
Остатковъ милыхъ не найду я:
Тебя нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ!

Что сгубить смерть — надъ тѣмъ могила
Отраду горести даетъ;
Что море жизни унесетъ,
То будто вовсе и не жило...

С. АНДРЕЕВСКІЙ.

ФОТІЙ СПАССКІЙ ЮРЬЕВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ.

Окончаніа.

IX *).

Говоря объ удаленіи Иннокентія и его болѣзни на дорогѣ въ Москву, мы упоминали, что этотъ случай познакомилъ гр. Анну Алексѣевну Орлову-Чесменскую съ Иннокентіемъ, а черезъ него открылся путь для сближенія съ графиней—и Фотію. Сближеніе это произошло такимъ образомъ. Частію вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ экономическихъ условій, неудачъ, а вслѣдствіе того и нервной раздражительности, чрезмѣрнаго самоопущенія, Фотій великимъ постомъ 1820 года сильно захворалъ и пролежалъ до пасхи. Къ болѣзни присоединился недостатокъ средствъ и отсутствіе помощи. Въ это время получаетъ онъ пактъ отъ неизвѣстнаго со вложеніемъ 235 р. Разумѣется, Фотій принимаетъ это за «даръ свыше», за «знаменіе» для борьбы за вѣру, почему иливаетъ въ автобіографіи вопль на невѣріе и изрекаетъ новый обѣтъ борьбы съ нечесіемъ. Скоро обнаружилось, откуда шла милостыня, благодаря проповѣди Фотія въ казанскомъ соборѣ.

Больной, раздраженный, озлобленный, пронзенный духомъ

*) См. ниже: портретъ, 8 стр.

нетерпимости, Фотій написалъ рѣзкое «слово противу духа времени и развращенія». Эсцентричность ли Фотія и слухи о его странныхъ дѣйствіяхъ, или ожиданіе какого-нибудь скандала, въ родѣ публичной анаемы масонству, собрали въ соборъ на проповѣдь не мало слушателей, между которыми были лица и сочувствующія Фотію, особенно дамы. Въ числѣ послѣднихъ была и гр. Анна Орлова-Чесменская, на которую, сколько можно судить по результатамъ, проповѣдь фанатическаго монаха, еще молодого, но истомленнаго, болѣзненнаго, а по связи съ Иннокентіемъ—справядца за вѣру, произвала нестрасимо сильное впечатлѣніе. Когда Фотій возвратился изъ церкви домой, то нашелъ въ квартирѣ «дары многи, вниги и писаніе» отъ гр. Анны. Фотій говоритъ, что онъ давно «хотѣлъ видѣть лице пресвѣтлыя сея дѣвицы», но не было случая, а теперь случай самъ явился. «Дѣвица же Анна, любимая отъ царя Александра и матери его царицы Маріи и отъ всего двора почитаемая», обладавшая громаднымъ богатствомъ, сильными связями, вліяніемъ, была для фанатика-монаха чистый кладъ. Фотій самъ придаетъ этому сближенію такое значеніе, что отмѣчаетъ день и часъ его («апр. 21 въ 6 ч. по пол.»). Дальнѣйшія отношенія Фотія къ «пресвѣтлой дѣвицѣ» по автобіографіи не вполне ясны, но несомнѣнно одно, что она безусловно отдалась Фотію и стала въ рукахъ его поворнымъ орудіемъ фанатизма и разныхъ происковъ.

Первое личное свиданіе Фотія съ гр. Анной было 2 мая 1820 г. Разсказъ объ этомъ свиданіи переполненъ характеристическими мелочами и явленъ напыщенно-торжественнымъ тономъ. Описывая «ангелоподобное пріятіе» его графиней, Фотій говоритъ, что она цѣловала ему руки «не яко обычай есть мірскихъ людей, но яко невѣста небеснаго жениха», что «ангелъ ввсгалъ ей любовь, слово и все внушеніе, что говорить и дѣлать въ бесѣдѣ съ Фотіемъ», который «въ словахъ ея видѣлъ несинность дѣвства», и убѣдился, что «она есть раба Господня смиренная и сосудъ благодати Христовой».

Бесѣда имѣла такое курьезное начало: «Старець, отецъ Фотій (этому «старцу» было тогда всего (1792—1820) 28 лѣтъ, а графинѣ Аннѣ «около 35 л.»), о часѣ 12-мъ дня пришедъ, сѣлъ и по обычаю иноческому, не зрѣлъ дѣвицѣ въ лице, дѣвица такъ же не могла зрѣть ему въ лице: но рядомъ сидѣли обое на единомъ диванѣ». Сначала шла рѣчь «о помыслахъ невѣрія». «Потомъ дѣвица Анна сказала: отче, рци мнѣ слово, какъ *духовное дѣство* блюсти?» Фотій на это замѣтилъ, что нечего о томъ спрашивать, что ей еще «невѣдомо», и повернулъ рѣчь на

«тѣлесное дѣвство», блискети которое такъ энергично настаивала, какъ будто Аннѣ угрожала опасность потерять «цѣлость дѣвства тѣлеснаго». «Когда дѣвица во плоти теряетъ дѣвство, — говорилъ Фотій, — то не можеть себя увѣрить, что она его не потеряла и имѣеть оное: когда же сохраняла по плоти дѣвство, то не можеть врагъ ее смутить, что потеряла». Затѣмъ они вмѣстѣ отправились въ дѣвическую «молитвенную комнату», гдѣ стоялъ и «одръ» дѣвицы, который и былъ Фотию благословленъ. Затѣмъ, развернувъ молитвенникъ на удачу (за что Фотій такъ осуждаетъ методистовъ), какъ-бы гадавъ, попалъ на мѣсто, гдѣ, разумѣется, изображалось духовное посланничество Фотія, послѣ чего «дѣвица исполнялась Духа Господня».

Въ слѣдующее свиданіе, черезъ недѣлю, Фотій убѣдился, что «дѣвица въ нему прильпнлась». Вмѣсто блага, она встрѣтила его уже въ черномъ платьѣ, по комнатамъ развѣшала «во всѣхъ углахъ» иконы, какъ указалъ Фотій; встрѣчать его выбѣжала «яко на кризисъ». Фотію сейчасъ «свыше» были увѣдомленъ, что дѣвица «ея ему предается» и «будеть оружіе крѣпкое во брани противу діавола». Хозяйка угощала его «питіемъ и ястіемъ», но такъ какъ, по расстроенному желудку, ѣлось Фотию плохо, то онъ не много закусилъ и увѣщевалъ ее блискети посты. Разстались они «послѣ сладостной бесѣды» дружественно и любезно. Такъ какъ Фотій былъ нездоровъ, то гр. Анна заботливо за нимъ ухаживала, посылая все нужное больному. Вообще въ благотворителяхъ въ это время Фотій не нуждался: богатая дама, по его словамъ, несли ему кто молоко, кто кисель, кто хлѣбъ-соль и одежду.

Между тѣмъ рѣзкое обличительное «слово» Фотія, обличившее его съ гр. Анной, не прошло даромъ. Слово это было въ Петербургѣ для Фотія послѣднимъ. Желая избавиться отъ раздражительнаго и фанатически настроеннаго монаха, очевидно, подъ стороннимъ вліяніемъ, не благоприятнымъ для Фотія, митр. Михайлъ предложилъ ему настоятельское мѣсто въ Деревяницкомъ монастырѣ, въ Новгородѣ.

Фотія это озадачило, ибо съ его мѣста, какъ онъ замѣчаетъ, «воѣ почти законоучителя» прямо въ архіереи производились; теперь же его удалили изъ столицы въ разоренный провинціальный монастырь. Дѣваться однако было некуда, надо было ѣхать. На послѣдней литургіи въ лаврѣ онъ рыдалъ: «слезы лились у него ручьемъ изъ очей». Михайлъ радъ былъ освободиться отъ Фотія и расстался съ нимъ довольно холодно, на что жалуется Фотій. Не мало затрудняла его бѣдность. Не на чемъ ему было

ѣхать; вромѣ того, Фотію хотѣлось жить въ обитель: не съ пустыми руками, закупить даровъ, а нѣ на что. Но ему помогли разные благотворители, приславшіе ему на дорогу пожертвованія довольно значительныя ¹⁾. Фотій по этому поводу замѣчаетъ, что «хотя отъ человѣкъ сіе присылалось, но Фотій вѣровалъ, что сіе свыше дааніе, а не отъ человѣкъ», старался видѣть въ этомъ чудо, а въ своемъ новомъ назначеніи — «персть».

Но безкорыстіе и преданность «персту» со стороны Фотія и въ данномъ случаѣ были вынужденны. По крайней мѣрѣ, пріѣхавъ въ Деревяницы и увидѣвъ бѣдность монастыря, онъ «зарыдалъ, глаголя: «Увы! въ какое мѣсто я удаленъ! Гдѣ я нынѣ! Въ корпусѣ я былъ на всемъ готовомъ, ни объ чемъ заботы не имѣлъ, 1,200 р. жалованья получалъ и все готово было: а здѣсь токмо 200 р., и вотъ все, чѣмъ я долженъ жить и довольствоваться!» Дѣйствительно, не будь теперь у Фотія графини Анны, онъ былъ бы забытъ въ невѣдѣнности, въ глуши, въ бѣдной и разоренной Деревяницкой обители. Но у Фотія есть уже не только заступники, но и сильныя заступницы, со связями, богатя; такимъ образомъ, будущность Фотія была обезпечена. Тѣмъ не менѣе ѣхать въ глушь Фотію крайне не хотѣлось, и онъ считалъ свое назначеніе ссылкой ²⁾.

X.

Деревяницкій монастырь оказался въ совершенномъ разореніи: зданія обветшали, стѣны попортились, въ кельяхъ въ нихъ ни стеновъ, ни дверей, такъ что въ одной изъ келій жилъ послушникъ зимой въ копитъ сѣна, куда онъ забирался, дабы согрѣться отъ холода; замковъ на дверяхъ не было. Но гр. Анна не забывала Фотія. То деньгами, то провизіей она снабжала постоянно обитель, и дала Фотію возможность привести ее въ порядокъ. Прежній игумень, бывший учитель Фотія, человѣкъ

¹⁾ *Дет.*, II, 106 и слѣд.: отъ одного старца *сто и триста* р., отъ неимѣнной особы (не гр. ли Анна?) *тысячу*, отъ благотворителя *десятьсотъ*, по завѣщанію *шестю*, отъ нач. корпуса *триста*. По тому времени это были деньги не малыя и не для Фотія, который жилъ до сего нищенски.

²⁾ Что удаленіе Фотія въ Деревяницкій монастырь было для Фотія подневольное, это было извѣстно; но обстоятельства и побужденія этого перевода доселѣ еще не были выяснены. Ср. «Р. Стар.» *Картомина*, ст. о Фотіѣ, 1876 г. стр. 306.

безначный, такъ все запустилъ, что хлопотъ было много ¹⁾. Но графиня разъ прислала транспортъ хлѣба и крупы; въ другой разъ три тысячи деньгами; потомъ еще прислала цѣлый обозъ съ хлѣбомъ и разными запасами, олей и ладонъ, а, наконецъ, десять и пять тысячъ.

Разумѣется, каждое приношеніе Фотію относить къ провидѣнію и постоянно повторяетъ, что дѣлался всѣмъ съ братіей; деньгами, впрочемъ, едва ли онъ дѣлался, хотя несомнѣнно употреблялъ ихъ на устройство монастыря. Изліянія чувствъ по поводу такихъ подарковъ бываетъ болѣе чѣмъ странно. Такъ, получивъ три тысячи, Фотію пишетъ: «Бога хочу обрѣсти и Ему отдаю алато и серебро и все, да Богъ мнѣ Себя Самого всего подастъ». И ниже: «*Не остави мя, Боже Иисусе Христе, и азъ Тебѣ не оставлю*». Условіе отношеній къ Богу странное, особенно въ устахъ такого фанатика-ханжи, какимъ былъ Фотію.

Къ этому времени относится также болѣзнь Фотія. У него образовался нарывъ въ груди, и онъ съ замѣчательнымъ стоицизмомъ (если вѣрить автобиографіи) трижды выдерживалъ трудную и опасную операцію. Вообще у Фотія не было недостатка силы воли въ самоотважаніяхъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ себя такимъ изображаетъ. Въ самыхъ описаніяхъ подобнаго рода слышится будто даже какое-то нечеловѣческое самоуслажденіе физическими страданіями. Не смотря на постоянную почти болѣзнь, онъ скоро такъ обстроилъ Деревяницкую обитель, что ее и узанать было трудно, благодаря щедрости гр. Анни.

XI.

Постоянныя хлопоты по устройству монастыря и удаленіе отъ Петербурга значительно отвлекли Фотія отъ его борьбы съ «духомъ времени». Весь 1821 годъ провелъ онъ почти безучастно къ своему дѣлу. Только при полученіи подаваній отъ гр. Анни, когда начиналъ онъ испытывать свои чувства, перою заявлялось желаніе сдѣлать на врага и все вынести за вѣру въ борьбѣ съ дьяволеними. Но такъ какъ матеріала для борьбы на лицо не было, подстрекателей тоже въ Деревяницкахъ не оказалось, то

¹⁾ *Лето.* II, 111. Несчастный этотъ игуменъ Геронимъ, жившій не далеко отъ Деревяницъ, замерзъ въ погѣ, въ непогоду. Фотію, сперва будто снисходившій къ слабостямъ учителя, здѣсь отзывается о немъ весьма ехидно, говоритъ, что, идя въ монастырь за „мандіей“ къ Фотію, онъ „шелъ въ оное время и на урлахъ хлопотѣ“, и затѣмъ крестно перечесть его умишля по управленію обители. *Лето.* II, 112.

этѣ заявленія имѣли теоретическій характеръ. Но съ 1822 г. начинается движеніе его въ направленіи активнаго противодѣйствія духу времени. Въ предыдущемъ году митрополію въ Петербургѣ занялъ Серафимъ, въ послѣдствіи покорное орудіе Фотія въ возняхъ противъ кн. Голицына. Назначеніе это для Фотія имѣло большую важность. Съ перваго же свиданія Фотій обратилъ на себя вниманіе Серафима, и тотъ скоро сдѣлалъ его архимандритомъ и перевелъ въ Свояродскій монастырь въ Новгородѣ же. Но здѣсь Фотій жилъ мало. Ходъ событій сложился такъ.

Фотія пріѣхала провѣдать гр. Анну. Послѣ продолжительныхъ и многократныхъ бесѣдъ, она уѣхала въ Петербургъ, а Фотія вслѣдъ же затѣмъ вызвалъ митрополита, какъ ревнителя вѣры. Въ Петербургѣ между Фотіемъ и гр. Анной устанавливаются самыя тѣсныя отношенія, такъ что Фотій только номинально жилъ въ лаврѣ, а большую часть времени проводилъ у гр. Анны, гдѣ собиралось обширное высшее общество и гдѣ Фотій игралъ уже роль пророка-обличителя. Отношенія его въ это время къ гр. Аннѣ представляли полное пораженіе послѣдней, а довольно двусмысленныя отношенія Фотія къ кн. Голицыну и митрополиту носятъ іезуитскій характеръ,—Фотій окончательно вступилъ на путь, гдѣ «дѣлъ оправдываетъ средства». Въ сущности эти отношенія были глубоко не искренни и эгоистичны. Но Фотію надо было выждать. При участіи сильной тогда при дворѣ гр. Анны, у него впереди видѣлось свиданіе съ императоромъ, ставилась ставка: или полный выигрышъ, или гибель. Въ ожиданіи исхода, Фотій занимался эквилибристикой. Замѣчательно то, что кн. Голицынъ самъ и настойчиво желалъ представить, и представилъ случай Фотію видѣть государя: такъ умѣлъ Фотій обойти князя въ своихъ бесѣдахъ у гр. Анны. Свиданіе съ императоромъ совершенно развязываетъ Фотію руки и придаетъ ему силу, съ которою уже приходится мѣряться и кн. Голицыну. Борьба разгорается и вступаетъ въ новый фазисъ. Такойъ общій ходъ событій; подробности только придають ему яркость и живыя черты.

Фотію не хотѣлось повѣдать насмѣненное уже глѣздо, на устройство котораго онъ столько потратилъ силъ и средства; въ Свояродскомъ монастырѣ ему опять приходилось все стряпать заново, да и мѣстоположеніе монастыря—сырое—было вредно для его здоровья. Однако надо было ѣхать.

Въ это время очень скромно, на одной лошади, пріѣхала провѣдать Фотія гр. Анна, проѣздомъ ко двору; «дѣвица, раба Господня, голубица чистая, прилетѣла яко на крыліяхъ» — къ кельею асета; «бесѣды нѣтъ продолжались до поздняго вечера и

даже проводилъ онъ ее отъ себя въ Петербургъ ночью, причеиъ на королевскїи свѣчи возжегъ нощїю, дабы было ей видѣть можно, куда ѣдетъ».

На этихъ свиданїяхъ Фотїи получилъ самыя обстоятельныя свѣдѣнїя о томъ, какїе успѣхи дѣлали новыя ученїя въ столицѣ за цѣлый годъ отсутствїя изъ нея Фотїа. Назначенїе митрополитомъ Серафима, хорошаго и близкаго знакомаго гр. Аннѣ, давало много надеждъ и гр. Аннѣ, и Фотїю. Очевидно, гр. Анна теперь привела всѣ доступныя ей средства въ движенїе, чтобы вызвать Фотїа въ столицу опять, и — достигла цѣли.

По отъѣздѣ гр. Анны, Фотїи уже не занимается монастыремъ: его не интересуетъ его обстановка, устройство; въ немъ нѣтъ энергїи на это дѣло, душа его занята тѣми свѣдѣнїями, которыя онъ услышалъ отъ гр. Анны и которымъ онъ посвящаетъ въ автобиографїи болѣе 10 листовъ. Судя по тому, что здѣсь играютъ значительную роль женщины (Кридверъ и Тагарина), можно думать, что гр. Анна дѣйствовала отчасти изъ чувства если не зависти, то недовольства тѣмъ, что личности эти выдвинулись впередъ и отгѣснили ее, любимицу государини и двора, — на второй планъ. Впрочемъ, это только предположенїе; Фотїи все объясняетъ ревностью по вѣрѣ и во всемъ видитъ «персть».

Новости, сообщенныя графиней Анной, были довольно любопытны, хотя отчасти похожи на сплетню, порою довольно грязную. Прежде всего здѣсь играетъ роль «слухъ, что самъ царь благоволяетъ къ франкъ-мисонамъ», и что вся духовная и свѣтская интеллигенція на ихъ сторонѣ. Существо и задачи этихъ «сверныхъ и нечестивыхъ» ученїй и общества Фотїи указываетъ въ проповѣди «свободы, любви, братства» между ихъ членами и послѣдователями, причеиъ признается невозможнымъ «самое невѣстїе на землѣ», потому что всѣ соединены любовью и у всѣхъ все общее, и что особенно глубоко возмуцало Фотїа, это проповѣдничество женщинъ, являвшихся главными орудїями ученїя и привлекавшими къ себѣ общее вниманїе. «Женку зловѣрїа лже-христанскаго» Кридверъ, какъ «новое чудо», сходились видѣть и слушать весь Петербургъ. «Женка сіа, въ разтерзанности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемая, не говори никому ничего противнаго воютамъ плоти, обычаемъ міра и дѣламъ вражїиимъ, такъ правитъся умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ бояръ, жены, мужи, дѣвицы слышали, какъ оракула нѣкого дивнаго, послушать».

Къ Тагаринной, въ Михайловскомъ дворцѣ, блестящїя собранїя привлекали всю знать; Фотїи увѣряетъ, что эти собранїя

были свопческіи ¹⁾, а между тѣмъ «скверная Татаршова; неизвѣстно отъ кого, океанная блудница, очреватѣла и родила исчадіе!» Ученники-де «въ слѣпотѣ молву проносили», что она имѣла родить нѣчто великое. Младенца крестили и міромъ помазали и былъ-де воспріемникомъ самъ государь ²⁾. Фотій говоритъ, что изъ своего заточенія писалъ графинѣ Аннѣ и княгинѣ Софьѣ Мещерской, имѣвшихъ на государя вліяніе, прося раскрыть глаза при дворѣ на ереси; но учителя послѣднихъ были сильны еще. Особенно Татаршова и Крнднеръ: «сіи жабы, влоботавшія во время бою», вызывали обличенія, и графиня Анна добилась того, что императрица стала смотрѣть съ нерасположеніемъ и на князя Голицына, и на всѣхъ проповѣдниковъ новыхъ ученій; Крнднеръ даже выслали изъ столицы. Въ то же время по городу распространялись слухи, что князь Голицынъ невинно изгнанъ Иннокентія, и будто отъ его происковъ и гоненій пораженный—своичался митрополитъ Михайль. За князя Голицына еще стояли: Юна, архіепископъ тверской, Филаретъ московскій, Дмитрій кашаневскій; но митрополитъ Серафимъ сталъ противъ него—и партія противниковъ, видимо, росла и усиливалась, подѣ вліяніемъ придворныхъ интригъ.

Въ это самое время членъ комиссіи духовныхъ училищъ, Ястребцовъ, издалъ переводъ книги: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Книга была одобрена и разслана во всѣ училища—духовныя и свѣтскія. Но враги князя Голицына выпустили въ свѣтъ противъ книги этой обличеніе, гдѣ доказывалось, что это «нечестивѣйшая, революціонная книжица, — воззваніе въ бунту, дерзкое, лукавое воззваніе противу православной церкви, противу правительства и гражданскаго порядка», причѣмъ сослалось на то, что-де «книга сія въ Парижѣ издана была за два года до революціи, около 1790 года, отчего ясно-де можно было видѣть, что втайнѣ готовилось и въ Россіи злодѣйство». Въ числѣ поборниковъ еретическихъ ученій и книгъ, Фотій теперь называетъ Юанна, «высокоумнаго и неблагоговѣйнаго ректора академіи»; Филарета, издавашаго «Записки на книгу Бытія» и «Библейскую исторію» ³⁾;

¹⁾ Татаршова, — говоритъ Фотій, — учила поддерживать свою ягоди и скрывать, зрѣлизать тайные уди мужамъ; даже бѣсъ ее научилъ искусству женскій похлвнхъ женъ и дѣвицъ скоплатъ. И сіе бѣсовское дѣло совершалось около грудей гдѣ-то». *Дет.* II, г. 183.

²⁾ *Дет.* II, г. 184.

³⁾ Фотій негодилъ, что «Библейская исторія» Филарета не осуживала этого имени, такъ какъ, по его словамъ, «Филаретъ казалъ осужинка (книгу свою) бѣ-

Герасима Павскаго, съ которымъ Фотій имѣлъ, будто бы, бесѣды, пренія, и котораго онъ, будто бы, побѣждалъ. Хотя Павскій «былъ трезвъ и въ обращеніи пріятель, много ученъ», но Серафимъ отвергалъ въ немъ даже совѣсть, а по мнѣнію Фотія, «сатана самъ глагола его устамъ». Затѣмъ и Маварій, «изъ смоленскихъ, но отъ духа вражія», считался Фотиємъ зловреднымъ, и онъ проищески говоритъ о его «шатаніи въ странахъ Сибири», съ дѣлю миссіонерства.

Силы съ обѣихъ сторонъ собирались. Митрополитъ Серафимъ самъ былъ слабъ и нуждался въ помощникѣ. Конечно, графиня Анна, которая была его постоянной посѣтительницей, сообщила ему многое про Фотія, — и вотъ митрополитъ дѣлаетъ вызовъ его въ Петербургъ, даетъ ему въ лаврѣ помѣщеніе, обставляетъ его жизнь удобствами, причеъ Фотій не преминулъ отмѣтить, что викарный архіерей Владиміръ, съ которымъ митрополитъ совѣтывался о вызовѣ Фотія, пророчествовалъ о немъ: «тогда сбудется сіе: и потрясется весь градъ св. Петра отъ него» (Фотія); значить, митрополитъ Серафимъ, «слагая все это на сердцѣ своемъ», видѣлъ въ Фотіѣ уже орудіе Провидѣнія и потому его вызвалъ. Тутъ же послѣдовало и «чудо» — спасеніе Фотія отъ потопленія, хотя изъ самаго описанія спасенія — чуда никакого не видно. Но Фотій, смотря на себя, какъ на Божія посланника, всякую мелочь старался всегда истолковывать въ смыслѣ «чуда» и «перста».

Не успѣлъ Фотій явиться въ Петербургъ, какъ его пригласила графиня Анна къ себѣ «въ великолѣпной колесницѣ». Началась дѣятельная и энергичная работа противъ «враговъ вѣры». У князя Голицына и митрополита Серафима уже возникли недоразумѣнія, — отношенія ихъ были натянуты. Теперь между ними втерся Фотій. Случайно увидавъ Фотія въ церкви и зная о немъ, по слухамъ, какъ о человѣкѣ-ревнителѣ, князь Голицынъ не только обошелся съ нимъ вѣжливо, но добродушно пригласилъ его къ себѣ, а затѣмъ, постоянно встрѣчая его у графини Анны, онъ выражалъ въ Фотію искренно свое расположеніе. Фотій говоритъ, что онъ старался помирить митрополита съ княземъ Голицынымъ, но этому плохо вѣрится, особенно судя по дальнѣйшей исторіи ихъ отношеній.

Въ жизни Фотія теперь настала новая эпоха. Къ этому же времени принадлежитъ и нѣкоторое измѣненіе отношеній Фотія

лейкою которой, говоря о тѣхъ лицахъ, о коихъ кончатъ всея нѣтъ въ Вавліи». *Авт.*, II, г. 189.

къ графинѣ Аннѣ, которая и прежде была рабою Фотія, а теперь стала считать его «отцомъ», служила и повиновалась ему, какъ фетишу. Фотій обстоятельно описываетъ всю эту исторію. Графинѣ Аннѣ было тогда 37 лѣтъ отъ роду. При родовитости, умѣ, богатствѣ, она могла еще рассчитывать на бракъ — и, дѣйствительно, въ это время ей представлялась выгодная партія, — кто именно, Фотій не говоритъ, но замѣчаетъ, что были женихи и «царской крови», такъ какъ графиня Анна была любимицей императрицы. Когда, по этому поводу, графиня обратилась къ Фотію за совѣтомъ, то отвѣтъ его можно было предвидѣть заранее. Въ графинѣ Аннѣ была вся будущность Фотія. Потерять такой лакомый кусокъ для него значило — потерять все. Понятно, что Фотій, на запросъ дѣвицы о замужествѣ, рѣшительно сказалъ ей, чтобы оставила самыя мысли имѣть о бракѣ. Разумѣется, по этому поводу идетъ длинное разсужденіе о дѣвствѣ, о самоотверженіи и пр. Между прочимъ, Фотій объясняетъ, что-де «ты уже, дѣвица, яко не млада и, по природѣ, красоты не имѣешь плотской, то тебя богатства ради, чести и рода плотскіе люди захотятъ взять, а не любви ради: ты же сама-по-себѣ плотскому супругу не въ состояніи будешь угождать» и т. д. Однимъ словомъ, вся рѣчь клонилась къ тому, что графинѣ Аннѣ надлежитъ предать себя «бесплотному» Фотію. Для характеристики убѣжденій Фотія, приведемъ небольшой отрывокъ изъ ихъ бесѣды: «Когда ты хочешь душу спасти, — говоритъ Фотій «дѣвицѣ» Аннѣ, — и другимъ быть въ пользу, соединися бракомъ съ тѣмъ, съ кѣмъ я тебѣ совѣтъ дамъ, а всего ты, рассмотришь всѣхъ и сравнишь все, что онъ можетъ и восхочетъ тебя любить, достоинъ будетъ твоей любви, и ты непременно *уязвимши отъ любви*, будешь его любить паче всего, какъ *женнаго* и *мужа* твоего, будешь *предана* ему, *не будешь хотѣть сама своимъ тѣломъ владѣть*, а онъ будетъ законно и праведно съ тобой поступать.

«И сказала, умилился и обрадовался дѣвица: «Очень рада послушала, отецъ, твоего совѣта мудраго и святаго; да кто же теперь (послѣ извѣщенія Фотія, что она некрасива и стара, а только богата и знатна) меня возьметъ таковой женикъ? И гдѣ нынѣ можно обрѣсти такого женика, по всему какъ сердце для Бога желаетъ?»

«Тогда сказалъ Фотій дѣвицѣ: «Не можешь быть, чтобы не было женика тебѣ достойнаго на землѣ, лишь бы ты захотѣла сама обрѣсти. О, дѣвице! Богомудрая Анна! Слажи мнѣ, отъ сердца ли ты ищешь или желаешь женика себѣ достойнаго, а»

дѣвица достойная прекраснѣе жениха? Господь самъ — се женикъ грядеть въ тебѣ всегда, и въ полунощи придетъ и соединится съ тобою!»

Послѣ этой бесѣды-увѣщанія, графиня Анна «дала скоро до смерти, Бога ради, служить Фотію во всѣхъ дѣлахъ православія и благочестія, хотя бы его поносили, въ заоченіе послали, не оставитъ». Въ знакъ же того, что она «концетъ быть ему вѣрная раба до конца», она приняла имя «дщери» его и исповѣдалась ему. «Содѣлавшись дщерию, дѣвица Анна всѣмъ сердцемъ, всею душою, всею мыслию предала себя аврѣ Фотію», — чего тотъ и добивался. Теперь онъ ставъ полнымъ хозяиномъ не только въ душѣ, но и въ домѣ «дѣвицы». Въ то же время, слѣдуя примѣру графини Анны, вдовица благочестивая Державина также «дщерию Фотія учивалась». Теперь для Фотія открылись салоны всѣхъ аристократическихъ домовъ и его слушали съ благоговѣніемъ. У графини Анны собранія были почти ежедневно. Серафимъ митрополитъ, въ виду успѣховъ Фотія, ставъ еще болѣе благоволилъ къ нему. Принятый же у князя Голицына, Фотій старался держать нейтралитетъ, для чего старался каждому говорить одно только *пріятное*. «Когда Фотій слышалъ, что князь *поносилъ* митрополита, то, являясь къ митрополиту, говорилъ, что князь весьма любитъ тебя, владнко святой; а когда митрополитъ *поносилъ* князя, то, видѣвъ князя, говорилъ ему: «о! какъ Серафимъ любитъ тебя», и пересказывалъ все едино благое». Фотій говоритъ, что содружество его и митрополита съ графиней Анной, «сильною при дворѣ», внушало Филарету зависть и опасенія, но тотъ велъ себя сдержанно, а князь Голицынъ еще не догадывался, какого врага имѣлъ у себя подъ рукою въ лицѣ Фотія. Насколько Фотій умѣлъ вкратцѣ въ довѣріе князя Голицына, видно изъ того, что тотъ убѣждалъ его подождать пріѣзда государя, обѣщая выхлопотать Фотію аудіенцію.

Въ это время, когда Фотій колебался, будто бы, ѣхать ли ему въ свой монастырь, или остаться въ Петербургѣ до пріѣзда государя, ему было видѣніе, весьма курьезно описанное въ автобіографіи, гдѣ Фотію повелѣно было свыше — ждать. Послѣ этого, онъ еще видѣлъ во снѣ св. Георгія, также, будто бы, указывавшаго ему грядущее.

Пріѣхавъ государь. Назначено было явиться Фотію во дворецъ. Митрополитъ и князь Голицынъ учина его — каждый, конечно, видя въ Фотіѣ своего поборника — но Фотій подсмѣивается надъ обонми, имѣя свое на умѣ. У него уже сложился планъ дѣйствій. Передъ отъѣздомъ во дворецъ заѣхавъ онъ въ Казань

скій соборъ — помолиться. Во дворцѣ, «идя по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ и во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тѣмъ здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силы вражнихъ, то ежели оныя, видя крестное знаменіе, отбѣгутъ изъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицомъ царя дастъ ему благодать».

Разсказъ о первомъ посвѣщеніи государя Фотіемъ такъ любопытенъ и характеристиченъ, вмѣстѣ нелѣпъ, что мы приведемъ это мѣсто цѣликомъ.

«Отверзаются двери, — пишетъ Фотій, — я оными вхожу въ комнату, гдѣ былъ царь: вижу, что тотчасъ царь грядетъ принять благословеніе; я же, не обращая на него вниманія, смотрю, гдѣ св. образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, — поклониться, прежде царя земнаго, образу царя небснаго. Не видя противу себя очамъ, обыскавъ въ двухъ углахъ и трехъ стѣнахъ, и близъ себя, почти на задѣ, усмотрѣвъ съ лѣвой стороны у прага образъ въ углу, обратился я, трижды знаменаяся, поклонясь, предсталъ предъ царемъ. Царь, видя меня, хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время, и послѣ паки съ страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, — приемлетъ благословеніе, цѣлуетъ усердно десницу мою: я же тотчасъ непримѣтно открылъ ливъ Спаса (на вконѣ, которую захватилъ съ собою для дара), далъ ему приложиться и ему вручаю оный образъ. Царь принялъ и привѣтствовалъ сими словами: «я давно желалъ тебя, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе».

На что я сказалъ царю: «зачѣмъ же ты хочешь принять благословеніе Божіе отъ меня, служителя св. алтара, то благословляю тебя, глаголю: «миръ тебѣ, царю, спасися, радуйся! Господь съ тобою буди!»

«Царь по сихъ словахъ, взявъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стулъ, самъ сѣлъ противу меня, лицомъ въ лице прямо зря. Возсѣлъ же близъ, весьма близко меня, яко же возможно, все тихо глаголя, слышать; я же, на мѣсто желая сѣсть, знаменіемъ креста знаменалъ себя, десницею своею мѣсто, возсѣлъ, и царя перекрестилъ. Началъ царь вопрошать о мѣстѣ моея службы въ корпусѣ, когда былъ я законоучителемъ и въ монастырѣ; я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о св. цѣркви, вѣрѣ и спасеніи души; зря въ лице царю прямо, часто я знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возводя очи свои на небо, умъ и сердце вознося въ Богу, и всяко все слово въ сладость принималъ царь, азъ же серд-

чемъ чувствовалъ, только я крестился, а царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принимать желая, просилъ, дабы я его перекрестилъ; я же о силѣ креста и знаменія старался внушить; вижу, что царь всѣмъ сердцемъ прилѣпился ко услышанію слова отъ устъ моихъ, я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ сказать царю слово въ пользу церкви и вѣры».

Затѣмъ, похваливъ Серафима, Фотій говорилъ о зловѣриі, о соблазнахъ, о потокѣ нечестія. Бесѣда длилась полтора часа. «Наконецъ Фотій сказалъ: «противу тайныхъ враговъ, тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать. Все нужное къ дѣлу вѣры внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, царь также самъ крестился и приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою св. креста; многократно онъ цѣловалъ руку, благословляющую его, благодаря за бесѣду; оставъ же, когда я готовился идти отъ царя, примѣтилъ, что царю уже время со мною бесѣду кончить; царь палъ на колѣни предъ Богомъ, обратясь лицомъ ко мнѣ и сказалъ: возложи, отче, руцѣ твои на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, прости и разрѣши мя».

Фотій отъ государя пріѣхалъ прямо къ «дѣвницѣ», а потомъ къ митрополиту, которому сообщилъ все. «Когда же видѣлъ по семъ князя, не повѣдалъ ему *ничто же*, что съ царемъ тайное было говорено». Итакъ, кн. Голицынъ ввелъ къ государю своего врага, далъ ему ходъ, ничего не подозрѣвая.

Митрополитъ представилъ тогда же Фотія къ награждѣ (золотому кресту), а князь Голицынъ доставилъ ему аудіенцію у ими. Маріи Федоровны, которая при рескриптѣ прислала ему подарокъ (золотые часы). Познакомившись и съ кн. Ливеномъ, Фотій «хитро дѣйствовалъ во вредъ своихъ противниковъ, поддерживая въ императрицѣ вражду къ нимъ и нерасположеніе» (рѣчь шла о кн. Голицынѣ, Поповѣ, Тургеневѣ, Руничѣ, Кошелевѣ).

Значеніе Фотія быстро поднялось. Не прослуживъ и полугода настоятелемъ Сквородскаго монастыря, причемъ около 4 мѣсяцевъ Фотій пробылъ въ Петербургѣ, онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Юрьева-новгородскаго монастыря. Фотій описываетъ видѣніе, въ которомъ будто бы св. Георгій вручилъ ему монастырь; но эти видѣнія у Фотія были такъ часты, что ихъ нечего и описывать.

Скоро митрополитъ опять его вызвалъ въ Петербургъ для борьбы противъ кн. Голицына. Что усилія ихъ не были безуспѣшны, объ этомъ говоритъ вышедшее тогда же повелѣніе о закрытіи масонскихъ ложъ и тайныхъ собраний по всей Россіи

(1 авг. 1822 г.). Фотій пишетъ, что когда онъ получилъ драгоценный крестъ, то государь присылалъ ему отъ себя поздравленіе: это говорить объ особенномъ къ Фотію вниманіи. Въ то же время Фотій увѣряетъ, что будто бы было даже покушеніе на его жизнь отравой, но что сила Божія его сохранила, почему сталъ онъ жить не въ лаврѣ, а въ домѣ «дщери-дѣвицы».

4-го сентября былъ торжественный въѣздъ Фотія въ юрьевскій монастырь, что описано имъ высокопарно; при этомъ случилось съ нимъ тоже «знаменіе»: съ одной ноги у него, при выходѣ изъ экипажа, соскочилъ сапогъ, что вызвало у Фотія воспоминаніе о Моисѣ, которому при горящей купинѣ было велѣно явзуть сапоги. Фотій, впрочемъ, не разулся, а поторопился натянуть сапогъ поскорѣе, какъ какъ это было въ виду братія ¹⁾. Въ этотъ день у Фотія было для гостей угощеніе, а послѣ стола, вмѣсто десерта, «въ веселіи» пѣли всѣ канонъ «Волною морскою» и «улаждались духовно и тѣлесно».

Однако, въ Юрьевѣ монастырѣ Фотію опять пришлось взяться за устройство и починку всего. Монастырь былъ бѣденъ и крайне запущенъ, «какъ бы послѣ непріятеля». Да и составъ его былъ плохъ: монахи ссылались сюда въ наказаніе. Средства не было. Но Фотій не унывалъ: у него былъ неизсякаемый источникъ средствъ въ громаднхъ средствахъ «дщери-дѣвицы», съ которою онъ теперь непрерывно велъ переписку, «какъ для утвержденія ея въ дѣвическомъ состояніи», такъ и въ видахъ продолженія начатыхъ подкоповъ подъ кн. Голицына. Въ ноябрѣ гр. Анна сама пріѣхала въ гости въ Фотію, гдѣ они имѣли обычныя свиданія и бесѣды «о дѣвическомъ состояніи» и о прочемъ; однако Фотій самъ повялъ неудобство этихъ свиданій, и во избѣжаніе худой молвы, которая и безъ того уже шла о Фотіѣ давно, просилъ «дщерь-дѣвицу» черезъ нѣсколько дней уѣхать въ Москву, гдѣ у нея былъ домъ.

Къ этому времени Фотій однако успѣлъ уже «на обновленіе обителей» собрать около 60 тысячъ; планы Фотія были широки, — ему хотѣлось заново все пересоздать. Но куда было дѣть старыя зданія?—Случай помогъ ему: пожаръ въ началѣ 1823 г. истребилъ все негодное и, такъ сказать, расчистилъ мѣсто для постройки. Фотій самъ говоритъ, что тогда многіе полагали (въ томъ числѣ Филаретъ московск.), «что Фотій съ намѣреніемъ

¹⁾ Смыслъ этого «знаменія» Фотій такъ изъясняетъ: „Тако сотворила сила Господня, что Фотій сталъ на землѣ св. обители безъ сапога, да видѣть въ нее сохмкнись всякой северни, и не видѣть изъ нея, а въ ней яко сапогъ, да почіетъ брешное его тѣло отъ трудовъ“. *Дет. Ц.* 171.

самъ сдѣлалъ пожаръ, дабы имѣть черезъ то случай весь монастырь снова обновить». Предположеніе это кажется правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ самый день пожара въ монастырь отъ «дщери» прибыло на 40 тысячъ р. строительныхъ матеріаловъ. Конечно, и этому событію предшествовало «видѣніе». Между тѣмъ пожертвованія шли отовсюду, и средства у Фотія оказались богатыми.

XII.

1823-й годъ прошелъ для Фотія въ хлопотахъ по устройству юрьевскаго монастыря и около «дщери-дѣвицы», у которой Фотій гостилъ въ Москвѣ.

Неустройство монастыря требовало энергичныхъ мѣръ и значительныхъ средствъ. Гр. Анна давно уже звала Фотія къ себѣ въ Москву въ гости; теперь выпала нужда, понадобились деньги и деньги большія, и Фотій отправился къ «дщери-дѣвицѣ» въ Москву, гдѣ и поселился прямо у гр. Анны; имъ предоставлена была полная свобода отношеній. Самъ Фотій пишетъ, что они «во дни и въ ночи» проводили время вмѣстѣ въ благочестивыхъ бесѣдахъ.

«Дщерь-дѣвица» жила богато, по-царски; домъ ея походилъ на дворецъ, и она имѣла обширное аристократическое знакомство, представлявшее Фотію прекрасный случай порисоваться въ роли проповѣдника и борца за вѣру. Хозяйка ухаживала за Фотиємъ, «не анала, что отъ радости ему сотворить», «со сладостію всякое слово говорила, прелюбезно на него взирала, всякое слово требованія со вниманіемъ принимала», «угождала, доставляла ему всё удобства». Фотій таковой чести всю жизнь не чаялъ видѣть.

«Многіе приходили послушать его бесѣды, князья, бояре, графы, жены ихъ, дѣти ихъ, духовные и мірскіе, благоговѣйніи люди, купцы и богатые.

«Во истину яко церковь Божія бысть домъ дѣвицы-дщери. По вечеру, въ ночи, по утру, во дни, на трапезѣ, сидя и ходя, Фотій старался слово назиданія простирать». Фотій цѣли достигъ. Не только «сердце и душа ея были едино съ нимъ», но и «са ея блага (а имѣніе у графини было громадное) была яко общее съ нимъ».

Именно къ этому времени относится курьезный эпизодъ «о потаенной дѣвѣ», — эпизодъ, занесенный въ автобіографію; онъ

характеризуетъ весь цинизмъ «аввы Фотія» и безцеремонность его отношеній въ «дщери-дѣвицѣ». Дѣло происходило такъ. Сидѣли Фотій съ дѣвой «на-единѣ, въ тайной влѣти свѣтлой»; вдругъ докладываютъ имъ, что приползъ безногій нищій, просить милостыни. Фотію пришла мысль, чтобы втащали его въ «кѣлтѣ». Принесли «человѣка въ лувошѣ». Когда они остались на-единѣ съ нищимъ, Фотій «примѣтилъ, что *не мужъ* есть человѣкъ, а во образѣ мужскомъ *женская пола* человѣкъ». Оказалась дѣвица, 30 лѣтъ, безногая. «Она открыла во свидѣтельство сосцы свои, показала, что вовсе ногъ не было у ней, ниже мѣста, гдѣ быть онымъ: вся же тѣломъ была здрава»; Фотій прибавляетъ, что она «вся заливалась слезами», «краснѣла отъ дѣвическія своея стыдливости». Безногая объявила, что выдаетъ себя за мужчину, «дабы кто не похитилъ дѣвства ея».

Живя въ Москвѣ, Фотій обозрѣвалъ церкви, монастыри, Кремль и находилъ не вездѣ хорошій приѣмъ, а «подвижниковъ совершенное оскуднѣе». Затѣмъ искалъ онъ «ревнителей», и во всей Москвѣ ихъ оказалось всего два — Михаилъ, свящ. рязь-положенской церкви, да чиновникъ Смирновъ, писавшій «книги противъ зловѣрія», лишившійся мѣста на службѣ и питавшійся отъ щедротъ гр. Анны. Что же касается представителей «зловѣрія», то во главѣ ея, по отзыву Фотія, стоялъ самъ Филаретъ, о которомъ Фотій передаетъ самыя негѣпые слухи. «Ересеначальниками» въ Москвѣ, по Фотію были: «безбожники Н. Дьяковъ, д-ръ Мудровъ и нѣкій мистикою зараженный поэтъ, въ коему, какъ въ наставнику, ходили по приверженности многіе вельможи, богоотступники нечестивые». Имени *пола* Фотій не приводитъ.

Фотій училъ въ Москвѣ «яко власть имый». Между прочимъ, онъ распорядился, чтобы «дѣвица-дщерь» уничтожила всѣ статуи и произведенія искусства въ ея домѣ, такъ какъ онѣ служатъ «похоти очесъ», причемъ завистливый взглядъ фанатива-монаха не погнушался драгоценностями, какія прежде будто бы служили для «похоти очесъ», а потомъ всѣ понази въ юрєвъ монастырь, — одинъ брилліантъ, стоящій 12 т., жемчужина — «болѣе вершка» и т. под.

Вообще Фотій отъ «дщери-дѣвицы» поухалъ не съ пустыми руками: кромѣ разныхъ драгоценностей, онъ взялъ деньгами 30 т., затѣмъ гр. Анна сама прислала ему драгоценную митру, которую Фотій цѣнить болѣе чѣмъ во *сто тысячъ* руб., «съ надписью на золотой дщицѣ: за ревность и одолѣніе въ 1822 лѣто масонскихъ свопищъ нечестивыхъ»; затѣмъ Фотій же гово-

ригъ, что все устройство обители ему обошлось около *двухсотъ тысячъ*.

Вскорѣ по отъѣздѣ Фотія, гр. Анна (на день рожд. Фотія) сама пріѣхала въ гости къ нему, привезла массу драгоценностей, дорогія иконы. Фотій въ честь гр. Анны освятилъ придѣлъ во имя св. Анны. Вообще Фотію повезло на деньги: кн. Голицынъ выхлопоталъ тогда же казенную субсидію на монастырь по четыре тыс. ежегодно.

Изъ поѣздки Фотія въ Москву интересенъ, для характеристичности его фанатической нетерпимости, высказанный имъ взглядъ на театры «одному вельможѣ, покровителю театровъ». «Это, — по мнѣнію Фотія, — бѣсовская служенія, работа мамонѣ, мудрованіе плоти, явнческихъ мерзкихъ службъ останки, капища сатаны, заведенія злобы многопрелестныя, виды прелести діавольскія, училище нечестія, службы вражія, сѣтъ князя тьмы, земный адъ насмѣшливый: кратко сказать — многообразная мерзость заупустѣнія на мѣстѣ святѣ. И пѣнія, и пѣснь, и комедіи, и трагедіи, и всякаго рода представленія и явленія суть виды единой мерзости». Въ Москвѣ, за исключеніемъ великосвѣтскаго кружка гр. Анны, Фотій не имѣлъ успѣха; а въ сферѣ духовныхъ представителей, кромѣ нѣкотораго безыменнаго *нона*, Фотій встрѣтилъ явное нерасположеніе. Предпринявъ посѣщеніе московскихъ монастырей и церквей, Фотій, считавшій себя ревнителемъ и спасителемъ православія, ожидалъ, что его примутъ съ почетомъ и торжествомъ; но обманулся. Онъ былъ принятъ холодно, равнодушно, недověрчиво. Филаретъ отвернулся отъ фанатика; потому очень понятно то раздраженіе и ослобленіе, какое Фотій высказываетъ въ отзывѣхъ о Филаретѣ въ это время.

Начало 1824-го года ознаменовалось для Фотія «видѣніемъ» и «откровеніемъ», — во снѣ онъ видѣлъ царя, которому на ухо объяснилъ, «гдѣ, како, отъ кого и koliko вѣра и церковь обидна есть», и царь обѣщалъ исправить все нужное. Замѣчательно, что кн. Голицынъ теперь самъ постарался вызвать Фотія въ Петербургъ: такъ умѣлъ обойти его Фотій. Серафимъ назначилъ ему помѣщеніе въ лаврѣ, но Фотій говоритъ, что «его селеніе всѣдневное было подъ кровомъ дочери-дѣвицы Анны».

Фотій съ особенной завистью и недоброязательствомъ смотрѣлъ на «богоотступника Госнера», и когда кн. Голицынъ выхлопоталъ ему у государя 18 т. субсидій на покупку дома для проповѣданія, негодованіе Фотія не знало предѣловъ. Фотій обратился уже явно съ обличеніемъ къ кн. Голицыну, а митрополита всячески убѣждалъ доложить о вредѣ Госнера-еретика государю.

Конечно, Голицынъ не думалъ обличеніемъ. Фотій еще энергичнѣе сталъ обличать ереси покровительствуемыхъ кн. Голицыннѣ Татариновой, Копелева, Попова, Тургенева, Ястребова, Строва и особенно Госнера. Для бѣльшей убѣдительности, Фотій составилъ «выписку» зловредныхъ мыслей изъ разныхъ книгъ того времени, которую впоследствии представилъ Александру I-му; она повліяла на послѣдняго, но кн. Голицынъ оставался непоколебимъ; по его докладу, многіе переводчики и составители этихъ сочиненій получили даже награды отъ государя.

Но Фотій продолжалъ во что бы то ни стало возбуждать правительство противъ того, что казалось ему зловѣриемъ; теоретическая религіозная почва мѣтвнй мало представляла Фотію надеждъ, такъ какъ при дворѣ еще господствовало убѣжденіе о законности свободы мѣтвнй; а потому Фотій перешелъ на почву политическихъ инсинуацій и проповѣдывалъ, что книги еретическія представляютъ «воззваніе, дабы мечи взять и всѣхъ замолотъ нечаянно». Фотій понималъ, что подобныя обвиненія тяжки и наиболѣе опасны, и нимало не стѣснялся, при разборѣ книгъ, отыскивать между строками и навязывать авторамъ такія мысли, которыя подрывали будто бы правительство и власть:

Въ то же время Фотій желчно и съ негодованіемъ отзывался объ индифферентизмѣ духовенства къ зловѣрью, о терпимости ихъ и даже безучастіи. Члены синода, представители высшаго духовенства, архіереи безмолвствовали. Михаилъ «мало нѣчто думалъ противиться, но тайно»; Серафимъ, слабѣе всѣхъ здравіемъ, менѣе славенъ въ ученіи, отчасти подыалъ борьбу, но не самъ по себѣ, а подъ вліяніемъ другихъ. Иона же, Дмитрій, Филаретъ стояли за кн. Голицына. Въ академіяхъ-де занимались наукой, а о *спртѣ* забыли; въ семинаріи выписывали зловредныя книги. «Діаволъ духовныхъ и мірскихъ искусствъ чрезъ ученіе свое и явилъ слабость вѣры и хладность любви въ нихъ къ Богу». Недовольствуясь своими еретиками, — жаловался Фотій — правительство стало вызывать ихъ изъ-за границы. Такъ, еще Сперанскій выписалъ проф. *Феслера*, который, «какъ новый Манесъ, Лютеръ и Кальвинъ», есть «ангелъ тьмы во плоти». На югѣ подвизался въ зловѣрїи нѣмецъ *Линдель*; въ Петербургѣ проповѣдывалъ «новообразованную библейскую религію», въ угоду Голицыну и Брискорну, «каголицкій разстрига *Госнеръ*, которому при дворѣ благоволили, а въ обществѣ поклонялись, и который, говорятъ, имѣлъ до 40 т. послѣдователей».

Началось дѣло съ Госнера. Онъ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ книгу, которую генералъ Брискорнъ перевелъ, а Поповъ

(дир. деп. нар. пр.) исправлялъ въ стилѣ; книга была напечатана (не вся) подъ заглавіемъ: «Духъ жизни и ученія І. Христова въ Н. Заѣвѣ», ч. 1. Толкованіе на ев. Маттея. 1824 г. (Издано было 26 главъ, да и тѣ послѣ были отобраны и сожжены.) Фотій добылъ эту книгу секретно черезъ гр. Орлова, и написалъ противъ нея обличеніе. «Госнероно соимненіе; ищетъ Фотій, въ видѣ поясненія на ев. отъ Маттея, есть одна публикація нечестія, невѣрія, возмущенія, и знаетъ, что Госнеръ есть не простъ человекъ, а *со плоти діаволь*, человекомъ представляющійся». «Оно все заключаетъ въ себѣ внушеніе и дѣйствіе явно и тайно противу истины евангельской, противу престола царскаго, лично противу царя Александра І-го, противу ученія церкви, всякаго гражданскаго порядка», и самъ Госнеръ есть «предшественникъ антихристовъ, діаволь и сатана-человекъ, смѣлый бунтовщикъ». Эти выраженія могутъ служить отчасти опредѣленіемъ той степени злобы, раздраженія, съ какою относился къ Госнеру Фотій, а отчасти характеристикою вообще тона его полемики. Этотъ тонъ отразился и на Серафимѣ. Когда въ сводѣ зашла рѣчь о Госнерѣ, то Серафимъ такъ горячо и полемически ратовалъ противъ Госнера, что жк. Голицынъ ушелъ изъ засѣданія.

Озабоченный Серафимъ, подчинясь Фотию, повелъ теперь тайныя возни противъ кн. Голицына, въ которому Фотій успѣлъ опять ввертеться въ милость, служа для Серафима тайнымъ агентомъ, для вывѣдыванія намѣреній князя. Центръ заговора былъ у гр. Анны, а орудіями передачи тайно бумагъ и документовъ государю служили оберъ-полиціймейстеръ Гладковъ и начальникъ гвардіи Уваровъ, который жилъ во дворцѣ и былъ довѣреннымъ лицомъ государя.

Сначала обличеніе на Госнера Серафимъ поручилъ составить викарію своему Григорію, но тотъ, по совѣту Филарета, бросилъ это дѣло; тогда «апологию» изготовилъ самъ Серафимъ. Фотій же написалъ «обличительную апологию» на книгу «Воззваніе къ христіанамъ» и вышеупомянутую выписку изъ зловредныхъ книгъ, — все это было доставлено секретно государю, при двухъ посланцахъ, въ глубочайшей тайнѣ, чтобы не потерпѣть на случай шутки.

Въ собраніи документовъ и въ автобіографіи любознательный этотъ докладъ приведенъ «вообще», подъ заглавіемъ: *Народъ тайныхъ обществъ*, или тайные замыслы къ книгѣ «Воззваніе человекомъ о поведеніи внутреннему аличенію духа Христова». Фотій кланитъ эту книгу со всею свойственною ему желчью — и политическимъ

инсинуациями старается вызвать въ государѣ подозрительность въ издателей ея.

«Книга сія, говоритъ онъ, по сущности своей ужасно зла. Она есть пароль тайнымъ обществамъ противу всѣхъ царствъ, особенно христіанскихъ. Пароль — въ разныхъ видахъ: скрытно или явно, прямо или косвенно, буквально или таинственно, токмо книга сія всякимъ образомъ есть пароль всегубительства; цѣль ея — раскопать алтари и разрушить престолы».

Затѣмъ, Фотій подвергаетъ разсмотрѣнію всю книгу и особенно мѣста ея темныя и неясныя, стараясь истолковать ихъ въ смыслѣ возмутительности. Это обвинительный актъ, а не рецензія; образцовый политическій доносъ, а не разборъ книги. Фотій не стѣснялся въ средствахъ для того, чтобы утопить своихъ противниковъ, набросить на нихъ тѣнь и подозрѣніе въ неблагонадежности и даже явной крамолѣ. Вотъ нѣсколько образцовъ Фотіева экзегеса:

«Пароль на все положенъ! восклицаетъ Фотій. — *Все доброе въ челоуѣкѣ происходитъ отъ божественнаго инстинкта.* — Смыслъ таковой въ сихъ словахъ: что все доброе аки-бы не отъ Бога и Господа нашего І. Христа и св. Духа, но отъ Божественнаго инстинкта, почитаемаго авторомъ за Бога; инстинктъ же есть, по общему мнѣнію всѣхъ народовъ, *скотское аленіе*; слово же «божественный» въ инстинкту придало для обольщенія читателей и дабы до времени подъ тѣмъ скрывать тайну беззаконія дѣлающа».

Подобными толкованіями и выводами Фотій доказывалъ, что въ разсматриваемой книгѣ «отвергается религія», отрицаются апостоли и пророки, внушается недоувѣріе въ св. писанію, инстинктъ считается Богомъ и пр.

Обоверъвъ нѣсколько мѣстъ, авторъ дѣлаетъ воззваніе въ таковой формѣ: «Пароль! На основаніи Христовой религіи истребить Христовую религію, раскопать алтари, обрушить престолы!»

«Боже! Боже! Боже!»

«Всюю оставилъ еси проповѣдываться посреде насъ такому отступленію отъ вѣры, такому нечестію и безвѣрію? Это мерзость завустѣнія на мѣстѣ, реченная Давидомъ пр.: «Сія тайна беззаконія дѣется».

«На стр. 51 приводится текстъ: *мыма уакъ не ма: еромана измѣняются и дѣлаются бласопрѣятливыми* (Фотій: *м.-в. из революціи*). *Религія отступаетъ въ новый періодъ — періодъ мерзавъ душоунаго*».

«Смыслъ таковой, — говоритъ Фотій: начало періода революціи во

Франціи было 1792 года, потому и говоритъ авторъ, за 2 года еще до революціи, предвидя революцію: «религія вступаетъ въ новый періодъ (т.-е. новая всѣ составитъ). И какъ подобное сдѣлалось движеніе безпокойства, примѣчаемое въ Европѣ, 1820 г., то карбонаріи и поспѣшили издать сіе новое изданіе въ Россіи, и для Россіи, дабы приуготовить къ такимъ безпокойствамъ и революціи; но не удалось! Подъ именемъ Израиля надо разумѣть бунтующій народъ карбонаріевъ».

«Кратко сказать, — заключаетъ Фотій, — книга «Воззваніе» есть вѣсть къ отступленію отъ вѣры Христовой и къ перемѣнѣ гражданскаго порядка по всѣмъ частямъ.

«И все, что въ ней заключается, то скрытно и обоудно, то загадочно и превратно, почему она и говоритъ къ своимъ, взывая такъ: «Се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая». Сіе значить: скрываете все до времени: молчите: знайте про себя и дѣлайте дѣла свои, а посему, заставляя понимать умыслъ сей, вѣщаетъ: «кто позналъ сію истину, позналъ сущность ея, единое на потребу (т.-е. религію, основанную на истинѣ) и о прочемъ не заботится. — Вотъ пароль въ книгѣ «Воззваніе о жослѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова»: выкопать алтари, разрушить престолы. — На Тя, Господа, уповаемъ! Аще Ты, Боже нашъ, за насъ, кто противу насъ?»

„Съ нами Богъ!
„Господь съ нами!

«О, Господи! спаси же! О, Господи! Посищи же! Не намъ, не намъ, Господи, славу даждь, а имени Твоему съ. во вѣки!»

«Рабъ Бога и Господа І. Христа, о Духѣ Святѣ ревнитель православія, вѣрно-вѣрноподданный царю, служитель церкви, послѣдѣйшій, но правовѣрный, *Арх. Фотій*» (обыкновенная его подпись).

Государю этотъ «Пароль» былъ доставленъ секретно 12 апр. 1824 года.

При этомъ докладѣ, равно какъ и при другихъ подобныхъ случаяхъ, Фотій предлагалъ еще обыкновенно посланія. Представимъ нѣкоторые изъ нихъ въ извлеченіи.

Первое посланіе отъ 12 апрѣля 1824 г. довольно длинно. Авторъ говоритъ о своемъ призваніи, ученіи, ревности, о борьбѣ съ тайными обществами и еретиками, карбонаріями; докладываетъ, что кругомъ царя стоятъ покровители нечестія. Сказавъ далѣе о Госнерѣ, Фотій излагаетъ «видѣніе»: «Бысть во время дреманія предста мнѣ ангелъ Божій, разгнувъ книгу имѣя въ

рубахъ, дерзавшихъ предо мною: и бысть гласъ съ зніше: «зри и разумѣй!!» Въ сей книгѣ ни гдѣ, ни сверху, ни снизу ничего не было написано, а по срединѣ токмо по обѣимъ страницамъ въ едину черту были среди тѣмн по тѣмнымъ листамъ, а не бѣлымъ, сіи слова: «Сія книга составлена для революціи и теперь намѣреніе ея революція»... Оказалась извѣстная книга «Воззваніе къ человѣкамъ», противъ которой зло и ядовито Фотій ратовать. Здѣсь же пишется, что «Аракетевъ вѣреть; объ немъ тако открыто»; затѣмъ, пугая близостью революціи, Фотій побуждаетъ двухъ человѣкъ отдалить: одного отъ себя, другого отъ службы». Сказавъ затѣмъ, что Богъ ему все открываетъ, Фотій заключилъ: «Если что услышиши отъ кого на меня худое, важдь-то клеветы и правдныхъ людей пустня слова, не вѣруй, — это отъ діавола». Все завершается благословеніемъ.

Второе посланіе секретно передано было государю того же 12 апрѣля 1824 года, слѣдовательно одновременно съ первымъ. Здѣсь говорится о «новой религіи», о тысячелѣтнемъ царствѣ, причемъ приводятся слова св. Ипполита, Вѣрема Сирина; далѣе, идетъ раскрытіе *нелюбимой* идеи о соединеніи церквей, то-есть смѣшенія-де истины съ зловѣріемъ. Изъ новой религіи авторъ причисляетъ ученія библейскаго общества, Юнга, Штикланга, Экартсгаузена, Гюль, Брама, Лабина, а также методистовъ, ввакеровъ, Госнера, Феллера, павлианъ, духоборцевъ, молоканъ и др., причемъ честить эту религію такими эпитетами: «нова, лукава, льстива, худа, нечестива, беззаконна, буйна, безумна, безбожна, хульна; это «суцая революція», «предель въражія», проповѣдуемая ложными пророками, апостолами; искаженіями вѣры. Все ведется въ необходимости строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ для истребленія безбожія.

Третье посланіе преподавать иѣры, «имѣть пособіе дабы остановить революцію?» Фотій говоритъ, что онъ молился объ этомъ и *Богъ открылъ* ему, что надо немедленно:

а) «Министерство дух. дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы.

б) «Библ. общество уничтожить, подѣ тѣмъ предложить, что уже много напечатано библій, и онъ теперь *не нужны*.

в) «Синоду быть по прежнему, и духовенству назирать при случаѣ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ.

г) «Копелева отдавать, Госнера выпнать, Феллера изгнать, методистовъ выслать, хотя главнѣе».

Возвѣщая все это ижеinemъ божіимъ, Фотійъ напоминаетъ Аго-

исавдру 12-й годъ, и, вычитывая, что съ тѣмъ перъ прошло ровно 12 лѣтъ, говорить, что настало время изгнать духовнаго Наполеона, котораго царь «можетъ побѣдить въ три минуты чертою пера». Посланіе это было секретно передано государю 29 апрѣля, и своимъ пророческимъ тономъ, таинственнымъ оближеніемъ цифръ могло оказать вліяніе.

Четвертое посланіе тоже ведетъ рѣчь о страшной тайнѣ беззаконія, къ истребленію которой Фотій признаетъ государя именемъ божіимъ. При этомъ посланіи была приложена «Апология» съ изложеніемъ тайны зловѣрія. Государю представлено это посланіе 7 мая 1824 года.

Пятое посланіе подписано 14 іюня 1824 г. и было доставлено при «планѣ революціи». Фотій умоляетъ не медлить, ради Бога и чести царей. «Ужели ты за слово и дѣло Божіе не вступишься? восклицаетъ онъ. — Въ дѣлѣ вѣры и малѣйшая пылинка подорвѣнія, лежащая на тебѣ въ очахъ вѣроподданныхъ, правовѣрныхъ, покажется за великій камень преткновенія; а время все откроетъ и освѣтитъ, что нынѣ въ тайнѣ дѣется».

Вскорѣ было получено Фотіемъ «тайное извѣщеніе о дѣйствіи апологій и посланій, съ выпискою, на сердце государя». Свѣдѣнія эти были таковы, что «Фотій веселіе имѣлъ съ Серафимомъ» и посланія ихъ «нѣкто» называлъ: «побѣдная воля Христова».

Немедленно обнаружались и результаты подвоповъ Фотія и Серафима. Государь молчалъ. Но въ день пасхи онъ не принялъ съ обычнымъ поздравленіемъ Кошелева, съ отказомъ впереди явиться. Благодаря молчанію государя, кн. Голицынъ по прежнему и не подозревалъ, откуда идетъ опасность. Однако послѣ спенн въ свадѣ по поводу Госнера съ Серафимомъ, князь понялъ, что не слѣдуетъ допускать митрополита до свиданія съ государемъ. Надо замѣтить, что безъ согласія и доклада министра, тогда не было принято являться духовнымъ лицамъ къ государю. Князь поднялся на хитрость. Пріѣхавъ на вторей день пасхи поздравить митрополита, онъ сказалъ ему, что государь уѣхалъ въ Царское Село — и вѣрнѣе не будетъ. Митрополита это озадачило. Но случай измѣнилъ князю. Скоро послѣ его отъѣзда къ митрополиту явилась гр. Анна; услыжавъ, что будто царь уѣхалъ, она сказала, — это не правда: сейчасъ она видѣла его на смотрѣ, на Царыциномъ лугу, и если надо поздравить, то безъ всякихъ докладовъ прямо можно явиться къ государю. Настроенный опытною графиней, митрополитъ тотчасъ отправился къ государю; послѣдній, бывъ увѣдомленъ, что митрополитъ идетъ во дворецъ, оставилъ смотрѣ и встрѣтилъ его очень любезно.

Оказалось, что государь действительно собирался уѣхать, только къ вечеру. Свиданіе было короткое; но государь торжато благодарилъ митрополита за предупреденіе и раскрытіе вѣа, выслушалъ новыя жалобы его и обѣщалъ дать ему особую аудіенцію. Это свиданіе, о которомъ и не предполагалъ князь Голицынъ, ободрило враговъ его.

Желая что-нибудь выведать объ этомъ свиданіи отъ Фотія, Голицынъ заѣхалъ къ нему запросто; но теперь Фотій, почуввъ слухъ свою, измѣнилъ тонъ; онъ встрѣтилъ князя рѣзкими обличеніями, которыя окончились пророчествами объ его гибели. Сначала это возмутило, озадачило Голицына, а потомъ, если вѣрить Фотію, привело его къ униженію. «Пріобывши вѣру имѣть словамъ Фотія», князь будто бы сказалъ: «ежели ты, отче Фотіе, меня оставишь, и съ ними будешь, то они меня одолѣютъ, а иначе никто не одолѣетъ меня». «Князь же не отдавъ, — нишетъ Фотій, — кто противу него и съ кѣмъ именно брань за дѣло вѣры имѣеть: послѣ же князь, смиряясь отъ страха, палъ до земли, поклонился Фотію въ ноги, дабы онъ его не оставилъ». Рассказывая все это, Фотій какъ-бы не сознаетъ даже гнусности своей двусмысленной роли у князя, — роли шпиона, мнимаго друга и ожесточеннаго, ехиднаго, тайнаго врага.

Важность тайно сообщенныхъ государю обвиненій побудила его назначить свиданіе митрополиту, который 17-го апр. и былъ приглашенъ явиться во дворецъ. Свиданіе это было рѣшительнымъ; митрополитъ хорошо сознавалъ это, но «отъ многомыслия и необмысленнаго представленія дѣйствія передъ лицомъ царя, находила на него нерѣшительность, а посему онъ то шелъ изъ комнатъ, то возвращался въ оныя». Нерѣшительность старика была до того сильна, что Фотій почти силою свелъ подъ руку митрополита, усадилъ его въ карету, захлопнулъ дверцы и приказалъ мучеру прямо ѣхать во дворецъ, несмотря на желаніе митрополита еще остановиться и поговорить.

Жребій былъ брошенъ, Фотій это хорошо понималъ, и, отправивъ митрополита, самъ остался выжидать его пріѣзда: давалось генеральное сраженіе. Онъ живо описываетъ свою тревогу. Сначала онъ молчалъ. Потомъ или часы за часами, а митрополитъ не ѣдетъ. Проходитъ 8-й, 9-й, 10-й часъ, Фотій ждетъ съ нетерпѣніемъ, но никто не ѣдетъ. «Наступаетъ 11-й часъ. Фотій съ секретаремъ, сидя на оныя при ночномъ мракѣ, смотритъ, прислушивается къ каждому стуку, желая узнать, не ѣдетъ ли митрополитъ», но его нѣтъ. Проходитъ и полночь въ томительномъ и напряженномъ ожиданіи. «Фотій удивлялся, что это зна-

чить, что такъ долго его нѣтъ отъ царя: сіе никогда не бывало ни съ кѣмъ, чтобы въ полночь митрополитъ когда-либо какой-либо бывалъ у императора и по такимъ дѣламъ, наковы начинались». Секретарь высказалъ догадку, не засадили ли отца митрополита за усердіе куда-нибудь; а Фотій боялся, чтобы тотъ со страху не захворалъ. «Первый часъ по полуночи приходитъ, и при тихомъ сумрагѣ ночью, тихо Серафимъ митрополитъ ѣдетъ: кибитки всѣ его срѣгати; входя, онъ весьма былъ тихъ, мнренъ, но такъ молчаливъ, что ни слова не говорилъ: *весь онъ славы до ногъ мокоръ, онъ ліющаюся съ него пома: таковъ былъ потъ у него отъ сильного душевнаго и тѣлеснаго дѣйствія предъ царемъ, что аки бы изъ водоноса весь была облитъ*. Входя митрополитъ въ залу свое, вдохнувъ, сказалъ тихо: «все, слава Богу, хорошо. Слава Тебѣ, Господи!»—Перемѣнивъ бѣлье, онъ передалъ свой долгій разговоръ съ царемъ. Рискованное предпріятіе дало колпный успѣхъ, — сраженіе было выиграно. Фотій по пунктамъ передаетъ содержаніе этой продолжительной бесѣды у государя, конечно, заранѣе выработанной и подготовленной. Это былъ дѣльный громаднй доносъ. Вотъ что изъяснялъ митрополитъ государю въ секретной бесѣдѣ.

Первая опасность, которая будто бы угрожала царю и государству, это тайныя общества и собранія. Мѣры потребны здѣсь неотложныя и скорыя.

Библейское общество, «со всѣми заведеніями самое противозаконное сборище»; начальникъ его «въ еретическомъ платьѣ, мірской человекъ; направлено оно къ уничтоженію православія; составленное «изъ всѣхъ сектъ», оно служитъ ихъ распаднвому и распространяетъ «новую всемірную библейскую религію», «въ всеобщей нагубѣ и возмущеніи». Оно опасно и въ политическомъ отношеніи и «служитъ приуготовленіемъ къ всеобщей революціи».

Переводъ св. писанія на простонародное русское нарѣчіе ведетъ къ поколебанію вѣры. Толкованія же сего перевода (Госнера) направлены «противу догматовъ церковныхъ всѣхъ, противу Христа, Св. Троицы, противу таинства церковныхъ, службъ духовенства, правительства, всѣхъ званій и состояній гражданскихъ, противу власти царской, просиу всего правосврія». А между тѣмъ министръ оному покровительствуетъ и книги еретическія повсюду распространяетъ, и никто не протривается, «номинируя, что все это дѣйствуется не безъ воли высочайшей».

Сочиненія, издаваемые отъ библейскаго общества, суть самыя злоурядныя и еретическія.

Во главѣ всего вла: стоитъ князь Голицынъ. «Онъ разрушилъ явко церковную іерархію, ибо всездѣ первое иъего заимаетъ словомъ и дѣломъ»... «Управляя въ трехъ мѣстахъ, онъ дѣйствуетъ не въ единой цѣли, не на пользу вѣры и благочестія, а во вреду ихъ. Съ воли его переводятся и издаются книги явно богопротивныя и возмутительныя. Все переводится, сочиняется, печатается и вводится, что токмо можетъ быти новое противу св. церкви православнои, правительства, благочестія, порядка, блага народнаго»... «Дѣйствуя во вредъ церкви, вн. Голицынъ всѣхъ противниковъ стубилъ, сославъ ихъ въ мѣста отдаленныя»... «Вн. Голицынъ есть поборникъ всѣхъ ересей архоев. и враговъ вѣры: Кошелева, Феслера, Гвенера, Линдлея, Крюттера, Татаринской, Лабзина и всѣхъ еретиковъ», предоставилъ имъ полный просторъ.

Дѣйствуя во вредъ вѣры, вн. Голицынъ вредно вліяетъ и на все просвѣщеніе, поубывая всездѣ «разрывать и революцію».

Дѣйствуя во вреду іерархіи, вн. Голицынъ принимаетъ доносы на архіереевъ и «выдумалъ еще такой соблазнъ учинить», что печатаются разныя извѣстія о томъ, «что гдѣ дѣлаютъ священники, діаволы, гдѣ случились какіе соблазны, къ покаянію, что таково-то духовенство російское есть развратное, а что новое библейское собраніе есть лучшее».

Сила вн. Голицына такова, что даже митрополита стѣсняютъ въ дѣлахъ епархіи.

Къ униженію синода и усиленію своей власти, выдумалъ Голицынъ, кромѣ членствъ, вызывать въ засѣданіи синода архіереевъ для присутствія, и ревнителей удалять, а своихъ и Кошелева пріятелей выписывать.

Такова была многооудержательная бесѣда Серафима съ государемъ, въ ночь на 17 апр. 1894 г.

Черезъ три дня была назначена аудіенція и Фотію у государя, причемъ одѣлаво было распоряженіе явиться «съ секретнаго входа и тайною жѣлолицею къ нему въ кабинетъ, дабы сіе не было весьма гласно». Фотій выѣхалъ изъ дома гр. Анны въ каретѣ и тайно былъ проведенъ къ государю. Бесѣда его длилась три часа. Докладъ Фотія вторъ разъ былъ оудержаніемъ, но богаче изложенъ. — Фотій говорилъ съ свойственными ему духомъ истеричности, обличенія и угрозы, придавая всему поматическій характеръ. Содержаніе бесѣды также изложено Фотіемъ въ пунктахъ, и имъ передадимъ вратно содержаще ихъ.

1) Не всему царству «тайна великая беззаконія дѣется».

2) «Изготавливается всемірная монархія отъ нечестивыхъ, и»

для того новая вѣра распространяется подъ именемъ еднотѣрца норску».

3) «Тайныя общества стремятся ниспровергнуть существующія державы и для сего ослабить основы ихъ, и прежде всего ре- англю».

4) Такъ какъ въ Россіи не нашлось «зловѣра на пагубу отече- чства», то враги вѣры и церкви выписали иностранца «бунтова- щика, проклятаго пастора Госнера», жосто поддерживаютъ власти.

5) Для поколебанія вѣры и правительства, «подъ вліяніемъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія» печатались бес- бойныя толкованія и книги.

6) Издаваемые злоредныя книги имѣютъ цѣлію скорѣе «приуготовить нудныхъ участниковъ нечестія и приготавлиаь осо- бой влассъ людей къ революціи».

7) Многіе вельможи сему садѣйствуютъ.

8) «Все дѣлается въ тайнѣ; годъ и самое время, когда общае потрясеніе вдругъ надо проивести, извѣстны только членамъ тай- ныхъ обществъ».

9) Англійскіе методисты имѣютъ тайный заговоръ проивести въ Россіи переворотъ, пожаръ и революцію, «теперь уже дрова подкладены, и огонь поджидывается».

10) Зло сильно, а правительство безадѣйствуетъ, духовенство молчитъ, частію по страху, частію по лѣности.

11) Если вскорѣ не принять мѣры, то «всеобщее потрясеніе необходимо будетъ».

12) Мѣры надо принять «тихо, тайно, но вдругъ»; «надобно начинать не съ низа, а сверху; не съ послѣднихъ, а пораить самыя главы перныя, яко главныя орудія всего злаго дѣла: когда глава у ногъ отнята бываетъ, то все тѣло остается яко груаъ не дѣйствительно».

Итакъ, все вліяніе Фотія на государя было, очевидно, рас- считано на устрашеніе его опасностями политическаго характера. Серафимъ стоялъ «за вѣру, православіе, церковь, іерархію»; Фотій главною основой доноса дѣлаеть—политическіе заговоры, приготовленіе государственнаго переворота.

Донось Фотія проиваель, если вѣрнъ его же словамъ, сильное впечатлѣніе: государю казалось, что самъ Богъ послалъ ему спа- сеніе отъ страшной опасности. «Господи! коь ты милосердѣ ко мнѣ,—сказалъ онъ, молясь,—Ты мнѣ какъ прямо съ небесъ по- слалъ ангела своего святого (Фотія) возвѣститъ всякую правду и истину». Напуганный зловѣщими предсказаніями, государь, «не зналъ, что и какъ начать, а посему сказалъ Фотію, чтобы онъ

написалъ для совершенія намѣренія *въ дѣло пливъ о всемъ*. Этого-то и нужно было Фотію. Теперь нити дѣла были въ его рукахъ. Государь же, если вѣрить Фотію, совершенно упалъ духомъ, просилъ прочитать надъ нимъ молитву, просилъ благословить и разрѣшить его, кланялся ему въ ноги, «яко кающійся человѣку, Богу въ лицѣ человѣка поклонившійся», и далъ обѣщаніе зло все исправить.

Когда Фотій пріѣхалъ отъ государя, вонечно, прямо къ дѣвницѣ-дщери, то «онъ отъ главы до ногъ былъ, какъ водою, *потомъ смоченъ*, и не простъ потъ, а *яко кровью* все одѣяніе его нижнее облилъ». Перебѣнивъ у гр. Анны свое «нижнее одѣяніе» и надѣвъ чистое бѣлье, какъ говорится въ рассказѣ Фотія, отправился онъ къ митрополиту, «гдѣ еще внизу сръгаемъ былъ отъ его вѣрныхъ и искреннихъ», и когда онъ сообщилъ «во внутренней келліи» ходъ дѣла и результаты его, то радость несказанная ихъ объяла обонхъ.

Да и какъ было не радоваться: дѣло близилось къ исходу. Однако, несмотря на сильное впечатлѣніе этихъ двухъ бесѣдъ, государь, какъ оказалось, вовсе не хотѣлъ предпринимать крутыхъ мѣръ и, надѣясь еще какъ-нибудь уладить дѣло, послалъ своего довѣреннаго, любимца гр. Аравчеева, переговорить съ митрополитомъ о дѣлѣ обстоятельнѣе, въ присутствіи Фотія. Можно сказать, что присутствіе послѣдняго спасло начатое дѣло. Сначала митрополитъ стоялъ на своемъ, но потомъ ослабѣлъ въ доводахъ. «Тогда, — пишется въ рассказѣ объ этомъ свиданіи, — митрополитъ смотрѣлъ Фотію въ лицо, и не зналъ, что дѣлать и сказать еще ему». Фотій даже всталъ, говоря свою обличительную, желчную и проникнутую фанатизмомъ рѣчь. Она возбудительно подѣйствовала и на митрополита, который на приглашеніе Фотія лучше идти въ заточеніе, чѣмъ помириться съ врагомъ, снялъ свой бѣлый клобукъ и просилъ передать государю: онъ скорѣе откажется отъ сана, чѣмъ помирится съ кн. Голицынымъ, какія бы тотъ ни сдѣлалъ уступки. Въ сущности Аравчеевъ и самъ былъ не противъ крутыхъ мѣръ, но государь, тридцать лѣтъ сохранявшій любовь къ кн. Голицыну, хотѣлъ пощадить его ¹⁾. Свиданіе и бесѣда гр. Аравчеева съ митрополитомъ, при участіи Фотія, рѣшили исходъ дѣла.

Вскорѣ послѣ этого свиданія государь передалъ военному

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (1778—1844 г.), былъ съ дѣтства со- товарищемъ дѣтскихъ игръ имп. Александра Павловича. Отсюда расположеніе къ нему императора, который сдѣлалъ Голицына оберъ-прокуроромъ синода, главно-управляющимъ почтовыхъ департаментомъ и министромъ народнаго просвѣщенія.

губернатору, гр. Милорадовичу, доносъ Фотія о зловредности книги Госнера, для разсмотрѣнія въ комитетѣ министровъ. Послѣдній призналъ доносъ справедливымъ, почему указомъ 25 апр. Госнеръ тогда же былъ высланъ за границу.

Въ то же время случилось у кн. Голицына съ Фотіемъ скандальное происшествіе, надѣлавшее много шума въ столицѣ и ускорившее паденіе министра.

Съ каждымъ признакомъ новаго успѣха Фотій дѣлался нетерпимѣе и нахальнѣе. Кн. Голицынъ, до сихъ поръ не считая его своимъ врагомъ, въ виду событій при дворѣ, желая что-нибудь узнать о дѣлѣ, являлся къ Фотію два раза—23 и 25 апр. Въ оба эти свиданія Фотій обошелся съ княземъ грубо ¹⁾.

Все это, вонечно, крайне раздражало князя, недавно всемогущаго, да и теперь еще увѣреннаго въ себя. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ Госнера за границу, по тайному докладу Фотія государю, показало кн. Голицыну, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и кто его непримиримый врагъ. Случилось, что въ это время кн. Голицынъ встрѣтился съ Фотіемъ у гр. Анны, гдѣ Фотій былъ полнымъ хозяиномъ. Хозяйки не было дома. У двухъ враговъ завязался крупный разговоръ. Голицынъ отстаивалъ Госнера. Фотій, выходя изъ себя, отвѣчалъ проклятіями. «Падешь ты, — говорилъ онъ князю, — и вси съ тобою падуть: видѣлъ сатану, яко молнію спадша съ небесе. Уста моя глаголють тебѣ: но сія уста, яко *Господня*, ты вмѣняй: когда азъ тебѣ глаголюй есмь, есть тебѣ *Господь во мнѣ глаголюй*». «Гордился еще болѣе о силѣ адской человѣкъ, князь, малъ предъ Богомъ, возъярися яростію и закричалъ: «что ты глаголешь? Не хочу слушать твоихъ словесъ: яму ты, Фотій, глаголешь. Я истину знаю самъ и глаголю». На это Фотій, совершенно выйдя изъ себя, отвѣчалъ *анаемой князю*, и высказавъ ему зловѣріе его, воскликнулъ: «да не будетъ тебѣ бѣды на землѣ, то азъ простираю руку мою къ небу: и се, судъ Божій на тебя изрекаю единъ, когда тебя вси ублажаютъ за нечестіе: много ли васъ? Темы ли темъ без-

¹⁾ Изложеніе обонхъ этихъ свиданій было сдѣлано Фотіемъ для государя, въ свое оправданіе, и было представлено ему 26 апр. Здѣсь говорится, будто въ отвѣтъ на обличенія Фотія князь сказалъ: „что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія *сформированы уже для революцій*“, причемъ будто бы ссылался на волю государя, который „будучи одного съ нимъ духа, *самъ того желалъ*“, а теперь-де поздно. Фотій же-де за упорство Голицына грозилъ ему судомъ Божиимъ (*Дет.*, III, 78 на обор.). Изложеніе это мало заслуживаетъ довѣрія. Свиданія эти были на-единѣ и, вонечно, Фотій писалъ о нихъ что хотѣлъ, такъ какъ кн. Голицынъ вовсе не зналъ объ этихъ запискахъ.

численныя? Не превратитъ васъ Господь Богъ въхъ и потребить вскорѣ! *Анаема!* Да воскреснетъ Богъ и расточаетъ врази Его!..»
 «Услышавъ гласъ сей, князь, возмекновенъ, побѣждалъ воиъ во гнѣвъ и ярости, яко лишенъ ума; азъ же во слѣдъ ему возгласилъ: «ежели ты не покаешься и вси со тобою не обратятся, *анаема встѣ!* Ты же яко вождь нечестія, не узрѣши Бога, не увидеши въ царствіе Христово, а спидеши во адъ и вси съ тобою погибнуть во вѣкъ! *Аминь!*»

Когда послѣ этой сцены пріѣхала дочерь-дѣвица и услышала, что у нея въ домѣ произошло, она пришла въ ужасъ. «Фотій же, по его словамъ, *скача* и радуясь, воспѣвалъ пѣснь сію: Съ нами Богъ!»

Случай этотъ еще могъ бы остаться не замѣченнымъ, такъ какъ онъ происходилъ съ глазу на глазъ; но, съ одной стороны, самъ Фотій всячески старался придать ему извѣстность ¹⁾, съ другой — кн. Голицынъ, въ раздраженіи, неблагоуразумно самъ далъ ему ходъ, подавъ на Фотія просьбу государю. Когда разнеслось по всей столицѣ, что министръ духовныхъ дѣлъ предавъ *анаемъ* за вѣру, то и для государя было уже неудобнымъ удерживать его на этомъ постѣ. «Государь, читая жалобу князя, смутился, оскорбился»; а въ это время друзья Фотія — Гладковъ оберъ-полиціймейстеръ и «любимецъ-вельможа» Уваровъ отставали его и настроивали государя въ устраненію кн. Голицына, выставляя на видъ всеобщую извѣстность происшедшаго скандала. Серафимъ, разумѣется, прислалъ благословеніе за анаему Фотію. «Что сдѣлано, — сказалъ онъ, — передѣлать нельзя, а *добро* будетъ отъ сего: ежели правды ради царь въ тайнѣ не хотѣлъ любящаго своего отвергнуть, то теперь стыда ради, *какъ проклятаго*, долженъ отъ себя удалить» ²⁾).

Молва по городу росла, вызывала самыя разнородныя пред-

¹⁾ Фотій подробно описываетъ, какъ по Петербургу распространялся слухъ объ анаемѣ его. Сперва пришла къ гр. Аннѣ какая-то «боларыня Параскева мудрая», которая, услышавъ о скандалѣ, поторопилась уйти, «думая, что скоро вѣстникъ отъ царя придетъ и ятъ будетъ Фотій въ заточеніе». Потомъ приходитъ «нѣкій ревнитель соучастникъ (?) въ дѣлѣ семь боларинъ». Послѣ бесѣды съ Фотіемъ, *бжжаль* сей мужъ боларинъ по граду и *пронесъ слухъ*, что Фотій князь Голицына *проклятаго* предалъ. «Шумъ великій сотворился по всему царствующему граду тотчасъ. Ангели Господни, по слову содѣянной, слухъ Господень большій винушили: и весь градъ молвилъ: паде, паде, паде сатана-человѣкъ и ангели его, дѣволы-человѣки съ нимъ падохъ». *Домъ*, III, 79—80.

²⁾ Фотій никакъ не могъ объяснить 80-лѣтнюю привязанность государя къ кн. Голицыну тѣмъ, что-де «князь былъ государя любивецъ и соучастникъ въ однихъ (?) тайныхъ дѣлахъ, о нихъ же не дѣтъ есть и глаголата». *Домъ*, III, г. 79 на обор.

положенія и объясненія, всё въ направлешии ожидали, чѣмъ окончится дѣло и кому придется расклебивать заваренную кашу. Въ это время Фотій показывал находчивость и энергію въ своемъ дѣлѣ. Помня пословицу: «куй желѣзо, пока горячо», онъ, дѣйствуя по горячимъ слѣдамъ и не жалея, чтобы прошло созданное предшестующими бесѣдами настроеніе государя (29 апр. 1824 г.) изготовилъ къ нему *посланіе*, въ которомъ оглашаетъ уже совершенно прямо имена лицъ, яко бы враждебныхъ самому государю и вѣру врамольниковъ, влагаетъ ихъ «планъ разоренія Россіи» и свой «планъ и способъ, какъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо»; оба эти плана и посланіе съ приложеніемъ книги о масонскихъ ложахъ и объ умыслѣ, открытомъ въ Англии, «какъ въ Россіи революцію учинить», все передалъ тайно государю. Замѣчательно, что «все это Фотій творилъ теперь тайно даже отъ митрополита Серафима, ибо онъ часто робѣя въ настоящей истинѣ, Фотію пренналъ и духъ его смущалъ», и, узнавъ о посланіи, говорилъ Фотію: «Я бы тебѣ не далъ благословенія писать: ни силъ, ни вѣрности тако во мнѣ не достало бы дѣйствовать».

Но Фотій не остановился на этомъ. Къ 7-му мая изготовилъ онъ новое посланіе царю «сильное» и составилъ «апологию», то-есть, «раскрытіе плана революціи, обнаруживаемой, или тайни беззаконія дѣемой и показанной въ книгѣ «Побѣдная новѣсть», тайными обществами». И это посланіе, какъ предидущія, секретно было передано государю черезъ Уварова.

Въ посланіяхъ этихъ Фотій обнаружилъ тонкій дипломатическій тактъ. Дѣло въ томъ, что Александръ I-й сначала дѣйствительно сочувственно относился къ тому, что теперь преслѣдовалось, а поэтому обличенія надо было писать осторожно, выдѣлая изъ нихъ участіе самого государя. Такъ именно и поступалъ Фотій. «Нужно было царю, — говоритъ онъ, — не дѣлая обличенія, *въ постороннемъ судѣ*, ясно и просто изложить главные догматы антихристіанскіе, дабы онъ, читая, самъ себя какъ въ зеркалѣ увидѣлъ, увѣрился въ истинѣ и заблужденіи»; Фотій говоритъ, что въ апологій «покрывалъ царя», и потому весьма надѣялся, что «падетъ столбъ злобы».

Ожиданія сбылись. На Вознесенье, 15 мая 1824 г., государь лично прислалъ митрополиту свое повелѣніе, которымъ не только увольнялся князь Голицынъ отъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, но и самое министерство духовныхъ дѣлъ закрывалось. Фотій поэтому наполняетъ нѣсколько страницъ автобіографіи приложеніемъ своихъ чувствъ и горестей.

Побѣда была одержана. Однако нельзя сказать, чтобы она дешево досталась побѣдителю и была окончательною. Еще много предстояло труда впереди, еще много грозило опасностей въ будущемъ; да и настоящее заключало въ себѣ еще много сомнительнаго. Врагъ низвергнуть; но неизвѣстно, какъ государь смотритъ на побѣдителей, въ виду необычно-рѣзкихъ формъ столкновения Фотія съ бывшимъ любимцемъ государя, которому онъ вѣрилъ 30 лѣтъ.

«Отъ усилій, истощеній, оскорбленій и тѣлесныхъ немощей, — говорится въ автобіографіи, — Фотій весьма ослабѣлъ, такъ что безъ двухъ теплыхъ шубъ въ мѣѣ мѣсяцѣ не могъ въ каретѣ ѣхать по Петербургу; не смѣлъ уже писать императору о себѣ, дабы уволилъ хотя на нѣсколько дней выѣхать въ Новгородъ».

Не мало безпокойствъ причиняла Фотію мысль объ отношеніи Филарета московскаго къ падшему министру, которому Филаретъ многимъ былъ обязанъ и къ которому онъ и по паденіи оставался въ пріязненныхъ отношеніяхъ. По этому случаю Фотій высказываетъ самыя грязныя и невѣроятныя обвиненія на Филарета до «хулы на пресв. Богородицу», усвоивъ ему даже политическія разрушительныя цѣли. Въ то же время слухъ прошелъ, что государь и дѣйствительно крайне недоволенъ Фотіемъ, защищавшимъ не дѣло церкви, а мстившемъ князю за свои личные неудовольствія, и находилъ поступокъ Фотія несогласнымъ съ духомъ любви евангельской. Фотій все это приписывалъ Филарету, а мнительность усиливала его болѣзнь.

Между тѣмъ, дано было знать, что государь лично желаетъ выслушать оправданіе Фотія, почему онъ долженъ былъ безвыѣдно больной жить въ Петербургѣ; но дни за днями уходили, а о Фотіѣ точно забыли во дворцѣ.

Конечно, прежде всѣхъ на помощь Фотію явилась «дщерь-дѣвица». Она писала о Фотіѣ письмо въ государю, который въ отвѣтъ почтилъ ее своимъ посѣщеніемъ.

Фотій воспользовался этимъ, и предъ его пріѣздомъ къ гр. Аннѣ, добылъ гдѣ-то французскую книгу, гдѣ говорилось, что «миръ съ Франціей не надолго; революція, бывшая въ ней, есть токмо образчикъ всеобщей революціи въ государствахъ, и что оная вскорѣ изъ Россіи будетъ. Эту книгу Фотій велѣлъ положить на видное мѣсто, и когда государь будетъ, какъ-бы нечаянно показавъ ему ту страницу. Расчетъ Фотія былъ простъ, и онъ достигъ цѣли. Дѣйствительно, когда гр. Анна въ разговорѣ подложила ему эту книгу и государь прочелъ отиѣченное Фотіемъ мѣсто, то — пишетъ Фотій — «на него такое политическое дѣй-

ствіе и умншленіе богѣе имѣло вліяніе, нежели самое благо деревнi всей». Александръ успокоилъ графиню за Фотія и даже замѣтилъ, что безъ его твердости Серафимъ самъ не въ состояніи былъ бы вести это тяжелое и непріятное дѣло. По этому случаю Фотій изъясняетъ, что онъ всегда себя скрывалъ, а все усвоилъ митрополиту и «всѣмъ говорилъ, что онъ (Фотій) «ничтоже есть»: «онъ есть послѣдняя *бумарушечка* (подчернуто въ подлинникѣ); и человекѣ яво глухой, грѣшный, больнй, что можетъ смыслить? Его ли дѣло? На то есть митрополитъ» и пр. Фотій увѣряетъ, что будто бы разные еретики *милліоны* общали тому, кто его изведетъ; но Промыслъ-де хранилъ его. Поддержанный мыслью, что внѣшняя холодность государя къ нему есть только декорумъ, а въ сущности ему бояться нечего, Фотій прилагаетъ всѣ усилія, чтобы «дѣйствіе на императора протяву сомнѣнща зловѣрныхъ было *различное и непрестанное*», и по этому случаю дѣлаетъ характеристики своихъ сотрудниковъ, которыми онъ постоянно располагалъ. Такимъ образомъ оказывается, что, кромѣ простодушнаго *Серафима*, органами вліянія Фотія у государя были военный генералъ-губернаторъ *Милорадовичъ*, оберъ-полиціеимейстеръ *Гладковъ*, начальникъ гвардіи *Уваровъ*, новый мин. проsv. адмиралъ *Шмиглевъ*, директоръ кн. *Шаринскій-Шизматовъ*, служившій при синодѣ нѣкто *Павловъ*, извѣстный *Матвицкій*, всемогущій *Арамисовъ* и больше всѣхъ такъ же сильная при дворѣ гр. *Анна Орлова-Чесменская*. Въ средѣ духовенства Фотій положительнo не находилъ себѣ сочувствія, и отъ дѣла его, какъ очень грязнаго и темнаго, по собственному свидѣтельству Фотія ¹⁾, сторонились почти всѣ. Фотій упоминаетъ только объ единственномъ протопресвитерѣ, который составлялъ «апологію на книгу *Воззваніе*», но самъ же говоритъ — есть слухъ, что этотъ іерей «неправдою собралъ себѣ богатство и упованіе свое возложилъ на него, а не на Бога жива». За то и достается же духовенству отъ Фотія въ его автобіографіи!

Характеристики Фотія его сотрудниковъ представляютъ мале интереснаго, — онѣ не глубоки, даже очень поверхностны и состоятъ болѣе изъ общихъ фразъ, безъ фактовъ.

О «Шмиглевѣ-старцѣ» Фотій говоритъ, что это «вельможа; не простой человекѣ, сначала образовался въ военномъ искусствѣ»; «прозорливъ», «вѣренъ», «преданъ», «развитель», «краснорѣчивъ и благогласенъ», «енатокъ наукъ безъ примѣса зловѣрія», «ученъ и благонамѣренъ» — вотъ качества, его характеризующія. Шмиг-

¹⁾ Автоб., л. 114.

вовъ имѣлъ сильное вліаніе на м. Серафима, а на государя вліялъ черезъ Аракчеева, съ которымъ былъ друженъ. Кн. Ширинскій-Шихматовъ, по Фотію, такъ же былъ «ревнитель православія», «кротокъ, тихъ, правдивъ, честенъ», «отличныхъ дарованій», «многосвѣдущъ», «смирень, пріятель, сладокъ въ рѣчахъ, добродѣтеленъ, прозорливъ, благогласенъ, правовѣренъ, благочестивъ», «въ служителямъ церкви почитателенъ», «свѣдущъ въ писаніи» и пр.; «Шиншову-старцу отъ Бога былъ данъ, яко правое око, правое око, правая рука, они были оба едины, а не два всегда». Уваровъ — «мало разумѣлъ по учености земной»; «по природѣ былъ скромнъ и скрытенъ». Онъ служилъ только для передачи всѣхъ доносовъ и тайныхъ бумагъ Фотію государю.

Милорадовичъ и Гладковъ свѣдѣнія получали отъ Фотія и ему свои сообщали. Гладковъ «доносилъ обо всѣхъ новняхъ злодѣрія и враговъ общихъ: иныхъ же орудіемъ силы своея послѣжалъ совершенно»...

Павловъ, служа при синодѣ, былъ тайнымъ агентомъ Фотія и сообщалъ ему свѣдѣнія секретно о библейскомъ обществѣ; затѣмъ онъ же «за Госнеромъ не опустительно назиралъ», въ роли полицейскаго шпиона, «въ чему имѣлъ способность».

Относительно Аракчеева въ «Собраніи документовъ»¹⁾ находится любопытная «Записка Фотія, поданная государю о графѣ Аракчеевѣ». Это — аттестатъ благонадежности, выданный царскому любимцу отъ фанатика-монаха, который, самъ служа дѣламъ Аракчеева, въ то же время пользовался случайнымъ человѣкомъ и для собственныхъ цѣлей. Фотій награждаетъ Аракчеева массою эпитетовъ: «вѣренъ, правдивъ, преданъ, мудръ, разуменъ; любимый народомъ, онъ есть правое око царя, столпъ отечества, и таковыя люди вѣками рождаются»; «кромѣ добра въ немъ ничего нѣтъ»; «ему можно все повѣрить и съ помощію Божіею онъ все можетъ дѣлать».

Изъ противниковъ Фотія болѣе другихъ дѣстаетъ митрополиту Филарету и пр. Павскому. О послѣднемъ Фотій говоритъ, что онъ «чуждъ благодати и истины; сей человѣкъ есть суемудръ, живеть, дѣйствуетъ и учить по мудрованію плоти». Главная вина обоихъ — переводъ св. писанія и сочувствіе библейскому обществу.

Фотію едва ли не сдѣлось безъ дѣла. Въ 14-му іюня 1824 г. онъ готовилъ къ государю новое посланіе, при которомъ препроводилъ сообщеніе «о числѣ звѣрномъ» (666) и «Обозрѣніе плана революціи, или тайны баваронія, дѣемой иныи въ Россіи

¹⁾ Листъ 142, на оборотѣ.

и вездѣ». Въ первой запискѣ, Фотій изъясняетъ каббалистическое исчисленіе, по которому 1836 годъ считался апокалипсическимъ годомъ. Цифра 1836 состоитъ изъ двухъ чиселъ 18 и 36. Но 18 есть сумма числа звѣрина (6+6+6); а «36 есть число звѣрино 6, трикратно составляющее и на себя самаго помноженное»¹⁾. Въ этомъ и все изъясненіе, а затѣмъ слѣдуютъ обычные воззванія къ реакціи.

О томъ же предметѣ передана была Фотію тайно государю еще записка 6 авг. 1824. Здѣсь, кромѣ приведеннаго изъясненія, раскрываются «возни» англичанъ черезъ библейское общество, говорится объ ожидаемомъ «самованцѣ лже-мессіи», указывается на участіе въ семъ дѣлѣ жидовъ и колонистовъ и пр.; въ концѣ выводъ: «изъ Англій адъ весь плыветъ черезъ проливъ библейскаго общества»²⁾.

О томъ же раскрывается и въ посланіи: «О революціи подъ именемъ тысячелѣтняго Христова царствія, готовимой въ 1836 г. въ Россіи чрезъ вліяніе тайныхъ обществъ и англичанъ-методистовъ».

Здѣсь говорится о *гиліастахъ*, о чувствѣнномъ характерѣ ихъ царства, о Кромвелѣ, о мятежникахъ, карбонаріяхъ, еретикахъ, вольнодумцахъ и т. д. Въ заключеніе Фотій славитъ Бога, что главная опасность удалена и теперь «отдалится, угаснетъ и болѣе не будетъ, если и еще мѣры малы возьмутся».

Объ вышеупомянутыхъ работѣ были обычно тайнымъ путемъ доставлены государю, который однако все еще не вызывалъ къ себѣ Фотія, не показывалъ признаковъ, что извинитъ его дерзость въ отношеніи Голицына. Это ли обстоятельство, или другія соображенія вызвали Фотія представить черты своего времени въ видѣ общей картины, выражающей упадокъ религіозности современнаго ему общества. Въ картинѣ этой есть нѣкоторыя довольно любопытныя подробности, хотя обличительно-полемическій тонъ остается тотъ же самый.

Прежде всего Фотій останавливается на манерѣ въ то время вѣхъ въ *иностраниахъ*. Дворъ былъ переполненъ нѣмцами; воспитаніе было вѣрено иностранцамъ почти у всѣхъ; въ учебныхъ заведеніяхъ первые образователи французы, иногда ссильные; гувернеры-иностранцы. «Многихъ знатныхъ казалась родня не здорова, вредна, несносна», и вотъ, шатаясь по разнымъ землямъ, они проживали и состояніе и здоровье «на теплыхъ водахъ».

¹⁾ *Аст.*, III, 190.

²⁾ *Тис.*, III, 147.

А въ то же время «торгаша англичане, сребролюбивѣе недугующе, жида и нѣмца, грабили русскія богатства у насъ дома». «Петербургъ представлялъ общее смѣшеніе: почти не можно было узнать, какая въ немъ вѣра, какой языкъ, какой народъ». Какъ признакъ разврата, Фотій отмѣчаетъ введеніе институтовъ и пансіоновъ.

Вотъ и другіе пункты обвиненія:

Проповѣдь потеряла всякое значеніе: «во дворѣ ее совсѣмъ вывели».

Вмѣсто древняго столповаго завели *театроподобное пѣніе* и ввели соблазнительныя пѣсни, а пѣвчихъ одѣли «въ еретическія одежды польскія и нѣмецкія».

Проповѣдь сказывали и *сѣтскіе* люди, въ стіхарахъ, постриженные и бритые, или «имѣющіе власы свои на подобіе свѣтскихъ шаголей хитро устроившіе», во смѣху и соблазну народа.

Службы всячески сокращались, нѣныя молитвы выбрасывались.

Обители постепенно сокращались и вступленіе въ монашество затруднено условіями извѣстныхъ лѣтъ и разрѣшенія синода. Монастыри лишены права пріобрѣтать угодья безъ высшаго разрѣшенія.

«Въ случаѣ преступленія, хотя бы монахъ былъ, завели обычай отдавать въ воинскую службу или въ ссылку ссылать, съ правомъ жену себѣ тамо избрать».

Настоятелей и архіереевъ, ради повышенія, съ мѣста на мѣсто переводятъ, и многіе «съ мѣста на мѣсто, какъ птицы, перелетаютъ, отъ низу на высоту, по классамъ и степенямъ», отчего «нигдѣ, по краткости своего пребыванія, гдѣ-то себѣ свить не могутъ и добра сдѣлать». — «Многіе архіереи живутъ и о томъ одномъ мнятъ, чтобы съ одной епархіи сворѣе на высшую, обильнѣйшую и лучшую перейти, или въ члены синода понасть». Отъ этого «противнаго духу штатамъ главнаго пастырскаго», многіе архіереи «живутъ не какъ пастыри добрыя церкви, архіереи Божіи; нѣныя безстрашно ядятъ мяса, какъ мірскіе, во св. даже постъ не хотятъ безъ рыбы жечь самой вкусной и хорошей; безъ вина никогда не садятся за столъ; отъ елѣи и вина никто ни волиже не думаетъ воздерживаться».

Вмѣсто отреченія отъ міра, монахамъ даютъ разныя должности въ консисторіяхъ, въ правленіяхъ и даже въ свѣтскихъ мѣстахъ, «всего протіву обѣтовъ и цѣли монашества».

Мірскіе люди живутъ какъ язычники: пьютъ, ѣдятъ, въ храмъ не ходятъ, посты не хранятъ, «свободно чады своихъ въ зловѣріе отдають: театры, комедіи, маскарары, парады, конскія риста-

ня, собачьи охоты, забавы птичьи, книги вольнодумныя, сказки, романы, земныя бредни, карты, бостоны, гусли, музыки, пиры, балы, собраніе ворысти, лихоимство, воспитаніе по нѣмцамъ, по французскя, плотское и дѣвольское дѣло и обученіе есть управленіе многихъ знатныхъ людей во всю ихъ жизнь».

Не довольствуясь религіозно-политическими соображеніями, Фотій вмѣшивался и въ финансовыя вопросы. Въ «Собраніи документовъ» помѣщена «копія съ записки о ввозѣ и приѣмѣ золотой монетою суммъ въ Россіи и о выгодахъ и удобствахъ банковъ заграничныхъ обществъ выдавать ссуды подъ залогъ имѣній знаменитыхъ російскихъ бояръ (1825 г.), съ опровержительною запискою Фотія»¹⁾.

Въ этихъ двухъ документахъ дѣло идетъ о проектѣ международнаго банка съ цѣлію открыть громадный (одному лицу не менѣе милліона р.) кредитъ крупнѣйшимъ изъ нашихъ землевладѣльцевъ. Агентомъ предполагаемаго учрежденія былъ нѣкто Фуанъ—итальянецъ («не жидъ ли?»—спрашиваетъ Фотій), у котораго «черезъ подсыльнаго» получена обстоятельная записка о банкѣ. Фондъ банка предполагался въ 300 милліоновъ.

Авторъ записки, т.-е. Фотій, видѣлъ много зла въ этой операціи. Во-первыхъ, имѣнія нашихъ аристократовъ перейдутъ въ руки иностранцевъ, и они станутъ нашими всемогущими арендаторами, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилятся наплывъ безвѣрія.

Съ иностранцами нахлынутъ «жиды», какъ было то при Мономахъ, «когда оныя жиды и жидовскую вѣру завели на Руси». Отъ жидовъ разореніе, отъ дояговъ обдѣльніе и будетъ государству нищета и общее разореніе. Иностранцы явятся господами у насъ и мисіонерами зловѣрія.

Дѣйствіе тайныхъ обществъ усилятся и обратятся въ неудержимый разрушительный потокъ. Особенно энергически возстаетъ Фотій противъ евреевъ: «Если въ обществѣ, учреждающемъ новый банкъ, есть и жиды, и будутъ (они) содержатели конторъ и управители, то безъ тѣла господъ и земѣльниковъ жиды и прочіе сдѣлаются навсегда господами и помѣщиками,—и лишь бы начало сдѣлать теперь, а то все можно сдѣлать со временемъ тайно и явно деньгами. Ничто такъ въ убожество государство привести не можетъ, какъ жительство христоубійцъ-жидовъ въ государство».

Среди всѣхъ этихъ размышленій и удивленій, Фотій получилъ, наконецъ, желанное и вмѣстѣ опасное приглашеніе — секретно

¹⁾ Собр., I, 48—58.

явиться во дворець. Съ обычнимъ приготовленіемъ и молитвою отправился Фотій къ государю. — Царь встрѣтилъ Фотія холодно и сурово началъ говорить ему «отъ писанія, что онъ не имѣлъ права поступить такъ съ вн. Голицыннимъ, предавая его анасемѣ». Едва Фотій раскрывалъ ротъ для оправданія, государь заставлялъ его молчать, и около получаса горячо раскрывалъ нехристіанскій образъ его поведенія. Фотій испытывалъ глубокія страданія. Лицо государя было гнѣвно, слово было грозно, повелительно. Фотій старался на него не смотрѣть. Рѣчь свою государь прерывалъ лишь неоднократно вопросомъ: «понимаетъ ли Фотій, что говорить ему царь». Фотій смиренно молчалъ и ожидалъ. — Высказавшись, облегчивъ душу, царь ожидалъ оправданія. Фотій былъ готовъ. Сказавъ о своей ревности, онъ перешелъ къ обычной темѣ о зловѣрїи и политическихъ опасностяхъ государства. При этомъ Фотій сослался на св. Николая, который-де «ударилъ Арія въ лицо за дерзкую ложь, за что, нарочито прибавилъ онъ, отцы судили лишить ревнителя сана»... «Видишь, простодушно перебилъ царь, что съ Николаемъ сдѣлали!» Но Фотій заранѣе рассчитывалъ на такое замѣчаніе, и имѣлъ на-готовѣ ловкій отвѣтъ: «отцы судили, а Богъ прославилъ его». Царь удивился. Тогда Фотій полѣвъ за *голеннище*, вытащилъ заранѣе заготовленный объ этомъ случаѣ листъ, вырванный изъ житія св. Николая, и далъ царю прочесть. Царь, прочитавъ, «устыдился», — невѣстно чего. Но Фотій сталъ на ноги. У него было еще много запасено эффектовъ подобнаго рода. Говоря о зловѣрїи и заговорахъ, Фотій то-и-дѣло представлялъ разные выписки и листки въ доказательство, вынимая ихъ изъ-за голенища, изъ обоехъ рукавовъ и даже изъ-за пазухи. Тутъ былъ свой расчетъ. Впрочемъ, пусть лучше самъ Фотій расскажетъ, чѣмъ онъ сумѣлъ поразить «царя кроткаго, премудраго, благочестиваго»: «Многая словеса глаголю съ дерзновеніемъ царю, внималъ Фотій хартіи печатныя для доказательства всего, то изъ-за рукава праваго, то лѣваго, то изъ-за сапоговъ, гдѣ были на случай разные листы, выдранные изъ книгъ, сокрыты непримѣтно: царь сему удивился. Между тѣмъ какъ пошелъ Фотій и въ пазуху доставать еще прилучившуюся подобную хартію, царь, внимательно все примѣчая, замѣтилъ гѣчто необыкновенное, и, движимъ любопытствомъ, бросился, раскрывъ грудь Фотія, осмотрѣть, и узрѣлъ, что Фотій во власникахъ, желѣзныхъ веригахъ, и зря нагу грудь его, увидѣлъ язву глубокую на шей по средѣ». Эффектъ вышелъ полный, на что, очевидно, и рассчитывалъ пронзительный фанатикъ: «царь былъ пораженъ, тронуть, и яко отъ огня велиаго,

возгорѣлся отъ стыдѣнія» и проч. Словомъ, Фотій сыгралъ свою роль такъ мастерски, что царь по прежнему становился будто предъ нимъ на колѣни, молилъ о разрѣшеніи, кланялся въ ноги и пр., разумѣется, если можно только вѣрить разсказу такого историка, какъ Фотій.

Отъ государя термещующій Фотій отправился въ «дщери-дѣвицѣ», опять «весь въ великомъ потѣ, яко бы весь былъ съ кровію смѣшанъ; таковой потъ произошелъ отъ тѣлесной слабости и отъ усилія въ подвигѣ противу царя и отъ того, что стрѣлы отъ словъ царскихъ глубоко пронзали сердце его, и онъ былъ готовъ на всякъ часъ въ заточеніе». Серафимъ подвинулся Фотію, благословилъ его, но удерживать не сталъ. На другой день, предъ отъѣздомъ въ Новгородъ, зашелъ онъ къ митрополиту и «подслушивая его молитву», убѣдился, «что поминаетъ онъ въ молитвахъ своихъ многихъ мірскихъ; а Фотія не поминаетъ, между тѣмъ какъ ему говорилъ, увѣряя, что онъ молится о немъ всегда; Фотій же въ молитвахъ его нуждался».

Передавъ порученіе государя о вызовѣ митрополита Евгенія въ синодъ, Фотій отправился на повои въ свой Юрьевъ монастырь, достраивать храмъ Спасу, въ честь побѣды надъ врагами.

Но по всему было видно, что пѣсня Фотія была свѣта. Правда, онъ еще разъ былъ у государя, и черезъ гр. Аракчеева получилъ даже разрѣшеніе всегда являться по желанію своему въ Петербургъ; разрѣшеніе это выхлопотано было гр. Аракчеевымъ, вѣроятно, велѣдствіе жалобы Фотія на то, что митрополитъ очень неохотно и медленно даетъ ему разрѣшеніе на вѣздѣ въ столицу. Не даромъ Фотія вводили въ государю всегда секретно, по темнымъ лѣстницамъ («днемъ съ огнемъ»),—дѣло его было темное и темными средствами и путями велось. Быть можетъ, стыдился его и митрополитъ Серафимъ, котораго Фотій увлекъ на путь нетерпимости и тайныхъ подкоповъ противъ врага. Не удаленіи кн. Голицына, въ виду примирительнаго настроенія государя, не было ни нужды, ни возможности продолжать ожесточенную борьбу далѣе. Ее вели другіе.

Что самъ государь, несмотря на всѣ уловки, эффекты, махинаціи Фотія, мало вѣрилъ въ чистоту его побужденій, а поступокъ его съ кн. Голицынскимъ усвоивалъ личному раздраженію, это заявляетъ и Фотій, который по этому поводу, для своего оправданія, писалъ особую записку, гдѣ показывалъ, что и ранѣе, еще въ 1817 г., онъ уже дѣйствовалъ противъ аловѣрія, не касаясь кн. Голицына. Записка эта подъ названіемъ: «Дѣла убогаго Фотія съ 1817 по 1824 годъ противу тайныхъ обществъ»,

была доставлена государю 17-го июня, значить, через 4 дня послѣ свиданія съ государемъ, гдѣ Фотій такъ эффектно выставилъ свое подвижничество.

Послѣ этой записки Фотій былъ приглашенъ гр. Аракчеевымъ въ Грузино, гдѣ и получилъ увѣреніе, что ему болѣе не должно опасаться неудовольствій за анахоретство на вв. Голицына.

Но Фотію не жилось спокойнѣе въ Юрьевѣ монастырѣ. Ему не давала покоя мысль, что библейское общество живетъ и дѣйствуетъ, несмотря на всѣ махинаціи враговъ его. Зная, по опыту, что политическія инсинуаціи самыя дѣйствительныя, онъ прежде всего старался увѣрить всѣхъ, что общество служитъ тайными цѣлями англичанъ, желающихъ произвести въ Россіи революцію и истребить вмѣстѣ съ монархіей и православіемъ. Онъ писалъ въ этомъ духѣ митрополиту, министру Шашкову, гр. Аракчееву, вельможамъ, и, видя безсиліе посланій, составилъ записку «о дѣйствіи тайныхъ обществъ на Россію черезъ библейское общество», которую и передалъ государю. Въ это-то время Аракчеевъ и выхлопоталъ у государя Фотію право всегда являться въ Петербургъ, такъ какъ у Фотія были вездѣ шпіоны и онъ могъ многое сообщить графу, которому государь поручилъ дѣла о библейскомъ и другихъ обществахъ, между тѣмъ митрополитъ «опасался» отнуждать Фотія. Но востоянно теперь Фотій жилъ въ Юрьевѣ «и тамъ же была дочь его», гр. Анна.

Когда 6-го авг. Фотій былъ приглашенъ, отъ имени государя, явиться во дворецъ, «Серафимъ митрополитъ не безъ страха былъ», и даже на столицу это произвело тяжелое впечатлѣніе, что Фотій отмѣчаетъ, какъ свое торжество, заявляя, «что былъ всегда скрытенъ», и поэтому пріѣздъ его вынуждалъ многіе толки. Но свиданіе съ государемъ на этотъ разъ было краткое и касалось душевнеспасительныхъ предметовъ: говорилось «о душевной пользѣ, много о спасеніи души»; Фотій однако успѣлъ вручить и на этотъ разъ государю «записку о тысячелѣтнемъ чувствительномъ Христовомъ царствѣ на землѣ», въ виду-де того, что «самъ царь поврежденъ былъ въ познаніяхъ истинъ вѣри». Въ запискѣ вновь раскрывалось ученіе о числѣ вѣриномъ (666), о предполагаемой будто бы революціи въ 1836 г. Затѣмъ еще писалъ онъ «о тысячелѣтнемъ царствѣ», гдѣ обличались «невостовой сумасбродъ, невещивецъ Штилингъ и безумная баба Гіонъ, новая Ісааэль».

Однако инсинуаціи Фотія, видимо, терпели смѣлу. Повторяя одно и то же, онъ вызывалъ въ себѣ неравновѣсіе государя своимъ рѣзкимъ полемическимъ тономъ и нетерпимостью.

Видя, что дѣло застываетъ, Фотій изготовилъ «побудитель-

ную записку» для государя, принять мѣры немедленно. Записка эта подъ заглавіемъ: «записка настоятельная, дабы взять рѣшительныя мѣры къ прекращенію революціи, готовимой въ тайнѣ», была доставлена государю 7 авг. 1824 г.

Въ этой запискѣ авторъ настаиваетъ на необходимости нѣкоторыхъ «выслать изъ столицы навсегда» и держаться прежде поданнаго имъ государю плана дѣйствій. Фотій говоритъ, что «партизаны» вовсе не раскаялись и только ищутъ случая снова втереться въ милость государя; они а) «домогаются занять снова свои позидіи»; б) «грози смертію и лѣтя», они «будутъ сатанинскіе способы изобрѣтать, дабы истребить преданныхъ престолу и церкви, или ихъ перессорить». Аргументація Фотія для защиты предлагаемыхъ имъ мѣръ слѣдующая: хотя сердце цареве въ рудѣ Божіей, но царь дѣйствовалъ иногда не такъ скоро, какъ надобно было, отчего и необходимо принять «внушеніе Фетіево». Какъ два глаза, двѣ руки, двѣ ноги близки между собою, и весьма соединены, такъ въ государствѣ соединены церковь и гражданство, а посему теперь нѣчто рѣшительно начатое надо додѣлать «скрытно», дабы предотвратить собраніе «партизановъ» и политическую опасность.

Что дѣло Фотія не вызывало сочувствія въ обществѣ и даже духовенствѣ, и что онъ теперь одиноко стоялъ и держался, только благодаря силѣ придворной аракчеевской партіи, это высказывается и Фотій. «Жатва открылась въ сіе время, — уныло говоритъ онъ, — но жателей было мало; поприще преславное Богъ открылъ всѣмъ на ономъ подвизаться, но изъ всѣхъ почти никого не обрѣталось избранныхъ». «Отъ архіереевъ, ректоровъ и всѣхъ духовныхъ учителей никто устъ своихъ не отвергалъ противу алу дѣйствовать въ своихъ мѣстахъ». Фотій говоритъ только о «старцѣ Герасимѣ» въ Москвѣ, ревновавшемъ противу нечестія, но прибавляетъ, что этотъ архимандритъ «не изъ числа ученыхъ, но престолецъ», затѣмъ какой-то инокъ Михаилъ; а «изъ мірсинъ» — сенаторъ Блиинъ и попечитель казанскаго учеб. округа Магницкій въ это время только и «орудовали». Магницкій 24-го мая прислалъ митрополиту торжественное отреченіе отъ библейскаго общества, съ выраженіемъ неблагонадежности послѣдняго. Предсѣдателемъ этого общества былъ теперь Серафимъ митрополитъ. На имя его 23 авг. 1824 г. было получено любезное поощрительное письмо отъ президента англійскаго общества, съ выраженіемъ единства въ стремленіяхъ на пользу религіи; Фотій людно и подозрительно смотрѣлъ на это «лестное писаніе» и старался найти адѣсь указаніе на политическій саговоръ; по этому

случаю онъ жалко отъказывается объ архіереевѣ, участникахъ въ этомъ обществѣ. «Самые ученые архіереи, — говоритъ онъ, — сдѣлались послушными рабами иновѣрцевъ, и навязываютъ разнымъ толкамъ, водимы отъ духа вражія, усердно согласились истинное слово Божіе на славянскомъ церковномъ нарѣчій св. церковію принятое порочить и новое свое сдѣлать, когда сѣли въ собраніи для перевода св. писанія на простой площадной русской языкъ». Реплика Фотія теперь главнымъ образомъ направлена была противъ Памваго и Филарета; о послѣднемъ Фотій говоритъ, что «предъ Богомъ и св. церковію онъ никакого извиненія не заслуживаетъ. Всѣ подписавшіе къ начертанію псалтыри на русскомъ языкѣ, или согласны съ цѣлями общества противу церкви и государства российскаго, или по невѣжеству и маловѣрью, или по челоуѣоугодію, или страха ради, дабы не лишиться чести и отличій». Другихъ мотивовъ Фотій не допускалъ. Далѣе онъ говоритъ, что «и Григорій архіерей много также въ переводѣ священныхъ писаній виновенъ: *кто имѣетъ разумъ*, тотъ ясно усмотритъ испорченность новаго завѣта въ самыхъ важныхъ словахъ, на коихъ догматы церкви стоятъ».

Но въ этой послѣдней борьбѣ Фотію уже было неловко, да и нечего было дѣлать въ Петербургѣ; онъ удалился въ Юрьевъ монастырь, гдѣ 22 октября освятилъ храмъ Спасу «о пяти главахъ», въ знаменіе «побѣды и одолѣнія на враговъ видимыхъ и невидимыхъ».

Огнень прекращается общественная дѣятельность и сила Фотія, какъ агитатора и раторца. Онъ ясно видѣлъ, что теперь сталъ весьма въ тягость, что не только враги, но и приспѣшники стали чуждаться его, когда онъ сталъ имъ не нуженъ. Правда, не скоро еще Фотій уходился, но звезда его меркла и ему оставалось проводить дни свои въ обществѣ «дщерей-дѣвицы», которая перебралась изъ Петербурга къ Юрьеву монастырю, гдѣ купила домъ и имѣніе. Самъ Фотій сознавалъ, что его дѣятельность и вліяніе на общество кончились: по крайней мѣрѣ, на этой эпохѣ прерывается его повѣствованіе о самомъ себѣ.

XV.

Съ перерывомъ автобіографія Фотія, свѣдѣнія объ его жизни и дѣятельности дѣлаются не такъ подробны. Кроме упомянутой нами рукописи келіарха Фотія, мы будемъ теперь руководиться и печатными матеріалами; вторымъ довольно полнымъ сводъ сдѣ-

ланъ въ статьѣ Е. П. Карновича о Фотіѣ. Что касается достовѣрности «Сказанія» келліарха, то ми уже имѣлъ случай замѣтить, что оно имѣетъ апологетическую задачу и въ этомъ отношеніи стоить на одномъ уровнѣ съ сочиненіемъ Елагина о гр. Аннѣ, отличааясь, впрочемъ, болѣею искренностью. Блаженъ сочинялъ по заказу, а келліархъ писалъ въ свое собственное назиданіе и на память. Впрочемъ, всякій можетъ легко оцѣнить достовѣрность тѣхъ или другихъ данныхъ, соображая ихъ уже съ опредѣленимъ характеромъ Фотія.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Николая Павловича Арачевскій потерялъ свою силу, а въ лицѣ его и Фотій лишился могущественнаго покровителя. Хотя въ первое время государь еще перилъ Фотія, даже подтвердилъ разрѣшеніе являться въ Петербургъ и прямо писать своему государю ¹⁾, но завѣда Фотія завѣдалась. Крѣпкая воля императора не нуждалась въ содѣйствіи монаха; государь вообще не любилъ «попавшихъ» путей, которыми шелъ Фотій. Фотія забыли, и даже при посѣщеніи государемъ Юрьева монастыря онъ лишь удостоился одобренія «за отиѣнное устройство и чистоту», безъ особыхъ наградъ; а между тѣмъ, по повелѣнію государя, около того же времени, Фотій былъ высланъ въ синодъ «для обученія приличію». Дѣло, какъ извѣстно, произошло такъ. Государь посѣтилъ монастырь. Фотій замедлялъ встрѣчею и явился въ богатой расѣ; благословляя государя, Фотій протянулъ ему руку для поцѣлуя. Императоръ тогда же приказалъ за такую дерзость выгнать Фотія въ Петербургъ, гдѣ въ теченіи двухъ недѣль надлежало обучать его смиренію. Только заступничество гр. Анны спасло Фотія отъ казни.

Удаленный изъ Петербурга, утративъ значеніе въ главѣ духовнаго начальства и впливіе при дворѣ, Фотій отдался своему монастырю и осуществленію своего идеала. Какъ натура медлительная, онъ однако же не владѣвался въ рамки обиденной монашеской жизни, но часто выходилъ изъ нея, порою «чуждалъ», порою возвышался до самоотверженнаго аскетизма, порою вдавался въ противоположную крайность. Можно думать, что слабое здорье. Окруженный всѣми удобствами, даже роскошью, благодаря нѣжной заботливости графини Анны, которая теперь уже перазлучно жила при монастырѣ, онъ ни тѣмъ, ни другимъ не могъ пользоваться. Правда, онъ ходилъ въ немновыя и бо-

¹⁾ Разрѣшеніе было дано 6 февраля, а велѣніе 18 марта 1826 г.

брови въ ряскахъ, епіталъ деньгами; но ему приходилось сидѣть за роскошнымъ столомъ и не имѣть возможности употребить нищи, благодаря хроническому ватарру желудка. Нѣтъ сомнѣнія, что фанатическій аскетизмъ усиливалъ его болѣзнь; но такъ же несомнѣнно, что корень самого аскетизма лежалъ въ болѣзненной натурѣ Фотія. Одно обуславливало и усиливало другое, пока, наконецъ, надломленный и изможденный организмъ не отказался служить: природу нельзя осморблять безнаказанно.

Но, съ другой стороны, могла ли быть дорогá для Фотія эта жизнь, гдѣ онъ, развѣнчанный, забытый, служилъ притчею врагамъ своимъ? Фотій пережилъ себя нравственно: и онъ не задумывался уморить себя физически. По крайней мѣрѣ на эту мысль наводитъ простой и искренній рассказъ его довѣреннаго епископа, безхитростно передавашаго его жизнь въ послѣднюю эпоху.

Въ монастырской жизни Фотій былъ суровъ и причудливъ. Монахи были негнѣшественны и распущены,—понятно, что Фотію не мало было труда привести ихъ «къ благочинію». Фотію приходилось напоминать и давать наставленія монахамъ о такихъ вещахъ, которыя говорятъ о крайнемъ неблагообразіи въ монастырѣ. Такъ, Фотій составлялъ даже письменное внушеніе «о постыдномъ дѣленіи нищи», причемъ замѣчаетъ, что «несытства исполненныя утробы готовы все похвать, дабы мамонъ своей набить, а потомъ спать отъ лѣности; они хватаютъ и съѣдаютъ не только то, что должно, но и дѣлени за двухъ за трехъ». Вообще Фотій, понимавшій благочестіе всегда съ внѣшней стороны обряда и формы, ревностно заботился объ вигнаніи изъ монастыря «чревобѣсію» и писалъ обширныя наставленія о нищѣ, «о зельяхъ сѣдрыхъ». Иногда онъ наказывалъ лишеніемъ нищи монаховъ за уклоненіе отъ богослуженія и приказывалъ: «не топить кухни, не поджарать огня и не варить ничего, потому что всѣ крысеныне не были въ церкви у утрени». Такъ дѣлывалось въ старыя бурсы, и Фотій перенеситъ эти порядки въ монастырь. На хлѣбъ и на водѣ «въ смиренной» выдерживалъ монаховъ по мѣсяцу и болѣе. Но сама же гр. Анна цѣлыми обовами присылала съѣстные припасы въ монастырь, такъ что не только монахи могли предаваться «чревобѣсію», но и «постороннихъ ѣдомовъ унитывали яко свиной, не знающихъ тонку», противъ чего Фотій такъ же возсталъ, тѣмъ болѣе, что бѣдный народъ въ монастырѣ не только на мѣстѣ выдался до отвалу, но «зучами и котельями» унеслъ хлѣбъ и дошой. «Развѣ у насъ хлѣбъ мяеина,—пишетъ Фотій,—что его столько даютъ и имъ не дорожатъ!» При монастырѣ были устроены «странницы»

для мужчинъ и женщинъ. Въ этихъ «стражницахъ» происходили великіе безпорядки и неблагообразныя дѣла, на что жалуются и самъ Фотій, говоря, что проживаніе женщинъ при монастырѣ мужскомъ «и Богу неудобно, и моленіе имъ не на пользу».

Больницы при монастырѣ не было, но было устроено помѣщеніе для бѣдныхъ женщинъ. Вѣря въ свое призваніе, Фотій вѣрилъ и въ свою силу изгнать бѣсовъ. Но и бѣсы не мало принесли хлопотъ Фотію. Вотъ какой эпизодъ приводитъ г. Карновичъ въ своей статьѣ о Фотіѣ. «Въ устроенную Фотіемъ больницу для бѣдныхъ явилась однажды молодая дѣвушка, бывшая фигуранткой на петербургскомъ театрѣ. Она объявила, что одержима нечестнымъ духомъ. Фотій принялся отчитывать ее, поручивъ ближайшій за нею надзоръ молодому своему вельичику, который доносилъ ему, что Фотина Павловна (такъ звали дѣвушку) проводитъ все время въ молитвѣ, а самъ между тѣмъ сошелся съ нею и такимъ образомъ обманывалъ Фотія. Орлова была сильно раздражена пребываніемъ Фотины въ Юрьевомъ монастырѣ, и, какъ рассказываютъ, хотѣла дать ей половину своего состоянія, съ тѣмъ только, чтобъ она ушла изъ монастыря и не дѣлала бѣдъ Фотію. Между тѣмъ Фотина стала собирать около себя окрестныхъ дѣвушекъ, которыя во множествѣ сходились въ монастырь, одѣтыя въ хитоны. Молва объ этомъ дошла до губернатора, который, при содѣйствіи архіерея, положилъ конецъ такимъ собраніямъ, причежь Фотина, щедро надѣленная отъ Фотія деньгами, была отправлена въ иереевскій женскій монастырь. Однако Фотій и послѣ щедро надѣлялъ ее деньгами. По смерти Фотія Фотина вышла замужъ за своего кучера, отъ побоевъ котораго и умерла вскорѣ.

Живя въ монастырѣ, Фотій располагалъ значительными матеріальными средствами, благодаря щедрости гр. Анны. Келіаркъ ¹⁾ это говоритъ, что столъ у Фотія всегда отличался изысканною роскошью, и «за нимъ всегда довольно было кушанья изъ самыхъ лучшихъ рыбъ, каковыя можно только было отыскать въ тамошнемъ мѣстѣ». Но, угощая другихъ, Фотій, на ужинѣ по крайней мѣрѣ, приготовлялъ себѣ своеобразное кушанье. Онъ вросилъ хлѣбъ въ хрустальную кружку, накладывалъ туда хрѣну, и «наливъ кружку водою и несолявши, ѣлъ, припивая хрѣновою водою, не ложкою, а просто рукою вынималъ кусочки и ѣлъ». Здѣсь, очевидно, сказываются еще домашніе привычки Петра Спасова, когда онъ то питался травою, то ѣлъ «дубовые орѣхи» —

¹⁾ См., стр. 3.

жолуди, печенье и сыры, а хрѣномъ лечился. Въ то же время онъ отказывался пить чай и кофе, «называя оный либо затхлымъ, либо прѣлымъ», а вмѣсто того выпивалъ стаканъ горячей воды; подобнымъ же образомъ отказывался онъ и отъ вина, называя ихъ то «невыстоявшимися, то окислыми» и развѣ изрѣдка выпивалъ рюмку, но гостей и братію всегда угощалъ «въ удовольствіе».

Одѣвался Фотій роскошно, «въ шелкахъ и бобрахъ ходилъ», какъ и прилично настоятелю, имѣющему неисчерпаемый источникъ средствъ.

Въ домашней жизни Фотій былъ простъ и дѣтеленъ; онъ повсюду ходилъ по монастырю, за всѣмъ наблюдалъ самъ; во время утрени самъ осматривалъ келіи монаховъ; при постройкахъ поднимался по лѣсамъ и во все входилъ лично. Лѣтомъ работалъ въ саду, копалъ съ братіей землю, окапывалъ и садилъ деревья, «отрѣзывалъ «неприличные» сучки», чистилъ дорожки. Любя опрятность, онъ строго высккивалъ съ братій за нечистоту. Келіархъ считаетъ Фотія провидцемъ и говоритъ, что онъ зналъ всѣ тайны и явные грѣхи монаховъ и всегда «накрывалъ ихъ», что называется, внезапно. Трудовая жизнь Фотія вполне согласна съ навыками его первоначальнаго дѣтства и домашней жизни.

Но что при вѣншней простотѣ жизни Фотій вовсе не былъ простякомъ, объ этомъ говорить и келіархъ его. «При частомъ моемъ съ арх. Фотіемъ обращеніи, — пишетъ онъ, никогда не могъ я узнать *настоящее* его характера, — ибо всегда оный прикрывалъ онъ разными образами и видами». Одна черта выдается у него — это вспыльчивость, вслѣдствіе чего онъ иногда не только обругаетъ провинившагося, но и побьетъ его, — опять черта съ дѣтства извѣстная Фотію, который еще въ семинаріи чуть не до смерти прибилъ своего брата за противорѣчіе.

Въ то же время Фотій иногда, что называется, «чудилъ», твѣря разныя «неподобности». Независимое положеніе Фотія давало ему полную для этого возможность. Такъ, онъ обругаетъ человека, а потомъ начинаетъ его хвалить и даже посылать ему деньги. Келіархъ рассказываетъ, что съ нимъ бывали подобныя случаи.

«Въ бытность мою уставникомъ по клиросу, — пишетъ онъ своею обычно-несвязною рѣчью, — какъ церковь отдѣляется одною стѣною отъ келій настоятельскихъ, въ воиэхъ были и стеклянныя двери, а по сему очень слышно было настоятелю туканіе и гнѣвіе, то иногда, во мнѣнію моему, гнѣвіе было очень хорошее и пріятное, но, вмѣсто благодарности, настоятель, принимая къ себѣ, дѣлалъ мнѣ довольно строгіе выговоры и даже случалось, что, ударяя меня сверхъ камиллави, *сбивалъ оную съ головы на полъ, каковое*

его строгое обращеніе заставляло меня ожидать еще худших наказаній, но, вмѣсто того, онъ, самъ поднимая камилавку, надѣвалъ на мою голову, говоря: «ну, пожалуйста не подавай на меня просьбы, что я прибилъ тебя и убирайся съ глазъ долой». Такимъ образомъ выходилъ я отъ него въ сильной сворби и, такъ сказать, ни живъ, ни мертвъ; но, вмѣсто наказанія, пришедши въ свою келію, при снятіи мною камилавки, выпадали изъ оной деньги, иногда рубл. 100, иногда 50, а иногда 200 ассигн.» Подобныя исторіи повторялись не разъ. Когда послѣ подобной операціи, находились битые, которые приходили благодарить настоятеля «за оказанную милость», то онъ ругалъ ихъ и обывалъ клеветниками, — «я-де ничего не знаю».

1832-й годъ келліархъ Фотія отмѣчаетъ какъ особенный, совершившій поворотъ въ жизни аскета, который теперь, совершенно отрекаясь отъ міра, роздалъ «всѣ имѣвшіяся у него вина, чай и кофе, коихъ часть даже въ рѣку вбросилъ, а посуду всю отдалъ въ братскую кладовую, а равно одѣянія и прочія вещи, излишне его украшавшія, роздалъ братіи, а вмѣсто оныхъ украсилъ свою келію иконами, и предъ оными лампадами, въ коихъ возжегъ неугасимые свѣтильники съ елеемъ». Келліархъ не объясняетъ причинъ этого поворота въ жизни Фотія, но «правило», назначенное Фотіемъ для себя съ этого времени, говорить, что мотивъ былъ силенъ и глубокъ. Вотъ что наложилъ на себя Фотій и «выполнялъ до кончины своей жизни неопустительно».

Начиная съ 11 ч. ночи онъ читалъ полунощницу, до 1-го часа; по 1-мъ часѣ читалъ на расцѣвъ часъ 1-й, а по окончаніи онаго пѣлъ тропарь «Богородице Дѣво»... 12 разъ, и по каждомъ тропарѣ полагалъ по столько же поклоновъ; по семъ пѣлѣ «Ублажаемъ тя»... до конца, и, сотворивъ поклонъ, прикладывался въ образамъ. Въ 2 ч. по-полудни читалъ 3-й часъ, въ 5 ч. пѣлъ шестой часъ; въ 8 ч. читалъ девятый часъ, «вои всѣ часы и полунощницу отправлялъ съ тропарями и поклонами».

При этомъ Фотій не имѣлъ будто бы даже и особой постели у себя, а ложился на диванъ и притомъ «не разуваясь и не раздѣваясь, въ той одеждѣ, въ какой ходилъ днемъ». Литургисалъ ежедневно, и когда куда-либо отправлялся, бралъ съ собою запасные дары, и ежедневно причащался. Послѣ обѣди обыкновенно выпивалъ онъ чашку горячей воды съ сахаромъ, въ прикуску, иногда съ вареньемъ. Послѣ этого читалъ псаломъ: «Благословлю имя Твое»... до конца, по чину о панатіи, и садился за обѣдь.

За обѣдомъ подавались: щи, хлѣбъ, квась, каша изъ ле-кихъ-нибудь крупъ, сваренная въ одной водѣ, безъ всякихъ при-

правъ; по праздникамъ *три* кусочка сельди, иногда—овсяный кисель, — «въ кои кушанья вливалъ онъ по малу елей изъ горящей лампы предъ Богоматерью».

Послѣ обѣда садился писать или читать божественныя книги до «правила». Вообще письмо и чтеніе составляло теперь главное занятіе Фотія въ свободное время. Въ это-то досужное время, можетъ быть, онъ написалъ и свою автобіографію.

Еще болѣе суровый аскетизмъ проявлялся съ наступленіемъ поста. Въ это время Фотій выполнялъ строго обѣтъ безмолвія: въ первую и послѣднюю седмицу великаго поста, если вѣрнѣе келліарху, Фотій не произносилъ ни одного слова и приказанія и распоряженія дѣлалъ письменно; всю недѣлю проводилъ онъ въ церкви: «въ оную еще до начатія утрени войдя прежде всѣхъ, не исходилъ изъ оной всю первую седмицу, кромѣ тѣлесной нужды, читалъ всегда шестопсалмія и поученія, также и неуспѣшнаго моленія держалъ чреду, какъ и прочіе іеромонахи, по особому положенію устава монастырскаго»; все время проводилъ почти безъ пищи.

Благодаря продолжительности богослуженія, строгости правилъ, подвижничеству Фотія, въ монастырь шли толпами богомольцы, и слава о немъ росла и распространялась.

Аскетизмъ не мѣшалъ, однако, Фотію по прежнему по временамъ громить въ своихъ проповѣдяхъ «духъ времени», обличать знатныхъ людей въ уклоненіи отъ вѣры и обрядовъ церкви. При массахъ богомольцевъ слухъ объ обличеніяхъ Фотія достигъ до Петербурга, гдѣ вліятельные люди просили митрополита ограничить и умѣрить обличительную ревность аскета. Дѣло дошло и до государя. Когда Фотію было предложено ослабить обличительный пылъ проповѣдей, онъ совсѣмъ отказался писать ихъ, и съ тѣхъ поръ, какъ увѣраетъ келліархъ, Фотій произносилъ только печатныя проповѣди, «приличныя случаю».

Значительный приливъ богомольцевъ, особенно женскаго пола, проживавшихъ недѣли и мѣсяцы при монастырѣ, не могъ не породить нѣкоторыхъ недоумѣній. Кто-то доложилъ м. Серафиму, что богомолки, къ общему соблазну, живутъ здѣсь мѣсяцами, что весь внѣшній декорумъ святости, аскетизма, обрядности есть только приманка для народа, который «не ревности ради и пользы душевной стекается въ Юрьевскую обитель, а подаенія ради, даваемаго арх. Фотіемъ и графинею для прославленія снзъ народнымъ стеченіемъ», и что «на вѣросяхъ уже поютъ дѣвцы» ¹⁾.

¹⁾ *Сказан.*, стр. 10.

Митрополитъ сдѣлалъ распоряженіе («повѣря влечетнивамъ», пишетъ келліархъ,—но слухи были правдоподобны), чтобы Фотій «изъ собственныхъ рукъ отнюдь никого изъ богомольцевъ самъ не приобщалъ, но очередной служащій іеромонахъ, а частыхъ посѣтителей и часто причащающихся богомольцевъ немедленно высылать изъ обители, и въ гостинницѣ, внѣ монастыря для богомольцевъ выстроенной, не позволять почевать никому болѣе одной ночи».

Предписаніе это до глубины души поразило и встревожило Фотія. Келліархъ говоритъ, что съ этого времени онъ началъ больше хворать, и болѣзнь его съ каждымъ днемъ усиливалась.

Келліархъ всѣ упомянутые слухи приписываетъ вражьимъ навѣтамъ.

Изъ домашней жизни Фотія онъ передаетъ нѣсколько случаевъ тайнаго благотворенія монастырямъ. Какъ благочинный окружающихъ монастырей (Деревяницкаго, Кирилловскаго, Антоніева и др.), Фотій, конечно, зналъ ихъ бѣдность и нужды; но своимъ соображеніямъ онъ предпочиталъ форму тайныхъ подацій. Для этого онъ обыкновенно приваживалъ келліарху, какъ близкому и довѣренному лицу, переодѣться въ крестьянскій костюмъ, и затѣмъ, нанявъ извозчиковъ, отвезти хлѣбъ отъ чужого имени въ монастырь, по назначенію Фотія. Подобнымъ же образомъ отъ имени неизвестнаго посылались иногда и деньги.

Слабое и безъ того здоровье Фотія, обезсиливаемое аскетизмомъ суровой жизни, подорванное душевными непріятностями, видимо угасало. Въ февралѣ 1838 г. Фотію такъ сдѣлалось плохо, что онъ съ трудомъ могъ служить. Масляницу еще кое-какъ онъ служилъ; но съ началомъ великаго поста, лишившись совершенно силъ, онъ уже не выходилъ изъ келіи. Вотъ какъ описываетъ келліархъ послѣднія минуты Фотія предъ смертью.

«При наступленіи первой седмицы великаго поста, Фотій хотя и чрезвычайно страдалъ отъ внутренней болѣзни, обнаруживавшейся частымъ кровотеченіемъ, и хотя мы (келліархъ и гр. Анна) усиленно просили его объ оставленіи до выздоровленія принятаго имъ на себя «правила» и безмолвнаго уединенія, но онъ, пренебрегая всѣми своими страданіями, не внимая нашимъ слезнымъ просьбамъ, оставивъ у себя св. дары и одинъ графинъ св. воды, затворился въ своей келіи на совершенное безмолвіе и беспомощное страданіе и такимъ образомъ пребывалъ до среды первой седмицы. А въ среду, не возмогши перенести сильныхъ страданій, допустилъ до себя меня и графиню и при сильной и убѣдительной нашей просьбѣ о приглашеніи доктора,—сказалъ

намъ сія слова: «Теперь творите со мною, что хотите; видя ваши страданія и слезы, не могу вамъ отказать; только знайте, что мнѣ всѣ докторскія пособія ни мало не помогутъ и никто изъ смертныхъ, кромѣ Врача небеснаго».

«Мы же, видя его хотя и невольное согласіе на наши просьбы, немедленно призвали корпуснаго доктора и другихъ двухъ для консилиума; по докладѣ же о прибытіи докторовъ, приказалъ Фотій себя вести изъ той келіи, въ коей онъ подвизался, въ другую: «ибо въ сей келіи, — сказалъ онъ, — мѣсто не земнаго врача, а престола Врача небеснаго». Послѣ сихъ словъ вывели его изъ той комнаты въ другую, имъ назначенную; увидѣвши врачей, прежде всего сказалъ въ нимъ, показывая на насъ: «вотъ эти плаксы предають меня вамъ въ руки; дѣлайте со мной, что хотите». И началъ онъ рассказывать намъ свою болѣзнь, которая заключалась во внутреннемъ паліемъ нетерпимомъ огнѣ. При всѣхъ докторскихъ познаніяхъ и стараніяхъ, не получилъ онъ себѣ отъ нихъ вспомошествованія въ страданіи; только и примѣтно было нѣкоторое успокоеніе по причащеніи св. таинствъ, кои ему приносили были по совершеніи литургіи. А въ четвертокъ вторыя недѣли поста, передъ вечеромъ, лишился онъ возможности и говорить; и лежа на диванѣ, и смотря на всѣхъ приходящихъ и плачущихъ о немъ, часъ отъ часу дѣлался покойнѣй. А въ пяттокъ, по совершеніи литургіи, приобщился онъ св. таинъ, какъ замѣтно, съ великимъ удовольствіемъ. Въ первый же часъ ночи февраля 26, 1838 г., съ патка на субботу, предалъ душу свою Господеву».

Смерть Фотія скоро разнеслась по окрестностямъ; монастырь переполнился посѣтителями, которые день и ночь служили панихиды по умершемъ; въ кельѣ у него было такъ тѣсно, что, по замѣчанію келіарха, «погасались свѣчи въ подсвѣчникахъ передъ евангеліемъ и гробомъ, хотя свѣчи и довольно были толщины». Похоронили Фотія на 9-й день, въ «мраморномъ гробѣ», который Фотіемъ заранѣе былъ приготовленъ, подъ алтаремъ придѣла св. Анны, устроеннаго Фотіемъ въ честь графини Анны.

С. Миропольскій.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

Въ домѣ Федота Семеныча дѣла шли по-прежнему неладно: Кирила почти не работалъ, часто пропадалъ куда-то изъ дома, нерѣдко возвращался пьяный, вообще былъ мраченъ, молчаливъ и озлобленъ; съ женой почти не говорилъ, отворачивался отъ нея, и на ея робкіе вопросы отвѣчалъ или бранью, или насмѣшкой. Послѣ извѣстнаго разговора съ матерью, когда онъ признался ей въ своей нелюбви къ женѣ и въ намѣреніи уйти изъ дома, онъ уклонялся и отъ бесѣды съ Федосьею Осиповной, отъ ея ласкъ и материнскихъ нѣжныхъ заботъ: изъ нѣкоторыхъ намековъ старухи онъ замѣтилъ, что если она не знаетъ ничего опредѣленнаго объ его новыхъ отношеніяхъ и намѣреніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, что-то подозрѣваетъ, желаетъ выпросить его и повліять на него въ пользу жены. Кирила замѣтилъ также, что старуха-мать стала снисходительнѣе и ласковѣе къ Аннѣ и даже раза два вступилась за нее, когда онъ къ ней придирался. Это сердило Кирилу и онъ сталъ избѣгать матери, что очень ее огорчало и мучило. Она твердила Аннѣ, что надо непременно поскорѣе сходить къ знахарѣй, но нужно было это сдѣлать, разумѣется, такъ, чтобы не зналъ ни мужъ, ни Федотъ Семенычъ. Въ ближайшее воскресенье выпало такое благоприятное

*) См. выше, ноябрь, 187 стр.

время: Федотъ Семенычъ уѣхалъ дня на два по дѣламъ волости, а Кирила, тотчасъ послѣ его отъѣзда, собрался уходить изъ дома, и на вопросъ матери: придетъ ли обѣдать?—отвѣчалъ, чтобы не ждали ни обѣдать, ни ужинать...

— Куда же ты это, Кирюшенька, пропадешь на цѣлый день?—спросила-было мать.

— Да что я: малолѣтокъ, что ли, сказываться вамъ?.. —огрызнулся Кирила. — Куда вздумается, туда и пойду... Не съ вами ли сидѣть, да бобы разводить?.. То-то любо, подумаешь!..

И онъ ушелъ, хлопнувши за собой дверью.

И мать, и жена замѣтили, что онъ жирно намазалъ масломъ волосы на головѣ, долго расчесывалъ ихъ передъ зеркальцемъ, надѣлъ новую ситцевую рубашку, хорошую поддѣвку и новые сапоги.

Онѣ переглянулись между собой, когда дверь за нимъ захлопнулась, и нѣкоторое время, молча, грустно поглядывая одна на другую, прислушивались къ шагамъ Кирила на мосту и по лѣсенкѣ крыльца.

— Опять, видно, къ своей пошелъ... къ подлой... — вздохнувши, проговорила Анна, когда не стало слышно шаговъ мужа. — Ахъ, ты, Господи, Господи!.. Опять, поди, что-нибудь понесъ къ ней... Давно ли овесъ обмолотили, ужъ весь, почитай, продалъ, а гдѣ денежки—не вижу... Ахъ, горе наше, горе!..

— Сходи, дурочка, къ гадалкѣ... Сходи, говорю... Вотъ теперь ни его, ни отца, цѣлый день не будетъ, никто не хватится... Сбѣгала бы тѣмъ часомъ сейчасъ...—говорила Федосья Осиповна.

— Да съ чѣмъ я, матушка, пойду?.. Къ гадалкѣ съ пустыми руками не пойдешь, а у меня мѣдной копѣйки нѣтъ...

— Дамъ я тебѣ, дурочка, дамъ... Двѣ двугривенныхъ дамъ, только сходи... Погадаетъ—только одну двугривенну дай, а скажетъ что въ пользу, али снадобья дастъ, и другую отдай... Цѣлковый-рупъ обѣщай, коли попроситъ, только бы *дала* да пользу сдѣлала—и рубля не пожалѣю, дамъ... А то еще маслаца, да яичекъ захвати—подашь, какъ придешь, чтобы ее помянуть-то, чтобы гадала-то хорошенько... Собирайся, да поди, говорю...

— Больно мнѣ страшно, да и стыдно никакъ... Гдѣ ее найдешь, какъ войдешь, что скажешь?.. Срамотушка!..

— То-то, дурочка... А ты спроси меня какъ... Порхачево знаешь... Иди прямо въ Порхачево, а придешь: спроси гадалку Арину—укажутъ... Станутъ спрашивать: почто нужно? скажи: пропажа въ дому сдѣлалась... Она и на пропажу раскладываетъ... А къ ней придешь, поклонись пониже, да на поклонъ-то подай

нерво, что принесешь, да попроси погадать... А станетъ пытаться: о чемъ?.. Ну и скажи о судьбѣ своей и все свое горе открой, ничего не тай... Съ ней таяться нечего... Все равно, ей карта все покажетъ: онѣ таки люди, имъ видно!.. Узнаеть. она кто такая, такъ проси отворота, а не узнаеть, не покажетъ карта: на себя приворота проси...

— А не грѣшно, матушка?..

— Кабы ты дѣвка была, али на чужого человѣка приворота просила, то грѣхъ, и я бы тебя не послала, а ты объ своемъ законѣ тужишь: мужа воротить хочешь... Какой тутъ грѣхъ, дурочка!.. Развѣ бы я стала посылать тебя, коли бы грѣшно-то было?.. чай, я сама крещеная: грѣха-то боюсь не меньше тебя... Ступай-ка, ступай скорѣй, безъ сумлѣнія, покамъ время есть...

— До Порхачева-то, вѣдь, матушка, версть пятнадцать, что больше: туда да назадъ болѣ тридцати будетъ.. Пѣшая-то я скоро ли сбѣгаю: ближе ночи не ворочусь... А какъ онѣ придетъ, а меня вѣтъ...

— Такъ что же? И того лучше: лошадь-то дома... Лошадь возьми, заложь, да и поѣзжай... Вотъ!.. И того лучше: на лошади съѣди... Дай варьѣй-то овсеца, да и сама бы перекусила...

— Ну, ужъ мнѣ и кусокъ-отъ въ горло нейдетъ... Вотъ карьѣй развѣ овсеца дать и вправду покамъ... отвѣчала Анна, и стала поспѣшно собираться.

Опусти глаза, стараясь не смотрѣть въ сторону, проѣзжала Анна чрезъ свою деревню: она боялась, что кто-нибудь изъ сосѣдокъ остановитъ ее, станетъ спрашивать: куда поѣхала, и она не сумѣетъ отвѣтить такъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, не обратить особеннаго вниманія на свою поѣзду. Съ жгучимъ, тоскливымъ любопытствомъ, съ надеждою и невольнымъ страхомъ вѣзжала она въ Порхачево. У первой встрѣчной бабы Анна спросила: гдѣ живетъ у нихъ гадалка.

— Гадалка-то?.. Есть, есть такая,...— отвѣчала баба.— Живетъ точно... и гадаеть... Сказываютъ: отгадываетъ, точно... Тебѣ погадать, что-ли?..

— Нечто...

— Сказывали тебѣ, что-ли, про нее?..

— Нечто.

— Это, стало быть, тѣтку Арину тебѣ нужно, Арину Панкратьевну... Такъ ли тебѣ сказывали—ту?..

— Сказывали только, что въ Порхачевѣ, у васъ, живетъ... Гадаеть, чу...

— Ну, есть, есть... Это она самая и есть... Тѣтка Арина...

Больше никакой другой нѣтъ: одна она у насъ гадаеть... Бываетъ, сказываютъ, сходится больно хорошо... Сама-то я не гадала, не доваживалось, а отъ людей слыхала: одобряютъ, благодарятъ... А у тебя что же, несчастьице, что ли, повстрѣчалось?..

— Да... Въ горницу лазили... одѣжу унесли...

— Эго дѣло, матеа... Ну, такъ поѣзжай къ ней, къ тѣткѣ Аринѣ... Къ ней прямо поѣзжай: она все тебѣ скажетъ... А много одежи-то унесли?..

— Да порядкомъ...

— Ночью, видать?..

— Да, ночью...

— Какъ: черезъ окно, али какъ?

— Окно вломали...—верѣшительно лгала Анна.

— А собакъ-то развѣ нѣтъ у васъ?.. Неужто не лаяли?.. Али не слыхали, заспали?..

— Видно, заспали...

— Эка, дѣвча... Бываетъ, матеа, бываетъ... Вонъ, намедни, не то у насъ, грѣшныхъ: церковь Божию въ Заболотѣ обокрали, желѣзно окно—и то выворотили да влѣзли... И сторожъ есть, и часы, говорить, выходилъ ночью, билъ, а не слыхахъ... Много, чу, сказываютъ, унесли денегъ изъ сундука... Такъ тебѣ къ Аринѣ Панератьевнѣ, къ ней самой... Она те все скажетъ... Оченно ее благодарятъ...

— Въ коемъ же дому она живетъ-то?..

— А вотъ ея изба-то: на проулѣ-то... На самомъ на проулѣ... Вонъ видать... Вотъ это самый ея домъ и есть.. Къ нему прямо и поѣзжай...

— Покорно благодарю...

— Не начѣмъ, чтой-то... Вотъ, она самая тутъ и живетъ... тѣтка Арина... Къ ней прямо и поѣзжай... Хоть у воротъ лошады-то поевня, а то у крыльца привязи—все равно... Какъ же... гадаеть, гадаеть... Ступай къ ней...

Анна еще разъ поблагодарила словоохотливую бабу и поѣхала по ея указанію. Она остановилась у крыльца небольшой, но прочной и исправной избы.

Поднимаясь по лѣсенѣ на крылечко, Анна чувствовала, что отъ волненія у нея захватывало дыханіе, дрожали руки и ноги. Въ сѣняхъ ее встрѣтила благообразная, степенная женщина, съ умными, пронизательными глазами, одѣтая въ темное платье и повязанная чернымъ платкомъ.

— Милости просимъ, матушка... Милости просимъ, пожалуй сюда...—привѣтливо говорила она, отворяя дверь въ избу и освѣ-

ная темная сѣня. Входи, небось... Не сумнѣвайся... — продолжала она успокоительнымъ тономъ, замѣтя смущеніе Анны.

— Вижу: горе твое великое, несчастье твое тяжкое. Садись-ка, отдохни... Вотъ водицы испей, а послѣ и объ дѣлѣ твоемъ поговоримъ... На-ка, испей... Моя вода въ пользу тебѣ пойдетъ: съ молитвой, на зарѣ, изъ-за трехъ рѣкъ, съ четвертой чертана. съ молитвой и про тебя налита... Пей на доброе эдоровье... Отъ этой воды и недугамъ бываетъ облегченіе, и врашій духъ ея не любить... Отвѣдай-ка со врестомъ, съ молитвой...

Анна перекрестилась и вышла.

— Вижу я: страхъ на тебя напалъ и сумятице... Можетъ, сумнѣніе есть у тебя супротивъ меня, не думай: все съ молитвой творю, для добра, не для худа... Худа отъ меня добрымъ людямъ не живетъ, а, бываетъ, сами люди худа себѣ навиваютъ, которые люди неблагодарные, облыжные, злоковарные, что придуть—клянутся, помочи просить, слезьми обливаются, а сдѣлаешь имъ,—добра не помнятъ, да еще хулу и поношеніе изрыгаютъ... Ты не такая: по глазамъ, по лицу человека я вижу!.. Ну, только говори мнѣ всю правду: въ чемъ твое горе, ничего отъ меня не скрывай... чтобы вся душа твоя на лицо была...

— Все, матушка, расскажу, Арина Панкратьевна... Тамъ тебя звать-то?..—говорила Анна.

— Я самая...

— Вотъ прими перво гостинчикъ отъ моей бѣдности... Не обезсудь... Да помоги моему горю...

— Ну, въ чемъ же твое горе-несчастье?.. Сказывай...—спрашивала Арина, спокойно принимая приношеніе Анны и откладывая его въ сторону.—Хоть и знаю я твое горе и безъ твоего скажу, да мнѣ душа твоя нужна чистая, открытая... Связывай...

Анна со слезами рассказывала о всѣхъ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, о нелюбви мужа и слухахъ относительно его связи со вдовою. Арина Панкратьевна очень ласковыми вопросами поддерживала и направляла этотъ рассказъ.

— Ну, что же ты, чего же ты хочешь? о чемъ просить будешь меня?—спросила она, выслушавъ Анну.

— Погадай ты мнѣ, матушка, Арина Панкратьевна: не покажутъ ли карты мою влюбившу, да нельзя ли какъ отворотить его отъ нея, чтобы не ходилъ онъ къ ней, знаться бы пересталъ, а во мнѣ бы всѣмъ сердцемъ поворотился...

— Погадать — я погадаю, и что карта скажетъ: ничего не потаю, все тебѣ открою... Только, вѣдь, я не вольна въ карты: что жечетъ она, то и показывается; мое дѣло только карту по-

нять да рассказать по ней... Коли покажетъ карта твою злодѣйку—твое счастье, а нѣтъ—не жалуйся... А только впередъ тебѣ скажу: наврядъ ли покажетъ... Больно поздно ты пришла, много времени запустила, — огрызъ больно твой-то, заматерѣлъ: теперь если и дать что, не съ-разу его пройметъ,—можетъ, не одинъ разъ придется тебѣ побывать ко мнѣ да снадобья брать: отъ раза наврядъ ли поможетъ... А вотъ погоди, — попытаемъ: что карта скажетъ...

Арина Панкратьевна слезила въ голбець и вынесла оттуда завернутую въ тряпицу колоду картъ; но, прежде чѣмъ приступила къ гаданью, вышла и заперла двери изъ сѣней на крыльцо.

— Бѣда нынче народъ-то какой сталъ, — говорила она, возвращаясь и присаживаясь къ столу: — опасаться надо нынче и добро-то дѣлать людямъ... Вотъ и карты въ голбець прячу, и запираюся... Охо-хо-хо!.. Ну, слушай: что тебѣ карта скажетъ...

Арина Панкратьевна видѣла въ картахъ все то, что узнала уже отъ Анны, — и Анна слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ и принимала ее слова какъ откровеніе, какъ разоблаченіе невѣдомой для нея тайны. То-и-дѣло она вздыхала и кивала головой въ знакъ согласія, или приговаривала: «такъ, такъ, матушка, истинно такъ! правда это настоящая! такова моя судьба горькая! — Все самую истинную правду карта показываетъ!..»

— Да, есть у него кралячка-завнобушка, — есть!.. Вотъ все коло него выходитъ, какъ ни видаю... — говорила, между прочимъ, Арина Панкратьевна.

— А какая она, матушка, какая? — не видать?..

— Изъ себя, надо быть, дородная, румяная; глаза юркіе, завывистые; рѣчь бойкая, веселая... И живеть не такъ чтобы очень далеко отъ васъ: не далеко — и не близко же... И смотри-ка ты: не онъ одинъ увивается около нея... Есть и еще... И таятса они, борются: кто кого перешибеть — деньгами... И не сетъ онъ, твой-отъ, несеть ей, тащить — а-и много!..

— Ужъ какъ не много: почитай, вовсе домъ разорилъ... — соглашалась Анна со вздохомъ. — А узнаю я ее коли-нибудь, — увижу?..

— Узнаешь... Въ долгихъ ли, — не могу сказать, не видно, а узнаешь безпремѣнно... Отъ нѣкотораго человѣка узнаешь: вотъ около тебя человѣкъ стойтъ — вотъ видишь? — онъ тебѣ все и скажетъ... А вотъ когда узнаешь, приходи ко мнѣ: тогда и подѣлать можно будетъ... — заключила Арина Панкратьевна, смѣшивая карты.

— А теперь разгѣ нельзя? — робко и грустно спросила

Анна. — Не оставь, матушка, помоги... Вот прими за труды твои... Не обесудь.

Анна подала ей два двугривенныхъ.

— Жалко мнѣ тебя, бабочка, только труднаго ты дѣла отъ меня просишь: сказываю тебѣ, глубоко это въ него посажено,— не скоро выгонишь... Теперь, коли ему дать, больно тяжело ему будетъ: пожалуй, и не снесетъ...

— Ну, такъ нѣтъ, ему не надо, матушка... Не надо!.. Ей бы какъ... нельзя ли?..

— И безпремѣнно нужно ее отворотить... Когда узнаешь ее, приходи тогда... Можетъ, подѣлаемъ...

— Матушка, Арина Панкратьевна, я рубля не пожаляю...

— Твое дѣло, милая душа, не рублевое... Кабы за рубль-то стакія дѣла дѣлать, такъ не изъ чего и пачкаться, не изъ чего, при нонѣшнемъ народѣ, и себѣ заботу дѣлать...

— Сколько же, матушка, прикажешь?.. Только бы силы хватило... Кажется, ничего не пожаляю...

— Я цѣны никогда не уставляю: всею по силѣ по своей благодарить... А только-что одно скажу: для добрыхъ я добра, для скупыхъ—скупа... Сама я училась у человѣчка: не даромъ и мнѣ это досталось... Вотъ тоже добродѣтельный былъ человѣкъ, много людямъ добра дѣлалъ, отъ всякихъ болѣзней пользовалъ,—а не зря же: проймаютъ его деньгами—сдѣлаютъ, на-чисто помогутъ, используютъ... Ну, а кто поскупится, благодарности своей не покажетъ въ полное его удовольствіе,— по тому и пользу получаетъ... Милая душа, вѣдь нонѣ не прежнее время: и мы-то платимся!.. Ты какъ думаешь?.. Нынче вонъ и староста придетъ—попотчуй, говорить: ты гадаешь, людей пользуешь, воровъ показываешь... краденое находишь... а нынче, говорить, это на-строго заказано, чтобы ни-ни, ни Боже мой,—этимъ не заниматься... Угощай, говорить, а то донесу,— суду представлю!.. А тутъ съ тѣмъ же сотскій идетъ... Волостные—и тѣ навѣдываются... да пристрастия дѣлаютъ... И всѣхъ угощай... Да довольно тебѣ сказать: вонъ, простые ребята деревенскіе, молокососы,—и тѣ становымъ страшатъ... и тѣ могоарыча просятъ!.. Вотъ нынче какой народъ-отъ сталъ отчаянный, да завистливый!.. Жить-то не дадутъ, добро-то дѣлать мѣшаютъ!.. Хоть совсѣмъ дѣло бросай и людей отъ себя отгонивай... Да и бросила бы, коли бы не сиротство мое, да не нужно было семью кормить, а то—двѣ дочки у меня, а полосы нѣтъ, на сиротскомъ положеніи живу: надо провормиться, обуться, одѣться... Да и народа-то жалко,—безотбойно лѣзутъ, режутъ, просятъ: у

того лошадей свели, деньги, одѣжу уграли — матушка, покажи; другому недужится, попортили добрые люди — нельзя ли какъ снять, попользовать; а иной — вотъ какъ и ты же — съ горемъ со своимъ, съ большимъ, идетъ: то съ женой, то съ мужемъ не лады; то сведи, то разведи — просить... Ну, какъ не помочь, коли знаешь, да умѣешь?.. Думаешь себѣ: отказать, — и передъ Богомъ-то грѣшно! вѣдь, не съ кѣмъ — со врагомъ борешься!.. Иные думаютъ, по глупости по своей, что мы со врагомъ-супостатомъ за-одно, а я тебѣ скажу: нѣтъ врагу-то неприятнѣе меня, потому — я супротивъ него со крестомъ да молитвой... Да и молитва молитвѣ розь: въ иной одиѣ слова, а въ другой — другія; надо знать, которыя слова противъ котораго дѣйствуютъ... Пожалуй, зря-то читай, которая не слѣдуетъ, — онъ не испугается; а ужъ противъ моей ему не устоять — сдастся, потому — его отъ нея большій огня жжетъ, сердце у него выжигаетъ!.. Такія есть слова тяжкія, что и саму-то трасеть, какъ ихъ связываешь!.. Ну, да ужъ нечего дѣлать: взялась людямъ служить, такъ поднимаешь это на себя, терпишь... борешься съ нимъ: себя не жалѣешь!.. Такъ-то, милая!.. Такъ было бы изъ-за чего все это терпѣть-то!..

— Матушка, Арина Панератьевна, ты меня не обезсудь: теперь-то нѣтъ со мной ничего... А вотъ опять прійду къ тебѣ, такъ ужъ ничего не пожалѣю: послѣднюю одѣженку испродаю, да приду къ твоей милости, поклонюся, — только не оставь, помози...

— Пріѣзжай, пріѣзжай... Вотъ какъ узнаешь ее, такъ и пріѣзжай...

— А узнаю я ее, матушка?..

— Ужъ сказано тебѣ, что узнаешь: отъ котораго человѣка не думаешь, не гадаешь, отъ того все и узнаешь...

— Такъ покорно тебѣ благодарю за неоставленіе твое... И отойдетъ это все отъ него, отъ моего-то? — можно все раздѣлать съ той-то, подлой, чтобы не зналъ онъ ее, не ходилъ бы къ ней?..

— Объ этомъ ужъ впередъ не загадывай, а молись Богу, да на меня надѣйся... Помни мои рѣчи: я не изъ тѣхъ, что слова на-вѣтеръ бросаютъ... Каждое мое слово къ дѣлу идетъ...

— Помню, помню, матушка... Не забуду... Покорно тебѣ благодарствую. Ровно легче мнѣ стало: такъ на душѣ будто полегчало... И сама не знаю отчего: отъ рѣчей, что ли, отъ твоихъ?..

— Какъ ты воды моей отвѣдала, такъ тебѣ и легче стало... А слова мои сами-по-себѣ...

— Вѣрно, вѣрно, матушка!.. Дай Богъ тебѣ здоровья и всякаго благополучія... Прощай, Арина Панкратьевна... Ужъ я теперь поѣду къ дому: тоже не близко мѣсто... Прощай, родная...

Анна ѣхала домой дѣйствительно успокоенная, полная надежды, что Арина Панкратьевна непременно возвратитъ ей мужа. Она думала о томъ, какъ бы только узнать ей поскорѣе разлучницу, и соображала, кто бы это могъ быть тотъ человѣкъ, который нежданно-негаданно откроетъ ей тайну Кирилы.

«Только бы ужъ ее-то узнать, а ужъ отвороту-то я выпрошу у Арины Панкратьевны», думала она дорогой. «Ужъ ничего не пожалѣю, а деньгами ее пройму: десять, такъ десять, — пятнадцать, такъ пятнадцать; шубу продамъ сувонную, а ее ублагодарю, только бы сдѣлала... Все равно, разорветъ же онъ домъ на ту, а я, по-крайности, для добра же... Шуба-то дѣло наживное, а какъ онъ все-то уйдетъ изъ дома, то хуже будетъ... Кто-жъ бы этотъ человѣкъ былъ таковой?.. Не спросила я, дура: молодъ или старъ? мужикъ или баба?.. Да вѣтъ: человѣчишь! сказала: стало — мужикъ...

Анна никакъ не ожидала, что случай приготовилъ ей торжественное подтвержденіе знахарства Арины Панкратьевны, что она встрѣтитъ этого человѣчка еще дорогой и узнаетъ, кто ея разлучница, не доѣзжая еще до дома...

II.

Федя работалъ на фабрикѣ, въ столярной мастерской, и хотя надежда его попасть въ машинное отдѣленіе не осуществилась съ-разу, но онъ не былъ особенно недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ работалъ и жилъ одинъ, вдали отъ шума и многолюдства фабричнаго, что вполне совпадало съ его нравственнымъ настроеніемъ: стругая, долбя, склеивая, онъ думалъ постоянно о Паранѣ, и, за этими думами, скучная, однообразная работа кнѣла въ его рукахъ. Изрѣдка заходилъ взглянуть на его работу Дмитрій Тимошеичъ, и хотя никогда не хвалилъ ничего, но не хулилъ и не бранился, а главное: скоро уходилъ изъ мастерской, не забывая, впрочемъ, никогда проговорить: «потаранивался, поспѣшать нужно... копаешься!..» Федя понималъ, что работой его доволенъ строптивый и нерасположенный къ нему за что-то директоръ, и если говорить эти послѣднія слова, такъ только для очистки совѣсти, а, можетъ быть, и съ цѣлью вы-

звать Федю на возраженія, за которыя, конечно, бы ему досталось. По совѣту Александра Кузьмича, онъ старался заслужить если не расположеніе, то снисходительность со стороны директора, и потому или молчалъ на его слова, или скромно говорилъ: «постараюсь, Дмитрій Тимоеенчъ!» На что этотъ послѣдній всегда приговаривалъ:

— То-то, постараюсь!.. Старанья-то большого не видно: на словахъ вы только! По-штучно нанять — жалованья бы не заработалъ!..

Федя очень хорошо понималъ, что его работа обходится гораздо дешевле, чѣмъ платили мастеру, который работалъ поштучно, и однажды заненулся-было:

— Позвольте по-штучно работать, Дмитрій Тимоеенчъ?

Но тотъ сурово взглянулъ на него и прикрикнулъ:

— Пять разъ, что ли, съ тобой перереживаться: то по-мѣсячно просился, а теперь по-штучно?..

Уходя, оно сердито хлопнулъ дверью.

— За что не влюбилъ меня Дмитрій Тимоеенчъ? — спрашивалъ Федя у Александра Кузьмича.

— Да не то, что не влюбилъ, а онъ прокуратитъ надъ тобой, ломается... — отвѣчалъ тотъ. — Не по мысли ему, что ты прямо къ тятенькѣ прошелъ мимо его, и онъ тебя самъ приказалъ взять... Ну, да и то: хвалили тебя очень, да и самъ видитъ, что ты не чета другимъ рабочимъ: и уменъ, и грамотенъ, и книги разные читалъ: они этого на смерть не любятъ!.. Полагаютъ, что ты завная, много о себѣ думаешь... А для насъ, дескать, все равно, каковъ бы ты ни былъ: какъ другіе рабочіе, такъ и ты отъ насъ кормишься, жалованье получаешь... Значитъ, ты меня уважай, а мнѣ тебя уважать не приходится!.. Къ тому же, вот ты порядковъ-то нашихъ не зналъ, въ шапкѣ передъ нимъ стоялъ, заговаривалъ точно съ равнымъ... Я съ нимъ о тебѣ говорилъ, онъ такъ тебя и понимаетъ, что въ тебѣ форса много, уважительности нѣтъ никакой: побить, говорить, надо спѣси съ него... намъ, говорить, рабочіе нужны, а не физика его!.. Ужъ лучше бы ты не говорилъ имъ, что физику знаешь: покая она имъ не даетъ... За нее больше тебя и пропекается... Известно: невѣжество!.. Самы ничего не знаютъ, не понимаютъ, — еле пишеть... вотъ и обижается, что простой рабочій умнѣе и больше его знаетъ... Другое дѣло, какъ бы ты прямо въ механику, или въ колеровщику поступилъ, да много зналъ, ну, это имъ нужно: тутъ бы они тебя уважали... А то простой рабочій, да еще съ физикой и механикой!.. Какъ его не осадить?.. Непремѣнно

надо осаживать, чтобы не зазнавался!.. Разбалованы мы больно... У насъ вѣдь, братъ, просто: и зуботычину, и трясоволочку рабочій съѣсть — обижаться не смѣть... Да не то хозяинъ, или директоръ: прикащикъ надругается—и то молчи, а то съ фабрики долой... Ну, да наплевать!.. Не обращай на нихъ вниманія!.. Главное: молчи, что бы ни говорили, какъ бы ни ломались... Придетъ время—и за тобой будутъ ухаживать!..

— Да вѣдь хорошо молчать, Александръ Кузьмичъ, пока терпится... А какъ не стерпишь?.. Я вотъ смиренный былъ всегда: такъ меня и дома почитали... А, кажется, тронь-ва меня, ударь, особливо безъ дѣла, да, кажется, ни за что не снести, кто бы тамъ ни былъ...

— Вотъ онъ это по глазамъ у тебя видитъ... Этого-то онъ и не любить!.. По ихному такъ: коли онъ деньги тебѣ платитъ, такъ онъ все надъ тобой дѣлать можетъ, нанялся — продался!.. А то ступай съ Богомъ: вовсе тебя не нужно, каковъ бы ты ни былъ... Вотъ коли узнаютъ въ тебѣ такой задоръ, ни за что тебя прикащикомъ не сдѣлаютъ: у насъ хоть воруй, мошенничай, да, главное дѣло, угождай, молчи и кланяйся... Вотъ тогда, пожалуй, пойдешь въ люди!.. Ты знаешь ли: тамъ, на старой фабрикѣ, у насъ сосѣдъ есть, фабрикантъ, тоже богатый... Тамъ у него самый любимый прикащикъ жалованье большое получаетъ и довѣрiемъ пользуется, хоть извѣстный плутяга, и хозяинъ знаетъ, что онъ его обворовываетъ... А чѣмъ держится, какъ ты думаешь?.. Хозяинъ-то зашибается, а какъ очень переложить, такъ на него ярость находить: непременно надо ему чего-нибудь бить и тиранить... Вотъ вся семья къ нему этого прикащика и подсылаетъ: онъ надъ нимъ и ломается, ругаетъ, срамить, бьетъ его, за волосы деретъ, въ рожу плюетъ... А тотъ не то—обижаться, а точно за великую ласку себѣ принимаетъ: поучи, говоритъ, батюшка, Нивандра Тихонычъ: отъ него и науку принять, какъ не отъ васъ, сильныхъ людей, чего и бить, коли не насъ, дураковъ... Вотъ какой подлець!.. И говорить, ужъ большой капиталъ наворовалъ отъ хозяина... Вотъ у насъ какіе люди въ ходъ идутъ!..

Александръ Кузьмичъ часто забѣгалъ въ мастерскую къ Федѣ и иногда засаживался въ бесѣдѣ съ нимъ, а иной разъ, когда разговоръ не вязался, онъ сидѣлъ молча и безцѣльно смотрѣлъ, какъ Федя строгалъ доску, распиливалъ ее или связывалъ какую-нибудь раму.

— Неужто тебѣ, Федоръ, не скучно за этой работой?—спросилъ онъ его однажды.

— Отчего скучно? За работой нивогда не скучно...— отвѣчалъ тотъ. — Вотъ кабы безъ работы куда заперли, вотъ тутъ стосковался бы хуже: съ ума бы, кажется, сошелъ...

— Да вѣдь работа работѣ рознь... Тутъ все одно и то же: думать-то не о чемъ...

— Какъ же не о чемъ: примѣриваешь, прилаживаешь, смотришь, чтобы и вѣрно, и чисто было... Обо всемъ надо думать... А бываетъ, правда, что руки сами дѣлають, а ты въ головѣ-то переберешь въ то время и Богъ знаетъ что: обо всемъ передумаешь... Не видишь, какъ и время идетъ...

— Я вотъ смотрю, да дивлюсь на рабочихъ на фабрикѣ: стойтъ онъ у ткацкаго стана цѣлый день, машина за него точетъ, а онъ только смотритъ: гдѣ бы нитка не порвалась, да путанка не вышла... И все одно и то же... Кажется, часъ постоять—умеръ бы съ тоски... А они ничего—веселы!.. И пускай бы—жалованье хорошее получали, а то гроши какіе-то... Бѣдность, бѣдить чортъ знаетъ что, въ лохмотьяхъ всѣ, а все ни по чемъ—веселѣхоньки!.. А я вотъ и ситъ, и одѣтъ, и заботы нѣтъ никакой, а брожу по фабрикѣ-то точно тѣнь: тамъ постую, по-смотрю; въ другомъ мѣстѣ—постую, въ контору зайду, смерть—тоска...

— Оттого, что безъ дѣла: работы нѣтъ по мысли. Вѣдь и за другими надвирать—то же работа: извѣстно—поскучишь, чѣмъ самому дѣлать, а все-жъ-таки работа... Вонъ у васъ десятники ходять, за ткачами смотреть, тоже дѣло дѣлають, плату за него получаютъ и скуи тоже не знаютъ... Надо, чтобы дѣло, второе дѣлаешь, въ прокъ шло, пользу приносило,—тогда не скучно...

— Вотъ и я то же думаю: оттого мнѣ и не мило все, что я не самъ по себѣ, а нѣ-за чужой воли кожу да смотрю... Кабы выдумать себѣ такое дѣло, чтобы никто не мѣшалъ, не связывался, а самъ бы себѣ полный хозяинъ... Вотъ бы хорошо!.. И затѣваемъ мы одно такое дѣльце съ Алѣной Николаевной... Хотимъ гдѣ-нибудь на деревнѣ, потихоньку отъ тятеньки, шволу завести для ребятъ, а пожалуй и для взрослыхъ—по праздни-камъ... Приходи—кто хочетъ—учись!.. Какъ ты думаешь?..

— А что же, это доброе дѣло... Ужъ какъ бы было хорошо, если бы сдѣлалъ!..

— Право. Тутъ же ближними деревнямъ наши фабричные ребяткиши живутъ на квартирахъ: стали бы бѣгать, учиться въ школы... Намилъ бы а большую школу и учителя... А по воскрес-

свѣжѣмъ воскресную бы школу сдѣлали для взрослыхъ; я бы самъ сталъ учить, когда можно—Алёна Николавна, и ты не хочешь ли?..

— Да я бы съ радостью...

— И я такъ думаю, что если тятенька узнаетъ, браниться ставеть, я ужъ не послушаю... не брошу этого дѣла... Да, можетъ, очень и браниться-то не будетъ, потому я на свои деньги сдѣлаю... У меня есть положеніе отъ него—триста рублей въ мѣсяцъ: на эти деньги можно школу содержать... Пускай же Алёна Николавна не смѣется, что я паразитъ, на чужой счетъ живу и все для себя, а для людей ничего не дѣлаю—вотъ пускай же увидитъ, что и я могу дѣлать!.. Такъ ты будешь съ нами учить по воскресеньямъ?..

— Съ моимъ полнымъ удовольствіемъ...

— А учителемъ-то мы думаемъ твоего позвать учителя, переманить... Я ему хорошее жалованье положу и квартиру найму на свой счетъ...

— Ужъ не знаю, пойдетъ ли?..

— А ты поговори съ нимъ... Ты вотъ что, Федоръ: въ это воскресенье, когда тятенька и Дмитрій Тимоѣичъ съ сестрой лягутъ послѣ обѣда спать, мы сойдемся гдѣ-нибудь на совѣщаніе... И Алёна Николавна придетъ... Мы и потолкуемъ...

— Я въ это воскресенье-то хотѣлъ домой побывать...—проговорилъ Федя—и весь вспыхнулъ.

— Ну, поспѣешь еще сходить... Въ то воскресенье сходишь... А это дѣло такое, нужное... Надо непременно поскорѣе сообща перетолковать и согласиться... Нѣтъ, ужъ ты этотъ разъ останься...

— Да развѣ вы безъ меня не...

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ, чтобы и ты былъ непременно... Всѣ сообща... По крайней мѣрѣ, доброе дѣло затѣваемъ, не что другое... Нужно и на счетъ учителя столковаться, а послѣ ты съ нимъ и повидаешься, переговоришь... Этого откладывать нельзя... Я рѣшился поскорѣе...

Тяжело было Федѣ отказаться отъ мечты повидать въ ближайшее воскресенье Параню, но дѣло, затѣваемое Александромъ Кузьмичемъ, казалось ему очень важнымъ; при этомъ онъ вспомнилъ слова Василія Якимича о себялюбіи, о равнодушіи къ общественной пользѣ—и ему показалось совѣстно отказаться. Скрѣпя сердце, черезъ силу, онъ обѣщалъ остаться на это воскресенье на фабрикѣ.

Условились, чтобы Федя пришелъ въ Александру Кузьмичу часу въ третьемъ пополудни. Федя шелъ на совѣщаніе мрачный: хотя онъ остался и лишилъ себя удовольствія, о которомъ давно

мечталъ, ради добраго дѣла, хотя онъ совершилъ, казалось ему, подвигъ самоотверженія, но внутренно онъ не былъ доволенъ собою, страшно тосковалъ весь день, думая о Паранѣ, и находилъ, что Александръ Кузьмичъ могъ бы обойтись на этотъ разъ и безъ него. Анализируя себя, онъ съ досадою задавалъ себѣ даже такой вопросъ: не потому ли я только остался, что хозяйскій сынъ мнѣ велѣлъ?.. Кабы другой кто просилъ для того же дѣла, пожалуй не послушалъ бы, какъ бы нибудь отказался, отговорился!.. И что за совѣщаніе такое?.. развѣ нельзя безъ него? Ну, надумали и сдѣлали... Шлолу отереть: о чемъ тутъ совѣщаться? Коли деньги есть, нанялъ избу просторную, да оповѣстилъ ребятишекъ: идите учиться, кто хочетъ, денегъ брать не будутъ: даромъ!.. Вотъ и все!.. Да былъ бы учитель хорошій!.. И зачѣмъ я имъ на это совѣщанье?.. Вотъ развѣ на-счетъ Василья Якимыча? Такъ сказали бы, что ему передать: я бы пере-сказалъ... А вотъ теперь: цѣлую недѣлю опять сиди, а тамъ Параня... Богъ ее знаетъ, что съ ней тамъ дѣлается... Хорошо, какъ дѣло изъ всего этого выйдетъ хорошее, доброе!.. А какъ такъ—только одни разговоры?..

Не безъ робости вошелъ Федя въ ворота хозяйскаго дома, и былъ радъ, что не встрѣтилъ никого на дворѣ, проходя въ крыльцу, черезъ которое долженъ былъ войти въ комнаты, занимаемыя Александромъ Кузьмичемъ. Будущему владѣльцу фабрики была отведена для его жительства чуть не цѣлая половина нижняго этажа. Во-второмъ этажѣ жилъ Дмитрій Тимоѣенчъ; тамъ же помѣщался и Кузьма Иванычъ, когда пріѣзжалъ въ Старое село. Комнаты, которыя занималъ Александръ Кузьмичъ, хотя были тѣсно заставлены новомодной мебелью, выписанною изъ Москвы, казались совсѣмъ необитаемыми, и смотрѣли какъ-то непривѣтливо, мрачно и скучно. Молодой хозяинъ дѣйствительно и не жилъ почти въ нихъ: цѣлый день онъ проводилъ или на фабрицѣ, или на-верху, у сестры, а въ своемъ отдѣленіи только ночевалъ или уходилъ сюда, чтобы почитать, когда наверхъ-валась книга, и покурить потихоньку, такъ какъ куреніе табаку въ домѣ Кузьмы Иваныча было воспрещено и для Александра Кузьмича составляло удовольствіе запретное. Кузьма Иванычъ хотя не былъ раскольникомъ, но держался старины, крестился большимъ, то-есть двуперстнымъ крестомъ и охотнѣе посѣщалъ единоуврческую церковь, чѣмъ православную, хотя вообще не былъ особенно богомоленъ. Для сна и для куренья Александръ Кузьмичъ выбралъ себѣ самую заднюю комнату, которая одна и была обитаема: чрезъ остальные онъ только проходилъ, нибогда почти

не останавливаясь въ нихъ. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, Александръ Кузьмичъ принималъ своихъ гостей въ одной изъ парадныхъ комнатъ. Федею онъ замѣтилъ изъ окна, когда тотъ пробирался по двору, и встрѣтилъ его еще въ сѣняхъ.

— Иди, иди сюда, за мной...—сказалъ онъ ему.

Феда былъ нѣсколько смущенъ роскошной обстановкой комнаты, чрезъ которая проходилъ вслѣдъ за хозяиномъ: онъ никогда еще не видалъ ничего подобнаго.

— Это вы куда же меня ведете?—спросилъ онъ вполголоса, проходя вторую комнату.

— Въ себя, къ себѣ... тутъ никого нѣтъ, кромѣ меня... Это мои комнаты...

— Всѣ ваши?.. Во всѣхъ одни живете?..

— Да... А что?..

— Ничего... Больно ужъ много... Скучно, чай, однимъ-то?.. Сколько покоевъ, а одни...

— Да я и не живу почти въ нихъ: занимаю только одну комнатку... А такъ вотъ—отвели мнѣ это отдѣленіе: вотъ, говорить, твои комнаты... Ну, мои и считаются...

— Да куда съ столько одному... Тоска возьметъ!.. Вотъ бы гдѣ шволу-то завести: просторно бы, хоть сто человѣкъ вдругъ соберись—не тѣсно...

— А вотъ все женить-то меня собираются: для того и комнату столько отвели... Неравно, дескать, женимъ, такъ вотъ и квартира ему съ молодой женой...

Александръ Кузьмичъ обратился къ Федѣ и какъ-то печально усмѣхнулся. Феда промолчалъ.

Они вошли въ комнату, гдѣ уже сидѣлъ одинъ гость—новое, незнакомое Федѣ лицо.

— Вотъ онъ, Захаръ Яковичъ, механикъ-то нашъ, что я вамъ говорилъ...—сказалъ Александръ Кузьмичъ, указывая на Федею.

Гость промывчалъ что-то и, не вставая съ мѣста, протянулъ Федору руку. Феда съ любопытствомъ оглядѣлъ его. Это былъ угрюмый, хмурый, съ длинными кудрявыми волосами, смурный, худощавый молодой человѣкъ, въ затасканномъ коротенькомъ пиджакѣ, который былъ надѣтъ прямо на красную шерстяную рубашку, выпущенную сверхъ брюкъ; на ногахъ у него были высокіе, до колѣнъ, грязные, нечищенные сапоги. Онъ сидѣлъ на вреслѣ сгорбившись и уткнувши подбородокъ въ ладонь лѣвой руки, которая упиралась локтемъ въ колѣно.

— Изъ барскихъ или изъ казенныхъ?—спросилъ онъ отры-

висто, уставившись глазами въ Федора и не пережѣвая позы, въ которой сидѣлъ.

— Какъ — изъ барскихъ?.. Нынче барскихъ нѣтъ... — отвѣчалъ Федя, оглядываясь и выбирая мѣсто гдѣ бы сѣсть, или хоть стать въ сторонкѣ.

— Какъ нѣтъ?.. А временно-обязанные чьи же?..

— Нѣтъ, мы на выкупѣ: собственники...

— Собственники!.. — усмѣхнулся гость. — Ну, значить, господскіе: господину становому и господину исправнику обязаны слушать и повиноваться...

— Правда, правда!.. — сказалъ Александръ Кузьмичъ, усмѣхаясь. — Садись, Федя... садись вотъ хоть сюда... Что-жъ ты стоишь-то?..

— А вы кто же будете? — спросилъ Федя, неловко усаживаясь на мягкое эластическое кресло.

— Жеребачьей породы!... Дьячковъ сынъ!.. — рѣзко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Изъ какого же села? — добродушно спросилъ Федя.

— Они студентъ... университетскій... Вотъ кто!.. — подсказалъ Александръ Кузьмичъ.

Въ это время послышались спѣшныя шаги въ сосѣдней комнатѣ — и хозяинъ бросился туда.

— Насилу, насилу вырвалась... — послышался женскій голосъ. Ну, ужъ племяннички у васъ, Александръ Кузьмичъ: и видно, что будущіе монополисты — эксплуататоры... Ни на минуту свободы и отдыха не дадутъ: забавляй ихъ, занимай безпрестанно... Да, вѣдь, требуютъ, приказываютъ!.. Чортъ знаетъ что такое!.. Насилу отдѣлалась...

Съ этими словами въ комнату, гдѣ сидѣли Федя и студентъ, вошла гувернантка Дмитрія Тимоѣенча, Алѣна Николаевна, въ сопровожденіи хозяина.

— А, старый знакомый, здравствуйте!.. — сказала она, увидя Федю, и протягивая ему руку. — Ну, какъ поживаете?..

— Да ничего-съ... — отвѣчалъ Федя, стоя передъ нею.

— А что же, прочитали, что я вамъ присылала съ Александромъ Кузьмичемъ?..

— Прочиталъ.

— Что, батюшка, каково?.. А?.. Что вы скажете?..

— Не знаю ужъ какъ и сказать... Неужели ужъ все это правда?..

Алѣна Николаевна засмѣялась.

— Ахъ, юноша!.. Спрашиваетъ: правда ли?.. Васъ, видно,

еще жизнь мало учила, или вы неспособны наблюдать, или вы ретроградъ?.. Да вы посмотрите вокругъ себя: чтѣ тутъ дѣлается?.. Не только все правда, чтѣ вы тамъ прочитали, но это, только капля того зла, той мерзости, среди которыхъ мы живемъ... О, еще съ вами нужно много, много толковать! Я вамъ дамъ еще одну вещь—прочитайте и подумайте... Да подумайте хорошенько, обсудите все!.. Нѣтъ, батюшка, тутъ нужно не такими вопросами задаваться: правда ли?.. А нужно дѣйствовать, нужно принимать мѣры рѣшительныя, энергическія...

Разговаривая съ Федей, Алёна Николавна безпрестанно взглядывала на студента. Александръ Кузьмичъ, стоявшій около нея, въ ожиданіи когда она кончитъ разговоръ съ Федей, замѣтилъ эти взгляды и прервалъ разговоръ, указывая на своего незнакомаго для нея гостя.

— Вотъ, Алёна Николавна,—сказалъ онъ, позвольте познакомиться: студентъ изъ Петербурга... Захаръ Яковличъ Промптовъ.

— А, землякъ!.. Здравствуйте... Очень рада!..

Алёна Николавна протянула руку.

— Мое почтеніе...—проговорилъ Промптовъ, неуклюже приставъ съ кресла, и какъ-то въ бокъ кланяясь; затѣмъ опять усѣлся въ прежней позѣ.

Алёна Николавна помѣстилась около него.

— Медикъ?—спросила она его.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ естественникъ?

— Почему вы думаете?

Алёна Николавна нѣсколько затруднилась отвѣтомъ.

— Такъ... Куда же нынче идти, какъ не на естественный?..

Или по медицинѣ, или на естественный...

— Не резонъ!..—проговорилъ Промптовъ.

— Да, конечно... По крайней мѣрѣ, реальныя знанія—не метафизика!.. Естественникъ всегда можетъ приложить свои знанія къ дѣлу, принести пользу...

— Никакой!.. И знанія у насъ не такія, чтобы къ дѣлу приглядывать:—зубримъ классификаціи да и шабашъ, а дай первую траву, чтѣ каждый мужикъ знаетъ—безъ атласа не опредѣлимъ... Такъ и во всемъ... Все вздоръ!.. А вы что: изъ институтокъ?..

— Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ... не институтка!..—торопливо и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчала Алёна Николавна...—Я кончила въ гимназіи...

— Ну, это маленько получше. Тамъ уроки тверже учать...

— Я послѣ того два года на лекціи ходила...

— Это на педагогическіе курсы, что ли?..

— Нѣтъ... Тамъ узко, односторонне: я ходила на всѣ публичныя лекціи...

— По клубамъ, значить... Тамъ читають хорошо...—проговорилъ Промитовъ какъ-то неопредѣленно:—не то серьезно, не то съ насмѣшкой, поглаживая свою бороду снизу отъ шеи вверхъ и закрывая ею лицо.

Алёна Николавна вспыхнула.

— Вы смѣтаете, что ли?... Тамъ всѣ знаменитости читали... Я всѣхъ ихъ слушала...

— Зачѣмъ смѣяться... Я не смѣюсь...

— Я въ Петербургѣ во многихъ кружкахъ была... Знаю всѣхъ... Отчего нигдѣ васъ не встрѣчала?... —спросила гувернантка тоже не безъ язвительности.

— Не приходилось, значить: до нашего не дошли...

— Однако, Александръ Кузьмичъ, мы сошлись сюда для совѣщанія... Надѣюсь, что мы здѣсь всѣ единомыслищи и можемъ говорить свободно?..

— Само собой, Алёна Николавна, — отвѣчалъ Копатниковъ. — Я вамъ не успѣлъ сказать: Захаръ Яковличъ привезъ мнѣ письмо изъ Петербурга отъ такихъ людей... которыхъ вы знаете... Я вамъ рассказывалъ: какіе это люди!.. Они пишутъ, что это самый уважаемый человѣкъ и просятъ меня во всемъ ему довѣряться, если только я самъ не перемѣнился... А вы знаете: перемѣнился ли я... Захаръ Яковличъ неожиданно пришелъ ко мнѣ, но я нарочно просилъ ихъ остаться: думалъ, что они могутъ хорошій совѣтъ дать намъ въ нашемъ дѣлѣ.

— Это вы, барышня, на мой счетъ, что ли, сумнѣваетесь?.. Не сумнѣвайтесь!..—сказалъ Промитовъ.

— Я васъ только объ одномъ попрошу: не называть меня барышней, потому что я этого ненавижу... Кажется, я на барышню не похожа!.. Вы, конечно, меня мало знаете... Ну такъ знайте, что я предана идеѣ, можетъ быть больше, чѣмъ вы... И вы напрасно меня оскорбляете...

— Зачѣмъ оскорблять... Оскорблять не полагается никого... Вы не сердитесь!.. Сами вы первая меня заподозрили... Это вамъ только отместка...

— Ну, значить, миръ!.. съ удовольствіемъ вскрикнула Алёна Николавна, протягивая руку Промитову. — Я добрая и сердиться долго не умѣю!.. Однако, начнемъ-те господа: я того и жду, что меня хватятся и будутъ искать, или что дѣти разбудятъ Лизавету Кузьминичну. Вотъ вы бы пожили въ моей шкурѣ:

совсѣмъ въ осадномъ положеніи живу и подъ надзоромъ полиціи... свободнаго шага сдѣлать нельзя!.. Послѣднія слова были съ заискивающей улыбкою обращены къ Промптову.

Тотъ великодушно промолчалъ.

— Ну-съ, Александръ Кузьмичъ, такъ приступайте... обратилась она къ хозяину. Молодой Кошатниковъ сѣлъ поближе къ своимъ гостямъ, отвѣщаясь и съ видимымъ смущеніемъ, конфузясь, началъ говорить, обращаясь преимущественно къ студенту:

— Вотъ видите ли, Захаръ Яковичъ, что мы надумали... Какъ вы найдете?.. Желая послужить для общества... и принести пользу... Мы вотъ богаты, живемъ въ роскоши, имѣемъ большіе барыши все черезъ рабочихъ, а они бѣдствуютъ и необразованы... Надумали мы открыть для нихъ школу... а на свои собственныя средства, потому тятенька у меня противъ всѣхъ этихъ школъ, но только нужно сдѣлать такъ, чтобы...

— Вы, я вижу, стѣсняетесь, Александръ Кузьмичъ, говорить про ваши семейныя отношенія...—перебила его гувернантка.—Позвольте я объясню, какъ человѣкъ посторонній... Вотъ видите въ чемъ дѣло: здѣсь, въ семействѣ и на фабрицѣ, двѣ партіи: одна ретроградная и обскурантная—это тятенька и его зять, у котораго я живу въ гувернанткахъ, съ ихъ сателитами, другая—прогрессивная и либеральная, къ которой принадлежимъ пока только мы трое: вотъ я, Александръ Кузьмичъ и онъ, Чернушкинъ... Вы понимаете, что на сторонѣ первой капиталъ, власть и сила, употребляемая исключительно съ эгоистической, эксплуататорской цѣлью... А при этомъ разумѣется и крайнее невѣжество и вражда къ просвѣщенію и развитію массы. Отецъ Александра Кузьмича и слышать не хочетъ объ устройствѣ школы для фабричныхъ, а вы понимаете, что она необходима прежде всего... Вотъ мы и надумали, на личныя средства Александра Кузьмича, и безъ вѣдома его отца, открыть въ одной изъ сосѣднихъ деревень постоянную школу для дѣтей и воскресную для взрослыхъ рабочихъ... Въ послѣдней мы будемъ учить всѣ трое, а въ постоянные учителя имѣемъ въ виду пригласить одного—сельскаго учителя... изъ очень развитыхъ и передового... Съ нимъ усилится и наша партія... Вотъ мы и собрались, чтобы потолковать, какъ это все оборудовать, намѣтить цѣль и программу...

— Позвольте...—остановилъ Промптовъ.—Все это очень прекрасно и похвально, только въ сущности, я вижу, выйдетъ одинъ водоръ...

— Какъ вздоръ? какъ вздоръ?... Что вы такое говорите?.. — загорячилась Алёна Николавна. — Я никакъ не ожидала, чтобы вы...

— Погодите же... — перервалъ ее Промптовъ. — Развѣ вы не знаете, что на открытіе школы нужно получить разрѣшеніе... а если откроете безъ разрѣшенія, то ее скоропостижно и прихлопнуть, закроютъ?.. Да, пожалуй, и васъ ко Иисусу потянутъ...

— Вы забываете одно, что здѣсь глухая деревня... что о существованіи школы власти узнаютъ развѣ черезъ годъ... А годъ слишкѣмъ большой срокъ, чтобы научить грамотѣ сотни двѣ рабочихъ... А это уже порядочная колонія первыхъ пионеровъ!.. Отъ нихъ черезъ годъ выучатся еще двѣсти человѣкъ... Вотъ вамъ и почва: сѣйте тогда!.. Притомъ на первое время мы будемъ очень осторожны... А потомъ, если бы и пришлось пострадать, такъ что же?.. съ радостью!.. по крайней мѣрѣ за доброе дѣло!.. А фундаментъ все-таки будетъ положенъ...

— И ни почвы вы не приготовите, никакого фундамента не заложите, потому-что почва-то нигуда не годная, совсѣмъ не производительная... Ее нужно вывѣтрить предварительно, только не такими мѣрами... Да не только года, мѣсяца не продержится ваша затѣя... Первый ближайшій попъ донесетъ... сами мужики пойдутъ на васъ жаловаться...

— Охъ, что вы такое говорите!.. — вскричала Алёна Николавна. — Да вы отрицаете народъ, вы не вѣрите въ него...

— Не вѣрю...

— Какъ не вѣрите?

— Такъ и не вѣрю... Народъ любить и идетъ только за тѣмъ, кто держитъ надъ нимъ палку и бьетъ его, а кто его любить и идетъ къ нему съ добромъ, того онъ самъ бьетъ...

— Вы меня удивляете... Я не слыхала никогда ничего подобнаго отъ людей, которые...

— Мало ли вы чего не слыхали!.. На публичныхъ лекціяхъ объ этомъ не читаютъ...

— Вы напрасно остроумничаете... Я уже, кажется, вамъ говорила, что бывала во многихъ кружкахъ и до сихъ поръ нахожусь въ сношеніяхъ...

— Мало ли какіе есть кружки: въ иныхъ чай пьютъ и разговоры разговариваютъ, въ другихъ пиво дуютъ и дебатируютъ... Тольк-то одинъ и тотъ же... Дѣло, барышня, нужно, а не разговоры!..

— Да я не вижу, баринъ, чтобы и вы какое-нибудь дѣло указывали... — вскричала Алёна Николавна, уже совсѣмъ рассер-

женная. — Да развѣ школа — не дѣло?.. Вотъ въ вашихъ словахъ, такъ кромѣ разговоровъ я дѣйствительно ничего не вижу!.. Почва не производительна, нигуда не годная, школа — вздоръ; нужны особенныя мѣры: такъ какія же?.. Скажите!.. Вѣдь, чтобы говорить народу объ ассоціаціяхъ, о рабочихъ союзахъ и о прочемъ, нужно, я думаю, его подготовить, чтобы онъ могъ понимать, что ему говорить, а для этого — нужно его учить или нѣтъ?.. Какъ вы думаете?..

— Думаю, что съ этапными подготовителями и учителями онъ и черезъ двѣсти лѣтъ будетъ стоять на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ...

— Да вы отрицаете даже прогрессъ... Такъ выскажите же ваши принципы, вашъ profession de foi... Мы говоримъ съ вами откровенно, нисколько не остерегаясь и не стѣсняясь... Скажите же намъ, какія ваши идеи, принципы, цѣли и намѣренія...

— Это ради чего же я вамъ буду докладывать?.. Это для празднословія-то?.. Если я буду вамъ говорить, такъ развѣ тогда, когда вы придете меня слушать и слушаться... когда вы рѣшитесь и обязаетесь дѣлать то, что вамъ укажутъ и прикажутъ... когда вы согласитесь войти въ организацію крѣпкую, строго-обдуманную, хорошо-управляемую и могучую, гдѣ никакіе дебаты и празднословіе невозможны, а требуется одно дѣло для дѣйствительной, несомнѣнной, а не мечтательной общей пользы... Когда вы вырастаете и окрѣпаете духомъ для такого дѣла, тогда самъ Промптовъ или другой, такой же, какъ онъ, найдетъ васъ и скажетъ вамъ это дѣло, пожалуй — объяснитъ и идеи, и принципы, и намѣренія... Я вамъ скажу, что въ васъ есть задатки и вы до этого дойдете, но теперь еще рано... А теперь пока устраивайте вашу школу: отъ нечего дѣлать и это дѣло!..

Произнесъ этотъ монологъ, Промптовъ точно преобразился: онъ выпрямился, гордо поднялъ голову, глаза его смотрѣли сурово, строго и горѣли огнемъ фанатизма, все лицо его выражало рѣшительную, непреклонную волю. Алѣна Николаевна совсѣмъ притихла и смотрѣла на него чуть не со страхомъ и благоговѣніемъ: она вдругъ смирилась, почувствовавши силу, точно капризный конь въ рукахъ сильнаго и искуснаго наѣздника. Съ невольной робостью и уже прямо со страхомъ смотрѣлъ на него Александръ Кузьмичъ, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ Оеда. Промптовъ всталъ.

— Прощайте-ка... — сказалъ онъ, обращаясь въ Александру Кузьмичу. — Я вамъ, кажись, мѣшаю только... Что-жъ отвѣтить: будутъ деньги, или нѣтъ?..

— Будутъ, будутъ...—отвѣчалъ поспѣшно Александръ Кузьмичъ.

— Ну, ладно... Прощайте повамѣсть. Вы на меня не сердитесь,—обратился онъ круто къ Алѣнѣ Николаевнѣ:—я вижу въ васъ хорошаго человѣка, способнаго на настоящее дѣло... И если я говорилъ грубо и сурово, такъ, во-первыхъ, у меня такая дурацкая манера, да и опротивѣли эти подлыя вѣжливости, а во-вторыхъ, всѣ ваши ватѣи и ваша борьба кажутся мнѣ ребячествомъ и шалостью... А все-таки и школа, если вамъ удастся ее устроить, дѣло въ сущности хорошее, хоть и маленькое; для начала и оно не мѣшаетъ!..

— Такъ вы совѣтуете открывать ее? почти въ одинъ голосъ спросили Алѣна Николаевна и Александръ Кузьмичъ.

— Если хоть двухъ-трехъ лишнихъ чтецовъ выучите, и то заслуга... Прощайте, господа...

Промптовъ кивнулъ головой всѣмъ присутствующимъ и, не подавая никому руки, пошелъ вонъ изъ комнаты. Александръ Кузьмичъ пошелъ его провожать.

— Что вы про него думаете? —спросила Алѣна Николаевна у Оеди, оставшись съ нимъ наединѣ.

— А Богъ его знаетъ... отвѣчалъ Оедя неопредѣленно.

— Но въ немъ видна большая сила и воля... воля страшная!.. Этотъ человѣкъ на все пойдетъ!..

— Мало онъ говорилъ-то: все больше загадками...

Воротился Александръ Кузьмичъ, возбужденный и вволюванный.

— Вотъ человѣкъ-то!..—говорилъ онъ.—Чортъ ему не братъ!.. Даже тяжело и страшно съ нимъ какъ-то... Вотъ ужъ этотъ за какое дѣло возьмется, такъ видно что сдѣлаетъ!..

— А, должно быть, они что-то большое и серьезное затѣваютъ...—проговорила Алѣна Николаевна.

— Да, да... Онъ мнѣ и до васъ намекалъ... и въ письмѣхъ пишуть, только неясно... А школу-то и уходя опять совѣтовалъ открыть...

— Вы мнѣ послѣ расскажете подробно про него и про всѣхъ вашихъ петербургскихъ знакомыхъ,—просила Алѣна Николаевна. — А теперь намъ надо же рѣшить поскорѣе про школу: того и жду, что меня будутъ искать.

Снова начались совѣщанія, результатомъ которыхъ было порученіе Оедѣ переговорить съ Василюмъ Яемичемъ, а между тѣмъ Александру Кузьмичу принять помѣщеніе для школы и квартиры учителя въ ближайшей деревнѣ. Алѣна Николаевна, а

также и Федя, должны были распространять между рабочими мысль о необходимости учиться самимъ и заставлять учиться дѣтей, и готовить ихъ въ открытію, въ скоромъ времени, школы, противъ воли и желанія главнаго хозяина и директора фабрики.

Федя ушелъ съ этого совѣщанія возбужденный, съ отуманенной головой и недовольный. Масса неразрѣшенныхъ вопросовъ толпилась въ его головѣ; онъ чувствовалъ какую-то неудовлетворенность, какую-то досаду и на себя, и на окружающихъ, что-то было неясное, странное, точно умышленно-запутанное въ такомъ простомъ и хорошемъ дѣлѣ, какъ открытіе школы; онъ не умѣлъ объяснить себѣ въ чемъ именно, но чувствовалъ какую-то фальшь, притворство: точно всѣ они, участвовавшіе въ разговорѣ, играли комедію, а между тѣмъ онъ вѣрилъ въ искренность Александра Кузьмича, въ желаніе сдѣлать добро со стороны Алёны Николаевны. О добротѣ послѣдней онъ уже слышалъ отъ многихъ на фабрикѣ: она ласкала грязныхъ ребятишекъ, раздавала имъ свое бѣлье, лечила и давала денегъ на лекарства больнымъ. Больше всего смущалъ его Промптовъ: какъ можно высказывать такое презрѣніе къ народу, такое недовѣріе къ нему, и съ такимъ энтузіазмомъ предпринимать что-либо во имя общей пользы? Онъ сравнивалъ его съ Василиемъ Якимичемъ, находилъ между ними нѣкоторое сходство, но и большую разницу: въ учителѣ было то же недовольство окружающимъ, раздраженіе и озлобленность, но не было и тѣни того спокойствія, самоувѣренности и энтузіазма. Въ стремленіяхъ и желаніяхъ Василія Якимича была какая-то неопредѣленность, неясность; Промптовъ говорилъ загадками, что-то скрывалъ, но видно было, что у него была ясная и опредѣленная задача и цѣль. Василій Якимичъ старался доказать, объяснить, увлечь своими доводами и совѣтами; этотъ говорилъ мало, ничего не доказывалъ, но говорилъ такъ, какъ будто имѣлъ право требовать и приказывать... Почему же?.. Кто ему далъ это право?..

III.

Наконецъ, насталъ давно ожидаемый праздникъ, въ который Федя надѣялся увидѣть Параню. Какъ только пошатавши на фабрикѣ, Федя отправился въ путь, несмотря на то, что время шло уже къ вечеру: ускореннымъ шагомъ онъ надѣялся добѣжать до Онучина еще до ночи, застать Параню съ матерью не-

спящими, повидать ее хоть минуту, и, смотря по приему и обстоятельствамъ, остаться ночевать у нихъ, либо идти къ Василю Якимичу, съ тѣмъ, чтобы на другой день опять придти къ Паранѣ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Федя подходилъ къ Онучину, но, къ его удовольствію, въ окнахъ избышекъ еще мелькали огоньки. И нетерпѣніе, и радость, и какая-то безпричинная тревога наполняли сердце Феда: оно билось такъ сильно, точно хотѣло выскочить изъ груди. У него захватывало дыханіе. Юноша долженъ былъ останавливаться на минуту, чтобы перевести духъ. На улицѣ деревни было совсѣмъ безлюдно и тихо, лаяли только изъ подворотень собаки. Вотъ, наконецъ, и избышка Парани.

Окна ея изнутри были чѣмъ-то завѣшены, но черезъ занавѣски свѣтился огонекъ, хотя и нельзя было видѣть, что дѣлается въ избѣ. Но тамъ еще не спали. Слышались голоса, смѣхъ. Федя остановился въ нерѣшимости: входить или нѣтъ въ избу. Вотъ мужской голосъ запѣлъ веселую, непристойную пѣсню; ее прерывалъ женскій хохотъ. Федя весь задрожалъ: голосъ пѣвца показался ему знакомымъ, и неужели Параня слушаетъ эту пѣсню и хохочетъ вмѣстѣ съ матерью?.. А, кажется, слышался и ея смѣхъ: врядъ ли Федя обманется и не узнаетъ ея смѣха—такого серебрянаго, такого, бывало, радостнаго для него... Но вдругъ пѣсня оборвалась женскимъ визгомъ: это взвизгнула Параня, навѣрно она!.. И среди этого визга... почудилось ли Федѣ, или вправду... какъ будто слышались поцѣлуи... Что тамъ дѣлается?.. Холодный потъ выступилъ на лбу у Феодора. Онъ рванулся къ воротамъ, толкнулъ калитку, но она была заперта изнутри. Федя вновь подошелъ къ окну съ намѣреніемъ постучаться и требовать, чтобы отперли ворота и впустили его, и поднялъ-было уже руку, но остановился: въ избѣ шла какъ-будто перебранка, слышался топотъ ногъ, какъ будто одинъ толкалъ другого, скрипнула дверь избы, огонь или потухъ, или его вынесли въ сѣни. Федя замеръ въ нерѣшимости, въ ожиданіи что будетъ дальше. Послышались голоса на дворѣ, шаги къ воротамъ, изъ подворотни мелькнулъ свѣтъ: Федя сообразилъ, что провожаютъ гостя, что свѣча вынесена на мостъ, чтобы освѣтить дворъ. Онъ притаился за угломъ избы. Ночь была осенняя, темная: Федя надѣялся, что его не разсмотрятъ и стоялъ неподвижно, прислушиваясь. Щелкнула щеколда, открылась калитка.

— Ну, ступай же, ступай... — говорила Дарья Тихоновна ласковымъ голосомъ. — Право ну, спать пора... Ну, что подъ правдникъ волобродишь до полуночи... Ступай же, говорятъ... Завтра лучше днемъ приходи...

— Да, знамо, приду...— отвѣчалъ мужской голосъ, и въ немъ Оеда тотчасъ же узналъ голосъ Кирилы.

Вся кровь бросилась въ голову юноши.

— Вотъ сердце-то вѣщунъ!— мелькнуло у него въ головѣ.— Не даромъ тоска смертная была... Такъ, вѣдь, развѣ онъ къ ней? вѣдь, не къ ней! къ матери, ко вдовѣ!..

— Ты слышь-ка, повыдь-ка сюда, повыдь... — продолжалъ Кирила, переступая подворотню.

— Ну, что еще?— спрашивала Дарья Тихоновна, выходя на улицу, и притворяя за собой калитку,

— Я знаю, вѣдь, подлая, отчего ты меня гонишь...— говорилъ Кирила вполголоса.

— Да извѣстно отчего: завтра праздникъ... Добрые люди давно спать ложатся... Нѣтъ на тебя дня-то...

— Нѣтъ, врешь, не оттого... А изъ-за Параньки!..

— Ну, извѣстное дѣло, хоть бы и изъ-за нея... Дѣвкѣ спать хочется, а ты сидишь, да еще лѣзешь къ ней, заигрываешь...

— Врешь, не хочется ей спать: она сама рада.. А ты зачѣмъ сторожишь насъ, минутки не дашь посидѣть однимъ?..

— Куда тебя одного пустить: ты вонъ и при мнѣ-то силомъ цѣловать лѣзешь въ обнимку... Развѣ это дѣло?..

— Нѣтъ, не силомъ, а тебѣ завидно, что она сама ко мнѣ всей душой: вотъ что тебя мутить...

— Такъ что ты, прокаженный: и къ матьѣ, и къ дочкѣ, что ли, хошь ходить... Перекстись!.. Будеть съ тебя грѣха-то и этого: ты вѣдь женатый!.. чортъ!..

— Такъ что, что женатый?.. Не твое дѣло!.. Ты думаешь, я изъ-за тебя, что ли, хожу къ тебѣ чуть не ежедень, да весь домъ перетаскалъ сюда... Про тебя-то будетъ бы и шалеваго платка да штофа воды... А тутъ дѣло такое пришло ко мнѣ: смертное!.. Житья нѣтъ безъ нея... Вотъ тебѣ, связываю!.

— Поди-ка, поди... Вишь ты, чтó еще выдумалъ!.. Рыло-то намочилъ... Пьяница!.. Забрало его; не помнитъ чтó говорить!..

— Нѣтъ, помнитъ онъ, знаетъ, чтó говорить... А слушай, Дарья: смерть моя пришла... Ни жить, ни быть безъ нея!.. Что хошь спрашивай: все отдамъ, весь домъ изведу, только ты мнѣ ее предоставь... Ну, хоть не мѣшай ты мнѣ!.. Дай волю!..

— Да что ты, бахвалъ, что ты о себѣ полагаешь?.. По твоему ли рылу Паранька?.. Да ты самъ-отъ продайся, и съ женой-то, и съ домоу-то совсѣмъ, такъ ты пальца Паранькинова-то не стѣбишь... Да и не полагай: и смотрѣть-то она на тебя не захочетъ...

— Ну, ужъ это мое дѣло: захочеть, или нѣтъ.. А ты сама не бахвалься, а вотъ что думай: коли ты не уважишь меня, мы съ ней сбѣжимъ потихоньку.... Долго ли, коротко ли, а ужъ сманю я ее: вотъ тебѣ сказываю!.. И духу нашего не услышишь.. А нѣтъ, разбоимъ пойду: силой выераду, а ужъ будетъ моя!.. А ты лучше подушевно дѣлай, чтобы и тебѣ не голодать вѣтъ.. Я вотъ что надумалъ: испродамъ все, денегъ будетъ у меня достаточно... И поѣдемъ всѣ вмѣстѣ втроемъ куда ни на есть, въ отдаленную сторону, жить... Торговать станемъ, разбогатѣемъ... Почитать тебя стану...

— Убирайся ты, и вправду... Что ты, дуру, что ли, напелъ: испугать, али обойти меня хочешь?.. Видала, братья, я на своемъ вѣку много энихъ бахваловъ-то!.. Не испугаешь меня, и на кривой-то не объѣдешь!.. Кабы у тебя тысячи въ карманѣ-то были, да вынулъ бы ты ихъ и мнѣ въ руки отдалъ... ну, мы бы еще съ тобой поговорили... А этакъ-то?.. Ступай-ка, проваливай!.. Вишь ты, онъ меня чѣмъ манитъ: уѣдемъ да торговать станемъ на два алтына, богатѣть будемъ... Да ты сначала расторгуйся, да тутъ и прѣзжай за нами купцомъ да въ каретѣ... Вотъ мы съ тобой и поѣдемъ тогда!.. Вишь ты!.. Пошелъ!..

Дарья Тихоновна хлопнула калиткой передъ носомъ Кирилы и защелкнула ее. Кирила торгнулся-было въ нее, но одумался и ушелъ. Въ избѣ Дарьи Тихоновны между тѣмъ погасъ огонь и все затихло.

Феда стоялъ нѣкоторое время точно одурѣлый. Холодный потъ капалъ съ его лба, руки и ноги дрожали, въ головѣ былъ какой-то туманъ: онъ не могъ связать двухъ мыслей. Ему хотѣлось и плакать, и броситься вслѣдъ за Кирилой, чтобы избить, или задушить его, хотѣлось поскорѣе войти въ домъ, чтобы видѣть Параню и съ перваго взгляда узнать, виновата ли она передъ нимъ, чтобы обругать Дарью Тихоновну, высказать ей все свое презрѣніе и негодованіе... Но сначала онъ не могъ двинуться съ мѣста, не могъ ни на что рѣшиться, потомъ пошелъ-было вслѣдъ за Кирилой, но, отойдя нѣсколько шаговъ, снова воротился въ избѣ Парани и безсмысленно смотрѣлъ на темныя окна. Также полу-бессознательно, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ постучалъ въ окно. Отвѣта не было. Онъ постучалъ опять—съ ббльшей силой. Кто-то съ воркотней подошелъ къ окну, и Феда услышалъ голосъ Дарьи Тихоновны:

— Чего еще нужно? Ступай, говорятъ, домой... Полуночники!... Сказано: не пуцу... Чего галашишься?... Деревню, что ли,

хочешь забаламутить?... Хошь все стучись: не пушу... и съ полатей не слѣзу... Ишь ты, собака!... Право, пѣсь!...

Феда поваль, что эти слова относились къ Кирилѣ, и хотѣлъ-было откликнуться, сказать, что это не Кирила, а онъ, но изъ сдавленнаго спазмою горла вылетѣлъ только неопредѣленный глухой звукъ; пересохшій языкъ не могъ вымолвить слова. Слезы душили его.

«Нѣтъ, лучше ужъ до завтра...» подумалъ Феда. «Теперь мнѣ ничего не сказать, да и онъ спать легли... А завтра посмотрю... можетъ, и его тамъ встрѣчу... Богъ съ тобой, Параня, Богъ съ тобой!...»

Юноша присѣлъ на заваленку у избы Дарьи Тихоновны, заврылъ лицо руками и тихо зарыдалъ, вдрагивая всѣмъ тѣломъ.

Въ деревнѣ уже всѣ огни погасли, все кругомъ спало, темная осенняя ночь безъ луны, безъ звѣздочки на небѣ, непроглядною тьмою покрыла землю, когда Феда, не успокоенный, но нѣсколько облегченный слезами, поднялся на ноги и, почти ощупью, на-память, пошелъ по направленію въ село. Онъ рѣшился идти къ учителю, разбудить его, если бы даже тотъ спалъ и попросить ночлега. Село было ближе къ Онучину, чѣмъ Ступино, да онъ и боялся теперь, не повидавшись предварительно съ Параней, встрѣтиться съ Кирилой; кромѣ того, ему нужно было видѣть Василія Якимыча по извѣстному дѣлу. Онъ могъ сказать ему, что пришелъ прямо съ фабрики, и потому запоздалъ, а завтра уйти пораньше подъ предлогомъ свиданія съ Федотомъ Семенычемъ и сестрою и необходимости въ ночи воротиться на фабрику. Онъ желалъ скрыть отъ Василія Якимыча все, что сейчасъ видѣлъ и слышалъ, все, что выстрадалъ, и потому, подходя въ село, старался успокоиться, удалить отъ себя мысль о Паранѣ и сосредоточиться на затѣваемомъ дѣлѣ и данномъ ему порученіи. Феда зналъ, что Василій Якимычъ будетъ очень доволенъ, если увидить, что ученикъ его интересуется общественными дѣлами больше, чѣмъ своими личными.

— Да и чего я, въ самомъ дѣлѣ, очень ужъ такъ къ сердцу привялъ,—успокоивалъ себя Феда:—вѣдь, это Бирюшка хвасталъ, и Дарья Тихоновна нехорошія слова говорила, а Параня, можетъ-быть, тутъ ни причемъ, ни душой, ни тѣломъ не виновата... Такъ только мнѣ горько сдѣлалось, что я не съ тѣмъ шелъ, не того ждалъ: думалъ—увидить, обрадуется... А тутъ этотъ проклятый... А зачѣмъ же она смѣялась на его пѣсни: это ея, ея смѣхъ я слышалъ... Ужъ меня сердце не обманетъ!... И онъ цѣловалъ

ее... Я это чувствовалъ!.. Хоть она и завизжала, да это что... Кабы не захотѣла, не посмѣлъ бы онъ и подступиться... да и не сидѣла бы она съ ними, ушла бы!... Развѣ мать велѣла?... Отъ нея станется!.. А, вѣдь, при другихъ же она ей не велитъ быть... Значить, сама захотѣла?... Ахъ, Господи, что же это будетъ? Что мнѣ дѣлать теперь?...

И снова, снова, мысли Оеда, противъ его воли, возвращались къ Паранѣ. Онъ шелъ и терзался, вдыхалъ, сжималъ съ бѣшенствомъ кулаки, не разъ готовъ былъ вновь зарыдать и послалъ проклятія Кирилъ и матери Парани.

Но вотъ и волостное правленіе. Въ одномъ окошечкѣ его, въ нижнемъ этажѣ, свѣтился огонекъ. Это было окно квартиры учителя: значить, не спитъ еще. Оеда вспомнилъ, что Василій Якимычъ любилъ засиживаться по ночамъ, читая книгу, или просто ходя изъ угла въ уголь съ папирсовою въ рукѣ; завтра же праздникъ, слѣдовательно, ученья не будетъ, и Василью Якимычу можно спать хоть до обѣда. Оеда, сообразя это, остановился, чтобы собраться съ духомъ и притвориться спокойнымъ.

— Надо ему все рассказать: и про Александра Кузьмича, и про барышню, и про студента, и какіе у насъ разговоры, какіе замыслы... Онъ обрадуется, что я попалъ къ такимъ людямъ и что меня не влюбилъ директоръ и что я не за-одно съ главнымъ хозяиномъ, не въ особенной милости у него, и понимаю, что это за человѣкъ, какъ онъ только себя желаетъ и не думаетъ о рабочихъ, презираетъ и притѣсняетъ ихъ... Да, да, пускай же онъ не говоритъ, что я только для себя, что у меня въ головѣ одна нажива, да... Объ ней, о Паранѣ,—я и виду не подамъ... А будетъ спрашивать, скажу: не видѣлъ, ничего не знаю... Что ему за дѣло до нея?.. Зачѣмъ ему знать?..

Оеда подошелъ къ освѣщенному окну и заглянулъ въ него. Комната Василія Якимыча была наполнена густымъ табачнымъ дымомъ, сальная свѣча тускло мерцала въ этомъ дымѣ, стоя у изголовья постели, на которой навзничъ лежалъ самъ хозяинъ. За спинкою кровати не было видно его самого, но видна была рука съ дымящейся папирсовою, которую Василій Якимычъ то и дѣло подносилъ ко рту, выпуская затѣмъ дѣлныя облака дыма.

«Видно, что-нибудь не хорошо у него: чѣмъ-нибудь разстроенъ!» подумалъ Оеда. «Всегда онъ такъ, какъ что не по-немъ: либо бѣгаетъ взадъ да впередъ, либо лежитъ навзничъ да куритъ папирску за папирсовою»...

Оеда осторожно постучалъ въ окно. Василій Якимычъ порывисто вскопчилъ, нервно осматрѣлся, прислушался и подошелъ къ

огню; застѣнная рувою свѣчу, онъ старался разглядѣть, кто былъ на улицѣ, у него подь окномъ.

— Это я, я, Василій Якимычъ... Оеда!.. Отоприте, пустите меня!..

— Оеда!..—съ удивленіемъ и какъ будто даже съ радостью вскрикнулъ учитель.—Поди на крыльцо: сейчасъ отопру.

— Другъ любезный.. какими это судьбами въ этое время?.. Откуда ты?—спрашивалъ Василій Якимычъ, встрѣчая своего гостя.

— Прямо съ фабрики.. Нарочно къ вамъ, Василій Якимычъ: повидаться захотѣлось... Тоже идти не близко: вышелъ вечеромъ, запоздалъ... Ужъ не обезсудьте, не выгоньте, дайте переночевать...

— Что ты, братецъ... Да я тебѣ радѣхонееъ... Только не случилось ли чего съ тобой: лицо-то у тебя что-то такое... не веселое?..

— Нѣтъ, ничего... Съ устатку, должно быть: поспѣшалъ, шелъ очень скоро... Вѣрно оттого... А вотъ у васъ такъ видно что-нибудь не ладно... Разстройство какое-нибудь... неприятность... Я къ вамъ примѣнился... да и изъ лица вижу переимѣну большую...

Василій Якимычъ, дѣйствительно, имѣлъ таковой видъ, точно пережилъ какую тяжкую болѣзнь: похудѣлъ, осунулся, лицо потемнѣло, глаза были желтые.

— Э, братъ, жить не дають нашему брату!..—вскричалъ онъ съ раздраженіемъ.—Хороша ли, сладка ли наша жизнь на пятнадцать рублей жалованья въ мѣсяцъ, съ работой съ утра до вечера?.. Такъ и то отнять хотять, и этого лишить надо человѣка... Пускай издыхаетъ на улицѣ, какъ собака!.. Дѣлаешь дѣло свое честно, желаешь добра искренно, не жалѣешь себя для людей... Зачѣмъ? Кто тебя просить? Развѣ это нужно?.. Умѣй стоять на вытяжку, руки держи по швамъ, молчи, не возражай, когда какой-нибудь идиотъ глупости тебѣ говорить и глупостей требуетъ—вотъ что нужно! вотъ въ чемъ должна быть твоя служба обществу, твой долгъ!.. Лучше ничего не дѣлай, лучше въ два года не выучивай дѣтей читать, лучше пьянствуй, играй въ карты, безпутничай, обирай съ дѣтей грибы и ворованныя яйца, какъ дѣлаютъ другіе, чѣмъ нарушать программу, учить дѣтей тому, что не показано, развивать ихъ головы, толковать о добрѣ и чести... А главное дѣло: помни кто ты, какой ты червякъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ легко тебя раздавить, уничтожить, и потому трепещи, унижайся, не смѣй рассуждать и думать, а не то что возражать и разговаривать!.. Ну, скажи Оеда, скажи по совѣсти, не боюсь меня обидѣть: выучивались ли у меня сколько-нибудь толковыя дѣти читать и писать въ три-четыре мѣсяца?..

«Должны понимать и знать... И вотъ это — настоящая ваша обязанность — внушить и растолковать имъ». — Да наконецъ, говорю, это тоже не входитъ въ мою программу, какъ сельскаго учителя!.. За это окрикъ, дерзость: «ты начинаешь, вѣжета, грубить... ты забываешься!.. Помни, съ вѣмъ говоришь!..» Да развѣ есть человѣческая возможность ни за что, ни про что оскорбленія выслушивать?.. Ну, и говорю: какъ же вы требуете вѣжливости отъ крестьянскихъ дѣтей, когда не знаете ее сами?.. — Поблѣднѣлъ, затрясся. «А-а, вотъ каковъ!..» Ужъ тутъ ни ты, ни *сы* не сказалъ!.. «Хорошъ наставникъ! Хорошъ руководитель дѣтей!..» И вотъ, братъ, Одея, вѣлно убираться отсюда: послѣднiе дни въ школѣ, — черезъ недѣлю ужъ не засталъ бы меня здѣсь!.. И вѣдь главное-то, что обидно... Не то, что глупецъ и негодяй тебя не понялъ, оскорбилъ и лишаетъ куска хлѣба и любимаго, единственнаго дѣла, въ которому считалъ себя способнымъ... Ну, тутъ можно еще и самого себя обвинить: зачѣмъ не гибовѣ, не уступчивѣ, не терпѣливѣ?.. Чтѣ дѣлать: съ волками жить, по волчьи и выть!.. Не убѣжишь за тридевять земель, когда пить-ѣсть нечего!.. А то, главное, досадно, что — какъ послѣ узналъ — хоть бы и сподличалъ, и унизился, все бы равно было: у нашего попа — жена брата изъ семинаріи за неспособность изъ реторикѣ, что ли, исключили — и мое мѣсто впередъ еще ему было обѣщано... Вотъ чтѣ обидно и горько!..

— Не горюйте, Василій Якимычъ! — вскричалъ Одея: — я къ вамъ съ добрыми вѣстями пришелъ... Есть для васъ мѣсто — много получше здѣшняго будетъ!..

И Одея торопливо разсказалъ Василію Якимычу о предложеніи молодого Кошатникова.

Лицо учителя мгновенно оживилось.

— Вотъ, братъ, это дѣйствительно радость для меня!.. Спасибо, Одея!.. И въ самую критическую минуту!.. Да попасть въ школу порядочнаго частнаго человѣка — это моя давнишняя мечта!.. Дѣло не подневольное, устроенное не ради корысти или официальности, но изъ чистаго побужденія сдѣлать добро... Да тутъ душу положить можно!.. Не то, что за такое жалованье, а меня только кормите, да наготу чѣмъ-нибудь прикройте, — я и тутъ бы пошелъ... Нѣтъ, еще, слава Богу, есть, видно, люди на Руси!.. И какъ ты счастливо попалъ, Одея, въ хорошую волею, въ хорошему человѣку!.. Ну, разскажи же, разскажи мнѣ подробно, чтѣ это за человѣкъ, кто его окружаетъ, какъ ты живешь, чтѣ тамъ дѣлается, — все, все разскажи подробно... Это что-то неожиданно-счастливое, желанное!.. Разсказывай!.. Да по-

годи, согрѣемъ мы самоваръ, — давай на радостяхъ чай пить... Или спать, можетъ, хочешь?—такъ ложись на мою постель... Я спать совсѣмъ не хочу...

Но Оеда также не хотѣлъ спать. Пріятели обоюдными силами согрѣли самоваръ и усѣлись за него: удовольствіе Василія Якимыча облегчило и душу Оеди; онъ повеселѣлъ и подробно рассказывалъ о всемъ, что съ нимъ было на фабрикѣ, до послѣдняго совѣщанія вклучительно.

— Да, братъ, Оеда, это, можетъ быть, жизнь!!.. Это не здѣшнее прозябаніе!.. Тамъ видна возможность борьбы, возможность прямого добра!.. И этотъ Промптовъ!.. Да, это загадка, но я ее, кажется, понимаю... Что же?.. Во всякомъ дѣлѣ есть низшія дѣйствующія и высшія — регулируюція силы... А въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ народнаго блага, онѣ равны по значенію, потому что одинаково необходимы и полезны... Еще Богъ знаетъ, что выше: быть ли непосредственно чернорабочимъ, какъ я, или направлять чужую дѣятельность? Тутъ еще могутъ быть увлеченія, ошибки, деспотизмъ: а тамъ — непосредственное добро и самопожертвованіе... И какъ я радъ, Оеда, за тебя, если бы ты зналъ!.. Теперь я попрошу у тебя извиненія въ моихъ прежнихъ словахъ и предположеніяхъ: нѣтъ, я вижу, ты не таковъ, ты не пойдешь по опасной дорогѣ... Ты прямо примыкаешь къ честной сторонѣ и становишься въ оппозицію къ одной темной, невѣжественной, силѣ... Значить, я могу съ гордостью сказать, что мое сѣмя упало въ тебѣ не на бесплодную почву!.. Ну, а что же твоя любовь?.. Скажи-ка ты мнѣ...

Разговора объ этомъ Оеда боялся больше всего; но вопросъ Проскурова засталъ его въ-расплохъ: онъ поблѣднѣлъ, опустилъ глаза и лицо его вдругъ огуманилось. Напрасно онъ искалъ въ головѣ подходящаго отвѣта, который съ-разу устранилъ бы дальнѣйшіе разспросы; онъ ничего не могъ придумать и молчалъ.

— Что, али что-нибудь недоброе узналъ? Ахъ, вотъ еще обрадуй: скажи, что эта дурь... ну, право, дурь, Оеда!.. свалилась съ тебя... Ну, что же молчишь? Вѣдь мы съ тобой друзья! Съ кѣмъ другимъ, а со мной-то тебѣ грѣхъ и стыдно скрытничать... Выкладывай скорѣе все, что есть на душѣ... Въ эту минуту я съумѣю и выслушать, и понять тебя,—и, можетъ быть, добрый совѣтъ дать, или утѣшить...

— Вы смѣтаетесь надо мной... Вы думаете, что это такъ только... — говорилъ Оеда, который и самъ почувствовалъ потребность высказаться, подѣлиться и чувствомъ своимъ, и горемъ. — Вы не знаете ее хорошенько и дурно думаете о ней, а она...

Это все мать!.. А мнѣ тяжело, когда вы смѣтаетесь, или браните ее...

— Значить, не прошло еще... Ну, ну, говори: даю тебѣ слово, что ни смѣяться, ни бранить ее не стану... Рассказывай все, коли хочешь, коли тебя это облегчить... Выслушаю какъ друга... А не хочешь говорить — не надо, не сказывай!.. Мнѣ только жалко тебя: все кажется, что тебя обманываютъ и что ты, вмѣсто дѣла, на пустяки, на мерзость душу свою отдаешь... Вотъ только почему спрашиваю, а то какъ хочешь... Твое дѣло!..

— Нѣтъ, я хочу сказать... Мнѣ больше нѣкому, какъ вамъ... Вы послушайте и посовѣтуйте мнѣ, только не смѣйтесь и не браните ее, зря... Я, вѣдь... Все, вѣдь, я по-прежнему къ ней, какъ и былъ... Нѣтъ, кажется, еще больше...

Оедю опять душили слезы,—опять всѣ прежнія впечатлѣнія поднялись въ его душѣ.

— Да, ну, ну, рассказывай,—полно ужъ, горе-голова!..

Несвязно, прерывисто, то блѣднѣя, то краснѣя, рассказывал Оедю всю исторію своей любви, но когда дошелъ до послѣднихъ событій, до случайно подслушаннаго имъ циническаго разговора Кирилы съ Дарьей Тихоновной, въ душѣ его, среди злобнаго раздраженія противъ этихъ двухъ лицъ, вдругъ поднялось чувство жалости къ Паранѣ, вмѣстѣ съ упрекомъ самому себѣ, что онъ въ ней усумнился, что онъ оскорбилъ ее напраснымъ подозрѣніемъ, и даже высказалъ это подозрѣніе стороннему человѣку. Онъ успѣвшилъ предупредить какой-либо выводъ, какое-либо замѣчаніе со стороны Проскурова на-счетъ Парани.

— Да нѣтъ, нѣтъ, Василий Якимычъ, вы и не думайте, и не судите ее по этому... Тутъ она ни въ чемъ не виновата: это все matka ея, да этотъ... Кирюшка... Она, Параня, не такая!.. Вѣрно вамъ говорю: не такая!.. А вы лучше надоумьте меня, посовѣтуйте: чтó мнѣ дѣлать? какъ быть?.. Уйду я на фабрику, видать мнѣ ихъ часто нельзя, а онъ тутъ... этотъ Кирида напгъ... Онъ отчаянный,—онъ на все пойдетъ!.. Чтó тутъ сдѣлать?.. Вы говорили: какъ другу, расскажи мнѣ все... Вотъ посовѣтуйте же мнѣ... Я придумать ничего не могу, а чтó думаю,—все не дѣло... А только-что мнѣ не жить безъ нея...

— Совѣтовать-то, братъ, тутъ мудрено, хоть я, правда, и самъ напросился... Да я думалъ, надѣялся, что у тебя глаза открылись и что мнѣ придется только утѣшить тебя, да помочь совсѣмъ эту обузу съ плечъ спихнуть... Кабы ты стяхнулъ съ себя эту блажь, совсѣмъ бы ты былъ теперь человѣкъ настоящій... и годился бы на всякое дѣло... Ну, да нѣтъ, — видно,

время еще не пришло!.. Такъ вотъ что: не будь же хоть бабой, поди къ нимъ, да и скажи прямо, что ты видѣла и слышала... И потребуй, что ли, тамъ, чтобы его не пускали, — чтобы или ты, или онъ... Хоть, по крайней мѣрѣ, увидишь, что они объ тебѣ думаютъ... Ужъ доведи, по крайности, дѣло до конца...

— А ну какъ мать скажетъ мнѣ: убирайся! тебя никто не спрашиваетъ въ наше дѣло мѣшаться!.. Я, молъ, и знать-то тебя не хочу...

— Да денегъ-то ты несешь имъ?

— Да много-ли денегъ!.. Что это!..

— Все-таки, значить, несешь... и впередъ принести пообѣщаешь... Ну, такъ не бойся, — не скажутъ!.. Вотъ кабы безъ денегъ пришелъ, — то другое дѣло: пожалуй, и прогнали бы...

— Эхъ, Василий Якимычъ, вы все про это... Да нѣтъ же, любить меня Параня: она обѣщалась ждать меня, ни за кого замужь не идти, кромѣ меня... Вонъ, и Николка говорилъ, что она все поминаетъ меня... Я, вѣдь, два мѣсяца слѣшкомъ у нихъ не бывалъ, — ни вѣсти объ себѣ не посылалъ, ни денегъ... Онѣ, можетъ, думаютъ, что я и совсѣмъ отъ нихъ отсталъ... Нѣтъ, мнѣ бы какъ только Кирюшку отъ нихъ отлучить...

— Такъ скажи про него женѣ и отцу... Вотъ!.. Ужъ, братъ, тутъ, если бабѣ скажешь, — усторожить!.. А отецъ, старшина, и матеу-то Паранину припугнетъ, потому — она подарки отъ Киряла принимаетъ, домъ ихъ разоряетъ...

Феда задумался и молчалъ. По лицу его видно было, что онъ разсѣянно слушалъ Василья Якимыча, и что если онъ высказывался и просилъ совѣта, такъ только для того, чтобы говорить и думать вслухъ о своемъ недугѣ. Проскуровъ понялъ, что никакіе совѣты его тутъ неумѣстны, что Феда поступитъ такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ и минутному побужденію...

— Ты только вотъ что помни, Феда, — сказалъ онъ ему, — что тебѣ стыдно отдаваться совсѣмъ этой любовной блажи, что у человѣка есть дѣло и обязанности, которымъ онъ долженъ служить, какія бы тамъ у него ни были личные заботы и печали... А объ этомъ я больше съ тобой и говорить не хочу: мнѣ и противно, и досадно становится... Ты не слюняй какой-нибудь, и не баричъ-бѣлоручка!.. У тебя вотъ очень ужъ нервная впечатлительность развита, точно ты въ городѣ на романахъ выросъ... Не забывай, что ты мужикъ, что романы тебѣ неприличны, что тебѣ надо работать и бороться, а не сахарничать... Нашему брату жизнь-то мачиха: на каждомъ шагу одни встряски да под-

затыльники... Намъ нужно на все быть готовыми, все умѣть грудью встрѣтить, всего своими руками да мовгами добиваться!.. А онъ тутъ будетъ объ разлапушиѣ думать, да сахары съ нею разводить... Наплюй!..— вотъ весь тебѣ мой дружескій совѣтъ!.. Больше объ этомъ и говорить не будемъ...

Василій Якимычъ ходилъ взадъ и впередъ по своей коморѣ, пыхтя папироской,—Феда сидѣлъ у стола, подперши голову рукою, мрачный, печальный.

— Да,—говорилъ онъ сосредоточенно,—и я мужикъ, и Кири-ла мужикъ, и оба мы живемъ, и дѣлаемъ всеякъ по-своему... И у всякаго сердце свое!.. Я отъ работы не бѣгаю, дома не разоряю, вла никому не хочу и не сдѣлаю... А ужъ коли пала Параня мнѣ на сердце, такъ не отнять ея у меня Кирилъ... Не бывать этому!.. Ладно же, я знаю, что я сдѣлаю!..

Феда поднял голову и смѣло тряхнулъ ею. Лицо его оживилось и повеселѣло: въ головѣ его вдругъ сложился планъ, который давалъ ему надежды, успокоивалъ его. Онъ всталъ.

— А, вѣдь, ужъ не рано, Василій Якимычъ...—сказалъ онъ.—Смотри, скоро утро... Время, чай, соснуть и вамъ: я, можетъ, мѣшаю вамъ... Ложитесь, а я пойду вонъ въ шеолу, да тамъ прилягу на лавкахъ... Какъ разсвѣтетъ, такъ и уйду... По-прощаемтесь теперь... Я ужъ васъ завтра не потревожу...

— Да куда же ты такъ рано-то?.. Что надумалъ еще?..

— Вѣдь, мнѣ нужно побывать и у своихъ, и на фабрику, хоть ночью, воротиться...

— И туда?—спросилъ Проскуровъ, улыбаясь.

— И туда, Василій Якимычъ: не хочу лгать, туда прежде всего... А что надумалъ—послѣ скажу, коли сдѣлается: теперь говорить не стану, и то вамъ надокучилъ... Да, вѣдь, мы, чай, скоро и увидимся тамъ, на фабрикѣ...

— Да, да, я скоро приду: вотъ только здѣсь совсѣмъ рассчитаюсь, и тотчасъ туда... Такъ тамъ и скажи, что согласенъ и радъ!.. А вотъ, братъ, что: я-то спать вовсе не хочу, да и завтра у меня цѣлый день дѣлать нечего—высплюсь... А тебѣ такъ вотъ нужно отдохнуть и укрѣпиться: ложись-ка на мою кровать, а я свѣчку унесу въ классъ и буду тамъ ходить и курить: и тебѣ свѣтъ не мѣшаетъ, и мнѣ просторнѣе... А завтра чѣмъ свѣтъ я и разбужу тебя...

Феда было уперся, но Василій Якимычъ настоялъ и уложилъ его на свое, не мягкое, впрочемъ, ложе.

Усталый, измученный и физически и нравственно, Феда скоро уснулъ, но Василю Якимычу, который остатокъ ночи промар-

шировалъ по шкелѣ и выкурилъ безсчетное количество папирсъ, не удалось разбудить пріятеля. Онъ вскочилъ на ноги, едва только стало свѣтать, наскоро попрощался съ учителемъ и ушелъ.

— Ну, братъ, совсѣмъ ты Ромео изъ Ступина!.. — сказалъ Проскуровъ, усмѣхаясь и провожая пріятеля.

IV.

Дарья Тихоновна и Параня проснулись поздно. Никогда, по случаю праздника, находившійся дома, натаскалъ дровъ и опять залѣзъ на полати. Мать растопила печку и приготовилась стряпать, а дочь только-что встала, лѣниво потягиваясь, сѣдла на лавкѣ и медленно расчесывала гребнемъ свою длинную косу.

— Матушка!..—кликнула Параня.

— Что?..

— Чай, поди, опять придетъ сегодня...

— Кто?..

— Ну, кому больше: знамо, Кирила...

— Какъ, чай, не придти... Придетъ!.. Обѣщался!..

— Мнѣ уйти изъ дома-то, или нѣтъ?..

Дарья Тихоновна отвѣчала не вдругъ, а подумавши и нерѣшительно:

— Какъ знаешь... Перво, пожалуй, посиди... А тутъ, коли станетъ дурить, да если мигну, такъ уйди...

— А онъ ко мнѣ пристаесть... Отбою нѣтъ!..—проговорила опять Параня, послѣ нѣкотораго молчанія.

— А ты не приманивай... не подпускай... Оборви его хорошенько...

— Да, пожалуй... Пытала: хуже только!..

— Ну, полно врать... Захотѣла бы, отсталъ съ-разу...

— Не таковскій парень!.. Неотвязный!..

— Ты, дурочка, не думай... Вѣдь онъ женатый!..

— Такъ развѣ я не знаю...

— А ты почему знаешь?..

— Недавно узнала: сказали...

— Да, вѣдь, и мнѣ-то недавно сказали... И поди-жъ ты, сколь времени таялся!.. Перво, на базарѣ, въ трактирѣ, мы съ нимъ повстрѣчались... Робять-то упростили, видно, не связывать, что женатый: боялся, видать, что до домашнихъ дойдетъ, и вѣ

другой деревни сказался... Такъ за холостого и шель... Недавно, недавно, я его уличила...

— Что же онъ?..

— Ничего, хохоцеть, смѣется!.. А тебѣ, говорить, что за дѣло: женатый я, или холостой?.. Какъ, я говорю, что за дѣло?.. Бабы я пережь знала, что ты женатый, такъ можеть я бы и въ избу-то тебя не пустила... Для того, говорить, я холостымъ и хожу!.. Поди ты съ нимъ!..

— Онъ веселый!.. лихой!..

— Лихъ-то онъ, лихъ... Да боюсь ужъ я, какъ бы бѣды съ нимъ не нажить...

— А что?..

— А то...—отвѣчала Дарья Тихоновна и взглянула на полъ.

— Никогда!—окликнула она сына и подождала; но отвѣта не получила.

— Спать! ничего... не услышитъ!..—сказала Параня, съ-разу понявши мать.

— Ты знаешь ли: чей онъ сынъ-отъ?—спросила Дарья Тихоновна вполголоса, подойдя близко къ дочери.

— Знаю: старшиновъ... Да отецъ-отъ его отдѣлилъ... Не то отдѣлилъ: все ему предоставилъ, и домъ, и все!..

— Онъ отбился у отца-то... Вѣдь, онъ, сказываютъ, деревню спалилъ... въ острогѣ два года сидѣлъ... Вѣдь, онъ бѣдовый!.. Не знаю, какъ отдѣлаться-то отъ него... Я ужъ давно вижу, что онъ къ тебѣ пристаеть... Думала, не вижу что-ли?.. Вижу!.. А ты знаешь ли, что онъ вчера мнѣ загнулъ?..

— Что?..

— Отдай, говорить, мнѣ Параньку... Я весь домъ, все имѣнье распродамъ... Уѣдемъ, говорить, куда подальше, да и будемъ жить... А то, говорить, все равно сманю я ее... это тебя-то... Сама убѣжить со мной... Либо, говорить, сломъ выграду!.. Отъ него все станется: онъ отчаянный!.. Вонъ глазащи-то какіе: ночь темная!..

— Ты что же ему сказала?

— Ну, что сказать-то: извѣстно—обругала!.. А ты вотъ за-чѣмъ его приманивала-то?.. Видно, потачку давала, коли такія рѣчи говоритъ?..

— Да чѣмъ я его приманивала? Ничѣмъ не приманивала... Сама же велѣла, чтобы не уходила, какъ придетъ...

— Такъ, вѣдь, дура, я думала—холостой да богатый: больно ужъ онъ машистъ, такъ деньгами-то и швыреть...

— Ну такъ, вѣдь, и я то же думала, что холостой... А ты видела ли жену-то его?..

— Нѣту, да что мнѣ за корысть...

— Вѣдь, она Оедина сестра...

— Знаю... Только я ему и не заикалась про Оедора-то, точно и не слыхала про него ниеогда...

— Гдѣ-то онъ, сердечный?.. Ни слуху, ни духу нѣтъ про него!.. Вотъ съ Николкой общался побывать, да такъ и не пришелъ...

— Да вотъ, вѣрь имъ!—наставительно сказала Дарья Тихоновна.—Наобщаются съ три короба, а послѣ и нѣтъ ничего...

— Ну, этому повѣрить можно!.. А видно, что-нибудь нельзя никакъ... На-ка, матушка, разбери мнѣ косы-то сзади...

— Да что, ужъ очень любь что ли?.. Кажись, не тоскуешь по немъ?..—спросила Дарья Тихоновна, исполняя просьбу дочери.

— Тосковать-то не тоскую, а все думается: больно ужъ онъ меня-то полюбилъ... Такъ полюбилъ, такъ полюбилъ!.. Да ужъ больно смиренъ, поступчивъ... Вей изъ него веревки... Только въ глаза смотреть!.. Этакой робкій парень, а душевный... и говорить сладко: не какъ наши, оглашенные...

— Да ничего, вѣдь, нѣтъ у него... Бѣдный!..

— Кабы не бѣденъ-то, такъ что бы!.. Лучше бы его не надо!.. Да общалъ разбогатѣть... просилъ только годокъ подождать...

Въ эту минуту двери избы отворились, и въ нихъ показался Оедоръ. Обѣ женщины вскрикнули отъ неожиданности. Параня съ распущенными еще по плечамъ волосами была особенно хороша, и Оедя какъ вошелъ въ избу, такъ и остановился точно овамешанный, любуясь на нее. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ, не въ силахъ былъ промолвить слова, забылъ даже поодороваться. Параня, вскочившая-было съ лавки, на встрѣчу Оедѣ, остановилась, вспоминая о своихъ распущенныхъ волосахъ, засмѣялась и, съ лукавой улыбкой, кокетливо поглядывая на Оедю, схватила платокъ и начала торопливо повязывать имъ голову. Отъ этой улыбки, отъ вызывающихъ взглядовъ Параня, отъ всей ея красоты, у Оеди потемнѣло въ глазахъ. Къ нему подошла Дарья Тихоновна.

— Вотъ легокъ на поминѣ-то, Оедоръ Герасимычъ, привѣтливо говорила она,—только-что мы съ Параней тебя поминали...

Голосъ Дарьи Тихоновны вывелъ Оедю изъ столбняка, заставивъ его опомниться и отвести глаза отъ Параня.

— Здравствуйте, Дарья Тихоновна,—отвѣчалъ онъ, чувствуя,

что вся кровь прилила къ его лицу. Онъ застыдился, точно школьникъ, пойманный за непослушательной шалостью, и въ то же время вспомнилъ всѣ впечатлѣнія вчерашняго вечера, вновь почувствовалъ злобу и негодование противъ матери Параньиной. Но онъ далъ себѣ слово до времени не подавать вида, что знаетъ о посѣщеніяхъ и намѣреніяхъ Кирила.

— А я полагалъ, что вы не то, что вспоминать... и думать-то обо мнѣ перестали... — продолжалъ Федя съ улыбкой: — особенно вы, Парасковья Михайловна... Здравствуйте...

— Здравствуйте, — отвѣчала Параня, успѣвшая уже повязать платокъ и взглянуть въ висѣвшій на стѣнѣ верешокъ зеркала. — А вотъ и напрасно... Вонъ вы какъ насъ застали... Не ждали нивого эку рань, а все же про васъ поминали...

— И какъ это можетъ быть, чтобы мы эжкъ дорогихъ пріятелей своихъ забывали, какъ вы?.. Да развѣ это можетъ статься, — подхватила Дарья Тихоновна... — Садитесь-ка, гость дорогой; ужъ не обезсудь, въ чемъ засталъ: Параня-то недавно встала, а я за страпней... Да не то, что забыть тебя, а дня не проходило, чтобы не поминали: гдѣ это нашъ другъ сердечный, куда это онъ закатился?.. И не вздумаетъ, и не вспомнить про насъ, сиротъ?.. Что это, родной, и самъ-дѣлѣ тебя давно не видно?..

— Да все за дѣлами... Никакъ невозможно было: то дома у батюшки работу управлялъ, а теперъ вотъ на фабрику поступилъ...

— На фабрику! — вскричали мать и дочь въ одинъ голосъ.

— Да, поступилъ...

— Ну, вотъ какъ!.. Хорошо ли же пришлось?.. По какиимъ дѣламъ-то?..

— Да покамъ все, слава Богу... Дѣла мнѣ разныя тамъ будутъ: и по столарной части, и около машинъ!..

— Значить, и жалованье хорошее получаете?..

— Да жалованье—это что! Сегодня одно, а завтра и вдвое дадутъ, смотря по дѣлу... А то главное, что съ ховайскимъ сыномъ очень ужъ мы подружились... Такъ полюбилъ меня!.. И человекъ чудесный, добрый!.. И вся фабрика эта его будетъ: самъ-отъ старикъ нарочно ее для него и построилъ... Богачи страшные!..

— Что же, вамъ тутъ хорошо будетъ очень, Федоръ Герасимычъ, коли ховайва васъ такъ полюбилъ... Ужъ это на что лучше!..

— Да, слава Богу!.. А гдѣ же Николаша-то вашъ?..

— А вонъ спитъ на полаткахъ... Да пора ему вставать... Вотъ я сейчасъ его разбуджу...—сказала Дарья Тихоновна.

— Зачѣмъ, Дарья Тихоновна?.. Не нужно!.. Пускай его спитъ: сегодня праздникъ!.. Я только къ тому, что здоровъ ли, могъ... Меня сокрушало, что я точно позабылъ о немъ, а я не забылъ: вотъ получите денежекъ... я принесъ: на его обученье...

Феда сталъ вынимать изъ кошелька приготовленную бумажку.

— Чтой-то, чтой-то, Федоръ Герасимычъ... — встрепенулась Дарья Тихоновна. — Ужъ заботы твои велики о немъ: совѣстно даже...

— Теперь время зимнее подходитъ, тоже одежду нужно ему справить: шубу, сапоги теплые... Вотъ красненькую бумажку я покамъ принесъ... Получите...

— Ну, чтой-то, право, ну, совѣстно... Себя ты не обижаешь ли, Федянушка?..—говорила Дарья Тихоновна, принимая деньги.

— Нѣту, не безпокойтесь!.. теперь Богъ милостивъ!.. Деньги будутъ!..

— Спасибо, родной, голубчикъ, спасибо... Дай Богъ тебѣ здоровья!.. Не оставляешь ты сироты!..

Феда мелькомъ взглянулъ на Параню: она сидѣла, опустила глаза въ землю.

— Мнѣ вѣдь вотъ нужно поторавливаться еще побывать къ сестрѣ, да къ Федоту Семенычу... А къ ночи нужно на фабрику поспѣшать...—говорила Феда.—Я къ вамъ на минутку только...

— Чтой-то, чтой-то... Побойся Бога!.. Нѣтъ, не пуцу, не коѣвши... Вотъ печь растопилась: яиченку сдѣлаю, да блинковъ напеку... Какъ можно, этой гость дорогой, сколько времени не бывалъ, да я его такъ отпущу, голоднаго!.. Чтой-то, не обижай!.. Водочки, знаю, не кушаешь...

— Нѣтъ еще, благодарить Бога, не приучился...

— А вотъ что: блины-то блинами, а я сейчасъ сбѣгаю,— у сусѣдки самоварчикъ промислю, чайку у меня испей... Да посиди, батюшка, не торопись: поспѣешь еще... Не пускай его, Паранька... А я сейчасъ сбѣгаю...

Дарья Тихоновна проворно юрнула изъ избы.

Феда, оставшись одинъ, взглянулъ на Параню: та смотрѣла на него свѣтлымъ, открытымъ взглядомъ и улыбалась тою улыбкой, которую Феда никогда не могъ вспомнить безъ трепета, и теперь онъ чувствовалъ, какъ сердце колотилось у него въ груди. Такъ молча смотрѣли они другъ на друга нѣсколько мгновений. Наконецъ, Феда вдругъ всталъ и пересѣлъ рядомъ съ Параней.

— Такъ какъ же, Параня, не забыла ты меня?

— Видно не забыла, коли вспоминала...

— И никого не полюбила другого, покѣмъ не видались?..

— Кого здѣсь полюбить-то?

— А кабы было кого, такъ полюбила бы, значить?..

— Не знаю... А ты бы еще года на два запропала?..

— Такъ великъ ли срокъ-то, по который ждать хотѣла меня?..

— А вотъ какъ бы забыла, такъ и ждать перестала...

Федя вдругъ схватилъ Параню за руку.

— Паранюшка, солнышко, скажи всю правду, не обманывай меня: никого ты не полюбила, ни съ кѣмъ не играла безъ меня?—спрашивалъ Федя такимъ голосомъ, съ такимъ огнемъ въ глазахъ, что Параня подозрительно взглянула на него.

— Да нѣтъ же, полоумный, говорятъ тебѣ—нѣтъ...

— Скажи еще: и не цѣловалась ни съ кѣмъ?..

— Вотъ присталь... Да нѣту, нѣтъ!..

— А Кирюшка?—прошептала Федя, и глаза его всмыкнули злобой.

Параня покраснѣла, но тотчасъ же оправилась.

— Вотъ еще выдумалъ... — сказала она со смѣхомъ... — Не его ли ужъ, думаешь, полюбила, не онъ ли тебѣ что нахвасталъ?.. Пристаешь онъ ко мнѣ точно, надобѣлъ даже до смерти... да мнѣ-то онъ не надобенъ... Хотъ бы его и вовсе не было!.. И матушкѣ-то онъ надочучилъ, не знаетъ, какъ отъ него отвязаться...

— Сердечная ты моя!—вскричалъ Федя, сжимая Параню въ объятіяхъ.

— Отстань... Что ты... Смотри: вотъ Ниволка проснется...—шептала Параня,—либо маманька взойдетъ.

— Мнѣ теперь все равно!.. Слушай же, Параня... Коли точно ты никого не любишь, а обо мнѣ вспоминала, коли не забыла нашъ уговоръ, такъ вотъ что: приходи и ты на фабрику, гдѣ я живу, вставай на работу тамъ... Дѣло не мудреное и не тяжелое: оволо стана стоять... А тебѣ деньги будутъ платить... И видаться будемъ каждый день... Мнѣ безъ тебя не житье! А вотъ еще немного: дай только справиться съ дѣлами, мѣсто мнѣ дадутъ хорошее: тогда и повѣнчаемся... Здѣсь жить тебѣ нечего: на одномъ стыду, да на худой славѣ живешь, безъ дѣла безъ всякаго, Богъ знаетъ какъ... А тамъ, по крайности, хотъ не большой, да свой кусокъ хлѣба заработаешь, своимъ честнымъ трудомъ: не на подлыя подачки жить будешь... Что же, Параня? Согласна? Пойдешь?..

— Чудной ты, право!.. Ничего я не знаю, не умѣю... Что и за-фабрика-то не видѣвала, а ты меня работать зовешь туда...

— Этого не бойся: не ты первая... Тамъ и безъ тебя много приходятъ, что ничего не умѣютъ, а нанимаются—вмучиваются и денежки зарабатываютъ...

— Да какъ я пойду: меня и мамонька не пустить...

— Такъ вотъ что: пускай и мать идетъ, и Николку возьмите—всѣмъ работа будетъ... И школа про Николку будетъ... И жалованье дадутъ ему, и учить будутъ даромъ... Вотъ на что лучше!..

— Не знаю ужъ... Наврядъ ли мамонька пойдетъ отъ своего дома... А домъ-отъ какъ же—бросить, что ли?..

— Да что вашъ домъ: чего онъ стѣять?.. Заколотите его, оставьте до времени... Не худо бы и матери твоей честнымъ трудомъ пожить, не до старости же этапъ...

— Ну, ужъ не знаю: говори съ ней самъ, коли хочешь, да не бойшься, что она тебя шугнетъ...

— Да я не побоюсь и говорить съ ней буду, только ты-то ее не отговаривай... А коли одну отпустить, или съ Николкой, такъ иди, не отнекивайся...

— Не разберу я тебя: мудреное ты нечто затѣваешь... Коли купецъ тебя любить, жалованье тебѣ хорошее дастъ, такъ на что же тебѣ, чтобы и я, и мы всѣ работали?.. Неужто ты, какъ и женишься-то, такъ отъ хорошихъ достатковъ работать меня думаешь послать?..

Федя не успѣлъ отвѣтить Паранѣ: на мосту послышались шаги Дарьи Тихоновны. Онъ отошелъ отъ Парани и сѣлъ на прежнее мѣсто; но опытной «барынь» достаточно было одного взгляда, чтобы догадаться, что Федя не сидѣлъ неподвижно и молча, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Ну, вотъ и хорошо, что непустила его, Параня.. Спасибо, что остался... А то—какъ это можно... Не поѣвши хотѣлъ уйти. Вотъ я сейчасъ и самоварчикъ наставляю... — тараторила Дарья Тихоновна, выгребая углей изъ печи для самовара.

Въ это время проснулся Николка и, протирая глаза, посмотрѣлъ съ полатахъ внизъ.

— А, пришелъ!—сказалъ онъ радостно, увидя Федю.

— Здорово, Николаша!—отозвался Федоръ.

Мальчикъ проворно сѣвъ и подошелъ къ гостю.

— Вотъ ждали, ждали, да и дождались...—говорилъ онъ, здороваясь съ гостемъ.—Думали: не придетъ-то!.. Вотъ пришелъ!..

— Кто думалъ?..

— Кто?.. да вонъ шамка и Паранька...

— А кто же это, Николаша, ты тогда помнишь говорить мнѣ: кто къ вамъ воневатый, съ гармоніей-то, часто безъ меня ходилъ?..

Дарья Тихоновна засуетилась и хотѣла-было предупредить отвѣтъ сына, но не успѣла.

— А Кирило-то Федотычъ... — отвѣтилъ мальчишъ.

— Какъ Кирила Федотычъ?.. Да вѣдь это мой зять, на моей сестрѣ женатъ... Развѣ онъ къ вамъ ходитъ, Дарья Тихоновна?.. Я и не зналъ...

— Какъ же, заходитъ когда... — отвѣчала она, старательно раздувая самоваръ.

— А я и не слыхивалъ отъ него: хоть бы когда заикнулъ!.. Такъ неужто съ этого сплетку сложили: на деревнѣ бабы сестрѣ проходу не даютъ, всѣ смѣются, что Кирила совсѣмъ домъ забросилъ, все во вдовѣ шляется... Неужто это про васъ?..

Дарья Тихоновна торопливо высала изъ избы, подъ какимъ-то предлогомъ, Николаю.

— Ужь этого не знаю про кого... — отвѣтила она, когда Николая ушелъ, — а только-что зятекъ твой надочучилъ: не знаю какъ отъ него и отдѣлаться...

— А что же?..

— Да надобѣ: лѣзетъ и во-время, и безъ-время... И бахвалитъ очень: придетъ, деньги кидаетъ вря... Сначала холостымъ даже себя показывалъ... Не люблю я этакихъ!.. А поступить съ нимъ грубо боюсь... Говорятъ: онъ отчаянный!.. Съ нимъ бѣда!.. Деревню, связываютъ, свою спалилъ со зла...

— А вотъ что, Дарья Тихоновна, вѣдь я вчера весь вашъ разговоръ за воротами съ Кирилой слышалъ... Я вѣдь тутъ стоялъ у васъ подъ окнами, только-что въ потемкахъ-то вы меня не видали... Я и стучался къ вамъ послѣ того, хотѣлъ-было зайти, какъ вы думали, что Кирила стучится...

Дарья Тихоновна совсѣмъ смутилась отъ неожиданности, взглянула безъ надобности въ печь, торопливо схватила вочергу и стала мѣшать дрова; но она была не изъ тѣхъ, чтобы совсѣмъ стать въ тупишъ, скоро собралась съ духомъ и надѣялась вывернуться изъ затрудненія.

— Ну, такъ вотъ, Федоръ Герасимычъ, — заговорила она, — коли самъ слышалъ, такъ нечего тебѣ и рассказывать... Какое разбойнишъ!.. Ну что съ нимъ подѣлаешь? Куда отъ него дѣнешься?.. Живу я одна, сиротой, безъ мужа: долго ли этому от-

пѣтому обидѣть насъ!.. Ужъ, право, и не знаю, какъ бы его отъ насъ отвадить... безъ грѣха, да безъ бѣды какой!..

— А вотъ какъ, Дарья Тихоновна... Отпустите вы Параню съ Николвой на фабрику, гдѣ я живу... Тамъ много и женщинъ, и ребятшекъ работаетъ—и ихъ наймутъ... Ужъ коли нужно будетъ, я молодого хозяина о нихъ попрошу: онъ для меня все сдѣлаетъ... А тутъ тѣмъ хорошо, что не только они оба деньги будутъ зарабатывать, а Николѣ и въ шволу будетъ ходить... Даже и Парасковья Михайловна, коли захочетъ, такъ живо грамотѣ выучится, потому у насъ тамъ и для большихъ школа откроется по праздникамъ... Опять же и я могу ей пособить во всякое время... Вотъ, подумайте...

Дарья Тихоновна что-то соображала и отвѣчала не вдругъ.

— Да что же они оба тамъ дѣлать-то будутъ? Работа-то какая и какое имъ жалованье пойдетъ?.. Можетъ, не по силамъ и работу-то дадутъ, а жалованье малое будетъ: я не хочу ихъ на муку-то пускать...

— Муки никакой не будетъ и работа не такъ, чтобы тяжелая: Паранѣ у стана стоять да смотрѣть, какъ онъ точетъ машинной, а Николѣ цѣвки сучить дадутъ, или чтѣ другое—по годамъ его... А жалованье обонимъ рублей десять въ мѣсяцъ положить на первое время, а тамъ прибавать... Можетъ быть, даже и теперь больше положить... Я ужъ постараюсь...

— Да извѣстно, коли ты у хозяина при рукѣ, да пострешься—такъ... А какъ же я-то здѣсь одна останусь?.. Я объ нихъ соскучусь, стоскуюсь совсѣмъ... Да и Параня-то одна тамъ будетъ... тоже не привычна она... Какъ Параня, пойдешь ли?

Федоръ напряженно глядѣлъ на Параню.

— Да я не знаю... Почему я знаю?... Какъ ты скажешь: велишь идти, такъ пойду...

— По-моему, коли жалованье будутъ давать хорошее, да работой не уморять, такъ попытай—сходи: вѣдь не въ кабалу, и самъ-дѣлѣ... Тяжело будетъ, такъ и уйдешь... А тамъ людно, весело: народу много... всякаго... Авось, не соскучишься... А главная причина: вотъ и онъ тамъ, Федоръ Герасимычъ, не оставитъ васъ по знакомству и по пріятству своему...

— Не то не оставлю, Дарья Тихоновна, а кажется—душу свою заложу за нихъ!

— Только какъ же, гдѣ же онѣ жить-то тамъ будутъ? Тоже вѣдь и пить-ѣсть захотятъ... Бто же про нихъ сострипаешь?

— Это надо въ ближней деревнѣ квартиру нанять у какого мужичка: это ужъ я прищу...

— Нѣтъ, а я вотъ что думаю: не идти ли и мнѣ съ ними туда?..

— Это бы было всего лучше, Дарья Тихоновна,—вскричалъ съ восторгомъ Ѳеда.—Я только-что хотѣлъ вамъ это сказать: и вы бы на фабрику поступили, вмѣстѣ съ Параней, и тоже бы денежки зарабатывали...

— Ну, пускай хоть на фабрикѣ-то работать я и старенька, а хоть они-то на глазахъ у меня будутъ, обшиты, обуты, на-кормлены... Они работать уйдутъ, а я все про нихъ припасу, не какъ чужіе люди: придутъ не къ пустому мѣсту... Ну, а если и работа какая подвернется, я, слава Богу, не безрукая: чтó по силамъ, да время будетъ—и поработаю... Вотъ развѣ какъ?..

— И это чудесно, Дарья Тихоновна!..—восторгался Ѳеда, и вамъ работу найдемъ: вы шить умѣете, тамъ народа много.

Ѳеда внутренне восхищался мыслью, что замыселъ его такъ удачно осуществлялся, что не только Параня, но даже мать ея будутъ честнымъ трудомъ зарабатывать деньги, что онъ будетъ видать Параню каждый день, выучить ее грамотѣ, а, можетъ быть, и дурная слава Дарьи Тихоновны замолкнетъ въ виду ея трудовой жизни, и такимъ образомъ для него облегчится возможность добиться согласія отца на бракъ съ Параней. Подъ влияніемъ этихъ мыслей и чувствъ онъ все забылъ и простилъ Дарьѣ Тихоновнѣ, чтó лежало у него на душѣ противъ нея, онъ готовъ былъ даже любить ее, какъ мать Парани; но у Дарьи Тихоновны, такъ скоро согласившейся на предложеніе Ѳеда, были свои соображенія, о которыхъ онъ даже и не догадывался: она думала о фабричномъ многолюдствѣ, о разныхъ молодыхъ неженатыхъ приказчикахъ, которые, конечно, не просматривать красоту Парани, даже о самомъ молодомъ хозяйскомъ сынѣ... Она вѣрила въ красоту своей дочери и въ ея счастливую звѣзду... Она рѣшилась идти на фабрику, все видѣть самой собственными глазами и попытаться устроить судьбу дочери, а съ нею и свое спокойствіе и благополучіе на старость... Ѳеда въ этихъ соображеніяхъ игралъ самую послѣднюю роль и былъ такъ сказать только въ запасѣ.

А Ѳеда, увлеченный своими надеждами, счастливый и довольный, не удержался и высказался предъ Дарьей Тихоновной нѣсколько преждевременно:

— Вѣдь, я вамъ не чужой,—вскричалъ онъ,—вѣдь я вамъ все равно, что сынъ родной, Дарья Тихоновна!.. Сами, чай, вы замѣчали и догадывались, таится теперь нечего... Я ужъ сказалъ

Паранѣ, скажу и вамъ: полюбилъ я ее, всѣмъ моимъ сердцемъ полюбилъ, только о ней одной и дума, и забота!.. Я знаю, вы за бѣднаго ее не выдадите, и она обѣщала мнѣ ждать, покамъ я справлюсь, и деньги хорошія стану зарабатывать, тогда и сватовъ пришлю... Теперь еще я получаю мало, да, Богъ милостивъ, скоро и вы мной не побрезгуете...

— Вотъ оно что! — вскричала Дарья Тихоновна, представляясь совсѣмъ изумленной... — Ну, ошеломилъ ты меня!.. Ахъ, вы плуты, плуты вы такіе!.. Да когда это вы столковались?.. Кажется, и съ глазъ-то никогда не сходили... А вотъ что, другъ сердечный, Федоръ Герасимычъ, изво всего видать, что ты хороший человекъ и разсудительный, даромъ, что молодежь... Люблю я тебя и всѣ твои качества вижу и понимаю, а только что, правда это, за бѣднаго дочку не отдамъ... Развѣ самоволомъ уйдешь, безъ материнскаго благословенія, а по доброй волѣ — нѣтъ, не отдамъ. И умница ты моя, разумница, что ты надумалъ: вѣрно, вѣрно, батюшка, подожди, справляйся, вставай на ноги, чтобы жену не къ пустому мѣсту взять, и послѣ всю жизнь не плавать!.. Дай-ка я расцѣлаю тебя за это, сердечный ты мой, сыночекъ названный!..

И Дарья Тихоновна цѣловала Федю и шутливо грозила Паранѣ, приговаривая: — Я тебѣ дамъ, вострый глазъ!.. Ишь ты какъ мать провела: столковались, сладились, а мать ничего и не знаетъ!..

— Ахъ, вытянется носъ у Кирюшки, — продолжала она со смѣхомъ, — какъ придетъ вась, анъ и ваба у насъ заколочена, и ховаявъ никого нѣтъ!.. А еще того нуще, какъ провѣдваетъ, что и женишокъ у Парани припасены!.. Въ обиду ее не дастъ...

— А вы не говорите, Дарья Тихоновна, никому до времени о нашемъ дѣлѣ, а особливо ему... — просилъ Федя. — Вы сказывали ему что про меня, или нѣтъ?

— Нѣтъ, и не заикалась... Не подходилось...

— Такъ и не надо, и не говорите, точно и не знаете меня совсѣмъ...

— Зачѣмъ говорить, воли не велишь... Что мнѣ за надобность...

— Онъ, вѣдь, сегодня придетъ, такъ я и уйду отъ васъ пораньше, чтобы съ нимъ какъ не встрѣтиться...

— Али и ты его боишься? — не утерпѣла Параня, чтобы не подразнить Федю.

— Нѣтъ, не его боюсь, Параня, а себя: — отвѣчалъ Федя, нахмурился, — не удѣлаетъ его голова, воли бы я увидѣлъ, какъ онъ къ тебѣ пристасть... Вотъ чего я боюсь!..

Параня взглянула на вдруг озлобившееся, сдѣлавшееся мрачнымъ лицо Оеди, и молча опустила глаза.

— Бабы не обошлось у насъ такъ дѣло, — продолжала Оеди, — да не перѣшили бы вы уйти со мной на фабрику, врядъ ли бы Кирила побывалъ опять сюда, а побывалъ бы, такъ покаялся...

Дарья Тихоновна многозначительно взглядывала на дочь при словахъ Оеди.

— И не связывайся ты, батюшка, Оедишшка, съ нимъ, — торопливо заговорила она, — Богъ съ нимъ, совсѣмъ!.. Онъ безпутный, отчаянный: ему все равно, а тебѣ себя берегти надо! Намъ бы только на фабрику-то отъ него уйти, тамъ-то ужъ, авось, насъ не достанетъ и ничего не подѣлаетъ... А ему бояться? Чего ему бояться его? Онъ не мы, бабы... Ну-ка, садись, откушай вотъ чайку: самоваръ-то поспѣлъ... Заваривай, Параня, да подчуй богоданнаго-то своего, а я покамъ личенку толкну, да блинговъ напекую... Вотъ онъ у насъ сытой и пойдетъ...

Параня стала распорядиться чаемъ, и Оеди съ любовью, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее. Но въ душѣ у него было не спокойно: чего-то онъ не договорилъ, чего-то не узналъ, какая-то неясная забота беспокоила его. Онъ самъ не умѣлъ отдать себѣ яснаго отчета: отчего происходила эта внутренняя тревога, это недовольство, и лицо его огуманилось, несмотря на то, что глаза его встрѣчали ласковый и лукавый взглядъ Парани. Онъ молчалъ и задумался.

— Ну, что еще? Кажись, ужъ теперь все хорошо? все по твоему? — спросила его Параня шутливо: — а у тебя ровно что еще на умѣ есть...

— Есть, Параня... Покамъ вы здѣсь будете, когда *тотъ*... (Оеди не хотѣлъ назвать Кирила по имени) когда тотъ приходитъ будетъ... ты не сиди съ нимъ, тотчасъ уходи къ сусѣдямъ... чтобы онъ не думалъ... чтобы не смѣлъ съ тобой ни заговаривать, ни заигрывать... Будешь уходить, Параня?..

Параня засмѣялась.

— Ахъ, парень... вкой ты сумнительный!.. съ тобой — бѣда!.. — заговорила-было она. Но Дарья Тихоновна перебила ее серьезнымъ тономъ:

— Не овайсайся, Оедяша, не бойся!.. Не подпущу и близко!.. Бавъ придетъ, такъ ее и вонъ изъ избы... Пускай, сидитъ съ одной со мной... Надоѣстъ, небось, уйдетъ скоро...

— Да что вы больно ужъ меня прятать-то хотите?.. — сказала Параня. — Не захочу, такъ и близко не подойдетъ... и безъ прятанья... Я его ни капельки не боюсь... Вотъ еще!.. Что вы

ужь очень съ мамонькой боитесь-то его?.. Экого страха онъ на васъ нагналъ!.. Пускай еще мамонька!.. А то...

Параня не договорила и насмѣшливо засмѣялась: она не могла удержать въ себѣ желанія подразнить Оедю. Тотъ вспыхнулъ. Дарья Тихоновна хотѣла-было что-то сказать, но онъ перебилъ ее:

— Такъ, стало быть, Параня, ты по доброй волѣ и по своей охотѣ подпускала его приставать къ себѣ?.. Сама, видно, заигрывала?.. Не даромъ вчера смѣялась да визжала, сидя съ нимъ...

— Завизжишь, какъ облапять да цѣловаться полѣзеть...

— И хвастаетъ, хвастаетъ, — вмѣшалась Дарья Тихоновна, — сама его боится, сама мнѣ жалобилась, что отбою отъ него нѣтъ, не знаетъ чтó и дѣлать съ нимъ, ни на чтó не взираетъ — лѣзетъ... Такой безстыдникъ, такой срамной, что бѣда!.. Придетъ, да сидеть, водки съ собой принесетъ, закусокъ — изъ избы-то никакихъ его коломъ не выворотить... Сидеть, да и на поди... Горланить пѣсни да побасенки рассказываетъ!.. Что ты съ нимъ подѣлаешь?.. И ужь досидитъ до того, покажъ Паранька придетъ... Таковой охальникъ!..

— Ну, такъ вотъ что, коли такъ, я не пойду домой, а подожду его здѣсь... Пущай, онъ при мнѣ придетъ!.. По крайности, Парасковья Михайловна увидитъ, боюсь ли я его... Чай, меня-то не выгоните, Дарья Тихоновна, дадите посидѣть у васъ?..

— Чтой-то, Оедянушка, да я рада тебѣ и Богъ вѣсть какъ: ты, вѣдь, не кто другой... Только я боюсь, что вы встрѣтитесь, такъ здору бы какого большого не вышло промежъ васъ нехорошаго: ему-то что, онъ ужь потерянный, въ острогѣ сидѣлъ, ему все ни почемъ... А тебѣ-то, сердечный мой... Вонъ ты у кушцовъ, на знати и въ чести, опять же и не хотѣлъ ты, чтобы онъ зналъ про наши дѣла теперешнія... про твое намѣренье... Вотъ я чего только опасуюсь!.. тебя-то мнѣ жалко, тебя-то берегу!..

— Да я самъ то думалъ сначала, Дарья Тихоновна... А теперь такъ разсудилъ, что мнѣ таиться нечего: я по чести, по совѣсти, жениться хочу на Паранѣ, я люблю ее ото всего сердца, и коли ужь сказано теперь вамъ, и вы не противъ меня, а Параня будетъ ждать, какъ общалась, такъ ужь это дѣло, значить, сдѣлается... Сказывать, да рассказывать про это не станемъ до времени, а и узнають, такъ не бѣда... Я ужь отъ Парани не отступлюсь, ни на кого ее не промѣняю, и никому не уступлю... А особливо не дамъ обижать, да надругаться надъ ней... Не бойтесь, Дарья Тихоновна, я отважу его отъ васъ и безъ

драки... Онъ женатый, онъ не долженъ по чужимъ домамъ шляться!.. У него жена хорошая, добрая!.. Опять же она сестра мнѣ, родная... Пускай же онъ видитъ, что я знаю, куда онъ отъ нея по цѣлымъ днямъ пропадаетъ... Авось, чай, совѣсть-то есть въ немъ хоть маленькая!..

Дарья Тихоновна, видимо, была недовольна рѣшеніемъ Федя, но не знала, какъ выдти изъ затруднительнаго положенія, и метала сердитые взгляды на Параню.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, Федоръ Герасимычъ,—гараготорила она:—какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай... А на Паранькины ляды смотрѣть нечего, что боишься ты его... Чего тебѣ его бояться?.. Онъ скорѣе тебя испужается!.. А только вотъ домашніе твои узнають, такъ не подумали бы, что онъ на насъ деньги сорилъ, али что другое... Деньги-то онъ кидаетъ во всѣ стороны: богачемъ себя показываетъ... Я даже еще сколько разъ его останавливала!.. А только-что мы тутъ не причемъ... На насъ бы чего не вывелъ... Такъ не вели домашнимъ-то: пускай не слушаютъ его, не вѣрятъ!.. Вотъ и блинны поспѣли: на-ка вотъ — покушай на доброе здорье...

Дарья Тихоновна очень старательно и радушно утѣшала Федю, но была въ тревожномъ и озабоченномъ состояніи духа. Нѣсколько разъ она возвращалась къ разговору о томъ: не лучше ли Федѣ уйти на-время, чтобы не встрѣчаться вовсе съ Кирилой; но Федя уже не хотѣлъ и думать объ этомъ. Послѣ всѣхъ пережитыхъ сомнѣній и тревоженій, послѣ того, какъ онъ открылся матери и рѣшился не скрывать о своей любви, въ случаѣ крайности, даже передъ своими родными, онъ вдругъ успокоился, повеселѣлъ и чувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ возлѣ Парани, на которую уже смѣло и не таясь смотрѣлъ, какъ на свою невѣсту, будущую жену. Въ немъ снова воскресла полная вѣра въ Параню и даже поддразниванье ея въ трусости онъ объяснялъ себѣ только желаніемъ Парани подольше не разставаться съ нимъ. Онъ пересталъ даже думать о всемъ прошедшемъ и хотѣлъ говорить только о будущемъ. Сидя противъ Парани, любуясь на нее, съ радостнымъ замираніемъ сердца встрѣчая ее взглядъ и улыбку, отвѣчая веселымъ смѣхомъ на ея шутку, онъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, забывалъ даже о присутствіи Дарьи Тихоновны—и уйти теперь отъ нея, по доброй волѣ, казалось ему просто невозможнымъ.

«И совсѣмъ не пойду домой, весь день просижу вотъ такъ съ ней, и отсюда прямо пойду на фабрику!..»—мелькало у него въ головѣ.

О предстоящей встрѣчѣ съ Кирилой онъ не хотѣлъ даже и вспоминать: мысль о ней проносилась иногда чрезъ его душу, какъ легкое облачко, которое не оставляетъ даже и тѣни.

Параня тоже была весела, оживилась и, какъ казалось Ѳедѣ, съ любовью смотрѣла на него и говорила съ нимъ.

Ихъ бесѣдѣ никто не мѣшалъ и никто въ ней не участвовалъ: Ниволка, поѣвши блиновъ, убѣжалъ на улицу, а Дарья Тихоновна, сначала была не въ духѣ, молчала, и, отъ времени до времени безповойно взглядывая то въ окно, то на разговаривающихъ, хлопотала около печки и прибиралась въ явѣ; потомъ и она какъ-будто увлеклась настроеніемъ молодыхъ людей и, присаживаясь около нихъ на лавку, съ довольной улыбкой прислушивалась къ ихъ болтовнѣ.

Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и на порогъ показался Кирилла.

V.

Всѣ невольно вздрогнули при появленіи давножданнаго, но забытаго гостя. Ѳедя поблѣднѣлъ, Параня вспыхнула, Дарья Тихоновна порывисто привстала-было съ лавки, но тотчасъ же опять сѣла, блѣдная и растерянная. Не лучше ихъ былъ и Кирилла: смѣло, молодцомъ, вошелъ онъ въ избышку, и вдругъ точно естоубеннѣлъ, когда увидѣлъ Ѳеду. Онъ забылъ даже затворить за собою дверь и стоялъ нѣсколько мгновеній неподвижно и молча, съ шапкой на головѣ и съ протянутой впередъ рукою, въ которой держалъ тѣмъ-то наполненный и завязанный узломъ цвѣтной плазюкъ. Всѣ молчали. Первая пришла въ себя и нарушила молчаніе Параня.

— Что ты, очумѣлъ, что ли, Кирилла Ѳедотичъ?—заговорила она, засмѣявшись. — Хоть бы двери-то затворилъ да шапку-то снялъ.. Здѣсь, чай, ивови Божіи, буки жѣтъ: чего испужался?..

— Ничего не испужался...—ирочно пробормоталъ Кирилла; снялъ шапку и оборотился, чтобы затворить дверь.

— Здорово, Кирюша...—сказалъ Ѳедя.—Чай, удивился, что меня здѣсь встрѣтилъ: не чайалъ...

Онъ пошелъ къ нему на-встрѣчу и протянулъ руку.

— Не чайалъ и есть... — отвѣчалъ Кирилла, собравшись съ духомъ и стараясь казаться спокойнымъ.— Какъ ты это попалъ сюда? Дарья Тихоновнѣ, Параня...

Кирилла раскланивался съ хозяйками и протянулъ-было руку

съ узломъ, но вдругъ опять отдернулъ ее назадъ, осмотрѣлся и положилъ узелъ въ уголокъ на лавку.

— Ничего, братецъ, не чаю, — продолжалъ онъ, опять обращаясь къ Федѣ. — Смотри: глазамъ не вѣрю, неужто онъ? откуда взялся?..

Кирила, безъ слова, усѣлся на лавку.

— Я здѣсь, вѣдь, ужъ давно знакомство веду...—отвѣчалъ Федя.—Вотъ съ фабрики шелъ побывать къ вамъ, присталъ, да по дорогѣ и зашелъ отдохнуть... А вотъ ховлева добрые сейчасъ и угощеніе поставили, не пускаютъ: наполни, напорили...

— Такъ...—проговорилъ Кирила какъ-то неопредѣленно, ни на кого не глядя.

— Не хощь ли и ты, Кирила Федотичъ, чайку-то? я подогрѣю самоваръ-отъ?—подстала, наконецъ, къ разговору и Дарья Тихоновна.—А то, можетъ, блинцовъ?.. Опары-то осталось: я сейчасъ напеку, коли хощь... На шестѣвъ огонь разведу... Печку-то скутала...

— Нѣтъ, не надо... Благодаримъ поворомъ... Развѣ тебѣ здѣсь не дорогѣ съ фабрики-то?—обратился онъ опять къ Федѣ, быстро перебѣгая въ то же время глазами по лицамъ всѣхъ присутствующихъ.

— Не такъ чтобы совсѣмъ по дорогѣ... да я, по знакомству, нарочно въ сторону свернулъ... Отдохнуть-то отдохнуть, да и такъ побывать у нихъ захотѣлось...

— Такъ...—протянулъ опять Кирила, ставоваясь все мрачнѣе и мрачнѣе.—Не слыхалъ я, что ты тутъ знаешься... Никто не говорилъ...

— Да, вотъ, не доводилось, — вмѣшалась Дарья Тихоновна:—ни тебѣ про него, ни ему про тебя сказать... Да, правда, мы его, Федора-то Герасимича, ужъ, поди, недѣль съ десять не видали.. Думали, и онъ объ насъ забылъ совсѣмъ...

— Для чего забывать, Дарья Тихоновна, а случая не приводилось, да и дѣла не доумскали, оттого и не бивалъ...—отвѣчалъ Федя. — Что, всѣ ли здоровы наши?—обратился онъ къ Кирилѣ.

— Ничего, здоровы.

— Федотъ Семеновъ дома?

— Нѣтъ, уѣхалъ... Да ничего, ступай: тамъ макушка и Анна, можетъ, и батюшка къ вечеру подѣдетъ...

— Да вотъ ужъ пойдемъ коли вмѣстѣ... Ты какъ сюда наравомъ, али шелъ куда?..

— Нѣтъ, я такъ пошелъ разгуляться: туда да сюда, въ равныя мѣста... Да вотъ и сюда зашелъ...

— Такъ домой-то развѣ не скоро еще пойдешь?..

— Нѣтъ, я еще не скоро...

— Ну, такъ и я посижу воли здѣсь... Что идти-то? Ѳедота Семеновича нѣтъ, тебя тоже, Ѳедосья Осиповна не жалуешь меня... Нѣтъ, и я, воли, не пойду...

— Анна дома...

— Ну, что Анна... Она мнѣ тоже рада не будетъ, какъ приду безъ Ѳедота Семеновича и безъ тебя... Нѣтъ, не пойду!.. Хорошо, что встрѣтились: узналъ по крайности, что всѣ живы, здоровы... А воли ты пойдешь домой, такъ пойдешь, тогда, пожалуй, и я схожу на минутку, сестру провѣдать... Вѣдь, сестра моя за нимъ замужемъ...—обратился Ѳеда къ Паранѣ.

Кирила совсѣмъ насунился и молчалъ. Не начинали разговора и другіе.

— Ну, Кирила Ѳедотичъ,—опять Параня прервала молчаніе, — ты сегодня не какъ вчера... Вчера смотри-ка-сь какой былъ... веселый... пѣсни пѣлъ, прибаутки сказывалъ: мы съ мамонькой животинки подвели... таково смѣшно сказывалъ!.. А сегодня нѣтъ... не таковой!.. ничто притуманился... Отчего ты сегодня экой?..

— День на день не придется...—мрачно отвѣчалъ Кирила.— Не все зубы скалить... Сегодня ничто голова болитъ у меня...

— Такъ развѣ и вчера ты здѣсь былъ?—спросилъ Ѳеда съ непривычнымъ для него коварствомъ, отчего даже покраснѣлъ.

— Былъ...—не смотря на него, но твердо и рѣзко отвѣчалъ Кирила.

— Да ты что же, въ самъ-дѣлѣ: ты не хопь ли поѣсть?.. Ты не церемонься, скажись: я сейчасъ блиновъ напеку...—говорила Дарья Тихоновна, желая замѣть непріятный разговоръ. — А то чайку испей... я мигомъ вскипачу самоваръ-то... А чайку-то у меня есть еще маленько... Не церемонься, я говорю, а ты...

— Да ну, пожалуй... чайку испью... А то вотъ что: въ самоваръ-то ставьте, а вонь у меня тамъ въ углѣ закуска разныя, да вода сладкая... Вотъ погоди-ка я...

И Кирила вдругъ рѣшительно и развязно всталъ, вынулъ изъ угла узелъ и положилъ его на столъ, намѣреваясь развязывать.

— Что же это ты хочешь дѣлать?—остановила его Дарья Тихоновна:—въ гости пришелъ со своимъ угощеніемъ—это же годится...

— Чего не годится... Все равно, гдѣ ни на есть разовься же... Сегодня, смерть тоска меня одолѣла: пошелъ, накунилъ

всяких разных разностей, раскучусь, молъ, гдѣ ни на есть, съ кѣмъ повстрѣчаюсь... Вотъ у васъ и разошьемъ...

— Ну, вѣтъ, Кирила Ѳедотычъ... Это не порядковъ: ты насъ не обижай...

— Да какая же обиды?.. Вотъ Парана гостиничками тутъ позабавится: орѣшковъ пощелкаетъ, пряничковъ, вонфетовъ отгѣдветъ, тутъ всего есть... А мы водочки...

И Кирило ниспѣшно развязывалъ узелъ и подвинулъ его въ сторону, гдѣ сидѣла Парана.

— Я не пью... ты, вѣдь, знаешь... — сухо проговорилъ Ѳедя.

— Ну, сладкая, вѣдь!.. Сладкой-то выпьешь... это бабы и дѣвки пьютъ... Дай-ка стаканчикъ, Дарья Тихоновна... Вонъ Парана и та выпьетъ... Выпьешь, Парана?..

Ѳедя испуганно, въ упоръ взглянулъ на Параню.

— Напрасно... Я пить не стану... — сказала Парана.

— Что такъ сегодня?.. А помнишь, ономнись отгѣдывала...

— Такъ что, что отгѣдывала?.. А сегодня не хочу...

— Гм... что такъ это?.. — злобно усмѣхнулся Кирило. — Можеть и ты, Дарья Тихоновна, сегодня въ постылицы залисалась? Тоже не станешь?..

— Не стану и есть, Кирила Ѳедотычъ... Нечто у меня голова болить... Да и не во времени: равно какъ и рано еще... Сейчасъ только чаю напилсь, блинковъ поѣлъ...

— Ну, подождаминя можно: всего одинъ не выпью... А мнѣ такъ самое время теперъ... Дай же стаканчикъ-то?..

— Да и ты бы, Кирила Ѳедотычъ, вотъ лучше чайку испилъ да блинковъ поѣлъ... Ну что пути: охмѣлѣешь, помагу... Во хмѣлю-то ты не больно спокоенъ... Посиди ужъ у насъ лучше такъ, смириковенько да хорошоконько, вотъ чайку испей, побесѣлуй... А это ужъ все домой лучше отнеси, али куда знаешь...

Дарья Тихоновна говорила это ласковымъ, медовымъ голосомъ и старалась взглянуть въ глаза Кирилѣ. Она чувствовала себя не ловко, боялась какой-нибудь неприятной выходки со стороны Кирилы, и видимо не знала, какъ себя держать, какъ половчѣе понести дѣло, чтобы устранить осору, шумъ и всякаго рода неприятность.

— Это, значитъ, отъ меня сегодня никакого угощенья не принимается?.. Неприятенъ, значитъ?.. А хозяйка стала величавой!.. И гостиницы мой не требуются: домой везать неси... Гм... Ну, что же дѣлать?.. Одинъ буду угощаться... Что же, Дарья Тихоновна, не будетъ милости: и ставанника не покажете?.. Дня

насъ; впрочемъ, все равно: мы и такъ можемъ, изъ горлышка въ горлышко...

И Кирило быстро опрокинулъ въ ротъ посудину съ водкой и жадно отпилъ изъ нея чуть не цѣлую половину.

— Вотъ это ладно будетъ... хорошо!.. — проговорилъ онъ, ставя со стукомъ полуштофъ на столъ и весь красный, восплаившимися глазами поглядывая на хозяевъ. — Теперь поговоримъ, пожалуй, побесѣдуемъ.. Ну, Лиса Патрикѣвна, то битиъ — Дарья Тихоновна, отчего же вы вдругъ угощенья моего принимать не желаете?..

— Да не то не желаю, Кирило Федотычъ, — отыгрывалась Дарья Тихоновна, а въ намъ пожаловали, такъ нашего хлѣба-соли просимъ кушать, чѣмъ Богъ послалъ... Вотъ только въ чемъ...

— Видишь ты, какъ хвостомъ-то вильнула... Ловко, какже!.. Это ты передъ Федей-то, что ли, себя показываешь?.. Такъ напрасно: я пережь думалъ, что онъ божій человекъ, простота, а воли ужъ мы здѣсь съ нимъ на одной половицѣ сошлись, такъ, значить, онъ только прикидывается тихонькинъ-то... а, выходятъ, по дѣламъ-то мы съ нимъ товарищи... Видите: она своего хлѣба-соли кушать подкуеть... А когда же я съ пустыми руками сюда ходилъ къ тебѣ?.. Ну-ка, скажи...

— Такъ, вѣдь, это твоя добрая воли была... мы, кажется, ничего не требовали... Иной разъ изъ-за совѣсти изъ-за одной — угощенье твое принимаешь... А вотъ и не надо бы, воли самъ же теперь попрекаешь...

— Полно юлить!.. Не попрекала я, а отчего же ты вчера пила со мной, а сегодня не хочешь, отчего вчера, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, Параня принимала отъ меня всякое угощенье: и пряники, и орѣхи ѣла, а сегодня вонъ и конфетовъ принесъ цѣлый узелъ, а можетъ тамъ и еще что есть... и не дотрогивается, и не смотритъ?.. Отчего такъ? что вы отъ Федюшки-то, что ли, больше, чѣмъ отъ меня ждете?.. Али ты въ денги, что ли, его протчишь?..

Кирило злобно захлопоталъ.

— Ну вотъ, вѣдь, я такъ и знала, — сказала Дарья Тихоновна: — какъ ты заложилъ, такъ и пойдешь шумѣть... здроты!.. Что намъ, окрѣмя тебя и знаться что ли, ни съ кѣмъ нельзя?.. Ты гость — и онъ гость.. Ты смотри-ка, только пришелъ, закумѣлъ, задрасалъ, а онъ сидитъ, словечка тебѣ не сказалъ напротивъ... Ну, будемъ твое угощенье ѣсть, ну, давай... Ышь Параня, а ты... Ну, вотъ ѣдимъ... Ну, что же ты въ гору-то полѣзъ, парень?.. А-ахъ... экой неспокойный!.. Хочешь, не хочешь,

можетъ въ глотку-то кусокъ не идетъ, а воли ужъ онъ угощаетъ, такъ не смѣй отказаться... Ышь!.. Дай-ка сюда водку-то, я приберу... Будетъ съ тебя... Испей вонъ лучше чайку...

— Погоди, не заговаривай... Не тронь водку, не тронь, говорятъ... Оеда, скажи ты мнѣ, по совѣсти, зачѣмъ ты сюда ходишь? Развѣ тебѣ мѣсто здѣсь?..

— Коли сижу здѣсь, такъ—стало мѣсто...—отвѣчалъ Оеда, насупившись.—А воли хочешь узнать всю правду, зачѣмъ я сюда хожу, подемъ домой, я тебѣ дорогой откроюся...

— Нѣтъ, ты здѣсь скажи, сейчасъ... Здѣсь чинится нечего: здѣсь дѣло на чистоту... Вишь, какой народъ: вчера я былъ гость дорогой, лучше меня нѣту, а сегодня думаютъ: ты не выродившій ли будешь!.. Такъ сказывай, да и давай торговаться, кто кого перешибетъ...

— Никому ты здѣсь не надобенъ,—вдругъ виѣшалась молчаливая да тѣхъ поръ Параня:—лицо ея горѣло и глаза гнѣвно блестя. Убирайся ты къ женѣ къ своей, а намъ экихъ нахаловъ да бахваловъ не требуется!.. Не думай ты о себѣ много, не похваляйся: видимъ тебя, понимаемъ довольно!.. Давно я мамонькѣ говорю, что въ шею бы тебя отселѣ нужно, охальывая этого, а не то что угощеніе отъ тебя принимать... Чтѣ ты, подуметь, что ли, думалъ меня пранивать-то твоимъ?.. Возьми прочь твои гостинцы подлне, не надо ихъ... Неси, кто поденшвиле насъ стѣбить, а мы про тебя дороги!

Параня схватила уеелъ и бросила его въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Кирила; онъ ударился о бутылку съ водкой и столкнулъ ее на полъ; вода разлилась и гостинцы Кирилы разсыпались по полу избы. Онъ самъ, блѣдный, растерянный, злой, всколыхнул на ноги, весь дрожалъ и смотрѣлъ на Параню изумленными глазами, конвульсивно сжимая кулаки.

Оеда смотрѣлъ на Параню съ изумленіемъ, но и съ восторгомъ: ему казалось, что онъ теперь любитъ ее еще больше прежняго и, по инстинктивному побужденію, поднялся и сбѣгъ слово нея съ той стороны, откуда былъ ближе къ ней Кирила.

Дарья Тихоновна совсѣмъ растерялась, охала, ахала, что-то бормотала и бессознательно поднимала и бросала опять на полъ разлетѣвшіяся по вѣбѣ сласти.

— Такъ вотъ какъ...—проговорилъ наконецъ Кирила хриплымъ, точно сдавленнымъ голосомъ.

— Вотъ какъ!.. — повторила за нимъ Параня, сверкая глазами.—Ты думалъ, боится тебя здѣсь... Мнѣ тебя боится нечего!..

— Что же, вы любитесь, что ли, съ нимъ?—спросилъ Кирила, указывая на Оеда.

— Не твое дѣло...

— На что же ты... на что ты... тянула меня?.. Голосъ Кирилы дрожалъ, въ немъ слышались слезы.

— Чѣмъ я тебя тянула?.. Ты самъ лѣзь, приставай, я не знала, какъ отбиться отъ тебя, охальника...

— Я изсохъ по тебѣ... исчахнулъ... я бы все тебѣ отдалъ... все!.. Тебѣ бы не такъ надо, коли не любишь совсѣмъ... не тянуть... Я думалъ...

Кирила опустился на лавку, оперся локтями на столъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ, или, вѣрнѣе, завылъ. Дарья Тихоновна, не зная что говорить и что дѣлать, тоже заплакала, или показывала видъ, что плачетъ.

— Ну, слушай, Кирила, — заговорилъ Оедя: — не реви, я тебѣ скажу всю правду: Параня невѣста моя... Я на ней жениться хочу...

Кирила вскочилъ какъ ужаленный.

— Жениться хочешь?.. Невѣста?.. Ну, такъ не вѣрь ему, Параня: не дадутъ ему жениться на тебѣ... Не такая имъ дѣвка нужна... не изъ такой семьи!.. Не вѣрь ему и не слушай: никогда ему не жениться на тебѣ... Его проклянетъ отецъ, какъ только онъ заикнется о тебѣ... Да и мой-то родитель, другъ и благодѣтель его, развѣ дастъ жениться на тебѣ?.. Да они и васъ-то съ маткой со свѣту сживутъ, изъ волости-то выгонять, какъ узнаютъ, что ихъ любимое чадушко задумало... Вотъ вы увидите!.. Еще, можетъ, вспомнешь и меня, Парасковья Михайловна... Ну, коли нѣтъ счастливо оставаться, женихъ съ невѣстой... Помни, Параня, всрамила ты меня, обидѣла, вонъ прогнала, а я все-жъ таки тебя изъ глазъ не выпущу!.. А этотъ, святъ мужъ, про тебя не женихъ: ты такъ и знай... А тебѣ, Дарья Тихоновна, покорнѣйше благодаримъ за угощенья, за ласковомъ привѣтъ... Помни!.. Еще увидимся, осьмь!..

Кирила быстро повернулся, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ избы.

— Ну вотъ, чуло мое сердце, что бѣда будетъ, коли онъ съ тобой здѣсь повстрѣчается!..—говорила Дарья Тихоновна.—И сунуло тебя тутъ вогунаться да ругаться съ нимъ!..—упрекнула она дочь.—Совсѣмъ-было я его умаслила, такъ нѣтъ вотъ... Сядь да отругивайся... Ну, что съ пьянаго спрашивать?..

— Такъ что же? Онъ будетъ надругаться надъ нами, а намъ слушать, да кланяться... — отвѣчала Параня.—Потакни-ка

ему, онъ и не то бы заговорилъ... Да онъ и не съпьяна это, а сначала опѣшилъ, какъ Федю увидалъ, а тутъ нарочно и выпилъ... для куражу... Вотъ что!.. Не боюсь я его... Наплевать!..

— Да вотъ, не боишься, а погоди-ка... кто его знаетъ что у него на умѣ?.. Можетъ, такого наплететъ, что и самъ-дѣлѣ Федина-то родня объ насъ и невѣсть что подумаютъ... забавитъ ему не то что жениться на тебѣ, а и знаться-то съ нами...

— Не бойтесь, Дарья Тихоновна, — возразилъ Федя. — Коли Параня любить меня не перестанетъ, я никого не послушаю и никто меня съ ней не разведетъ... А уйдете вы на фабрику, да будетъ тамъ Параня вмѣстѣ съ вами деньги зарабатывать честнымъ трудомъ, и батюшка дастъ мнѣ свое благословенье... А о Федотѣ Семенычѣ я и не думаю: онъ мнѣ больше повѣритъ, чѣмъ Кирилъ... и батюшку еще за меня попроситъ... Старикъ меня знаетъ и любитъ!.. Да и Кирилу, еще погодите, я можетъ быть урезоню: поудержится много-то болтать... У меня есть на него страхъ... Теперь авось сегодня къ вамъ не воротится... Я пойду теперь въ Ступино, повидаться съ сестрой, а назадъ ужъ, къ вечеру, ворочаться буду на фабрику, опять къ вамъ забѣгу... Покамъ прощайте... Вотъ, Дарья Тихоновна, вы Параню браните, зачѣмъ она Кирюшкѣ отвѣчала, а мнѣ она за это... такъ, кажется, еще любѣй стала... И что у меня ни было на душѣ противъ нея какое сомнѣнiе, послѣ этого все точно рукой сняло... Не браните вы ее, Дарья Тихоновна, за это!.. Прости меня, Паранюшка, что иной разъ я думалъ про тебя... сомнѣвался въ тебѣ... Теперь я тебя узналъ послѣ этого случая, и кто бы что ни говорилъ про тебя, ничему не повѣрю... всякому ротъ запечатаю!.. Прости меня... любая моя!.. солнышко мое ясно!..

Федя остался. Онъ стоялъ передъ Параней, смотрѣлъ на нее восторженными глазами, и не зналъ, не находилъ такихъ ласковыхъ словъ, которыми бы, въ присутствiи матери, могъ высказать ей всю силу любви своей. Параня раскраснѣлась и стыдливо потупилась, слушая его.

— Да ну, ну... поцѣлуйтесь ужъ что ли, поцѣлуйтесь на прощанья-то... — проговорила Дарья Тихоновна, любовно усмѣлаясь. — При мнѣ можно: я никому не скажу...

Но Параня закрыла лицо руками и отшатнулась въ сторону.

— Не надо... не хочу... Не стану... — говорила она. — Не смѣй, Федя, трогать теперь, а то осержусь!..

— Да не буду, не буду... не бойся... солнышко мое!.. — успокоивалъ ее Федя, на котораго предложенiе Дарья Тихоновны почему-то тоже неприятно подѣйствовало. Откройся только да

погляди... взгляни разомъ... Я уйду сейчасъ... До свиданья... Параня!..

— Да ну, уходи, что-ли... — проговорила Параня, улыбаясь, и отвела отъ лица руку, такъ взглянула на Федю, что у того отъ радости захватило дыханіе.

Онъ невольно, точно кѣмъ подтолкнутой свади, рванулся было къ Паранѣ и преткнулъ руку, чтобы обнять ее, но тотчасъ же спохватился, удержался, и вслѣдствіе этого такъ смѣшино и неулыжже повзвонился и повернулся, чтобы уйти, что насмѣшили и Параню, и Дарью Тихоновну. Онѣ провожали его веселымъ и добрымъ смѣхомъ, который не рассердилъ и не обидѣлъ Федю: онъ самъ усмѣхнулся, оглянувшись на нихъ, и вышелъ изъ избы совсѣмъ счастливый.

— До свиданья... Къ вечеру ждите!.. — проговорилъ онъ, затворяя за собою дверь.

VI.

Высочивши изъ избы Дарья Тихоновны, Кирила не зналъ, что ему дѣлать, куда идти. Страшная злоба, ревность и досада душили его; онъ чувствовалъ потребность отомстить и Паранѣ, и Федору, и старался сосредоточиться на мысли: что бы сдѣлать такое, чтобы съ-разу повредить имъ, поссорить и разлучить.

«Сказать его отцу!..» думалъ Кирила. «Рассказать, какая такая Барыня, Дарья Тихоновна, къ которой ихъ тиконя шляется, растолковать, на чьей дочкѣ жениться онъ хочетъ... да и какова сама эта доченька-то... Пускай же знаютъ, что хваленый ихъ не лучше насъ, грѣшныхъ!.. Они думаютъ, онъ на фабрикѣ, денежки зарабатываетъ для дома, а онъ вонъ гдѣ сидитъ, гдѣ деньги-то сорать... Туда безъ денегъ не ходи: знаемъ мы тоже Дарью-то Тихоновну довольно!.. Коли соглашается дочку отдать, такъ, значить, погромѣлъ у нея подъ носомъ денежками... На сухую-то ложку ее не смажешь тоже!.. Давно знакомство ведетъ... значить, давно и деньги даетъ... А гдѣ брать?.. Видать, что у насъ же изъ дому таскалъ... Правду матушка-то говоритъ... Вотъ тѣ и честной, и не пьющій, примѣрный!.. Надо и моему-то родителю рассказать: пускай знаетъ!.. Поди еще, не давалъ ли ему награды... О-о, проклятый потихоня, не даромъ завсегда у меня кипѣло супротивъ него... Подкалима подлый!.. Пожалуй, вѣдь, не повѣрять... Нѣтъ, хорошо бы ихъ обоихъ, стариковъ-то, привести, покажь онъ сидитъ тамъ у нихъ, чтобы на мѣстѣ накрыть!..»

Ужъ не бывать же этому: такъ ли, снѣзъ ли, а разстрою я васъ... Погодите!.. Про меня узнають? скажутъ?.. Наплевать мнѣ—все равно!.. Съ меня не что возьмутъ, а не доставаться, такъ пускай не достается никому... Не мнѣ, такъ и не ему!.. Да отъ меня еще не уйдеть!.. Посмотримъ еще... Ужъ иренадай моя голова, а я по-своему сдѣлаю!.. Кабы не любила она меня вовсе, не стала бы сидѣть около меня, да глазами заигрывать, да хихикать, не стала бы подзадоривать... Кабы не женать я былъ, она на Федянку-то бы и не взглянула возлѣ меня... Она дѣвча веселая: ей ликача нужно, а не якого тюрю, какъ Федьва... А эти штуки-то, что гостяницы-то раскидала при немъ, ему на показъ что вотъ, моль, мы каковы благородны... Ну, это еще на-двое судить можно!.. Извѣстно, коли замужь за него хочеть, за жениха считають, такъ мои рѣчи несносны показались... А коли развести ихъ, да походить хорошенько, такъ другой разговоръ пойдетъ... Нѣтъ, не Федькѣ со мной тягаться... Погоди, тюря невареная, я тебя утѣшу: не видать тебѣ Параньки какъ ушей своихъ!.. Тебя со смиренствомъ твоимъ, да съ родительскимъ почтеніемъ приберуть въ руки: воротять съ фабрики-то, въ деревню опять возьмутъ, да силой женать, вотъ и будешь сидѣть!.. А со мной не что подѣлають... Я самъ себѣ начало, самъ себѣ голова... Погоди!..»

Такъ думая и передумывая, влась, волнуясь и угрожая, Кирилла шелъ скорыми шагами, бессознательно направляясь въ дому. Онъ былъ совсѣмъ погруженъ въ самого себя, не смотрѣлъ по сторонамъ, баркоталъ иногда отрывочныя фразы изъ того, что думалъ, сжималъ кулаки, грозился и шелъ впередъ, не замѣчая, что своди его, въ нѣкоторомъ разстояніи, давно уже тихо ѣхала телѣга. Въ телѣгѣ сидѣла женщина и задерживала порывавшуюся впередъ лошадь, не сводя испуганныхъ глазъ съ шагающаго впереди Кирилла. Она могла бы проѣхать мимо, и онъ, по всей вѣроятности, не обратилъ бы даже вниманія, но сидѣвшая въ телѣгѣ женщина была—Анна. Возвращаясь изъ Пархачева отъ знахарки, она вдругъ, совершенно неожиданно, къ ужасу своему узнала въ идущемъ впереди мужикѣ своего мужа. Анна оторопѣла, задержала лошадь, заставила ее идти шагомъ и съ замираніемъ сердца слѣдила за мужемъ. Испугъ ее смѣнялся съ недоумѣніемъ, когда она разглядѣла странныя движенія мужа. Пьянъ? была первая мысль ея; но онъ шелъ твердо, не останавливаясь, не пошатываясь.—Что дѣлать?—раздумывала Анна: ѣхать ли впередъ, или остановиться совсѣмъ и дать емуйти?.. Ѣхать—узнаеть, остановить, станеть допрашивать: гдѣ была?

Что скажешь?.. Остановиться, дать уйти впередъ, такъ онъ въ дому идетъ, все равно узнать, что меня нѣтъ и лошади нѣтъ: тоже будетъ пытать, навѣ прѣйду... Что сказать-то мнѣ, батюшки мои, какъ вдругъ оглянется, да увидитъ?.. Сказать развѣ что къ своимъ, въ Чернушки, ѣдила, матушка отпускала? такъ дорога-то не та, не оттуда... Сказать... сказать развѣ...

Но Анна ничего не могла придумать, ни на что рѣшиться, какъ вдругъ Кирила остановился и присѣлъ на краю дороги, чтобы закурить папироску. Анна натянула возжи, лошадь остановилась, и бѣдная баба точно замерла съ прижатными къ груди руками, съ неподвижно устремленными на Кирила испуганными глазами; сердце у нея точно перестало биться и холодный потъ выступилъ на лбу. Кирила, раскуривая папироску, случайно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стояла лошадь, и тоже сначала не вѣрилъ глазамъ своимъ... Да, лошадь—его собственная и баба сидитъ въ телѣгѣ—его жена!.. Что за чудо такое? Привидѣлась, что ли?.. Сидитъ и смотреть на него, глазъ не спускаетъ!.. Да, жена и есть, Анна!.. Она это сидитъ!.. Откуда взялась?..

— Анна! — вскричалъ Кирила чуть не съ ужасомъ.—Ты это?..

— Я, Кирила Ѳедотычъ... — отвѣчалъ робкій женинъ голосъ. Этотъ голосъ привелъ Кирила въ себя.

— Да откуда тебя чортъ взялъ?—спросилъ онъ, подходя къ телѣгѣ.—Куда ты ѣдила?

Анна не отвѣчала.

— Тебя спрашиваютъ... Али оглохла? Куда ѣдила?..

— Матушка посылала...—отозвалась Анна нерѣшительно и робко.

— Куда?

Анна опять молчала.

— Да что ты, дьяволъ, онѣмѣла, что ли? Куда, я говорю, матушка посылала?..

— Да тутъ... къ знакомѣ... къ своей... къ одной...

— Къ какой знакомѣ?.. Да что ты и вправду?.. Съ ума спятила, что ли, такъ кажись, не съ чего... Али тебя лѣшій обопелъ, память отшибло?.. Сказывай сейчасъ: гдѣ была?.. Ужъ не за мной ли досматривать ѣдила?.. Слышишь, сейчасъ сказывай, а то всю морду твою поганую сворочу на сторону... Ишь ты, рыло твое поганое, паскудная хара!.. На человѣка-то не покова!.. Навязалась на шею жерновъ, окаянная!.. Слышишь, спрашиваю: гдѣ была?..

— Ты перво скажи: гдѣ ты-то былъ? гдѣ ты-то шляешься

отъ жены?..—вскричала вдругъ Анна, забывшая страхъ и чувствуя только нанесенное ей мужемъ оскорбленіе. Вотъ перво ты скажи: гдѣ ты-то водишься отъ живой жены?... гдѣ ты-то былъ?..

— Гдѣ былъ?—отвѣчалъ Кирила, сверкая на жену глазами.—Знать хочешь?.. У полюбовницы своей былъ!.. У насъ одна вмѣстѣ съ твоимъ братомъ Ѳедюшкой!.. Спроси у него!.. Вотъ гдѣ я былъ!.. Ну, слышала?.. А ты гдѣ же была?

— А я у полюбовника...

— Ахъ, ты мурло... Кому ты нужна?.. Тоже!..—И Кирила ударилъ жену: воротившаяся въ нему злоба требовала жертвы, а она была подъ рукой.—Говори сейчасъ...

— Да вотъ хощь убей... не скажу...—отвѣчала Анна, рыдая.—Убей ужъ за-одно: легче будетъ...

— Э, да чорта мнѣ нужно: стану я допытывать тебя... Велика мнѣ надобность... Полѣвай вонъ изъ телѣги!..

— Зачѣмъ я полѣзу?..

— Пошла, говорить, покамъ цѣла...

— Да на что я полѣзу изъ телѣги?..

— Э, дьяволь!..—вскричалъ Кирила и потащилъ жену за воротъ.—Задую...

— Ой, батюшка!.. Пусти душу на показаніе!.. Пободи, сама выгѣзу... Господи!.. Конецъ, что ли, мой приидеть послѣдній?.. Дай хощь перекреститься... Богу покаяться...

Съ рыданіями, дрожа всѣмъ тѣломъ и въ самомъ дѣлѣ думая, что мужъ хочетъ ее убить, не выгѣзла, а скорѣе вывалилась Ѳбдная Анна изъ телѣги; но не успѣла еще она подняться на ноги, какъ Кирила вскочилъ въ телѣгу и погналъ лошадей; Анна осталась одна среди дороги. Испуганная, избитая, оскорбленная она долго не могла придти въ себя и понять, что съ нею случилось. Безумно смотрѣла она вслѣдъ удаляющемуся мужу, который хлесталъ и погонялъ и безъ того усталую лошадь; потомъ сѣла тутъ же на дорогѣ и горько-горько заплакала. Она сидѣла, закрывши лицо руками и покачивалась изъ стороны въ сторону; рыданія надрывали ей грудь, разрѣваясь воплями и причитаньемъ. Подавленная своимъ горемъ, ослѣвленная своею горькую участь, Анна не замѣтила, какъ подошелъ въ ней братъ, Ѳеда, и изумленный остановился передъ нею.

— Что ты, Анна, что ты?—о чемъ речешь? Какъ ты попала сюда? Что еще надѣлалось?..—спрашивалъ ее Ѳеда съ участіемъ.

— Ахъ, батюшка, Ѳединька...—заголосила Анна, ухвативши, наконецъ, брата.—Откуда ты взялся? Ровно съ неба свалился...

Видно, Господь тебя послалъ во мнѣ?.. Батюшка, родимый мой, Оединушка!..

— Да расскажи путемъ: что такое послучалось?.. Какъ ты здѣсь-то, среди дороги?..

Съ рыданіями, прерывающимся голосомъ, несвязно и безпорядочно, рассказала Анна брату все, что произошло. Изъ всего ея рассказа Оедя понялъ только, что Кирила прибилъ сестру, выкинулъ изъ телѣги, и самъ ускакалъ.

— Да за что же онъ тебя прибилъ-то?.. — допытывался Оедя.

— Не знаю, Оединька, ничего не знаю: ровно во снѣ мнѣ все это...

— А куда же поѣхалъ-то?

— Вонъ, туда, — въ эту сторону... Не знаю куда...

— Ну, такъ, значить, въ дому... Перестань, Аннушка... не реви... Вставай, да пойдѣмъ лучше домой... Я, вѣдь, въ вагъ шель... Вставай...

Оедя помогалъ сестрѣ подняться на ноги. Она все еще всхлипывала и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ пойдѣмъ... На ходу-то лучше... Переключешься, такъ расскажи мнѣ все порядкомъ: я никакъ въ толкъ не возьму...

— Нѣтъ, Оединька, нѣтъ, ты мнѣ перво скажи: кто такая у васъ съ нимъ одна любовница есть... Онъ самъ мнѣ сказалъ: спроси, говорить, у Оедьки, — у васъ съ нимъ одна... Неужто и ты въ этой вдовѣ ходишь?.. Скажи мнѣ, батюшка... скажи, родимый... Назови ты мнѣ ее по имени... На тебя, значить, и уваживала Арина Панератьевна... Скажи, хорошій... Назови мнѣ ее... Вотъ я тебѣ въ ножи поклонюсь...

Анна бросилась въ ноги брату...

— Да полно, Аннушка, полно... Что ты?.. Съ ума ты сошла, что ли?

Оедя старался поднять сестру.

— Мнѣ только бы имя-то ее узнать, да гдѣ проживаетъ... Больше ничего не надо... Не встану, отъ ногъ у тебя не встану, — въ пыли, въ праху валяться буду, покамъ не скажешь, кто моя злодѣйка... та вдова клятая...

— Да пойдѣмъ, пойдѣмъ... Перестань... Я все тебѣ расскажу и растолкую — и ее назову, только ономнися, встань ты да пойдѣмъ... Я съ тѣмъ и шель, чтобъ все тебѣ рассказать...

Анна быстро поднялась.

— Ну, вотъ, батюшка, вотъ не вѣрь... — говорила она. — А мнѣ это слово сказано: «встрѣтится тебѣ человѣчекъ, нежданно-негаданно, на пути-дорогѣ, и все тебѣ стирость...» Вотъ не вѣрь

гадалькамъ онося того... Ну, рассказывай ты мнѣ, рассказывай, облегчи ты мою душу... Я и ревѣть не стану... Вотъ и слезъ нѣту, ровно ничего и не было...

Анна ждала объясненій Феди точно какого-нибудь откровенія, которое должно спасти .ее, измѣнить въ лучшему всю ея судьбу; она смотрѣла на него съ какимъ-то трепетомъ и надеждою, вся превратилась въ слухъ, боясь проронить хоть одно слово, одинъ звукъ.

— Онъ тебѣ сказалъ, что у насъ одна съ нимъ полюбовница?..—переспросилъ Федя.

— Сказывалъ, Федянушка, сказывалъ... Такъ и сказалъ...

— А ты ему и повѣрила?..

— Повѣрила — не повѣрила, а такъ это мнѣ его слово на сердце пало, такъ точно стрѣлой пронзила... Вотъ, молъ, и узнаю же я ее... Такъ и подумала!.. Федя мнѣ всю правду скажетъ...

— Сказать я тебѣ скажу, только ты до времени ничего никому не говори: ни нашимъ, ни Федоту Семенову...

— Не велишь, такъ зачѣмъ я стану говорить... Не стану, Федянушка, не стану...

— Нѣтъ у меня никакой полюбовницы, а невѣста есть — точно...

— Какъ невѣста?.. Неужто же ты на экой... да на вдовѣ жениться хочешь?.. Чтой-то, Федя?..

— А ты погоди... Не на вдовѣ, а на ея дочкѣ... Это дѣвушка честная, хорошая, даромъ что у такой матери выросла... А ужъ красавица, Аннушка, такая... Кажется, изойди бѣлый свѣтъ — не найдешь такой: лицомъ ли, ростомъ ли, повадкой своей!.. А глаза — такъ, кажется... что захочеть, то глазами-то и скажетъ: взглянуть — все сердце всколыхнетъ, духъ займетъ!.. не то, что говорить: ровно тысячей рублей подарить, а ничего не надо, — отъ свѣта вольнаго отъянешься, только бы смотрѣла она на тебя этими глазами своими!.. Ахъ, Аннушка, какъ люблю я ее, какъ люблю — сказать тебѣ не могу!.. Нѣтъ того на свѣтъ...

— А матка-то, матка-то, Федянушка, молода еще видно?.. тоже рожей-то, видно, смазлива?.. Не старя еще она-то?.. Сама-то кака?

Федя, который въ первый разъ еще свободно говорилъ съ близкимъ человѣкомъ о любви своей и о любимой женщинѣ, такъ увлекся этимъ рассказомъ, воспоминаніемъ о Паранѣ и своими личными ощущеніями, что едва новизнѣ вопросъ Анны и разсѣянно отвѣчалъ ей.

— Да, она еще ничего... молода... не стара...

— А все ужъ, чай, ей подь сорокъ, коли дочь — невѣста?..

— Будеть, я думаю...

— Ишь, ты, подлая!.. А какъ зовуть-то ее, Федянушка... матку-то?..

— Дарья Тихоновна.

— А изъ какой же деревни-то будутъ они, Федя?.. Гдѣ жить-то?..

— Въ Онучинѣ...
— Вотъ гдѣ!.. — почти вскрикнула Анна, радуясь, что она

получила теперь всѣ нужныя ей свѣдѣнія. — Ишь, ты, подлая душа!.. Сорокъ лѣтъ — бабій вѣкъ, говорятъ, а она... Видишь ты!.. Такъ онучинская, — вотъ откуда!.. Ну, Кирила Федотычъ, нѣтъ у тебя стыда! Не нашель ты получше-то... Съ кѣмъ связался, на кого жену промѣнялъ: на вдову дѣтнюю, старую... На кого ты домъ ворипшь!.. Не даромъ, люди смѣются!.. Ужъ, стало, баба нивуда негодная, непутная, коли у нея дочь — невѣста, а она гуляетъ, любовниковъ заводитъ... Такъ ты тамъ-то и повстрѣчался съ нимъ, Фединька?..

— Да, сегодня въ первый разъ... До этого раза и не зналъ ничего...

— Такъ неужто ты, Федя, и самъ-дѣлѣ на ея дочкѣ жениться хочешь?.. Чтой-то, родной мой?.. Да батюшка-то и слушать не захочеть, — и благословенья тебѣ не дастъ... Экая тѣщенька будетъ!.. Да и Федотъ Семенычъ что скажетъ... И по мнѣ — такъ... Нѣтъ, батюшка, Фединька, чтой-то ты это надумалъ?.. Неужто ужъ таки-таки лучше ея, въ самъ-дѣлѣ, нѣтъ?..

— По мнѣ — нѣтъ, Аннушка... И вотъ я тебѣ что скажу... Параня моя до того мнѣ мила и дорога, что хоть бы пришлось батюшкѣ наперекоръ сдѣлать, съ Федотомъ Семенычемъ поссориться... а я все-жъ-таки женюсь на ней... Придетъ время, — такъ и родителю скажу... По мнѣ, дочь за мать не отвѣтчица, и не всякая дочь по матери идетъ... Она не виновата, какая бы ни была у нея мать: была бы сама хороша, а за родителей съ нея спрашивать нечего... По мнѣ, еще это въ чести ея, что у такой матери, на такомъ виду, да сберегла себя, — хорошая да честная осталась!.. И мать, значить, не вдосталь пропала, коли дочь въ порядкѣ выроснула, худому ее не учила, а оберегала...

— Да уберегла ли, Фединька? Полно, батюшка, молодъ, вѣдь, еще ты, — всего не досмотришь... Гдѣ тебѣ до всего дойти... Онѣ, видать, ловкія: обойдутъ и не тебя...

Федя вдругъ съ силой схватилъ сестру за руку. Анна взгля-

нула на него и испугалась: онъ страшно измѣнился въ лицѣ, дрожалъ и тяжело дышалъ, точно задыхался.

— Не смѣй... не смѣй!.. — проговорилъ онъ, съ усиленіемъ переводя духъ.— Ты ее не знаешь... Не такая она!.. Зачѣмъ же ты?.. Никогда не смѣй говорить этого!.. Я ее знаю... Ты поглядѣла бы, какъ она твоего Кирила отдѣлала: онъ началъ-было къ ней подлизываться... Выгнала изъ избы-то... Оттого онъ и злой-то такой... Видно, и тебя-то прибилъ съ этого: не зналъ ужъ на комъ злость сорвать...

— Какъ, Федюша, ты говоришь: онъ и къ ней подлизывался?.. къ твоей-то?.. Господи, батюшка, да ужъ онъ не къ ней ли и сбѣгалъ-то?.. не съ ней ли онъ, полно, Федя?

Аннушка точно съ умысломъ мучила брата: ея слова точно острымъ ножомъ рѣзали его по сердцу.

— Твой Кирила живъ бы не ушелъ отъ моихъ рукъ, кабы это такъ было... — отвѣчалъ Федя мрачно. — Она не виновата, что онъ безнутный, охальникъ, — что совѣсти въ немъ нѣтъ... Кабы она его сегодня на моихъ глазахъ такъ не прогнала, Богъ-вѣсть, чтѣ бы еще у насъ съ нимъ было... Нѣтъ, нѣтъ, про нее не думай, а онъ... ты присматривай за нимъ, и Федоту Семенычу скажи моимъ именемъ, коли я самъ его не увижу да сказать не удосужусь, что онъ... подлый твой Кириушка!.. самый подлый человѣкъ!.. Я самъ слышалъ, какъ онъ подкупалъ мать, чтобы она продала ему дочь, страдалъ, похвалялся силой увести... Вотъ онъ какой!..

— Батюшки!.. батюшки!.. — завопила опять Анна, всплеснувши руками.— Куда мнѣ отъ него дѣться? куда головушку отъ стыда-гора спрятать?.. Чтѣ мнѣ дѣлать-то? Какъ мнѣ быть-то?

— Вотъ чтѣ, Аннушка... Я ужъ Кирила, можетъ, разведу съ Дарьей Тихоновной: онъ скоро совсѣмъ изъ Онучина уйдуть... А чтобы онъ не пьянствовалъ, дома не зорилъ и тебя не обижалъ, чтобы хоть немножко его поуспокоить, надобно тебѣ непременно все рассказать Федоту Семенычу и батюшкѣ: такъ и расскажи все, какъ есть, чтѣ я тебѣ сказывалъ и чтѣ сама знаешь...

— Фединька, да онъ убьетъ меня... Посмотрѣлъ бы ты даве: вѣдь я думала — конецъ мой пришелъ... А на него и смотрѣть-то страсть брала...

— Погоди же, постой... Для того-то ты батюшкѣ все и расскажи, чтобы онъ зналъ, какъ тебя мужъ мучитъ и тиранитъ и какова тебѣ жизнь замужемъ — и чтобы тебѣ въ случаѣ, если Кирила не образумится, можно было уйти къ отцу... Я тебѣ и

прежде говорил и теперь опять скажу: нельзя съ такими мужемъ жить на такомъ сраму, на такой обидѣ, какъ ты живешь... Ты не собака, чтобы онъ тебя билъ, а тебѣ у него руки лизать... Благодарить Бога, еще у васъ дѣтей нѣтъ... Ну, и уйди отъ него, Богъ съ нимъ... Все равно, онъ не живетъ же съ тобой, какъ слѣдуетъ съ женой... А коли опомнится, да придетъ—будетъ звать... Ну, тогда увидишь: коли по силамъ тебѣ будетъ забыть старое, да жалко тебѣ его, такъ и воротись... Теперь къ Дарьѣ Тихоновнѣ ему ходить будетъ нельзя, да къ этому — и Федотъ Семенычъ его посовѣститъ, и ты уйдешь къ батюшкѣ, такъ, пожалуй, и поневолѣ притихнетъ, образумится...

— Единька, что я тебѣ скажу...

— Ну, что?

— Не погодить ли говорить-то, особливо коли тѣ уйдешь изъ деревни?.. Можетъ, и такъ дѣло справится... Ты вотъ, вѣдь, не вѣришь... а я нашла человѣчка: общается поворотить его ко мнѣ, только-что надо денегъ достать, заплатить... Ужъ шубу думаю заложить, а заплачу: ничего не пожалѣю...

— Да за что же платить-то?

— А она подѣлаетъ... либо отворота отъ той, либо во мнѣ привороту дастъ...

— Ну, Анна, не вѣрю я этимъ пустякамъ, такъ нечего мнѣ объ этомъ и говорить... А тебѣ не надо бы этого вѣдора и слушать, и деньги на это изводить... Ты не дура, слава Богу, ты только съ горя всему рада повѣрить, за все схватиться... Нѣтъ, дѣлай, какъ я тебѣ говорю: непременно расскажи все и Федоту Семенычу, и батюшкѣ... И для меня добро слѣлаешь: все равно твой мужъ похвалялся, что про меня имъ расскажетъ, такъ, по крайности, пускай они отъ тебя настоящее узнаютъ... Ты скажи только, что хощь я непременно женюсь на Паранѣ, да не скоро еще, когда хорошее жалованье буду получать на фабрикѣ... И попроси батюшку, чтобы онъ меня не разбивалъ и не вдумалъ мѣшать, али отговаривать: во всемъ я сынъ ему поворный, во всемъ послушаюсь—только не въ этомъ... Такъ и скажи... Мѣсяца черезъ два я, можетъ, и самъ побываю у батюшки, коли можно будетъ: вотъ о праздникахъ, ось, о святкахъ... А до тѣхъ поръ, если захочетъ повидаться, не выберетъ ли времячко—самъ бы побывалъ ко мнѣ, на фабрику... Я ему самъ все расскажу... Вотъ жалко, Федота Семеныча дома нѣтъ...—сказывалъ твой-то...

— Да, да, на два дни уѣхалъ, въ волость...

— То-то горе мое... Ну-да воротится, такъ ты тотчасъ ему скажи, что, молъ, приходилъ нарочно Федоръ повидаться и все

рассказать, да не засталъ и въ великую, молъ, милость просилъ, чтобы какъ можно побывалъ онъ у меня, что, молъ, по гробъ жизни онъ этой милости не забудетъ, если прїѣдешь... да поскорѣе... А на фабрикѣ, скажи, мнѣ жить очень хорошо, и хозяйскій сынъ, онъ знаетъ, очень меня полюбилъ, все равно-что другъ сталъ.. Я со старикомъ и о себѣ и объ тебѣ поговорю, а онъ прїѣдетъ, я знаю, какъ только ты ему скажешь...

Они подходили къ Ступину.

— Что же, ужъ мнѣ заходить ли къ вамъ въ домъ-отъ?... Старика нѣтъ, Федосья Осиповна меня не любитъ, съ тобой все переговорилъ, а тамъ еще, пожалуй, твоего встрѣчу—не вышло бы еще у насъ съ нимъ чего...

Феда остановился въ нерѣшимости.

— Прощай-ка лучше... Да, мнѣ ужъ и пора... Тоже до фабрики далеко.

Но Анна ухватила его за руку.

— Нѣтъ, нѣту, родименькой, Фединька, доведи ты меня, проводи, ради Христа... Я и въ домъ-то войти побоюсь теперь... Ты хошь меня до матушки-то проводи: она нынче ничего, много милостивѣй ко мнѣ стала... Она, вѣдь, сама и къ гадалкѣ-то меня послала, и лошадь велѣла взять... Коли дома Кирила Федотычъ, такъ хоть я приду-то при тебѣ, не такъ боязно... ну, а тамъ, ужъ что Богъ сдѣлаетъ... А нѣтъ его, такъ ты посиди со мной, дай мнѣ душевную-то отвести, посмотрѣть да поговорить съ тобой... Можетъ, надумаешь: и матушкѣ что скажешь... Право... Она теперь бонется, что Кирила-то хочетъ уйти вовсе изъ дома, такъ гораздо лучше стала, почитай за-одно со мной, рука за руку... Онъ теперь и съ матушкой-то не ладитъ, и съ ней-то мало что говорить... Нѣтъ, Фединька, зайди, Христа-ради, зайди, прошу я тебя... Да и его, чай, поди нѣтъ... Станетъ ли онъ дома сидѣть, особливо сегодня, въ праздникъ... Бросилъ, чай, лошадь, изругалъ матушку, что дала мнѣ ее, да и опять ушелъ гулять...

Федоръ не могъ отказать сестрѣ и пошелъ съ нею.

Въ избѣ они застали одну Федосью Осиповну въ сильномъ смущеніи. Она почти обрадовалась приходу Анны и рассказала, что сидѣла подъ окномъ, поджидая ея возвращенія отъ гадалки, какъ вдругъ увидѣла въ телѣгѣ скачущаго мимо дома Кирила: лошадь была вся въ мылѣ, а онъ еще дергалъ и хлесталъ ее.

— У меня такъ сердце и упало, — рассказывала старука. — Ждала тебя, а вижу онъ свачетъ одинъ и мимо... Что, молъ, за чудо такое: не повстрѣчалось ли чего, не сдѣлалось ли? Я

было втиснулась въ омушко, оклигнуть его, такъ не знаю, слышала ли, али нарочно виду не дала, что слышитъ... Даже и наизусть не смотритъ... Какъ вы повстрѣчались-то съ нимъ?..

Анна все подробно рассказала старухѣ о своей неожиданной встрѣчѣ съ мужемъ.

— Куда же онъ, батюшки, куда же это онъ поскакалъ-то?—спрашивала Федосья Осиповна со слезами на глазахъ.

— Такъ онъ, значить, въ эту сторону проѣхалъ?—спросилъ Федя, показывая направление.

— Да, да, вотъ сюда, напрямикомъ черезъ всю деревню.

— Ну, такъ я знаю куда онъ поѣхалъ...—проговорилъ Федя.

— Куда? куда?—спросили въ одинъ голосъ мать и жена.

— Въ Чернушки, надо быть...

— Почто ему туда?—съ сомнѣніемъ и недоумѣніемъ замѣтила Федосья Осиповна.—Близко ли до Чернушекъ, а лошадь вся и безъ того въ мылѣ, устала, да и дѣлать ему тамъ нечего...

— А вотъ, посмотрите, что туда... въ нашему батюшкѣ...

— Не окочъ онъ былъ туда ѣздить-то никогда... возразила старуха такимъ тономъ, въ которомъ противъ ея воли слышалось нерасположеніе въ семьѣ Федя.—Съ чего же ему вдругъ теперь надумалось?.. Нѣтъ, не можетъ быть... Не поѣдетъ онъ туда...

Федя не сталъ спорить, но обратился въ сестрѣ:

— Вотъ что, Аннушка, ступай ты теперь же, воли въ силахъ, а нѣтъ, такъ отдохнувши, или завтра чѣмъ свѣтъ, ступай въ батюшкѣ и расскажи ты ему все, что я тебѣ говорилъ... Пустите ее, Федосья Осиповна.

— Да что-то, батюшки мои, что за тайности-секретности у васъ?..—возразила старуха.—Зачѣмъ вдругъ всѣмъ Чернушка понадобились?.. И Кирюша, чу, туда ускакалъ и ей туда же ѣзжать надобно... Да что такое?.. Скажите хоть что-нибудь...

— Никакихъ секретностей нѣтъ, Федосья Осиповна... Пускай Анна вамъ все расскажетъ, а только, если сходитъ она, такъ и для нея и для васъ лучше будетъ...

— Али гадалка что указала?..—проговорила Федосья Осиповна.—Ты ему разблаговѣстила, что ли, все, братцу-то?

— Не вѣрять онъ, матушка, гадалкамъ-то,—отвѣчала Анна,—а она мнѣ все такъ точно сказала: встрѣтишь, говорить, челоуѣка нежданно-негаданно, и онъ все тебѣ расскажетъ... И я теперь все узнала!.. Отъ него же узнала, отъ Федяныча!.. Онъ встрѣтился: все рассказалъ... Прежде насъ онъ все зналъ... Горе мое, матушка, стыдобушка!.. Все такъ точно!..

Анна заплакала.

— Да что, дурочка, что? Ты мнѣ Расскажи скорѣе... Можно, чай, матери-то сказать?

Последній вопросъ былъ обращенъ съ нѣкоторымъ упрекомъ къ Фодѣ.

— Она вамъ все расскажетъ, Федосья Осиповна, — отвѣчала Фодя, — только вы отпустите ее поскорѣе въ Чернушки, а ты сходи, Аннушка... Пожалуйста, сходи...

— Да я хоть сейчасъ, Фединька; вотъ только бы матушка...

— Да коли нужно, такъ сходи... Что же...

— Такъ счастливо оставаться, Федосья Осиповна... Прощай, Аннушка... Я пойду...

— Чтой-то больно своро?... — проговорила Федосья Осиповна, больше ради церемоній: — она сгорала отъ нетерпѣнія услышать рассказъ Анны. — Правда, мужиковъ-то никого дома нѣтъ... Да хоть бы закусулъ, что ли, поѣлъ бы чего...

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю... Не хочу ничего... Мнѣ время идти на фабрику... Я вѣдь и шелъ на минутку, только вотъ сестру повидать, да дорогой встрѣтились — все переговорили... Прощенья прошми, Федосья Осиповна... Прощай, Аннушка.

Старуха болѣе не задерживала гостя, и даже была недовольна, что Анна пошла проводить брата за ворота въ то время, какъ ее свѣдало женское и материнское любопытство.

Федоръ не хотѣлъ присутствовать при разсказахъ Анны, боясь какихъ-нибудь обидныхъ замѣчаній относительно Парани со стороны Федосьи Осиповны, да и торопился воротиться въ Онучно, куда манили его Паранины глазки и надежда уговорить Дарью Тихоновну сегодня же уйти на фабрику. Онъ зналъ, что мужицкіе сборы, даже и женскіе, не продолжительны, а идти всю дорогу вмѣстѣ съ Парашей, не разставаться съ ней и тамъ, на фабрикѣ, принявшись за работу, — знать, что она тутъ, близко, почти на глазахъ — какое бы это было счастье! —

Простившись за воротами съ сестрой, онъ быстро зашагалъ по дорогѣ въ Онучно, а Анна торопливо воротилась къ Федосьѣ Осиповнѣ, нетерпѣвіе которой вполне понимала и сама желала удовлетворить его поскорѣе: рассказывать новости, даже непріятныя и печальныя, говорить о своемъ горѣ, для крестьянки всегда, если не удовольствіе, то большое утѣшеніе.

VII.

Федя не ошибся въ своей догадкѣ: Кирила дѣйствительно промчался въ Чернушки. Во время разговора съ женой, при встрѣчѣ съ нею на дорогѣ, въ головѣ Кирилы мелькнула мысль: немедленно ѣхать къ Герасиму Дмитричу, рассказать ему о намѣреніи Федора жениться на Паранѣ и подобрать старика тотчасъ же ѣхать въ Онучино, чтобы накрыть Федю на мѣстѣ. Недолго думая, онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе: вытолкнулъ изъ телѣги жену и поѣхалъ. Дорога ему шла прямо черезъ Ступино, и онъ, чтобы избѣжать распросовъ и объясненій съ матерью, проскакалъ мимо своего дома, не замѣтивъ Федосьи Осиповны и не слыжавъ ея оклика.

До Чернушекъ было добрыхъ десять верстъ; усталая лошадь, непривычная къ скорой ѣздѣ, выбилась изъ силъ и начала безпрестанно заявлять желаніе идти шагомъ, или по крайней мѣрѣ леговью рысцою; но Кирила нещадно погонялъ ее, посылая въ то же время проклятія женѣ, которая осмѣлилась куда-то ѣздить на ней. Страсть бушевала въ душѣ Кирилы: онъ не могъ ни о чемъ хорошенько думать, не уаснялъ себѣ своего настоящаго положенія, былъ полонъ однимъ чувствомъ ненависти и мести къ Федѣ, которое и торопился скорѣе удовлетворить.

Появленіе его на взмыленной, усиленно вздымавшей боками лошади, у воротъ дома Герасима Дмитрича, напугало старика. Отъ нечего дѣлать, ради праздника, онъ сидѣлъ со старшимъ сыномъ на завалинкѣ своей избы, и, первая мысль, которая пришла ему въ голову при видѣ измученной лошади и встревоженнаго лица Кирилы, была та, что въ семьѣ случилось какое-нибудь большое несчастіе. Онъ торопливо поднялся на ноги и быстро подошелъ къ телѣгѣ прежде, чѣмъ Кирила успѣлъ выскочить изъ нея.

— Чтѣ подѣлалось, Кирила Федотычъ?.. Чтѣ такое?.. Все ли здорово?.. — заикался онъ зятя торопливыми тревожными вопросами, даже забывши предварительно поздороваться съ нимъ. — Адна жива ли?.. Али Федотъ Семенычъ?.. Молви скорѣе... Не томи...

— Всѣ здоровы... вланиются...—отвѣчалъ Кирила, выскакивая изъ телѣги и чувствуя нѣкоторую неловкость.—Здорово живешь, батюшка... Свату Ивану Герасимычу...

— Что же ты это?.. — удивленно спрашивалъ старикъ, наскоро здороваясь съ зятемъ.—Напугалъ меня до смерти: и самъ-

отъ такой... никакой... и лошадь-то въ мѣстѣ.. Даже и теперь колѣнки трясутся!.. Да ты сказывай правду, не таись: можеть что подѣлалось, да не хочешь вдругъ испугать...

— Дѣльцо-то есть одно... Пойдемъ, батюшка въ избу...— говорилъ Кирила, оглядываясь по сторонамъ.

Отъ сосѣднихъ избъ медленнымъ шагомъ подходили къ нимъ мужики, очевидно тоже заинтересованные неожиданнымъ появленіемъ Кирилы.

— Пойдемъ-те въ избу... Это дѣло такое... А вонъ чужіе люди подходятъ...—повторилъ Кирила вполголоса.

— Пойдемъ, пойдемъ... — заторопился Герасимъ Дмитричъ, вновь чувствуя сильное безпокойство...—Иванъ, введи лошадь-то во дворъ...

— Да, пожалуй, не тронь ее тутъ, свать Иванъ... Я вѣдь не долго... Постоять и тавъ... Пойдемъ лучше съ нами...

Всѣ озабоченные, встревоженные, пошли въ избу.

— Вотъ что, батюшка, пойдемъ перво въ свѣтелку, что ли, или куда... чтобы безъ бабъ... намъ однимъ чтобы переговорить...—замѣтилъ Кирила, останавливаясь на мосту.

Эта таинственность окончательно смутила старика, встревожила даже и всегда спокойнаго, невозмутимаго Ивана.

— Знамо въ свѣтелку... А коли кто есть — выгонимъ... И запереться даже можно...—проговорилъ онъ озабоченно.

— Пойдемъ, пойдемъ...—твердилъ Герасимъ Дмитричъ, дрожащими руками отворяя дверь въ свѣтелку...—А вы сидите тамъ, не ходите сюда, нивого не надо... — обратился онъ въ бабамъ, выскочившимъ было въ сѣни на встрѣчу гостю.

Кирило мимоходомъ только повдоровался съ ними. Бабы въ недоумѣніи понялились назадъ въ избу и не сразу затворили за собою двери, съ жаднымъ любопытствомъ посматривая на Кирила.

— Ну, чего рта-то разинули?.. Затворяйтесь!..—проворчалъ на нихъ Иванъ.

— Что же такое, Кирила Федотычъ?.. сказывай скорѣе...— Совсѣмъ даже сердце упало!.. — торопилъ Герасимъ Дмитричъ, войдя въ свѣтелку и усаживаясь около вати.

— Да ты что же такъ ужъ очень, батюшка?..—успокаивалъ его Кирила. Не пугайся очень-го... Конечно, что тебѣ это услышать будетъ не въ удовольствіе, а все же еще дѣло поправить можно...

— Да чтѣ такое?.. Говори скорѣе...—чуть не взмолился Герасимъ Дмитричъ.

— Ты говори сразу... не сумбуйся... — повторилъ за нимъ и Иванъ.

— Да что сумбуйтаться... знамо, сразу нужно сказать: затѣмъ ѣхалъ, торопился... — отвѣчалъ Кирило. Оеда вапшъ забаловался очень... Вотъ что...

— Какъ Оеда забаловался?.. Что ты?.. Въ чемъ забаловался?.. Господи помилуй!.. — проговорилъ старикъ.

— А такъ, связался съ одной бабенкой гулящей, со вдовой, да еще на ея дочкѣ жениться хочеть...

— Да что ты?.. Какъ узналъ?.. Онъ на фабрикѣ живеть... Тамъ развѣ?..

— Нѣтъ, не на фабрикѣ, а въ Онучинѣ... Слыхали Онучину деревню, отъ насъ версты за пять... Вотъ гдѣ... Онъ и теперъ тамъ, у этой самой вдовы... И въ намъ не приходилъ, а весь день тамъ, можетъ еще со вчерашняго дня... Хотите поѣзжайте, сами увидите: еще захватите его тамъ... И ужъ онъ, выходитъ, давно съ ними возжається: сначала съ матвой, а теперъ съ дочкой... И жениться на ней хочеть... Ужъ въявь объявляются женихомъ съ невѣстой... Знамо и деньжонки туда таскалъ, какія были... Вапшъ, батюшка, родитель мой, его тоже не оставялъ, награждалъ, я знаю — и эти деньги туда же на нихъ, видать, извалялъ... А онъ такія: этимъ живуть... И не его, тамъ оберуть до ничточки... Пропадеть парень задаромъ... Жалко!..

— Вотъ онъ отчего, видно, и жениться-то не хотѣлъ, въ люди-то, на-сторону, просился!.. — замѣтилъ Иванъ.

— Такъ, само собой, для этого самаго... Отсюда ему не складно ѣзжать-то туда, а съ фабрики-то ушелъ... кто его видеть!.. Напрасно вы пустили его тогда... говоритъ Кирило.

Герасимъ Дмитричъ сидѣлъ печально и задумчиво опустивши голову. Ему обидно и горько было слышать такую новость объ его любимомъ сынѣ, которымъ онъ внутренне гордился, въ котораго безусловно вѣрилъ и для котораго ожидалъ другой, лучшей судьбы. Его огорчала эта новость еще больше потому, что ее сообщалъ Кирило. Герасимъ Дмитричъ былъ дурного мнѣнія о своемъ зятѣ и не разъ упрекалъ себя, что отдалъ за него дочь.

Ему казалось не похоже на правду все то, что разсказывалъ Кирило; ему просто не хотѣлось вѣрить, казалось невѣроятнымъ, чтобы умный, скромный, разсудительный Оеда былъ способенъ и на такія знакомства, и на такія связи.

— Полно, да правда ли это? — проговорилъ онъ, несмотря на зятя. — Не сплѣтки ли однѣ?.. Отъ кого ты узналъ-то?

— Чего оть кого, боли своими глазами видѣль, своими ушами слышалъ: самъ онъ мнѣ сказалъ, что жениться хочетъ на этой дѣвкѣ...

— Да какъ же такъ, гдѣ-жь ты его видѣль?

— Да тамъ же и видѣль, вотъ какіе-нибудь два часа назадъ, у этой самой гулящей вдовки и съ невѣстой рядомъ... Сидять, чай пьютъ, блины ѣдятъ... Праздничнымъ дѣломъ, я разгуляться ходилъ къ другу въ одному въ это самое Омучино, а онъ мнѣ и говорить: а твой, говоритъ, ватѣль здѣсь, Федоръ Герасимычъ, — гостится, говоритъ, у нашей Барыни... «Барыней» ее прозываютъ... у Дарьи Тихоновны... Я даже не повѣрилъ ему, обругалъ его, а онъ божится: да онъ, говоритъ, давно съ ней живетъ, а не вѣришь, следи, говоритъ, посмотри самъ... А я, признаться, какъ еще холостой былъ, такъ знавалъ ее... такъ самая что ни на есть охальная, гулящая, сволочь-баба!.. Погоди-жь, думаю, я самъ схожу, посмотрю... Влему невзначай: такъ и есть, сидятъ нашъ молодецъ тамъ... По одну руку мать, по другую — дочка: онъ въ середочкѣ... Здравствуй, молъ, какъ такъ, какими судьбами тебя Богъ сюда занесъ?.. А смотрю: у нихъ ужъ и сладкая водка на столѣ и закуски разные... Я и сталъ было его стыдить... Какъ взмѣдятся на меня бабы — вонъ гнать; я было на нихъ, срамить ихъ сталъ... Батюшки мои, поднялся нашъ Федя, дрожить весь: не смѣй, кричить, про нихъ худого слова сказать!.. Это, говоритъ, моя невѣста нареченная!.. указываетъ на дѣвку... А другая-то, говорю, какая же тебѣ родня-то придется?.. Смѣюсь... Ну, ужъ тутъ бѣда что было: чуть не убили меня... Дѣвка-то кидаться стала всѣмъ, что подъ руку попалось, мать съ кулаками лѣзетъ, Федянка... Ну, думаю себѣ, парень, попалъ ты, завязъ!.. Высочилъ отъ нихъ, да сейчасъ на лошадь, да къ вамъ... Что же, думаю, какъ ни какъ, свои люди — родня, и парня жалко: пропадетъ за-даромъ... Самъ изъ этихъ востей не выдарапается... Надо отцу, брату сказать... Вотъ нарочно и прискакалъ къ вамъ!.. Заложите лошадь, поѣжайте поскорѣе, тамъ еще застанете: чай, раньше ночи не уйдетъ... Я бы на своей съ радостью довезъ, да долго прощадится, устала очень... Гналъ я ужъ ее очень шибко...

— Что, Иванъ, что дѣлать-то?.. — смущенно и печально спросилъ старикъ.

— А что дѣлать?.. Взять его съ фабрики, да женить здѣсь, покамъ не избаловался вовсе — вотъ и все...

— Да нѣтъ... А теперь-то: ѣхать или нѣтъ?

— По-моему, чего тутъ ѣздить, лошадь гонять?.. Мало ли онъ чего надурить: не наѣздишься за нимъ...

— А, можетъ, не правда...—обмолвился Герасимъ Дмитричь,

— Не правда!—вскричалъ Кирила.—Ну, такъ ужъ поѣдемъ, батюшка: я тебя хопъ на своей доведу... Это мнѣ даже обидно слышать: я по родству, жалѣючи парня, нарочно присказалъ, а ты не вѣришь мнѣ... Что же я, выдумку выдумалъ, что ли? Да что мнѣ за надобность?.. Кабы не жалѣючи васъ, да его... какъ по родству... такъ что бы мнѣ? наплевать! я бы и не почесался!.. Нѣтъ, а ужъ теперь, коли ты сказалъ это слово, такъ ужъ поѣдемъ... Вели ему, свать Иванъ, ѣхать... Пускай же онъ самъ, своими глазами посмотреть, а мнѣ чтобы въ лунахъ-обманщицахъ не быть... Нѣтъ ужъ, коли такъ, поѣдемъ же, батюшка, безпремѣнно, сею же минутою...

— Поѣдемъ, я свѣжу... Ты меня доведи на своей, а оттуда, назадъ, я вѣшкомъ дойду...

— Поѣдемъ и на моей... все одно мнѣ въ оборотъ ѣхать... Хопъ и устала, а ничего, добѣжать... Только скорѣе собирайся, чтобы захватить его...

— Да что мнѣ собираться-то: взялъ шапку, да и готовъ...

Черезъ нѣсколько минутъ тестъ съ зятемъ выѣхали въ одной телѣгѣ въ Чернушекъ, возбуждвши живое любопытство не только въ домашнихъ, но и во всей деревнѣ. Это любопытство осталось неудовлетвореннымъ: хотя и осаждали вопросами молчаливаго Ивана, но добиться отъ него ничего не могли.

— Дѣло одно вышло... не касаются!... отвѣчалъ онъ одно и то же всѣмъ любопытствующимъ.

Герасимъ Дмитричь ѣхалъ молча и насупившись: онъ былъ очень огорченъ и сонфуженъ. За-то безъ конца говорилъ Кирила все на одну и ту же тему: о дурной славѣ Дарьи Тихоновны и ея дочери, о томъ, какая бы гибель была для Оеди, если бы онъ не узналъ во время грозившей бѣды, и по родству, не предупредилъ его отца.

«Больно ужъ ты, парень, что-то хлопчешь да заботишься о Оедьѣ!...» подозрительно думалъ про себя, хотя и не высказывалъ, Герасимъ Дмитричь, слушая краснобайство зятя. «Да вотъ, погоди, самъ до всего дойду, все увижу!.. Эхъ Оединка, Оединка, неужто ужъ ты такъ повихнулся и самъ-дѣлѣ?.. Вотъ чего не чаялъ!.. Лучше бы мнѣ не сдаваться тогда на твои слова: не отпустить бы тебя... Либо женить бы сначала»...

Съ половиною дороги Кирила сталъ безпокоиться, что время спозднилось и, погоня лошадь, высказывалъ опасеніе, что они, по-

жалуй, прїѣдутъ въ Онучино поздно и не застанутъ Федора у Дарьи; особенно онъ настаивалъ на томъ, чтобы не звѣзжать въ свой домъ и не останавливаться у него, такъ какъ женщины любопытны, будутъ доспрашивать, да допытываться: куда, да зачѣмъ, да почему? и все имъ разскажи подробно и обстоятельно, пойдутъ суды да пересуды, а время уйдетъ... Если же теперь Федю не застать, то будетъ, пожалуй, заираться, что былъ у Дарьи, и его же, Кирилу, лгуномъ сдѣлаешь... А послѣ самокруткой и женится... Федота же Семеныча дома нѣтъ, а съ Анной, Герасимъ Дмитричъ лучше повидается, какъ назадъ пойдетъ.

Старикъ не возражалъ и не соглашался съ разсужденіями и доводами Кирилы, но слушалъ ихъ молча.

Не доѣзжая версты полторы до Ступина, оба они увидѣли идущую къ нимъ навстрѣчу женщину и съ одинаковымъ изумленіемъ узнали въ ней Анну.

— Куда это она идетъ?—спросилъ Герасимъ Дмитричъ.

— Кто ее знаетъ... не знаю...—отвѣчалъ Кирила, насупившись. «Не жаловаться ли ужъ на меня собралась къ родителю?» мелькнуло у него въ головѣ. «Вотъ не въ время встрѣтилась!»

Анна, съ своей стороны, тоже еще издали узнала свою лошадь и сѣдоковъ въ телѣгѣ, и торопилась къ нимъ на встрѣчу.

«Чудное дѣло: зачѣмъ это онъ батюшку везетъ»...—думала она. «Смотри, что-нибудь затѣваетъ, либо супротивъ меня, либо на-счетъ Федяны. Да ужъ погоди же, коли такъ, все батюшкѣ разскажу: пускай рассудитъ... Теперь и Федосья Осиповна меня поддержиатъ: мы съ ней теперь за-одно... Поди-ка какъ ревѣла, на плечо во мнѣ прижала, какъ я все-то ей разсказала... Сама даже посылать стала: поди, говорить, съ отцомъ посоветуй»...

Съ такими мыслями встрѣтились родные. Кирила долженъ былъ, хоть и по-неволѣ, остановить лошадь. Сердито и молча смотрѣлъ онъ на жену. Она избѣгала его взгляда.

— Здорово, Аннушка... Куда это ты? — спрашивалъ Герасимъ Дмитричъ у подходящей дочери.

— Я къ тебѣ было, батюшка... Да вотъ хорошо—встрѣтились... А ты къ намъ, что ли?..

— Нѣтъ, было не къ вамъ... Мы вотъ съ Кирилломъ Федотычемъ твоимъ въ одно мѣсто ѣхали... Да оттуда я зайду и къ вамъ... Полѣзай въ телѣгу-то, подвеземъ къ дому, а дорогой потолкуемъ...

— Дойдетъ и пѣша... Тутъ не далеко, а лошадь-то устала...

намъ, вѣдь, еще ѣхать придется... — проговорилъ Кирила и хлестнулъ лошадь, торопясь поскорѣе отдѣлаться отъ жены.

— Постой, постой маненько... — остановилъ его Герасимъ Дмитричъ. — Эвой, братецъ, ты какой!.. Дай хоть словечко-то перемолвить съ дочкой...

Кирила съ досадою остановилъ лошадь. Старикъ повернулся въ Аннѣ, которая съ опечаленнымъ, смущеннымъ видомъ осталась сзади телѣги.

— Да ты что же въ намъ собралась-то? — спрашивалъ Герасимъ Дмитричъ: — такъ, погоститься, али наркомъ, по дѣлу по какому?..

— По большому дѣлу, батюшка, по нужному!.. — отвѣчала она со слезами въ голосъ. — Очень мнѣ до тебя надобность есть, большая!..

— Такъ пусти ее въ телѣгу-то... — сказалъ Герасимъ Дмитричъ Кирилу. — Ужъ, Господи помилуй, не какая тяга... Подвеземъ ее къ дому-то хоть шажкомъ: не далеко тутъ, а она скажетъ понамъ, что за надобность такая...

— Время только даромъ проведемъ, батюшка... — бормоталъ Кирила: — тамъ, пожалуй, не застанемъ, а она еще попытаться будетъ: куда ѣдемъ... А надобность ея какая?.. Пустякъ, чай, какой-нибудь... Опослѣ скажетъ... Поѣдемъ лучше поскорѣе...

И Кирила началъ хлестать бѣдную лошадь, но та, обрадовавшись минутной остановкѣ, неохотно шла даже и шагомъ, и на удары Кирила, на сердитое подергиванье возжами, отвѣчала только тѣмъ, что всстрахивала головой, а рысью не бѣжала, такъ что Анна не отставала отъ телѣги и шла вслѣдъ за нею.

— Да все одно: не побѣжить: ужъ она, видно, скорѣе-то, опѣшѣла... — проговорилъ Герасимъ Дмитричъ, и, уже не спрашивая Кирилы, потѣснился въ телѣгѣ и сказалъ дочери:

— Садись, Анна... Поѣзжай скорѣй въ телѣгу...

— Какъ не побѣжить... Пойдетъ!.. — возражалъ Кирила, злобно дергая возжи и показывая видъ, что не слышитъ послѣднихъ словъ теста.

Анна между тѣмъ бѣжала съ боку, примѣривалась какъ бы поставить ногу на конецъ оси и влѣзть въ телѣгу: инстинктивно поняла она, что мужъ желаетъ уѣхать отъ нея и по тому же инстинкту не хотѣла, даже боялась, отпустить ихъ, не ухватившись въ чемъ дѣло.

— Да остановись же, братецъ!.. Чтой-то!.. Еще, пожалуй, подъ колесо попадетъ... — сказалъ Герасимъ Дмитричъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосъ и даже самъ ухватился за возжи.

— Ну, такъ не говори же, что я солгалъ, коли не заста-
немъ... самъ на себя пеняй!..—сердито отозвался Кирила, бросая
ваши, и испоса злобно взглядывая на жену, которая успѣла-таки
въ это время ввалиться къ телѣгу.

— Да куда вы больно такъ торопитесь?—спросила она, уса-
живаясь въ ногахъ у отца, лицомъ къ нему и къ мужу, который
отворотился и смотрѣлъ въ сторону.

— На что тебѣ меня-то?.. Какое такое большое дѣло, го-
воришь?..—вмѣсто отвѣта, спросилъ ее Герасимъ Дмитричъ.

Анна замѣтила, какъ Кирила передернуло отъ этого вопроса.

— Ахъ, батюшка родимый,—отвѣчала она, — дѣло мое та-
кое... не здѣсь, въ телѣгѣ: на дому, затворившись, да въ слезахъ,
нужно его сказывать!..

— Вотъ нынче порядки какіе пошли... — раздражительно
проговорилъ Кирила: — жена съ какими-то дѣлами ходитъ, а
мужъ ничего не знаетъ!.. Даве встрѣтилъ, невѣдомо куда ѣдила,
лошадь измучила, не сказывается куда, а теперь, тайкомъ отъ
мужа, опять въ отцу побѣжала... Нечего сказать: хороши по-
рядки!..

— Что ужъ намъ съ тобой, Кирила Федотичъ, о порядкахъ
говорить,—также раздражительно возразила Анна:—развѣ мы съ
тобой, какъ слѣдуетъ мужу съ женой живемъ, въ одномъ совѣтѣ,
да въ любви?..

— А какъ же еще жить-то?.. Что ты жаловаться, что ли,
на меня къ отцу-то бѣжала, что даве выругалъ да толконулъ,
что не сказывается, куда ѣдила, лошадь совсѣмъ измучила?..
Вона, еле ноги передвигаетъ!.. Такъ жалуйся, а мнѣ никто не
закажетъ тебя за дѣло поучить!.. Вишь ты, она будетъ тайкомъ
отъ мужа, невѣдомо куда, ѣдить, да не сказываться, а мнѣ гла-
вами хлопать, да кланяться: кататься, молъ, женушка, гуляй въ
свою волю... Нѣтъ еще, погодишь!..

— Полю, Кирила Федотичъ, не грѣши... Гдѣ ужъ мнѣ гу-
лять... не пристало мнѣ!.. Гулять ли, нѣтъ ли, видно, ужъ тебѣ
одному, а мнѣ только слезами обливаться, да Богу молиться!..
А, правда бы, можетъ лучше, что мужъ въ одну сторону, а жена
въ другую: по крайности, другъ дружкѣ мѣшать бы не стали...
Не спрашивать бы другъ о дружкѣ и не навѣдываться, а такъ,
ровно чужіе... Можетъ, такъ-то бы, по-твоему: на что бы лучше!.
Можетъ, еще посмотрю, такъ и сдѣлаю: лучше уйти отъ грѣха,
чѣмъ на погибель и саму себя и мужа подводить... какъ даве...
Да вотъ еще покамъ вмѣстѣ-то живемъ, такъ Богъ поноволѣ, и
не хочешь, да сводить... Вотъ даве ни ты, ни я не чаяли, а

Богъ снесъ насъ, встрѣтились: ты со своего дѣла ворочался, думалъ, что и я съ другого такого же, тоже со своего... А я, можетъ, по твоему же дѣлу ѣздилъ, только не скажу по какому, потому не время: послѣ, можетъ, признаюся, покорюся во всемъ..

— Вотъ видишь ты!.. Вотъ и слушай, что она говорить!.. Не воемъ зло!..

Кирила былъ внутренно доволенъ, что попалось подъ руку обстоятельство, которое какъ-бы оправдывало его поведеніе относительно жены: онъ умышленно напиралъ на таинственную поѣздку Анны. Но и та поняла его мысль.

— Полно-ка, Кирила Федотычъ, не за то ты меня билъ и срамилъ, что я ѣздилъ: все тебѣ равно, и не спросилъ бы; развѣ бы только лошади пожалѣлъ, что взяла, такъ я не безъ спроса: мнѣ матушка велѣла... А за то ты меня билъ и срамилъ, что не въ часъ встрѣтилась, не въ добрый твой часъ подъ руку тебѣ попала... Вотъ какъ лучше признайся!..

— Плети, плети передъ отцомъ-то... заговаривай зубы-то!.. Мнѣ не заговоришь: я все равно свое спрошу, потихоньку отъ меня, невѣдомо куда ѣздить женѣ не позволю... И побить тебя за это всегда побью!.. Вотъ при отцѣ твоёмъ говори!..

— Боли за это за одно будешь бить, Кирила Федотычъ, такъ я не пожалуюсь, да и бить-то тебѣ, пожалуй, не придется: не подыщешься вругорядъ...

— Ну-ка, будетъ ужъ, вонъ деревня-то близехонько, выѣзжай: дойдешь и пѣшкомъ!.. А мы съ батюшкой-тестемъ теперь поѣдемъ... Уждъ воротится, будетъ время, нажалобишься на меня, сколько душѣ угодно... Выѣзжай...

Кирила остановилъ лошадь.

— Да куда же вы это, батюшка, ѣдете? — опять спросила Анна, заглядывая въ глаза отцу, который во время ихъ перебранки ѣхалъ молча, опустилъ внизъ голову и ни на кого не смотря.

— Такъ, вѣдь, ты про свое дѣло не рассказываешь, — хотѣлъ отыграться Кирила, — ну, и мы до времени не скажемъ... Выѣзжай же, говорить, скорѣе... Некогда намъ...

— А ты найди, батюшка, лучше теперь на часокъ: право, мнѣ больно нужно тебѣ сказать...

— Да коли все объ этомъ же, дочка, такъ успѣемъ и послѣ наговориться... Промежъ васъ судить мнѣ хоть и не больно по мысли, и польза, не знаю, будетъ ли, да все равно и не теперь можно, опослѣ... Съ разу васъ не рассудишь... А теперь, правда, что я по дѣлу...

— Да кабы мое-то дѣло было, батюшка, одно, такъ я бы

и говорить не стала... Правда, что насъ сразу не разсудишь... Да ужъ и что я... Пускай, Богъ все видитъ!.. мнѣ Федя наказывалъ безпремѣнно тебя повидать...

Кирила вздрогнула. Герасимъ Дмитричъ оживился.

— Какъ, Федя?.. Разъ ты его видѣла?..

— Какъ же, видѣла... Недавно вотъ только ушелъ отъ насъ.. Меня попросилъ къ тебѣ сбѣгать, а самъ на фабрику пошелъ:— время, говорить, идти, тоже не близко... А больно нужно, батюшка, зайди въ избу!..

— Ну, коли Федоръ... такъ нужно зайти... Зайду... — рѣшилъ Герасимъ Дмитричъ такимъ тономъ, на который возражать было напрасно.

Кирила повелевѣлъ, и съ такой ненавистью и злобой посмотрѣлъ на жену, что та, случайно встрѣтившись съ его глазами, невольно вздрогнула и отворотилась.

Молча подѣхали къ дому.

— Такъ не поѣдешь? — спросилъ Кирила, обращаясь къ старику.

— Нѣтъ, вотъ перво узнаю, что онъ Аннѣ наказывалъ... А тутъ, можетъ, тотчасъ и поѣдемъ...—отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ, выгвзая изъ телѣги.

— Тогда нечего даромъ и лошадь мучить... — проговорилъ Кирила грубо:—я и лошадь отложу... Пеняй самъ на себя, коли все дѣло погубишь...

— Нельзя же, Кирила Федотычъ...—оправдывался Герасимъ Дмитричъ.—Можетъ и самъ-дѣлѣ что нужное... объ немъ же...

— Да мнѣ все равно, наплевать!.. И я, дуракъ, ввязался... Пропади вы пропадомъ всѣ-то... Очень мнѣ нужно!..

Изъ избы выходила на-встрѣчу гостю и сыну Федосья Осиповна, увидѣвшая ихъ въ окно. Кирила, сердито, съ ругательствами, ввелъ лошадь на дворъ, хотѣлъ-было отложить ее, и уйти изъ дома, но передумалъ. Его сильно интересовало узнать, что будетъ рассказывать Анна, или, по крайней мѣрѣ, какія будутъ послѣдствія этого рассказа. Онъ предчувствовалъ, что при этомъ разоблачатся многое изъ его походовъ, и сначала не хотѣлъ-было показываться въ избу, но любопытство, надежда какъ-нибудь вывернуться и повредить Федѣ взяли верхъ.

— А тамъ, чортъ ихъ деря!.. Что мнѣ этотъ старый хрычъ!.. Если что много будетъ разговаривать, такъ я и изъ избы вылихну: я тутъ хозяинъ-то, никто!..

Съ самовадѣннымъ, нахальнымъ видомъ вошелъ онъ въ избу.

Тамъ сидѣла одна Федосья Осиповна, пригорюнилась, подперши голову рукою.

— А гдѣ же батюшка-тесть? — бойво спросилъ Кирила у матери.

— Въ свѣтелкѣ съ Анной...

— Такъ и я пойду туда къ нимъ...

Кирила сдѣлалъ-было движеніе къ дверямъ.

— Не ходи... Заперлись они тамъ, одни...

— Что еще за тайности такія?..

— Посовѣтовать имъ надо промежь себя... Просились: я муштра въ горницу...

— Такъ, вѣдь, чай, не отъ мужа секреты-то эти?.. Пускай ты, а я, я думаю, мужъ тоже... Я пойду, постучусь...

И, не слушая возраженій матери, онъ пошелъ и сталъ стучаться въ запертую изнутри дверь горницы.

— Это я... Отопри, Анна...—приказывалъ онъ словойнымъ, но повелительнымъ голосомъ.

— погоди, Кирила Федотычъ, — отозвался оттуда Герасимъ Дмитричъ, — мы вотъ только съ Анной переговоримъ...

— Да что же я-то?.. Чужой, что ли?.. Не мужъ?.. Въ дому не хозяйня?..

— Дѣло не до тебя... Наше дѣло, семейное... Про Федянку.. Не обессуды!.. погоди маненько!.. — твердо отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ.

— Чудеса, ей-Богу, ноне пошли... Хозяйина изъ дома вонъ гонять!..—сказалъ Кирила, отходя отъ дверей, и, ругаясь, воротился въ избу.

— Ахъ, Кирюшенька, Кирюшенька!—говорила Федосья Осиповна, печально смотря на сына и качая головою.

— Ну, что еще?..—ограничился онъ на мать. — Ты чего?..

— Ничего я, батюшка... Боясь, не сгубилъ бы ты себя остатки... Все я знаю... Опомнись, батюшка!.. Одумайся: оглянись на истиннаго Бога!..

— Эхъ, отстань, матушка... Надоѣли вы мнѣ всё до смерти!.. Была хоть одна засука—жена, а теперь и ты, я вижу, ей въ руку зашла... Говорю: одно осталось, изъ дома сбѣжать безъ оглядки!.. Ну, чего оглянись на истиннаго Бога? Ну, что я дѣлаю? Отчего мнѣ погибать?.. Погибель-то моя одна: вонъ она здѣсь заперлась отъ мужа!.. Ну, что ты все-то знаешь?..

— Все знаю, батюшка...

— Ну, говори: что тебѣ еще надели?.. Федька, чу, былъ

туть... Ты ночью и его слушаешь, коли что на меня плетутъ?.. Ну, говори, что ты знаешь?..

— А какъ же, Кирюшенька, вдова-то?..

— Ну, тамъ что, что вдова?..

— И дочка у нея...

— Ну, и дочка есть... А еще-то что же?

— Тамъ неужто, Кирюшенька, это можно: отъ живой жены ты весь домъ къ нимъ перетаскалъ, да еще и...

— Ну, что же еще-то?—говори...

— Да ужъ правда, что и говорить-то, языкъ не ворочается... Кажется, и не повѣрилъ бы, кабы не самъ ты повѣсти давалъ!..

— Какія еще повѣсти?..

— А уйти-то вовсе изъ дома!.. Испродать, вѣдь, ты все хотѣлъ да уйти, ихъ съ собой ваять... Вотъ мени-то не хотѣлъ брать съ собой... Съ дочкой-то бы жилъ, а старая полубовница вмѣсто матери бы у тебя была... Вотъ, вѣдь, ты что затѣвалъ!.. Такъ развѣ легко это матери слышать?..

— Вотъ что: ты слушай вого кочень и сколько хочешь!.. Мнѣ все одно: слушай больше!.. А я тебѣ скажу: не житье мнѣ здѣсь съ вами, вотъ что!.. Всѣ вы на меня опротивились... Мало отца, жена и тебя противъ меня подбила... И своего отца вонъ привела... Всѣмъ я вамъ поперекъ горла встала, и выходишь, что мнѣ дома не жизнь, а каторга!.. По неволѣ вонъ изъ дома смотришь... Еще и совсѣмъ уйду, убѣгу—вотъ дайте срокъ!..

— Да чѣмъ мы, Кирюшенька, чѣмъ мы тебѣ согубили? Что не по твоему сдѣлала?! Ужъ про меня-то, кажется, грѣхъ тебѣ сказать: я ли тебя не любила, я ли душу за тебя свою не закладывала? Когда я поперекъ тебѣ слово молвила? Кому бы я за тебя глаза не выкарапала?.. Ну-ка, сердечный другъ, родное мое дитяго, ну-ка—подумай!..

— Да, была ты мать... На тебя только еще и надежда у меня была... А теперь ты что говорить стала? Я домъ разорилъ, весь къ любовницамъ перетаскалъ... Я мать съ дочкой увести хочу... Я съ дѣвкой отъ живой жены убѣжать думаю, а на этой самой дѣвкѣ Федька жениться хочетъ... ужъ женихотъ зареченнымъ объявляется!.. Вотъ это ты знаешь ли? Это тебѣ сказывали ли?

— Какъ такъ, Кирюшенька?

— То-то, какъ?.. Ты вотъ всему вѣришь, что подлая жезушка съ братцой про меня плетутъ, а про себя, небось, они тебѣ не рассказываютъ... А я, можетъ быть, и ходилъ-то, и востылся, ну и дарилъ когда, безъ этого съ ними никакъ, можетъ

все вѣ-за того только, чтобы, по родству, все дознать да до-спросить, да помѣшать парню погннуть напрасно... Думалъ, тоже вѣдь, шуринъ, женинъ братъ, моего родного батюшки любим-чичекъ... Думалось, вотъ, молъ, и парня спасу, да и вамъ всѣмъ носъ утру: вотъ, молъ, вашъ любимецъ, потихоня, святъ-мужъ, коего вы мнѣ въ примѣръ-то ставили... Вотъ онъ какой, смот-рите!.. Не одни мы, грѣшныи!.. Думалъ все-таки хошь въ совѣсть возмуть немножко, да спасибо скажутъ, а они меня же вино-ватымъ дѣлають... Такъ не горько мнѣ это, не противно, можно мнѣ дома жить, на сторону не смотрѣть?..

Федосья Осиповна совсѣмъ растерялась: она почувствовала себя кругомъ виноватою передъ сыномъ, въ душѣ ея закипѣлъ съ новою силою гнѣвъ и ненависть къ Аннѣ и Федѣ, она смотрѣла и слушала сына съ благоговѣніемъ, со страхомъ, что онъ раз-сердится и отвернется отъ нея навсегда.

— Кирюшенька! Кирюшенька!.. Сердечный мой!.. лепетала она, обливаясь слезами.—Ахъ, они подлые!.. ахъ, они окаянныи!.. Чувствовало мое сердце, что все это однѣ силѣжки, все одна неправда... Батюшка, Кирюшенька, прости ты меня дуру старую!.. Сынокъ ты мой золотой, родной ты мой!.. Да я ихъ... да я ихъ, кажетса!.. Прости ты меня, прости, Кирюшенька... Не гнѣвайса ты на меня, дуру старую...

Федосья Осиповна навзрыдъ плакала.

— Да ну отстань, матушка... Богъ съ тобой, не рева!.. А на нихъ на всѣхъ мнѣ ровно наплевать... Чортъ съ ними!.. Пускай, чтд хотать, то и мелютъ... Досадно только показалось, что для нихъ же старался, а они... А пуще всего эта дурница, уродъ этотъ, плакса сплетница, женушка моя, мнѣ вдосталь опро-тивѣла!.. Да вотъ больше того обидно, что и ты-то имъ повѣрила...

— Батюшка, батюшка... Кирюшенька!..—рыдала Федосья Осиповна, выдаясь на шею къ сыну.—Никогда больше... ни въ жизнь имъ не повѣрю... Подлые!.. проклятыи!.. смутники окаянныи!.. никогда... ни въ жизнь!.. Золото мое!.. сердечный мой!..

— Ну, ладно, матушка... Ладно... Перестань же... Не все одно толковать!..

Кирила освободился отъ объятий матери и усаживалъ се на лавку. Онъ такъ вошелъ въ свою роль, что даже лицо его приняло выраженіе оскорбленнаго достоинства, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ пострадалъ за правду отъ людской неблагодарности.

Въ это время въ небо вошли Герасимъ Дмитричъ и Анна. Старикъ былъ видимо разстроень и опечалонъ, но старался ка-заться спокойнымъ; Анна шла вслѣдъ за нимъ, нѣвно опустивши

на лицо платокъ, которымъ повязана была ея голова и старался скрыть слѣды слезъ, которыя только-что отерла концомъ того же платка. Робко, точно виноватая, пробиралась она за спиною отца, въ темный уголокъ избы и боязливо взглядывала на мужа и свекровь. Начавши говорить съ отцомъ о Федѣ, она незамѣтно увлеклась собственнымъ своимъ горемъ и, въ первый еще разъ въ жизни, раскрыла передъ отцомъ всѣ подробности своего печальнаго положенія въ семьѣ, рассказала о всѣхъ похожденияхъ мужа, о тѣхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, которыя она переносила и отъ него, и отъ свекрови. Федосью Осиповну, впрочемъ, она оправдывала и вполнѣ извиняла, а за послѣднее время даже была благодарна ей. Герасимъ Дмитричъ еще прежде многое подозрѣвалъ, о многомъ догадывался, но никакъ не ожидалъ, чтобы жизнь дочери была такъ тяжела и разладъ ея съ мужемъ дошелъ до такихъ размѣровъ. Уже со времени дѣла, по которому судился Кирила, Герасимъ Дмитричъ потерялъ въ нему всякое довѣріе и считалъ его дурнымъ человекомъ; изъ рассказовъ Феда онъ зналъ, что и свекровь не ладитъ съ его дочерью, жалѣлъ о ней, упрекалъ не столько себя, сколько судьбу въ неудачномъ бракѣ Анны, но смотрѣлъ на Анну, какъ на отрѣзанный ломоть, на ея судьбу, какъ на дѣло рѣшенное, въ которое ему виѣшиваться не приходится и которое теперь уже въ рукахъ Божіихъ. Мало ли на свѣтѣ народа терпитъ: у всякаго своя судьба, свое счастье!.. Онъ предвидѣлъ и не удивился бы, если бы услышалъ отъ дочери, что Кирила пьянствуетъ, бездѣльничаетъ, мотаетъ, бьетъ и обижаетъ жену, особливо подъ пьяную руку, даже распутничаетъ; но рассказъ о любовныхъ похожденияхъ Кирила со вдовою и ея дочерью, объ его намѣреніи обобрать и распродать весь домъ, все хозяйство, чтобы убѣжать съ дочерью любовницы и жить съ нею безъ брака — совсѣмъ ошеломилъ старика. Это было такъ ново, такъ чудовищно, такъ не похоже на все то, чтѣ онъ до сихъ поръ видѣлъ въ крестьянской жизни, что Герасимъ Дмитричъ только вадыхалъ, пожималъ плечами да крестился, слушая дочь. А тутъ рядомъ другая новость, что его сынъ, его любимецъ, скромный и разумный Федя, хочетъ непременно жениться, даже безъ его согласія и благословенія, на той самой дѣвкѣ, съ которою хотѣлъ уйти въ бѣги зять!.. Герасимъ Дмитричъ совсѣмъ, какъ говорится, опѣшѣлъ, растерялся, ничего не могъ сообразить хорошенько и не столько съ горемъ, сколько съ недоумѣніемъ и ужасомъ, смотрѣлъ на плачущую передъ нимъ дочь!..

— Что же это такое, Анна?.. Что за времена настали?..

Какъ тутъ жить? Что дѣлать?.. Я и ума не приложу... Федюшку нускай серутить не долго... Взять его домой да женить тотчасъ же...

— Не женится онъ, батюшка, на другой... ни за что... И не думай!.. Изъ дома убѣжить!..

— Убѣжить!.. Господи помилуй!.. Этакой парень, смѣрний!.. Гдѣ ему убѣжать... Онъ не Кирюшка твой!.. А что вотъ съ этихъ дѣлать?.. Съ твоимъ-то?.. Какъ его-то унять?..

— Да ему только того и хочется, чтобы ты Федю-то отъ нея... отъ той... увелъ... разлучилъ бы ихъ... Онъ опять и почнетъ ее сманивать, да и сманить... Убѣгутъ!..

— Да что же дѣлать-то?.. Я и не придумаю... ставихъ дѣловъ въ примѣръ-то николи не быввало, да и народъ нынче другой пошелъ!.. Въ прежнее время задурилъ парень, повихнулъ... Ну, взялъ его, выпоролъ и разъ и два, да и женилъ... вотъ, онъ и живетъ, остепенится, опаматуется!.. Не даромъ пословица: женится—перемѣнится... Да этихъ и слуховъ-то не было, прежде, чтобы жениться безъ родительскаго благословенія, либо отъ живой жены... да съ другой въ убѣгъ уйти!.. А поди-ва, нынче... Ну, да и вѣзь его выпорешь... хоть бы Федюку?.. Грубости отъ него никогда никакой... ни пьетъ, ни могаешь... работаетъ за двоихъ... какъ его выстегаешь? за что? Да и рука-то на него не поднимется!..

— Ты, батюшка, повидайся съ нимъ: онъ Богъ знаетъ какъ просилъ, чтобы повидались съ нимъ: и ты, и Федотъ Семенычъ... Тогда поговорите сообща, все обдумаете... Только ты его, Федю, бранью да руганью, али сердитымъ сердцемъ не бери... Смотри на онъ какой умный да великатыный?.. Его тѣль, ласковыиъ словомъ лучше...

— Да развѣ я не знаю...

— А вотъ ужъ про моего, такъ я вотъ что надумала... Подожду еще чтѣ будетъ, опять въ гадалкѣ схожу... а ужъ воли отъ нея пользы не получу, и жить на моемъ сраму не стану, а въ тебѣ вриду жить... Ты прими меня, батюшка...

— Знаю, приму... Только какъ же ты отъ мужа уйдешь?... Какъ же ты жить будешь: ни вдова, ни дѣва?.. Тоже рожно не слыхано и не привидано этихъ дѣловъ?..

— Что же мнѣ дѣлать-то, батюшка?.. Чего мнѣ ждать-то?.. Чтобы люди ужъ въ лицо смѣялись, да пальцами показывали... али чтобы онъ меня совѣмъ привоичилъ... А онъ не въ добрый часъ и то сдѣлаетъ, какъ-нибудь подвернешься!.. Ты бы посмотришь,

какой у него глазъ-то на меня, страсть—ужась взглянуть!.. Не взглянулъ онъ меня до смерти... равно лютаго ворага...

Анна навзрыдъ плакала.

— Ну что же... нечего дѣлать!.. Приходи, приходи!.. Не реви... Я, знамо, радъ тебѣ... Вотъ свата-то нѣтъ, равно нарочно: съ нимъ бы поговорить, посудить!.. А я теперь коли поѣду съ твоимъ туда, — Ѳедьму не застаю, хоть тѣхъ посмотрю...

— Поѣзжай, съѣзди, батюшка... Съѣзди, посмотри... мнѣ расскажешь!..—обрадовалась Анна.—Только ты съ Ѳедей смотри, полегче, коли застанешь тамъ!.. Съѣзди, родимый!..

— Съѣзжу, съѣзжу... И съ твоимъ-то дорогой попробую, поговорю...

Послѣ этого рѣшенія они и вышли въ избу.

— Ну что же, Кирила Ѳедотычъ, поѣдемъ, куда правились...—сказалъ Герасимъ Дмитричъ, притворно спокойнымъ голосомъ, оставаясь среди избы и не присаживаясь.—Я готовъ... Съ дочкой все переговорили... Поѣдемъ...

— Чего ужъ теперь ѣхать... Не почто... Ночь на дворѣ!..—отвѣчалъ холодно Кирила, несмотря на Герасима Дмитрича.— Не поѣду я...

— Куда еще ему ѣхать... Будетъ ужъ съ него, довольно!.. Отблагодарили за хлопоты!.. Спасибо!..—не утерпѣла и вмѣшалась Ѳедосья Осиповна, раздражительно и враждебно...

Анна встрепетулась отъ этого тона свекрови и напряженно стала вглядываться въ нее: она тотчасъ же поняла, что у нея произошло примиреніе съ сыномъ и что Анна потеряла союзницу.

— Ну, такъ какъ же быть-то?.. А я надумалъ идти...—продолжалъ тѣмъ же искусственно спокойнымъ голосомъ Герасимъ Дмитричъ.—Видно, одному придется... Ну, пойду одинъ: тамъ коли переночую... А завтра опять найду, можетъ' сватушка къ тому время воротится... Прощайте коли, сватьюшка... зятекъ любезный!..

— Батюшка, и я съ тобой пойду: провожу тебя!..—сказала вдругъ Анна.

— Не вѣду, какъ сказать тебѣ...—вербнително отозвался Герасимъ Дмитричъ, вглядываясь на Кирила и Ѳедосью Осиповну.

— Ты куда еще?.. Тебѣ что нужно?.. съ какой такой стати?..—грубо и сердито вскрикнулъ на нее Кирила.—Оставайся дома!..

— Нѣтъ, Кирила Ѳедотычъ, я пойду съ батюшкой...—рѣшительно отвѣтила Анна.—Не въ бѣги, вѣдь, и не съ чужимъ человекомъ... съ родителемъ пойду!.. Изъ дома ничего не унесу!.. А завтра воротимся... Поїдемъ, батюшка...

— Ну, коли нѣтъ пойдемъ и самъ-дѣлѣ... Мнѣ охотнѣй съ тобой-то... Прощенья просимъ, прощайте, Христа ради...

Не дождавшись отвѣта на поклонъ ховяевъ, старикъ повернулся и пошелъ къ дверямъ, которыя уже отворяла передъ нимъ Анна, спѣшившая уйти изъ избы отъ глазъ мужа и свекрови. Кирила, понявшій намеги Анны о побѣгѣ, не нашелся сразу что сказать и только злобно сверкнулъ на нее глазами.

— Вотъ такъ жена!.. — говорила за то вслѣдъ уходящимъ Федосья Осиповна. — И батюшка хорошъ! Хорошему учить дочку: никого не спросилась, свилась—собралась!.. Будетъ мужъ любить такую жену!..

Далѣе уже слѣдовала брань раздраженной старухи, которой, впрочемъ, не слышали Герасимъ Дмитричъ и Анна, поспѣшно затворивши за собою дверь избы.

— Да пускай ее идти!.. — остановилъ мать Кирила. — Лучше, глаза мои не видятъ!.. Хошь бы сквозъ землю провалилась!.. Совсѣмъ бы не ворочалась!..

Кирила видѣлъ, что не можетъ остановить Анну, но въ душѣ очень беспокоился за послѣдствія встрѣчи жены съ Дарьей Тихоновной и Параней. Къ сердцу у него подступила тоска и злоба; онъ схватился руками за волосы и, стиснувши зубы, оперся локтями о столъ. Федосья Осиповна подошла было съ ласками, но онъ грубо оттолкнулъ ее.

А Герасимъ Дмитричъ съ Анной спѣшно шли, вдоль деревни, среди опускающихся сумерекъ.

— Ладно ли сдѣлала, что пошла?.. — законически спросилъ ее Герасимъ Дмитричъ, уже не мало отойдя отъ дома.

— Батюшка, да страхъ меня, ужась выла теперь дома-то одной съ ними остаться... — отвѣчала Анна. — Развѣ ты не видалъ, какіе они оба: и матушка-свекровь, и муженекъ-отъ?.. Глазами-то бы съѣли меня!..

Она не призналась, что, кромѣ этого страха, ее гнало изъ дома и непреодолимо влекло въ Онуичино, нестерпимое, жгучее любопытство... Тамъ враги ея, ея ненавистная разлучница, тамъ невеста Феи... Она узнаеть, увидить ихъ!.. Анна шла такъ скоро, что Герасимъ Дмитричъ едва поспѣвалъ за нею.

АЛЕКСАЙ ПОТЪХИНЪ.

* * *

Догорѣла румяная зорька вдали
И по степи вечернія тѣни легли...
И ни звука кругомъ—всюду тишь и покой,
Прожужжить только жукъ, промелькнувъ надъ травой.

Степь исчезла во тьмѣ—а на небо взгляни:
Кто-то тамъ высоко зажигаетъ огни...
И надъ степью они, тихо выблись, горять—
Въ необъятный свой міръ и зовутъ и манять.

И что скрылось въ душѣ, притаилось днёмъ,
То проснулось теперь—и взмахнуло крыломъ,—
И страхнувъ жизни гнѣтъ, въ міръ надвѣдный паритъ—
И душа умиляясь молитвой звучать.

И. Суржковъ.

НАДО ЖИТЬ

РАЗСКАЗЪ.

I

Байронъ сказалъ (гдѣ — неизвѣстно), что ежедневное бритье для мужчинъ уравниваетъ боли родовъ у женщинъ. Андрей Егоровичъ не находилъ этого. Напротивъ, однимъ изъ любимыхъ моментовъ дня у него былъ именно моментъ бритья и послѣдующій моментъ утренняго чая. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Надежда Ивановна уѣхала погостить у престарѣлой своей маменьки, и Андрей Егоровичъ оставался «соломеннымъ вдовцомъ». Бодрость и эластичность какая-то охватывала его съ той минуты, какъ онъ рѣшался покинуть Капую отдохновенія и нѣги, стремительно поднимаясь съ постели. Сложный бритвенный приборъ, вѣдь это — цѣлое хозяйство, а весь этотъ методическій процессъ раскладыванія, правленія орудій, жатвы сивой растительности, вытиранія и притиранія, съ бодрымъ фырканьемъ, это — мастерство, даже художество какое-то, а вмѣстѣ и совершеніе обряда. Бакенбарты обрамлялись такъ, чтобы они внизу совершали нѣжный спускъ подъ ухо, на образецъ, видѣнный подражателемъ у одного дипломата. Но торжествомъ искусства была верхняя губа. Андрей Егоровичъ соблюдалъ ее такъ заботливо, какъ будто искоренялъ всходы какого-нибудь вреднаго ученія, — чтобы и слѣда никакого не осталось. Какая пріятность провести потомъ пальцами по этому перешейку, между носомъ и губой, и ощущать совершенный мраморъ, но мраморъ мягкій, теплый: такъ бы, казалось ему, прямо впиться въ какія-нибудь пухленькія губки и — ни малѣйшимъ образомъ не уколоть.

«Да, жить, жить», думалось солидному, но еще весьма от-
амвчатому ко всѣмъ прелестямъ жизни человѣку, въ то время,
какъ онъ уже во второй разъ доходилъ до тонкой розовой
подковы, украшавшей дно чайной чашки. Въ самомъ дѣлѣ,
Андрей Егоровичъ, живя почти холъ-вѣка, все еще въ дѣйстви-
тельности какъ-бы не жила. Онъ въ свое время былъ без-
укоризненнымъ гимназистомъ и студентомъ, прямо со школьной
скамьи поступилъ на службу, женился рано. Его жизнь — сначала
тетради и экзамены, а потомъ дѣловыя бумаги и ежедневная забота о
состояніи двухъ барометровъ, отъ которыхъ зависѣло сповѣствіе,
сносность существованія: въ департаментѣ — директоръ, дома —
жена. На одномъ — ясно, такъ на другомъ — перемѣчливо, а то
и пасмурно. А вѣдь есть же на свѣтѣ и такія вещи, какъ сво-
бода, — жизнь всюю полнотой человѣческихъ стремленій. Есть же
счастливые люди, которыхъ не даромъ манили тѣ алмазныя губки,
которыя только въ свидѣніяхъ улыбались ему, звали его...
Есть же Швейцарія съ такими видами, что взгляду бедна, въ
небѣ — гора, на горѣ альпійскій стрѣлокъ цѣдится въ дивную
вою, а сбоку — водопадъ, бушующій отъ борьбы съ каменными
препонами, какъ воображеніе солиднаго, но еще отамвчатого ко
всѣмъ прелестямъ жизни человѣка.

Андрей Егоровичъ надѣлъ новую шляпу, несмотря на то,
что погода стояла сомнительная; даже не взялъ зонтика, а тро-
сточку, и не поѣхалъ, а пошелъ въ департаментъ. На пути все
какъ-будто сговорилось не допускать развитія въ его головѣ ни
одной дѣловой мысли. Такъ, онъ вспомнилъ, что Аркаша опять
переѣзжаетъ на новую квартиру и просилъ у него денегъ на
задатокъ.

Но только что онъ началъ было мысленно журить сына за
этотъ номадный образъ жизни, который особенно не рекомен-
дуетъ студента начальству, какъ прошла такая блондиночка, что
Андрей Егоровичъ невольно провелъ пальцами по гладковыбри-
тому мѣсту. Тонкость и выѣстъ — полнота, все какъ-разъ гдѣ
чему слѣдуетъ быть; ротикъ — микроскопическій и два бѣлыхъ
вершинъ зубка какъ-то играючи куснули нижнюю губку. Ищи-
ная простота стянutoй по стану и бедрамъ одежды; въ тонкихъ,
правильныхъ и мягкихъ чертахъ лица ея — прелесть юности, а
между тѣмъ въ ясныхъ, большихъ глазахъ какъ-будто уже со-
знаніе; походка, между тѣмъ, — совершенно дѣвчья; въ рукахъ
— панна, съ надписью «Musique»; лямпа — соломенная, сверху
вострѣнная, съ крыломъ какой-то синей птицы на боку.

Въ груди Андрея Егоровича что-то «бкнуло». Обернувшись раза два, но безуспѣшно (да и какой же могъ быть успѣхъ для него?—вѣдь все равно никогда бы ничего не вышло), онъ только прибавилъ шагу. Тогда въ умѣ его внезапно возникло тревожное недоумѣнiе: вчера, по отпѣткѣ министра на входящей бумагѣ, слѣдовало увѣдомить другого министра и сообщить мѣстному управленiю. Первая исполнительная бумага была представлена; ее переписывалъ Захаровъ; Андрей Егоровичъ еще припоминалъ, что между словомъ «ученiя» и словомъ «направленныя» онъ самъ поставилъ запятую, опущенную Захаровымъ. Но вѣтъ было переписано—и было ли переписано—предписанiе мѣстному управленiю? Попробовалъ онъ припомнить: въ которую бумагу имъ было вложено «подлинное» отношенiе?

Но въ это самое время въ магазину, мимо котораго онъ шелъ, подъѣхала коляска съ шикарной брюнеткой. Она была очень мало подкрашена, — пожалуй, даже вовсе нѣтъ; развѣ чуть-чуть синенькая струйка подъ блестящими глазами. Дальнѣйшее описанiе мы, если позволите, «скомкаемъ», такъ какъ читать портреты скучно. Впрочемъ, именно «скомканность» уже сама можетъ замѣнить описанiе. *Minois chiffonné* и все прочее также *chiffonné*, но какъ-то весьма удачно. Случай такъ не «скомкаетъ».

Шикарная брюнетка бойко ухватила рукой складку своего черного платья, которая тотчасъ же сложилась не безъ пикантнаго изящества, обнаруживъ этажа три кружевъ, прежде не видныхъ. Небольшая, высоко-камбрированная нога въ полусапожкѣ, подъ которыми каблукъ подъвѣжалъ почти подъ самый носокъ, опустилась на плиту тротуара; бѣглый взглядъ направо и налѣво, съ наклоненной нѣсколько маленькой головой, и затѣмъ—въ два прыжка—дама была въ магазинѣ. Андрей Егоровичъ успѣлъ однако примѣтить, какiе змѣнные изгибы описала на этомъ короткомъ пути ея небольшая фигурка: начиная съ талии и кончая названными трехъ-этажными «кружевами» (трѣтъ былъ притянуть рукой)—все это, такъ-сказать, взвилось на-верхъ по тремъ-четыремъ ступенькамъ, которыя вели въ дверь магазина.

Предписанiе мѣстному управленiю совершенно исчезло изъ ума Андрея Егоровича. Можетъ быть, съ тѣмъ предписанiемъ была связана судьба отечества, которая обыкновенно составляла одну изъ серьезнѣхъ заботъ нашего хотя скромнаго, но полезнаго дѣятеля. Но въ этотъ день ему, очевидно, хотѣлось мѣропрiятiй совсѣмъ въ сторону отъ прямыхъ обязанностей. «Змѣна-искусительница», подумалось ему—и думалось далѣе (даже въ то время,

когда швейцарь принималъ его пальто и трость, дѣлая усиленно ловкія и быстрыя движенія): «Вотъ за такой фигуркой, да взвиться бы въ магазинъ; накупить ей тамъ всякой штуки, и затѣмъ—все остальное, прочее... Только бѣда—какъ овладѣть, а тутъ Надежда Ивановна и вернется. Что тогда?»

— Николай Николаевичъ, сошли бумаги изъ вчерашняго доклада?—обратился онъ въ журналисту, мнновавъ свое отдѣленіе.

— Только-что принесены, — отвѣчалъ тотъ. — Вѣдь ужъ половина перваго. Андрей Егоровичъ, васъ уже директоръ спрашивалъ.

— Позвольте мнѣ взглянуть на мои бумаги.

И Андрей Егоровичъ, погруженный въ сферу обычной дѣятельности, всѣмъ чаяшемъ души углубился въ перелистыванье нѣсколькихъ, красиво написанныхъ, энергически подписанныхъ, и солидно и округленно скрѣпленныхъ министерскихъ бумагъ.

Тутъ она, тутъ. Не безъ ограднаго чувства пробѣжалъ Андрей Егоровичъ эту бумагу, въ переписанномъ существованіи которой было усомнился. Она была, какъ слѣдуетъ, скрѣплена и подписана, — значить, одобрена директоромъ и признана за выраженіе министерской мысли. Слово становилось дѣломъ, а вѣдь слово это — то-есть, собственно слова — было написано въ черновой самимъ Андреемъ Егоровичемъ. Гдѣ тотъ публицистъ въ Россіи, который могъ бы утѣшить себя мыслью, что слово, сегодня имъ начертанное, завтра же становилось бы дѣломъ? Даже рука канцелярскаго чиновника Перепельскаго на этотъ разъ казалась Андрею Егоровичу особенно бойкою. — «Рублей двадцать-пять надо будетъ дать на Рождество», подумалъ онъ: «какая ловкая завитушка надъ П въ этомъ словѣ—«Превратныя».... Да, превратныя... Отчего это Аркашка все съ квартиръ съѣзжаетъ?»

Но тутъ раздался колокольчикъ въ кабинетѣ директора; дежурный чиновникъ нырнулъ туда и, тотчасъ вынырнувъ назадъ, позвалъ нашего дѣлопроизводителя.

Мы не рѣшимся—по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ—послѣдовавъ за нимъ въ такое, такъ-сказать, «священное» мѣсто, какъ кабинетъ директора департамента, который мы, на манеръ Теккереза, назовемъ «департаментомъ спѣшныхъ мѣропріятій». О характерѣ самого этого, значительнаго лица достаточно сказать, что онъ раздѣлялъ своихъ подчиненныхъ на двѣ категоріи: тѣхъ, въ разговорѣ съ которыми онъ иногда вставлялъ французскія фразы, —

и тѣхъ, въ разговорѣ съ которыми онъ французскихъ фразъ не вставлялъ. Андрей Егоровичъ принадлежалъ къ числу первыхъ.

Когда Андрей Егоровичъ вышелъ изъ кабинета, то на лицѣ его явственно отражался отблескъ того величія, къ которому онъ только-что былъ допущенъ. Онъ былъ красивый еще мужчина, лѣтъ сорока-пяти, нисколько не ожирѣвшій. Въ волосахъ на головѣ было у него просѣди никакъ не болѣе, чѣмъ нужно, чтобы намегнуть на усиленную дѣятельность ума. Впрочемъ, это было только какъ-бы одно «подозрѣніе» просѣди, — подозрѣніе, которое было ему даже къ лицу. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, а въ маленькихъ острыхъ глазахъ, тонкомъ, довольно длинномъ носѣ и широкомъ протяженіи наиболѣе гладко выбритаго мѣста — между носомъ и верхней губой — было нѣчто повелительное. Однимъ словомъ, онъ могъ служить изящнымъ типомъ такихъ людей, о которыхъ, когда они достигаютъ ступеней извѣстныхъ, говорится, что, «кажется, онъ еще слишкомъ молодъ для такого мѣста». Онъ былъ бы «молодой» дипломатъ, «молодой» директоръ. Даже для того, чтобы быть привлекательнымъ женихомъ онъ еще казался вовсе не старъ. Но читателю извѣстно, что Андрей Егоровичъ Саханинъ былъ жевать.

— Позовите ко мнѣ Перепельскаго — распорядился онъ, удаляясь къ своей небольшой кабинетъ.

Перепельскій вошелъ къ нему.

— Послушайте, — обратился къ нему Андрей Егоровичъ: — вы не можете долѣе оставаться на службѣ.

— За что же, Андрей Егоровичъ? — спросилъ отличный переписчикъ.

— Въ какомъ видѣ были вы, когда васъ встрѣтилъ вчера г. директоръ — и съ кѣмъ?

— Я никогда не пью — съ достоинствомъ возразилъ Перепельскій: — а шель я съ родною сестрой.

— Тѣмъ хуже. Лучше бы вы позволили себѣ иногда... чѣмъ показываться на улицѣ въ ситцевой рубахѣ, смазныхъ сапогахъ и пладѣ, съ дамой въ клеенчатой шляпкѣ... фя! милостивый государь!

— У меня только и есть еще вицмундиръ и пальто.

— И ходили бы въ нихъ. А сестра ваша чѣмъ занимается?

— Позвольте однако, — возразилъ Перепельскій, котораго начинало раздражать негодованіе... но онъ сдержалъ себя и сказалъ: — она слушаетъ..... курсы.

— А! Тѣмъ хуже. Вы завтра ужъ и не являйтесь, а за аттестатомъ приходите черезъ недѣлю.

— Послушайте, Андрей Егоровичъ — уже взолился Перепельскій:—вѣдь я же содержу сестру, да еще мать; что вы со мной дѣлаете...

— Я не могу вдаваться въ дальнѣйшія объясненія, — сухо отвѣтилъ Саханинъ. — Директоръ сказалъ — уволить, и вы будете уволены.

При этомъ Андрей Егоровичъ солгалъ, такъ какъ директоръ только сдѣлалъ ему замѣчаніе. Но онъ самъ тотчасъ же отрезся отъ Перепельскаго, аттестовалъ дурно его нравственность и предложилъ его уволить, потому что самъ не намѣренъ былъ терпѣть у себя такого чиновника, который компрометируетъ его отдѣленіе передъ начальствомъ.

Перепельскій не получилъ отъ него иного отвѣта и, понура голову, вышелъ, въ волненіи зацѣпившись рукавомъ за ручку двери.

А Саханинъ обратился къ своимъ бумагамъ. Но прежде онъ вскрылъ лежавшее на столѣ частное письмо: полковникъ Черемисовъ, его знакомый, приглашалъ его зайти сегодня и вѣхать вмѣстѣ «провѣтриться» и пообѣдать. «И познакомлю васъ съ дамой — *vous m'en direz des nouvelles*» — стояло ниже подписи.

II.

Аркаша, сынъ Андрея Егоровича Саханина, съ которымъ мы познакомились, переѣхалъ на новую квартиру безъ внесенія задатка, кромѣ того рубля, который былъ данъ имъ при первомъ осмотрѣ квартиры. Онъ видимо понравился своей новой хозяйкѣ, и только этимъ можно объяснить ея снисходительность. Даже тогда, какъ она узнала изъ вида на жительство, что ея новый постоялецъ — студентъ, она не рѣшилась потребовать съ него деньги впередъ за мѣсяць.

— До сихъ поръ я не пускала студентовъ, — объяснила она ему, когда онъ просилъ ее обождать нѣсколько дней, — съ ними слишкомъ много хлопотъ.

— Кутятъ очень? — съ усмѣшкою спросилъ Аркаша.

— Нѣтъ, не то... — и хозяйка безъ всякой, повидимому, связи продолжала: — но вы совсѣмъ еще... вы еще очень молоды, и притомъ сейчасъ видно — изъ порядочнаго семейства.

При этомъ хозяйка бросила взглядъ на развѣшанныя предметы одежды, на шелковый зонтикъ, поставленный въ уголъ, на

красивый портфель — и закончила одобрительнымъ и улыбающимся обзоромъ самого Аркадія, отчего тотъ слегка повраснѣлъ.

Вмѣсто обѣда, въ этотъ день Аркаша пилъ чай, такъ какъ уходить изъ дому было нельзя; онъ поджидалъ Горлицына, который вызвался доставить ему уроки. Съ Горлицыннымъ онъ недавно познакомился у одного товарища, и хотя новый знакомый не особенно ему нравился, но онъ охотно принялъ его предложеніе. Карманныхъ денегъ, которыя онъ прежде получалъ отъ отца, было слишкомъ достаточно, пока онъ жилъ у родителей; но на наемъ квартиры и полное содержаніе ихъ было слишкомъ мало, а отецъ, не одобрявшій самаго переѣзда сына на вольное жительство, ничего не прибавлялъ.

Заслышавъ голосъ Горлицына и безтолковые отвѣты горничной, молодой Саханинъ отворилъ дверь и впустилъ гостя.

— Переѣхали?

— Какъ видите. Не знаю, на долго-ли.

— Это ужъ какъ судьба велитъ.

— Представьте, какая гадость! Пусть бы ужъ справлялись и прочее, какъ всегда. Нѣтъ, — третьяго дня сказалъ, что не приду до вечера, а зашелъ съ лекціей за табакомъ. Представьте — ящикъ отворенъ, всѣ бумаги выложены на столъ, а на сакъ-вожжѣ погнуты края; видать, чья-то рука лавила и тамъ пошарить. Этакой мерзавецъ, этотъ Анисимовъ!

— Да, съ виду — дохлый старикашка, а еще многихъ своихъ постояльцевъ въ Петербургѣ переживетъ. Еслибъ со мною были раньше знакомы, я бы васъ предупредилъ. Онъ извѣстенъ нѣкоторымъ людямъ, но не безызвѣстенъ и инымъ людямъ... — сказалъ Горлицынь. — Давайте же, батенька, разливайте.

— Какимъ же еще инымъ? — разсѣянно спросилъ Саханинъ, наливая гостю.

— Такъ... людямъ противоположнаго сорта. Вотъ, я что вамъ скажу, Саханинъ. Уроки, кажется, удалось устроить. Только немножко далеко — у брантмейстера ...ской части, мальчугану 12 лѣтъ; онъ въ гимназіи. Полтинникъ за часъ, но за то каждый день и два мѣсяца сряду, до экзаменовъ, иначе мальчугана исключать, — онъ второй годъ въ классѣ.

— Незавидно; но что же дѣлать, все-таки 12 рублей въ мѣсяцъ. Только — у брантмейстера, вотъ что неладно.

— Эхъ, батенька, — и Горлицынь позачалъ головой, держа стаканъ пальцами снизу; — можетъ быть, брантмейстеръ вамъ нужнѣе окажется, чѣмъ кто другой.

Аркаша привадумался.

— Знаете, Горлицынъ,— произнесъ онъ нотомъ немного на-распѣвъ, такимъ голосомъ, въ которомъ еще отзывались иногда альтовыя ноты: — я вамъ ужъ разъ говорилъ, что ни на какое дѣло я не гожусь, мнѣ не вѣрится...

— Вовсе не то, а у васъ значить, силы, батенька, нѣтъ. Маменька избаловала. Надо же и на себя полагаться. Вѣдь вотъ вы прежде и панталончики не сами надѣвали, а теперь выбрались на свободу, и даже имѣете собственные убѣжденія по государственному праву, которое штудируете.

— Никакихъ выработанныхъ убѣжденій я не имѣю, — грустно скавалъ Аркаша.— Ни убѣжденій, ни силы. Хорошо бы было, если бы имѣлъ... Одно чувствую: душа просится на просторъ, а простора нѣтъ. Знаю, что вы хотите сказать, я уже многое слышалъ въ этомъ родѣ. Но я не вѣрю, да если бы и вѣрилъ... я все-таки не на все согласенъ. Если бы я ясно видѣлъ предъ собой дорогу, то былъ бы радъ идти. Но идти не за вѣмъ и иногда мнѣ, право, кажется, будто — я трипева какая-то.

— Не огорчайтесь, не углубляйтесь въ самоизученіе. Это, скажу вамъ, — вздоръ-съ. Человѣкъ долженъ приносить пользу, а не объѣдаться на мірской счетъ, изучая свое идеальное нутро. Вы прочли ту книжку?

— Прочель, и можетъ быть тамъ правда; но я не увѣренъ. Богъ его знаетъ, какъ оно есть. Такъ вы адресъ-то мнѣ пожалуйста продиктуйте:ской части? Онъ въ самомъ домѣ и живетъ?

Горлицынъ далъ Саханину адресъ его будущаго ученика, поставилъ пустой стаканъ на столъ, похлопалъ Аркашу по плечу, приговаривая «младенецъ» — и ушелъ. Саханинъ зажегъ свѣчку и углубился въ книжку. Онъ сидѣлъ бокомъ къ двери. Свѣтъ прямо падалъ на его лицо и окаймлялъ лучомъ его небольшой прямой носъ, губы, сложенные безъ малѣйшаго напряженія, какъ у дѣтей, круглый подбородокъ и линію лба, которая казалась совершенно прямою, такъ какъ она скоро исчезала въ густыхъ вольцахъ свѣтлыхъ волосъ, совершенно золотыхъ при близкомъ свѣтѣ. Нѣсколько дѣтское выраженіе его лица представляло контрастъ съ его могучими плечами. Пальцы его бессознательно скатывали мелкіе кусочки бумаги, на которой лежалъ сахаръ. По временамъ, онъ переставалъ читать и, въ раздумѣ надъ прочитаннымъ или скучая, сгибалъ указательный палецъ и потомъ быстро оттапливалъ бумажные катышки, какъ будто стрѣляя ими въ подносъ. Разъ онъ обернулся — въ двери стояла хозяйка.

— Я велю убрать и сдѣлать вамъ постель — быстро проговорила она: — прислугу надо отпустить раньше спать.

Саханинъ согласился. Когда присланная хозяйкой старая служанка хотѣла постлать постель, оказалось, что не было простыни. Въ чемоданѣ было все бѣлье, но простыни остались на прежней квартирѣ. Онъ пошелъ къ хозяйкѣ, и просилъ ссудить ему простыню на день, на два, пока онъ достанетъ прежнія изъ стирки.

Въ собственной комнатѣ хозяйки была та роскошь, какую можно найти въ меблированныхъ комнатахъ гдѣ-нибудь на Пескахъ или въ Полкахъ: диванъ и стулья округленныхъ формъ, обитыя ситцомъ, и на спинкахъ ихъ—вязаные платочки для предохраненія ситца отъ напояженныхъ волюсь посѣтителей; самодѣльный туалетъ, устроенный изъ складного зеркала въ три четверти аршина высоты, поставленнаго на небольшомъ столикѣ и убраннаго висею, которая спускалась по тремъ сторонамъ съ палки, приеръпленной съади. Итакъ, это была и гостиная, и будуаръ г-жи Бѣляевой. Узнавъ отъ Саханина, въ чемъ дѣло, она засмѣялась.— «Ну какъ же можно такъ забывать! А-ахъ, молодой человекъ, молодой человекъ». И она тотчасъ принялась съ нѣкоторымъ усиліемъ отворять средній ящикъ своего комода.

Тутъ только Саханинъ замѣтилъ, что его хозяйка вовсе не была нѣчто въ родѣ старушки, какъ то, неизвѣстно почему, казалось ему до сихъ поръ. По разсмотрѣнн, она оказалась стройной женщиной всего лѣтъ тридцати, съ небольшими головой и станомъ, на сравнительно длинныхъ ногахъ, очень бѣлокурая, съ полной грудью, но довольно тонкой и гибкой таліей. У нея былъ правильный, съ небольшимъ горбикомъ носъ, сухощавый и съ узкими ноздрями; губы ея были немножко толсты. Все лицо выражало добродушную твердость. Движенія ея были бойки, хотя не размахисты.

Вытягивая ящикъ, туго набитый бѣльемъ, она подала верхнюю часть тѣла назадъ, какъ вдругъ упрямый ящикъ, по той прихоти, которая свойственна ихъ натурѣ, внезапно двинулся впередъ, и хозяйка, наступивъ на ногу стоявшему позади ея Саханину, выпустила изъ руки ключъ и чуть-было не упала, если бы Аркадій не поддержалъ ее.

— Ахъ, извините,—сказала она, оборачиваясь къ нѣскольکو-сконфуженному гостю, и, посмотрѣвъ на него сбоку, улыбнулась. Потомъ, подавъ ему простыню, она прибавила:—«знаете, вѣдь это немножко неловко, что я даю вамъ свою простыню»... и, смотря ему теперь уже прямо въ лицо, какъ-то засмѣялась глазами. Въ дѣйствительности она не смѣялась, но въ ея темно-сѣрыхъ глазахъ, которыя вечеромъ казались карими, было порочно шалости.

Саханинъ благодарилъ, но покрася́лъ и, уходя, думалъ про себя:— «вотъ еще сунулъ чортъ къ этой глупой альбиноскѣ».

Первымъ дѣломъ Саханина-младшаго на слѣдующее утро было слодить на прежнюю квартиру, содержащуюся отставнымъ лакеемъ Анисимовымъ, за вещами. Захвативъ тамъ свои двѣ простыни и одну книгу, какъ то забытую, онъ пришелъ на новую квартиру и, положивъ эти вещи на столъ, тотчасъ вышелъ опять, отправившись въскую часть, въ брантмейстеру, за уроками. — «Еще одинъ урокъ каждый день», разсуждалъ онъ на пути, «и тогда можно будетъ совсѣмъ обходиться безъ ежемѣсячной просьбы денегъ у отца и обычныхъ нотаций».

Между тѣмъ, какъ только комната новаго жильца была прибрана служанкою, въ комнату эту вошла сама хозяйка, г-жа Бѣлзева, — и, увидавъ на столѣ бѣлье, тотчасъ, какъ любительница порядка, взяла простыни, чтобы положить ихъ въ стоявшій тутъ же шкафъ. На одной изъ полокъ этого шкафа, она увидала нѣсколько книгъ, а надъ ними лежалъ фотографическій портретъ, такъ-называемый «кабинетный». Портретъ изображалъ пожилую женщину съ строгими чертами лица и съ собачкой на колѣняхъ. Прежде чѣмъ спрятать простыни, она, конечно, сложила ихъ какъ слѣдуетъ, потому что онѣ были свернуты кое-какъ. При этомъ изъ одной изъ нихъ выпалъ узкій и довольно толстый бумажный пакетъ, запечатанный близъ угла въ четыре печати, на которыхъ видѣлись топоръ и другой инструментъ, въ родѣ кирки или якоря. Она уложила бѣлье, положила пакетъ на столъ и, взглянувъ на заглавный листъ книги, пошла къ себѣ, захватила какое-то шитье, и сѣла за работу, у окна.

«Должно быть, его мать, — думала хозяйка; — кажется, есть сходство; только суровая такая, и съ собачкой, точно бездѣтная. Впрочемъ, что-жъ собачка... Но онъ-то все-таки одинъ въ Петербургѣ, а вѣдь еще дитя. И навѣрное нѣтъ женщины, которая бы его иногда приголубила. Да, нивого нѣтъ, это видно по застѣнчивости...» — подсказывала ей мысль, въ то время, какъ, протянувъ шитье на колѣнѣхъ, она разглаживала полотно лѣвою рукою.

— Варвара Антоновна.

Хозяйка взглянула на вошедшую служанку.

— Жильца-то надо скорѣе прописать — продолжала та. — Дворникъ приходилъ поутру, сказывалъ: надо, говорить.

— Ну, и пропишемъ, его видъ ужъ у меня.

— Да нѣтъ, сегодня чтобъ; такъ дворникъ кричалъ, и

городовой ему сказывалъ, поутру приходилъ; студентъ, говоритъ, поторопитесь.

— Откуда же городской-то узналъ?

— А Богъ его знаетъ. Онъ только сказалъ: надо, говоритъ...

— Ну, хорошо.

И Варвара Антоновна снова принялась за шитье, по временамъ поглядывая на проходившихъ по двору. Комнаты ея составляли отдѣльный флигелекъ, къ которому велъ изъ-подъ воротъ особый деревянный троттуаръ.

Теперь на этомъ троттуарѣ раздались шаги, и хозяйка, взглянувъ на приближавшихся посѣтителей, вдругъ вскочила съ мѣста и закусилла губу. Затѣмъ, она бросилась стремглавъ въ комнату Саханна, инстинктивно схватила положенный ею на столъ пакетъ, прихватила съ нимъ и книгу; выронила ее съ испуга, услыхавъ громкій звонокъ, но, поднявъ съ полу и какъ угорѣлая прибѣжавъ въ свою комнату, сунула то и другое въ холодную печку. Между тѣмъ, въ комнатѣ Саханна раздавались уже шаги.

Варвара Антоновна ухватила одной рукой за диванъ, другою за столъ, и старалась оправиться.

«Дура я, дура» — шопотомъ произнесла она и бросилась-было опять къ печкѣ, Богъ знаетъ съ какой цѣлью. Но ее остановила «задняя» мысль: поздно; затѣмъ брала, не подумавъ.

— Варвара Антоновна, — раздался голосъ служанки, и хозяйка вошла туда, гдѣ были посѣтители.

Ихъ было трое. Они осматривали комнату съ большой подробностью. Вѣроятно, имъ случилось на прежней квартирѣ открытъ впоследствии какія-либо на первый взглядъ незамѣтныя неудобства, такъ что здѣсь они хотѣли удостовѣриться во всемъ доподлинно. Они не только раскрывали шкафъ и столъ, но изслѣдовали даже тюфякъ, подушки и всѣ предметы одежды, находившіяся въ комнатѣ. Первое же, что они осмотрѣли, были простыни. И въ строгомъ смыслѣ они были правы. Насѣкомыя прячутся въ самыхъ затѣнныхъ свѣжинахъ и складкахъ. Чтобы убѣдиться вполне въ ихъ отсутствіи, не мѣшаетъ прибѣгать даже къ микроскопу. Кто ихъ знаетъ, гдѣ они сидятъ; особенно днемъ; можетъ, даже въ книгахъ. Никогда не нанимайте мебелированной комнаты безъ тщательнаго осмотра ея во всѣхъ подробностяхъ. Особенно если жить втроемъ, какъ, быть можетъ, намѣревались эти посѣтители; тутъ тѣмъ болѣе нужна чистота.

Хотя комната была уже наканунѣ отдана, но для полной точности мы замѣтимъ, что билетикъ съ окна не былъ еще снятъ;

а г-жа Бѣльева была слишкомъ взволнована, чтобы пускаться въ такіе объясненія, которыхъ отъ нея не требовали. Итакъ, если посѣтителю не выразили желанія нанять комнату, то это слѣдовало приписать тому обстоятельству, что, вѣроятно, комната имъ въ концѣ-концовъ не понравилась, а не тому, чтобы хозяйка объявила имъ, что комната уже не отдается.

Какъ только Саханинъ послѣ обѣда возвратился домой, онъ услышалъ за дверью голосъ хозяйки: «Можно войти?» — Вотъ пристала баба, — подумалъ Аркадій, но пригласилъ. Она взяла его за руку и повела къ себѣ. Саханину это казалось очень глупо, и онъ только изъ природной деликатности не вырвалъ у нея руки. Но онъ едва передвигалъ ноги, такъ что эта мимика, при крайне серьезномъ выраженіи лица Варвары Антоновны, имѣла видъ, какъ будто провинившагося мальчика ведутъ въ «угольную комнату».

— Да что же вамъ отъ меня угодно?—съ досадою спросилъ жилецъ хозяйку, придя, наконецъ, въ ея спальню. Она молча заперла дверь на ключъ и пошла къ печкѣ. — «Чортъ знаетъ, что это», — хотѣлъ сказать Аркадій, но не сказалъ, потому что хозяйка, доставъ изъ печки пакетъ, подала ему, тѣмъ и привела его въ окончательное недоумѣніе.

— Къ чему же мнѣ это?

— Ш-ш-ш... И она, нагнувшись еще разъ къ печкѣ, вынула оттуда книгу, которую Саханинъ тотчасъ призналъ за принадлежащую ему томъ русскаго перевода Герберта Спенсера.

— Зачѣмъ же вы мою книгу-то туда клали?—уже съ улыбкой спросилъ Аркадій. Она продолжала молчать, но раскрыла книгу и указала ему пальцемъ заглавіе: «Основанія соціологіи».

— Напрасно вы испугались, — продолжалъ Саханинъ, думая, что понялъ, въ чемъ дѣло. Эта книга продается во всѣхъ магазинахъ. — Его теперь занимала уже только мысль, что, стало-быть, хозяйка его все-таки могла понять «соціологію» хоть въ такой мѣрѣ, чтобы испугаться ея.

Но когда она, наконецъ, стала говорить и послѣшно, вполголоса, объяснила ему все, переживая вновь только-что испытанное, такъ что грудь ея все болѣе волновалась, а глаза начинали блестѣть, — онъ долженъ былъ перемѣнить совсѣмъ свое мнѣніе о хозяйкѣ. Только Саханинъ ничего не зналъ о пакетѣ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ попалъ къ нему въ постельное бѣлье.

— Я совсѣмъ не жду, чтобы вы мнѣ рассказывали или при-

анавались, — сказала г-жа Бѣльева, опускаясь на стулъ, — я просто прошу васъ, какъ ближняго, не губите себя; не губите вашей матери, если она жива... А что до квартиры, — прибавила она, — такъ дѣлайте, что для васъ лучше. Если хотите оставаться — оставайтесь; мнѣ нѣчего бояться васъ, и вы меня не бойтесь.

Саханинъ старался увѣрить ее, что и ему нѣчего бояться; что пакета этого онъ никогда не видалъ, что онъ сейчасъ пойдетъ и справится, не захватилъ ли его по ошибкѣ. Едва ли, впрочемъ, ему удалось вполне успокоить ее; впечатлѣннѣе было еще слишкомъ живо. — «Во всякомъ случаѣ, вы — добрая», сказалъ онъ, подавая ей руку: «вы вѣрили въ опасность и добровольно подвергали ей себя, вы — милая, добрая, я этого не забуду». Онъ два раза крѣпко пожалъ ея руку, и, замѣтивъ, что у нея щеки вспыхнули, а въ глазахъ засверкала нѣкоторая «чувствительная роса», онъ поспѣшно повернулъ ключъ и вышелъ изъ ея комнаты.

Тотчасъ же онъ отправился на прежнюю свою квартиру, подумывая, что пакетъ принадлежитъ прежнему сосѣду его, по комнатамъ, Зальцману. Зальцманъ служилъ гдѣ-то приващникомъ, но былъ человекъ довольно образованный, такъ что, при сосѣдствѣ, Саханинъ не могъ не познакомиться съ нимъ нѣсколько.

Зальцмана не было дома, а въ комнатѣ его былъ страшный безпорядокъ. Книги были вывалены на полъ, бѣлье было разбросано на диванѣ, три стула стояли по срединѣ комнаты, изъ комода торчалъ одинъ пустой ящикъ, а столъ былъ придвинутъ отъ окна къ дивану. Только бумагъ нигдѣ не валялось; только онѣ однѣ и были, вѣроятно, уложены въ порядкѣ. Должно быть, этотъ Зальцманъ бросалъ свои вещи, куда попало.

— Что, Зальцманъ не приходилъ? — спросилъ Аркадїй, проходя обратно черезъ кухню. При этомъ онъ лѣвой рукой придерживалъ на груди свое пальто, подъ которымъ былъ прижатъ таинственный пакетъ. Хозяинъ Анисимовъ, нѣхотя и не безъ злобы во взглядѣ, на него покосился.

— Дороже васъ были гости, да не застали, — пробормоталъ онъ. — Не пришли ли чего своего поискать? Поадненко, баринъ. То къ нему за простынями, — то зачѣмъ? Довольно мнѣ хлопотъ съ вашимъ братомъ; полно, и пускать-то васъ не стану... — сердито ворчалъ онъ и продолжалъ ворчать на эту тему, пока Аркадїй, видя, что дѣла Зальцмана не ладны, и что, не выдавъ его, ихъ и поправить нельзя, рѣшился, наконецъ, уйти.

На пути домой, онъ припомнилъ, что Зальцманъ говорилъ ему разъ, гдѣ служить. Хотя это было сказано вскользь и давно

забыто Саханнинымъ, но теперь онъ вдругъ совершенно ясно вспомнилъ адрессъ, какъ будто усиліе, сдѣланное имъ надъ памятью, прижало въ ней пружину отъ того ящичка, гдѣ хранился этотъ адресъ, и потаенный ящичекъ выскочилъ. Онъ пошелъ въ то мѣсто. Но тамъ уже два дня не видали Зальцмана. Словомъ, дѣло было дрянъ.

Пакетъ надо было хранить, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ принадлежалъ именно Зальцману и могъ быть ему крайне нуженъ. Быть можетъ, счастье Зальцмана было, что пакетъ находился въ вѣрныхъ рукахъ Аркаши. Мало ли что тамъ могло быть, хоть деньги, напримѣръ. Уничтожить его, не вскрывъ, означало бы нанести человѣку, быть можетъ, большой ущербъ; пожалуй, даже погубить его. — А вдругъ пакетъ совсѣмъ не Зальцмана? Но чей же въ такомъ случаѣ? — Саханнинъ не могъ даже придумать никакой догадки. Посмотрѣть—что тамъ? Можешь узнать такіа вещи, которыхъ не имѣешь права знать, да и не хочешь знать.

Аркадій рѣшился снести пакетъ, при первомъ случаѣ, на отцовскую квартиру, и спрятать его тамъ такъ, чтобы нельзя было его найти иначе, какъ послѣ усиленнаго разыскванія. А кто же сталъ бы разыскивать на квартирѣ у дѣлопроизводителя департамента «спѣшныхъ мѣропріятій».

III.

На одной рѣчкѣ есть трактиръ, который представляетъ большое удобство. Туда можно пріѣхать *en tout bien tout honneur* пообѣдать съ пріателемъ, который васъ уважаетъ, то-есть съ которымъ вы стѣсняетесь; можно пріѣхать даже съ порядочными дамами, если мужчинъ не менѣе двухъ, и если дамы, хотя порядочныя — немножко *fast*, какъ говорятъ англичане, т.-е. придерживаются того особеннаго свободомыслія, которое не запрещаетъ дамѣ быть «очень замѣчаемой», выдаваться нѣкоторой эксцентричностью. Но въ другой разъ можно пріѣхать въ этотъ трактиръ совершенно при иной обстановкѣ и найти столько же удобства, даже еще болѣе.

Къ этому-то благодѣтельному учрежденію подвела около семи часовъ іюльскаго вечера коляска съ Андреемъ Егоровичемъ и полковникомъ Черемисовымъ. Едва были сдѣланы распоряженія относительно «парты» и того, что согрѣть, что охладить, какъ въ той же двери подъѣхала коляска съ двумя изящными дамами,

изъ которыхъ, впрочемъ, одна, при болѣе близкомъ разсмотрѣнн, была гораздо изящнѣе другой; можно даже сказать, только она и была изящна.

Андрей Егоровичъ внутренно ахнулъ, когда эти дамы вошли въ бесѣдку, по слѣдамъ Черемисова. Это была та брюнетка, которая утромъ на его глазахъ порхнула въ магазинъ, оставивъ въ его умѣ какъ-бы мотивъ изъ «Всѣ мы жаждемъ любви». Никакихъ представленнй не послѣдовало. Но тотчасъ же въ бесѣдѣ раздался звонкій смѣхъ, которымъ м-мъ Эрмансъ Дюмонъ замѣнила всѣ церемоннй ознакомленнй и сдѣлала всѣхъ довольными. Обѣдъ пошелъ бойко, и Андрей Егоровичъ показался самому себѣ вовсе не такъ заржавѣвшимъ, какъ онъ полагалъ. Онъ пустилъ въ ходъ всю ту салонную искрометность, какую онъ нѣкогда проявлялъ на вечерахъ псевдо-аристократическихъ и значительно-коммерческихъ, когда не былъ еще женатъ и мѣтилъ въ камеръ-юнкеры. Но какъ человекъ такта, помнившнй, что стиху «Отъ веселья прячусь» соответствуетъ стихъ: «Когда дураться—дурачусь», онъ эту салонную искрометность пустилъ не безъ примѣси нѣкотораго канальства. Очевидно, онъ умѣлъ быть *Régence*, когда слѣдовало. Штатскнй элементъ рѣшительно бралъ верхъ надъ военнымъ, такъ какъ Черемисовъ былъ довольно односложенъ.

«Должно быть придерживается положительныхъ результатовъ», не безъ ревности подумалъ штатскнй. Потому что Эрмансъ была въ самомъ дѣлѣ хороша. Она могла быть не на мѣстѣ въ бельэтажѣ театра, когда ея циркулярные взгляды, да излишннй подъемъ красивой головки (не говоря уже о крайне-модномъ нарядѣ) выдавали ее. Но здѣсь, за обѣдомъ посреди зелени, за тѣми бутылками, которыя она, быть можетъ, видывала на лужку въ Аньерѣ или Роменвиллѣ, она была въ своемъ элементѣ, и фамиллярная, рѣзкая рѣчь ея пѣнилась какъ вино.

Замѣчательно, что чѣмъ вульгарнѣе становилась ея рѣчь, тѣмъ она дѣлалась остроумнѣе. Она переставала быть дѣланною. Эрмансъ была *reprie*, все что есть наиболѣе *reprie*, и въ остроумной гривуазности ея выходы проявлялись живьемъ давно забытая ею самой крестьянка, собиравшая виноградъ, — тамъ, тамъ далеко, *dans ce beau pays de France*, гдѣ хорошенькн женщины естественно попадаютъ въ Парижъ, даже безъ помощи того языка, который у насъ доводитъ до Кіева.

— Завтра кавалергарды выступаютъ изъ лагеря, — замѣтилъ Черемисовъ, вѣроятно, съ намѣреннємъ напомнить, что настоящнй вечеръ и завтрашннй день представляютъ ваннулу, такъ

какъ человекъ не можетъ въ одно и то же время вести эскадронъ на походъ и слѣдить за похождениями хорошенькой женщины.

— А мнѣ наплевать, — отвѣчала Эрмансъ, во французскомъ изложеніи, конечно. — Я сама своя, вѣдь и жить надо; не такъ ли, мой добрый, — медленно прибавила она, осторожно устанавливая рюмку шампанскаго на возвышенной плоскости цилиндра Андрея Егоровича.

— Вы берете въ плѣтъ мою шляпу, — напелся онъ, — а свою готовы бросить черезъ мельницы, не такъ ли?

— Да; вотъ глядите... И быстрымъ движеніемъ снявъ свою шляпку, Эрмансъ размахнулась ею за ленту, и бросила ее вверхъ. Шляпка повисла на ели, саженьяхъ на двухъ высоты.

Въ то же время носкомъ ботинки она сбила рюмку вина съ цилиндра своего визави такъ ловко, что бокалъ полетѣлъ въ кусты, не проронивъ на шляпу ни капли.

Наконецъ, Андрей Егоровичъ *жилъ*. Онъ до такой степени жилъ, въ сравнительной и даже превосходной степени, что, схвативъ руку Эрмансъ, запыхаясь, произнесъ:

— Отпейте половину, а я другую — тогда я достану вашу шляпку.

— Идетъ.

Послѣ этого брудеръ или швестеръ-шафта, солидный Андрей Егоровичъ бросился къ ели, и, какъ сынъ деревенскаго дьячка лазить за гнѣздами, началъ цѣпляться четырьмя околечностями за дерево. Но духомъ легче воспарить, чѣмъ тѣломъ. Фигура Андрея Егоровича, такъ сказать, оказалась солиднѣе, чѣмъ онъ самъ. И хорошо, что было такъ. Иначе какой-нибудь провѣзкій могъ бы увидать на деревѣ одного изъ старшихъ дѣлопроизводителей департамента «спѣшныхъ мѣропріятій».

Шляпку, конечно, снялъ татарченкокъ; а Эрмансъ анлодировала ему, откинувшись станомъ на спинку стула и смотря вверхъ. Въ лицѣ ея было неподдѣльное удовольствіе, почти дѣтское. За поднятою твердой грудью ея округлялась гибкая, нѣжная шея; изъ-за раскрытыхъ губъ виднѣлись зубы, которые, вмѣстѣ съ глазами, составляли единственную настоящую красоту ея «скомманнаго» личика.

Но Андрею Егоровичу въ этотъ моментъ она казалась идеально-красивой. Пользуясь минутой, когда полковникъ вышелъ, онъ попросилъ ее дать себѣ руку. Эрмансъ безъ всякаго жеманства дала ему руку. Онъ придвинулся къ ней и быстро засучилъ ея рукавъ по локоть. Рука была точно выточенная; округ-

ленность соединялась съ тонкостью и свѣжестью. Однимъ словомъ, это была рука до такой степени обѣщавшая, что Андрей Егоровичъ готовъ былъ забыть все, даже присутствіе молчаливой подруги Эрмансь. Но вдругъ другая рука очаровательницы быстро нахлобучила ему шляпу почти до носа.

— *Pas de ça, mon cher*, — прибавила она, побарабанивъ у него по тульѣ. И когда онъ высвободился изъ тисковъ цилиндра, она совершенно серьезно спросила у него:

— Какъ поимѣтилъ вашъ министръ этотъ докладъ, знаете, о заключеніи контракта на ремонтъскаго зданія?

Андрей Егоровичъ на минуту остолбенѣлъ. Во-первыхъ, какая связь между ея шалостями и такимъ вопросомъ? Во-вторыхъ, онъ, точно, видѣлъ упомянутый докладъ сегодня же утромъ, у журналиста, въ числѣ «сошедшихъ» бумагъ, но революціи не прочелъ. Но неужели даже въ дѣла департамента «слѣсныхъ мѣропріятій» проникла благодѣтельная гласность до такой степени?

— Это не по моему отдѣленію, не у меня, — отвѣтилъ онъ, — а вамъ на что?

— Вы будете такъ добры — справьтесь и дайте мнѣ знать, — ласково сказала она. — Не правда ли?

— Писать — ни за что. Я не умѣю писать.

— Ну, вы справитесь, не правда ли? Попросите того, другого господина, вашего товарища. Для меня? — И она, взявъ его за обѣ руки, приблизила къ нему лицо; взглядъ ея былъ самый невинный, просто добродушный; но она смачивала губки кончикомъ языка. — А за это я съ вами увижусь — вы мнѣ скажете, а я перестану на васъ сердиться.

— Можетъ быть? — съ циничной тонкостью спросилъ онъ.

— Можетъ быть; — и вздохнувъ, она закончила смѣшной, но граціозной гримаской, въ ту самую минуту, когда шиоры возвѣстили о возвращеніи расплатившагося Черемисова.

Прошли недѣли двѣ. Андрей Егоровичъ давно добылъ справку, которой желала Эрмансь, и попросилъ «другого господина», своего товарища, чтобы въ докладъ сверхъ трехъ пунктовъ, находившихся въ благопріятномъ «соображеніи», были прибавлены еще два пункта. Первый пунктъ былъ, что дѣло требовало неотлагательныхъ мѣръ къ ремонту; второй — что испрашиваемая подрядчикомъ цѣна была не выше сложныхъ пятилѣтнихъ; третій — что залогов подрядчика были совершенно благонадежны. Два пункта, добавленные по просьбѣ Андрея Егоровича гласили, что

и самъ подрядчикъ, по имѣющимся свидѣніямъ, былъ благонадеженъ нравственно, и что онъ получалъ даже какое-то отличіе за усердіе въ построеніи церкви въ балтійскомъ краѣ. Эти послѣднія свидѣнія были извлечены изъ дѣлъ, которыхъ товарищъ Андрея Егоровича не могъ имѣть въ виду.

Саханинъ-старшій зналъ адресъ Эрмансъ отъ полковника. Но знаніемъ этимъ теперь еще не воспользовался; потому что не зналъ, можно ли имъ воспользоваться безъ приглашенія. Сверхъ того, онъ ждалъ, когда довлѣдъ «пройдетъ», чтобы имѣть болѣе права на благодарность. Вдругъ онъ получилъ, съ посланнымъ лакеемъ, записку на глянцовитой блѣдно-сѣрой бумажкѣ, съ лиловымъ шифромъ Н. Д. Въ этой запискѣ, ему давалось обѣщаніе быть на другой день въ половинѣ седьмого вечера въ томъ же трактирѣ на рѣчкѣ. Часа за два до назначеннаго времени Андрей Егоровичъ полетѣлъ въ купѣ на рѣчку, и, занявъ мѣсто, на этотъ разъ уже не въ бесѣдѣ, заботливо составилъ карту. Все это, кромѣ поѣздки, заняло у него до получаса времени, и оставалось еще полчаса до прибытія гостя. Дѣлопроизводитель закурилъ сигару, взялъ газету и сѣлъ у отвореннаго окна.

Онъ началъ читать передовую статью, но прямо со второго абзаца, такъ какъ зналъ, что въ первомъ обыкновенно содержится только нѣчто въ родѣ вступительнаго аккорда, напр.: «Теперь, когда вся Россія взираетъ... болѣе чѣмъ когда-либо выступаетъ на первый планъ забота» и т. п.

«И дѣйствительно» — такъ начинался второй абзацъ... Но въ это время по троттуару на берегу рѣчки быстро прошелъ модъ дождемъ молодой человекъ, въ которомъ Саханинъ-старшій тотчасъ узналъ Саханина-младшаго. «Куда это онъ шлется», подумалъ отецъ, и мысль о томъ, что, благодаря отдѣльному жителству сына, онъ не имѣетъ никакихъ свидѣній объ его образѣ жизни, въ десятый разъ раздосадовала дѣлопроизводителя. Не то, чтобы между ними существовала какая-либо нравственная связь. Андрей Егоровичъ, можетъ быть, и любилъ сына, какъ плоть отъ плоти, но эта привязанность находилась въ скрытомъ состояніи. Онъ издавна привыкъ видѣть со стороны сына дѣйствія хотя и не запрещенныя отцомъ, но и не разрѣшенныя имъ положительно, вслѣдствіе прямой просьбы. Какъ Аркана росъ и изъ мальчика превратился въ юношу, все болѣе мужавшаго, — безъ всякой просьбы о разрѣшеніи или содѣйствіи отца въ этому, такъ точно онъ и въ умственномъ развитіи, а потомъ и въ дѣйствіяхъ обходился безъ руководства отца. Между тѣмъ, Андрей Егоровичъ имѣлъ о сыновнемъ долгѣ и отцовскомъ призваніи

совершенно иное представлѣніе, и постепенное развитіе самостоятельности въ сынѣ казалось ему рядомъ захватовъ. Выступать съ прямыми запрещеніями не было поводовъ; но тѣмъ хуже: родительскому авторитету не было даже и такихъ случаевъ, чтобы проявиться и поддержать себя.

Но отдѣльное проживаніе сына, въ такое время, какъ тогдашнее, представляло еще спеціальныя неудобства. И Андрей Егоровичъ положивъ въ умѣ рѣшительно потребовать, чтобы сынъ возвратился, жалѣлъ, что еще всего нѣсколько дней тому назадъ выдалъ ему полное мѣсячное жалованье.

Однакоже онъ взглянулъ на часы—ровно семь. Въ приятномъ трепетѣ онъ прошелся въ подвѣздѣ, потомъ обошелъ садикъ и, наконецъ, звѣнувъ, принялся опять за газету. «И дѣйствительно», читалъ онъ, «если историческая правда и правильно понятые выводы общественныхъ наукъ осуждаютъ слишкомъ скороспѣлыя стремленія, то не менѣе справедлива сознанныя уже польза такой доли самоуправления, которая указывается термометромъ общественной зрѣлости; а потому и вопросъ о подводахъ для земскихъ фельдшеровъ находить въ настоящую минуту — что бы ни говорили наши консерваторы — полное себѣ оправданіе въ наличности общественныхъ потребностей, отъ удовлетворенія которыхъ зависятъ внутреннія силы и даже внѣшнее величіе Россіи».

Съ неудовольствіемъ оттолкнулъ Андрей Егоровичъ газету и задумался. Мысли его были раздражительнаго свойства. Онъ самъ былъ либераль, такъ какъ считалъ либераловъ болѣе благонамѣренными, чѣмъ консерваторы—уже потому, что либералы почти всѣ служатъ—на штатныхъ мѣстахъ, а консерваторы находятся въ отставкѣ или только числятся, что придаетъ имъ и болѣе самостоятельности и даже наклонность въ нѣкоторому оппозиціонному духу. Но въ первый разъ ему либеральный языкъ газеты, почему-то, показался противенъ. И въ то же время ему ужасно захотѣлось ѣсть.

Онъ вынулъ часы — половина восьмого. Значитъ, часомъ позже назначеннаго ею времени; значитъ, она не пріѣдетъ; ну, дула. Настроеніе Андрея Егоровича не улучшилось отъ такого вывода. Казалось, всѣ ему измѣняли: и сынъ, котораго онъ готовъ былъ направлять, но который уклонялся отъ направленія, и либерализмъ, который смутно заговаривалъ о какихъ-то потребностяхъ, вмѣсто того, чтобы оставаться принципомъ привязанности, каково было его законное призваніе; и наконецъ, женщина, которая Андрею Егоровичу не принадлежала, но могла

принадлежать. Ничего ему не оставалось кромѣ «двухъ обѣдовъ». А вѣдь два обѣда наединѣ, при всемъ аппетитѣ—нѣчто грустное.

Онъ вышелъ въ большую, общую комнату и почти обрадовался, увидавъ тамъ полковника Черемисова, который еще только разсматривалъ *тени*. Было уже три четверти восьмого, и дождь, переставшій на время, пошелъ опять. Саханнъ-старшій пригласилъ полковника обѣдать съ нимъ, и они сѣли въ комнату, гдѣ не сбылось ожидаемое свиданіе.

Хотя полковникъ былъ человѣкъ порядочнаго общества и бѣлый кантъ на аломъ воротникѣ придавалъ ему даже видъ кандидата на получение со временемъ того, другого и третьяго, но все-таки сидѣть съ нимъ, вмѣсто того, чтобы осуществлять мечты, было не особенно весело. Къ тому же, дождь располагаетъ къ искусственному возбужденію. Вслѣдствіе всего этого, Андрей Егоровичъ въ точности сталъ соблюдать всѣ правила объ очереди напитковъ, и понуждалъ къ тому же собесѣдника. Передъ закуской они по-русски выпили по рюмкѣ водки, послѣ супа по-англійски выпили по рюмкѣ хереса, послѣ рыбы по-французски выпили по рюмкѣ вѣма, потомъ, въ свою очередь и шамбертена попробовали, и лафита, и, начавъ шампанское еще съ горошка, пили его даже нѣсколько долѣе очереди, то-есть, послѣ десерта. Конечно, пили всего небольшое, чѣмъ «было для нихъ полезно», по англійскому выраженію; но и не меньше того.

«Спѣшныя мѣропріятія» слишкомъ развили въ дѣлопроизводителей дипломатическую осторожность, чтобы онъ прямо началъ съ разспросовъ объ Эрмансѣ, какъ ему бы хотѣлось. Говорили объ обѣдѣ, о нѣкоторыхъ производствахъ и даже воснулись производительныхъ силъ Россіи, то-есть акціонерныхъ предпріятій, въ которыхъ даже стыдно было серьезному человѣку не участвовать, а между тѣмъ Саханнъ доселѣ не участвовалъ.

— Для этого надобно самому сидѣть на чемъ нибудь, — замѣтилъ Андрей Егоровичъ.—Хорошо собагѣ лежать на снѣгѣ; хоть сама не съѣстъ, но другіе въ немъ видятъ нужду, и вотъ ей — готовая точка отравленія... А у меня что? У меня въ вѣдѣніи — интересы нравственные... Вотъ кричатъ: жврѣютъ на счетъ бюджета! И кто кричитъ: адвокатъ, который собираетъ шерсть съ «нравственныхъ завоеваній» и прогрессивно набиваетъ свои прогрессивные карманы. Журналистъ, который пишетъ публичные доклады въ пользу таковаго-то концессіонера... А мы? Мы—жрецы въ нѣкоторомъ родѣ. Да нѣтъ—и тѣ отъ алтара бывали сыты. А у насъ?—на обухѣ ржи не смолотишь. Почетное положеніе,

да чортъ ли въ немъ. *Trop de fleurs! mon cher...* Помните Шнейдъръ? Никогда у насъ ни одна артистка не умѣла такъ носить этого греческаго платья, *fendu sur le genou...* Что-жъ вы шамбертенъ презираете?

И дѣлопроизводитель подлилъ полковнику.

— Да, у нея статьи были въ порядкѣ—отозвался Черемисовъ.—Вы знаете, что ее разъ...—Но окончанія этой фразы не записано авторомъ.

— Впрочемъ,—возвратился онъ къ прежнему сюжету,—и на снѣгъ лежать не надо, если имѣть споровку. Вотъ Стрижевскій, посмотрите.

— Кавалергардъ? Вѣдь онъ богатъ.

— Нѣтъ, старикъ, его дядя, Петръ Аполлонычъ. Вѣдь онъ прожилъ когда еще; мы еще учились. Кромѣ почетнаго званія, не служить. А онъ пружина всѣхъ дѣлъ. То-есть загребаетъ такіе куши, что... И никакой специальности не знаетъ, а вездѣ директоръ; половина большихъ дѣлъ въ Петербургѣ чрезъ него дѣлается.

— Связи.

— Да вѣдь что же одиѣ связи? Вотъ племянникъ его и при связяхъ, развѣ что полкъ въ провинціи получить; да и то не дождется; прогоритъ раньше. Вотъ теперь бутылка шампанскаго—шесть съ полтиной.

Полковникъ коснулся бокаломъ усовъ и потомъ прижалъ ихъ нижней губой.

— А у Петра Аполлоныча связи дѣловыя, — прибавилъ онъ и взялъ корпусъ нѣсколько навадъ.

— А давно ли вы видѣлись съ м-ше Дюмонъ?—равнодушно спросилъ Андрей Егоровичъ, какъ-бы по поводу кавалергарда.

— Разъ какъ-то былъ, съ нимъ,—на чашку чая. Она претонкая штука и—между нами—я думаю, что и онъ-то былъ у нея на равныхъ правахъ, или на равномъ безправіи со мной.

— Равошлись?

— То-есть... Она вѣдь, чортъ ее знаетъ... Сегодня такъ, завтра этакъ. Переведетъ на систему Платона, а между тѣмъ не говорить—оставь надежду. Я никогда не видалъ женщины съ большими фантазіями.

— А какъ же она живетъ?—практически спросилъ Андрей Егоровичъ.

— Только не на его счетъ,—гдѣ ему! У нея вдвое больше ума, чѣмъ у него кредита. А бабѣнка забористая; главное—вертливостью какою-то такъ вотъ и танеть.

— Тамъ вотъ и тинеть. — глухо повторилъ дѣлопроизводитель. — Тамъ съ нею нѣтъ дѣлъ?

— Спросъ есть, но нѣтъ предложенія; On ne lui connaît que cet imbécile... то-есть я по крайней мѣрѣ о другомъ никогда не слыхалъ... Читали вы переловую статью въ «Родномъ Органѣ?» — перемѣнилъ онъ разговоръ, нагибаясь къ свѣчѣ, чтобы закурить сигару.

Андрей Егоровичъ секунды двѣ оставался еще въ размышленіи. Потомъ, какъ-бы усиленно отервавшись отъ него, съ напуевой поспѣшностью отвѣтилъ: — Нѣтъ; я сегодня читалъ «Всѣобщее Удовольствіе». Да просто: хоть ничего не читай.

— А что?

Андрей Егоровичъ досталъ газету съ окна, но продолжалъ держать ее въ рукѣ, даже не смотря въ нее. «Насъ просто губить распущенность» — съ жаромъ сказалъ онъ. Развѣ можно осуждать скороспѣлыя стремленія указаніемъ на какія-то неудовлетворенныя общественныя потребности; le zémstvo et ce qui s'ensuit?

Черемисовъ деликатно снялъ золу съ своей сигарки концомъ мизинца и произнесъ: «у-гм».

— Кто же долженъ рѣшать, что подлежитъ удовлетворенію и что скороспѣло? — кипятился Андрей Егоровичъ. — Вѣдь это такая штука, на днѣ которой сидитъ просто семинаристовскій подвохъ. Если же рѣшать должны тѣ, кому слѣдуетъ, то неудовлетворенныя дѣйствительныя нужды и быть не могутъ; значить — остаются одни скороспѣлыя стремленія. И это пишется въ такое время, когда всѣ интересы накладываются въ колебаніи.

— То-есть что же собственно... это ужъ вы кажется въ несиміямъ впадаете — возразилъ полковникъ. — Бовсе не всѣ интересы въ колебаніи.

— А что, увеличеніе штатовъ?

Черемисовъ утвердительно кивнулъ.

— Такія времена, — пояснилъ онъ, улыбулся едва примѣтно и звякнулъ шпорами.

IV.

Уроки Аркадія Саханна въ брантмейстерскомъ семействѣ продолжались всего двѣ недѣли. И на то, чтобы онъ считалъ ихъ слывкомъ для себя тяжелыми или малодоходными. Нѣтъ, брантмейстеръ самъ отказалъ ему, откровенно объяснивъ, что считаетъ неудобнымъ посѣщеніе студентомъ зданія...своей части. При

этомъ, онъ аккуратно вручилъ Саханину двѣ трехрублевныя бумажки. До полученія новаго жалованья отъ отца оставалось еще немного менѣе мѣсяца; а между тѣмъ Аркадій имѣлъ неосторожность большую часть недавно полученныхъ отъ отца денегъ употребить на приобрѣтеніе новаго «пиджака», а хозяйствъ все еще уплатилъ только за полмѣсяца впередъ.

Прекращеніе уроковъ совершенно разстроило его мѣсячный бюджетъ. Если бы теперь уплатить хозяйствъ за весь мѣсяцъ впередъ, какъ былъ уговоръ при наймѣ квартиры, то на все содержаніе за тотъ мѣсяцъ осталось бы 11 рублей. А 11 рублей далеко не то, что 17, которые были бы, если бы не прекратились уроки. Эта разница въ 6 рублей представляла въ данномъ случаѣ именно тотъ комфортъ, безъ котораго Аркаша еще обходиться не умѣлъ: — право обѣдать каждый день, внести рубль складчины на содержаніе больного товарища, имѣть всегда свѣчи и сахаръ, наконецъ, пользоваться иногда «конкою».

Конечно, г-жа Бѣляева не стала бы непременно требовать уплаты остальной половины квартирныхъ денегъ впередъ. Она была такъ добра, что вѣроятно согласилась бы ждать и дольше двухъ недѣль. Но вѣдь слѣдовало же помнить, что она сама, сверхъ небольшой пенсіи, только и жила отдачей въ наймы четырехъ комнатъ.

Барвара Антоновна — надо объяснить вкратцѣ — была бездѣтная вдова нѣвсего «фонтаннаго мастера» въ Петергофѣ. Она была дочь унтеръ-офицера, но, оставшись сиротой, была воспитана въ богатомъ семействѣ, въ среднемъ качествѣ между камеристкой и компаньонкой. Вслѣдствіе того, она имѣла случай кое-чему научиться, прочла главныхъ русскихъ беллетристовъ, понимала, хотя не говорила, по-французски, и даже могла, въ прежнее время, играть два кадрили на фортепіано. Замужемъ она была всего годъ и вдовѣла года два. Хотя, повторимъ, Саханинъ былъ убѣжденъ, что она подождала бы его денегъ, но самая доброта ея представляла такое обстоятельство, которое теперь понуждало его или быть съ нею совершенно въ расчетѣ, или подумать о переѣздѣ на готовую квартиру — къ отцу.

Саханинъ не могъ долѣе не замѣчать, что г-жа Бѣляева принимала въ немъ слишкомъ живое участіе. Она не дѣлала ему глазовъ, наоборотъ, старалась свое участіе скрыть; но по многимъ мелочамъ нельзя было, наконецъ, не замѣтить. Послѣ того случая, который былъ разсказанъ выше, Саханинъ не могъ не заходить къ ней иногда. Онъ познакомился съ нею и находилъ даже удовольствіе въ ея очень неглухомъ разговорѣ. Онъ

сталъ давать ей книги, даже читалъ ей. Но при такихъ чтеніяхъ, онъ раза два, неожиданно поднявъ глаза, увидѣлъ, что она, опустивъ свою работу на колѣни, смотрѣла на него такъ, что становилось неловко, и при встрѣчѣ съ его глазами, тотчасъ опускала свои.

Ей было тридцать лѣтъ, и притомъ хотя она была недурна, но въ ней не было ничего, что соотвѣствовало бы его идеалу любви. А такъ какъ онъ имѣлъ въ ней доброе чувство, то тѣмъ неловче становилось его положеніе.

Лучше было переѣхать. Онъ побывалъ у отца. Тотъ не преминулъ спросить его, завелъ ли онъ себѣ пладъ, смазныя сапоги и мягкую шляпу; потомъ изъ рода ироническаго перешелъ въ родъ категорическій, и рѣшительно потребовалъ, чтобы Аркадій возвратился на жительство въ семью.

Сынъ обѣщалъ, и свиданіе на этомъ кончилось. Аркадій освидѣтельствовалъ то мѣсто, въ которомъ имъ былъ спрятанъ пакетъ, принадлежавшій, по его догадкѣ, пропавшему Зальцману. Зальцманъ въ самомъ дѣлѣ исчезъ. По крайней мѣрѣ, Аркадій еще нѣсколько разъ напрасно заходилъ къ нему на квартиру, но никто изъ жильцовъ не видывалъ Зальцмана съ самаго того дня, когда вещи его оказались въ такомъ безпорядкѣ. А вещи все еще были у Анисимова, который при каждой встрѣчѣ продолжалъ злобно коситься на Саханина. Пакетъ оказался въ сохранности.

Когда Аркадій объявилъ г-жѣ Бѣлиевой, что долженъ на дняхъ переѣхать къ отцу (онъ не сказалъ, что по приказанію отца), то Варвара Антоновна, къ нѣкоторому удивленію его, вполне одобрила это намѣреніе, такъ что Аркадій нѣсколько усомнился въ своихъ предположеніяхъ и даже внутренно обругалъ себя фатомъ.

Она сказала, что не совѣтовала ему этого сама только потому, что опасалась задѣть его самолюбіе; что въ семьѣ ему будетъ и лучше, и главное — безопасно жить.

Сказавъ это, она медленно подняла свои вѣки, окаймленные темными рѣсницами, которыя, вмѣстѣ съ почти русыми, тонкими бровями, рѣзко противорѣчили ея бѣлесоватымъ волосамъ. Выраженіе ея глазъ было хорошее, спокойное и доброе. Она казалась немного блѣдна, но ея замѣчательно нѣжная кожа всегда легко мѣняла козорить.

На столѣ въ своей комнатѣ Саханинъ нашелъ запечатанную записку; тутъ же лежали сургучъ и карандашъ, вынутый изъ стакана, въ которомъ они прежде находились вмѣстѣ съ перьями.

Въ ней было написано: «Любезный Саханинъ, живу до сихъ норъ въ Лѣсной (слѣдовалъ адресъ), но завтра утромъ уѣзжаю въ Москву. Если будетъ возможность, зайду въ вамъ сегодня. Если нѣтъ—приходите во мнѣ сегодня въ Лѣсной, гдѣ я *долженъ* быть въ 7 часовъ вечера. Прошу васъ зайти прежде на нашу прежнюю квартиру и посмотрѣть въ вещахъ З.—не онажется ли моего пакета—узкій, длинный; четыре печати. Я оставилъ его у З., переѣзжая; онъ теперь мнѣ очень нуженъ, а къ Анисимову я показаться не могу, и вы не говорите ему обо мнѣ. Если найдете, ждите меня до 4 часовъ. Потомъ идите въ Лѣсной. Сдѣлаете мнѣ великое одолженіе. *Михѣевъ*». Михѣевъ былъ студентъ другого училища, товарищъ А. Саханина по прежней квартирѣ и хорошій малый. Онъ держался Горлицынскихъ идей, но Аркадію былъ давнѣе знакомъ и болѣе нравился, чѣмъ Горлицынъ.

Ясно, что дѣло было серьезное и слѣпное. Саханинъ тотчасъ пошелъ въ отцовскую квартиру за пакетомъ. Дорбгой, онъ не могъ объяснить себѣ двухъ вещей: почему для такого важнаго дѣла Михѣевъ не обѣщаль навѣрное зайти къ нему и удостовѣриться, что порученіе исполнено; затѣмъ—какъ онъ могъ полагать, что такой пакетъ уцѣлѣлъ бы въ вещахъ Зальцмана? или онъ не зналъ объ исчезновеніи Зальцмана?—это было невѣроятно.

Большая загородная улица, которая представляла для Аркадія ближайшій путь въ Лѣсной, бываетъ довольно оживлена около этого времени дня, дѣломъ. Это была еще не та праздничная, выставочная ѣзда, какая бываетъ на ней по вечерамъ, но ѣзда солидная, дѣловая. Дачники возвращались домой отъ дневныхъ трудовъ. Вагоны конножелезной дороги были битомъ набиты; къ нимъ не было подступа. Саханинъ отправился пѣшкомъ. Начиная съ большого моста почти всѣ экипажи ѣхали въ одну сторону: изъ города, унося счастливицевъ прочь отъ его жары, перестройки и перекраски, удушливой атмосферы его торжища трудовъ, прочь отъ смрада этого рынка, на которомъ масса «блоробочихъ», какъ и чернорабочихъ искала найма, предлагала всѣ свои услуги, и продавшійся считалъ себя счастливымъ, а неуспѣвшій еще продать своей свободы, своей души и тѣла считалъ себя обиженнымъ судьбою.

Саханинъ проходилъ мимо построекъ новыхъ и мимо древнихъ, для Петербурга, зданій. И ему пришло на мысль народное повѣрье, что Петербургъ когда-нибудь провалится въ воду. Какая картина была бы, если бы вся эта видимая громада, пред-

ставленная древними и новыми зданиями, поколебалась внезапным наводнением? Если бы всё эти крыши разбѣхались, колокольни повалились, одна стѣна стала бы осѣдать, а другая нагнулась бы посмотрѣть, куда тронулась сосѣдка, и потомъ рухнула бы вслѣдъ за нею въ бездонную воду. И во что обратился бы тогда этотъ дѣловой вывѣдъ достаточной буржуазіи изъ Петербурга?

Напримѣръ, вотъ эта пара состоятельныхъ купцовъ, развалившихся въ коляскѣ, съ самодовольнымъ выраженіемъ въ лицахъ, съ сознаніемъ понесенныхъ трудовъ. Насволюе они сегодня почистили казну, много ли роздали магаричей, на полъ-ли часа или на цѣлый часъ увеличили 12-ти-часовую работу дѣтей, которымъ столько же лѣтъ отъ роду, сколько часовъ труда во днѣ? Берегись!—кричать кучеръ, и въ испугѣ мгнулись въ стороны старушка и мальчикъ съ ношей на головахъ. Берегись, стонись, — хозяйка ѣдутъ.

И что же? Вдругъ эти гордые гнѣдые жеребцы отъ треска и гула взвились бы на дыбы; тотъ хозяинъ, что въ фуражкѣ и длинномъ сюртукѣ, въ испугѣ привсталъ бы съ мѣста и, упершись одной рукой въ спину кучера, другою началъ бы судорожно креститься. А тотъ хозяинъ, что въ модной шляпѣ вояжкомъ, гражданинъ образованный, членъ городского благоустройства, тотъ непремѣнно оглянулся бы назадъ, лица растерянными глазами городского. Онъ тоже учился, онъ даже до сихъ поръ еще знаетъ, напримѣръ, что столица Даніи—городъ Копенгагенъ, но не знаетъ, что городской при всей расторопности не можетъ спасти коляску, съ парюю жеребцовъ и съ парюю тучныхъ хозяевъ, во время наводненія.

А этотъ обстоятельный русскій иностранецъ?—онъ съ галкимъ бодрымъ сознаніемъ своего достоинства ѣдетъ въ просторной гляцовой линейкѣ, на толстовадомъ, лоснящемся шобѣ, который, очевидно, объѣдаетъ на овсѣ тонкаго кучера съ рѣдвой бородкой, въ кафтанѣ коричневаго цвѣта. Этотъ оставилъ позади себя, въ узкой, не особенно благоухающей теперь улицѣ, проволочную мастерскую, въ которой сегодня произвелъ расчетъ и распоряженіе на два дня. Вычеты сдѣланы по книжечкѣ, претоволь объ ученикѣ, которому подмастерье проломилъ голову, благополучно составленъ въ смыслѣ собственной неосторожности, а золотушному, но постоянно влюбленному юношѣ Шварпу въ послѣдній разъ внушено, что если онъ запретъ лавку полчаса раньше срока, то будетъ неувыоснительно *hinangeschmitt-* *sen*. Однимъ словомъ, все приведено въ порядокъ.

Какъ подѣйствовалъ бы на этого «бротгерра» видъ качающихся зданій и выступающей воды? Онъ не повѣрилъ бы глазамъ своимъ. Онъ далъ слово своей супругѣ привезти сегодня на дачу нѣкоторыя излишества для хозяйства, позволительныя, однако, при средствахъ; въ томъ числѣ арбузъ. Маленькому Карлу онъ обѣщалъ большой резиновый мячъ. И дѣйствительно, онъ везетъ; все это поставлено въ корзины, въ его ногахъ. И вдругъ—неужели же нельзя будетъ проѣхать? Вѣдь жена положительно рассчитываетъ на арбузъ для третьяго кушанья; да, наконецъ,—какой примѣръ для маленькаго Карла—нельзя положиться на отца! Но когда аккуратный хозяинъ убѣдился бы, что происходитъ въ самомъ дѣлѣ наводненіе, онъ навѣрное съ негодованіемъ произнесъ бы: dieses Russland!

Но нѣтъ, Петербургъ не позоветъ, думалъ нашъ мечтатель. Это — сказки. Напротивъ, сама Нева, какъ замѣчаютъ ученые, постепенно мелѣетъ; авось и горя въ немъ будетъ убывать, какъ убываетъ воды. Старыя строенія уступятъ мѣсто новымъ; вотъ тотъ деревянный мостъ замѣнится каменнымъ. Но и по каменному мосту точно также одни будутъ ѣздить въ собственныхъ экипажахъ, а другіе—ходить. Да и влѣзли-ли бы пятеро рабочихъ проволочной мастерской, съ г. Шварцомъ, въ эту линейку, гдѣ сидятъ теперь только хозяинъ съ кучеромъ? А тысячамъ людей еще невозможное помѣститься въ купеческой коляскѣ. Наводненіе—хаосъ!—рѣшилъ онъ. Однажды уже было вскорененіе всѣхъ золь и исправленіе порядковъ посредствомъ всемірнаго потопа. И что же? Развѣ Каинъ пересталъ убивать Авеля, развѣ Содомъ и Гоморра не воздвигались вновь?

Если бы образъ мыслей могъ ясно отражаться на лицѣ человека, то младшій Саханинъ могъ бы нести свой пакетъ подъ застегнутымъ пиджакомъ столь же сповойно, какъ Саханинъ старшій возилъ свой портфель. Въ самомъ дѣлѣ, правильныя экономическія воззрѣнія его прикрывали бы пакетъ, какъ мирный флагъ прикрываетъ иногда непріятельскій товаръ. Но такъ какъ мнѣнія наружу не выступаютъ, то Арнаша не беспокоился за свою ношу только потому, что на немъ были: новый пиджакъ, не совсѣмъ старое еще пальто и шляпа твердая, а не мягкая; голенища же его были короткія, да и тѣ благонамѣренно скрывались отъ глазъ прохожей публики, чтобы не служить невольнымъ знаменами вредныхъ идей.

Михѣевъ жилъ вблизи самаго зданія Лѣснаго института, по большой дорогѣ, напротивъ его парка,—въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ города дѣлаетъ значительный подъемъ. Этого-то

подъемъ и подаетъ жителямъ Лѣснаго поводъ утверждать, будто почва ихъ мѣстности находится на одномъ уровнѣ высоты съ фонарникомъ всаакіевскаго собора. Но такъ какъ то же самое говорится дачниками Поклонной-Горы и Мурина, лежащихъ выше Лѣснаго, а также проживающими въ Юкки — которое еще выше обѣихъ сейчасъ названныхъ мѣстностей — то вопросъ этотъ остается открытымъ.

Не трудно было найти комнату Михѣева въ довольно большомъ, но въ это лѣто пустомъ деревянномъ строеніи. Михѣева не было еще дома, когда дворникъ указалъ Аркадію его окна. На двери висѣлъ замокъ, а въ окна видѣнъ былъ чемоданъ, еще раскрытый, двѣ кучки книгъ на столѣ, а рядомъ съ ними — огарокъ въ подсвѣчникѣ, пустая пивная бутылка и стаканъ. На гвоздѣ еще висѣла блуза, а въ углу стояла дубина собственнаго владѣлія владѣльца, т. е. некрашенная. Онъ долженъ былъ скоро вернуться, такъ какъ было уже три-четверти седьмого.

Саханинъ садился подъ деревья этой, густой части парка и нѣсколько разъ возвращался подъ окна; но Михѣева все не было. Дождь порядочно смочилъ Аркадія на послѣдней половинѣ его пути, но теперь пересталъ, и Саханинъ, котораго томило ожиданіе, рѣшился пойти — на-угадъ — на-встрѣчу Михѣеву по другой дорогѣ, ведущей на Самсоньевскій проспектъ. Здѣсь онъ повстрѣчался сперва съ тремя полицейскими, которые шли въ сопровожденіи господина въ статскомъ платьѣ, съ усами и короткими бакенбардами: «вѣрно скандалъ въ «Золотомъ-Якорѣ», подумалъ Аркадій, «и дворникъ ведетъ сукурсъ». Пройдя далѣе, онъ встрѣтилъ цѣлыя вереницы рабочихъ, возвращавшихся съ заводовъ Выборгской стороны, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Уже темнѣло, и Аркадій не могъ замѣтить желто-сѣраго колорита ихъ лицъ. Но его поразила молчаливость этихъ людей, которымъ предстояла пріятная перспектива ужина и отдыха. Вѣдь это было также возвращеніе дѣловаго Петербурга по домамъ, послѣ окончанія дневной работы. Но выраженіе лицъ у этихъ эпизодавшихъ дѣятелей было совсѣмъ иное, чѣмъ у первыхъ. Тутъ уже невозможно было создать себѣ въ воображеніи различные нравственные типы по внѣшнимъ различіямъ.

Возвращавшіеся были разнаго пола и возраста, и одѣты были одни на городской, — другіе на сельскій манеръ. Но, странное дѣло, всѣ они казались совершенно похожими другъ на друга, какъ дѣти одной матери. Да они и были дѣтьми одной матери — суровой, беспощадной работы. Машинальное, ровное движеніе дѣтей и ихъ молчаніе были особенно странны. Нѣтъ, чтобы

соскочить съ тротуара въ сторону, погнаться другъ за дружкой, съ тѣми возгласами, взвизгиваньями и смѣхомъ, которые выражаютъ и еще сами усиливаютъ веселье. Бѣда! — они какъ-будто возвращались съ похоронъ; похоронили день и шли домой — безъ веселья, но и безъ слезъ, зная, что и вчера были такія же похороны — и завтра будутъ. Развѣ такъ возвращаются дѣти изъ школы?

— «Многое все-таки можетъ измѣниться къ лучшему», утѣнялъ себя Арпадій, «и, вѣроятно, измѣнится. Во всякомъ случаѣ — здѣсь онъ повернулся и пошелъ назадъ, такъ какъ уже стемнѣло и опять зачастилъ дождь — во всякомъ случаѣ, если бы рабочіе и разнесли фабрику, то имъ досталось бы всего по десятку кирпичей на чеповѣка!»

Подгоняемый дождемъ, онъ пошелъ скоро и еще издали, по свѣту, мерцавшему изъ оконъ Михѣева, убѣдился, въ немалому своему удовольствію, что тотъ явился, наконецъ, домой. Но когда онъ поровнялся съ окнами, то увидѣлъ въ нихъ нѣчто такое, что заставило его быстро отскочить въ сторону. Въ комнатѣ Михѣева были привидѣнія. Вещи сами-собою вылетали изъ чемодана на полъ; книги поднимались надъ столомъ, раскрывались и тутъ же опять опускались на прежнее мѣсто. То-есть, конечно, ему только такъ показалось; въ дѣйствительности этого не могло быть.

Усталость четырехъ-часовой ходьбы — сперва въ городъ, потомъ за городъ, голодь (Саханинъ съ девяти часовъ утра ничего не ѣлъ), истома долгаго ожиданія, — наконецъ, нервное напряженіе, вѣроятно, вызвали въ немъ эту галлюцинацію. Сперва, отдавшись инстинкту, онъ бросился черезъ дорогу въ чашу парна.

Здѣсь онъ остановился, судорожно прижимая паветъ къ сердцу, которое усиленно объ него билось; въ вискахъ и вдоль позвоночнаго столба у него стучало, какъ-будто въ аккомпаниментъ сто разъ повторяемому слову: «прочь, прочь, прочь!...» Но черезъ минуту или двѣ онъ нѣсколько оправился. Заговорило то самолюбіе, которое у нервныхъ людей и есть мужество. Онъ почувствовалъ даже какую-то школьническую охоту броситься туда, напротивъ, разбить раму и вступить въ борьбу съ привидѣніями. А можетъ быть, его влекло и то неодолимое любопытство, которое, какъ говорятъ, ощущается при галлюцинаціяхъ. Можетъ быть, онъ даже надѣялся оказать помощь Михѣеву.

Какъ бы то ни было, Арпадій перешелъ черезъ дорогу и осторожно приблизился къ окну, не подходя въ нему одиною вплотъ. Прежняя галлюцинація повторилась: шабашъ еще продолжался, но Михѣева въ комнатѣ не было. Вдругъ Арпадій по-

чувствовать, что кто-то сзади охватил его талию; из этого моментъ раздался свистокъ локомотива. Теперь имъ овладѣлъ уже не суевѣрный, безотчетный страхъ, при видѣ необыкновеннаго происшествія, но исполнѣ реальное опасеніе потерять важный для товарища пакетъ. Онъ былъ силенъ — и усталость смѣнилась энергіею отважія.

Быстро повернувшись, онъ старался схватить нападавшаго одной рукой за горло. Тогда тотъ подшибъ его ногой и они нѣмѣстѣ упали. Но Саханинъ отутлился сверку, всмолчилъ и побѣждалъ, буда глядѣла глаза, которыя, впротчемъ, ничего не видѣли въ темнотѣ, послѣ свѣта. Нападавшій погнался за нимъ, а въ это время слышались шаги и изъ дверей Михѣева, и кто-то пустился за нимъ въ поговю вокругъ дома.

Саханинъ увидѣлъ деревню и тотчасъ спрятался въ кусты, боясь, что въ деревнѣ его выдадутъ себѣи. Когда одинъ изъ нападавшихъ пробѣжалъ мимо кустовъ, онъ пустился назадъ, — и въ тотъ самый моментъ, когда вслншалъ за собою быстрое топанье возвращавшейся погони, онъ самъ сорвался и полетѣлъ въ ровъ. Съ минуто онъ лежалъ неподвижно, чувствуя довольно сильную боль въ колѣнѣ.

Ничего не было слышно. Натолкнувшій, вѣроятно, пробѣжалъ по другой сторонѣ дома, а если и взглянулъ послѣ по эту сторону, то уже не могъ видѣть Саханина, исчезнуваго въ ровъ. На днѣ рва протекала грязный ручеекъ; руки и лицо Аркадія были въ грязи, которая наполнила даже его носдри. Подняться на ноги онъ боялся, чтобы не быть увидѣннымъ. Онъ прошепелъ нѣсколько саженой по дву рва на рукахъ и ногахъ, стараясь не слишкомъ смарать одежду, чтобы не быть узаннымъ на дальнѣйшемъ пути, если бы удалось ускользнуть отсюда.

Доползши до такого мѣста, въ которомъ на скатѣ рва были кусты, Саханинъ рѣшился встать, нспѣшно выйдѣ изъ рва и засѣлъ въ кусты. Оттуда онъ осмотрѣлся. Ровъ тянулся посреди лѣсна, которымъ окружены были сады параллельно тому, чрезъ который онъ спасся отъ чьей-то погони. Вѣроятно, это были дворники, принявшіе его за ливого человека. Но странно, что Саханинъ вовсе и не старался убѣдить себя, что привидѣнія могли быть только плодомъ его галлюцинаціи. Онъ вспомнилъ о никъ какъ о совершенно реальномъ существованіи, но боялся не за себя, а за пакетъ, который оцупывалъ своимъ пальто.

Онъ взглянулъ туда — на дау, гдѣ жила его товарищъ, и увидѣлъ мельканіе огонька сперва довольно свѣтлого, потомъ нмѣе, наконецъ, на самомъ днѣ рва, возлѣ дачи. Его искали.

Передъ нимъ былъ большой огородъ близкихъ казармъ. Туда было также опасно пуститься, такъ какъ тамъ навѣрное былъ гдѣ-нибудь сторожъ; да и проходить пришлось бы мимо казармъ, на большой травѣ, гдѣ его легко могли настичнуть. А слѣдовало рѣшиться тотчасъ же.

Онъ потихоньку перелѣзъ черезъ плетень и пошелъ по заданъ садовъ, оборачиваясь, чтобы взглянуть на огонекъ, и вдругъ неожиданно вышелъ на какой-то переулочекъ, откуда увидалъ пронесшійся по желѣзной дорогѣ поѣздъ. Онъ понялъ направленіе переулочка и рѣшительно пошелъ по нему, перешелъ черезъ большую дорогу въ паркъ, а тамъ взялъ направо, назадъ, въ сторону дачи, съ которой сбѣжалъ прежде.

Миновавъ ее, на большомъ отдаленіи, онъ опять перешелъ дорогу и направился наискось на небольшую рощицу, которая виднѣлась среди поля. Оттуда онъ достигъ выходящей въ то же поле опушки большого сада, и далѣе сталъ пробираться къ артиллерійской лабораторіи, по дорогѣ обсаженной кустами и мелкимъ лѣсомъ. Обойдя лабораторію слѣва, онъ очутился въ большомъ сосновомъ лѣсу и пошелъ по направленію къ Полуострову.

Колѣно болѣло немного, но не беспокоило его. За то, онъ продрогъ въ своей мокрой одеждѣ, дрожалъ отъ испытанныхъ припадковъ нервного возбужденія. На него напалъ позывъ судорожной зѣвоты, а ноги почти отказывались продолжать непосильную, наконецъ, работу. Только голода онъ не чувствовалъ. Дождь оказалъ ту услугу, что нѣсколько смылъ грязь съ платья, но не съ колѣвъ, лица и рукъ.

Дождь пересталъ и выглянулъ мѣсяцъ. Въ лѣсу царствовала совершенная тишина; только совы поврищивали по временамъ, да высоко на соснахъ молчаливо копошились порою вороны.

Но вотъ — уже иной шорохъ. Это — человекъ вылезъ изъ чащи и пошелъ прямо на Арвадія. По шинели и черному веши онъ узналъ солдата. Впрочемъ, этотъ солдатъ могъ отнять развѣ что-то; до пакета съ бумагами ему не могло быть дѣла. Солдатъ, однако, поровнявшись съ Саханинымъ, на двухъ шагахъ разстоянія остановился въ недоумѣніи и вернулся туда, откуда вышелъ. Ростъ ли, сутулка показался ему внушительнымъ, такъ какъ самъ онъ былъ въ мелкихъ, нестроевыхъ, или онъ принялъ самого Саханина за ночного молодца, — только онъ скрылся, оглянувшись еще назадъ.

Когда Арвадій пришелъ въ полуостровской рѣчкѣ, на которой стоитъ деревенька, то, наконецъ, въ первый разъ, послѣ

нѣсколькихъ часовъ, сѣлъ. Онъ смылъ пятна съ колѣнъ, вымылъ руки и лицо, выноскокалъ ноги съ сапогами.

Отдохнувъ съ четверть часа, онъ прошелъ паркомъ на Неву и послѣ полутора-часовой новой ходьбы, которую онъ прерывалъ иногда, садясь куда попало, пришелъ домой и, шагаясь отъ усталости, бросился прямо на постель. Было одиннадцать часовъ.

Должно быть, служанка замѣтила въ наружности Саханнива нѣчто необыкновенное, такъ какъ черезъ пять минутъ въ его комнату она явилась со свѣчкой, въ сопровожденіи хозяйки.

— Что это съ вами, Аркадій Андреевичъ? — вскричала г-жа Бѣльева, — слегка прикоснувшись къ его плечу.

— Я очень усталъ; я засну; ничего, — пробормоталъ онъ въ отвѣтъ.

— Да вѣдь вы въ грязи, у васъ мятые мокрое... Боже мой! на васъ кровь...

V.

Аркадій всталъ. При свѣчкѣ, онъ убѣдился, что дождь только слегка смылъ съ него грязь, но весь передъ былъ усѣянъ пятнами, а на одномъ колѣнѣ сукно прорвалось и на бѣльѣ виднѣлось красное пятно.

— Это ничего; я такъ, поскользнулся, упалъ... Но отъ со-страдательной хозяйки нельзя было отдѣлаться такимъ образомъ. Она сама помогла ему снять мокрое пальто и, увидавъ пакетъ, когда онъ разстегнулъ свой пиджакъ, услала служанку ставить самоваръ, несмотря на отговариваніе Аркадія.

Какъ только та вышла, Варвара Антоновна, оглянувшись ей во слѣдъ, вырвала у Аркадія пакетъ и стала говорить спѣшинымъ шопотомъ:

— Вѣрно въ этомъ все дѣло... Дайте, я разорву его и выброшу вонъ...

Саханнинъ остановилъ ее за руку, причемъ слегка распахнулся накинутый ею въ видѣ халата сѣрый «регенмантель», и обнаружилось, что она была въ юбкѣ. Но она находилась въ такомъ волненіи, что забыла объ этомъ, машинально запахнулась опять и продолжала тѣмъ же голосомъ:

— Непремѣнно надо уничтожить. Но пусть пока... Вамъ надо прежде всего согрѣться и перевязать ногу... Я уйду, а вы раздѣньтесь и лягте. Потомъ напейтесь чаю. Постойте, я вамъ достану вина...

И прежде чѣмъ Саханинъ могъ сдѣлать возраженіе, она выбѣжала изъ комнаты, достала у другихъ жильцовъ бутылку вина, и явилась держа подносъ съ бутылкой, стаканомъ и пробочникомъ. Регенераторъ былъ уже надѣтъ въ рукава.

— Расскажите, что съ вами было... два слова...—добывалась она, съевъ возлѣ него и откупоривая бутылку. Аркадій сказалъ, въ «двухъ» словахъ, опустивъ эпизодъ о привидѣніяхъ или, по крайней мѣрѣ, не называя ихъ такъ.

— «Ахъ, вы, бѣдный, бѣдный»...—шептала она и бутылка въ ея рукѣ дрожала надъ стаканомъ: «Послушайте, непремѣнно разорвите этотъ пакетъ... Да, вѣдь, вы весь день не ѣли... а я ушла, укладывая васъ спать... Надѣньте хоть что-нибудь сухое покамѣсть... У меня есть сыръ и хлѣбъ... я сейчасъ... и она протиривала Аркадію руку съ полнымъ стаканомъ вина. Нѣсколько пуговицъ на ея навидѣѣ растегнулись еще въ то время, когда она усиливалась откупорить бутылку; ночная кофта ея вовсе застегнута не была, и Аркадій, принимая стаканъ изъ одной ея руки, въ то время, какъ въ другой она держала бутылку, вспомнилъ какую-то видѣнную имъ картину. Мастерски моделированная, высокая грудь ея нѣсколько секундъ какъ будто то устремилась прямо въ нему, то съ робостью отступала... Было ли это волненіе только отъ спѣшности, отъ страха, внутреннего его рассказомъ?

Онъ выпилъ вино двумя большими глотками и ободряющій жаръ сталъ разливаясь по его жиламъ. Она все стояла передъ нимъ, закативъ теперь рукой наивидку въ большой узелъ на груди. Саханинъ взглянулъ ей въ лицо: легкій румянецъ покрывалъ ея щеки, глаза ея блестѣли изъ-подъ темныхъ, длинныхъ рѣсницъ, а тонкія, рѣзкія брови надвинулись на глаза, какъ бывасть въ минуты гнѣва... «Она просто очень хороша собой, и какъ я этого прежде не замѣтилъ», подумалось Аркадію.

«Ваханна, Да скорѣе всего именно ваханна. Но ваханна влюбл...» — Саханинъ не окончилъ въ умѣ своемъ этого слова. Когда-то мальчикомъ онъ мечталъ о своей кузинѣ, но чувственная любовь существовала для него только въ книгахъ.

— Еще стаканъ и я уйду, вы раздѣвайтесь,—говорила она.

«Suave magi magno — вспомнилось Аркадію нѣтъ школьныхъ книжекъ. — Приятно нѣтъ этой теплой, свѣтлой комнаты, гдѣ мнѣ ради, гдѣ о мнѣ заботятся, оглянуться на то дождевое поле, по которому меня гнали какъ звѣря, о рѣѣ, гдѣ я захлебнулся

грядло, о темномъ лѣсѣ, плѣ я былъ одинъ, безпомощнъ, гдѣ были только: совы и гуляющій ночью солдатикъ.

Отъ двухъ стакановъ вина, выпитыхъ натошакъ, у него слегка замружилась голова, и онъ нагнулся и ухватился за небольшую, полную руку хозяйки.

Она поддержала его другою рукой за плечо, думая, что онъ падаетъ.

— Аркадiй Ан...—испуганно сказала она.

— Нѣтъ, мнѣ хорошо,—отвѣчалъ Саханинъ и прижалъ ее руку между обѣихъ своихъ.—Мнѣ хорошо у васъ; спасибо вамъ; безъ васъ я чувствовалъ бы себя одинокимъ, брошеннымъ среди всего Петербурга.

— За это мнѣ всегда и было жалко васъ.—Она медленно отняла свою руку, но взглянула на него не съ жалостью, а съ такой грустью, какъ будто это былъ моментъ прощанья съ кѣмъ-то дорогимъ.—Но вы завтра переѣдете къ батюшкѣ и не будете одни.

Саханинъ слегка вздохнулъ.

— Боюсь, что вамъ эта исторiя не пройдетъ даромъ,—сказала она.—Вы не чувствуете дрожи?

Когда Аркадiй выпилъ при ней два стакана горячаго чаю и ѣлъ сперва по принужденiю, а потомъ охотно, она нѣсколько успокоилась и вышла изъ комнаты, кинувъ ему въ дверяхъ головой съ печальной улыбкой.

Саханинъ заснулъ тотчасъ же, какъ легъ. Но сонъ его былъ тревожный. То ему чудилась погоня, то снились привидѣнiя. То ему казалось, что Варвара Антоновна и онъ, оба закованы по ногамъ, и что она, подавая ему пилу, умоляетъ его раскинуть желѣзное кольцо. Онъ хочетъ исполнить это, но кольцо у нея на волѣнѣ; черное, оно перетягиваетъ ее бѣлую, какъ у статуи, но нѣжную и теплую ногу. То она же какъ будто ухаживаетъ за нимъ, больнымъ, и укутываетъ его въ одѣло, а ему кажется, что она его нянкетъ; она послѣдняя изъ нянекъ, которыя у него были, та, которой онъ почему-то стыдился. То вдругъ опять за нимъ погнались привраки, а онъ упалъ грудью на какую-то бумагу и кричить о помощи товарищей...

Въ сильномъ испугѣ, онъ поднялся на постели и открылъ глаза. Передъ нимъ стояло что-то бѣлое. Онъ хотѣлъ оттолкнуть руками видѣнiе, но обѣ руки его были вѣтки и на нихъ упали двѣ горячiя капли.

— Аркадiй... что съ вами... Вы кричали...—тихо прошепсала голосъ г-жа Бѣлая.

— Ахъ, это вы, Варвара Антоновна; милая Варвара Антоновна... извините... я ничего; мнѣ просто приснился страшный сонъ.

Она успокоила его, но убѣжденная, что онъ серьезно боленъ, рѣшительно объявила, что посидитъ на стулѣ возлѣ него, пока онъ заснетъ. И онъ, поцѣловавъ ей руку, заснулъ, не выпуская этой руки изъ своей. Сонъ его теперь былъ тихъ, но какъ ему показалось, продолжался недолго. Однако, было уже довольно свѣтло, когда онъ снова проснулся; часа четыре лѣтней ночи. Она еще сидѣла на стулѣ возлѣ него, но голова ея лежала у него на подушкѣ; она заснула. Длинные рѣсницы были опущены, а полуобнаженная грудь медленно и ровно поднимала узкое кружево, окаймлявшее надъ корсетомъ рубашку. Накидка, соскользнувъ съ плечь, лежала однимъ концомъ на спинѣ стула, другимъ на полу.

Въ первый разъ Саханинъ почувствовалъ чувство страстной нѣжности. Онъ не думалъ въ эту минуту, но чувствовалъ, что никто не былъ ему такъ преданъ, какъ она. Онъ забывалъ о матери. И вотъ эта женщина, не думая о себѣ, какъ-будто отдавалась ему; она теперь какъ-будто его.

— Варя,—только прошептала онъ надъ нею, но прошептала для себя,—такъ, чтобы она не могла услышать. Потомъ, безъ всякаго намѣренія это сдѣлать, точно толкнутый неудержимой силою, онъ вдругъ крѣпко поцѣловалъ ее въ губы и въ грудь. Она вскочила и хотѣла бѣжать, но, оглянувшись на него и увидя его протянутыя за ней руки, увидѣвъ въ глазахъ его то чувство, въ разгадкѣ котораго не ошибется ни одна женщина, она стремительно бросилась къ нему.

— Ты зналъ, вѣдь ты зналъ, что люблю, что я въ тебя влюблена какъ безумная.... тихо говорила она, когда часы пробили шесть и они разставались.

— Варя, моя Варя, моя, моя.....

VI.

Въ утро, слѣдовавшее за неудачной вечерней поѣздкой Андрея Егоровича Саханина на рѣчку, онъ чувствовалъ менѣе бодрости и эластичности при совершении обряда бритья и утренняго чая. Произошелъ рядъ тѣхъ неприятностей, какія обыкновенно случаются, когда встанешь, что называется, съ лѣвой ноги. Права

бритьи, онъ надбръзалъ ремень, потомъ зацѣпилъ бритвой прыщикъ на щекѣ, наконецъ прочелъ во «Всеобщемъ Удовольствіи», за чаемъ, статью еще болѣе неумѣстную, чѣмъ прежняя. Въ этой статьѣ доказывалось, что хотя собственно говоря все отлично, но между тѣмъ никто не станетъ отрицать, что хорошаго въ дѣйствительности мало. Затѣмъ, неутѣшительный этотъ фактъ прямо относился къ винѣ самого общества, а въ заключеніи подпущена была такая мысль, что прошло то время, когда общество могло оставаться безучастнымъ зрителемъ совершающагося. «Чортъ ихъ знаетъ, чего они хотятъ»—разсуждалъ дѣлопроизводитель. «Если понять буквально, то это значило бы, что приглашаютъ своего читателя поступить сторожемъ въ департаментъ «свѣдѣнныхъ мѣропріятій», то-есть кривять душой, такъ какъ хорошо знаютъ что читатель въ сторожѣ къ намъ не пойдетъ, а если бы пошелъ, то не сталъ бы уже подписываться на «Всеобщее Удовольствіе». Если же подобрать въ этихъ словахъ смыслъ иной, то этотъ смыслъ прямо разрывалъ бы съ традиціями либерализма, который всегда означалъ именно удовольствіе, какъ то выражено и въ самомъ заглавіи либеральнаго органа. И долго ли останется приличнымъ для солиднаго человѣка именовать себя либераломъ, если либерализмъ начнетъ распатывать свои же основные столбы: признательность и удовольствіе?»

Позволительно думать, что неудача шаловливыхъ надеждъ Андрея Егоровича была на днѣ его политическихъ недоумѣній; а можетъ быть и прыщикъ на щекѣ, нечаянно задѣтый бритвою. Но случается часто, что погода, пасмурная съ утра, къ полудню проясняется. Такъ случилось и теперь. Человѣкъ подалъ ему глядцоватый сѣренькій конвертъ, въ которомъ была записка слѣдующаго содержанія:

«*Mon bon*, я не могла сдержать обѣщанія, по причинѣ force majeure. Имѣете или не имѣете что сообщить мнѣ, пріѣзжайте сегодня въ 9^{1/2} на чашку чаю. *H. D.*»

«Такъ-то еще лучше», съ удовольствіемъ подумалъ Саханинъ-старшій, и для порядка, поднялъ, сложилъ и положилъ на столъ листъ газеты, прежде брошенный имъ на полъ.

Онъ уже почти готовъ былъ ѣхать на службу, когда ему доложили фамилію незнакомую, съ прибавленіемъ, что этотъ господинъ проситъ только пяти минутъ, по очень важному дѣлу. Саханинъ принялъ.

Вошедшій былъ человѣкъ, котораго нельзя и назвать иначе, какъ солиднымъ по преимуществу. Отъ него именно такъ и вѣяло респектабельностью. Умѣренное дородство, выраженіе лица, ма-

нера говорить и держаться—все это, казалось, было дано ему природою прямо для того, чтобы онъ сдѣлался маклеромъ, швейцаремъ въ богатомъ домѣ, директоромъ частнаго учрежденія или театральнымъ благороднымъ отцомъ. Передавать съ точностью, какъ онъ обратился къ дѣлопроизводителю, какъ преодолевалъ сдѣланные тѣмъ возраженія и, наконецъ, исполнѣ расположивъ его въ свою пользу, значило бы дѣлать общимъ достоянiемъ то, что доступно весьма немногимъ, и тѣмъ самымъ вредитъ развитiю дѣла частнаго кредита, которое у насъ еще только начинается. Но вѣчную цѣль предложенiй этого дѣловаго человѣка: сообщить можно, такъ какъ стремиться въ известной цѣли дано каждому; но вопросъ не въ имѣнiи цѣли, а именно въ тѣхъ приемахъ, которыми она достигается.

Собесѣдникъ Андрея Егоровича былъ уважаемый членъ одного нисколько не «дутаго» частнаго предпрiятiя. Если бы чины у насъ имѣли еще вѣсь, то можно бы сообщить и чинъ, нисколько не уронивъ тѣмъ этого господина въ глазахъ читателя. Но либеральнѣе, да и внимательнѣе назвать его только такъ, какъ мы его назвали—уважаемымъ членомъ нисколько не дутаго предпрiятiя. Это предпрiятiе, чтобы поставить свою солидность уже внѣ всякаго сомнѣнiя, встрѣчало необходимость перетянуть на свою сторону главную пружину всѣхъ тогдашнихъ дѣлъ, гониманаго старика. Стрижевскаго, который почему-то именно враждовалъ противъ таковаго солиднаго дѣла. Стрижевскiй былъ хороше съ директоромъ департамента, гдѣ служилъ Саханинъ-старшiй; а самъ Саханинъ былъ вхожъ на вечера къ директору, хотя обѣдать у него еще никогда не обѣдывалъ. Стрижевскiй же частенько обѣдалъ у директора, но на вечерахъ его никогда не бывалъ. Вопросъ заключался просто въ томъ, возьмется-ли Андрей Егоровичъ испросить у директора, для солиднаго господина, позволенiе явиться къ нему на квартиру (гдѣ директоръ никого, кромѣ частныхъ знакомыхъ, не принималъ), чтобы предложить ему участiе въ одномъ благотворительномъ учрежденiи. Все остальное солидный незнаемецъ бралъ на себя. Поддѣйствовать на чувство состраданiя въ ближнимъ въ этомъ сановникѣ, внушить ему личное къ себѣ расположенiе и впоследствии познакомиться черезъ него съ Стрижевскимъ,—все это солидный господинъ предоставлялъ себѣ и казался убраннымъ въ своемъ будущемъ услужлiи.

Дѣло было, конечно, щекотливое; для подчиненнаго—просить начальника принять кого-либо на квартиру, когда это претиворѣшило обычаямъ начальника—не совсѣмъ удобно. Но вѣдь если стѣбитъ и даже очень стѣбитъ, поощряется, почему же не поощ-

таться... Не съѣсть же онъ, въ самомъ дѣлѣ. Притомъ предлогъ твоей—благотворительный, даже можно сказать національный, и нисколько не относящійся къ кругу служебныхъ правъ и обязанностей уважаемаго начальника. Да, наконецъ, въ головѣ дѣлопроизводителя мелькнула мысль о возможности еще иныхъ путей...

Онъ обѣщалъ. И собесѣдникъ его вышелъ довольный, и самъ онъ поѣхалъ на службу въ отличномъ настроеніи. Точно произошла закладка какого-то, величественнаго по проекту архитектора, зданія.

Веселое расположеніе Андрея Егоровича еще усилилось, когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ: онъ нашелъ въ отдѣленіи у «того господина», своего товарища, что докладъ, которымъ интересовалась Эрмансъ, «сошелъ» сегодня же, съ резолюціей совершеннаго благопріятнаго свойства. Съ этой вѣстью онъ полегѣлъ вечеромъ по приглашенію, и уже на дорогѣ такъ-сказать предвкушалъ всю заманчивость и пикантность «чашки чаю». Но оказалось, что онъ былъ приглашенъ не одинъ. Онъ засталъ у Эрмансъ полковника Черемисова, а послѣ пріѣхали еще два болѣе юныхъ товарища молодого Стрижевскаго по полку и одинъ пожилой, широболицый, густобакенбардистый джентльменъ, сворѣвъ изъ компаніи стараго дяди, чѣмъ изъ общества племянника. Тѣмъ же по соображенію—гласить поговорка. Но еще менѣе удовольствія, когда вмѣсто того, чтобы быть вдвоемъ, окажешься въ числѣ трехъ, помноженныхъ на два.

Сверхъ того, старшій Саханинъ былъ не совсѣмъ пріятно озадаченъ той роскошной обстановкой, какую увидѣлъ. Онъ ожидалъ найти что-нибудь пикарное, такъ сказать на шеромыжку; а нашелъ онъ маленькое и уютное, правда, помѣщеніе, но въ немъ не только настоящую роскошь, ту, которая не знаетъ ничего поддѣльнаго, а еще художественную капризность убранства. «Недосягаемо»,—подумалось ему.

Изъ готической бібліотеки, отдѣланной не «подъ дубъ», а именно дубомъ, съ превосходно выточеннымъ и украшеннымъ рѣзьбой потолкомъ, комнаты, гдѣ только-что кончили пить кофе, онъ перешелъ въ гостиную, обитую голубымъ шелкомъ, вышитымъ золотыми пчелами. Здѣсь онъ засталъ м-ше Дюмонъ, которая сидѣла противъ серебрянаго самовара и держала въ лѣвой рукѣ маленькую совершенно прозрачную фарфоровую чашку, подъ дномъ которой онъ замѣтилъ два меча. Да и нельзя было не замѣтить, такъ какъ она жестикулировала этой пустой еще чашкой, деканчивая какой-то прерванный появленіемъ Саханина разговоръ.

— Это должно же имѣть вонецъ! Вы такъ и скажите, — заключила она, обращаясь снова къ Черемисову, послѣ того какъ правую руку подала Андрею Егоровичу, сказавъ ему: «а! вотъ вы». — «N-i-ni c'est fini», — вульгарно добавила она въ заключеніе, и при этомъ произвела чашкой на воздухъ какой-то затѣйливый вентель.

— Belle dame — вступился Андрей Егоровичъ, — знаете вы главный подвигъ маршала Саксонскаго?

— Нѣтъ, а зачѣмъ?

— Онъ однажды фарфоровой чашкой разбилъ самоваръ.

— De Saxeа! не дурно, — засмѣялась она. И вы не бѣте умъ на меня не сердиться?

— Богѣе того. Довольно ума, чтобы не спрашивать васъ, какова была force majeure.

— Нѣтъ, — вставилъ Черемисовъ, — m-me Dismont мнѣ показалась и въ своемъ обѣщаніи, и въ невозможности его исполнить. C'était sérieux.

— То-есть что вы этимъ хотите сказать? — И Эрмансъ махнула своей салфеткой по рукамъ полковника.

Приходъ двухъ новыхъ, названныхъ уже гостей прервалъ разговоръ. Но вызвалъ другой, равносильный ему по глубокомыслию. Маленькій звонкій смѣхъ хозяйки сталъ раздаваться по комнатамъ и поддразнивалъ мужчинъ въ разговорваніи по большей части выдуманныхъ глупостей о людяхъ извѣстныхъ.

— Хотите вы замолчать немного? — сказала она всѣмъ и обратясь къ Саханину съ серьезной миной: — et ce доклад?

— N-i-ni c'est...

— Fini — закончила она: — то-есть утверждено. И написано сегодня? Потому что онъ, вы знаете, le pauvre homme... нѣтъ я вамъ послѣ когда-нибудь расскажу.

— У васъ все послѣ. Все сдѣлано.

— Ну, вы — brave homme. Я васъ люблю за это.

— Послушайте, вѣдь это не совсѣмъ похвала. Я читалъ въ одномъ англійскомъ романѣ такой отзывъ о человѣкѣ: онъ слишкомъ добръ, чтобы получить что-либо — «he is too kind to be anything else...» Эрмансъ припомнила это, такъ какъ — примѣръ почти неслышанный — нѣсколько смекала по-англійски; а романъ этотъ былъ изъ разряда сенсационныхъ, которые ей были доступны. Тамъ былъ благородный лордъ, упражняющійся на трапедіи, и молодая вдова, sporting lady, которая бредила жеребцами: — «О, эти англичане!» вскричала она.

— Таллейранъ вотъ что сказалъ объ англичанахъ, — вста-

виль Сахаринъ. — «У нихъ, — говорить, — тридцать-шесть вѣрь, а блюдо одно — ростбифъ».

— А у васъ, въ Россіи, — возразила легкомысленная Эрмансъ, — тридцать шесть блюдъ и ни во что нѣтъ вѣры.

— А въ такомъ случаѣ мы... *n'est-ce pas?* — спросилъ широколицый господинъ, окинувъ взглядомъ всѣхъ.....

При этомъ замѣчаніи хозяйка позвонила, и тотчасъ былъ поданъ карточный столикъ, по четыремъ угламъ котораго были поды овальными стеклами головы, снятыя съ карточекъ самыхъ извѣстныхъ пѣвицъ, артистовъ, наѣздницъ и приставленныхъ къ фотографическимъ же снимкамъ туловищъ работы знаменитѣйшихъ скульпторовъ. Этотъ столикъ подарилъ ей старикъ Стрижевскій. Но Эрмансъ называла эту мебель — *une hotteur*.

Когда гости усѣлись за карты, Эрмансъ увела Андрея Егоровича въ прелестный «фонарикъ», который выходилъ на Невскій. Онъ былъ полуотдѣленъ отъ библіотеки строемъ высокихъ растений въ кадкахъ, а на потолокъ въ немъ горѣлъ газовый рожокъ въ темно-красномъ стеклянномъ волпакѣ, такъ что мѣсто было уединенное и, вмѣстѣ, свѣтлое. Тяжелыя гардины зеленого бархата съ кистями, подбитыя бѣлой шелковой матеріею, закрывали теперь окна этого убѣжища.

— Послушайте, *m-g Socarine*, — сказала она серьезно и добродушно. — Я васъ еще благодарю... Но вещи должны быть *straight* между нами. Вы, я вижу, — мечтаете. Этого не будетъ, потому что невозможно; такъ, само по себѣ невозможно. Кромѣ того, я знаю, что вы человекъ семейный и бѣдный (10 тысячъ, включая родовой доходъ, квартирныя и награду — пронеслось въ умъ Андрея Егоровича). Но вы... *Si vous n'avez pas le sac, vous avez votre sorbonne*... — и она погладила его лобъ (зачѣмъ не бритое какое-нибудь мѣсто? Что лобъ — гладкій, неудивительно). — Вы можете сдѣлаться богатымъ, и я — я чувствую къ вамъ слабость — приглашаю васъ въ посредники. Это очень мило, вы знаете. Посредникомъ въ дѣлахъ очень большихъ... Но...

Андрей Егоровичъ былъ въ самомъ дѣлѣ если не бѣденъ, то «бѣдный» въ этотъ моментъ. Прощайте иллюзиі. Но онъ уже набилъ себѣ руку хоронить иллюзиі. Сперва похоронилъ иллюзиі университета, потомъ иллюзиі идеальной любви и семейнаго счастья, далѣе — иллюзиі быстрой карьеры, наконецъ — иллюзиі либерализма. Стоило попридержаться себя еще разъ и вмѣгъ попрасть иллюзию побѣды надъ чѣмъ-то дразнящимъ нервы, пикантнымъ и изящнымъ до невѣроятности.

И онъ попрасть — чтó значить привычка! Моментажно, онъ

отрекся. И изъ головы его вышла готовая «другая комбинація», во всеоружіи, какъ Минерва, богиня мудрости, вышла изъ головы прелюбодѣйнаго царя Олимпа.

Почему бы вмѣсто неловкаго домогательства у директора, не пустить утрешняго солиднаго собесѣдника по этому легвому пути сближенія съ старымъ свиньей Стрижевскимъ?—догадался онъ.

И разговоръ его съ Эрмансъ принялъ совершенно дѣловой оборотъ, причемъ были даже опредѣленно названы куни. А когда все было условлено какъ слѣдуетъ, она присѣла къ нему на колѣни и, потрепавъ его по обѣимъ щекамъ, вышла въ гостиную.

VII.

Послѣ того, что произошло за его прогулкой въ Лѣсной, Аркадій и не думалъ болѣе переѣзжать къ отцу. Но онъ былъ убѣжденъ, что отецъ за такое непослушаніе лишитъ его того жалованья, какое выдавалъ ему до сихъ поръ. Скоро ли возвратится мать, онъ не зналъ навѣрное. Да и мать могла бы только урывками давать ему деньги, и все-таки наставляла бы, чтобы онъ жилъ въ семействѣ. Какъ же было жить на ея деньги, отказываясь исполнить ея желаніе? Правда, мать могла побудить отца измѣнить его рѣшеніе. Аркадій очень хорошо зналъ это. Но вѣдь «въ такое время», она еще болѣе, чѣмъ отецъ, могла опасаться его жительства внѣ дома, а стало-быть пришлось бы дѣйствовать развѣ на ея жалость. «Мнѣ, молъ, ѣсть нечего». Притомъ Аркадій любилъ мать, и его возмущала мысль пользоваться ея деньгами для того, чтобы жить съ Варей.

Онъ рѣшился продать всѣ наименѣе нужныя свои вещи: карманные часы и разныя бездѣлушки, подаренныя ему кѣмъ-либо, кромѣ матери, или купленныя имъ самимъ въ прежнее время изобилія. Ему хотѣлось бы даже, чтобы Варвара Антоновна перестала жить отдачей комнатъ въ наймы; собственное положеніе его при этомъ было неловко, да онъ слишкомъ и полюбилъ ее, чтобы не стараться поставить ее выше. Можетъ быть, она стала бы еще учиться, наивно мечталъ онъ. Да, онъ привязался всей душой къ этой женщинѣ, которая была годами восемью, а можетъ быть и десятью, старше его, но которая первая полюбила его и полюбила его, какъ онъ это сознавалъ, безгранично, навсегда, хотѣла быть его вещью, хотя по своему природному уму и по любезности всего своего нравственнаго существа, могла

быть его равноправной подругой. А по горячей, страстной привязанности, какую къ ней чувствовалъ Аркадій, она и *должна* была быть такою. Онъ не думалъ, что женится на ней, да и сама г-жа Бѣльева со смѣхомъ отвергла эту мысль, когда онъ однажды ее высказалъ; хотя за смѣхомъ онъ почувствовалъ на своей щекѣ нѣчто влажное, когда она обняла его за то, что онъ сказалъ такую «хорошую» глупость. Но онъ никакъ не думалъ и того, чтобы это была временная связь.

Практическій выводъ всего былъ тотъ, что болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо было найти уроки и, по возможности, много уроковъ. Онъ обратился опять къ Горлицыну. Тотъ обѣщалъ и сталъ чаще видѣться съ Аркадіемъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній Горлицынь сидѣлъ въ комнатѣ у Аркадія и велъ съ нимъ серьезный разговоръ.

— У васъ идеалы чисто-буржуазные, — замѣтилъ Горлицынь. — Васъ маменька слишкомъ долго пеленала, и вотъ весь вашъ идеалъ въ томъ, чтобы расправить руки и ноги на свободѣ... Свобода, личная сила, независимость — знаете ли, какъ это все переведется на практическій языкъ, когда вамъ будетъ тридцать пять лѣтъ? Личная сила будетъ значить — накопленіе денегъ на счетъ ближняго, независимость — совершенное равнодушіе къ судьбѣ всего человѣчества, а свобода — бѣгъ за разными тряпками тайкомъ отъ жены.

— То-есть, — возразилъ Аркаша, — вы хотите сказать, что я лично сдѣлаюсь дрянью. Но допустите на минуту, что я остался бы вѣренъ своимъ идеаламъ, какъ вы думаете остаться вѣрнымъ вашимъ. Если я вижу высшія личныя блага въ свободѣ и силѣ, то развѣ не логично предположить, что я стану служить общей свободѣ, умноженію умственной и матеріальной силы своей страны? А въ этомъ, по-моему, и долженъ заключаться идеалъ вполне развитаго человѣка.

— Отвлеченности, милый мой, отвлеченности. Идеаломъ должна служить реальная общая польза, а не свобода помирать съ голоду, и не сила, принуждающая людей мириться съ проголоднымъ существованіемъ.

— Да вѣдь, наконецъ, ваши же идеалы не могутъ осуществляться безъ предварительнаго осуществленія monkъ. Если васъ запереть въ клетку, то вы не будете въ состояніи служить какой-либо пользѣ. Если предположить общество, связанное по рукамъ и ногамъ, то оно ничего не можетъ предпринять само для улучшенія хотя бы своего матеріальнаго быта.

— Такъ, такъ, — иронически сказалъ Горлицынь: — благодѣ-

тельная самодѣтельность, орудующая въ согласіи съ благодѣтельной гласностью. Посмотрите кругомъ, что изъ этого выходитъ.

— Ничего не можетъ выходить изъ того, чего еще нѣтъ, — защищался Аркадій.

— А въ иныхъ мѣстахъ, что же вы видите? Филистеровъ, подставляющихъ ногу другимъ филистерамъ. Все человѣчество раздѣлено на безчисленные категоріи паразитовъ, которые водятся на чужомъ тѣлѣ, и, наконецъ, истощивши его, поѣдятъ другъ друга.

— Но, вѣдь, ужъ для того, чтобы говорить всѣмъ то, что вы говорите теперь мнѣ, — возразилъ Соханинъ, — вы должны обставить себя такими условіями, которыя я и ставлю ближайшимъ идеаломъ. Въ иныхъ мѣстахъ эти условія существуютъ.

— И какая же отъ нихъ, въ концѣ-концовъ, польза? — съ жаромъ вскричалъ Горлицынъ. — Нѣсколько столбовъ съ часами и кафтанами наверху, какъ мы видѣли на Марсовомъ-полѣ. Десятки людей лѣзутъ и падаютъ, а долбаецъ и беретъ призъ одинъ. Остальные валяются внизу, но не только безъ часовъ и кафтана, а безъ картофеля, безъ соски для дѣтей своихъ.

— Любезный Горлицынъ, — сказалъ Аркадій, смягчая свой тонъ, по мѣрѣ того, какъ языкъ собесѣдника дѣлался болѣе горькимъ: — между нами — недоразумѣніе. Вы говорите о пользѣ экспериментовъ по улучшенію быта европейскаго человѣчества...

— Экспериментовъ! Да, хотя бы и экспериментовъ; риска нѣтъ, потому что хуже быть не можетъ, проигрывать нечего, — отвѣчалъ Горлицынъ съ запальчивостью.

— Ну, хорошо. А я говорю о самой возможности предпринимать какіе-либо опыты улучшенія. Вѣдь, этой возможности нѣтъ. Согласитесь, что прежде надо владѣть своими руками и ногами, а послѣ думать о производствѣ опытовъ.

Горлицынъ на минуту замолчалъ; потомъ сказалъ съ нѣкоторой сдержанностью:

— Руки и ноги принадлежать каждому человеку, если только онъ владѣетъ своей головой. Вотъ бѣда, если въ головѣ засѣли разные страхи и предрасудки, а тѣмъ хуже — скотскій эгоизмъ.

— Вопросъ въ томъ, сколько рукъ. Если немного — вы ничего никогда не сдѣлаете. А много и быть не можетъ; вы никогда не заставите массу людей жертвовать собой для улучшенія чьего-либо быта. Тутъ есть вѣчное противорѣчіе. Сотни экзальтированныхъ людей — пожалуй; но сотни тысячъ никогда не пойдутъ на закланіе для того только, чтобы у оставшихся миллионъ было побольше картофеля. Великія подвижничества совер-

знаются большимъ числомъ людей только въ силу нравственныхъ побуждений. Я читалъ, напримѣръ, исторію русскаго раскола.... Да, вотъ, ближе — неужели вы думаете, что русскій солдатъ бодро идетъ на вѣрную смерть, въ траншею, для того только, чтобы улучшить битъ болгаръ, которые жили богаче, чѣмъ староста въ его деревнѣ? Неужели, зная, что его жена и ребенокъ пойдутъ по міру, онъ утѣшалъ себя мыслью, что за то болгары не будутъ платить десятину, то-есть ту же подушную подать? Нѣтъ. Онъ идетъ бодро потому, что стыдно солдату бѣжать; потому что въ немъ говоритъ долгъ и честь — понятія чисто-нравственныя.

— А почему же долгъ и честь могутъ быть такими сильными стимулами только въ виду непріятеля? — спросилъ Горлицынъ.

— Потому что они могутъ говорить сильно и вѣсть на смерть только тогда, если они говорятъ совершенно ясно и непреложно и требуютъ мгновеннаго рѣшенія: да или нѣтъ.

— А почему же вы думаете, что не мѣтѣ ясно и непреложно...

— Потому что знаю, что вовсе не ясно и не непреложно.... и даже весьма несознательно. Вотъ—не сердитесь, Горлицынъ—вѣдь, сколько вы со мною ни бесѣдовали, вы никогда не могли мнѣ объяснить обстоятельно, какимъ же образомъ будетъ добываться большее количество картофеля....

Горлицынъ махнулъ рукой.

— Съ вами и говорить бы не стоило,—сказалъ онъ:—вы—маменькинъ сыночекъ. Вамъ это кажется смѣшно — недостатокъ картофеля. Вотъ недостатокъ эстетическаго чувства—о, это другое дѣло; это—неискупаемый грѣхъ.

— И потому, что я не вѣрю въ подвижничество сотни тысячъ людей изъ-за вопроса объ улучшеніи нищи миллионѣвъ, — развивалъ далѣе свою мысль Сахаринъ, — я и утверждаю, что хотя для достиженія вашей же цѣли необходимы такія условія дѣятельности, чтобы опыты эти могли быть требуемы и производимы безъ всякаго подвижничества—мирнымъ путемъ законодательныхъ мѣръ и ученыхъ изслѣдованій. Значить, если я ставлю на первый планъ выработку такихъ именно условій, то вашъ идеалъ не можетъ быть даже гласно формулированъ прежде, чѣмъ осуществится предварительно мой.

— Вы—буржуа до мозга костей, — сердито сказалъ Горлицынъ и даже сплюнулъ на сторону. — А намъ нѣтъ дѣла до интересовъ буржуазіи и ея счетовъ съ кѣмъ бы то ни было. Пусть она ведетъ ихъ какъ хочетъ, пусть получаетъ что хочетъ, пусть

ничего не получаетъ — намъ все-равно. У меня дядя служить въ коннозаводствѣ. Пусть онъ назначается на свою должность прямо или отборомъ голосовъ у лошадей, это будетъ рѣшительно то же самое. Онъ, если бы и умѣли голосовать, вѣроятно были бы совершенно равнодушны къ назначенію дядюшки, такъ какъ для нихъ вопросъ въ овсѣ, а не въ дядюшкиной карьерѣ.

— Откуда же такое презрѣніе къ уму тѣхъ, чей бытъ вы хотите улучшить? Я думаю, что даже лошади различаютъ добраго конюха отъ злаго. Но что крестьяне различаютъ одного мирового посредника отъ другого, это мнѣ кажется весьма вѣроятно. Интересы и счеты буржуазіи, которые вы такъ презираете — вѣдь, это и есть первые изъ тѣхъ интересовъ человѣчности и права открыто заботиться объ общемъ благѣ, согласно своему научному убѣжденію, которыхъ вы требуете.

— Наука! вотъ еще ветошь.... Оффиціальная наука это — мѣста и пенсіи для снабдившихъ себя дипломами. Когда человѣку хочется жрать, то это есть право, первое право человѣка, и оно должно быть безусловно удовлетворено, а тамъ строите себѣ разныя потѣшныя голубятни, съ каморой для бѣлыхъ наверху, съ каморой для сизыхъ и синихъ внизу....

Но рѣчь Горлицына, который уже начиналъ путаться, была прервана приходомъ совершенно неожиданнаго гостя.

— Михѣевъ! — воскликнули оба собесѣдника. — Давно ли? — спросилъ Саханинъ.

— Только вчера. И Зальцмана я видѣлъ два дня тому назадъ. Но онъ — уѣхалъ, а я могу гулять.... Кстати, чтобы не позабыть послѣ, — обратился онъ къ Аркадію. — Зальцманъ говорилъ мнѣ, что онъ положилъ въ свой ящикъ съ бѣльемъ одинъ мой паветъ. Не нашли вы его?

Аркадій удивился, что Михѣевъ говорилъ объ этомъ при Горлицынѣ, котораго онъ зналъ мало. Вѣроятно, Михѣевъ зналъ его хорошо.

— Я нашелъ этотъ паветъ еще раньше, чѣмъ вы писали мнѣ о немъ. Перебѣжая отъ Анисимова, я забылъ свои простыни. Пряхожу за ними — оказывается, что прачка положила въ мой комодъ бѣлье Зальцмана, а въ Зальцману — мои простыни. Теперь я понимаю.... — продолжалъ онъ далѣе, болѣе уже для самого себя: — Зальцманъ вечеромъ, наманувъ своего исчезновенія, вѣроятно взялъ вашъ паветъ и сунулъ въ мое бѣлье, считая его своимъ. Найдя у себя въ комодѣ чужія вещи, я спросилъ у Анисимова, гдѣ же мое бѣлье? Онъ сказалъ, что прачка давеча принесла все, и я догадался. По его указанію, я и нашелъ ихъ

въ ящикъ Зальмана и, повавъ Анжисмону мѣтку, унесъ ихъ, а съ ними и пакетъ, котораго не видѣлъ.

— Что за путаница, — замѣтилъ Михѣевъ, и прибавилъ: — вы, однакожь, дайте мнѣ его сейчасъ, а то забудете. Онъ мнѣ очень нуженъ; въ немъ — мои записки химіи. Я хочу приняться за нее теперь.

Саханинъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего же эти записки такъ работливо заечатаны, да еще какою-то таинственной печатью — и узналъ, что записки сильно растрепались, такъ что не всѣ листы цѣлы; а заечатаны онѣ — валичиною у Михѣева путевойю цуговицей — съ топорикомъ и биркой. Тогда Аркадій вбѣжалъ въ г-жѣ Бѣлевоѣ такъ поспѣшно, что она испугалась чего-нибудь опять необыкновеннаго. Особенно когда онъ спросилъ пакетъ, который отдалъ ей на храненіе.

— Кто же это у тебя? — прошептала она.

— Самъ Михѣевъ. А знаешь, Варя, что въ этомъ пакетѣ? Записки химіи!

— А мнѣ-то матерѣлись страха. Но, — прибавила она задумчиво, глядя въ окно: — если когда-нибудь, не дай Богъ, тебѣ пришлось бы неожиданно уѣхать, — непременно выпиши меня. Я хоть пѣшкомъ пойду на край свѣта; а то ты одинъ, на чужой сторонѣ... Ты пропасть бы. Вѣдь, ты таковъ ребенокъ.

— Вотъ же тебѣ за это! И рѣзвый, но высокій и широкоплечій ребенокъ схватилъ стройную женщину на руки и перенесъ ее, какъ она стояла, съ шитьемъ въ пальцахъ — на другую сторону комнаты.

VIII.

Никогда еще, казалось Андрею Егоровичу, онъ не чувствовалъ себя такимъ эластичнымъ и, сказать прямо, такимъ молодымъ, пожалуй, даже шаловливымъ, но вмѣстѣ серьезно-умнымъ человекомъ, какъ въ одно утро, дней черезъ десятокъ послѣ заключеннаго имъ съ Эрмансъ договора. «Солидное частное предпріятіе» обошлось безъ всякаго посредничества директора «спѣшныхъ мѣропріятій». Представитель этой солидной компаніи былъ сведень съ старикомъ Стрижевскимъ, и своими вѣскими реверансами убѣдилъ его смѣнить вражду на милость, которой первые результаты уже дали себя почувствовать. А кто былъ посредникомъ? Во всякомъ случаѣ, вторымъ посредникомъ былъ самъ Андрей Егоровичъ, и въ ящикѣ его письменнаго стола можно было найти

неоспоримое, пріятное тому доказательство. Оверхъ того, имѣлось въ виду участіе въ самомъ управленіи предпріятія, сопряженное съ значительнымъ увеличеніемъ средствъ. Имѣлись въ виду еще и другія подобныя дѣла; а между тѣмъ директоръ департамента вчера пригласилъ его, въ первый разъ, къ себѣ обѣдать, спросивъ сперва очень любезно:

— Вы знакомы съ камергеромъ Стрижевскимъ?

— Нѣтъ, лично не знакомъ,—отвѣчалъ Саханинъ.

— А онъ интересуется вами и говорилъ мнѣ объ васъ; пріѣжайте ко мнѣ просто обѣдать завтра,—и онъ будетъ.

«Да, такъ можно жить», съ удовольствіемъ помышлялъ старшій Саханинъ. Онъ позвонилъ и велѣлъ человеку подать бриться; но сперва тотъ передалъ ему два письма. На одномъ онъ узналъ почеркъ жены. Она увѣдомляла его, что черезъ день выѣзжаетъ домой.

«Гм», подумалъ Саханинъ, «а, впрочемъ, чтожь? Больше средствъ, больше и простора... такъ жить можно».

Второе письмо было отъ Черемисова. Оно увѣдомляло, что въ связи съ производившимся въ то время у мирового судьи дѣломъ, Арваша подвергнуть предварительному заключенію. «Надѣюсь, что это—простое недоразумѣніе, которое скоро выяснится», прибавлялъ авторъ письма, «и прилагаю его записку къ вамъ». Съ негодованіемъ, поблѣднѣвъ отъ злости, развернулъ Андрей Егоровичъ эту, незапечатанную записку и прочелъ въ ней нѣсколько безсвязныхъ словъ: «Не тревожьтесь; я до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ; но такъ жить нельзя...»

— Эхъ, молодость, молодость! связалъ почти вслухъ Андрей Егоровичъ, — «такъ жить нельзя», — выдумалъ что!

Онъ желчно улыбнулся; вспомнилась-ли ему собственная его юность, или онъ подумалъ объ ожидающемъ его обѣдѣ?

Л. ДУБЬИНОВЪ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

Окончаніе.

VIII *).

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЕ И СЛАВЯНСКІЕ ПРОТЕСТЫ ПРОТИВЪ ПАНСЛАВИЗМА.

За послѣдніе годы газеты были переполнены извѣстіями о томъ, какъ «панславизмъ» беспокоитъ или раздражаетъ европейскихъ политиковъ и публицистовъ, почти поголовно. Противъ него — всё: и Бисмаркъ, и Биконсфилдъ, и мадьярскій парламентъ, и французскіе республиканцы; почти безъ исключенія — газетная литература, наконецъ, волонтеры въ родѣ Розена и т. п. Какъ нѣкогда въ тридцатыхъ годахъ изъ этого слова дѣлали пугало для устрашенія Европы противъ Россіи, такъ и теперь не мало было говорено о предполагаемыхъ захватахъ и завоевательныхъ планахъ Россіи во главѣ панславизма. Въ сущности, этихъ завоеваній боялись теперь гораздо меньше; чувствовалось, что Европа будетъ достаточно согласна, если бы дѣйствительно Россія возымѣла какія-либо опасныя намѣренія. На берлинскомъ конгрессѣ Россія осталась въ одиночествѣ противъ явнаго или замаскированнаго единодушія всѣхъ остальныхъ членовъ конгресса. Во всякомъ случаѣ, хоть и не боялись теперь, какъ бывало, «Чингисхана, вооруженнаго всеми изобрѣтеніями европейской цивилизаціи»,

*) См. также: сент. 812; окт. 796; ноябрь, стр. 818.

но и никакъ не желали допускать политическаго усиленія Россіи, ставили ему всякія препятствія,—и не безъ основанія находя, что вліяніе Россіи можетъ очень возрасти съ освобожденіемъ балканскаго славянства, перенесли свое дѣятельное или пассивное противодѣйствіе Россіи и на славянскій вопросъ. «Панславизмъ» опять пригодился—хотя балканскій вопросъ еще далеко не есть панславизмъ, и хотя къ настоящему «панславизму» Россія и не заявляла нынѣ ни малѣйшей охоты, въ чемъ не трудно было убѣдиться хотя бы по положенію вопроса въ русскомъ обществѣ и литературѣ и по положенію главнѣйшихъ представителей славянской идеи въ Россіи.

Въ нашей печати вражда западной дипломатіи въ славянскомъ движенію (по отраженію отъ Россіи) дала поводъ къ извѣстнымъ нападеніямъ на цѣлую Европу, на всю ея цивилизацію — старыя нападенія, которыя, повидимому, получали теперь подтвержденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что бросать славянство на жертву туркамъ, лицемѣрно ссылаясь на турецкія реформы, было дѣломъ достаточно постыднымъ; но и въ упомянутыхъ нападеніяхъ была односторонность, а кромѣ того, и доля лицемѣрія. Во-первыхъ, «дипломатія» вездѣ и всегда не бывала иною, и напрасно было бы ждать отъ насъ однихъ филантропіи и защиты свободы народовъ. Представляя чисто внѣшніе политическіе расчеты государствъ, дипломатія вообще не думаетъ входить въ нравственныя и матеріальныя интересы чужого народа, не имѣетъ обыкновенія помогать борьбѣ чужого народа за свою свободу, а если выгодно, то и продастъ его; обстоятельства подобнаго рода разсматриваются только съ точки зрѣнія своей выгоды. Въ «эпоху конгрессовъ», европейская дипломатія, и наша въ томъ числѣ, усердно трудилась надъ подавленіемъ всякаго признака народной свободы, и русская политика обнаружила тогда особенную ревность, предлагая русскія арміи для умощенія революцій, между прочимъ, не ближе какъ въ Италіи. Принципомъ была «законная власть», и таковою считалась даже власть варвара, — именно той самой Турціи. Во второй четверти столѣтія Россія такъ же, какъ теперь другія государства, дѣлала заявленія о цѣлости и независимости Турецкой имперіи, хотя положеніе славянства было хронически невыносимое, какъ прежде и послѣ. Если требовать отъ дипломатіи сочувствій въ свободѣ народовъ, то надо думать не объ однихъ болгарахъ, но также о славянахъ Босніи и Герцеговины: о нихъ въ послѣднее время было столько безотрадныхъ извѣстій, что, кажется, они также нуждаются въ заступничествѣ: кто имъ дастъ его? Во-вторыхъ, взгляды и дѣйствія европейской

дипломати и вторившая ей газетная литература вовсе не истеривали европейскаго общественнаго мнѣнія. Если представить себѣ, что этотъ славянскій міръ совсѣмъ чуждъ для западной Европы, для англичанъ, французовъ, германцевъ, и по языку, и по своей первобытности, и по народному характеру (по которымъ онъ долженъ бы быть столько ближекъ для насъ); что національный вопросъ южнаго славянства для нихъ такъ же далекъ, какъ для насъ испанскіе вопросы, и что, напротивъ, нѣкоторые соображенія скорѣе побуждали ихъ относиться къ вопросу если не враждебно, то равнодушно, — если представить себѣ все это, то будетъ недобросовѣстностью забывать, что лучшіе умы европейской публицистической литературы, которые обращались къ изученію славянскаго вопроса и лично видѣли его въ дѣйствительности, обнаружили столько пониманія и столько искреннихъ сочувствій къ славянскому дѣлу, сколько очень можно было бы пожелать и для самого русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, имена Гладстона, Макъ-Гахана, Скайлера, Фербеса, Макъ-Колла, Ивенса, какъ еще ранѣе г-жъ Мэккензи и Ирби, Дентона, Баркляя, а въ послѣднее время еще «Дочери Капитана», издавшей замѣчательную книгу о Турціи и болгарскомъ славянствѣ, Гельвальда и др., станутъ въ ряду безкорыстѣйшихъ друзей южнаго славянства, и отчасти даже лучшихъ знатоковъ его современнаго быта. Нѣкоторые, какъ Макъ-Гаханъ и Скайлеръ, займутъ мѣсто въ самой исторіи болгарскаго освобожденія. Ихъ интересъ къ вопросу не былъ имъ данъ ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ, ни старыми историческими связями и преданіями; въ своей защитѣ болгарскаго дѣла, англійскимъ писателямъ надо было идти противъ нетерпимости собственнаго общества, что вездѣ не легко.

Въ настоящее время въ Европѣ въ «панславизмъ» не очень вѣрять, кажется, даже тѣ, кто говоритъ объ его «опасностяхъ», т.-е. не вѣрять, чтобы Россія въ самомъ дѣлѣ предприняла завоевать или освободить и присоединить къ себѣ все славянство. Вѣрять развѣ только наивные люди, не знающіе положенія вещей.

«Опасности панславизма» — только политическая уловка, за которой скрывается просто вражда къ Россіи. Что Россіи «не любить» въ Европѣ — это извѣстно (и объясняется вовсе не тѣми сантиментальными причинами, какія у насъ теперь выставляются); что съ ней ведутъ борьбу и хотятъ помѣшать распространенію ея вліянія, это понятно; но въ самомъ дѣлѣ остается возмутительнымъ фактъ, что ради «опасностей панславизма» несчастное балканское славянство осуждалось и еще осуждается на рабство; что ради этихъ опасностей отвергались безобразія ту-

рекаго правленія, достигалось отдѣленіе «Восточной Румелии» и Македоніи отъ балканскаго цѣлага, отдача Балванъ турецкимъ гарнизонамъ, и т. д. Не знаемъ, каковой «панславизмъ» отдалъ Австріи Босну и Герцеговину, напереворъ всѣмъ народнымъ желаніямъ и всякой справедливости. По послѣднимъ извѣстіямъ, отдѣленіе Македоніи уже принесло свои плоды; рѣзня началась.

Намъ вспоминается, что при первой вспышкѣ герцеговинскаго возстанія, турки съ наглостью, разсчитанной на наивность европейской публики, а пожалуй и правительство, утверждали, что волненіе въ Невесиньскомъ округѣ произвели «соціалисты». Счастье, что вспышка такъ разрослась, что говорить о соціализмѣ было уже глухо, да и некогда; а то, пожалуй, турки поощрили бы хорошенько истребить соціализмъ. Теперь столь же достаточнымъ основаніемъ душить румелійскихъ и македонскихъ болгаръ, боснійскихъ и герцеговинскихъ сербовъ, служить «опасности панславизма». Положеніе австрійскаго славянства, безъ сомнѣнія, также ухудшается опасеніями за его племенные отношенія къ русскому народу, и опять все тѣ же обвиненія.

Въ другихъ условіяхъ, чѣмъ теперь, одни эти безконечные толки о «панславизмѣ», съ ихъ комментаріями изъ баши-бузуджикъ подвиговъ, въ состояніи были бы навести славянскихъ политическихъ людей на мысль, что въ самомъ дѣлѣ единственное средство устроить свои дѣла есть этотъ панславизмъ. Къ сожалѣнію, внутренняя политическая жизнь славянства такъ подавлена, чужими и своими, что говорить теперь о «панславизмѣ», грозящемъ Европѣ, есть шутка или иронія.

У насъ, и въ Европѣ гораздо менѣе извѣстны другого рода протесты противъ панславизма, — протесты самого западнаго и южнаго славянства.

Мысль о цѣломъ славянствѣ вообще возникала прежде всего, и всего больше, между книжными и учеными людьми; первый «панславизмъ» состоялъ изъ очень скромной и умѣренной мысли о «литературной взаимности» — между четырьмя или пятью отдѣльными славянскими племенами. Такая «взаимность», очевидно, оставляетъ вопросъ какъ онъ есть; она внаслась бы только однимъ ученыхъ людей. Она имѣла бы свою важность какъ средство взаимнаго ознакомленія, потому что славяне мало даже знали другъ друга, — но далеко она не шла. Позднѣе, является мысль объ одномъ обще-славянскомъ званіи, которая имѣла послѣдователей и въ

славянствѣ и у насъ, но до сихъ поръ бывала, кажется, гораздо больше отрицаній, чѣмъ утвержденій.

Что касается панславизма политическаго, то онъ въ тѣ времена ограничивался почти только политическими предположеніями, и въ литературѣ западнаго славянства мы напрасно ожидали бы найти много заявленій, похожихъ на теорію Штура. Были надежды на Россію; отъ южнаго славянства бывали прямые обращенія къ Россіи, напр., во время сербскаго восстанія; въ моменты національно-политическаго одушевленія рисовались картины будущей свободы, будущаго союза всѣхъ славянъ; въ борьбѣ съ врагами высказывались гордыя похвалы славянскимъ исполинамъ, тянущимся отъ Адриатики до Тихаго Океана, — но все это не проходило ни въ какой ясной политической мысли. Южное славянство въ началѣ столѣтія едва стало выбиваться изъ-подъ турецкаго ига; славянство австрійское едва возвращалось къ національному сознанію. Россія была великое, но слѣпкомъ неизвѣстное царство; она была далека отъ славянства, чтобы относительно ея могла возникнуть какая-нибудь опредѣленная политическая комбинація. Ближайшая славянская страна, Польша, была ей прямо враждебна... Такимъ образомъ, мысль о настоящемъ племенномъ освобожденіи могла быть у западнаго славянства только чисто поэтическимъ идеаломъ, какъ и было у Коллара.

Впервые, реальный политическій вопросъ возникъ для западнаго славянства съ сороковыхъ годовъ, и особенно съ 1848. При этомъ оказалось, что, когда славянству пришлось имѣть дѣло съ настоящими практическими дѣлами, идея настоящаго «панславизма», какъ онъ изображался у европейскихъ публицистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, вовсе не пользовалась особеннымъ сочувствіемъ. «Панславизмъ», изображаемый этими публицистами, предполагалъ политическое сліяніе славянъ съ Россіей; въ тогдашнемъ характерѣ Россіи это сліяніе очевидно могло быть только подчиненіемъ, и, слѣдовательно, паденіемъ частныхъ народностей: но *такую* панславизма не желалъ ни одинъ изъ славянскихъ народовъ. На пражскомъ съѣздѣ 1848 политическія стремленія западнаго славянства выразились только въ идеѣ лояльной федераціи австрійскаго славянства подъ властью того же Габсбургскаго дома, — никакъ не болѣе. Тѣ, кто кричали объ «опасностяхъ панславизма» могли очень успокоиться.

Пересматривая въ частности мнѣнія славянскихъ политиковъ и самые факты, надо убѣдиться, что славянство всего меньше расположено къ сліянію, которое грозило бы частнымъ народностямъ. Выше мы говорили о *чешскихъ* мнѣніяхъ. Для чеховъ,

какое-нибудь соединеніе славянства вообще мыслимо только въ федеративной формѣ, т. е. такой, которая оставила бы неприкосновенной ихъ внутреннюю независимость и національную свободу. «Панславизмъ», какъ подчиненіе и поглощеніе ихъ народности, кажется имъ чуть не оскорбленіемъ, — и это понятно. Они съ гордостью думаютъ о своемъ недавнемъ возрожденіи, когда ихъ національность востала почти изъ мертвыхъ, когда они успѣли проивести новую народную жизнь и литературу. Они не менѣе гордятся своимъ прошедшимъ, когда Чехія играла столь великую роль въ судьбахъ европейскаго просвѣщенія; въ этой гордости, какъ и въ сознаніи своей новой заслуги передъ славянствомъ — возбужденія славянскаго самосознанія трудами чешскихъ ученыхъ, — они даже считали себя передовымъ народомъ славянскаго міра: и возможно ли, чтобы этотъ передовой народъ отступилъ на второй планъ, стерся и уничтожился? Эта мысль приводитъ ихъ просто въ негодованіе.

По мнѣнію чеховъ, почти единогласному, панславизмъ не есть какая-нибудь серьезная вещь, о которой стоить говорить; это — не больше, какъ фантазія мечтателей, невыполнимость которой становится съ каждымъ днемъ яснѣе. Имъ казалось, что Россія пользовалась этой фантазіей въ своихъ дипломатическихъ расчетахъ; но что теперь въ панславизмъ больше и больше перестаютъ вѣрять и тѣ, кто его боялся ¹⁾.

¹⁾ Панславизмъ и между-славянскія отношенія чехи опредѣляютъ вообще такъ: „Панславизмъ есть живое стремленіе славянъ къ политическому единству всѣхъ ихъ племенъ, какое въ новѣйшее время приписываютъ имъ славянскіи образцы гѣмни, сами дѣлая изъ этого пугало. Поводъ къ такому мнѣнію дала отчасти врожденная симпатія всѣхъ славянскихъ народовъ съ ихъ единоплеменниками и общая ненависть ихъ враговъ, отчасти идея литературной славянской взаимности, провозглашенная особенно Колларомъ, которой подожжены политическія цѣли. Хотя панславизму и въ самомъ широкомъ смыслѣ нельзя было отказать въ правѣ, но интересы отдѣльных славянскихъ народовъ такъ однако различны, и вообще обстоятельства такъ мало благоприятны практическому проведенію этой мысли, что стремленія къ политическому единству всѣхъ славянъ до сихъ поръ нигдѣ не проявились въ практическомъ дѣлѣ, а только какъ праздная фантазія нѣкоторыхъ мечтательныхъ головъ. Самое большее — можно допустить, что, быть можетъ, Россія, которая по этнографическимъ и политическимъ отношеніямъ должна бы была стать ядромъ будущаго всеславянскаго государства, для достиженія своихъ цѣлей нѣкогда хитро пользовалась противъ своихъ дипломатическихъ противниковъ этимъ пугаломъ, котораго ложность и ничтожество сама очень хорошо знаетъ; между тѣмъ это заставляло тѣхъ, кто имѣетъ причину бояться соединеннаго славянства, тѣмъ больше вѣрять въ панславизмъ, какъ грозную погубель и истребленіе всей европейской образованности. Но въ новѣйшее время болѣе наглованіемъ сильно упала и несостоятельность ея иривняется все болѣе и болѣе, хотя взаимность славянъ, т. е. сочувствіе всѣхъ славянскихъ племенъ

Чехи, вѣроятно, совершенно ошибаются и въ томъ, что будто панславизмъ былъ такимъ хитрымъ оружіемъ Россіи, какъ говорится въ приведенной цитатѣ. Правда, теперь еще мало извѣстна дипломатическая исторія второй четверти столѣтія; но достаточно извѣстно, что русская дипломатія этого періода не разъ осуждалась тѣми же чешскими политиками, какъ «не славянская», даже какъ «нѣмецкая». Внутренняя политика этого періода не была благоприятна для панславистическихъ идей, проявившихся въ Россіи: это уже совершенно извѣстно. Какъ бы то ни было, чехи отвергали вслеую возможность того панславизма, на него опасались въ Европѣ въ прежнее время; они отрицались отъ него и теперь. Послѣ московскаго сѣзда, гдѣ чехи слышались славянофильскихъ рѣчей, ихъ отрицаніе высказано было очень рѣзко. Палацкій отвѣчалъ на славянофильскія идеи такимъ категорическимъ заявленіемъ:

«Въ Европѣ и въ Россіи существуютъ разные мнѣнія объ отношеніяхъ русскихъ къ другимъ славянамъ. Нѣкоторые изъ русскихъ видятъ въ этихъ отношеніяхъ доказательство извѣстной платонической любви между славянскими народами; другіе полагаютъ, что славяне должны слиться съ русскими... Эти послѣдніе утверждаютъ, что всѣ славяне должны сдѣлаться русскими. Ихъ панславизмъ есть слѣдовательно панрусизмъ.

«Я отвѣчаю всѣмъ и каждому такъ: — чехи болѣе тысячи лѣтъ бились за свою національную индивидуальность и сохранили ее цѣлой безчисленныхъ жертвъ. Они не захотятъ пожертвовать ею ради какихъ-то сомнительныхъ обѣщаній. То же самое и у всѣхъ другихъ славянъ, особенно у южныхъ.

«Мы никогда не покинемъ своего языка; мы никогда не пожертвуемъ своей литературой. Химера одного общаго языка для всѣхъ славянъ всегда останется химерой — и больше ничѣмъ. Чехи будутъ своими собственными господами; чехи никогда не будутъ русскими подданными; на это мы никогда не согласимся».

Въ этихъ словахъ высказано если не всеобщее, то самое распространенное мнѣніе чеховъ объ этомъ предметѣ.

Политическаго панславизма, съ Россіей во главѣ, еще меньше чеховъ желаютъ яляжи. Давно замѣчено, что поляки очень равнодушны къ славянскому движенію, и дѣйствительно, они всего меньше участвовали даже въ чисто литературной сторонѣ его.

другъ къ другу, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается, какъ это видно также у другихъ народовъ общаго происхожденія, напр., романскихъ и скандинавскихъ». — (Статья о панславизмѣ въ „Научномъ Словарѣ“, чешской энциклопедіи).

Это объясняется особымъ политическимъ и литературнымъ положеніемъ Польши. Для нея не было такой необходимости «возрожденія», какъ для другихъ западныхъ и южныхъ племенъ славянства: она до недавняго времени была дѣла и независима; ея историческое преданіе не прерывалось; она не была принуждена отискивать своего родства. Когда произошла катастрофа «раздѣловъ», Польша сочла это своимъ личнымъ политическимъ бѣдствіемъ и искала избавленія въ политическихъ средствахъ. Припомнимъ, однако, что и въ польской литературѣ были замѣчательные ученые, которые старались завязать общеславянскія связи, — какъ Линде, Кухарскій, Ходаковскій, Мацѣевскій и пр.; но большинство было слишкомъ поглощено политической идеей, и общеславянскій интересъ не великъ въ польской литературѣ и до сего дня.

Съ другой стороны, русско-польскія отношенія давно стали больнымъ мѣстомъ и слабой стороной обще-славянскаго вопроса. Для тѣхъ, кто думалъ найти рѣшеніе вопроса въ обще-славянскомъ союзѣ, эти отношенія были трудностью, которую не знали какъ объяснить и обойти; они бывали возраженіемъ и упрекомъ, какіе дѣлало намъ западное славянство, когда шла рѣчь о пан-славянскомъ союзѣ и единствѣ. Такъ было на пражскомъ съѣздѣ, и такъ было на московскомъ. Въ литературѣ польской эти упреки повторены были множество разъ. Для противниковъ Россіи въ европейской литературѣ это тѣмъ болѣе было вѣчный примѣръ, на основаніи котораго славянству отъ союза съ Россіей грозили порабощеніемъ.

Какъ историческія отношенія Руси и Польши были съ древнѣйшихъ временъ наполнены постоянной политической и національной борьбой, такъ новѣйшія русско-польскія отношенія представляютъ одно изъ самыхъ печальныхъ и болѣзненныхъ явленій въ современномъ славянскомъ движеніи. Со времени раздѣловъ, исторія польскаго общества исполнена вражды къ «московскому наваду»: то поляки искали себѣ иноземныхъ орудій для борьбы съ Россіей, то иностранцы употребляли ихъ такимъ орудіемъ. Было время, когда эти отношенія приняли дружелюбный характеръ, — это была пора основанія царства польскаго, — и тогда одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, польской политической литературы, Сташиць, призываетъ оба народа къ братскому единству и общалъ имъ въ этомъ единствѣ могущество и процвѣтаніе. Но этотъ медовый мѣсяцъ былъ непродолжителенъ. Вскорѣ начнутся недоразумѣнія, сказывается внутреннее противорѣчіе неограниченной русской монархіи и польской конституціи; умы поля-

вовъ направляются на старня воспоминанія, на поиски прежней независимости и «границъ 1772 года». Въ результатъ этихъ національныхъ стремленій вспыхнуло возстаніе 1830—31 г. Послѣ возстанія исключительность обѣихъ сторонъ дошла до крайней степени, и соглашеніе стало труднѣе чѣмъ когда-либо. Исключительность польская развивалась особенно сильно подъ вліяніемъ эмиграціи. Послѣ неудачи возстанія большое число именно наиболѣе настойчивыхъ патріотовъ оставило Польшу, и здѣсь-то, въ эмиграціи, началось чрезвычайное броженіе умовъ, которое донинѣ тяготѣетъ надъ русско-польскими отношеніями какъ непримиренный и непримиримый споръ. Эмиграція поглощена была революціонными планами, цѣлью которыхъ было отраженіе «наѣзда» и восстановленіе старой Польши. Въ первое время, эмигранты были очень радушно приняты во Франціи: это поднимало ихъ духъ, воспоминанія о только-что конченной борьбѣ были еще свѣжи, и заставляли еще болѣе страстно желать возвращенія потеряннаго. Отношеніе къ Россіи становилось все болѣе и болѣе остримъ. Эмиграція составляла еще цѣльный національный островокъ, гдѣ собрались спасшіеся отъ крушенія; въ рядахъ ея были представители всѣхъ классовъ общества—во главѣ стоялъ «король», князь Адамъ Чарторижскій, былъ ученый европейской извѣстности — Лелевель, былъ первый польскій поэтъ — Мицкевичъ. Это была странная жизнь, чрезвычайно возбужденная, полная фантазій, надеждъ, сначала и бодрости, но вмѣстѣ глубоко печальная... Эмиграція обнаруживала большую дѣятельность, между прочимъ и литературную: издавалось нѣсколько журналовъ, выходило много книгъ и книжекъ, съ рассказами, патріотическими планами, воззваніями. Изъ эмиграціи шли нити заговоровъ и тайныхъ обществъ въ прусскую, австрійскую и русскую Польшу; литература эмиграціи имѣла сильное вліяніе дома, куда проходила черезъ всѣ затворы...

Но возбужденіе было лихорадочное; почвы для его исхода не было—отчаянныя попытки кончались неудачно, бѣдственно, да и не могло быть иначе; въ Россіи шли слѣдствія надъ эмигрантами, чрезвычайныя суды и ссылки; враговскія волненія 1846 года кончились паденіемъ послѣдняго свободнаго польскаго уголка; галицкія убійства того же года произвели подавляющее дѣйствіе — было убѣжденіе, что русскіе крестьяне, истреблявшіе польскихъ помещиковъ, были подосланы самимъ австрійскимъ правительствомъ. У многихъ изъ поляковъ возникла тогда мысль, что остается одно — примиреніе съ русской властью; были сдѣ-

ланы понятии; онѣ остались безъ отвѣта... Подъ конецъ самое положеніе эмиграціи становилось все болѣе стѣснительнымъ.

Въ этой тяжелой жизни, не дававшей никакой реальной надежды, въ вѣчныхъ порываніяхъ къ недостижимой родинѣ, могли надломиться самыя крѣпкія силы. Польскій характеръ вообще богатъ фантазіей; здѣсь она развивалась до послѣдней степени — и въ сторону религіи, и въ политику, и въ исторію. Явился мистицизмъ Товянскаго, собравшій цѣлую школу; явился «мессіаниззмъ» Мицкевича, фантазіи Вронскаго, позднѣе историческія теоріи Духинскаго... Надо прочесть послѣднія лекціи въ курсѣ Мицкевича въ Collège de France, прочесть рассказы о впечатлѣніи, какое онъ производилъ, чтобы увидѣть, до какой степени экзальтациі доходили и профессоръ и слушатели. Исторію онъ превращалъ въ ясновидѣніе (и дѣйствительно приписывалъ ясновидѣніе славянскимъ поэтамъ), — Наполеонъ сталъ для него настоящимъ предметомъ культа, — и могущественный талантъ, глубокое чувство уходило на поэтическій бредъ, въ которомъ родина невѣроятно носилась передъ душой поэта.

Невозможность реальной политической дѣятельности, вліяніе всякихъ революціонныхъ элементовъ, собиравшихся во Франціи и въ Англіи передъ 1848 годомъ, создавали особую атмосферу, въ которой польскій патриотизмъ эмиграціи вырождался въ революціонную отвлеченность и вмѣстѣ рутину. Не могло уже быть рѣчи о вниманіи къ дѣйствительности, безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ: впоследствии оказывалось, что эта революціонная отвлеченность не принесла однако перемѣны во внутренніе общественные взгляды. Съ революціоннымъ радикализмомъ мирились всѣ старыя историческія заблужденія, тотъ же католическій консерватизмъ, ту же нетерпимость къ русскимъ элементамъ края, нѣкогда зависѣвшимъ отъ Польши.

Мицкевичъ въ теченіи трехъ лѣтъ на своихъ лекціяхъ говорилъ о славянствѣ, но поляки и теперь мало имъ интересовались: весь славянскій міръ заключенъ былъ въ Россіи и Польшѣ; славянскій вопросъ заключался только въ ихъ борьбѣ; славянство не входило въ расчеты польскихъ политиковъ о будущей судьбѣ польскаго народа, или же входило въ одномъ смыслѣ, — что Польша, въ союзѣ съ западнымъ славянствомъ, или во главѣ этого союза, будетъ бороться противъ Россіи. Такъ-называемый «русскій панславизмъ» былъ предметомъ самаго рѣшительнаго протеста.

Далѣе, русскій панславизмъ не находилъ сочувствія и у *сербо-хорватовъ*. Въ сороковыхъ годахъ, готовясь къ борьбѣ съ

мадьярами, хорваты въ патриотическомъ одушевленіи грозили своимъ врагамъ все-славянскимъ единствомъ, гордились исполненной массой братскихъ славянскихъ племень, — но практически, какъ извѣстно, это братство и единство не принесли никакой осязательной пользы. Въ самомъ дѣлѣ, что могло сдѣлать славянство въ своемъ внѣшнемъ разъединеніи, при недостаткѣ внутренней связи національныхъ интересовъ? Главная политическая сила славянства, Россія, была слишкомъ далеко, — имѣла слишкомъ мало общаго съ крайнимъ западомъ славянства, да, кажется — что бы ни говорили тогдашніе публицисты, обличившіе панславизмъ — рѣшительно не интересовалась имъ. Мудрено ли, что обращенія въ все-славянству остались поэтической фразой и патриотическимъ самообольщеніемъ, и что вскорѣ пришлось со всѣмъ отложить ихъ въ сторону. Вопросъ остался въ тѣхъ тѣсныхъ границахъ, какія давала ближайшая обстановка, и политическія стремленія хорватовъ обратились къ единственному, что было, — къ историческому возвеличенію стараго хорватства, какъ чехи обращаются къ старой «чешской коронѣ». Хорваты забыли о панславянскихъ мечтаніяхъ 1840-хъ годовъ, перестали надѣяться на всеславянство, которое, при всей его громадности, оказалось совершенно безсильнымъ. Не мудрено, что ихъ крайніе политики стали, наконецъ, разсчитывать на западную помощь и союзы; вспоминая историческія заслуги хорватскаго народа, отражавшаго нѣкогда турецкія нашествія, они думали, что Европа должна вознаградить ихъ теперь. Надежды были, разумѣется, совершенно напрасны; но и вообще хорватскіе патриоты такъ же мало расположены къ панславизму, какъ чешскіе.

Сербы, уже какъ православные, гораздо ближе къ намъ, чѣмъ хорваты; они ближе къ намъ и по географіи, и по исторіи, старой и новой. Тѣмъ не менѣе, какъ мы указывали прежде, съ первыхъ шаговъ начинавшейся вновь сербской литературы, въ ней обнаружилось стремленіе къ отдѣльному развитію, предпочтеніе своей исключительной народной особености старому преданію «славяно-сербской» шволы. Въ тѣ времена, въ началѣ столѣтія, еще не было никакой ясной мысли о панславизмѣ; но еслибъ она была, литературная реформа Вука была бы восвешнимъ протестомъ противъ нея. Впослѣдствіи наши славянофилы и обвиняли Вука за «не-славянскія» тенденціи; въ томъ, что Вукъ удалился отъ старой азбуки (которая была та же, что русская), что онъ стремился писать чистымъ народнымъ языкомъ, безъ вниманія къ преданіямъ стараго книжнаго языка, видѣли ни больше, ни меньше какъ угодичество и исполненіе плановъ

Австріи. Мы понимаемъ, что можно было бы спорить противъ нѣкоторыхъ подробностей Вузовою реформы; но что же можно было сказать противъ главнаго—противъ введенія въ книгу «народнаго» языка; что «не-австрійское», а «русское», могъ бы сдѣлать Вукъ въ этомъ отношеніи? Да и сказала ли *тогда* хоть слово объ этомъ сама русская литература? Она ничего не говорила, ничѣмъ не участвовала въ этомъ сербскомъ дѣлѣ. На какомъ же основаніи она теперь могла поднимать противъ Вука свои обвиненія? Мы объясняли, какъ однако естественны были эти стремленія Вука. Дѣло заключалось не въ его личности, а въ самой сущности народныхъ славянскихъ развитій. Въ сербскомъ народѣ были давнія сочувствія къ Россіи; говорятъ, что они и теперь очень сильны, и послѣ событий прошедшей войны стали еще опредѣленнѣе,—но не слѣдуетъ думать, чтобы этотъ народъ сталъ отказываться отъ своей народности, которой именно и служилъ Вукъ. У насъ этого страннымъ образомъ не видѣли даже люди знающіе. Не слѣдуетъ также заблуждаться, противопоставляя русскимъ сочувствіямъ народа сдержанность «интеллигенціи» или даже отчужденіе ея. Передъ народомъ вопросъ нашихъ междуплеменныхъ отношеній является въ самыхъ общихъ очертаніяхъ; онъ понимаетъ ихъ догадкой, чувствомъ — въ данномъ случаѣ понимаетъ вѣрно — но отъ него ускользаютъ подробности, оцѣнка обстоятельствъ, характеровъ дѣятелей данной минуты. Дѣло въ томъ, что и съ нашей стороны дѣйствуетъ не чистая народная стихія; не все же, что дѣлалось, можно было бы считать дѣйствительнымъ выраженіемъ чувствъ и желаній народа и общества; исключительные круги, которымъ принадлежитъ вліяніе, иногда дѣйствовали даже совсѣмъ наперекоръ тому, что называется народнымъ чувствомъ. Очевидно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ требуется для «братскаго» народа большая осторожность, — ему надо очень присматриваться, взвѣшивать, соглашаться, но также и не соглашаться: это послѣднее за народъ и дѣлаетъ его «интеллигенція». Правда, ея «отчужденіе» имѣетъ нѣредко и другія причины, — незнаніе своего народа, эгоистическое равнодушіе къ его интересамъ; но оно можетъ быть и результатомъ соображеній, о которыхъ мы говорили.

Нѣтъ сомнѣнія, что хотя бы сербскій народъ относился къ намъ со всѣми сочувствіями, образованные сербы не противорѣчили своему народу, когда не сочувствовали «панславизму» въ «московскомъ» смыслѣ, потому что, по всѣмъ вѣроятіямъ, и самый сербскій народъ, еслибъ ему выяснилась сущность дѣла, отнесся бы сдержанно къ этому «панславизму», который такъ настоя-

чиво требуетъ себѣ перевезена. Оставалось бы еще спросить — представляетъ ли самый московскій «панславизмъ» настоящія мысли и желанія русскаго народа? Вѣдь это еще вопросъ.

Этотъ вопросъ именно представился въ 1861 году, когда славянофильскій кружокъ издалъ въ Лейпцигѣ извѣстное «Посланіе къ сербамъ изъ Москвы», подписанное всѣми главными представителями школы. Посланіе произвело на сербовъ вообще неприятное впечатлѣніе, которое высказано было, главнымъ образомъ, въ отвѣтъ извѣстнаго сербскаго ученаго — Даничича ¹⁾. Въ русской литературѣ внѣ славянофильскихъ кружковъ «Посланіе» также не встрѣтило сочувствія. Самая форма этого произведенія была странная. Какъ бы ни былъ кружокъ исполненъ любви и благожелательства къ сербамъ, — прямое, такъ-сказать, официальное обращеніе нѣсколькихъ лицъ къ цѣлому народу имѣло въ себѣ нѣчто чрезвычайно высомоѣрное. Тѣ же мысли могли быть высказаны въ общемъ разсужденіи тѣмъ лицомъ, перомъ котораго было написано «Посланіе», — это было бы естественно и скромно; форма прямого обращенія предполагала въ подписывавшихъ его людяхъ роль наставниковъ и руководителей. Въ чѣмъ нмѣ дѣлались эти наставленія и подавались собѣты?

Сербы почувствовали это высомоѣріе. Подобное отношеніе къ славянскому братству замѣтно обнаружилось въ теченіи славянскаго съѣзда въ Москвѣ 1867 года. Здѣсь, вѣроятно, сербы, какъ и другіе славянскіе гости, должны были получить впечатлѣніе, что русскіе «панслависты» именно впередъ смотрятъ на славянство какъ будущіе повелители. Въ сербскихъ изданіяхъ можно было встрѣтить самыя опредѣленныя заявленія противъ панславизма (т. е. предполагаемаго русскаго панславизма съ властолюбивыми и нивелирующими стремленіями), и, между прочимъ, приведенныя выше слова Палацкаго повторены были въ сербской газетѣ «Видов Дан» съ выраженіями полного согласія и сочувствія.

Литературно-политическое направленіе сербской «омладины» остается чуждо панславизму въ томъ смыслѣ, что настаиваетъ на чисто-сербскихъ интересахъ, на развитіи своей народной индивидуальности. Въ ея дальнѣйшихъ идеалахъ — никакъ не слѣпаніе, а омиданіе, что придетъ со временемъ свобода національностей, гдѣ не будетъ оспариваться нужное народное право.

Заявленія народнаго индивидуализма — какъ у сербовъ, такъ и у другихъ славянъ — нередко также впадали въ крайность;

¹⁾ Впрочемъ, Даничичу отвѣчалъ Вукчичичъ, въ зачету «Посланія».

ПРОТИВЪ ПРИЗВАНІЙ МОСКОВСКАГО ПАНСЛАВИЗМА ОНИ ВЫСТАВЛЯЛИ ТРЕБОВАНІЯ ЧАСТНЫМЪ НАРОДНОСТЕЙ СЪ НАСТОЙЧИВОСТІЮ, КОТОРАЯ, КЪ СОЖАЛѢНІЮ, НЕ ДОСТАТОЧНО ОПРАВДЫВАЛАСЯ ФАКТАМИ И, СЛѢДОВАТЕЛЬНО, ПОХОЖА БЫЛА НА САМОНАДѢВНОСТЬ: ПОЛОЖЕНІЕ ВЕЩЕЙ ВОВСЕ НЕ ТАКОВО, ЧТОБЫ ОТДѢЛЬНЫЯ ПЛЕМЕНА СЛАВИЗМА МОГЛИ УСТРОИТЬ СВОИ ДѢЛА БЕЗЪ ЧУЖОЙ ПОМОЩИ И БЕЗЪ СОДѢВ. Но остается несомнѣннымъ, что славянскія народности запада и юга, при всей трудности ихъ политическаго и образовательнаго положенія, никакъ не хотѣли допустить какого-нибудь ущерба свободѣ и цѣлости своихъ національныхъ особенностей.

Не были исключеніемъ и *болгары*. Положенія хуже ихъ не испытывало въ послѣдніе вѣка ни одно изъ славянскихъ племенъ, и однако, въ то время, когда пробудилось народное сознаніе и возникло стремленіе къ освобожденію отъ турецкаго ига, они также ни мало не думали искать свободы пожертвованіемъ народности. Какъ вездѣ въ славянскихъ народностяхъ, ихъ заботы направлены именно на свою народную особность, старинныя историческія преданія болгарскаго народа, на изученіе народнаго быта, нравовъ, поэзій, — на созданіе новаго литературнаго языка. Мысль о подчиненіи иному славянскому племени, съ потерей національной индивидуальности, была какъ нельзя дальше отъ нихъ, и въ тѣхъ газеткахъ, которыя болгарскіе патриоты издавали съ крымской войны въ Румыніи и гдѣ они проповѣдовали національную борьбу за свободу, мы находимъ тѣ же обычныя возраженія и протесты противъ панславизма.

IX.

ОБЩИЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Что же такое, наконецъ, панславизмъ? Есть ли это чистая «фантазія мечтательныхъ головъ» — и тогда, убѣдившись въ этомъ, надо отложить ее въ сторону какъ произвольную и невозможную задачу; или же есть въ немъ нѣчто, — и тогда, въ чемъ оно заключается?

Прежде всего мы имѣемъ передъ собою фактъ возрожденія славянскихъ національностей, совершающійся съ конца прошлаго столѣтія. Не всегда замѣчаютъ необычайность этого факта. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ народностей, находившихся дѣлне вѣка въ летаргическомъ снѣ, пробуждаются одна за другой. По-видимому, у нихъ уже не было будущаго; въ своей исторіи онѣ

были страшно сломлены, или жизнь ихъ медленно подтачивалась; племена теряли свою національность, поворачаясь властелинамъ, сильнѣйшимъ физически или умственно: обитмечивались, турчались, превращались въ грековъ, мадьяръ, итальянцевъ; почти вездѣ потеряли онѣ свой высшій классъ, богатый и образованный; народность оставалась только въ безправной, лишенной образования и сознанія массѣ, которой трудно было вырваться изъ-подъ политическаго и общественнаго гнета, сохраниться подъ влияніемъ чуждаго высшаго образования, и предстояло мало-помалу затеряться въ господствующей національности. Но происходитъ совсѣмъ иное: въ этихъ подавленныхъ, едва понимающихъ свое состояніе племенахъ мелькаютъ первыя искры сознанія, и мало-помалу создается за-ново національная жизнь, происходитъ формация языковъ, являются новыя литературы съ замѣчательными произведеніями поэзи и науки, открываются богатые источники народной поэзи — такой красоты, о которой уже забыла Европа и которая напоминаетъ ей о Гомерѣ. Съ народнымъ сознаніемъ возрождается мысль о сверженіи ига, о завоеваніи свободы: происходитъ восстаніе сербовъ — угнетенной раби, крестьянъ, — и вскорѣ возрождается государство, погибшее еще въ XIV вѣкѣ; княземъ этого государства выбирается, какъ бывало въ младенчествѣ народовъ, предводитель, такой же крестьянинъ, который на своемъ вѣку бывалъ и разбойникомъ. Правда, освободились тогда только сербы, и то одна часть; но «возрожденіе» распространилось во всемъ славянствѣ.

Пробудившіяся въ жизни племена не остаются одиноки. Они чувствуютъ между собою связь; единоплеменность внушаетъ имъ сочувствіе другъ къ другу, правда, долго туманное, не вышенное, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше оно крѣпнеть; въ Россіи, самомъ крупномъ изъ славянскихъ племенъ и единственномъ сильномъ государствѣ, складывается понятіе о необходимости помогать единоплеменникамъ. Взаимныя сочувствія не оставались безплодными; тотъ, кто прощелъ дальше, помогалъ оставшему; владычій большаго просвѣщеніемъ помогалъ тому, кто былъ имъ обѣденъ; сильный помогалъ слабому. Такъ, на первыхъ шагахъ «возрожденія», русскіе помогли болгарамъ черезъ Венецію и другихъ ученыхъ историковъ, помогли сербамъ и черногорцамъ — своимъ политическимъ влияніемъ; ученый словянецъ Копитаръ направлялъ предпріятія Бува; чехи помогли словакамъ и обратили; сербы — хорватамъ; чехи — лужицанамъ. Чешская, русская и польская наука, въ тѣсномъ союзѣ, выискивая старую судьбу племенъ, ея общую древность, соединяла славянскіе народы въ

настоящую минуту, и этимъ дала имъ прочный исходный пунктъ взаимнаго изученія и солидарности. Вскорѣ прямо была высказана мысль о необходимости ихъ умственного общенія, о литературной взаимности. Она и установилась до значительной степени. Введеніе славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ открыло у насъ правильное (хотя и до сихъ поръ ограниченное лишь небольшимъ кругомъ специалистовъ) общеніе съ литературами западнаго и южнаго славянства, въ которомъ въ свою очередь есть свои специалисты того же рода. Это было уже начало панславизма — въ области литературы. Въ сороковыхъ годахъ въ Европѣ заговорили о панславизмѣ политическомъ, какъ о грядущемъ переворотѣ и опасности.

Таковъ былъ общій ходъ фактовъ.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ широкимъ историческимъ явленіемъ. Мы указывали источники этого явленія, которые заключаются, съ одной стороны, во внутреннемъ развитіи, совершавшемся медленно, но постоянно въ средѣ самихъ славянскихъ племенъ; съ другой — въ обще-европейскомъ ходѣ вещей, во вліяніи освободительныхъ, образовательныхъ и гуманитарныхъ идей прошлаго и нынѣшняго вѣка. Славянское возрожденіе совершалось именно въ этомъ духѣ — въ духѣ освобожденія и просвѣщенія. Благородная, внушающая глубокое уваженіе черта славянскаго возрожденія есть именно поднятіе народной массы въ сознательному человѣчному существованію, возвращеніе миллионновъ населенія къ свободѣ и просвѣщенію, уваженіе къ народной старинѣ, преданьямъ, обычаю, изученіе ихъ, въ которомъ славяне отчасти предвѣрили европейскую науку. Это былъ своего рода романтизмъ, не феодальный, а демократическій, — не оставшійся только напризомъ литературной школы, но соединенный съ заботой о практической помощи народному сознанію, о популярной литературѣ и пр. Результаты оказывались уже скоро. Для тѣхъ, кто заботился о «цѣлости и независимости» Турціи, кто хотѣлъ вѣрить въ турецкія реформы, можно было уважать фактъ, что сербы, въ пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія, болгары въ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ открытія ихъ первой школы въ тридцатыхъ годахъ, еще подъ турецкимъ владычествомъ, приобрѣли такую степень народнаго образованія, какой турки не умѣли достигнуть въ пять столѣтій своей жизни въ Европѣ и владычества надъ этими народами. Но всему этому характеру своего содержанія, славянское возрожденіе есть одинъ изъ сильныхъ фактовъ обще-европейскаго прогресса; это — естественное и глубокое примѣненіе европейской идеи, которое такимъ обра-

вошь можетъ свидѣтельствовать, что славянство—не какая-нибудь новая орда, грозящая потопить европейскую цивилизацію, а такое же европейское племя, возбужденное духомъ времени и стремящееся войти въ кругъ этой цивилизаціи съ тѣмъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, какое прививается европейской образованностью.

Возрожденіе сильно именно тѣмъ, что племенные инстинкты, потребность національной свободы шли и идутъ въ немъ рядомъ съ потребностью гуманитарнаго просвѣщенія. Это очевидно изъ всего характера и содержанія новѣйшихъ славянскихъ литературъ: размѣры большей части изъ нихъ очень незначительны, но онѣ совершенно оправдываютъ сдѣланное замѣчаніе... Правда, что у противниковъ славянства нѣтъ особеннаго желанія убѣдяться въ этомъ.

Но если таковы источники и характеръ славянскаго движенія, очевидно, что его нравственно-политическое *право* не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, право не только на то, что имъ уже сдѣлано, но и на дальнѣйшее развитіе. То, что приобретено, —уже много въ сравненіи съ прежнимъ подавленнымъ состояніемъ славянства: сравнимъ нынѣшнюю Чехію съ тѣмъ, что была она сто лѣтъ назадъ, вспомнимъ, что была Сербія, Болгарія сто лѣтъ тому назадъ. Но, говоря безотносительно, эти приобретения еще чрезвычайно далеки отъ того, что необходимо для обезпеченія національной жизни. И прежде всего, не восстановлена самая цѣльность племенъ — по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это совершенно необходимо и было бы возможно (напр. относительно сербовъ и болгаръ, остающихся за Турціей);—или, въ австрійскомъ славянствѣ, не обезпечена внутренняя политическая равноправность славянской народности съ чуждой господствующей, напр., чеха въ Богеміи, хорвата, серба, словака, русина въ Венгріи и т. п. Болгаринъ, сознавшій потребности разумнаго человѣческаго существованія для отдѣльной личности и для народа, не могъ не стремиться въ освобожденію своего народа; сербъ въ свободномъ уже князествѣ или въ Черногоріи не могъ не помнить объ освобожденіи своихъ ближайшихъ единоплеменниковъ (сосѣдей, друзей и братьевъ) изъ-подъ возмутительнаго ига; словакъ, хорватъ, сербъ, русинъ такимъ же образомъ не могъ не враждовать съ мадьярами, потому что не видѣлъ отъ нихъ простой юридической и общественной равноправности и справедливости. Всѣмъ имъ остается одинъ путь—борьба, самая справедливая, потому что національность, въ которой они себя ощущали,

не только не обезпечивалась, но была сама по себѣ причиною критическаго, — но борьба, страшно тяжелая.

«Национальный принципъ» подвергался разнымъ теоретическимъ нареканіямъ, и заслуживалъ ихъ, когда извращался въ орудіе реакціонной политики или дипломатической интриги. Здѣсь роль его была иная; онъ дѣйствовалъ здѣсь своими элементарными силами и былъ единственнымъ орудіемъ политическаго, общественнаго и нравственнаго возрожденія цѣлыхъ племенъ. Гдѣ историческая судьба связала національности радикально несходныя, какъ въ Турціи, гдѣ политическая форма соединила азіатскія племена съ европейскими и поставила именно послѣднія, единственно способныя къ европейскому развитію, въ положеніе пловцовъ; или гдѣ — въ государствѣ европейскомъ нѣтъ однако равноправности, гдѣ именно національность подчиненнаго племени влечетъ съ собою «лишеніе нѣкоторыхъ правъ», какъ въ Австріи и т. п., тамъ этотъ же принципъ становится условіемъ народнаго развитія, высшимъ нравственнымъ началомъ. Сколько бы ни негодовала дипломатія на нарушеніе ея спомощствія, дѣйствіе національнаго принципа вызвало славянскій міръ изъ его вѣковой летаргіи, и онъ составляетъ основу славянскаго современнаго движенія.

Скучно бываетъ читать нападенія на славянство именно съ этой стороны. Славяне виноваты, что не хотятъ быть нѣмцами, венграми, турками; — какъ и у насъ (по мнѣнію многихъ), поляки виноваты, что не хотятъ быть русскими. Но во всей Германіи поднимается вопль, что Данія угнетаетъ трехъ нѣмцевъ въ Шлезвигѣ и изъ-за нихъ поднимается война, въ которой Пруссія и Австрія успѣшно побѣждаютъ Данію; во Франціи, завоеваніе Пруссіей и обратное овѣмеченіе Эльзаса есть національный трауръ, тема для тиртеевскихъ пѣсней, для политическихъ филиппикъ, сенсационный сюжетъ для живописи и скульптуры. Но если пруссакъ освободилъ теперь страдающаго шлезвигца, если французъ приходитъ въ патристическую печаль объ эльзасцѣ, — то, кажется, должно быть еще болѣе имъ понятно, что болгаринъ и сербъ ненавидѣли турецкое господство, словакъ и хорватъ — венгерское, чехъ — нѣмецкое и т. д. Нынешняя война, привлекавшая въ Турцію нѣсколько первостепенныхъ европейскихъ публицистовъ и очень расширившая характеръ турецкой власти, выяснила, между прочимъ, тѣ вещи, которыя до-сихъ-поръ болгары и сербы вносили на себѣ и въ которыя не желала приглядѣться пристально европейская дипломатія и публицистика. Стало ясно, что турецкое господство есть вещь невозможная, что въ борьбѣ славянъ съ турками шелъ вопросъ о борьбѣ европейской куль-

туръ съ азіатскою «цивилизациею». Въ другомъ видѣ, но также невозможно было (при *настоящемъ* порядкѣ вещей) примиреніе славянской національности съ нѣмцами, съ мадьярствомъ и т. д. Существуетъ фактъ, что славянская народность, самымъ своимъ присутствіемъ, есть поводъ къ общественно-политическому стѣсненію; нонятво, что славянскій патриотъ не можетъ не относиться враждебно къ угнетателю, — согласиться съ послѣднимъ будетъ значить — измѣнить своему народу, стать самому въ ряды угнетателей.

Національное сознание, явившись, наконецъ, въ славянскихъ обществахъ должно было развиваться все въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Новыя славянскія литературы выросли въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, онѣ наполнялись изученіемъ народности — историческія преданія прошедшаго, бытъ современный, народный языкъ, поэзія, все это стало предметомъ изслѣдованій, описаній, сличеній; съ другой стороны, онѣ стремились усвоить плоды литературъ европейскихъ, догнать результаты, выработанныя европейскимъ развитіемъ въ тѣ вѣка, когда славянство по-всѣмъ бездѣйствовало. Наконецъ, вопросъ былъ поставленъ политическимъ образомъ. Отчасти приводило къ тому собственное логическое развитіе народности, воспоминаніе о временахъ старой свободы и политическаго могущества, стремленіе освободиться отъ отѣсненій, угнетающее дѣйствіе которыхъ стало опутительнѣе; съ другой стороны, это естественное развитіе поддерживали внѣшнія событія — какъ войны Россіи съ Турціей, возбуждавшія балканское славянство, какъ войны Наполеоновскія, какъ июльская революція, какъ сорокъ-восьмой годъ.

Политическая борьба славянства за свою національную свободу болѣе частью была еще мало удачна, но далеко не бесплодна: съ конца прошлаго вѣка и донинѣ южное славянство перешло отъ полного рабства въ образованію государствъ; при болѣе широкомъ политическомъ искусствѣ, при болѣе сознательности славянскаго міра, результатъ могъ бы быть еще несравненно шире, чѣмъ онъ есть въ настоящую минуту. Мало-по-малу стала являться мысль о необходимости національной солидарности племенъ — панславизмѣ.

Эта мысль о панславизмѣ (въ какой бы то ни было формѣ, все равно) возникала естественно, сама, изъ родственности славянскихъ племенъ, какъ скоро эта родственность была признана. Нѣкогда, и, повидимому, не въ очень отдаленной древности, славянство составляло группу племенъ, несравненно болѣе близкихъ

одно другому по всѣмъ племеннымъ свойствамъ, чѣмъ теперь. Нашъ начальникъ лѣтописецъ еще знаетъ преданія о выселеніи сербовъ и хорватовъ на югъ и западъ изъ карпатской страны, гдѣ они прежде жили. Теперь собрано довольно много свидѣтельствъ, что въ средніе вѣка славяне даже далеко расселенные знали другъ о другѣ, помнили единство своего происхожденія и имѣли извѣстныя племенные сочувствія; правда, это сочувствіе мало подѣйствовало на практическія событія, но ближайшіе сосѣди знали другъ друга очень хорошо, какъ болгары съ сербами, сербы съ хорватами, хорваты съ словенцами, чехи съ поляками, русскіе съ поляками, а въ старину съ болгарами, малоруссы украинскіе съ русинами галицкими, русины венгерскіе съ словаками и т. д. Исторія не однажды сближала сосѣднія племена въ общей судьбѣ. Такимъ образомъ, по всему славянству тянулась нить племенныхъ сношеній, болѣе близкихъ или дальнихъ. Особенно тѣсная связь была между русскимъ славянствомъ и балканскимъ, болгарами и сербами: они близки по происхожденію, принадлежатъ вмѣстѣ въ одному изъ двухъ главныхъ отдѣловъ славянскаго племени, близки по историческимъ отношеніямъ и единовѣрью, вслѣдствіе котораго нѣкогда южные славяне бывали нашими церковными учителями, а потомъ, подъ турецкимъ игомъ, искали книжно-церковной помощи у насъ, начиная еще со временъ московскаго царства. Отсюда ихъ надежды на русскую помощь, а поданная помощь оставляла благодарную память и усиливала надежды на будущее. Новѣйшее изученіе народностей указало между славянскими племенами столько родственнаго, что племенное чувство невольно оживлялось; изъ ученыхъ круговъ это впечатлѣніе распространялось въ обществѣ и, какъ мы видѣли въ сербо-турецкой войнѣ, способно было вызвать даже въ нашемъ хаотическомъ обществѣ извѣстныя предпріятія на помощь сербамъ. «Взаимность» дѣлалась сознательной.

Въ Европѣ эта помощь славянству со стороны Россіи изобразилась часто именно какъ «макиавелическая политика», скрывавшая завоевательные планы Россіи. Не пускаясь въ темную исторію дипломатическихъ плановъ, довольно замѣтить, что если были у Россіи макиавелическіе планы, то они исполнялись очень дурно, потому что въ войнахъ съ Турціей, въ большинствѣ счастливыхъ, Россія пріобрѣтала меньше, чѣмъ могла бы пріобрѣсти, русская политика меньше заботилась о славянствѣ, чѣмъ могла; напротивъ, показывала слишкомъ много... добродушія, когда не только не пользовалась удобными случаями къ захватамъ, но еще заявляла, что желаетъ сохраненія «цѣлости

и независимости Турціи,—и дѣйствительно сохранила. Выше привадено достаточно примѣровъ, что наши «Макиавели» вовсе не поощряли развитія у насъ славянскаго вопроса... Притомъ, если русская политика оказывала покровительство христіанамъ Турціи, помогала Сербіи, то въ этомъ принимали участіе и европейскія державы; а для Россіи было бы если уже не дѣломъ истинныхъ сочувствій, то дѣломъ приличія оказать покровительство той церкви, которой принадлежит и ея народъ, какъ Франція оберстала Римъ для папы, какъ она вмѣшивалась въ дѣла сирійскихъ христіанъ. Россія притомъ помогала не однимъ славянамъ: въ прежнее время, Россія, больше чѣмъ балканскому славянству, помогла Греціи, Молдавіи и Валахіи. Сама Европа дала Греціи свое покровительство.

Съ точки зрѣнія «макиавелизма», въ нашей помощи славянству удивительно не то, что она подавалась, а то, что она подавалась такъ медленно и такъ скудно. Въ прежнее время, дѣйствительно, русская дипломатія гораздо меньше думала о славянахъ Турціи, чѣмъ о принципѣ законной власти его величества султана надъ славянами.

Такъ или иначе, отрывочно, неполно и случайно обнаружались факты политическихъ сочувствій; практически ихъ сила была еще крайне ограничена, но они считались уже несомнѣнными теоретически, и у отдѣльныхъ лицъ стали складываться въ теорію политической солидарности и славянскаго единства: это и былъ такъ называемый панславизмъ, т.-е. чистая теорія, или, вѣрнѣе, на половину теорія, на половину идеалъ національныхъ патриотовъ, философско-историческое построеніе,—справедливое или несправедливое, но которое *никогда* не было правительственной системой. Теорія развивалась различно въ разныхъ рукахъ и разныхъ обстоятельствахъ. Сначала выставлены были одни факты, именно факты племенного родства, общей старины и народныхъ преданій, сходства племенныхъ характеровъ и быта. Шафарикъ представилъ панславянскіе итоги древности и современнаго состоянія племенъ. Колларъ говорилъ о литературномъ панславизмѣ въ формѣ «взаимности». Для западныхъ славянъ трудно было говорить о панславизмѣ политическомъ,—отъ нихъ не могла идти его инициатива, по подчиненному состоянію и слабости племенъ; заговорили русскіе теоретики, какъ Погодинъ и славянофилы. Западный панславизмъ Штуръ сталъ понти на ту же точку зрѣнія. Самой крайней (вероятно, для практическихъ вопросовъ славянскій политикѣ мало выясненной) теоріей была славянофильская теорія о противоположности двухъ міровъ, греко-славянскаго и романс-гер-

манскаго. (У нашего правительства ни эта централистическая, ни другая, федеративная, теорія панславизма, не имѣли успѣха и не получали одобренія.) Въ то же время въ Европѣ пошли толки о панславизмѣ какъ о явной будто бы системѣ русской политики. Фактовъ, доказывавшихъ это, конечно, не было; но въ Европѣ помнили о греческомъ проектѣ Екатерины (онъ показывалъ широкіе завоевательные планы, хотя доказывалъ противъ панславизма), вѣрши въ «завѣщаніе Петра Великаго», боялись могущества Россіи во второй четверти столѣтія, усмиреніе Польши и уничтоженіе ея конституціи считали первымъ шагомъ нивелирующей политики, видѣли вліяніе Россіи въ дѣлахъ балканскаго полуострова; — въ частности, считали книжки гр. Гуровскаго внушенными русскимъ правительствомъ, слышали о московскихъ патріотахъ, считали правительственнымъ агентомъ Погодина (который былъ панславистомъ просто въ свою голову); наконецъ, знали о славянскомъ возрожденіи. Изъ всего этого составилось довольно матеріала, чтобы говорить о русскомъ панславизмѣ; присоединились частныя опасенія различныхъ противниковъ славянства и Россіи, и они стали указывать на грозящую опасность: — мадьяры, опасаясь (въ тѣ годы, передъ 1848) хорватовъ и сербовъ; вѣмцы, подозревая чеховъ и другихъ славянъ; поляки, пугаясь Россіи и пугая ея. Существованіе панславизма, какъ злостнаго политическаго плана, было принято за фактъ. Сами славяне, наслушавшись толковъ, сознавая присутствіе племенныхъ связей, слыша нѣчто о московскихъ теоріяхъ, не зная хорошенько внутреннихъ русскихъ отношеній, также стали пугаться «поглощенія» и стали съ негодованіемъ отверциваться отъ панславизма.

Обѣ стороны, и Европа, и славянство, крайне преувеличивъ дѣло, несправедливо судили и самые факты. Одни были неправы, бросая тѣнь на естественное развитіе національной жизни въ славянствѣ, какъ въ послѣдніе годы изъ-за «панславизма» отнималось у болгаръ право на свободное человѣческое существованіе. Были неправы и славяне, которые, изъ-за боязни «поглощенія», не оцѣниваютъ всей серьезной сущности вопроса, именно, что панславизмъ, — въ той или другой формѣ междуплеменной солидарности, — есть единственное обезпеченіе ихъ сохраненія и будущаго развитія.

Славяне чувствуютъ, что эта солидарность необходима, но до сихъ поръ не умѣли примирить этой необходимости съ чувствомъ своей народной индивидуальности. Опасеніе понести ущербъ для нея внушаетъ имъ опасенія; они знаютъ силу Россіи, рассчитываютъ на нее, но все-таки относятся къ ней сдержанно — и въ

сущности мало интересуются ея внутреннимъ бытомъ. Разсуждая о Россіи, они (напр. чехи) съ удовольствіемъ отмѣчаютъ въ ея общественности и политикѣ проявленія «славянской идеи»; славяне радовались успѣхамъ русскаго дѣла въ Болгаріи;—въ чемъ же основаніе этой радости? Очевидно, не столько въ общечеловѣческомъ интересѣ дѣла, сколько именно въ интересѣ племенномъ, въ сознаніи, что «взаимность», какъ оказывается, можетъ стать политической силой, которая совершаетъ великія услуги славянскому дѣлу, — быть можетъ, со временемъ и ихъ собственному. Но если этой взаимности предстоитъ развиваться, то концомъ развитія можетъ быть только панславизмъ, который былъ бы высшей степенью взаимности. Славянство ищетъ политической свободы, понимаетъ необходимость собственнаго энергическаго усилія, кругомъ себя видитъ только враговъ, и нуждается въ помощи, потому что однихъ силъ каждаго отдѣльнаго племени мало для достиженія цѣли. Гдѣ же эта помощь?—ея можно ожидать только отъ племенной солидарности и союза. Кто будетъ отвергать этотъ союзъ, уходить отъ него, тотъ рискуетъ національной гибелью. Словомъ, панславизмъ—единственное средство политическаго обезпеченія, гарантія независимости, какая можетъ быть отыскана славянствомъ. Славянство пугается той формы, въ какой выражались панславянскія тенденціи въ московской школѣ, пугается могущества Россіи и ея суроваго отношенія къ польской національности, и какъ будто никогда не ждетъ отъ Россіи другихъ взглядовъ и другого способа дѣйствій. Но едва ли возможно думать, что нынѣшнія политическія условія останутся неподвижными; вѣроятнѣе, напротивъ, что время будетъ дѣлать свое, что придутъ болѣе широкія формы и идеи, которыя дадутъ мѣсто и такому славянскому союзу, какой теперь считается невозможнымъ; неизмѣнность формъ можетъ стать опасностью для самой Россіи. Само развитіе славянской солидарности можетъ здѣсь подѣйствовать, открывая новыя условія и потребности — если только сумѣетъ идти въ уровень съ лучшими стремленіями въ самомъ русскомъ обществѣ.

Панславянская солидарность необходима не въ одномъ политическомъ, но и во внутреннемъ, образовательномъ смыслѣ. Первое можетъ еще долго оставаться недостижимымъ; политическія преобразованія въ самой Европѣ могутъ даже совсѣмъ устранить необходимость политическаго панславизма, — по крайней мѣрѣ, ослабить ее; но это не измѣнитъ необходимости образовательно-литературной солидарности. Западное славянство боится германизации, но послѣдняя производится не только политическими сред-

ствами, а также просто образовательнымъ превосходствомъ, — и, отставая въ этомъ отношеніи, славянство будетъ само себя подкапывать; слѣдовательно, надо стремиться къ тому, чтобы для приобрѣтенія болѣе высокой культурной степени не было необходимо отказываться отъ своей національности и забывать ее. Въ этомъ отношеніи славянству остается сдѣлать очень многое. Справедливо замѣчено было, что раздѣленное, какъ теперь, славянство будетъ бессильно и въ развитіи образовательно-литературномъ: мелкія литературы, ограниченныя небольшимъ кругомъ силъ и публики, неизбежно будутъ стѣснены и въ развитіи своего содержанія. Чтобы слѣдить (хотя до известной степени) за движеніемъ европейской науки, четыре-пять славянскихъ литературъ должны будутъ рядомъ дѣлать одно и то же дѣло, отнимая время и силы отъ самостоятельныхъ работъ, и такъ какъ въ небольшихъ литературахъ просто не будетъ читателей для самостоятельныхъ спеціальныхъ работъ, то научныя силы будутъ уходить — какъ теперь — все въ ту же нѣмецкую литературу. Тѣсный горизонтъ частнаго племени долженъ ограничивать и дѣятельность поэтическую, которая несомнѣнно зависитъ отъ объема національной жизни, отъ развитія цѣлой литературы. Намъ кажется, что литературная солидарность (въ какой бы формѣ она ни произошла) и здѣсь оказала бы оживляющее дѣйствіе. Безъ всякихъ панегириковъ русской литературѣ, нельзя не признать, что кругъ ея литературныхъ идей, художественное достоинство ея произведеній, разнообразная выработка стиля, широта замысловъ стоятъ гораздо выше явленій всѣхъ другихъ славянскихъ литературъ (не исключая и польской).

Но, говоря все это, мы нисколько не думаемъ отвергать права другихъ славянскихъ литературъ, навязывать имъ русскій языкъ и т. п. То, что дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ въ славянскихъ литературахъ, имѣетъ свое достаточное историческое объясненіе, и — установленіе солидарности, о которой мы говоримъ, быть можетъ, всего больше должно быть дѣломъ самой русской литературы. Ея значеніе и интересъ къ ней въ славянствѣ возвысится только съ ея значеніемъ дома, а послѣднее тѣсно связано съ развитіемъ общественности.

Для того, чтобы взаимное сближеніе славянства могло осуществиться, нужно столь многое, что въ настоящее время панславизмъ справедливо можетъ вазаться произвольной фантазіей и заявленія объ его необходимости съ русской стороны — націо-

нальной жадностью (на что наводятъ идеи нѣкоторыхъ изъ нашихъ славянофиловъ).

Современный славянскій міръ почти безъ исключенія протестуетъ противъ него, отставивъ впередъ свои племенные и историческія особенности. Но самъ онъ въ настоящую минуту исполненъ такимъ противорѣчіемъ основныхъ принциповъ политическихъ и религиозныхъ, историческихъ преданій, общественно-національных стремленій, что противорѣчія, кажется, несоединимы: православіе — и католицизмъ, неуклонная абсолютная монархія — и привычка къ (худой или хорошей) конституціонной жизни, къ народно-бытовой непосредственности, Россія — и Польша, «обрусѣніе» — и упорная защита народной индивидуальности. Гдѣ нѣтъ разнорѣчія въ одномъ отношеніи, — оно сохраняется въ другомъ, и несетъ въ себѣ зародышъ разрыва. Такъ, восточное славянство (русскіе, болгары и сербы) соединяется единствомъ религиознымъ, многими историческими преданіями и недавней помощью; но и здѣсь отношенія деликатны, потому что у болгаръ и сербовъ является ревнивое опасеніе за неприкосновенность своей народности¹⁾. Въ западномъ славянствѣ сближеніе затруднено цѣлымъ рядомъ несогласій — до того, что (какъ мы видѣли выше въ словахъ Палацкаго) уже теперь, такъ-сказать, ничего не видя, оно, по чувству племенной особности, относится къ предполагаемой русской гегемоніи съ настоящей враждой. Эти протесты и указываютъ, гдѣ причины существующаго и возможнаго раздора, и какимъ путемъ возможны сближеніе и союзъ.

Въ какой формѣ устроится будущій панславизмъ (повторяемъ, въ какой бы ни было формѣ національной солидарности), и устроится ли онъ вообще — это, конечно, неизвѣстно, потому что возможно и то, и другое. Славянство можетъ опоздать съ союзомъ, и останется въ видѣ *membra disjecta*, съ сомнительной способностью противо-дѣйствовать организованнымъ чужимъ вліяніямъ и вмѣшательствамъ. Но если признавать, что союзъ необходимъ для національнаго бытія славянскаго міра, то въ основаніи стремленій къ

¹⁾ Русское общество, не особенно привыкшее къ политической деликатности, въ теченіи послѣднихъ годовъ не разъ высказывалось отталкивающимъ для славянства образомъ: таковы бывали предположенія, что болгарамъ нужно бы теперь принять русскій языкъ, такъ какъ ихъ языкъ (неизвѣстный тѣмъ, кто дѣлалъ эти замѣчанія) чрезвычайно сходенъ съ русскимъ; такъ, корреспонденты и публицисты съ удовольствіемъ приводили замѣчанія добровольцевъ изъ простого народа, что-де „сербы — это тѣ же русскіе, только изъ бѣградской губерніи“ и т. п. Повторяшіе это, вѣроятно, не думали о значеніи своихъ словъ; но сербамъ и болгарамъ онѣ не могли нравиться. Другіе случаи этого рода бывали покрупище...

нему долженъ быть не духъ исключительности и нетерпимости, который еще продолжаетъ господствовать въ между-славянскихъ отношеніяхъ, а духъ примиренія. Когда извѣстная русская школа отождествляетъ славянскій вопросъ съ православіемъ, пророчить гибель европейской цивилизаціи, отталкиваетъ католическое славянство, а школа польская рѣшаетъ, что Россія есть племя варваровъ, которое должно быть отгѣснено въ Азію, — говорить объ этомъ союзъ смѣшно. Обѣ стороны, конечно, считаютъ себя непогрѣшимыми. Не находясь въ этомъ пріятномъ состояніи, мы думаемъ, что обѣ стороны находятся въ глубокомъ заблужденіи. Обѣимъ сторонамъ недостаетъ хладнокровной критики и вниманія къ положенію и интересамъ другого племени. Обѣ теоріи проповѣдуютъ нетерпимость и насиліе, и послѣдовательный результатъ ихъ была бы истребительная борьба — безсмысленная, между прочимъ, потому, что у обѣихъ сторонъ есть общіе враги, которымъ этотъ раздоръ служилъ бы только къ «пользѣ и увеселенію».

Первымъ условіемъ, необходимымъ для панславянскаго сближенія, были бы — религіозная терпимость и уваженіе къ чужой народности. Было бы странно, если бы панславянскій союзъ отнималъ или, по крайней мѣрѣ, стѣснялъ у нихъ то же, что у нихъ отнимали турки, мадьяры и нѣмцы, — между тѣмъ, понятіе о правѣ народностей у насъ до сихъ поръ почти не существуетъ: объ «обрусѣніи» у насъ говорили такъ легко, какъ о починкѣ мостовыхъ; стоило украинофиламъ воспользоваться малорусскимъ языкомъ не для однихъ стиховъ, а для популярныхъ книгъ, какъ начались крики о сепаратизмѣ; поляки, испытывая національныя стѣсненія въ царствѣ, дѣлали такія же стѣсненія русинскому языку въ Галиціи и т. д.

Право народности есть однако капитальный пунктъ всего славянскаго движенія, — которое наполнено защитой этого права. Тяжесть нарушенія его испытывали различнымъ образомъ почти всѣ западные и южные славяне, и въ усиліяхъ сопротивленія народность стала еще болѣе чувствительна, и совершенно понятно, что они упорно стоятъ теперь за ея неприкосновенность. Одни, какъ поляки и чехи, два главныхъ племени западнаго славянства, имѣли издавна богатая литературы, которыя составляютъ для нихъ предметъ гордости. У поляковъ эта литература не прерывалась, но въ нынѣшнемъ столѣтіи въ русской Польшѣ подвергалась все болѣшимъ стѣсненіямъ, — такъ что свободная печать окончательно перешла въ польскія земли Австріи и Пруссіи, и въ пріютъ эмиграціи, Парижъ. Стѣсненіе пало и на другія сто-

роны польской національной жизни, прибавляясь къ политическимъ мѣрамъ, принятымъ противъ Польши... У чеховъ была старая замѣчательная литература и свободная національная жизнь, но та и другая была насильственно прервана въ началѣ XVII столѣтія и заглохла на полтора вѣка; католическая реакція запрещала и истребляла національныя преданія и литературу, казнила людей, жгла книги и т. д. Съ возобновленіемъ литературы въ концѣ XVIII столѣтія здѣсь являлась снова на сцену національная жизнь, которая уже считалась не существующею.

У православныхъ сербовъ и болгаръ съ паденіемъ ихъ царствъ, съ XIV—XV вѣка письменность почти окончательно исчезла, не уцѣлѣло почти никакого книжнаго преданія, а литература, возникшая у нихъ съ конца прошлаго или нынѣшняго столѣтія, начиналась положительно вновь, на новомъ народномъ языкѣ, лишь съ слабыми воспоминаніями изъ старой книжности.

Такимъ образомъ, кромѣ поляковъ (и отчасти западныхъ сербо-хорватовъ) литература воѣхъ остальныхъ славянъ была въ полномъ смыслѣ слова возрожденіемъ. Мы указывали особенныя свойства возрожденія, составлявшія его силу. Оно было по преимуществу народное, демократическое. Съ паденіемъ старыхъ государствъ, славяне потеряли весь высшій «культурный» классъ, который или погибъ въ историческихъ катастрофахъ, или измѣнилъ народу и народности, вступивъ въ ряды побѣдителей. Такъ было у болгаръ, сербовъ, чеховъ, словаковъ, русиновъ (у послѣднихъ высшій классъ становился польскимъ или мадьярскимъ). Национальная жизнь сохранялась только въ бытовомъ преданіи и могла возродиться только изъ среды народа. Такъ это дѣйствительно и было.

Новые дѣятели набирались изъ самыхъ глубокихъ народныхъ слоевъ: родиной первыхъ писателей, ученыхъ, политическихъ дѣятелей, военныхъ предводителей была деревня; родъ—поселяне, много сельскій священникъ; первыя впечатлѣнія—чистый народный бытъ. У людей этого происхожденія любовь къ народу могла быть и была прямая, непосредственная. Вновь начинавшіяся литературы выбирали своимъ языкомъ—языкъ самого народа, создавали новое содержаніе изъ народнаго матеріала, потому что старина была основательно истреблена или забыта. Это простонародный языкъ, мало-по-малу прилаживаемый къ книгѣ, литературный языкъ, построенный заново. Такъ, нынѣшній сербскій книжный языкъ не восходитъ дальше Вука Караджича; болгарскій считаетъ дѣтъ тридцать-сорокъ, и еще донныѣ не установился и т. д. Национальность была такъ долго подавлена, что ее нужно было

реставрировать: начинается изученіе элементовъ народности. Нужно было обезпечить основанія національнаго дѣла — возникаетъ забота о народномъ образованіи, основываются народныя школы, пишутся популярныя книги. Понятно, какую важность эти народныя литературы имѣли для возстановленія національности, для образованія народной массы.

Мы упоминали, какъ легко говорили у насъ о бѣдности этихъ литературъ, предлагая вмѣсто нихъ введеніе русскаго литературнаго языка; но это были литературы на языкѣ своего народа, заключали въ себѣ все его поэтическое и патріотическое содержаніе, служили его начинающей образованности, — словомъ, были дороги своему народу, какъ вообще бываетъ дорога литература, и только-что созданныя, онѣ были гордостью славянскихъ патріотовъ. Да и кромѣ того: русская литература несравненно богаче каждой изъ южнославянскихъ; но литература чешская, польская также не бѣдны, и имъ не легко предложить принятіе русскаго литературнаго языка. Дѣлать такихъ предложеній нельзя; нужно, чтобы русскій языкъ самъ по себѣ сталъ привлекателенъ и важенъ для славянства, а это можетъ быть достигнуто только внутреннимъ развитіемъ и свободой русской литературы. А теперь многія славянскія литературы въ этомъ послѣднемъ отношеніи гораздо ея выше. Странно, смѣшно сказать, что не только чешская или заграничная польская, но даже какая-нибудь русинская литература въ Галиціи, въ прежнее время даже болгарская въ Румыніи — могли говорить свысока о поддевурной русской литературѣ и разныхъ случаяхъ, какіе съ ней бываютъ!

Слѣдовательно, если бы мы желали литературнаго объединенія, надо: не требовать отъ славянъ принятія русскаго языка, — это будетъ совершенно бесполезно, да и невозможно, — а стараться поставить саму русскую литературу въ такое положеніе, чтобы она, безъ всякихъ хлопотъ и рекомендацій съ нашей стороны, получила для нихъ образовательный, научный и политическій интересъ. Слѣдовательно, прежде всего нужна забота объ обезпеченіи самой русской литературы, а она сводится, конечно, къ дѣлому положенію нашей общественности. — Въ частности, наша литература пріобрѣтетъ важность для славянства только тогда, когда будетъ сама владѣть большимъ знаніемъ славянскихъ дѣлъ, когда славянскіе интересы (которые стали у насъ обнаруживаться не далѣе, какъ только въ послѣдніе годы) получатъ въ нашей жизни полное право гражданства и возможность инициативы: общество не можетъ довольствоваться однимъ пассив-

нимъ любопытствомъ, а дѣятельная инициатива находится въ извѣстномъ положеніи, о которомъ можно имѣть понятіе по судьбѣ славянскихъ комитетовъ...

Со временемъ это положеніе вещей, вѣроятно, измѣнится, и русская литература въ состояніи будетъ занять въ славянскомъ мірѣ мѣсто, достойное «великаго народа» и «великой державы», — какова она теперь не имѣетъ, — и привлечъ къ себѣ умы славянства. Но для этого ей предстоитъ еще громаднѣйшій трудъ — расширить свое содержаніе, приобрести столько самостоятельности, чтобы въ вопросахъ славянскихъ она могла высказывать не одно національное хвастовство или сантиментальность, а въ вопросахъ науки она не была только повтореніемъ (на половину недосказаннымъ, перечеркнутымъ) литературъ западныхъ: иначе въ первомъ случаѣ она не будетъ интересна для славянъ, а во второмъ славяне будутъ предпочитать обращаться къ подлинникамъ, какъ дѣлаютъ теперь.

Ближайшимъ дѣломъ славянскихъ литературъ остается взаимное изученіе своихъ народно-политическихъ отношеній, и для насъ, въ особенности, забота о внутреннемъ положеніи нашей литературы.

Чѣмъ долженъ стать панславизмъ въ политическомъ отношеніи?

Выше мы указывали, какія политическія теоріи строились о томъ, какъ можетъ быть достигнуто частное или полное объединеніе и освобожденіе славянства. Одни думали о «русскомъ панславизмѣ»; другіе о «западно-славянскомъ»; Погодинъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ русско-славянской имперіи отъ Адриатики до Камчатки и Алеутскихъ острововъ; славянофилы — не знаемъ хорошенько, о какой политической формѣ союза, но о союзѣ славянства, возвращеннаго въ православіе; о такомъ же союзѣ думалъ Штуръ; австрійскіе славяне, въ особенности чехи, надѣялись на федерацію австрійскаго славянства, или на славянскую Австрію; поляки думали сами стать во главѣ западнаго славянства, а чаще — просто объ отдѣльной восстановленной въ старыхъ границахъ Польшѣ; европейскимъ публицистамъ въ прежнее время мерещилась имперія славянскаго Чингисъ-хана, захватывающаго среднюю Европу и т. д.

Мы не беремся дѣлать предсказаній, какъ нѣкоторые изъ славянофильскихъ писателей; мы не имѣемъ такихъ свѣдѣній о будущемъ славянства, которое, напротивъ, кажется намъ очень загадочнымъ. Вѣрно только, что не будетъ ни чингисъ-хановаго завоеванія, ни погодинской имперіи: ни то, ни другое не

въ духѣ новой исторіи. Затѣмъ, славянскій міръ можетъ принять самыя различныя формы, между прочимъ — въ худшемъ случаѣ потерять многихъ своихъ членовъ, въ лучшемъ — достигнуть національной свободы, и при этомъ однако совсѣмъ обойтись безъ политическаго сліянiя. Мы видѣли, какъ мало само славянство желаетъ объединенiя, которое стѣснило бы частныя народности, и, вѣроятно, надолго удовлетворилось бы, если бы были удовлетворены первоначальныя требованiя его внутренней свободы и политической цѣльности. Нужна только та «справедливость», о которой говорилъ Штуръ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, остаться спокойной Болгарія, разрываемая на части, на половину свободная, на половину отдаваемая обратно туркамъ? Не дастъ ли это одно достаточнаго повода къ политическому волненiю, которое тотчасъ клеймятъ какъ панславизмъ? Можетъ ли оставаться спокойнымъ сербское племя, также разрываемое на куски, наперекоръ всѣмъ естественнымъ связямъ? Тотъ и другой фактъ, и подобные имъ будутъ по-прежнему производить броженіе въ славянскомъ мірѣ, пока не достигнется какое-нибудь болѣе разумное политическое устройство племенъ, которымъ такъ давно приходилось и приходится вести бездомную жизнь на своей родинѣ. Племенные сочувствiя имѣютъ, безъ сомнѣнiя, свою роль въ между-славянскихъ отношенiяхъ; но здѣсь глубокое основаніе сочувствiй и желанiя подать помощь заключается не въ какомъ-нибудь отвлеченномъ ультра-національномъ задорѣ, не въ идеалистическомъ «панславизмѣ», а въ естественномъ побужденiи помочь единоплеменнымъ народамъ, получить тѣ элементарныя обезпеченiя, въ которыхъ не могло бы отказать имъ безпристрастно примѣненное народное право.

Когда существуютъ такія отношенiя, противорѣчащiя самому простому чувству политической справедливости, тогда имѣетъ всѣ данныя быть и развиваться политическiй панславизмъ, стремленіе къ союзу, который одинъ можетъ обѣщать опору для справедливаго дѣла. Въ этомъ смыслѣ развитiя нравственно-національныхъ связей, мимо всякихъ плановъ о какомъ-нибудь все-славянскомъ государствѣ, панславизмъ долженъ стать цѣлью для всего славянства. Начаткiи такого стремленiя уже существуютъ: Россiя (хотя мало и не постоянно) уже помогала Сербiи, Черногорiи, теперь Болгарiи. Въ своемъ нравственномъ и политическомъ интересѣ, и въ интересѣ самого славянства, она не должна позидать этого пути—никакого ущерба чужому настоящему «праву» здѣсь не произойдетъ; но справедливость давно бѣдствующимъ народамъ могла бы быть оказана. Что при этомъ развалится,

напр., Турція, то это будетъ вовсе не нарушеніемъ человѣчески понимаемаго «права», а его восстановленіемъ.

Нравственно-политическая солидарность, о которой мы говоримъ, есть однако еще исковая вещь. Не только въ нашемъ обществѣ (мы не говоримъ здѣсь о дѣйствующей нынѣ политикѣ— взгляды ея намъ неизвѣстны), но и въ самомъ славянствѣ еще не умѣли выяснить себѣ отношеній, какія должны бы связывать обѣ стороны для общихъ цѣлей. Славянство не умѣетъ отличать Россіи официальной отъ неофициальной, государства отъ общества, дѣйствующей дипломатіи отъ нарождающихся взглядовъ общества и литературы, отличать того, что можетъ быть сдѣлано въ настоящую минуту, и того, чего можно и надо ожидать въ близкомъ будущемъ. Быть можетъ, это мало пособитъ въ настоящую минуту; но думаемъ, что теперь болѣе внимательное изученіе взаимныхъ отношеній было бы очень полезно для будущаго—это приготовило бы взаимное пониманіе двухъ обществъ, болѣе прочныя литературныя связи, разсѣяло бы недоразумѣнія, какихъ еще много, въ особенности ту взаимную нетерпимость, политическую и религіозную, которая составляетъ одно изъ главныхъ золь славянской жизни, и помогло бы опредѣлять ихъ общіе интересы. Не меньше труда предстоитъ и для нашего общественнаго сознанія. Солидарность съ славянствомъ не была бы внѣшній политическій союзъ съ чужимъ государствомъ, который создается расчетами данной минуты и всякими случайностями; здѣсь входитъ, напротивъ, нравственно-національный элементъ, потому что таковой элементъ есть племенное единство: его историческое изученіе даетъ факты для объясненія нашей старины и народности; разумно понимаемое теперь, оно выростаетъ въ сочувствіе къ національному развитію нашихъ единоплеменниковъ и отражается на нашемъ собственномъ самосознаніи. Вопросъ, слѣдовательно, не можетъ или не долженъ оставаться только дѣломъ государства и, напротивъ, требуетъ участія и инициативы общества,—здѣсь основаніе къ тому требованію, которое выставлено Штуромъ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы могла у насъ идти серьезная и добросовѣстная рѣчь о панславянской взаимности и союзѣ, о славянской роли Россіи, нужны, какъ говоритъ онъ, основательныя преобразованія въ нашей общественности, которыя дали бы возможность открытій обсужденій предмета въ свободной печатной рѣчи и возможность общественной инициативы. Вотъ

¹⁾ „Славянство и мѣръ будущаго“, стр. 181; „Вѣсти. Евр.“, въ ноябрьской книгѣ, стр. 848.

знаменательный пунктъ славянскаго вопроса; онъ былъ замѣченъ даровитымъ славяниномъ, горячимъ патриотомъ своей родины, но вмѣстѣ привязаннымъ глубоко къ Россіи и призывавшимъ общеславянскій союзъ,—но у насъ все еще остается невразумителенъ.

Но нуженъ ли панславизмъ самому русскому обществу?

Въ западномъ славянствѣ, имѣющемъ обыкновенно слабое понятіе о русской жизни и литературѣ, часто думаютъ, что въ русскомъ обществѣ есть «славянская» партія, т. е. славянофилы (съ которыми, однако, какъ мы видѣли, они совсѣмъ не могутъ поладить), и партія, враждебная славянству, «западная», даже «нѣмецкая», какъ называли ее чехи (противники славянофиловъ выходили «нѣмцами»!). Въ чемъ дѣйствительно были несогласны русскія партіи, до недавняго времени оставалось непонятно на славянскомъ югѣ и западѣ. Тамъ знали нѣчто о спорахъ нашихъ партій въ сороковыхъ годахъ и продолжали примѣнять это и къ нынѣшнимъ партіямъ. Не знаемъ, увидятъ ли они теперь различіе нашихъ партій.

До послѣдней войны наше общество было порядочно равнодушно ко всякимъ славянскимъ дѣламъ, и имѣло о нихъ весьма умѣренныя свѣдѣнія.

И дониндѣ, несмотря на то, что въ послѣднихъ событіяхъ обнаружилось много сочувствій къ славянству, вовсе нельзя сказать, чтобы онѣ установились у насъ прочно и сознательно. Въ настроеніи общества были тогда самые различные мотивы: у однихъ (немногихъ) давній интересъ къ славянству; у другихъ — непосредственныя впечатлѣнія отъ варварскихъ убійствъ; дагѣ — религиозныя сочувствія къ единовѣрцамъ; былъ обычный, безсодержательный шовинизмъ; наконецъ — у очень многихъ, потребность въ какомъ-нибудь живомъ дѣлѣ, чтобы спастись отъ подавляющей апатіи и скуки... Начавшееся дѣло увлекало и вызывало самыя высокія нравственныя движенія. Но дѣло кончилось; домашняя жизнь возвращается въ старую колею, еще занимаютъ результаты событій, но возвращается и прежняя безжизненность общественнаго быта, возбужденнаго чувства ничто не поддерживаетъ, и въ концѣ-концовъ является полу-равнодушное отношеніе къ дѣлу, на которое потрачено столько силъ и столько жертвъ.

Положеніе русской общественности легко указываетъ причины этого равнодушія. Во-первыхъ, событія идутъ мимо общества и оно охладѣваетъ къ ихъ теченію; съ другой стороны, всѣми чув-

ствуется (а многими очень сильно), что у насъ есть много вещей, для насъ гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ славянскій вопросъ. Намъ слишкомъ часто «не до славянъ».

Въ этомъ именно издавна заключалась причина равнодушія нашего общества къ славянскому вопросу. Людямъ серьезнымъ, но не склоннымъ къ національному идеализму, было ясно, что, по внутреннему положенію нашего общества, славянскій вопросъ ему недоступенъ; что, какъ бы онъ ни былъ важенъ самъ по себѣ, есть гораздо болѣе важные наши собственные вопросы, которые требуется рѣшить раньше, и притомъ только съ рѣшеніемъ этихъ настоятельныхъ домашнихъ дѣлъ мы имѣли бы возможность отнестись къ славянскому вопросу не съ одними голыми теоріями или наивно-поэтическими мечтаніями. Они думали и думаютъ до сихъ поръ, что постановка вопроса (какая дѣлалась нашей славянской школой), безъ этой существенной оговорки, есть вредная ошибка, потому что она отвлекала общество отъ ближайшихъ его задачъ, вводила въ заблужденіе объ его действительномъ положеніи, питала самообольщеніями; тѣмъ болѣе еще, что съ теоріей «греко-славянскаго міра» соединялась, относительно внутреннихъ нашихъ дѣлъ, идеально-консервативная теорія, которую не всегда можно было различить отъ теоріи совсѣмъ грубо-консервативной. Что самообольщеніе действительно питалось, это можно было видѣть въ волю на новѣйшихъ толкахъ о славянствѣ и Европѣ: когда нужно было позаботиться по крайней мѣрѣ узнать что-нибудь о балканскомъ славянствѣ, у насъ была уже обличена «Европа» и ея цивилизація¹⁾; дошло до того, что человѣкъ, усомнившійся въ этой теоріи, занозоривался ея партизанами въ недостатокъ любви къ отечеству, а между тѣмъ Европа отхватила отъ Болгаріи Восточную Румелию и Македонію все для тѣхъ же турокъ, Боснію и Герцеговину (съ которыхъ и началась страшная борьба) подарила Австріи... Сколько подъ фразами объ освобожденіи славянства, какія стали ходить въ обществѣ, скрывалось лицемеріе и абсолютной пустоты, объ этомъ будущій историкъ справится у сатирика, сочиненія котораго останутся вумительнымъ «зерцаломъ» нашего времени.

Была еще одна очень серьезная сторона дѣла. Противники нашей славянской школы не желали, чтобы славянство было введено въ заблужденіе относительно Россіи: по ихъ мнѣнію, было самоудѣянностью говорить о предназначеніи Россіи быть универсаль-

¹⁾ Въ „Вѣсти. Евр.“ приведенъ былъ еще недавній приговоръ профессора русской исторіи и председателя здѣшняго славянскаго комитета, осудившій ихъ на потѣбаль.

ной защитницей славянства, какъ о фактѣ, — когда факта еще не было, — а также, рано было заявлять требованіе главенства. Во-вторыхъ, они думали, что школа безъ достаточнаго основанія присвоивала себѣ одной подлинный «русскій» взглядъ на славянскія отношенія, — думали это по очень простой причинѣ: русское общество не имѣло и до сихъ поръ не имѣетъ полной свободы для выраженія своихъ мнѣній. Могло быть (и пожалуй было бы), что если бы такая свобода существовала и если бы русскій «народъ» (которымъ вообще такъ смѣло распоряжаются наши теоретики) могъ самъ выражать свои мысли, независимо отъ газетъ, то онъ бы высказался не совсѣмъ такъ, даже совсѣмъ иначе, нежели тѣ, кто самозванно брался за него говорить.

Такия мысли являлись еще въ сороковыхъ годахъ, когда Погодинъ выступилъ первымъ публицистомъ по славянскому вопросу и когда начиналась славянофильская школа, — и высказываются донинѣ.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ слышалось — кромѣ тѣхъ выраженій сочувствія, какія вызывались ближайшими, сильными впечатлѣніями событій — два рода мнѣній о существѣ дѣла: одни (мы говоримъ о людяхъ убѣжденных, а не о фразерахъ) въ прежнемъ духѣ славянской школы говорили о предназначеніи Россіи, восторжались исполненіемъ его въ нынѣшней войнѣ, предвѣщали гибель европейской цивилизаціи и замѣну ея славянскою; люди одного отѣнка этихъ мнѣній находили, что вопросъ еще не совсѣмъ созрѣлъ, но, впрочемъ, смотрѣли на дѣло съ особеннымъ квіетизмомъ, въ убѣжденіи, что все-таки славянскіе принципы восторжествуютъ. Другіе, напротивъ, съ самаго начала смотрѣли недоувѣрчиво на внутреннее противорѣчіе между характеромъ нашего общественнаго быта и свойствомъ предстоявшей освободительной задачи; они съ накипѣвшей горечью смотрѣли на ходъ и окончаніе событій, на ту массу «оборотныхъ сторонъ», которыя оказались въ освободительномъ дѣлѣ. Они убѣждались, что противорѣчіе дѣйствительно раскрылось...

Такой глубокой раздоръ мнѣній можетъ навести сомнѣніе, слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ русскому обществу тратить силы и время на задачи, которымъ не соответствуетъ наше внутреннее положеніе. Многіе и рѣшаютъ, что не слѣдуетъ. Малоизвѣстность славянскихъ дѣлъ и отношеній еще увѣряетъ ихъ, что это міръ — намъ чуждый, которому мы можемъ приносить только физическую силу, а отъ него ничего не получать. Но, тѣмъ не менѣе, славянскій вопросъ существуетъ и для насъ: онъ поставленъ исторически, и ведетъ за собой свои послѣдствія. Россія принимала

участіе въ освобожденіи Сербіи, освободила (хотя пока только на половину) Болгарію; мы замѣшаны въ славянскій вопросъ со стороны Польши, а съ нею связаны черезъ западный и юго-западный край; Польша и Малороссія сближаютъ насъ съ дѣлами Галиціи. Все это—вопросы самые реальные, которые, рано или поздно, потребуютъ себѣ общественнаго вниманія—какъ уже, случилось, и требовали его; надо желать, чтобъ они не заставляли насъ врасплохъ, съ невыясненными понятіями. Съ другой стороны, славянское возрожденіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, безъ сомнѣнія, принесетъ новые факты сближенія. Кто слѣдитъ за «молодыми побѣдами» западныхъ и южныхъ славянскихъ литературъ, замѣтитъ, что возникаетъ, хотя еще немногими проявленіями, солидарность въ литературно-общественныхъ идеяхъ, какой доселѣ еще не было. Литературная «взаимность», которая ограничивалась археологіей и филологіей, начинаетъ захватывать область общественныхъ вопросовъ,—на которой только и можетъ со временемъ вырасти полное взаимное пониманіе.

Мы должны бы кончить общимъ выводомъ, но мы не имѣли цѣлью выставить программы. Настоящая минута очень неудобна для всестороннихъ изслѣдованій, для полныхъ и ясныхъ заключеній; мы хотѣли только, сколько возможно, устранить тѣ ошибочныя мнѣнія, какія мѣшали и мѣшаютъ у насъ правильному пониманію самыхъ крупныхъ сторонъ въ славянскихъ дѣлахъ, и указать, какимъ единственнымъ путемъ можно придти къ вѣрной постановкѣ труднаго вопроса: наши панславянскіе взгляды выяснятся въ теоріи и будутъ прочно поставлены практически лишь тогда, когда наши общественныя силы будутъ имѣть прочное развитіе, позволяющее на нихъ опереться. Только тогда мы будемъ въ состояніи говорить съ правомъ о нашемъ значеніи для панславянскаго союза и единства.

А. Пипинъ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ДАННИКЪ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

Составляя историческую монографію о Богданѣ Хмельницкомъ, мы хотя и обращались тогда во всѣ наши древле-хранилища, гдѣ могли надѣяться найти письменные источники объ эпохѣ, которую принимались обрабатывать, но не все могли видѣть и читать, потому что не вездѣ давался намъ во всему доступъ, въ виду разныхъ высшихъ соображеній тѣхъ почтенныхъ особъ, которыя завѣдывали такими источниками. Отъ этого въ нашу монографію не вошло иное, что, повидимому, должно было войти, такъ какъ собранія, гдѣ хранились эти источники, обозначены у насъ въ перечнѣ источниковъ въ числѣ тѣхъ, которыми мы пользовались. Недавно, занимаясь въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ матеріалами для исторіи Малороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, мы случайно наткнулись на значительное количество документовъ, относящихся къ Богдану Хмельницкому, изъ которыхъ многіе оказались намъ до-сихъ-поръ неизвѣстными. Благодаря доброму вниманію г. управляющаго главнымъ московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ, барона Э. А. Бюлера, и подначальныхъ его чиновниковъ (которыхъ предупредительность и готовность оказывать всѣ зависящія отъ нихъ услуги выше всякой признательности), мы имѣли возможность просмотрѣть эти документы, и съ удивленіемъ увидали тамъ кое-что, долженствующее, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, измѣнить не только личный нашъ, но и вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи.

Его отношенія къ Турціи представляются въ иномъ свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ привыкли мы себѣ изображать ихъ.

Знаменитый казацкій вождь, котораго мы считаемъ искреннимъ слугою московскаго престола и однимъ изъ славнѣйшихъ двигателей дѣла объединенія русской державы, былъ на самомъ дѣлѣ данникомъ оттоманской порты и не переставалъ считать себя такимъ и послѣ переяславскаго договора, когда, казалось намъ, ничто не дозволяло бы сомнѣваться въ его вѣрности Россіи.

Такия отношенія начались еще въ 1619 году, какъ показываетъ одинъ документъ о плаваніи по Черному морю и о торговлѣ, напечатанный въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, но совершенно утвердились они въ концѣ 1650 года, какъ ясно свидѣтельствуетъ хранящаяся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ грамота султана Мехмета, писанная по-турецки на пергаментѣ съ приложеннымъ при ней старымъ польскимъ переводомъ. Она гласитъ такъ:

«Наивзбраннѣйшему изъ монарховъ религій Иисусовой гетману казацкому Богдану Хмельницкому, его же конецъ да будетъ счастливъ чинится, писаніе сіе, исходящее отъ нашего высокаго и пресвѣтлаго трона чрезъ одного изъ урядниковъ нашихъ Османъ-Чауша, возвращающагося вмѣстѣ съ вашимъ посломъ, который привезъ ваше писаніе, исполненное самой завзятой искренности. Сообразно съ обычаями всего свѣта, наяснѣйшій намѣстникъ нашъ, наивѣрнѣйшій нашъ великій визирь приказалъ перевести его дословно и подать намъ. И мы, уразумѣвши его содержаніе, то-есть ваше и всего войска вашего прошеніе, повали, что вы скорбите на своихъ неискреннихъ друзей, равно какъ и на жестокихъ вашихъ непріятелей: все о чемъ вы писали къ намъ, мы узнали и уразумѣли. Знайте же, что высокая Порта обыкла оказывать милость и милосердіе друзьямъ и карать своихъ враговъ. Вы съ вѣрною искренностію откровенно высказавшись, отдаетесь подъ крыль и подъ протекцію непобѣдимой Порты нашей, и мы сердечно и любовно принимаемъ васъ и о вѣрности и искренности вашей не сомнѣваемся. Что вы секретно сообщали Османъ-Чаушу, о томъ о всемъ въ подробности онъ сообщилъ намъ, и мы тотчасъ къ вельможному монарху хану крымскому послали свой крѣпкій и строгій указъ, повелѣвая, чтобъ онъ никогда своихъ очей и ушей не обращалъ на польскую сторону, напротивъ, если бы оттуда подулъ какой-нибудь вѣтеръ, несущій на васъ войну и гоненіе, если бы поляки неожиданно и насильно напали на войско ваше, то чтобъ онъ тотчасъ своимъ быстролетнымъ

войскомъ постарался подать вамъ помощь, гдѣ бы только оказалось это нужнымъ. Мы ему это сурово приказали. А пока только вы со всѣмъ войскомъ вашимъ будете вѣрными искренно преданными счастливой Портѣ нашей, до-тѣхъ-порѣ ведите сношеніе съ ханомъ безопасно, и не обманетесь. Уже теперь высокая Порта вполне принимаетъ васъ подъ свою протекцію, и вы будьте въ томъ увѣрены и намъ черезъ своихъ пословъ въ подробности объясняйте о всемъ, что дѣется въ краяхъ вашихъ. Нынѣ же, въ знаѣ нашего расположенія, исходящаго отъ великихъ монарховъ, цесарей, владыкъ всего свѣта, при семъ нашемъ ясномъ писаніи посылаемъ штуку златоглаву и кафтанъ, чтобъ вы съ увѣренностію возложили на себя этотъ кафтанъ въ томъ смыслѣ, что вы теперь стали нашимъ вѣрнымъ данникомъ. А что вы нынѣшнюю Порту просили, что готовы дань давать, какъ иные наши христіанскіе данники даютъ, то мы, благорасположенные къ вамъ, оцѣнивая ваши добродѣтели, тѣмъ остаемся довольны. А притомъ, чтобъ вы пословъ своихъ, людей достойныхъ на резиденцію сюда, къ намъ прислали, въ утвержденіе нашей дружбы посылаемъ вамъ сіе писаніе.

Дань въ началѣ мѣсяца Ребіуль Эвеса 1061 (въ декабрѣ 1650)-.

Грамота эта доставлена была Хмельницеому въ ту пору, когда онъ, предвидя скорое возобновленіе войны съ поляками, боялся польскихъ стараній склонить на сторону Польши крымскаго хана Исламъ-Гирея, данника Порты, прежняго союзника казаковъ, подозрѣвая въ послѣднемъ охлажденіе къ себѣ. Хмельницкій думалъ побудить Турцію приказать хану воевать за казаковъ уже въ силу того, что казаки стали подвластными турецкому султану, которому повиноваться обязанъ былъ крымскій владетель.

Въ февралѣ слѣдующаго 1651 года начались первыя непріязненные дѣйствія между казаками и поляками. Изъ Очакова татарскій вождь Вели-ага писалъ къ Хмельницеому, что скоро придутъ къ Очакову вспомогательныя татарскія силы, и вспоминая какъ онъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, воевалъ подъ Збарашемъ въ 1649 г., просилъ казацкаго гетмана замолвить о немъ доброе слово передъ ханомъ, видимо заискивая протекцію у новаго верховнаго повелителя мусульманъ; но турецкій начальникъ въ Очаковѣ Арамаданъ-бегъ писалъ къ Хмельницеому, что этотъ Вели-ага разсылалъ письма къ татарамъ, будто съ согласія хана, чтобъ татары не спѣшили помогать казакамъ. Это сдѣлалось при-

чиною замедленія орды, и Хмельницкій напрасно укорялъ въ томъ его, Арамадана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Арамаданъ-бегъ извѣщалъ, что уже салтанъ, братъ ханскій, съ ордою въ Перекопѣ, а самъ Арамаданъ-бегъ выступилъ въ походъ въ пятницу съ казацкими посланцами: Матвѣемъ, Бѣлошанкою и Бутькомъ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ мартѣ великій визирь Мелитъ-Ахметъ-паша извѣщалъ Хмельницкаго, что государь его, султанъ оттоманскій, благосклонно принялъ увѣренія казацкаго гетмана и всего войска въ дружественномъ расположеніи къ Турціи и въ вѣрности ея монарху, и повелѣлъ приказать крымскому хану, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ братьями своими велъ орду на помощь казакамъ противъ поляковъ. Въ то же время написано было отъ имени падишаха господарю молдавскому суровое неодобреніе его поступковъ, показывавшихъ его нерасположеніе къ Богдану Хмельницкому, такому же, какъ и онъ самъ, данику оттоманскаго императора. Султанъ опять послалъ Хмельницкому въ знакъ своей неизмѣнной къ нему благосклонности богатый кафтанъ, а визирь отъ себя послалъ ему въ подарокъ дорогой кораллъ персидскій. Визирь совѣтовалъ гетману отправить въ Варшаву своихъ пословъ, чтобъ вывѣдать о замыслахъ поляковъ, но никакъ не довѣрять коварнымъ увѣреніямъ въ желаніи мира, а о томъ, что узнаеть, доставлять свѣдѣнія въ Турцію. Нѣкто Бектавъ-ага-Янчериевъ въ томъ же мартѣ писалъ къ Богдану Хмельницкому изъ Константинополя, что при дворѣ падишаха всѣ радуются союзу съ казаками, а именитые сановники дено и ношно прославляютъ подвиги Богдана Хмельницкаго. Недавно пріѣхавшій изъ Чигирина Османъ-ага опять былъ отправленъ къ казацкому гетману и повезъ ему извѣстіе, что, кромѣ крымскаго хана, придутъ къ нему на помощь силы изъ Добруджской земли. Разомъ съ ласковымъ вниманіемъ къ своему дѣлу со стороны мусульманскихъ властей, Хмельницкій получалъ благословенія и благожеланія отъ представителей православной іерархіи въ земляхъ, подвластныхъ турецкому государю. Константинопольскій патріархъ Пареній, отъ 4 февраля, послалъ къ Хмельницкому грамоту, въ которой величалъ гетмана какъ вонтеля за православную вѣру противъ латинства и призывалъ на него Божіе благословеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ и о подааніи чрезъ посланнаго въ русскія страны какаго-то Никиту Михайловча. Февраля 18, подобная патріаршая грамота послалась къ тогдашнему кievскому митрополиту Сильвестру Коссову, а февраля 20, двѣ грамоты: одна къ генеральному писарю войска запорожскаго Ивану Выговскому, другая—къ бывшему уже при

Хмельницкомъ митрополиту Коринескому, который впоследствии былъ убитъ на Берестечкомъ сраженіи. Всѣ четыре грамоты, касаясь одного предмета, писаны по-гречески и съ приложенными латинскими переводами хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Изъ нихъ видно, что послами въ Константинополь отъ Богдана Хмельницкаго были тогда Антонъ Ждановичъ, кievскій полковникъ, и какой-то Павелъ Ивановичъ, а при нихъ былъ переводчикъ, именемъ Павелъ.

Послѣ несчастнаго пораженія казацкихъ силъ подъ Берестечкомъ, когда Богдану приходилось мириться съ поляками на условіяхъ, далеко не такъ выгодныхъ, какими были прежнія заключенныя съ королемъ подъ Зборовымъ, Хмельницкій писалъ къ турецкому султану изъ оboза подъ Бѣлоу-Церковью въ сентябрѣ (безъ означенія числа): «На сяхъ дняхъ подданный вашего императорскаго величества Османъ-Чаушъ въ добромъ здравіи прибылъ къ намъ вмѣстѣ съ нашими послами и доставилъ намъ письмо вашего величества, которое мы, какъ подобало, почтительнѣйше приняли. Ваше императорское величество обѣщали намъ прислать на помощь хана крымскаго и нныя войска изъ добруджской земли, но мы, не желая оставаться безъ дѣла, при помощи всемогущаго Бога, имѣли страшную битву съ ляхами, о чемъ вашему императорскому величеству сообщить подданный вашего величества Османъ-Чаушъ, который во всѣхъ битвахъ участвовалъ и видѣлъ все, что здѣсь дѣлалось; но такъ какъ вспомогательныя силы изъ Крыма и изъ Добруджи опоздали, пришлось намъ постановить миръ съ ляхами. Однако мы постоянно и неизмѣнно остались въ давнишней пріязни съ ханомъ крымскимъ и желаемъ сохранять пріязнь эту до послѣднихъ минутъ нашей жизни. Также хотимъ пребывать вѣрными подданными вашего императорскаго величества, какъ и доброжелательными друзьями хана. Нурадинъ султанъ находился при насъ во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ, показалъ себя мужественнымъ и достоинъ за свою отвагу уваженія и справедливой награды при достоюжной признательности. Хотя мы съ ляхами заключили миръ, однако держимъ ляховъ въ рукахъ. Того ради поворно просимъ ваше императорское величество написать снова къ хану, чтобы онъ соблюдалъ союзъ, который мы съ нимъ заключили, и во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и случайностяхъ находился бы съ нами, что и мы съ нашей стороны ему и вашему императорскому величеству взаимно общаемъ, и на сей часъ повлонъ вамъ отдаемъ какъ вѣрные подданные, прося Бога даровать вашему императорскому величеству при долголѣтнемъ здравіи по-

бѣду надъ каждымъ изъ вашихъ непріятелей.—Въ обозѣ подъ Бѣлою-Церковью, въ сентябрѣ. Вашего императорскаго величества вѣрный и низайшій подданный Богданъ Хмельницкій гетманъ».

Повидимому, Хмельницкій хотѣлъ тогда въ письмѣ своемъ уклониться отъ сообщенія своему государю истины о пораженіи, постигшемъ казаковъ. Онъ объясняетъ, будто бы, не дождавшись прибытія обѣщанной помощи и между прочимъ прибытія хана съ ордами, казаки вступили въ битву съ ляхами, но не такъ было: ханъ успѣлъ соединиться съ казацкимъ войскомъ и убѣждалъ съ своими татарами въ самый разгаръ берестечской битвы, увлекши за собой Хмельницкаго противъ его собственной воли, и казаки, оставшись безъ вождя, понесли страшное пораженіе. Хмельницкій, какъ кажется, вовсе не дѣлаетъ никакого намека на берестечское дѣло и, говоря о битвахъ съ ляхами, имѣетъ въ виду тѣ, которыя происходили у него съ войскомъ Потоцкаго и Калиновскаго подъ Бѣлою-Церковью, и только на этихъ битвахъ могъ присутствовать Османъ-Чаушъ, который, какъ гласитъ письмо Хмельницкаго, только на-дняхъ передъ тѣмъ пріѣхалъ къ гетману вмѣстѣ съ казацкими послами, возвращавшимися отъ султана. Быть на берестечскомъ сраженіи, потомъ съѣздить въ Турцію и успѣть воротиться опять въ Украину едва ли могъ онъ въ тѣ времена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; притомъ мы знаемъ, что посланикъ турецкаго султана, находившійся у Хмельницкаго во время берестечскаго сраженія, былъ взятъ въ плѣнъ поляками. Вѣроятно, этотъ взятый въ плѣнъ посланецъ турецкаго султана былъ Османъ-ага, объ отправленіи котораго къ Хмельницкому писалъ послѣдному Бекташъ-ага-Янчервѣ въ мартѣ. Этого Османъ-агу надобно отличать отъ Османъ-Чауша, нѣсколько разъ ѣздившаго къ казацкому гетману и пріѣзжавшаго къ нему въ то время, какъ онъ заключалъ съ польскими военачальниками договоръ подъ Бѣлою-Церковью.

Въ январѣ 1654 года состоялся, какъ всѣмъ извѣстно, перенеславскій договоръ съ московскими послами, и въ силу этого договора гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и со всею Малою-Россією поступилъ въ подданство московскаго царя. Какъ же съ тѣхъ поръ относился бывшій вѣрный подданный турецкаго величества къ этому величеству и къ его подручникамъ? Предъ нами письмо Богдана Хмельницкаго къ крымскому хану отъ 16 апрѣля того же 1654 года. Объ этомъ письмѣ мы упоминали въ нашей исторической монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, зная его по одной рукописи Публичной бібліотеки разноязычнаго отдѣла, но это не должно мѣшать

привести его по списку архива иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ здѣсь оно и полнѣе и вѣрнѣе. Хмельницкій пишетъ къ хану:

«Что мы писали о поновленіи присяги между казаками и татарами, то это заявлялось не по моей волѣ, а по волѣ цѣлаго войска, по тому поводу, что трактаты, состоявшіеся подъ Каменцемъ (жванецкій договоръ въ декабрѣ 1653 года) объ насъ, не повели ни, къ чему послѣдовательному, и мы до сихъ поръ не имѣемъ привилегій отъ короля на зборовскія условія; напротивъ, вмѣсто мира, — великое безпокойство и война; въ тому же и нѣкоторыя изъ войскъ вашей ханской милости учинили намъ великія кривды, а потому войско наше какъ бы пришло въ сомнѣніе. Но когда мы остались увѣренными въ неизмѣнномъ благорасположеніи вашей царской милости и въ вѣчной неразрывной присягѣ, то мы вашу царскую милость благодаримъ, а съ своей стороны обѣщаемъ, что навѣки вѣчные ничѣмъ не нарушимъ нашей присяги, и послѣ насъ будутъ соблюдать ее и потомки наши, которую присягу, Бога высочайшаго призывая во свидѣтели, мы нынѣ поновляемъ, желая оную сохранять вѣчно, развѣ бы какая-нибудь значительная немилость оказалась къ намъ отъ вашей царской милости по вознямъ непріятельскимъ. Богъ видитъ, мы того не желаемъ, а напротивъ — низжайше просимъ вашу царскую милость: если бы кто на насъ клеветать сталъ, не извольте нять вѣры. Хотя наши враги на насъ клеветаютъ живо, а тутъ сами подѣ нами копаютъ ямы. Мы обезпечились было постановленнымъ миромъ и ожидали привилегій королевскихъ на зборовскія условія, но вмѣсто мира явился Потоцкій съ войскомъ польскимъ и съ пятью тысячами венгровъ и еще волоховъ, надъ которыми старшой Глигоръ Гурмакъ. Напавши, они опустошили многія мѣстечки и, людей убивая, вторглись подѣ самую Умань. Но по милости Божіей не получили они себѣ утѣшенія; напротивъ, принуждены были уходить назадъ съ большимъ для себя вредомъ. Однако же къ намъ доходитъ извѣстіе, что они еще ббльшія силы собираютъ на насъ, и Радзивиллъ съ войскомъ приближается къ Любечу и Лоеву. Затѣмъ еслибъ и далѣе войска ихъ наступали на насъ, поворно просимъ вашу царскую милость о вспомогательныхъ силахъ, сообразно вѣчной присягѣ.

«Мы обязаны будемъ заслужить это взаимною нашею службою противъ каждаго непріятеля. Что касается до Москвы, что мы съ нею вошли въ пріязнь, то мы учинили такъ по совѣту вашей царской милости, когда поляки со всѣхъ сторонъ на насъ привлекали враговъ, отчего же и намъ того же съ ними не чинить; лучше же намъ имѣть друзей со стороны Смоленска и другихъ

городовъ королевскихъ! Что же наши посланцы намеряли передъ вашимъ царскимъ величествомъ, яко бы Москва нами овладѣть имѣла (орановаѣ шіола), то такая у насъ въ то время пошла было вѣдомость, но теперь о томъ нѣтъ уже никакой рѣчи. Когда проявится у насъ что-нибудь новое по этой части, мы не замедлимъ увѣдомить о томъ вашу царскую милость. На счетъ задержанныхъ татарскихъ невольниковъ мы издали универсалъ, чтобъ такіе гдѣ найдутся, были на волю отпущены; татаринъ вашъ, вмѣстѣ съ нашими казаками, поѣхалъ отыскивать ихъ по городамъ. Обо всемъ этомъ подробное устно сообщить посланецъ нашъ Семенъ Савичъ. Мы же вторично прося вашей милости къ намъ, сами себя съ нашими добровольными услугами отдаемъ вашей царской милости. Вашей царской милости доброжелательный слуга Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ.

«По написаніи этого письма пришли къ намъ два вѣрныхъ извѣстія о томъ, что поляки постановляютъ у себя на сеймѣ. Одно извѣстіе доставлено уманскимъ полковникомъ. Когда подъ Умань приходили яхи, тогда нашимъ попалъ въ плѣнъ всендѣ запелланъ польскаго гетмана Потоцкаго; онъ хотя былъ раненъ и находился при смерти, но подъ совѣстью сообщалъ нашимъ такъ: «Мы сюда идти не думали, но король и Рѣчь-Посполитая послали насъ. Я самъ былъ на сеймѣ и знаю навѣрное: король самъ лично не пойдетъ на войну, и останется въ Варшавѣ, а на свое мѣсто пошлетъ королевскаго брата Карла, который тотчасъ, какъ только трава начнетъ расти, двинется прямо подъ Умань съ войскомъ, состоящимъ изъ поляковъ, молдаванъ, венгровъ и нѣмцевъ; уже теперь приказано Потоцкому тамъ укрѣпить дороженьку обозъ. Когда всендва этого спросили: зачѣмъ такъ глубоко въ Украину идетъ королевское войско?—онъ отвѣчалъ:—татаръ на помощь къ себѣ ожидаетъ королевскихъ, говорятъ, обѣщано нѣсколько десятковъ тысячъ талеровъ на войну противъ казаковъ. Другая вѣдомость изъ литовскихъ краевъ: при одномъ трубѣ наши письмо, писанное авизами, оцъ согласовалось слово въ слово съ тѣмъ, что объявилъ всендѣ. Изволь, ваша царская милость, вникнуть въ это: какіе у нихъ замысли? Мы имъ не доверяемъ, но предупреждая ихъ заранѣе, просимъ покорно вашу царскую милость, изволь намъ дать свое рѣшеніе и сообщить нашимъ посланцамъ совѣтъ: какъ намъ поступать съ агами и беями, и какъ давать отпоръ тѣмъ, которые начнутъ наступать на насъ. Изволь также увѣдомить насъ о вспомогательныхъ силахъ! скоро ли они будутъ. Богъ видитъ, мы не

двѣмъ повода къ разрыву съ вами. Вторично просимъ: изволь о всемъ увѣдомить насъ чрезъ нашихъ посланцевъ, а мы, собравши свои полки, станемъ ожидать. Далѣе, что у насъ будетъ происходить, и какія извѣстія отсюда нибудь получимъ, обо всемъ не замедлимъ увѣдомить вашу царскую милость».

Чтобъ понять смыслъ и духъ этого письма, надобно припомнить нѣкоторыя тогдашнія обстоятельства. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1653 г. Хмельницкій воевалъ противъ поляковъ заодно съ Исламъ-Гиреемъ, но крымскій властитель шелъ съ своими ордями на помощь казацкому вождю не по искреннему расположенію къ казацкому дѣлу и даже не въ видахъ пріобрѣсть для себя выгоды отъ польской державы, какъ было передъ зборовскимъ договоромъ, онъ шелъ по волѣ и по приказанію турецкаго султана, своего сюзерена. Поляки заключили съ крымскимъ ханомъ миръ подъ Каменцемъ: то былъ такъ-называемый въ исторіи жванецкій договоръ. Въ пользу казаковъ Исламъ-Гирей выговорилъ у короля Яна Казимира обѣщаніе возобновить зборовскій договоръ, поднявшій украинское казачество до такой высоты, до какой оно до того времени не достигало, но скоро, вслѣдствіе новой войны и берестечскаго пораженія, замѣненный другимъ, менѣе выгоднымъ для казаковъ, бѣлоцерковскимъ договоромъ. Обѣщаніе осталось пустымъ обѣщаніемъ, и объ этомъ-то говоритъ Хмельницкій въ настоящемъ письмѣ своемъ. Черезъ мѣсяць послѣ жванецкаго договора, Богданъ Хмельницкій отдался московскому государю и въ Переяславѣ присягнулъ ему на вѣрное подданство. Между тѣмъ онъ уже прежде учинился подданнымъ турецкаго падишаха и въ силу такого подданства имѣлъ право на содѣйствіе Турціи и ея данника, крымскаго хана, противъ своихъ завлтыхъ враговъ — поляковъ. Понятно, что новая присяга на вѣрность, уже иному государю, должна была замѣнить его прежнія отношенія Хмельницкаго къ Турціи и къ хану. Хмельницкій думалъ укрыть ее отъ своихъ мусульманскихъ союзниковъ. Стараясь, какъ показываетъ письмо его къ хану, по возможности не распространяться объ этомъ щекотливомъ предметѣ, онъ ограничивается намеками, представляющими отношенія казацкаго вождя къ московскому государству такъ, какъ будто у него состоялось нѣкое дружественное соглашеніе съ Москвою съ цѣлію побудить ее дѣйствовать непріязненно противъ Польши, съ которою у московскаго царя были свои давніе счеты, и притомъ Богданъ замѣчаетъ, что это сдѣлалось даже по совѣту самого хана, который когда-то говорилъ Хмельницкому, что если поддани придекаютъ противъ казаковъ со всѣхъ сторонъ враговъ, то поче-

му же не дѣлать того же казакамъ и не платитъ врагамъ своимъ ихъ же монетою? Но до хана уже доходили слухи, что московское государство (Москва) имѣло овладѣть казачкою странною; и по этому поводу Хмельницкій глухо сообщаетъ, что и у нихъ ходила-было такая вѣдомость, но теперь уже о томъ нѣтъ болѣе рѣчи. Разумѣется, такая политика не могла продолжаться на многіе годы, и крымское правительство скоро должно было узнать всю истину; въ томъ же 1654 году по смерти Исламъ-Гирея, при наследникѣ его, поляки заключили съ Крымомъ дружественный союзъ противъ московскаго государства и казачковъ, и на много лѣтъ послѣ того татарскія орды, подвластные хану, воевали за поляковъ противъ казачковъ такъ же ревностно, какъ до того времени за казачковъ противъ поляковъ.

Что касается до отношеній непосредственно къ Турціи и къ ея монарху казачаго гетмана послѣ подданства московскому государю, то они нѣсколько выясняются изъ султанской грамоты, отправленной къ Богдану Хмельницкому въ сентябрѣ 1655 года. Она гласитъ такъ:

«Послы ваши, Романъ и Яковъ, принесли намъ поклонъ и отдали грамоту, въ которой вы сообщаете, что Махметъ-Гирейханъ соединился съ ляхами—да, кромѣ того, съ венграми и съ разными людьми земли нашей—и воевалъ противъ васъ, нарушивъ свою присягу, и вы, видя вокругъ себя враговъ, принуждены были позвать къ себѣ Москву на помощь. Тѣмъ не менѣе, однако, вы прибѣгаете къ намъ и просите, чтобъ мы васъ подъ руку нашу и подъ оборону приняли, сообразно давнимъ писаніямъ вашимъ. Мы васъ, яко вѣрныхъ и доброжелательныхъ слугъ нашихъ, подъ оборону нашу беремъ и обѣщаемъ помогать вамъ противъ каждаго вашего непріятели. Прежде визирь мой не отворялъ во мнѣ дверей посланъ вашимъ, но теперь, уразумѣвши подлинно изъ грамоты вашей, послали мы во всѣ земли наши, дабы всѣ о томъ знали и, никакой причины къ несогласію вамъ не подавая, жили съ вами въ дружелюбіи и ружь противъ васъ не поднимали. По всѣмъ землямъ моимъ я оповѣстилъ, что войско запорожское состоитъ подъ рукою моею, именуя васъ, паче всѣхъ другихъ,—вѣрными и доброжелательными слугами моими. Затѣмъ просимъ тебя, гетманъ Богданъ Хмельницкій, держи въ обузданіи войска свои, чтобъ ни моремъ, ни сухопутьемъ не входилъ въ государства наши и не осмѣливался опустошать ихъ, помни, что и мы всѣмъ землямъ нашимъ повелѣли жить съ вами въ дружбѣ. Особливо и о томъ приложите стараніе, чтобъ московскіе казаки въ государства

наши моремъ не ходили и государствѣ нашихъ не опустошали, и если бы кто близкій къ вамъ или далекій сталъ непріателемъ и воевать противъ насъ захотѣлъ,—вы были бы готовы съ войскомъ идти на него. А мы тоже общаемъ: кто бы только сталъ вамъ непріателемъ и началъ противъ васъ воевать,—окажемъ вамъ помощь, какъ только вы намъ о томъ дадите знать. Для лучшей вѣры и вѣрности, вы потребовали отъ насъ присяги,—и присяга наша такова есть: напередъ свидѣтельствуемся тѣмъ, кто сотворилъ и землю, и небо, и насъ всѣхъ, подъ рукою котораго мы всѣ живемъ,—свидѣтельствуемся и всѣми пророками, которыхъ признаемъ какъ мы, такъ и вы. Пусть они стануть на ономъ свѣтѣ свидѣтелями въ томъ, что я со всѣмъ государствомъ моимъ хочу соблюсти мою присягу. Вы также, гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, присягу свою принесли намъ въ томъ, что будете намъ вѣрными и доброжелательными слугами, какъ и мы присягу свою вамъ принесли, что будемъ васъ имѣть вѣрными и доброжелательными слугами своими; итакъ, вы о насъ вѣрите, что мы васъ за вѣрныхъ слугъ своихъ имѣемъ, а мы вѣрять будемъ, что вы желаете быть нашими вѣрными слугами. Какъ съ прежнимъ ханомъ, Исламъ-Гиреемъ, жили вы въ дружелюбіи, такъ и съ нынѣшнимъ ханомъ живите въ дружелюбіи, а также съ молдаванами, волохами, венграми—какъ съ нашими слугами—находитесь въ дружелюбіи. Я же, помня, что вы оставались съ нами въ долготѣнней дружбѣ и о ней не забывали, при вашихъ, упомянутыхъ выше, послахъ, отправляемъ къ намъ посла нашего—Шагивъ-агу, черезъ котораго, по нашему обычаю, посылаемъ къ вамъ шесть кафтановъ, которые примите благодушно и не забывайте насъ. Ибо какъ мы читаемъ тѣ четыре книги, Моисеемъ намъ данныя, на которыхъ и присягу нашу принесли, то ваше посольство нынѣ окончилось и, разъ присягнувши, надобно много лѣтъ жить въ дружескомъ согласіи».

Эта грамота, писанная слишкомъ чрезъ полтора года послѣ присяги Богдана Хмельницкаго на вѣрность московскому государю, показываетъ, что гетманъ передъ своимъ давнимъ сюзереномъ старался объяснить связь свою съ московскимъ государствомъ такъ, какъ-будто это былъ союзъ противъ поляковъ и притомъ возбужденный крайнимъ положеніемъ, вслѣдствіе несоблюденія присяги хана Махметъ-Гирея, ставшаго казакамъ изъ союзника непріателемъ. Это была неправда: договоръ съ московскимъ государствомъ совершился еще при Исламъ-Гирей и никакъ не потому, что крымскій ханъ сталъ казакамъ врагомъ,—

напротивъ, это послѣднее событіе произошло именно вслѣдствіе соединенія казаковъ съ московскимъ государствомъ. Изъ султанской грамоты видно также, что и при стамбульскомъ дворѣ существовало нѣкоторое время недовѣріе къ казацкому гетману: султанъ извѣщаетъ, что визирь не отворялъ дверей оттоманскаго монарха посламъ казацкимъ, пока, наконецъ, присланныя гетманомъ объясненія и увѣренія не возстановили дружескихъ отношеній султана къ казакамъ, и пока Богданъ Хмельницкій не возобновилъ прежняго своего обязательства, состоявшагося въ 1650 году.

Документы, изъ которыхъ мы почерпнули всѣ печатаемыя свѣдѣнія, въ московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ составляютъ часть отдѣла польской коронной метрики и, заключааясь въ двухъ картонахъ, озаглавлены: «Сношенія Польши съ Малороссією». Обнимаая періодъ гетманства Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Юрія Хмельницкаго и Тетери, они прерываются на 1663 годѣ. Одна часть этихъ документовъ, болѣе ранняя, попала въ руки поляковъ во время берестеческой побѣды надъ казаками, когда побѣдителямъ досталась шкатулка Хмельницкаго съ бумагами, — другая часть была завезена въ Польшу Тетерею, который, какъ извѣстно, увезъ съ собою скарбы Хмельницкаго и клейноты войска запорожскаго, въ числу которыхъ присоединялись и письменные документы. Говорятъ, что въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ никто не помнитъ, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ или польскихъ историковъ пользовался именно этими документами. Большая часть ихъ нигдѣ не была напечатана, и мало такихъ, которыхъ содержаніе по другимъ спискамъ было извѣстно занимавшимся исторією Малороссіи. Историческое значеніе личности Богдана должно представиться въ иномъ свѣтѣ. Его преемники — Бруховецкіе, Дорошенки, Орлики и другіе, со второстепеннымъ значеніемъ, преслѣдуя идею самостоятельности Украины подъ верховною властью Оттоманской Порты, не дѣйствовали въ-разрѣзъ съ политикою Богдана Хмельницкаго, — напротивъ, думали только слѣдовать по указанному имъ кривому пути, а Юрій Хмельницкій, пожалованный отъ султана званіемъ князя Малороссійской Украины, былъ не «сынъ, недостойный славнаго родителя», но вполне былъ его достоинъ, какъ и Богданъ оставилъ для Малороссіи достойнаго себя сына.

Н. Костомаровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1878.

Древность вопроса о «поврежденіи нравовъ». — Что такое истинный нигилизмъ? — Осужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки ей со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источникъ его успѣховъ. — Теорія «анархій» и «вспышекъ». — Неудачныя ссылки на исторію. — Замѣтка по поводу преобразованія учебныхъ заведеній въ Финляндіи.

Сѣтованія на упадокъ нравовъ, на всеобщую распущенность, постоянно возрастающую — не новы. Начиная отъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и до новѣйшихъ временъ, тема эта была одною изъ наиболѣе излюбленныхъ и поочередно примѣнялась во всѣмъ, смѣнявшимся одна другую, эпохамъ; тѣ времена, въ сравненіи съ которыми наше время признается теперь безнравственнымъ, въ свою очередь слышали тотъ же приговоръ о себѣ изъ устъ строгихъ судей, сравнивавшихъ ихъ со старинной болѣе отдаленною. Подобныя сѣтованія совершенно логичны съ точки зрѣнія первороднаго грѣха и постепеннаго развращенія челоуѣчества. Но только съ этой точки зрѣнія и можно объяснить себѣ предположеніе, что каждая эпоха представлялась хуже эпохи предшествовавшей. Понятно, что въ разныя времена указывались различныя причины для объясненія успѣховъ безнравственности. Почти всегда впрочемъ причины эти сводились къ тому, что люди „забыли Бога“ и увлеклись „новыми идеями“, порожденіе которыхъ одними прямо приписывалось дьяволу, а другими — аггеламъ его, лжеумудрецамъ и лжеучителямъ, въ числѣ которыхъ поочередно указывались въ разныя времена люди весьма несходныхъ убѣжденій: религіозные реформаторы, германскіе философы, французскіе энциклопедисты, проповѣдники женской эманципаціи, первые французскіе соціалисты, новѣйшіе натуралисты и, наконецъ, — какъ нынѣ оказывается — русская журналистика, популяризовавшая тѣхъ натуралистовъ у насъ и вообще распространявшая „новыя идеи“.

„Въ нѣкоторыхъ временахъ въ этому вопросу (объ уравненіи женщинъ) принимается духъ сенты, унадохъ правохъ усложняетъ зло, низость мужчинъ дѣлается пособницею наглости женщинъ, и повлываются на свѣтъ ученія объ освобожденіи и всеобщемъ блудѣ... Тогда обществу наступаетъ конецъ“. — „Я долго жилъ въблизи геснитала, при которомъ читались курсы амушества: это была истинная школа проституціи и сводничества“. — „Новыя идеи о женщинѣ содѣйствовали, въ числѣ другихъ причинъ, современному развращенію“. — „Уравненіе половъ ведетъ къ общей распущенности; безъ коренного различія въ призваніяхъ моловъ, немислами ни семья, ни религія; безъ хозяйства и безъ семьи не могутъ существовать ни правосудіе, ни общество, а только чистый эгоизмъ, междоусобная борьба, разбойничество“. — „Ваша школа — школа сводничества и безстыдства; еспьсимонизмъ дѣлаетъ саму женщину отвратительной“. — „Въ наше время блудъ сильнѣе всего, послѣ денегъ“. — „Всякое ученіе, льстящее страстамъ, вмѣсто того чтобы подчинять ихъ праву, есть возбужденіе къ блуду“. Таковы любовная философія Руссо, натурализмъ Бернардена-де-Сенъ-Пьерра, философовъ сенсуализма Гельвеція, Сенъ-Ламберта и др., Анфантена и Фурье. — „Начиная отъ времени Ж. Ж. Руссо, любовь стала выше права, и теперь мы видимъ результатъ“. — „Франція сдѣлалась развратною съ Вольтеромъ, Монтескья, Дидеро и т. д.“. — „Даже незаконное, но постоянное соимительство или свободная любовь — которую вѣрнѣе можно бы назвать свободнымъ бракомъ — становится очень рѣдкимъ; молодежь, потерявъ стыдъ и деликатность, не долго удовлетворяется имъ; она предпочитаетъ *солитюасировану*; болѣе возбужденія, и цѣна выше; общій блудъ“. — „Ведется борьба противъ семейства и противъ личности; ни брака, ни права болѣе не хотять знать; стремятся къ общей проституціи; въ этомъ признаются гласно... Любовь для любви — вотъ новый девизъ;... кто хочетъ разрушенія брака, эманципаціи женщины, тотъ хочетъ гибели права и свободы“...

Быть можетъ, кто-нибудь подумаетъ, что эти выписки сдѣланы нами изъ брошюры одесскаго профессора Цитовича, о которой такъ часто упоминалось въ газетахъ за прошлый мѣсяць. Дѣйствительно, сходство большое; но выписки эти сдѣланы изъ Прудона, а сдѣланы онѣ съ цѣлью показать, во-первыхъ, что пр. Цитовичъ не первый беретъ отнести предполагаемые имъ условія безприветвенности — къ распространенію „новыхъ идей“, въ особенности идей объ уравненіи женщинъ; во-вторыхъ, чтобы показать до какихъ абсурдовъ могъ договориться даже такой человекъ какъ Прудонъ, который во всякомъ случаѣ не уступалъ г. Цитовичу, исходя изъ двухъ первоначально-ложныхъ положеній: 1) будто унадохъ правохъ

идеть возрастает, и 2) будто безнравственность производится новыми идеями, а не общественными условиями, соответствующими данному народу и данному времени.

Мы не намѣрены вовсе входить въ полемику собственно между г. Цитовичемъ и авторомъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“, по поводу которыхъ первый написалъ свою брошюру; но рассмотримъ сочиненіе одесскаго профессора само по себѣ, по главному его смыслу. Главный же смыслъ этого сочиненія не въ самозащитѣ г. Цитовича отъ чьихъ-либо нападеній, не въ обвиненіяхъ, какія онъ самъ предъявляетъ. Прослѣдимъ ходъ разсужденій обвинителя, причѣмъ оговоримся, что мы съ точностью не видимъ, гдѣ начинаются и на чемъ кончаются его обвиненія, на кого они предъявляются со всей строгостью, и кто отъ нихъ изъять. Пр. Цитовичъ обращается къ автору статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и говоритъ ему „вы“, „ваше сословіе“, „ваша новая мысль“, „ваши сподвижники“, „читающіе васъ для поученія“. Но изъ самого смысла его разсужденій, изъ того значенія, какое онъ придаетъ явленіямъ, противъ которыхъ ополчается, явствуется, что предметами его обвиненій служатъ не одинъ и не нѣсколько писателей, вообще не единичные люди и не частные примѣры, но едва ли не вся совокупность сторонниковъ „новыхъ идей“. Такъ, по нѣкоторымъ мѣстамъ брошюры, можно заключить, что авторъ обвиняетъ русскую журналистику вообще — въ противоположность профессорскому сословію; русскую беллетристику цѣликомъ — въ противоположность нравственному богословію; русскую современную молодѣжь огуломъ какъ она есть — въ противоположность идеальной молодежи, какъ она могла бы быть создана профессорами, если бы профессора — прибавляетъ авторъ, — не были бессильны создать для университетской молодежи ясныя условія и формы жизни, — забывая даже при этомъ, что и журналистика можетъ оправдываться такими же „если бы“.

При такой неограниченности сферы обвиненій автора, мы заранѣе просимъ его извиненія, если случайно пойдемъ ее шире, чѣмъ то соответствовало его намѣренію. Но онъ не будетъ въ правѣ возразить намъ, что того или другого онъ не думалъ осуждать, — такъ какъ не побоялся самъ разграничить тѣ „новыя идеи“, тѣхъ журналистовъ и беллетристовъ и ту часть молодежи, которыхъ предпринялъ карать, отъ тѣхъ „новыхъ идей“, ихъ поборниковъ и приверженцовъ, которыхъ осуждать не думалъ.

Пользуясь однимъ выраженіемъ своего оппонента, г. Цитовичъ предпринялъ изслѣдовать естество той „живой воды, за которой у насъ „люди дуговой жаждой томимые прибѣгали“ къ журналистикѣ, а не къ сословію присяжныхъ ученыхъ, т.-е. профессоровъ. Онъ ста-

вить вопросъ: „что же это за живая вода?“ Чтобы безошибочно отвѣчать на такой вопросъ, есть только одно средство — сдѣлать точный химическій анализъ „живой воды“. При этомъ оказалось бы, какіе элементы въ ней—существенные, какіе составляютъ только случайныя примѣси, какіе, наконецъ, только механически смѣшаны съ первыми. Затѣмъ, уже слѣдовало бы опредѣлить, которые изъ оказавшихся элементовъ соответствуютъ физиологическимъ потребностямъ русскаго общества, и которые имъ не соответствуютъ, которые полезны, которые вредны. Тогда и уяснилось бы, что общество вынуждено было искать у журналистики, для удовлетворенія дѣйствительныхъ своихъ потребностей, много такого, чего оно не могло ни искать у профессоровъ прагматически излагающихъ специальности, ни требовать отъ нихъ. Сверхъ того, допустимъ, оказалось бы и много такого, чего общество въ дѣйствительности вовсе не требовало и что представляло нѣкоторыя увлеченія журналистики, свойственныя всякому человѣческому дѣлу. Наконецъ, уяснилось бы еще и количество постороннихъ элементовъ, механически смѣшавшихся съ проводившимися журналистикою новыми идеями, а именно—тѣ искаженія, иногда смѣшныя, а подчасъ и уродливыя, какимъ могли подвергнуться новыя научныя слова и политическія понятія въ умахъ мало воспитанныхъ, неразвитыхъ, но самоувѣренныхъ людей.

Но г. Цитовичъ — и за это мы наиболѣе сѣтуемъ на него, такъ какъ онъ выступаетъ въ качествѣ представителя ученаго сословія—совершенно пренебрегъ основнымъ методомъ науки—анализомъ. Онъ смѣшалъ все въ одну кучу, и написалъ вмѣсто изслѣдованія — нѣчто такое, въ чемъ истинное соотношеніе вещей замѣняется юмористическою аллегоріею, а доказательность разсужденія—одною бойкостью полемическихъ выводовъ. Отсюда-то и произошла полнѣйшая невозможность составить себѣ какое-нибудь понятіе — противъ чего въ сущности онъ ругаетъ. Противъ легкомыслія журналистики? Противъ развращенія современныхъ нравовъ? Противъ раслуценности молодежи, или противъ безсилія университетскихъ ученыхъ создать для нея „нныя условія и формы жизни?“

Приводимъ разсужденія автора въ той случайной, произвольной и механической связи, какъ они представлены имъ. Произвольный пріемъ начинается съ того, что вмѣсто изслѣдованія сущности, состава новыхъ идей, или по усвоенному авторомъ выраженію, — „живой воды“, — онъ прямо обращается къ розыску „родника, изъ котораго она выходитъ“. Итакъ, съ самаго уже начала, вмѣсто вѣрнаго научнаго средства—химическаго анализа „воды“, авторъ прибѣгаетъ къ пріему чисто-гадательному, къ предположенію о „родникѣ“, съ тѣмъ, чтобы по свойствамъ имъ же произвольно указаннаго родника опре-

дѣлать свойство выходящей изъ него воды. Родникъ этотъ, по догадкѣ автора—пласть крѣпостного права и примыкавшихъ къ нему учрежденій. Разгулъ животныхъ инстинктовъ, обусловленный существованіемъ крѣпостного права: вотъ что, по словамъ г. Цитовича, наследовали отъ „хвостатыхъ отцовъ“ „хвостатые дѣти“ 50-хъ и 60-хъ годовъ. „Дѣтямъ этого періода, во что бы то ни стало, нужно было отстоять прежнюю необузданность крѣпостническихъ повадокъ лѣви и половой распущенности и такимъ путемъ уклониться отъ требованій наступающаго гражданского порядка... Они отправились на поиски за теоретическими оправданіями своимъ крайне практическимъ порывамъ, чтобы возвести свои животные инстинкты въ рядъ научныхъ принциповъ, и во имя этихъ принциповъ спасти свой наследственный хвостъ, не дававшій имъ покоя“. „Такова была задача“... „Теперь (?) мы знаемъ гдѣ находится подлинный родникъ живой воды“...

И вотъ изъ этого родника идутъ нѣсколько источниковъ, которыми русская журналистика и рекомендовала „дѣтямъ“ пользоваться, для того, чтобы въ совокупности эти источники произвели потребный результатъ—теоретическое оправданіе разгула животныхъ инстинктовъ. Первый источникъ—„последнія слова науки“, научающія не вѣрить въ Бога; второй источникъ—„теорія рефлексовъ головного мозга“, уничтожающая чувство отвѣтственности, обязанности и долга; третій источникъ—„рабочій вопросъ“, „борьба труда съ капиталомъ“, вторая въ Россіи, по словамъ исследователя, не имѣетъ элементовъ, такъ какъ капитала нѣтъ, а школа труда развѣ что начинается(!), такъ что источникъ этотъ ведетъ только къ оправданію праздности и даже воровства „запряженной лошади у вдовы-крестьянки (непремѣнно *воровства?* непремѣнно воровства у *крестьянки?* непремѣнно у *крестьянки вдовы?*); четвертый источникъ—„общинное владѣніе“, который, впрочемъ, какъ-то недостаточно уединенъ, и въ мысляхъ автора—какъ и въ мысляхъ многихъ нашихъ консерваторовъ—смѣшивается съ мыслью борьбы труда противъ капитала и (что тоже) частной поземельной собственности. Наконецъ, представляется авторомъ пятый источникъ, въ которомъ вода по его отзыву „горячая, пѣнистая“; это—„женскій вопросъ“, разработанный въ смыслѣ *proposititas*, „половой подборъ“, растолкованный и примѣненный въ смыслѣ ничѣмъ не стѣсненнаго удовлетворенія полового инстинкта. Этотъ источникъ авторъ описываетъ съ особенной любовью и, разумѣется, у него не обходится безъ „грязныхъ юбокъ“, „зеленоватаго цвѣта лица“, стрижки волосъ и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которыми, начиная съ 62-го года, тѣ мыслители, съ которыми г. Цитовичъ теперь вступилъ въ союзъ, снѣтся доказать намъ не столько прелесть „ки-

сейныхъ барышень (дѣль слишкомъ невинная), сколько необходимости разныхъ мѣропріятій свойства уже вовсе не невиннаго.

Когда вслѣдъ за такой полемической экскурсіей г. Цитовичъ объявляетъ, что народъ не пойдетъ къ описаннымъ сейчасъ источникамъ, то этому легко повѣрить. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ: или вся эта аллегорія есть не болѣе, какъ шутество, или она должна изображать какое-нибудь дѣйствительное явленіе русской жизни. Въ послѣднемъ предположеніи подъ нея можно подвести только одно дѣйствительное явленіе, а именно, что нѣкоторые неразвитые умы, лишенные тѣхъ прочныхъ нравственныхъ основъ, которыя могутъ быть даны только семейнымъ воспитаніемъ и никогда не могутъ быть даны ни школою, ни чтеніемъ журналовъ, хватались за новыя „жалкія слова“, въ родѣ „послѣднихъ выводовъ науки“, „рефлексовъ головного мозга“ и „эманципаціи“ женщинъ, какъ за оправданіе своей нравственной запущенности, разнузданности своихъ животныхъ инстинктовъ. Это явленіе могло быть у насъ и можетъ существовать еще и теперь: понятно, что „народъ“, то-есть неграмотная и полуграмотная масса не воспользуется такими теоретическими оправданіями грубыхъ инстинктовъ по очень простой причинѣ, потому, что понятія о „рефлексахъ головного мозга“ и самыя слова этого рода ей совершенно недоступны.

Итакъ, допустимъ, что явленіе сейчасъ указанное у насъ дѣйствительно встрѣчалось и еще встрѣчается, и что его можно было наблюдать именно среди молодежи. Но у насъ всегда преувеличивали его значеніе. Притомъ, сущность дѣла не въ словахъ, и совершенно все равно, прикрывается ли нравственная раснущенность учеными словами или не прикрывается; во всякомъ случаѣ не эти слова служатъ источниками безнравственности, а—грубость нравовъ, отсутствіе нравственнаго вліянія семьи, дикость, запущенность, среди которой росли дѣти, среди которой слагался ихъ характеръ. „Народу“ нѣтъ никакой нужды узнавать мудренныя слова, чтобы прикрывать ими то, что соотвѣтствуетъ правамъ, что извиняется безчисленными примѣрами. Крестьянскія дѣти, которыя растутъ въ семьѣ, гдѣ пьяный отецъ бьетъ мать и живетъ со снохою, гдѣ характеръ съ нѣжнѣйшими дѣтьми формируется при отсутствіи всякаго нравственнаго авторитета родителей, гдѣ вечернія посидѣлки молодыхъ людей обоюбого пола сопровождаются самыми циническими шутками и забавами, конечно, не могутъ ни сохранить нравственной чистоты, ни выработать въ себѣ высокія идеалы, ни приобрѣсть чувство нравственной деликатности или хотя бы брезгливости. Соберите вы этихъ молодыхъ людей хотя бы одного пола, и держите ихъ въ безбрачномъ состояніи до 20-лѣтняго возраста гдѣ-нибудь на фабрикѣ или на огородѣ, и вы уви-

дите картину самаго ничнаго разврата, безъ всякаго пособія „послѣднихъ выводовъ науки“ и „рефлексовъ головного мозга“.

Но пойдѣмъ далѣе. Мы вовсе не думаемъ обвинять въ распущенности одинъ народъ, противопоставляя, по примѣру Чичикова—„просвѣщеннаго дворянина—грубой лакейской фizioноміи“. Возьмите наши провинціальныя и столичныя клубы, въ которыхъ участвуютъ женщины, и вы убѣдитесь, что распущенность и отвращеніе къ труду—при внутренней, душевной пустотѣ—еще вѣрнѣе поощряется страстью къ нарядамъ и къ картежному выигрышу, чѣмъ страстью цитировать Бюхнера или Дарвина. Впрочемъ, что же мы говоримъ объ образованномъ сословіи? Вѣдь самъ авторъ яркими красками живописуетъ нравы: „никого не смущаютъ,—говоритъ онъ,—тѣ обмѣненные случаи, гдѣ, отрѣшившись отъ предразсудковъ, на аренѣ свободной любви подвизаются прокуроры, адвокаты, чиновники всѣхъ вѣдомствъ и ранговъ,—но подвизаются не по старому, а съ надлежащими ссылками на послѣдніе выводы науки“. Очень хорошо; но, во-первыхъ, обвиненія автора, стало-быть, уже не могутъ падать специально на молодежь, если, по его словамъ, прокуроры, адвокаты, чиновники „всѣхъ ранговъ“, а слѣдовательно, и возрастовъ, ведутъ себя не лучше ея.

Затѣмъ спрашивается уже только, какую роль тутъ играютъ „послѣднія слова“ науки, и въ какой мѣрѣ „по старому“ означенные чиновники, вупцы и купчихи подвизались мѣтѣ, чѣмъ „по новому“? Неужели г. Цитовичъ серьезно думаетъ, что тотъ, кто подъ предлогомъ „борьбы труда съ капиталомъ“ своровалъ у вдовы-крестьянки запряженную лошадь, тотъ, который извинялся рефлексами головного мозга, поступилъ на содержаніе къ женщинѣ (автору извѣстны даже случаи поступленія одного на содержаніе къ нѣсколькимъ женщинамъ, составляющимъ между собою складчину), тѣ судьи, которые сводничаютъ своихъ дочерей съ женатыми мужчинами подъ предлогомъ свободной любви, или тѣ отцы, которые растлѣваютъ своихъ дочерей подъ предлогомъ полового подбора—дѣлаютъ всѣ эти мерзости не потому, что они сами—негодяи, а потому, что они слышали о вышеприведенныхъ ученыхъ словахъ? Неужели г. Цитовичъ можетъ имѣть серьезное убѣжденіе, что не будъ „новыхъ идей“, не было бы и всѣхъ этихъ примѣровъ? Духовенство, недостаточно сильное къ нравственному вліянію на народъ, наши заботы о наблюденіи за народными школами, вмѣсто принятія на себя широкаго почина въ умноженіи ихъ, сѣмьи, въ которыхъ дѣти растутъ среди ежедневной брани между родителями, отцы, просиживающіе за картами то время, которое могли бы употреблять для сближенія съ дѣтьми и направленія ихъ умственной жизни, матери, которыя страдаютъ душевной пустотой, не имѣютъ ни одного серьезнаго умственнаго интереса, ни-

какихъ чистыхъ пристрастій ни въ литературѣ, ни къ наукѣ, ни къ какому-либо искусству, женщины, для которыхъ единственные живо затрогивающіе ихъ интересы представляются „обмѣнами взглядовъ“, приобритеніемъ новой шляпки или картежнымъ выигрышемъ, мужчины, которыхъ не увлекаетъ искренно никакая общественная мысль — уже потому, что нѣтъ никакой надежды примѣненія ея въ дѣлу, — все это общество, лишенное всякой дѣятельности, въ которой чувствовалась бы общая солидарность, и потому осужденное жить грубымъ эгоизмомъ, такъ легко переходящимъ въ стремленія чисто-животныя — имѣютъ ли они право возбуждать наосе-либо специальное изслѣдованіе причинъ нравственной распущенности? Зачѣмъ же было всеу поминать имена Дарвина, Бюхнера, и хотя бы русскую журналистку, которая все-таки старалась по мѣрѣ возможности будить это общество, завлекать его въ сферу умственныхъ интересовъ?

У насъ много толковали о „нигилизмѣ“ и „нигилистахъ“. Обличительная литература этого вопроса почти исчерпана ею, и г. Цитевичъ своей брошюрой только весьма нечувствительно обогатилъ ее. Но при всей своей обширности эта литература неполна въ томъ смыслѣ, что никто доселѣ не занялся изслѣдованіемъ семейной жизни въ Россіи и исторіи умственного развитія дѣтей, забываемыхъ семейю. Вотъ гдѣ истинный нашъ нигилизмъ. Отсутствие нравственнаго авторитета родителей, отсутствие связи между ними и дѣтьми, отсутствіе руководства и хорошаго примѣра, отсутствіе возвышенныхъ интересовъ, которые оживляли и питали бы духовную жизнь въ семьѣ, отсутствіе сферы такой дѣятельности, въ которой могла бы проявляться общественная солидарность — это цѣлый рядъ однихъ отрицаній, и онъ-то и представляетъ истинный нашъ нигилизмъ. Мы должны откровенно признаться, что семья нѣмецкаго колониста есть болѣе живой, болѣе связующій своихъ членовъ, болѣе нравственно-дѣйствующій организмъ, чѣмъ семья нашего чиновника или кузда, кромѣ счастливыхъ исключеній.

Причины, указанныя выше, производятъ то, что въ дѣйствительности русскій человѣкъ до сихъ поръ, несмотря на славянскую мягкость, болѣе эгоистъ, чѣмъ какой-либо иностранецъ. Русскій человѣкъ эгоистъ не въ такомъ смыслѣ, что онъ готовъ принести въ жертву своей личной выгодѣ или личному наслажденію интересы всѣхъ своихъ ближнихъ и судьбу своей страны, нѣтъ. Онъ, напротивъ, очень способенъ на самопожертвованіе, въ видѣ отдѣльныхъ, случайныхъ фактовъ. Онъ охотно подастъ нищему, охотно пожертвуетъ на благотворительное дѣло или на поднесеніе подарка артисту, или на устройство крейсераго флота. Онъ вообще склоненъ къ щедрости, особенно въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но въ одномъ онъ во-

все не щедръ: онъ крайне экономенъ мыслью о чьѣмъ-либо, не его личныхъ интересахъ, хотя бы это были интересы ближайшихъ къ нему лицъ. Онъ больше способенъ неожиданно сдѣлать чувствительное для себя денежное пожертвованіе на какое-нибудь дѣло, чѣмъ три раза къ ряду присутствовать на собраніяхъ, въ которыхъ то дѣло будетъ обсуждаться; скорѣе рѣшится ваять для дѣтей дорого стоящихъ учителей, чѣмъ станетъ удѣлять дѣтямъ хоть неинного своего времени, для того, чтобы приблизить ихъ къ себѣ и слѣдить за ихъ нравственнымъ развитіемъ. Вообще, русскій человѣкъ девять-десятихъ всего времени своихъ размышленій посвящаетъ самому себѣ, не только своимъ дѣламъ, но своимъ забавамъ, своимъ личнымъ вкусамъ, и едва ли даже на одну-десятую думаетъ объ интересахъ близкихъ къ себѣ лицъ, а еще менѣе объ интересахъ общественныхъ. Нѣмецъ, пожертвовавъ какъ-нибудь два гульдена на общественное дѣло, станетъ болѣе заботиться о немъ, приметъ въ немъ болѣе искреннее, болѣе живое участіе, чѣмъ русскій, который пожертвовалъ 10 рублей—и затѣмъ махнулъ рукой. Вотъ это-то эгоизмъ особаго рода, этотъ недостатокъ солидарности, личная мелочность, господствующая въ умѣ человѣка надъ тѣми высокими побужденіями, какія могутъ возникать только изъ глубокога чувства солидарности съ семьей и затѣмъ съ обществомъ — это-то есть истинный напѣвъ нигилизма. Отъ него-то происходитъ и то, что мы такъ мало дорожимъ умственнымъ интересомъ, и такъ легко мѣняемъ убѣжденія, которыя несимъ только на-показъ, и что поэтому въ насъ такъ мало того элемента, который предохраняетъ человѣка отъ впаденія въ жизнь чисто-животную.

Теперь спрашивается, какое же право имѣло общество ожидать, чтобы въ той его части, которая представляется собственно молодежью, не отражалось и легкомысліе, и нѣкоторая склонность къ распущенности, и легкое усвоеніе непонятыхъ, но былыхъ въ ходу новыхъ идей, и даже обращеніе ихъ именно въ извращеніе животныхъ инстинктовъ? Какое право имѣла нравственно-несостоятельная семья требовать, чтобы дѣти, которыя росли въ ней безъ нравственнаго руководства, безъ вниманія къ ихъ умственнымъ потребностямъ, безъ выработкѣ чувства уваженія къ родителямъ и нравственнаго съ ними родства, не являли собой, однажды выйдя изъ семьи, примѣровъ настоящей дикости? И почему семью могла удивлять ихъ дикость въ тѣхъ случаяхъ, когда она проявлялась въ отсутствіи уваженія къ чему-либо, въ душевной пустотѣ, въ несерьѣзномъ отношеніи къ идеѣ долга и къ самой наукѣ, наконецъ, хотя бы и въ злоупотребленіи тѣми или другими научными терминами для оправданія такихъ

инстинктовъ, которыми отцы ихъ и дяди, а иногда и матери, предавались дома безъ всякаго научнаго оправданія?

Было бы противно здравому смыслу допустить, что въ какую-либо эпоху молодежь вся поголовно была хуже того общества, къ которому она принадлежала. Этого не могло быть и не было. Молодежь была лучше общества; даже тотъ студентъ, который (упоремъ слова г. Цитовича) „обругалъ Вирхова и оболстилъ акушерку“ извиняя себя „новыми словами“, былъ все-таки выше тѣхъ „судей, которые сводничали своихъ дочерей“, по словамъ того же г. Цитовича. Учащаяся молодежь обыкновенно бываетъ выше и чище общества уже потому, что молодость вообще отзывчивѣе къ влеченіямъ благороднымъ, къ занятію идеями, которыя—каковы бы даже онѣ ни были—все-таки оказываютъ на нравственное существо человѣка болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ житейскія дразги, нажива, и бессодержательныя напши увеселенія. Сверхъ того, молодежь все-таки стоитъ близко къ наукѣ, которая можетъ только возвышать человѣка, и многіе изъ этой молодежи, очень многіе, если не большинство, переносили страшныя лишения и вели труженническую жизнь для того, чтобы имѣть возможность учиться. Неужели же молодежь прежнихъ временъ была нравственнѣе этой? Та кадетская и привилегированная молодежь закрытыхъ заведеній, которая въ старшихъ классахъ занималась битьемъ и развращеніемъ новичковъ, которая хотя не слыхала о „борьбѣ труда съ капиталомъ“, но еще на школьной скамейкѣ толковала о будущихъ звѣздахъ, и, вытягиваясь въ струнку передъ начальствомъ, тайкомъ проводила время въ самыхъ циничныхъ разговорахъ и самыхъ развратныхъ забавахъ? Или хотя бы та университетская молодежь прежняго времени, у которой пьянство и драки въ неприличныхъ мѣстахъ считались признаками добраго бурша, у которой карты замѣняли нынѣшніе, хотя бы и невѣрные, социальныя толки, и которая хвасталась такими подвигами, что нынѣшній типическій „нигилистъ“ въ блузѣ и длинныхъ сапогахъ, не посмѣлъ бы и заикнуться о нихъ въ кругу своихъ товарищей? И все-таки, мы убѣждены, что и тогдашняя молодежь была выше и даже нравственнѣе тогдашняго общества, общества Чичиковыхъ или, если пойдемъ дальше, общества Скотининныхъ. Это просто законъ природы, на которомъ вездѣ основано дальнѣйшее совершенствованіе человѣчества.

Г. Цитовичъ видитъ корень нынѣшней распущенности, прикрывающейся „новыми идеями“, въ крѣпостномъ правѣ, воспитанныхъ имъ животныхъ инстинктахъ и отвращеніи къ труду. Но это говорится имъ самимъ только для краснаго слова, для припрятія либеральнымъ словомъ чего-то совсѣмъ иного. Опредѣленіе это совершенно произвольно. Въ числѣ описываемыхъ имъ „жаждущихъ“ и тол-

пящихся у „источниковъ живой воды“, иноши, взросліе въ помѣщичьихъ семьяхъ, составляли ничтожное меньшинство. Большинство же состояло изъ дѣтей чиновниковъ, духовныхъ и всякихъ „разночинцовъ“, которые никогда Ганнами и Палашками не владѣли, и должны были трудиться болѣе или менѣе честно, но все-таки трудиться, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Да сверхъ того, мы уже указали на тотъ фактъ, что идеаловъ нравственности напрасно было бы искать и въ крестьянствѣ, и въ фабричномъ людѣ, и въ сословіи городской прислуги. Полюбуйтесь, что дѣлается въ этихъ средахъ, никогда не слышавшихъ о Дарвинѣ и „рефлексахъ мозга“. Причемъ же тутъ крѣпостное право?

Главныя обвиненія автора послѣ крѣпостного права надаютъ на журналистику, которая популяризировала „последнія слова науки“ и проводила „новыя идеи“. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже, такъ какъ абсурдъ этихъ обвиненій слишкомъ очевиденъ. Другое дѣло, самый фактъ „поврежденія правозъ“; всегда найдется много людей, склонныхъ повѣрить этому мнимому факту. Что касается либеральной журналистики, то вѣдь въ числѣ поддерживаемыхъ ею „новыхъ идей“ были и тѣ именно, которыя повели къ самой отиѣнѣ крѣпостного права и къ проведенію въ жизнь другихъ реформъ, и должны повестъ со временемъ къ осуществленію реформъ дальнѣйшихъ, которыя только и способны внести въ общество сознаніе солидарности интересовъ, дать жизни его содержаніе болѣе высокое, чѣмъ личная нажива и карты. А относительно „последнихъ словъ науки“, имѣла ли журналистика право игнорировать ихъ?

Затѣмъ, пусть г. Цитовичъ прямо укажетъ, въ какихъ органахъ проводились мысли, что рефлексы головного мозга, борьба за существованіе, гнетъ капитала надъ трудомъ и уравненіе женщинъ оправдываютъ похищеніе у крестьянки-вдовы (!) запряженной лошади, поступленіе женщинъ и мужчинъ на содержаніе и подведеніе казеннаго ящика подъ общинное владѣніе? Нужно ли говорить, что такихъ органовъ не было? Но очень могло быть, что дрянной человѣкъ, такой, который тридцать лѣтъ тому назадъ „поступилъ бы на содержаніе“ безъ всякихъ оправдательныхъ документовъ, потому что ихъ въ то „нравственное“ время и не требовалось, нынѣ сдѣлавъ то же самое, кощунственно сослался на научную теорію борьбы за существованіе. Что же изъ этого слѣдуетъ: то ли, что дрянной человѣкъ не былъ бы дряннымъ, если бы русская журналистика промолчала о Дарвинѣ передъ русской публикой?

Если бы г. Цитовичъ хотѣлъ быть логичнымъ, то ему во всякомъ случаѣ пришлось бы обвинять не столько русскую журналистику, знакомившую общество съ Фейербахомъ, Молеботомъ, Дарвиномъ и

проч., но самихъ этихъ философовъ и ученыхъ. Это было бы и болѣе логично, и болѣе добросовѣстно, и болѣе смѣло. Такъ поступали наши гг. Цитовичи добраго стараго времени, когда они, по словамъ поэта, жаловались на журналистовъ:

Мало имъ, что они Малого
И Гюста въ печать провели,
Кровошійку Прудона, злодѣя
Тѣра выше небесъ вознесли!

Такъ поступаютъ доселѣ и клерикалы, жалующіеся на „колебаніе основъ“ и „поврежденіе нравовъ“—*c'est la faute à Voltaire!* Такъ поступилъ и Прудонъ; какъ мы видѣли выше, онъ прямо относилъ вину къ Вольтеру, Руссо, энциклопедистамъ и первымъ учителямъ социализма, а не къ популяризаторамъ ихъ. Но у г. Цитовича не хватило на это храбрости, и въ его лицѣ ученый отказался отъ логики для того только, чтобы объ эту логику не споткнулся памфлетистъ. Для этого г. Цитовичъ придумалъ слѣдующій приемъ: въ Европѣ, молъ, „широкое теченіе научной мысли даетъ различныя боковыя потоки... но тамъ, на мѣстѣ все это безвредно и въ общемъ не отклоняетъ въ сторону отъ главнаго русла“. У насъ же именно изъ этихъ боковыхъ теченій, особенно изъ застоившихся, и черпали „живой воды“ и „смачивали ею собственныя домашнія издѣлія“. Такимъ образомъ, г. Цитовичъ-ученый спасаетъ себя отъ неловкой для профессора логической необходимости явиться открытымъ обвинителемъ всей современной науки, а за то г. Цитовичъ-памфлетистъ получаетъ право относить оправданіе воровства лошади у крестьянки-вдовы къ русской журналистикѣ, черпавшей изъ „боковыхъ потоковъ“, а не изъ главнаго русла. Но этотъ приемъ оказывается совершенно несостоятельнымъ, потому что всѣ четыре „источника“, указываемые г. Цитовичемъ, кромѣ общиннаго владѣнія, то-есть и рационализмъ, и теорія рефлексовъ мозга, и законъ борьбы за существованіе, и вопросъ объ отношеніяхъ труда къ капиталу, и вопросъ объ уравненіи женщинъ — заимствованы вовсе не изъ какихъ-то „боковыхъ потоковъ“ западной науки, застоившихся и вытекающихъ, если только авторъ не отнесетъ къ этимъ потокамъ и имена замѣчательнѣйшихъ представителей всей науки именно въ главномъ ея руслѣ, то-есть, въ современномъ рационалистическомъ направленіи.

Нѣтъ, Прудонъ, разсуждая о поврежденіи нравовъ, поступалъ логичнѣе и добросовѣстнѣе. Правда, вслѣдствіе того у него абсурдъ и рельефнѣе выступилъ наружу, чѣмъ у нашего автора. Но это дѣлаетъ только честь Прудону. Его разсужденіе за то цѣльно и ясно, а у г. Цитовича вышла какая-то полемическая путаница, въ

которой невозможно даже уловить съ точностью, кого и что онъ въ сущности обвиняетъ: крѣпостное право, русскую журналистику, западную науку, защитниковъ общиннаго начала, или мужчинъ поступающихъ на содержаніе къ нѣсколькимъ женщинамъ по складчинѣ между послѣдними. Въ силу его разсужденія, означенные мужчины могутъ сослаться на русскую журналистику, ихъ развратившую, русская журналистика — на европейскую науку, хотя бы въ „боковыхъ ея потокахъ“, а европейскіе боковые потоки отвѣтятъ: что же мы—ничего; мы у себя дома безвредны; если мы оказываемся вредны тамъ у васъ, въ Россіи, то въ этомъ вина не наша, а вина бывшаго у васъ крѣпостнаго права, которое вскормило вашихъ духовныхъ бурсаковъ въ гаремахъ крѣпостныхъ дѣвокъ, выросло въ ничего-недѣланіи три-четверти вашей нынѣшней интеллигенціи, происходящей отъ разночинцевъ, непривыкшихъ къ труду, обучило вашихъ мѣщанъ пьянству, и вашихъ купцовъ обжорству, а вашихъ дворянъ-карьеристовъ — выходу въ люди чрезъ сводничество своихъ женъ и женитьбу на любовницахъ знатныхъ лицъ. Наконецъ, сами эти дворяне — такъ какъ мы ихъ назвали послѣдними и благо нынѣшняя мода на историческія ссыли — возразятъ: а разве въ прежнія времена не существовалъ le Page aux Cerfs? И кто назначалъ неспособнаго герцога де-Субизъ, героя Россбаха, главнокомандующимъ французскою арміею?

И всё будутъ правы.

Не будетъ правъ только самъ г. Цитовичъ, хотя его и усиленно оправдываютъ нынѣ „Московскія Вѣдомости“. Онъ не останется правымъ потому, что окажется уличеннымъ во враждѣ съ логикою, что несомнѣнимо съ серьезной разработкой науки; потому что окажется повиннымъ въ подсказываніи вновь старыхъ обвиненій реакционнымъ похотамъ, и также потому что не будетъ имѣть за себя даже того снисхожденія, на которое даютъ право смѣлость и откровенность обличителя, хотя бы само обличеніе было абсурдомъ. Вотъ, напр., Прудонъ говоритъ, дѣйствительно, смѣло и ясно, что развратъ исходитъ отъ самой мысли объ уравниніи женщины, объявляетъ прямо— „я отрицаю женскіе гени“, отдѣлываетъ не стѣсняясь и Вольтера, и Руссо. А г. Цитовичъ желаетъ, по извѣстной пословицѣ, и невнимательность соблюсти, т. е., оказать все уваженіе Вольтеру и Руссо, и написать что-нибудь совершенно безопасное и желанное.

Г-нъ Цитовичъ въ одномъ мѣстѣ ссылается на „извѣстное положеніе дѣлъ, которое связываетъ профессоровъ по рукамъ и по ногамъ“; говоритъ: „мы безсильны создать для университетской молодежи ясныя условія и формы жизни“, и замѣчаетъ, что „вотъ опять одинъ изъ тѣхъ частныхъ случаевъ, гдѣ водворяющіе новую мысль нако-

даны: себѣ случайныхъ, но цѣнныхъ и вѣрныхъ совѣтчиковъ". Но мы позволимъ себѣ усомниться, чтобы путь, избранный г. Цитовичемъ, наиболѣе соответствовалъ созданію и для молодежи, и для самихъ профессоровъ, новымъ условіямъ и формамъ жизни. По крайней мѣрѣ на помощь г. Цитовичу уже явились такіе союзники, отъ которыхъ всегда можно ожидать содѣйствія къ созданію новыхъ условій и формъ жизни. Приверженцы г. Цитовича принимаютъ пока на его защиту — строгость цензуры, а въ подкрѣпленіе выражаемыхъ имъ пожеланій объ „новыхъ условіяхъ“, указываютъ на необходимость отмены нынѣшняго университетскаго устава, т. е., на устраненіе въ университетахъ выборнаго начала и полное подчиненіе ихъ чиновникамъ. Конечно, сега rose un homme! Но для г. Цитовича было бы лучше, если бы его обличенія и крайнія мнѣнія приписывались только одному смѣшенію помѣтій. Для публициста, искренно желающаго университетамъ новыхъ условій и имѣющаго ясное представленіе о дѣйствительности, слишкомъ очевидно, что не русская журналистика и не „живая вода“ служатъ тутъ главною помѣхой; для него не можетъ даже подлежать вопросу, въ чемъ могутъ представиться и для университетовъ, и для всей умственной жизни въ Россіи главныя условія здоровья и благосостоянія. У самого г-на Цитовича можно найти немало тамъ, гдѣ онъ, объясняя безвредность на Западѣ тѣхъ же идей, которыя у насъ дѣлаются зловредными, говорить о *широкомъ* (т. е. не узкомъ) на Западѣ теченіи научной мысли. Если же все это г-ну Цитовичу извѣстно, то къ чему же онъ призываетъ всѣ небесные громы на русскую либеральную журналистику?

Но въ послѣднее время русской либеральной журналистикѣ пришлось перенести нападеніе не отъ одного г-на Цитовича, а также и съ другой стороны, повидѣнію, не имѣющей ничего общаго съ настроеніемъ автора упомянутой брошюры. Отъ г. Цитовича мы узнаемъ, что русская либеральная журналистика только раздражаетъ своихъ читателей и, по заключительнымъ словамъ его брошюры, „подъ мѣткою нелепыхъ издѣлій новѣйшаго фасона торгуетъ отечественнымъ старьемъ: тряпками и битой посудой, не прибранными послѣ 19-го февраля 1861 г.". Въ противоположномъ концѣ, въ одномъ, въ роутно, заграничномъ изданіи, раздаются о той же нашей журналистикѣ совершенно сходные отзывы, которые отрицаютъ даже самое призваніе либеральной публицистики, утверждаютъ, что она дѣлаетъ — стонъ „разныя роты и ждуть подачесть“; что либераловъ въ русской печати вовсе нѣтъ, что реформы явились такъ, сами собой, безъ всякаго участія общественной мысли, выражаемой печатью, въ ихъ осуществленіи. Вместе съ тѣмъ, эти въ этотъ разъ

союзники г. Цитовича стараются, по его методѣ, сгнать всё органы русской печати въ одну кучу, такъ что всякая отдѣльная ошибка или личная недобросовѣстность ложилась бы на отвѣтственность всей либеральной печати, и доказываютъ, что никто изъ ея дѣателей не имѣетъ и права на названіе либерала. Кого нельзя упрекнуть въ корыстной цѣли или въ противорѣчии всѣмъ извѣстнымъ и не подлежащимъ спору принципамъ либерализма, у того, опять по методѣ г. Цитовича, выдергиваютъ какую-нибудь отдѣльную фразу, хотя и не противорѣчающую тѣмъ же принципамъ, но получающую въ отдѣльности, помощью намѣреннаго искаженія, совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой она имѣла въ цѣльномъ разсужденіи. Все это дѣлается съ цѣлью стереть всё различіе, приравнять всѣхъ къ наименѣ заслуживающимъ уваженія и затѣмъ сказать молодому поколѣнію — полюбуйте на русскую либеральную прессу, на русскихъ либераловъ; они таковы, что заслуживаютъ только презрѣнія. Затѣмъ виведъ одинъ—добросовѣстность и истина только у нихъ. Крайности сходятся во всемъ: подобное же убѣжденіе, вѣроятно, имѣетъ и г. Цитовичъ въ отношеніи самого себя.

Если бы въ отношеніи либеральной печати отрицалось знаніе, опровергались бы ея мнѣнія, если бы глумились надъ ея слабостью; тогда она молчала бы, помня одно—равность обоюднаго положенія, дѣлающую полемику не совсѣмъ удобною. Но дѣло идетъ совершенно о другомъ, и потому она молчать не можетъ.

До сихъ поръ, вступать въ открытую полемику съ мнѣніями, выражаемыми издалека, рѣшались только такіе органы, которые считали, что „крѣпкія“ слова русскаго лексикона не только не уменьшаютъ силы доводовъ, но, напротивъ, увеличиваютъ ее. Введенный ими въ употребленіе приемъ, дѣйствительно, и установился, даже сдѣлался какъ-бы условіемъ *visе quа pop*, то-есть таинствомъ, безъ соблюденія котораго самое разсужденіе объ извѣстныхъ тенденціяхъ становится на практикѣ затруднительно. Но какія же были послѣдствія этого? Во все не тѣ, на какія рассчитывали авторы подобныхъ приемовъ,— а потому, попробуемъ отложить въ сторону всѣ квалификаціи, съ какими люди, стоящіе на почвѣ законности, обыкновенно обращались у насъ въ нарушителямъ ея, то-есть, такіа квалификаціи какъ, напр., преступныя помысли, покушенія на государственную немѣну и т. д. Попробуемъ разсуждать совсѣмъ безъ эпитетовъ о явныхъ нарушеніяхъ законности. Быть можетъ, намъ удастся безъ этого еще болѣе яснить сущность дѣла. Въ наше время это становится просто необходимою, и молчаніемъ нельзя отдѣлываться, несмотря на всѣ выгоды, какія представляются этой системой для молчащаго лица.

Но прежде, чѣмъ разбирать ту роль, какую хотятъ взять на себя

въ Россіи нѣкоторые наши новые мыслители, бросимъ взглядъ на значеніе, которое имѣетъ въ Германіи партія, принимаемая ими, по-видимому, за образецъ. Соціально-демократическая партія въ Германіи въ самомъ дѣлѣ есть дѣйствующая политическая партія и можно даже сказать, единственная партія рѣшительной оппозиціи; все въ сущности ея ученія, а именно въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве и заключается весь секретъ ея силы. Въ виду замедленія политическихъ преобразованій, которыя соотвѣтствовали бы дѣйствительнымъ внѣшнимъ потребностямъ германской націи, и въ виду фактической слабости либеральныхъ партій, главнѣйшее значеніе соціально-демократической партіи въ Германіи и заключается въ томъ, что она есть партія рѣшительной оппозиціи, не поддающейся на компромиссы. Въ этомъ смыслѣ собственно экономическія ученія этой партіи представляются второстепеннымъ элементомъ. Невозможно повѣрить, чтобы полмилліона избирателей въ грамотной Германіи были дѣйствительно убѣждены въ возможности немедленнаго упраздненія собственности посредствомъ революціи! Но эти полмилліона подаютъ голоса за соціальныхъ демократовъ именно потому, что извѣрнулись въ ту либеральную оппозицію, которая вотъ уже тридцать лѣтъ (съ 1848 г.) ничего не могла добиться отъ прусскаго правительства. И дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ имѣютъ вліяніе нѣкоторыя дѣйствующія, безусловно-оппозиціонныя партіи, какъ-то католическая и національная (польская, французская), вліяніе соціальныхъ демократовъ оказывается ничтожнымъ; они тамъ замѣнены другими, весьма живымъ оппозиціоннымъ элементомъ. Остало бытъ, главный ихъ успѣхъ и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи зависитъ не столько отъ ихъ экономическихъ ученій, сколько отъ обстоятельствъ, дающихъ имъ значеніе единственной рѣшительной оппозиціонной партіи. Все это надобно понимать.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самой точкѣ отсравленія, изъ которой вышли разныя соціалистическія ученія. Точка эта — неудовлетворительность экономическаго быта рабочихъ; отсюда стремленіе къ улучшенію этого быта, посредствомъ сближенія производителя-рабочаго съ потребителемъ, при устраненіи, по мѣрѣ возможности, того посредничества или комиссіонерства, которое держитъ въ рукахъ орудія производства. Пока это стремленіе держится на почвѣ науки, и пока оно переходитъ хотя въ практическіе опыты, но совершающіеся въ строго-закононыхъ формахъ, какія установлены въ той или другой странѣ, — въ немъ нѣтъ ничего страннаго. Сама государственная власть во всѣхъ странахъ, болѣе или менѣе, пыталась въ отдѣльныхъ случаяхъ регулировать нѣкоторыя условія для обезпеченія народнаго предозвѣстія, иногда устанавливая таксы на нѣ-

которые продукты продовольствия и всегда старалась въ своихъ хозяйственныхъ операціяхъ имѣть дѣло, по возможности, съ самими производителями, устраняла перекупщиковъ или коммиссіонеровъ, и даже принимала въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣры противъ монополюстовъ. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ существовали таксы на нѣкоторые продукты и принимались мѣры противъ дровяной монополіи; полицейское управленіе само закупало дрова, раздавало ихъ жителямъ по дешевой цѣнѣ и тѣмъ ограничивало жестокой произволъ капиталистовъ-промышленниковъ.

Напоминаемъ это вовсе не съ цѣлью преувеличивать значеніе такихъ мѣръ, но только для того, чтобы показать, что стремленіе помочь бѣдному люду противъ безграничной эксплуатаціи никогда окончательно не отвергалась государственной властью. И самое устройство производительныхъ артелей, даже съ помощью отъ государства, еще недавно признано княземъ Бисмаркомъ, въ его рѣчи противъ социалистовъ, за мысль, которой онъ сочувствуетъ и которую былъ бы готовъ осуществить, если бы ему указали практической способъ для ея осуществленія. Искренно или неискренно говорилъ онъ—это другой вопросъ. Мы хотимъ только доказать, что въ самой мысли о государственной инициативѣ для улучшенія быта рабочей массы нѣтъ ничего страшнаго. Признаніе земельной собственности за крестьянами въ Россіи было даже такъ и названо „улучшеніемъ быта“ крестьянъ. Само-собой разумѣется, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ, призванная законами, политическая борьба партій, вполнѣ мыслимо и законно стремленіе партій рабочихъ приобрести возможно большую силу въ парламентѣ и добиться отъ государства мѣръ для улучшенія быта рабочихъ—и хотя бы попытокъ устройства большихъ производительныхъ артелей. Здѣсь представляется уже только практической вопросъ объ осуществимости такого чисто-ассоціаціоннаго производства въ большихъ размѣрахъ. Но ни страшнаго, ни преступнаго въ самой мысли о нихъ нѣтъ—или пришлось бы признать опасными людьми: князя Бисмарка, тайнаго совѣтника Вагнера и тѣхъ пасторовъ, которые недавно проповѣдывали въ Пруссіи такъ-называемый „христіанскій социализмъ“. Все законно въ предѣлахъ закона, равнаго для всѣхъ—и ничего нѣтъ страшнаго въ попыткахъ мирныхъ, не грозящихъ никому насиліемъ.

Опасность можетъ явиться только тогда, когда заходить рѣчь о томъ, чтобы насильственно переименить весь общественный бытъ по программѣ, выдуманной кѣмъ-то, или, лучше сказать, по десяти, весьма не сходнымъ между собой программамъ, изобрѣтеннымъ разными „фракціями“,—когда хотѣть однимъ упразднить собственность и установитъ общее владѣніе. Эта опасность велика потому, что она

предполагаетъ разрушеніе, страшную междоусобицу, а въ зацареніе ласкъ и, быть можетъ, — гибель цивилизаціи. Но противъ этого есть сильное средство: надо же сколько-нибудь надѣяться на здравый смыслъ народовъ! — онъ-то и есть это сильное средство. Если бы къ социальнo-демократическому движенію въ Германіи не примѣшивался элементъ политическій, если бы другія либеральныя партіи имѣли тамъ болѣе серьезное значеніе, чѣмъ какое — въ силу существующихъ обстоятельствъ — онѣ могли приобрести, то социальныя демократы, мы убѣждены въ этомъ, лишились бы главнаго элемента своего успѣха и главной своей силы. Они представлялись бы тогда уже не единственной дѣйствующей партіею рѣшительной оппозиціи, а главнымъ образомъ — именно только поборниками абстрактнаго коммунизма. Тогда изъ полу-милліона ихъ избирателей отъ нихъ, навѣрное, отпали бы три-четверти, такъ какъ водвореніе коммунизма путемъ насилія протнало здравому смыслу народа.

Но обратимся теперь къ разсужденіямъ собственно нашихъ новыхъ мыслителей. Они объясняютъ, что не хотятъ предрѣшать вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго социалистическаго строя, и предоставляютъ будущее будущему; что они въ настоящемъ берутся только за осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій социалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ социализма, которыя уже созданы въ умахъ народа. Итакъ, они берутся вызвать революцію для осуществленія такого строя, котораго сами не въ состояніи даже развить, т.-е. который имъ въ сущности неизвѣстенъ. А между тѣмъ, они наново провозглашаютъ, что социализмъ есть высшая форма всеобщаго всечеловѣческаго счастья, какая когда-либо выработывалась человѣческимъ разумомъ, — что нѣтъ для него ни пола, ни возраста, ни религіи, ни національности, ни классовъ, ни сословій: всѣхъ онъ зоветъ на чудный пиръ жизни, всѣмъ онъ дастъ миръ, свободу, счастье, сколько каждый можетъ взять.

Возможно ли утверждать это, когда еще не знаешь самого того строя, который долженъ осуществитъ такую Аркадію, когда этотъ строй еще только имѣетъ возникнуть въ будущемъ изъ какихъ-то элементарныхъ основъ, лежащихъ въ умахъ народа. А что если основныя эти окажутся гораздо ближе къ управленію становаго пристава, чѣмъ къ „чудному пирѣ жизни“? Да, но вѣдь мыслители предполагаютъ „широкую проповѣдь идей социализма въ народѣ“. Стало-быть, не будущій социалистическій строй долженъ самъ развиться изъ основъ, которыя созданы въ умахъ народа, но, наоборотъ, строй этотъ уже предрѣшенъ и уму народа долженъ сообщиться широкою проповѣдью социализма. Да это ясно и изъ словъ, что социализмъ — все-

ная форма всечеловѣческаго счастья, какая только когда-либо выработывалась человѣческимъ разумомъ. Стало-быть, — это уже форма, выработанная въ настоящее время, — до такой степени выработанная, что можно ее сравнивать со всѣми иными извѣстными формами общественнаго быта и отдавать ей предпочтеніе. Форма эта до такой степени предрѣшена и выработана, что оказывается возможнымъ указывать теперь даже на нѣкоторые второстепенныя ея особенности: для нея нѣтъ ни пола, ни возраста, ни національности и т. д. Позволительно однако сомнѣваться, что хотя бы элементарныя основы строя, не признающаго ни пола, ни національности, ни религіи, были уже въ настоящее время „созданы въ умѣ народа“, въ которомъ мужья едва ли не поголовно тиранствуютъ надъ женами, вѣря, что жена — собственность мужа, съ той только разницей отъ вещи, что ее жалѣть нечего, а надо учить; отрицаніе религіи и національности, очевидно, также плохо выжестся съ тѣми элементарными основами, которые покажутся созданы въ умѣ народа.

Пусть намъ позволено будетъ на минуту забыть, что мы ведемъ разговоръ съ такими мыслителями, которые сами объявляютъ своимъ девизомъ „активную борьбу“, то-есть — то, что мы назовемъ экстралегальными дѣйствіями. Иначе отъ насъ потребуютъ такого грома осужденій, за которыми совершенно пропадетъ аргументація. А она-то именно и нужна. Бранью мы мѣяться не будемъ; помѣряемся мыслями. Проведемъ параллель.

Дано такое положеніе: одни, дѣйствительно подъ покровительствомъ законовъ, хотя и не совсѣмъ безопасно, въ теченіи 16-ти лѣтъ, со времени 19-го февраля 1861 года, выражаютъ насущныя потребности общества; они, слѣдуя славнымъ преданіямъ Посошкова и Новикова, будятъ его, проводя въ сознаніе общества необходимость первой, истинно-великой реформы — отмены рабства, и достигаютъ того — невиданнаго доселѣ примѣра — что большинство самихъ рабовладѣльцевъ въ моментъ освобожденія рабовъ не рѣшается выказаться крѣпостниками, что этотъ же классъ составляетъ добросовѣстныхъ осуществителей великаго дѣла — мировыхъ посредниковъ перваго періода; разрабатываютъ вопросъ о новой судебной организаціи, старательно ищутъ средину между французскимъ прокурорствомъ, безусловно обвиняющимъ, и англійскимъ требованіемъ частнаго обвинителя, который не всегда является, проводятъ въ жизнь учрежденіе присяжныхъ; разрабатываютъ, въ предѣлахъ возможности, вопросъ школьный, вопросъ объ умственной будущности Россіи, заботливо откликаются на потребности земства, будятъ общество и стараются поддержать мажоритный практическій признакъ его самостоятельности, его охоту дѣйствовать для реальной пользы, для пре-

уси́біянія, для удовлетворенія дѣйствительныхъ, насущныхъ нуждъ. И все это — не безъ риска, хотя бы риска быть непонятыми, при данныхъ условіяхъ.

Съ другой стороны, мы видимъ мыслителей, являющихся въ „двѣнадцатый часъ“, чтобы сказать намъ, что все это—вздоръ, что никакой заслуги у насъ нѣтъ, что мы поголовно лжемъ, что мы только прислуживаемся, что мы несостоятельные и безнравственные писатели и что только они, эти мыслители... Чтѣ же они открыли? Отрицательныя стороны нашей жизни—мы ихъ знали безъ нихъ. Чтѣ они предлагаютъ взамѣнѣ? Лассала?—Онъ говорить не то, чтѣ говорятъ они. Съ основными мотивами его дѣятельности находить возможнымъ согласиться даже князь Бисмаркъ. Карла Маркса?—Маркса, какъ и Лассала, мы знали раньше ихъ. Но Маркса, котораго они такъ триумфально противопоставляютъ Лассалу, никогда не выводилъ своей программы до ученія объ учрежденіи „казачьихъ круговъ“, воленыхъ автономныхъ общинъ съ выборными ответственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли: сами приверженцы Маркса признавать эти автономныя общины—недѣльностью. Ставить культурнымъ идеаломъ въ XIX столѣтіи „казачьи круги“—слишкомъ навивно.

Мыслители-революціонеры утверждаютъ, что такова была всегда неизмѣнная „программа“ народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ въ Россіи: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ, и что такова же она „безъ сомнѣнія“ остается и теперь для громаднаго большинства русскаго народа, а потому ее и усваиваютъ они — „революціонеры-народники“. Пугачевъ социалистъ! Въ какомъ же смыслѣ? Въ томъ ли, что онъ провозглашалъ себя царемъ, прикрывалъ своимъ династическимъ правомъ? Или въ томъ только, что онъ объявлялъ уничтоженіе крѣпостного яга? Но вѣдь революціонный пріемъ само-себѣ еще не есть принципъ социализма, а отиѣна крѣпостного права требовалась и осуществлена также не социалистами. Въ той самой „знаменитой рѣчи объ идеѣ рабочаго сословія“, на которую мыслители ссылаются, Лассаль опредѣлялъ значеніе крестьянскихъ возстаній въ Германіи и не только не видѣлъ въ нихъ „социализма“, но называлъ ихъ реакціонными движеніями—въ томъ смыслѣ, что они одушевлялись идеєю среднихъ вѣковъ, а именно, что всякое право исходить изъ владѣнія землею, и домогались признанія и освобожденія крестьянскаго землевладѣнія, непосредственнымъ подчиненіемъ его имперской власти. Не то ли самое выражалъ собой Пугачевъ, съ тою лишь разницею, что и власть государственную присвоивалъ самому себѣ? О какомъ социализмѣ можетъ быть рѣчь, когда говорятся о томъ періодѣ, который сами социалисты называютъ періодомъ крѣпостныхъ отношеній, съ противоположностью періоду отно-

неній капитало-владѣльцу въ вольнонаемному работнику? А вѣдь только этому послѣднему періоду, но общему взгляду всѣхъ социалистовъ, и соответствуетъ ихъ ученіе.

Итакъ, у мыслителей, о которыхъ мы бесѣдуемъ, что ни слово, то противорѣчіе — не только исторіи и очевиднымъ фактамъ современности, но и противорѣчіе самимъ себѣ. То они не хотятъ предпрѣшать, каковъ долженъ быть социалистическій строй, предоставляютъ въ будущемъ самому народу „развить“ этотъ строй; то они восхваляютъ этотъ строй, какъ вѣчто уже исполнѣ определенное и хорошо имъ извѣстное, даже во второстепенныхъ чертахъ; то они утверждаютъ, что элементарныя основы социализма уже созданы въ умѣ русскаго народа, — то объясняютъ, что социализмъ есть форма, исключающая равноправность пола, религіи и національности: стало-быть, форма діаметрально-противоположная основнымъ вышшимъ воззрѣніямъ русскаго крестьянства на семейный бытъ, а также — нравственному и политическому міровоззрѣнію крестьянства. Пугачевъ — представитель народнаго протеста противъ крѣпостнаго права — является имъ идеаломъ, дажѣ котораго они сами не намѣреваются идти, а между тѣмъ дѣйствительная отгѣна крѣпостнаго права, при помощи самихъ же посредниковъ-дворянъ, называется ими „нимолетнимъ сновидѣніемъ“, и общество, по ихъ отзѣву, „ничего для достиженія ея не дѣлало“.

Впрочемъ, пусть не подумаютъ они, что мы удовлетворимся, изобличивъ ихъ въ явныхъ самопротиворѣчіяхъ. Если бы мы этимъ ограничились, то они, по всей вѣроятности, улыбнулись бы про себя, не безъ коварства, какъ улыбается дипломатъ, когда хитросплетенную его денешу уличаютъ въ неполномъ соблюденіи требованій логики и исторической правды. Мы сдѣлаемъ нѣчто больше, чѣмъ выказать такіа самопротиворѣчія; мы постараемся примирить ихъ. Противорѣчія себѣ являются только потому, что мыслители считаютъ пока неудобнымъ, для цѣлей своей пропаганды, высказаться до конца, съ полной искренностью. Только хвостикъ „последняго слова“ партіи проглядываетъ въ ихъ словахъ о „вольныхъ, автономныхъ общинахъ“. Но вѣдь хвостикъ есть конецъ самого становаго хребта, и ухватившись за него, можно вытащить изъ-подъ груди противорѣчій и самую головку ученія. Для тѣхъ неопытныхъ, которыхъ эти мыслители подвергаютъ своей убійственной, безнадежной „рекрутской повинности“, полезно знать съ точностью какому идеалу ихъ призываютъ служить.

Не изъ вышнихъ заявленій революціонеровъ извѣстно намъ, что современный социализмъ раздѣляется на „фракціи“, какъ выражаются они, — а въ дѣйствительности — на лагери, безопасно враж-

дующіе одѣтъ съ другими, взаимно обзываютъ противниковъ всѣми самыми негостными словами, какія только придуманы ненавистью партій. Къ одному изъ этихъ лагерей принадлежатъ мыслители, учающіе насъ въ безбравственности и „рабскихъ мысляхъ“. Изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ, уже безъ всякихъ благовидныхъ прикритій, отличительное ученіе этой „фракціи“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ у нея есть ученіе, выработанное безъ всякаго спроса у тѣхъ „умовъ русскаго народа“, на которые представители ея есылаются.

Отъ слишкомъ общаго наименованія „соціалисты“ мы должны отказаться при этомъ опредѣленіи, и замѣнить его болѣе точнымъ словомъ „коммунисты“. Слово „соціализмъ“, болѣе общее, удерживается и приверженцами Маркса, и Либнехта только по привычкѣ. На самомъ дѣлѣ, и Марксъ, и Либнехтъ, и Бебель — коммунисты. Но „фракція“, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ еще отличительный девизъ, который на съѣздахъ коммунистовъ за границею она заявляетъ съ гордостью, а пока умалчиваетъ только въ письменныхъ бесѣдахъ съ русской молодежью. Этотъ девизъ — „анархія“. Они такъ и называютъ себя „анархистами“. На этихъ съѣздахъ, они не признаютъ Карла Маркса „главой своей школы“, какъ они же рекомендуютъ его въ Россіи, свриваясь за именемъ известнаго ученаго. Тамъ, гдѣ они дѣйствовали открыто и высказывались вполне, они низвергли предводительство Маркса въ „международномъ обществѣ“, какъ отсталого человѣка, а его ученіе о всемогущемъ, всеобъемлющемъ и всерегулирующемъ государствѣ отвергли какъ нестерпимѣйшій деспотизмъ и провозгласили вмѣсто государства — „анархія“, такъ и называя ее. Анархія именно и представляется имъ въ учрежденіи „вольныхъ, автономныхъ рабочихъ общинъ“, которыя образуются, дѣйствуютъ и разъединяются безъ всякаго государственнаго принужденія. Идею государства, правленія, они прямо устраняютъ, противопоставляя ей — принципъ вольныхъ, автономныхъ рабочихъ общинъ.

Итакъ, теорія Маркса для этихъ мыслителей уже—überwundener Standpunkt—отсталое дѣло; у нихъ имѣется иная, удобная тѣмъ, что далѣе ея, кажется, уже никому идти нельзя; радикальнѣе „анархія“ трудно что-нибудь придумать. „Вольныя, автономныя общины рабочихъ“—вотъ положительная программа новыхъ мыслителей. Они идутъ въ „народъ“ вовсе не для того, чтобы узнать отъ него его слово, но для того, чтобы постараться навязать ему придуманное ими. Но такъ какъ дѣло обращенія хоти бы „широкой проповѣдью“ народа въ десятки милліоновъ крестьянъ, очевидно, представлялось бы непосильнымъ даже тысячамъ агитаторовъ, то они, для ободренія своихъ приверженцевъ, и стараются увѣрить ихъ, будто основныя идеи

ихъ уже гнѣдятся издавна въ умахъ русскаго народа, будто она только подслушана ими у него. На дѣлѣ же она вовсе не подслушана у него, такъ какъ была провозглашена на Западѣ людьми, которые никакого общенія съ русскимъ народомъ не имѣли, да и придумывали свою теорію вовсе не специально въ виду русскаго народа, но въ виду всемірнаго рабочаго пролетаріата.

Вотъ простое объясненіе всѣхъ тѣхъ самопротиворѣчій, какія отмѣчены нами выше. Народу хотять навязать готовую теорію — коммунизмъ и анархію вольныхъ общинъ; для подготовки народной революціи во имя этихъ идеаловъ хотять производить рядъ „вснѣшекъ“, т.-е. частныхъ смуть, которыя, будучи хотя бы и безплодными сами по себѣ, должны служить для подготовки активному коммунизму — „боевой арміи“, какъ откровенно говорится за границею — „интеллигентнаго рабочаго меньшинства“, какъ болѣе сдержанно говорится въ Россіи. А чтобы призываемые къ „рекрутской повинности социализма“, увлекаемые въ безнадежное во всякомъ случаѣ предпріятіе (о преступности мы не говоримъ, такъ какъ впередъ отказались отъ всякихъ правовыхъ квалификацій) — не усомнились какъ-нибудь, то ихъ стараются увѣрить, что идеалы эти уже лежатъ въ основѣ народнаго ума, что, стало быть, стѣбитъ только поднять фитиль, а порохъ готовъ, и готовъ въ громадномъ количествѣ.

Но молодые люди не должны забывать слѣдующаго: въ умахъ русскаго крестьянства нѣтъ ровно ничего соответствующаго идеаламъ космополитическаго коммунизма и анархіи вольныхъ рабочихъ общинъ. Всѣ основы міровоззрѣнія русскаго крестьянства прямо противоположны этимъ неудобопонятнымъ представленіямъ. Семейный бытъ, религія, сила національнаго духа, наконецъ, самый экономической складъ, всѣ эти условія существованія и личности десятковъ милліоновъ людей пришлось бы передѣлывать для осуществленія тѣхъ идеаловъ, если бы они и были осуществимы, чему нигдѣ и никогда еще не бывало примѣра. Сама русская сельская община, на которую любятъ ссылаться, есть форма *землевладѣнія*, а не отмѣна собственности съ организаціею труда. Въ русской земледѣльческой общинѣ нѣтъ ни общей работы, ни солидарности въ барышахъ производства, ни распредѣленія вознагражденія за трудъ по усердію, способностямъ и хотя бы потребностямъ каждаго. А такъ какъ масса населенія въ Россіи — землевладѣльческая, то въ Россіи невозможнѣ народная попытка къ осуществленію коммунизма, чѣмъ гдѣ-либо, въ тѣхъ странахъ, гдѣ большинство населенія составляютъ безземельные, ничѣмъ не владѣющіе рабочіе. Ссылаться же на одну неудовлетворительность экономической положенія, на случай частнаго недовольства существованіемъ можно сколько угодно, но изъ этихъ обстоя-

тѣлствъ никакъ не слѣдуетъ, что осуществимъ такой-то готовый идеалъ; если самая сущность идеала противна народнымъ воззрѣніямъ, то никакія „вспышки“ не подготовили бы народъ къ его воспріятію. Они только создали бы рядъ совершенно безплодныхъ бѣдствій и личныхъ страданій. Не только осуществить идеалъ (самъ по себѣ, впрочемъ, неосуществимый) онѣ бы не могли, но не могли бы даже сколько-нибудь поколебать государственный организмъ потому, что одно изъ несомнѣннѣйшихъ свойствъ русской народной массы — свойство создавшее все историческое величіе страны бѣдной, малообразованной — есть неискоренимая, безусловная преданность русскаго народа идеѣ *государства*, то-есть той самой идеи, которую кореннымъ образомъ отрицаютъ „анархисты“, проповѣдники „вольныхъ, автономныхъ общинъ“.

Надо, наконецъ, сказать нѣсколько словъ и о сущности самыхъ этихъ представленій: вольныя общины, анархія, и о „вспышкахъ“, какъ средствѣ къ ихъ осуществленію. Когда не далѣе, какъ въ прошломъ году, въ сентябрѣ засѣдалъ въ Женевѣ „всемирный конгрессъ“ социалистовъ, на которомъ „анархисты“ заявили себя такъ рѣшительно *противъ* ученія Маркса о всерегулирующемъ государствѣ, то приверженцы Маркса, въ свою очередь, попробовали уяснить, что такое въ дѣйствительности были бы „вольныя автономныя общины“, и высказали убѣжденіе, что эти вольныя общины, дѣйствующія совершенно самостоятельно, пришли бы къ взаимному подрыву производства, къ соперничеству; тогда приверженцы Маркса объявили, что эти вольныя общины должны представить не что иное, какъ начало *свободной конкуренціи*, то-есть тотъ самый принципъ, на которомъ держится нынѣшній капиталистическій строй, и противъ котораго они и борятся. Что касается практики „вспышекъ“, то „вспышечникамъ“ тамъ же было разъяснено, что ихъ могутъ только благодарить всѣ противники всякаго социализма, такъ какъ не можетъ быть болѣе вѣрнаго средства для дискредитированія всего предпріятія, какъ устройство вспышекъ безплодныхъ, съ одной цѣлью „подготовленія“ какой-то арміи будущаго.

Итакъ, вотъ что рекомендуютъ мыслители, обвиняющіе русскую либеральную журналистику въ „рабской неискренности“. Пусть все, что молодо и что составляетъ цвѣтъ и надежду своей земли, пусть будущіе слуги ея собственной силы, ея преуспѣанія и ея свободы — знаютъ какъ безнадежны и несостоятельны тѣ мечты, которыми ихъ увлекаютъ, стараясь подѣйствовать на ихъ дѣйствительно благородныя чувства энергіи и готовность къ самоотверженію.

Кончимъ частнымъ объясненіемъ. Въ обозрѣніяхъ нашихъ мы безусловно отвергали принципъ и практику политическихъ убійствъ, и

между прочимъ замѣтили, что политическія убійства никогда не подвигали впередъ дѣла свободы. Намъ возражаютъ тамъ же, что убійства не только зачастую служили дѣлу свободы, но даже въ цѣвоторыхъ случаяхъ неразрывно слились въ памяти народа съ самымъ именемъ свободы. Въ подкрѣпленіе намъ указываютъ на легенду о героѣ Косова поля Милошѣ Обреновичѣ, поразившемъ турецкаго султана, и совѣтуютъ сходить посмотреть на оперы—„Вильгельмъ Телль“ и „Юдифь“, такъ какъ сомнѣваются, чтобы мы знали эти примѣры изъ исторіи. Нечего сказать, хороши примѣры! Какъ будто Косово поле было ареной освобожденія Сербіи, а не порабощенія ея на долгіе вѣка. Какъ будто освобожденіе Швейцаріи (освобожденіе отъ иностраннаго ига, а не социальный переворотъ) совершилось не на поляхъ Моргартена, Земпаха, а дѣломъ Телля, котораго самое существованіе исторически не доказано? Что касается Юдифи, то ссылка на ветхозавѣтную книгу въ настоящемъ случаѣ не лишена юмора; приходитъ на умъ французская поговорка: „le diable lui aussi peut citer l'Écriture“. Но опять-таки Юдифь спасла городъ отъ осады, а не расчистила путь для политическихъ или социальныхъ преобразованій. За то мы, даже и при тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ въ исторіи, которыя намъ приписываются, беремся насчитать не три легендарныхъ примѣра, но цѣлый десятокъ вполне историческихъ примѣровъ, когда политическое убійство было употребляемо прямо какъ средство противъ свободы, и когда послѣдствіемъ убійства была сильнѣйшая реакція. Не все что въ оперѣ — эффектно,—нравственно и хотя бы цѣлесообразно въ жизни. Впрочемъ, мы предложили бы найти хотя одного уважающаго себя публициста во всей Европѣ (включая сюда гг. Либнехта и Бебеля), который рѣшился бы защищать практику политическаго убійства, и который, если вопросъ былъ бы предложенъ ему, назвалъ бы убійство иначе, чѣмъ назвали и мы его.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ, „Русскій Міръ“, былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей о Финляндіи, гдѣ между прочимъ сообщались подробности о новѣйшей системѣ обученія въ Великомъ Княжествѣ; намъ часто приходится ходить далеко за примѣрами, но мы мало знаемъ о томъ, что дѣлается у нашихъ весьма почтенныхъ сосѣдей, и въ то же время соотечественниковъ, а потому статьи „Русскаго Міра“ не могли не обратить на себя вниманіе. Вотъ что именно говорится, между прочимъ, въ этихъ статьяхъ о классицизмѣ въ Финляндіи:

„Сокращеніе преподаванія классическихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, готовящихъ къ университету, финны, однако,

не считаютъ себя ни греками, ни римлянами и, кажется, стоятъ за древніе языки лишь настолько, насколько они нужны для элементарной подготовки молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя въ университетѣ специальному изученію классическихъ древностей, и насколько занятія мертвыми языками не мѣшаютъ занятіямъ прочими, не менѣе важными и живыми предметами. Такъ же, по нѣкоторымъ даннымъ, относится къ общеобразовательному значенію классицизма и финляндская періодическая печать. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, нѣкто А. Fr. N., помѣстивъ въ самой распространенной шведской газетѣ Финляндіи: „*Neisingfors Dagblad*“, рядъ бойко написанныхъ и убѣдительныхъ статей, направленныхъ противъ деспотическаго господства классицизма въ общемъ образованіи, и эти статьи, несмотря на ихъ рѣзкій и вызывательный тонъ, прошли безъ всякихъ возраженій. Между тѣмъ, авторъ предпослалъ своей первой статьѣ заимствованный имъ изъ Вине смѣлый эпиграфъ: „*un système faux a pour complices tous ceux qui le ménagent par leur silence*“, и сожалѣетъ, что убѣжденіе въ „спасительности“ латинскаго языка еще составляетъ въ Финляндіи основу формальнаго образованія, хотя отъ этой основы отказались и соеѣдинившійся, замѣнившіе въ высшихъ классахъ своихъ среднихъ училищъ латинскій языкъ нѣмецкимъ. Авторъ сѣтуетъ, что, по милости латинскаго языка, книга природы остается для значительнаго числа финляндскаго юношества „запечатанною семью печатами“ и что еще нѣтъ динамита, который разнесъ бы въ дребезги скалу латинизма въ Финляндіи. „*Non scholae, sed vitae!*“ — таковы, по мнѣнію А. Fr. N., пароль и лозунгъ правильной системы общаго образованія“.

Желая повѣрить извѣстіе, сообщенное въ газетѣ, гдѣ и самъ авторъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „кажется“, мы искали разъясненія у лицъ компетентныхъ, и можемъ теперь съ увѣренностью сказать, въ видѣ небольшой поправки къ предыдущему, слѣдующее.

Въ настоящее время для поступленія въ число студентовъ Гельсингфорскаго университета знаніе латинскаго языка требуется пока отъ всѣхъ, за исключеніемъ воспитанниковъ финляндскаго кадетскаго корпуса, кончившихъ полный курсъ общихъ классовъ корпуса. Но, собственно говоря, обязательность латинскаго языка на вступительномъ экзаменѣ въ университетъ отмѣнена уставомъ 1872 года при преобразованіи учебныхъ заведеній Финляндіи. Въ силу этого устава, съ 1872 г. въ Финляндіи учреждены, на ряду съ классическими лицееми—*реальная училища* изъ 2-хъ и 4-хъ классовъ, и одинъ *реальный лицей* изъ 7-и классовъ, который и былъ открытъ въ сентябрѣ 1872 года, въ количествѣ двухъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно увеличиваться на одинъ классъ до своего комплекта—семи

классовъ. Такимъ образомъ, въ будущемъ 1879 году произойдетъ первый выпускъ изъ реального лицея въ университетъ; но въ немъ латинскій языкъ не обязателенъ, и потому съ будущаго года начнется поступленіе въ Гельсингфорсскій университетъ безъ латинскаго языка. А такъ какъ молодые люди, получившіе домашнее образованіе, должны для поступленія въ Гельсингфорсскій университетъ предварительно выдержать окончательный экзаменъ въ классическомъ или реальномъ лицей, то доступъ въ университетъ безъ экзамена изъ латинскаго языка въ Финляндіи окажется доступнымъ для всѣхъ. О греческомъ языкѣ нѣтъ и рѣчи.

Такова фактическая сторона дѣла. Съ 1872 года въ Финляндіи, значить, произошелъ еще болѣе рѣшительный переворотъ въ системѣ классицизма, какой около того же времени совершился и въ западной Европѣ, на что мы въ свое время достаточно указывали, и потому возвращаться къ этому предмету было бы излишне: *non bis in idem!*

Но намъ невольно приходятъ въ голову другія мысли по поводу сосѣднихъ намъ гиперборейцевъ: вотъ счастливая страна, гдѣ система образованія совсѣмъ иная, классицизмъ не пользуется исключительностью, и тѣмъ не менѣе, сколько мы знаемъ о ея общественной жизни, въ этой жизни г. Цитовичъ нашелъ бы мало красокъ для своихъ картинъ, и молодежь остается тамъ молодою—и больше ничего, спокойно ожидая своей нелегкой череды начать общественное служеніе.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 ноября, 1878.

Подъ новымъ закономъ.

Считать ли вотированіе чрезвычайнаго закона противъ социалістовъ дѣлесообразнымъ или, напротивъ того, вредоноснымъ? Но это вопросъ, обсужденіе котораго является теперь уже дѣломъ запоздалымъ. Законъ сдѣлался совершившимся фактомъ, и остается только наблюдать надъ его послѣдствіями. Хотя прошло всего только четыре недѣли съ тѣхъ поръ, какъ законъ вошелъ въ силу, но и этого времени достаточно, чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе о томъ, какіе результаты обѣщаетъ этотъ законъ въ будущемъ. Содержаніе закона вамъ извѣстно, такъ что я не стану о немъ распространяться. Законъ даетъ правительству, т.-е. полицейскимъ властямъ, самое обширное полномочіе немедленно подавлять всякое публичное проявленіе социаль-демократической агитаціи, а именно: печать, общества и общественныя собранія. Вы помните, что оппозиція напирала въ особенности на два пункта, возставая противъ этого закона. Во-первыхъ, на то, что вообще невозможно подавить умственнаго движенія, что преслѣдованія только усиливаютъ его развитіе—и оно принимаетъ даже зловѣщій характеръ, какъ скоро подавляется гласная агитація; а во-вторыхъ, — на то, что хотя законъ направленъ только противъ социаль-демократовъ, но даетъ неблагонамѣренному министерству возможность притѣснять и всѣ другія партіи, такъ что свобода печати, напримѣръ, уже не можетъ считаться обезпеченной, разъ ей будетъ нанесена такая страшная брешь этимъ закономъ. Если припомнить событія подобнаго же рода, къ тому же—еще не очень отдаленныя, а именно—июньскій указъ 1863 года, то найдешь весьма понятными эти послѣднія опасенія. Въ ту пору оппозиція въ прусскомъ ландтагѣ достигла своего зенита; на ея сторонѣ несомнѣнно стояло громадное большинство страны; консервативная партія окончательно провалилась на многихъ выборахъ, и оппозиція казалась до того непобѣдимой, что, по новѣйшимъ сообщеніямъ, самъ король подумалъ однажды объ отреченіи, такъ какъ считалъ несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ отказаться отъ военной организаціи, — своего собственнаго дѣтища. Только то обстоятельство, что кронъ-принцъ, спрошенный о томъ: приметъ ли онъ правленіе въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ отрицательно,—помѣшало тогда этому плану, который, по всей вѣроятности,

сти, сообщили бы совсѣмъ иное направленіе всей исторіи нѣмецкаго народа.

Перваго іюня 1863 года появился вышеупомянутый указъ, которымъ печать устранилась отъ обычнаго суда и отдавалась на произволъ административныхъ властей, главнымъ образомъ, президента полиціи въ Берлинѣ и правительственныхъ президентовъ въ провинціяхъ. Я чрезвычайно хорошо помню событія того времени. Послѣ тяжелой реакціонной эпохи, длившейся съ 1848 по 1858 годъ, когда прессѣ приходилось особенно много терпѣть, наступилъ періодъ сравнительной свободы. Газету нельзя уже было осудить или запретить иначе какъ по приговору суда, и хотя судьи были очень строги,—однако ни одной газеты имъ не удалось исполнѣ запретить. Ударъ, нанесенный указомъ 1-го іюня печати, былъ оглушительнъ. Только тотъ, кто пользовался нѣкоторое время охраной суда, можетъ составить себѣ понятіе о томъ, что значить, когда его лишать такой охраны однимъ почеркомъ пера: пока печать подчинена суду,—приговоры могутъ составляться только относительно опредѣленныхъ фактовъ и выраженій. Конечно, возможно, что даже осторожный писатель будетъ осужденъ за выраженіе, которое онъ недостаточно обдумалъ или считалъ ненаказуемымъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ все же имѣетъ сильныя гарантіи, что его не осудятъ ни за что, ни про что, и что судьи дѣйствуютъ по совѣсти. Ни подъ какимъ видомъ не можетъ онъ быть осужденъ за общее направленіе своей газеты или своего сочиненія, но всегда и во всѣхъ случаяхъ на сцену должно выступать какое-нибудь опредѣленное выраженіе, какое-нибудь опредѣленное мѣсто, между тѣмъ какъ характеръ административной системы суда печати какъ-разъ обратный, и стремится карать не за опредѣленное выраженіе или мысль, а за направленіе вообще. Всѣ большія берлинскія газеты немедленно протестовали въ 1863 году противъ указа, который дѣйствительно шелъ въ разрѣзъ съ постановленіями конституціи, гарантировавшими свободу печати. Результатомъ этого было то, что уже на другой день всѣ газеты получили первое предостереженіе, а послѣ второго правительство получало полномочіе безъ дальнѣйшихъ околичностей запрещать газету. Если оно только хотѣло, то могло окончить весь процессъ въ три дня, — и противъ этого не было спасенія. Многія газеты объявили тогда немедленно, что не будутъ больше печатать передовыхъ статей и вообще статей съ разсужденіями, и нѣкоторыя газеты—напримѣръ, „Кѣльнская“ и берлинская „Фоссова газета“—очень долго придерживались этого правила. Но большинство газетъ подчинилось обстоятельствамъ и старалось, примѣняясь къ нимъ, проводить свои воззрѣнія. Дѣло было, конечно, не легкое—и нѣкоторыя уступки приходилось дѣлать; но писатели и въ другихъ стра-

какъ могутъ долгое время переживать репрессивную систему, и имъ удастся, при большомъ мужествѣ, большомъ самоотверженіи и большой ловкости, все-таки выразить общественное мнѣніе, несмотря на всѣ затрудненія. Впрочемъ, въ Пруссіи случилось обстоятельство, которое спасло печать отъ худшихъ послѣдствій. Нѣсколько дней послѣ изданія указа, кронъ-принцъ, во время своей поѣздки въ Данцигъ, отозвался неодобрительно объ этомъ указѣ, о которомъ ему, какъ онъ увѣрялъ, ничего не было извѣстно. Это обстоятельство, само-собою разумѣется, произвело очень сильное впечатлѣніе и съ-разу подкосило политику министерства. Запрещены были всего-на-всего только двѣ самыя радикальныя газеты,—остальныя кое-какъ просуществовали въ это несчастное лѣто. Уже осенью, когда во Франкфуртѣ собрался сеймъ государей, правительство само признало, въ какой степени ему необходима поддержка независимой печати, чтобы бороться съ австрійскими планами; а когда ландтагъ снова собрался, то онъ объявилъ весьма рѣшительно, что отказывается одобрить новый указъ,—и печать снова перешла къ прежней системѣ.

Съ этихъ поръ у насъ свобода печати развивалась медленно, но постоянно, и хотя не могла сравниться съ свободой печати въ Англіи и въ Америкѣ, однако запрещеніе газеты стало вещью почти невозможной, тогда какъ прежде она была возможна вслѣдствіе того, что полиція имѣла право предварительной конфискаціи. Конечно, судъ долженъ былъ рѣшить затѣмъ—и возможно скоро—правильно ли произведена конфискація или нѣтъ, но номеръ газеты, пробывшій сутки или двое подъ секвестромъ, разумѣется, терялъ всякое значеніе.

Указъ 1 іюня 1863 г. имѣлъ одно дѣйствіе, о которомъ охотно умалчиваютъ, потому что тутъ задѣта гордость печати, хотя оно въ высшей степени заслуживаетъ вниманія. А именно: печать заранее предвидѣла, что станетъ гораздо менѣе интересна при новомъ законѣ, чѣмъ была прежде, и поэтому она убѣждала публику оставаться вѣрной газетамъ, несмотря на измѣнившіеся обстоятельства, чтобы тѣмъ самымъ высказаться противъ указа. Но цѣль не была достигнута. Публикѣ, конечно, нравились оппозиціонный и смѣлый языкъ печати, но ея самопожертвованіе и политическій тактъ не простирался до того, чтобы она стала подписываться на менѣе интересныя газеты—и произошла всеобщая убыль подписчиковъ. Я уже раньше имѣлъ случай не разъ указывать на то, какъ охотно народъ или значительная часть его поддерживаетъ оппозицію до тѣхъ поръ, пока дѣло ограничивается одними словами, и какъ быстро покидаетъ ее, когда приходится перейти къ дѣйствию, когда требуются настоящіе жертвы.

Неограниченной свободой печати послѣдняго времени социальная демократія сумѣла воспользоваться весьма успѣшно и—надо отдать ей справедливость—весьма искусно. Я уже раньше говорилъ объ этомъ, но нахожу нужнымъ еще разъ подчеркнуть это. Въ тотъ моментъ, какъ социаль-демократическая партія нашла средство посредствомъ цѣлаго ряда подставныхъ редакторовъ обезпечить на всякій случай выходъ своихъ листовъ, самые строгіе приговоры не могли вызвать прекращеніе газеты. Послѣднимъ примѣромъ этого рода послужилъ не социаль-демократическій органъ, а газета, жившая исключительно скандалами и поддерживавшаяся весьма знатными людьми, враждебными Бисмарку; то была знаменитая „Deutsche Eisenbahn-Zeitung“, гдѣ косвенно принималъ участіе графъ Арнимъ и баронъ фонъ-Лозе. Забѣчательно, что не нападки на графа Бисмарка вызвали запрещеніе газеты, но статья, въ которой содержались весьма злобныя нападки на одинъ совѣтъ городского суда. Судъ разгнѣвался и повелъ дѣло съ чрезвычайной, безпримѣрной скоростью и приговорилъ одного редактора къ такому строгому наказанію,—между тѣмъ какъ другой обратился въ бѣгство,—что газетѣ поневолѣ пришлось прекратить свое существованіе, такъ какъ для нея не находилось редактора. Большая же социаль-демократическая партія всегда находила новыхъ редакторовъ на мѣсто старыхъ, и нельзя отрицать, — эти люди частію дѣйствительно были преданы своему дѣлу; но надо также сознаться, что таковой порядокъ дѣлъ ставилъ правительство въ очень неурядное и затруднительное положеніе. Либеральная партія въ Германіи до послѣдней минуты оставалась при томъ воззрѣніи, что свобода печати должна быть неограниченная, что вредныя стороны свободы устраняются опять-таки свободой. Можно оставить безъ возраженія это воззрѣніе, и указать лишь на то, что правительству обязано держаться существующихъ законовъ, а эти законы отнюдь не признаютъ безусловной свободы печати, но устанавливаютъ судебную ответственность, которую социаль-демократическая печать сумѣла сдѣлать призрачной. По моему личному мнѣнію, положеніе, что свобода сама исцѣляетъ то зло, которое она причиняетъ, требуетъ оговора. Въ нашемъ журналѣ печатался недавно цѣлый рядъ статей о послѣднемъ сочиненіи Тэнъ. Тэнъ, какъ извѣстно, принятъ недавно членомъ академіи, хотя по своему политическому направленію онъ считался бы у насъ, въ Германіи, приверженцемъ крайней реакціонной правой. Но, помимо всякихъ симпатій или антипатій къ этому направленію, нельзя не признать много вѣрнаго въ нѣкоторыхъ его замѣчаніяхъ. Между прочимъ, весьма вѣрно его замѣчаніе о томъ, что революціонныя идеи отнюдь не вездѣ производятъ одно и то же дѣйствіе, не вездѣ находятъ одинаково благоприятную почву. Идеи, создавшія французскую революцію, суще-

ствовавши за полстолятія передъ тѣмъ въ Англіи, но ограничивались лишь весьма небольшимъ кружкомъ людей, между тѣмъ какъ во Франціи онѣ съ необыкновенной быстротой охватили все общество, включая и тѣ сословія, для которыхъ онѣ были всего опаснѣе, а именно дворянство и духовенство и даже самую королевскую власть. Поэтому необходимо всякое историческое явленіе обсуждать, изучая ту почву и ту среду, въ которой оно развивается. Нигдѣ социальная демократія не распространилась съ такой быстротой, какъ въ Германіи, и несомнѣнно, что нѣкоторыя свойства нѣмецкаго характера, частію прирожденныя, частію воспитанныя исторіей, особенно этому содѣйствуютъ, или, другими словами, — нѣмецкая почва болѣе благоприятна для этихъ идей, чѣмъ почва другихъ странъ. Вполнѣ изслѣдовать это явленіе не легко, но можно сказать вообще, что распространенное въ Германіи образованіе содѣйствуетъ тому, что идеи, имѣющія дѣйствительное или кажущееся научное основаніе, гораздо легче прививаются массамъ, нежели въ другихъ странахъ. Въ Пруссіи къ этому присоединяется еще военный характеръ государства: а подразумѣвая при этомъ не постоянную армію, а общую воинскую повинность—съ одной стороны, налагающую на каждого очень большія жертвы и заставляющую во многихъ случаяхъ опираться на государство, а съ другой стороны—непомѣрно развитое чиновничество, которому въ его низшихъ слояхъ социаль-демократическія идеи весьма симпатичны. Чиновникъ по самому существу своего положенія весьма легко проникается социаль-демократическими идеями, потому что самъ живетъ и дѣйствуетъ по тому же принципу, какимъ руководится социаль-демократія. Социаль-демократія желаетъ каждого превратить въ чиновника, каждый долженъ занимать опредѣленное мѣсто въ государствѣ, на которомъ онъ работаетъ для государства и отъ него получаетъ свое вознагражденіе. Совершенною противоположностью этому служитъ свободное производство, но его-то чиновникъ и не знаетъ. Ему опредѣлено извѣстное содержаніе, которое въ большинствѣ случаевъ лишь очень медленно и постепенно можетъ быть улучшено, но за то государство заботится о немъ,—это содержаніе за нимъ обезпечено, и, кромѣ того, государство обезпечиваетъ его на случай болѣзни, старости и несчастныхъ случаевъ.

Такъ-называемые приверженцы манчестерской системы, т.-е. приверженцы существующаго экономическаго порядка, которому несомнѣнно угрожаетъ сильная опасность, не безъ основанія упрекаютъ государство и специально прусское правительство въ томъ, что оно поощряетъ социаль-демократію. Причина этому коренится въ томъ, что прусское королевство специально выдаетъ себя за представителя бѣднѣйшихъ и низшихъ классовъ, и что, при военномъ характерѣ

этого государства, когда ему придется требовать отъ каждого своего подданнаго величайшія жертвы кровью и жизнью, оно необходимо должно считать до нѣкоторой степени всѣхъ своихъ подданныхъ равновравными. Одинъ умѣренный либераль высказалъ однажды въ рѣшительную минуту жизни, что прусское королевство помазано демократическимъ елеемъ—и эти слова съ насмѣшкой подхвачены реакціонерами. Но они имѣютъ весьма глубокое значеніе и—въ известномъ отношеніи—консервативный смыслъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ здѣсь возбудила большое вниманіе небольшая брошюрка, разсматривавшая „Государство“ Платона, „Утопію“ Томаса Мура, „Солнечное государство“ Кампанеллы и „Икарію“ Кабета. Последнее государство, новѣйшее изъ всѣхъ этихъ фантазій, несомнѣнно коммунистическое, хотя первая тоже отчасти таковы. Но идеи Кабета о распредѣленіи труда, о всеобщей опеке государства вполнѣ тождественны съ идеями нынѣшнихъ социаль-демократовъ. Въ Кабетовскомъ государствѣ безусловно запрещается свобода прессы. Кому придетъ охота въ часы досуга написать книгу, тотъ можетъ это сдѣлать, но безъ разрѣшенія правительства она не должна быть напечатана. Стихотворенія, романы, драматическія произведенія, дѣйствующія на воображеніе и развивающія опасныя стремленія, запрещаются. Еще хуже участь періодической печати. Журналы въ Икаріи не существуютъ, хотя назначенный для того чиновникъ издаетъ газету для каждой общины, для каждой провинціи и для цѣлой націи, но эти газеты составляютъ не что иное, какъ протоколъ, и содержать одни голые факты. Репортеру воспрещено сообщать о нихъ свое сужденіе, такъ какъ въ образцовомъ, икарійскомъ государствѣ имѣетъ значеніе только мнѣніе народа, который считаетъ только народныя собранія органами своей воли. Редакторъ газеты имѣетъ случай заявить свой голосъ въ народныхъ собраніяхъ. Въ принципѣ противъ этого нечего возразить, такъ какъ коммунисты, какъ и социаль-демократы, считаютъ, что они могутъ создать наилучшее государство, совершеннѣйшее изъ государствъ. Выходя изъ этого убѣжденія, они имѣютъ не только право, но обязаны подавлять всякую оппозицію, и такимъ образомъ безусловная свобода приводитъ къ полному рабству. Та же самая исторія повторяется и съ религиозными убѣжденіями: тѣ, которые считаютъ, что римская церковь одна даетъ блаженство, естественно приводятъ къ тому, чтобы навязывать свои воззрѣнія силой, когда убѣжденіе не дѣйствуетъ. Въ своей исторіи цивилизаціи Лекки отлично выяснилъ, что инквизиторы, которыхъ исторія рисуетъ намъ въ теломъ ужасномъ свѣтѣ, вовсе не были такими чудовищами, какими намъ кажутся, но что добросовѣстный фанатизмъ подвигалъ ихъ на безчеловѣчныя по-

отупив. Совершенною противоположностью этому всегда являлась терпимость скептицизма, который ничего не считает совершенствомъ и не стремится во что бы то ни стало навязать свои мнѣнія и убѣжденія. Можно здѣсь замѣнить слово скептицизмъ пессимизмомъ. Пессимизмъ играетъ въ новѣйшей философіи весьма важную роль, но весьма немногіе понимаютъ его какъ слѣдуетъ. Очень интересная брошюрка, появившаяся недавно вторымъ изданіемъ въ Цюрихѣ: — „Die sogenannte sociale Frage, oder die neueste Volksverdummung, von Eduard Fries“, — разсматриваетъ социализмъ съ этой точки зрѣнія, выставляя его какъ результатъ оптимистическаго воззрѣнія на всеобщую въ противоположность истинному, пессимистическому воззрѣнію. Вездѣ, — говоритъ авторъ цитатой изъ Шопенгауэра, знаменитаго представителя пессимизма, — и во всѣ времена проявлялось сильное недовольство правительствами, законами и общественными учрежденіями, и главнымъ образомъ потому, что люди расположены сваливать на нихъ всѣ бѣды, которыя неразлучны съ человѣческимъ существованіемъ, такъ какъ, выражаясь мистически это — то проклятіе, которое принялъ Адамъ, а съ нимъ и весь родъ человѣческій. Но никогда еще это фальшивое представленіе не проводилось такимъ живымъ и нахальнымъ образомъ, какъ демагогами новѣйшаго времени. Эти послѣдніе въ качествѣ враговъ христіанства являются оптимистами. Земная жизнь для нихъ конечная цѣль, и міръ самъ по себѣ превосходно устроенъ и представляетъ настоящую обитель блаженства. Вопиющее, колоссальное зло, царящее въ мірѣ, приписываютъ они безусловно правительствамъ; если бы эти послѣдніе поступали какъ слѣдуетъ, то на землѣ установился бы рай, т.-е. всѣ могли бы безъ нужды и труда ѣсть, пить и производить себѣ подобныхъ.

Пессимизмъ, говоритъ Фризе, дѣйствительно представляется самымъ сильнымъ оружіемъ противъ социаль-демократіи, но имъ еще не пользовались какъ слѣдуетъ. Какъ разъ послѣднее время, въ которое социаль-демократія такъ быстро развилась въ Германіи, представлялось для нея особенно благоприятнымъ. Въ послѣднія десять лѣтъ урожай былъ довольно удовлетворительнымъ; Германія не опустошалась никакими эпидеміями или другими народными бѣдствіями. Войны велись внѣ страны, и если внесли трауръ во многія семьи, то все же этой бѣды нельзя сравнить съ бѣдами, которыя приходится терпѣть, когда война ведется въ самой странѣ. Въ такія времена люди естественно начинаютъ принимать временный періодъ счастья за долговѣчный, и утѣшаютъ себя тѣмъ, что новѣйшія открытія и усовершенствованія дѣйствительно могутъ предохранить человѣчество отъ повторенія прежнихъ бѣдствій. Промышленности и капиталу, — продолжаетъ ав-

торь,—обязаны мы во всякомъ случаѣ тѣмъ, что, благодаря машинамъ, въ настоящее время производится въ тысячу разъ болѣе работы, нежели прежде посредствомъ одной ручной работы и производится въ тысячу разъ больше предметовъ, нежели прежде. Благодаря крупной промышленности стало возможнымъ производить массу предметовъ потребленія въ громадныхъ количествахъ и по удивительно дешевой цѣнѣ; вещи, бывшія прежде рѣдкостью, теперь стали весьма обыкновенными, и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь низшихъ классовъ много улучшилась въ матеріальномъ отношеніи. Это улучшение сказывается и на жилищахъ, на одеждѣ, на средствахъ къ образованію и на тысячахъ удобствахъ жизни. Капиталу обязаны мы тѣмъ, что въ настоящее время даже бѣднѣйшія рабочія или крестьянскія носить платье изъ хорошаго сукна, хорошія рубашки, часы въ карманѣ, живутъ въ порядочно меблированной комнатѣ, могутъ покупать книги и другія образовательныя средства, словомъ, что въ настоящее время въ извѣстномъ отношеніи рабочее сословіе живетъ такъ же хорошо, какъ во времена ѳни жили одни лишь зажиточные буржеры. Но насколько люди выиграли относительно жилища, одежды, образовательныхъ средствъ и тысячи удобствъ жизни, настолько — вслѣдствіе увеличенія народонаселенія—они проиграли въ дѣлѣ питанія. Промышленныя издѣлія становятся все дешевле и дешевле, а съѣстные припасы все дороже и дороже; въ бѣдныя промышленностью среднія вѣка людямъ приходилось обходиться безъ тысячи удобствъ новѣйшаго времени, а питались они безспорно лучше. Но въ этомъ отношеніи ни капиталъ, ни промышленность неповинны. Что они могли сдѣлать, они сдѣлали. Капиталъ не виноватъ въ томъ, что еще не изобрѣтено машинъ, посредствомъ которыхъ было бы возможно превращать камни въ хлѣбъ и мясо, а воду въ вино, пиво и кофе; быть можетъ, коммунистическій способъ производства ухитрится въ будущемъ произвести такіа чудеса. Но ухудшеніе положенія человѣчества въ дѣлѣ питанія наступило бы во всякомъ случаѣ, и капиталъ и промышленность, которымъ социалисты приписываютъ всю вину, тутъ не причемъ.

Я не могу распространяться дагѣе объ аргументахъ Фриса, который очень энергически нападаетъ на социалистовъ, въ томъ числѣ и на самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ, какъ Лассаль и Марксъ, но совершенно справедливо, что это ученіе проводится весьма многими, которые прикрываются мнимой объективностью и научными теоріями. Одной изъ выдающихся книгъ этого рода является брошюра бывшаго австрійскаго министра Шеффле: „Die Quintessenz des Socialismus“, имѣвшая въ короткое время шесть изданій и всѣми признаваемая какъ чисто научная книга. Образъ дѣйствія автора, со-

ставившаго себя уважаемое имя въ социалистической литературѣ дѣльнымъ рядомъ большихъ сочиненій, очень просто, но тѣмъ не менѣе сомнителенъ. Онъ указываетъ на то, какія цѣли должны имѣть социалисты, и отдѣляетъ отъ нихъ все вредное и революціонное, что имъ приписывается. При этомъ онъ сопровождаетъ каждое положеніе примѣчаніемъ, что если социаль-демократія отброситъ то да это,—ученіе ея станетъ въ высшей степени разумное и достойное вниманія. Такимъ образомъ, возникаетъ цѣлая картина социалистическихъ стремленій, сама по себѣ весьма невинная, но совершенно идущая въ разрѣзъ съ истинной, такъ какъ социализмъ вездѣ и неизмѣнно является съ тѣми придатками, отъ которыхъ Шеффле стремится его освободить.

Нѣмецкое правительство немедленно послѣ принятія закона противъ социалистовъ—послѣдовавшаго весьма быстро: 19 октября онъ былъ принятъ рейхстагомъ, а 21 уже обнародованъ—принялось съ необыкновенной энергіей дѣйствовать противъ социалистовъ; одно за другимъ слѣдовали запрещенія социалистическихъ газетъ, социалистическихъ сочиненій, социалистическихъ собраній и обществъ. Социаль-демократы были, очевидно, захвачены върасплохъ; они не ожидали такой поспѣшности, а также совсѣмъ иначе представляли себѣ примѣненіе закона, нежели оно вышло въ дѣйствительности. Полицейскія власти запрещаютъ немедленно всякую газету, которая выступаетъ на мѣсто прежней, объявляя, что она не что иное, какъ продолженіе первой, а потому подлежитъ конфискаціи, издателя же ея, опредѣленной закономъ карѣ. Социаль-демократы, напротивъ того, ожидали, что послѣ запрещенія первой газеты продолженіе ея будетъ конфисковано только тогда, когда вполнѣ обнаружатся ея тенденціи, и рассчитывали, такимъ образомъ, вести нѣкоторое время борьбу и поддерживать агитацію между приверженцами своей партіи. Радикальная оппозиція въ рейхстагѣ, которая противилась принатію закона, тоже применила къ воззрѣніямъ социаль-демократовъ и порицала образъ дѣйствія правительства. Національ-либеральная партія, ея органы и, сколько я могу судить, огромное большинство среднихъ классовъ, напротивъ того, вполнѣ одобряютъ образъ дѣйствія правительства, такъ какъ продленіе мелкой и ожесточенной борьбы не могло бы имѣть другого дѣйствія, какъ отдалить ту цѣль, каковой домогаются, а именно—возстановить спокойствіе въ умахъ. За то въ двухъ другихъ направленіяхъ правительство выказало большую умѣренность. Во-первыхъ, оно почти совсѣмъ не воспользовалось правомъ личнаго преслѣдованія социаль-демократическихъ агитаторовъ—до сихъ поръ всего только одинъ случай этого рода имѣлъ мѣсто въ Саксоніи,—а во-вторыхъ, оно съ величайшей осмотритель-

ностью набѣгало всего, что могло бы дать пищу многочисленнымъ жалобамъ и опасеніямъ, что законъ будетъ обращенъ противъ чисто политическихъ партій. Прогрессивная пресса, со времени изданія закона, очень сильно критиковала дѣйствія правительства и самый законъ. Но не было сдѣлано ни малѣйшей попытки со стороны правительства къ судебному преслѣдованію, хотя надо сознаться, что самыя крайнія изъ прогрессивныхъ газетъ зашли въ своихъ нападкахъ гораздо дальше теперь, когда социалистическихъ органовъ почти что не существуетъ, нежели въ то время, когда сами боролись съ социаль-демократіей. Опасенія, высказываемыя противниками закона, а именно: что вслѣдствіе его, социаль-демократическая агитація изъ гласной станетъ тайной и отъ этого еще пуще ожесточится и обострится, пока не оправдалась. Многие увѣряютъ, что еще до изданія закона противъ социалистовъ, социаль-демократическая агитація достигла своего апогея, и уже на выборахъ оказалось, что социаль-демократы не въ силахъ столько привлечь голосовъ на свою сторону, сколько ихъ было у нихъ на предыдущихъ выборахъ. Другіе говорятъ, что большинство свѣжихъ приверженцевъ социаль-демократіи отстали отъ нея, загнанные частію покушеніемъ на жизнь императора, частію утомленные фразами. Несомнѣннымъ оказалось то, что вызывающій тонъ, которымъ говорили социалистическіе депутаты о законѣ во время преній, на дѣлѣ оказался несоотвѣтствующимъ положенію вещей. Они хвалились численною силой своихъ приверженцевъ, превосходствомъ своей организаціи, своими батальонами, какъ они любятъ выражаться, и высказывали, ничѣмъ нисколько не стѣсняясь, свое презрѣніе къ закону; одинъ изъ нихъ, Бракке, весьма рѣзко замѣтилъ: — мы плюемъ на законъ! Если бы социаль-демократы были въ состояніи произвести нѣчто подобное революціи, то они, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы это уже изъ одной политики, чтобы найти какой-нибудь исходъ для своей борьбы.

Если вообще, какъ я уже сказалъ, одобреніе правительственной системы подавленія социаль-демократіи оказалось значительнѣе, чѣмъ этого ожидали, то рука объ руку съ нимъ идетъ другое, крайне замѣчательное движеніе. А именно со всѣхъ сторонъ, какъ со стороны тѣхъ, кто одобряетъ законъ, такъ и со стороны тѣхъ, кто его осуждаетъ, одинаково признается, что однихъ репрессивныхъ мѣръ недостаточно, и что за-одно съ ними должны идти мѣры, ведущія къ увеличенію благосостоянія рабочихъ классовъ. При этомъ любимой темой является устройство жилищъ для рабочихъ — *cités ouvrières* — блестящій примѣръ которыхъ представленъ въ большомъ фабричномъ, французскомъ городѣ Мильгаузенѣ. Практическаго характера эти предложенія до сихъ поръ не имѣли, и нельзя не

признать, что ихъ не всегда легко осуществить, если только не предпринять экспроприации въ огромныхъ размѣрахъ, что уже будетъ социаль-демократической мѣрой. Но какъ бы то ни было, а такое движеніе, гдѣ бы оно ни проявлялось, будетъ имѣть по крайней мѣрѣ то значеніе, что докажетъ добрыя намѣренія имущественныхъ классовъ и успокоитъ чувства ненависти и зависти къ богатымъ, которые теперь живутъ въ рабочихъ классахъ.

Вышеупомянутое движеніе въ политическихъ кружкахъ выдвигаетъ, вмѣстѣ съ приведеніемъ въ исполненіе закона противъ социалистовъ, внутреннюю политическую жизнь на первый планъ. Послѣдніе выборы постепенно привели прогрессивную партію, вѣкогда столь сильную, къ такому *minimum*'у, что въ парламентскомъ смыслѣ ее едва ли можно назвать партией въ рейхстагѣ. Въ палатѣ депутатовъ она, конечно, сильнѣе, но палата депутатовъ не распускалась въ послѣднее время, и ея избирательный періодъ истекаетъ вмѣстѣ съ настоящей сессіей, такъ что только тогда окажется, настолько ли утратила прогрессивная партія почву подъ ногами при трехклассной системѣ выборовъ, какъ при общей подачѣ голосовъ, лежащей въ основаніи рейхстага. Такая старинная и большая партія, какъ прогрессивная, которая ведетъ свое начало еще съ 1848 г., слѣдовательно, съ первыхъ дней прусской парламентской жизни, конечно, не легко помирится съ тѣмъ, что ей нѣтъ больше мѣста въ жизни народа, и что необходимо рассмотреть, какія ошибки повели къ ея паденію; съ давнихъ поръ замѣчено, что берлинскіе избиратели и вожаки имѣютъ необыкновенно большое вліяніе на составъ партій, а въ кругу берлинскихъ депутатовъ всегда видно тяготѣніе къ лѣвой, т.-е. къ радикальнымъ воззрѣніямъ. Но безпристрастное обсужденіе провинціальныхъ отношеній покажетъ, что какъ разъ этотъ самый радикализмъ виноватъ въ томъ, что многіе умѣренно-прогрессивные элементы въ странѣ отшатнулись отъ партій. Здѣшніе вожаки этой партіи впадаютъ въ ошибку, если полагаютъ, будто только невѣрность принципу, представляемому ихъ партией, выразившаяся въ уступкахъ правительству, повела къ ослабленію партіи ¹⁾, и что ей слѣдуетъ поэтому тѣснѣе сблизиться съ радикальными элементами, которые въ южной Германіи извѣстны подъ именемъ народной партіи, а также и съ социаль-демократіей.

Большой митингъ этой партіи собирается здѣсь сегодня и на немъ будутъ обсуждаться всѣ вопросы, касающіеся организаціи партій. Здѣшніе вожаки выработали программу, прекрасно составленную, и кото-

¹⁾ Выше, во „Внутреннемъ Обзорѣніи“ мы объяснили подробно, почему мы не раздѣляемъ этого мнѣнія нашего почтеннаго корреспондента относительно ошибочности вождей партіи прогрессивной: именно, вялость и слабость политическихъ партій въ Германіи составляютъ причину успѣха социализма.—*Ред.*

рая, безъ сомнѣнія, послужить знаменемъ для сильной оппозиціи. Въ ней выставляется основнымъ принципомъ дѣятельность нѣмецкой прогрессивной партіи: развитіе парламентской конституціи посредствомъ укрѣпленія правъ рейхстага и посредствомъ учрежденія отвѣтственнаго передъ нимъ имперскаго министерства, сохраненіе всеобщей, равноправной, прямой и закрытой подачи голосовъ, назначеніе суточныхъ членамъ рейхстага, равенство передъ закономъ безъ различія состоянія и партій, разбирательство политическихъ проступковъ и проступковъ по дѣламъ печати передъ судомъ присяжныхъ, обезпеченіе свободы печати, школы и общества, сокращеніе военныхъ повинностей посредствомъ сокращенія срока службы, ежегодное вотированіе налоговъ, удержаніе свободы переселенія, свободы промысловъ, свободы составлять стачки, личную свободу и свободу союзовъ, ограниченіе церковной юрисдикціи и религиозныхъ корпорацій государственнымъ закономъ, независимость школы относительно церкви, и еще нѣсколько другихъ пунктовъ, менѣе интересныхъ, но части политико-экономическаго и гуманитарнаго законодательства для охраненія рабочихъ.

Эта программа будетъ имѣть, очевидно, необходимымъ послѣдствіемъ отдѣленіе прогрессивной партіи отъ всѣхъ другихъ либеральныхъ партій и прежде всего отъ національ-либераловъ, которые до сихъ поръ не рѣшались порвать съ ней всякую связь, и, кромѣ того, вызоветъ крайнюю оппозицію правительства, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе въ исполненіе этой программы совершенно измѣнитъ характеръ государственной формы въ Пруссіи и въ Германіи, представлявшей собою сильную монархію. Парламентъ станетъ всемогущимъ, какъ въ Англіи, а король или императоръ превратится въ простаго исполнителя рѣшеній парламента. Вторымъ пунктомъ для спора послужитъ вопросъ о военной организаціи. Извѣстно, какая ожесточенная борьба ведется по поводу срока службы и ежегоднаго вотированія военнаго бюджета. Послѣдней положенъ былъ конецъ установленіемъ такъ-называемаго военнаго септенната, срокъ котораго истекаетъ въ 1880 г., и тогда снова поднимутся оживленныя пренія, результатъ которыхъ совсѣмъ нельзя предвидѣть. Правительство императора стоитъ на томъ, что невозможно еще сократить срокъ военной службы, а также и на томъ, что содержаніе арміи не можетъ быть поставлено въ зависимость, какъ въ Англіи, отъ ежегоднаго парламентскаго голосованія. Далѣе, большая часть программы направлена противъ закона о социалистахъ, а именно: вышеприведенное иѣсто, гдѣ требуется равенство передъ закономъ безразлично для всѣхъ партій,—выраженіе, доселѣ ни разу не появлявшееся въ программахъ

подобнаго рода, и допущеніе котораго именно теперь вызвано не чѣмъ инымъ, какъ закономъ противъ социалистовъ.

Итакъ, прогрессивная партія провозглашаетъ оппозицію противъ закона о социалистахъ, безразлично — произведетъ онъ свое дѣйствіе въ періодъ, назначенный для его существованія, или нѣтъ. Что касается требованія нѣкоторыхъ иныхъ вольностей, то онѣ принадлежатъ не одной только прогрессивной партіи. Такъ, напримѣръ, всеобщая подача голосовъ до сихъ поръ еще не подвергалась серьезнымъ нападкамъ, хотя сама прогрессивная партія долго возставала противъ нея. Настоящимъ основателемъ ея, какъ извѣстно, былъ самъ Бисмаркъ, и до сихъ поръ онъ еще ничего не сказалъ и не сдѣлалъ такого, въ чемъ можно было бы усмотрѣть, что онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о всеобщей подачѣ голосовъ. Противъ нея возстаютъ средніе классы, которые никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что каждому предоставляется равный голосъ при обсужденіи важныхъ національных дѣлъ. Но такое отношеніе существуетъ не въ одной только Германіи, а и въ свободнѣйшихъ государствахъ, какъ Америка и Швейцарія, встрѣчаются сильные противники всеобщей подачи голосовъ. Въ Швейцаріи она доведена до крайняго предѣла, и стоитъ только взять въ руки любую швейцарскую газету, чтобы натолкнуться на жалобы о чрезвычайной опасности таковой системы.

Необмысленно поучителемъ въ этомъ отношеніи готтардскій вопросъ, до сихъ поръ еще не рѣшенный. Какъ извѣстно, это предпріятіе составилось на такихъ основаніяхъ, что сама Швейцарія дала сравнительно небольшую часть капитала, а остальную, несравненно болѣе значительную, долю Италия и Германія. Этотъ капиталъ данъ былъ à fonds perdu, а тѣ суммы, съ которыхъ повидѣе можно было надѣяться получать проценты, собраны были на частныя средства. Первыя же работы по постройкѣ этой дороги оказались неудачными. Постройка потребовала гораздо болѣе суммъ, и такимъ образомъ государства, даровавшія субсидіи, должны были увеличить ихъ разимѣръ. Италия и Германія объявили, что согласны на это, а также и швейцарское правительство. Но тутъ нѣкоторые кантоны стали дѣлать большія затрудненія центральному правительству, а такъ какъ Италия и Германія не хотѣли увеличивать субсидіи, если Швейцарія не приметъ въ ней соответствующаго въ ней участія, то не разъ надвигалась опасность, что все громадное предпріятіе рухнетъ; даже и въ настоящій моментъ одинъ кантонъ, а именно Ваатландскій, привелъ всѣ сдѣланныя до сихъ поръ усилія къ нулю. Трудно понять, какъ это не видятъ, что неуспѣхъ гигантскаго предпріятія по проведенію туннеля, поглотившаго уже таковой крупный капиталъ у швейцарцевъ, грозитъ Швейцаріи гро-

мадными финансовыми бѣдствіями, не говоря уже о томъ, что нельзя допустить, чтобы великія державы, участвующія въ этомъ предпріятіи, дозволили, безъ дальнѣйшихъ околнчностей, нанести такой ущербъ своимъ интересамъ. Но либеральные швейцарцы открыто сознаются, что рѣшеніемъ народнаго представительства руководить вовсе не политическая мудрость.

Очень рѣзко нападаетъ также на всеобщую подачу голосовъ знаменитый американскій историкъ, Френсисъ Парманъ, и статья его переведена на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ; „Фіаско всеобщей подачи голосовъ“, Авторъ непосредственно знакомъ съ самодержавіемъ народа и нападаетъ на него съ ожесточеніемъ, показывающимъ, что самодержавіе это не сумѣло внушить ему любовь къ себѣ. Всеобщая подача голосовъ,—говоритъ онъ между прочимъ,—навязанная нашей странѣ соперничествомъ враждующихъ другъ съ другомъ партій, которыя выдавали за народный голосъ подкупленные ими голоса, возведена съ тѣхъ поръ въ принципъ, который многіе считаютъ священнымъ. Но этотъ, такъ-называемый, принципъ далеко не имѣетъ такого всеобщаго значенія, и примѣненный безъ толку, оказывается немедленно глупостью. Всеобщая подача голосовъ примѣнима только къ тѣмъ народамъ, которые по своему характеру и образованію подготовлены къ ней, и единственнымъ раціональнымъ вопросомъ при этомъ является вопросъ, какая степень образованія потребна для этого. Во всякомъ случаѣ на такую подготовку требуется время, въ народѣ должны существовать традиціи самоуправленія. Всеобщая подача голосовъ существуетъ у нѣкоторыхъ европейскихъ націй и существуетъ на ряду съ высокой степенью цивилизаціи и благосостоянія. Но въ этихъ странахъ существуютъ традиціи и весьма сильное центральное правительство, такъ что зло, проистекающее отъ плохого выбора, основаннаго на невѣжествѣ или недобросовѣстности, парализуется противоудѣйствіемъ силъ, у насъ неизвѣстныхъ. Но даже и въ этихъ странахъ конечные результаты этого эксперимента составляютъ не безъ основанія предметъ серьезныхъ опасеній. Намъ говорятъ, что для того, чтобы сдѣлать изъ худого набирателя хорошаго, намъ стоить только образовывать его. Ему недостаетъ не только ума, но также и сознанія, что его интересы связаны съ интересами общины, не говоря уже про отсутствіе пониманія нравственныхъ и политическихъ обязанностей. Это зло нельзя исправить умѣньемъ читать, писать и считать; школа можетъ напищать его мозгъ всѣми свѣдѣніями, какія онъ можетъ усвоить, но отъ этого онъ ни на волосъ не станетъ лучшимъ гражданиномъ: Вы должны его образовывать, а не пичкать отрывчатными свѣдѣніями, вы должны развить въ немъ принципы нравственности и пониманіе политическихъ и обществен-

имъ обязанностей; но подобное образованіе не легко дается и требуетъ здраваго сужденія и способностей. Обучить учителей — вотъ первый шагъ, который намъ предстоитъ сдѣлать, и здѣсь, какъ и вездѣ, въ связи съ общественнымъ образованіемъ находится цѣлая цѣпь явленій“.

Эти общія замѣчанія, очевидно, касаются также и Германіи, особенно первое. Затѣмъ авторъ нападаетъ на сильную изворченность нравовъ въ Америкѣ и нападаетъ на тамошнюю систему общественнаго образованія. Эти замѣчанія тѣмъ замѣчательны, что именно въ Германіи либеральная партія, какъ я уже не разъ говорилъ это, видитъ въ образованіи единственное спасеніе, и забываетъ при этомъ, что съ образованіемъ должно соединиться чувство долга, религіозность, сильный патриотизмъ въ каждомъ для того, чтобы образованіе не стало вреднымъ. Американскій писатель приводитъ въ примѣръ что американскій ирландецъ хотя и образованнѣе своего отца, но, по всей вѣроятности, такой же плохой гражданинъ, какъ и этотъ послѣдній. „Онъ умѣетъ писать, — говоритъ авторъ, — но онъ ничего не читаетъ, кромѣ сенсаціонныхъ романовъ и скандальныхъ иллюстрированныхъ листовъ, наполняющихъ его зловредными идеями и которые неизбѣжно должны притупить болѣе сильный умъ, чѣмъ у него, и развратить болѣе нравственнаго человѣка, чѣмъ онъ. Обыкновенно онъ менѣе трудолюбивъ, чѣмъ его отецъ, и такъ же мало заботится объ общемъ благѣ. Люди, ратующіе за какія-то неотъемлемыя права, превозносятъ избирательное право до небесъ, какъ такое учрежденіе, которое можетъ воспитать добрыхъ гражданъ. При извѣстныхъ условіяхъ, въ этихъ утвержденіяхъ есть нѣкоторая доля правды: необразованный и равнодушный избиратель, когда онъ окруженъ честными и разумными избирателями, склоненъ къ исправленію, но для этого необходимо, чтобы тѣ, кого избирательное право должно воспитывать, были отдѣлены другъ отъ друга и подчинены хорошему вліанію. Когда обширные округа и въ особенности избирательныя округа большихъ, населенныхъ городовъ кишатъ толпами невежественныхъ и буйныхъ избирателей, то зло становится нестерпимымъ. Тогда избирательное право воспитываетъ одно только буйство. Говорятъ, что бдительность — цѣна, которою приходится оплачивать свободу, но и другое условіе, не менѣе важное, должно быть соблюдено, а именно: свобода требуетъ умѣренности. Она должна стоять на твердомъ основаніи; должна избѣгать скороспѣлыхъ, теоретическихъ обобщеній и сообразоваться съ законами развитія, на которыя указываютъ разумъ и опытъ. Она должна строить будущее на своемъ прошломъ. Когда она, какъ безумная, гоняется за ослѣпительными, абстрактными идеями, то стремится къ своей гибели; словомъ, она

должна быть практична. Эти слова употребляются здѣсь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляютъ политическіе плуты, но въ томъ смыслѣ, какой ему придаютъ благородные люди“.

Соображенія, на основаніи которыхъ князь Бисмаркъ далъ въ свое время всеобщую подачу голосовъ, были совсѣмъ нныя. Канцлеръ руководствовался тѣмъ возрѣніемъ, что результаты каждой избирательной системы, въ цѣломъ и въ общей сложности, довольно одинаковы, что общее направленіе всегда при этомъ выразится, и что именно у насъ, въ Германіи, если аристократія, образованное бюргерство и высшіе по богатству и знаніямъ классы будутъ исполнять свой долгъ, то всеобщая подача голосовъ отнюдь не будетъ имѣть такихъ дурныхъ послѣдствій, какъ въ Америкѣ, гдѣ отсутствуютъ всѣ тѣ смягчающіе элементы, какіе у насъ есть. Что эти элементы отсутствуютъ—это признаетъ Паркманъ въ каждой строчкѣ своего сочиненія, и, очевидно, отчаявается въ возможности появленія такихъ элементовъ въ близкомъ будущемъ. Известно, что въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ нѣкоторые нѣкоторые лицами богатства начинаютъ приносить обычные плоды, приписываемые имъ нѣкоторыми историками и мыслителями, а именно то, что сыновья богатей начинаютъ заниматься наукой и искусствами. Но въ Америкѣ число этихъ лицъ чрезвычайно какъ ограничено и, кромѣ того, представляется еще то невыгодное обстоятельство, что богатство и досугъ, даваемый имъ, не прикрѣпляются на служеніе общественному дѣлу, такъ-какъ занятіе политикой считается, такъ-скавать, грязнымъ дѣломъ, и его предоставляютъ тѣмъ, у кого нѣтъ иного средства для важны или по-крайней-мѣрѣ для прокормленія себя. Я уже раньше имѣлъ случай замѣтить, что всеобщая подача голосовъ въ Германіи очень сильно пострадала отъ того несчастнаго обстоятельства, что вскорѣ послѣ дарованія ея разгорѣлась культурная борьба. Громадное вліяніе католической церкви выказалось здѣсь, такъ-какъ, по ея приказаніямъ, разносимымъ по городамъ и селамъ тысячами солдатъ въ духовномъ одѣяніи, избирались приверженцы ультрамонтанства. Такимъ образомъ, почти одна треть народныхъ представителей, какъ въ имперіи, такъ и въ Пруссіи, состояла изъ ультрамонтанъ, и поэтому никакого соглашенія между либералами и консерваторами, между дружественными правительству и оппозиціонными партіями не могло состояться въ это время, такъ-какъ фаланга ультрамонтанъ, стоя между этими двумя большими партіями, постоянно оказывала свое сдѣйствіе той изъ нихъ, которая по какимъ-нибудь причинамъ была ей симпатична въ данную минуту, или по-крайней-мѣрѣ казалась менѣе вредной. Съ этой бѣдой князь Бисмаркъ тщетно боролся. Въ мѣстностяхъ, гдѣ можно было быть почти увѣреннымъ, что выборы будутъ сдѣ-

ланы въ духѣ дружественномъ правительству, какъ, напр., въ Верхней Силезіи, гдѣ наиболѣе имѣется крупныя землевладѣльцы изъ всей Пруссіи, и гдѣ можно было ожидать, что земельные мотивы имѣютъ настолько вліянія на населеніе, чтобы дать желаемое направленіе выборамъ,—случилось совершенно обратное. Власть такихъ даже магнатовъ, какъ герцогъ фонъ-Ратиборъ, князь фонъ-Шлецъ и другіе, оказалась ничтожной передъ властью католическихъ капеллановъ, и магнатамъ пришлось уступить мѣсто передъ избирательной урной кандидатамъ ультрамонтанъ, болѣею частію простымъ и неизвѣстнымъ духовнымъ лицамъ. Далѣе, князь Бисмаркъ съ проницательностью государственнаго человѣка употребилъ всѣ усилія, чтобы привлечь аристократію на государственную службу.

Вы извините меня, если я снова вернусь къ книгѣ Тона, гдѣ такъ превосходно показано, какъ удаленіе аристократіи отъ государственной жизни во Франціи послужило главной причиной страшной силы и громадныхъ размѣровъ революціонной катастрофы. Нѣсколько аристократовъ, по желанію князя Бисмарка, выступили на арену политической жизни. Его теперешній представитель и предполагаемый преемникъ, графъ Штольбергъ—самый крупный и богатый землевладѣлецъ въ Пруссіи, и нужно большое самоотверженіе съ его стороны, чтобы посвящать себя общественнымъ дѣламъ, вмѣсто того, чтобы жить баринскою въ своихъ помѣстьяхъ. Многіе дипломатическіе посты замѣнены аристократами, въ парламентѣ представители ихъ весьма многочисленны и дѣятельны. Было бы несправедливо сказать, что бюргерское сословіе отбѣивается на задній планъ аристократіей, потому-что ни при какой еще системѣ не встрѣчалось столько бюргерскихъ именъ въ числѣ министровъ, какъ при настоящей. Министръ сельскаго хозяйства, Фриденваль, министръ народнаго просвѣщенія Фалькъ, министръ финансовъ Гобрехтъ, министръ торговли Майбахъ—все это бюргеры по рожденію. Но не на одну только аристократію, а какъ уже выше сказано—на всѣ образованные классы приходится опираться для того, чтобы всеобщая подача голосовъ не принесла съ собою вредныхъ послѣдствій, а здѣсь-то и ждетъ самое горькое разочарованіе. Имущественные классы должны были бы сказать себѣ, что въ виду опаснаго характера всеобщей подачи голосовъ, въ ихъ интересахъ лежитъ необходимость идти рука объ руку съ правительствомъ и быть возможно умѣреннѣе даже въ справедливыхъ своихъ политическихъ требованіяхъ, дабы социаль-демократія не могла, въ силу известной поговорки: *Quibus litigantibus tertius gaudet*, воспользоваться ихъ столкновеніемъ. Но какъ разъ въ этомъ направленіи ничего равно не дѣлается. Вюртерство, средніе классы всегда поставляли свою гордость въ томъ, чтобы стоять въ оппозиціи къ правительству, и,

закрывая глаза на развитіе социаль-демократіи, они неизмѣренно способствовали ея преуспѣянію.

Въ послѣдніе дни въ Берлинѣ происходили выборы въ городское представительство. Эти выборы производятся подобно выборамъ въ палату депутатовъ, на основаніи трехклассной системы. Собраніе обновляется не съ-разу, но по частямъ — принципъ, долгое время существовавшій въ нѣмецкихъ земляхъ даже въ политическихъ представительствахъ, потому что въ немъ видѣли оплотъ противъ слишкомъ большого потрясенія, обусловливаемого всеобщей подачей голосовъ. Каждое изъ трехъ различныхъ отдѣленій избираетъ нѣсколько городскихъ депутатовъ промежь себя, и всего болѣе интереса представляютъ, натурально, выборы третьяго отдѣленія, такъ какъ оно самое многочисленное и содержитъ довольно значительное число людей изъ рабочаго класса. И вотъ—оказалось слѣдующее. На этихъ послѣднихъ выборахъ социаль-демократы находились въ такомъ меньшинствѣ, что, собственно говоря, не могли идти въ расчетъ даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ они имѣли весьма значительное большинство. Откуда это происходитъ?—спрашиваютъ всѣ себя. Одни думаютъ, что причина этому заключается въ томъ, что социальная демократія уже совсѣмъ распалась, вслѣдствіе того, что ей недостаетъ центра для агитаціи; другіе усматриваютъ причину въ нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствахъ: во-первыхъ въ томъ, что тутъ голосованіе открытое, тогда какъ выборы въ рейхстагъ бывають закрытые; во-вторыхъ въ томъ обстоятельствѣ, что избирательный цензъ, которому подчинены избиратели третьяго отдѣленія, дѣлаетъ то, что многіе рабочіе исключены изъ права выборовъ, чего нѣтъ при выборахъ въ рейхстагъ.

Эти аргументы особенно охотно выставляются органами прогрессивной партіи, и это показываетъ, что она не совсѣмъ закрываетъ глаза на тотъ фактъ, что ея собственные интересы, т.-е. интересы руководящаго бюргерства, болѣе перетягивають на сторону ограниченной подачи голосовъ, нежели всеобщей, которая зависить отъ элементовъ, не подлежащихъ контролю небольшой, сравнительно, партіи. Такимъ образомъ, тутъ реакція происходитъ такъ—связать снизу: вы припомните конечно, что я часто распространялся о неосновательности толковъ про наступающую реакцію, вызванныхъ отставкою Кампгаузена и назначеніемъ графа Штольберга. Всѣ узрѣнія министерства, что этого не будетъ, ни къ чему не служили. При этомъ либералы впади въ очень странное заблужденіе. Они проглядѣли, что, въ силу неизбежнаго круговорота событій, въ самой странѣ наступилъ нѣкоторый переворотъ во мнѣніяхъ въ реакціонномъ направленіи. Въ настоящее время нѣтъ таковой вольности, дарованной въ счастливое время Бис-

марковскаго управленія, которая бы не осуждалась голосами низшаго народа. Самымъ кореннымъ изъ этихъ законовъ былъ законъ о свободѣ переселенія, ни одинъ не былъ такъ глубоко обдуманъ, какъ тотъ, который отменилъ всѣ прежнія рестоувидныя законы и замѣнилъ ихъ свободой обращенія. Но какъ разъ оба эти закона вызываютъ недовольство у такой массы людей, что истинный приверженецъ свободы и прогресса не можетъ безъ печали наблюдать это явленіе. Я по крайней мѣрѣ предвижу заранѣе, что это движеніе, именно потому, что рассчитано на неразуміе, и потому, что массы всего легче убѣждаются самыми нелѣпыми аргументами, сдѣлается непреодолимымъ. Въ ландтагѣ центръ уже возвѣстилъ о запросѣ: не согласится ли правительство предложить созванію совѣту отменить законъ касательно свободы указныхъ процентовъ. При этомъ окажется, что правительство будетъ отстаивать либеральное дѣло, и выяснится, какъ неосновательна, какъ ошибочна была тактика оппозиціи выставить правительство какъ шапку реакціонеровъ, съ которою нужно бороться во что бы то ни стало. Опасность реакціи является совсѣмъ съ другой стороны.

Упомяну въ короткихъ словахъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, связанныхъ съ общественной и политической жизнью. Ландтагъ имѣлъ всего лишь нѣсколько засѣданій, и настроеніе его было, кажется, довольно примирительнаго характера. Новому министру финансовъ Гобрехту выпала неприятная задача—заявить ландтагу объ имѣющемся дефицитѣ, между тѣмъ какъ его предшественникъ Кампгаузенъ цѣлое десятилѣтіе имѣлъ удовольствіе купаться въ миллиардахъ. Въ то время либералы осмыслили его похвалами. Въ настоящее время среди либераловъ раздается завоздавая, а потому и бесполезная критика его дѣятельности, и люди начинаютъ вопрошать: дѣйствительно ли все, что дѣлалъ тогда министръ, было такъ разумно, какъ это считали, и не былъ ли онъ ослѣпленъ такъ же, какъ и другіе блестящими эри миллиардовъ, и не впалъ ли въ такую же тяжкую ошибку, какъ и тотъ, кто купитъ себѣ домъ вдвое дороже того, что онъ стѣбитъ, или акцію рудниковъ, 200% сверхъ parі. Гобрехтъ съ похвальной откровенностью сознался въ дефицитѣ. Надъ нимъ подшучивали раньше, что онъ, въ качествѣ бургомистра городовъ Бреславля и Берлина, очевидно ничего не смыслитъ въ финансовыхъ дѣлахъ; но кажется, что здѣсь снова оправдалась поговорка: „Wem Gott ein Amt giebt, dem giebt er auch Verstand“. Гобрехтъ доказалъ, что онъ очень хорошо понимаетъ финансовыя дѣла, и его рѣчь нисколько не страдала неясностью.

Затѣмъ общественной жизни было нарушено литературнымъ явленіемъ, о которомъ вы, быть можетъ, подробнѣе поговорите; но я

все же упомяну о немъ хотя въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь появилась книга, списавшая рѣдкій успѣхъ, но въ сущности успѣхъ скандала. Въ 1870 г. нѣкій докторъ Морицъ Вушъ сопровождалъ князя Бисмарка въ походѣ, въ качествѣ газетнаго репортера. Вскорѣ послѣ окончанія войны онъ былъ уволенъ, хотя никто не зналъ, за что собственно, и съ тѣхъ поръ жилъ литературнымъ трудомъ. Въ настоящее время онъ издалъ расказъ о томъ, что дѣлалъ и что говорилъ князь Бисмаркъ во время похода. Но въ этомъ расказѣ содержится много такого, разглашеніе чего не можетъ быть пріятно ни князю Бисмарку, ни тѣмъ, кого его замѣчанія касаются. Князь не щадитъ никого ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ расположеніи духа, а тутъ онъ не стѣснялся,—по всей вѣроятности потому, что и не помышлялъ о возможности, что его выдадутъ. Но такъ какъ это случилось, то его защитники объявили слѣдующее: юридически у князя нѣтъ никакого оружія, чтобы остановить публикацію, но онъ уже во время похода замѣтилъ, что г. Вушъ злоупотребляетъ оказываемымъ ему довѣріемъ. Это и было причиной его увольненія. По случаю этой книги ходили всякаго рода слухи: будто бы различныя лица чувствуютъ себя оскорбленными и намѣрены потребовать отчета у канцлера; будто бы императоръ и кронпринцъ недовольны нѣкоторыми выраженіями, хотя, конечно, не прямо ихъ касающимися, и многіе уже полагали, что эта книга послужитъ камнемъ преткновенія для Бисмарка, о который онъ свернетъ себя шею, и, конечно, радовались этому. При всякой неудачѣ подобнаго рода Бисмаркъ имѣетъ случай убѣдиться, какъ много у него враговъ, и какихъ ожесточенныхъ враговъ! Но при этомъ забываютъ одно: за Бисмаркомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится во главѣ управленія, неуспѣшно наблюдаютъ, и многое изъ сказаннаго имъ, неизвѣстное массѣ публики, передается въ небольшихъ кружкахъ; многое, о чемъ онъ и не подозрѣваетъ, сочиняется на его счетъ. Этими, посвященнымъ во всѣ тайны кружковъ, книга Вуша не скажетъ ничего новаго: она можетъ интересовать только массу публики.

Переговоры съ римской куріей еще ни къ чему не привели, несмотря на постоянно возвышаемое соглашеніе. Чрезвычайно трудно сказать, въ какой стадіи своего развитія находятся эти переговоры, такъ какъ они ведутся людьми, скромность которыхъ выше всякихъ сомнѣній. Можетъ быть, мы завтра будемъ удивлены извѣстіемъ объ ихъ окончаніи, можетъ быть, дѣло затянется еще на далекое время. Одно только кажется несомнѣнно, что обѣ стороны очень желаютъ соглашенія.

Извѣстія о здоровьѣ императора довольно благоприятны, и можно считать за вѣрное, что въ началѣ будущаго мѣсяца онъ вер-

нется въ свою столицу, гдѣ уже дѣлается приготовленія къ его приему. Несомнѣнно также и то, что не возвращеніемъ — если только не наступитъ перелома въ его здоровьѣ къ худшему — онъ вступитъ въ управление дѣлами. Это произойдетъ безъ всякаго колебанія въ общественной жизни, такъ какъ кронпринцъ въ шесть мѣсяцевъ своего управленія ничего не сдѣлалъ, что бы не было вполнѣ въ духѣ его отца. Но замѣстительство дало твердую увѣренность народу, что даже въ случаѣ смерти теперешняго императора, которая рано или поздно наступитъ, управленіе перейдетъ въ твердыя руки и будетъ вестись въ духѣ свободы и народнаго блага.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/21 ноября, 1878.

XLIII.

ЗАКРЫТІЕ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Выставка закрылась. На-дняхъ рѣшетки ея въ послѣдній разъ пропустили публику. Посѣтители бросили прощальный на нее взглядъ, — и дѣлу конецъ. Но за то теперь наступило время свести итоги этой выставки, привлекавшей громадную толпу народа. Я говорилъ о выставкѣ въ май мѣсяцъ, когда она открывалась; теперь поговорю въ ноябрѣ, когда она закрылась. Я долженъ констатировать ея успѣхъ, передать всѣ размышленія, возбужденныя ею, наконецъ, вывести нѣсколько нравственныхъ заключеній.

I.

Какое странное и любопытное зрѣлище представлялъ Парижъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ! Прежде всего мнѣ кажется интереснымъ стертить этотъ космополитный Парижъ, гдѣ сошлись всѣ народы міра. Я убѣждалъ на это время въ окрестную деревню, спасаясь отъ толпы, постоянно возрастающей; но каждый мѣсяцъ, когда дѣла принимали меня въ Парижъ на два, на три дня, я дѣлился пре-

вращенію нашего большого города. Одни только парижане могли зайти въ глубокую переѣзную, ставившую вверхъ дномъ всѣ ихъ прищипки. Они не узнавали Парижа и про себя мечтали о томъ днѣ, когда его возвратятъ имъ.

Улицы стали совсѣмъ не тѣ. Конечно, парижане вовсе не боятся толпы, они привыкли къ громадному стеченію народа въ эпохи своихъ празднествъ. Но это бывала знаковая или толпа, и сама привычная къ нашимъ улицамъ и тротуарамъ; къ тому же, эта толпа была у себя дома и не загромаждала дороги. Но парижане были совсѣмъ озадачены толпой, которая стеклась на выставку; она казалась подавляющей, и отъ нея было тѣсно; провинціальныя семьи заваливали собою тротуары, и хуже всего то, что онѣ еле волочили ноги, истомленные продолжительной ходьбой, и толпились вокругъ всѣхъ фонарей, чтобы отдохнуть. Я видалъ такія, которыя по цѣлымъ часамъ просиживали на бульварныхъ скамьяхъ, не будучи въ состояніи шагу ступить далѣе; дѣти спали на рукахъ у матерей, отцы искали глазами булочную, чтобы утолить раздражительный голодъ всѣхъ своихъ домочадцевъ; точно плоть съ пассажирами Медузы очутился среди Парижа. Надо сказать, что разстоянія большія, экипажей найти было не легко, и приходилось простаивать по-долгу въ хвостѣ, чтобы попасть въ ресторанъ. По утрамъ улицы еще имѣли веселый видъ; пріѣзжіе мужественно пускались въ путь группами въ пять-шесть человѣкъ, отдохнувъ за ночь, воодушевленные любопытствомъ, бодрые; они шли завоевывать Парижъ, какъ-бы смѣясь надъ усталостью. Но по вечерамъ провинціалы наводили уныніе на улицы; они возвращались домой съ вытанутыми лицами, усталые, оглушенные, ослѣпленные, повѣся носъ. Съ трехъ часовъ пополудни начиналось всеобщее бѣгство; одни торчали у дверей кафе, другіе шли куда глаза глядятъ, дѣлая отчаянные знаки фіаврамъ, которые молча проѣзжали мимо; наконецъ, третьи шагомъ плелись въ свою гостиницу, точно выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни, впервые вышедшіе на улицу. Иностранцы, преимущественно англичане, были бодрѣе; особенно послѣдніе привыкли къ путешествіямъ, къ продолжительнымъ экскурсіямъ, совершаемымъ всей семьей. Но что за странныя фигуры! На каждомъ шагу натыкаешься на какое-нибудь диво: то попадетца китаецъ съ косою, то арабы, драпированные въ большіе бѣлые бурнусы, то невозмутимые турки въ желтыхъ турбанахъ. Впрочемъ, пошлудъ, что иностранцы, одѣтые по-европейски, были еще изумительнѣе въ своихъ дорожныхъ костюмахъ, въ которыхъ они щеголяли, не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ туалетъ былъ очень снятъ за ночь, проведенную въ вагонѣ. Улыбка невозлебно показывалась на губахъ при нѣкоторыхъ встрѣчкахъ; худощавыя женщины, затннутыя какъ-бы въ чеплы отъ зонтиковъ, тол-

стачки въ короткихъ курткахъ, группы въ двубоинниѣйшихъ шляхахъ, одна копичѣе другой. Никогда въ жизни не видывалъ я такого ван-лонскаго столпотворенія по части модъ; минутомъ можно было подумать, что мы находимся среди карнавала, на которомъ воскресли всѣ отжившія моды. У парижанъ удивительное чутье для распознаванія иностранцевъ или провинціаловъ. Достаточно походки, часто одного жеста. Во время выставки не трудно было проявить это чутье, потому что прѣзжіе нисколько не стѣснялись. Отсюда необычайный видъ, который представляли наши улицы въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Подумалъ бы право, что происходитъ намештіе чужеземцевъ; Франція и Европа переоблечлись къ намъ и проходили передъ нашими взорами среди грохота экипажей, уличной толкотни и гвалта.

Любопытно было бы также описать экипажи, красовавшіеся во время выставки. Мы можемъ гордиться Парижемъ, нашими окрестностями и общественными зданіями, но, право, намъ нельзя хвастаться, когда рѣчь зайдетъ о нашихъ экипажахъ. Я не говорю про омнибусы и конно-железныя дороги; они могутъ гордиться хорошими лошадьми, комфортабельными каретами и аккуратностью въ отправленіи. Я говорю про фіакры, про эти отвратительныя маленькія каретки, которыхъ Парижъ по истинѣ долженъ стыдиться: добрая половина этихъ каретъ ужасно грязна; дверцы не запираются; кузовъ поносился на одинъ бокъ, рессоры ломаются. Что до лошадей, то онѣ внушаютъ состраданіе. Тоція, голодина, онѣ еле влечать ноги. Ни въ какой другой столицѣ нѣтъ такихъ сверныхъ общественныхъ экипажей ¹⁾.

Извѣстно, что въ началѣ августа извозчики составили стачку, но это ни къ чему не привело. Я боюсь, что долго еще дѣла будутъ оставаться въ этомъ положеніи. Компанія фіакровъ злоупотребляетъ своею монополіей. Для того, чтобы введены были серьезныя усовершенствованія, надо было бы, чтобы высшая администрація энергично ихъ потребовала. Часто возмѣщали объ улучшеніяхъ, но публика не видитъ исполненія этихъ прекрасныхъ обѣщаній. Напротивъ того, дѣла идутъ все хуже и хуже. Надо было бы все переимѣнить: экипажи, лошадей, кучеровъ, которые стали еще нахальнѣе прежняго. Сознавая себя необходимыми, они предписывали свои законы. Если лицо, подзывавшее ихъ, имъ не нравилось, они отѣзжались прочь, смѣясь въ носъ. Въ первое время тактика ихъ заключалась въ томъ, чтобы возить исключительно иностранцевъ, которыхъ они надѣялись грабить, и которые, по ихъ расчетамъ, должны были щедрѣе давать на водку. Но оказалось наоборотъ, что иностранцы не имѣютъ при-

¹⁾ Очевидно, почтенный авторъ былъ не во всѣхъ столицахъ.—Ред.

вычки давать на водку, какъ мы, парижане. Поэтому въ концѣ-концовъ извозчики возненавидѣли выставку. Какъ только имъ скажутъ: „на Марсово поле“—они начинаютъ ворчать, и часто отказывались ѣхать. Не проходило дня, чтобы въ полицейскую префектуру не поступило двухъсотъ или трехъсотъ жалобъ. Повторяю: фіакри составляютъ настоящій новоръ Париза.

Напротивъ того, я нахожу, что публична несправедлива къ ресторанамъ и гостинницамъ. Безъ сомнѣнія, они слишкомъ увеличили свои цѣны. Но только кто путешествовалъ, тотъ знаетъ, чѣмъ кормятъ въ Испаніи, въ Италіи, въ Германіи, и за чѣмъ тамъ кладутъ спать, чтобы оцѣнить по достоинству варижскія кухни и постели. Въ большихъ иностранныхъ городахъ существуетъ обыкновенно двѣ, три гостинницы, гдѣ можно остановиться, не опасаясь быть отравленнымъ; я говорю вообще. Въ гостинницахъ второго и третьяго разряда жизнь невозможна. Въ особенности въ Испаніи кормятъ ужасно. Постели въ Германіи жестки и, сыры, и накрыты простынями, величаво съ носовой платокъ. Въ Парижѣ можно остановиться въ любой гостинницѣ. Самые скромныя заведенія, напр., Bouillons Duval подаютъ превосходную говядину, весьма прилично приготовленную и за очень умѣренную цѣну. Во время выставки эти заведенія не имѣли своихъ цѣнъ, и надо было видѣть, какъ валила туда толпа. Давка—вотъ былъ главный недостатокъ ресторановъ. Тамъ обѣдали другъ на другѣ, да и то многимъ приходилось ждать часъ или два, прежде нежели занять уголокъ стола. И однако ресторановъ въ Парижѣ видимо-невидимо! Въ ресторанахъ перваго разряда натурально давка не была такъ велика, тѣмъ болѣе, что цѣны отступивали. Тутъ были злоупотребленія, это несомнѣнно. Приводятъ баснословные счеты. Но тѣ же самыя факты проявлялись во всѣхъ столицахъ во время выставокъ. Давно рѣшено, что выставки существуютъ для обогащенія содержателей гостинницъ и ресторановъ.

Никогда не забуду, какъ я былъ пораженъ, когда въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ въ Парижъ въ эти шесть мѣсяцевъ, я прибылъ въ него поутру, съ намѣреніемъ уѣхать обратно вечеромъ, устроивъ на-споро всѣ свои дѣла. Бѣда заключалась въ томъ, что я набиралъ всякаго рода порученій во время этихъ кратковременныхъ путешествій, и что мнѣ необходимо нужно было взять извозчика тотчасъ же по выходѣ изъ вагона. Тутъ и начался мученіи. Нѣтъ извозчика. Часто мнѣ приходилось ходить цѣлномъ колѣ-дня. Если я находилъ извозчика, то онъ требовалъ, чтобы я крдержалъ его не долѣе часа или двухъ. Извозчики естественно предпочитали, чтобы ихъ брали на одинъ конецъ, потому что такимъ образомъ они получали больше на водку. Если я заходилъ въ ресторанъ, новая бѣда. Мѣста не хва-

вало, гарсоны терли голову, на руки отышвалась суматоха. Поэтому, невольно, съ какою радостью я ѣхалъ обратно на желѣзную дорогу, какъ только-что мнѣ удавалось приближительно совершить всё свои дѣла. Просто, точно гора съ плечъ сваливалась. Мой зеленый уголокъ съ его лугами и деревьями, служившій мнѣ убѣжищемъ, казался мнѣ раемъ. Никто меня не толкалъ въ немъ, не слышно было въ немъ людскихъ голосовъ, слыло одно только необъятное небо. Парижъ по-истинѣ оказывался невозможнымъ для парижанъ отъ мая мѣсяца по ноябрь.

Совсѣмъ тѣмъ несомнѣнно, что многіе парижане въ немъ оставались именно изъ любви къ шуму и толпѣ. Я знаю людей, которые находили всю эту давку очень любопытной и чувствовали себя постоянно какъ-бы на праздникѣ. Я говорю про людей праздныхъ, про тѣхъ, у кого много досуга, и они не знаютъ, чѣмъ его наполнить. Эти простаивали по цѣлымъ часамъ на порогѣ ресторановъ, глаза на проходящій народъ; толпотня на тротуарахъ, давка въ ресторанахъ, городъ, взятый приступомъ, доставляли имъ зрѣлище, которое они находили занимательнымъ. Впрочемъ, только они хорошо осматрѣли выставку. Они осматривали ее во всѣхъ подробностяхъ, не торопясь. Они побывали на ней разъ сто, поставивъ себѣ задачей осматривать каждый разъ лишь небольшой уголокъ ея. Это было единственныиъ способомъ все увидѣть и не устать. Люди занятые, которые могли побывать на выставкѣ всего какихъ-нибудь три, четыре раза, стремились за-разъ объѣхать всѣ сады и галереи, сохранили отъ своей безумной бѣготни впечатлѣніе безпримѣрной суеты и чувство сильной усталости. Поэтому я увѣренъ, что парижскіе зѣваки лучше всего ознакомились съ выставкой, а говорю про тѣхъ фландровъ, которыхъ встрѣчаешь въ залѣ уголовного суда, передъ стропившимися аданіями, про мелкихъ ранты и праздныхъ людей, не пропускающихъ ни одного зрѣлища.

До сихъ поръ все еще трудно опредѣлить число посѣтителей, побывавшихъ въ Парижѣ. Увѣряютъ, что число иностранцевъ, останавливавшихся въ гостиницахъ, превосходить двѣсти тысячъ. Многіе жили въ частныхъ домахъ. Кроме того, надо было бы знать число провинціаловъ, которое гораздо значительнѣе. Любопытно будетъ узнать цифру путешественниковъ, доставленныхъ желѣзными дорогами. Ни въ какую эпоху движеніе по желѣзной дорогѣ не было такъ велико. Ежедневно приходили дополнительные поѣзды, увеселительные поѣзды, которые даже подъ-конецъ мѣшали правильному сообщенію. Поѣзды запаздывали, рельсовъ не хватало. А какое движеніе на дебаркадерахъ! Доходы были, должно быть, колоссальныя.

Если сравнить посѣтителей 1867 г. съ посѣтителями 1878 г., то

въ числѣ послѣднихъ не найдешь столько императоровъ, королей и принцевъ, но за то публика была гораздо многочисленнѣе. Тутъ успѣхъ былъ демократическій, посѣтители брали не качествомъ, но количествомъ. Въ самомъ дѣлѣ насъ навѣстили только: кромѣ русскихъ великихъ князей, шахъ персидскій, принцъ Уэльскій, наслѣдный принцъ шведскій, эрцгерцогъ Леопольдъ австрійскій. Можно даже сказать, что одинъ принцъ Уэльскій спеціально интересовался выставкой, устроенной французской республикой. Отсутствие королей и императоровъ легко объясняется политическими причинами, и мнѣ нѣтъ нужды на этомъ настаивать. Впрочемъ, въ заключение я возвращусь къ характеру успѣха выставки. Народъ, во все народы міра торжествовали здѣсь. Кто видѣлъ Парижъ въ эти праздничные мѣсяцы, тотъ никогда не забудетъ великій городъ, озаренный лучами январскаго солнца или освѣщенный первыми октябрьскими колодами. Онъ будетъ рисоваться въ воображеніи съ своимъ обширнымъ горизонтомъ, съ своимъ глубокимъ небомъ, подъ которымъ такъ величественно поднимался и опускался воздушный шаръ-кѣлиникъ. Парижъ въ самомъ дѣлѣ вернулъ свое значеніе первостепенной столицы.

Я не стану входить въ слишкомъ большія подробности по случаю празднествъ, закончившихъ выставку. Я удовольствуюсь ихъ бѣглымъ обзоромъ.

Торжество раздачи наградъ было прекрасно, несмотря на усилія враговъ республики его испортить. Пришлось, къ несчастію, отсрочить его до 21-го октября. Надобно было бы раздать награды по крайней мѣрѣ въ августѣ. Что касается недовольства экспонентовъ, не получившихъ награды, оно неизбежно и не должно слишкомъ тревожить. Болѣе половины экспонентовъ получили медали или орденъ; это, право, почтенная цифра, которую нельзя было увеличить, не лишивъ награды всякаго значенія. Безъ сомнѣнія, могли произойти несправедливости, но когда и гдѣ бываетъ непогрѣшимое жюри? Въ итогѣ надо признать, что все произошло наилучшимъ образомъ. Франція выказала большое гостепріимство, удѣливъ важное мѣсто для иностранцевъ. Когда улягутся недовольство и досада перваго впечатлѣнія, то всѣ признаютъ, что все хорошо, что хорошо кончится. Я бы съ своей стороны могъ многое сказать по поводу этой системы конкурсовъ и наградъ, дѣлающей изъ насъ вѣчныхъ школьничковъ, отданныхъ подъ ферулу учителей, болѣе или менѣе способныхъ о насъ судить. Но я предпочитаю отложить пока свои разсужденія и сказать нѣсколько словъ о торжествѣ, происходившемъ во дворцѣ промышленности.

Раздача наградъ происходила во дворцѣ промышленности. Большая стеклянная зала была роскошно убрана. Хотя въ ней оказа-

лось возможным раздать двадцать-два тысячи ибестъ, но пришлось сдѣлать много вековольныхъ. На официальной эстрадѣ, отдѣланной краснымъ бархатомъ съ золотой бахромой, заняли мѣсто: маршалъ Макъ-Магонъ, Одифре-Пакъдъ, президентъ сената, Жюль Гревн, президентъ палаты депутатовъ, иностранные принцы, находившіеся въ Парижѣ, министры и высшіе офицеры и сановники. Ничего, впрочемъ, не могло быть проще самой церемоніи. Было много музыки. Тутъ находилось тысяча восемьсотъ музыкантовъ, включая официальный оркестръ, игравшій въ концертахъ Трокадеро, музыка республиканской гвардіи, нѣсколько хоровъ военной музыки, официальные хоры концертовъ Трокадеро, наконецъ тысяча двѣсти орфеонистовъ. Вещи, которымъ наиболѣе апплодировали—это маршъ изъ „Пророка“, хоръ Генделя и хоръ солдатъ изъ „Фауста“. Затѣмъ стали дефилировать передъ официальной трибуной награжденные экспоненты. Пришлось отказаться отъ мысли призывать каждаго экспонента. Только получившіе большую награду проходили небольшими группами, и у каждой шелъ во главѣ президентъ группы. Такимъ образомъ сначала появилась первая группа, предводительствуемая живописцемъ Мейсонье, который одинъ взошелъ на эстраду, чтобы получить изъ рукъ министра земледѣлія и торговли переплетенный каталогъ и ящикъ съ наградами для всей группы. Шествіе продолжалось. У каждой группы имѣлся свой особый значокъ; въ особенности былъ замѣченъ значокъ первой группы: знамя изъ бѣлаго муара, на которомъ три вышитые вѣнка окружали слова: *живанисъ, скульптура, архитектура*, и значокъ третьей группы: знамя изъ голубого бархата, украшенное великолѣпной вышивкой, изображавшей фарфоровую вазу, бронзовый кубокъ, бюстъ и фавель; наконецъ, значокъ девятой группы: знамя изъ зеленого бархата, посреди котораго красовался великолѣпный золотой букетъ. Раздача наградъ продолжалась, и всего яснѣе мы представимъ ее себѣ, если припомнимъ о раздачѣ наградъ въ какомъ-нибудь коллѣжѣ. Впрочемъ, прочитанъ былъ только списокъ большихъ наградъ и почетныхъ дипломовъ, присужденныхъ французскимъ и иностраннымъ экспонентамъ. Понадобилось бы нѣсколько часовъ, если бы вздумали раздавать всѣ серебряныя и бронзовыя медали. Въ „Journal Officiel“ того дня былъ напечатанъ подробный списокъ, и этого было довольно. Начавшись въ часъ пополудни, церемонія окончилась въ три часа съ небольшимъ.

Раздача наградъ происходила въ понедѣльникъ, 21-го октября. На другой день, во вторникъ, данъ былъ большой праздникъ въ Версальскомъ дворцѣ. Не знаю, кому первому пришла въ голову мысль объ этомъ праздникѣ. Мысль, по истинѣ, соблазнительная:

воскресить на одну ночь великолѣніе дворца Людовика XIV, воспользоваться тѣмъ, что официальное правительство находится въ Версалѣ, чтобы пригласить республику протанцовать въ этихъ обширныхъ салонахъ, поблизшихъ и обезлюдѣвшихъ со времени агоніи монархіи. Но только если проектъ и былъ соблазнитель, за то выполнение должно было встрѣтить неизбѣжныя препятствія, о которыхъ слѣдовало бы подумать равнѣ.

Надо однако сказать, что все было пущено въ ходъ, чтобы придать возможно больше блеску этому празднеству. Для танцевъ избрали очаровательную зеркальную галерею, составляющую одно изъ чудесъ дворца. Пятьдесятъ двѣ люстры и около тысячи восьмисотъ свѣчей, вставленныхъ въ нѣсколько десятковъ люстръ, освѣщали ее. На двухъ концахъ залы помѣщались два оркестра. Другіе салоны, между прочимъ салонъ мира и салонъ войны—были также ярко освѣщены. Былъ устроенъ громадный буфетъ, великолѣпно сервированный въ залѣ коронованія. Наконецъ, для того, чтобы придать празднику общественный характеръ, толпѣ открыли доступъ въ паркъ, гдѣ долженъ былъ быть фейерверкъ; лужайки были иллюминированы цвѣтными фонарями и тысячи венеціанскихъ фонарей качались на деревьяхъ. Рассчитывали на колоссальный успѣхъ.

И что-же! праздникъ оказался неудачнымъ. Правда, что на бѣду пошелъ дождь и вокругъ парка стало странно грязно. Но хуже всего то, что внутри дѣло обошлось не лучше. Начать съ того, что въ этомъ дворцѣ, отличающемся меланхоліей и ледяной сыростью гробницы, зубъ-на-зубъ не попадалъ. Тысяча восьмисотъ свѣчей въ зеркальной галереѣ не могли разсѣять мрака, сконившагося тамъ въ теченіи столѣтій лѣтъ, и оркестры, казалось, рыдали подъ заплѣснѣлыми потолками. Словомъ, зрѣлище было плачевное. Къ довершенію бѣды — пригласили слишкомъ много народа. Такъ какъ толпа постоянно прибывала, то многіе испугались того, что имъ придется пробить здѣсь до утра и хотѣли-было уйти назадъ. Тутъ начался страшный беспорядокъ. На лѣстницахъ происходила давка; нельзя было больше двинуться ни назадъ, ни впередъ. Но этого мало: сохраненіе верхняго платья было очень худо организовано; прислуга потеряла голову и не было никакой возможности получить свое платье. Болѣе половины приглашенныхъ должны были уѣхать домой въ бальномъ востюмѣ. Погода стояла не теплая; началось настоящее бѣгство темной ночью, мужчины во фракахъ, женщины съ голыми плечами. Пять дней спустя еще не всѣ пальто и не всѣ шапки были возвращены по принадлежности.

Можно было бы сдѣлать философскій выводъ изъ этого неудачнаго праздника. Онъ доказалъ, что версальскій дворецъ не что иное,

камъ развалины. Сколько бы его ни освѣщали, сколько бы его ни украшали цвѣтами, воскресить его невозможно. Онъ умеръ такъ же, какъ в монархіи умерла у насъ. Ударомъ жезла не пробудить его, какъ какой-нибудь дворецъ спящей красавицы. Эти обширныя, обветшалыя залы не пригодны болѣе для удовольствій нашего вѣка. И притомъ, какая странная мысль: призвать изъ Парижа женщинъ въ балачныя туалеты! Хотя со времени Людовика XIV изобрѣли желѣзную дорогу, однако путешествіе все еще слишкомъ длинное. Я видѣлъ женщинъ, плакавшихъ на Оружейной площади, 22-го октября, отъ того, что не находили своихъ экипажей и боялись, что имъ придется провести ночь подъ открытымъ небомъ. Словомъ, я думаю, что урокъ былъ хорошій, а даже напелъ его слишкомъ строгимъ. Отнынѣ, когда захотятъ, чтобы дамы потанцовали, то оставятъ Версаль дремать въ своемъ историческомъ величїи и зажгутъ люстры въ Парижѣ.

II.

Вопросъ о театрахъ во время выставки одинъ изъ интереснѣйшихъ. Очень любопытно сравнить сборы 1867 г. съ сборами 1878 г., а также и пьесы, которыя давались тогда и теперь. Можно, такимъ образомъ, обобрѣть тотъ путь, каковой совершила наша драматическая литература въ одиннадцатилѣтній періодъ времени.

Прежде всего надо констатировать общіе результаты. Въ 1878 г. всѣ театры вмѣстѣ получили на два съ половиной милліона больше сбора, нежели въ 1867 г. Это колоссальный, неожиданный успѣхъ. Надо припомнить, что 1867 годъ выставлал эпохой чрезвычайнаго благосостоянія; имперія находилась въ апогеѣ своего могущества, Франція была окружена яркимъ ореоломъ славы; казалось невозможнымъ, чтобы общественное благосостояніе, блескъ Парижа, слава нашего искусства и нашей промышленности стали еще громче и славнѣе.

И вотъ, молодая республика наша уже богаче и славнѣе. Театральные сборы всегда были бесспорнымъ признакомъ общественнаго состоянія и благосостоянія. Цифры на лицо: сборъ на два съ половиной милліона превышаетъ сборъ 1867 г. Имперію затмили; республиканскій Парижъ, родившійся наканунѣ, уже богаче и славнѣе ея.

Но надо войти въ подробности. Я займусь каждымъ театромъ отдѣльно и вазову пьесы, которыя на немъ давались тогда и теперь, и объясню причины его благосостоянія или неудачи. Это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ исторіей нашихъ театровъ за послѣдніе годы.

Comédie Française, какъ извѣстно, особенно процвѣтаетъ. Ни когда еще не была она въ такихъ барышахъ; все, что она даетъ, имѣетъ успѣхъ; публика съ боя разбираетъ мѣста. Въ 1867 году въ продолженіи тѣхъ шести мѣсяцевъ, что длилась выставка, этотъ театръ собралъ 763,866 фр.; въ 1878 году онъ собралъ въ тотъ же промежутокъ времени 1,241,990 фр. Итакъ, въ 1878 году имѣется избытокъ въ 478,125 фр. Это выходитъ добрая треть. А надо замѣтить, что уже въ 1867 г. сборъ казался громаднымъ. Но особенность заключается въ томъ, что представленія стобѣтъ другъ друга въ томъ и въ этомъ году. Такъ въ обѣ эпохи давали „Эрнани“, Виктора Гюго, но съ тою только разницею, что въ настоящее время драматическія произведенія великаго поэта стали классическими, и, понятно, что публика больше не критикуетъ ихъ, а массою устремляется на нихъ. Въ 1867 г. я вижу, кромѣ того, „Mademoiselle de Belle-Isle“ и „le Duc Job“, а въ 1878 г. „le Demi-Monde“ и „les Fourchambault“. На мой взглядъ эта послѣдняя пьеса должна была особенно благоприятно повліять на выручку. Выставка какъ разъ застигла великій успѣхъ, которымъ увѣнчалось это произведеніе Эмиля Ожье. Естественно, что пьеса, которая и безъ того уже привлекала публику, оказалась притягательной для иностранцевъ и для провинціаловъ. „Le Demi-Monde“, который я нахожу очень устарѣвшимъ, тоже давалъ хорошіе сборы. По моему мнѣнію, достоинство пьесъ одинаково въ обѣ эпохи. Процвѣтаніе Comédie Française обуславливается не столько достоинствомъ произведеній, сколько превосходствомъ комической труппы, пользующейся особымъ расположеніемъ публики. Надо также принять во вниманіе весьма искусную администрацію Эмиля Перрена.

Въ Одеонѣ мы наталкиваемся на противный случай. Сборы 1867 г. доходили до 292,851 фр.; сборы 1878 г. только до 251,538 фр.; слѣдовательно, разница оказывается въ пользу 1867: 41,312 фр. Причину этой неудачи надо искать въ распоряженіяхъ директора этого театра Дюкенея. Неуспѣхъ обуславливается ложнымъ расчетомъ съ его стороны. Съ давнихъ поръ онъ приготовилъ пьесу для выставки — знаменитую „Joseph Balsamo“, которую Александръ Дюма сострияналъ изъ романа своего отца. Онъ принесть большія жертвы ради этой пьесы, затратилъ безумныя деньги, надѣялся на шумный и колоссальный успѣхъ. Онъ не обращалъ вниманія на замѣчанія критиковъ; Одеонъ при его маніи превращался въ соперника нашихъ мелодраматическихъ театровъ. Онъ старался привлечь публику великолѣпнымъ декорациямъ и костюмамъ, различными сценическими фокусами, настоящимъ фейерверкомъ, который происходилъ на сценѣ. И вышло, что онъ былъ наказанъ, хотя и подлѣдомъ, но очень жестоко. „Joseph

Вальшо" не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха именно потому, что ему даны были неподходящія рамки. Великолѣпныя декорации и блистательная *mise-en-scène* вызвали зѣвоту; драма показалась длинна, скучна; недостойна литературнаго театра. И громадные суммы, затраченныя съ тѣмъ, чтобы увлечь публику, только сдѣлали неудачу чувствительнѣе. Словомъ, пьеса не принесла дохода. Директоръ, возлагавшій на нее всѣ надежды, оказался безъ пьесы въ эпоху выставки. Въ то время, какъ „Fourchambault“ въ Comédie-Française давалъ максимумъ сбора, „Joseph Balsamo“ влечилъ плачевное существованіе въ Одеонѣ. Хуже всего то, что Дюкенель не могъ приготовить другихъ пьесъ; ему пришлось возобновить старье, между прочимъ, „les Dancicheff“, знаменитую русскую пьесу, въ которой такъ мало русскаго, что авторы не осмѣлились дать ее въ Россіи изъ боязни, чтобы публика ее не осмистала. Въ 1867 г. Одеонъ далъ „le Testament de César Girodot“ и „le Marquis de Villemer“, два превосходныхъ произведенія, которыя съ тѣхъ поръ перешли на сцену Comédie Française. Эти пьесы нѣтъ репертуара Одеона. Не доказываетъ ли это Дюкенелю; что для того, чтобы получать барыши, все-таки выгоднѣе всего эксплуатировать литературнымъ образомъ литературную сцену, не стараясь нажить капиталъ на бульварныхъ мелодрамахъ? Увидимъ, обратитъ ли его этотъ опытъ на путь истинный; но я на это не считаюваю.

Gymnase переживаетъ окончательное паденіе. Это обстоятельство сказывается въ послѣдніе годы. Если мы сравнимъ сборы въ 1867 г., которые доходили до 822,915 фр., съ сборами въ 1878 году, которые не превысили 258,533, то найдемъ разницу слишкомъ въ шестьдесятъ четыре тысячи франковъ сравнительно съ 1867 г. Всякаго рода причины обуславливаютъ этотъ сравнительный неуспѣхъ. Во-первыхъ, драматическіе писатели мало-по-малу покинули Gymnase. Дюма-сынъ перешелъ въ Comédie Française, Сарду преданъ Vaudeville. Мейльякъ и Галеви остались вѣрны Variétés, Palais-Royal и Renaissance. Такимъ образомъ, въ 1878 г. Gymnase'у пришлось довольствоваться своимъ репертуаромъ, не имѣя возможности поставить ни одной новой пьесы, сколько-нибудь порядочной; а надо сказать правду, репертуаръ его страшно обветшалъ; въ 1867 г., напротивъ того, Gymnase давалъ „les Idées de madame Aubray“ и „Nos bons villageois“, бывшія тогда самой послѣдней новинкой. Одни уже имена Дюма-сына и Сарду привлекали публику. И не въ однихъ пьесахъ недостатокъ, самихъ актеровъ уже больше не имѣется. Великолѣпная труппа Gymnase, дивный ensemble, которой такъ славился, мало-по-малу разстроились: Декле умерла, Вланшь Пирсонъ перешла въ Vaudeville, m-me Паскъ и m-me Деллапортъ тоже оставили эту сцену,

не говоря уже про мужчинъ: Дескура, который умръ, и Бориса, напередшаго въ Comédie Française; другія въ тоже не досчитываемся. Въ настоящее время остались только второстепенные актеры, если исключать Сень-Жермена, дарованіе котораго такъ тождо и такъ оригинально. Наконецъ, намется, что директоры Монтинья утратятъ чутье и ловкость, которыми въ былое время славился Gypnase—театръ отцѣпный.

Перехожу къ Vaudeville, который, напротивъ того, имѣетъ большой успѣхъ. Стоитъ только сравнить доходы въ 1867 г.: 317,889 фр. съ доходами въ 1878 г.: 396,114 фр., и мы увидимъ въ пользу послѣдняго года разницу въ 78,225 фр. Что всего удивительнѣе, это то, что Vaudeville пережилъ очень тяжелыя времена; онъ нѣсколько разъ находился наканунѣ банкротства. Никакая пьеса не имѣла тамъ успѣха; самые извѣстные писатели, лучшія произведенія жестоко проваливались, такъ что мало-по-малу пугота воцарилась вокругъ театра, который, казалось, преслѣдуетъ какой-то злой гонимъ. Затѣмъ въ одинъ прекрасный вечеръ успѣхъ снова улыбнулся ему, хотя никто не могъ бы хорошенъко сказать, чѣмъ это обусловливается. Ужъ, конечно, если сравнить пьесы, игравшія въ 1867 г.: „la Dаше aux Camélias“ и „la Famille Benoiton“, съ тѣми, которыя давались въ 1878 г.: „le Procès Veauradioux“, „les Dominos roses“ и „les Bourgeois de Pont-Arcy“, то никакъ нельзя сказать, что вышешему своему достоинству обязаны они тѣмъ, что дали лучший сборъ. Съ точки литературнаго достоинства я предпочитаю репертуаръ 1867 г. Итакъ, надо допустить, что успѣхъ обусловливался просто болышимъ стеченіемъ народа. Здѣсь мы можемъ преслѣдить непосредственное вліяніе выставки 1878 г. на театральные сборы. Успѣхъ театра Vaudeville былъ бы необъяснимъ, если бы мы не знали, что число иностранцевъ и провинціаловъ сильно увеличилось въ Парижѣ.

Я не могъ достать точныхъ цифръ сбора театра Palais-Royal во время выставокъ 1867 и 1878 г. Но несомнѣнно, что сборъ въ 1867 г. былъ значительнѣе. Театръ Palais-Royal переживаетъ бѣдственный кризисъ въ послѣдніе годы. Дѣла его, уже не процвѣташіе и въ 1867 г., стали никуда негодными въ 1878 г. Я уже объяснялъ въ одной изъ своихъ статей, что это паденіе театра, нѣкогда столь любимаго и столь усердно поспѣваемаго публикой, зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ главныя; упомянуто старой труппы, въ которой остались одни только старики, и перенесеніе центра моды изъ Пале-Рояльскаго сада на бульвары. Естественно, что писатели, имѣющіе успѣхъ, бѣгутъ изъ театра, гдѣ пьесы ихъ не даютъ. Лабишь больше не пишетъ; Мейдьянъ и Галеаи предпочитаютъ театръ Variétés, гдѣ больше жизни и молодости. Въ 1867 г.

въ *Palais-Royal* еще держались новинки, между тѣмъ какъ въ интимнѣе водѣ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, ему пришлось вернуться къ своему общему репертуару. Конечно, этотъ репертуаръ превосходитъ и немногіе театры могутъ похвалиться лучшимъ. Но только въ тебннѣеи времяи и эаъ прѣдается. Это видно по оборотѣ. Шале-Рондъ нуждается въ новыхъ писателяхъ и новыхъ актерахъ, въ полномъ обновленіи; безъ того онъ, какъ и *Gymnase*, станетъ театромъ отпѣткимъ.

Театръ *Variétés* влоснѣ процвѣтаетъ. Онъ, повидимому, насгѣдовалъ публику пале-роайского театра. А между тѣмъ я нахожу, сравнительно съ 1867 г., разницу въ 28,600 франковъ въ ущербъ 1878 году. Вотъ цифры: 860,851 фр. въ 1867 г. и 832,281 фр. въ 1878 г. Чтобы объяснить этотъ фактъ, надо припомнить, что *Variétés* давалъ въ 1867 г. „*la Grande-Duchesse*“, эту знаменитую пьесу, казанную таней котѣннѣеи и служившей какъ-бы жалкой карриатурой икннхъ бѣдсвѣи. М-ле Шнейдеръ произвела фуроръ, расцвѣвала „*Le sabre de mon père*“. Въ этомъ году попытаться было возобновить „*la Grande-Duchesse*“ въ Буффакъ, но пьеса оказалась очень устарѣвшей. Съ другой стороны, м-ле Шнейдеръ, послѣ продолжительнаго отдыха, снова появилась въ театрѣ *Gaieté* въ роли *Olouchon* въ пьесѣ „*la Grâce de Dieu*“, и сами друзья ея сознаются, что она лучше бы сдѣлала, если бы удовольствовалась воспоминаніемъ прежнихъ успѣховъ. Такъ ииѣняется слава въ здѣшнемъ мѣрѣ, когда она основана только на модѣ и на капризѣ; десяти лѣтъ достаточно, чтобы похоронить величайшій драматическій успѣхъ пьесы и актроры, историческіе дѣлое екопннѣеи. „*La Grande-Duchesse*“ и м-ле Шнейдеръ отцвѣли заодно, состарѣлись и уступили мѣсто другой модѣ, которую позабудутъ еще быстрее, быть можетъ. Въ икннѣеи году успѣхъ перешелъ на долю „*Niniche*“, гдѣ главную роль играла Жюдакъ. Успѣхъ „*Niniche*“ произвелъ настоящій свалдакъ въ театральномъ мѣрѣ, далеко непряотаннѣеи на стерь успѣха. До перваго представления пьеса казалась до того глупой, что боялись, что она не выдержитъ даже одного представления. И вотъ Жюдакъ, котораго очень любятъ публики, ииѣла въ ней большой успѣхъ. „*Niniche*“ выдержала цѣлѣи лѣтъдесять съ чѣмъ-то представлеиѣи и доставила театру громадный доходъ. Я не волюблю высказывать, что это большою снннѣеи для нашей драматической литературы. Конечно, я бы сто разъ предпочелъ бы „*la Grande-Duchesse*“, гдѣ была не крайняя мѣрѣ еиѣеиные еиѣеи и оригинальный юморъ. „*Niniche*“ не должна была бы даже ииѣеиены сборовъ „*la Grande-Duchesse*“, и просто свалдакъ, что она для всего какъ-нибудь 28,600 франковъ менѣе прѣдѣла въей. Когда ииѣеиены, что такая иерасѣа, какъ эиѣаи полнѣ

нѣмъ надеялись, дасть около милліона сбора, тогда павъ chef-d'œuvre Корнеля приносили доходъ, едва-едва хватавшій ему, чтобы не умереть съ голода, то проникаешься глубокой горечью въ виду людской глупости.

Перехожу къ театрамъ, гдѣ даются драмы. Porte-Saint-Martin имѣло великолѣпные сборы. Доходы 1878 г. превншаютъ на 111,000 франковъ доходы 1867 года. Съ одной стороны, мы имѣемъ цифру 915,519 фр., а съ другой — 1.026,515 фр. Распространятся объ игранныхъ пьесахъ нѣчего. Въ 1867 г. давали „Closerie des Genêts“ и „la Biche au Bois“; въ 1878 г. „les Misérables“ и „le Tour du Monde en 80 jours“. Одно стоитъ другою. Драматическое припособленіе романа Виктора Гюго даже выше драмы Фредерика Сулье. Что касается „le Tour du Monde“, то, по моему, эта научная сказка гораздо менѣе забавна, чѣмъ „la Biche au Bois“. Очевидно, значитъ, что „Porte-Saint-Martin“ имѣло большіе доходы оттого, что толпа ровнымъ образомъ стремилась въ театры. Вся эта масса посѣтителей жаждала театральныхъ представлений и не выкидала въ достоинство пьесъ. Если бы давали еще худшія произведенія, то театры все-таки были бы полны. Директоры хорошо это знали. Вотъ почему они не дѣлали никакихъ усилій. Вся ихъ тактика заключалась въ томъ, чтобы давать пьесы, имѣвшія раньше успѣхъ, такъ чтобы на афишѣ стояло, что пьеса дается въ двухъ-сотнй или въ трехъ-сотнй разъ. Это служило вѣрной приманкой; зрители шли на вѣру. Въ сущности для драматическаго искусства не бывало еще хуже сезона, какъ выставка 1878 г.

Въ Châtelet перевѣсъ на сторонѣ 1867 г. Вотъ цифры: 1.144,101 франковъ въ 1867 г., и 965,370 въ 1878 г.; разница въ пользу 1867 г.: 178,731 фр. Откуда это происходитъ — довольно трудно сказать. Въ самомъ дѣлѣ, и тогда и теперь давались волшебныя пьесы: въ 1867 г. „Sengillon“; въ 1878 г. „les Sept Châteaux du Diable“. Пьесы стоятъ другъ друга, и посѣтителей должно было бы быть больше; такъ какъ стеченіе народа въ Паризѣ было значительнѣе. Надо допустить, что существуютъ какія-то заведомыя теченія. Однако, слѣдуетъ сказать, что „Sengillon“ была поставлена съ большими издержками и роскошью, а публика это чувствуетъ. Она инстинктивно привлекается шумомъ и блескомъ. Впрочемъ, правду сказать, довольно удачно и то, что старая пьеса, дѣлавъ годъ неоскодившая съ подмостковъ, дала около милліона сбора.

Въ театрѣ Gaîté сборъ въ 1878 г. значительно превншаетъ сборъ въ 1867 году. Въ послѣднемъ году собрано было только 449,176 фр., а въ первомъ 729,424 фр.; разница, следовательно, на 280,247 фр. Я не помню, какъ шла дѣла въ Gaîté въ 1867 г.

Видно, что в эту эпоху тамъ давали: „le Testament d'Elisabeth“, „le Courrier de Lyon“, „la Tour de Londres“, „Peau d'Âne“, — это были пьесы возобновлены. Нынѣшній годъ давали новую волшебную пьесу: „le Chat botté“ и возобновили „Orphée aux Enfers“. По этому поводу замѣчу, какому забвенію предали музыку Оффенбаха, который производилъ фуроръ въ 1867 г. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, Оффенбахъ былъ нужнымъ человѣкомъ, богомъ. „La Grande Duchesse“, привлекала королей и принцевъ въ Variétés. Кромѣ того, имя его стояло на пяти или шести другихъ афишахъ; театры сочли бы себя погибшими, если бы не играли его забавную музыку. И вотъ, вдругъ нынѣшній годъ отлично обошлись безъ него. Всего только рискнули возобновить два его произведенія въ Gaîté: „la Grande-Duchesse“ и „Orphée aux Enfers“. Да и то ихъ давали въ послѣдніе два мѣсяца. Тамъ прошла слава, созданная модой и особыми обстоятельствами. Возвращаясь въ Gaîté и молчаю, что увеличеніемъ сбора этотъ театръ обязанъ главнымъ образомъ волшебной пьесѣ „le Chat botté“.

Что касается Ambigu, то этотъ театръ давно уже находится при послѣднемъ надыханіи. Въ 1867 г. онъ собралъ всего лишь 323,666 фр., а въ 1878 г. получилъ всего 259,349 фр., что составляетъ разницу слишкомъ въ шестьдесятъ четыре тысячи франковъ. Произведенія, игранныя тогда и теперь, стоить другъ друга: съ одной стороны, давались „la Bouquetière des Innocents“, „Rosambole“, „le Juif-Errant“; съ другой „les Abandonnés“, „les Deux Orphelines“, „la Jeunesse de Louis XIV“. Надо сказать, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Ambigu перемѣнилась дирекція, и театръ оставался закрытымъ въ продолженіи двухъ недѣль. Это объясняетъ шестьдесятъ четыре тысячи франковъ разницы. Есть даже шансы на то, что дѣла въ Ambigu поправятся. Новый директоръ молодой и дѣятельный человѣкъ. Но ему нужны пьесы и труппа.

Я забылъ упомянуть про Folies-Dramatiques, гдѣ даютъ вотъ уже скоро два года все одну и ту же оперетку: „les Cloches de Corneville“, на которой директоръ ухитрился собрать еще 607,383 фр. въ продолженіи шести мѣсяцевъ, что дала въ выставку. Въ 1867 г. сборъ былъ всего 177,344 франковъ. Слѣдовательно, наиниже въ 430,039 фр. Колоссальная прибыль. Известно, впрочемъ, что Боктень ухитрился превратить свой театръ въ наиболѣе популярный въ Парижѣ; послѣ колоссальнаго успѣха „la Fille de M-me Angot“, онъ далъ на такой же успѣхъ, доставивъ „les Cloches de Corneville“. Теперь, когда онъ ставитъ пьесу, то она держится обыкновенно на афишѣ вечеромъ шестьсотъ подъ рядъ. Никогда еще ничего подобнаго не бывало въ Folies-Dramatiques. Это былъ маленький,

тщедушный театрикъ, директора котораго еле-еле сводили концы съ концами, благодаря тому, что не платили актрисамъ. На немъ давали нехитрые водевилы, державшіеся обыкновенно два мѣсяца. Теперь Folies-Dramatiques даютъ почти такіе же доходы, какъ Opéra-Comique, и даваемая на этомъ театрѣ оперетки производятъ настоящій фуроръ. Въ этомъ видно значеніе времени. Глухость публики не то, что растеть, но опомляется: „la Fille de M-me Angot“ и „les Cloches de Corneville“ замѣнили „la Dame-Blanche“.

Я никогда не говорю про музыкальные представленія, потому что чувствую себя тамъ не въ своей сферѣ. Однако могу привести цифры. Сборы оперы, доходившія въ 1867 году до 1,147,188 фр. возросли въ 1878 году до 2,082,667 фр. Слѣдовательно, въ этомъ году миллионъ оказался почти въ миллионъ. Произведенія, дававшіяся въ 1867 г. были: „Don Carlos“, „Alceste“, „l'Africaine“, „Robert le-Diable“, „la Muette“, „la Fiancée de Corinthe“, „le Corsaire“; въ 1878 году давали: „Faust“, „la Favorite“, „le Fandango“, „les Huguenots“, „Robert-le-Diable“, „le Prophète“, „Guillaume Tell“, „Freyschütz“, „Polyeucte“. Словомъ, одинъ репертуаръ стоитъ другого. Увеличеніе сбора, очевидно, обуславливается новымъ помѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что оперная труппа распаталась, и можно многое и многое возразить противъ исполненія. Но мѣсть больше, дѣйя повышены, не считая того, что въ настоящее время столько же ѣздятъ въ оперу, чтобы посмотреть на главную лѣстницу и на залу, сколько заѣзжаютъ, чтобы послушать музыку, такъ какъ ее зачастую знаютъ назвустъ. Несмотря на финансовое благоденствіе напекъ оперы, нельзя отрицать того, что она переживаетъ въ настоящую минуту опасный артистическій кризисъ. Всѣ новыя произведенія, которыя на ней ставятся, проваливаются: „Polyeucte“, послѣдняя опера Гюно, имѣла весьма слабый успѣхъ. Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, великіе пѣвцы переводятся; поэтому ощущаешь невольную тревогу, несмотря на два миллиона сбора, полученнаго во время выставки. Сираниваясь себя, станеть ли публика посѣщать оперу, когда вдоволь наглядится на зданіе, а на сценѣ будетъ встрѣчать обветшалыя вещи и безголосныхъ пѣвцовъ.

Сборъ въ Opéra-Comique тоже былъ значительно ниже бывшій годъ, нежели въ 1867 г.; разница доходитъ почти до 100,000 франк. Въ 1867 г. получено: 856,057, а въ 1878 г. 946,295 фр. Но тутъ зала не причесть. Напротивъ того, надо сказать, что новый директоръ Карвалло выказалъ необыкновенную ловкость, потому что, когда онъ принялъ бразды правленія въ Opéra Comique, этотъ театръ переживалъ весьма опасный кризисъ. Дѣло въ томъ, что комическая опера Сирба и Обера была задавлена серьезной оперой и оперет-

вой. Поэтому театр, эксплуатировавший этот, по преимуществу, французский генге оперы, увидѣлъ себя покинутымъ публикой, которая бѣжала въ новую залу на бульварѣ Капуциновъ или же тѣснилась въ буффахъ, Variétés, Folies-Dramatiques и Renaissance. При такихъ-то обстоятельствахъ Карвалло ваялъ на себя хитрую задачу привлечь публику въ Ордра Comique. Многие до него претерпѣли крушеніе, и театръ находился въ агоніи, а онъ успѣлъ привлечь въ него публику. Въ 1867 г. какъ и въ 1876 держались обихаго репертуара—что дѣлаетъ еще очевиднѣе успѣхъ Карвалло.

Я перебралъ всѣ значительные театры. Теперь желаю сдѣлать выводъ изъ всего вышесказаннаго. Какъ я уже говорилъ въ началѣ, процвѣтаніе нашихъ театровъ во время выставки 1878 г. доказывается двумя съ половиной милліонами излишка противъ сбора въ 1867 г. Это цифра громадная, передъ которой остается только преклониться. Но надо прибавить, что если денежная сторона дѣла блистательна, за то литературная плачевна. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить „Les Fourchambault“ Эмиля Ожье, пьесу съ большими достоинствами, то окажется, что на нашихъ театрахъ давали старье или посредственные вещи. Съ другой стороны, въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, съ 1867 г., не народилось ни одного новаго писателя: Одинъ только Гондизе проявилъ нѣкоторый талантъ. Кроме его, мы встрѣчаемъ все тѣхъ же гг. Эмиля Ожье, Александра Дюма-сына, Виктора-она Сарду, Мейльяка и Галевн. Я не могу приводить серьезно именъ гг. Милло и Геннекена, имѣвшихъ большой успѣхъ, но совершенно особаго рода. Ихъ „Niche“ заслуживаетъ остатка какъ примѣръ пошлости, одобреннаго публикой, если эта пошлость поется хорошею женщиной, которая въ модѣ.

Не надо однако отчаиваться. Если вѣтъ новыхъ людей и новыхъ произведеній, за то проявляется новое движеніе въ нашей драматической литературѣ. Натуралистическій переворотъ, о которомъ я вамъ говорилъ нѣсколько разъ, совершается вопреки всему и даетъ въ концѣ концовъ хорошіе результаты. Кроме того, одиннадцать лѣтъ—слишкомъ краткій періодъ времени въ исторіи литературы; нельзя ожидать, чтобы гени наводились черезъ каждыя одиннадцать лѣтъ. Мнѣ этотъ одиннадцатилѣтній періодъ какъ разъ представляется переходнымъ: онъ подготовилъ расцвѣтъ, который, по всей вѣроятности, будетъ. Надо ждать и надѣяться.

III.

Представимъ себѣ, что общество семнадцатаго вѣка внезапно воскресло, подъ мановеніемъ волшебнаго жезла. Велико было бы его изумленіе передъ нашими всемірными выставками и въ особенности передъ общественными преобразованиями, которыя онѣ уже вызвали.

Въ продолженіи шести мѣсяцевъ выходимъ съ того свѣта могли бы видѣть на Марсовомъ полѣ и на Троядеро все, что наука и промышленность изобрѣли съ конца прошлаго столѣтія. Сколько открытій! сколько завоеваній! Достаточно вспомнить всё примѣненія пара и электричества, тысячи новыхъ машинъ, усовершенствованія всякаго рода, внесенныя въ фабрикацію малѣйшихъ предметовъ. Но это не все. Въ эпоху Людовика XIV, напримѣръ, понятія о наукѣ и о промышленности были очень ограниченныя, если ихъ сравнить съ широкой и колоссальной идеей, какую мы имѣемъ о нихъ теперь. Система выставокъ не примѣнялась въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Никогда люди не присутствовали на торжествѣ труда въ грандіозныхъ дворцахъ, нарочито для того возстроенныхъ, и куда стекаются всё народы міра. Я веду къ тому рѣчь, что всеобщія выставки нашего времени суть результатъ демократическаго переворота, совершившагося въ нашемъ обществѣ и что онѣ содѣйствуютъ этому перевороту. Онѣ выдвигаютъ на первый планъ націю, колоссальное усиліе всёхъ труженниковъ; онѣ устраиваются въ честь работника, производителя, и заставляютъ блѣднѣть всякую другую славу передъ славой тѣхъ, кто держитъ въ рукахъ какое-нибудь орудіе или инструментъ. Вотъ почему при Людовикѣ XIV всемірная выставка была бы аномаліей, и почему общество семнадцатаго вѣка было бы изумлено и даже устращено, если бы его не ставили внезапно лицомъ въ лицу съ изумительнымъ зрѣлищемъ, которое намъ представили Троядеро и Марсово поле.

Чуждое зрѣлище представляетъ стремленіе современники общества къ свободѣ и прогрессу путемъ труда. Въ былое время у насъ были только ярмарки. Нѣкоторыя были ананенны, какъ, напр., ярмарка въ Бокерѣ, на которую ежегодно стекался весь югъ Франціи. Но ярмарки были только рынки, облегчавшія торговлю сдѣлками. Имъ было чуждо соревнованіе конкурса; онѣ велись самымъ рутиннымъ образомъ. Ничто въ прошломъ не можетъ сравниться съ современными выставками. На ряду съ благородствомъ крови, онѣ создали новое благородство, которое я назову благородствомъ труда. Какой смыслъ имѣютъ медали, кресты, раздаваемые промышленникамъ, коммерсантамъ, ученымъ, какъ не смыслъ патента на благо-

редство. Въ былое время, когда какой-нибудь военачальник завоевывалъ страну, онъ дѣлилъ ее между своими полководцами, даря имъ извѣстныя привилегіи, и создавалъ такимъ образомъ дворянство, привилегированный классъ, которому естественно выпадали на долю всѣ почести и всѣ богатства. Современные дворяне суть не что иное, какъ потомки этихъ счастливыхъ полководцевъ. Но было бы трудно въ настоящее время создать дворянство при такихъ условіяхъ; времена завоеваній миновали, какъ миновало время раздѣла земель между побѣдителями. Германскій императоръ могъ пронавестить Бисмарка въ князья, но это титулъ чисто почетный, который не влечетъ за собой никакой дѣйствительной власти. Одинъ трудъ создаетъ нынче новое дворянство, а всемірная выставка являющаяся юридической оказіей поставитъ во главѣ націи производителей, отличившихъ себя. Развѣ мы не видѣли во Франціи доказательства тому, что я говорю? У насъ есть только одинъ кавалерскій орденъ, орденъ почетнаго легіона, котораго всегда такъ страстно домогаются, хотя въ извѣстныя эпохи его раздавали единично щедро. И этотъ орденъ былъ пожалованъ многимъ коммерсантамъ и промышленникамъ. Въ принципѣ никогда бы не дали кавалерскую ленточку фабриканту шоколада или фортепіанъ. А между тѣмъ, кавалерами сдѣлали фабрикантовъ фортепіанъ, шоколада и другихъ промышленниковъ. Я видѣлъ въ числѣ кавалеровъ одного упаковщика, одного шляпнаго фабриканта, ювелировъ. Конечно, я не осуждаю такой выборъ, напротивъ того: я нахожу, что мы правы, награждая всякій трудъ. Но я только констатирую фактъ, что орденъ почетнаго легіона вполне одемократизированъ. Наднякъ одинъ мучной торговецъ умеръ командоромъ. Вотъ дворяне новаго рода, — предки, которыми можно будетъ гордиться, хотя они часто вышли изъ самыхъ низменныхъ слоевъ общества. Замѣтьте, кромѣ того, что нѣтъ благородства не фиктивное, оно опирается не на пустомъ титулѣ, такъ какъ этотъ титулъ былъ имъ данъ только тогда, когда они составили свою карьеру. Они пользуются властью, даваемой высшимъ положеніемъ въ обществѣ, миллионнымъ состояніемъ и часто даже играютъ значительную политическую роль. Наши французскія налаты преимущественно состоятъ изъ такихъ крупныхъ промышленниковъ, ушатавшихъ медалями и крестами на выставкахъ. Если они содержатъ также нѣсколько представителей нашего стариннаго дворянства, то эти послѣдніе находятся въ меньшинствѣ и не имѣютъ большаго никакого вліянія на страну, которая принадлежитъ вполнѣ новымъ людямъ.

Итакъ, я правъ говоря, что всемірная выставка создали новое дворянство, поставивъ во главѣ великаго общественнаго движенія

важныхъ производителей и, увѣчая ихъ, какъ необходимыхъ людей, оказавшихъ услуги отечеству. Медали, кресты, рожданные промышленникамъ, коммерсантамъ и ученымъ, суть патенты на современное дворянство.

Сословія тѣмъ я упрену всемірныя выставки именно въ томъ, что онѣ являются конкурсомъ. По-моему, ничего не можетъ быть болѣе ребяческимъ и смелымъ, какъ конкурсъ. Не слѣдовало бы назначать определенное число наградъ; слѣдовало бы раздѣлять ихъ столько, сколько найдется экспонентовъ, ихъ заслуживающихъ. При конкурсѣ необходимо кто-нибудь является первымъ и послѣднимъ. Иногда это бываетъ очень несправедливо. Кроме того, является вопросъ о жюри, которое можетъ ошибаться.

Иду далѣе. Всякая идея о наградахъ связана съ воспоминаніемъ о раздачѣ школьныхъ наградъ, вызывающей улыбку. Припоминается школа, и спрашиваешь себя, неужели надо всю жизнь быть школьникомъ, не лучше ли свободно трудиться, иногда вознагражденіе въ самомъ трудѣ. Смѣшно представить себѣ бородачатаго мужчину, часто сѣдовласаго, подаивающагося на встрѣду точно малолѣтній мальчикъ, и получающаго изъ рукъ властей медаль съ тѣмъ же волненіемъ, съ какимъ двѣнадцатилѣтъ онъ получалъ книжку съ картинками. Это недостойно взрослыхъ людей. Конечно, я говорю здѣсь про ученыхъ, живописцевъ, скульпторовъ и писателей. Какъ скоро дѣло коснется коммерсанта, промышленника, — награды: медали, почетные станы, кресты получаютъ особое значеніе. Кроме чести, они служатъ для экспонента какъ-бы званіемъ. Награждаютъ или отличаютъ его произведенія. Отнынѣ его фирма будетъ пользоваться болѣею славой на рынкѣ, покупщиковъ у него прибавится, цифра его аферъ увеличится. Какъ скоро въ дѣло замѣшано не одно только тщеславіе, то желаніе наградъ вполне понятно, и я одобряю ихъ раздачу на всемірныя выставки. Во-первыхъ, экспоненты не жалеютъ, если не будутъ надѣяться на награду; во-вторыхъ, какъ я уже говорилъ, эти награды суть патенты на новое дворянство.

Итакъ, я займусь только художниками и писателями. Тутъ я буду строгъ. Живописцы, прозаики и поэты могутъ, пожалуй, сказать, что если они стремятся получить медаль или крестъ, то единственно лишь затѣмъ, чтобы придать болѣе цѣны своимъ произведениямъ и найти имъ лучшей сбытъ. Но это плохой аргументъ, потому что публики не разсуждаетъ, когда набрасывается на какую-нибудь книгу или картину: какое ей дѣло до того, есть крестъ у автора или нѣтъ; для нея достаточно, если книга или картина ей нравится. Опытъ доказываетъ это ежедневно. Нѣтъ, если въ искусствѣ и въ литературѣ преисподитъ отчаянная погоня за награ-

дами, то это только потому, что не существует людей больше наклонных до крестовъ и медалей, какъ тѣ, что владѣютъ порохъ или клястью. Такъ какъ уже зашла рѣчь объ этомъ, то я выскажу все, что думаю, потому что давно уже испытываю желаніе облегчить свою душу.

Поговоримъ сначала о живописцахъ и скульпторахъ. Они настоящіе школьники. И идутъ впередъ только благодаря конкурсамъ, наградамъ, медалямъ и крестамъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ „École des Beaux Arts“, куда вступаютъ путемъ конкурса и гдѣ конкурсы происходятъ круглый годъ. Затѣмъ, по выходѣ изъ нея, предстоитъ конкурсъ на полученіе большой римской медали. Затѣмъ идетъ цѣлая административная цѣпь, переходятся различныя степени, какъ въ университетѣ. Но это еще не все. Вотъ, наконецъ, художникъ-господинъ надъ самимъ собою; вы думаете, что онъ, наконецъ, обрветъ свои помочи, и пойдетъ самостоятельно, внѣ всякой опеки. Какъ бы да не такъ! Только-что онъ выйдетъ изъ „École des Beaux Arts“, какъ ему приходится подчиниться системѣ ежегодныхъ картинныхъ выставокъ, если онъ желаетъ предстать передъ публикой при выгодныхъ условіяхъ. Администрація сторожитъ его и забираетъ въ свои руки.

Ежегодныя картинныя выставки устанавливаютъ родъ іерархіи между художниками, живописцами и скульпторами. Извѣстность, слава регулируются на нихъ съ математической точностью. Такимъ образомъ, при первомъ успѣхѣ художника ему даютъ третью медаль. И вотъ отнынѣ онъ попалъ въ волю: онъ постепенно получитъ вторую медаль, первую медаль. Это вопросъ времени и протекціи. Когда онъ получитъ всѣ медали, его объявляютъ внѣ конкурса. Онъ можетъ отнынѣ получить только почетную медаль, которая придетъ въ свою очередь, если только живописецъ мало-мальски искусенъ. Медали истощены, идутъ кресты. Крестъ кавалера получается довольно легко: нѣтъ живописца мало-мальски счастливаго, который бы не получилъ его дѣтъ въ тридцать-пять-шесть. Офицерскій крестъ приходится въ сорока годовъ; всемірная выставка представляется отличными случаемъ для полученія его. Что касается командоровъ почетнаго легиона, то они очень рѣдки среди художниковъ. Однако, добиваются и до командора, будучи членомъ академіи и сокращая хоронія отношенія съ „École des Beaux-Arts“. Повторяю: для повышения существуютъ кадры, какъ въ арміи. Повышенія происходятъ регулярно, каждый годъ, въ іюнь мѣсяцѣ, въ эпоху картинной выставки. Каждый разъ раздаются четыре или пять крестовъ, иногда больше, что въ концѣ-концовъ составляетъ порядочную цифру.

Чтобы лучше понять положеніе, въ какое поставлены художники,

разсмотримъ теперь, какъ идутъ дѣла у писателей. Поэтъ, романистъ, простой журналистъ прѣбываетъ изъ провинціи и вырастаетъ въ Парижъ; какъ только пускается въ литературу, такъ немедленно пользуется полной свободой, безъ всякаго контроля. Онъ не натапливается ни на какіе конкурсы, отъ него не спрашиваютъ никакихъ патентовъ; зачастую у него нѣтъ даже степени бакалавра. И вотъ онъ — одинъ, не признавая надъ собой никакого начальства, борясь въ своемъ углу и ничего ровно не ожидая отъ администраціи. Когда онъ напишетъ свое произведеніе, ему надо отыскать издателя. Государство не предоставитъ въ его распоряженіе типографіи, какъ оно предоставляетъ залы выставки въ распоряженіе художниковъ. Ему не отъ кого ждать ни протекціи, ни помощи. Наконецъ, издатель найденъ, произведеніе появляется въ печати. Оно имѣетъ успѣхъ или не имѣетъ его, — это рѣшаетъ публика. Никакое жюри не навязываетъ своего мнѣнія публикѣ. Конкурсовъ не существуетъ. Писатель зависитъ только отъ самого себя и отъ покупателей. Администрація никогда не становится между нимъ и публикой. Никакой опеки, никакой раздачи наградъ; борьба ведется изолированной личностью, которая должна рассчитывать только на свои собственные усилія.

Правда, существуетъ французская академія и ежегодно раздаетъ нѣсколько наградъ. Но этого никакъ нельзя сравнивать съ ежегодными конкурсами картинныхъ выставокъ. Во-первыхъ, надо хлопотать объ этой наградѣ; во-вторыхъ, она назначается за весьма ограниченный родъ произведеній и обставлена такими условіями, что исключаетъ изъ конкурса всѣ истинно серьезныя произведенія. Поэтому чаще всего она достается женщинамъ, спеціальнымъ писателямъ и благонамѣреннымъ поэтамъ. Никогда и ни одинъ изъ нашихъ великихъ поэтовъ или великихъ романистовъ не былъ увѣнчанъ академіей. Наконецъ, эти награды немногочисленны и не имѣютъ никакого вліянія на будущіе успѣхи лауреатовъ. Громадное большинство писателей ими пренебрегаетъ.

Говорить ли теперь про „Société des gens de lettres?“ Это общество не имѣетъ рѣшительно никакого литературнаго характера. Это простая ассоціація ради денежныхъ интересовъ. Оно было учреждено затѣмъ, чтобы наблюдать за финансовыми интересами своихъ членовъ, чтобы взымать пошлины съ права перепечатки и чтобы вести процессы, въ случаѣ нужды, съ издателями или редакторами журналовъ. Неоднократно, правда, заходила рѣчь объ основаніи центральныхъ типографіи и книжнаго магазина; но пришлось отступить передъ невозможностью удовлетворить всѣ тщеславія. Талантливый писатель никогда не согласится работать на пользу посредственнаго писателя. Впрочемъ, „la Société des gens de lettres“ настолько благообразно,

что не учреждаетъ конкурсовъ для своихъ членовъ. Ему и безъ того не легко живется, а съ конкурсами его постигла бы неминуемая смерть. При имперіи оно, правда, получало отъ правительства небольшую субсидію, которую, быть можетъ, и до сихъ поръ получаетъ. Кроме того, 15 августа комитетъ представилъ министру народнаго просвѣщенія двоику изъ своихъ членовъ, чтобы онъ выбралъ между ними и далъ крестъ. Должно быть, этотъ опытъ признали неудачнымъ, потому что онъ не повторился. Въ настоящее время, если писателю дадутъ крестъ, то потому, что министръ самъ, значитъ, пожелалъ этого.

Итакъ, вотъ каково положеніе дѣлъ: художники всю свою жизнь остаются подъ опекой государства, тогда какъ писатели творятъ на свободѣ, не ожидая ни отъ куда покровительства. Этими и объясняется почему всякій живописецъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, получаетъ крестъ къ тридцати-пяти годамъ, а писатель крупно-даровитый зачастую награждается крестомъ не ранѣе сорока или сорока-пяти лѣтъ. Officierъ почетнаго легіона не рѣдки среди художниковъ; ихъ можно по пальцамъ перечесть среди поэтовъ и романистовъ. Флоберъ, Гонкуръ и многіе другіе знаменитые прозаики простые кавалеры почетнаго легіона, тогда какъ Кабанель и Жеромъ — командоры. Среди всанскихъ современныхъ писателей я не знаю ни одного командора, потому что самъ Викторъ Гюгъ только officier. Это очень легко объяснить. Министры и не прочь были бы награждать писателей; но относительно художниковъ у нихъ организована дѣлая система; ежегодныя выставки картинъ періодически влекутъ за собой раздачу крестовъ, тогда какъ относительно писателей имъ приходится дѣлать настоящія усилія и брать на себя инициативу, что всегда не легко. Напримѣръ, существуетъ обычай раздавать пять крестовъ живописцамъ, послѣ выставки; составляются списки, министру стбитъ только подписать свое имя. Для писателей не назначаются опредѣленнаго числа крестовъ, не составляется списковъ. Самъ министръ долженъ отыскивать достойнаго, отличать самыя замѣчательныя таланты. Понятна вся затруднительность такого дѣла. Во-первыхъ, необходимо здравое сужденіе; затѣмъ извѣстное мужество, потому что зачастую, когда талантъ оригиналенъ, онъ пугаетъ, а министры нескотно себя компрометируютъ. Результатъ очень печаленъ: кресты обыкновенно такъ плохо раздаются въ литературѣ, что не имѣютъ никакого значенія. Литературные фабриканты получаютъ кресты, тогда какъ замѣчательныя писателямъ приходится такъ долго ждать его, что онъ утрачиваетъ въ ихъ глазахъ всякое значеніе. И тутъ опять-таки третьестепенные романисты носятъ въ петлицѣ офицерскую ленточку, тогда какъ знаменитые романисты всю

жизнь остаются кавалерами. Когда награды раздаются такъ безпорядочно, когда онѣ не слѣдуютъ іерархическому порядку, а являются результатомъ благосклонности и интриги, онѣ мало-по-малу теряютъ всякую цѣну. Если ихъ назначаютъ слишкомъ щедро живописцамъ, то все же тамъ онѣ имѣютъ хоть какой-нибудь смыслъ: ихъ получаютъ въ свое время, послѣ правильнаго чередованія. Всякій живописецъ, имѣющій успѣхъ, непременно награждается крестомъ. Въ литературѣ, повторяю, кресты раздаются зря, по усмотрѣнію администраціи, и никакой цѣны болѣе не имѣютъ.

Разумѣется, я вовсе не желаю для писателей опеки, тяготѣющей надъ художниками отъ небольшой скамейки и до академическаго кресла. Гараздо здоровѣе двигаться на свободѣ, на вольномъ воздухѣ, не имѣть надъ собой начальства, разсчитывать только на свой талантъ. Мы свободны, а художники дежурятъ, согнувшись въ три погибели въ переднихъ министрахъ. Единственною цѣлью моею было констатировать нѣкоторые факты, объяснить нѣкоторыя аномаліи. И теперь перехожу къ тому пункту, который имѣетъ въ моихъ глазахъ капитальную важность: къ абсолютному отсутствію произведеній пера на всемірной выставкѣ.

Да! вся Франція была на лицо, Франція труженническая, промышленная, торговая, ученая, артистическая, за исключеніемъ Франціи литературной. Выставлены были машины, театры, мебель, сырье, даже картины; но не было выставлено ни одной поэмы, ни одного романа, ни одного критическаго или историческаго сочиненія. Я ошибаюсь: эта поэма, этотъ романъ, это критическое и историческое сочиненіе присутствовали на выставкѣ, потому что у издателей были свои витрины во дворцѣ Марсоваго поля. Но только тамъ выставили бумагу и чернила, печать и фабрикацію; сама же мысль коты и присутствовала, но въ счетъ не шла, не участвовала въ конкурсѣ. И доказательствомъ этому служить то, что кресты раздавались издателямъ, но никто изъ писателей не получилъ награды. Изъ издателей даже очень многіа получили кресты. Я насчиталъ цѣлыхъ пять. Нѣкоторые изъ этихъ крестомъ очень удивили. Что за чепуха! талантливый человекъ приноситъ торговцу чернилами и бумагой произведеніе, на которомъ этотъ послѣдній наживаетъ деньги и, радиовокъ торговца этого награждаютъ крестомъ. Пусть награждаютъ краснодеревника, который сработалъ королевскую мебель изъ куска палисандроваго дерева; это понятно: кусокъ палисандроваго дерева не станетъ на это жаловаться. Но когда награждаютъ крестомъ издателя за то, что онъ ограбилъ илико возможно писателей, у которыхъ купилъ рукописи—это иное дѣло. Писатели въ правѣ жаловаться. Я размышлялъ объ этихъ вещахъ передъ витринами издателей на Марсовомъ полѣ.

Вѣдныя книги, разставленныя симметрически, точно бутылки съ виномъ! Онѣ были мертвы, потому что ихъ нельзя было ни трогать, ни раскрывать. Онѣ представляли собой только запачканную бумагу. Что за дѣло до содержанія ихъ: было ли оно плохо или гениально? О нихъ судили по наружности.

Конечно, я понимаю, что не такъ легко выставить поэму или романъ, какъ, напримѣръ, картину. Я не требую литературныхъ выставокъ, осуществленіе которыхъ кажется почти невозможнымъ, а съ другой стороны, рисковало бы перейти въ карикатуру, если бы было возможно. Но только мнѣ было грустно оттого, что на всемирной выставкѣ литература отсутствовала. Все восхвалялось, все награждалось, за исключеніемъ мысли, высказанной въ книгѣ,—этого высшаго проявленія народнаго гения. На художниковъ пролился дождь медалей и крестовъ, и даже они показали довольно дурной примѣръ жадности, потому что журн, раздававшее награды, началъ съ самихъ себя. Гг. Мессонье, Кабанель, Жеромъ и другіе набросились на почетныя медали съ жадностью, скандализировавшей всѣхъ художниковъ. Что касается писателей, то они все еще ждуть спасібо отъ страны, на славу которой работаютъ столь усердно. Положимъ, что нельзя было показать ихъ произведеній посѣтителямъ всего міра, которые стекались въ Парижъ. Но развѣ нельзя было придумать какого-нибудь средства почтить ихъ, записать гдѣ-нибудь ихъ имена, громко выразить, что и они имѣютъ право участвовать въ торжествѣ Франціи?

Нѣтъ, конечно, писатели въ праздникѣ не участвовали. Никогда даже не переживали они болѣе тяжелыхъ временъ, какъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Среди суматохи и гвалта книгопродавцы почти не продавали книгъ. Книгъ не покупали, потому что ихъ некогда было читать. Публика набрасывалась на кофейни, на рестораны, еще на другія мѣста, но ей едва хватало времени заглянуть даже въ газету. Только на дебаркадерахъ продали нѣсколько книгъ. Поэтому писателямъ пришлось бѣжать изъ Парижа. Они искали убѣжища по деревнямъ, въ ожиданіи, пока волны людскія отхлынутъ назадъ. Имъ нечего было ждать отъ этой одурѣлой публики, а они заранѣе знали, что администрація о нихъ не вспомнить. Ни денежной выгоды, ни почета, ни дѣлъ, ни наградъ — вотъ ихъ участь. Тѣмъ лучше! потому что это упрочиваетъ ихъ независимость. Теперь, когда Парижъ пустѣетъ и снова возвращенъ имъ, они первые вернутся въ него, чтобы засвидѣтельствовать великій успѣхъ выставки и употребить весь свой талантъ на то, чтобы сдѣлать это торжество еще блистательнѣе.

IV.

Въ послѣдній разъ я отправился на выставку, въ день ея закрытія. Было что-то печальное въ прощаніи со всѣми этими чудесами, которыя, въ теченіи 6 мѣсяцевъ, привлекали къ себѣ цѣлый свѣтъ, и теперь снова должны были разсѣяться по лицу земли.

Наступала осень, въ садахъ деревья теряли листь, лужайки желтѣли, въ аллеяхъ было грязно. Казалось, что передъ вами одинъ изъ тѣхъ покинутыхъ хозяевами парковъ, гдѣ собирается поселиться зима съ своими вьюгами и снѣгомъ. Солнце уже не пекло, какъ бывало, когда страшно было переходить черезъ Іенскій мостъ; не было болѣе вокругъ павильоновъ веселой, пестрой толпы, на которой яркими пятнами выдѣлялись дамскіе туалеты; исчезли кресла на колесахъ, въ которыхъ возили утомленныхъ дамъ, не видать семей, расположившихся для отдыха въ тѣни деревьевъ, не слышно оркестра, увеселяющаго зрителей. Толкотня все еще была порядочная, но зрители торопились, толкали другъ друга, бросались изъ одного павильона въ другой, быстрымъ взглядомъ окидывая опустѣвшіе сады. То была публика озабоченная, не та праздная публика, которая разгуливала здѣсь въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, имѣя передъ собой достаточно времени, и не спѣшившая насладиться; теперь публика была дѣловая, имѣвшая въ своемъ распоряженіи всего лишь нѣсколько часовъ, и, несмотря на это, желавшая все осмотрѣть. И, замѣчу мимоходомъ, я знаю много парижанъ, ожидавшихъ этого послѣдняго дня, для посѣщенія выставки; тутъ-то они и бросились на выставку, и нѣкоторые даже тщетно толкались на другой день въ закрытыя двери выставки. Въ характерѣ парижанъ лихорадочная торопливость, соединенная съ самой полной безпечностью. Прибавьте къ этимъ заноздалымъ толпамъ работниковъ, которымъ разрѣшенъ даровой входъ, нѣсколько провинціаловъ и иностранцевъ, все еще блуждавшихъ по Парижу,—и вы будете имѣть понятіе объ этой толпѣ, все еще бродящей по Парижу, подобно разсѣянному стаду. Они уже не заглядываютъ въ придѣлы, а торопятся въ главныя галереи осмотрѣть то, что непременно нужно видѣть.

Я одинъ посѣтилъ маленькіе павильоны Троядеро. Вѣдныя павильоны, построенные на скорую руку, чтобы просуществовать 6 мѣсяцевъ, они уже состарѣлись, отъ нихъ отдавало разрушеніемъ. Китайскій замокъ, японская ферма, деревянные шведскіе и норвежскіе домики, всѣ эти красивыя игрушки печально глядѣли подъ сѣрыми небомъ, предчувствуя свой близкій конецъ. Одинъ только алжирскій замокъ, съ освѣщеннымъ пальмовыми деревьями дворомъ, казался еще

крѣпкимъ, несмотря на свой меланхолическій и одинокій видъ. Все это предоставлено сегодня заступу и скупщинеамъ старыхъ зданій.

Въ огромныхъ галереяхъ Марсова поля, куда ливень заставилъ и меня спрятаться, господствовало общее „*vaive qui peut*“. Въ особенности въ иностранныхъ отдѣлахъ началась уже уборка. Экспоненты опорожняли свои витрины, упаковывали тюки, забивали гвоздями ящики. Нѣкоторые залы были пусты. Французскіе экспоненты не такъ торопились, и держались до конца. И среди этой уборки слышались торопливые шаги публики, стучавшей каблуками по мосткамъ; люди звали другъ друга; немногіе любопытные останавливались на минуту, но тотчасъ же бѣжали дальше. Машинная галерея, со своими колесами и рычагами, стоявшими неподвижно, имѣла, можетъ быть, самый печальный видъ, паровыя машины перестали дѣйствовать, работники уже занимались разборкой большихъ машинъ. Это былъ конецъ. Я медленно обошелъ галерею, прощаясь со всѣми этими вещами.

И, однако, эта печаль не лишена была надежды. Выставки никогда не исчезаютъ безслѣдно. Въ то время, какъ опустошаются галереи, разрушаются зданія, надъ ними витаетъ ихъ духъ. То шагъ впередъ, сдѣланный прогрессомъ. То эпоха въ человѣческомъ трудѣ. Стоить только припомнить эти эпохи во Франціи: 1855, 1867, 1878 гг., и тотчасъ же онѣ становятся близки: то триумфальныя эры нашей промышленности и искусствъ. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, прощаніе съ выставкой 1878 г. не имѣетъ въ себѣ ничего убійственнаго. Она сыграла свою роль великолѣпно, и если исчезла, то окруживъ новымъ сіяніемъ чело Франціи. Отнынѣ она останется одною изъ самыхъ славныхъ эпохъ нашихъ.

Передъ уходомъ я обернулся, бросилъ послѣдній взглядъ на широкое пространство между дворцами Трокадеро и Марсова-поля, и невольно сталъ сравнивать 1867 г. съ 1878 г. Необходимо сдѣлать эту параллель, которая имѣетъ огромный историческій интересъ. Въ 1867 г., какъ я сказалъ, имперія была въ своемъ апогеѣ, ей невозможно было подняться выше, она казалась такою могущественной, что того, кто вздумалъ бы предсказывать ей близкое паденіе, сочли бы за сумасшедшаго. Обращаясь къ этой эпохѣ 1867 г., вспоминаешь праздники, задаваемые дворомъ, вспоминаешь всѣхъ королей и принцевъ, блестящія свиты которыхъ то-и-дѣло проѣзжали по Парижу. Выставка имѣла огромный успѣхъ; никогда не толпилось столько народа на нашихъ улицахъ. Говорили, что подобное торжество не могло быть скоротечно. Сами противники имперіи понурили головы, думая, что династія навсегда останется на тронѣ, послѣ столь славнаго года. И вотъ, это торжество имперіи, медленно со-

здававшейся и находившейся въ полной своей силѣ, выпало на долю республикѣ, едва народившейся, выпало и шире, и полнѣе, и рѣшительнѣе. Это слѣдуетъ заявить; на этомъ я буду настаивать. Повторяю, республика только-что родилась, ее еще окружаютъ затрудненія, причиняемыя борьбою партій; вчера еще она жила со дня на день, и, тѣмъ не менѣе, стоило ей только созвать Францію и весь міръ на выставку, и она съ-разу превзошла всѣ чудеса второй имперіи, которая имѣла неоспоримое могущество правленія, утвержденнаго и поддерживаемаго силой. Что же было бы, еслибъ республика просуществовала лѣтъ 20 и опиралась на прошлые успѣхи, на періодъ снохоиствія и благоденствія, вмѣсто того, чтобы наступить послѣ страшныхъ опустошеній, которыя недавно поставили Францію на край гибели?

Было бы интересно сравнить въ подробностяхъ двѣ эпохи: 1867 и 1878 г. Несомнѣнно, какъ я уже сказала, успѣхъ обѣихъ выставокъ носить различный характеръ. Въ 1867 г. были празднества двора, официальные торжества, пріѣзды монарховъ; это имѣло, пожалуй, больше блеску. Въ 1878 г. монархи почти не пріѣзжали; нѣтъ двора, и, вслѣдствіе того, нѣтъ парадныхъ торжествъ, но общественные праздники полны такой красоты и такого энтузіазма, что еще не видано ничего подобнаго; иллюминаціи, освѣщавшія Парижъ съ одного конца до другого; знамена, развѣвавшіяся въ каждомъ окнѣ; національный восторгъ безъ удержу, въ которомъ чувствовалось біеніе всѣхъ сердецъ; громадныя толпы народа, почти вдвое больше посѣтителей на выставкѣ, колоссальныя сборы; такое громадное стеченіе народа, что толпа, довольно значительная, посѣтителей 1867 г. кажется, въ сравненіи съ настоящимъ, ничтожной. Вотъ факты. Чтобы охарактеризовать ихъ, я скажу, что если имперія достигла правительственнаго успѣха, республика одержала успѣхъ демократическій. Къ намъ не пріѣзжали государи, но насъ посѣтила вся Европа. Народы тронулись съ мѣста, если монархи оставались дома. Всѣмъ ясны политическія причины, которыя могли ихъ удержать, и потому никто не удивляется ихъ отсутствію; зато съ какой поспѣшностью всѣ сосѣднія націи явились засвидѣтельствовать намъ свою симпатію. Въ 1878 г. все было величественнѣе, глубже, чѣмъ въ 1867 году.

Подумайте теперь, какія затрудненія пришлось побѣдить республикѣ, чтобы обезпечить успѣхъ за выставкой. Какъ я уже говорила, мы только-что пережили жестокой кризисъ 1870 г., въ которомъ потеряли столько крови и денегъ. Можно было опасаться, что мы слишкомъ понадѣялись на наши жизненныя силы, что мы слишкомъ поторопились доказывать міру, что семи лѣтъ намъ было достаточно, чтобы занять прежнее мѣсто между націями. Ничуть не бывало. Не-

смотря на торговые кризисы, несмотря на политическія потрясенія, Франція съ легкостью произвела то усиліе, котораго отъ нея требовали. Но самымъ печальнымъ препятствіемъ была война, которую противники республики не переставали вести съ выставкой. Когда они поняли, что не могутъ овладѣть ею, что она неизбежно обратится во славу республиканскимъ учрежденіямъ, они принялись вса-чески нападать на нее, открыто, глухо, стараясь уронить ее насмѣш-ками и клеветами. Враги Франціи не могли бы вести себя враждеб-нѣе. Стоить перечестъ поздѣе всѣ статьи въ ежедневныхъ газетахъ, посвященныя выставкѣ реакціонерами; они все порицали, отрицали очевидность; клялись, что на Марсовомъ-полѣ никого не бываетъ, и что выставка разоритъ Францію. Будь ихъ власть, они никого бы не пустили, и вся ихъ тактика нынѣ, повидимому, одну лишь цѣль: превратить въ поражение побѣду, которая, въ счастію, обозначалась все рельефнѣе по мѣрѣ того, какъ они ее оспаривали. Жалкій трудъ и возмущающій душу! Пруссаки не мечтали причинить столько зла Франціи. Пусть Франція погибнетъ, рѣшили противники республики, лишь бы республика тоже погибла!

Вотъ среди какихъ затрудненій восторжествовала выставка. Я жа-лаю привести нѣсколько цифръ, чтобы показать, какъ велико это торжество. Приходъ достигъ почти до тринадцати милліоновъ, и сюда не причисляются абонементы. Кроме того, было довольно много да-ровыхъ билетовъ. Выставку посѣщали около ста тысячъ лицъ еже-дневно. Безъ сомнѣнія, суммы, истраченныя на постройку дворцовъ, были значительны; но впередъ, прежде нежели подведены итоги, можно сказать, что операція даже съ финансовой точки зрѣнія ока-залась превосходной, если принять въ расчетъ излишекъ таможенной пошлины и увеличеніе желѣзнодорожныхъ доходовъ, съ которыхъ го-сударство взимаетъ пошлину.

Въ счетъ прихода надо отмѣтить шесть или семь милліоновъ, полученныхъ отъ продажи матеріаловъ, полученныхъ послѣ слома дворца на Марсовомъ-полѣ. Рѣшено было, что дворецъ Трокадеро, ставшій нынѣ собственностью города Париза, не будетъ сломанъ. Что касается дворца на Марсовомъ-полѣ, его хотѣли уничтожить. Причиной выставляли необходимость возвратитъ военнымъ вла-стямъ обширное пространство, которое имъ было нужно для манев-ровъ войскъ.

Но мысль, что разрушать такое зданіе, приводила всѣхъ въ от-чаяніе. Всѣ просили сохранить эти великолѣпныя галереи, эти па-виліоны изъ желѣза и чугуна, такіе легкіе и такіе крѣпкіе — чудо современной архитектуры. И правительству пришлось уступить тре-бованіямъ общественнаго мнѣнія. Въ настоящее время рѣшено, что

часть дворца будетъ сохранена. И мнѣ кажется любопытнымъ сообщить вамъ, во что превратится эта громадная постройка, которую посетила вся Европа. Постараюсь быть яснымъ, насколько возможно.

Военный министръ получить такъ-называемую галерею ручного труда, параллельную фасаду военной школы, два боковыхъ придѣла и двѣ галереи машинъ, идущія отъ военной школы къ воротамъ Раппъ съ одной стороны и къ воротамъ Дезе—съ другой. Въ этихъ трехъ зданіяхъ будутъ помѣщаться военные магазины; а въ громадномъ внутреннемъ дворѣ, занимающемъ около тридцати гектаровъ, устроить плацъ для маневровъ. Вотъ часть, отведенная военной власти. Отъ воротъ Раппъ до воротъ Дезе будетъ идти широкій бульваръ, служащій сообщеніемъ между кварталомъ Gros-Caillois и Гренельскимъ. Кромѣ того, городъ Парижъ получитъ въ свою собственность часть мѣста, идущаго вдоль новыхъ военныхъ магазиновъ, и разобьетъ на немъ плантаціи деревь, какъ это сдѣлано по обѣ стороны Инвалиднаго плаца. Перехожу теперь собственно къ дворцу. Министерство земледѣлія и торговли вступить во владѣніе мѣстомъ, находящимся, съ одной стороны между набережной д'Орсэ и новымъ бульваромъ, съ другой стороны—между проспектомъ де-Лабурдонэ и проспектомъ Сиффрэнъ. Это обширное пространство, въ четыреста метровъ, будетъ огорожено со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, сохранится отъ дворца выставки весь фасадъ, центральный куполъ, парадная галерея и два угловыхъ купола; кромѣ того, сохранятъ часть галереи машинъ, что образуетъ два флигеля направо и налево, до новаго бульвара. Всѣ части галерей, заключающіяся между этими флигелями, будутъ тоже сохранены. Наконецъ, между прежнимъ французскимъ отдѣломъ и прежнимъ англійскимъ отдѣломъ, внутри построекъ, будетъ разбитъ садъ на мѣстѣ картинныхъ галерей, которыя исчезнутъ. Словомъ, выставка будетъ разбита на-двое проходомъ; вся южная часть будетъ предоставлена военному министерству, а вся сѣверная часть сдѣлается собственностью министерства земледѣлія и торговли, которое и осуществитъ въ ней грандіозный проектъ.

Вотъ каковъ этотъ проектъ. Теперешній паркъ останется въ своемъ настоящемъ видѣ, съ своимъ монументальнымъ крыльцомъ, своими лужайками, аллеями, фонтанами, каскадами, озерами. Оставить также и навильоны, прочно построенные. Въ этомъ прекрасномъ саду, занятомъ въ глубинѣ колоссальнымъ фасадомъ и галереями дворца, устроенъ будетъ промышленный музей, гдѣ паровыя машины будутъ приводить въ дѣйствіе всѣ извѣстныя намъ механизмы. Тамъ будетъ постоянная выставка всѣхъ производствъ и всѣхъ продуктовъ

французской промышленности. Тамъ будутъ лить металлы, фабриковать стекло, фаянсовую и фарфоровую посуду, материн, бумагу и пр. и пр. Кроме того, будетъ устроена музей декоративныхъ искусствъ въ центральной части дворца.

Это будетъ великолѣпно и послужитъ новымъ торжествомъ для французской республики. Выставка 1878 г. не исчезнетъ вполнѣ, какъ выставка 1867 г. Два дворца — дворецъ на Марсовомъ-полѣ и на Трокадеро—останутся другъ противъ друга. Они займутъ мѣсто въ числѣ самыхъ обширныхъ и самыхъ замѣчательныхъ зданій Парижа. Чудная зала въ Трокадеро, производившая такой фуроръ, переживетъ концерты, которые давались въ ней; передѣлать только каскадъ, оказавшійся неудачнымъ. На Марсовомъ-полѣ, какъ я уже сказалъ, будетъ устроена постоянная выставка и музей. Одной изъ причинъ, выставившихся противъ сохраненія дворцовъ, была та, что этотъ кварталъ слишкомъ удаленъ отъ центра и что, по окончаніи выставки, никто въ нихъ и не заглянетъ. Я же убѣжденъ въ противномъ, что въ виду такихъ привлекательныхъ элементовъ толпа будетъ валить сюда. Елисейскія-поля тоже считались на краю свѣта; а между тѣмъ въ настоящее время весь Парижъ посѣщаетъ картинныя выставки, устраиваемыя ежегодно въ дворцѣ Промышленности. Эти кварталы, до сихъ поръ пустынные, населятся какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, какъ скоро парижанъ будетъ притягивать туда интересное зрѣлище. Не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ тамъ настроитъ множество великолѣпныхъ домовъ.

Конечно, будетъ выгоднѣе сохранить дворцы, нежели ихъ разрушить. Продажа матеріаловъ доставила бы нѣсколько милліоновъ; но эти милліоны скоро вернутся въ доходахъ съ выставки и въ увеличившейся стоимости квартала. Повторяю, проектъ грандіозенъ.

Остается сдѣлать выводъ, и выводъ этотъ вѣроятно сдѣланъ всѣми иностранцами, посѣтившими Парижъ. Уѣзжая отъ насъ, они всѣ навѣрное подумали: семь лѣтъ тому назадъ Парижъ былъ въ слезахъ; онъ носилъ трауръ по себѣ и по Франціи. Городъ въ особенности пострадалъ. Его предмѣстья были пробиты ядрами чужеземной войны и ядрами войны междоусобной; дороги были пересѣчены земляными насыпями, палисады окружали его рвы. Внутри бѣдствія были еще значительнѣе. Пруссаки бомбардировали цѣлый кварталъ; французы, убивая другъ друга, зажигали пожары на всѣхъ перекресткахъ. Десять или двѣнадцать общественныхъ зданій обращены были въ пепель, зрѣлище было до того ужасно, что изъ сосѣднихъ странъ пріѣзжали поглядѣть на него съ лихорадочнымъ любопытствомъ. Я уже не говорю про наши разстроенныя финансы, про нашу разстроенную администрацію и армію. Ничего не существовало больше, нужно было все за-ново

создать. И что же! прошло семь лѣтъ, и иностранцы не видятъ болѣе ни одной изъ нашихъ ранъ. Всѣ онѣ залечены. Предмѣстья зелены и спокойны. Укрѣпленія снова приняли свой добродушный видъ. На нашихъ перекресткахъ тщетно стали бы искать слѣдовъ пожаровъ. Новые дома выше и богаче старыхъ. Зданія выстроены за-ново; у ратуши уже возводится второй этажъ. Одно только Тюльери остается въ развалинахъ, въ ожиданіи пока уступить мѣсто проектированному большому саду. И это не все; республика въ свою очередь захотѣла украсить Парижъ; она осуществила проектъ, передъ которымъ отступила имперія; она провела Avenue de l'Opéra, великолѣпный проспектъ, ведущій отъ площади „Théâtre-Français“ къ бульвару Капуциновъ. Парижъ захотѣлъ доказать иностранцамъ, что онъ сталъ настолько силенъ, что можетъ помышлять и о роскоши. Итакъ, вотъ выводъ: иностранцы видѣли всѣ раны, отъ которыхъ мы чуть не погибли, и видѣли наше выздоровленіе, возбуждившее ихъ симпатію и восторгъ. Франція одержала великую побѣду, благодаря своимъ жизненнымъ силамъ, своему труду, своему героизму.

Эмиль Золя.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

ЛЕОПАРДИ ВЪ НОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Giacomo Leopardi. Deutsch von Paul Heyse. In zwei Theilen. Berlin. 1878.

Нѣмецкій языкъ гораздо болѣе распространенъ у насъ, чѣмъ итальянскій, и мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, обращая ихъ вниманіе на почтенный трудъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя о первоклассномъ итальянскомъ поэтѣ и мыслителѣ, у насъ почти неизвѣстномъ. Съ громкимъ именемъ Джакомо Леонарди у рѣдкаго изъ насъ соединяется ясное представленіе объ его оригинальномъ талантѣ и литературномъ значеніи. Правда, онъ не нашъ современникъ; его литературная дѣятельность относится къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Но эта дѣятельность такова, что значеніе ея не прекратилось со смертію самого поэта. Оно, напротивъ, выросло за послѣднее время, какъ то нерѣдко бываетъ съ большими талантами, слишкомъ выдающимися надъ общимъ уровнемъ своей современности. Италія считаетъ его теперь

однимъ изъ первыхъ двигателей своего политическаго возрожденія, и отводитъ ему почетное мѣсто рядомъ съ своими даровитѣйшими писателями ¹⁾. Трудъ П. Гейзе, на который мы обращаемъ теперь вниманіе читателей за отсутствіемъ русскаго перевода сочиненій Леопарди, показываетъ, какъ сильно заинтересованы ими и въ Германіи. На французскомъ языкѣ уже появилось нѣсколько монографій, посвященныхъ его жизни и образу мыслей, его стихотвореніямъ и прозѣ ²⁾. Недалеко какъ въ прошломъ году французскій моралистъ идеалистической школы, Каро, въ статьѣ о пессимизмѣ, какъ болѣзни нашего матеріалистическаго вѣка, возвелъ Леопарди въ родоначальника этого столь распространеннаго направленія ³⁾.

Въ нашей короткой замѣткѣ, вызванной трудомъ П. Гейзе, невозможно очертить во всѣхъ подробностяхъ въ высокой степени цѣльную, глубоко поэтическую и оригинальную личность мало извѣстнаго у насъ итальянскаго поэта. Мы можемъ только передать въ немногихъ словахъ то общее впечатлѣніе, какое вынесли сами изъ неотразимо втягивающаго чтенія его произведеній и переписки, изданной уже послѣ его смерти друзьями. Наша цѣль не та, какую имѣютъ въ виду Каро и П. Гейзе. Они приступаютъ къ оцѣнкѣ мыслей и поэзіи Леопарди, какъ моралисты. Очарованный прелестью его стиха, оригинальностью образовъ, глубиной и искренностью его настроенія, П. Гейзе боится, однакоже, дать въ руки своимъ читателямъ нѣмецкій переводъ многихъ его сочиненій, не предпославъ имъ опроверженія основной мысли, которою пронизанно все, написанное поэтомъ. Современнымъ моралистамъ не особенно трудно доказать, что мрачный пессимизмъ Леопарди не всегда выдерживаетъ критику. Но Леопарди характеренъ и великъ именно своею односторонностью, именно тѣмъ, что онъ ярво освѣщаетъ одну изъ грустныхъ и реальныхъ сторонъ нинѣшняго склада человѣческой жизни. Наша цѣль не опровергать его, а по возможности очертить эту замѣчательную фигуру, которая именно тѣмъ и глѣбительна, именно тѣмъ и нова, что такъ не нравится крайнимъ оптимистамъ. Представьте себѣ Леопарди безъ его

¹⁾ Самое полное собраніе сочиненій Леопарди, на родномъ его языкѣ, издано Ракиери во Флоренціи, въ 1845—46 г. (Giacomo Leopardi. Opere), въ четырехъ частяхъ. Отдѣльныя его произведенія пережили, кромѣ того, множество изданій.

²⁾ Bouché-Leclercq: Giacomo Leopardi, sa vie et ses oeuvres.—Anlard: Essai sur les idées philosophiques et l'inspiration poétique de G. Leopardi. Къ составленію авторъ послѣдняго изъ этихъ сочиненій поставилъ себѣ неблагоприятную задачу показать, что нравственные муки, пережитыя поэтомъ, преувеличены и имъ самимъ, и другими. Какъ будто кто-нибудь другой, кромѣ самого поэта, можетъ лучше знать испытанныя имъ тяжелыя ощущенія и мрачныя думы, выраженыя съ такою искренностью, глубиной и послѣдовательностью въ его сочиненіяхъ.

³⁾ Revue des deux Mondes. 15 Novembre, 1877.

трагическаго взгляда на жизнь, безъ той потрясающей страдальческой ноты, которая звучитъ такъ характерно на каждой его страницѣ, безъ ѣдкой и тонкой ироніи глубоко убѣжденнаго пессимиста, — и его высоко-поэтическая личность обратится въ ничто: передъ вами останется риторъ вмѣсто поэта.

Да, Леопарди былъ пессимистъ, самый послѣдовательный и безпощадный къ людямъ въ своихъ выводахъ, исполненный глубочайшаго недовѣрія, даже презрѣнія къ окружавшей его жизни. Можно назвать его поэтомъ и мыслителемъ отрицательныхъ сторонъ жизни, которыя тѣмъ глубже поражаютъ большой, послѣдовательный умъ и страстную душу, чѣмъ грандіознѣе и шире ихъ ожиданія и стремленія, чѣмъ мизернѣе окружающая ихъ дѣйствительность. То не было разочарованіе человѣка, уже насладившагося благами земного существованія; сомнѣніе въ дѣйствительности этихъ благъ запало въ душу Леопарди съ ранней юности, и оставалось его неизмѣннымъ спутникомъ до самой смерти. Ни въ юности, ни въ зрѣлыхъ годахъ, не относился онъ къ судьбамъ человѣка съ тою легкостью, съ какою относится къ нимъ посредственность, предающаяся потомъ дюжинному разочарованію; ни въ юности, ни въ зрѣлыхъ лѣтахъ не примирался онъ съ дѣйствительностью на среднихъ терминахъ, не уступалъ ей ни одного изъ неудовлетворенныхъ требованій своего непреклоннаго ума и пламеннаго сердца, способнаго и безпредѣльно любить и безпощадно ненавидѣть. Онъ былъ поэтъ и мыслитель человѣческаго страданія, — страданія не мечтательнаго, до ужасающей степени реальнаго, которое не покидало его во всю жизнь, которому онъ былъ вѣренъ до самой смерти. Страданіе и жизнь были въ его мнѣніи и чувствѣ явленіями и понятіями равнозначущими, тождественными, навсегда неразрывно связанными между собою. Эта мысль охватила все существо поэта, онъ далъ ей изящную теоретическую и поэтическую обработку, она стала главной тѣмой его страдальческой музыки. Аскетически неподкупный на многія блага существованія, которыхъ жаждалъ посредственность, безупречно чистый душою, нѣжно отзывчивый на вниманіе и симпатію немногихъ друзей, безнадежно влюбленный, измученный униженнымъ, безысходнымъ тогда положеніемъ родной Италіи, физически слабый и больной, онъ отвернулся отъ жизни съ жгучею болью въ сердцѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ ея ничтожествѣ и томительной скукѣ.

Въ то время, когда жилъ Леопарди, человѣкъ еще воображалъ себя всемогущимъ царемъ природы, центромъ всего мірозданія, призваннаго удовлетворять его желанія, стремленія, помыслы. Въ поэтическихъ образахъ, набросанныхъ рукою мастера, Леопарди раньше другихъ показалъ все безсиліе человѣка въ природѣ, одарившей его

способностью къ стремленіямъ и замысламъ, которые зарази́е обречены бесплодному томленію. Вы можете соглашаться съ нимъ, или нѣтъ; вы можете находить его мрачнымъ и одностороннимъ, но искренность его убѣжденія и чувства такъ плѣнительна, глубина ихъ оказываетъ на васъ такое втягивающее вліяніе, поэтическіе образы такъ характерны и цѣльны, облечены въ такую изящную форму, которая въ то же время рѣжетъ какъ острая сталь,—что вы невольно поддаетесь обаянію этого замѣчательнаго таланта, находите въ вашей собственной душѣ сочувственный отзывъ на его страданія и узнаете въ его произведеніяхъ многое, очень многое пережитое вами самими.

Таково общечеловѣческое значеніе Леопарди.

Это значеніе не было оцѣнено при его жизни, и только теперь, въ наше скептическое время, когда Шопенгауеръ и его школа въ Германіи пришли къ такому же воззрѣнію на человѣка и его жизнь, когда естествознаніе посбавило съ человѣка значительную долю его старообрядческой снѣси,—только теперь европейскія литературы съ интересомъ и любовью возвращаются къ поэтической фигурѣ первой жертвы и перваго талантливаго выразителя современныхъ скептическихъ воззрѣній. Мы, по обыкновенію, отстали и въ этомъ отъ западныхъ литературъ, и имя Леопарди до сихъ поръ едва-едва вознулось нашего слуха.

Леопарди было всего двадцать лѣтъ, въ 1818 году, когда онъ выступилъ открыто на литературное поприще съ своими „*canzone*“. Италія находилась тогда въ состояніи оцѣпенѣнія. Всѣ порывы ея къ самостоятельной жизни были подавлены австрійскими штыками; какъ всегда бываетъ въ мрачныя эпохи народной жизни,—высшіе слои населенія предались удовольствіямъ и наслажденіямъ, потонула въ нихъ сознаніе своего угнетеннаго положенія; народъ погрязъ въ тяжелой нуждѣ и житейскихъ дразгахъ; и только въ подспудныхъ, невидимыхъ на поверхности, слояхъ тлѣли искры ненависти къ *cani tedeschi* и охраняемому ими австрійскому деспотизму. Обращеніе тлѣвшихъ искръ въ пламя было, конечно, вопросомъ времени; но мы ясно видимъ это теперь, *post factum*, послѣ совершившихся съ того времени событий. Тогдашнему человѣку трудно было найтись въ темномъ лѣсу всецѣльной, вонидимому, реакціи, и всѣ условія, порождающія безразсвѣтное отчаяніе въ патриотическомъ сердцѣ итальянца, были съ избыткомъ на лицо. Свободный Пьемонтъ еще не свѣтился тогда прививнымъ маякомъ на итальянскомъ горизонтѣ, и густой мракъ окуталъ, нѣкогда свободную, Италію. Система Меттерниха царяла повсемѣстно и нераздѣльно, жестоко подавляла всякое проявленіе національнаго чувства, всякое либеральное стремленіе. Въ стихотворе-

нѣмъ двадцати-лѣтняго Леопарди „Въ Италіи“, эти гнетущія условія дѣйствительности отпечатлѣлись съ замѣчательною яркостью и силой. Юноша-поэтъ видитъ передъ собою возведенныя предками стѣны, арки, колонны, безчисленные памятники искусства, но онъ напрасно ищетъ принадлежавшей предкамъ славы, лавровъ и меча. Италія представляется ему сраженною, безсильною, съ мертвенной блѣдностью въ лицѣ. Въ мучительной тоскѣ молитъ онъ небо и землю сказать ему, кто виновникъ ея бѣдствій, кѣмъ закованы ея руки, кто пригнулъ ее къ землѣ и заставилъ недвижно сидѣть и горько, горько плакать. Но еслибъ она пролила еще ручьи слезъ, то и ихъ было бы мало, чтобы залить бездну ея горя и позора. Красавица упала съ высоты и точно разбилась. Это зрѣлище раздираетъ душу поэта. Онъ взываетъ къ оружію, онъ жаждетъ борьбы, жаждетъ смерти въ борьбѣ за Италію, и молитъ Провидѣніе обратить кровь его въ пламя и воспламенить имъ всѣ сердца. Ему было бы такъ отрадно смочить своею кровью дорогую ему землю!

Но „дорогая земля“ отвѣчала пока вынужденнымъ молчаніемъ и застоємъ на эти крики душевной боли; въ дѣйствительности поэтъ окружалъ небольшой городокъ съ его рѣзкимъ, горнымъ воздухомъ, который онъ считалъ причиной своихъ физическихъ недуговъ, съ населеніемъ, погруженнымъ въ мельчайшія житейскія драги; поэтъ выросъ и болѣею частью жилъ тамъ въ своемъ обѣдѣнномъ семействѣ, наслѣдовавшемъ отъ предковъ одинъ только безполезный графскій титулъ, одиноко работая надъ прошлымъ Греціи, Рима и Италіи, свѣдаемый одинокими стремленіями горячей души и непреклонной воли. Онъ присматривается къ людямъ, онъ вдумывается въ ихъ отношенія, и съ ужасомъ отступаетъ передъ открывающеюся ему картиною жизни. Не зная личнаго счастья, не видя никакихъ знаменій народнаго возрожденія, онъ переноситъ свои наблюденія въ исторію, на все человѣчество, и новый, еще болѣшій ужасъ охватываетъ его впечатлительную душу. И онъ перестаетъ вѣрить личному счастью и народному благу, и всему человѣчеству. Изъ патриота онъ становится съ юношескихъ лѣтъ пессимистомъ, изъ страстнаго католика—послѣдовательнѣйшимъ скептикомъ, избравшимъ человѣческое ничтожество любимымъ предметомъ своей ѣдкой и тонкой ироніи. Если годы блестящей дѣятельности Гарибальди можно назвать полнымъ разсвѣтомъ итальянскаго возрожденія, то годы жизни и литературной дѣятельности Леопарди были для Италіи темною, безсвѣдною ночью, долго предшествовавшею этому разсвѣту. Въ политической жизни народовъ дни и ночи не смѣняются такъ быстро, какъ въ природѣ; темная ночь танулась для Леопарди до самой его смерти въ 1837 году, и еще пережила его добрыхъ тридцать лѣтъ.

Когда, послѣ многихъ жертвъ и усилій, принесенныхъ дѣлу свободы и поглощавшихъ лучшія силы страны, пробилъ, наконецъ, часъ освобожденія, поэта давно уже не было въ живыхъ. Да и могъ ли онъ удовлетвориться политическимъ возрожденіемъ отечества, утративъ вѣру въ человѣка?

Въ мрачныя эпохи народной жизни, всегда и вездѣ наиболѣе сознательно страдаютъ лучшіе люди интеллигенціи. Одни изъ нихъ, горя нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе сломить позорную неправду, спѣшатъ открыто выступить въ борьбу съ нею, не углубляясь въ трудности подобныхъ предпріятій, и неизбежно погибаютъ, временно ослабляя своею преждевременной гибелью собственное дѣло. Другіе уходя въ себя, страдая нравственно не меньше тѣхъ, кто обрекъ себя гибели въ открытой борьбѣ съ гнетущими условіями жизни. Но мѣра нравственнаго страданія, выпавшаго на долю Леопарди, была еще ужаснѣе. Строгий анализъ человѣка не оставилъ ни одного здороваго уголка въ душѣ поэта, одаренной исключительной способностью и къ глубокому чувству, и къ отвлеченной мысли. Съ какой стороны ни подходилъ онъ къ жизни, она постоянно и съ поразительной ясностью представлялась ему ничѣмъ не отвратимымъ страданіемъ. И личное и общественное счастье оставалось для него до самой его смерти фантастическими грезами, которымъ никогда не суждено осуществиться. Горькое положеніе родной страны, послѣ столѣтій славы и свободы, привело его къ отрицанію историческаго прогресса. Задыхаясь отъ собственныхъ выводовъ, онъ не хотѣлъ, однакоже, тѣшить себя призраками, и еслибъ истина могла быть еще печальнѣе и безотраднѣе, онъ и тогда не бѣжалъ бы отъ нея, чтобы вѣрнѣе хоть на минуту въ то, что считалось за счастье въ средѣ, его окружавшей. Отсюда стройно и тонко развитое имъ пессимистическое воззрѣніе на жизнь и судьбы человѣка, отсюда и глубоко потрясающая нота его изящныхъ поэтическихъ произведеній,—отсюда и прямая нравственная связь его съ современнымъ скептицизмомъ, предвѣстникомъ котораго онъ можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Замѣчательно, что въ томъ самомъ 1818 году, когда появились первыя канцоны Леопарди, уже порвавшаго съ католицизмомъ, чтобы предаться философіи полного отчаянія, Шопенгауеръ отправился въ Италію, передавъ издателю свою рукопись о „Мірѣ, разсматриваемомъ какъ воля“. Итальянскій поэтъ и нѣмецкій мыслитель никогда не знали другъ друга. Почти достоверно, что Леопарди никогда не читалъ сочиненія Шопенгауера, которое и въ самой Германіи распространилось гораздо позже. Они пришли къ своимъ сходнымъ воззрѣніямъ, каждый своимъ путемъ, предвѣщая нравственный кризисъ, разрѣшеніе котораго еще далеко впереди...

Леопарди былъ знатокъ греческой и римской литературы, которыми занимался много и самостоятельно; знаменитый Нибуръ, посетивъ Италию, называлъ его хорошимъ эллинистомъ; и дѣйствительно, на всѣхъ его сочиненіяхъ лежитъ печать глубокаго знакомства съ лучшими писателями Греціи и Рима; вы встрѣчаете въ нихъ то же чувство мѣры, ту же красоту формы, то же совершенство языка. Особенно плѣняла его діалогическая форма греческихъ писателей, и собственные его діалоги отнюдь не уступаютъ лучшимъ произведеніямъ древнихъ мастеровъ въ томъ же родѣ. По формѣ, они смѣло могутъ быть поставлены на-ряду съ діалогами Лукіана, а по идеѣ—они выше послѣднихъ. Мы приведемъ нѣкоторые изъ этихъ прелестныхъ діалоговъ въ русскомъ переводѣ: бесѣду физика съ метафизикомъ, и бесѣду между продавцомъ альманаховъ и прохожимъ. Они короче другихъ, но все же знакомятъ съ образомъ мыслей и манерой поэта.

Физикъ. Нашелъ! нашелъ!

Метафизикъ. Что случилось? Что ты нашелъ?

Физикъ. Искусство долго жить.

Метафизикъ. А что за книга у тебя въ рукѣ?

Физикъ. Въ этой книгѣ я передаю людямъ искусство долго жить, и если, благодаря моему открытію, другіе люди будутъ жить долго, то я по меньшей мѣрѣ буду жить вѣчно, приобрету бессмертную славу.

Метафизикъ. Послушай моего совѣта. Возьми свинцовый ящикъ, положи туда эту книгу, зарой его въ землю, и прежде чѣмъ умрешь, не забудь указать это мѣсто, чтобъ можно было пойти туда и отыскать твою книгу, когда найдутъ еще и искусство жить счастливо.

Физикъ. А до тѣхъ поръ?

Метафизикъ. До тѣхъ поръ твоя книга бесполезна. По-моему, она имѣла бы большую цѣну, еслибъ научала искусству рано умирать.

Физикъ. Искусство это уже давно извѣстно, и не трудно ему научиться.

Метафизикъ. При всемъ томъ мнѣ сдается, что такая книга была бы полезнѣе твоей.

Физикъ. Отчего?

Метафизикъ. Оттого, что если жизнь не даетъ счастья,—а она никогда его не давала,—то для насъ же лучше, если она коротка, и не тянется долго.

Физикъ. Что ты! Жизнь хороша сама по себѣ, и всякій отъ природы жаждетъ и любить ее.

Метафизикъ. Такъ думаютъ люди, но они обманываютъ самихъ

себя, какъ ошибается толпа, принимая цвѣта предметовъ за ихъ свойства, тогда какъ они происходятъ не отъ предметовъ, а отъ свѣта. Я утверждаю, что человѣкъ любитъ только свое счастье и желаетъ единственно его. Оттого онъ любитъ жизнь лишь постольку, поскольку считаетъ ее орудіемъ или субъектомъ этого счастья; онъ собственно любитъ послѣднее, а не жизнь, хотя и смѣшиваетъ ихъ очень часто. Но это заблужденіе такъ же естественно, какъ и заблужденіе о цвѣтѣ предметовъ. Что любовь человѣка къ жизни не всегда естественна или, лучше, не всегда необходима, видно уже изъ того, что въ древности многіе добровольно избирали себѣ смерть, хотя и могли бы жить, а въ наше время многіе, при разнообразныхъ обстоятельствахъ, желаютъ себѣ смерти, иные же сами лишаютъ себя жизни. Все это было бы невозможно, если бы любовь къ одной только жизни была свойственна человѣческой природѣ; напротивъ, такъ какъ любовь къ собственному счастью врождена каждому живому существу, то скорѣе міръ погибнетъ, чѣмъ кто-нибудь перестанетъ любить свое счастье и по-своему стремиться къ нему. Я, съ своей стороны, полагаю, что счастливая жизнь была бы благомъ, но только какъ счастливая, а не какъ жизнь. Жизнь несчастная, поскольку она несчастна, есть зло, а такъ какъ природа, по крайней мѣрѣ, человѣческая природа, такова, что жизнь и несчастье нераздѣльны, то подумай самъ, что отсюда вытекаетъ.

Физикъ. Пожалуйста, оставимъ этотъ меланхолическій вопросъ, и отвѣчай мнѣ добросовѣстно, безъ столькихъ ухищреній: неужели, по-твоему, человѣку не было бы пріятно жить вѣчно—я разумѣю жить не умирая, жить не послѣ смерти?

Метафизикъ. На твое сказочное предположеніе, я отвѣчу также сказкой, тѣмъ болѣе, что я никогда еще не жилъ вѣчно, и потому не могу говорить по собственному опыту, никогда не встрѣчалъ никого, кто былъ бы безсмертенъ, да и нигдѣ, кромѣ сказокъ, не читалъ о такихъ людяхъ. Если бы съ нами говорилъ Калиостро, то, можетъ быть, онъ просвѣтилъ бы насъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ прожилъ нѣсколько столѣтій, хотя въ концѣ-концовъ онъ тоже умеръ, какъ и всѣ другіе и, стало быть, не былъ безсмертенъ. Позволь же рассказать тебѣ, что жизнь надоѣла мудрому Хирону, хотя онъ и былъ божествомъ; онъ просилъ у Зевса позволенія умереть—и, дѣйствительно, умеръ. Подумай: если безсмертіе неудобно для самихъ боговъ, то каково же было бы оно для людей? Невѣдомый, но знаменитый народъ, гиперборейцы, къ которымъ нельзя проникнуть ни по суку, ни по морю, и которые въ избыткѣ надѣлены всѣми благами, особенно прелестными ослами, обыкновенно приносили тамъ въ жертву богамъ. — гиперборейцы, если я не оши-

бадсь, могутъ сдѣлаться безсмертными, такъ какъ они не знаютъ ни болѣзней и заботъ, ни войнъ и раздоровъ, ни дороговизны и преступленій. И однакоже, всѣ они умираютъ; проживъ лѣтъ тысячу, они не могутъ долѣе выносить жизнь, добровольно бросаются съ одной своей скалы въ море и тонутъ въ немъ. Послушай еще другую сказку. На одномъ праздникѣ, братья Битонъ и Клеобъ запрягли въ колесницу своей матери, Юнониной жрицы (муловъ въ то время не было подъ руюю), и подвезли ее къ храму. Жрица молила богиню наградить благочестіе сыновей высшимъ благомъ, какое только можетъ выпасть на долю людей. Юнона, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ безсмертными, что было въ ея власти и что случалось въ то время нерѣдко, въ ту же минуту послала обомъ юнонамъ тихую кончину. То же было съ Агамедомъ и Трофоніемъ. Окончивъ постройку храма въ Дельфахъ, они просили Аполлона заплатить имъ за трудъ; онъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ желаніе по прошествіи недѣли, предоставляя имъ пока проживать на собственный счетъ. Въ седьмую ночь послалъ онъ имъ сладкій сонъ, отъ котораго имъ еще предстоитъ пробудиться, и послѣ этой награды, они уже не просили никакой другой. Такъ какъ мы занялись сказками, то я хочу рассказать тебѣ еще одну, по поводу которой мнѣ хотѣлось бы предложить тебѣ нѣкоторый вопросъ. Я знаю, твои собратья порѣшили, что въ каждой населенной странѣ и подъ всякимъ небомъ жизнь человѣка имѣетъ приблизительно одинаковую продолжительность, съ весьма незначительными отклоненіями, если разсматривать каждый народъ въ массѣ и въ цѣломъ. Но одинъ древній авторъ повѣствуетъ, что въ иныхъ мѣстахъ Индіи и Эѳіопіи люди не живутъ далѣе сорокалѣтняго возраста; кто умираетъ въ этомъ возрастѣ, тотъ умираетъ старикомъ, а семилѣтнія дѣвушки уже считаются невѣстами. Это послѣднее обстоятельство, какъ мы знаемъ, почти подтверждается въ Гвинееѣ, Деніѣ и другихъ странахъ жаркаго пояса. И если мы примемъ за истину, что существуетъ одинъ или нѣсколько народовъ, у которыхъ сорокалѣтній возрастъ служитъ предѣломъ жизни и притомъ по законамъ природы, а не по другимъ причинамъ, какъ думали о готтентотахъ, то я желалъ бы знать, считаешь ли ты эти народы болѣе счастливыми, или же болѣе несчастными, чѣмъ другіе?

Физикъ. Разумѣется, болѣе несчастными, потому что они раньше умираютъ.

Метафизикъ. А я, на томъ же основаніи, прихожу къ противоположному выводу. Но не въ этомъ дѣло. Прислушайся немного. Я говорилъ, что просто жизнь, что одно только ощущеніе собственнаго существованія не есть нѣчто такое, что мы, по нашей природѣ, могли

любить и къ чему могли бы стремиться. Но люди естественно любят и желаютъ того, что съ ббольшимъ правомъ называется жизнью, — силы и полноты ощущеній. Всякая живая и сильная дѣятельность или страсть, если она не вызываетъ тяжелаго ощущенія или боли, пріятна намъ только потому, что она жива и сильна, хотя бы она и не представляла никакого другого отраднаго свойства. У людей, которыхъ жизнь, по закону природы, длится не болѣе сорока лѣтъ, т.-е. на половинну короче, чѣмъ у другихъ народовъ, она была бы во всѣхъ отношеніяхъ живѣе, чѣмъ у насъ; если они вдвое скорѣе вырастаютъ, достигаютъ зрѣлости, старѣютъ и умираютъ, то и жизненные процессы ихъ природы должны совершаться съ удвоенной быстротой, и произвольныя ихъ дѣйствія, подвижность и живость должны соответствовать этимъ условіямъ. Они имѣли бы, такимъ образомъ, въ болѣе короткое время такое же количество жизни, какъ и мы, и этого количества, распределеннаго на меньшее число лѣтъ, было бы достаточно для ихъ пополненія, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ немного лѣтъ оставалось пустыми, тогда какъ того же количества жизни слишкомъ мало на удвоенное время. Ихъ дѣйствія и ощущенія, болѣе сильныя и замкнутыя въ болѣе тѣсномъ кругѣ, могли бы наполнять и оживлять собою все ихъ существованіе, тогда какъ въ нашей долгой жизни часто остаются пустыми большіе промежутки, безъ живой дѣятельности и живыхъ ощущеній. А такъ какъ желательно не одно только существованіе, но существованіе счастливое, такъ какъ добрая и злая доля каждаго не измѣняется количествомъ прожитыхъ имъ дней, то я и прихожу къ тому заключенію, что чѣмъ короче жизнь тѣхъ народовъ, тѣмъ менѣе она бѣдна удовольствіями или тѣмъ, что называютъ удовольствіями, и что она лучше нашей, лучше жизни первыхъ царей Ассиріи, Египта, Китая, Индіи и другихъ странъ, которая, — возвращаясь къ нашимъ сказкамъ, — тянулась тысячи лѣтъ. Оттого я не только не стремлюсь жить вѣчно и охотно предоставляю безсмертіе рыбакамъ, которымъ приписалъ его Лейбентъ (поскольку онъ не пожирается людьми или китами), но и желаю, чтобъ, вмѣсто замедленія или временной пріостановки нашего тѣлеснаго роста ради продленія жизни, — какъ предлагаетъ Монерцій, — мы могли ускорять ее и сокращать ее предолжительность до жизненнаго срока однодневныхъ насѣкомыхъ, изъ которыхъ старѣйшія не переживаютъ одного дня, и однако же умираютъ прадедами и прапрадедами. Тогда, мнѣ кажется, уже не оставалось бы времени для скуки. Что скажешь ты на это?

Физикъ. Скажу, что твое сужденію ни мало меня не убѣждаетъ, и если ты любишь метафизику, то я, съ своей стороны, придерживаюсь физики; если ты вдаешься въ тонкости анализа, а беру вопросъ

въ грубомъ и цѣломъ—и вполнѣ довольствуешь этимъ. Не прибѣгаю къ микроскопу, а думаю, что жизнь красивѣе смерти, и вручаю яблоко первой, но не стою на томъ, что онѣ хороши или дурны сами по себѣ.

Метафизикъ. Я подписываю этотъ приговоръ Париса. Но, вспоминая обычай тѣхъ варваровъ, которые въ каждый несчастливый день опускаютъ по черному камню въ колчанъ, а въ каждый счастливый день по бѣлому, я невольно задаюсь вопросомъ, какъ мало бѣлыхъ камней оказывалось вѣроятно въ колчанѣ каждого къ концу его жизни, и какъ много черныхъ. Мнѣ хорошо бы имѣть передъ собою всѣ камешки тѣхъ дней, которые еще остается прожить, чтобъ отбросить черные и выкинуть эти дни изъ моей жизни, оставивъ только бѣлые, хоть я и убѣжденъ, что бѣлыхъ окажется гораздо меньше, да и бѣлизна ихъ будетъ сѣрвата.

Физикъ. Многие, напротивъ, хотя бы всѣ ихъ камешки были черны и даже чернѣе обыкновеннаго, желали бы подбавлять къ нимъ новые даже и того же цвѣта; они убѣждены, что ни одинъ новый камешекъ уже не будетъ такъ черенъ, какъ самый послѣдній. А такіе люди, къ которымъ и я принадлежу, въ самомъ дѣлѣ могутъ прибавить не мало дней въ своей жизни при помощи того искусства, которому я учу въ моей книгѣ.

Метафизикъ. Пусть каждый думаетъ и поступаетъ по-своему; по-своему не преминетъ дѣйствовать и смерть. Но если ты, умѣя продлить жизнь, желаешь принести дѣйствительную пользу людямъ, то придумай искусство увеличивать число и живость ихъ ощущеній и дѣятельностей. Этимъ путемъ ты дѣйствительно продлишь человеческую жизнь, и если тебѣ удастся наполнить тѣ неизмѣримыя пространства времени, въ теченіи которыхъ наше существованіе скорѣе можетъ быть названо присутствіемъ на свѣтѣ, чѣмъ жизнью, ты можешь похвалиться тѣмъ, что продлилъ ее, и притомъ безъ притязанія дѣлать невозможное возможнымъ или насиловать природу, а скорѣе помогая ей. Развѣ меньше насъ жили древніе, хотя имъ, окруженнымъ большими и непрерывными опасностями, приходилось раньше умирать? Ты окажешь людямъ великое благодѣяніе; ихъ жизнь была всегда—не говорю счастлива—но тѣмъ менѣе несчастлива, чѣмъ болѣе она была подвижна и интересна, конечно не отъ страданій и бѣдствій. Но когда она такъ богата праздною и скукой, что можно назвать ее пустою, то придется почти согласиться съ отзывомъ Пиррона, что жизнь ничѣмъ не отличается отъ смерти. Еслибъ я это думалъ, то, вѣрнѣе, я сильно боялся бы смерти. Въ концѣ-концовъ, жизнь должна же стать живою, то-есть дѣйствительно жизнію, или смерть гораздо лучше ея.

Приводимъ еще коротенькую бесѣду на улицѣ между продавцомъ альманаховъ и гуляющимъ прохожимъ.

Торговецъ. Альманахи, новые альманахи! Новые календари! Купите альманахи, господа!

Прохожій. Альманахи на новый годъ?

Торговецъ. Да, господишь.

Прохожій. А счастливъ будетъ новый годъ?

Торговецъ. О, непременно.

Прохожій. Такъ же счастливъ, какъ и прошлый годъ?

Торговецъ. Гораздо счастливѣе.

Прохожій. Какъ позапрошлый?

Торговецъ. Несравненно счастливѣе.

Прохожій. Съ какимъ же другимъ годомъ онъ сравнится? Развѣ ты не желалъ бы, чтобъ новый годъ походилъ на одинъ изъ послѣднихъ годовъ?

Торговецъ. Нѣтъ, господишь, этого я бы не желалъ.

Прохожій. А сколько прошло новыхъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ты продаешь альманахи?

Торговецъ. Да лѣтъ двадцать прошло, господишь.

Прохожій. Не запомнишь ли ты такого года, который прошелъ для тебя счастливо?

Торговецъ. Нѣтъ, не запомню, господишь.

Прохожій. А жизнь все-таки—вещь хорошая. Не правда ли?

Торговецъ. Разумѣется.

Прохожій. Ты, можетъ быть, желалъ бы еще разъ пережить эти двадцать лѣтъ, и вообще все прошлое время, съ тѣхъ поръ, какъ родился на свѣтъ?

Торговецъ. Ахъ, господишь, если-бъ Вогу было угодно допустить это!

Прохожій. А если-бъ тебѣ пришлось опять пережить все прошлое съ его радостями и горемъ?

Торговецъ. Этого бы я, разумѣется, не пожелалъ.

Прохожій. Какую же другую жизнь желалъ бы ты пережить вновь? Мою ли, или жизнь короля, или жизнь кого-нибудь изъ другихъ людей? Или ты думаешь, что король и всякій другой не отвѣтилъ бы то же самое, что и ты, и что если-бъ пришлось повторять ту же жизнь, то никто не пожелалъ бы этого?

Торговецъ. Конечно.

Прохожій. Стало бытъ, и ты не желалъ бы при этомъ условіи начинать сызнова, если нельзя жить иначе?

Торговецъ. Нѣтъ, не желалъ бы, господишь.

Прохожій. Какой же иной жизни ты желаешь?

Торовецъ. Какую Богъ пошлетъ, безъ дальнѣйшихъ условій.

Прохожій. Жизнь на-удачу, о которой ты ничего не знаешь бы напередъ, какъ ничего не знаешь о новомъ годѣ?

Торовецъ. Конечно.

Прохожій. Этого желалъ бы и я, еслибъ пришлось жить снова, этого и всѣ желаютъ. Но это доказываетъ только, что до сихъ поръ всѣмъ приходилось плохо отъ этой жизни на-удачу, и каждый думаетъ, что зло, имъ пережитое, было чаще и важнѣе, чѣмъ добро; оттого никто не хочетъ родиться на свѣтъ снова, чтобы пережить еще разъ прежнюю жизнь съ ея счастьемъ и невзгодами. Жизнь, которую считают благомъ, — не та жизнь, какую мы знаемъ, а та, которая намъ невѣдома; это не прошлая, а будущая жизнь. Съ новаго года судьба начнетъ относиться благосклонно — къ тебѣ, ко мнѣ и ко всѣмъ, и тогда начнется счастливая жизнь. Не такъ ли?

Торовецъ. Надо надѣяться.

Прохожій. Такъ покажи мнѣ лучший изъ твоихъ альманаховъ.

Торовецъ. Вотъ, господишь; вотъ этотъ стоитъ тридцать сольди.

Прохожій. Вотъ и деньги.

Торовецъ. Благодарю, господишь. До свиданія. Альманахи, новые альманахи! Новые календари!

Кромѣ стихотвореній и диалоговъ, П. Гейзе перевелъ также съ большимъ искусствомъ и очень близко къ подлиннику 107 отрывочныхъ мыслей, записанныхъ Леопарди, его рассказъ изъ собственной жизни: „Нерина“, взглядъ на исторію человѣчества и примѣчанія самого Леопарди къ его стихотвореніямъ. {Недостаетъ только ученыхъ трудовъ поэта: „Saggio sopra gli errori popolari degli antichi“ и „Studi filologici“. Мы также оставимъ въ сторонѣ послѣдніе и остановимся на отрывочныхъ мысляхъ поэта, между которыми есть мысли поразительно характерныя, оригинальныя и выраженыя въ художественной формѣ. Вотъ одна изъ нихъ:

„Я долго противился признавать за истину все то, что выскажу въ слѣдующихъ строкахъ. Не говоря уже о томъ, что оно было со-всѣмъ не свойственно моей природѣ, что мы всегда склонны судить о другихъ по себѣ, — я никогда не былъ склоненъ ненавидѣть людей, а скорѣе стремился любить ихъ. Но оныть, наконецъ, заставилъ меня убѣдиться, и я увѣренъ, что читатели, часто и разнообразно сталкивавшіеся съ людьми, признаютъ истину моихъ словъ; другимъ они покажутся преувеличенными, пока опытъ не откроетъ имъ глаза, если только имъ представится случай дѣйствительно изучить человеческое общество.

„Я утверждаю, что миръ есть тайный союзъ плутовъ противъ честныхъ людей, — низкихъ людей противъ благородныхъ. Когда двое или болѣе плутовъ встрѣчаются въ первый разъ, — они легко признаютъ другъ друга, точно по условному знаку, за то, что они на самомъ дѣлѣ, и тотчасъ понимаютъ другъ друга, или — если это несогласно съ ихъ выгодами — навѣрное ощущаютъ влеченіе одинъ къ другому и оказываютъ другъ другу большое почтеніе. Если у плута есть договоръ или дѣло съ другимъ плутомъ, — онъ часто поступаетъ вполне добросовѣстно и не обманываетъ его; но когда ему приходится имѣть дѣло съ честными людьми, тогда немислимо, чтобъ онъ не обошелъ ихъ и не постарался имъ навредить, какъ ему удобнѣе. Хотя онъ и знаетъ, что имѣть дѣло съ людьми нравственно сильными, способными отмстить ему, но онъ рассчитываетъ на то, что ему обыкновенно удастся: хитростью одолѣть ихъ нравственную силу. Я часто видалъ, что очень трусливые люди, которымъ приходилось выбирать между еще болѣе трусливымъ плутомъ и очень храбрымъ человѣкомъ, изъ страха принимали сторону плута, и это всегда будетъ такъ, когда заурядные люди будутъ находиться въ такомъ положеніи, потому что пути, которыми дѣйствуетъ человѣкъ храбрый и честный, всѣмъ извѣстны и прѣстѣ, а пути плута — скрыты и безконечно разнообразны. Извѣстно, что то, чего мы не знаемъ, внушаетъ намъ больше страха, чѣмъ то, что мы знаемъ; отъ мести великодушнаго человѣка не трудно защититься уже однимъ трусостью и страхомъ; но никакой страхъ и никакая хитрость не дадутъ достаточной защиты отъ тайныхъ преслѣдованій и крючковъ, — даже и отъ прямыхъ нападеній со стороны внезапнаго врага. Въ обыденной жизни люди болѣею частью мало боятся истиннаго мужества, между прочимъ — потому, что это мужество, чуждое всякаго лицемерія, обходится безъ тѣхъ прикрасъ, которыя придаютъ дѣлу устрашающій видъ; оттого ему часто и не вѣрятъ вовсе. А плутовъ — боятся, точно они мужественны, потому что плуты своимъ хвастовствомъ умѣютъ придавать себѣ видъ храбрости.

Видные плуты встрѣчаются рѣдко: честный человѣкъ, впаавшій въ нужду, ни отъ кого не находитъ помощи, — во многихъ возбуждаетъ даже злорадство; но когда бѣднѣетъ плутъ, — весь городъ приходитъ въ движеніе, чтобы помочь ему. Причину угадать не трудно: мы всегда бываемъ тронуты несчастьемъ того, кого считаемъ своимъ соотечественникомъ; намъ представляется тогда, что судьба угрожаетъ и намъ самимъ; — и мы охотно оказываемъ помощь и поддержку, если можемъ; въ противномъ случаѣ имъ имѣли бы видъ людей, открыто соглашавшихъ допустить, чтобъ те же самое случилось въ подобномъ случаѣ и съ нами. Плутовъ, составляющихъ большинство на свѣтѣ и

располагающіе наибольшими средствами, поддерживаютъ одинъ другого, даже не зная другъ друга лично; каждый изъ нихъ помогаетъ другому, какъ своему сотоварищу, и чувствуетъ себя обязаннымъ помогать, въ силу существующаго между ними тайнаго союза. Оставленіе завѣдомаго плута въ нуждѣ было бы для нихъ большимъ огорченіемъ: нищета между людьми, которые на словахъ, разумѣется, чтятъ добродѣтель, легко можетъ быть названа въ такихъ случаяхъ карой, а это можетъ послужить къ поношенію, — даже къ невыгодѣ всѣхъ другихъ плутовъ. Оттого имъ до того пріятно устранить это огорченіе, что весьма рѣдки случаи, когда бы плуты, если только они не совсѣмъ безвѣстные люди, не вышли очень сносно изъ постигшаго ихъ несчастія.

Напротивъ, хорошіе и честные люди, рѣзко отличаясь отъ большинства, представляются ему существами другой породы, и оно не только не видитъ въ нихъ сотоварищей и пріятелей, но даже считаетъ ихъ какъ-бы непричастными правамъ человѣческаго общества; въ этомъ качествѣ ихъ преслѣдуютъ — мы видимъ это ежедневно — съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ, смотря по степени низости помысловъ и по злокачественности того времени и того народа, среди котораго они живутъ. Какъ въ тѣлѣ животныхъ природа постоянно стремится выдѣлять соки и части, не подходящія къ тѣмъ веществамъ, изъ которыхъ составлено самое тѣло, такъ и въ людскихъ обществахъ та же самая природа заботится о томъ, чтобы люди, значительно выдѣляющіеся изъ посредственности, особенно когда это выдѣленіе ощущается какъ непріятность, уничтожились или вытѣснялись со всею возможною силою. Хорошихъ и честныхъ людей ненавидятъ еще и потому, что они обыкновенно искренни и называютъ вещи настоящими ихъ именами, а это — преступленіе, котораго люди не прощаютъ: они никогда не бываютъ такъ сильно одолены ни противъ того, кто творитъ зло, — ни противъ самаго зла, какъ противъ того, кто называетъ его по имени. Оттого часто случается, что кто говоритъ зло, тотъ приобретаетъ богатства, почести и силу, а кто называетъ его по имени, — того влекутъ на плаху: люди терпѣливо переносятъ все, посылаемое имъ другими или небомъ, если при этомъ шадятъ ихъ на словахъ“.

Вотъ сколько горечи накопила жизнь въ чистой и чуткой душѣ поэта. Нельзя сказать, чтобы съ тѣхъ поръ условія человѣческаго существованія верными образомъ измѣнились къ лучшему.

Кому случилось быть въ Римѣ, тотъ, конечно, не разъ видѣлъ тамъ, въ своихъ прогулкахъ по Монте-Пинчіо, бюсты Леонарди рядомъ съ другими знаменитостями Италіи. Этотъ бюстъ не особенно

удаченъ и не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Гораздо лучше небольшой портретъ поэта, приложенный его талантливимъ переводчикомъ къ тому изданію, по поводу котораго мы сказали нѣсколько словъ о Леопарди. Неправильныя острыя черты этого лица, на которомъ лежитъ печать страданія и проиія, привлекательно оригинальны. Нельзя придумать лучшей иллюстраціи къ произведеніямъ писателя, трагическая судьба котораго заключается именно въ его непреклонной вѣрности своей основной идеѣ, и который можетъ быть съ полнымъ основаніемъ названъ первымъ выразителемъ и первою жертвою новѣйшаго песенннзизма.

В. К.

НЕКРОЛОГЪ

Николай Владиміровичъ Ханьковъ

р. 24 окт. 1819 г.—† 3-го (15-го) нояб. 1878.

Н. В. Ханьковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ дѣятелей, которые посвятили лучшую пору своей жизни на самостоятельное изученіе восточнаго вопроса и ближайшихъ нашихъ сосѣдей въ Средней-Азій. Курсъ наукъ онъ окончилъ въ царскосельскомъ лицей въ декабрѣ 1836 года, и поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ; это обстоятельство и представило ему случай отдаться вполне той специальности, на поприщѣ которой онъ скоро пріобрѣлъ вполне заслуженную имъ извѣстность, какъ изслѣдователь средне-азиатской исторіи, географіи, этнографіи, лингвистики, и какъ собиратель восточныхъ рукописей, поднесенныхъ имъ въ даръ нашей Публичной Библіотекѣ. Въ 1843 г. появилось въ свѣтъ замѣчательное его сочиненіе: „Описаніе Вухарскаго ханства“, съ картою и планами, изданное азіатскимъ департаментомъ, и переведенное въ 1865 г. на англійскій языкъ барономъ Клемомъ. Не менѣе важенъ другой трудъ Ханькова: „Списокъ мѣстъ въ сѣв.-зап. части Средней Азій“, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически (2-е изд. 1855 г.). Последнимъ трудомъ Н. В. Ханькова былъ не такъ давно появившійся въ печати переводъ классическаго сочиненія Риттера „Иранъ“, съ комментаріями и дополненіями переводчика (1874 г.). Научныя заслуги покойнаго были оцѣнены и за границею: въ 1861 г. Ханьковъ получилъ большую золотую медаль Географическаго Па-

рикскаго общества, которая выдается за открытія по земледѣлію. О степени важности этой награды можно судить по тому, что въ теченіи почти пятидесятилѣтія, начиная съ 1837 года, такую медаль, кромѣ Ханькова, получили всего 6 лицъ: адмиралъ Бакъ, братья Шлагинтвейты, Венеръ, Нактигалъ и Камеронъ. Отъ нашихъ специалистовъ слѣдуетъ ожидать теперь подробной оцѣнки научныхъ заслугъ покойнаго; мы, съ своей стороны, ограничимся нѣсколькими литературными чертами изъ послѣднихъ дней его жизни, заключенными въ перепискѣ покойнаго съ друзьями. Болѣзнь давно уже вынудила Н. В. Ханькова избрать лучший климатъ, подъ условіемъ сохранить при этомъ возможность продолженія научныхъ занятій; онъ и поселился въ Парижѣ, а лѣтнее время проводилъ обыкновенно въ его окрестностяхъ, въ Рамбулье, гдѣ и застала его смерть. Событія послѣднихъ лѣтъ должны были особенно интересовать Ханькова, какъ знатока восточныхъ дѣлъ, и въ своей перепискѣ онъ не разъ высказываетъ свои взгляды какъ на восточную политику, такъ и на то, что совершалось на его глазахъ въ западно-европейскомъ обществѣ. Счастливый случай доставилъ въ наше распоряженіе нѣсколько такихъ писемъ; пусть онѣ послужатъ матеріаломъ для біографіи покойнаго и дадутъ ему возможность, такъ сказать, продолжить свое существованіе, бесѣдуя съ нами, обращаясь къ намъ.

„10-го апрѣля 1878 г.

„24, rue des Écoles.

„Душевно благодарю за обязательное извѣщеніе о печальныхъ, но глубоко меня интересующихъ событіяхъ, болѣзни Ю. А. Гагемейстера и Д. А. М. Первый самъ извѣстилъ меня съ истинно-философскимъ спокойствіемъ о несомнѣнно-дурномъ исходѣ его болѣзни; второй же, я надѣюсь, поправится и съ обновленными силами будетъ продолжать свое тяжелое служеніе добру. Послѣднимъ трудомъ Гагемейстера будетъ, если онъ успѣетъ его окончить, изслѣдованіе о производительныхъ силахъ Россіи, кониъ онъ сталъ заниматься во время болѣзни, чтобы разсѣяться отъ черныхъ мыслей, неизбежныхъ спутницъ всякаго смертнаго приговора. Предметъ этотъ дѣйствительно слѣдовало бы извучить. Знаменитая рѣчь Гостомысла варяжскимъ князьямъ, повторенная 900 лѣтъ позже Державнымъ въ извѣстныхъ его стихахъ:

Богата Сибирь, наклонилась надъ столами,

Распяла по нимъ и золото, и серебро, и т. д.

— невольно вѣселись въ мовгъ каждаго русскаго, и онъ дѣйствительно думаетъ, что его отчизна, хотя холодна и сурова, но неистощимо богата, и что жадная Европа рада будетъ отсыпать ему всѣ свои капиталы, добытые ею терпѣніемъ, знаніемъ, бережливостью, предприимчивостью, изобрѣтательностью, настойчивостью, трудомъ, тяжкимъ, неуспыннымъ, ежечаснымъ, въ теченіи долгаго времени,

только за допускъ ея въ этия владанья, хранящихся подъ пеленами снѣга и льда. Многое поддерживаетъ русскаго въ этия патристическихъ фикціяхъ и суевѣріяхъ, но прежде всего то, что онъ богатъ сырьемъ, тогда какъ другіе богатѣютъ обдѣлкою этого сырого матеріала, безъ котораго и обдѣлывать было бы нечего, а слѣдовательно, имъ и жить нельзя. Второй камень основы этой вѣры—заблужденіе, раздѣляемое, впрочемъ, и на Западѣ, что долго еще у насъ народонаселеніе будетъ развиваться въ прогрессіяхъ, давне уже невозможныхъ въ западной Европѣ... Первое самообольщеніе доступно только въ обществѣ, не дошедшемъ въ своемъ развитіи до признанія силы историческихъ законовъ и неумѣющаго еще оцѣнить поучительности прошедшаго. Иначе всякій бы легко понялъ, что основа западно-европейскому богатству составила въ эпоху, когда Россія была еще, такъ-сказать, *terra incognita* для Европы, и что, стало-быть, не только жизнь западной Европы возможна безъ помощи Россіи, но и въ самомъ обогащеніи ихъ русскій элементъ игралъ и играетъ очень второстепенную роль, что весь русскій сырецъ съ большою выгодною можетъ быть заимствованъ изъ Америки, а въ будущемъ вѣроятно будетъ получаться еще легче изъ Африки, куда, очевидно, англійская сила хочетъ перенести свою дѣятельность, если Индію будетъ трудно или невыгодно сохранять въ своей власти. Какъ въ южной Азіи англичане вытѣснили своихъ предшественниковъ, а потомъ соперниковъ, португальцевъ, голландцевъ и французовъ, такъ они сдѣлаютъ и въ Африкѣ, и Ливингстоны, Камероны, Беверы, Гордоны и *tutti quanti*—въ другомъ видѣ Клейвы и Гастингсы будущей англо-африканской имперіи, съ тою только разницею, что въ азиатскій материкъ они могли проникать только съ юга, тогда какъ Африку они атакують съ Египта, съ Мыса Доброй Надежды, съ Занзибара и со всего западнаго побережья, омывающаго Африку Атлантическаго океана. Розыскъ источниковъ Нила и уничтоженіе вывоза невольниковъ—хорошіе предлоги, а вѣстимое плодородіе почвы всей оверной внутренней Африки, превосходные водяные пути на з. и с., и богатства всѣхъ родовъ южной Африки и Мадагаскара—истинная суть этого движенія. До XVI-го вѣка въ Европѣ одна Ганза знала о существованіи Россіи въ промышленномъ смыслѣ; но, конечно, и для нея Россія не составляла главнаго источника обогащенія, а самые богатые европейскіе центры, какъ Венеція и Генуя, и все еще насъ игнорировали, а все-таки ни одно европейское государство съ голода не помирало, и если теперь въ Европѣ голодъ немислимъ, то этимъ она обязана не русскому хлѣбу, а желѣзнымъ дорогамъ и правильности и скорости народныхъ сообщений.

„Переходя теперь къ вопросу о народонаселеніи, нельзя не сознаться, что онъ, повидимому, болѣе основателенъ, чѣмъ предидущій,—но, въ сущности, и это только *видимому*. Если мы сличимъ статистическія таблицы хода народонаселенія у насъ и въ западной Европѣ, то *численная* быстрота увеличенія останется за нами. Но, принимая въ соображеніе, что въ этомъ столѣтіи мы всевали:

1) съ французами, 1806 г.	1 годъ.
2) „ турками, 1807—12 гг.	5 „
3) „ французами, 1812—14 гг.	3 „

4) „ индїями, 1807 г.	1 „
5) „ персами	2 „
6) „ турками, 1828—29 гг.	2 „
7) „ поляками, 1880—81 гг.	2 „
8) „ хивинцами, 1839—40 гг.	1 „
9) „ вострами, 1849 г.	1 „
10) „ турками, француз., англич., итальянц. 53—55 гг.	2 „
11) „ поляками, 1863 г.	1 „
12) „ хивинцами, бухарцами и коканцами	4 „
13) „ турками, 1877—78 гг.	1 „

Въ 13 войнъ, всего. 26 лѣтъ

— что на Кавказѣ постоянно велась война съ 1818 по 1859 г., т. е. въ теченіи 41 года, что съ прежними составитъ 67 лѣтъ; что всё эти войны велись исключительно войсками, пополняемыми изъ русскаго населенія, — то окажется, что этому населенію изъ 78 лѣтъ XIX-го вѣка едва выдалось 11 полныхъ годовъ мира, когда это населеніе могло оправиться. Не забудьте, что въ этомъ длинномъ спискѣ нашей воинственности я не упомянулъ кавказскихъ войнъ Цицианова, Гудовича и Ртищева; я не упомянулъ объ амурской экспедиціи. При соедините къ этому холеру, носившашую Россію съ 1829 года разъ десять, три или четыре значительныхъ голода, ежегодные пожары, уничтожающіе миллионы на тридцать народнаго достоянія и т. п., смертность, господствующую въ нашихъ пріютахъ незаконнорожденныхъ и, въ концѣ-концовъ, кабаководство, періодическое пораженіе народнаго богатства скотскими наежами, — и тогда только можно понять, какая сила жизни въ русской расѣ, но нельзя думать, что приращеніе ея идетъ естественнымъ порядкомъ. Каждое новое поволеніе снѣдается, не замѣняя предшествующаго ему. Болѣзненность въ народѣ, этотъ страшный тормазъ его правильнаго численнаго возрастанія, растеть у насъ быстрѣе, чѣмъ на Западѣ, и если вліяніе его не ослабнетъ, онъ не только будетъ держать въ равновѣсіи воспроизводительную способность русскаго народа, но, какъ во Франціи, отъ другихъ причинъ, одолѣетъ ее, и будущіе итоги народныхъ переписей стануть давать результаты отрицательные. Этому царствованію суждено было благотворно коснуться всѣхъ трехъ народныхъ явъ, и вліяніе его въ этомъ отношеніи такъ сильно, что можно надѣяться, что даже послѣдняя война съ Турціею не измѣнитъ въ худшему коренныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ теченіи его на благо народа..

„Мнѣ помѣшали вчера окончить это письмо подачею Ж. „Times“, въ коемъ я прочелъ съ отвращеніемъ рѣчь англійскаго перваго министра. Видеть Богъ, что я не сторонникъ *quand même* — нашей полтики относительно Турціи. Я убѣжденъ, что намъ было бы полезнѣе дожидаться окончательнаго разложенія этого историческаго трупя, и на тысячную долю того, что намъ стоила война, вырыть два Шербурга — одинъ около Одессы, другой на кавказскомъ берегу Чернаго моря, и на одну двухъ-тысячную — завести хорошей флотъ въ Черномъ морѣ; но все же это меня не миритъ съ іезуитскимъ тономъ рѣчи Биконсфильда. Чего онъ туда не вничкалъ — и приниженаго положенія невооруженной Англїи, когда всё въ Европѣ вооружены,

и особой важности, придаваемой Пальмерстономъ 40 деревнямъ, отошедшимъ къ Молдо-Валахія по парижскому трактату, и похвалы своимъ соперникамъ-вигамъ въ лицѣ лорда Кардвелла, — словомъ, если бы я былъ англичаниномъ, мнѣ было бы стыдно выслушать подобную защиту интересовъ моей страны, даже если бы я истолковалъ это, какъ оно и было въ сущности, невозможностью признаться въ истинныхъ побужденіяхъ, двигающихъ Англійю на позаднюю защиту Турціи. Истинная причина этой политики была почти нѣ-хотя, вѣдн, правильнѣе, вскользь высказана сэромъ Генри Раулинсономъ въ послѣднемъ засѣданіи лондонскаго географическаго общества. Какой-то г. Брайсъ (Bruce) читалъ записку о своемъ восхожденіи на Араратъ; чтобы придать интересъ этому мало интересному разсказу, лишенному всякаго научнаго значенія, путешественникъ вадумалъ пересыпать политическими замѣтками хвостъ своей повѣсти и замѣтилъ, что Россія, присоединяя себѣ Арменію по Саганлукскій хребетъ, приобретаетъ большой блокъ скалъ и почвы, залитой лавою, для извлеченія пользы изъ коей надобно располагать большими капиталами, которыхъ у Россіи долго еще не будетъ. Сэръ Генри, отвѣчая ему, сказалъ: „It was also true that the country was, financialy, worthless. Although Russia might annex the whole country as far south as Lake Wan, it could never pay financialy; but it would pay politicaly, in the *prestige* which it would confer“. Но въ этомъ, мнѣ кажется, англичане ошибаются. Конечно, если что могло насъ лишитъ этого „престижа“ въ глазахъ азіатцевъ, то это—несчастный исходъ крымской кампаніи, но помѣшало ли это намъ, съ обычною легкостью нашихъ азіатскихъ приобретений, приурочитъ къ имперіи: Амурскій край, китайскій сѣверный Туркестанъ, Ташкентъ, Самаркандъ, Коканъ, и утвердитъ наше полное вліяніе на Хиву, Бухару и туркменъ? Престижа нашего въ Азіи не поколеблютъ никакія наши европейскія неудачи; вотъ, если бы кака-нибудь *восточная* держава насъ одолѣла,—дѣло было бы другое. Дѣятельный антагонизмъ Англійи не помѣшалъ намъ въ 1812 г. присоединитъ Ленкоранъ, въ 1828 г. Эриванъ и Нахичеванъ, въ 1829 г. Ахалцыхъ и все восточное поморье Чернаго моря, и если бы покойный императоръ не боялся такъ въ виду Пальмерстоновскихъ гиперболъ страшной мощи Англійи, а началъ бы съ нею борьбу немедленно по восшествіи Людовика-Филиппа на французскій престолъ, когда Пруссія и вся Германія были въ нашихъ рукахъ,—Англія въ настоящую эпоху поняла бы, что китъ хотя и большой звѣрь, но все же слону онъ ничего сдѣлать не можетъ, вромѣ урѣзки плещи, но и денежнымъ голодомъ однако его одолѣть онъ не въ состояніи...“

Парижъ, 12 апр. 1878.

Вскорѣ послѣ этого письма, Ханымовъ получилъ извѣстіе о смерти Ю. А. Гагемейстера, виѣстѣ съ благодарностью за высланную имъ изъ Парижа брошюру Гизо; эта послѣдняя и послушила ему темю новаго письма:

„Рамбуль, 29-го апр. (11-го мая) 1878.

„16, rue de l'Hopital.

„.... Я очень радъ, что брошюра Гизо ¹⁾ понравилась Вамъ. Въ ней дѣйствительно много дѣльнаго и хорошо примѣнимаго къ нашему времени; главное же ея достоинство въ моихъ глазахъ, это—напоминание о той странной эпохѣ, пережитой западной Европой, гдѣ вслѣдствіе многихъ и многихъ причинъ вдругъ развилась повальная духовная болѣзнь къ заговорамъ. Въ Германіи—тугендбундъ, въ Италиі—карбонари, во Франціи—„друзья свободы“, члены „красной булавки“ и т. д.—все это пустилось заговаривать и заговариваться, тѣмъ не менѣе никакого особеннаго вреда отъ этого не вышло, и будь правительство Карла X немного ловче, не выходи оно такимъ поддразнивающимъ публику образомъ изъ правилъ имъ самимъ принятой хартиі, не было бы и революціи 1830 года, въ особенности если бы оно дожило до извѣстія о взятіи Алжира. Такъ какъ у насъ зашла рѣчь объ этой эпохѣ, непосредственно слѣдовавшей за вѣнскимъ конгрессомъ, то я совѣтую Вамъ прочесть, если Вы не читали, маленькую поэму Томаса Мура „Fudge's family in Paris“; одинъ изъ членовъ этой великобританской семьи, бѣдный *couzin*, сопровождающій своихъ родственниковъ въ Парижъ, гдѣ послѣ Ватерлоо англичанъ ненавидѣли—Кассандра своего времени и предсказываетъ все, что должно произойти изъ несправедливыхъ рѣшеній вѣнскаго конгресса. Предсказанія эти дѣлаютъ большую честь прозорливости Мура и во многомъ разъясняютъ потребность той эпохи въ заговорахъ.

„Я на выставкѣ еще не былъ“ и т. д.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ханьковъ возвращается къ тѣмъ апрѣльскаго письма, къ восточному вопросу, и опять по поводу новыхъ явленій въ текущей литературѣ, но на этотъ разъ специально говорить о мотивахъ англійской политики за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ:

„Рамбуль, 15-го (27-го) іюня 1878 г.

„... Я на-дняхъ получилъ изъ Оренбурга письмо съ брошюрой о Караумской степи и съ просьбою сообщить мое мнѣніе о результатахъ, добытыхъ тщательнымъ изслѣдованіемъ этой степи относительно проведенія въ ней желѣзной дороги. Я былъ очень радъ, найдя въ своихъ путевыхъ журналахъ 1841 г. полное подтвержденіе словъ брошюры...

„Вы мнѣ какъ-то мелькомъ писали, что поглощены интересомъ чтенія III-го тома жизни принца-консорта (принцъ Альбертъ) и чтеніемъ писемъ королевы Викторіи ²⁾. Дѣйствительно, письма эти очень поучительны для насъ. Они явно показываютъ, какъ ошибочна была наша политика относительно Англии въ теченіи всѣхъ 25 лѣтъ прош-

¹⁾ Ханьковъ говоритъ о рѣдкѣй въ наше время брошюрѣ Гизо: „Des conspirations et de la justice politique. Par. 1821“.

²⁾ The life of H. R. H. the Prince-Consort, by Th. Martin. Vol. III, Lond. 1878.

лаго царствованія. Королева была скрытна, какъ всякая благовоспитанная альбионка; но все же было два основанія заподозрить ее въ руссофобіи: 1) благоговѣніе ея предъ мнѣніями Веллингтона, и 2) влияніе, конимъ пользовался у нея принцъ Альбертъ. Веллингтонъ не скрывалъ своего руссофобства, по смерти Каннинга, послѣднимъ политическимъ актомъ коего было разрѣшеніе англійскому флоту съ нашими кораблями и кораблями французовъ уничтожить турецкій флотъ подъ Навариномъ; онъ во всѣхъ своихъ публичныхъ рѣчахъ обличалъ наши честолюбивые замыслы на Востоцъ и доказывалъ необходимость Англійи сопротивляться этому честолюбію *quand-même*. Принцъ Альбертъ, конечно, былъ осторожнѣе. Вліяніе покойнаго государя на германскія правительства было такъ сильно, что, конечно, не Кобургцу было высказываться противъ него, но выдавая себя за человѣка, исключительно преданнаго идеямъ либерализма и прогресса, онъ не могъ сочувствовать идеямъ строгаго консерватизма Николая Павловича и весьма естественно привилъ женѣ убѣжденіе, сформулированное гдѣ-то у Гейне: „Zwei Sachen verdanken wir in Deutschland dem russischen Einflusse: Despotismus und Cholera“. Навивность руссофобіи въ лицахъ, очень угодныхъ королевѣ, вслѣдствіе ихъ хорошихъ отношеній къ принцу-консарту, всегда поражала меня своими размѣрами. Такъ, напримѣръ, я помню одинъ разговоръ съ М-г Chadwick'омъ, устроивавшемъ когда-то, по идеѣ принца Альберта, дома для бѣдныхъ мастеровыхъ и получающаго порядочную пенсію изъ суммъ, составляющихъ собственность королевы. Между прочимъ, онъ договорился до того, что Европа позволила намъ завладѣть Крымомъ и Закавказьемъ, въ надеждѣ, что мы сдѣлаемъ эти страны болѣе безопасными для лицъ и имуществъ и болѣе образованными, чѣмъ это было подъ турецкимъ владичествомъ, но что теперь, какъ Европа убѣдилась, почти столѣтнимъ опытомъ, что мы этого не могли достигъ, *слѣдуетъ* земли эти у насъ отобрать и возвратитъ прежнимъ властителямъ. Я сначала этому посмѣялся, но, вспомнивъ, кто мнѣ это говоритъ, невольно призналъ въ этихъ откровенныхъ послѣобѣденныхъ изліяніяхъ отголоски того, что говорятъ о насъ въ интимномъ обществѣ королевы — и пересталъ смѣяться. Изъ всѣхъ руссофиловъ ни одинъ, кромѣ сэръ Родерика Мурчисона, не пользовался благосклонностью королевы Викторіи, да и тотъ обязанъ этимъ не геологическимъ изслѣдованіямъ, а тому, что былъ послѣдній живой адъютантъ Веллингтона.

„У васъ должно быть сердиты на Парижскую выставку, такъ какъ, кромѣ безсмѣннаго ординарца здѣсь Н. Н. М—ва, ни вы, ни Г—ъ, ни А—а, ни Н—и, ни З—цкій сюда не собираетесь!.....“

Приведемъ еще одно письмо, писанное за мѣсяць до смерти, и опять по поводу литературныхъ вопросовъ дня и появившихся въ послѣднее время новыхъ брошюръ въ области публицистики, въ связи съ тѣмъ письмомъ отъ 29-го апрѣля:

„Рамбуль, 5-го октября 1878 г.

„... Réveillaud совершенно правъ ¹⁾. Буржуазія, достигшая путемъ отрицанія и бунта того завиднаго матеріальнаго положенія, въ которомъ она нынѣ находится, думаетъ закрѣпить его за собою и за своимъ потомствомъ, соединившись даже съ нѣкоторымъ подчиненіемъ, какъ прежнее дворянство, клерикальному началу. Отчасти мнѣніе это не лишено основанія, такъ какъ народъ, *pebs*, т.-е. единственный классъ современнаго общества, отъ коего буржуазія можетъ ожидать удара, сильно связанъ съ клерикалами, если не по симпатіи къ этому направленію, то по вліянію своихъ женъ, въ числѣ коихъ незаклерикаленныя составляютъ малѣйшее исключеніе. Но при этомъ буржуазія вовсе не обращаетъ вниманіе на то, что въ прошлой монархической и дворянской Франціи клерикалы были вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрующіе, а теперешніе клерикалы всѣ процѣжены чрезъ Вольтера и энциклопедистовъ. Крестоносецъ и его потомки до XVIII-го вѣка видѣли въ патерѣ единственнаго спасителя отъ наказанія за разгульную и преступную жизнь; а клерикаль-буржуа видитъ въ церковномъ институтѣ хорошо организованную полицію, содержаніе которой ему мало стбѣтъ, но дѣйствія коей чрезъ женъ весьма ощутительны и въ смыслѣ консерватизма матеріальныхъ благъ. Кромѣ того, клерикализмъ съ вѣрою прямо ведетъ къ монархизму; клерикализмъ же безъ вѣры не ведетъ никуда и обманетъ буржуазныхъ клерикаловъ въ ихъ расчетахъ. Къ этимъ общимъ причинамъ присоединилось и то особенное обстоятельство, что Людовку-Наполеону надобно было подкрѣпить свое царствование лжи на какихъ-либо основахъ, и онъ выбралъ ихъ, съ свойственнымъ отсутствіемъ логичности, а именно: клерикализмъ, народность и социализмъ. Конечно, чепушистое соединеніе это самыхъ противоположныхъ элементовъ на его же голову пало взорванными имъ осколками. Клерикализмъ первый отвернулся отъ него; затѣмъ итальянская и нѣмецкая народности, совокупившись, дали второй сильнѣйшій толчокъ Франціи; третій—пока еще ожидается.

„Что-же касается до фразъ Фриза ²⁾ и Мингетти ³⁾, то, по-моему,

¹⁾ Къ Ханникову обращенъ былъ вопросъ, не преувеличиваетъ ли Ревельб, авторъ брошюры: „La question religieuse et la solution protestante. Par. 1878“— утверждая, что въ послѣднее время во Франціи клерикализмъ дѣлаетъ ужасающіе успѣхи, грозящіе дальнѣйшему прогрессу европейской цивилизаціи. Это, именно, и утверждаетъ въ брошюрѣ Ревельб.

²⁾ „Noch nicht einmal hundert Jahre sind verflossen, seit in einer furchtbaren Revolution der tausendjährige Staat des Mittelalters zusammenstürzte und sich auf dessen Trümmern der moderne bürgerliche Staat erhob, und schon stehen wir wieder, allem Anscheine nach, an der Schwelle einer noch viel grössern Umwälzung, durch welche nicht bloss eine Staatsform, sondern die bestehende Gesellschaftsform in Frage gestellt wird.“ — *Fries*: Die sociale Frage. Zürich, 1878.

³⁾ „Tutto ciò che si attiene alla politica, al giure, alla economia, si va rimutando, e noi assistiamo ad una grande trasformazione della società, dei suoi ordini e delle sue leggi.“ — *Minghetti*: Stato e chiesa. Milano, 1878.

это—реторика. То же сказано было Шиллеромъ, 78 лѣтъ тому назадъ, но, само собою разумѣется, гораздо изящнѣе:

... Es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen.

Какъ подготовляются физическіе катаклизмы? Матерія, составляющая внѣшнюю оболочку планеты, непрерывно мѣняетъ формы своихъ частицъ, совокупленія конхъ чрезъ то получаютъ различныя плотности. Отъ этого мѣняются и другія силы, какъ-то: сдѣляемость, взаимное притяженіе, упругость и т. д.; прежнія формации разлагаются; образуются новыя болѣе или менѣе устойчиваго равновѣсія, и вдругъ эта кривая, выражающая ходъ этихъ метаморфозъ планетной матеріи, быстро возвысится, или упадетъ. При всякомъ изъ этихъ скачковъ, либо Лиссабонъ зальетъ водою, либо вдавится Мертвое море, либо Везувій начнетъ послѣ 1000-лѣтняго покоя извергать пламя, и люди при видѣ этого катаклизма думаютъ, что случилось что-либо необычайное, между тѣмъ какъ все шло и идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, и только кривая метаморфозъ матеріи сдѣлала крутой погибъ вверхъ или внизъ. Она шла отъ a_1 къ a_2 , къ a_3 и т. д., и вдругъ именно оттого, что шла по этимъ точкамъ, вдругъ на точкѣ a_n дѣлаетъ скачекъ къ a_{n+1} . Точно также дѣлается и въ социальномъ мірѣ. Соприкосновенія людей мѣняютъ формы ихъ отношеній, установившійся порядокъ этихъ отношеній быстро намѣняется, затѣмъ снова взволнованныя части находятъ свой *modus vivendi*, и опять нѣсколько лѣтъ онъ идетъ до новаго катаклизма...

Это письмо обрывается за недостаткомъ мѣста; „негдѣ и проститься съ Вами“—прибавляетъ Ханьковъ, замѣтивъ, что и четвертая страница исписана имъ до конца.

М. С.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

АНГЛІЯ И АФГАНИСТАНЪ.

Въ наше время военныя приготовленія и самую войну въ Европѣ принято оправдывать принципами гуманности, національными сочувствіями или—по меньшей мѣрѣ—международнымъ правомъ. Но для войнъ, предпринимаемыхъ европейскими правительствами внѣ Европы, подобныя оправданія считаются излишними. Въмѣсто оправданій, здѣсь являются простыя объясненія интересовъ—и объясненія самыя безперемонныя. Предлогами служатъ обыкновенно просто соображенія о необходимости „обезпечить границу“, „наказать дерзость“, „проложить пути для торговли“ и т. п. Такъ и предпринятая въ прошломъ мѣсяцѣ англійскимъ правительствомъ война противъ кабульскаго эмира Ширъ-Али была объяснена только „необходимостью“ наказать его за нанесенное Англїи оскорбленіе и обезпечить сѣверо-западную границу британской Индіи отъ покушеній „далекаго“ не-пріятеля, т. е. Россїи.

Какъ первое объясненіе было несправедливо,—такъ второе было нелогично. Въ чемъ состояло оскорбленіе, нанесенное Англїи кабульскимъ эмиромъ? Въ іюлѣ нынѣшняго года Ширъ-Али принялъ въ Кабулѣ русское посольство. Тогда генералъ-губернатору британской Индіи, лорду Литтону, было предписано предъявить эмиру нѣкоторыя требованія. Изъ депеши министра по дѣламъ Индіи, лорда Бранбрука, отъ 6/18 ноября, къ лорду Литтону, недавно обнародованной, мы узнаемъ, что тѣ требованія заключались, будто бы, только въ томъ, чтобы эмиръ допустилъ въ Кабулѣ англійское посольство, предводимое сэромъ Невиллемъ Чамберленомъ; эмиру, будто бы, объяснялось только, что такъ какъ два года тому назадъ онъ отказался принять англійское посольство, подъ предлогомъ заботливости объ его безопасности, а теперь допустилъ въ Кабулѣ посольство Россїи, которая соглашеніемъ съ Англїею въ 1872 году признала Афганистанъ лежащимъ внѣ области ея дѣйствій (beyond its sphere of action),—то затѣмъ онъ уже не имѣетъ благоразумнаго повода отказывать (could not reasonably refuse) принять англійское посольство.

Сомнительно, чтобы тогдашнія требованія ограничивались этимъ, такъ какъ вслѣдъ за „оскорбленіемъ“, т. е. за новымъ рѣшительнымъ

отказом допустить въ Кабульъ английское посольство, эмиру были предъявлены (какъ мы узнаемъ изъ того же документа) требованія не только объ извиненіи съ его стороны, но уже о допущеніи *постояннаго пребывания* въ Кабульъ англійскаго посольства. Ясно, что это пребываніе нисколько логично не истекало ни изъ отказа Ширъ-Али принять хотя бы временное англійское посольство, ни изъ самаго „оскорбленія“. Еще менѣе логично слѣдовало изъ нихъ заявленное лордомъ Билонсфильдомъ, въ его рѣчи въ Гильдголлѣ, требованіе о „научномъ исправленіи границы“. Правда, объ этомъ послѣднемъ требованіи ничего не упоминается въ депешѣ лорда Кранбрука, но какимъ же образомъ первый министръ могъ упоминать о немъ за обѣдомъ, если оно не было въ дѣйствительности включено въ заявленный Ширъ-Али ультиматумъ? Впрочемъ, даже англійскія газеты признають подоврительнымъ пропускъ этого требованія въ депешѣ лорда Кранбрука, излагающей весь ходъ переговоровъ, а потому мы должны признать, что оно было включено въ ультиматумъ.

Но теперь, спрашивается, возможно ли полагать, что посольство Чамберлена не имѣло иной цѣли, какъ только послушать отвѣтной демонстраціей на приемъ въ Кабульъ русскаго посольства? По всей вѣроятности, лордъ Литтонъ тогда же въ письмѣ, полученномъ эмиромъ 10-го сентября, потребовалъ отъ Ширъ-Али чего-нибудь сверхъ допущенія сэра Н. Чамберлена въ Кабуль. Иначе нельзя объяснить себѣ содержанія послѣдовавшаго затѣмъ ультиматума. Въ самомъ дѣлѣ: логично ли вслѣдствіе отказа независимаго владѣтеля допустить въ свою столицу временное англійское посольство — потребовать, чтобъ онъ, сверхъ извиненій за обиду, допустилъ *постоянное* пребываніе у себя посольства, да еще согласился на „исправленіе границы?“ Ясно было, что уже въ первомъ обращеніи лорда Литтона къ кабульскому эмиру должно было заключаться что-нибудь подобное на тѣ требованія, которыя потомъ были предъявлены ему въ видѣ ультиматума.

Теперь слѣдуетъ объяснить, въ какомъ положеніи находился Ширъ-Али по отношенію къ подобнымъ домогательствамъ со стороны Англіи, основаннымъ на нѣсколько разъ повторенныхъ напоминаніяхъ о давности дружественныхъ сношеній ея съ эмиромъ, на трактатъ 1855 года съ Достъ-Магометомъ, — и, наконецъ, на соглашеніи 1872 года между Англіею и Россіею, при которомъ Кабульъ назывался независимымъ государствомъ, такъ что Англія отказывалась даже гарантировать, что изъ него не будетъ совершено вторженій въ войска, признанный нейтральнымъ между обѣими европейскими державами.

Эмиръ не могъ не знать, что Англія еще три года тому назадъ

задумала положить конецъ независимости Афганистана, такъ какъ ея дѣйствія противорѣчили и договору 1855 года съ Достъ-Магомтомъ, и соглашенію 1872 года между Россією и Англією. Достъ-Магомтъ всегда отказывалъ Англіи въ приѣмъ ея посольства, и всего черезъ годъ по заключеніи трактата съ Англією, а именно въ 1856 году—объявилъ, что дружба его съ Англією возможна только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы отъ него не требовали допущенія въ его страну англійскихъ офицеровъ. Далѣе—келатское ханство, входящее въ составъ Афганистана, признавалось Англією подвластнымъ Ширъ-Али, и ханство это было признано частью Афганистана въ 1872 году, при соглашеніи Англіи съ Россією. Между тѣмъ, въ 1876 году, когда еще даже не началась война Россіи съ Турцією, остъ-индское правительство пригласило и Шира-Али, и хана келатскаго присутствовать въ Дели при торжественномъ обрядѣ провозглашенія королевы англійской — „императрицею Индіи“. Ширъ-Али не принялъ этого приглашенія и призналъ его обиднымъ для себя, такъ какъ остъ-индское правительство не имѣло права считать его вассаломъ „императрицы Индіи“. Но келатскій ханъ поѣхалъ въ Дели. Предварительно, съ келатскимъ ханомъ заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго остъ-индское правительство обязалось уплачивать ему ежегодно по 12 тыс. фунт. стерлинг., а ханъ дозволилъ англичанамъ содержать гарнизоны въ нѣкоторыхъ пунктахъ его владѣній, строить желѣзныя дороги и укрѣпленія. Результаты этого договора были слѣдующіе: въ Келатъ назначенъ былъ военный англійскій резидентъ, а англійскія войска заняли весьма важный Боланскій проходъ, отырывающій доступъ въ Афганистанъ съ юга, по направленію къ Кандахару, откуда дорога идетъ черезъ Газни въ Кабуль, а изъ Кабула—въ Самаркандъ. За Боланскимъ проходомъ англичане тогда же заняли городъ Бестту.

Спрашивается: могъ ли равнодушно смотрѣть на эти дѣйствія, не вызванныя ни малѣйшей виной со стороны кабульскаго эмира — Ширъ-Али? Если уже говорить объ оскорбленіи, то скорѣе всего слѣдуетъ допустить, что такіа дѣйствія англичанъ были явнымъ оскорбленіемъ верховнаго властителя Афганистана — эмира кабульскаго.

Какъ владѣтель независимый, онъ имѣлъ полное право принять *временное* посольство русское и отказать въ приѣмъ такого посольства англійскаго, которое вело къ нему предложенія, несообразныя съ его независимостью и состоявшія—по общему предположенію—въ допущеніи *постоянныхъ* англійскихъ резидентовъ въ Кабуль, Кандахаръ и Гератъ, а сверхъ того еще какое-то исправленіе границы. Занятіе Бестту англичанами было уже угрожающимъ Афганистану

дѣйствіемъ. Но, прежде чѣмъ Ширъ-Али могъ нанести Англій „оскорбленіе“ отказомъ отъ принятія ея посольства, само остъ-индское правительство нанесло ему явное оскорбленіе тѣмъ, что англійское посольство, сопровождаемое вооруженнымъ отрядомъ, *еще не дождавшись* отвѣта Ширъ-Али на полученное имъ 10 сентября письмо лорда Литтона, въѣхало въ Кабулистанъ 21 сентября. Такая дерзкая навязчивость исключала уже всякую деликатность въ сношеніяхъ, и было совершенно естественно, что когда сэръ Н. Чамберленъ приблизился къ укрѣпленію Алимесжиду, въ Хайберскомъ ущелѣ, то начальникъ афганскаго гарнизона объявилъ англійскому посольству, что не пропуститъ его далѣе. Вслѣдъ затѣмъ въ Англій забили тревогу объ оскорбленіи, нанесенномъ ей кабульскимъ эмиромъ, и „джинги“ стали разрабатывать этотъ мотивъ на всѣ лады. Все дѣло было объяснено коварными происками Россіи; отказъ въ допущеніи англійскаго посольства послѣ дружественнаго приѣма посольства русскаго (котораго нѣкоторые члены и по сію пору остаются въ Кабулѣ) былъ выставленъ какъ такое посягательство на честь Великобританіи, котораго англійская нація ни въ какомъ случаѣ не могла стерпѣть.

Пришли „постыдныя времена“ Гладстона, толковалось торійскою печатью; вышшее правительство Великобританіи сумѣло остановить самую Россію передъ воротами Константинополя; оно не дозволитъ ничтожному полу-варварскому вождю, и такъ далѣе, и т. д.

Между тѣмъ, стоитъ только справиться съ фактами, и убѣждаешься, что и „оскорбленіе“ и происки Россіи тутъ не причемъ, а что еще два года назадъ, за годъ до войны Россіи съ Турціею, торійское министерство рѣшилось отказаться отъ всей прежней политики остъ-индскихъ генераль-губернаторовъ по отношенію къ Афганистану, и приняло новую систему обезпеченія сѣверо-западной границы Остъ-индіи отъ „далекаго непріятеля“, такую систему, которая заключалась въ уничтоженіи самостоятельности Афганистана. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ депешѣ англійскаго министра (лорда Кранбрука), обнародованной въ прошломъ мѣсяцѣ, когда Англія официально состоитъ въ „дружественныхъ отношеніяхъ“ къ Россіи, находится одно довольно-наивное выраженіе. Лордъ Кранбрукъ напоминаетъ лорду Литтону, что, допустивъ въ свою столицу русское посольство и отказываясь принять посольство англійское, кабульскій эмиръ не исполнилъ трактата 1855 года, который обязывалъ его „быть другомъ нашихъ друзей и врагомъ нашихъ враговъ“ (The friend of our friend and the enemy of our enemies), то-есть поступать въ смыслѣ *прямо противоположномъ* тому, какъ онъ поступилъ“. Итакъ, Россія, въ официальномъ документѣ англійскаго министра, обнародован-

комъ въ ноябрѣ 1878 года, косвеннымъ образомъ причислена къ врагамъ Англiи.

Мы уже говорили о занятiи англiйскими войсками Кветты и разработкѣ военной дороги, ведущей чрезъ Боланскiй проходъ въ Афганистанъ, по направленiю къ Кандахару и напомнимъ, что это было сдѣлано за три года до „оскорбленiя“, которымъ нынѣ объяснялась необходимость вторженiя въ самый Кабуль.

Но планъ о занятiи въ Афганистанѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, и въ числѣ ихъ именно Кветты возникалъ еще гораздо раньше; о немъ была рѣчь еще при жизни прежняго эмира Достъ-Магомета, который былъ другомъ англичанъ. Если планъ этотъ не былъ приводимъ въ исполненiе, то только потому, что въ прежнее время британское министерство болѣе принимало въ расчетъ мнѣнiе мѣстнаго управленiя. А начальники этого управленiя — какъ нынѣ оказывается изъ заявленiй бывшихъ генералъ-губернаторовъ Индiи, лорда Лауренса и лорда Нортбрука — были постоянно противъ занятiя пунктовъ въ Афганистанѣ. Въ „Daily News“ приведено недавно мнѣнiе, высказанное по этому предмету еще въ 1858 году генераломъ сэромъ Г. Эдвардсомъ, который рѣшительно осуждалъ предположенiе о занятiи Кветты и говорилъ, что подобныя дѣйствiя Англiи имѣли бы непремѣннымъ послѣдствiемъ сближенiе афганскихъ народовъ съ Россiею. Итакъ, за 10 лѣтъ до нынѣшняго оскорбленiя, англiйскiй генералъ предсказалъ, что нѣчто въ родѣ этого оскорбленiя, то-есть сближенiе афганцевъ съ Россiею, должно явиться именно какъ послѣдствiе занятiя Кветты. При обсужденiи того же вопроса въ остiндскихъ военныхъ кругахъ во время переговоровъ съ Россiею объ установленiи „нейтральной полосы“, при министерствѣ Гладстона, одержало верхъ мнѣнiе, что Англiи не можетъ быть расчета зимой идти на встрѣчу Россiи и принимать на себя преодоленiе трудностей похода въ Афганистанъ для встрѣчи съ нею. Тогда разсуждали такимъ образомъ: граница англiйскихъ владѣнiй тамъ, гдѣ стоитъ передовой англiйскiй пикетъ; выгодноѣ, чтобы онъ былъ отдѣленъ отъ Россiи громаднымъ хребтомъ Гиндукуша, ущельями Афганистана, воинственными его племенами и отдаленностью пути; при такихъ условiяхъ вся трудность дѣла падеть на русскiя войска, которыя пошли бы на англiйскiя владѣнiя; нѣтъ расчета снимать эту задачу съ нихъ, идти имъ навстрѣчу и удалиться отъ нашего базиса.

Но лордъ Вивонсфильдъ — приверженецъ политики наступательной. Мнѣнiю всѣхъ прежнихъ генералъ-губернаторовъ онъ предпочелъ составленный сэромъ Бартлемъ Фреромъ планъ занятiя Кветты и утвержденiя англiйскихъ резидентовъ въ главныхъ городахъ Афганистана. Какъ уже сказано выше, лорду Литтону было предписано

послать Ширю-Али ультиматумъ, который требовалось, чтобы онъ далъ согласіе на *постоянное* пребываніе въ Кабулѣ англійскаго посольства (это объявляется въ депешѣ лорда Кранбрука 6 (18) ноября), на исправленіе границы (это требованіе заявлено въ рѣчи лорда Виконсфильда въ Гильдголлѣ) и на водвореніе англійскихъ резидентовъ въ другія главныхъ городахъ Кабулистана; свѣдѣніе объ этомъ требованіи основано только на слухахъ, но оно согласно съ планами сэра Бартля Фрера, который принятъ въ руководство, начиная съ 1876 года. Срокомъ для утвердительнаго отвѣта эмира назначено было 8 (20-го) ноября, причѣмъ ему было объявлено, что въ противномъ случаѣ „его намѣренія будутъ признаны враждебными и съ нимъ поступать, какъ съ открытымъ врагомъ“ (and to treat him as a declared enemy).

Дѣйствительно, на другой же день, то-есть 7 (21) ноября, англійскія войска изъ Пешавера, на р. Индѣ, перешли границу и вступили въ Афганистанъ по дорогѣ чрезъ Хайберскій проходъ на Кабуль. Этотъ пешаверскій отрядъ находится подъ главнымъ начальствомъ генерала Броуна и состоитъ изъ 16,364 чел., въ томъ числѣ 7,544 англичанъ. Другой такъ-называемый курамскій отрядъ направился отъ Когота и укрѣпленія Тѣлля, находящихся недалеко отъ Пешавера, по дорогѣ болѣе южной и ведущей параллельно пути пешаверскаго отряда на афганскую крѣпостцу Курамо, на Пюванскій и Шутуръ-Гарданскій проходы, дажѣ также на Кабуль со стороны юга. Этотъ отрядъ состоитъ, подъ начальствомъ генерала Робертса, изъ 5,776 чел., въ томъ числѣ 1816 англичанъ. Оба эти отряда должны взаимно согласовать свои дѣйствія, такъ какъ ихъ общимъ объектомъ служить столица эмира—городъ Кабуль. Совершенно самостоятельное назначеніе имѣетъ третій, кветтскій отрядъ. Кветта находится въ рукахъ англичанъ и соединяется съ британскою Индіей дорогою изъ Шикартура (на р. Индѣ) на одинъ изъ главныхъ городовъ Афганистана—Кандахаръ; здѣсь, южнѣе Кветты, находится Веланскій проходъ, въ которомъ англичане проложили удобную дорогу, съ тѣхъ поръ, какъ они овладѣли Кветтой. Не въ Кветтѣ былъ только небольшой гарнизонъ. Предназначенный для дѣйствія здѣсь отрядъ выступилъ изъ Ханпура на Индѣ, по дорогѣ чрезъ Дери, Дадуръ и Вонамскій проходъ на Кветту. Передовая часть этого отряда (генералъ Виддѣльфъ) только теперь достигъ Кветты; за нимъ послѣдуетъ остальная часть, которая станулась въ Инду также вблизи Ханпура, а именно въ Мультанѣ. Эта вторая часть кветтскаго отряда находится подъ личнымъ начальствомъ генерала Стюарта, который вмѣстѣ есть главный начальникъ всего кветтскаго отряда. Поэтому, когда идетъ рѣчь объ отрядахъ „кветтскомъ“ и „мультанскомъ“

отдѣльно, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что это только часть одного и того же кветтскаго отряда ген. Стюарта, изъ которыхъ передовая состоитъ подъ начальствомъ ген. Виддольфа. Въ этой передовой части состоитъ 5,260 чел., а въ остальной 6,330 чел.; всего подъ главнымъ начальствомъ ген. Стюарта находится 11,590 чел., въ томъ числѣ 3,380 англичанъ. Назначеніемъ отряда ген. Стюарта служить отвѣчать часть силъ Шира-Али къ югу и занявъ Кандахаръ поволобать власть эмира въ этой болѣе отдаленной части Афганистана; быть можетъ—вызвать восстаніе въ пользу сына его и отъявленнаго врага—Якуба. Изъ Кандахара можно будетъ затѣмъ дѣйствовать и противъ Кабула съ третьей стороны, то-есть съ востока; но для этого требовалось бы совершить громадный обходъ и овладѣть крѣпостью Гузни или Гузен, находящеюся на двухъ-третяхъ пути отъ Кандахара къ Кабулу. Сомнительно, чтобы такое предпріятіе было исполнимо и вѣроятно, и Стюартъ ограничится занятіемъ Кандахара. По свѣдѣніямъ корреспондента Daily News, Ширъ-Али неамѣрениъ и защищать этого города, полагаясь на крѣпость Гузни; въ такомъ случаѣ диверсія тутъ и не произойдетъ, развѣ что она явится въ видѣ восстанія въ пользу Якуба.

Военныя дѣйствія до сихъ поръ подвинулись еще недалеко и ограничились тѣмъ, что ген. Броунъ вступилъ въ Хайберскій переваль и занялъ 22 ноября находящееся въ этомъ перевалѣ укрѣпленіе Алимесжидъ, а ген. Робертсъ занялъ Курумъ. Укрѣпленіе Алимесжидъ находится въ мѣстности, имѣющей 2,433 ф. высоты надъ уровнемъ моря; самое укрѣпленіе стоитъ на утесѣ, который возвышается на 600 ф. надъ дномъ ущелья. Но оно командуется другими, окружающими его высотами. Понятно, что форть не долго устоялъ противъ дѣйствія 40-ка-фунтовыхъ англійскихъ орудій, хотя самъ очень живо отвѣчалъ пальбою изъ 7-ми-фунтовыхъ пушекъ и дѣйствіемъ гранатъ. Послѣ дѣйствія артиллеріи, двинута была пѣхота съ фронта и фланговъ, но наступленіе ночи прекратило бой, а на другой день англичане нашли Алимесжидъ очищеннымъ и заняли его. Въ Алимесжидѣ къ Броуну подошли его кавалерія, состоящая подъ начальствомъ ген. Макферсона. Подвигаясь далѣе, по Хайберскому ущелью, ген. Броунъ 25 ноября занялъ укрѣпленный пунктъ Дакка, также оставленный неприятелями. Здѣсь уже оканчивается большое Хайберское ущелье и начинается малое—Хурдъ-Хайберъ. Тутъ дорога становится столь узкою, что мѣстами два всадника не могутъ ѣхать рядомъ. Затѣмъ ближайшій городъ, также укрѣпленный—Джеллабадъ. За Джеллабадомъ открываются другіе перевалы и ущелья, вѣрнее трудные для перехода. Тамъ Хурдъ-Кабулъ имѣетъ

7,466 футовъ высоты надъ уровнемъ моря; переходъ черезъ него зимою почти немислимы.

Корреспондентъ „Daily News“ ссылается на разсказъ майора Гофа (Hough), который участвовалъ въ экспедиціи въ Афганистанѣ 1838 — 39 годовъ и проходилъ этотъ перевалъ. Гофъ приводитъ случаи замерзанія людей; онъ пишетъ, что когда кавалерія переходила черезъ ручьи, то ноги лошадей и сапоги всадниковъ при выходѣ изъ воды тотчасъ покрывались слоемъ льда; самъ командующій отрядомъ, Коттонъ былъ одѣтъ въ гусарскомъ доломанѣ, окаймленномъ такою широкой и толстой полосой льда, что когда этотъ слой отвалился, онъ буквально оторвалъ съ собою нѣсколько пуговиць. Тотъ же корреспондентъ положительно отрицаетъ возможность, чтобы пеншаверская, да и курамская колонны зимою прошли черезъ эти перевалы и приблизились къ Кабулу. Онъ признаетъ необыкновеннымъ зимній переходъ нашихъ солдатъ черезъ Балканы, но замѣчаетъ, что, во-первыхъ, Хурдъ-Кабулъ на 2 тысячи футовъ выше, чѣмъ который либо изъ балканскихъ переваловъ, а, во-вторыхъ, туземныя войска, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоятъ англійскія силы, непривычны къ холоду. Онъ полагаетъ, что далѣе Джелалабада во всякомъ случаѣ идти не слѣдуетъ, а достаточно оставить тамъ на зиму одну бригаду и затѣмъ возобновить походъ съ наступленіемъ весны.

Что касается курамскаго отряда, то, по тому же мнѣнію, ему придется занимать въ долинѣ Курама, а съ возобновленіемъ дѣйствій весною,—отрядъ ген. Роберта раньше другихъ можетъ увидѣть Кабулъ. По послѣднимъ имѣющимся свѣдѣніямъ, курамскій отрядъ прошелъ черезъ Дурваджанъ и 27 ноября спустился въ курамскую долину: курамскій фортъ, подвергнутый артиллерійскому огню, былъ скоро очищенъ гарнизономъ, который бѣжалъ въ Пейваръ.

Наконецъ, въ кветскомъ отрядѣ серьезныхъ дѣйствій нельзя ожидать до соединенія обѣихъ его частей; а ген. Стюартъ едва ли до января можетъ прибыть въ самую Кветту.

До сихъ поръ англичане могли похвалиться успѣхомъ: съ незначительными потерями, они овладѣли нѣсколькими укрѣпленными пунктами, нашли въ нихъ десятки пушекъ, и плѣнныхъ забрали столько, что пришлось ихъ распускать, чтобы не стѣснить своего движенія впередъ; впрочемъ, огромное большинство этихъ „плѣнныхъ“ вовсе не принадлежали къ войскамъ эмира и были взяты не въ бою. Афганскія войска доселѣ повсемѣстно отступали и очень благообразно дѣлали, конечно. Главная—но за то огромная—трудность для англичанъ представляется самыми условіями мѣстности и времени года, а также необходимостью для обонхъ восточныхъ от-

рядовъ (пенджабскаго и курямскаго) получать всѣ сообщенія изъ Пешавера, такъ какъ большая часть пути — пролегаетъ по мѣстностямъ совершенно-безплоднымъ. Чѣмъ болѣе они отдаляются отъ базы своихъ сообщеній, тѣмъ невыгоднѣе для нихъ и тѣмъ больше шансовъ для непріятеля обратиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не только кабульскія войска, но и другія племена Афганистана, особенно афридіи, съ которыми англичане вели войну всего годъ тому назадъ, воспользуются первой возможностью, чтобы напасть на линіи сообщеній англійскихъ отрядовъ съ Индомъ. Нѣчто подобное уже обнаруживается послѣдними телеграммами: 29 ноября афридіи напали на англійскую команду въ Хайберскомъ ущельѣ; переваль былъ загражденъ и провіантскій обозъ долженъ былъ возвратиться; возобновился также огонь близъ Аллмесвида. Но это первый признакъ такихъ случайностей, которыя неминуемо участятся по мѣрѣ движенія англичанъ впередъ и затрудненія пути глубокой зимою.

Собственно для Россіи, предпріятіе англичанами похода въ Афганистанъ могло бы послужить поводомъ къ различнымъ дѣйствіямъ. Но, само собою разумѣется, не всеми удобными поводами непремѣнно слѣдуетъ пользоваться. Внѣшняя политика не можетъ упускать изъ виду положенія финансовъ и вообще внутреннихъ дѣлъ и должна соображать рискъ новыхъ предпріятій съ тою долею дѣйствительной пользы для страны, на какую можно рассчитывать отъ нихъ. А въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ когда-либо, въ послѣднія дѣть пятнадцать, Россія нуждается въ продолженіи внутреннихъ улучшеній.

ИЗВѢСТІЯ

I. ПРИГЛАШЕНІЯ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ НА УЧРЕЖДЕНІЕ ПРИЮТА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ СЛѢПЫХЪ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ ПАМЯТЬ ДОКТОРА ВЛЕССИГА.

Петербургское общество не забыло, конечно, что весной нынѣшняго года смерть неожиданно похитила одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей медицинской науки, пріобрѣтшаго въ области окулистики громкую и вполне заслуженную извѣстность не только въ Россіи, но и за границею, *Роберта Филипповича Влессига*. Кончина эта, бывшая печальнымъ послѣдствіемъ самоотверженнаго исполненія долга покойнымъ и истинно-христіанской заботливости объ исцѣленіи ввѣренныхъ его попеченію больныхъ, поразила и глубоко опечалила всѣхъ знавшихъ Влессига, такъ какъ, помимо ученыхъ заслугъ, онъ снискалъ общее уваженіе своею необыкновенно теплою, любящею душою и всегдашнею готовностью помогать нуждающимся и страждущимъ всѣми способами, какіе только находились въ его распоряженіи.

Вотъ почему кружокъ ближайшихъ покойному людей тогда же рѣшилъ увѣковѣчить память о немъ такимъ дѣломъ, которое было бы достойно имени Р. Ф. Влессига и города, гдѣ проявлялась его дѣятельность, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, чье сердце полно сочувствія къ человѣческому страданію. Лучшимъ для того средствомъ признано было осуществленіе завѣтнаго желанія, задушевной мысли умершаго, — желанія, которое онъ повторялъ своимъ друзьямъ еще за нѣсколько недѣль до смерти. Оно состояло въ томъ, чтобы основать убѣжище для несчастныхъ, которые потеряли зрѣніе, будучи уже взрослыми и тѣмъ самымъ лишены возможности работать; жалкое существованіе этихъ страдалцевъ, поддерживаемое лишь случайною и скудною милостынею, постоянно заботило покойнаго, который не переставалъ изыскивать средства къ облегченію ихъ участи. Долговременный опытъ Влессига, какъ главнаго врача здѣшней глазной лечебницы, показалъ ему настоятельную, можно сказать — вопіющую необходимость основанія подобнаго приюта. Извѣстность, какою пользуется главная лечебница, принадлежитъ въ это учрежденіе весьма многихъ жителей не только Петербурга, но и самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи. Несмотря на громадный процентъ получающихъ полное исцѣленіе, все-таки встрѣчаются больные, надъ которыми наука должна провозносить роковой приговоръ неилечимости. Изъ числа этихъ страдалцевъ многіе, не находя себѣ мѣста въ здѣшней институтѣ слѣпыхъ, учрежденномъ собственно для воспитанія малолѣтнихъ, и не имѣя возможности наступить въ другое изъ здѣшнихъ благотворительныхъ учрежденій, такъ какъ они вообще переполнены пансіонерами — остаются буквально безъ пристанища, подвергаясь опасности погибнуть отъ голода и стужи.

Порожденная такими прискорбными фактами мысль Блессига нашла себѣ глубоко-сочувственный отголосокъ въ душѣ его друзей и почитателей, и не останется безъ примѣненія на практикѣ, если публика, а особенно всѣ тѣ, которые обязаны возвращеніемъ или улучшеніемъ звѣнія искусству и заботамъ покойнаго, не откажутъ, съ своей стороны, содѣйствовать ея осуществленію. Въ настоящее время получено разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ открыть подписку для сбора денегъ на устройство и содержаніе пріюта для взрослыхъ слѣпыхъ и уже образованъ комитетъ, который будетъ за-вѣдывать этимъ дѣломъ, а впоследствии представить отчетъ о результатахъ своей дѣятельности. По предварительно составленной смѣтѣ, потребуется около 250 руб. въ годъ на содержаніе одного слѣпика; сообразно суммѣ, какую дастъ подписка, опредѣлятся и размѣры предполагаемаго пріюта.

Высоко-человѣколюбивая цѣль этого учрежденія и имя человѣка, въ память и по мысли котораго приступлено къ осуществленію истинно-общепользнаго дѣла, внушаютъ надежду, что наше общество отличится на настоящій призывъ съ такою же готовностью, съ какою оно всегда является туда, гдѣ нужно облегчить участь страждущихъ.

Пожертвованія принимаются исключительно лицами, получившими отъ комитета сборныя книжки, изъ которыхъ будутъ вырѣзываться и выдаваться жертвователямъ квитанціи на внесенныя суммы.

Члены комитета: докторъ, графъ И. Х. Магавли, Моховая, 34; с.-петербургскій суперъ-интендентъ Б. И. Лааландъ, Большая Офицерская, 54; потомственный почетный гражданинъ Е. Е. Маллисонъ, В. Конюшенная, 5; дѣйствительный статскій совѣтникъ В. С. Чириковъ, Почтамтскій пер., 2.

II. КИТАЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА.

Предметами выставки служатъ работы доктора Пясецкаго, исполненныя во время его путешествія въ Китай, и собранная имъ коллекція этнографическихъ вещей: костюмы, головные уборы, обувь, слѣпки съ ногъ китайцевъ, монета, образцы пиши, свойственной исключительно Китаю, модели разныхъ машинъ и приборовъ (напримѣръ, употребляющихся при обработкѣ чая), письменныя принадлежности, образцы китайскихъ надѣлій и искусствъ (шелковыя ткани, надѣлія изъ бамбука, эмали, серебра, рисовой бумаги, слоновой кости, фарфора, картины китайскаго рисованія), предметы употребляющіеся при богослуженіи, музыкальные инструменты и многіе другіе предметы китайскаго обихода. Работы д-ра Пясецкаго представляютъ собраніе около 300 почти исключительно акварельныхъ рисунковъ съ натуры, весьма разнообразнаго содержанія. Одна картина, въ сто

слишкомъ аршинъ длины, изображаетъ непрерывный путь изъ среды Китая до нашей западно-сибирской границы, на протяженіи около 6000 верстъ, и даетъ зрителю наглядное и полное представленіе о характерѣ мѣстностей на этомъ пути, пересекающемъ Монголію и Гоби черезъ Небесныя Горы и песчанныя пустыни до предгорій русскаго Алтая.

Имѣя общеобразовательное значеніе, эта выставка, помѣщающаяся на Вас. Остр., на углу 1-й линіи и Больш. просп., въ д. № 18, бываетъ открыта, кромѣ четверга, по воскресеньямъ и въ праздничные дни, когда воспитанники учебныхъ заведеній свободны отъ занятій.

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878 году.

Въ 1878-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл. (382,000 жит.). экз.		Бессарабская губ. (1.091,000 жит.). экз.		Минскъ экз.
Акмолин	2	Кишиневъ	88	109
Омскъ	14	Оргѣвъ	4	Вилонская губ.
Петропавловскъ	3	Новоселица	2	(1.002,000 жит.).
	19	Сталинешти	1	Вильно
Амурская обл.		Кучино	1	Троки
(44,000 жит.).		Глинная	1	Жижиорк
Благовѣщенскъ	10	Вальцы	3	Свенцяннъ
Албазинъ	2	Сороки	2	Везданн
Михайлово-Семеновская	1	Скуляни	1	Дисна
Черилева	4	Бендери	116	Ошмянн
	17	Татарбузарн	8	Молодечно
Архангельская губ.		Волонтировская	1	Вилейко
(281,000 жит.).		Тарутино	1	Субботницкая
Архангельскъ	14	Унгени	1	46
Кемь	1	Корнесты	1	Витебская губ.
Онега	1	Кубей	4	(889,000 жит.).
Сороцкая	1	Каларашъ	1	Витебскъ
	17	Хотинъ	1	Невель
Астраханская губ.		Ейденци	8	Сеньковская
(602,000 жит.).		Атаки	1	Рудня
Астрахань	28	Вричанн	2	Динабургъ
Енотаевскъ	1	Акерманъ	5	Рѣзница
Сѣроглавнская	1		189	Сельскъ
Красный-Яръ	1	Варшавская губ.		Людзинъ
	26	(926,000 жит.).		Автонопольская
Байкинская губ.		Варшава	88	Дрисса
(589,000 жит.).		Новый-Дворъ	7	Вѣшенковичи
Валу	17	Скериенци	8	Полоцкъ
Шемаха	5	Александровъ погранич.	1	Велижъ
Салыанн	1	Влоцлавскъ	4	1
Ленборанъ	2	Кутно	2	Владимирская губ.
Куба	8	Гостининъ	1	(1.260,000 жит.).
	28	Ловичъ	1	Владимиръ
				17

губ.	жнт.	губ.	жнт.	губ.	жнт.
Александровъ	8	Бутурлиновка	2	Брестъ-Литовскъ	6
Киржачъ	1	Новохоперскъ	1	Кобринъ	1
Переяславль-Залѣскій	8	Воронежъ, ст.	3		29
Сима	1	Землянскъ	2	Дагестанская обл.	
Вязники	2	Бобровъ	6	(482,000 жнт.).	
Ковровъ	2	Острогожскъ	4	Темиръ-Ханъ-Шура	20
Муромъ	7	Коротоякъ	3	Гуньбъ	2
Никольское	1	Валуки	2	Дашлагаръ	1
Шуа	8	Уразово	1	Дербентъ	2
Палеха	1	Мандрово	1	Петровскъ	5
Иваново-Вознесенскъ	4	Вирючь	2	Чирь-Юртъ	1
Тейково	1	Богучаръ	2		81
Гороховецъ	2	Бычювская	1	Екатеринославская губ.	
Суздаль	2	Калачъ	2	(1.352,000 жнт.).	
Юрьевъ-Польскій	1	Шестаковская	1	Екатеринославъ	28
Мелени	1	Павловскъ	1	Верхнедѣпровскъ	3
Второвская	1	Россоша	3	Кудеаловская	1
	58	Ровеньки	1	Александровскъ	7
Вологодская губ.		Хриново	2	Палмоградъ	8
(1.008,000 жнт.).		Чарьково	2	Тошляна	2
Вологда	17	Кантимировка	2	Никополь	1
Грязовецъ	1		74	Ростовъ-на-Дону	22
Никольскъ	1	Выборгская губ.		Нахичевань-на-Дону	2
Великій-Устюгъ	1	(289,000 жнт.).		Вахмутъ	4
Вельскъ	2	Выборгъ	4	Ивановская	1
Кадниковъ	8	Вильманстрандъ	1	Луганскій заводъ	7
Тотьма	1	Фридрихсгамъ	2	Славяносербскъ	1
Усть-Сисольскъ	1	Мустаяки	1	Орѣховская	2
	27		8	Михайловская	2
Волынская губ.		Вятская губ.		Благодатное	1
(1.704,000 жнт.).		(2.406,000 жнт.).		Таганрогъ	17
Житомиръ	12	Вятка	10	Юзовка	2
Волочицкъ	1	Орловъ	2	Новомосковскъ	6
Овручь	1	Слободской	5	Мариуполь	5
Ковель	2	Глазовъ	1	Грининская	1
Владимиръ-Волинскій	2	Уржумъ	2	Дзюва	1
Луцкъ	4	Кикнурская	1	Перецепино	1
Ровно	2	Яранскъ	1	Надеждино	1
Гошанская	1	Котельничъ	1	Гавриловка	1
Новоградъ-Волинскій	3	Малинскъ	2	Корсунъ	1
Корець	1	Елабуга	3	Софиевка	1
Лубаръ	1	Сарань	2		124
Острогъ	3	Ижевскій заводъ	3	Елисаветпольская губ.	
Заславъ	2	Воткинскій заводъ	1	(594,000 жнт.).	
Шепетовка	1	Лубяна	1	Елисаветполь	11
Старокопстантиновъ	5		85	Ново-Актафинская	1
Купель	2	Гродненская губ.		Шуша	4
Красилковская	1	(1.009,000 жнт.).		Тертерская	1
Дубно	8	Гродно	10	Делжанъ	1
Кременецъ	2	Вѣлостокъ	3		18
Радзивиловъ	2	Соколя	1	Енисейская губ.	
Кривинъ	1	Друзгенки	1	(878,000 жнт.).	
Полонное	1	Кышинъ	1	Красноярскъ	5
Клеванъ	1	Волковскъ	1	Минусинскъ	5
	54	Словимъ	1	Корелино	1
Воронежская губ.		Заполье	1	Каряно	5
(2.153,000 жнт.).		Тевля	1	Енисейскъ	3
Воронежъ	28	Вѣльскъ	1		19
Нижедѣвицкъ	1	Высоколитовскъ	1		
Задонскъ	1				

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878 году.

Въ 1878-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл. (382,000 жит.)	Бессарабская губ. (1,091,000 жит.)	Минскъ	эвз.	эвз.	эвз.
Акимовъ	Килинговъ		2	83	2
Омскъ	Оргѣвъ	Виленская губ. (1,002,000 жит.)	14	4	109
Петропавловскъ	Новоселица	Вильно	3	2	82
	Сталиннети	Троки	19	1	1
Амурская обл. (44,000 жит.)	Купчино	Жижморъ		1	3
Благовѣщенскъ	Глинная	Свенціани	10	1	1
Албазинъ	Вѣльци	Бездани	2	8	1
Михайлово-Семеновская	Сороки	Дисна	1	2	2
Черняева	Скулня	Ошляны	4	1	1
	Бендери	Молодечно	17	116	2
Архангельская губ. (281,000 жит.)	Татарбунари	Вилейко		8	1
Архангельскъ	Волонтировская	Субботинская	14	1	46
Кемь	Тарутино		1	1	
Онега	Унгени	Витебская губ. (889,000 жит.)	1	1	
Сороцкая	Корвешты	Витебскъ	1	1	8
	Кубей	Невель	17	4	1
Астраханская губ. (602,000 жит.)	Каларашъ	Сеньковская		1	1
Астрахань	Котинъ	Рудня	28	1	1
Емотаевскъ	Ейденци	Днябургъ	1	8	6
Сѣроглазиская	Атаки	Рѣжца	1	1	1
Красный-Яръ	Вричани	Себѣжъ	1	5	1
	Алекерманъ	Люцинъ	26	188	1
Бакнинская губ. (689,000 жит.)		Антоновольская		Варшавская губ. (926,000 жит.)	2
Вазу	Варшава.	Дрисса		Варшава	2
Шемаха	Новый-Дворъ	Виченковичи		Новый-Дворъ	1
Сальяны	Скверненци	Полоцкъ		Скверненци	6
Ленкоранъ	Александровъ пограничъ	Велижъ		Александровъ пограничъ	1
Куба	Влоцлавскъ			Влоцлавскъ	1
	Кутно	Владимірская губ. (1,260,000 жит.)		Кутно	32
	Гостиницъ	Владиміръ		Гостиницъ	17
	Ловить			Ловить	

	экз.		экз.		экз.
Александровъ	8	Бутурлиновка	2	Врестъ-Литовскъ	6
Киржачъ	1	Новохоперскъ	1	Кобринъ	1
Переяславль-Залѣскій	8	Воронежъ, ст.	8		29
Сима	1	Землянскъ	2	Дагестанская обл.	
Вязники	2	Вобровъ	6	(482,000 жит.).	
Ковровъ	2	Острогомжскъ	4	Темиръ-Ханъ-Шура	20
Муромъ	7	Коротоякъ	8	Гунибъ	2
Никольское	1	Валуйки	2	Дашлаваръ	1
Шуя	8	Уразово	1	Дербентъ	2
Палеха	1	Мандрово	1	Петровскъ	5
Иваново-Вознесенскъ	4	Варичъ	2	Чиръ-Юртъ	1
Тейково	1	Вогучаръ	2		81
Гороховецъ	2	Вичковская	1	Екатеринославская губ.	
Суздаль	2	Калачъ	2	(1.352,000 жит.).	
Юрьевъ-Польскій	1	Шестаковская	1	Екатеринославъ	28
Меленки	1	Павловскъ	1	Верхнедѣпровскъ	3
Второская	1	Россома	3	Кудеаловская	1
	58	Ровеньки	1	Александровскъ	7
Вологодская губ.		Хрѣново	2	Паллоградъ	3
(1.008,000 жит.).		Чарыково	2	Топильная	2
Вологда	17	Кантинировка	2	Никополь	1
Грязовецъ	1		74	Ростовъ-на-Дону	22
Никольскъ	1	Выборгская губ.		Нахичеванъ-на-Дону	2
Великй-Устюгъ	1	(289,000 жит.).		Бахмутъ	4
Вельскъ	2	Выборгъ	4	Ивановская	1
Кадниковъ	8	Вильманстрандъ	1	Луганскій заводъ	7
Тотьма	1	Фридрихсгамъ	2	Славяносербскъ	1
Усть-Сисольскъ	1	Мустаяки	1	Орѣховская	2
	27		8	Михайловская	2
Волынская губ.		Вятская губ.		Благодатное	1
(1.704,000 жит.).		(2.406,000 жит.).		Таганрогъ	17
Житомиръ	12	Вятка	10	Юзовка	2
Волочискъ	1	Орловъ	2	Новомосковскъ	6
Озручъ	1	Слободской	5	Мариуполь	5
Ковель	2	Глазовъ	1	Гришинская	1
Владимиръ-Волинскій	2	Уржумъ	2	Лозовая	1
Луцкъ	4	Кикнурская	1	Перещепино	1
Ровно	2	Яранскъ	1	Надеждино	1
Гощанская	1	Котельничъ	1	Гавриловка	1
Новоградъ-Волинскій	8	Малиннъ	2	Корсунъ	1
Корець	1	Елабуга	8	Софиевка	1
Льбаръ	1	Сарапулъ	2		124
Острогъ	8	Ижевскій заводъ	8	Елисаветпольская губ.	
Заславъ	2	Воткинскій заводъ	1	(594,000 жит.).	
Шепетовка	1	Лубяна	1	Елисаветполь	11
Старокопачинскъ	5		85	Ново-Актафинская	1
Купель	2	Гродненская губ.		Шума	4
Красновольская	1	(1.009,000 жит.).		Тертерская	1
Дубно	8	Гродно	10	Делижанъ	1
Кременецъ	2	Влостокъ	8		18
Радзивиловъ	2	Соколка	1	Енисейская губ.	
Кривинъ	1	Друзгенинъ	1	(878,000 жит.).	
Полонное	1	Кышинъ	1	Красноарскъ	5
Клевая	1	Волковскъ	1	Минусинскъ	5
	54	Слонимъ	1	Корелино	1
Воронежская губ.		Заполье	1	Кардино	5
(2.158,000 жит.).		Тевля	1	Енисейскъ	8
Воронежъ	28	Вальскъ	1		19
Нижнедѣвнцкъ	1	Высокотитовскъ	1		
Задонскъ	1				

Закаспійскій воен. окр. (56,000 жит.)	эвз.	Жиздра	эвз.	Ново-Александровскъ . . .	эвз.
Красноводскъ	2	Боровскъ	1	Вилькомиръ	1
	2	Бозельскъ	2	Ракшани	1
Заравшанскій округъ		Михѣвская	1		25
Самаркандъ	9	Медвнъ	1	Костромская губ.	
Катти-Бурганъ	2	Троицкая	1	(1.178,000 жит.)	
	11	Мещовскъ	1	Кострома	15
Забайкальская обл.			83	Судиславль	1
(481,000 жит.)		Калининская губ.		Макарьевъ	1
Чита	9	(669,000 жит.)		Евдокимово	1
Баянъ	8	Калинъ	10	Галичъ	2
Петровский заводъ	1	Велюнь	1	Буй	1
Селенгинскъ	1	Верушевъ	1	Солнгалитъ	1
Троицкосавскъ	1	Ленчица	2	Кологривъ	1
Нерчинскъ	5	Коло	2	Чухлома	1
Нерчинскій заводъ	2	Турекъ	1	Нерехта	3
Шелюгинская	1		17	Кинешма	8
Стрѣтнинская	1	Кіевская губ.		Лухъ	1
Горбиченская	1	(2.175,000 жит.)		Вичуга	3
Средняя Кара	2	Кіевъ	123	Писцовая	1
	32	Казатинъ	3	Варнавинъ	1
Закавказскій округъ		Махновка	3	Юрьевецъ-Повольскій . . .	2
(69,000 жит.)		Самгородокъ	1	Пучежъ	1
Закавказъ	2	Бердичевъ	4	Велуга	2
	2	Попельня	1		41
Иркутская губ.		Кожанка	2	Кубанская обл.	
(878,000 жит.)		Фастовъ	1	(882,000 жит.)	
Иркутскъ	86	Липовець	7	Екатеринодаръ	20
Киренскъ	1	Васильевъ	1	Уманская	1
Витимскъ	4	Скира	4	Ейскъ	5
Верхоленинскъ	1	Ружинъ	3	Усть-Лабинская	1
Жигаловская	1	Баневъ	2	Майкопъ	5
Хорогская	1	Черкаси	3	Лабинская	1
Нохтуйскъ	7	Смѣла	8	Армоириъ	1
Лиственничная	1	Тараща	3	Баталпанинская	2
Горбовская	1	Вогуславъ	3	Крымская	2
Тулуновское	1	Корсунъ	1	Темрюкъ	1
Тельминская	1	Звенигородка	5	Ладонская	1
Заларинская	1	Тальное	2	Невинномисская	1
	56	Чигиринъ	2		41
Казанская губ.		Шпола	2	Кульджинскій районъ	
(1.705,000 жит.)		Умань	7	(180,000 жит.)	
Казань	67	Вѣля-Первовъ	6	Кульджа	4
Свияжскъ	1	Радомисль	4		4
Маринскій	1	Коростышевская	1	Курляндская губ.	
Царевкожмийскъ	1	Кочеровская	1	(620,000 жит.)	
Тетюши	1	Гуровицкая	1	Митава	7
Спаскъ	4	Воронцово-Городище	4	Тукумъ	1
Чистозоль	6	Фундуллевица	1	Либавъ	4
Ланневъ	1		209	Гольдингенъ	1
Туршанская	2	Ковенская губ.			18
Александровская	1	(1.156,000 жит.)		Курская губ.	
Чебоксари	1	Ковно	10	(1.055,000 жит.)	
	86	Тельши	3	Курскъ	22
Калужская губ.		Россиени	1	Фатежъ	3
(996,000 жит.)		Таурогенъ	1	Никольская	2
Балуга	18	Юрбургъ	3	Тимъ	4
Александровскій хутъ	1	Поневѣтъ	1	Обоянь	2
Таруса	2	Шавли	3	Вѣлгородъ	5

	жнз.		жнз.		жнз.
Корова	1	Яновъ	1	Бутово	1
Новый-Осколь	7	Велжица	1		544
Борисовка	1	Ивангородъ	4		
Грайворонъ	1		16	Нижегородская губ.	
Альголь	2			(1.272,000 жнт.).	
Дмитриевъ	4	Минская губ.		Нижний-Новгородъ	35
Суджа	5	(1.183,000 жнт.).		Горбатовъ	4
Рыльскъ	4	Минскъ	13	Лисково	2
Мирнополье	2	Лоевъ	1	Сергачъ	4
Глушковъ	4	Борисовъ	2	Мангушевская	2
Шчгры	1	Негорылово	1	Арамась	5
Вурнская	1	Вобруйскъ	3	Лукояновъ	2
Дьяконово	1	Моширь	6	Починки	1
Красное	1	Якимовичская	1	Семеновъ	1
	73	Рячица	1	Воскресенское	1
Кутанеская губ.		Новогрудокъ	1	Васильсурскъ	1
(571,000 жнт.).		Городище	1	Балахна	1
Кутанскъ	17	Корсаичи	2	Городецъ	1
Озургети	5	Пинскъ	2		60
Поти	3	Слуцкъ	3	Новгородская губ.	
Зугдиди	3	Несвижь	1	(1.011,000 жнт.).	
Бырльинская	1		37	Новгородъ	21
Самтреди	1	Могилевская губ.		Любань	1
Хони	1	(948,000 жнт.).		Веребьинская	3
	31	Могилевъ	13	Торбино	1
Кяленская губ.		Орша	2	Кирillowъ	1
(519,000 жнт.).		Гори-Горки	2	Спасская-Полисть	2
Кяльци	2	Мстиславль	2	Осуйская	1
Хицьинскъ	1	Гомель	6	Кузуйская	1
Пичевъ	1	Климовичи	2	Валдай	1
Мяховъ	2	Чериковъ	1	Воровичи	5
Ольбушь	2	Краснополье	1	Череновецъ	5
Плици	1	Чечерскъ	1	Бяловверскъ	2
	9	Сидоровичи	1	Старая-Руса	3
Лиепаянская губ.		Выховъ	1	Крестцы	2
(1.001,000 жнт.).		Славяни	1	Сомино, приставъ	1
Рига	19		33		50
Дерптъ	7	Московская губ.		Ниоладская губ.	
Перновъ	1	(1.773,000 жнт.).		(184,000 жнт.).	
Волдеера	1	Москва:		Гельсингфорсъ	8
Феллинь	1	Черезъ Газет. Экспед.	86	Свеаборгъ	2
	29	Безъ доставки	425		10
Ломжинская губ.			511	Область Войска Донскаго.	
(489,000 жнт.).		Серпуховъ	5	(1.086,000 жнт.).	
Ломжа	8	Молоди	1	Новочеркаскъ	31
Кольно	1	Можайскъ	2	Новониколаевъ	1
Цѣхановець	1	Руза	1	Голодаевка	4
Островъ	1	Коломна	2	Харьинская	1
Замбовъ	1	Бронницы	1	Урлинская	3
Пултускъ	2	Раменская	2	Усть-Медвѣдичская	2
	14	Завидовка	2	Филоновская	2
Люблинская губ.		Клянь	1	Нижнечирская	3
(707,000 жнт.).		Подсолнечная	2	Илова	1
Люблина	4	Воскресенскъ	1	Шалаевская	1
Новая-Александрія	2	Звенигородъ	1	Бокоская	3
Грубшовъ	1	Сергѣевскій пос.	5	Казанская	1
Красноставъ	1	Богородскъ	2	Грушевское	2
Хелкъ	2	Верея	1	Каменская	1
		Дмитровъ	2	Сулиновская	1
		Волоколамскъ	1		

губ.	жнт.	губ.	жнт.	губ.	жнт.
Шахтная	1	Мокшанн	4	Тульчинъ	2
	58	Краснослободскъ	2	Ольгомоль	5
Олеинская губ.		Чембаръ	1	Винница	3
(297,000 жнт.)		Нивольская пойма	1	Литинъ	1
Петрозаводскъ	11	Воейковская	1	Джуринская	2
Повнець	2	Симащизна	2	Шаргородъ	2
Олонекъ	1		57	Попелюхи	2
Виттегра	2	Пермская губ.		Калиновка	2
Пудожь	1	(2.199,000 жнт.)		Крути	4
Каргополь	1	Пермь	38	Жмеринка	1
	16	Оханскъ	8	Вашьярка	1
Оренбургская губ.		Осса	1	Проскуроевъ	8
(900,000 жнт.)		Екатеринбургъ	27	Меджибожь	2
Оренбургъ	27	Верхотурье	2	Баръ	1
Челябинскъ	4	Далматовъ	1	Ярмолинци	1
Троиць	1	Каменскій заводъ	1	Городокъ	1
Илецкая-Защита	3	Кушвинскій заводъ	3	Войтольди	1
Шарлакская	1	Логвинская	1	Старый-Синякъ	1
Орскъ	1	Невьянскій зав.	1	Могилевъ	4
Нижнеоверская	1	Нижнетагильскій зав.	6	Новая-Уница	2
	88	Шадринскъ	1	Дунаевци	3
Орловская губ.		Сисертскій зав.	1	Ямполь	1
(1.597,000 жнт.)		Вилимбаевскій зав.	2	Кривое-Озеро	1
Орелъ	24	Веретя	5	Балта	3
Брянскъ	3	Солнцанскъ	2	Голованевскъ	1
Карачевъ	3	Красноуфимскъ	2	Гайсинъ	2
Хотинецъ	2	Чердынъ	2		63
Мценскъ	5	Камышловъ	2	Полтавская губ.	
Болховъ	2	Ирбитъ	4	(2.102,000 жнт.)	
Бромн	1	Сугатская	1	Полтава	29
Ботомки	1	Кунгуръ	3	Гадячъ	4
Дмитровскъ	2	Ключевская	1	Миргородъ	5
Свясскъ	4	Нижне-Сергнскій зав.	1	Лохвица	1
Трубчевскъ	1	Памя	1	Зеньковъ	3
Малоярхангелскъ	1	Вогословскій заводъ	1	Опошня	1
Дросково	2		108	Переяславъ	3
Ливни	8	Петроковская губ.		Бориспелъ	1
Становой-Колодезь	2	(682,000 жнт.)		Золотоноша	6
Елецъ	9	Петроковъ	6	Пирятинъ	5
Русско-Бродская	2	Лодзь	2	Яготино	1
Донъ	1	Ласкъ	1	Прилуки	6
Измайлково	1	Новородомскъ	2	Тепловка	1
Бобровка	1	Рава	1	Лубинъ	10
Бѣжиць	1	Ченстоховъ	5	Король	5
Змиевка	1	Граница	1	Ряшетилловка	1
Мохова	1	Вендинъ	1	Кобеляки	5
Становая	1		19	Кременчугъ	7
	79	Плоцкая губ.		Градискъ	1
Пензенская губ.		(472,000 жнт.)		Ковоновичская	1
(1.163,000 жнт.)		Плоцкъ	5	Кочубеева	1
Пенза	29	Праснишъ	1	Старовѣровская	1
Нижний-Домовъ	4	Млава	3	Константиноградъ	3
Наровчатъ	2		9	Карловская	1
Городище	1	Педельская губ.		Ромни	4
Борисовская	1	(1.938,000 жнт.)			106
Саранскъ	4	Каменецъ	11	Приморская область.	
Инсаръ	3	Брацлавъ	2	(45,000 жнт.)	
Исса	1	Теплинъ	1	Николаевскъ	3
Царевщина	1	Нижнеградниевская	2	Хабаровская	4
				Владивостокъ	3

Камень-Рыболовъ	2	С-Петербургская губ.	Борохударь	1
Новгородскій-Постъ	2	(1,325,000 жит.) экв.	Токмакъ	1
Софійскъ	1	С.-Петербургъ:	Караколъ	2
	15	По почтѣ	Лелсицкая	2
Икѣвская губ.		Безъ доставки	Копаль	1
(776,000 жит.)		1888		15
Псковъ	17	Гатчино	Симбирская губ.	
Порховъ	5	Луга	(1,206,000 жит.)	
Боровичи	3	Тупичино	Симбирскъ	22
Островъ	5	Гдовъ	Ардатовъ	7
Холмъ	1	Серебрянка	Алатырь	3
Новоржевъ	1	Чирковина	Болховская	2
Горницкая	1	Ямбургъ	Курмышъ	2
Торопецъ	3	Нарва	Тализна	1
Опочка	4	Тосна	Тагайская	2
Великіе-Луки	1	Коріамяки	Тетюшская	2
	41	Сестрорѣцкъ	Корсунъ	6
Радѣнская губ.		Левашовка	Бунискъ	1
(532,000 жит.)		Новал-Ладога	Сенгилей	1
Радомъ	8	Шлиссельбургъ	Сызрань	8
Козеница	2	Павловскъ	Теренгульская	4
Опатовъ	1	Царское-Село	Промивно	1
Сандоміръ	1	Петергофъ	Новоспаское	1
Опочка	1	Ораніенбаумъ		68
	18	Кронштадтъ	Смоленская губ.	
Рязанская губ.		1886	(1,140,000 жит.)	
(1,477,000 жит.)		Саратовская губ.	Смоленскъ	20
Рязань	11	(1,751,000 жит.)	Рославль	3
Касимовъ	5	Саратовъ	Юхновъ	1
Михайловъ	3	Балашовъ	Знаменская	1
Спасскъ	1	Турки	Починокъ	5
Ижевское	1	Царицынъ	Ивановская	1
Зарайскъ	3	Дубовскій посадъ	Рябцова	1
Егорьевъ	3	Петровскъ	Бѣлой	4
Пронскъ	1	Сердобскъ	Духовщина	1
Сапожокъ	4	Сосновка	Порѣчье	2
Ражскъ	3	Ртищево	Дорогобузь	2
Ряненбургъ	1	Бегово	Ельня	2
Данковъ	1	Аткарскъ	Красный	2
Кораблино	2	Маринская	Гжатскъ	3
Окулова	2	Камышинъ	Вязьма	7
Тумн	1	Каменка	Каменская	1
Старожилы	1	Кондакъ	Уваровская	1
Скопцы	1	Хвалынскъ	Ярцевская	2
	44	Вольскъ	Сергивановская	1
Самарская губ.		Кузнецъ		60
(1,873,000 жит.)		Камеширъ	Ставропольская губ.	
Самара	15	Никитино	(474,000 жит.)	
Бугуруславъ	4		Ставрополь	19
Сергѣевскій мин. воды	2	Семипалатинская обл.	Медвѣжинская	3
Николаевскъ	1	(501,000 жит.)	Александровское	1
Дергачевская	1	Семипалатинскъ	Прасковья	1
Бузулукъ	2	Каркаралы	Новогригорьевская	2
Булгаково	2	Бухторма		26
Бугульма	4	Зайсанскій постъ	Сувакская губ.	
Ставрополь	1	Усть-Каменогорская	(524,000 жит.)	
Балаково	1		Суваки	7
Гротева	1	Семирѣченская область.	Верхболовская	1
Ворская	1	(540,000 жит.)	Маріамполь	1
	85	Вѣрний	Вильковшки	1

Августовъ 1	Толстиевская 1	Тюменская губ. (663,000 жит.) 88
Сейны 1	Козловъ 4	Тифлисъ 88
12	Усмань 3	Царскіе-Болодни 3
Сѣдлецкая губ. (505,000 жит.) 9	Липецъ 3	Вѣли-Клячъ 2
Сѣдецъ 9	Лебедянъ 3	Ахалкалаки 3
Вѣла 5	Новочеругино 1	Сыгнахъ 1
Яновъ 1	Грязи 2	Горы 5
Мендерижцъ 1	Овры 1	Михайловская 1
Влодава 1	Земетчина 1	Боржомская 1
Славятичи 1	Борисоглебскъ 10	Мангилъ 1
18	Хворостянка 1	Джелалъ-Огли 1
Сырѣ-Дарьинская обл. (835,000 жит.) 23	Добринка 2	Телавъ 1
Ташкентъ 23	Мордово 2	Думеть 2
Кавалинскъ 7	Волконская 1	109
Ходжентъ 1	Разсказово 1	Томская губ. (839,000 жит.) 17
Чембентъ 1	Кырсановъ 6	Томскъ 17
Аулие-Ата 1	Муравьевская 1	Канскъ 1
88	Уметъ 1	Барнауль 6
Тавастгустская губ. (202,000 жит.) 1	Кулики 1	Вѣйскъ 1
Тавастгустъ 1	Токарева 1	Зминогорскъ 4
Ойскъ 1	86	Маринскъ 1
2	Тверская губ. (1,529,000 жит.) 8	89
Таврическая губ. (716,000 жит.) 27	Тверь 8	Тобольская губ. (1,087,000 жит.) 8
Симферополь 27	Спировская 2	Тобольскъ 8
Нахова 2	Борчова 2	Тюмень 3
Алешки 2	Блири 1	Тара 2
Перекопъ 3	Вѣжецъ 2	Алуторовскъ 2
Айбарская 1	Кашинъ 5	Курганъ 3
Евнаторія 1	Калынинъ 3	Ишимъ 2
Алушты 2	Троицкая 2	Березовъ 1
Феодосія 4	Малиншево 1	Еланская 1
Керчь-Ениколь 17	Максатиха 2	Туринскъ 2
Ялта 15	Торжокъ 4	24
Карасубазаръ 2	Старица 2	Тургайская область. (340,000 жит.) 1
Судакъ 1	Ржевъ 5	Иргизъ 1
Севастополь 18	Зубцовъ 3	1
Бахчисарай 1	Зубигорицы 2	Тульская губ. (1,168,000 жит.) 20
Геническъ 1	Вышній-Волочокъ 1	Тула 20
Мелитополь 5	Осташковъ 1	Лесенки 1
Орѣховъ 2	Видропускъ 1	Крапивна 2
Большой Токимакъ 1	47	Одоевъ 4
Спировская 2	Терекская обл. (531,000 жит.) 15	Вѣлевъ 4
Вердянскъ 9	Владикавказъ 15	Доробино 2
Нагайскъ 2	Прохладная 1	Чернь 5
Ново-Алексѣевка 1	Кизляръ 3	Новосиль 2
119	Нальчикъ 1	Кашира 3
Тамбовская губ. (2,151,000 жит.) 29	Моздокъ 3	Веневъ 2
Тамбовъ 29	Грозный 3	Шаховская 1
Моршанскъ 4	Воздвиженская 2	Ефремовъ 4
Спаскъ 1	Ведень 2	Богородицъ 3
Шацкъ 1	Хасафъ-Юртъ 2	Енифанъ 3
Баргашино 1	Шелковаводская 2	Лукьяновка 1
Елатъма 2	Георгиевскъ 2	Оболенское 1
Кадомъ 1	Цятгорскъ 5	58
Куликовская 1	Кисловодскъ 1	Уральская область. (847,000 жит.) 6
	Ессентульская 2	Нижне-Уральскъ 6
	Малороссійская 1	
	Минеральныя воды 1	
	46	

Гурьевъ	эв. 2	Вознесенскъ	эв. 3	Черноморскій округъ. (15,000 жит.).	эв. 8
Калинковъ	1	Березовка	3	Новороссійскъ	8
	9	Александрия	10	Туапсе	1
Уфимская губ. (1,365,000 жит.).		Бобринецъ	1	Анапа	1
Уфа	12	Маекимовская	1		5
Стерлитамакъ	3	Новогеоргиевскъ	2	Эриванская губ. (548,000 жит.).	
Саткинский зав.	2	Ново-Узранка	1	Эривань	11
Поддубовская	1	Елисаветградъ	20	Караикисская	1
Златоустовскій	3	Новомиргородъ	5	Нижне-Ахтинская	1
Бирскъ	1	Ольгинополь	3	Александрополь	38
Байки	1	Ананьевъ	3	Орлубатъ	1
Монастирскіе дуванен.	2	Марьяновская	1	Игдырь	1
Мензелинскъ	1	Северинновка	1	Джудьфи	1
Аскинская	1	Николаевъ	26		49
	27	Джемурговская	1	Зетляндская губ. (323,000 жит.).	
Ферганская область.		Очаковъ	4	Ревель	10
Кокандъ	1	Знаменка	4	Багтійскій портъ	1
Наманганъ	1	Шестаковка	1	Тансъ	1
Марголамъ	18	Кудочка	1		12
Ошъ	2	Долинская	1	Якутская область. (232,000 жит.).	
Анджиданъ	1	Казанка	1	Якутскъ	8
	18	Новый-Вугъ	3		8
Харьковская губ. (1,698,000 жит.).		Ново-Одесская	1	Ярославская губ. (1,001,000 жит.).	
Харьковъ	63	Ново-Воронцовка	4	Ярославль	14
Ахтирка	3	Дубосары	1	Романово-Борисогл.	2
Лебедия	2		249	Пошехонье	3
Дергачи	1	Черниговская губ. (1,660,000 жит.).		Мишкинъ	1
Сумы	11	Черниговъ	16	Рыбинскъ	5
Вилополье	1	Стародубъ	6	Молога	1
Валки	3	Новомиковъ	3	Петровскъ	1
Коломакъ	2	Елионское	1	Ростовъ	2
Змиевъ	1	Погаръ	1	Даниловъ	1
Волчанскъ	7	Седневская	1	Бараново	1
Богодуховъ	2	Новый-Роискъ	1	Семилратово	1
Граховская	1	Ковелецъ	1	Пищалино	1
Чугуевъ	5	Рыбинская	1		38
Изаумъ	2	Семипольская	2	За границую.	
Купянскъ	5	Новгородъ-Сѣверскій	5	Англія	2
Сеньковская	1	Сосница	1	Бельгія	2
Новокатеринославъ	2	Красный-Рогъ	1	Германія	68
Старобильскъ	2	Почепъ	1	Греція	3
Виловодскъ	1	Мглинъ	3	Египетъ	1
Славянскъ	2	Суражъ	4	Индія	2
Алексѣевка	1	Клици	1	Италія	9
Тростянецъ	1	Березна	1	Китай	3
	119	Глуховъ	5	Руминія	7
Херсонская губ. (1,597,000 жит.).		Тулголовъ	1	Сѣверная Америка	3
Херсонъ	18	Кролевецъ	2	Турція	4
Радѣльная	1	Коронъ	2	Франція	30
Бирзула	2	Воронежъ	1	Черногорія	1
Тирасполь	7	Шостка	1	Швейцарія	8
Одесса	116	Конотопъ	7	Швеція	2
Малки	1	Ватуринъ	1	Южная Америка	1
Покровская	1	Ворзла	3	Японія	2
Песчаный бродъ	1	Плиски	2		
		Нѣжинъ	9		
		Бобровицы	3		
			87		148

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	эвз.		эвз.		эвз.
1. Херсонск.	249	32. Виленская	46	63. Петрововск.	19
2. Кіевская	209	33. Терская об.	46	64. Елисаветпол.	18
3. Бессарабск.	188	34. Рязанская	44	65. Олонецкая	18
4. Екатеринос.	124	35. Костромская	41	66. Съдлецкая	18
5. Харьковск.	119	36. Кубанск. об.	41	67. Ферганская	18
6. Таврическ.	119	37. Псковская	41	68. Архангельск.	17
7. Варшавск.	109	38. Оренбургск.	38	69. Амурск. об.	17
8. Тифлисская	109	39. Минская	37	70. Калининская	17
9. Пермская	108	40. Вятская	35	71. Люблинская	16
10. Полтавская	106	41. Самарская	35	72. Примор. об.	15
11. Саратовск.	91	42. Могилевск	33	73. Семирѣченск.	15
12. Черниговск.	87	43. Московская	33	74. Ломжинская	14
13. Базанская	86	44. Сыръ-Д. об.	33	75. Курляндск.	13
14. Тамбовская	86	45. Ярославская	33	76. Радомская	13
15. Орловская	79	46. Витебская	32	77. Сувалская	12
16. Воронежск.	74	47. Забайк. об.	32	78. Эстляндская	12
17. Курская	73	48. Калужская	32	79. Заравш. обр.	11
18. Подольская	68	49. Дагест. обл.	31	80. Нюландская	10
19. Симбирская	63	50. Кутаисская	31	81. Кѣлецкая	9
20. Нижегород	60	51. Томская	30	82. Плоцкая	9
21. Смоленская	60	52. Гродненская	29	83. Уральск. об.	9
22. Обл. В. Дон.	58	53. Лифляндск.	29	84. Выборгская	8
23. Тульская	58	54. Бакинская	28	85. Семипал. об.	8
24. Пензенская	57	55. Вологодская	27	86. Черном. ок.	5
25. Иркутская	56	56. Уфимская	27	87. Бульдж. р.	4
26. Волынская	54	57. Астраханск.	26	88. Якутск. об.	3
27. Владимирск.	53	58. Ставропол.	26	89. Закасп. окр.	2
28. Новгородск.	50	59. Ковенская	25	90. Закасп. ок.	2
29. Эриванская	49	60. Тобольская	24	91. Тавастгустск.	2
30. С.-Петербур.	48	61. Акмол. об.	19	92. Тургайс. об.	1
31. Тверская	47	62. Енисейская	19		
					4135

II. Въ С.-Петербурѣ 1338

III. Въ Москвѣ 511

IV. За границей 148

Всего: эвз. 6132

А. Хомиховскій

Висандиторъ редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1878 году.

А. Замятка. Новая теорія г-на Евгения Маркова (фев., 836).

А. Л. Развитие русскихъ законовъ о евреяхъ (мар., 353).

Андреевскій, С. А. Октябрьская ночь (янь., 265).—I. Майская ночь. II. Августовская ночь (фев., 630).—Воронъ. Поэма Эдгара Поэ. Съ предисловіемъ автора (мар., 108).—Изъ современныхъ поэтовъ Франціи: I. Шарль Боделеръ. II. Франсуа Коппе. III. Жанъ Ришпенъ (апр., 690).—Аннабель-Ли. Изъ Эдгара Поэ (май, 115).—Изъ современныхъ поэтовъ Франціи: Жанъ-Ришпенъ и Боделеръ (юнь, 611).—Стихотворенія: I. Изъ Эдгара Поэ: Страна сновъ. II. Изъ Дранмора (юль, 159).—Другу. Стих. (авг., 606).—Пѣсни: I—V (дек., 583).

Арсеньевъ, К. К. Давидъ-Фридрихъ Штраусъ (сент., 278; окт., 570).

Барсовъ, Е. В. Критическія замѣтки объ историческомъ значеніи «Слова о полку Игоревѣ» (окт., 767; ноябрь, 846).

Бекетовъ, А. Н. Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ (авг., 566).

В. Всемирный торговый рынокъ въ 1877 году (юль, 341).

В. К. Дѣло г-на Иловайскаго въ Галиціи (янь., 361).

В. М. Изъ Ларры, испанская сатира 30-хъ годовъ (май, 194).

В—тъ, А. Давность славянской идеи въ русскомъ обществѣ, по поводу статей Е. Карновича и В. Ламанскаго (май, 283).

Васильчиковъ, кн. А. Ш. По поводу критикъ и рецензій на книгу «Земле-владѣніе и земледѣліе» (фев., 778).

Веселовскій, Александръ Н. Рабле и его романъ (мар., 128).

Веселовскій, Алексѣй Н. Мольеръ, сатирикъ и человѣкъ (май, 57).

Веренинъ, Ф. Ф. Наши поземельные налоги (май, 318).

Генъ, А. А. Этапный лазаретъ Государини Цесаревны въ турецкую кампанію 1877—1878 года (юль, 297).

Герье, В. М. Иннолтъ Тэнъ, какъ историкъ Франціи (апр., 534; май, 117; сент., 234; дек., 511).

Геленишевъ-Кутузовъ, гр. А. А. Стихотворенія: I. Ужъ не пора-ль домой? II. Ночь (янь., 5).—I. Весной. II. Первый громъ. III. Мнѣ говорятъ: забудь тревоги дня (юнь, 478).—Я тихо брелъ проѣзжаю дорогой. II. О, еслибъ върылъ я (нояб., 101).

Д. Русская грамматика въ Англіи (іюль, 398). — Начатки литературной солидарности (авг., 826).

Д—евъ. Послѣднія десять лѣтъ жизни П. Ж. Прудона (іюнь, 522; іюль, 163; авг., 484; сент., 28).

Даншевскій, Г. П. Потемкинъ на Дунаѣ, истор. повѣсть (февраль, 501).

Зала, Эм. Парижскія письма: XXXII. Новые успѣхи драмы во Франціи (январь, 404). — XXXIII. Наши современные поэты (фев., 873). — XXXIV. Новѣйшій романъ Альфонса Додэ «Набобъ» (мар., 408). — XXXV. Современная французская молодежь (апр., 865). — XXXVI. Французская революція въ книгѣ Тэна (май, 389). — XXXVII. Открытіе всемирной выставки (іюнь, 811). — XXXVIII. Французская школа живописи на выставкѣ 1878 года (іюль, 871). — XXXIX. Парижскія окрестности (авг., 799). — XL. Характеристики современнаго французскаго романа (сент., 438). — XLI. Современная быль (окт., 864). — XLII. Современные типы женщинъ во Франціи (нояб., 439). — XLIII. Закрытіе всемирной выставки въ Парижѣ (дек. 865).

К. В. Леопарди въ новомъ переводѣ (дек. 896).

К., М. Н. По поводу Пупкинскихъ писемъ въ «Вѣст. Европы» (мар., 435).

Кавелинъ, К. Д. О задачахъ искусства (окт., 465).

Ковалевскій М. М. Бритическая записка. Материалы для изученія Болгаріи (мар., 436).

Корнъ, В. Ф. Ремесленные союзы въ Англіи (авг., 635). — Политическое значеніе Константинополя (сент., 423). —

Костомаровъ, Н. Н. Богданъ Хмельницкій, даянникъ Оттоманской порты (дек. 806).

Краснопольскій, А. М. Господа депутаты. Очерки и рассказы съ натуры (авг., 521). — Деревенскіе дѣльцы. Разсказъ (сент., 125).

Л., А. Лябушка, святочный разсказъ (мар., 201). — Старинныя дѣла. Разказы

и воспоминанія: I. Птичница. (іюнь, 476). II. Березай (іюль, 48).

Лисовскій, Н. Письмо въ редакцію, по поводу училищныхъ совѣтовъ (май, 418).

Лукьяновъ, Л. Надо жить. Разсказъ (дек., 724).

Мочинковъ, Н. Н. Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ (іюль, 9; авг., 437).

Миллеръ, Ф. Ф. Лордъ Байронъ и его судьба (февр., 457; апр., 852).

Мишкскій, Н. М. Стихотворенія: Думи и грезы. III. Наше горе. IV. Затѣмъ? V. Пѣсня молота (фев., 672). — VI. Въ сумерки, (апр., 821). — I. Увядшіе листья. II. Памяти N. III. Засуха (іюль, 5). — I. Предъ зарею. II. Среди могилъ. III. Моя вѣра (нояб., 5).

Мирнопольскій, С. Н. Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ. — Историко-біограф. очеркъ (нояб., 8; дек., 587).

Н. А. Новость по народно-учебной литературѣ: «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы, комитета грамотности» (іюнь, 838).

Наблюдатель. Парижъ и всемирная выставка (іюль, 400).

Надхинъ, Г. П. Баленикъ (нояб, 104).

Ф., Д. Надъ свѣжей могилкой. Стих. (іюнь, 729).

Н., А. Взаимныя отношенія въ славянствѣ. По поводу болгарскихъ дѣлъ (іюнь, 757). — Неврологъ: Мавъ-Гаханъ (іюль, 424).

Н., Л. Некрологъ. Ю. А. Россель (мар., 441). — Дѣтская больница св. Владимира въ Москвѣ (сент., 461).

Не-вичъ, В. Послѣдніе дни обвинителя. Романъ трехъ дней (апр., 570; май, 240).

Н—инъ, А. Элегія (май, 317).

Н—евъ, М. Письменные донесенія В. И. Григоровича изъ Константинополя и его книга: «Путешествіе по европейской Турціи» (фев., 896).

Полонскій, Л. А. Литературный конгрессъ въ Парижѣ (авг. 674; сент., 364).

Полонскій, Я. М. Стихотворенія: I.

Въ гаремѣ брань и плачь. 2. Что мнѣ она! (нояб., 60).

Петъхинъ, А. А. Выгодное предпріятіе. Комедія (январь, 47).—Молодые побѣды, повѣсть (окт., 658; нояб., 187; дек., 637).

Пушкинъ, А. С. Новые письма къ невѣстѣ и къ женѣ. 1830—36 гг. (январь, 7; март., 5).

Пыпинъ, А. Н. Болгарія и болгары передъ войною (март., 281; апр., 699).—Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ (сент., 312; окт., 726; нояб., 313; дек., 771).

Писецкій, П. Я. Два мѣсяца въ Габровѣ. — Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг. (сент., 83; окт., 516).

Р. М. Современная Рига, ея общественная жизнь и порядки (март., 321).

Ренъаръ, А. Наука и литература въ современной Англіи. Письмо седьмое (март., 230). — Письмо восьмое (июль, 260).

Рессель, Юр. Среднеазиатская культура и наша политика на востоцѣ (июнь, 578; июль, 117).

С. М. Два дѣла александровской эпохи (январь, 435).—Некрологъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ (фев., 906).—Н. В. Ханжковъ (дек. 911).

Семевскій, В. И. Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ (май, 5; июнь, 421).—Посессионные крестьяне въ XVIII вѣкѣ (окт., 610; нояб., 141).

Сергѣевичъ, В. И. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссій (январь, 188).

Слонимскій, Л. Забытые экономисты: Тюненъ и Курно (сент., 5).

Смирновъ, В. И. Официальная Турція въ ядацахъ (январь, 275; фев., 600).

Ставковичъ, А. В. Каренина и Левинъ. Литературно-критическіе очерки (апр., 784; май, 172).

Суриковъ, Н. З. Стихи: Догорѣла румяная зорька вдали (дек., 723).

Сѣченовъ, Н. М. Элементы мысли (март., 39; апр., 457).

Текстъ берлинскаго трактата (авг., 751).

Триреговъ, В. Г. Податная десятина (нояб., 62).

Тургеневъ, И. С. Предисловіе къ «новымъ письмамъ» А. С. Пушкина (январь, 7).

Утинъ, Евг. И. Болгарія во время войны. Забѣтки и воспоминанія (фев., 676; апр., 737; июнь, 672).—Въ Болгаріи (нояб., 260).

Ф. И. Патронать въ Россіи и за-границею (фев., 640).

Холодковскій, Н. А. Двѣ сцены изъ «Фауста» Гёте. I. Погребъ Ауэрбаха. II. Вальпургіева ночь (март., 266). — Отрывки изъ «Фауста» Ленау. I. Первый танецъ. II. Фаустъ у гроба матери. III. Смерть Фауста (окт., 506).

Цертелевъ, кн. Д. И. Стихотворенія: I. Свольнитъ нашъ челнъ. II Ты, солнце. III. Пока довольные судьбою. IV. Утро. (апр., 733).

Черняевъ, Л. Подоходный налогъ съ финансовой точки зрѣнія (авг., 612; сент., 178).

Шильгагенъ, Фр. Старая пословица: The skeleton in the house. Повѣсть (январь, 312; фев., 731).

Э., А. Новый свидѣтель декабрьскаго переворота. Два тома «Исторія преступленія» В. Гюго (июнь, 618; июль, 210).—Изъ воспоминаній писателя (авг., 647).

З. Забѣтка. Новый Апостатъ. Последнее слово Дюбуа-Реймона о классицизмѣ (апр., 894).

З. З. Некрасовъ, какъ поэтъ (дек., 473).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе. Январь: Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го.—Пріѣздъ государя императора въ Петербургъ.—Взглядъ на историческую почву развитія.—Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи.—Дѣла мира и дѣла войны.—Сравненіе съ войною 1828—1829 годовъ.—Причины неуспѣха крымской кампаніи.—Успѣхи и недостатки, обнаружившіеся нынѣ.—Внутренніе вопросы и задачи.—Дальнѣйшая работа.—Амнистія печати (379 стр.).—Февраль: Бюджетъ 1878 г.—Отчетъ контроля за 1876 годъ.—Уменьшеніе доходовъ.—Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—Временныя факты, вызванныя войною.—Ея финансовое наслѣдство.—Вопросъ о производительности страны (814 стр.).—Мартъ: Послѣ войны.—Опытъ гражданскаго управленія въ Болгаріи.—Слабость нашихъ предварительныхъ свѣдѣній и невѣрность расчетовъ.—Техническіе недостатки въ военномъ дѣлѣ.—Роль земства и печати въ эпоху войны.—Полемика одесскихъ газетъ съ тифлисскимъ „Обзоромъ“.—Врачебная помощь со стороны женщинъ.—Финансовый вопросъ и преобразование податей.—Наша акцизная система.—Современное состояніе почтоваго дѣла въ Россіи (382 стр.).—Апрѣль: Дѣло народнаго образованія.—Крестьянскіе платежи въ петербургской губерніи.—Число народныхъ школъ въ Россіи.—Государственный починъ въ начальномъ образованіи.—Содѣйствіе земства и обществъ.—Устраненіе препятствій.—Двухклассныя училища.—Учительскія семинаріи.—Постановленія черниговскаго и рязанскаго земствъ.—Слова князя Волконскаго (825 стр.).—Май: Судебный процессъ 31-го марта, и приговоръ присяжныхъ.—Относительныя свойства суда присяжныхъ вообще.—Параллельные случаи оправдательныхъ приговоровъ у насъ и за-границею.—Разсужденія въ палатѣ лордовъ по поводу убійства.—Двѣ си-

стемы.—Единообразіе и единство.—Жалобы изъ Грузіи, и отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1876 годъ (343 стр.).—Іюнь: Поступленіе таможенныхъ и акцизныхъ доходовъ въ 1877 году.—Валіанне золотой пошлинн.—Исканіе новыхъ ресурсовъ.—Письмо винокуреннаго заводчика.—Кредитное обращеніе.—Пересмотръ выкупныхъ платежей.—Законъ объ арендѣ общинныхъ земель.—Мысли по поводу полемики о государственныхъ заменахъ (731 стр.).—Іюль: Новый сводъ уголовной статистики за 1876 г.—Медленное развитіе нашей судебной терригоріи.—Устойчивость формъ новаго свода и составныя его части.—Значеніе судебной статистики для министерства юстиціи.—Общая картина судебного дѣлопроизводства и ея частности.—Сумма преступности въ 1876 г., и ея распределеніе по родамъ преступленій.—Цифра религиозныхъ преступленій.—Кража и ея топографія.—Процентъ оправданій и осужденій.—Значеніе уголовной статистики для законодателя.—Матеріалы для будущей уголовной статистики: атракціонское побонше и т. п. (321 стр.).—Августъ: Первые заботы послѣ мира.—Новыя назначенія.—Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ.—Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще.—Замѣтка о подошномъ налогѣ.—Нынѣшнее положеніе крестьянскаго хозяйства.—Преобразование земледѣльческихъ училищъ.—Сибирскій университетъ.—Усленіе уѣздной коллегіи.—Крестьянское самоуправленіе (717 стр.).—Сентябрь: Убіеніе ген. Мезенцова.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ.—Отзывы попечителей.—Новый заемъ.—Кредитное обращеніе.—Разрядный налогъ и уравнительность.—Преобразование податей.—Удержаніе золотой пошлинн (392 стр.).—Октябрь: Старый вопросъ объ общественной самодѣятельности.—Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ.—Школы въ хотинскомъ

уладѣ. — Инспекція по описанію испанскаго. — Измѣненіе сроковъ взноса крестьянами окладныхъ сборовъ. — Злоупотребленія землевладѣльцевъ у земельныя банки. — Пріемъ войскъ въ Варшавѣ (818 стр.). — Ноябрь: Наши количественныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проектъ г. Бунге и Клауфмана, и мнѣніе г. А. Кошелева. — Новые налоги. — Слухи о табачной монополіи. — Акцизы съ табака. — Казенная монополія во Франціи и Австріи (886 стр.). — Декабрь: Древность вопроса о „поврежденіи правовъ“. — Что такое истинный нигилизмъ? — Оужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки ей со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источякъ его успѣховъ. — Теорія „анархій“ и „социшекъ“. — Неудачныя ссылки на исторію. — Замѣтка по поводу преобразованія учебныяхъ заведеній въ Финляндіи (818 стр.).

II. Корреспонденція. I. Берлинъ: Планы Бисмарковскихъ реформъ (фев., 839). — Конецъ либеральной эры въ Пруссіи (апр., 846). — Роковое время (іюнь, 789). — Отъ покушенія и до выборовъ (авг., 787). — Политическія и неполитическія воспоминанія изъ канцелярской поѣздки (окт., 848). — Подъ новымъ закономъ (дек., 845). — II. Лондонъ: Разногласіе въ сенъ-джемскомъ кабинетѣ. (фев., 857). — Военныя приготовленія и военныя силы Англіи (май 372). — „*Сoup de maître*“ лорда Виконсфилда (августъ, 786). — Исторія съ Афганистаномъ (ноябрь, 423).

III. Обзоръ военныхъ дѣйствій. — Декабрь (январь, 448). — Январь (фев., 915). — Мѣсяцъ перемирія (мартъ, 448). —

IV. Иностранная политика. Май: Миръ или война? (362 стр.). — Іюнь: Заврѣтіе германскаго сейма (778 стр.). — Августъ: Берлинскій трактатъ (740 стр.). — Сентябрь: Положеніе дѣлъ въ Германіи (414 стр.). — Октябрь: Австрійцы въ Босніи и Герцеговинѣ (836 стр.). — Ноябрь: Пренія чрезвычайной сессіи

Томъ VI. — Декабрь, 1878.

германскаго сейма (412 стр.). — Англія и Афганистанъ (дек. 920).

V. Библиографическій Листокъ.

Январь: Императоръ Александръ I. С. Соловьева. — Нѣмецкіе поэты, п. р. Н. Гербала. — Очерки общей теоріи гражданскаго права. С. Муромцева. — Городское самоуправленіе въ Россіи. И. Дятлина. — Исторія Востока, Греціи и Рима. Бар. Н. Корфа. — Февраль: Въ средѣ умѣренности и аккуратности. М. Е. Салтыкова (Щедрина). — Анна Каренина. Гр. Л. Н. Толстого. — Очерки Персіи. П. Огородникова. — Миръ реальный и миръ идеальный. И. Я. Вильковъ. — Жизнь европейскіхъ народовъ. Е. Н. Водовозовой, т. II. — Мартъ: Сочиненіе Ю. Ф. Самарина, т. I. — Сборникъ государственныхъ знаій т. V. — Историческіе и критическіе опыты Т. Карлейля. — Русскій промысловый налогъ, А. Субботина. — На память о Н. А. Некрасовѣ. — Апрель: Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, новое изданіе. — Статистика производителей силъ Россіи. Составилъ Л. М. Карацунскій. — Основныя начала горнаго искусства. Пер. Домгера и Г. Лебедева. — Книга для первоначальнаго чтенія, II т., В. Водовозова. — Война въ Малой Азіи въ 1877 году. Г. К. Градовскаго. — Публичныя лекціи. Ор. Миллера 2-ое изданіе. — Май: Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ спеціальною комиссіею Комитета грамотности. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. томъ XXII. — Сборникъ государственныхъ знаій, п. р. В. П. Безобразова. т. IV. — Семь сказокъ для дѣтей. Варвары Софроничъ. — Литературная, музыкальная и художественная собственность, т. I. И. Г. Табашникова. — Іюнь: М. Е. Салтыковъ. Русская бібліотека, т. VIII. — Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе. — Разборъ книги князя А. Васильчикова: „Землеводствѣ и земледѣліе“. В. Герье и Б. Чичерина. — Исторія педагогика Карла Шмидта, пер. Эд. Циммермана. — Римская религія отъ Августа до Антонинновъ, Гастона Буассе, перев.

Марин Корсакъ. — О хѣсоохраненіи по русскому праву. Исслѣдованіе Сергѣя Ведрова. — Іюль: Разыскатели истины. Ии. Панаева. — Сравнительная статистика Россіи и зап.-европейскихъ государствъ. Ю. Яисова. — Затяпше и буря. Гр. А. Голенищова-Кутузова. — Хожденіе игумена Давида въ св. землю. Исслѣд. М. Венеитинова. — О городскихъ налогахъ въ Москвѣ. М. Щепкина. — Августъ: Катакомби. Евгеніи Туръ. — Письма о научной философіи. Лесевича. — Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. А. Голубева. — Собрание сочиненій Гете, въ переводахъ русскихъ писателей. Н. В. Гербеда. — Сказки и рассказы. Н. Щедрина (М. Салтыкова). — Сентябрь: Исслѣдованіе по римской исторіи, преимущественно въ области третьей декады Ливія. Владимира Пирогова. — Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ. — Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. — Октябрь: Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое соотояніе Россіи, въ пяти томахъ, съ атласомъ, И. С. Блюха. — Ученіе о цвѣтахъ по отношенію къ искусству и технику. Соч. В. фонъ-Бенцольда, переводъ С. Ламанскаго. — Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи, въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина. — Турція, ея могущество и распаденіе. А. Чемеряна. — Русская бібліотека, томъ пятый: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. Второе изданіе. — Ноябрь: Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. XXIII. — Жизнь и труды Строева. Н. Барсукова. — Желѣзно-дорожное хозяйство, т. II. А. Чупрова. — Курсъ русскаго уголовного права, вып. II. Н.

С. Таганцева. — Очерки Цейлона и Индіи. И. П. Минаева. — Сборникъ законовъ объ охотѣ. — Декабрь: Потерянный и возвращенный рай, Дж. Мильтона, изд. Маркса. — Земля и люди, Эл. Рекле, т. II. — Сонъ и бодрствованіе, И. Оршанскаго. — Сип на-аву, Л. Пальмина. — Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востоѣ Россіи, адм. Невельскаго. — Юридическій календарь на 1879 г., М. Острогорскаго.

VI. Извѣстія. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ (январь, 456). — О русской выставкѣ въ Пльзени (мартъ, 455). — I. Извлеченіе изъ отчета главнаго управленія общества по печенію о больныхъ и раненыхъ воинахъ за 1877 годъ. — II. Международный литературный сѣздъ во время парижской выставки 1878 года (апр., 308). — Отъ департамента земледѣлія и сельской промышленности (июль, 841). — Отчетъ общества для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, за 1877 г. (июль, 427). — Объявленіе Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. — Общество для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (августъ, 833). — Отъ комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества по изслѣдованію формъ и порядковъ крестьянскаго землеадвѣнія: Опытъ программы по изслѣдованію посемельной общины (октябрь, 896). — Извлеченіе изъ полугодоваго отчета кишиневскаго общества пособія нуждающимся въ образованіи (ноябрь, 470). — Приглашеніе къ пожертвованіямъ на учрежденіе пріюта для взрослыхъ слѣпыхъ въ Сиб. въ память д-ра Блессига. Китайская художественная этнографическая выставка (дек. 929).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

НОВАБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1878.

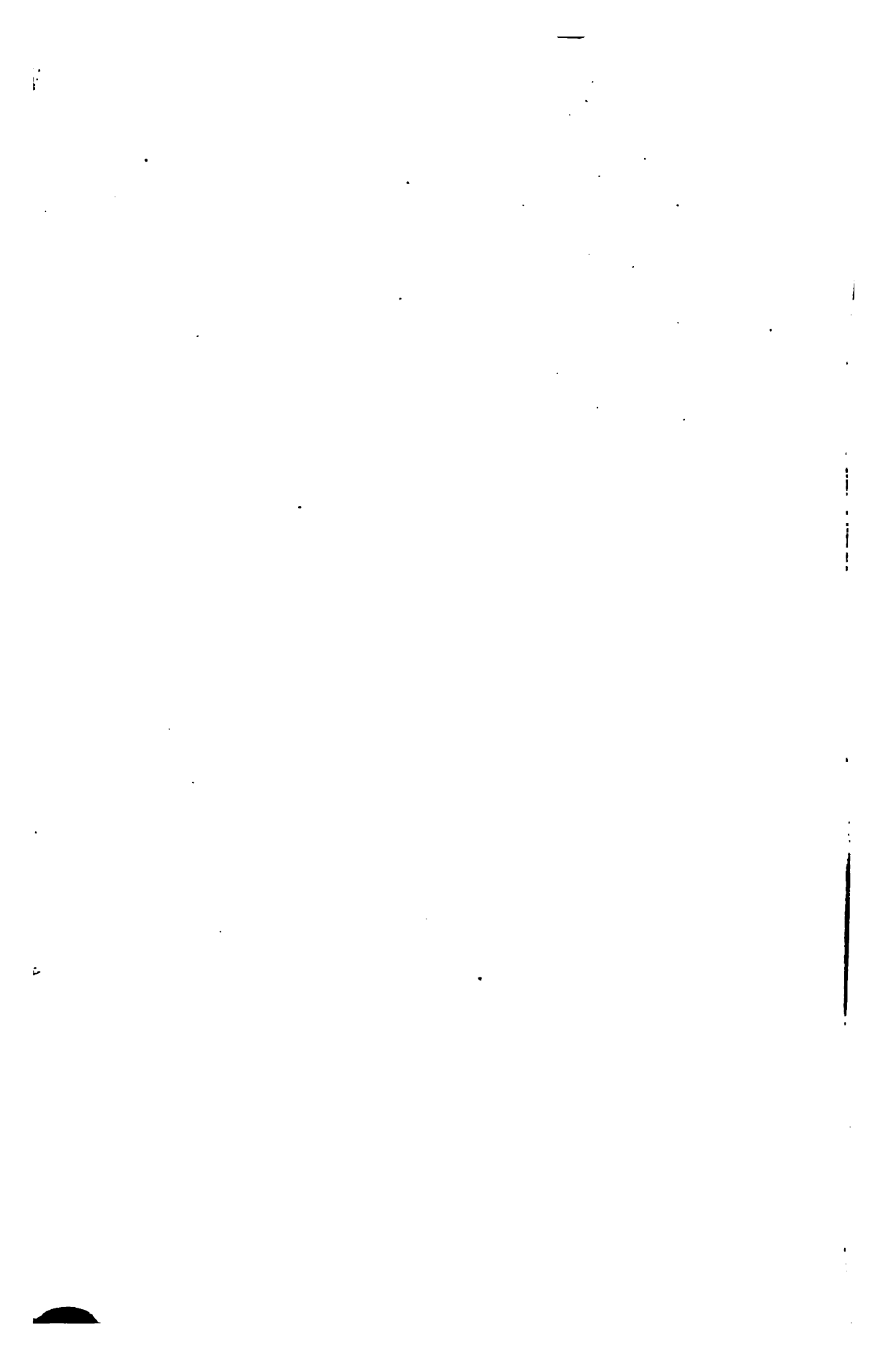
Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

	стр.
Стихотворенія. — 1. Предъ зарек. — 2. Среди могилъ. — 3. Моя вѣра. — Н. М. МИНСКАГО.	5
Фотій Спасокій, вѣвской архимандритъ. — Историко-биографическій очеркъ. — I—VIII. — С. И. МИРОПОЛЬСКАГО.	8
Стихотворенія. — 1. Въ гаремѣ брань и плачь. — 2. Что мнѣ она! — Я. П. ПОЛОНСКАГО.	60
Податная десятина. — Экономическіе опыты. — В. Г. ТРИРОГОВА.	62
Стихотворенія. — 1. Я тихо брелъ проѣзжею дорогою. — 2. О, еслибъ вѣрилъ я. — Гр. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА.	101
Каленникъ. — Историческая повѣсть изъ послѣднихъ временъ Запорожья. — Г. П. НАДХИНА.	104
Посевословіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ. — Очеркъ изъ исторіи обязательнаго фабричнаго труда. — III-V. — Окончаніе. — В. И. СЕМЕВСКАГО.	141
Молодые новачки. — Повѣсть. — Часть вторая. — А. А. ПОТЪХИНА.	187
Въ Болгаріи. — Изъ замѣтокъ и воспоминаній. — I. — Е. И. УТИНА.	260
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. — VI-VII. — А. Н. ПЫПИНА.	318
Хроника. — Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о полку Игоревѣ“. — Окончаніе. — Е. В. БАРСОВА.	346
Внутреннее Овозрѣніе. — Наши наличныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проектъ гг. Бунге и Клауфмана, и мнѣніе г. А. Комелева. — Новыя налоги. — Слухи о табачной монополіи. — Акцизы съ табака. — Казенная монополія во Франціи и Австріи.	386
Иностранная политика. — Пренія чрезвычайной сессіи германскаго сейма.	412
Корреспонденція изъ Лондона. — Исторія съ Афганистаномъ. — В.	428
Парижскія Цѣльма. — XLII. — Современныя типы женщинъ во Франціи. — ЭМ. ЗОЛА.	439
Извѣстія. — Извлеченіе изъ полугодоваго отчета Кишиневскаго общества пособія нуждающимся въ образованіи.	470
Библиографическій Листокъ. — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. — Жизнь и труды Строева, Н. Барсукова. — Желѣзно-дорожное хозяйство, т. П. А. Чупрова. — Курсъ русскаго уголовного права, вып. П. Н. С. Таганцева. — Очерки Цейлона и Индіи, И. П. Минаева. — Сборникъ законовъ объ охотѣ.	

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

	стр.
Н. А. Некрасовъ, какъ поэтъ.—З. А.	478
Ипполитъ Тэнъ, историкъ Франціи.—XIII-XVII.—Окончаніе.—В. И. ГЕРЬЕ	511
Пѣсни.—I-V.—С. А. АНДРЕЕВСКАГО.	588
Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ.—Историко-біографическій очеркъ.—IX-XV.—Окончаніе.—С. И. МИРОШУЛЬСКАГО.	587
Молодые повѣи.—Повѣсть.—Часть третья.—А. А. ПОТЪХИНА	637
Стихотворенія.—Догорѣла румяная зорька вдали.—И. З. СУРИКОВА.	728
Надо жить.—Рассказъ.—Л. ЛУКЪЯНОВА.	724
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ.—VIII.—Западно-европейскіе и славянскіе протесты противъ панславизма. — IX. Общія замѣчанія. — Окончаніе. — А. Н. ПЫШИНА.	771
Богданъ Хмельницкій, данникъ османской порты.—Н. И. КОСТОМАРОВА.	806
Хроника.—Внутреннее Озоровіе.—Древность вопроса о „поврежденіи нравовъ“. — Что такое истинный нигилизмъ? — Осужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источникъ его успѣховъ.—Теорія „анархій“ и „вспышекъ“. — Неудачныя ссылки на исторію.—Замѣтка по поводу преобразованія учебныхъ заведеній въ Финляндіи.	818
Корреспонденція изъ Берлина. Подъ новымъ закономъ.—К.	845
Парижскія Письма.—XLIII.—Закрытіе всемірной выставки въ Парижѣ.—ЭМ. ЗОЛА	865
Литературная замѣтка.—Леонарди въ новомъ переводѣ.—В. К.	896
Некрологъ.—Н. В. Ханниковъ.—М. С.	911
Иностранная политика.—Англія и Афганистанъ.	920
Извѣстія.—I. Приглашеніе къ пожертвованіямъ на утѣжденіе пріята для взрослыхъ слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ, въ память д-ра Бюссина. — II. Китайская художественная этнографическая выставка	929
Материалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1878 году.	932
Алфавитный указатель авторовъ и статей „Вѣстника Европы“ за 1878 годъ.	941
Библиографическій Листокъ.—Потерянный и возвращенный рай, Дж. Милтона, изд. А. Ф. Маркса.—Земля и люди, Эл. Реэлью, т. II: Франція.—Сонъ и бодрствованіе, И. Г. Орманскаго.—Сны на-лву, Л. Пальмина.—Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востоцѣ Россіи, адм. Невельскаго.—Юридическій календарь на 1879 г., М. Острогороваго.	

... CO., INC.
DEC 21 1983
... STREET
... MASS.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED
JAN 17 1985
JAN 27 1985

WIDENER
BOOK CLUB
JUL 1985
CANCELLED
433
JAN 20 1985

2044 099 710 261

